

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet DR4.52775.085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

**ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.**

Книга первая.

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1-го января 1848 года.

Цензоры } *А. Фрейманъ.*
 } *А. Очкинъ.*

Редакторъ *К. Масальскій.*
Издатель *К. Жерняковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Заслуги и подвиги его свѣтлости, князя Александра Даниловича Меншикова, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримѣчательнаго, что, по Всемилостивѣйшему повелѣнію Е. И. В. ПЕТРА ВЕЛИКАГО, и Всепресвѣтлѣйшей Императрицы ЕКАТЕРИНЫ, было совершено, подъ управленіемъ и начальствомъ его свѣтлости, при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во всемъ Россійскомъ государствѣ. *Переводъ съ подлинной нѣмецкой рукописк.* 1—32

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе современныхъ замѣчательныхъ событій за границей. (Англія.—Ирландія.—Франція.—Швеція.—Пруссія.—Германія.—Швейцарія.—Италія.—Испанія.—Аджиръ.) Внутреннія извѣстія. Высочайшій манифестъ.—Обозрѣніе современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ, съ 15 ноября, по 15 декабря 1847 года. 1—52

III. РУССКАЯ СЛОВЕСТНОСТЬ.

Вернисъ дума завѣтная. Соч. Казака В. Луанскаю. 1
Очарованная слеза. Соч. Барона Розена. 2
День, ночь, утро и полдень. Соч. Н. Максимова. 3—3
Воспоминанія. Соч. Менцова. 5—6
Страсти по Германіи. Соч. Барона Розена. 7—29
Лейтенантъ и поручикъ 1710 года. Быль временъ Петра Великаго. Соч. К. Масальскаю. 30—46

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Черный нищий. Романъ *Поля Фезалл*. 1—90
Наслѣдство. Романъ *Жюль Сандо* 91—210

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Исторія паровыхъ машинъ. Статья *первая*. Съ поли-
тичскими рисунками.

VI. КРИТИКА И БИВМЮГРАФИЯ.

Римскія письма.—Прибавленіе къ римскимъ письмамъ.—
Творенія Тертуліана, христіанскаго писателя въ концѣ
второго и въ началѣ третьяго вѣка.—Книга для чте-
нія воспитанниковъ сельскихъ училищъ.—Шутка, ис-
торія въ родѣ комедіи. Соч. *Менкисова*.—Землезна-
ческая ханія. Соч. *Барона Бобо*.—Нравственный думи
мы и чувства при взглядѣ на природу и жизнь.—Вуно-
водство: къ изученію новейшихъ большихъ танцевъ.
—Образцовый писемовникъ. 1—36

VII. СМЫСЪ.

Біанка Капелло. Повѣсть *Александра Дюма*.—Писма пу-
тешественника къ друзьямъ. Соч. *П. Фурманна*.—Ис-
торическо-физиологическія изслѣдованія о чревоуща-
тельности.—О началѣ и происхожденіи Цыганъ.—Фрес-
ки въ локанѣ и комнатахъ Раббеля.—Моды парижскія
и петербургскія. 1—71

Къ этой книгѣ *Сынъ Отечества* слѣдуютъ особыя при-
ложенія: 1) Портретъ Петра Великаго, гравирован-
ный въ Лондонѣ; 2) Парижская картинка модъ; 3) *Донъ-
Кихотъ Ламанчскій*, романъ Сервантеса, переведен-
ный съ испанскаго *К. Масальскимъ*, (съ парижскими
картинками).

Русская Исторія.

Заслуги и подвиги ЕГО ВЫСОКОКНЯЖЕСКОЙ СВѢТЛОСТИ, КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА МЕНШИКОВА, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримѣчательнаго, что, по ВСЕМЛОСТВѢННЕМУ повелѣнію ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, и ВСВЯТЫЙШЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ, ЕКАТЕРИНЫ, было совершено, подъ управленіемъ и начальствомъ ЕГО СВѢТЛОСТИ, при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во всемъ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

*Переводъ съ нѣмецкой рукописи *.*

ОБОЗРѢНІЕ СОЧИНЕНІЯ.

ЧАСТЬ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ.

Непостоянство и непрерывная измѣчивость въ мірѣ. — Паденіе и возвышеніе государствъ, народовъ и городовъ. Примѣры. — Паденіе и возвышеніе фамилій. Примѣры. — Судь-

* Нѣмецкая рукопись подъ заглавіемъ: Dignitäten und Thaten Sr. Höchst-Fürstl. Durchl. F. Al. Dan. Menschicow, worinnen dasjenige, was auf allergnädigsten hohen Befehl Sr. Kaiserl. Mt. Petri Magni und allerdurchlauchtigsten Kaiserin Catharinae, unter Sr. Durchl. Ministerio und Commando bey Hofe und dem Armeen, so wohl als auch sonst im Russ. Reiche, merkwürdiges verrichtet.

ба, предки и гербъ древней дворянской фамилиі Меншиковыхъ: въ Краковскомъ Воеводствѣ; въ Литвѣ; въ Россіи, гдѣ былъ въ 1481 г. князь Андрей Меншиковъ и умеръ, не оставивъ по себѣ наследниковъ. — Даниилъ Меншиковъ, польскій дворянинъ, отецъ его свѣтлости, приведенъ въ 1656 году военно-плѣннымъ изъ Литвы въ Россію. — Служилъ въ войскѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, до 1676; при царѣ Теодорѣ Алексѣевичѣ до 1682; при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ до 1695. — Дѣти его: Александръ Даниловичъ — Фениксъ своей фамилиі. — Похвалы и свойства, приписываемыя ему: императорами, королями и князьями; посланниками и безпристрастными иностранцами; въ печатныхъ книгахъ, у разныхъ народовъ и на разныхъ языкахъ.

ЧАСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

Начало успѣховъ его свѣтлости. — Онъ принимается въ число солдатъ Потѣшной роты, учрежденной Его Величествомъ въ юности. — Вступаетъ ко двору.

worden, aus bewährten Documenten beschrieben, сочинена современникомъ Петра Великаго и окончена при Екатеринѣ 1, въ 1726 году. По преданію, это сочиненіе приписывается министру Петра Великаго, барону (впоследствии графу) Остерману. Преданіе вѣроятное, потому что сочинитель, очевидно, былъ посвященъ въ государственныя тайны описываемаго имъ времени. Изображая жизнь и подвиги одного изъ главныхъ дѣйствователей эпохи Петра Великаго, авторъ развиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ половину исторію царствованія безсмертнаго преобразователя Россіи, и сообщаетъ объ этой славнои эпохѣ много новаго и до сихъ поръ неизвѣстнаго. Касаясь разныхъ государственныхъ событій, авторъ иногда дѣлалъ на поляхъ рукописи отмітки: «Спросить позволенія у князя Меншикова или у такого-то.» Въ эти отмітки зачеркнуты, и противъ нихъ, рукою сочинителя исправленъ текстъ, очевидно, по свидѣніямъ, сообщеннымъ министрами Петра Великаго и другими его приближенными, государственными людьми. Все сочиненіе разделено авторомъ на двѣ неравныя части: *Генеалогическую* и *Историческую*, которыя предшествуютъ *Обзорнымъ сочиненіямъ*. Въ этомъ обзорѣ авторъ указываетъ только тѣ событія, которыя касались князя Меншикова, или въ которыхъ онъ принималъ личное участіе; между тѣмъ въ самомъ сочиненіи, — какъ мы замѣтили выше, — представлена полная царствва эпохи Петра Великаго. Изъ вопросовъ и замѣтокъ, слѣдующихъ за

1693 и 1694 г. Отправляется съ Его Величествомъ въ Архангельскъ. — Служить солдатомъ и денщикомъ въ примѣрныхъ сраженіяхъ подъ Москвою.

1696 г. Участвуетъ при осадѣ и взятіи Азова.

1697 г. Открываетъ заговоръ. — Путешествуетъ съ Его Величествомъ въ Германію и Голландію.

1698 г. Въ Англію, Вѣну. Черезъ Польшу въ Москву.

1699 г. Отправляется съ Его Величествомъ въ Воронежъ, въ Керчь. — По смерти генераловъ: Лесорта, Шенна и Гордона, получаетъ отъ Его Величества полномочіе управлять, по благоумоурѣнію, гражданскою и военною частію во всей Имперіи. Распоряженія его свѣлости въ Москвѣ, при введеніи новыхъ учрежденій и улучшеній военной части.

1700 г. Въ совѣщаніяхъ и спорахъ по случаю вопроса: начинать ли войну съ Швеціею, держится положительнаго мнѣнія. — Побудительныя причины къ этой войнѣ. — Дѣйствія князя при началѣ шведской войны и послѣ нарвской битвы. — Донесеніе о нарвской битвѣ.

1701 г. Князь отправляется съ Его Величествомъ чрезъ Дюнамондъ въ Бирзень, къ королю польскому. — Распоряженія и происшествія въ Польшѣ. — Приготовленіе къ продолженію войны противъ Шведовъ.

1702 г. Князь отправляется съ Его Величествомъ въ Архангельскъ. — Участвуетъ въ завоеваніи Нетебурга. — Капитуляція. — Принимаетъ въ Москвѣ Ея Величество, Императрицу, тогда литовскую плѣнницу изъ Маріенбурга.

1703 г. По взятіи Ніеншанца, Ямбурга и Копорья, способствуетъ построенію С. Петербурга и Кроншлота. — Беретъ два шведскіе корабли. — Получаетъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго. — Назначается генералъ-губернаторомъ Ингерманландіи. — Получаетъ желѣзные заводы въ Олонцѣ. — Заботится о воспитаніи царевича, въ качествѣ его гофмейстера.

обозрѣніемъ, читатели увидятъ, съ какою заботливостію и какимъ вниманіемъ авторъ собиралъ матеріалы для своей рукописи. Важность ея въ историческомъ отношеніи, какъ надѣемся, оценятъ всѣ просвѣщенные читатели, безъ надобности съ нашей стороны дальнейшихъ поясненій. *Годомъ С. О.*

1704 г. Военная хитрость при Нарвѣ. — Князь содѣйствуетъ взятію Дерпта, Нарвы и Иванъ-Города.

1705 г. Командуетъ царскою арміею въ Литвѣ. — Вытѣсняетъ Шведовъ изъ Курляндіи и Самогитіи. — Опровергаетъ ложное донесеніе о дѣлахъ Уніатовъ въ Полоцкѣ. — Въ Гродно получаетъ отъ короля польскаго орденъ Бѣлаго Орла. — Отправляется къ Его Величеству въ Кіевъ, куда слѣдуетъ и армія изъ Гродно.

1706 г. Вступаетъ въ супружество въ Кіевѣ съ фрейлиною Даріею Михайловною Арсеньевой. — Родъ ея и достоинства. — Императоромъ Іосифомъ, его свѣтлость возводится въ княжеское римской имперіи достоинство. — Отъ Его Царскаго Величества получаетъ титулъ князя російской имперіи и герцога нѣгерманландскаго. — Извлеченіе изъ его дипломовъ. — Соединяется съ королемъ польскимъ. — Поражаетъ Шведовъ при Калишѣ, за что восхваляется королемъ польскимъ въ письмѣ къ Его Царскому Величеству. — Спасается отъ хитрыхъ козней Смигельскаго. — По смерти перваго министра, графа Головина, графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ назначается вице-канцлеромъ и получаетъ въ управленіе посольскій приказъ.

1707 г. По повелѣнію Его Величества, князь составляетъ по образцу польскаго двора придворный штатъ. — Назначаетъ всѣхъ придворныхъ чиновниковъ. — Получаетъ право гражданства въ Польшѣ. — Доставляетъ Его Величеству знатныхъ и сильныхъ приверженцевъ. — Содействуетъ къ освобожденію полка Ренцеля, который долженъ былъ отправиться къ Шведамъ. — Дѣйствія его въ Польшѣ: при совѣщаніяхъ о предстоящемъ избраніи короля; въ сношеніяхъ съ польскими, венгерскими и другими министрами; распоряженіе касательно генераловъ и офицеровъ, принятыхъ въ службу въ Вѣнѣ; въ арміи, послѣ прибытія Шведовъ изъ Саксоніи въ Польшу; при укрѣпленіи Смоленска, и другія дѣйствія ко вреду непріятеля; распоряженія на границѣ. — Взятіе города Быхова.

1708 г. Причины, по которымъ были высланы жители изъ Дерпта и Нарвы. — Алфонсиль, Керниферъ, взяты Русскими. — Битва при Головинѣ, и послѣдовавшій за тѣмъ военный судъ. — Догадки о замыслахъ шведскаго короля противъ Россіи. — Неудачное нападеніе шведскаго генерала Либекера на С. Петербургъ. — Шведы переправляются черезъ Днѣпръ и проходятъ большой лѣсъ. — Не могутъ взять Стародуба. — От-

важныя дѣйствія князи: въ сраженіи при Добро; въ битвѣ при Лѣсномъ, противъ генерала Левенгаупта; при измѣнѣ возмущившагося Мазепы; взятіе Батурина; усмиреніе взбунтовавшихся казаковъ.—Избраніе Скоропадскаго въ гетманы Украины на мѣсто Мазепы.—Батуриныъ подаренъ князю. — Князь отрѣзываетъ всѣ сношенія Шведовъ съ Польшею и Германіею.

1709 г. Жестокая зима. — Его свѣтлость отправляется изъ Украины въ Воронежъ.—Описаніе Воронежа.—Его Величество, при отъѣздѣ въ Азовъ, передаетъ князю командованіе арміею въ Украинѣ. — Доносятъ Его Величеству, при его возвращеніи изъ Азій, что совершенно, подъ его начальствомъ, противъ Шведовъ и казаковъ.—Въ полтавской битвѣ, командуетъ лѣвымъ крыломъ.—Подробности объ этой побѣдѣ.—Въ Переволочнѣ беретъ въ плѣнъ генерала Левенгаупта и пятнадцатитысячную шведскую армію.—Капитуляція.—Получаетъ чинъ генералъ-фельдмаршала. — Перемены, произведенныя этою побѣдою въ Европѣ.—Князь вступаетъ въ Польшу.—Изгоняетъ изъ Польши Шведовъ, предводительствуемыхъ генераломъ Крассау.—Принимаетъ посланниковъ польскихъ, датскихъ, прусскихъ, вольфенбиттельскихъ. — Присутствуетъ при свиданіи Его Величества: съ королемъ польскимъ въ Торнѣ; съ королемъ прусскимъ въ Мариенвердерѣ.—Получаетъ орденъ Чернаго Орла.—Его рѣчи въ Ярославѣ: царевичу Алексѣю Петровичу; русскимъ генераламъ; польскимъ депутатамъ. — Принимаетъ отъ генерала Гольца командованіе русскими войсками въ Польшѣ и передаетъ генералу Янусу.—Пріѣзжаетъ изъ Ярославля въ Москву.—Торжественный вѣздъ. — Роспись и распредѣленіе военныхъ Шведовъ.

1710 г. Князь отправляется въ лагерь подъ Ригию.—Дѣлаетъ пріготовленія къ правильной осадѣ,—Привозитъ герцога Курляндскаго въ С. Петербургъ.—Устраиваетъ свадьбу герцога съ Великою Княжною Анною Іоанновною.—Празднества, морскія битвы и другія увеселенія по случаю этого бракосочетанія и завоеванія восьми крѣпостей въ Польшѣ, Лифляндіи, Эстляндіи и Кареліи.—Князь получаетъ орденъ Слона.—Смерть князя Петра-Луки, и герцога Курляндскаго.

1711 г. Обнародованіе о супружествѣ Его Царскаго Величества, въ С. Петербургѣ. — Князь назначается генералъ-губернаторомъ Эстляндіи и Финляндіи и получаетъ главное начальство въ

миперіи, на время, когда Его Величество выступилъ противъ Турокъ.—Новыя распоряженія въ Ливляндіи.—Забываются о построеніи крѣпости и другихъ зданій въ С. Петербургѣ.—Указываетъ мѣста для колоній и размѣщаетъ новоприбывшихъ жителей изъ разныхъ провинцій.—Подробное донесеніе о войнѣ и о послѣдовавшемъ за тѣмъ мирѣ съ Турками.—Путешествіе и распоряженія Его Царскаго Величества въ 1711 году.

1712 г. Князь отправляется въ Торунь.— Учреждаетъ придворный штатъ Ея Высочества, наследницы престола, въ Эльбингенѣ.— Сопровождаетъ царевича съ русскими войсками изъ Польской Пруссіи въ Померанію.—Открываетъ войну въ Помераніи.—Нападаетъ на Штеттинъ.—Дѣлаетъ смотръ войскамъ въ присутствіи наследника прусскаго престола.—Присутствуетъ при переговорахъ съ графомъ Штенбокомъ въ Гистровѣ.—Битва при Гадебушѣ.

1713 г. Отклоняетъ угрожавшее Швеціи возмездіе за сожженіе города Альтоны.—Слѣдуетъ за Его Величествомъ въ Голштинію.—Дѣйствуетъ при взятіи Фридрихштадта.—Командуетъ русскою арміею подъ Теннингеномъ, гдѣ генералъ Штенбокъ и двѣнадцать тысячъ Шведовъ должны были сдать военнопленными.—Торжествуетъ столѣтній юбилей въ воспоминаніе восшествія на престолъ предка Его Царскаго Величества, Михаила Феодоровича, перваго царя изъ дома Романовыхъ.— Въ Голштиніи принимаетъ предложеніе о переговорахъ графа Ронцау.—Приказываетъ арестовать генерала Бауера.—Получаетъ изъ Гамбурга и Любека вспоможеніе для арміи.— Въ Шведтѣ ведетъ переговоры съ королемъ прусскимъ и саксонскими генералами.—Беретъ Штеттинъ съ русскими, прусскими, и саксонскими войсками.—Капитуляція, заключенная съ шведскимъ комендантомъ.—Передаетъ Штеттинъ Пруссіи и Голштиніи.—Трактатъ о секвестраціи этого города.—Князь получаетъ округъ Бингенъ отъ короля прусскаго.—Выводитъ русскія войска изъ Германіи въ Польшу.—Договаривается съ городомъ Данцигомъ о квартирахъ и вспоможеніи для арміи.—Покупаетъ графство Домброву и Горки въ Литвѣ.—Завоеванія Его Царскаго Величества въ Литвѣ.

1714 г. Князь попадаетъ въ тяжкую болѣзнь, въ С. Петербургѣ.—Принимается въ число членовъ англійскаго ученаго общества.—Рожденіе князя Александра Меньшикова 26-го

Февраля.—10 марта отъ святой купели его принимаетъ Его Величество и жалуетъ чинномъ унтеръ-офицера.—Воспитаніе его, физическія и умственныя качества.—Князь распоряжается о торжественномъ освященіи новопостроенной церкви въ его дворцѣ.—Побѣды Русскихъ на морѣ и сушѣ, въ Финляндіи, при Вагъ 19-го февраля и при Ганго-Уддѣ, 7-го августа.

1715 г. Рожденіе Великаго Князя Петра Алексѣвича, 12-го октября.—Погребеніе Принцессы, 27 октября.—Его Царское Величество впадаетъ въ тяжкую болѣзнь, и выздоравливается.—Правдства во случаю выздоровленія Его Величества, равно какъ и по случаю взятія Штральзунда.—Обрученіе княжны Еккаторины Іоанновны съ герцогомъ Мекленбургскимъ.

1716 и 1717 г. Распоряженія князя въ С. Петербургѣ и въ російской имперіи, во время двухъ-лѣтняго отсутствія Его Величества въ Данію, Германію, Францію.—Ему ввѣряется пошеченіе объ императорской фамиліи.—Умноженіе зданій и жителей въ С. Петербургѣ подъ начальствомъ его свѣтлости.—Смерть царевны Наталія Алексѣевны.—Его свѣтлость отправляется въ Ревель; приказываетъ тамъ исправить гавань.

1718 г. Князь подвергается жестокому преслѣдованію своихъ враговъ при дворѣ.—Въ чемъ его обвиняли.—Слѣдственное о томъ дѣло.—Его оправданіе.—Апологическое посланіе отъ безыменнаго лица, въ которомъ перечисляются долговременныя, важныя заслуги князя. *Хорошія качества* его свѣтлости, которыми онъ отличался въ разныхъ мѣстахъ: умѣренность, 1693 г., вѣрность, 1689, 1697, скромность, опрятность и пышность, 1707, храбрость 1706, 8, 9, прилежаніе 1714; экономія, 1702, веселость, 1707, откровенность въ совѣщаніяхъ, 1709.—Прекращеніе процесса.

1719. Новыя совѣщанія и военныя приготовленія, въ слѣдствіе извѣстія о смерти короля шведскаго.—Его свѣтлость назначается президентомъ военной коллегіи.—При открытіи ея 1-го января даетъ великолѣпный праздникъ.—Вводитъ новое уложеніе въ арміи.—Его распоряженія во время пребыванія Его Величества на минеральныхъ водахъ въ Олонцѣ.—Смерть царевича Петра Петровича.—Его свѣтлость пользуется минеральными водами въ Олонцѣ.—Нападеніе на Швецію.—Смерть фельд-маршала Шереметева, генерала Ренне и Бауера.

1720. Князь отправляется черезъ Москву въ Украину.—Производитъ смотръ войскамъ въ Нижнемъ Новгородѣ.—Заботится

о построеніи крѣпостей въ Сѣвскѣ, Кіевѣ, Черняговѣ.—Приказываетъ основать въ своемъ помѣстьѣ Почепъ, городъ и крѣпость, Александрополь. — Черезъ Смоленскъ и Псковъ возвращается въ С. Петербургъ.

1721. Графъ Сапега пріѣзжаетъ въ С. Петербургъ; сватается на дочери его свѣтлости.— Вторичное нападеніе на Шведовъ.— 28 августа заключенъ миръ въ Ништадтѣ.—Его свѣтлость присутствуетъ при поздравленіи государственныхъ чиновъ, которые просили Его Величество принять титулъ Императора.—Отправляется съ Его Императорскимъ Величествомъ въ Москву.

1722. Князь дѣлаетъ приготовленія къ походу въ Персію.— Остается въ Москвѣ.—Уѣзжаетъ съ царевнами въ С. Петербургъ.

Перечень картинъ и эстамповъ, какіе могли бы быть прилично помѣщены въ этомъ сочиненіи, для украшенія его, частью по рисункамъ, выгравированнымъ на мѣди въ Россіи, и новымъ живописнымъ картинамъ, частью же по обстоятельному описанію.

1. Портретъ его свѣтлости. 2. Портретъ его супруги, княгини. 3. Портреты дѣтей князя. 4. Древній гербъ, взятъ изъ польскаго гербовника. 5. Медаль. 6. Взятіе города Азова, 1696. 7. Вѣздъ посольства въ Кенигсбергъ, въ 1697 г. 8. Вѣздъ въ Гагу, въ 1697 г. 9. Вѣздъ въ Лондонъ, и 10. Аудиенція въ Вѣнѣ, въ 1698 г. 11. Свиданіе Его Величества съ королемъ польскимъ, въ Батѣ, въ 1698 г. 12. Смотръ саксонскихъ войскъ въ Польшѣ, въ 1698 г. 13. Вѣздъ царскаго посольства въ Москву, въ 1699 г. 14. Нѣсколько рисунковъ и видовъ Чернаго моря; напр. видъ Таганрога; видъ крымскаго берега при Керчи, въ Татаріи, можно было бы взять изъ книги адмирала Крюйса.

Сомнѣнія, требующія объясненій; также нѣкоторые вопросы, необходимые для дополненія сочиненія.

День рожденія его свѣтлости.... ноября 1672 г.—Отецъ его умеръ въ 1695 г., во время осады Азова и Кизикорменя. — Годы княгини, дѣтей и сестеръ князя? — Былъ ли князь въ стѣ съ Его Величествомъ въ Троицкомъ монастырѣ, въ 1689

г.? — Чѣмъ способствовалъ онъ къ открытію заговора Шакловитяго?

Что случилось замѣчательнаго до 1697 г., когда было принято путешествіе Его Величества за границу? Касательно князя извѣстно только то, что онъ находился безотлучно при особѣ Его Величества въ Архангельскѣ, въ 1693 и 1694 г.

Гдѣ былъ князь въ 1695 г., когда былъ взятъ Кизикермень и снята осада Азова? — Въ 1696 г., его свѣтлость дѣйствовалъ при взятіи Азова, получилъ большую добычу, на морѣ и въ городѣ; нашелъ зарытыя въ землю сокровища.

Что способствовало къ открытію заговора Циклера, Соковнина, Пушкина въ 1697 г.? Его свѣтлости должны быть извѣстны многія подробности, необходимыя для проясненія этого дѣла. — Въ Англіи и Голландіи, выдавалъ ли онъ себя, подобно Его Величеству, за корабельнаго мастера? — Получилъ подарокъ отъ короля Вильгельма и отъ англійскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Россіи. — Могъ бы вступить тамъ въ богатое супружество. — Получилъ подарокъ отъ купцовъ, торговавшихъ въ Архангельскѣ.

1698 г. Можно помѣстить бунтъ и казнь стрѣльцовъ. — 1699 г. Вздвигъ ли его свѣтлость изъ Азова въ Керчь и два раза въ Воронежъ? — Присутствовалъ ли при погребеніи Лефорта, Гордона, Шеина, послѣдняго патріарха Адріана и датскаго посланника Гейнца (1705 г.)? — Свадьбы шутовъ, въ 1701—1704 годахъ, въ Москвѣ, праздновались по древнему русскому обычаю. Можно описать которую-нибудь, потому что онѣ по повелѣнію Его Величества праздновались во дворцѣ князя, принадлежавшемъ прежде Лефорту, и подъ его распоряженіемъ; какая самая замѣчательная?

1702 г. Корабли или суда изъ Ладоги сухимъ ли путемъ доставлены въ Шлиссельбургъ? — Желѣзнымъ заводомъ въ Олонцѣ князь владѣеть съ 1704 г. Надобно было бы посмотреть уступительный актъ. — Походъ изъ Вольгини въ Калашъ 1706 г. — Кто былъ на пиру у князя послѣ калашской битвы? — Какая медалъ выбита въ воспоминаніе этой битвы? — Какой чинъ получилъ его свѣтлость? — Въ Полтавѣ есть ли церковь св. Самсона, и уже ли нѣтъ никакой колонны? — Какой лозунгъ былъ при Калашѣ, Лѣсномъ и Полтавѣ? — Обицалъ ли его свѣт-

лость въ Украинѣ награду тому, кто возьметъ живаго или мертваго Шведа или бунтующаго казака?

Когда основанъ Англичанами въ Ямбургѣ стекольный заводъ, въ 1712 или 1713 г.?—Въ Сестрелекѣ фабрика заведена въ 1720 г.? — Планы и описаніе принадлежащихъ его свѣтлости дворцовъ, церквей, садовъ, оранжерей, мельницъ, въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Ораниенбаумѣ. — Когда была построена башня на Чистомъ-пруду, которая сожжена въ 1723 г.?—Кому принадлежалъ самый дворецъ?—Въ которомъ году построенъ Ораниенбаумъ? — Что сдѣлали Трессинъ, Слейтеръ, Леблонъ и другіе прославленные садовники (ихъ имена)?—Имена лейбъ-медиковъ и придворныхъ медиковъ. Блаументростъ до 1... Ароскинъ съ 1704 до 1711 г., Витъ до 1720. Решусть до 1723 г., Азарити.—Сколько построилъ его свѣтлость церквей, школъ, монастырей и другихъ заведеній, и сколько кораблей?—Сколько доставилъ матросовъ?—Что сдѣлалъ для освобожденія христіанъ отъ Турокъ и Татаръ.

1711 г. Его свѣтлость въ этомъ году дѣйствовалъ въ имперіи вмѣстѣ съ сенатомъ; многія изъ его распоряженій могли бы быть пополнены тѣмъ, что онъ учредилъ въ Эстляндіи и Лифляндіи, въ званіи губернатора.

Частная переписка его свѣтлости и бесѣды съ королями, министрами и генералами, или посланія къ нимъ, подарки королей и проч...

Торжественные приемы, поздравленія, рѣчи его свѣтлости, какъ фельдмаршалу отъ депутатовъ въ Польшѣ 1706 — 1709 г.; въ Украинѣ, 1709, 1720 г.; въ Берлинѣ, Швеціи, Гамбургѣ, Любекѣ, Штеттинѣ; въ 1714 г..

Встрѣчи и замѣчательные случаи во-время поѣздокъ въ его владѣнія.—Маршруты его свѣтлости, особенно въ Россіи, для географическихъ изслѣдованій.—Министровъ, плѣнныхъ шведскихъ инсигнеровъ, его свѣтлость даритъ, снабжаетъ содержаніемъ, способствуетъ ихъ отпращиванію; доставляетъ въ 1718 г. фельдмаршала Рейншильда съ фрегатами и другими необходимыми вещами въ Швецію.—Послалъ карету хану башкирскому. Послалъ ли въ 1705 году патера Илмо, іезуита, въ Рязь? Рекомендовалъ ли его свѣтлость королю датскому своего адъютанта Левенева?

Географическое описаніе и границы владѣній князя въ Россіи и Польшѣ; гдѣ онъ находится? *импр. Почта, Думбровна,*

Герои, въ воеводствѣ витебскомъ.—Актъ, по которому его свѣтлость приобрѣлъ во владѣніе округъ Витгенъ.—Патенты на орденъ: датскій, 1710 г., польскій, 1706, прусскій, 1709, отъ англійскаго общества, 1714. Письма къ его свѣтлости отъ знаменитыхъ людей, русскихъ и иностранныхъ министровъ.—Журналы и замѣтки, откуда заимствовать нѣкоторые обстоятельства.—Зотовъ, графъ Матвѣевъ.—Извѣстія о Бѣлостоцкѣ изъ Литвы.—Всѣ медали.—Книги, написанныя о Россіи, изъ библіотеки.

Необходимыя книги:

Hübners, General Tabellen und Fragen, *Губнира, Генеральныя таблицы и вопросы.*—Ottomanische Pforte, *Оттоманская Порта.*—Leben und Thaten S. Cz. M., *Жизнь и дѣянія Его Царскаго Величества.*—Campagnes du R. de S., *Войны Короля Шведскаго.*—Hist. de Suede, *Исторія Швеціи.*—Verbessert Russland, *Усовершенствованная Россія.*—Dial. des morts, von 1725, *Разговоры мертвыхъ, 1725 года.*

Въ 1714 г., вступается за адмирала... За какихъ еще другихъ несчастныхъ или подвергнувшихся немилости онъ вступался и кому помогалъ?—Кто были его друзья и кліенты, Русскіе и чужестранцы, которыхъ онъ возвышалъ, жаловалъ, спасалъ? Кто изъ нихъ заслуживаетъ преимущественно похвалу?—Гдѣ находятся большіе магазины въ Польшѣ и Помераніи?—На какихъ замѣчательныхъ свадьбахъ его свѣтлость былъ посаженнымъ отцомъ, маршаломъ?—Какія конференціи имѣлъ его свѣтлость, одинъ безъ Его Величества, съ иностранными уполномоченными, генералами, министрами, послами, въ Густровѣ, 1712 г., Штеттинѣ и Шведтѣ, 1713?—Въ какомъ военномъ совѣтѣ онъ предсѣдательствовалъ?—Въ какихъ знатныхъ домахъ, въ Германіи, Польшѣ или Россіи, его свѣтлость былъ кумомъ, и въ какое время? При какихъ замѣчательныхъ похоронахъ онъ присутствовалъ и въ какіе годы?

1715 г. Въ отсутствіе Его Величества, гдѣ его свѣтлость приказалъ похоронить царевну Маргариту?—Церемоніи при бракосочетаніи герцога курляндскаго, 1710 г., голштинскаго, 1725. Свадьба герцога курляндскаго была праздною во дворцѣ князя, равно какъ и свадьбы карликовъ; а свадьба его королевскаго высочества, въ Литвѣ, во дворцѣ, но расчерченно князя.

Баронъ Остерманъ, Штеннингъ, князь Черкасскій обязаны своимъ возвышеніемъ его свѣтлости. — Другія великолѣпныя празднества въ Польшѣ, Россіи. — Какіе семейные праздники, сколько дней рожденія и именинъ въ домѣ его свѣтлости? — Описаніе нѣкоторыхъ вѣздовъ, которыми распоряжался его свѣтлость; вѣздъ турецкаго посланника, въ 1704. Вѣздъ въ Москву въ 1722 году. — Описаніе триумфальныхъ воротъ, иллюминацій 1696, 1702, 1703, 1704, 1709, 1714, 1721, по случаю мира, въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, устроенныхъ по приказанію его свѣтлости. При этомъ помѣстятъ лучшіе девизы и надписи.

— Какъ сильна была русская армія въ Польшѣ, въ 1707 и 1708 г.? — Сто тысячъ человекъ.

Число кораблей и галеръ. — Производство офицеровъ и генераловъ каждаго года. — Опись ручныхъ мортиръ, мельницъ, гранатъ, органовъ, при Лѣсномъ; кирасы, каски. — Военный штатъ за каждый годъ, командующіе генералы, вооруженіе кораблей, число кораблей и галеръ. — Медали, розданныя въ Москвѣ въ 1702 — 1704 и 1709 годахъ, и въ С.-Петербургѣ въ 1710 г., и прочее, по случаю морскихъ и другихъ побѣдъ, въ Ливоніи и Финляндіи.

Встрѣча турецкаго посланника въ Москвѣ, 1704 и 1722 годахъ, и его визиты князю. — Получилъ ли его свѣтлость отъ верховнаго визира письмо? — Издержки на содержаніе турецкихъ и восточныхъ посланниковъ.

1712. Приказалъ ли его свѣтлость задержать въ Гарцинѣ, въ Помераніи, одного Турка, говорившаго по-славянски, въ слѣдствіе подозрѣнія, что этотъ Турокъ былъ шпіонъ, подосланный изъ Бендеръ? — Какъ онъ получилъ опять свободу? — Генералъ Ауд... и другіе въ Польшѣ были ли арестованы по приказанію его свѣтлости?

Боевой строй при Калишѣ. — Планъ Батурина.

Въ которомъ году снята должность почтмейстера съ Винніуса и поручена Шафирову? — Жалобы со стороны Винніуса на его свѣтлость въ Голландіи; объ этомъ умолчать, или коротко обозначить настоящее положеніе дѣла.

Когда объявлена война Швеціи?

Такъ-какъ его свѣтлость имѣлъ главный надзоръ за дворомъ вдовствующей царицы Параскевѣи Феодоровны, въ Измайловѣ, близъ Москвы, то, въ 1701 году, приказалъ осматривать правдор-

ную церковь, избралъ для трехъ царевенъ наставниковъ и служителей, и заботился объ ихъ воспитаніи. Что еще сказать объ этомъ?

О шведской войнѣ.

1702 г. Планъ Шлиссельбурга.—Взятіе замка Маріенбурга.

1703. Планъ Нисеншанца. Двѣ отнятыя княземъ шведскія шлюпы и гальоты при Екатерингофѣ; за что князь получаетъ отъ Его Величества орденъ Андрея Первозваннаго.—Новый кавалеръ. Его Величество надѣваетъ на князя орденскую ленту.

1704. Планъ Дерпта, Нарвы и Иванъ-Города.—Его свѣтлость торжественно въѣзжаетъ въ Москву.

1705. Планъ Митава.

1706. Свадьба его свѣтлости въ Кіевѣ.—Врученіе княжескихъ дипломовъ отъ римскаго и русскаго императоровъ.—Битва при Кашигѣ.

1708. Битва при Добро.—Битва при Лѣсномъ съ Левенгауптомъ. Взятіе Батурина.—Избраніе новаго казацкаго гетмана.—Скоронадскій по описанію.—Казнь надъ портретомъ Мазепы.

1709. Планъ Воронежа, Ораніенбурга.—Побѣда подъ Полтавою.—Плѣненіе графа Левенгаупта съ его корпусомъ при Днѣпрѣ.—Выбиты по этому случаю медали; колонна.—Свиданіе Его Царскаго Величества съ королемъ польскимъ; свиданіе съ королемъ прусскимъ въ Маріенвердерѣ, гдѣ его свѣтлость получилъ прусскій орденъ.—Триумфальный въѣздъ въ Москву.

1710. Взятіе Эльбинга, Выборга, Риги, Дюнамюнда, Ревеля, Пернова, Кексгольма и пр.—Былъ ли при этомъ его свѣтлость?—Выбиты по этому случаю медали.—Бракосочетаніе герцога курляндскаго въ С.-Петербургѣ; столъ; фейерверкъ; смерть его; отправление въ Ригу.—Митава.

1711. Видъ С.-Петербурга.—Различныя дворцы, построенныя его свѣтлостію въ отсутствіе Его Величества.

1712. Русскій лагерь подъ Штеттнномъ, подъ начальствомъ его свѣтлости.

1713. Взятіе Фридрихштадта въ Голштиніи; взятіе Теннингена, Штеттина.

1714. Крещеніе князя Александра Меншикова въ С.-Петербургѣ.—Побѣда при Вазѣ въ Финляндіи. Видъ княжескаго дворца и церкви, построенной вблизи на берегу.

1715. Погребеніе Его Высочества Царевича въ С.-Петербургѣ.

1717. Погребеніе вдовствующей царицы Марыи Матвѣевны.—

Принятіе князя въ званіи президента военной коллегіи.

1719. Планъ Олонца, гдѣ его свѣтлость пользовался въ этотъ годъ водами.

1720. Новая крѣпость Александрополь при Почепѣ.—Встрѣча его высочества герцога голштинскаго въ С.-Петербургѣ.

1721. Обнародованіе мира въ С.-Петербургѣ.—Депутатія государственныхъ чиновъ къ Его Величеству о принятіи титула Императора, при чемъ его свѣтлость присутствовалъ, какъ президентъ и первый фельдмаршалъ.

1725. Планъ каналовъ, устроенныхъ его свѣтлостію.

ЧАСТЬ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ.

Непостоянство въ мірѣ. — Перевороты въ великихъ державахъ. — Города. — Фамиліи. — Князь Меншиковъ въ Россіи, въ 1481 г. — Почему многіе Литовцы поселились въ Россіи. — Войны Литовцевъ въ Россію. — Притѣненіе Граковъ въ Литву. — Гербы Меншиковыхъ. — Какія польскія фамиліи имѣли тотъ же гербъ. — Прѣдки фамиліи Меншиковыхъ. — Даніилъ Меншиковъ. — Его дѣти. — Александръ Меншиковъ.

Не только священная и всемірная исторія свидѣтельствуесть съ незапамятныхъ временъ, но и самое теченіе природы, равно какъ и каждодневный опытъ научаютъ насъ, что на земномъ шарѣ все подвержено измѣненію, что въ мірѣ нѣтъ ничего постояннаго.

Величайшія свѣтила и планеты на тверди небесной то меркнутъ, то совершенно исчезаютъ.

Обширныя и могущественныя царства и монархіи восходятъ на вершину блестящаго величія, потомъ склоняются къ упадку и разрушаются, какъ сильныя государства Ассиріянъ, Египтянъ, Скивовъ, нѣкогда столь славныя и знаменитыя.

Александръ Великій покорилъ богатую Персію и наложилъ дань на владѣнія Пора и Таксила. Но такъ какъ онъ умеръ, не имѣя наследниковъ, то долженъ былъ оставить завоеванныя имъ области на раздѣлъ своимъ полководцамъ.

Греція, сколько по своимъ отважнымъ воинскимъ подвигамъ, столько же по своей образованности, имѣла нѣкогда преимущество передъ всеми народами, пока не подпала подъ иго Турокъ, послѣ чего утратила свою славу. Съ 1453 года, греческая имперія подчинилась Туркамъ.

Древняя римская имперія нѣкогда изъ города, сначала очень незначительнаго, распространилась во всѣхъ

трехъ частяхъ извѣстнаго тогда свѣта и утвердила надъ ними свое владычество. Но эта глава міра должна была поникнуть предъ другими, когда городъ Римъ семь разъ былъ взятъ иноплеменными народами и опустошенъ. Мірская власть, которую онъ имѣлъ надъ большою частію земли, измѣнилась въ владычество духовное, распространяющееся теперь во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта, — надъ тѣми, кто признаетъ главенство папы.

Швабы (Свевы), Венды (Вандалы) и Готы изгнали Римлянъ изъ Испаніи и основали тамъ свое мѣстопробываніе такъ твердо, что спустя три столѣтія, едва были вытѣснены оттуда Сарацинами и Маврами; а послѣдніе при Фердинандѣ Католикѣ тоже принуждены были оставить испанское королевство.

Въ началѣ настоящаго (восьмнадцатаго) столѣтія, это королевство перешло къ непримиримымъ ихъ нѣкогда врагамъ, Французамъ.

Китайское государство, столь славное, было покорено Татарами.

Венгрія, нѣкогда столь воинственная, сдѣлалась, нѣскольکو тому столѣтій, добычею Турокъ и другихъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, враговъ.

Польша потеряла Померанію, Силезію, Молдавію и всю Украйну, но за то увеличилась чрезъ соединеніе съ великимъ княжествомъ литовскимъ.

Царства: казанское, астраханское, сибирское, великія княжества: новгородское, галицкое, рязанское, тверское, владимірское, имѣвшія нѣкогда собственныхъ правителей, мало-по-малу присоединены къ русскому государству.

Картагенъ, боровшійся за владычество съ Римомъ, подобно какъ Аены съ Спартою, полководцемъ Сципіономъ, послѣ семидневнаго пожара, былъ превращенъ въ свое первобытное ничтожество.

Галичь, Владиміръ, Новгородъ и другіе города въ Россіи, и нѣкоторые изъ ганзейскихъ городовъ въ Германіи лишились своего прежняго цвѣтущаго состоянія, тогда какъ другіе возвысились снова.

Сильный и богатый орденъ Храмовыхъ рыцарей въ 1310 (1312) году былъ истребленъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, и ихъ имѣнія частію конфискованы, а частію отданы Іоаннитамъ и рыцарямъ другихъ орденовъ.

И такъ, если большія царства и города, управляемые умными людьми и жившіе силу поддержать себя, съ теченіемъ времени приходили въ упадокъ; то нѣтъ ничего удивительнаго, что и знаменитые фамиліи и роды подвергаются переменамъ счастья.

Во времена премудраго царя Соломона, это было уже не ново. Онъ пишетъ: *«Родъ преходитъ, и родъ приходитъ, о земля во вѣкъ стоитъ. И восходитъ солнце и заходитъ солнце и мѣсто свое влечется, сіе возсіявая тамо».* (Екклес. гл. 1. ст. 4 и слѣд.)

Даже царскій родъ Давида и Соломона пришелъ въ такой упадокъ, что не было у него ни короны, ни трона, ни скиптра, ни державы, и всехвальная Дѣва Марія была обручена древодѣлателью, отъ которой родился Спаситель всего міра, и какъ плодоносная вѣтвь, облагодатствованная божественною силою и могуществомъ, произрасла отъ старика, по видимому, увядшаго и изсохшаго древа іудейскихъ царей.

Русская, велико-княжеская и царская фамилія, со времени Юрика, часто раздѣлялась на многія вѣтви и отрасли, но многократно доходила до немногихъ отпрысковъ или лицъ, наконецъ послѣ смерти царя Феодора Іоанновича (7106 отъ С. М. 1598 отъ Р. Х.) погасла въ мужеской нисходящей линіи. Та же судьба постигла Годуновыхъ, Шуйскихъ и пр.

Князя Троекуровы, (1714 г.) Воротынскіе, Бѣльскіе, Шенны и многіе другіе роды русскіе частію пришли въ упадокъ, частію перемерли.

Ту же участь испыталъ и древній родъ Меншиковыхъ, которые, за нѣсколько сотъ лѣтъ, были вѣстны въ Россіи и въ Польшѣ, и пользовались большимъ уваженіемъ.

Въ вологодской лѣтописи, написанной игуменомъ Дмитріемъ, находится слѣдующее замѣчательное сказаніе:

«Въ 6800 лѣто отъ сотворенія міра (1481 отъ Р. Х.) православный и христілюбивый князь Меншикъ построилъ чудную каменную церковь, на Кубенскомъ озерѣ, въ монастырѣ, именуемомъ Спасскимъ; въ томъ мѣстѣ никто не запомнить никакихъ каменныхъ домовъ или храмовъ, потому-что земли очень далеко, и островъ отъ берега лежитъ, по крайней мѣрѣ, въ семнадцать верстахъ.

«Камни были привезены изъ Твери....»

«Этотъ монастырь съ давнихъ временъ назывался Каменинымъ.

Князь Андрей Васильевичъ Углицкій далъ....»

Нѣкоторые думаютъ, что княжескій родъ Меншика, упоминаемаго вологодскимъ лѣтописцемъ, прибылъ въ Россію съ Рюрикомъ изъ Вагріи, или по другимъ, последовалъ за нимъ туда изъ Германіи и получилъ для поселенія одинъ округъ близъ Вологды, и потому долженъ считаться древнимъ княжескимъ родомъ русскимъ; иные, напротивъ, полагаютъ, что князья Меншики, подобно различнымъ другимъ княжескимъ фамиліямъ, известнымъ еще и теперь въ Россіи, вышли изъ Польши и Литвы, и что родъ ихъ пресѣкся въ лицѣ упомянутаго князя Андрея Васильевича Меншика, который, быть можетъ, не былъ женатъ, или не оставилъ по себѣ наследниковъ*.

Последніе, въ подтвержденіе своего мнѣнія, представляютъ, что не только русскіе, польскіе и литовскіе лѣтописцы,

* Приведенное авторомъ извѣстіе относится не къ какому нибудь неизвѣстному Меншику, а къ сыну В. К. Василія Васильевича Темнаго, Андрею Васильевичу Меньшому, названному такъ для отличія отъ старшаго брата его, Андрея Васильевича Большаго. Князь Андрей Меньшой, по духовному завѣщанію своего родителя, 1462 г., получилъ въ наслѣдственный удѣлъ Вологду, вмѣстѣ съ Кубеной и Заозерьемъ. Онъ умеръ въ 1481 г. Быть можетъ, авторъ, какъ иностранецъ, не изучавшій исторіи и родословныхъ нашихъ князей, былъ введенъ въ ошибку неправильнымъ правописаніемъ лѣтописи, а быть можетъ и намѣренно, изъ угожденія могущественному временщику, раздѣлялъ ложные толки современниковъ о древнемъ княжескомъ родѣ Меншиковъ. Во всякомъ случаѣ, сдѣланное имъ объясненіе показывать, въ какомъ состояніи находилась тогда наша отечественная исторія.

(между прочими Коллевиць, Матвей Стрыйковский, Кромель, Гарткнохъ), упоминая о тѣхъ войнахъ, которыя были вѣдены, съ перешившими счастьемъ, между Россією и Литвою, единогласно свидѣтельствуя, что въ различныя эпохи, имѣгіе Литовцы, или приводимые въ Россію какъ военно-пленныя, или приходившіе по своей волѣ, искали въ ней службы, помѣстьевъ и спокойныхъ почетныхъ должностей, и если получали желаемое, какъ въ древнія времена, когда чужеземцами заселяли пустынные страны, то тутъ оставались на житье и ихъ родъ распространялся.

Мы не станемъ говорить ни о тѣхъ войнахъ, которыя великіе князья литовскіе, Миндовгъ, Витевъ, Гедиминъ, Ольгердъ, Свидригайло, вели съ разными князьями русскими, ни объ ихъ родственныхъ союзахъ, ни о походахъ, которые они совершали вмѣстѣ, въ четырнадцатомъ столѣтіи, иногда противъ сильныхъ Татаръ; но укажемъ тѣ событія, которыя происходили между обоими народами въ пятнадцатомъ вѣкѣ и которыя могутъ пролить свѣтъ на нашъ предметъ.

Въ 1427 г. приходилъ великій князь литовскій Витовтъ, съ Поляками и Татарями, къ Новгороду, принудилъ гражданъ заплатить контрибуцію, послѣ чего заключилъ миръ и удалился восвояси.

Въ слѣдующемъ году, 6936 отъ сотворенія міра (1428 отъ Р. Х.), Ягелло послалъ великаго князя литовскаго Свидригайло, своего брата и Витолда, своего двоюроднаго брата, противъ Святослава, князя смоленскаго, взявъ Мстиславль, а съ Новгорода и Пскова получилъ значительную дань.

Въ 1440 г. Великій князь Казиміръ Ягелловичъ передалъ Кіевъ Александру, сыну Владиміра Ольгердовича.

Въ 1447 году король польскій Казиміръ вознамѣрился греческую церковь, къ которой принадлежали всѣ Литовцы, обращенные въ четырнадцатомъ вѣкѣ къ христіанской вѣрѣ, силою соединить съ латинскою; такъ называемыхъ *диссидентовъ*, приверженныхъ къ греческой церкви, сталъ чрезвычайно гнѣсить за то, и преслѣдовать; изгналъ изъ Польши въ Россію самого князя Феодора Іоанновича Бѣль-

скаго съ другими знаменитыми благородными семействами, горячо привязанными къ той же греческой церкви.

Но великій князь русскій Василій вступился за христіанъ, угнетаемыхъ въ Польшѣ за греческое вѣроисповѣданіе; 14 іюля онъ разбилъ на голову Литовцевъ, на рѣкѣ Ведренѣ и взялъ въ плѣнъ Острожскаго князя Константина со многими воеводами *.

Въ 1480 году, въ отмщеніе за то, что великій князь Василій отобралъ на себя нѣкоторыя церковныя имѣнія, составлявшія нѣкогда княжескія владѣнія и кормовыя вотчины, владыка новгородскій хотѣлъ уступить Новгородъ Полякамъ и Литовцамъ. Литовцы вступили въ союзъ съ Татарами и вмѣстѣ съ ними напали на Россію; но увидѣвъ, что Русскіе приняли мѣры и приготовились къ оборонѣ, примирился съ ними и прекратилъ свои непріязненные дѣйствія.

Въ 1482 году, царь Іоаннъ Васильевичъ I принялъ въ службу нѣкоторыхъ изъ Литовцевъ, гонимыхъ за греческое вѣроисповѣданіе, и приказалъ князьямъ: Воротынскому, Оболенскому и другимъ, идти войною на Литву, взять различные города и привести многихъ плѣнниковъ въ Москву.

Въ 1485 году, Михаилъ Борисовичъ, князь тверской, братъ первой супруги великаго князя Іоанна Васильевича I, просилъ у польскаго короля Казимира вспомогательнаго войска, въ противность воли царя; но былъ стѣсненъ русскимъ войскомъ и оставленъ своимъ, такъ что нашелся вынужденнымъ бѣжать въ Литву. Послѣ этого, царь взялъ Тверь и отдалъ ее въ удѣлъ своему старшему сыну.

Въ 1493 (1494) году, великій князь литовскій Александръ заключилъ миръ съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, женился на его дочери, княжнѣ Еленѣ, рожденной отъ Софій, съ

* Это событіе относится къ царствованію Іоанна Васильевича I, а не Василія, и совершилось въ 1500 году, а не въ 1447. См. Ист. Госуд. Росс. Кафизина, Т. VI, стр. 299. Изд. 1. Такъ была разработана тогда наша исторія! Прим. пер.

тѣмъ условіемъ, чтобы она оставалась въ греческой вѣрѣ. Въ 1500 (1501) году онъ былъ избранъ въ польскіе короли, соединилъ польское королевство съ великимъ княжествомъ литовскимъ и привелъ многихъ Поляковъ въ Литву для военныхъ дѣйствій противъ Русскихъ; при этомъ случаѣ упоминаются какіе-то Меншики, убитые подъ Минскомъ (Мстиславлемъ?) въ Литвѣ.

Но такъ какъ король Александръ былъ обвиненъ въ томъ, что, вопреки брачному договору, по совѣту духовныхъ, хотѣлъ принудить свою супругу, русскую принцессу, Елену, къ римско-католическому вѣроисповѣданію, и такъ какъ за постоянную приверженность къ греческой вѣрѣ, ей было отказано въ коронованіи; то царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ своего сына Дмитрія противъ Литовцевъ, напалъ на зятя, взялъ Новгородъ Сѣверскій и многія мѣстечки въ Литвѣ, и заключилъ перемиріе на шесть лѣтъ.

Послѣ всего сказаннаго можно предполагать, что въ пятнадцатомъ вѣкѣ, или по случаю вышеназванныхъ войнъ и переворотовъ, или вслѣдствіе гоненія на греческую церковь, въ Литвѣ, кто-нибудь изъ благородной фамиліи Меншиковъ перешелъ изъ Польши или изъ Литвы въ Россію, и здѣсь былъ возведенъ въ княжеское достоинство.

Примѣры этому представляютъ до сихъ поръ процвѣтающія въ Россіи княжескія фамиліи Трубецкихъ, Куракиныхъ, Голицыныхъ, Хованскихъ и многія другія, которыя вышли изъ Литвы; равнымъ образомъ тоже случалось и со многими татарскими мирзами и беками, приходившими въ Россію, если они отрекались отъ магометанской вѣры и крестились; изъ этого числа князя Черкасскіе, Юсуповы, Урусовы, Троекуровы, которые благоденствуютъ въ Россіи еще и въ настоящее время.

Но линія князей Меншиковъ, во времена царя Іоанна Васильевича I, подобно многимъ другимъ, о которыхъ мы отчасти говорили, прекратилась въ Россіи, съ кончиною упомянутаго выше князя Андрея Васильевича Меншика, умершаго безъ потомства. Въ лицѣ же его свѣтлости князя Александра, въ текущемъ восемнадцатомъ столѣтіи, эта линія счастливо воз-

становлена двумя императорами и такъ утверждена, что, безъ великаго сомнѣнія, и далекое потомство, по благословенію Божию, будетъ чтить еще многихъ гербовъ изъ этого княжескаго корня.

Что касается до герба, принадлежавшаго дворянской фамиліи Меншиковъ въ Польшѣ, мы приводимъ слѣдующее извѣстіе объ этомъ изъ польскаго гербовника:

«Гербъ Меншиковъ представляетъ, на желтомъ или золотомъ полѣ, черную голову буйвола, съ серебряными рогами, въ воздри которой продѣто кольцо изъ двухъ сплетенныхъ вмѣстѣ ивовыхъ вѣтвей. Этотъ гербъ былъ данъ одному чело­вѣку, который поймалъ живаго буйвола, на охотѣ въ лѣсу, и привелъ его къ своему князю; при этомъ дано ему и прозвище: *Менжикъ*, слово, означающее въ польскомъ языкѣ: *мужественный, храбрый, и буйволъ*.

Этотъ же самый гербъ въ древнія времена принадлежалъ одной вѣнскаго фамиліи, которая принесла его изъ Моравіи въ Польшу, какъ повѣствуетъ о томъ знаменитый польскій историкъ Длугошъ или Longinus; онъ говоритъ, что въ его время въ Моравіи была славная фамилія *Перстинъ*, имѣвшая этотъ гербъ.

Древняя лѣтопись повѣствуетъ о архіепископѣ гнѣзненскомъ Бозутѣ слѣдующее:

«Бозута первый происходилъ отъ благородной фамиліи, изъ вѣнскаго дома, но былъ гораздо благороднѣе по своимъ дѣйствіямъ и нравамъ; призванный верховнымъ первосвященникомъ, Бенедиктомъ Восьмымъ, онъ былъ щедрый милостынераздаватель, сострадательный къ сиротамъ и немущимъ, и строгій блюститель за духовными лицами своей епархіи, жизнь и поведеніе которыхъ разузнавалъ въ каждагодныхъ посѣщеніяхъ, зная, что отъ жизни духовныхъ зависитъ спасеніе или погибель мірянъ; поэтому всѣ искренно оплакивали его смерть. Онъ былъ также жаркимъ ревнителемъ общественнаго порядка государства польскаго; потому, когда Ка-

змиръ, сынъ короля, съ своею родительницею Ряхсою, по причинѣ междоусобныхъ войнъ, удалились въ Германію, когда Вратиславъ, герцогъ богемскій, съ своимъ зятемъ, епископомъ прагскимъ, пелъзудъсь благоприятнымъ случаемъ и отсутствіемъ короля польскаго, ограбили церкви въ Гнѣзно; то онъ, темнымъ, и днемъ и ночью, скорбію и сѣтованіемъ, изнемогъ и скончался въ 1038 году, въ Гнѣзно.»

Таже летопись, подъ 1170 годомъ, повѣствуетъ о нѣкоемъ Рудигерѣ Богемцѣ.

«По смерти Говольда, ему наследовалъ Рудигеръ, родомъ Богемецъ; онъ умеръ въ 1170 году, и погребенъ въ Бреславль; происходилъ отъ благородной фамиліи, гербъ которой представлялъ голову буйвола съ кольцомъ; ему наследовалъ Вернеръ.»

Этотъ Вернеръ, по свидѣтельству летописи, былъ братъ Рудигера. «Вернеръ, наследовалъ своему брату въ епископствѣ; говорятъ, что онъ отличался голубиною непорочностію; умеръ въ 1178 году, и погребенъ въ Бреславль.»

О Филиппѣ, епископѣ познанскомъ, въ этой хроникѣ говорится, что въ 1172 году онъ былъ избранъ въ епископы велико-польскіе, съ согласія Мечислава. Родомъ онъ былъ Полякъ.

О графѣ Бронницкомъ (Bronisio) Кромеръ, въ своемъ VIII томѣ, повѣствуетъ слѣдующее: «Графъ Броницкій, родомъ Вѣнецъ, гербъ котораго представляетъ голову буйвола, въ своемъ помѣстьѣ, въ познанской епархіи, создалъ монастырь, названный Парадизомъ, какое наименованіе онъ удерживаетъ до сихъ поръ.»

Въ XVI томѣ, Кромеръ рассказываетъ объ Іоаннѣ кастелланѣ шремскомъ, что Владиславъ Ягелло отправлялъ его посломъ въ Венгрію, гдѣ онъ долженъ былъ просить для короля руку Анны, дочери графа Чибискаго.

Вышеупомянутыя фамиліи происходятъ изъ Моравіи; тамъ, она раздѣлилась на многія лицы, иносѣція имя Церстинъ, поселилась частію въ Богеміи и Моравіи, а частію въ Верхней и Нижней Силезіи, но нѣкоторые жили въ Польшѣ и тамъ ихъ родъ распространился; послѣдствіи построена за-

мокъ Голуховъ, отъ котораго впоследствии получили свое прозваніе.

Кромерь, въ XIII томъ, пишетъ о Предиславъ Голуховъ, который во времена Казимира Великаго, въ 1373 году, былъ генераломъ въ Польшу: «Между тѣмъ, Елисавета, мать Людовика, по совѣту женщинъ, собрала въ сенатъ юношей и людей неопытныхъ, а многихъ доблестныхъ и заслуженныхъ мужей удалила отъ должности, опредѣливъ на ихъ мѣста людей ничтожныхъ и льстецовъ; въ числѣ первыхъ, между прочимъ, извѣстенъ Предиславъ Голуховъ, палатинъ калишскій, мужъ храбрый, управлявшій префектурою Великой Польши; преемникомъ его былъ назначенъ Оттонъ Пилецій; это возбудило негодованіе многихъ Поляковъ, и Оттона, хотя знаменитаго родомъ и достоинствами, они порицали за то, что онъ не имѣлъ никакихъ помѣстьевъ въ Великой Польшѣ, и слѣдовательно, противозаконно получилъ должность префекта.

Этотъ Предиславъ былъ сынъ Рафаеля, и оставилъ по себѣ трехъ сыновей: старшій изъ нихъ, Фридерикъ, былъ епископомъ въ Куявин (Cujaviën), а два другіе раздѣлили между собою отцовское наслѣдіе. Одинъ взялъ себѣ всѣ помѣстья, принадлежавшія Лещинъ, съ городами: Радомиско, Смигелемъ, Купловымъ и пр. Другой, по имени Рафаель, получилъ въ калишскомъ воеводствѣ Голуховъ, Пжигозе.

Рафаель Лещинскій оставилъ по себѣ сына, тоже Рафаеля, который нѣсколько лѣтъ находился при дворѣ императора Фридриха III и служилъ при многихъ посольствахъ. Кромерь, въ XXII томъ, пишетъ объ немъ; «Тогда прибылъ посолъ императора Фридриха, Рафаель Лещинскій, польскій дворянинъ, но нѣсколько уже лѣтъ находящійся въ службѣ императора, и любимый имъ, человекъ дѣятельный и мужественный, который считалъ мало важнымъ трудность опасности пути, и козни короля Матвѣя.»

Этотъ Рафаель, за свои заслуги, былъ щедро одаренъ императоромъ Фридрихомъ; ему также былъ пожалованъ гербъ: на золотомъ рунѣ, на головѣ буйвола, золотая корона, на которой представленъ левъ, держащій въ одной лапѣ обна-

жизненный мечъ. Потому описанный гербъ принадлежать только одному этому дому. Императоръ пожаловалъ ему еще дипломъ на графское достоинство. После чего, Рафалъ отправился въ Польшу, купилъ себѣ нѣсколько помѣстьевъ и былъ кастеляномъ въ Гивзано и генераломъ въ Куэвинъ.

Упомянутый выше гербъ принадлежитъ также и Меншиковымъ, благородной фамилиі въ краковскомъ воеводствѣ, имѣвшей прежде прозваніе Шлабашей (Schlabaschi.)

Коронная привилегія упоминаетъ о какомъ-то Іоаннѣ Меншикѣ, изъ Добровы. Въ 1436 году онъ былъ воеводою въ Рейселя. Вшаковій говоритъ, что Меншиковы происходятъ отъ Лещинскихъ. Мѣховита пишетъ объ Іоаннѣ Меншикѣ, что онъ во время прусской войны, при Ягеллонѣ, былъ въ военной службѣ и оказалъ большую храбрость. Кроме того, извѣстенъ еще Станиславъ Меншикъ, который былъ старостою въ Санденѣ, и въ царствованіе Сигизмунда и Стефана Баторія служилъ ротмистромъ. У него были два брата, которые славились въ краковскомъ воеводствѣ и принадлежали къ числу знатныхъ дворянъ.

Столько извѣстій мы находимъ у польскихъ лѣтописцевъ о благородной фамилиі Меншиковыхъ! Но какъ они зашли изъ Литвы въ Россію, это можно объяснить изъ слѣдующихъ обстоятельствъ, сообщаемыхъ въ лѣтописяхъ минувшаго XVII столѣтія.

Когда казаки отложились отъ Польши и перешли подъ покровительство Россіи, то достопамятной памяти царь Алексѣй Михайловичъ открылъ войну съ Польшою, продолжавшуюся съ 1655 до 1667 года. Тогда же была ведена война, то счастливо, то неудачно, въ Литвѣ, Украинѣ и Лифляндіи. Въ это время многіе Поляки добровольно присоединились къ Русскимъ, потому-что, не хотѣли ни покориться шведскому королю Карлу-Густаву, ни быть свидѣтелями паденія своего отечества, сокрушаемаго какъ внѣшними, такъ и внутренними врагами. Нѣкоторые же Поляки и Литовцы, при разныхъ битвахъ, были взяты Русскими въ плѣнъ и приведены въ Москву.

• Vide: Moscovia, sive brevis narratio de moribus magnae Russorum monarchiae auctore Paulo Potok-Potoki, Palatini de Braslavience, in IV, Dantisci, 1670 edita.

Такъ какъ эти плѣнники не были выкуплены польскою республикою, — а это было позволено въ Россіи, — и такъ какъ Польша была опустошена войною, заразою, голодомъ и внутренними смутами, то многіе военнопленные Поляки, волею или неволею, рѣшились вступить въ военную или другую службу Его Царскаго Величества. Между тѣмъ иные, неспособные къ военной службѣ, остались въ Россіи на житье. Для нихъ-то въ Москвѣ было отведено особое предмѣстіе или слобода, называвшаяся прежде Мосци-Панска (Mosci-Pansca), а теперь извѣстная подъ именемъ Мясницкой Слободы. Равнымъ образомъ, многія польскія и литовскія семейства, болѣею частию приверженныя къ греческому вѣроисповѣданію, были поселены въ деревняхъ бронницкаго, валдайскаго и другихъ округовъ, совершенно опустѣвшихъ послѣ моровой язвы; здѣсь онѣ нашли такія удобства и получили такія вольности, что легко могли забыть свое отечество.

Въ числѣ послѣднихъ должны быть и многія благородныя фамиліи, приписавшіяся къ мѣщанскому либо крестьянскому сословію, или по невѣдѣнію своихъ предковъ и своего происхожденія, или по нуждѣ и бѣдности, въ которую повергло ихъ плѣнничество. Къ настоящимъ ихъ прозваніямъ, если они были извѣстны, было прибавлено окончаніе *овъ* (что обыкновенно дѣлается въ Россіи теми иностранцами, которые обрусѣютъ (*naturalisirt werden*) или примутъ греческую вѣру), покуда онѣ не получили свидѣній о своемъ благородномъ происхожденіи, или трудолюбіемъ и добрымъ поведеніемъ не вышли изъ этого состоянія и не доказали истинными свидѣтельствами своего дворянскаго происхожденія. Во время жестокихъ войнъ, такая судьба часто постигаетъ дѣтей знаменитыхъ людей; много тому примѣровъ можно найти въ исторіи Турціи, Испаніи, Франціи, Германіи и Діеландіи.

Когда князь Юрій Никитичъ Прозоровскій, въ августъ 1664 года, разбилъ, между Могилевомъ и Быковомъ, литовскаго воеводу Паца, то множество Поляковъ и Литовцевъ или взяты въ плѣнъ и приваждены въ Москву. Въ числѣ

этотъ вѣнчикомъ находился товарищъ Данилъ Меншиковъ *. Такъ какъ онъ, при господствованіи тогда въ Польшѣ наустраивая, не захотѣлъ возвратиться въ свое отечество, то вступилъ въ военную службу, подъ знамена царя Алексѣя Михайловича, и, какъ опытный воинъ, былъ принятъ офицеромъ или стольникомъ, по старинному названію; онъ оказалъ тогда примѣрныя и вѣрныя услуги, за что удостоился его похвалы Его Величество Петръ Великій въ княжескомъ дипломѣ, даникомъ 1 іюня 1707 года, на имя его свѣтлости. Въ чинѣ стольника онъ оставался и по смерти царя Алексѣя Михайловича (послѣдовавшей 1676 года), въ царствованіе Феодора Алексѣевича, и какъ отличный наездникъ, былъ приставленъ къ царской конюшнѣ и пожалованъ чиномъ шталмейстера, или стремяннато, (стремянные обыкновенно держали повода, когда царь садился на коня). По смерти царя Феодора Алексѣевича, когда вступили на престолъ два его брата, Ихъ Величества, Иоаннъ и Петръ Алексѣевичи, въ 1687 и 1689 годахъ, онъ участвовалъ въ крымскихъ походахъ, потомъ оставался въ гарнизонѣ, въ пограничной крѣпости Бѣлгородѣ; а въ 1695 году былъ убитъ подъ Азовомъ.

Прибывъ въ Россію, онъ женился на дочери тверскаго именитаго гостя, Аннѣ Игнатьевнѣ; такъ какъ, въ тогдашнія смутныя времена, онъ долженъ былъ опасаться несприятностей, если бы вздумалъ употреблять свой родовой гербъ, голову буйвола, — нѣкогда принадлежавшій Пскову; то онъ оставилъ его. Отъ этого брака онъ имѣлъ двухъ сыновей и трехъ дочерей (оставшихся безутышными сиротами въ 1695 году), именно:

1) Татьяну Даниловну; за мужемъ за знатнымъ дворяниномъ, Иваномъ Алексѣевичемъ Пушкинымъ, стольникомъ; оба находятся въ живыхъ, хотя и не имѣютъ наследниковъ.

2) Марью Даниловну; была за мужемъ за почетнымъ куп-

* Товарищамъ въ Польшѣ назывались шляхтичи, ходившіе на войну, но нѣтъ.

цомъ Яковомъ Васильевымъ, отъ котораго имѣетъ дочь, Анну Яковлевну; находится въ живыхъ.

3) Александра Даниловича, феникса его фамиліи. Мы будемъ говорить здѣсь преимущественно объ его качествахъ, заслугахъ и княжескомъ достоинствѣ.

4) Андрея Даниловича; умеръ въ юности.

5) Анну Даниловну; за мужемъ за генераль-маіоромъ и генераль-полиціймейстеромъ Антономъ Эммануиловичемъ Девіоромъ, португальскимъ дворянникомъ, а съ 1726 года сенаторомъ російской имперіи.

Этихъ сиротъ, оставшихся послѣ отца и матери (отецъ былъ убитъ во время первой осады Азова, въ 1695 году) въ бѣдственномъ положеніи и еще малолѣтнихъ, Господь призрѣлъ, привелъ къ высокимъ почестямъ и наконецъ поставилъ въ ряду князей.

Александръ, хотя и былъ еще молодъ, но чувствовалъ въ себѣ какое-то внутреннее призваніе, искать счастья, по примѣру своего родителя, въ военной службѣ, и сдѣлаться извѣстнымъ при дворѣ. И въ этомъ такъ посчастливилось ему, что онъ достигъ высочайшей вершины почестей, и сдѣлался первымъ послѣ Его Величества лицомъ въ арміи, и во всемъ русскомъ государствѣ, по своей власти и силѣ.

Въ 1706 году, послѣ калишской побѣды, имя «Александръ» одному польскому поэту подало случай сочинить въ честь Его Величества, а также и его свѣтлости, слѣдующую эпиграмму:

Esset Alexander si rex, Hephestio Regis
Inclutus hic princeps debuisset esse sui,
Menschikius sed Alexander cum nomine regue
Sit; Rex ergo suus Jupiter alter erit *.

Если изображать Александра Великаго, царя македонскаго, удостоивались только знаменитѣйшіе художники, то и наше слабое перо справедливо затрудняется описаніемъ

* Если бы царь былъ Александромъ, то знаменитый князь долженъ бы быть Гефестіономъ царя; но Меншиковъ самъ и имененъ и дѣломъ Александръ; и такъ царь его можетъ быть другимъ Юпитеромъ.

достоинствъ этого Гефестіона, князя. Но какъ его подвиги и государственныя заслуги описаны въ русской исторіи и почти во всѣхъ реляціяхъ, писанныхъ самимъ Его Величествомъ, и кромѣ того заслуженныя похвалы возданы ему въ грамотахъ императоровъ и королей и во многихъ книгахъ безпристрастныхъ чужестранцевъ, то мы помѣстамъ здѣсь только не многіе объ немъ отзывы этихъ послѣднихъ.

Въ *Географическомъ, историческомъ и политическомъ описаніи российской имперіи* (Relazione geografica, storica, politica dell' Imperio di Russia), изданномъ въ Миланѣ, 1714 г., часть II, стр. 5, находится слѣдующій замѣчательный отзывъ о его свѣтлости:

«Князь Александръ Меншиковъ, генералъ-губернаторъ ливондскій, карельскій и ингерманландскій, происходящій отъ одной благороднѣйшей литовской фамиліи, близъ Минска, обладаетъ истинно рѣдкими качествами и украшенъ заслугами, посредствомъ которыхъ онъ достигъ величія. Его отецъ былъ офицеромъ, въ царской службѣ; по этому случаю сынъ еще въ юности посвятилъ себя на службу Его Царскому Величеству. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ обнаруживаетъ живой характеръ, острый и пронизательный умъ; онъ питаетъ необыкновенное уваженіе къ своему государю, который расположенъ къ нему отъ всего сердца, и съ которымъ онъ путешествовалъ въ Германію, Голландію и Англію; въ это время онъ обращалъ вниманіе на все, что, по его мнѣнію, могло послужить къ пользѣ его отечества. Въ настоящее время, онъ уважается вездѣ и всеми, какъ первый любимецъ Его Царскаго Величества; подъ его смотрѣніемъ исполняются важнѣйшія дѣла по придворному, военному и финансовому вѣдомствамъ, въ управленіи которыми онъ оказалъ безчисленные опыты величайшей бдительности и благоразумія. Со всеми онъ уচিতъ, ласковъ и обходителенъ, и съ своими подчиненными поступаетъ чрезвычайно милостиво.

«Блаженной памяти императоръ Іосифъ, свѣдавъ объ отличныхъ достоинствахъ и великихъ заслугахъ этого сановника, соизволилъ, по собственному побужденію, наименовать его княземъ римской имперіи; изъ чего можно заключить, что

еслибы онъ жилъ и не въ Москвѣ, то его великія заслуги возвысили бы его и въ другихъ странахъ.»

Прибавимъ къ этому переводъ означеннаго мѣста, сдѣланный съ некоторыми перемѣнами, въ сочиненіи, изданномъ въ Нюренбергѣ 1718 г.: *Petri M. Leben und Thaten*, и еще въ въ книгѣ *Jetz. Staat von Russland*, напечатанной въ Лейпцигѣ, 1717 г.

Въ первой изъ этихъ книгъ, читаемъ:

«Его свѣтлость, князь Меншиковъ, происходитъ отъ благородной фамиліи, довольно известной въ Литвѣ. Отецъ его служилъ офицеромъ въ царской службѣ; многіе изъ его родственниковъ, въ Литвѣ до сихъ поръ владѣютъ дворянскими помѣстьями близъ Минска; его единовозмуды и сородники съ гордостію указываютъ на то, что одинъ изъ нихъ достигъ такой высоты собственными заслугами. Его Царское Величество принялъ его еще въ молодости въ свою службу, ко двору, и замѣтивъ въ немъ большую ревность и точность въ исполненіи высочайшихъ повелѣній, способный, пронацательный умъ, особенно же необыкновенную вѣрность, любовь и привязанность къ своей особѣ, интересамъ и славу, такъ возвысилъ его, что теперь, какъ первый любимецъ государя, онъ управляетъ важнѣйшими дѣлами при дворѣ и по части военной и финансовой. При этомъ онъ доказалъ многими опытами свою бдительность и предусмотрительность; онъ обходится со всѣми такъ вѣжливо и учтиво, что никто не обнаруживаетъ неудовольствій противъ его правленія, и каждый безъ сомнѣнія долженъ сознаться, что выборъ палъ на этого любимца по волѣ Всемогущаго. Потому и его римско-императорское величество всеидостигнѣе заблагоразсудилъ, по собственному побужденію, признать его княземъ римской имперіи.

«Во время путешествія, Его Царскаго Величества, въ Германіи, Голландіи и Англіи, онъ извлекалъ для себя пользу изъ всѣхъ добрыхъ нравовъ и обычаевъ, постановлений, обря-

* Въ послѣднемъ сочиненіи помѣщенъ буквальный переводъ итальянскаго текста; потому мы опускаемъ его. *Прим. пер.*

догодъ и примѣновъ иностранныхъ дворовъ, и изъ другихъ государственныхъ и правительственныхъ уложеній, которыя теперь такъ счастливо примѣняетъ къ своему правленію, для блага государя, надобно тому, какъ вода принимается впусъ и силу тѣхъ минеральныхъ земныхъ источниковъ, черезъ которыя протекаетъ. До сихъ поръ онъ благоразумно пользуется своимъ цѣлующимъ состояніемъ; но этому можно предполагать, что еслибы онъ жилъ и въ чужихъ краяхъ, то вода достигъ бы высшихъ степеней. Одинъ Литовецъ подписалъ подъ его портретомъ слѣдующіе стихи изъ Ювенала, приписанные къ его прославленію:

• Paec Minsky facies, cujus prudentia monstrat,
Magnos posse viros et clara exempla daturus,
Russorum in Patria, gelidoque sub aëre nasci •.

Иностранные посланники при чужеземныхъ дворахъ обыкновенно въ своихъ донесеніяхъ, посылаемыхъ ихъ великимъ государямъ, уведомляютъ ихъ подробно о состояніи государства и внутреннихъ событіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ описываютъ свойства державныхъ особъ, равно какъ и ихъ министровъ и полководцевъ. Такъ, господинъ Балюзъ, который провелъ одинъ годъ при московскомъ дворѣ, въ качествѣ французскаго посланника, будучи еще въ Москвѣ, читалъ слѣдующее замѣчаніе о его свѣтлости, помѣщенное имъ въ донесеніи французскому королю: «Князь Александръ Даниловичъ человекъ очень образованный и свѣтскій, усвоившій себѣ приемы знатнаго вельможи. Со всѣми онъ обходится чрезвычайно ласково и искренно, привязанъ къ славы и интересамъ своего государя, который оказываетъ ему полное довѣріе. Онъ окружаетъ себя пышностію въ своемъ домѣ и щедро награждаетъ тѣхъ, кто служитъ ему вѣрно. Онъ оказываетъ благосклонность Нѣмцамъ и Англичапамъ. Такъ какъ Его Царское Величество, по видимому, не терпитъ придворной суетливости, то возложилъ на своего любимца

• Вотъ портретъ Меншикова, который своей мудростію доказываетъ, что и въ отечествѣ Русскихъ и подъ суровымъ небомъ могутъ рождаться души великіе, представляющіе собою высокіе образцы.

обязанность принимать у себя всѣхъ представляющихся ко двору; обязанность трудная, которую впрочемъ онъ исполняетъ такъ, что заслуживаетъ справедливое одобреніе. Это каналъ, черезъ который можно искать царскихъ милостей.»

Въ княжеской грамотѣ, данной на имя его свѣтлости въ 1706 году, его римско-императорскимъ величествомъ, изображено, между прочимъ слѣдующее: «Александръ Даниловичъ Меншиковъ! принимаемъ во вниманіе какъ ваше происхожденіе отъ древняго, благороднѣйшаго между Литовцами рода, военные подвиги вашихъ предковъ и важныя заслуги ихъ, не только въ отечествѣ, но и въ чужихъ земляхъ, (потому-что отецъ вашъ, мужъ храбрый въ браняхъ, пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ Государемъ, Царемъ Московскимъ, возлюбленнымъ братомъ нашимъ, былъ поставленъ начальникомъ его придворной стражи, состоявшей изъ благородныхъ мужей), такъ и собственныя ваши достоинства и необыкновенныя дарованія, которыя заблестали въ васъ съ самой юности, и возбудили въ вашемъ Государѣ высокое о васъ мнѣніе; ибо когда вы, вмѣстѣ съ нимъ, образовали себя въ славныхъ и достохвальныхъ наукахъ и занятіяхъ, достойныхъ души благородной, и восхитивъ у вашихъ товарищей пальму первенства, доказали свое умѣніе и способность въ дѣлахъ, онъ, Государь, считая себя въ правѣ ожидать отъ васъ всего великаго и прекраснаго,—кромѣ различныхъ, военныхъ и гражданскихъ почестей и достоинствъ, и грамотъ на ордена, въ Московіи—Св. Андрея, въ Польшѣ Бѣлаго Орла, въ Пруссіи *de generositate*, далъ вамъ первенство между своими любимцами и приближенными; потомъ какъ участника своихъ намѣреній и дѣйствій и спутника въ своемъ путешествіи въ Германіи и Голландіи, удостоилъ своей особенной благосклонности, милости и даже любви; а чтобы яснѣе доказать это, назначилъ васъ гофмейстеромъ при своемъ возлюбленномъ сынѣ, пресвѣтлѣйшемъ князѣ, Алексѣѣ Петровичѣ; когда, по открытіи войны въ Ливоніи, вы подавали собою блистательный примѣръ въ осадахъ, битвахъ и другихъ экспедиціяхъ, то ввѣрилъ вашему управленію провинціи Ингерманландіи, Кареліи и Финляндіи и пр....»

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

Современная Летопись и Политика.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЗОРЕНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Англія.

По открытіи парламента, послѣдовавшемъ 18 ноября, нѣсколько дней продолжалась присяга новыхъ членовъ; а 23 ноября были открыты парламентскія пренія троякою рѣчью, которая впрочемъ была произнесена не самою королевою, но однимъ изъ членовъ парламента. Вотъ эта рѣчь:

«Милорды и господа! Ея Величество поручила намъ объявить вамъ причины, побудившія ее созвать парламентъ въ настоящее время. — Ея Величество замѣтила, съ большою горестью, стѣсненіе, господствовавшее, нѣкоторое время, между торговыми сословіями. Торговля затрудненія до того увеличилась, въ одно время, общимъ чувствомъ недовѣрія и смущенія, что Ея Величество, желая возстановить довѣріе, уполномо-

мочила своихъ министровъ предложить директорамъ англійскаго банка образъ дѣйствія, сообразный съ этимъ положеніемъ вещей. Такія дѣйствія могли подать поводъ къ нарушенію существующаго закона. Ея Величеству весьма пріятно извѣститъ васъ, что законъ не былъ нарушенъ, что опасеніе уменьшилось и бремя, тяготѣвшее надъ банкомъ и торговыми выгодами, ослабло. — Обильная жатва, которую Всевышній благословилъ сію страну, облегчила бѣдствія, всегда сопровождающія недостатокъ въ занятіи въ фабричныхъ округахъ. Однако же, Ея Величество должна сожалѣть о возвращеніи обременительной нужды въ Ирландіи, въ слѣдствіе неурожая, обыкновеннаго средства продовольствія народа. — Ея Величество надѣется, что это бѣдствіе будетъ существенно облегчено производимыми усиліями къ приведенію въ исполненіе закона предшествовавшаго засѣданія, о вспоможеніи нуждающимся бѣдными людямъ. Ея Величество узнала съ удовольствіемъ, что многіе землевладѣльцы воспользовались средствами, доставленными имъ великодушіемъ парламента, для улучшенія своихъ земель. — Ея Величество сожалѣетъ, что въ нѣкоторыхъ ирландскихъ графствахъ были совершены возмущающія преступленія и обнаружился духъ неповиновенія, ведущій къ систематическому сопротивленію противъ законовъ правъ. — Лордъ-лейтенантъ употребилъ съ ономъ и рѣшительностью средства, предоставленныя ему закономъ, для открытія преступниковъ и для предупрежденія повторенія преступленій. Однако же, Ея Величество считаетъ своимъ долгомъ, въ отношеніи къ мирнымъ, благонамѣреннымъ подданнымъ, *требовать содѣйствія парламента* въ принятіи дальнѣйшихъ мѣръ противъ совершенія преступленій въ нѣкоторыхъ ирландскихъ графствахъ. — Ея Величество взраетъ съ глубочайшимъ опасеніемъ и участіемъ на нынѣшнее положеніе Ирландіи, и предлагаетъ на обсужденіе парламента мѣры, которыя, при должномъ уваженіи къ правамъ достоинства, могли бы споспѣшествовать общественному положенію народа и служить сей части соединеннаго королевства къ прочному улучшенію. — Ея Величество узнала, съ величайшею заботой, объ открытіи *междоусобной войны съ Швеціаріи*. — Ея Величество вступила въ переговоры по это-

ну средству съездили: совершили и исполнили свои обязанности и употребили свое дружелюбное влияние для доставления Швейцарца въ миръ. — Ея Величество получаетъ полное довѣренность на охраненіе общаго мира въ Европѣ. — Ея Величество заключила договоръ съ республикою Экуадоромъ о вѣдываніи порта испанца. Ея Величество поручила представить вамъ трактатъ. — Господа члены Нижней палаты! Ея Величество поручила приготовить сметы на будущій годъ для представленія къ вамъ. Онѣ будутъ составлены съ тщательнѣйшимъ обсужденіемъ потребностей публичнаго управленія. — Милорды и герцога! Ея Величество предлагаетъ на обсужденіе парламента законы, приводящіе въ устройство *судоходство Соединеннаго Королевства*, дабы было изслѣдовано, нельзя ли провѣстивъ какого либо наведенія; которое, не ослабляя нашей силы на морѣ, могло бы сдѣлать существовать торговымъ и колониальнымъ выгодамъ государства. — Ея Величество изволила назначить комиссара, который долженъ донести о лучшихъ средствахъ къ улучшенію *остатковъ здоровья столицы*, и Ея Величество въ особенности поручаетъ вамъ полному извѣданію тѣ мѣры, которыя будутъ вамъ представлены касательно *остатковъ здоровья вообще*. — Ея Величество ощутила глубокое участіе въ страданіяхъ, постигшихъ рабочія сословія въ фабричныхъ округахъ Великобританіи и ирландскихъ частей Ирландіи, и замѣтила съ удивленіемъ великое терпѣніе, съ которымъ эти страданія вообще переносятся. — Нужда, господствующая между торговыми сословіями, причиняюща убытокъ во многихъ важныхъ отрасляхъ государственнаго дохода, но Ея Величество доверчиво надѣется, что уже впрямь недалеко, когда, при благоволеніи Божественнаго Провидѣнія, торговля и промышленность Соединеннаго Королевства вновь приобретутъ свою обычную дѣятельность. »

Засѣданія парламента съ дня его открытія продолжались до 20 декабря; въ этотъ день они закрыты до 3 февраля. Въ продолженіе этого времени, была частію только предложены, а частію рассмотрены слѣдующіе замѣчательные биллы: 1, объ изслѣдованіи коммерческаго кризиса и

этого закона 1844 г. 2, объ отсрочкѣ коннаціи желѣзныхъ дорогъ; 3, о прекращеніи преступленій въ Ирландіи; 4, объ эмансипаціи Евреевъ; 5, о римскихъ католикахъ.

Касательно коммерческаго кризиса, болѣе опредѣлительныя и основательныя свѣдѣнія находимъ въ одной изъ рѣчей *Чарльза Вуда*. По его словамъ, законъ Банковомъ 1844 г. не былъ нисколько причиною кризиса и всякая другая система не уменьшила бы бѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства были такъ дурны, какъ никогда не бывали въ продолженіи 25 лѣтъ; корень зла положенъ лѣтомъ 1846 г., когда было вывезено много денегъ за границу, когда былъ неурожай картофеля и употреблено много денегъ на желѣзныя дороги. Между тѣмъ запасъ денегъ не соответствовалъ нуждѣ въ нихъ. Банкъ по неблагоразумію довелъ дѣла до того, что когда въ апрѣлѣ нужно было уплатить дивиденды, онъ отложилъ ихъ до мая, что произвело большую нужду въ торговомъ мірѣ. Не смотря на мѣры правительства, еще въ іюнѣ сумма банковыхъ билетовъ простиралась до 18.250,000, а въ іюлѣ до 18.900,000. Ввозъ хлѣба съ іюня 1846 г. до октября 1847 г., въ 15 мѣсяцевъ, простирался до 33.563,475 ф. ст. Расходы на желѣзныя дороги въ 1-й половинѣ 1846 простирались до 9.815,000, а во 2-й до 26.670,000 ф. ст.; въ первой же половинѣ этого года до 25.770,000 и если будутъ оканчиваться желѣзныя дороги, то до 38.000,000 потребуютъ еще во 2-й половинѣ этого года. Большая часть торговыхъ дѣлъ были въ худомъ состояніи и кредитная система была не дѣйствительна. Кредитъ былъ не соответственъ капиталу. Какъ легкомысленно поступили, видно изъ того, что Королевскій Банкъ въ Ливерпулѣ далъ въ займы одному дому 500,000, имѣя только 600,000 ф. ст. всѣхъ денегъ. И такъ видно, что и безъ Банковаго закона были банкротства. Банкъ долго удерживалъ кредитъ и только 2 октября уменьшилъ свои ссуды. Многие изъ недоувѣрія не употребляли свои капиталы. Со всѣхъ сторонъ обратились къ министрамъ съ просьбами. Слѣдствіемъ этого было писмо министровъ къ директорамъ Банка отъ 25 октября. Хотя

принятые мѣры оказались достаточными и довѣріе восстановлено, но банкротства продолжались; торговля еще въ стѣсненномъ положеніи, но уже торговые циркуляры благоприятны и заказы изъ-за границы увеличиваются; по этому можно надѣяться, что зимою не будетъ такой нужды и торговля придетъ въ обыкновенное свое хорошее положеніе. По предложенію г. Вуда, въ Нижней палатѣ, и г. Лаундсдоуна, въ Верхней, для разсмотрѣнія вопроса о коммерческомъ кризисѣ, назначены слѣдственные комитеты.

Былъ о продолженіи компаній желѣзныхъ дорогъ срока, необходимаго для пріобрѣтенія матеріаловъ и совершенія построекъ, также внесенъ лордомъ-канцлеромъ Вудомъ. Сиръ Чарльзъ Вудъ при этомъ объяснилъ, что требованія денегъ на желѣзныя дороги онъ считаетъ если не главною, то и не маловажною причиною настоящаго бѣдственнаго положенія. Чрезвычайное возрастаніе этихъ предпріятій видно изъ показанія суммъ, употребленныхъ на это: до 1826 г. употреблено было на желѣзныя дороги около 1½ милл. ф. стер., отъ 1826 до 1835—19 милл. ф. ст.; въ 1836 и 1837 г.—болѣе 36-ти милл., въ слѣдующіе затѣмъ годы сумма была незначительна, но въ 1844 и 1845 г. было собрано съ разрѣшенія парламента 74 милл., въ 1846 г.—132 милл., а въ настоящемъ 38 милл. ф. ст. Нижней палатѣ предстоитъ теперь принять мѣры къ благоразумному распредѣленію капиталовъ на желѣзныя дороги. Было бы хорошо, если бы расходы были распредѣлены на гораздо большее время, чѣмъ какъ это предоставлено привилегіями, съ тѣмъ, чтобъ дать болѣе удобства относительно пріобрѣтенія матеріаловъ, ибо компаніи принуждены, по причинѣ короткаго срока, реализовать часть своего капитала. Владѣльцы должны быть вознаграждены за убытокъ отъ промедленія построекъ желѣзныхъ дорогъ. Впрочемъ министръ прибавилъ въ заключеніе, что и парламентъ обязанъ съ своей стороны дѣйствовать осмотрительнѣе относительно привилегій на желѣзныя дороги, если хочеть ослабить вліяніе ихъ на денежный рынокъ. Этотъ билль утвержденъ королевскою.

Главныя образцы утвержденъ и билль о мѣрахъ для

действительнѣйшаго подавленія преступленій въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи. Этимъ биллемъ предоставляется ирландскому номблестнику право обезоруживать всякое грабство или дѣлать округъ, какого бы прострѣянства онъ ни былъ, и перенести туда подкрѣпленіе полиціи, на счетъ наказаннаго такимъ образомъ округа.

Предложеніе объ эмансипаціи Евреевъ внесено лордомъ *Джономъ Росселемъ*. Онъ предложилъ именно, чтобы палата составила изъ себя общій комитетъ для разсмотрѣнія билля объ оти́внѣ существующихъ еще неравностей въ правахъ, тяготящихся на еврейскихъ подданныхъ Ея Величества. Рѣчь, въ которой первый министръ развилъ свое предложеніе, была принята съ одобреніемъ. Только представитель Оксфорда, сирь Р. Инглейсъ, рѣшительно опровергалъ предложеніе, указывая, что дѣло идетъ о вопросѣ не между христіанами и Евреями, но между христіанами и не-христіанами, ссылаясь на то, что Евреи не могутъ приносить христіанской присяги и совершать христіанскихъ молитвъ, и объявлять напередъ, что предложенный билль имѣетъ цѣль ввести р-на Ротшилда въ парламентъ. Лордъ Джонъ Россель, не смотря на возраженія р-на Инглейса, предложилъ собрать голоса о слѣдующемъ предложеніи: «Полезно оти́внѣть всѣ существующія вышн неравности въ гражданскихъ правахъ еврейскихъ подданныхъ Ея Величества, съ тѣми исключеніями, которые были сдѣланы для римско-католическихъ подданныхъ Ея Величества». Послѣ собиранія голосовъ оказалось въ пользу предложенія большинство въ 67 голосовъ.

Насательно вопроса объ Евреяхъ, въ «Morning Chronicle» помѣщены слѣдующія разсужденія: «Проектъ объ эмансипаціи англійскихъ Евреевъ составляетъ не вчера; онъ предлужаетъ уже въ 1833 году. Изъ парламентскихъ речей видно, что 17 апрѣля этого года шведскъ палата, образованная въ комитетъ, въ слѣдствіе предложенія *Роберта Фрэнкса*, рѣшила слѣдующее: «Необходимо оти́внѣть всѣмъ гражданскимъ ограниченіямъ, вѣдающимъ Евреевъ, находящимся въ подданствѣ Ея Величества также, какъ это было сдѣлано въ пользу подданныхъ нидерландскъ Ея Величества, королю нидерландскъ».

Но этому случаю, Роберт Грант показывал: все несомнительность истины, что учение и религиозныя вѣрованія Израильскія дѣлаютъ ихъ несоціальными, отдаляютъ ихъ отъ другихъ Британскихъ подданныхъ и препятствуютъ имъ быть добрыми и мартыри гражданами. Говорить это, сказалъ онъ, значитъ не знать ученія и исторіи Израильскія. Даже во время плѣна, когда они должны были терпѣть самыя несправедливыя преслѣдованія, священныя ихъ свидетели сохранили имъ вести себя мирно и быть покорными государямъ, поддержавою которыхъ они должны жить. Это-же самое ученіе было, въ новейшее время, признано и освящено ихъ высшими будами, собранными въ 1803, по повелѣнію Наполеона. На вопросъ, который имъ былъ предложенъ императоромъ: считаютъ ли Евреи себя связанными законами и обычаями той страны, въ которой они признаны гражданами? они отвѣтили: «что всякій Израильскій, признанный гражданиномъ въ государствѣ, въ которомъ онъ живетъ, обязанъ, слѣдуя буквальному смыслу ихъ религиозныхъ вѣрованій, повиноваться его законамъ, содѣйствовать его защитѣ противъ всякаго неприятелискаго нападенія, и если онъ долженъ вринаться за оружіе, то освобождается, во время службы, отъ обязанностей своего неповѣданія, если онъ не совѣтенъ съ военною службою.» Ораторъ прибавилъ, что, открывъ катехизисы, содержащіе первыя основанія религиозныхъ вѣрованій и изданныя для израильскаго юношества, онъ вездѣ нашелъ на вопросъ: «обязаны ли Израильскіе повиновеніемъ государю и законамъ той страны, гдѣ они живутъ?» слѣдующій отвѣтъ: «Разумѣется; пока не придетъ нашъ Мессія, государь, подъ покровительствомъ котораго мы живемъ, долженъ быть считаемъ государемъ Израилемъ, и государство, въ которомъ мы живемъ и правительство котораго заботится о нашей безопасности в нашемъ благосостояніи, должно быть считаемо страной нашихъ предковъ». Въ тогдашней Верхней палатѣ, покойный герцогъ Суссекскій сдѣлалъ жаркимъ защитникомъ эмиграціи Евреевъ «Я представляю вамъ, господа, сказалъ онъ, прошеніе, подписанное 7,000 Англичанъ, исповѣдывающихъ христіанскую вѣру и просящихъ благородную пала-

ту утвердить билль въ пользу эмансипаціи Евреевъ. Представляя его, я прибавлю, что буду поддерживать этотъ билль также, какъ поддерживалъ билль въ пользу католиковъ, но той причинѣ, что считаю справедливымъ и неоспорнымъ право приверженцевъ всякаго религіознаго вѣрованія, участвовать вмѣстѣ съ своими согражданами въ совершенномъ и полномъ пользованіи правами гражданскими. Въ продолженіе столькихъ лѣтъ, прожитыхъ ими въ этой странѣ, они всегда являлись гражданами вѣрными, покорными государю и послушными законамъ государства. Они еще болѣе отличились дѣятельнымъ участіемъ, оказываемымъ ими благотворительнымъ заведеніямъ всѣхъ другихъ исповѣданій, услугами въ развитіи торговли и промышленности, этихъ главныхъ источниковъ благосостоянія и счастья нашего общаго отечества». Даже архіепископъ дублинскій говорилъ рѣчь въ томъ же смыслѣ въ Верхней палатѣ. Этотъ прелатъ даже пошелъ далѣе, объявивъ, что онъ считаетъ оскорбительнымъ для христіанской религіи утверждать, какъ это дѣлали, что эмансипація Евреевъ можетъ быть опасною для благоденствія и крѣпости церкви епископальной. Она стоитъ, сказалъ онъ, на слишкомъ крѣпкомъ и твердомъ основаніи, чтобы эмансипація Евреевъ или другихъ диссидентовъ могла нанести ей ударъ. И потому онъ не видитъ никакой благовидной причины, по которой бы можно было отказать въ ней Евреямъ, послѣ того какъ она была предоставлена католикамъ. Съ тѣхъ поръ, заключаетъ этотъ журналъ, прошло 14 лѣтъ, въ-продолженіе которыхъ народъ англійскій, вѣроятно, не отсталъ въ цивилизаціи и терпимости, такъ что можно ожидать успѣха отъ настоящаго билля лорда *Д. Росселя*.

Послѣдній изъ упомянутыхъ нами выше биллей, т. е., о римскихъ католикахъ, принадлежитъ г-ну *Анстю*. Этотъ билль имѣетъ цѣлью уничтоженіе существующихъ еще старыхъ постановленій о наказаніяхъ римскихъ католиковъ за ихъ религіозныя вѣрнія. Эти постановленія, разумѣется, съ давнихъ временъ не исполняются, но между-тѣмъ они существуютъ, и г-нъ *Анстей* предлагаетъ смыть это пятно съ англійскаго законодательства.

Ирландія.

Новѣстїя изъ Ирландїи представляютъ мрачную картину внутреннихъ неустройствъ. Во многихъ частяхъ ирландскихъ графствъ Типперари, Анмерикъ, Клеръ и Роскоммонъ, уже до такой степени усилѣлись убійства, что никто не смѣетъ собирать арендныхъ денегъ или налога въ пользу бѣдныхъ. Арендаторы могутъ выходить изъ своихъ домовъ только днемъ и подъ прикрытіемъ вооруженнаго конвоя; ночью, они принуждены тщательно охранять свои дома. Многія семейства укрылись въ Дублинѣ.

Франція.

28 декабря король лично открылъ собраніе палатъ. — Въ часть по полудни Его Величество оставилъ Тюльрийскій дворецъ. Кorteжъ двинулся въ слѣдующемъ порядкѣ: эскадронъ одного изъ полковъ гарнизона; эскадронъ національной гвардіи; генералы *Карбонель* и *Перро* со штабами національной гвардіи и гарнизона; королевская карета; у правыхъ дверей генералъ-лейтенантъ *Жакмино*; у лѣвыхъ генералъ-лейтенантъ *вионтъ Тюрсъ Себастьяни*, командиръ первой военной дивизіи; вокругъ кареты офицеры двора Его Величества; за каретою штабъ военной дивизіи и большое число генераловъ и офицеровъ; эскадронъ національной гвардіи; кареты, въ которыхъ находились маршалъ *Сультъ* и прочіе маршалы; другія кареты заняты офицерами, принадлежащими къ штату короля и принцевъ. Отъ Тюльрийскаго дворца до зданія палаты депутатовъ выставлены были шпалерами многочисленныя отряды легионовъ національной гвардіи и линейное войско. Несмотря на суровую погоду, множество любопытныхъ съ раннего утра толпились у рѣшетки дверей, ведущихъ въ публичную трибуну. Послѣдняя тотчасъ наполнилась, лишь только открылись двери. Первые ряды въ галлерейхъ занимали по обыкновенію дамы. Въ половинѣ перваго зала начала оживляться появленіемъ перовъ и депутатовъ. Вокругъ извѣстѣйшихъ ораторовъ составлялись группы и вновь избранные члены получали со всѣхъ сторонъ поздравленія. Дипломатическая трибуна была занята сносно и блистала удиврами столь же богатыми

как и разнообразныя. Внизу вокруг эстрады, на которой находились кресла для короля и складные табуретки для принцев, поставлены были скамьи для министров, для парламента Франціи и для депутацій Почетнаго Лестонскаго и государственнаго совѣта. Въ часъ по полудни, шумный выстрѣлъ съ зала Инвалиднаго Дома возвѣстывъ, что королевскій полкъ отъѣзжая изъ Тюильри. Вскорѣ послѣ того министры въ парадныхъ мундирахъ и въ орденахъ заняли свои мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ: по правую сторону трона г. *Газо*, президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ; генералъ *Трозель*, военный министръ; герцогъ *Монтебелло*, морской министръ; г. *Жерь*, министръ публичныхъ работъ; г. *Дюмонъ*, министръ финансовъ. По лѣвую сторону трона: г. *Гберъ*, хранитель печати; г. *Дюшатель*, министръ внутреннихъ дѣлъ; г. *Кюженъ-Гридею*, министръ торговли; г. *Сальванди*, министръ народнаго просвѣщенія. — Маршалъ *Бюжо* при входѣ принимаетъ поздравленія г-на *Газа*, генерала *Трезели* и г. *Дюшатель* и помѣщается на скамьи парламента, которую занимаютъ герцогъ *Далламанъ* и маршалы *Жераръ*, *Молиторъ* и *Рувиль*. — При входѣ королевы и принцевъ всѣ встаютъ съ своими мѣста при восклицаніяхъ: *Да здравствуетъ королева! Да здравствуетъ герцогиня Орлеанская и графъ Парижскій!* — Большая депутація палаты перовъ, предшествуемая графиней *Поршлицсою*, вице-президентомъ, и большая депутація палаты депутатовъ, предшествуемая г. *Сапитемъ*, президентомъ по старшинству лѣтъ, встрѣтивъ короля входятъ въ залу и занимаютъ назначенныя для нихъ мѣста. — Одинъ изъ приверженковъ палаты: *король!* — Король, въ мундирѣ національной гвардіи, вступаетъ въ залу, предшествуемый сыновцами своими и многочисленными штабомъ. Его Величество бадро вводится по ступенямъ эстрады; въ залѣ, гдѣ всѣ встали съ своими мѣста, раздаются и повтораются со всѣхъ сторонъ, какъ бы *здравствуетъ король!* По правую сторону Его Величество помѣщается герцогъ *Нелурекій*, а по лѣвую принцъ *Жуванальский* и герцогъ *Моньяль*. Король надѣется собранію, садится, шурькаетъ головою и произноситъ твердою голосомъ слѣдующую рѣчь:

«Гг. Морз, гг. депутаты.

«Почитаю себя счастливымъ, что нахожусь посреди васъ, не нѣтъ болѣе причины скорбѣть о бѣдствіяхъ, врѣшительныхъ отечеству нашему дороговизною съѣстныхъ припасовъ. Франція перенесла бѣдствія съ мужествомъ, которое меня глубоко тронуло. Никогда въ подобныхъ обстоятельствахъ общественный порядокъ и свобода сношеній не были столь повсемѣстно поддерживаемы и сохранены. Невсѣрпаемая ревность частной благотворительности содѣйствовала нашимъ общимъ успѣхамъ. Торговля наша, благодаря ея благотворной дѣятельности, была только въ слабой степени постигнута кризисомъ, который ощущали въ другихъ государствахъ. Мы приближаемся къ концу этихъ искушеній. Небо благословило народный трудъ и обильная жатва снова волевернетъ повсюду благосостояніе и довольство. Радуюсь тому вмѣстѣ съ вами.

«Полагаюсь на ваше содѣйствіе для приведенія къ окончанію важныхъ общественныхъ работъ, которыя распространяя по всему государству быстроту и легкость сообщеній, должны открыть новые источники благоденствія. Назначая во время войны достаточные способы для этихъ работъ, мы, во всемъ руководствуясь строгою экономіею, будемъ надзирать за вольнымъ употребленіемъ государственныхъ доходовъ, и я надѣюсь, что эти доходы покроютъ издержки обыкновеннаго государственнаго бюджета, который безотлагательно будетъ вамъ представленъ.

«Вамъ также будетъ представлять проектъ особаго закона касательно пониженія цѣны на соль и облегченія таксы за пересылку швей въ сообразно съ удовлетворительнымъ положеніемъ нашихъ финансовъ. (*Ощія знани удобљьствія*).

«Проекты законовъ касательно народнаго образованія, тюремнаго устройства и таможенныхъ пошлинъ тарифовъ представлены уже на ваше одобреніе. Рядомъ образцовъ вамъ будутъ представлены и другіе проекты, относящіеся до важныхъ предметовъ, какъ импортировать дознамустать, принадлежащихъ обществу, до системы заложень, до ломбардовъ, до приспособленія сберегательныхъ взносов къ новымъ улучшеніямъ общественныхъ работъ и классовъ. Местоположеніе желаніе пое заключаетъ

ся въ томъ, чтобы правительство мое при содѣйствіи' вашемъ стремилось, въ одно и то же время, къ развитію нравственности и благосостоянія народа. (*Многочисленные восклицанія*).

«Сношенія мои со всѣми вностранными государствами внушаютъ мнѣ увѣренность на счетъ упроченія общаго мира. Я надѣюсь, что успѣхи общей цивилизаціи совершатся повсюду при взаимномъ согласіи между правительствами и народами, безъ нарушенія внутренняго порядка и дружественныхъ отношеній между государствами.

«Благосостояніе Швейцаріи было нарушено междоусобной войной. Мое правительство согласилось съ правительствами англійскимъ, австрійскимъ, прусскимъ и россійскимъ, чтобы предложить этому сосѣдственному и дружественному намъ народу доброжелательное посредничество. Швейцарія, я надѣюсь, признаетъ, что уваженія правъ и сохраненіе основныхъ постановленій Гельветическаго союза одніи могутъ упрочить благополучіе и безопасность ея, обеспеченныя трактатами Европы.

«Правительство мое, по соглашенію съ правительствомъ королевы великобританской, приняло мѣры, должествующія наконецъ возстановить наши коммерческія сношенія на берегахъ Ла-Платы.

«Знаменитый начальникъ долго и славно командовавшій въ Алжирѣ, пожелалъ отдохнуть отъ трудовъ своихъ. Я поручилъ моему возлюбленному сыну, герцогу *Омальскому*, важную и трудную обязанность управленія этою французскою землею. Лишу себя надежду, что подъ руководствомъ моего правительства и благодаря трудолюбивому мужеству окружающей его арміи, онъ успѣетъ бдительностію и преданностію своею упрочить спокойствіе, хорошее управленіе и благоденствіе въ нашей колоніи. (*Общее одобреніе*).

«Ми. гг. чѣмъ далѣе я подвигаюсь впередъ на поприщѣ жизни, тѣмъ съ большею преданностію посвящаю служенію Франціи, служенію ея интересамъ, ея достоинству и благоденствію всю дѣятельность и всѣ силы, дарованныя мнѣ Богомъ и доселѣ Имъ сохраняемыя. Посреди волненья, распространенныхъ несправедливыми или слѣпыми страстями (*сильное и продолжительное внемчательное*), мнѣ одушевляетъ и поддерживаетъ

васть убѣжденіе, что конституціонная монархія и соединеніе великихъ государственныхъ властей доставляютъ намъ вѣрные средства къ преодолѣнію всѣхъ этихъ препятствій и къ поддержанію всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ нашего любезнаго отечества. Будемъ же на основаніи хартіи, съ твердостію охранять общественный порядокъ и всѣ его условія. Постараемся на основаніи той же хартіи обезпечить общественныя права и упрочить ихъ развитіе. Мы передадимъ неприкосновеннымъ слѣдующимъ поколѣніямъ вѣренныи намъ залогъ и они, конечно, будутъ благословлять насъ за то, что мы воздвигли и защищали зданіе, подъ сѣнью котораго они будутъ жить счастливо и независимо.»

Рѣчь эта сопровождалась выраженіями, энтузіазма, которому до сихъ поръ мы видѣли мало примѣровъ. Перы, депутаты, министры и маршалы, и всѣ зрители, сидѣвшіе во время рѣчи Его Величества, внезапно встали съ своихъ мѣстъ и долгое время наполняли залу восклицаніями: да здравствуетъ король!

Когда въ залѣ возстановилась тишина, министръ внутреннихъ дѣлъ принялъ приказанія отъ короля, пригласилъ вновь избранныхъ депутатовъ къ принесенію присяги, и прочиталъ слѣдующую формулу:

«Клянусь въ вѣрности королю Французовъ, въ повновесеніи конституціонной хартіи и законамъ государства, и общаю поступать во всемъ, какъ то приличествуетъ доброду и честному депутату.» Новые депутаты были вызваны по алфавитному порядку и произнесли присягу. За тѣмъ г. *Геберъ*, хранитель печати, принявъ равнымъ образомъ приказаніе отъ короля, объявилъ, что собраніе палаты 1843 года открыто и пригласилъ веровъ и депутатовъ собраться завтрашній день въ мѣстахъ своихъ засѣданій и приступить къ своимъ занятіямъ.— Король и принцы удалились посреди новыхъ восклицаній. Отъѣздъ королевсы сопровождался кликаніемъ: Да здравствуетъ королева. Да здравствуетъ герцогиня Орлеанская и графъ Парижскій!—Краткое засѣданіе это, продолжавшееся не болѣе двадцати минутъ окончилось въ три четверти втораго. Вторичный залѣзъ возвѣстилъ объ отъѣздѣ кортежа и о возвращеніи его въ Тюильри тѣмъ же порядкомъ. Повсюду на пути своемъ ко-

решать призывает тронные и радостные возгласия
нами;

— Шведия.

Его Величество король шведский лично открылъ, 28-го ноября, сеймъ слѣдующею рѣчью:

«Господа!

«Съ радостію и довѣріемъ вижу васъ собранныхъ опять вокругъ трона, для возобновленія нашихъ совѣщаній о дѣлахъ отечества.

«Всемогущій Благословилъ наше отечество тишиною и миромъ, которые не нарушались въ продолженіе лѣтъ, протекшихъ со времени послѣдняго нашего собранія. Однакожъ въ этииъ годахъ были также дни испытанія и заботы. Недостаточная жатва перваго слѣдила необходимыми значительное пособіе со стороны казны и частной благотворительности. Второй, прінесъ намъ болѣе обильную жатву, опустошилъ самыми плодородными землями Европы неурожаемъ, детомъ почти вселихвиномъ, и грозилъ Швеціи опасностью, вслѣдствіе несоразбѣрнаго вывоза съѣстныхъ припасовъ, лишиться источника существованія, необходимыхъ для нея самой. Чувство долга, лежащаго на мнѣ въ отношеніи къ моему народу, заставило меня противопоставить этому закону временное ограниченіе вывоза. Эти тягостныя обстоятельства болѣе не существуютъ. Божественное Провидѣніе благословило наши поля и доставило намъ новый случай быть признательными. Но мы не должны забывать предостереженій, извлеченныхъ нами изъ опыта. Я предлагаю вамъ, господа, мѣры, которые, по моему мнѣнію, могутъ скорѣе всего предохранить государство отъ опасностей подобнаго кризиса и избавить ваше королевство отъ необходимости выбирать между помещиками, кашихъ требуютъ нужды и бѣдность, и поддерживать править политическаго законности, пользы которыхъ признаніе вѣдны.

«Давно ощущаемая необходимость улучшеній, требуемыхъ многими отраслями администраціи, была предметомъ моей

постоянной работливости. Я разсматривалъ желанія, выраженные вами на предшествовавшемъ сеймѣ, и, къ особенному удовольствію, часто находилъ ихъ согласными съ новымъ образомъ мыслей.

«Вы уже приняли главныя основанія новаго уголовного кодекса, болѣе приспособленнаго къ нравамъ и потребностямъ нашего вѣка. Уголовныя постановленія, заключающіяся въ этомъ кодексѣ, строгія, но не заглушающія чувствъ просвѣщеннаго челоуѣчества, будутъ снова представлены вашему разсмотрѣнію.

«Отвѣчая желанію, изъявленному вами на послѣднемъ сеймѣ, я поручилъ особой комиссіи предварительно заняться вопросами, относящимися къ народному представительству. Труды этой комиссіи и собранныя ею статистическія данныя будутъ сообщены вамъ, господа, и я увѣренъ, что вы подвергнете этотъ важный предметъ зрѣлому и безпристрастному обсужденію, какого требуетъ благосостояніе отечества и важность вопроса.

«Отношенія соединенныхъ королевствъ къ иностраннымъ державамъ, основанныя на дружествѣ и взаимномъ уваженіи, не оставляютъ ничего желать болѣе.

«На прошломъ сеймѣ я объявилъ чинамъ о своемъ наміреніи повелѣть изготовить планы, по которымъ было бы можно усовершенствовать нашу оборонительную систему: эти планы представлены мнѣ для утвержденія и будутъ сообщены вамъ. Прошу васъ обратить особенное вниманіе на этотъ предметъ, такъ близко касающійся достоинства и независимости отечества.

«Въ теченіе прошлаго года издапы мною новыя постановленія насчетъ внутренней торговли, какъ равно ремесель и художествъ. Открывая болѣе свободное поле промышленнымъ дарованіямъ и званіямъ, эти постановленія доставляютъ каждому лицу болѣе удобныя средства къ обезпеченію его существованія.

«Разработка рудниковъ и кузнечное дѣло получили, благодаря новымъ распоряженіямъ въ ихъ пользу, болѣе обширную свободу дѣйствія. Такая свобода, когда будутъ пользоваться

ею съ благоразуміемъ и осторожностію, должна имѣть вліяніе на развитіе и преуспѣваніе этихъ отраслей національной промышленности.

«Я продолжаю обращать особенное вниманіе на упрощеніе сбора податей и счетной части государственнаго управленія. По моему приказанію, мнѣ представленъ подробный докладъ объ этомъ предметѣ. Внимательно разсмотрѣвъ этотъ проэктъ, я одобрялъ тѣ его части, которыя по моему мнѣнію, должны быть, для общей пользы, приведены въ дѣйствіе, и о которыхъ сообщу вамъ въ особомъ предложеніи.

«Безъ сомнѣнія, господа, вы раздѣлите удовольствіе, съ какимъ объявляю вамъ, что, при благородномъ содѣйствіи, оказанномъ вами моему предложенію, невольничество на островѣ Св. Варооломея будетъ навсегда уничтожено съ истеченіемъ нынѣшняго года.

«Первоначальное обученіе ревностно введено въ большую часть общинъ королевства, сообразно съ предписанными мною правилами.

«Въ слѣдствіе поданной вами просьбы, сдѣлано распоряженіе о прокормленіи немущихъ.

«Различныя классы общества сознаютъ необходимость обученія въ болѣе обширномъ объемѣ и требуютъ улучшеній въ элементарныхъ школахъ. Въ этомъ отношеніи изготовлены проэктъ, осуществленіе которыхъ болѣею частью зависить отъ фондовъ, какіе вы для того назначите.

«Господа! Ваши совѣщанія начинаются. Призываю на нихъ благословеніе Неба и повторяю предъ вами увѣреніе въ моей королевской милости.»

Пруссія.

Во Всеобщей Прусской газетѣ 6 декабря обнародованъ слѣдующій королевскій декретъ: » Мы *Фридрихъ-Вильгельмъ*, Божіею милостию король прусскій, и проч. Уже въ посланіи нашемъ къ чинамъ соединеннаго сейма, отъ 24 іюля с. г., изъявили мы намѣреніе, въ слѣдствіе существеннаго разногласія отзы-

вошь областныхъ чиновъ, предложить новый уголовный кодексъ на обсужденіе Соединенному Комитету чиновъ и, для сей дѣли созвать этотъ комитетъ въ возможно-скоромъ времени. Нынѣ, когда окончены нужныя къ тому приготовленія, мы положили открыть засѣданія соединеннаго комитета чиновъ 17 января 1848 года, въ нашемъ главномъ и столицномъ городѣ Берлинѣ. Маршаломъ комитета назначили мы князя Сольмс-Гоген-сальмс-Аихскаро, а вице-маршаломъ подполковника Адольфа фонъ-Рохова. Съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляемъ, что отдѣленіе, которое по смыслу устава о ходѣ занятій соединеннаго комитета чиновъ, назначается, для приготовительнаго обсужденія новаго уголовного кодекса, должно начать свои дѣйствія до открытія засѣданій соединеннаго комитета, и потому собраться въ Берлинѣ къ 29 декабря с. г. Нашему государственному министру поручено созвать, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, соединенный комитетъ чиновъ и сдѣлать всѣ нужныя приготовленія. Данъ въ Шарлоттенбургѣ, 3 декабря 1847. (Подпис.) Фридрихъ-Вильгельмъ. Фонъ-Бодельшвингъ.“

Судъ, производившійся надъ польскими мятежниками, оконченъ 2 декабря произнесеніемъ и обнародованіемъ приговора. Всѣ обвиненные числомъ до 190 человекъ, находились въ залѣ судилища государственной тюрьмы. Въ 9 часовъ утра, по открытіи засѣданія, президентъ сначала произвелъ переключку, и затѣмъ прочиталъ приговоръ. Къ первой категоріи, заключающей въ себѣ 64 преступника, причислены обвиненные въ государственной измѣлѣ первой степени; изъ нихъ 11 человекъ признаны зачинщиками заговора, восмеро приговорены къ смертной казни, и трое къ двадцати-пяти-лѣтнему и двадцати-лѣтнему содержанію въ крѣпости. 53 преступника той же категоріи, признанные участивками въ заговорѣ, приговорены къ содержанію въ крѣпости и исправительномъ домѣ, одни на всю жизнь, другіе на извѣстное число лѣтъ. Вторая категорія заключаетъ въ себѣ 26 преступниковъ, знавшихъ о заговорѣ; они приговорены къ содержанію въ крѣпости и исправительномъ домѣ на нѣсколько лѣтъ. Сверхъ того, 27 обвиненныхъ приговорены къ меньшимъ наказаніямъ,

118 объявленными освобождены отъ наложенія и 18 объявлены въ независимыя.

ГЕРМАНІЯ.

Въ Кетентъ, 23 ноября, скончался герцогъ, ангалтъ-немецкій Гейнрихъ. Герцогъ Леопольдъ-Фридрихъ ангалтъ-дессаускій обнародовалъ грамоту, въ которой объявляетъ, что принимаетъ въ свое владѣніе и во владѣніе герцога ангалтъ-бербургскаго, герцогство Ангалтъ-Кетенское, поступившее къ этимъ двумъ князьямъ по наследству, во смерти владѣтельнаго герцога Гейнриха Ангалтъ-Кетенскаго, умершаго бездѣтнымъ.

Въ Касселѣ, 24-го ноября обнародована прокламація о восшествіи на престолъ Фридриха-Вильгельма I, по смерти родителя его, курфюрста Вильгельма II.—Умершій Курфюрстъ обладалъ личнымъ имуществомъ, постановлявшимъ его въ ряду богатѣйшихъ государей въ Европѣ; онъ оставилъ, какъ называютъ, болѣе ста миліоновъ франковъ. Императоръ австрійскій назначенъ первымъ душеприкащикомъ его и посредникомъ, въ случаѣ могущихъ произойти споровъ. Его послѣдняя воля выражена въ завѣщаніи, къ которому приложены три кодицила; послѣдній изъ нихъ написанъ въ 1846 году.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Мы говорили уже о подчиненіи Фрейбурга, одного изъ семи кантоновъ Зондербунда, сейму швейцарской республики. Это было первое торжество союзныхъ войскъ, которыя послѣ того были направлены на остальные шесть католическихъ кантоновъ и вездѣ дѣйствовали съ одинаковымъ успѣхомъ. 24 ноября, союзныя войска вступили въ Люцернъ, главный городъ Зондербунда, который, послѣ сраженія, продолжавшагося нѣсколько часовъ сряду, при сильной канонадѣ сдался. Тотчасъ послѣ этого кантонъ Цугъ, Швицъ и Унтервальденъ отложились отъ Зондербунда; послѣ всѣхъ предложеній капитуляцію сейму кантонъ Ури, 28 ноября, и Валлисъ 29 ноября чѣмъ и окончилась междоусобная война въ Швейцаріи. Digitized by Google

Въ засѣданіи швейцарскаго сейма, 2-го декабря, рѣшено: 1) чтобы кантоны Зондербунда уплатили всѣ военныя надершны; и вознаградили за разграбленіе имущества, пришедшаго Зондербундомъ; 2) 20-го декабря должно бытъ выключить милліонъ; 3) до всей уплаты; кантоны Зондербунда будутъ заняты союзными войсками; 4) относительно Номатоль, и пр., будутъ приняты дальнѣйшія рѣшенія.

И т а л і я .

Въ Diario di Roma подробно описывается открытіе засѣданій Государственнаго Совѣщательнаго Собранія, проходившее 15-го декабря. Заимствуемъ изъ этого описанія слѣдующія мѣста:

Когда папа сѣлъ на тронъ, президентъ, отъ имени всѣхъ членовъ собранія, представилъ его святѣйшеству, въ краткихъ, но пріимчивыхъ выраженіяхъ, увѣреніе въ ихъ преданности, въ признательности за довѣріе имъ оказанное и въ готовности ихъ всѣми силами оправдать это довѣріе государя. Въ отвѣтъ кардиналу Пий, IX-й произнесъ длинную рѣчь, существенное содержаніе которой заключается въ слѣдующемъ:

«Благодарю васъ за ваши добрыя намѣренія, которыя дорого цѣню, имѣя въ виду общую пользу. Для этой-то пользы съ самой первой минуты востества моего на папскій престолъ я дѣлалъ все, что могъ и съ помощію Божіей, еще готовъ все сдѣлать для будущаго, ни въ чемъ не ограниченная однакожь, верховной первосвященнической власти, потому что я долженъ передать своимъ преемникамъ этотъ священный залогъ въ томъ цѣломъ и неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ онъ полученъ мною отъ моихъ предшественниковъ. Три милліона моихъ подданныхъ и вся Европа свидѣтели мнѣ въ томъ, что я до-сихъ-поръ сдѣлалъ, чтобы сблизиться съ подданными, чтобы привязать ихъ къ себѣ, изучить и удовлетворить ихъ потребности. Преимущественно за тѣмъ, чтобы лучше изучить эти потребности, удовлетворительнѣе выполнить требованія общества, составилъ я изъ васъ по-

стоянное совѣщательное собраніе; вы собраны, чтобъ подавать мнѣ, въ случаѣ нужды, совѣты, помогать мнѣ въ осуществленіи моихъ намереній, въ которыхъ я стану отдавать отчетъ своей совѣсти, и чтобъ обсуживать ихъ съ моими министрами и съ своимъ коллегіумомъ.... Тотъ жестоко ошибется, кто захочетъ видѣть въ нашихъ обязанностяхъ нѣчто другое, тотъ жестоко ошибется, кто увидитъ въ учрежденномъ мною совѣщательномъ собраніи осуществленіе своихъ собственныхъ утопій и зародышъ порядка вещей, несомнѣстнаго съ верховною первосвященническою властію.»

Пѣ IX, произнесъ послѣднія слова съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ и жаромъ, на минуту остановился; потомъ, уступая вліянію врожденной ему кротости и доброты, продолжалъ:

«Это неудовольствіе и эти слова не относятся ни къ одному изъ васъ, потому-что ваши качества, чувства, добросовѣстность вашихъ намереній извѣстны мнѣ съ самой минуты избранія. Эти слова не относятся также почти ни къ кому изъ моихъ подданныхъ, въ вѣрности и цокорности которыхъ я увѣренъ: знаю, что сердца моихъ подданныхъ соединяются съ моимъ сердцемъ въ любви къ порядку и согласію. Но, къ несчастію, есть люди (въ маломъ числѣ, правда, но все-таки есть), которые, такъ какъ имъ нечего терять, любятъ безпорядокъ и возмущеніе и употребляютъ во зло самыя уступки. Къ такимъ-то людямъ относятся слова мои: пусть они хорошо поймутъ ихъ значеніе. Въ содѣйствіи господъ депутатовъ я вижу только твердую опору со стороны лицъ, которыя отстранивъ отъ себя всѣ частныя выгоды, станутъ помогать мнѣ совѣтами и трудиться со мною для общей пользы; лицъ, которыхъ не остановятъ никакія внушенія безнокойныхъ и безразсудныхъ людей. Вы своею мудростію поможете мнѣ найти то, что всего полезнѣе для безопасности трона и истиннаго счастья моихъ подданныхъ.»

Члены совѣщательнаго собранія отвѣчали на эту рѣчь благодарственнымъ адресомъ. Адресъ начнается увѣреніями въ преданности, признательности и довѣріи, одушевляющихъ всю Церковную Область; потомъ депутаты продолжаютъ:

Съ самаго начала вашего первосвященствованія, намѣреніемъ вашего святѣйшества было—соединить политическое преуспѣваніе вѣка съ вѣчными началами католической религіи, соединеніе чудное, которое, съ одной стороны, доставляя церкви большую независимость, а вѣрѣ новое торжество, приносило, съ другой утѣшеніе и счастье народамъ и призываетъ эти прекрасныя страны къ новымъ судьбамъ. Учрежденіе государственнаго совѣщательнаго собранія должно называть величайшимъ изъ благодѣяній, оказанныхъ вашимъ святѣйшествомъ римскому народу. Имъ вы допустили ирлянцъ къ участию въ общественныхъ дѣлахъ и даровали вашему народу одну изъ прочныхъ гарантій, которыя нисколько не нарушаютъ существенныхъ условій папскаго правленія. Исполненные признательности за довѣріе, которымъ вы насъ почтили, мы постараемся быть достойными этого довѣрія. Всѣми силами содѣйствуя трудному дѣлу преобразования государства мы станемъ стремиться къ тому, чтобъ истина и одна только истина царствовала между столь человѣколюбивымъ отцомъ и дѣтѣмъ. Важныя правительственныя дѣла, которыя будутъ намъ предложены, мы станемъ разсматривать свободно и безпристрастно, будучи столько же далеки отъ бездѣйственной робости сколько и отъ неумѣренныхъ притязаній.»

Далѣе, въ адрессѣ говорится о главныхъ предметахъ предстоящихъ занятій совѣщательнаго собранія. О законодательствѣ тамъ сказано: «Будемъ стараться, чтобъ во всѣ части его были введены справедливость, гражданское равенство и единообразіе.» О финансахъ: «Нашей обязанностью будетъ предложить средства, которыми было бы можно возстановить равновѣсіе между расходами и доходами, при чемъ мы должны стараться, чтобъ послѣдніе происходили изъ равнаго распредѣленія налоговъ, и искать случая къ уменьшенію или уничтоженію нѣкоторыхъ податей, слишкомъ обременяющихъ бѣдныя классы и препятствующихъ развитію національнаго богатства. Мы будемъ желать, чтобъ общественный кредитъ поднялся, и чтобъ, безъ нарушенія права, были устранены монополіи, выгодныя въ частности, но вредныя въ цѣломъ. Наконецъ, ак-

весь, въ итальянскомъ таможенномъ союзѣ, вашему «созданію, вы станете поддерживать каждый шагъ къ свободѣ торговли».

«Во внутреннее управленіе должны быть введены: нравственность, бережливость и простота. И мы, своимъ позамою намъ, будемъ стараться, чтобъ степени общественныхъ должностей, изъ которыхъ каждая соединена съ отвѣтственностью, были поприщемъ истинныхъ заслугъ, при чемъ станемъ взыскать на дѣлѣ, которую ваше святѣйшество имѣли въ виду при назначеніи аудиторомъ нашего собранія.»

Земледѣлію и промышленности должно быть оказываемо всевозможное содѣйствіе.

Тюрьмы, вмѣсто того, чтобъ быть школою порока, должны превратиться въ средство къ раскаянію и исправленію.

«Однако изъ первыхъ мыслей вашего святѣйшества,» продолжаютъ депутаты, «была мысль о мундипальныхъ и областныхъ совѣтахъ. Этимъ вы показали, что преобразование общественаго устройства должно служить основаніемъ будущимъ реформамъ, почему оно и будетъ главнымъ предметомъ нашихъ разсужденій, и мы постараемся представить вашему святѣйшеству предложенія, которыя могутъ соединить большее развитіе мѣстныхъ управленій съ силою управленія центрального. Мы увѣрены, что такія мѣры, при улучшеніи воспитанія юношества и при удовлетвореніи первыхъ потребностей гражданъ, утвердятъ безопасность, благосостояніе и достоинство всѣхъ вашихъ подданныхъ. Но для этого нужно время, и мы надѣемся, что наши подданные спокойно, довѣрчиво и терпѣливо станутъ ждать плодовъ отъ сѣмянъ, посѣянныхъ свѣтлымъ и благимъ правительствомъ.»

Въ заключеніе адреса сказано: «Ваше дѣло, святѣйшій отецъ, предпринято не для выгоды одного какого либо класса гражданъ, но всѣхъ вашихъ подданныхъ, къ которымъ вы питаете равную любовь, и мы видимъ, какъ вашему прихѣту слѣдуютъ другіе итальянскіе государи, связанные между собою и съ своими народами совершеннымъ сходствомъ правилъ, склонностей и интересовъ. Миръ савшкомъ часто видѣлъ реформы, которыя родились изъ требованій народа, развитыя посредъ безо-

действъ и договоровъ и стѣны много воевъ и много вранъ. Затѣмъ, у насъ само правительство идетъ путемъ преуспѣанія, дружелюбно привазацію, ведя за собою умы, въ снѣжнойномъ и деспотичномъ анжюанѣ, къ конечной цѣли — младшему истинъ и справедливости на землѣ.»

Въ Gazz. di Firenze, 7 декабря официально извѣщаютъ о достълованномъ мирномъ окончаніи дѣла Фивидано. Всѣ старанія тосканскаго правительства исполнить желанія жителей Фивидано и присоединить ихъ къ Тосканіи остались тщетны; герцогъ modenскій не хотѣлъ уступить ни одного изъ своихъ правъ. Для устранения спора о занятіи Фивидано Моденею былъ заключена, 2-го числа, въ Моденѣ, конвенція между Тосканцею и Моденею, при посредничествѣ уполномоченныхъ павы и короля сардинскаго. Моденскія войска должны будутъ удалиться отъ Фивидано, послѣ чего будетъ объявлено жителямъ прокламація великаго герцога тосканскаго объ освобожденіи ихъ отъ ярма. Затѣмъ жители присягнутъ modenскому герцогу, который выдастъ прокламацію о прошеніи войтъ провинціальныхъ порядковъ провинціальныхъ.

Испанія.

По извѣстіямъ изъ Каталоніи отъ 11 декабря, возстаніе понтемолинствова приближается, по видимому, къ концу; многіе кабасильясы убиты или взяты въ плѣнъ, и *Марсаль*, знаменитѣйшій изъ всѣхъ, разбитъ въ ушельи Ориола, гдѣ онъ собралъ остатки разныхъ шакъ (отъ 3 до 400 человекъ), обращень въ бѣгство и неутомно преслѣдуется королевскими войсками. Всего замѣчательнѣе, что жители выходятъ изъ своей апатіи и начинаютъ помогать войскамъ въ преслѣдованіи монтемолинствова.

Алжиръ.

Въ *Benmarhoge de Marseille*, отъ 8-го декабря, извѣщаютъ, что *Абд-Эль-Кадеръ* покорился Императору Мароккскому. *Абд-Эль-Кадеръ*, пишущъ въ этой газетѣ, послалъ Бу-Гамеланъ къ Императору, чтобы предложить ему свою покорность.

Каллоф Эмира возвратился къ деирѣ, и возвѣстивъ, что Абдель-Рахманъ принимаетъ его покорность только съ условіемъ, чтобы Абдъ-Эль-Кадеръ немедленно распустилъ свою деиру, чтобы главнѣйшіе предводители его обязались жить отдѣльно въ мѣстахъ, назначенныхъ французскимъ правительствомъ и мароккскимъ Императоромъ, и чтобы самъ Эмиръ не оставилъ болѣе мѣстопребыванія, котораго выборъ будетъ ему предоставленъ. Нашъ корреспондентъ увѣдомляетъ, что Абдъ-Эль-Кадеръ согласился на эти условія, и избралъ своимъ мѣстопребываніемъ одно мѣсто въ окрестностяхъ Феца. Эмирова деира была немедленно распущена. Полагаютъ однако, что эта покорность Эмира есть только хитрость, чтобы выиграть время для сбора новыхъ силъ».

— Королевскимъ декретомъ, утверждено, въ провинціи Константиноу на пути изъ Эль-Арруша въ Калло и въ сосѣдствѣ источника, именуемаго Анпъ-Меджесъ-Этшпихъ, поселеніе изъ 60 Европейскихъ семействъ, которое будетъ именоваться Робервилемъ. Къ этому поселенію приписано 890 гектаровъ земли.—Такоеже поселеніе основано на пути изъ Филиппивля въ Константиноу между деревнями Сенъ-Шарль и Эль-Аррашъ. Оно состоитъ изъ 40 Европейскихъ семействъ и названо Гастонвилемъ. Къ нему приписано 525 гектар. земли.

— Королевскимъ же декретомъ повелѣвается привести въ исполненіе проэктъ, утвержденный еще въ 1845 году и состоящій въ учрежденіи отдѣленія французскаго банка въ Алжирѣ. Капиталъ этого отдѣленія долженъ простираться до 10 милліоновъ фр. На два милліона подписался французскій банкъ, остальная сумма вносится акціонерами. Вслѣдствіе того Алжирскій банкъ уполномочивается выпустить восемь тысячъ акцій по 1,000 фр. каждая. Операцинъ банка начнутся тогда только, когда онъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи половину капитала въ 10 милліоновъ. За акціи вносятся сначала только половинная сумма. Операцинъ Алжирскаго отдѣленія будутъ сходствовать съ операциями французскаго банка. Отдѣленіе состоитъ подъ непосредственнымъ надзоромъ послѣдняго. Такое ручательство заслуживаетъ полного довѣрія.—Учрежденіе банка въ Алжирѣ составляетъ вообще важное событіе для

колоніи. Ссуда денегъ во всей Алжиріи сопряжена нынѣ съ платою огромныхъ процентовъ. Учрежденіе банка, распоряжающаго капиталомъ въ 10 миліоновъ, должно тотчасъ понизить эти проценты и послужить къ развитію промышленности, особенно, если, тамошнее промышленное населеніе будетъ умѣть воспользоваться выгодами новаго учрежденія. — Соединенные штаты представляютъ живое доказательство тѣхъ выгодъ, которыя происходятъ отъ учрежденія кредита въ пространномъ смыслѣ. Кредитъ составляетъ необходимость колоніи, недавно открытой для цивилизаціи. Если бы промышленный духъ Англо-Американскаго населенія не былъ поддерживаемъ кредитомъ, то конфедерація не занимала бы, можетъ быть, въ Сѣверной Америкѣ и половины того пространства, на которомъ нынѣ развивается она чудеса свои. Послѣ дѣятельности жителей, ни что болѣе кредита не способствовало къ населенію пустынь этой части новаго свѣта. Кредитъ подвергается, правда, въ Соединенныхъ штатахъ частымъ колебаніямъ вслѣдствіе мѣръ слишкомъ сильныхъ и неблагоразумныхъ, но нынѣ Американскіе банки стали гораздо благоразумнѣе и подчиненіе банка въ Алжирѣ французскому банку служить, какъ мы сказали, достаточнымъ ручательствомъ, что дѣйствія его будутъ основываться на твердыхъ и умѣренныхъ началахъ. Однимъ словомъ, учрежденіе этого банка есть учрежденіе весьма благоприятное для Алжирской колоніи. Подобными мѣрами можно только ускорить наступленіе того времени, когда Африканскія владѣнія перестанутъ быть бременемъ для сословія платящихъ подати и когда Европейскіе переселенцы будутъ охотно избирать для мѣстопробыванія своего эти страны, окончательно усвоенныя французскимъ оружіемъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,**ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,**

и проч. и проч. и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Любезнѣйшій Сынъ Нашъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ достигнулъ возраста, среднягошаго Государственными основными законами для совершеннолѣтня членовъ Нашего Императорскаго Дома. Въ сіе столь важное для Него время, когда отъ приготовительныхъ трудовъ юношества, Онъ поступаетъ на обширнѣйшее поприще двоякости мужескихъ лѣтъ, и произнесеміемъ торжественной присяги начинаетъ исполненіе обязанностей службы Намъ и Государству, благословляя Его съ чувствомъ родительской вѣжности, Мы обращаемся и къ любезнымъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ и призываемъ ихъ соединиться съ Намъ въ усердныхъ о Немъ мольбахъ къ Всемилосердому Благодѣющему Намъ Богу, да освѣняетъ Онъ сего любезнѣйшаго Нашего Сына Своею святою, вспомошествоющею во всехъ положеніяхъ жизни, благодатію, и ниспославъ Ему свыше даръ мудрости и силы, да являетъ Его всегда достойнымъ потомкомъ нашихъ славныхъ предковъ, достойною и твердою подпорою нашего престола и отечества.

Данъ въ Санктпербургѣ, въ 26-й день ноября, въ лѣто отъ рождества Христова тысяча восемь сотъ сорокъ седьмое, царствованія нашего въ двадцать третіе.

На полномномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

« **НИКОЛАЙ.** »

**ОСНОВНЫЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И
РАСПОРЯЖЕНІЙ ТРАДИЦИОННЫМЪ, СЪ 18 НОМЕРИ ПО 16
ДЕКАБРЯ 1897 ГОДА.**

У ЧРЕЖДЕНІЯ ГУБЕРНСКІЯ.

Государь Императоръ, по предложенію Кавказскаго комитета, Высочайше соизволивъ повелѣть: въ дополнение подданныхъ статей т. III св. уст. о служб. правд. (изд. 1842 г.) постановить слѣдующее: 1) Чинovníкамъ, служащимъ въ закавказскомъ краѣ, въ туземцевъ, въ продолженіи службы ихъ за кавказомъ, предоставляются слѣдующія привилегіи: а) Тѣмъ изъ нихъ, кои по возмужанію, принадлежатъ къ числу чиновниковъ перваго и втораго разрядовъ (на основаніи ст. 81 т. III св. уст. о служ. правд.), срокъ службы за кавказомъ для производства въ слѣдующіе чины, согласно ст. 1289 т. III, сокращается однимъ годомъ противъ общаго положенія. б) Все вообще чиновники изъ туземцевъ, занимающіе должности, поименованныя въ ст. 1106, награждаются орденами согласно правилу, въ сей статьѣ изложенному. в) Привилегіи, означенныя въ ст. 1294—1297, вложенныя въ военныхъ госпиталѣхъ и о воспитаніи дѣтей на казенный счетъ, распространяются вполне на чиновниковъ изъ туземцевъ и г) Затѣмъ привилегіи, вложенныя въ ст. 1290 и 1291, о производствѣ прибавочнаго жалованья, также въ ст. 1293 о сокращеніи срока на полученіе ордена Св. Владимира, и въ ст. 272—278 уст. о пенсіяхъ, не распространяются на чиновниковъ изъ туземцевъ, кои получаютъ орденъ Св. Владимира, пенсіи и единовременныя пособія на основаніи общихъ правилъ; и 2) Все вообще привилегіи, предоставленныя служащимъ въ закавказскомъ краѣ Гражданскимъ чиновникамъ, какъ при опредѣленіи ихъ на службу туда, такъ въ продолженіи службы за кавказомъ, и при увольненіи отъ оной, вполне распространяются на военныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ; занимающихъ гражданскія должности въ закавказскомъ краѣ. Само собою разумѣется, что ограниченія, нынѣ установленныя въ отношеніи привилегій чиновниковъ изъ туземцевъ, распро-

страняются также и на военных чиновъ изъ туземцевъ, служавшихъ по гражданскому вѣдомству за кавказомъ.

По вопросу о томъ, должны ли быть выдаваемы и къмъ именно, за упраздненіемъ ревизіонныхъ комиссій, лицамъ западныхъ губерній, свидетельства для вступленія въ службу, правительствующій сенатъ опредѣлялъ: евода законовъ тома III устава о службѣ ст. 19 постановлено: жителямъ западныхъ губерній, доказывающимъ права свои на дворянство, разрѣшается по желанію ихъ опредѣленіе въ службу по гражданской части не ожидая окончанія производящихся о ихъ происхожденіи дѣлъ на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 1, Сія лица должны имѣть свидетельства не въ видѣ еще признанія ихъ дворянами, а какъ удостовѣреніе, относительно причисленныхъ по указу 11-го октября 1832 года къ первому разряду бывшей польской шляхты, что они, или отцы, или родные дѣды ихъ, при изданіи указа 19-го октября 1831 года, владѣли населенными имѣніями; относительно же лицъ втораго разряда, что доказательства на дворянское ихъ происхожденіе, признанныя дворянскими депутатскими собраніями, находятся въ разсмотрѣніи ревизіонныхъ комиссій, или отосланы уже на утвержденіе герольдіи. 2, Выдача таковыхъ свидетельствъ для принятія въ службу, возлагается въ губерніяхъ, кievской, подольской и волынской, на учрежденную въ кievѣ центральную комиссію для обревизованія дѣйстви депутатскихъ собраній сихъ губерній, а въ прочихъ западныхъ губерніяхъ, на мѣстныхъ комиссій для ревизіи дѣлъ тамошнихъ дворянскихъ собраній. 3, Принимаемая по симъ свидетельствамъ въ службу гражданскую, продолжаютъ оную, какъ до утвержденія ихъ въ дворянствѣ, такъ и въ случаѣ окончательнаго отказа имъ въ ономъ, принадлежащія къ первому разряду, на правѣ личныхъ дворянъ, а принадлежащія ко второму разряду, на правѣ канцелярскихъ служителей третьаго разряда. По утвержденіи же въ дворянствѣ, тѣмъ и другимъ присвоиваются какъ вообще, такъ и на службѣ, всѣ права и преимущества, сему состоянію дарованныя, не исключая и возвращенія слѣдующаго цмъ въ такомъ случаѣ по гражданской

части старшинства; но за упраздненіемъ какъ ревизіонныхъ, такъ и центральныхъ комиссій, выдача таковыхъ свидѣтельствъ прекращена; а дабы не преградить лицамъ западныхъ губерній всякой возможности ко вступленію въ службу, правительствующій сенатъ полагаетъ: на основаніи 61 и 143 ст. IX т. св. зак. изд. 1842 года, предоставить дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ западныхъ губерній, выдавать лицамъ тѣхъ губерній, поступающимъ на службу, копіи съ опредѣленій о признаніи родовъ ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ, съ надписями на тѣхъ самыхъ опредѣленіяхъ, всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыя установлены въ 19 ст. III т. св. зак. изд. 1842 года и съ наблюденіемъ правилъ, на основаніи коихъ производилась выдача свидѣтельствъ мѣстными ревизіонными и центральными комиссіями, распространить сіе и на тѣхъ лицъ западныхъ губерній, коимъ выдавались изъ ревизіонныхъ и центральныхъ комиссій свидѣтельства для вступленія въ учебныя заведенія. Но какъ сіе предположеніе правительствующаго сената, за упраздненіемъ ревизіонныхъ комиссій, изменяютъ вышеозначенную 19 ст. III т. св. зак. изд. 1842 года, то и предоставить господину министру юстиціи испросить на сіе Высочайшее соизволеніе. Господинъ управлявшій министерствомъ юстиціи, входитъ осемь съ представленіемъ въ комитетъ по дѣламъ западныхъ губерній. Комитетъ журналомъ 16 сентября 1847 года, полагаетъ: означенное опредѣленіе правительствующаго сената утвердить. Таковой журналъ удостоенъ Высочайшаго Государя Императора разсмотрѣнія 28-го сентября 1847 года въ Варшавѣ.

УСТАВЫ КАЗЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Государь Императоръ, по представленію г. намѣстника кавказскаго и по положенію кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: 1., ст. 491 т. V св. уст. о под. изд. 1842 г., дополнить тѣмъ, что помѣщичьи крестьяне въ закавказскомъ краѣ, впредь до утвержденія общаго положенія о податяхъ по сему краю, освобождаются отъ платежа пени, установленной за непредставленіе въ

сроки податей; и 2., Прислания къ означенной 401 ст. о томъ, что горские обыватели въ тѣхъ мѣстахъ подложны вѣнчанію пени, нѣ свода исключити вовсе, какъ по дѣйстви- ющее послѣ веданія Высочайше утвержденного 28 марта 1844 г. положенія комитета по дѣламъ закавказскаго края.

Государственный советъ, разсмотрѣвъ представленіе ми- нистра финансовъ, объ освобожденіи камчатскихъ мѣщанъ, проживающихъ въ селеніяхъ, отъ платежа поселянскихъ податей, мнѣніемъ Высочайше утвердившимъ 10 ноября 1847 года, положилъ: представленіе министра утвердить, и въ слѣдствіе того, въ дополненіе ст. 417 уст. о под. (св. зак. т. V:) постановити: камчатскихъ мѣщанъ, которые жительствуя въ селеніяхъ того края, пользуются правами поселянскому званію присвоенными и производятъ хлебо- пашество на земляхъ общественныхъ, платежу податей и повинностей по поселянскому званію не подвергать.

Законы о состояніяхъ.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату ноября 1847 года, изображено:

«По дѣйствующему въ Грузіи съ 1824 года закону, изоб- раженному въ 1004-й ст. Свода Зак. о сост. (т. IX:) возникли нѣкоторыя недоумѣнія. Въ разрѣшеніи оныхъ повелѣваемъ руководствоваться нижеслѣдующими, въ Го- сударственномъ Советѣ разсмотрѣнными, правилами:

г.) Когда населенное недвижимое имѣніе, за заложеніе на немъ долги казенные, частные или въ кредитныя устано- вленія, назначено будетъ въ публичную продажу, крестья- намъ, къ такому имѣнію принадлежащимъ, предоставля- ется выкупать себя, вмѣстѣ съ землею и прочими состав- ными онаго частями, чрезъ взносъ поладнаго состоящаго на торгахъ цѣны или, при неимѣніи покупателей, по оцѣн- очной суммѣ. Но въ последнемъ случаѣ, если оцѣнка не достигаетъ суммы долга, лежащаго на имѣніи залож- женномъ въ кредитныя установленія, или же въ частныя руки, крестьяне обязаны принять на себя платежъ таковаго обеспеченнаго имѣніемъ долга въ полномъ его количествѣ.

2.) Выкупъ на увеличенномъ основаніи дозволяется только въ томъ случаѣ, когда составъ продаваемого имѣнія, или, когда оно продано утративши (Свода Зак. Граж. Т. X-го ст. 4001), въ цѣляхъ ссѣдать каждаго участка, отъ всѣхъ въ совокупности преемствъ того имѣнія или участка.

3.) Для совершения выкупа то место, въ коемъ продажа производится, по окончаніи торга и переторжки, или при неявкѣ покупщиковъ, по извѣщеніи о роковъ обязывается извѣстить мѣстное губернское правленіе о выкупной цѣнѣ, на основаніи 1-й статьи настоящаго указа нечисленной, а губернское правленіе, какъ въ семь случаевъ, такъ и тогда, когда продажа въ немъ самомъ производилась, даетъ знать о сей цѣнѣ крестьянамъ чрезъ земскую полицію, со взятіемъ отъ нихъ росписокъ въ день выслушанія. Въ дѣйствія полиціи, по объявленіи крестьянамъ выкупной цѣны и по принятію ихъ отзыва, а потомъ и самой вѣсѣ подлежащей суммѣ, совершаются всегда не иначе, какъ при совокупствѣ въ томъ участіи предводителя дворянства и узданаго стряпчего и подъ непосредственнымъ ихъ надзоромъ.

4.) Крестьяне обязаны внести всю выкупную сумму, не ожидая отъ казны пособія, въ теченіи 30-ти дней, которые считаются со времени объявленія имъ той суммѣ до времени поступления оной сполна въ мѣстное губернское правленіе; гдѣ бы, впрочемъ, продажа имѣній ни производилась.

5.) Когда крестьяне откажутся отъ выкупа, или, изъявивъ желаніе заплатить выкупную сумму, не внесутъ оной въ срокъ: имѣніе утверждается за тѣмъ, за кѣмъ оно отпало по торгамъ, а если, по нежѣ желающихъ, торговъ не было, съ онымъ поступается по правиламъ, существующимъ для тѣхъ случаевъ, въ конѣ публичная продажа считается несостоявшеюся (Свода Зак. Граж. Т. X-го кн. VII Разд. 2-го, гл. V отд. 5 е.).

6.) По внесеніи выкупной суммѣ крестьяне снабжаются данною, но безъ взятія крѣпостныхъ пошлинъ.

7.) Выкупившіеся поступаютъ въ государственные крестьяне и приобретаютъ право собственности на земли и все

прочія принадлежности имѣнія, съ коими они выкупились. Но приобретенную такимъ образомъ землю выкупившіеся крестьяне имѣютъ право передавать, посредствомъ продажи, обмена или другихъ сделокъ, въ постороннія руки, не иначе, какъ по мирскимъ приговорамъ и съ утвержденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, съ оставленіемъ при томъ всегда неотдѣльною принадлежностію имѣнія по двѣ десятины земли усадебной, огородной, пашенной и сѣнокосной, въ совокупности, въ общемъ на каждую ревизскую душу счетъ. На сіе собственно количество земли, въ упомянутомъ выше размѣрѣ, не должны равномерно упадать и никакія долги крестьянъ.

8.) Выкупившіеся въ число государственныхъ крестьянъ подлежатъ всемъ установленнымъ съ послѣднихъ податямъ и повинностямъ, кромѣ только оброка, соотвѣственно чему и получаютъ наименованіе *безоброчныхъ*.

9.) Сила сихъ постановленій, въ слѣдствіе соображеній, еще съ 1824 года возникшихъ и удостоенныхъ тогда предварительнаго одобренія Блаженной памяти Императора Александра I-го, распространяется и на весь прочія Имперіи.

ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

Государь Императоръ, по представленію г. Намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: ст. 2527, -Томъ 10 Свода Зак. Граж. изд. 1842 года, дополнить слѣдующимъ постановленіемъ: «Въ Закавказскомъ краѣ жителямъ онаго дозволяется представлять доказательства и документы по тяжбынымъ дѣламъ и послѣ подачи ими по онымъ апелляціонныхъ жалобъ, если только въ слѣдствіе сихъ жалобъ несостоялись уже рѣшенія. Впрочемъ сіи доказательства пріемаются судебными мѣстами, послѣ подачи апелляціонныхъ жалобъ, не иначе, какъ съ разрѣшенія каждый разъ Намѣстника Кавказскаго.»

Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ докладъ Правительствующаго Сената о порядкѣ рассмотрѣнія жалобъ

крестьянъ Лифляндской губерніи на уездные крестьянскіе суды и на подчиненныхъ судамъ симъ чиновниковъ, и соглашался съ заключеніемъ Сената, *мнѣніемъ*, Высочайше утвержденнымъ 18 октября 1847 года, *положилъ*, въ повеленіе подлежащихъ узаконеній постановить: 1., Въ Лифляндской губерніи судьи и члены уездныхъ крестьянскихъ судовъ изъ дворянства отрываются и предаются суду по жалобамъ крестьянъ въ злоупотребленіи должности не иначе, какъ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, съ согласія Генералъ-Губернатора. 2., Приходскіе судьи и члены, принадлежащіе къ дворянскому сословію, подвергаются по подобнымъ жалобамъ непосредственному суду Департамента крестьянскихъ дѣлъ Гофгерихта. 3., Жалобы крестьянъ на подчиненныхъ уезднымъ крестьянскимъ судамъ чиновниковъ уездныхъ мѣстъ для крестьянскихъ дѣлъ, подлежатъ предварительно изслѣдованіямъ сихъ судовъ, которые объ открывшемся по слѣдствію представляютъ на дальнѣйшее распоряженіе Губернскаго Правленія; извѣты же въ преступленіи должности членами уездныхъ судовъ рассматриваются непосредственно въ Губернскомъ Правленіи, которое и распоряжается о производствѣ надлежащихъ по онымъ слѣдствій.

Уставы Государственнаго Благоустройства.

Государь Императоръ, по представленію. Г. Намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: правила, изданныя 24 Сентября 1846 года (пол. соб. зак., № 20464), на счетъ взысканія долговъ въ Закавказскомъ краѣ по роспискамъ не судебнымъ, а полицейскимъ порядкомъ, дополнить слѣдующимъ постановленіемъ: „, Такія заемныя обязательства между жителями Закавказскаго края, которыя написаны по формѣ, изданной для векселей, хотя бы они были не только непротестованы по прошествіи срока, но даже и не засвидѣствованы, гдѣ слѣдуетъ, при написаніи, если должникъ займа не отвергаетъ, или заемъ подтвердится поряд-

комъ, установленный для простыхъ расписокъ, обращать къ высканью (въ отъѣзду ст. 517, тома XI Св. Зак. Тор. изд. 1842 г.) не судебнымъ, а полицейскимъ порядкомъ; съ тѣмъ только, чтобы по подобнымъ векселямъ кредиторъ небылъ удовлетворяемъ опредѣленною ст. 558 того же тома и устава неустойкою, и чтобы полицейское начальство изыскивало съ кредитора, при удовлетвореніи его долговою суммою, за непредъявленіе векселя къ протесту: а) 30 коп. сер. въ пользу казны за листъ гербовой бумаги; на основаніи пун. 11 ст. 48 тома V св. уст. в пошл. изд. 1842 года и б) полпроцента съ рубля той суммы, какая въ векселяхъ означена, въ пользу города, на основаніи ст. 718 тома X Св. Зак. Гражд. и 493 тома XI Св. Уст. торг. изд. 1842 года;»

Государь Императоръ, 23 Октября 1847 года, Высочайше повелѣть соизволялъ: постройки крестьянскихъ доштовъ при шоссе, позволять впредь по обѣимъ сторонамъ параллельно направленію линіи шоссе, но не иначе какъ въ 20 саженомъ разстояніи въ обѣ стороны отъ середины шоссе, и за тѣмъ существующее въ 605 ст. XII томъ Св. зак. Уст. Пут. Сообщ. (изд. 1822,) правило о производствѣ таковыхъ построекъ только по одну сторону шоссе,—отмѣнить.

29 Октября 1847 года Высочайше утвержденое разсмотрѣнное въ Государственномъ Совѣтѣ Положеніе о общественномъ Банкѣ въ Архангельскѣ. Банкъ сей учреждается съ цѣлію, производствомъ ссудъ, доставить мѣстнымъ 3-й гильдіи купцамъ, мѣщанамъ и ремесленникамъ вспомошествованіе въ торговыхъ и ремесленныхъ ихъ оборотахъ; а на получаемые отъ сего доходы, когда будетъ предстоить возможность, учреждать и содержать полезныя и благотворительныя заведенія. Основной капиталъ Банка составляется изъ суммы, пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ, отдѣляемой изъ принадлежащихъ Архангельску городскихъ капиталовъ.

Уставы Благочинія.

Государь Императоръ, по представленію Г. Наместника Кавказскаго. и по положенію Кавказскаго Комитета Высочайше соизволилъ повелѣть: 1., ст. 486 т. XIV Св. Уст. о паспор. изд. 1842 г. о воспрещеніи пропускать въ наши градины такъ иностранцевъ, которые не имѣютъ при себѣ 10-ти рейхсталеровъ, не распространять на Персидско и Турецко-подданныхъ, прибывающихъ изъ за границы на восточный берегъ Чернаго моря и вообще въ Закавказскій край; и 2., По Черноморской береговой линіи принять за правило, что въ случаѣ, если кто изъ Турецко-подданныхъ, будучи по болезни пользующь въ госпиталѣ, по выпускѣ изъ госпиталя не будетъ имѣть денегъ для уплаты за пользованіе, то деньги сіи взыскивать съ родственниковъ, или хозяевъ, у коихъ онъ находится въ услуженіи; съ тѣхъ же Турецко-подданныхъ, у коихъ нѣтъ родственниковъ или хозяевъ, по строгомъ разсмотрѣніи и удостовѣреніи мѣстнаго Начальства въ дѣйствительной ихъ несостоятельности, слѣдующія за пользованіе деньги принимать на счетъ Комиссаріатскаго вѣдомства по представленію надлежащаго засвидѣтельствованія отъ мѣстныхъ Комендантовъ или воинскихъ Начальниковъ.

Правительственныя Распоряженія.

Высочайше утвержденнымъ 21 Мая 1846 положеніемъ Комитета Гг. Министровъ, согласно представленію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, о мѣрахъ къ истребленію волковъ, повелѣно: 1.) дѣлать общія облавы или охоты, ежегодно весной и осенью; 2.) опредѣлять, гдѣ окажется нужнымъ, особыхъ ловчихъ (: Узданныхъ Егерей:) съ жалованьемъ по 60 руб. сер. въ годъ, на счетъ земскихъ сборовъ; и 3.) выдавать денежныя награды изъ земскихъ сборовъ всякому, кто представитъ убитаго волка или волченка, по особо составленнымъ на то правиламъ. Вся мѣры эти разрѣшено ввести, въ видъ опыта, на первый разъ

въ 16 Губерніяхъ Западной и Южной полосы Имперіи. Въ дополненіе къ сему, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1.) Въ Губерніяхъ, гдѣ введены уже или введены будутъ общія охоты для истребленія волковъ, опредѣлять Губернскихъ Почетныхъ ловчихъ, изъ мѣстныхъ дворянъ, по одному на каждую. 2.) Изъ числа желающихъ занять сию должность неслужащихъ дворянъ, предоставитъ Губернаторамъ представлять по два кандидата на утвержденіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ. 3.) Службу Губернскихъ Почетныхъ ловчихъ считать коронною, отнеся ихъ по должности къ V классу. 4., Губернскимъ Почетнымъ ловчимъ дозволяется носить мундиръ, а прислугѣ и стремяннымъ ихъ ливрею, съ охотничьими ножами. 5.) Какъ занятія Губернскихъ Почетныхъ ловчихъ будутъ лишь временныя и притомъ для мѣстной пользы, то подобно прочимъ высшимъ чиновникамъ, служащимъ по выборамъ, жалованья по этому званію имъ не полагается. 6.) Губернскіе Почетные Ловчіе представляютъ Губернаторамъ предположенія свои о назначеніи общихъ облавъ или охотъ и о другихъ мѣрахъ, какія къ истребленію волковъ будутъ считать полезными. 7.) Губернскіе Почетные Ловчіе суть главные распорядители на всѣхъ общихъ волчьихъ охотахъ или облавахъ и потому всѣ принимающіе участіе въ облавахъ подчиняются имъ, на все время охоты, во всемъ относящемся до сего предмета. 8.) Губернскіе Почетные Ловчіе получаютъ третныя вѣдомости отъ Земскихъ Судовъ о числѣ убитыхъ волковъ, за кои выданы были наградныя деньги; изъ сихъ частныхъ вѣдомостей они составляютъ одну общую, которую и представляютъ Губернатору, присовокупляя соображенія свои объ устройствѣ этой части. и 9.) Губернскіе Почетные Ловчіе имѣютъ наблюденіе за Уѣздными Егерями и въ случаѣ недѣятельными понуждаютъ ихъ и входятъ о томъ съ представленіями въ Губернаторамъ*.

* Описаніе обмундированія Губернскихъ Почетныхъ Ловчихъ,

Положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 1-го января 1841 года, и дополнительнымъ къ оному Высочайшимъ повелѣніемъ, въ 1843 году, послѣдовавшимъ, предоставлено было право на безсрочный отпускъ въ гвардію и армію штабъ-офицерамъ, прослужившимъ въ сихъ чинахъ не менѣе 3-хъ, а оберъ-офицерамъ не менѣе 8 лѣтъ, съ тою цѣлію, дабы на случай формировація запасныхъ войскъ, имѣть въ оныхъ офицеровъ опытныхъ и вполне соответствующихъ ихъ назначенію. Въ 1844 году, для уменьшенія значительнаго сверхъ-комплекта офицеровъ въ армію, Высочайше разрѣшено: увольнять сверхъ-комплектныхъ офицеровъ гренадерскаго, 1, 2, 3, 4 и 6 пѣхотныхъ корпусовъ, также въ артиллеріи и въ саперныхъ баталіонахъ, въ безсрочный отпускъ, не стѣсняясь изданными на сей предметъ правилами. Отъ сего поступили въ запасныя войска, офицеры молодые и мало свѣдущіе во фронтовой службѣ; и изъ нихъ некоторые дозволили себѣ, безъ уважительныхъ и законныхъ причинъ, уклоненіе отъ ежегодныхъ, для учебныхъ упражненій, сборовъ. Нынѣ, съ уменьшеніемъ въ армію сверхъ комплекта офицеровъ, Государь Императоръ находя возможнымъ, вовсе отменить допущенное времяно съ 1844 года, изъятіе изъ правилъ постановленныхъ для увольненія штабъ и оберъ-офицеровъ въ безсрочный отпускъ, и признавая справедливымъ положить преграду уклоненію отъ ежегодныхъ, для учебныхъ упражненій, сборовъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1.) Право на полученіе безсрочнаго отпуска, предоставить исключительно тѣмъ изъ штабъ-офицеровъ прослужившимъ въ сихъ чинахъ не менѣе 3-хъ лѣтъ, которые способны командовать: въ пѣхотѣ баталіонами, въ кавалеріи дивизіонами; изъ оберъ-офицеровъ прослужившихъ въ семъ званіи не менѣе 8 лѣтъ: тѣмъ офицерамъ капитанскихъ и поручичьихъ чиновъ, которые способны командовать: въ артиллеріи батареями, въ кавалеріи эскадронами,

въ пехотѣ ротани; надперучинамъ же и прапорчицамъ такіе таинствъ, которые отлично знаютъ фронтную службу.

2.) Заинтересованіе о таковыхъ способностяхъ штаба и оберъ-офицеровъ, прослужившихъ въ безсрочный отпускъ, возложить на личную и строгую ответственность корпусныхъ командировъ и другихъ лицъ равныхъ воинскаго начальниковъ, обязывая ихъ въ неопредѣленную обязанность, не прежде представлять объ увольненіи въ подобныя отпуска штаба и оберъ-офицеровъ, какъ произведя изъ лично испытаніе; въ чемъ и нелатать положительное удостовѣреніе.

3.) Въ поясненіе правилъ, заключенныхъ въ IV главѣ положенія 1861 года, предоставить только тѣмъ изъ отставныхъ штаба и оберъ-офицеровъ право на зачисленіе въ запасныя войска, съ увольненіемъ въ безсрочный отпускъ, которые прослужили безпорочно въ сѣхъ чинахъ: штабъ-офицеры не менше 3 лѣтъ, оберъ-офицеры не менше 8 лѣтъ, и при томъ когда выдержать установленное положеніе въ твердость знаній фронтной службы. Во время такового испытанія имъ не опредѣляется отъ казны ни содержанія, ни прожитыхъ имъ провизды денегъ.

4.) Объявлять по восьму медицинскому вѣдомству, какъ военному такъ и гражданскому, что въ случаѣ, если выданное медицинское отпускному офицеру свидѣтельство о болѣзни, препятствующей явиться къ сбору, не будетъ признано вполнѣ справедливымъ, не произведеніи на мѣстѣ точнаго и подробнаго изслѣдованія: то врачъ, выдавшій такое, признавъ будетъ суду и подвергнется стрѣжайшему по закону взысканію, какъ составитель сдѣланнаго акта.

5.) Медицинскія свидѣтельства, выдаваемые о болѣзни, препятствующей отпускнымъ офицерамъ явиться къ сбору, должны быть при предъявленіи подлежащему начальству внутренней стражи съ таинствомъ по времени прачетовъ, чтобы могли быть помочены въ инкогнито въ департаментъ студи не позже 25 сентября.

6.) Офицеровъ вѣдывавшихъ въ несвоевременномъ представленіи медицинскихъ свидѣтельствъ о ихъ болѣзняхъ, частныхъ начальниковъ внутренней стражи, равно какъ членовъ градскихъ и военныхъ дождій, замедлявшихъ пересылку таковыхъ свидѣтельствъ въ инспекторскій департаментъ, подвергать стрѣ-

гдѣ отвѣтственности и взысканію всѣхъ издержекъ, которыя послѣдуютъ отъ учрежденія, въ подобныхъ случаяхъ, слѣдствій в суду. 7.) Безсрочно-отпускныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, которые не явятся къ сбору два года сряду по болѣзни, въ дѣйствительности коей предствлено будетъ законное свидѣтельство, увольнять въ отставку; такъ какъ двухгодичная болѣзнь есть уже доказательство совершенной ихъ бесполезности для службы. 8.) Впредь призывать ежегодно къ сбору всѣхъ безъ изъятія штабъ и оберъ-офицеровъ, въ безсрочныхъ отпускахъ состоящихъ, какъ для начальствованія отпускными нижними чинами, такъ и для испытанія собственно въ званіи ими фронтовой службы. 9.) Штабъ и оберъ-офицеровъ, которые во-время сборовъ найдены будутъ слабыми по фронту, оставлять, по усмотрѣнію начальства, при дѣйствующихъ войскахъ, до приобрѣтенія ими должныхъ въ строевой службѣ познаній, прекращая производство имъ жалованья и порціонныхъ денегъ, со дня роспуска нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ сборѣ. 10.) Тѣхъ изъ сихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, которые по отзывамъ главныхъ военныхъ начальниковъ, не окажутъ и за сямъ усердія и успѣховъ по фронту, отставлять отъ службы за нерадѣніе. 11.) Служащихъ по выборамъ дворянства безсрочно-отпускныхъ штабъ-офицеровъ освободить отъ обязанности ежегоднаго сбора для учебныхъ упражненій, и за сямъ, предоставленнаго III главою положенія 1841 г. права, опредѣляться въ должности по выборамъ дворянства, на оберъ-офицеровъ, въ безсрочномъ отпуску находящихся, впредь не распространять. Оберъ-офицеры, которые останутся до слѣдующихъ сборовъ въ подобныхъ должностяхъ, должны быть замѣнены, на время ихъ отлучки къ сборамъ, другими являющимися, по распоряженію мѣстнаго начальства. 12.) Находящихся въ безсрочномъ и продолжительномъ отпускахъ штабъ и оберъ-офицеровъ предавать суду за неявку къ сбору, если они по дѣлу изобличатся въ явномъ уклоненіи отъ сбора, военнымъ судамъ приговаривать, принимаясь къ 230 ст. V час. 1 кв. св. воевост., къ лишенію чиновъ и къ опредѣленію на службу рядовыми. 13.) Штабъ и оберъ-офицеровъ, которые не явятся

къ сбору не по явному уклоненію отъ онаго, но потому, что упущеніемъ обязанностей, предписанныхъ для отпускныхъ офицеровъ, лишали мѣстное начальство возможности, объявить имъ о назначеніи ихъ къ сбору, присуждать къ менѣе тяжкому наказанію, изъ опредѣленныхъ въ 230 ст. V час. 1 кн. св. воен. пост., именно: къ исключенію изъ службы, или содержанію въ крѣпости въ казематѣ, или на гаубтвахтѣ, смотря по степени послѣдовавшаго упущенія. 14) Если по суду доказано будетъ, что кто-либо изъ отпускныхъ офицеровъ не явился къ сбору по причинѣ дѣйствительной болѣзни, или по препятствіямъ, означеннымъ въ 1327 ст. 11 част. 1 кн. св. воен. пос.; но при всемъ томъ откроется, что офицеры сіи, имѣя возможность уведомить, въ свое время, мѣстное начальство, объ означенныхъ препятствіяхъ не исполнили сего, то въ подобныхъ случаяхъ, согласно 530 ст. II час. II кн. св. воен. пост., приговаривать подсудимыхъ къ аресту, съ содержаніемъ на гаубтвахтѣ и къ вычету двухъ лѣтъ изъ дѣйствительной выслуги къ пенсіи при отставкѣ, или же къ вычету такового времени изъ выслуги къ полученію чиновъ въ безсрочномъ отпуску и вообще ко всѣмъ преимуществамъ, безпорочно службою приобретаемымъ. Причпы, признаваемые уважительными, по вышеприведенной 1327 ст. суть; а) арестованіе, или задержаніе въ карантинѣхъ. б) Бѣдствія, претерпѣнные отъ огня и воды. в) Смерть родителей, жены, дѣтей, или-же другіе чрезвычайные случаи, уваженія заслуживающіе. 15) О тѣхъ подсудимыхъ отпускныхъ штабъ и обер-офицерахъ, кои докажутъ предъ судомъ, что они не явились къ сбору по причинамъ, исчисленнымъ въ 14 пунктѣ сего повелѣнія, а извѣстить, въ свое время, о томъ мѣстное начальство не имѣли никакой возможности, постановлять приговоры: какъ объ освобожденіи ихъ отъ суда, такъ и о томъ, чтобы бытность подъ судомъ не показывалась въ формулярныхъ ихъ спискахъ. 16) Военнымъ судамъ признавать доказанными, тѣ только изъ исчисленныхъ въ пунктѣ 14, причинъ неявки офицеровъ къ сбору, о коихъ подсудимые представляютъ достоверныя свидѣтельства мѣстнаго начальства.

Государь Императоръ, согласно желанію Ея Императорскаго

Величества, Высочайше указать соизволилъ: Дома, Трудолюбія: С. Петербургскій, Московскій и Симбирскій вуредь именовать, С. Петербургскимъ, Московскимъ и Симбирскимъ Елисаветинскимъ Учлищамъ, съ оставленіемъ сихъ учреждений въ прежнемъ II разрядѣ женскихъ учебныхъ заведеній.

Государь Императоръ, 3 ноября 1847 года, согласно мнѣнію государственнаго совѣта и представленію министра государственныхъ имуществъ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: существующія для великороссійскихъ губерній правила о снабженіи государственныхъ крестьянъ паспортами и билетами, распространить на губерніи Иркутскую и Енисейскую, и на семъ основаніи отнести къ казеннымъ палатамъ обязанности, лежащія по означенному предмету на палатахъ государственныхъ имуществъ, на земскіе суды возложить обязанности окружныхъ начальниковъ, на Волостныя правленія все то, что настоящими правилами присвоено онымъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра государственныхъ имуществъ, 13 октября 1847 года Высочайше повелѣтъ соизволилъ: даровавшую по Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта 17 декабря 1845 года государственнымъ крестьянамъ Саратовской губерніи Монаршую милость, утвержденіемъ правъ ихъ на пріобрѣтенныя отъ помѣщиковъ рекрутскія квитанціи, распространить въ отношеніи къ квитанціямъ, пріобрѣтеннымъ до обнародованія помянутого мнѣнія государственнаго совѣта, т. е. до 25 вара 1846 года, на государственныхъ крестьянъ Тамбовской и другихъ губерній, гдѣ подобныя случаи могутъ оказаться.

Государь Императоръ, по представленію г. намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго комитета, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: Евреямъ на основаніи ст. 24 тома XIV св. уст. о пасп. изд. 1842 г. живущимъ нынѣ въ Закавказскомъ краѣ, дозволить участвовать въ торгахъ и подрядахъ по этому краю, на правѣ поселянъ, обезпечивающихъ подряды круговою порукою.

Въ слѣдствіе возникшихъ вопросовъ о томъ: какой порядокъ долженъ быть соблюдаемъ при перечисленіи въ государствен-

ные крестьяне ямщиковъ тамъ, гдѣ утверждаются вольныя почты, и 2., могутъ ли быть несостоятельные ямщики обращающыя въ государственные крестьяне, безъ ихъ согласія, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не введенъ еще новый порядокъ содержанія почты, г. министръ государственныхъ имуществъ, входящій съ представленіемъ въ комитетъ гг. министровъ, по положенію коего 28 мѣсяца октября Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1.; Обращаемыхъ въ государственные крестьяне, по мѣрѣ открытія на трактахъ вольныхъ почтъ, ямщикамъ даровать льготу въ податяхъ и повинностяхъ, кромѣ рекрутской, не только въ теченіи того года, когда они переняются въ крестьяне, но и въ теченіи слѣдующихъ за тѣмъ 2-хъ полныхъ годовъ. 2., Въ продолженіе этого льготнаго времени, а также предъ обращеніемъ ямщиковъ въ крестьяне, дозволить имъ переходъ по желанію въ городскія сословія безъ испрошенія приенныхъ приговоровъ и безъ платежа денегъ, слѣдующихъ на составленіе вспомогательнаго капитала для нижнихъ воинскихъ чиновъ, а по истеченіи льготнаго времени на общемъ основаніи, какъ равно разрѣшить переселеніе, по недостатку земли, въ многоземельныя губерніи также на общемъ основаніи со всѣми льготами и пособіями, какія даруются государственнымъ крестьянамъ. 3., Въ мѣстахъ, гдѣ не введены новыя правила почтовой гошбы, несостоятельныхъ ямщиковъ перечислять, по усмотрѣнію въ томъ необходимости и по сношенію съ почтовыми начальствомъ, не смотря на несогласіе ихъ, въ государственные крестьяне, предоставляя имъ всѣ вышеупомянутыя льготы и обращая ямскую повинность, впредъ до устройства въ тѣхъ мѣстахъ почтъ на новыхъ основаніяхъ, на счетъ земства.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, состоявшемуся 4 ноября 1847 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: дозволить, въ видѣ опыта, на четыре года российскимъ подданнымъ, строящимъ на свой счетъ суда на российскихъ верфяхъ, пручать безпошадно изъ за границы нужныя имъ, для снаряженія судна, металлическія корабельныя принадлежности, а именно: механическія шпинди и брашпиды, цѣпные якоря, цѣпи и цѣпные ка-

неты всякаго рода, цѣпныя борги для реевъ, штурвалы съ принадлежностями, желѣзныя блоки, майтелы съ блоками, камбузы, помпы, буйки или томбуи и машины для отдачи якорей, съ тѣмъ, чтобы каждый разъ испрашивалось кораблехозяевами на сей предмет особое разрѣшеніе отъ министра финансовъ, съ обозначеніемъ въ просьбахъ подаваемыхъ ими, рода и количества помянутыхъ металлическихъ издѣлій, которыя и выпускать имъ изъ таможни не прежде, какъ при самомъ уже окончаніи постройкн судна.

Высочайше утвержденнымъ 10-го ноября 1847 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено:

1.) Существующія постановленія относительно пособій, въ пожарныхъ случаяхъ, государственнымъ крестьянамъ великороссійскихъ губерній, распространить на Сибирскій край.

2.) Сборъ по 4 к. сер. на пожарные случаи въ Сибири не присовокуплять къ общему на сей предметъ капиталу губерній въ коихъ введено новое управленіе, а оставить въ распоряженіи мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, на которыхъ возложить и главный надзоръ за порядкомъ раздачи пособій и правильностію отчетности въ сихъ суммахъ.

3.) Позаимствованную изъ мѣстныхъ капиталовъ сумму, выданную въ пособіе домохозяевамъ, потерпѣвшимъ убытки отъ бывшихъ въ казенныхъ селеніяхъ Западной Сибири пожаровъ въ теченіе 1844—1846 г., пополнить изъ ожидаемаго 4 копѣчнаго сбора.

По положенію комитета гг. министровъ, состоящемуся 11-го ноября 1847 года Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: данное высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета гг. министровъ 25-го января 1844 года и окончивающееся 1-го января 1848 года, разрѣшеніе безплатнаго привоза изъ заграницы лошадей, по вѣсѣмъ таможнямъ, на европейской границѣ состоящимъ, продолжить еще на пять лѣтъ, т. е. по 1-е января 1853 года.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленнаго Рыбинскимъ и вингороднымъ купечествомъ акта, которымъ оно просило, на улучшеніе водныхъ путей,

учредить особый денежный сборъ со всѣхъ отправляемыхъ грузовъ и товаровъ, сообразно цѣнности клади, по $\frac{1}{4}$ коп. съ каждаго рубля, а ежели этого будетъ недостаточно, то и еще по $\frac{1}{4}$ коп., впредь до того времени, пока таковой денежный сборъ необходимъ будетъ, согласно положенію комитета гг. министровъ, въ 18-й день истекшаго сентября высочайше повелѣть соизволилъ: 1) разрешить на первый разъ взиманіе на означенный предметъ по четверти копейки серебромъ съ рубля, по цѣнности клади; но если бы сбора сего, для приведенія въ дѣйствіе заслуживающей особеннаго вниманія мысли объ улучшеніи судоходства по водянымъ путямъ, оказалось въ послѣдствіи недостаточнымъ, то предоставить главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями, объ увеличеніи онаго, сообразно съ желаніемъ самого купечества до $\frac{1}{4}$ коп. сер., войти въ свое время съ новымъ представленіемъ. 2) Весь устанавливаемый сборъ обращать въ особый капиталъ, подъ наименованіемъ *вспомогательнаго капитала на улучшеніе водяныхъ системъ*, съ тѣмъ, чтобы расходы изъ онаго производились собственно на предметъ его назначенія и не иначе, какъ съ высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшенія; для чего капиталу сему вести особый счетъ и съ другими суммами его не смѣшивать. 3) Какъ сбора этого не можетъ быть достаточно для производства работъ въ мѣрѣ успѣха устройства путей, дѣйствительно необходимаго, то посредствомъ суммы, въ сборъ поступающей, дѣлать ежегодно потребныя на работы займы изъ кредитныхъ установленій. 4) Взиманіе сбора, согласно предположенію купечества, начать съ навигаціи 1848 г. 5) Установленному сбору подвергать всѣ грузы и товары, отправляемые въ судахъ и плотахъ по системамъ: Вышневолоцкой, Тихвинской и Маріинской, а также по р. Волгѣ и по всѣмъ рѣкамъ, въ нее впадающимъ, со всѣми ихъ протоками; равно съ рѣкъ Мсты и Волхова, за-Ильменскихъ рѣкъ и Ладожскаго канала, какъ до Санктпетербурга и допустныхъ мѣстъ, такъ и обратно, до всѣхъ озна-

ченныиъ путямъ. (Отъ платежа установленнаго сбора освобождаются всѣ суда, грузящіяся по р. Невѣ товарами туземнаго произведенія). 6) Определенный сборъ взимать съ цѣны товаровъ, обозначаемой въ накладныхъ, съ мѣстъ отправления выдаваемыхъ. 7) Сборъ этотъ производить по нагрузкѣ судовъ, чрезъ начальниковъ судоходныхъ дистанцій, обязанныхъ свидѣтельствовать накладныя. 8) Въ приемъ сбора начальника дистанцій выдавать судохозяевамъ особые печатные ерлыки, которые будутъ доставляемы изъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, по примѣру ерлыковъ, при взиманіи шоссейныхъ денегъ выдаваемыхъ. 9) Полученіе сбора начальникамъ дистанцій отмѣчать и на накладныхъ; а самую сумму отсылать въ окружныя правленія путей сообщенія, для обращенія въ предназначенный капиталъ. 10) По прибытіи судовъ на мѣста разгрузки, вмѣстѣ съ ерлыками, отбирать отъ судохозяевъ и накладныя, для удостовѣренія въ правильности поступающаго сбора. Съ судовъ же, идущихъ въ С.-Петербургъ, ерлыки и накладныя отбирать на Рожновской пристани.

Изъ министерства финансовъ, 24-го октября 1847 года, выданы привилегіи: барону Петру Арману де-Сегіе, на 6 лѣтъ, на изобрѣтенную имъ систему влеченія позадковъ по желѣзнымъ дорогамъ. Архитектору Коллеж. Совѣтн. Свѣзеву, на 10 лѣтъ, на изобрѣденныя имъ новорусскіе или современнорусскіе нагрѣвательные приборы. Мышанину Щербакову и вольноотпущенному Козлову, на 5 лѣтъ, на сдѣланное ими усовершенствованіе въ ткацкой машинѣ.

Определение и назначеніе къ должностямъ.

Назначены: Октября 28 Въ долги. Оберъ-Секретаря I Отд. 5 Департ. Привит. Сената, испр. нѣтъ сію должность въ томъ Департаментѣ, Редакторъ въ Департаментѣ Министерства Юст., Надв. Сов. *Гильшеръ*. Октября 29. Сост. въ долги. Егермейстера Дѣйст. Стат. Сов. *Воссе-ложскій*, въ должность Гофмейстера Двора Е. И. В. Ноября 6. Почетный Опекунъ Императорскаго С. Пет. Опе-

кунскаго Совета, Двора Е. И. В. Штабмейстеръ *Тертловъ*;—Присутствующимъ въ Императорскомъ Моск. Опекунскомъ Советѣ. *Поселенно*: Ноября 8. Командующему войсками въ северномъ и восточномъ Дагестанѣ, сост. по арміи; Генераль-Лейтенанту Князю *Себутову* 1-му, быть Начальникомъ Гражд. Управленія Ваватказскаго края и Предсѣдателемъ Совета Главнато Управленія сими краями, съ оставленіемъ по арміи. Дербентскому Военному Губернатору, и Командующему войсками въ южномъ Дагестанѣ, сост. по арміи, Генераль-Лейтенанту Князю *Арутинскому-Долгорукову*, быть командующимъ войсками во всемъ прилегающемъ краю и управляющимъ въ ономъ гражд. частію, съ оставл. по арміи.—Ноября 9. сост. при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, числящемуся по кавалеріи, генералъ-майору князю *Гагарину* быть военнымъ губернаторомъ города дербента и управляющимъ дербентскою губернією подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя *Арутинскаго-Долгорукова*, съ оставл. по кавалеріи. *Назначены*: Ноября 11. Двора Е. И. В. Церемоніймейстеръ, Стат. Сов. *Хитросо*, присутствующимъ въ Капитулъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ въ числѣ членовъ. Ноября 15. Управляющимъ собственною Е. И. В. Конторою, подъ главнымъ Управленіемъ Гофмаршала Графа *Шувалова*; совѣтникъ придворной конторы, дѣйст. Ст. Сов. *Япиковъ*. Управляющимъ конторою двора Е. И. В. Государя Великаго Князя Константина Николаевича, казначей собственною Е. И. В. Конторы, Надв. Совѣт. *Григоренчъ*. Ноября 19. Въ должность Оберъ-Прокурора 2 отд. 5 Департ. Прав. Сената, сост. за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ сенатѣ, Камергеръ, дѣйст. Стат. Сов. *Быковъ*. Членомъ корпорационномъ специальной комисіи казначею, причисленной къ управл. Госуд. Конво., Камергеръ, Стат. Сов. *Басилевскій*. *Поселенно*: Назначеніемъ Высочайшимъ *Указомъ* 5 Сентября 1847 года: къ вѣд. депта. Иркутскаго и Енисейскаго генераль-губернатора генераль-майора *Турявскаго*, именованъ вѣд. долж. Генераль-Губернатора Чоточной Сибири. *Назначены* Ноября 29. Чинovníкомъ

особыхъ порученій VI класса при Министрѣ Внутр. Дѣлъ, чиновникъ особыхъ порученій Рижскаго Военнаго Личнаго Дѣла, эстляндскаго, и курляндскаго генераль-губернатора, Надв. Сов. Графъ *Толстой*; Попечителемъ московскаго учебнаго округа, помощн. Попечителя того округа, Дѣйст. Ст. Сов. *Голохвастовъ*. Утвержденъ въ званіи адъюнкта отдѣленія русскаго языка и словесности при Импер. Академіи наукъ, Стат. Сов. *Коркуновъ*. Повельно: Непременнымъ членамъ преобразуемаго нынѣ Комитета Морскаго Министерства Генералу отъ Инфантеріи *Шуберту* и в Адмиралу *Беллингсгауэну*, быть Почетными членами морскаго ученаго комитета. Ноября 26. Члену Морскаго Генераль-Аудиторіата, Адмиралу *Сульменеву*, быть Предсѣдателемъ сего Генераль-Аудиторіата. Випе-Адмиралу *Казинку*-членомъ морскаго генераль-аудиторіата. Ноября 30. Сост. для особыхъ порученій при главнокомандующемъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, Генераль-Маіору *Бласселю* 1-му кутайскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частію.

Увольненіе отъ должности или отъ службы.

Ноября 8. Отъ службы, по прошенію: начальникъ Гражданскаго Управленія закавказскаго края и Предсѣдатель Совѣта Главнаго Управленія сиаъ краемъ, сост. по арміи, Генераль-Лейтенантъ *Адаманскій*, и повельно производить ему пожизненной пенсіи— 3000 руб. сер. въ годъ изъ госуд. казначейства. Ноября 20. Генераль-Адъютантъ, Генераль-Лейтенантъ Графъ *Строгоновъ* 1-й, по прошенію, отъ должности попечителя московскаго учебнаго округа и отъ всѣхъ обязанностей по учебной части, съ оставленіемъ въ званіи Генераль-Адъютанта, присутствующаго въ правит. Сенатѣ и при прочихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

ПОЖАЛОВАНИЕ ВЪ ЗВАНІЕ КЪ ВЫСОЧАЙШЕМУ ДВОРУ.

Декабря 5. Статскіе совѣтники, въ званіи камеръ-юнкеровъ, нижегородскій губернскаго предводитель дворянства *Николай*

Щерметевъ, и членъ общаго присутствія комиссаріатскаго департамента морскаго министерства, *Петръ Ратмановъ*, — въ званіе камергеровъ. — Дѣвщцы: княжна *Ольга Гагарина*, *Надежда Пгнатъева*, *Екатерина Рябинина*, и *Аппа Бибикова*, — во фрейлины къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Декабря 6. Выборгскій губернаторъ, баронъ *Казимиръ Котень*, въ званіе камергера. — Состоящій при Департаментѣ государственнаго казначества титулярный совѣтникъ *Дмитрій Резановъ*, въ званіе камеръ-юнкера.

НАГРАДЫ.

ПРОИЗВЕДЕННЫ:

ВЪ СТАТСКІЕ СОВѢТНИКИ.

За отличіе по службѣ: октября 26. Штабъ-докторъ 6-го пѣхотнаго корпуса, штабъ-лекаръ коллежскій совѣтникъ *Николѣй Николѣвичъ*. За выслугу лѣтъ: коллежскіе совѣтники: октября 26. Департамента военныхъ поселеній начальникъ архива *Грузинъ*. Ноября 1. С. петербургскаго губернскаго правленія совѣтникъ *Карамышевъ*. Ноября 2. Странноприимнаго дома *Таранова-Бѣлозерова* попечитель *Руссетъ*. Ноября 5. Докторъ медицины и хирургіи: Камсковоткинскаго заводскаго госпиталя старшій врачъ *Тучемскій* и Копыскаго уѣзда особый врачъ *Гельтель*. Доктора медицины: богоугодныхъ заведеній таганрогскаго приказа общества призрѣнія *Глезеръ*, Белыцкій старшій уѣздный врачъ *Юхневичъ*, Феодосійскій городовый врачъ *Веймаръ* и съ правами службы врачъ въ помѣщичьемъ имѣніи въ Московскомъ уѣздѣ *Забіжкинъ*. Ноября 11. Бывшій Орловскій вице-губернаторъ, въ званіи камеръ-юнкера, *Рѣдкинъ*. Московскаго губернскаго правленія совѣтникъ *Митусовъ*. Полтавской губернской комисіи народнаго продовольствія непримѣнный членъ *Соколовскій*. Управляющій костромскою палатою государственныхъ имуществъ и директоръ тамошняго

дѣтскаго пріюта *Шиповъ*. Состоящій при департаментѣ министерства юстиціи *Каржавинъ*. Судья пермскаго совѣтнаго суда *Солодовниковъ*. Товарищъ предсѣдателя оренбургской палаты гражданскаго суда *Чирковъ*. Императорскихъ университетовъ ординарные профессоры: Московскаго *Иноземцевъ*; Казанскаго *Горловъ*, *Фатеръ*, *Зининъ* и *Клаусъ*, Харьковскаго *Лапшинъ*, *Струве*, *Калениченко*, *Вишневецкій*, и *Орнатскій*. Профессоры ршельевскаго лицея *Мурзакевичъ*, и *Левтеропуло*. Адъюнктъ императорскаго казанскаго университета *Дмитревскій*. Ноября 16. Докторъ медицины: дивизионный докторъ 18-й пѣхотной дивизіи, *Кирибахъ*, полковой штаб-лекаръ образцоваго кавалерійскаго полка *Завадскій-Краснопольскій*; состоящій при рижской крѣпости *Блюменталь*.—Предсѣдатель временнаго отдѣленія С. Петербургской управы благочинія *Аршеневскій*. Ноября 19. Доктора медицины: ординаторъ С. Петербургской морской госпитали *Фольбортъ* и врачъ 1-го рабочаго экипажа *Франкъ*. Ноября 20. Саратовской палаты отдѣленія по заготовленію соли совѣтникъ *Красскій*. Оберъ-контролеры: департаментовъ: военныхъ отчетовъ *Щенсновичъ* и кораблестроительнаго *Ульскій*.—Ноября 22. Екатеринославскій губернскій прокуроръ *Головковъ* и исправляющій должность могилевскаго губернскаго прокурора *Найденковъ*. Чинovníкъ особыхъ порученій при министрѣ государственныхъ имуществъ, VI класса *Татаринковъ*. Ноября 27. Втораго департамента министерства государственныхъ имуществъ начальникъ отдѣленія *Козачковскій*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

АМАЗАМИ УКРАШЕННЫХЪ ЗНАКОВЪ СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННАГО.

Декабря 5. Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ *Блудовъ*.

СВ. БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Октября 19. Тайный совѣтникъ, министръ, статсъ-секретарь Царства Польскаго *Туркулъ*. Октября 25. Чрезвычайный К. I. — Огд. II

и полномочный посолъ Е. В. Императора Австрійскаго при дворѣ Е. И. В., графъ *Каллередо-Вальзее*. Октября 28. Генераль отъ артиллеріи, членъ генераль-аудиторіата и упривилегіюшій Ракетнымъ заведеніемъ, *Козень*.

БЪЛАГО ОРЛА

Октября 31. Тайный совѣтникъ сенаторъ *Толстой*.

СВ. РАВНОПСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА 2-Й СТЕПЕНИ.

Октября 19. Генераль-адъютантъ, вице-адмиралъ *Литке* 1.

СВ. АННЫ 1-Й СТЕПЕНИ СЪ АЛМАЗАМИ УКРАЩЕНІЯМИ.

Октября 18. Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Его Величества короля Прусскаго при дворѣ Е. И. В., генераль-маіоръ *Рохозъ*.

СВ. АННЫ 1-Й СТЕПЕНИ, УКРАЩЕННАГО ИМПЕРАТОРСКОЮ КОРОНОЮ.

Октября 19. Начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ *Квицинскій*.—Начальникъ штаба 6-го пѣхотнаго корпуса, свиты Е. И. В. генераль-маіоръ *Назимовъ* 1.

СВ. АННЫ 1-Й СТЕПЕНИ.

Октября 17. Генераль-маіоръ, Юландскій губернаторъ *Нордестамъ*. Октября 19. Командующій Запасною дивизіею 6-го пѣхотнаго корпуса, генераль-маіоръ *Святозоръ-Штепиль*. Командиръ 2-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ *Падейскій*. Командиръ 1-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ *Игнатьевъ* 3.

СВ. СТАНИСЛАВА 1-Й СТЕПЕНИ.

Октября 19. Командиръ Дворянскаго полка, генераль-маіоръ *Грессеръ*. Октября 25. Гетманъ молдавской милиціи, Бейзаде *Дмитрій Стурдза*.

СВ. РАВНОПСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА 3-Й СТЕПЕНИ.

Сентября 5. Московскій оберъ-полиціймейстеръ свиты Е. И. В. генераль-маіоръ *Лужинъ*. Октября 14. Генераль-маіоръ: коман-

дирь 1-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи *Крокъ*. Командиръ 4-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи *Фолтъ 2* и командиръ 15-й артиллерійской бригады *Ребельдъ*. Полковники, командиры Егерскихъ полковъ: *Люблинскаго, Литекій и Житомирскаго, Адлерберъ*, командиръ 13-й артиллерійской бригады *Мейеръ 2* и командиры батарейной № 3 батареи 14-й артиллерійской бригады, *Остроградскій*.

СВ. ВЛАДИМИРА 4-Й СТЕПЕНИ.

Сентября 20. Королевско-прусской службы, адъютантъ Его Высочества принца Августа Виртембергскаго, Ротмистръ *Клебель*. Октября 14. Майоры пѣхотныхъ полковъ: *Вольнскаго, Бимманъ 2* и *Модлинскаго, Брезгунъ*; Егерскихъ полковъ: *Литовскаго, Степановъ, Виленскаго, Кулешъ 2, Подольскаго, Лукашевичъ*; капитаны: старшій адъютантъ штаба 15-й пѣхотной дивизіи, *Прагскаго пѣхотнаго полка Антошевскій*, *Вольнскаго пѣхотнаго полка Мильковскій*, командиръ легкой № 3-го батареи 14-й артиллерійской бригады *Рюминъ* и командиръ легкой № 7-го батареи 15-й артиллерійской бригады *Самойловичъ*; штабъ-капитаны: *Минскаго пѣхотнаго полка: Павленковъ и Алексѣевъ*; Егерскихъ полковъ: *Житомирскаго, Поповъ, Люблинскаго, Коробцевъ* и поручики: адъютантъ начальника 15-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта *Гасфорта*, *Модлинскаго пѣхотнаго полка Пети д'Обюссонъ* и *Люблинскаго егерскаго полка Казначеевъ*, старшій лѣкаръ 14-й артиллерійской бригады надворный совѣтникъ *Перцовъ*, полковые штабъ лекари, коллежскіе ассессоры: *Минскаго пѣхотнаго полка, Зданкевичъ, Замосцкаго егерскаго полка Казимы*; исправляющіе должность полковыхъ штабъ лекарей, коллежскіе ассессоры: *Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка Лабунскій* и *Виленскаго егерскаго полка Ельницкій* и полковой штабъ лѣкаръ *Брестскаго пѣхотнаго полка Александровъ*.

ПОЖАЛОВАНЫ МЕДАЛЯМИ:

Октября 28. Золотою, съ надписью: «за полезное», для пошенія на шеѣ на Анненской лентѣ: вольный штурманъ Рос-

Русская Словесность.

ВЕРНИСЬ ДУМА ЗАЛЕТНАЯ.

Ты ль, головушка беззаботная, призадумалась?
Ты ли, душенька разудалая, пригорюнилась?
Во груди моей ты ль, сердечушко молодецкое,
Разгулялося, расхололося таинный молотомъ? ..
Дума, думушка прихотливая, разыгралася,
Порасправила крылья сваяя, соколиныя,
Повеслась она за лѣса — моря, за далекія,
И взялась она во стравѣ чужой и невиданной!
Обольстила ты, поманила ты небылдцанц,
И проснулося сердце алчное, ненасытное,
И всполошилось во груди моей, непокорное!...
Иль съ собой носи меня, мѣлудца, прихотливаго:
Очи ясные много плакали... не домыкали!

Иль вернись ко мнѣ, дума — думушка ты залетная!
 Не кидай меня ты, сокровище, ты, завѣтное,
 Съ однокрѣзками, злыми, буйными, плотоядными,
 Со тоской, меня, со кручиною, одинокаго!

Жазакъ В. Лузанскій.

ОЧАРОВАННАЯ СЛЕЗА.

Любовью легкой, безмятежной
 Я знался съ дѣвой молодой;
 Она жъ была съ такою вѣжной,
 Съ такою страстною душой.
 Но я цѣнилъ порывы страсти,
 За нихъ любилъ ее умомъ,
 И любовался милой власти
 Любви надъ мильмиъ существомъ.
 Походъ!... Тоской, почти притворной —
 Какъ ужъ салиться на коней, —
 Столкнулся я съ тоскою черной
 И съ плачемъ дѣвицы моей.
 Одну изъ горькихъ слезъ прощанья
 Я поцѣлуемъ съ щечки свая —
 И той слезой — ея страданья,
 Ея любовь я перенялъ!....
 И съ той минуты страсть жила!...
 Пробилась въ сердце тонкій ядъ,
 Пробилась наша роковая —
 И слезы на-сердцѣ кипить!
 Я оцѣнилъ ее разлукой!....

Теперь проглянулъ глаза!
Во мнѣ горитъ ужасной мукой
Ея прощальная слова!...

Баронъ Розенъ.

=

ДЕНЬ, НОЧЬ, УТРО И ПОЛДЕНЬ.

Есть въ полѣ могила
Тиха, одинока....
Двѣ ели густыя,
Облившись какъ сестры,
Склонились надъ нею.
На ней нѣтъ ни камня,
Ни надписи громкой,
Съ пустыни словами.
Лашь крестъ деревянный,
Обитый цвѣтами,
Стоитъ на могилѣ,
Отъ солнца укрывшись
Подъ тѣнью прохладной.
День цѣлый могила
Отъ всѣхъ въ отдаленн,
И всѣми забыта!
Но только лишь ставецъ
Свѣтило дневное
За горы сѣдыя,
Съ улыбкой прощальной,
Съ небесъ погружаться,
И мѣсяцъ—красавецъ
Изъ тучи проглянетъ,—
Къ могилѣ забытой,

Треничкой обычной,
 Подъ бѣлымъ покровомъ,
 Тихонько приходитъ
 Дѣвица съ цвѣтами.
 Печально садится
 На краѣ могилы,
 И слезы ручьями
 На землю сухую
 Изъ глазъ выпадаютъ.
 Не стоновъ не слышно,
 Не слышно и жалобъ,
 Какія, такъ часто,
 Въ минуты печали,
 Страданья и горя,
 Гибла Провидѣнье,
 Несчастный лепечетъ.
 Рукою дрожащей
 Поблекшіа розы
 Съ креста отрываетъ,
 И, слетѣши изъ свѣжихъ
 Вѣнокъ погребальный,
 На крестъ деревянный
 Она надѣваетъ.
 Часы незамѣтно,
 Какъ будто минуты,
 Для бѣдной проходятъ;
 И утро нежданно,
 Съ улыбкой веселой,
 Льетъ радость и счастье,
 И утренній вѣтеръ,
 Рѣзаясь и порхая,
 Въ порывъ веселья
 Вдвигаетъ и треплетъ
 Вѣнокъ погребальный!
 И бѣдная дѣва,
 Склонясь головою,
 Треничкой знакомою
 Съ тоскою уходитъ!
 А путникъ усталый,
 Отъ зноя сгарая
 Въ томительный полдень,

Снѣшить поскорѣе
Подъ елью густою,
На этой могилѣ,
Въ прохладѣ тѣнистой,
Отъ солнца укрыться.
Потомъ, оставила
Свой отдыхъ оградный,
Рукою безопасной
Изъ вѣничка розу
Безъ мысли срываетъ.
Въ дорогѣ печальной,
Въ степи безпредѣльной,
Онъ, солнцемъ палимый,
Могилу простую
Съ прохладною тѣнью,
Не разъ вспоминаетъ.

Д. С. Максимовъ.

=

ВОСПОМИНАНІЯ.

—

Нѣтъ, эти мгновенья я въ жизнь не забуду,
И эту улыбку и рѣчь!
Мнѣ должно хранить ихъ повсюду, повсюду,—
Какъ перлъ моей жизни сберечь.....

Она говорила—душа уносила
Въ край дальній и сердцу родной:
Все слушать душа бы, да слушать просилась—
Но смогла дѣвы голосъ живой.....

Людишекъ я не знаю обычныхъ уловокъ,
Бѣгу я отъ свѣтскихъ цѣпей,
И былъ перелъ ней я такъ связанъ, велевокъ,
Какъ не былъ никто изъ гостей...

Когда жъ разставался съ волшебницей милой,
Не могъ отъ ней глазъ отвести,
И какъ тяжело мнѣ, какъ горестно было
Сказать—милый ангелъ, прости!

Какъ эти мгновенья полны обаянья!...
Дамъ волю я свѣтлымъ мечтамъ:
Живой веревницей летать вспоминанья...
Я съ нею, я съ нею—я тамъ!

=

СТРАНСТВИЕ ПО ГЕРМАНИИ.

Разставшись съ моею Англичанкою * и какъ-то чувствуя ея отсутствіе, я не могъ тотчасъ приняться за серьезные размышленія о знаменитомъ Лейпцигѣ: мнѣ будто не доставало много собесѣдницы! Чудное дѣло! Я ли не привыкъ къ умственному одиночеству, понявъ довольно рано, что отиѣченные судьбою новобранцы парнасскіе не должны прилипать къ міру, но ипѣютъ принаровиться заблаговременно къ своему отрекательному состоянію; что могучія, стремительныя сердца поэтовъ должны биться однихонько, потому-что только въ уединеніи, въ одиночествѣ чувствуютъ себя — безконечная любовь и теплая поэзія. Ужели хорошенькая сопутница, въ немного дней, поколебала мой стародавній отшельническій обычай? Признаться, она—первая женщина, продолжительнымъ собесѣдованіемъ которой я не скучалъ, не будучи влюбленъ въ собесѣдницу; а если сказать всю правду, то я скучалъ длиннымъ языкомъ и *тѣхъ*, которыхъ любилъ: бывало, уйду, чтобы о ней помечтать! *Не языкъ* главное орудіе женскаго краснорѣчія! Впервые, я теперь чую въ душѣ нилый отголосокъ женскихъ рѣчей.... и желалъ бы—бесѣды съ женщиною!

* См. *Путешествіи* Пушкина, Барона Розена, въ IX книгѣ С. О. 1847 г.

Являлась молодая кельнерша и собою напоминала мнѣ, что лейпцигскія горничныя воспѣты благоправнымъ Шиллеромъ. Желая развѣдать, знаютъ ли онѣ сами о своей поэтической апопеезѣ, объ этой «прекрасной наивности», признанной за нимъ пѣвцемъ Орлеанской Дѣвы и Маріи Стюартъ, я вступилъ въ разговоръ съ шлою кельнершею: знаютъ, и гордятся своимъ Шиллеромъ и, по такому почету, считаютъ себя на однихъ правахъ съ Маріею Стюартъ и Орлеанскою Дѣвою. Надѣюсь, меня никто не осудитъ, что въ знаменитомъ Лейпцигѣ начинаю съ горничныхъ, между которыми застаю—Шиллера!

Извѣстное *Cedant arma togae* (подвиги войны уступаютъ подвигамъ гражданственности, наукъ и искусствъ и проч.) вездѣ, въ общемъ смыслѣ, можно признать аксіомою—вездѣ, кромѣ Лейпцига! Онъ занимаетъ весьма почетное мѣсто въ лѣтописяхъ германской учености; но еслибъ онъ былъ даже родиною и резиденціею всѣхъ первостатейныхъ гениевъ германскихъ, то, и въ такомъ случаѣ, ученая важность Лейпцига исчезала бы передъ ратною славою окрестныхъ его полей—не потому, что на этихъ поляхъ происходили двѣ знаменитыя битвы—подобное случалось и въ другихъ мѣстахъ, въ теченіе вѣковъ.... Однако, не удивительно ли, что двѣ капитальныя битвы разыгрываются на однихъ и тѣхъ же поляхъ! Развѣ мѣръ земной тѣсень для ратныхъ дѣйствій исторіи? Или судьба имѣетъ и свои избранныя мѣстности, которыя любитъ она знаменоватъ двоякою и, часто, очень различною славою, какъ это бываетъ съ нѣкоторыми любимцами ея въ людяхъ! Упомянемъ сперва о двухъ подобныхъ случаяхъ, чтобы намъ можно было потомъ достойнѣе оцѣнить Лейпцигъ. Обширень мѣръ исторіи: куда, съ выпрепныхъ, опустится наша рвущая мысль?

— На поля при *Каннахъ*!

Блестательнѣйшая побѣда рѣшена; кровь побѣжденных льется столь обильно, что непримиримый врагъ Римлянъ, немилосердый Аннибалъ, наконецъ насытился римскою кровью, и тронулся, и возопилъ къ своему воцнству: *Parce fergo!* (Ущипте мечъ!) Чего же не доставало для знаменитости тѣхъ полей, гдѣ была одержана такая побѣда, и гдѣ изгнать желѣзанаго

Аннибалъ вырвался такое слово, удивительнѣйшее самой побѣды? «Послѣ трагедіи бываетъ фарсъ», гласитъ французская поговорка—и сыграли этотъ фарсъ, черезъ двѣнадцать вѣковъ съ половиною, послѣ побѣды Аннибаловой—молодецскій, романтическій, истинно-варяжскій фарсъ, пришедшій побѣдителямъ болѣе существенной пользы, чѣмъ принесла та классическая трагедія!

Варяжскіе выходцы изъ Нормандіи, въ видѣ паллигримовъ, сходили съ Альпійскихъ горъ въ Италію, и наконецъ собрались въ Кампанію, въ ватагу добрыхъ молодцевъ, и эта воюющая разныкъ властителямъ служила наемнымъ войскомъ. Византійскій полководецъ обидѣлъ ихъ въ Сициліи, гдѣ они лучше всѣхъ разили Сарациновъ: онъ имъ ничего не удѣлилъ изъ добычи! Они почтительно жаловались устану толмача: бѣдный толмачъ былъ наказанъ бичемъ. Варяжскіе молодцы, снѣвъ на себя это безчестіе, смолчали до поры до времени, перебрались обратно въ Италію и возымѣли смѣлую мысль: отомстить Византійцамъ оглятиемъ у нихъ Апулію. Атаманомъ Варяговъ былъ Вильгельмъ-Желѣзная-Рука (старшій братъ столь знаменитаго впоследствии Роберта Гюскара.) Однако, добрыхъ варяжскихъ молодцевъ, при вторженіи въ Апулію, оказалось только семь-сотъ конниковъ и пять-сотъ челоуѣкъ пѣхоты, а Византійцевъ было *шестьдесятъ тысячъ!* Византійскій бирючь (герольдъ), красуясь на гордомъ конѣ, передъ приунывшимъ строемъ варяжскихъ, горделиво давалъ имъ на выборъ: битву, или безчестіе? «Битву!» возопили благодушные варвары, и одинъ ихъ нихъ, чтобъ отомстить за бичеваніе ихъ толмача въ Сициліи и притомъ не нарушать правила: пословъ и бирючей не бьютъ—единымъ ударомъ своего варяжскаго кулана убилъ до смерти ретиваго коня бирючева, и этимъ молодечествомъ и комическою фигурою шлепнувшагося толмача ободрилъ войско своихъ единоземцевъ. Византійскаго бирюча посадили на клячу и отправили назадъ, и эта гордая Варягоу одержала побѣду и губительно преслѣдовала ниверское войско по наивскимъ полямъ, конечно не зная, какъ эта классическая почва побѣды—и основала свое владычество въ Апуліи.

Воротился опять во времена классических, за полѣтка до Рождества Христова, подъ Диррахиумъ, или Дураццо.

Цезарь и Помпей препираются о владычества надъ миромъ. Не смотря на прославленную *форту* Цезаря, можно сказать утвердительно, что гений Цезаря былъ всегда выше фортуны его. На оборотъ, способности Помпея, во всю жизнь его, были несомы слѣпою фортуною его, которой онъ былъ безпримѣрный баловень. Эта слѣпая фортуна, подъ Диррахиумомъ, выдавала ему головою и Цезаря, по одному изъ тѣхъ чудныхъ сфилеий обстоятельствъ, которыхъ не можетъ предвидѣть и рассчитать никакой умъ человѣческій, и которыми смидѣтельствуютъ въ пользу эпикуровой философіи, т. е. случая. Помпей, будто ошеломленный своимъ неожиданнымъ, внезапнымъ счастьемъ противъ великаго Цезаря, не сумѣлъ воспользоваться этимъ счастьемъ, истребить Цезаря, вместо кровопролитнаго, но, въ послѣдствіяхъ, неважнаго пораженія. Тутъ фортуна уже покинула своего, одурѣвшаго баловня, который являлъ все ничтожество свое на Фарсальскихъ поляхъ и послѣ этой битвы.

Тамъ, гдѣ Цезарь былъ выдавленъ головою Помпею, напрасно прозванному «Великимъ»—въ тѣхъ же мѣстахъ, 18-го октября, въ годовщину *лейпцигской битвы*,—сражался Робертъ Гюскарь—уже герцогъ Апулійскій—съ византійскимъ императоромъ Алексіемъ I, Комменомъ. Главными силами огромной византійской арміи считалась скандинавская гвардія и нѣсколько тысячъ Турокъ, вырощенныхъ у султана. Къ тому еще и флотъ венеціанскій поддерживалъ императора. Гюскарь имѣлъ только 15,000, большую часть которыхъ составляли нестройныя толпы Ломбардовъ и Калабрійцевъ. Въ этой крайней опасности, онъ созвалъ военный совѣтъ. Положено было сжечь всё свои суда и всю поклажу, чтобы содѣлать бѣгство невозможнымъ, а побѣду необходимою—и Гюскарь принялъ: «Отстоимъ же эти мѣста, какъ бы свою родину, и свое родное кладбище!»—Малочисленное войско Нармановъ драгнуло отъ стремительнаго натиска наемныхъ войскъ императора; Ломбарды и Калабрійцы дали тылъ и поехали подъ метательный снарядъ Венеціанъ: бѣжать было не куда! Момента была

ужасный. Сражалась и герцогиня, супруга Гюслера — Гавта. Раненая стрелою, она отступивала свое мѣсто, подавая, как женщина, самый утѣшительный примѣръ мужества разстроенной войску, являясь достойною своего мужа, который богатырскій голосъ направлялъ все поле битвы. Еще стояли твердо только 800 кавалеровъ. Они ударили на смѣлую скандинавскую гвардію; зарубили ее; опрокинули Туромъ; ударомъ коня раздробил шлемъ самого императора, и отъ одного шума и вѣтра этой грозной атаки развѣяло, какъ нуль, всю претую византийскую армию. Побѣда Нормановъ была такъ совершенна, что съ большиною трудомъ спасся самъ императоръ, преслѣдуемый въ продолженіе двухъ сутокъ.

Мы объяснили по своему, чего хотѣла судьба повтореніемъ битвы при Каннахъ: послѣ ужасной трагедіи, разсѣявъ часть богатырскихъ фараоновъ. Но какъ разгадать смыслъ повторенія битвы подъ Двухъ Римами, гдѣ два Римлянина, два блистательнѣйшіе героя древняго міра, сворили не о какой либо провиндіи, но о владычествѣ надъ міромъ? Тутъ, въ этомъ повтореніи, очевидно, не было фарса! Была — развѣ — сатира — серьезная правоучительная сатира на двухъ блистательнѣйшихъ Римлянъ, въ особенности на Помпея. Цезарь, видя поражение своихъ легіоновъ и постыдное бросаніе знамени, схватилъ на бѣгствѣ одного изъ своихъ высшихъ геркулесскихъ витязей, чтобъ его остановить, и едва не погибъ отъ его руки. Цезарь отчаявался и, по словамъ Плутарха, превозмученъ въ жестокомъ безпокойствѣ. Цезарь виноватъ за слабую команду, за то, что подъ его личными авспіями, осрамилась и его римскій Орелъ и его галльскій Жаворонокъ (Цезарь имѣлъ тогда при себѣ составленный изъ галльскихъ уроженцевъ легіонъ Жаворонокъ legio Atandaram). Двупалачина варяжская оказалась лучше Цезаревой! Полосеніе Гюслера, на томъ же мѣстѣ, было несравненно хуже; а онъ не отчаявался; никто изъ его кавалеровъ не поднималъ на него руки; всѣ убѣждались, что тѣ мѣста — имъ и родина, и владѣніе! Чтò же казалось до Помпея, те какъ не совѣстился, что тутъ не только погубилъ Вергилъ, но и разсѣялъ армию его, на дѣлѣ Помпея, уничтожилъ бы великаго Цезаря!

Въ повтореніи же лейпцигской битвы ни не видишь ни фарса, ни сатиры—однимъ словомъ ничего, могущаго быть доступнымъ юмору. Мы видимъ двѣ великія, патетическія, важнѣйшія послѣдствія битвы! Въ *объѣихъ*, съ одной стороны, непобѣжденный дотогѣ полководецъ проигрываетъ славу непобѣднаго, спасая свою воинскую честь; проигрываетъ битву не своимъ противникамъ человѣческимъ, но высшей силѣ, вступившейся два раза, на однихъ и тѣхъ же поляхъ, за столь святое дѣло, каковы вѣротерпимость и политическая независимость народовъ отъ чужеземной власти. Счастливы Лейпцигъ! Что значать временныя бѣдствія войны, если они оставляютъ по себѣ двойную вѣчную славу прераспѣвшихъ побѣдъ человѣчества!...

Я выѣхалъ въ Гриммскія ворота осматривать поле битвы 1813 года. Было чрезвычайно жарко. Подлѣ дороги, вправо, видѣть монументъ на полянѣ, — песчанникъ, обсаженный деревьями: тамъ была табачная мельница Квадтова, квартира Наполеона $\frac{1}{2}$ октября. Зданіе тогда же исчезло въ бурѣ битвы; тотъ песчанникъ, безъ надписи, означаетъ послѣдній *отдыхъ* Наполеона, какъ выразился мой чичероне. Хорошо, что нѣтъ, *надписи*, что камень безмолвствуетъ: это мрачное безмолвіе лучше вразумляетъ нашему чувству невыразимое состояніе души Титана, который навѣрное *не отдыхалъ* на исходѣ безнадежной битвы съ богомъ съвера. Я сѣлъ на этомъ камнѣ. Влѣво Штетерницъ, вправо Конневицъ; прямо, насупротивъ — Пробстгейда: то была линія французскихъ войскъ. Я провикалъ мысленно въ душу Наполеона, въ этотъ чудовый Тартаръ, богатѣйшій мрачными таинствами, нежели тѣ подземныя царства, куда сходили витязи древности. Въ самомъ дѣлѣ: ни въ какомъ Айдессѣ не дознаешься того, о чемъ могъ бы провѣщать Аннибалъ подъ Замою, Баязетъ подъ Ангорю, Наполеонъ подъ Лейпцигомъ, т. е. великій, дотогѣ непобѣжденный полководецъ—въ ту минуту, когда онъ осознаеть себя некинутымъ своею фортуною! Я былъ еще отрокъ во время этой битвы; я вспомнилъ свою дѣтскую ненависть къ Наполеону. Теперь же, сидя на мѣстѣ, означенномъ развязкою его судьбы, сужу о немъ *иначе!* Явление Титана

лишь тогда бываетъ ненавистно и отвратительно—страшно, когда онъ, по видимому, преодолеваетъ высшія силы—когда онъ, какъ Тифонъ, вырѣзываетъ жилы у Юпитера. Но если Титанъ рождается для того, чтобы потрясти затерянное въ житейскихъ мелочахъ человечество; для того, чтобы напомнить, что въ человѣкѣ есть сила, могущая покорить міръ; для того, наконецъ, чтобы возстановить погибающую въ "безумныхъ смутахъ" вѣру въ единоводержавіе, спасительность котораго всего понятнѣе въ лицѣ *genія*, на развалинахъ государства;—если Титанъ, когда дѣло его совершено и часть его настала, посреди своего всемогущества сорванъ съ своего всемірнаго престола однимъ дуновеніемъ Божіимъ, и какъ листъ, несомый вѣтромъ, переброшенъ за океанъ на пустынную скалу—то ужели столь дивный примѣръ мірокрушительной и судьбою всего земнаго сокрушенной силы не искупилъ всѣ бѣдствія, необходимо связанныя съ явленіемъ его? Ужели можно не уважать памяти челоуѣка, столь великаго, что всемірная исторія, неумытно, хладнокровно обсуживая его дѣла, должна повторить слова восторженнаго Клебера, въ Египтѣ, по разбитіи Мустафы-Паши: «Наполеонъ, ты великъ, какъ міръ!»

Наполеономъ начинается *новѣйшая* исторія, въ истинномъ смыслѣ; 18-го брюмера кончилось трехвѣковое переходное состояніе, безпокойный эпилогъ къ среднимъ вѣкамъ, со времени Лютера.

Однако, вспомните, что въ нынѣшнее время (въ 1838 году) девять десятыхъ читающей публики, въ нашемъ отечествѣ, согласно съ мнѣніемъ народныхъ, еще считаютъ Наполеона какимъ-то антихристомъ, среди пожара Москвы. Уважая сіе народное чувство, тѣмъ не менѣе радуемся, что у насъ Пушкинъ—первый заступился за мнимаго антихриста и замѣтилъ, почему мы, Русскіе, менѣе всѣхъ должны бранить Наполеона. Въ самомъ дѣлѣ, онъ стяжалъ огромнѣйшую славу будто бы только для того, чтобы проиграть ее въ борьбѣ съ геніемъ Россіи и ознаменовать Россію—всемірнымъ первенствомъ! Трофеи побѣжденнаго славятъ побѣдителя; намъ принадлежатъ *spolia optima* со славы Наполеоновой: они—ве-

ликоблуднейшее украшеніе Пантеона нашей исторіи! Для тѣхъ же, кто этины *сполями* не разувѣрится въ антихристія, ради этихъ сволій не пррстить ему пожара Москвы, задѣтнть еще одно: родился Наполеонъ въ Московскомъ Кремлѣ, въ семействѣ Царя Алексѣя Михайловича — онъ былъ бы по гению своему тотъ же Петръ Великій! Наоборотъ, будь нашъ *Петръ* на мѣстѣ Наполеона,—то же царственное самочувствіе, та же преобразовательная система для возрожденія и возвелченія своей земли, заставила бы его пройти войною по враждебной къ нему Европѣ.

Отъ краснорѣчиваго песчанника поѣхалъ я въ Простгейду: то былъ самый жаркій пунктъ того жаркаго дня. Кроиъ въ некоторыхъ ядери, симметрически вѣшленныхъ въ стѣны домовъ, нѣтъ никакого признака ужаснѣйшей въ исторіи битвы. Миръ идилинъ царствуетъ тамъ, гдѣ свирѣпствовала борьба полумилліона людей, при громѣ двухъ тысячъ орудій. Пышно и весело цвѣтеть та же природа, которая, въ то время, была загромождена разрывками человѣческими и потоплена людскою кровью. Не зачѣмъ и грустить этой природѣ, оспенной столь отборною знаменитостью: она общее сатро *santo* народовъ! Она славою своею замѣняетъ падшимъ могильный сонъ на роднѣхъ! Здѣсь и русскія тѣни не тоскуютъ по отечествѣ, въ этихъ священннхъ мѣстахъ, гдѣ дикъ русскаго Царя преобразился въ лучахъ славы! — Сколькo тутъ деревень, селеній, фермъ, составляющихъ живописный ландшафтъ! Укажи на любую группу жилищъ, и услышишь громкое ния! Но всего занимательнѣе *Госса*, гдѣ была поворотная точка битвы. Здѣсь личное мужество русскаго Царя остановило стремительный натискъ отчаяннаго Мюрата, уже рѣшавшій побѣду въ пользу Французовъ — и одинъ русскій гвардейскій полкъ (Лейбъ-Казачій), повернувъ вспять колесо фортуны наполеоновой, спасъ, въ эту минуту, Европу! Побѣда подъ Лейпцигомъ возвратила бы Наполеона подъ Смоленскъ и отмежевала бы Россію отъ Европы. Но религиозный умъ *Александра* постигъ, что лейпцигская битва не могла быть проиграна, отъ того, что не могло быть *ошибки* въ великой исторической драмѣ того времени и, вѣрно понявъ идею ея, онъ единственнымъ полкомъ смѣло остановилъ прорывъ побѣды

непріятельской... Какая чудная драма: первый актъ: день Бородины! — блистательное изложеніе! Второй актъ: пожаръ Москвы — завязка! Третій актъ: бѣгство французской арміи и переправа черезъ Березину — предвѣстники катастрофы! Четвертымъ актъ: Лейпцигъ — катастрофа! Наконецъ, пятый актъ: взятіе Парижа и изложеніе Титана — развязка и конецъ драмы! Могла ли быть проиграна лейпцигская битва?

На обратномъ пути, я еще разъ остановился у несчастнаго Наполеона. Отдавъ честь своимъ героямъ, удовлетворивъ чувству отечественному, можно уже было передаться чувству благобытію, сознанію мирового гениа, величіе котораго теперь, по мнѣнію четверти вѣка, даже на лейпцигскихъ поляхъ затмѣваетъ новую другую современную славу. Чтѣ думатьъ онъ на этомъ мѣстѣ, постигая, что часъ его насталъ, что дивная звѣзда его померкаетъ? Вспоминалъ ли здѣсь о Лоди, Арколѣ, Риволи, о своей первой италійской компаніи, въ которую въ полномъ смыслѣ слова, совершалъ онъ чудеса, удивительнѣйшія всѣхъ его побѣдъ и послѣдствій? Ужели невообразимая гениальность, явленная особенно при Арколѣ и Риволи, не сказывалась здѣсь, гдѣ онъ, сосредоточивъ вокругъ себя свои еще довольно грозныя силы и устремляя ихъ на одинъ пунктъ, могъ бы, кажется, прорывомъ богатырскимъ сквозь линію союзниковъ разстроить ихъ войска? Въ крайней нуждѣ онъ, вѣроятно, прибѣгнулъ бы къ своей гениальности и спасся бы ею; но, ни въ открытую дорогу для отступленія и надѣясь отступить безъ значительной потери, онъ не захотѣлъ на рѣшительной ставкѣ рисковать всѣмъ, поступилъ какъ обыкновенный полководецъ — и все потерялъ! Замѣчательно, что высprenній гениа, съ свойственной ему чудной стези сворачивая на путь обыкновенныхъ людей, будто лишается своей гениальности и впадаетъ въ грубыя ошибки: нужнѣйшее — мосты черезъ рѣки — не было приготовлено для отступленія многочисленной арміи! Во Франціи же, обстоятельствами со всѣхъ сторонъ вѣсяемый въ свою гениальность, Наполеонъ опять удивлялъ міръ, какъ при Арколѣ и Риволи; но было уже поздно: судьба его рѣшена была подъ Лейпцигомъ! Исполнившему мѣру своей воинской славы присуждена была другаго рода слава, на муче-

ническому утесѣ Свѣтлымъ Елены — двойная слава благодущнаго страстотерпца и величайшаго историка нашихъ временъ. Ужели для англійскихъ политиковъ нѣтъ исторіи? Ужели они не выразумѣли, что Наполеонъ, сѣвши гостемъ у очага альбионскихъ Пенатовъ, вызвалъ Англію на совершительство другого рода, на прекрасную умственную борьбу, въ которой побѣдителя манила славѣйшая пальма, пальма *безмысливая* — *dulcis vipe pulvere palma* Горация? Эту пальму стигнула бы Англія, уваживъ неприкосновенность гостя — генія, отдавъ ему въ жилище замокъ, хоть на роднѣхъ Оссіана, и указавъ погилу въ Вестминстерѣ. Какъ горько, какъ невообразимо горько, по ошибкѣ, своихъ политиковъ, Англія лишилась этой пальмы, осудивъ своего великаго гостя на мученичество Прометей.

Сойдемъ постепенно отъ Наполеона къ будничной жизни.

Отъ завѣтнаго песчаника поѣхалъ я, черезъ городъ, въ противоположную сторону, на поле той битвы, въ которой графъ Тилли, въ 1631 году проигралъ Густаву-Адольфу славу непобѣдимаго. Меккернъ остался влѣво. Доѣхавъ до Линденталя, поворотилъ я вправо, къ усадьбѣ Брейтенфельдъ. На дорогѣ отъ этой усадьбы къ тѣмъ возвышеніямъ, гдѣ стояла артиллерія Тилли, видится небогатый, но довольно красивый монументъ, обсаженный соснами и липами: это памятникъ шведскому королю, съ простою, но выразительною надписью. Глаза мои съ особеннымъ удовольствіемъ остановились на славномъ имени Густава-Адольфа, моего любимаго героя. Мало встрѣчается великихъ людей съ душою столь чистою и прекрасною, что относишься къ нимъ съ живою любовью сердца! Величіе героя лишь тогда является въ лучшемъ преобразеніи, когда оно дышетъ чисто-человѣческой любезностью и добродѣтелью! Ни отъ кого не навѣваетъ этии очарованіемъ въ большей степени, нежели отъ Густава-Адольфа! Сколько прелести, поэзіи, скромности и религіознаго смѣренія — однимъ словомъ: сколько прекраснаго въ этомъ возвышенномъ характерѣ! Отъ побѣды надъ юною, романтической страстью къ графинѣ Браге до побѣды надъ свирѣпыми Тилли и до столкновенія съ грознымъ Валленштейномъ — вся жизнь царственнаго героя есть жемчужная нить бла-

городныхъ дѣяній. Привѣтливый образъ его останется навсегда идеаломъ достойнѣйшаго людей героизма!...

Вотъ боевая линия Тилли! Вотъ Подельвицъ, откуда идетъ шведское войско! Ходъ битвы извѣстенъ. Вотъ сосновая роща, мимо которой неслаась конница Паппенгейма, опрокинутая и преслѣдуемая Баннеромъ! А вотъ дѣсокъ, близъ Малаго-Ведерига, гдѣ храбрые Валлоны, гнушались бѣгствомъ, умирали героями! За четыре мѣсяца передъ тѣмъ, побѣдоносный Тилли, во взятіи Магдебурга, доносилъ своему Государю, что со времени разрушенія Трои и Иерусалима, не было подобной *викторіи*, — а тутъ, послѣ 56 побѣдъ, онъ былъ разбитъ на голову и, трижды раненый, плакалъ при гибели Валлоновъ, спасавшихъ своего полководца прорывомъ сквозь непріятеля, между тѣмъ, какъ шведскій король преклонялъ колѣно на полѣ битвы и произносилъ: «Господи, благодарю Тебя за Твою побѣду!» Совѣстите, въ своей воспроизводительности, душевное состояніе обоихъ полководцевъ — и, покоясь въ центрѣ тяжести противоположныхъ опущеній, вы узнаете въ одно время оба волюса нашего внутренняго міра! — Странное чувство!

Третья лейпцигская битва, также побѣда шведская и побѣда рѣшительная, менѣе извѣстна, потому-что не имѣла важныхъ послѣдствій тѣхъ обѣихъ битвъ. Одинадцать лѣтъ послѣ побѣды Густава, на тѣхъ же самыхъ поляхъ при Брейтенфельдѣ, только на оборотъ, т. е. помѣнявшися мѣстами съ непріателемъ, Шведы, подъ начальствомъ Торстенсона, послѣ упорной драки, разбили Имперцевъ, предводимыхъ Эрцгерцогомъ. Знаменитый впослѣдствіи, Торстенсовъ, лучшій воспитаникъ военной школы Густава, замѣчательнъ еще тѣмъ, что онъ, безногий отъ подагры, всѣхъ воителей превосходилъ *быстротою* и побѣждалъ съ своихъ носилокъ. Это напоминаетъ Евиена, бывшаго царедворца Александра Великаго. Услышавъ о болѣзни Евиена, соперникъ его, Антигонъ, вздумалъ уничтожить войско его. Пораженный прекрасною диспозиціею непріятеля, онъ, увидѣвъ носилки, плущія по фронту, воскликнулъ: «Посмотрите, какъ носилки выстраиваютъ боевой порядокъ противъ насъ!» и подалъ сигналъ къ отступленію, убоясь Евиена и на носилкахъ!

Знойный день оканчивался прекраснѣйшимъ вечеромъ; надъ роскошною зеленою раскинулась пурпурная заря; воздухъ былъ растворенъ пріятнымъ запахомъ полевой джиданы; природа дышала юною полнотою жизнью; душа моя, утомленная отъ столькихъ сильныхъ впечатлѣній, отдыхала въ восхитительной свѣжести вечера.

Послѣ битвенныхъ полей, всего интереснаго для меня въ Лейпцигѣ былъ погребъ Ауарбаха, увѣковѣченный одною забавною сценою въ Фаустѣ Гетевомъ: шуткою Меѣстофелемъ надъ гуляками. Преданіе — и старинная тамъ картина: докторъ Фаустъ, выѣзжающій на бочкѣ вина изъ погреба, къ изумленію и ужасу присутствующихъ — подали мысль къ этой сценѣ. Какъ-то пріятно было завтракать въ столѣ классическомъ подвалѣ, куда заглядываютъ потомки Фроша, Брандера и прочихъ, сожалѣя, что нѣтъ уже чудодѣйнаго бурава Меѣстофелева.

Я отправился въ Карлсбадъ. Въ Цвиккау, мы съѣхались, около полуночи, съ дрезденскимъ diligжансомъ. При подобныхъ съѣздахъ бываетъ большая суматоха: переборка вещей и размѣщеніе по каретамъ, идущимъ въ разные стороны. Случается, что разъѣдешься съ своимъ чемоданомъ, если не имѣешь бдительнаго за нимъ надзора — и это довольно трудно, если переборка происходитъ не на томъ дворѣ, гдѣ отведена пассажирская комната. — Мѣста около Эйбенштока и Вильденталя плѣнили меня своимъ дикимъ, смѣлымъ романтизмомъ. Въ Гиршенштадтѣ, австрійская таможня задержала насъ около двухъ часовъ, но обошлась съ нами весьма снисходительно — потому что мы ѣхали въ Карлсбадъ: правительство предписываетъ всевозможное снисхожденіе къ недужнымъ, ищущимъ пощленія на богемскихъ минеральныхъ водахъ. Чемоданы отпускаются, какъ военно-плѣнные, на честное слово. Не за долго передъ тѣмъ я читалъ «Темницы» Сильвіо Пеллико, изданныя въ Парижѣ съ примѣчаніями и Марончелли, и мнѣ захотѣлось самому убѣдиться въ австрійской аккуратности. Наскромный, къ каждому изъ насъ обращаемый, вопросъ: нѣтъ ли чего-нибудь, подлежащаго платежу пошлины? я отозвался, что имѣю нюхательнаго табачку два лота, купленные въ королевско-саксонскихъ владѣніяхъ. Попросили предъявить и взвѣсили

согласъ delicti (получное): не оказалось, прѣтнѣ моего наказанія, нѣсколькихъ золотниковъ, уже издержанныхъ мною. Пошлины не взяли за такую бездѣлицу, но она съ изумительною точностью была отмѣчена на моемъ билетѣ для пропуска.

Насъ было столько купальныхъ гостей (Badegäste), что мы верную зимерскую станцію привели въ крайнее затрудненіе: не доставало каретъ. Кое-какъ разсѣлись мы по оригинальнымъ разнаго рода повозкамъ, и покатали въ Карлсбадъ. Прекрасное мѣсто! Городъ извивается по ущелью, стѣсненному высокими живописными горами, покрытыми лѣсомъ. Видиются и на склонахъ и на самомъ темени горъ нарядныя домики и роскошныя дачи. Мы прибыли не въ одно время, но отдѣльными партіями, но неволь соображаясь съ силами нашихъ почтовыхъ вѣжъ, измученныхъ чрезмѣрно частою ѣздою, въ это время года. Однако, не взирая на бѣдность нѣкоторыхъ экипажей, каждой партіи отдавали полную привѣтственную честь шстрою на трубахъ съ какой-то башни, или бельведера. Въ этихъ перекатныхъ звукахъ было что-то ликующее, живо рисующее радушнаго, хлѣпотливаго кельнера, при входѣ множества пассажировъ въ гостиницу его. — Въ одной книжной лавкѣ, я печально познакомился со знаменитымъ Славянномъ чешскимъ, Шафарикомъ. Онъ говоритъ по-нѣмецки съ какими-то принужденіемъ и очень медленно. Я видѣлъ его мелькомъ и только почувалъ, что онъ такъ и благоухаетъ славянщиною: это вочеловѣчишийся Радегастъ! Видно, могущественна его сила притяженія, когда, въ нѣсколько мѣсяцевъ, при немъ, одномъ изъ нашихъ соотечественниковъ совершенно очутился, воображая, что онъ этимъ достигнулъ высшей степени славянства, содѣлался эпитомъ этихъ мистерій. Что же касается до меня, то я радуюсь всѣмъ славянскимъ розысканіямъ, но мнѣ довольно святой Руси!

Я былъ и въ Стрѣльковомъ домѣ, гдѣ хранится память о Петрѣ Великомъ.

Не измѣдъ исконаго въ Карлсбадѣ больного сослуживца, я отпрашался нехать его въ Эгеръ и въ Франценсбадъ. Его и тамъ не было. Въ Эгерѣ посѣтилъ я древній замокъ, — почтенную развалину! Я видѣлъ стѣны той залы, гдѣ Бутлеръ, ко-

мендантъ эгерскій, давалъ тотъ вечерній пиръ, на которомъ вѣроломно убили вѣрныхъ друзей Валленштейна—25-го февраля 1634 года. Я еще возвращусь къ этому замку, поговоривъ сперва о Валленштейнѣ. Повели насъ (я былъ не одинъ) въ *Городской Домъ—Stadthaus*—жилище бургомистра, и показали намъ комнату, гдѣ былъ убитъ знаменитый герцогъ Фридрихъ-ландскій. За нѣсколько лѣтъ тому, этотъ покой былъ еще въ старинномъ видѣ; но подновленіе содрало тогдашнія обои, вынесло мебель того вѣка и смыло кровь Валленштейнову! Ея уже не видать, къ досадѣ всѣхъ любителей странности, т. е. Англичанъ. Оттуда пошли мы въ ратушу, гдѣ находится портретъ Валленштейна, по убіеніи его найденный въ его вещахъ, свернутый въ свитокъ. Истинно-рыцарская, строгая, почти суровая фizioномія, съ выраженіемъ твердости и силы воли. Но въ глубокомъ взглядѣ его нѣтъ ничего коварнаго: онъ этимъ взглядомъ протестуетъ противъ незаконности торопливаго, кроваваго надъ нимъ суда четырехъ частныхъ лицъ—двухъ Шотландцевъ и двухъ Ирландцевъ, добродетельныхъ рабовъ на-лодушныхъ его непріятелей. Всѣ историки Валленштейна признаютъ весьма сомнительными свидѣтельства враговъ его объ измѣнѣ герцога. *Ариотъ* говоритъ: «Именно потому, что Валленштейнъ, въ своей великой душѣ, предавался весь своимъ предположеніямъ, ничтожныя человѣчки могли перехитрить его и зарѣзать. Но до какой степени созрѣли и куда стремились эти предположенія, могущія быть объяснены столько же съ любовью своего отечества, сколько и противъ него, все это сокрыта та ночь, которая видѣла убіеніе его!» Такъ какъ доселѣ не предъявлено ни одною несомнѣннаго доказательства въ измѣнѣ Валленштейна, и все дѣло сокрыто тайною, мы должны, болѣе вѣрить этому ясному взгляду героя, нежели свидѣтельству его убійцъ, устранившихся суда исторіи.—Зарѣзанные приверженцы Валленштейна не удовольствовались психологическимъ протестомъ во взглядѣ ихъ патрона: тѣни ихъ выгнали изъ замка людей, Привидѣнія начали въ немъ являться со времени убіенія Илло, Терцаго, Книскаго и Неймана! Достоверно, что послѣ того, ни одинъ бургграфъ не смѣлъ жить въ замкѣ, который опустѣлъ и сталъ распадаться. Не знаю, въ замкѣ ли,

или въ *совѣсти*: бургграфовъ являлись призраки, но событіе столь странное невольно возбуждаетъ размышленія.

Въ ратушѣ, въ той же комнатѣ, гдѣ и портретъ Валленштейна, поставлены и мечъ его огромный и бердышъ, которыми онъ убилъ. Я замѣтилъ нашему чичероне, что бердышъ такъ тупъ, что едва ли могъ пронзить грудь героя. «Заострока нѣтъ!» отвѣчалъ онъ: «Какой-то Англичанинъ хотѣлъ купить и мечъ и бердышъ, но такъ какъ они не продаются, то подкупилъ онъ одного служителя при ратушѣ, который и отпилилъ для него заострокъ этого бердыша, впившійся въ грудь Валленштейна!»

У воротъ эгерскаго замка сошелся я съ молодымъ человекомъ, лѣтъ около 25, и молоденькою красавицею, имѣвшими тоже, какъ и я, намѣреніе осмотрѣть замокъ. Обращеніе ихъ показывало, что они — не супруги, а братъ и сестра. Кроме того, юная Агнесса была слишкомъ нѣжна и дѣвственна для замужней: она такъ и дышала дѣвственною фіалкою. Она привлекла мое вниманіе одною прекрасною особенностью, которой я дотолѣ не находилъ и даже не воображалъ въ мірѣ существованномъ! Я думалъ, что *золотой волосъ* имѣется только въ мечтахъ поэтовъ, на главѣ Минервы и въ кодексѣ вѣжливости и условій общественныхъ, т. е. что это евфемизмъ относительно *блѣлокурыхъ* и *рыжихъ* волосъ; но у Агнессы волосъ, *дѣйствительно золотая цвѣта*, въ пышныхъ локонахъ ниспадавъ, до плечъ; прелестное личико цвѣло первымъ нѣжнымъ блескомъ юности; васильковые глазки глядѣли такъ простодушно и на незнакомца. Прежде, чѣмъ мы изъ нижней церкви замка взойшли въ верхнюю, мы уже обходились безъ церемоній. Братъ былъ немножко трусливъ: нныя лѣстницы и переходы дѣйствительно казались опасными, и чичероне, вѣроятно, изъ вѣжливости, уклонялся отъ чести быть корифеемъ и уступалъ ее мнѣ. За мною Агнесса, потомъ чичероне, а братъ ея — послѣдній. — Оставалось подняться на чердакъ, по лѣстницѣ узкой, крутой и довольно ветхой. Я пустилъ Агнессу впередъ, чтобы *мнѣ* можно было ее поддержать, если она оступится, или отломокъ плиты отшатнется подъ ея легкою стопою. Она было пошла, но вдругъ вернулась со второй или третьей сту-

женя, будто чего-то испугалась, и, обратясь ко мнѣ, сказала: «Идите вы вперед!» Безъ страха она слѣдовала за мною, и мы очутились одни на чердакѣ: братъ ей вѣнчу еще сообщалъ съ своею трусостью и съ проводникомъ, подняться ему, или нѣтъ? Прежде, чѣмъ голова его показалась изъ подполья, я успѣлъ насмотрѣться на златовласую Мннервиночку и схватить надъ ея головкою поэтическую мысль, которую я въ тотъ же день и вложилъ въ стихи. Помните ли вы прекрасную эпиграмму Сафо, на смерть помолвленной навѣсты, могилѣ которой всѣ молодыя дѣвицы приносятъ въ даръ свои отрѣзанные локоны? Еслибы Агнессѣ довелось принести такую же жертву, я похитилъ бы ея золотой локонъ, какъ свидѣтельство, что я не во снѣ видѣлъ златовласую красавицу.... но кончика съ историческаго бердыша я бѣ ни за что не отпилалъ!

Въ Маріенбадѣ, наконецъ, вышелъ я моего товарища. Городокъ выстроенъ на южной сторонѣ отлогатаго трехугольнаго дола, окруженнаго лѣсистыми, довольно значительными высотами. Здѣсь нѣтъ разнообразной романтики Карлсбада, но зато взоръ нѣтъ выходы изъ ущелія — а это весьма важно, въ психологическомъ отношеніи. Окруженный, въ небольшомъ пространствѣ, цѣпью горъ, подумавши напоследокъ, что ты запертъ въ темницѣ, и въ этомъ не разувѣрять тебя и высокий сводъ ея — голубой небосводъ! Не этотъ ли самый сводъ сгибался и надъ страшною *Латомією* сиракузскою, гдѣ лучше хотѣлъ томиться прямодушный поэтъ Филексенъ, чѣмъ хвалить и даже слушать плохіе стихи тирана Дионисія, читаемые ему самими авторомъ, и гдѣ злополучный полководецъ африкскій Ниніасъ погибъ со многими соотечественниками? Но отомкните цѣпь горъ, пораздавите ее на столько, чтобы взоръ и мечта нѣтъ свободный выходы въ синюю даль земную, а потомъ, хоть сотрите съ лица земли весь этотъ городокъ — и любитель удивленія охотно поставитъ тутъ свои отшельническія сѣни и, при возможности, выходить, не выйдеть изъ тѣснаго дола. Ограждаемый горами отъ бурь трехъ холодныхъ отравъ свѣта, обращенный къ солнцу, къ теплотѣ и волѣ, усталый путникъ земной охотно засидится въ столь удобномъ убѣжищѣ:

Однимъ мы не засидѣлись: маріенбадскія воды описывать намъ вредныи. Черезъ Эгеръ, Байрейтъ, Бамбергъ et cetera прибыли мы въ Киссингенъ, гдѣ обѣдали съ тремя пассажирами старѣйшаго парохода: виллемъ Виземскимъ, княземъ III^{мъ} и графиней II^{ою}. Чрезвычайно занимателенъ, былъ разговоръ подвергавшихся этому двухстаканному покушенію на жизнь человѣческую. Я замѣтилъ князю Виземскому, что на немъ лежитъ обязанность описать поэтически эту катастрофу: оны приходился въ болѣе опасной, нежели Гораций у Палинуруса въ мѣсяцъ и Камонъ при устьѣ рѣки Макона. Ужели поэты не тонуть на водѣ, когда нѣтъ воды въ ихъ стихахъ? Ахъ, утонулъ же гениальный Шеллей!...

Мы пустились въ дальнѣйшій путь и, черезъ Брюхенау и Гаппу, пріѣхали въ Франкфуртъ-на-Майнѣ. Я посвѣщилъ ознакомиться съ бывшимъ вѣнчальнымъ городомъ римскихъ императоровъ, съ резиденціею Германскаго Сѣима. Но оба эти титула, — какъ минувшее, Наполеономъ пресѣченное, такъ и нынѣ еще существующее — сказуемая что-то не придаютъ блеску своему *подлежащему*! Классическая мантия одного изъ согражданъ этого *подлежащаго* затмѣваетъ пурпуръ средневѣковой *Mittelschale*. Самое любопытное для меня во Франкфуртѣ, несравненно любопытнѣйшее, чѣмъ ратуша *Römer* съ своими заплѣсѣвшими древностями — былъ домъ, въ которомъ родился Гете и прожилъ первую юность свою въ благоприятныхъ обстоятельствахъ, способствовавшихъ къ всестороннему развитію этого гения. Когда въ Гамбургѣ любой мальчишкѣ на улицѣ укажетъ жилище Клопштока, то — думаю я — съ болѣе еще правомъ должно быть такъ и во Франкфуртѣ, относительно Гете. Велико же было мое удивленіе, когда изъ осьми до десяти хорошо одѣтыхъ людей, къ коимъ я, отъ времени до времени, обращался на улицѣ, и которые все называли себя уроженцами Франкфурта, ни одинъ изъ нихъ не могъ услужить мнѣ желаемымъ свидѣніемъ. Хорошо! прекрасно! Поднесли моему великому согражданину золотой вѣнецъ, и не знаютъ, гдѣ его родительскія сѣни! Я принужденъ былъ, бродя по улицамъ, рыться въ своихъ воспоминаніяхъ объ автобіографіи Гетевой — и вырылъ *Большой Олений Ровъ* (den großen Hirschgarten);

ведать вести себя въ такъ называемую улицу, а тамъ уже первый чернорабочій удовлетворилъ мою любопытствѣ.

Домъ каменный, желтаго цвѣта, въ три этажа и съ двухъ-яруснымъ фронтономъ. Вхождь съ улицы, на серединѣ; но три окна съ обѣихъ сторонъ; мѣсто надъ дверьми прибавляетъ по окну въ слѣдующихъ этажахъ; второй имѣетъ небольшой выпускъ надъ первымъ, а третій такой же выпускъ надъ вторымъ этажемъ—старинный видъ съ того времени, какъ домъ этотъ былъ перестроенъ отцемъ нашего Гёте. Мелкія подробности простительны, когда относятся къ мѣсту, ознаменованному роженіемъ такого универсальнаго генія. Гетевскій домъ принадлежитъ нынѣ г-жѣ фонъ-Рессингъ. Сначала, она была нѣсколько суха, отзываясь, что каждый день являются къ ней любопытные путешественники, по большей части Англичане, и что, къ сожалѣнію, не всегда есть время показывать домъ этимъ господамъ. Я отвѣчалъ, что она, безъ сомнѣнія, съ перваго взгляда, различаетъ любопытство обыкновенныхъ туристовъ, знающихъ Гёте только по наслышкѣ, отъ благоговѣнія тѣхъ дальнихъ странниковъ, которые приходятъ посмотрѣть на колыбель всемірнаго генія, и что она, конечно снѣтъ послѣднимъ благоволятъ назначить день и часъ, для вступленія въ святилище. Ласково улыбулась жрица святилища и пустилась въ веледрѣчивые о немъ рассказы. Одинъ изъ этихъ рассказовъ довольно занимателенъ. У нея въ домѣ были старинные стѣнные часы, не включенные въ списокъ вещей Гетевскимъ, съ которыми она покупала домъ. Является къ ней незнакомецъ съ предложеніемъ: продать ему эти часы. «Вы, можетъ быть, думаете, что это—часы гетевскіе?» отвѣчаетъ хозяйка: «нѣтъ, я не хочу васъ обманывать».—Чѣмъ бы они ни были, мнѣ нужны часы!—Хозяйка назначаетъ *хорошую*, но не слишкомъ высокую цѣну. Покупатель тотчасъ соглашается и отдаетъ деньги. «Представьте же себѣ мою досаду, когда узнаю изъ газетъ, что король баварскій, въ день роженія Гёте, подарилъ ему стѣнные часы его родителей, прибрѣтенные Его Величествомъ отъ меня. Какъ досадно, что чужіе болѣе знали въ моемъ домѣ, чѣмъ я сама! Я или безнездно

уступила бы часы, или назначила бы цѣну, болѣе сообразную съ стоимостью такой завѣтной вещи.»

Сама хозяйка показывали мнѣ домъ. Внутреннія лѣстницы во этажахъ и нѣсколько шкафовъ относятся еще ко временамъ Гётевскимъ, все прочее обновлено. Всего долѣе оставался я въ бывшемъ кабинетѣ Гётевомъ: онъ не великъ, въ три небольшія окна на дворъ; передъ окнами суиhrачная стѣна; на ней старинный желѣзный пѣтухъ, служащій флюгеромъ.—Этотъ пѣтухъ, сказалъ я г-жѣ фонъ-Рессингъ, былъ повивальщикомъ Вертера и Гёца, т. е., на этомъ пѣтухѣ, вѣроятно, оставались задумчивые взоры Гёте, когда онъ сочинялъ Вертера и Гёца! Здѣсь юная царица музъ германскихъ, какъ величественная домовница древности—какъ Пенелопа, или Каія, вытыкала свои плѣнительные узоры! Въ этой тѣсной кельѣ открылась юному Гёте драгоценная истина, которой онъ былъ обязанъ тѣмъ, что содѣлался Гёте!

Какая же эта истина?

Та, что человѣкъ вообще, а художникъ въ особенности, отъ раннихъ лѣтъ долженъ держать свою душу кругомъ открытою, для прямого отовсюду на нее вліянія вѣшняго міра, всасывать въ себя природу всѣми чувствами, которыя всѣ, такимъ путемъ, достигаютъ возвышенной тонкости, чистой впечатлительности, и становятся всѣ—носителями взвѣснаго. Тогда въ одно время и въ равной степени и согласно между собою развиваются всѣ силы и способности человѣка, и рано принятая имъ *міровая* матерія (*Weltstoff*), приподобившись его существу, образовывается въ человѣкѣ по тѣмъ же законамъ динамики и столь же гармонически, какъ и вѣшній міръ. Но остается ли эта совершенная гармонія нашего микрокосма, когда имъ, въ теченіе жизни, управляетъ человѣкъ несовершенный—хотя и гений, и самый могучій, первоклассный гений? Всякое могущество человеческое, въ сознаниі избытка своихъ силъ, легко уклоняется отъ вѣчныхъ постановленій! Здѣсь, въ органическомъ развитіи того же умственного процесса, юному Гёте открылась другая великая истина, что образовательная, исполнительная сила въ человѣкѣ—а подавно, если она такой мощной, универсальной гений—должна быть подчинена другой

въ человѣкѣ силъ: отрицательной, условливающей опредѣлительности, безъ которой мыслить развилось бы въ дребезжкозвонные камни преткновенія, а гений могъ бы утопать въ своей неограниченной общности. Вызнавъ свойство своего гения, Гёте безусловно подчинилъ его этой отрицательной силѣ, которая зовется умъ.... Онъ бесплодный внухъ, ничего не производящій самъ, но урожденный властителемъ—великій лема, чуждающійся всякаго пристрастія, всякаго частнаго отношенія, и тѣмъ способнѣйшій вѣдать цѣлое, быть легіаркомъ нашему духовнаго міра. Въ наше время, всего нужнѣе этотъ отрицательный легіаркъ, когда искусство, по страсти къ новизнѣ, далеко залуталось и нищетъ изящнаго—во всякой нечистотѣ! Въ Гёте, этотъ умъ, всегда свѣтлый и сильный строгинъ исполненіемъ своей законодательной обязанности, прославилъ еще тѣмъ, что береженный имъ гений пребывалъ свѣжъ и плодороденъ до глубокой старости и на самомъ исходѣ жизни могъ еще создать вторую часть исполнскаго Фауста. Чтò ни говорите, а гений, пережившій себя, подобенъ развѣчанному властителю, и становится предметомъ нашего состраданія... Хорошо, что Шенопиръ сирывся для исторіи на своей темной родинѣ.

Гёте сказалъ о Платонѣ, что онъ относится къ намъ, какъ блаженный духъ, которому угодно гостить у насъ нѣсколько времени, не столько для того, чтобъ извѣдать міръ, сколько для наполненія міра своимъ существомъ.—По этому опредѣленію, Гёте—діаметральная противоположность Платону! Гёте съ полнымъ самоотверженіемъ принималъ природу, чтобы внѣстить ее въ себя и чисто отражать въ своемъ гениѣ, чтобы доказывать, какъ она плѣнительна въ своемъ идеалѣ—и потому ни въ одномъ писателѣ нѣтъ столько прекрасной природы, столько чистѣйшаго вкуса, столько восхитительной граціи, сколько въ Гёте. Въ своихъ произведеніяхъ онъ создалъ для насъ Перикловы Аѳины, рощу Академическую, недоступную для сѣпиры Силлы и открытую для всякаго любознательнаго чловѣка, или художника. Оттуда никто не возвратится домой безъ богатаго запаса познаній, безъ глубокой любви къ природѣ, безъ очищенныхъ понятій, о мірѣ и искусствѣ. Въ этомъ сра-

вспомни о Аеннахъ есть богѣ правды, немоги, быть можетъ, покажется съ перваго взгляда: все то, чему можно было учиться только въ Аеннахъ и что дѣлало ихъ единственными въ мірѣ—то самое отражается въ твореніяхъ Гёте! Никакая академія не заиѣнитъ его школы. Если бы въ самое Оулесское царство проникли сочиненія Гёте, то, въ короткое время, подѣ исключительнымъ ихъ вліаніемъ, и въ [той] глуши развился бы вкусъ эстетическій, чистѣйшій, чѣмъ парижскій, — и воспитанный гениемъ великаго Германца, житель Оулесскій, странствующій подѣ небомъ Италіи, появля бы антику съ перваго взгляда, находя въ мраморномъ изображеніи то самое, что представлялось его воображенію въ мірѣ Гётевомъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ духъ людской даль природѣ разводную и жемчужина на *идеть*, никто не чувствовалъ такъ глубоко разрыва нивой связи, отъ которой протекало столько прекраснаго; ни одинъ художникъ не сблизился опять съ природою до такой степени, какъ Гёте, не оказывалъ столь важной услуги искуству и человечеству, если конечною цѣлю нашего умственнаго развитія должно быть полное согласіе духа съ природою. Такое съ нею сближеніе было возможно не иначе, какъ посредствомъ той важной истины житейской и художественной, о которой мы выше говорили; ей же обязанъ Гёте и *колечнымъ* образованіемъ художническимъ — и кто же можетъ быть руководителемъ поклонникамъ музъ лучше *того*, кто, изъ новѣйшихъ, одинъ донынѣ достигнулъ высшаго художническаго образованія. Въ Шекспирѣ, первомъ изъ всѣхъ гениевъ, по дарованію, не было бы столько изліяннаго, еслибъ онъ пробился до гармоніи Гётевской! По этому и Шекспиръ не можетъ состязаться съ Гёте, когда рѣчь идетъ объ избраніи верховнаго образователя художниковъ. Любопытно, что это право на званіе оберъ-профессора, право, столь понятное изъ сочиненій Гёте—по крайней мѣрѣ, столь ясное для меня—подтверждается и вещественнымъ знаменіемъ, т. е. *числомъ* лѣтъ земнаго его существованія, равнымъ времени круговращенія крайней планеты—и такой благодарный почитатель Гёте, какъ я, первый и долженъ былъ заиѣнить эту стран-

ность, высказанную мною въ антологическомъ стихотвореніи:
Уранъ:

• Въ восемьдесятъ три года свершитель планетной системы —
 Уранъ—свой путь круговой сводить въ послѣдней дѣди:
 Ровно столько же лѣтъ жилъ Гёте, Уранъ поэтъ! —
 Знать назначенье свое старецъ вполне совершилъ! *

Послѣ античнаго Гёте, очень было бы встать замолвить слово о Бетманскомъ музеѣ, въ особенности объ «Ариаднѣ» Даннекера. Нѣтъ! не доѣхавъ еще до Италіи, незнакомый еще съ тамошними антиками, не позволю себѣ серьезнаго критическаго сужденія объ этой знаменитой Ариаднѣ! Но, какъ поэтъ, я не такъ застѣнчивъ, и безъ зазрѣнія, посвятилъ невѣстѣ Бахуса лирическую піесу, стихи которой, по большей части, сочинялись сами собою передъ Ариадною—піесу, столь пламенную, что безъ значительной передѣлки, едва ли рѣшусь ее напечатать. Охотно передѣлываю написанное мною, но—впервые—мнѣ какъ-то жаль наложить руку на эти стихи, на этихъ шумныхъ и жизнью полныхъ вакхантовъ, ликующихъ около Ариадны и машущихъ своими тирсами. Выберу однако изъ нихъ, изъ скромнѣйшихъ, небольшой отрядъ и пошлю его рекогноспировать расположеніе нашей публки:

Въ раю искусства не было плода
 Запретнаго сознанья и стыла:
 Тамъ человекъ, невинный, безгрѣховный,
 Не вѣдаетъ, не видитъ ваготы....
 Художнику не нуженъ листъ смоковный
 Для совершенной, чистой красоты.

На вечерникѣ у нашего посланника встрѣтился я съ бывшею знаменитою пѣвицею, нынѣ графинею. Послѣ того, какъ

* Новѣйшее открытіе *Нептуна*, обращеніе котораго вокругъ солнца, по времени, слишкомъ несообразно съ вѣкомъ людскимъ, да не будетъ намъ помѣхою: мы считаемъ Нептуна передовымъ пограничнымъ постомъ Урановымъ—и останемся при величественномъ Уранѣ. (Позднѣйшее примѣчаніе автора.)

была она въ Петербургѣ, я видѣлъ ее въ первый разъ. Тому прошло лѣтъ шесть; но она все еще очень мила. Она возбудила въ моей душѣ нѣсколько пріятнѣйшихъ воспоминаній.... Въ одно изъ представленій, въ которыя она пѣла, я сидѣлъ подле Дельвига, и мы изъ очаровательныхъ устъ ея, слушали его: «Соловей мой, соловей....» Опъ прослушалъ свою пѣсню съ античнымъ спокойствіемъ, между тѣмъ, какъ я, полный по горло этими сладостно-удушительными звуками, долженъ былъ, во окончаніи пѣсни, оставить театръ, чтобы сердце не треснуло.... Правда, я въ то время страдалъ нервами — и это весьма способствуетъ прослыть чувствительнымъ!

Баронъ Розенъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ И ПОРУЧИНЪ

1710 ГОДА.

БЫЛЪ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

—

I.

Въ Санктпетербургѣ, на Англійской набережной, которая въ 1710 году не называлась еще этимъ именемъ и вовсе не похожа была на нынѣшнюю, въ бревенчатой избѣ, о трехъ окнахъ, сидѣли у средняго окна лейтенантъ флота, Клавдій Петровичъ Вѣтринъ, и поручикъ пѣхоты, Александръ Ильичъ Лановъ. Ихъ раздѣлялъ небольшой столикъ, на которомъ стояли бутылка венгерскаго вина, до половины выпитая, и двѣ пустыя серебряныя чарки. Каждому собесѣднику было около двадцати семи лѣтъ; оба считались рѣдкими красавцами. Всѣ дѣвушки влюблялись въ нихъ съ перваго взгляда. О цвѣтѣ глазъ и волосъ ихъ, о формѣ носа и подбородка, о пріятности улыбки, о выразительности взгляда и о всѣхъ прочихъ принадлежностяхъ мужественной красоты, исторія не сохранила, къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній. По этому предоставляется поэтическому чувству нашихъ читательницъ возстановить вѣрные портреты поручика Ланова и лейтенанта Вѣтрина,

сгѣдая одному руководству свободной, творческой фантазіи.

— А которое у насъ сегодня число? спросилъ Лановъ.

— Деятнадцатое марта, отвѣчалъ Вѣтринъ, улыбувшись. Это я тебѣ могу сказать навѣрное, безъ всякаго астрономическаго исчисления, тѣмъ болѣе, что сегодня день конхъ иценнъ, и я потому тебя угощаю. Однакожъ скажи мнѣ, товарищъ, отчего ты дни забываешь, и для чего меня спрашиваешь о числѣ?

— Тутъ есть особая причина!

— Какія, товарищъ?

— А, такъ!

— Что жъ это за отвѣтъ!

— Да, такъ, безъ всякой мысли!

— Нѣтъ, ужъ я тебѣ въ этомъ не повѣрю, — воля твоя! Ты хитрить и таяться передъ другомъ и товарищемъ не смѣй! Не то швырну эту бутылку съ венгерскимъ въ Неву, и съ тобой вассорюсь.

— Да какъ же ты ее швырнешь? возразилъ Лановъ, улыбувшись: во-первыхъ, надобно прошибить два стекла, въ земной и лѣтней рамѣ; во-вторыхъ, бутылка съ венгерскимъ, еслибъ ты и прошибъ два стекла, не потонетъ въ Невѣ, потому что Нева покрыта еще льдомъ и снѣгомъ.

— А мнѣ что за дѣло! швырну да и только!

— Ну, швырай!

— Не хочу!

— Чего же ты хочешь?

— Ничего!

— Что съ тобой?

— А съ тобой что?

Пріятели, нахмутивъ брови, встали изъ - за столика, походили по избѣ, заложивъ руки за спину, и остановились, наконецъ, другъ передъ другомъ.

— Ты, кажется, дурнишь, Клавдіи? сказалъ поручикъ Лановъ.

— А мнѣ кажется, что ты въ этомъ грѣшенъ, возразилъ лейтенантъ Вѣтринъ.

— Вѣрнѣе всего, что мы оба дурнишь.

— И то быть можетъ.

— Изъ чего же у насъ вышла ссора?

— Не знаю.

— И я не знаю.

— Пріятели начали опять ходить по избѣ, въ противоположныя стороны, заложивъ руки за спину.

— Клавдій!

— Что, Александръ?

— Помиримся!

— Да въ чемъ намъ мириться! Отстань!

— Ну, такъ поцѣлуй меня!

— Изволь!

Друзья обнялись, поцѣловались, и сѣли опять за столликъ, къ окну.

— Ты у меня не вывѣдывай, любезный товарищъ, сказалъ поручикъ Лановъ: почему я тебя спросилъ о сегодняшнемъ числѣ. Лучше выпьемъ еще по чаркѣ венгерскаго. Тутъ въ бутылкѣ, по глазомѣру, осталось вина ровно на двѣ чарки.

— Нѣтъ, не стану пить! Ты прежде скажи мнѣ откровенно, почему ты меня спрашивалъ о сегодняшнемъ числѣ?

— Нельзя; это—государственная тайна!

— Государственная тайна—какое у насъ число сегодня! Да ты, пріятель, просто бредишь, или шутишь надо мною.

— Нѣтъ, не брежу и не шучу.

— Тьфу пропасть! Ты меня окончательно намѣревъ сбить сегодня съ толку и разсердить. Ну, право, какъ местный человекъ! швырну эту бутылку въ окно... или нѣтъ, не швырну, а допью ее съ тобою; но знай, что эта бутылка послѣдняя въ нашей жизни! Видишь, въ ней венгерскаго немного осталось. Вотъ тебѣ чарка! И себѣ наливаю! Какъ докончить это венгерское, такъ и дружбѣ нашей копецъ, навсегда копецъ!—Слышишь ли?... Я пью.

— А я нѣтъ.

— Ты долженъ пить!

— Не хочу.

— Почему же?

— Потому, что на всю жизнь я желаю остаться твоимъ дру-

гождь. Переливаю свою чарку обратно въ бутылку, закупориваю ее пробкой.... вотъ такъ!... и прошу этотъ остатокъ венгерскаго хранить у себя залогомъ нашей неизмѣнной дружбы на всю нашу жизнь. Если кто изъ насъ двухъ умретъ, или будетъ убитъ на сраженіи, оставшійся въ живыхъ пусть помянетъ друга этимъ остаткомъ венгерскаго.

— Ну, а если, не равно, мы прежде еще смерти поссоримся съ тобою, если когда-нибудь по какой-нибудь причинѣ сдѣлаемся врагами,—вѣдь это иногда, какъ я слыхалъ и читалъ, случается въ этомъ мірѣ!—Тогда что дѣлать съ твоимъ венгерскимъ залогомъ неизмѣнной дружбы?

— Тогда... тогда...

— Ну что! Видно, ничего выдумать не можешь?

— Тогда выпьемъ этотъ остатокъ венгерскаго по-поламъ за упокой нашей дружбы, и будемъ врагами. Но я увѣренъ, что эта бутылка не будетъ намъ вмѣстѣ допита, пока мы живы.

— И я въ этомъ увѣренъ, а для бѣльшей вѣрности я сейчасъ же припечатая заколоченную тобою пробку сургучемъ и приклею къ бутылкѣ бумажку съ надписью: «Залогъ дружбы на всю жизнь.» Согласенъ ли ты?

— Очень согласенъ!

— Дашь честное слово?

— Даю!

— Ну, и быть дѣлу такъ! воскликнулъ Вѣтрицъ, засвѣтилъ свѣчку, скрѣпилъ сургучомъ и своею печатью необыкновенный залогъ неизмѣнной дружбы и приклеилъ къ бутылкѣ выдуманную пишъ надпись. Окончивъ все это, онъ сказалъ Ланову:

— Стало быть, мы теперь друзья на всю жизнь, и теперь ты обязанъ признаться мнѣ откровенно: почему ты меня спрашивалъ о сегодняшнемъ числѣ. Если оно, по словамъ твоимъ, и государственная тайна, чего я никакъ въ толкъ не возьму, то ты можешь смѣло объяснить своему другу эту тайну.

— Правда! ты такой же военный, какъ и я. Почему же не сказать тебѣ правды! Изволь, Вѣтрицъ, скажу! Только не проболтайся и не введи меня въ бѣду. Строго приказано молчать!

— Говори смело, если ты истинный другъ мнѣ, а не то сейчасъ же, за обидное подозрѣніе и недоувѣрчивость, вышьешь залогъ нашей дружбы и мы, по условію, навсегда враги! Хочешь ли этого? Пьемъ что ли?

— Дай подумать, отвѣчалъ Лановъ и потеръ свой лобъ надоню.

— Думай, думай, я тебѣ не мѣшаю! сказалъ Вѣтринъ, нахмурилъ брови.

— Вотъ въ чемъ дѣло, Клавдій!.... Но дай мнѣ прежде честное слово, что ты сохранишь тайну.

— Даю!

— Мы идемъ на дняхъ въ походъ.

— Въ походъ!.... Куда это?

— Брать шведскую крѣпость Выборгъ.

— Вотъ что!.... Ну чтожъ! И прекрасно!

— Всея пѣхотѣ, кавалеріи и полевой артиллеріи, которая адѣсь въ Петербургѣ на лицо находится, данъ секретный приказъ приготовиться къ походу, и съ Котлина острова выступить до разсвѣта, безъ всякой огласки, двадцать перваго марта, къ Выборгу. Я захопотаюсь, готовясь къ походу, и потому забылъ которое число сегодня, и даже забылъ день твоихъ именинъ. Вотъ почему спросилъ я тебя...

— Понимаю, все понимаю! Не договаривай! Кто же у васъ главнымъ командиромъ назначенъ?

— Генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ.

— А Его Величество, Царь Петръ Алексѣевичъ, развѣ не пойдетъ самъ къ Выборгу?

— Не знаю. Но вотъ что необыкновеннаго въ предстоящемъ походѣ! Знаешь ли по какой дорогѣ всему войску идти къ Выборгу указано?

— Ужъ конечно не по воздуху.

— Такъ! Но и не по землѣ.

— Стало быть, по водѣ, на корабляхъ.

— Нѣтъ, и не на корабляхъ.

— Да какъ же, прости Господи? Ужъ не по льду ли морскому?

* Нынѣшній Кронштадтъ.

— Именно!

— Что ты! Этого быть не можетъ!

— Да ужъ можетъ быть, если приказано.

— Господи Боже мой! Да это дѣло чрезвычайно мудреное, невозможное, по моему мнѣнію! Вѣдь по морю никакой пробитой дороги къ Выборгу нѣтъ. Я морякъ, такъ ужъ съ моремъ-то довольно знакомъ. Тутъ—неровныя, чертовскія глыбы льда, на которыя ноги переломашь, здѣсь—глубокіе сугробы снѣгу, гдѣ не уши завязнешь, тамъ—огромныя полыньи, которыя обходить надобно, далѣе—безконечныя трещины, черезъ которыя не только человѣку, но и козѣ перескочить трудно; какъ же по такой дорогѣ пройдетъ пѣхота, какъ по ней пройдетъ кавалерія, артиллерія, обозъ! Притомъ, теперь уже мартъ мѣсяцъ; вы выступаете двадцать перваго числа: ну если морозы, которые въ вышшемъ мѣсяцѣ, тамъ долго держатся, вдругъ прекратятся, и пожалуютъ, на грѣхъ, весеннее, теплое время, котораго съ часу на часъ ожидать надобно. Вѣдь тогда будетъ очень плохо! Ледъ начнетъ быстро таять, полыньи увеличиваться, трещины раздвигаться! Хрупкій ледъ не сдержитъ артиллеріи и обоза! Кавалерійскія лошади, а потомъ и пѣхотные солдаты будутъ проваливаться и топить. Да водненись еще буря! Взломаетъ ледъ, какъ разъ! Подать вамъ помощь въ этомъ положеніи—рѣшительно невозможно! Это выше силъ человѣческихъ! Что же тогда будетъ съ вами? Все войско потонетъ въ морѣ!

— Да ужъ что Богъ дастъ! Въ Его рукѣ и солнце жаркое и морозъ трескучій, точно такъ же, какъ жизнь и смерть всякаго человѣка! Да будетъ воля Его! Въ Его рукѣ сердце Царя, по слову святаго Пророка. Царь приказалъ—и мы идемъ! Потонуть на службѣ царской тоже, что пасть въ сраженіи, на волѣ чести!

— Правда, Александръ, правда! Я не къ тому говорилъ, чтобы охладить твое усердіе къ службѣ царской и къ славѣ отечества. Сохрани меня Богъ! Мнѣ, признаться сказать, показалось нѣсколько досадно, что сухопутныя войска иѣшаются не въ свою часть. Вѣдаться и бороться съ моремъ—это дѣло моряковъ. Мы у васъ суши не отбиваемъ; предоставьте же намъ море!

— Сидишь ты, Клавдій! Да развѣ я по своей охотѣ отбиваю у тебя море,

— Согласись, товарищъ, что это обидно! Вы идете по нашену морю въ походъ, братъ Выборгъ, а мы—сиди здѣсь, сложа руки! Развѣ моряки хуже пѣхоты, что ли?

— Нѣтъ, не хуже! Вѣрные слуги царю и отечеству, безъ различія, всѣ равны.

— Ну то-то! А вотъ что я хотѣлъ еще тебя спросить. Какъ же вы пойдете по морю, не зная и не видя никакой дороги? Берегъ уйдетъ у васъ изъ виду. Вѣдь такъ, пожалуй, все войско промаршируетъ мимо Выборга, повернется на Зюйдъ, когда надобно держать путь на Нордъ, и забредетъ Богъ въдастъ куда!

— Да вѣдь вашъ Генералъ-Адмиралъ командуетъ нами, такъ ужъ онъ, конечно, знаетъ, какъ войска-то по морю водить, по водѣ или по льду, и не сбиться съ дороги. Я слышалъ, что онъ приказалъ взять въ походъ компасъ и карту моря, по которому мы къ Выборгу поидемъ.

— Ну вотъ, это дѣло! Теперь я увѣренъ, что вы прямохонько дойдете до Выборга, если только ледъ не растаетъ. Досадно, однакожь, товарищъ, что флотъ въ походъ не участвуетъ. Мы бы показали себя и не отстали бы отъ пѣхоты.

Въ это время матросъ, въ волной формѣ, отворилъ дверь избы, гдѣ сидѣли друзья, вошелъ, вытянулся и подалъ пакетъ лейтенанту Вѣтрину.

— Что это? Приказъ? Ступай, братецъ, съ Богомъ! Все будетъ исполнено.

Матросъ, стоявшій въ вытяжку, топнулъ по формѣ, повернулся и вышелъ изъ избы.

Вѣтринъ распечаталъ пакетъ, быстро прочиталъ его, въ глазахъ его блеснули слезы радости, и онъ вдругъ началъ влестъ по избѣ, словно помѣшанный.

— Что съ тобой, Клавдій? Чему ты такъ обрадовался? спросилъ Лановъ.

— Лихо!... Безподобно!... Вотъ неожиданность!... Да это чудо!... Ура!...

Прознося эти восклицанія, Вѣтринъ, съ прочитаннымъ при-

казомъ въ рукѣ, продолжалъ плясать въ сильнѣйшемъ восторгѣ.

— Да отвѣтишь ли ты мнѣ сегодня! сказалъ Лановъ съ досадою, всталъ со стула, выхватилъ изъ руки танцующаго друга приказъ, столько его восхитившій, подошелъ къ окну и принялся читать. А лейтенантъ, продолжая свою восторженную пляску, кричалъ Ланову:

— Читай, Салла! Читай, душа моя! Ты самъ заплянешь, если хоть сколько нибудь меня любишь!

Лановъ прочиталъ вслухъ: «Весьма по секрету. Сообщается вамъ, лейтенанту, что Его Царское Величество указалъ: коль скоро ледъ на морѣ взломаетъ, тужь минуту всему флоту, что у Котлина острова на зимовкѣ стоитъ, идти въ море и сквозь ледъ во чтобы ни стало пробиваться къ неприятельской крѣпости Выборгу, доставить всѣ осадныя пушки и мортиры, съ принадлежащими ядрами и бомбами, равно и весь провiантъ, потребный для вѣхотнаго войска и кавалерiи съ артиллерiей, понеже оныя войска, ниѣющiя выступить двадцать перваго сего марта по льду, къ Выборгу, провизiи съ собою берутъ потолку, неколко солдатъ снести оной на себѣ сможетъ, дабы за излишнею обозною тягостию помѣхи въ походѣ не было, и дабы она, отъ чего сохрани Господи, на льду не провалилась. По прибытiи на мѣсто, при осадѣ и взятiи Выборга, всему флоту чинить всякую помощь сухопутнымъ войскамъ, какъ тогда указано будетъ. Командовать всѣмъ флотомъ назначенъ господинъ Вице-Адмиралъ Крюйсъ. А вамъ, лейтенанту, къ походу весьма изготовиться и быть на кораблѣ, кониъ командовать будетъ Контръ-Адмиралъ Петръ Михайловъ. Лѣта 1710-го, марта въ 19 день. Капитанъ Андрей Буркинъ».

Во время чтенiя этого приказа, Вѣтринъ, уставшiй плясать, сѣлъ на стулъ и потиралъ руки съ видомъ чловѣка, котораго посетило неожиданное счастье.

— Ну что? сказалъ опъ, когда Лановъ дочиталъ приказъ.

— Ты также идешь или, вѣрнѣе сказать, плывешь въ походъ, и я за тебя радуюсь, товарищъ, отъ искренняго сердца!

— А еще что?

— Да что же еще?

— На какомъ кораблѣ, подъ чьей командой я буду? Ась?

— Подъ командою контръ-адмирала Петра Михайлова.

— Что жъ ты скажешь?

— Право, не знаю!

— Охъ вы, вѣхотницы! Бьюсь объ закладъ, что ты не скажешь мнѣ: кто такой этотъ контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ.

— Почему мнѣ звать всѣхъ вашихъ контръ-адмираловъ!

— Такъ я тебѣ скажу, кто такой контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ. Это самъ Царь Петръ Алексѣевичъ! Слышишь ли? Самъ Царь Петръ Алексѣевичъ!

— Неужто?

— Это вѣрно, какъ дважды два четыре!

— Ну, товарищъ! Теперь я понимаю почему ты плясалъ.

— Нѣтъ, не совсѣмъ еще понимаешь! Ну да объ этомъ не слѣ! Ты идешь въ походъ, и я иду, или илыву, какъ ты говоришь. Пошлишемъ теперь на радости вѣстѣ, и возимъ Выборгъ! Потѣшимъ царя! Беремъ Выборгъ, пляшемъ, и заставимъ Шведовъ поплакать! Ура!

Схвативъ за руку товарища, Вѣтринъ потащилъ его со стула, намѣреваясь плясать.

— Да волно ты, Клавдій!

— Ну что жъ ты ушраешься? Или не радъ походу?

— Конечно, радъ!

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Зададимъ вѣстѣ выпадску!

— Можно радоваться и безъ пляски.

— Конечно можно! Эхъ товарищъ! Ты меня твоими рѣчами словно холодной водой обливаешь! Ну сладемъ, если ты плясать не хочешь.

Вѣтринъ взялъ стулъ и сѣлъ, нахмурившись, вротилъ Ланова.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Перушки и лейтенантъ, скрестивъ на груди руки, поглядывали другъ на друга изъ-подлобя. Наконецъ Вѣтринъ захохоталъ.

— Чому ты ситѣшься, Клавдій?

— Да тому, что мы сидимъ надувшись и поглядываемъ другъ на друга словно сычи. Меня опять забираетъ охота плясать отъ радости! Жаль, что ты не хочешь! Ну да ты все—

гда такой степенный, такой благоразумный! Можно подумать, что тебѣ лѣтъ подь пятьдесятъ! Впрочемъ, ничего! Мы все таки друзья съ тобою, и сегодня скрѣпили нашу дружбу на всю жизнь необыкновеннымъ залогомъ, который у меня свято будетъ сохраняться въ бутылкѣ. Какъ другу, я тебѣ особу малютку тайну.

— Какую?

— Не государственную, не безпокойся! Вотъ видишь дѣло въ чести. Въ 1703 году, при взятіи русскими Ниеншанца, попался, вмѣстѣ съ прочими Шведами, въ плѣнъ мызыникъ, жившій въ окрестностяхъ Ниеншанца и имѣвшій смотный дворъ, тою на Невѣ, большой огородъ и прелестную дочь. Что это за Шведочка! Ей было тогда тринадцать лѣтъ, но ужъ тогда всакій бы угадалъ, что она будетъ удивительною красавицей. Я служилъ въ то время рядовымъ въ бомбардирской ротѣ Преображенскаго полка, которою Царь лично командовалъ въ чинѣ капитана. Тогда же, въ 1703 году, Его Величество, близъ Ниеншанца, заложилъ на Веселомъ островѣ крѣпость Санктпетербургъ, которая все росла, росла, распространялась по соседнимъ островамъ, и сдѣлалась теперь городомъ, второю русскою столицей. Я съ 1703 года жилъ постоянно здѣсь, въ Санктпетербургѣ, или на Котлинѣ островѣ, гдѣ, какъ тебѣ извѣстно, также крѣпость и морской портъ заложены; перевели меня на флотъ, гдѣ я дослужился, какъ видишь, до чина лейтенанта. Много было хлопотъ и заботъ по службѣ; но, не смотря на то, моя прелестная Шведочка не выходила у меня ни на минуту изъ головы. Она росла и часть отъ часу хорошѣла. Я подружился съ ея отцемъ, посѣщалъ его чуть-ли не каждый день, научился кое-какъ отъ него по-шведски, а онъ и, въ особенности его дочь, научились отъ меня по-русски. Прошло шесть лѣтъ и кончилось тѣмъ, что она, воспользовавшись моими уроками, начала говорить, какъ русская, девятнадцатилѣтняя красавица, а я въ нее влюбился, какъ самый пламенный Шведъ! Въ концѣ прошлаго 1709 года, я хотѣлъ объясниться съ отцомъ ея и жениться на моей милой, несравненной Шведочкѣ; но вдругъ объявленъ былъ разрывъ плѣнныхъ Русскихъ на плѣнныхъ Шведовъ. Отецъ

моей красавицы продалъ свой домикъ, свой огородъ, свой скотный дворъ, свою тону, и уѣхалъ съ моей красавицей въ шведскую неприятельскую землю. Ты легко поймешь мое горе. Я узналъ потомъ, что онъ поселился около Выборга. Понимаешь-ли ты теперь, почему я запласалъ, узнавши, что меня посылаютъ къ Выборгу, да еще какъ посылаютъ! На царскомъ кораблѣ! Выборгу не сдобровать! Я буду драться, какъ левъ, покажу собою примѣръ всѣмъ! А когда возьмемъ Выборгъ, я обшарю всѣ его окрестности, отыщу мою Шведочку и женюсь на ней. Съ побѣдителями не много разговариваютъ! Ура! Выборгъ нашъ, и Шведочка моя! Поздравь меня, Саша, поздравь напередъ!

Лейтенантъ въ восторгѣ вскочилъ со стула, обнялъ своего друга и поцѣловалъ его.

— А какъ зовутъ твою красавицу? спросилъ Лановъ.

— Ну, ужъ, другъ, извини! Этого я тебѣ, покуда, не скажу. Она просила меня не называть ее и никому не рассказывать о взаимной любви нашей, пока мы не обвѣнчаемся. Я и такъ, на радостяхъ, въ половину проболтался.

Долго еще друзья пробесѣдовали. Наконецъ поручикъ Лановъ простился съ Вѣтринымъ и ушелъ домой.

II.

Наступило двадцать первое марта. Былъ четвертый часъ утра. На ясномъ небѣ ярко блестяи звѣзды. Серповидный мѣсяцъ блѣдно освѣщалъ ледяную, покрытую снѣгомъ поверхность Финскаго залива. Вотъ, появилась на востокѣ бѣлая полоса, предвѣстница разсвѣта. На Котлинѣ островѣ вѣхота, кавалерія и артиллерія стремились въ колонны, соблюдая при этомъ необыкновенную тишину.

— Здравствуй, Александръ! Я на силу тебя пашель! сказалъ лейтенантъ Вѣтринъ Ланову, который стоялъ у своей роты. Я пришелъ проводить тебя и пожелать тебѣ счастливаго похода.

— Благодарю, товарищъ!

— А скоро-ли вы двинетесь?

— Я думаю, скоро. Всѣ уже готовы.

— Дай Богъ вамъ счастья и успѣха! Какъ радъ я, что сегодня морозитъ! Третьегодидя и вчера все была оттепель, и я, признаюсь, о тебѣ очень беспокоился. Какъ-то, думаю, дойдутъ они по льду до Выборга! Но вотъ, сегодня, морозъ, слава Богу, и препорядочный! Возьми-ка это, товарищъ, на дорогу, продолжалъ Лановъ, вынимая изъ кармана бутылку венгерскаго вина. Неравно озябнешь на морѣ, такъ не мѣшаетъ погрѣться.

— Очень тебѣ благодаренъ! Сунь, пожалуйста, твой подарокъ въ сумку, что у меня за плечами. Она не туго набита.

— Хоть твоя походная кладовая не велика, но мой подарокъ умѣшу. Ну вотъ, взяло! А послушай, другъ Сама! Не пужно ли тебѣ денегъ для похода? Я привнесъ съ собою кошелекъ свой. Въ немъ десять голландскихъ червонцевъ, да мелкаго серебра на полтину. Это весь мой наличный капиталъ. Если тебѣ нужны деньги, возьми половину.

— Правда, что у меня непого въ карманѣ; но мнѣ совѣтливо.... можетъ быть, тебѣ самому....

— Ну полно, толковать! Вотъ тебѣ пять червонцевъ! Въ походѣ деньги могутъ очень пригодиться.

— Благодарю, другъ! Этого я никогда не забуду! При первой возможности тебѣ отдамъ.

— Ну, полно! Есть о чемъ говорить!... Посмотри-ка, посмотри! Кто это сюда скачетъ на бѣлой лошади? А вотъ за нимъ кто-то еще ѣдетъ крупною рысью на гнѣдой! Ба! Да это, что на бѣломъ-то конѣ, если не ошибаюсь, самъ Царь Петръ Алексѣевичъ! Теиновато, такъ разглядѣть трудно.

— Опъ и есть! А за нимъ нашъ главнокомандующій, графъ Апраксинъ, сказалъ Лановъ, и сталъ на свое мѣсто у роты.

Вѣтринъ отошелъ въ сторону.

Петръ Великій, сопровождаемый графомъ Апраксинымъ, внимательно осматрѣлъ все войско и наконецъ остановился въ центрѣ колоннъ.

— Дѣти! сказалъ онъ громкимъ голосомъ, обратясь къ войскамъ. Въ прошломъ году вы порадовали меня и прославили отечество полтавскою побѣдой. Поддержите честь русскаго оружія и порадуйте меня въ нынѣшнемъ году взятіемъ Выборга!

Восторженное, оглушительное ура! было отвѣтомъ на слова Государя.

— Идите съ Богомъ, обложите неприятельскую крѣпость! продолжалъ Петръ Великій. Лишь только взломаешь ледъ на морѣ, я самъ къ вамъ явлюсь на подмогу, съ моимъ флотомъ. У васъ провіанту немного съ собою, пушекъ всего десять двѣнадцати фунтовыхъ, да три мортиры. Я вамъ доставлю и провіантъ, и осадныя пушки, и мортиры, и все, что нужно. Въ Выборгѣ, дѣти, отпразднуемъ побѣду! Идите съ Богомъ!... Маршъ!... Благословляю васъ!

Царь вынулъ изъ ноженъ шпагу и сдѣлалъ ею крестное знаменіе надъ войскомъ.

Грянуло второе; еще болѣе восторженное ура! и все войско, подъ предводительствомъ графа Апраксина, двинулось съ Котлина острова на ледъ Финскаго залива. Раздались шаги пѣхоты, топотъ кавалерійскихъ лошадей, бряцанье цѣпей у пушекъ и зарядныхъ ящиковъ.

Долго еще смотрѣлъ съ берега Царь на свое войско, постепенно скрывавшееся въ утреннемъ туманѣ, сдѣлалъ свою шпагою второе крестное знаменіе, котораго уже никто изъ его воиновъ, шедшихъ въ походъ, видѣть не могъ, поворотилъ своего благаго коня и ускакалъ.

Это второе крестное знаменіе видѣлъ одинъ лейтенантъ Вѣтринъ, не замѣтно стоявшій въ сторонѣ, и.... сами чита-

тели, безъ всякихъ поясненій, поймутъ что онъ въ это время чувствовалъ.

Царь скрылся изъ вида. Вѣтрикъ взглянулъ тогда на заливъ. Однѣ заднія колонны войска были неясно видны въ туманѣ, въ который онъ съ каждою минутою все болѣе и болѣе погружался. Вѣтрикъ нѣлъ доброе, чувствительное сердце и живое воображеніе. Видя, какъ огромная масса людей постепенно исчезаетъ изъ виду, онъ продумалъ: «И всѣ люди не такъ-ли? Дѣйствуютъ, ходятъ, говорятъ, шумятъ, спорятъ, враждуютъ, дружатся, и, какъ это войско, постепенно уходятъ изъ виду и исчезаютъ!... Можетъ быть, всѣ эти храбрые товарищи потонуть въ морѣ! Увижу ли я еще разъ моего друга Ланова, котораго такъ люблю? Можетъ быть, прїѣду къ Выборгу, спрошу: гдѣ Лановъ? и мнѣ отвѣтятъ: убитъ! А я такъ холодно простился съ нимъ, не высказавъ ему при прощаніи всего, что было у меня на сердцѣ. Нѣтъ! я хочу еще разъ обнять его, непременно! непременно!

И Вѣтрикъ, сойдя съ берега Котлина острова, пустился бѣгомъ по льду, вслѣдъ за другомъ. Довольно долго бѣжалъ онъ по слѣду, проложенному войскомъ.

— Ахъ Клавдій! Это ты! воскликнулъ Лановъ, неожиданно увидѣвъ подлѣ себя Вѣтрина.

— Я товарищъ! отвѣчалъ лейтенантъ, едва переводя духъ отъ усталости.

— Для чего ты нагналъ насъ?

— Для того, чтобы еще разъ проститься съ тобою и пожелать, чтобы мы въ Выборгѣ увидѣлись и поздравили другъ друга съ побѣдой! Да сохранить тебя Богъ, другъ мой Саша! Скажи откровенно: не мало ли тебѣ для похода пяти червонцевъ, которыми я тебя ссудилъ? Возьми остальные пять! Они мнѣ не нужны.

— Нѣтъ, Клавдій! Благодарю тебя! Мнѣ и пяти червонцевъ для похода достаточно.

— Ну, какъ хочешь!

— Вѣдь ты слышалъ, что Царь самъ привезетъ для войска и осадныя пушки, и провиантъ, и все, что нужно. Ужъ конечно онъ насъ голодать не заставитъ.

— Безъ сомнѣнiя! Флотъ какъ разъ къ вамъ явится на подмогу! Дай только Господи, чтобы ледъ поскорѣе взломало!

— Ну нѣтъ, товарищъ! Позволь ты намъ прежде добраться благополучно по льду, до Выборга.

— Разумѣется! Неужто я могу желать, чтобы ты утонулъ. Ну, простимся, Александръ! Будь здоровъ, цѣль и невредимъ! Дай руку! Богъ милостивъ! Въ Выборгѣ увидимся побѣдителями! А потомъ я отыщу свою Шведочку, и приглашу тебя на мою свадьбу! Такъ ли, Саша?

— Дай Богъ! Если же я буду убитъ, помолись о душѣ моей и помяни меня, товарищъ, по условiю, залогомъ нашей дружбы, который у тебя остался.

— И слушать не хочу! Ты будешь живъ и здоровъ! Въ Выборгѣ увидимся, поздравимъ другъ друга съ побѣдой и разошьемъ на радости, съ товарищами, нѣсколько бутылокъ венгерскаго, а не одну печальную чарку, которую ты въ мои именины оставилъ у меня въ бутылкѣ. Ба! взгляни-ка, товарищъ! Слова мои навѣрное сбудутся! Видишь ли? Я еще не кончилъ рѣчи, а утреннее солнце какъ весело выглянуло изъ-за мрачнаго, сосноваго лѣса! Ну, прощай, другъ! До свиданiя въ Выборгѣ!

Вѣтрищъ, со слезами на глазахъ, крѣпко обнявъ Ланова и скорыми шагами пошелъ обратно къ Котливу острову. Взойдя на берегъ, онъ оглянулся. Все войско исчезло уже въ туманѣ, который густѣлъ слоемъ покрывалъ сѣвную поверхность взморья.

Кажется, ни кто еще изъ отечественныхъ и иностранныхъ историковъ не обращалъ до-сихъ-поръ вниманія, что Выборгъ отъ Санктпетербурга отстоитъ по сухому пути на сто сорокъ одну версту; что по льду Финскаго залива, безъ всякой проложенной дороги, съ обходами снѣжныхъ сугробовъ, полыней и трещинъ, этотъ путь необходимо долженъ растянуться и составить верстъ двѣсти; что отъ Кронштадта до Выборга эта дорога составитъ по-крайней-мѣрѣ сто шестьдесятъ верстъ, и что русское войско, отправленное утромъ двадцать перваго Марта, Петромъ Великимъ, подъ предводительствомъ графа Апраксина, дошло до Выборга утромъ, на другой день, то есть въ двадцать четыре часа, или немногимъ болѣе. Для ѣзды почтовыхъ лошадей полагается, по существующимъ правдамъ, десять верстъ въ часъ. Съ перекладкою лошадей и необходимыми остановками на станціяхъ потребуетъ непременно двадцать четыре часа для того, чтобы проѣхать сто шестьдесятъ верстъ. Не споримъ, что фельдъегери могутъ проскакать и болѣе. Какимъ же образомъ, какимъ чудомъ, пѣхота, сопровождаемая кавалеріей и артиллеріей, по ровному, сомнительному льду взморья, по неизвѣстной, загадочной дорогѣ, прерываемой снѣжными сугробами, полынями и трещинами, дошла такъ скоро до Выборга? Видно, что пѣхота не шла, а летѣла! Видно, что слова великаго Царя и его благословіе придали храброму его войску крылья! Во всѣхъ историческихъ лекціяхъ прославляютъ и превозносятъ отступленіе десяти тысячъ Грековъ, описанное весьма краснорѣчиво древнимъ греческимъ историкомъ Ксенофонтомъ, который самъ лично участвовалъ въ знаменитомъ отступленіи, а удивительное соколиное наступленіе Русскихъ на Выборгъ не описано еще вполне никакимъ историкомъ, ни древнимъ, ни новѣйшимъ.

Объ этомъ чудномъ наступленіи, о судьбѣ Ланова и его друга Вѣтрина, объ его Шведочкѣ, объ его морской поѣздкѣ

сквозь едва-тронувшійся ледъ, о достопамятной осадѣ Выборга, и о подвигахъ великаго, безсмертнаго Котръ — адмирала Петра Михайлова, мы подробно сообщимъ нашимъ читателямъ въ слѣдующихъ главахъ, нашего разсказа.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

К. ЖАСАЛЬСКИЙ

Иностранная Словесность.

ЧЕРНЫЙ НИЩІЙ.

Романъ Поля Февала.

I.

Послѣ вечерни.

1816 года, въ среднѣ осени, въ первомъ этажѣ дома, стоявшаго на площади Сенъ-Жерменъ-де-Прё, подлѣ церкви, двое молодыхъ людей, опершись на перила балкона, курили сигары и разговаривали между собою. — Было воскресенье. Часовая стрѣлка показывала четыре часа. Молодые люди дожидались, безъ сомнѣнія, конца вечерни, чтобъ посмотреть на дамъ, которыя выйдутъ изъ церкви.

Оба они были хороши собою, но красота каждого имѣла свой особенный характеръ. — Старшій изъ нихъ, смуглое лицо ко-

того выражало странную смѣсь снисходительности съ необдуманностью и какою-то тщеславною гордостью, казалось, принадлежалъ къ сомнительной эпохѣ, составляющей границу между юношествомъ и зрѣлымъ возрастомъ. Должно было полагать, что онъ уже миновалъ свой тридцать пятый годъ... но когда?.. это трудно было рѣшить, потому что на лбу его еще не выказывались морщины, а волосы, черные, какъ смоль, и очень курчавые, блестяли какъ нельзя больше изъ-подъ слоя покрывавшей ихъ помады. Глаза его были блестящи и исполнены огня, но иногда они невольно опускались, встрѣтивъ наблюдательный и смѣлый взглядъ.

Не было замѣтно ни одного сѣдаго волоска въ его усахъ, но изъ-подъ нихъ видѣлась длинная морщина, склонявшаяся къ концамъ рта, и которая одна только явно противорѣчила молодости всего лица. Синеватыя кружки обрамляли его глаза и касались щекъ — желтаго цвѣта, столь свойственнаго лицу жителей юга. Этотъ, пожалуй скажемъ, молодой человекъ называлъ себя Хуаномъ Карралемъ, ~~восемнадцатилѣтнимъ~~ дворяниномъ. Онъ часто говорилъ о своей шампли, какъ объ одной изъ первыхъ въ Андалузіи, и между тѣмъ, всегда называлъ себя недостойнымъ такого знаменитаго происхожденія. — Въ этомъ случаѣ, онъ поступалъ подобно тѣмъ прекраснымъ дамамъ, которымъ нравятся комплименты на счетъ ихъ купленныхъ волосъ. — Хуанъ Карралъ былъ сынъ невольника — негра, и истинное имя его было — Жонкиль.

Товарищъ его, котораго звали Ксавье, былъ гораздо моложе его. Высокій и открытый лобъ его обрамлялся чудными русыми волосами. Лицо его казалось асфестровымъ подлѣ смуглаго лица мулата. Какая-то неопредѣленная грусть была постояннымъ выраженіемъ его физіономіи. Ему можно было дать двадцать два или три года, но никакъ не болѣе.

Площадь была совершенно пуста. Только на ~~набережьи~~ церкви, ~~зверлись~~ на палку, стоялъ нищий, который, вѣроятно, дожидался конца вечера.

Этотъ нищій былъ негръ; лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ могъ бы напомнить собою Отелло Шекспира. Не смотря, однакожъ, на лѣта, онъ держался прямо, и, казалось, съ гордостью носилъ рубище, покрывавшее его плеча. Намъ не нужно описывать его подробно, потому что, вѣроятно, еще многие помнятъ

Черную нищю, который просил милостыни подлѣ церкви святой герменской.

Онъ обыкновенно не произносилъ ни слова и только протягивалъ руку за подаваемъ. Получивъ что-нибудь, онъ кланялся съ важною; иногда, если милостыня была подана небольшою дѣвучкою, улыбался слегка и клалъ руку на сердце.

Мы уже сказали, что было четыре часа. Между тѣмъ, какъ нищій терпѣливо дожидался конца вечерни, не сходя съ своего мѣста, молодые люди продолжали разговоръ, прерываемый то рою на минуту или на двѣ.

— Ксавье! вскричалъ вдругъ Донъ-Хуанъ Карраль, бросая на улицу остатокъ выкуренной сигары: вы рѣшительно влюблены!...

Ксавье вздрогнулъ, но принужденно улыбнулся.

— Почему вы такъ думаете? пробормоталъ онъ.

— Прекрасно!.. Вы, по крайней мѣрѣ, не отпираетесь! Почему я думаю, спросили вы?.. Ха, ха, ха! можно догадаться объ этомъ по тысячѣ признаковъ. — Видите ли, мы Испанцы зоркіе наблюдатели, настоящіе аргусы. Я уже съ нѣкотораго времени удивляюсь...

— Чему? спросилъ живо Ксавье.

Донъ-Хуанъ Карраль снова захохоталъ.

— Молчите лучше! сказалъ онъ: вы изменяете самому себѣ, право, жестоко было бы съ моей стороны воспользоваться такимъ случаемъ.

При этомъ смѣхѣ, нищій обернулся. Онъ поднялъ соломенную шляпу и проткнулъ руку въ направленіи къ балкону.

Ксавье тотчасъ же вынулъ свой кошелекъ.

— Этотъ негръ мнѣ не нравится! прошепталъ Карраль, подражая примѣру своего друга.

Ксавье бросилъ монету. Негръ, прежде чѣмъ поднять ее, положилъ руку на сердце.

— Негръ! вотъ тебѣ пять франковъ, вскричалъ Карраль: я даю ихъ съ условіемъ, чтобъ ты убирался къ чорту и не показывался мнѣ на глаза!

Монета въ пять франковъ упала въ шляпу нищаго.

Вмѣсто того, чтобъ взять эту монету, онъ отбросилъ ее отъ себя и снова принялъ прежнее положеніе.

— Вы его обидѣли! сказалъ Ксавье.

— Обидѣть негра! повторилъ мулатъ съ презрительною улыбкою.

кою. — Впрочемъ, всякій воленъ дѣлать, что ему угодно. — А! вы опять задумались, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: на васъ, кажется, рѣшительно нашелъ спянь.

Ксавье вздохнулъ.

— Эта болѣзнь только для богатыхъ людей, отвѣчалъ онъ и поднялъ глаза на своего товарища.

Потомъ, въ порывѣ увлеченія, которое такъ свойственно сердцу молодого человѣка, онъ взялъ руку Каррала, крѣпко пожалъ ее и сказалъ:

— Карралъ — вы мой другъ! Я на васъ надѣюсь.... Такъ какъ вамъ извѣстна часть моей тайны, то я хочу довѣрить вамъ все. — Я страдаю!...

— Это видно, мой другъ... Но отчего вы страдаете?

— Я бѣдный человѣкъ...

— Не одинъ вы бѣдны на бѣломъ свѣтѣ!

— И я называюсь только Ксавье.

— Прекрасное имя! сказалъ Карралъ съ какою-то безжалостною снисходительностью: я полагалъ, что услышу отъ васъ что-нибудь особенное. Подумайте сами, мой другъ, еслибъ всѣ люди знали свое происхожденіе, то не было бы дворянъ.

— И потомъ еще... продолжалъ Ксавье, который не обратилъ вниманія на послѣдній, статистическій выводъ мулата....

Но въ это время двери церкви отворились и толпа хлынула на площадь. — Два друга прекратили свой разговоръ.

Ксавье наклонился черезъ перила балкона. Его душа, казалось, сосредоточилась въ однихъ глазахъ.

— Она была также у вечерни? спросилъ тихимъ голосомъ Карралъ.

— Кто? вскричалъ Ксавье, лице котораго вдругъ подернулось легкою краскою.

— Опять скрытности!... Впрочемъ, я спросилъ только для вида; мнѣ извѣстно, что она здѣсь... да вотъ и она...

Ксавье наклонился еще болѣе. Въ эту минуту, на порогѣ церкви показалась молодая дѣвушка, удивительной красоты, одѣтая съ аристократическою простотою. Ее сопровождала дама nocturnого вида. Проходя мимо чернаго нищаго, молодая дѣвушка положила ему въ руку монету, и негръ улыбнулся ей очень ласково. — Потомъ, она бѣгло и какъ бы печально взглянула на балконъ, и легкій румянецъ показался на ея щекахъ.

— Она его любитъ! подумалъ Карралъ.

Ксавье невольно сложилъ руки.

Въ свою очередь, мистриссъ Блоутеръ, дама, сопровождавшая молодую дѣвушку, подняла глаза, но только для того, чтобъ посмотрѣть, каково было небо.

Небо, чистое почти весь день, покрылось теперь облаками, и уже дождь рѣдкими каплями началъ падать на землю.

Англичанка приняла серьезный видъ и испуганнымъ взоромъ окинула площадь; только одинъ фіакръ, кучеръ котораго спалъ на козлахъ, стоялъ на другомъ концѣ площади.

— Въ то время, когда маркизь Румбри и его дочь, подумалъ Карраль: должны довольствоваться фіакромъ или ходить пѣшкомъ, сама маркиза развѣзжаетъ въ коляскѣ, а любезный сынъ ея прогуливается въ кабриолетѣ своего воччима.

Молодая дѣвушка стала подъ портикъ церкви, а мистриссъ Блоутеръ съ истинно-геройскимъ самоотверженіемъ пустилась по мокрой мостовой къ фіакру.

— Любезный другъ, сказалъ тогда Карраль, обращаясь къ Ксавье: не беспокойтесь, я вамъ не хочу мѣшать и уйду.

И онъ вошелъ въ комнату.

Толпа рѣдѣла, и наконецъ на площади не осталось никого, кромѣ чернаго нищаго.

Елена! прошептала Ксавье.

Молодая дѣвушка посмотрѣла вверхъ, и видя, что на балконѣ никого нѣтъ, кромѣ Ксавье, быстро произнесла эти слова:

— Приходите къ намъ сего-дня.

Но въ это время фіакръ покатился по мостовой и несчастный Ксавье не слышалъ ничего. Онъ наклонился и напрягъ свой слухъ; но Елена не сказала болѣе ни слова, потому что къ ней подошла мистриссъ Блоутеръ. Фіакръ открылся, потомъ снова закрылся и наконецъ чрезъ вѣскольکو секундъ исчезъ въ одной изъ улицъ, ведущихъ къ площади.

— Ксавье съ досады топнулъ ногою и въ отчаяніи вскричалъ:

— Что сказала она?

— Приходите къ намъ сего дня! отвѣчалъ медленно негръ, стоявшій подъ окномъ.

— Благодарю, благодарю, добрый человекъ!

— Какого дьявола благодарите вы? спросилъ Карраль, выходя на балконъ.

Ксавье обернулся. Печальное выражение лица его совершенно исчезло. Веселая улыбка показалась на устахъ.

— Я говорю самъ съ собою, отвѣчалъ онъ. — Кстати, хотя я и общался, но не могу провести съ вами этотъ вечеръ, потому что иду къ маркизу Румбри.

— Гмъ!.. понимаю, сказалъ Донъ-Хуанъ.

— Меня пригласили.. вы знаете.. въ тотъ разъ. — Я было совсѣмъ забылъ... объ этомъ...

— Вы, просто, безумецъ! сказалъ Карраль съ добродушною улыбкою и почти съ видомъ покровительства... Неужели вы думаете, что мнѣ неизвѣстны всѣ ваши тайны? — Вы любите женщину, которая по своему положенію въ свѣтъ стоитъ далеко выше васъ.

Лобъ Ксавье снова нахмурился и улыбка исчезла.

— Это дерзость, должно признаться! прибавилъ Карраль.

— О! скорѣе безумство! прошепталъ Ксавье.

— По моему дерзость. Впрочемъ, ваша партія, не смотря на всѣ препятствія, можетъ быть выиграна.

— Ахъ! еслибъ я былъ богатъ! вскричалъ Ксавье.

— Это вашъ конекъ, мой другъ. Но лучше, еслибъ имѣть хорошее имя!.. какъ, напримеръ — мое...

— Вы очень счастливы, Карраль!

— Можетъ быть... Съ другой стороны, еслибъ вы и принадлежали къ первой фамиліи во Франціи, то все-таки наша бы предвѣстия...

— Какое?

Голосъ Карраля сдѣлался важнымъ.

— У васъ есть врагъ, Ксавье, — и врагъ смертельный, который не имѣетъ къ вамъ жалости. Не спрашивайте у меня его имени, — я не могу вамъ сказать.

— Смертельный врагъ, повторилъ молодой человекъ: врагъ, который не имѣетъ жалости?.. Вы шутите, Карраль? Мнѣ кажется, я никого не обидѣлъ.

Донъ-Хуанъ, вѣроятно, раскаялся въ своей откровенности, потому что прибавилъ:

— Я преувеличилъ, мой другъ; вашъ врагъ совсѣмъ не похожъ на идеализмическаго злодѣя; онъ только не любитъ васъ...

— Но кто же этотъ врагъ?

— Этого я не могу сказать. Да и къ чему вамъ знать его имя?

Помните только, что если вы подвергнетесь опасности, Карраль первый явится къ вамъ на помощь....

Ксавье взялъ руку своего товарища.

— Вы — добрый другъ, сказалъ онъ: благодарю васъ и принимаю ваше предложеніе. — Но прежде всего мнѣ слѣдуетъ замѣтить или, лучше сказать, напомнить вамъ старое правило: чтобъ помогать кому нибудь, должно знать его вполнѣ, а вы еще почти незнакомы со мной.

— Помилуйте! вскричалъ Карраль; я знаю вашу исторію вдоль и поперекъ или, по крайней мѣрѣ, догадываюсь о ней. — Въ исторіи романтическихъ героевъ похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды. Во-первыхъ, вамъ не известны ваши родители. Ваша мать или за нее какой нибудь снисходительный банкиръ присылаетъ вамъ каждый мѣсяць определенную сумму.

— О! совсѣмъ не то! прервалъ Ксавье.

— Не то!.. По крайней мѣрѣ что-то похожее на то.

— Дѣйствительно, началъ медленно Ксавье: я не знаю ни отца, ни матери. — Въ коллегіи за меня платили, присылая деньги начальникамъ. Теперь же каждый мѣсяць аккуратно я получаю по триста франковъ.

— Что я вамъ сказалъ, не моя ли правда?

— Но кто присылаетъ мнѣ эти триста франковъ?

— Вамъ какое дѣло, — благо, что даютъ. По крайней мѣрѣ, чрезъ кого получаете вы ихъ?

— И того не знаю.

— О-го! тутъ есть что-то особенно интересное. И вы даже не подозреваете никого, кто бы могъ помогать вамъ такимъ образомъ?

— Рѣшительно никого.

— Странно!

— Да странно, Карраль, и даже жестоко. Повѣрьте мнѣ, если не любовь, я отказался бы отъ этого таинственнаго дара, столь похожаго на милостыню; я прервалъ бы всѣ сношенія съ свѣтомъ и сталъ бы работать, чтобъ жить своими собственными трудами; я...

— Тише тише, мой другъ; замѣтно, что вы увлекаетесь.... Впоследствии, такъ лѣтъ черезъ десять, когда вы будете знаменитымъ адвокатомъ, — это мое предположеніе, — вы мо-

жете отринуть, благодѣтельные триста франковъ въ мѣсяцъ; но теперь, какъ мнѣ кажется, во всякомъ случаѣ — они не лишняя вещь. Еще разъ, — вы мнѣ не растолковали, какимъ образомъ получаете вы свое жалованье?

— Я не смѣю вамъ сказать; вы не повѣрите.

— Говорите только, а обо мнѣ не беспокойтесь.

— Извольте. Въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца я нахожу пакетъ, тщательно запечатанный и въ которомъ постоянно возвращено пятнадцать луддоровъ.

— Гдѣ жъ вы ихъ находите?

— Здѣсь, на этомъ балконѣ... на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ теперь.

— Странно! повторилъ Карраль: и вы даже не позаботились подстеречь своего благодѣтеля?

— Это была моя давняя мысль. Сколько ночей просиживалъ я тутъ, скрытый за занавѣсками, — и все....

— Напрасно.

— Совершенно напрасно!...

Донъ-Хуанъ, въ раздумьѣ провелъ рукою по лбу.

— Вѣроятно, наверху живетъ женщина, прошенгаль онъ.

— Не думаю, возразилъ Ксавье. И притомъ я увѣренъ, что мужчина бросаетъ золото на балконъ.

— Что подало вамъ эту мысль?

— Въ одну ночь, тому назадъ уже годъ, я оставался на своемъ постѣ до самаго утра. Около четырехъ часовъ, слабый шумъ раздавался на балконѣ. Я бросился сюда и замѣтилъ, какъ огромная тѣнь быстро скрылась за угломъ церкви. То была тѣнь мужчины.

— Не ошвблался ли вы?

— Нисколько. — Въ это время дѣлали поправки въ нашемъ домѣ, и мостовая внизу балкона была засыпана пескомъ. — Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, зажегъ свѣчу и вышелъ на улицу. На рыхломъ пескѣ остались слѣды... и тамъ были слѣды мужчины, обутого въ тяжелые башмаки, подбитые гвоздями.

— Стало быть, вскричалъ Карраль: деньги вамъ доставляетъ комиссіонеръ — Овернецъ; Овернцы славятся своими громадными башмаками.

Ксавье задумался на минуту.

— Отвѣчайте мнѣ откровенно, Карраль, сказалъ онъ вдругъ: похожъ ли я на мулата?

Карраль вздрогнулъ и посмотрѣлъ на молодаго человѣка съ угрожающимъ видомъ. Этотъ вопросъ показался ему самой жестокой обидой. Но откровенное лицо Ксавье вскорѣ вывело его изъ темнаго подозрѣнія.

— Не могу отвѣчать вамъ положительно, потому что не видалъ мулатовъ. — Впрочемъ, по той идеѣ, какую я составилъ себѣ объ нихъ, — вы совсѣмъ не похожи на сына негрятки Ксавье вздохнулъ какъ то особенно легко.

— Всѣ мнѣ то же говорятъ, сказалъ онъ: а между тѣмъ.....

— Почему, прервалъ его Карраль: вы сдѣлали мнѣ такой вопросъ?

— Я самъ не знаю, почему. Мнѣ въ голову приходятъ иногда ужасныя мысли, — и одна изъ нихъ.... О нѣтъ! я не сообщи вамъ ее, потому что вы засмѣетесь.

— Я требую отъ васъ, сказалъ улыбаясь Карраль: полнаго довѣрія.

Ксавье, можетъ быть, и высказалъ бы свою завѣтную тайну, еслибъ, въ эту минуту, экипажъ, запряженный двумя красивыми лошадьми, обогнувъ церковь, не остановился передъ воротами дома. — Хотя ночь еще не наступила, но предметы рисовались уже въ какомъ-то полумракѣ.

— Чудесныя лошади! вскричалъ Ксавье, счастливый тѣмъ, что нашелъ случай прервать тягостный разговоръ.

Карраль, вмѣсто того, чтобъ отвѣчать, схватился за лорнетъ и приложилъ его къ своему глазу.

— Румбри! прошепталъ онъ.

— Въ церковь теперь поздно, сказалъ Ксавье, который не слышалъ ничего: это, вѣроятно, къ кому нибудь изъ нашихъ жильцовъ.

Донъ-Хуанъ былъ блѣденъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Женщина, съ граціозной и гордой осанкой, вышла изъ кареты и посмотрѣла пристально на домъ.

Черный нищий, который, казалось, до сихъ поръ спалъ подъ портикомъ церкви, подошелъ къ ней и протянулъ руку. Но она прошла быстро мимо него, и поднялась по лѣстницѣ въ домъ.

— Я угадалъ! вскричалъ Ксавье.

— Это она, — подумалъ Карраль.

— Странное сходство! проворчалъ нищій, черное лицо котораго выражало какое-то особенное удивленіе: я узнаю, кто она.

Ксавье приложилъ ухо къ замку и прислушивался съ любопытствомъ дитяти, кого изъ сосѣдей осчастливить незнакомка своимъ посѣщеніемъ.

Что же касается до нищаго, то онъ хладнокровно возвратился на свое мѣсто.

Черезъ нѣсколько секундъ, кто-то три раза тихо постучалъ въ дверь комнаты, гдѣ были молодые люди.

— Какое счастье! сказалъ весело Ксавье: это къ вамъ или ко мнѣ...

— Ко мнѣ! отвѣчалъ Донъ-Хуанъ глухимъ голосомъ.

Онъ открылъ дверь.

Женщина, лицо которой было закрыто вуалью, вошла въ комнату.

— Теперь, я скажу въ свою очередь: не безпокойтесь, мой другъ, произнесъ Ксавье такъ тихо, что только было слышно одному Карралю: я отправляюсь, а куда?.. вы это сами знаете.

Онъ поклонился дамѣ и вышелъ.

Лишь только дверь заперлась за нимъ, лице Каррала измѣнилось внезапно. Его гордый видъ и улыбка, исполненная внутренняго самодовольствія и даже чванства, исчезли въ одно мгновеніе.

Мудать въ свою очередь поклонился почтительно дамѣ, и въ какомъ-то боязливомъ и покорномъ ожиданіи стоялъ безмолвно нѣсколько времени.

— Добрая моя госпожа, сказалъ онъ наконецъ прерывающимся голосомъ: чего хотите вы отъ меня?

II.

Ж о н к и н ѣ .

Женщина, вошедшая въ комнату, была средняго роста и удивительно хорошо сложена. Если лицо ея и потеряло свѣжесть молодости, то все-таки она была еще прекрасна, и даже можно было скорѣе не годамъ, а усталости приписать томный блескъ ея глазъ и блѣдность щекъ. Это была одна изъ

тѣхъ женщинъ, на которыхъ не дѣйствуетъ время. — Только нѣкоторые дали бы ей лѣтъ тридцать, и только весьма и весьма немногіе поспорили бы о сорока. Впрочемъ, кто спрашиваетъ и кому какая нужда до лѣтъ прекрасной собою женщины? — Не знаю, Парни или Жангиль-Бернаръ сказали когда-то: «Красота не ведетъ счета годамъ, любовь не заботится объ этихъ подробностяхъ; и прекрасная собою женщина — всегда «молода.»

Что болѣе поражало въ ней, такъ это медленность движеній, небрежныя позы и какая-то слабость, которая такъ идетъ къ женщинамъ. Ея мускулы, по-видимому, чужды были всякихъ усилій; ея гибкіе и нѣжныя члены, казалось, требовали одного покоя.

Кто не знаетъ креолокъ, у которыхъ подъ легкою тѣлесною оболочкою скрывается энергическая душа, которые своими руками, устающими отъ тяжести опахала, готовы сжать и раздавить крѣпкую руку мужчины, которые, наконецъ, для исполненія своихъ замысловъ, рѣшаются на всѣ возможныя опасности?

Маркиза Румбри была креолка. Долгое пребываніе въ Парижѣ развило ея природную граціозность и познакомило ее со всѣми ухищреніями и соблазнами Парижанокъ. — Такъ и образомъ, къ ней природа соединилась съ искусствомъ.

Сдѣлавъ утиный поклонъ Ксавье, она отбросила назадъ свою вуаль.

— Чего хотите вы отъ меня, добрая моя госпожа, повторилъ Карраль, который стоялъ все въ положеніи преступника, близкаго ожидающаго рѣшенія своей участи.

— Ты вспомнилъ наконецъ, жульнуть, что я твоя госпожа? сказала маркиза, показывая пальцемъ на кресла.

Карраль воспользовалъ ихъ подвинулъ.

— Я никогда этого не забывалъ, отвѣчалъ онъ.

Госпожа Румбри съела, небрежно поправила складки своего шелкового платья и, наклонивъ немного голову на плечо, прищурила глаза.

— Мнѣ самой приходится васъ искать, Донъ-Хуанъ Карраль, продолжала маркиза: между тѣмъ, какъ одно мое имя должно было бы заставить васъ явиться ко мнѣ.

Жульнуть хотѣлъ сказать что-то въ свое оправданіе, но движеніе маркизы заставило его снова замолчать. — Это движеніе

означало, что креслѣ нуженъ былъ подъ ноги табуретъ, стоявшій въ другомъ углу комнаты. Карраль принесъ табуретъ, и маркиза, принявъ самое удобное и вмѣстѣ съ тѣмъ живописное положеніе, начала опять разговоръ.

— Я писала къ вамъ два раза. Почему вы не отвѣчали мнѣ!

— Я не осмѣлился....

— Не осмѣлились! нѣтъ, это скорѣе значить, что вы не хотите повиноваться мнѣ?...

— Напротивъ! ваши приказанія, сказалъ тихимъ голосомъ Карраль: всегда будутъ мною исполнены.

Лицо маркизы прояснилось.

— Ты добрый мальш, Жонкиль, сказала она съ самымъ ласковымъ выраженіемъ: посмотримъ, что ты сдѣлалъ?

— Я подружился съ молодымъ человѣкомъ, отвѣчалъ Карраль: уже съ мѣсяць живемъ мы вмѣстѣ, какъ братья, — и даже одна квартира для насъ обохъ.

— Прекрасно. Я была всегда увѣрена въ тебѣ. Что же далѣе?

— Я узналъ исторію его жизни и нѣкоторыя маленькія тайны.

— Благодарю, Жонкиль. — Что же потомъ?

— Маркиза, прервалъ Карраль съ умоляющимъ и печальнымъ видомъ: Ксавье меня любитъ: уже давно меня никто не любилъ. Сжальтесь надъ нимъ! Не дѣлайте ему никакого зла.

— Бѣдный Жонкиль! прошептала маркиза, закинувъ голову на спинку креселъ.

Самая безжалостная иронія была видна въ улыбка, съ которою она провнесла эти слова.

Мудать же едва могъ удержать порывы ненависти, которою такъ исполнено было его сердце.

— Хуанъ Карраль, продолжала маркиза, посмотрѣвъ на него спокойнымъ и пристальнымъ взглядомъ: неужели это все, что вы сдѣлали?

— Онъ такъ молодъ! прошептала мудать.

— Вы удалаетесь отъ предмета нашего разговора, мой бѣдный Жонкиль, сказала маркиза, слегка зѣвая: поговоримъ серьезно. Я вамъ дала приказаніе, — вы его исполнили только въ половинну. Это немного опасно для васъ, знаете ли вы?

— Я знаю, сударыня, что я принадлежу вамъ; знаю, что моя безумная гордость сдѣлала меня вашимъ невольникомъ, даже въ странѣ свободы. Я проклинаю тотъ день, когда рѣшился

отказаться от моего происхожденія и принять благородное имя! Я думалъ, что въ Европѣ, какъ и тамъ, мулатъ презираемъ всѣми, что на него смотрятъ какъ на парію, на отверженца неба и земли. — Я обманулся, и теперь наказанъ жестоко. — Помню еще до сихъ поръ вашу улыбку, когда вы узнали мое превращеніе изъ ничтожнаго мулата въ знатнаго испанскаго дворянина. Вы были въ правѣ улыбаться, потому что нашли себѣ невольника, котораго никакіе человѣческіе законы не могутъ освободить отъ вашей власти.

— Ты чрезвычайно краснорѣчивъ, Жонкиль, сказала хладнокровно маркиза.

— Вѣчно это имя! вскричалъ съ бѣшенствомъ мулатъ: развѣ вы не понимаете, что если я приму его, вы потеряете надо мною свою власть?

— Ваша правда, Хуанъ Карраль; я имѣю большую въ васъ нужду и буду сожалѣть объ этой потерѣ. Но доканчивайте вашу рѣчь.

Мулатъ былъ пораженъ такимъ саркастическимъ тономъ. Не смотря на то, онъ продолжалъ:

— Пусть я теперь снова вашъ невольникъ; но берегитесь.

Маркиза подняла голову. Но въ этотъ разъ Карраль смѣло выдержалъ ея взглядъ.

— Вы хотите бороться со мною? сказала она небрежно.

— Требуйте отъ меня возможнаго, отвѣчалъ мулатъ: но я не хочу погубить Ксавье.

— Не хотите! произнесла медленно маркиза, и черные ея глаза заблестѣли какимъ-то особеннымъ огнемъ, подъ опущенными рѣсницами.

Мулатъ чувствовалъ, что начинаетъ слабѣть.

— Сударыня! вскричалъ онъ: еще разъ прошу васъ, сжалось надъ нимъ! Ему только двадцать лѣтъ; его сердце благородно и чисто. Онъ такъ добръ, великодушень, — не знаетъ зла....

— Довольно! прервала маркиза. Вы, кажется, намѣрены истощить мое терпѣніе? Вы даже угрожаете мнѣ, вы смѣли сказать: я хочу. Чтѣ случилось съ вами?...

— Сударыня!

— Молчите!...

— Маркиза, оттолкнувъ ногою табуретъ, поднялась съ кресла и стала прямо противъ Карраля, который, не будучи въ силахъ противиться долге, отступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Ты боишься, мулатъ! сказала презрительно маркиза: и между тѣмъ рѣшаешься спорить съ своею госпожею! — Ты мой, это ты самъ сказалъ, и сказалъ правду. Не думай, что я считаю тебя своимъ невольникомъ, потому что ты сынъ негра. Нѣтъ! ты потому мой невольникъ, что я могу разоблачить тебя и сорвать съ лица твоего маску; потому, что я могу показывать свѣту, что ты, о низость! стыдись своего происхожденія, вмѣсто того, чтобъ поднять голову, какъ привлочно челоуѣку благородныхъ правилъ, скрылся подъ именемъ, украденнымъ нахально! Я открою свѣту твои коварные замыслы — обмануть его глупою сказкой, и не знаю, проститъ ли онъ когда нибудь тебѣ эти преступленія... тебѣ — бѣдному и ничтожному мулату...

— О Боже! вскричалъ Карраль глухимъ голосомъ.

— Ты не страшись того, продолжала маркиза: что я могу раскрыть твою прошедшую жизнь, могу сказать: этотъ челоуѣкъ палъ подъ тяжестью безчестныхъ поступковъ. На лицѣ его еще видны до сихъ поръ слѣды разврата и буйства, которое такъ укоренилось въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ проводить дни и ночи въ картежныхъ домахъ. Нѣтъ, ты боишься только одного, чтобъ я тебя не назвала когда нибудь въ обществѣ Жонкилемъ или мулатомъ. Повѣрь, Жонкиль, я знаю тебя хорошо, и не изъ жалости просишь ты за Ксавье, а изъ собственныхъ выгодъ, изъ-за того, чтобъ попробовать снять то бремя, которое я наложила на тебя, и возмутиться, пользуясь случаемъ, противъ моей власти. — Я прощаю тебя теперь, но помни, что это въ послѣдній разъ.

Трудно было узнать маркизу, когда она говорила эти слова. Она держалась прямо и гордо. Ея глаза блистали пылающимъ огнемъ, брови сдвинулись, и длинная полоса дѣкалась на ея гладкомъ и мраморномъ челѣ. Все въ ней выражало жесткую, непоколебимую волю, противъ которой трудно было бороться.

Но лишь только она кончила, то опять опустилась въ кресло и приняла прежнюю вебрежвую позу. Карраль не думалъ отвѣчать.

На минуту ненависть наметнула ему мысль о преступленіи. Руки его судорожно простиралась впередъ, какъ-бы съ намереніемъ задушить это слабое созданіе, которое заставляло его пресмыкаться у своихъ ногъ. Но онъ не смѣлъ; и съ этихъ поръ, подавленный собственною слабостью, призналъ себя бѣднѣйшимъ.

Карраль возникновенъ съ Ксавье по приказанію маркизы. Видя его столь доверчивымъ и добрымъ, онъ невольно привязался къ нему. Не смотря на то, маркиза поняла его, сказавъ: «не изъ жалости къ Ксавье, а изъ собственныхъ интересовъ, хлопчешь ты о немъ». Мулатъ, въ дѣлѣ защиты друга, дѣйствительно гораздо болѣе думалъ о себѣ, и о томъ, какъ бы избавиться отъ своего ига, чѣмъ о Ксавье и его выгодахъ.

При томъ, переимѣнить имя Каррала на Жонкиля, сдѣлаться опять мулатомъ! о, это было невозможно, благодаря суетной гордости и тщеславію, которое такъ глубоко запаало въ его сердце. Послѣ продолжительнаго молчанія, Карраль, прикрывъ свою ненависть маскою униженія, снова началъ говорить.

— Добрая госпожа, сказала онъ: я виноватъ и раскаиваюсь; но общаюсь впередъ повиноваться вамъ безъ всякой отговорки.

— Довольно объ этомъ, сказала маркиза. Каждый имѣетъ свои недостатки. Расскажи лучше исторію молодого человѣка.

Карраль не заставилъ просить себя, и рассказалъ все, что узналъ о Ксавье. Маркиза слушала его съ большимъ вниманіемъ.

— Незаконнорожденный! прошептала она, когда Карраль кончилъ. Я такъ и думала... Пятнадцать лундоровъ каждый мѣсяцъ!... пятнадцать лундоровъ неизвѣстно откуда... О, я открою этотъ источникъ!

Съ минуту она думала о чести, и потомъ, обратясь къ Карралу и посмотрѣвъ на него пристально, сказала: — Знаете-ли вы, для чего хочу я удалить Ксавье?

— Я никогда не позволяю себѣ, отвѣчалъ Карраль дѣшевно, прощадать эту тайну моему доброй госпожѣ.

— Но я вамъ открою эту тайну: Ксавье любитъ мою падчерицу, дѣвиду де-Румбри.

— Я забуду вамъ объ этомъ секретѣ.

— И вы не догадываетесь объ остальномъ?

Карраль принялъ видъ, что онъ ничего не знаетъ, но желалъ бы знать.

Елена Румбри, продолжала маркиза: единственная наследница моего мужа, у котораго не менѣе пяти-сотъ тысячъ франковъ дохода.

— О, какое богатство! вскричалъ мулатъ въ изумленіи и волненіи.

— Альфредъ, мой свѣтъ, имѣлъ бы столько же на островѣ

Сень-Доминго... Но теперь все кончено. Альфредъ, повторяю я, теперь не богаче какого-нибудь мѣщанина...

— А! понимаю: бракъ поправилъ-бы его состояніе.

— Точно такъ!... Но меня страшитъ любовь Елены, и наконецъ странная привязанность маркиза къ молодому человѣку, который, во время Ста Дней, избавилъ его отъ какой-то неминуемой опасности.

— Видно, судьба противится вамъ!

— Удалить обыкновенными средствами, продолжала маркиза, не обративъ вниманія на восклицаніе мулата: этого таинственнаго сироту изъ нашего дома было-бы невозможно. Маркизъ воспротивился бы этому, а дочь поддержала бы его. Слѣдуетъ прибѣгнуть къ какому-нибудь особенному способу.

— Я ожидаю вашихъ приказаній, сказалъ Карраль.

— Когда я послала васъ сюда, то и сообщила вамъ свой планъ. Забудьте его.

— Тѣмъ лучше! вскричалъ мулатъ съ замѣтною радостью. Мнѣ теперь не нужно мало-по-малу приучать молодого человѣка къ пороку, и потомъ толкнуть его въ пропасть, взрытую землей!...

— Подождите, сказала маркиза: у меня есть уже другой планъ, лучше прежняго. Достаточно одного вечера, чтобъ его выполнить; а главное: ваше великодушное сердце (она сдѣлала удареніе на этихъ словахъ) здѣсь нисколько не пострадаетъ. Только слушайте меня.—И тутъ маркиза рассказала свои предположенія, которыя читатель узнаетъ впоследствии.

Карраль слушалъ сперва съ почтительнымъ вниманіемъ; но чѣмъ далѣе маркиза развивала свой планъ, тѣмъ онъ болѣе и болѣе принималъ въ немъ участіе, и даже нѣсколько разъ вскрикивалъ отъ удовольствія. Но когда она замолчала, Карраль пришелъ въ себя, подумалъ о послѣдствіяхъ и невольно ужаснулся. Въ немъ еще было много хорошихъ чувствъ, и поразмысливъ, онъ болѣею частію отказывался отъ недобрыхъ намереній.

— Какъ ты думаешь о томъ, что я сказала? спросила маркиза.

Карраль задумался.

— Сударыня, отвѣчалъ онъ смиренно: неужели вы требуете, чтобъ я помогалъ вамъ въ этой черной землѣ? Google

— Кто тебѣ говорить о помощи? вскричала маркиза. Я ни во что не вѣнчиваюсь, ты дѣйствуешь одинъ.

При этомъ неожиданномъ заключеніи мулатъ не могъ удержаться.

— Моя роль еще была не довольно жестока, сказалъ онъ съ горечью: но, маркиза, если вы на меня одного хотите свалить все зло, я отказываюсь отъ всякаго участія въ вашихъ планахъ.

— Если вы будете такъ упрямы, возразила маркиза: я уйду и постараюсь найти другаго, поговоривъ же васъ.

Она подошла къ зеркалу и граціозно поправила складки накиннутой на плечи кашмировой шали.

— Не пріѣдете ли вы сегодня къ намъ, Донъ-Хуанъ Карраль? продолжала госпожа Румбри. У насъ сегодня соберутся друзья дома.

Карраль опустилъ голову съ мрачнымъ видомъ и не отвѣчалъ ни слова.

— Вы не будете раскаяваться, если пріѣдете, потому что услышите занимательную исторію мулата Жюнкля, которую я расскажу моимъ гостямъ.

— Вы этого не сдѣлаете! вскричалъ Карраль.

— Увидимъ!

— Сжалтесь, маркиза!

Мулатъ упалъ къ ногамъ госпожи Румбри, но она медленно прошла мимо него, отворила дверь и исчезла.

Мулатъ поднялся. Его лицо покраснѣло, а глаза налились кровью.

— Придетъ же и моя очередь, вскричалъ онъ: и я отомщу!...

Въ ту минуту, когда маркиза вышла на площадь, нищій, терпѣливо ее дожидавшійся, подошелъ къ ней и протянулъ руку.

— Опять этотъ негръ, сказала она съ отвращеніемъ, и, отвернувъ голову, сѣла въ карету.

Негръ, по-видимому, не смутился первою неудачей. Онъ подошелъ поближе къ каретѣ и заглянулъ въ нее. Лицо маркизы было освѣщено свѣтомъ фонаря сосѣдняго дома. При видѣ такого упорнаго преслѣдованія, маркиза насупила брови и опустила стору.

Нищій обошелъ карету и остановился у другой дверцы.

— Уйди прочь! съ сердцемъ вскричала маркиза. Я никогда не подаю неграмъ.

— Креолка! сказалъ негръ съ значительной улыбкой.

Прошло нѣсколько секундъ. Лакей спросилъ у маркизы, куда ѣхать? Негръ внимательно прислушивался.

— Домой, отвѣчала она.

Вторая стора опустилась. Карета быстро покатила и вскорѣ унеслась изъ вида.

— Домой! подумалъ нищій, оставшись одинъ: но куда домой? Все равно, я увижу ее,.. какое сходство... Тѣ же черты лица, только волосы другаго цвѣта... И при томъ она креолка, потому что не любитъ негровъ... О Боже! если это она!...

Нищій хотѣлъ было идти на свой ночлегъ, какъ вдругъ зашѣпталъ подъ балкономъ что-то бѣлое. Это былъ носовой платокъ, обшитый кружевами, платокъ изъ такого тонкаго батиста, что его, казалось, можно было уложить въ пустой грецкій орѣхъ. Нищій поднялъ его и подошелъ къ фонарю.

— Это платокъ креолки. Посмотримъ на шѣтку. Двѣ буквы: Ф и А. О Боже! неужели одинъ случай соединилъ столько обстоятельствъ? неужели не Тебѣ обязанъ я, что нашелъ ее?... Прошло уже двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ; но я заставляю ее вспомнить прошедшее... Да, это она!...

Нищій поворотилъ съ улицы Сенъ-Жерменъ-де-Прё въ улицу Аббей и остановился на порогѣ одного бѣднаго дома, расположеннаго на углу переулка. Онъ жилъ въ пятомъ этажѣ этого дома, въ тѣсной и низкой мансардѣ, потолокъ которой, составленный изъ брусьевъ, источенныхъ червями, поддерживалъ аспидную кровлю. Мебель этого чердака заключалась только въ худой кровати и маленькомъ ящикѣ. Но подлѣ отдушины, которая служила окошкомъ, висѣли нѣкотораго рода трофеи, явно противурѣчившіе съ бѣднымъ видомъ всего остальнаго.

Это были, во-первыхъ: капитанскія золотыя эполеты, поверхъ которыхъ висѣла форменная шляпа съ трехцвѣтпою кокардой, какую обыкновенно носили военные во время республика. Внизу красовалась шпага и подлѣ нея пара богатыхъ пистолетовъ. Войдя въ свое жилище, нищій прямо подошелъ къ ящику, въ которомъ лежала значительная сумма денегъ и портфель. Негръ, положилъ туда сборъ этого дня, который былъ, по обыкновенію, не малъ, и потомъ съ живостью открылъ портфель.

— Я угадалъ, сказалъ онъ, просмотрѣвъ нѣсколько бумагъ: Ф и А, это начальныя буквы ея имени.

Его душевное волненіе было столь велико, что ноги неволь-но подгибались подъ тяжестью тѣла. Въ изнеможеніи, онъ упалъ на кровать.

— Двадцать лѣтъ неутонимо искалъ ее, теперь нашелъ, шепталъ онъ: и неужели она опять вырвалась изъ моихъ рукъ? Неужели я снова обманулся въ своихъ ожиданіяхъ?

Голова его опустилась на грудь. Минуту онъ пробылъ въ этомъ положеніи, какъ-бы убитый несчастіемъ; но тотчасъ же опять выпрямился и какъ-бы вновь ожилъ. Лицо его выражало надежду и довѣренность къ Небесному Промыслу.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ онъ: въ этотъ разъ я не обманулся... Все мнѣ говорить, что это она и что я найду ее... Да! скоро исполнится мое назначеніе.

Черное лицо негра въ эту минуту приняло выраженіе какой-то торжественной печали. Онъ упалъ на колѣни предъ трюсемей и поднесъ эполеты къ своимъ губамъ.

Долго оставался онъ въ этомъ положеніи, забывшись среди воспоминаній о прошедшемъ. Потомъ двѣ крупныя слезы выкатились изъ его глазъ.

— О мой господинъ! сказалъ онъ тихимъ голосомъ: мой добрый господинъ!

Эти слова, казалось, пробудили въ немъ еще съ бышею силой до сихъ поръ неугаснувшую любовь, и онъ съ какимъ-то увлеченіемъ поцѣловалъ эполеты.

— Ты тамъ! ты меня видишь! вскричалъ онъ: радуйся, радуйся! потому что твоя послѣдняя воля будетъ исполнена!

III.

Б а л ъ.

Домъ маркиза Румбри, — обширное и прекрасное зданіе, выстроенное между дворомъ и садомъ, — выходилъ фасадомъ на Гренельскую улицу. Щиты, полуразрушенные во время республики, но еще видные до сихъ поръ, и маршальскій жезлъ украшали наружность отеля и рисовались надъ чугуннымъ балкономъ. Домъ маркиза Румбри, въ полномъ значеніи слова, обладалъ всѣмъ тѣмъ, что характеризуетъ жилище вель-

можи. Швейцарская, боковые подъезды,—ничто не было вабыто; передъ главною дверью красовалась круглая мраморная лѣстница, уставленная цвѣтами.

Въ этотъ разъ, назначенъ былъ вечеръ. Главный подъездъ былъ иллюминированъ. Лакеи въ ливреяхъ, безъ шума—какъ слѣдуетъ слугамъ знатныхъ господъ, то опускались, то поднимались по ступенькамъ покрытой коврами мраморной лѣстницы.—Залы и галереи были ярко освѣщены. Кое-гдѣ, сквозь долуотдернутую занавѣску, замѣтны были снаружи рѣзные карнизы и золоченныя рамы фамильныхъ портретовъ. Люстры сіяли подобно звѣздамъ на небѣ. Лучи свѣта, отражаясь въ стекляныхъ призмахъ, проходили сквозь занавѣски и сторы оконъ, и бросали фантастическіе отблески на стѣны противоположныхъ домовъ.

Все это замѣтно было снаружи только тогда, когда, пропускаемая карету, обѣ половинки воротъ растворялись настежь.—Но лишь только скрывались заднія колеса, ворота захлопывались снова и не позволяли болѣе наслаждаться любопытному взору.

Цѣлая куча зѣвакъ толпилась подлѣ дома маркиза. Все, что только въѣзжало на дворъ, привлекало ихъ вниманіе и подвигалось самымъ забавнымъ сужденіямъ.

— Какіе чудесные брилліанты! говорилъ одинъ, показывая на хорошенькую даму, выходящую изъ кареты.

— Фальшивые, отвѣчалъ другой, пожемая плечами съ видомъ знатока.

— Что за свѣжесть лица! повторялъ оптимистъ.

— Это румяны, восклицалъ его противникъ.

Нищѣ дополняли картину и увеличивали шумъ своимъ крикомъ:

— Подайте во имя милосердаго Бога!

Около десяти часовъ, сцена еще болѣе оживилась. Кареты съ такой быстротой слѣдовали одна за другою, что ворота были оставлены отворенными. Зѣваки безпрепятственно могли наслаждаться пріятнымъ зрѣлищемъ. Насмотрѣвшись вдоволь, они отправлялись по домамъ, съ ропотомъ на злую судьбу, которая не дала имъ полумилліона годового дохода.

Нищѣ были постоянно зѣвакъ. Число ихъ, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, увеличивалось все болѣе и болѣе. Къ ихъ несчастію, наемныхъ каретъ было очень мало, и рѣдко рѣдко какой нибудь скромный оіакръ осмѣливался появляться въ ря-

ду великолѣпныхъ экипажей. Такимъ образомъ, нищія лишены были случая открывать двери и опускать подножки.

Залы начали наполняться.

Хотя собраніе у маркизы Румбри не называлось баломъ, однакожь пышность туалета и безукоризненный этикетъ замѣтны были повсюду.

Часы показывали десять съ половиною. Оркестръ взялъ первый аккордъ.

Хозяйки не было дома.—Елена, съ истиннымъ знаніемъ свѣта и съ непринужденною прелестью, занимала мѣсто мачахи... Впрочемъ, всякій интересовался знать, куда скрылась маркиза, и даже самъ господинъ Румбри не разъ посматривалъ съ безпокойствомъ на дверь, ведущую въ отдѣленіе его супруги.

Наконецъ явилась и маркиза. Всѣ обратили на нее вниманіе; женщины завидывали, мужчины удивлялись. Говоръ пронесся по залѣ. Полная прелести, непринужденности и ловкости, медленно прошла она по комнатамъ, разсыпая вокругъ себя тысячи привѣтствій, сопровождаемыхъ улыбками, и наконецъ сѣла возлѣ Елены Румбри, которая среди всѣхъ одна только могла спорить съ ней красотою.

Маркиза разсталась съ Карралемъ около девяти часовъ. А такъ какъ въ ея лѣта нельзя было пренебрегать туалетомъ, то очень понятно, отчего произошло замедленіе.

Войдя въ залу, маркиза сдѣлала Еленѣ знакъ головою, полный признательности, на чтò та отвѣчала почтительнымъ поклономъ. Въ послѣднемъ было много принужденности и даже холодности.

Покуда продолжается балъ, мы познакоимъ читателей съ второстепенными героями нашей драмы.

Маркизь Румбри,—дворянинъ, одной изъ первыхъ фамилій во Франціи, прежде до безумія любилъ свою жену. Впослѣдствіи, эта любовь охладѣла. Злые языки поговаривали, что будто невѣрность госпожи Румбри была этому главной причиною. Даже прибавляли, что маркизь скрывалъ все только потому, что не хотѣлъ быть предметомъ насмѣшекъ.

Постоянная борьба съ обстоятельствами сдѣлала Румбри холоднымъ и ничуть незанимательнымъ въ обществѣ. Эмигрантъ, осмысленный шлюстами старшей отрасли Бурбоновъ, маркизь хотя и держалъ себя, какъ требовало его положеніе въ свѣтѣ, но всегда скучалъ на своихъ вечерахъ. Онъ какъ

будто бы понималъ мысли толпы на свой счетъ; онъ какъ будто бы читалъ во взглядѣ каждаго роковое и оскорбительное слово. Такое предубѣжденіе по неволѣ удаляло его отъ общества.

Маркиза, съ своей стороны, если и нарушила супружескіе законы, то, по крайней мѣрѣ, уже давно поведеніе ея было безукоризненно. Для маркизы любовь существовала какъ занятіе. Теперь же у ней другое вертѣлось въ головѣ, и заводить новыя интриги не позволяло время.

Она, можно сказать, безгранично любила своего сына. Это было единственное похвальное чувство въ этой женщинѣ, которую природа, какъ нарочно, надѣлила всеми прелестями, чтобы лучше скрыть черноту души!

Постояннымъ утѣшеніемъ въ жизни Румбри была дочь его, родившаяся отъ перваго брака, и замѣнявшая ему и свѣтъ, и всё его наслажденія. Всякій день благодарилъ онъ небо за то, что оно не послало ему дѣтей отъ настоящей супруги. Что жъ касается до Елены, она любила только отца, короля и Ксавье, который во время Ста Дней, пользуясь именемъ Бонапартиста, былъ ея покровителемъ и ревностнымъ защитникомъ. Такимъ образомъ, обстоятельства познакомили и сблизили Ксавье съ старымъ маркизомъ. Не смотря на огромное различіе въ лѣтахъ и общественномъ положеніи, между ними завязалось что-то въ родѣ дружбы. Маркизь оцѣнилъ благородное сердце молодого человѣка и невольно полюбилъ его.

Елена въ семнадцать лѣтъ была по истинѣ оборотительнымъ созданіемъ. Типъ ея лица былъ совершенно французскій: симмонія ея привлекала болѣе пріятностью, нежели правильностью чертъ; большіе глаза, полные чувства, и маленькій ротикъ, съ розовыми тонкими губками, довершалъ остальное.

Иногда слишкомъ строгое воспитаніе дѣвцѣ подавляетъ въ нихъ естественность и простоту. Онѣ привыкаютъ ходить, мыслить, говорить и даже молчать по извѣстнымъ правиламъ, какъ по заданному уроку. Елена избѣгла такого воспитанія. Отецъ ея не предоставлялъ свою дочь исключительно попеченіямъ маркизы Румбри; нѣтъ, онъ далъ ей свободу. Въ свою очередь, креолка, желая заслужить довѣренность Елены, была самое ласковое мачихою и никогда не дѣлала ей никакихъ выговоровъ. Не женщины умѣютъ обманывать только мужчинъ. Елена постоянно оставалась въ отдаленіи отъ маркизы. — Она

не вѣрала ей ласкать и словать, не вѣрила въ особенности тогда, когда дѣло касалось Ксавье или любви. Маркиза нѣсколько разъ выталась довести Елену до откровенности; все краснорѣчіе женщины и вся хитрость были ею истощены,—но напрасно.... Молодая дѣвушка, воспитанная слишкомъ хорошо, чтобъ не уважать жены своего отца, ограничивалась холодными обращеніемъ, и постоянно держала себя въ отдаленіи отъ ма-чии.

Побѣжденная съ этой стороны, маркиза начала беспокоиться. Она поняла, что молчаніе Елены гораздо значительнѣе отыры-гаго негодованія. Она измѣрала любовь по своимъ собствен-нымъ чувствамъ, и ужаснулась, подумавъ, что капризь можетъ разстроить за одинъ разъ всѣ ея планы, на которыхъ она от-нимъ основывала все свое счастье. Маркиза была женщина и притомъ еще креолка; понятно послѣ того, что ея опасенія за-частую были напрасны или слишкомъ преувеличены, что ея вымае воображеніе въ предметахъ, не столящихъ вниманія по-ложительнаго человѣка, всегда находило пищу. Но кто не знаетъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ предчувствіе выше раз-счета, что умеченіе лучше холоднаго и внимательнаго сообра-женія?

Маркиза, какъ мать, жертвующая всѣмъ для своей любви, хотѣла заранѣе запастись оружіемъ, которымъ она могла бы по-бѣдить не только дѣйствительныя, но и воображаемыя опасно-сти. Она увидѣла въ Ксавье роковое препятствіе, заграждав-шее дорогу ея сыну, а слѣдовательно, и ей самой, потому-что въ материнской нѣжности она сосредоточила всѣ свои чувства. А если женщина, подобная маркизѣ, встрѣтитъ преграду на пути, она преодолѣетъ ее, хотя бы и пришлось пожертвовать жизнью человѣка.

Самъ маркизъ еще болѣе увеличивалъ ея опасенія, про-говариваясь невольно, а можетъ быть, и съ намѣреніемъ, въ се-нейныхъ бесѣдахъ, о желаніи породниться съ Ксавье.—Не бы-ло ли это предлогомъ для маркизы, чтобы начать жестокую войну? Не давало ли это поводъ, въ лицѣ Ксавье, отомстить Еленѣ за ея пренебреженіе къ ней?

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о сынѣ марки-зы, безвинной причинѣ неудовольствій и основаніи честолюбивыхъ замысловъ матери. Альфредъ Лефевръ де-Валле былъ муж-чина пяти футовъ и семи дюймовъ вышиною; мужчина, слѣду-

дѣй новой модѣ, въ бакенбардахъ à la Guiche и едва переводящій дыханіе подъ стянутымъ жилетомъ.

Онъ служилъ образцемъ въ умѣнїи одѣваться говорилъ горячо о лошадяхъ, и даже иногда на улицахъ курилъ сигары. Мать утверждала, что онъ очень уменъ, и Альфредъ вполнѣ ей вѣрилъ; чтó жъ касается до насъ, то, не рѣшаясь произнести слишкомъ рѣзкаго сужденія, мы скажемъ только, что онъ былъ не глупѣе другихъ поклонниковъ моды.

Таковъ былъ молодой человѣкъ, котораго маркиза назначила въ женихи Еленѣ Румбри. Альфредъ же, съ своей стороны, былъ согласенъ на все; а вслѣдствіе того, онъ находилъ Елену прекрасною и вполнѣ достойною его руки, особенно потому, что она имѣла полумилліона годового дохода. Не смотря на это выгодное положеніе дѣла, согласіе на бракъ получить было трудно, потому что маркизь Румбри не забывалъ измѣны жены своей и косо посматривалъ на Альфреда. Короче, рѣшеніе участи дѣлаго семейства заключалось въ рукахъ Елены, которая могла однимъ словомъ осчастливить маркизу или, напротивъ, отравить всю ея жизнь. Госпожа Румбри поняла это, и, какъ расчетливая мать, начала расхваливать передъ падчерицею своего Альфреда.... Но не смотря на всѣ ухищренія, Елена оставалась холодна и почти не обращала на Альфреда вниманія.

Небольшое разсужденіе объяснило бы причину этого. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли образованной дѣвушкѣ понравиться перелтнутый и зашпурованный женихъ, обезьяна моднаго міра?

Маркиза хотя и имѣла прекрасный вкусъ, однакожъ была слѣпа къ недостаткамъ своего сына, и потому считала непостижимымъ поведеніе Елены въ отношеніи къ Альфреду.

Она перебрала всѣ догадки, какія только пришли ей на умъ и наконецъ, соединивъ опытность замужней женщины съ гордостью матери, произнесла, какъ аксіому, слѣдующую фразу:

— Чтóбъ быть равнодушнымъ къ Альфреду—должно любить другаго!...

За тѣмъ, маркиза начала искать въ толпѣ опытнымъ взоромъ предмета страсти молодой дѣвушки. Она собрала въ одно всѣ обстоятельства, и ея вниманіе остановилось на Ксавье. По какому-то математическому расчету, она угадала, что Ксавье любитъ и любимъ взаимно.

Съ этого мгновенія, маркиза начала неприяельскія дѣйствія.

Каррала, какъ повѣренный, былъ посланъ въ передовомъ отрядѣ. Онъ получилъ отъ своей госпожи приказаніе развратить Ксавье и, какъ мы видѣли, почти началъ свое дѣло.

IV.

Исторія за десертомъ.

Войдя въ залу, маркиза внимательно посмотрѣла во всѣ стороны. Тоже она сдѣлала и въ другихъ комнатахъ, гдѣ были гости. Каррала не было. Облачко прошло по ея прекрасному лицу.

— Неужели онъ рѣшился разорвать свои оковы? подумала она.

Маркизь Румбри, который до того разговаривалъ съ Ксавье, подошелъ къ женѣ и церемонно ей поклонился.

— Мы безпокоимся объ васъ, маркиза, сказалъ онъ.

Эти слова заключали въ себѣ вопросъ.

Креолка, прежде чѣмъ отвѣчать, ласково поклонилась Ксавье, стоявшему позади маркиза.

— Вы очень добры, сказала она потомъ. Я забылась за чтеніемъ и потому такъ долго не являлась къ гостямъ. Извините меня за это.

Маркизь горько улыбнулся, поклонился вновь и уступилъ свое мѣсто Альфреду Дефевру де-Валле, подошедшему тогда къ матери.

Между тѣмъ Ксавье пригласилъ Елену на французскую кариль.

— Не видѣлъ ли ты, Альфредъ, Каррала? спросила маркиза.

— Честное слово, я никогда не занимаюсь Карралемъ, отвѣчалъ Дефевръ: скажите лучше, какъ вы находите мой жилетъ? Не правда ли, хорошъ?

— Безъ сомнѣнія.

— А не отъ Штауба.... не вѣрьте, если хотите!... О у меня прекрасный портной, я его выведу въ свѣтъ.... онъ пойдетъ далеко!

— Очень вѣрю, проговорила маркиза въ разсѣянности.

— Честное слово! Вы не хотите слушать меня! вскричалъ Лесевръ: это мнѣ кажется удивительнымъ....

— Альфредъ, прервала маркиза: сдѣлай одолженіе, пошви ко мнѣ Каррала; мнѣ необходимо видѣть его.

— Странно! повторилъ Лесевръ, и онъ отправился искать Каррала, не забывая впрочемъ повторять каждому, что его жидеть не отъ Штауба.

Между тѣмъ, продолжали танцовать кадрили.

Елена и Ксавье танцовали въ противоположной сторонѣ отъ маркизы.— Они разговаривали все время. Но этотъ разговоръ внушилъ бы постороннимъ смѣхъ, такъ онъ былъ незначителенъ, и между тѣмъ въ немъ каждое слово имѣло свой особенный смыслъ, каждое измѣненіе голоса выражало тайну души.— Елена и Ксавье никогда не заводили рѣчи о любви, хотя и знали свои взаимныя чувства. Елена предавалась ей, не размышляла о будущемъ и не терзаясь узрызеніями совѣсти... Впрочемъ, что могло беспокоить ее, если она любила человѣка, котораго уважалъ ее отецъ и называлъ своимъ спасителемъ? Кто знаетъ, можетъ быть, и здѣсь духъ противорѣчія игралъ не послѣднюю роль? Какъ не любить человѣка, котораго ненавидитъ маркиза? Что касается до Ксавье, то онъ любилъ безпредѣльно, вотъ и все. Ему было двадцать два года, жизнь еще представлялась ему въ розовомъ цвѣтѣ, и одно воспоминаніе о какомъ нибудь балѣ дѣлало его счастливымъ на нѣсколько дней.

Только при послѣдней фигурѣ, Елена вспомнила, что ей нужно было сообщить что-то Ксавье.

Она посмотрѣла вокругъ себя съ беспокойствомъ, чтобъ убедиться, нѣтъ ли кого постороннихъ, кто бы могъ подслушать ихъ разговоръ, и потомъ приняла важный видъ.

— Ксавье, начала она тихо: я вамъ сказала, чтобъ вы пришли сегодня.

— Еслибъ вы знали, какую радость доставили вы мнѣ этими словами, отвѣчалъ Ксавье страстнымъ голосомъ.

— Не мѣшайте мнѣ высказать мою мысль, прервала молодая дѣвушка: теперь, когда я подумала, чувствую, что была виновата. Я хотѣла васъ вооружить противъ одной особы. Нѣтъ! я скажу вамъ только одно: берегитесь и будьте осторожны.... Когда нибудь, въ другой разъ, сообщу вамъ больше.

— Боже мой! Карралъ мнѣ также говорилъ, что у меня есть непріятель....

— Карраль? И онъ не сказалъ вамъ его имени?

— Нѣтъ!... онъ не хотѣлъ!...

— Такъ я вамъ скажу; берегитесь маркизы Румбри.

Лишь только молодая дѣвушка произнесла эти слова, какъ кто-то слегка дотронулся до ея плеча. Елена обернулась, дрожа пробѣжала по ея тѣлу. Маркиза стояла позади ея.

— Вамъ начинать, мое дитя, сказала она, улыбаясь: вы за-
были фигуру.

Елена, смущенная и трепещущая, начала фигуру. Маркиза слѣдила за ней самымъ материнскимъ взглядомъ....

— Какъ она мила и граціозна! проговорила креолка такъ,
что было слышно Ксавье.

— Елена обманывается, подумалъ этотъ послѣдній.

Взоръ креолки сдѣлался мрачнымъ, когда Ксавье не могъ ее
видѣть, увлеченный въ средину танцующихъ законами контр-
анса.

— Я угадала, подумала она: Елена влюблена до того, что
принимаетъ въ немъ живое участіе!... и между тѣмъ, Жюнкиль
не пришелъ....

Ксавье посадилъ Елену на ея мѣсто и самъ удалился въ
уголъ, съ нетерпѣніемъ дожидаясь того времени, когда ему
можно будетъ опять пригласить ее на танцы.

Елена, менѣе счастливая, принуждена была принять руку
Алфреда Лесевра, который началъ отпускать ей самые отчаян-
ные комплименты, и божиться, что его жилетъ не отъ Штауба.

Около двухъ часовъ утра, явился Карраль. Онъ былъ блѣ-
денъ и опустилъ глаза, когда вошелъ въ залу, чтобы не уви-
дѣть насмѣшливыхъ лицъ своихъ прежнихъ друзей. Мулатъ
зналъ, что маркиза не расточаетъ понапрасну угрозы.

Но когда онъ замѣтилъ, что его принимаютъ всѣ какъ обык-
новенно, огромная тяжесть свалилась съ его груди. Самоувѣ-
ренность возвратилась къ нему, и онъ проскользнулъ въ амбра-
зу окна, чтобъ лучше укрыться отъ взоровъ маркизы.

— Я буду наблюдать за нею, подумалъ онъ: можетъ быть,
она не осмѣлится исполнить угрозу.... Если жъ она заговоритъ,
я поманусь.

Но надежда Карраля быть не увидѣннымъ маркизою не сбы-
лась. Креолка все время дождалась его и почти не опускала
глазъ съ дверя. Когда онъ вошелъ, маркиза отправилась въ
другія комнаты, утверждая въ побѣдѣ.

Быть можетъ, она и не заговорила бы о тайнѣ Мулата, еслибъ онъ не явился на вечеръ.

Танцы начали ослабѣвать, время подходило къ ужину, и длинный кружокъ образовался вокругъ хозяйки дома. Госпожа Румбри казалась чрезвычайно веселою. Она говорила такъ умно и остро, что два шестидесятилѣтніе академика не разъ сравнивали ея съ мадамъ де-Деффанъ.

Лакей доложилъ, что ужинъ готовъ. Маркиза, съ очаровательною улыбкою, взяла руку Ксавье и отправилась въ залу, гдѣ былъ накрытъ столъ. Проходя мимо того мѣста, гдѣ скрывался Карраль, она вдругъ засмѣялась, какъ будто ей пришло на память что-нибудь особенное.

— Г. Ксавье, сказала она громко: знаете ли вы исторію Жонкила?...

Ксавье отвѣчалъ отрицательно. Карраль чувствовалъ на сердцѣ невыразимую печаль, которая даже захватывала его дыханіе.

— А вы, господа? продолжала маркиза, обращаясь къ гостямъ.

— Жонкиль, повторилъ маркизъ Румбри: странное имя!

— Оно очень обыкновенно между мулатами, отвѣчала креолка, язвительно улыбаясь.

— Честное слово, тутъ есть что-нибудь смѣшное! сказалъ Альфредъ Лефевръ.

— Я васъ прошу напомнить мнѣ, чтобъ я рассказала эту исторію, сказала маркиза, обращаясь опять къ Ксавье.

Молодой человѣкъ поклонился. — Толпа гостей медленно тянулась изъ залы въ столовую. — Когда болѣе не оставалось никого, Карраль вышелъ изъ своего убѣжища.

— Она знала, что я скрываюсь здѣсь и потому рѣшилась такъ жестоко поддуть надо мною.... прошептала мулатъ, скрежеща зубами... О! какъ бы устранить эту исторію.... Онъ притворился сколько возможно спокойнымъ и въ свою очередь вошелъ въ галерею.

Вокругъ продолговатаго стола, установленнаго кушаньями, блестѣлъ длинный рядъ женщинъ, которыя были всѣ облиты золотомъ, шелкомъ и брилліантами. Позади ихъ, мужчины закусывали гдѣ кто хотѣлъ, въ рассыпанную, слѣдуя въ томъ своему влѣянью. Лефевръ, предавшись гастрономическимъ заня-

тѣмъ, не обращалъ вниманія на жилетъ, который лопался по швамъ и, казалось, хотѣлъ разорваться въ куски....

— Если хотите, не вѣрьте, сказалъ Альфредъ де-Валле, увидѣвъ Каррала и обращаясь къ своей матери: что я искалъ Донъ-Хуана цѣлый вечеръ понапрасну.

— Цошравдѣ, вскричала маркиза: вотъ ужъ кажется цѣлымъ вѣкъ, какъ мы не имѣемъ удовольствія видѣть васъ.

Карраль молча поклонился.

— Не были ли вы больны? продолжала маркиза, съ безжалостною заботливостью: и не страдаете ли еще до сихъ поръ?

— Да, я страдаю, отвѣчалъ Карраль.

Маркиза подвинула въ сторону свои кресла.

— Дайте стулъ Донъ-Хуану Карралю, сказала она съ неуловимою для постороннихъ ироніею, которая только одному мулату была понятна во всей своей силѣ.

— Садитесь подлѣ меня, продолжала она тѣмъ-же тономъ: больные и дамы имѣютъ одинаковыя права.

Карраль, съ покорностью автомата, расположился подлѣ маркизы.

Разговоръ, на минуту прерванный приходомъ Каррала, вскорѣ сдѣлался общимъ.

— Маркиза, сказалъ Ксавье, спустя нѣсколько времени: вы порушили мнѣ напомнить вамъ объ исторіи Жюнкья....

— За десертомъ, прервала маркиза, посмотрѣвъ пристально на Каррала.

Послѣдній не смутился. Лицо его казалось бронзовымъ.

— Честное слово, вскричалъ Лефевръ: вы играете нашимъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ!..

Маркиза колебалась минуту. Она не знала, начинать ли разсказъ или нѣтъ. — Карраль въ это время посмотрѣлъ на нее. — Кресломъ приняла этотъ взглядъ за чистый вызовъ на бой, и какъ гости не отставали отъ нея съ прежнею просьбою, то она рѣшилась исполнить свое обѣщаніе.

— Если вы дѣйствительно хотите знать, сказала она, исторію Жюнкья: я готова разсказать ее.

— Ни слова объ этомъ, умоляю васъ! прошепталъ Карраль раздражающимъ голосомъ.

— На островѣ Сень-Доминго, начала маркиза, притворяясь, что не обращаетъ вниманія на слова Каррала: родился му

лать, котораго назвали Жонкилемъ. Онъ былъ сынъ негрятки, по имени Пазифен, и благо слуги....

— Довольно! прохрипѣлъ Карраль, я погублю его.... убью, если нужно....

Маркиза хотя и продолжала разсказъ, но прежде того она отвѣтила на мольбу мулата значительнымъ взглядомъ.... Такимъ образомъ договоръ былъ заключенъ.

Между тѣмъ, маркиза не оставалась и разсказала всѣ подробности жизни мулата. Только она измѣнила фамилію и нѣкоторые незначительныя обстоятельства. — Но чтобъ эта переимѣна не могла уменьшить вліянія ея на Карраля, къ концу разсказа она прибавляла:

— Вы всѣ или, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ васъ, знаете этого мулата. Теперь я не скажу вамъ настоящаго его имени, но когда я буду, впоследствии, не буду столь скромна.

Такимъ образомъ, освободившись отъ боязни быть узнаваемъ, Карраль пришелъ въ себя и принялъ свой прежній гордый видъ. Если онъ, слушая исторію своей жизни, разсказанную въ комическомъ видѣ, съ прибавленіемъ язвительныхъ остротъ, вздрагивалъ нѣсколько разъ отъ негодованія, то все-таки умѣлъ подавить свое душевное волненіе. Даже онъ былъ изъ первыхъ, которые настойчиво требовали отъ маркизы, чтобы она открыла настоящую фамилію мулата, преобразовавшагося въ дрянина; только одинъ Альфредъ де-Валле предупредилъ его, вскричавъ:

— Честное слово, далъ бы пятьдесятъ лундоровъ, чтобъ знать имя этого негодяя.

Но маркиза была непоколебима, не смотря на всѣ просьбы гостей.

Выйдя изъ-за стола, она взяла руку Карраля.

— Вы безумецъ, сказала она: и заслуживаете еще большаго наказанія.

— Благодарю васъ, что сжалились надо мною, сударыня, отвѣчалъ Карраль.

— Берегитесь на будущее время и помните этотъ урокъ. Теперь же, посмотримъ, какъ вы будете мнѣ повиноваться?... Безъ сомнѣнія, вамъ извѣстны многіе изъ тѣхъ демоновъ?

— Разумѣется.

— Выберите самый подозрительный....

— Ужъ я знаю, какъ сдѣлать.

— А въ особенности не забудьте о прологѣ...

— Ничего не забуду.

Маркиза случайно взглянула на танцующихъ, и первые, которые представлялись ея взору, были Елена и Ксавье. Они разговаривали тихо, и любовь виднѣлась въ ихъ глазахъ.

— Видите, продолжала маркиза: время не ждетъ. Когда будетъ все сдѣлано?

— Завтра.

Маркиза не могла удержать порыва радости.

— Я надѣюсь на васъ, сказала она: столько же, сколько вы можете надѣяться на награду.

Съ самаго начала этой сцены и до тѣхъ поръ, какъ наконецъ Карраль раскланялся съ маркизою, Румбри не терялъ ихъ изъ виду.

— Какая-то тайна между ними, подумалъ онъ: и что значить умоляющій видъ съ одной стороны, а съ другой взглядъ, полный угрозы, что значать эти перимигиванья во время стола? О! проклять тотъ день, когда она вступила подъ кровлю дома Румбри.

V.

ИСКУШЕНІЕ.

Мы еще на балѣ маркизы Румбри. Въ ту минуту, когда она раскланялась съ Карралемъ, Ксавье отвелъ Елену на ея мѣсто.

Въ третій и послѣдній разъ танцовалъ онъ съ нею. Теперь балъ не представлялъ ему болѣе ничего: онъ исчерпалъ всю долю своего счастья. Уединившись въ самый мрачный уголокъ залы, онъ разсматривалъ этотъ блестящій потокъ, который сверкалъ передъ нимъ своими радужными искрами. Его видъ былъ печаленъ, и вообще на Ксавье, когда подлѣ него раздавались утѣшительныя слова Елены, находили всегда мрачныя мысли. Онъ сравнивалъ себя съ другими, и это сравненіе еще болѣе дѣлало его несчастнымъ.

Другіе видѣли отца, фамилію, которою могли гордиться, и въ особенности мать, которой могли доверить свою печаль или радость. Онъ же былъ совершенно одинокъ. Только сдвиг-

ственная женщина сочувствовала его страданіямъ; она любила его....

Но что въ этомъ пользы, когда судьба положила между любящими сердцами цѣлую пропасть?

По мѣрѣ того, какъ онъ размышлялъ, всѣ его печальныя мысли сливались въ одну: Елена будетъ принадлежать другому, Елена не можетъ быть его!... Предъ этой ужасающей истиной все исчезало; онъ забывалъ и любовь свою къ матери, неизвѣстной ему, и желаніе узнать отца, которое такъ занимало его.

Елена, Елена! Не есть ли она его единственное сокровище, единственное счастье? Не она ли одна только излела благотворный бальзамъ на рану души его? Не любовь ли Елены наконецъ замѣнила ему отца и мать?

Взоръ его слѣдилъ за Еленою во все время танцевъ. Несчастный Ксавье завидовалъ тѣмъ, кто танцевалъ съ нею, и даже ревновалъ тѣхъ, кто былъ ея *vis-à-vis*. Изъ обожателей Елены всѣхъ болѣе возбуждалъ его ревность Альфредъ де-Валле, который казался ему образцемъ молодыхъ людей въ умѣнь держать себя и одѣваться. Роскошь, которою по мѣрѣ возможности окружалъ себя сынъ креолки, ослѣпляла Ксавье, едва знакомаго со свѣтомъ.

Притомъ, всѣ желанія молодаго человѣка имѣли связь съ Еленою. Когда онъ говорилъ: ахъ, еслибъ я былъ богатъ! то понималъ, что богатство приблизило бы его къ ней. Къ словамъ же: ахъ, еслибъ я былъ богатъ, онъ тотчасъ прибавлялъ: ахъ, еслибъ я былъ дворяниномъ! потому что зналъ, что тогда Румбри предпочелъ бы его всѣмъ искателямъ руки Елены.

Въ то время, когда Ксавье размышлялъ такимъ образомъ, Альфредъ прошелъ мимо его, опершись на руку англомана, котораго бѣлый галстухъ былъ вышиною въ шесть дюймовъ.

— Что, вы были счастливы эту ночь, *my dear*? спросилъ англоманъ.

— Если хотите не вѣрьте, Сотенакъ, отвѣчалъ Альфредъ Десевръ, а я выигралъ 500 лундоровъ въ послѣднюю ставку.

— Десять тысячъ франковъ! подумалъ въ изумленіи Ксавье.

— Бездѣлица, возразилъ Англоманъ, *it is very*....

И такъ какъ онъ не нашелся болѣе, что прибавить, то кончилъ фразу какимъ-то барбаризмомъ съ британскимъ окончаніемъ.

— Честное слово! вскричалъ Альфредъ, я никогда не слышалъ, чтобъ кто-нибудь произносилъ это слово въ Англїи.

— Очень возможно, отвѣчалъ англоманъ, нѣсколько смутившись, это слово ирландское.

— А, другое дѣло. Кстати, знаете ли вы Имберта Пресма?

— Знаю, что жъ изъ того?

— Не вѣрите, если хотите, Сотенакъ; а онъ выигралъ у лорда Сиднея Стурма десять тысячъ ливровъ.

— Вотъ миленькій выигрышь!....

Оба денди удалялись.

— Десять тысячъ ливровъ! прошепталъ Ксавье: это составляетъ двѣсти тысячъ франковъ!

— Что? не воображаете ли вы себя миллионеромъ? раздался подлѣ него голосъ Хуана Каррала.

Ксавье покраснѣлъ.

— Какая глупость! сказалъ онъ, зашпнаясь.

И потомъ, ободрившись, прибавилъ:

— Что сказала вамъ та дама, которая прїѣзжала въ каретѣ? Карраль нахмурилъ брови, и лобъ его покрылся морщинами.

— Я васъ прошу, не упоминайте мнѣ ни слова объ этомъ.

— Не хотите ли, продолжалъ мулатъ послѣ минутнаго молчанія: пройтись по заламъ?

Ксавье поднялся со стула и взялъ руку Каррала. Молча прошли они нѣсколько комнатъ. Ксавье былъ занятъ своею мыслию, а Карраль думалъ о планѣ маркизы, отъ котораго вельзя было уклониться.

Наконецъ Ксавье, увлеченный идеєю, пришедшею ему на умъ во время разговора двухъ денди, повторилъ машинально:

— Двѣсти тысячъ франковъ!

— Что такое? спросилъ въ удивленїи Карраль.

— Я никогда не игралъ, сказалъ рѣзко Ксавье, смотря на своего друга: можно ли дѣйствительно выиграть двѣсти тысячъ франковъ въ одинъ вечеръ?

Удовольствіе выказалось на лицѣ мулата.

— Очень можно, даже въ двѣ минуты, отвѣчалъ онъ.

— Двѣсти тысячъ франковъ!

— Какое?... Вдвое болѣе, втрое, вдесятеро, вскричалъ Карраль, ударяя на каждомъ словѣ.

— Непостижимо! прошепталъ Ксавье. Такимъ образомъ, сѣвши за карты бѣднякомъ, можно встать...

— Миллионеромъ, докончилъ Карраль. Это случается безире-
станно.

— Непостижимо! повторилъ Ксавье, снова задумавшись.

Мулать посмотрѣлъ на него, какъ кланная птица смотритъ
на свою жертву. Мысли Ксавье немалю сошлись съ тайнымъ
желаніемъ мулаты.

— Бѣдный на подовникъ дороги! подумалъ онъ... Ахъ, ослабъ
отомстить когда-нибудь этой презрѣнной женщиной!...

Ксавье, казалось, хотѣлъ подтвердить его предчувствіе, по-
тому что вдругъ, пожавъ крѣпко его руку, вскричалъ съ у-
вѣченіемъ дитяти:

— Идемъ играть!

— Играть! повторилъ Карраль, который тотчасъ принялъ на
себя видъ ментора: вы потеряли голову, мой другъ?

— Я не понимаю вашихъ словъ... Развѣ на каждый ударъ
играть?

— Это правда, но....

— Чѣмъ значить это но? воскричалъ Ксавье съ нетерпѣніемъ.

— На вашемъ мѣстѣ, я бы не игралъ... здѣсь, отвѣчалъ му-
латъ, слѣдуетъ удареніе на послѣднемъ словѣ.

И такъ какъ Ксавье посмотрѣлъ на него вопросительно, какъ
бы ожидая объясненія, Карраль прибавилъ:

— Вы, мой другъ, также невинны, какъ дѣвушка. Развѣ
какъ не извѣстно, что свѣтъ вооруженъ противъ игроковъ?

— Знаю, однакожъ....

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Сотенакъ играетъ, не
правда ль? Лордъ Стурмъ также, командоръ Керамбласъ так-
же, Сенъ-Дидье еще болѣе... Но Сотенакъ ожидаетъ огромнаго
наслѣдства; Лордъ Стурмъ—Англичанинъ, не играть значитъ
компрометировать цѣлую націю; Сенъ-Дидье, эта массенная
пукла, женатъ: когда имѣешь многочисленную фамилію, поз-
воляется прѣдать свое родовое имѣніе... Наконецъ, коман-
доръ Керамбласъ Бретонецъ и совершенно разоренъ... карты,
вотъ его единственное достояніе. Что касается до васъ, тутъ
другое дѣло. Кто пользуется хорошею репутаціею да бѣденъ,
тотъ долженъ всѣми силами поддерживать ее, въ противномъ
случаѣ...

— Угадываю остальное, прервалъ Ксавье, опуская голову: я
не хочу теперь играть.

— Напрасно! вскричалъ Карраль съ безпокойствомъ. Можно,
ыло бы разъ попытаться. Впрочемъ какъ хотите.

Ксавье не отвѣчалъ. Его минутная фантазія остыла.

Но въ это время, какъ бы нарочно, похвлялся Альбертъ залъ руку съ помапоморомъ Керамбласомъ. Моментъ быть, уже въ двадцатый разъ разсказывалъ онъ приключенія знаменитаго вѣтера.

— Если хотите не вѣрите, Керамбласъ, говорилъ онъ: Ми-бургъ Прескиъ, вы знаете его? выигралъ десять тысячъ ливровъ у лорда Сиднея Стурма!....

— Тамъ вы соизвоите мнѣ попробовать счастья, Карраль? спросилъ Ксавье небрежно, какъ бы не давая вѣса своимъ словамъ.

— Но вы не хотите! отвѣчалъ мулатъ.

— Нѣтъ, я только такъ сказалъ.

— Бѣднѣй! подумалъ Карраль, отвѣдя Ксавье въ сторону.

— Я игрокъ, началъ онъ тихо и съ таинственнымъ видомъ: слышите ли, Ксавье, я игрокъ?... Поэтому самому, я не хочу, чтобы вы заразились этою страстію, ужасною и даже смертельною!....

Нельзя было притворяться такъ искусно, и въ самомъ дѣлѣ Карраль говорилъ правду. Онъ былъ краснорѣчивъ, потому что дѣло касалось самой чувствительной струны его сердца.

— Но вы можете сыграть одинъ разъ, продолжалъ мулатъ, одинъ только разъ, потому что новичкамъ всегда счастье. Не прерывайте меня и не пожимайте плечами, я сказалъ старую истину: что въ первый разъ всегда выигрываютъ. Слушайте! Не здѣсь должны мы играть, это васъ погубитъ, и ни въ какомъ публичномъ мѣстѣ, гдѣ васъ могутъ узнать, нѣтъ! мнѣ извѣстно одно мѣстечко....

— Картежный домъ! вскричалъ Ксавье съ отвращеніемъ.

— Какая вамъ нужда до названія!.... Много знатныхъ людей посѣщаютъ картежные дома... Главное, чтобы васъ не узнали.

— Я никогда не рѣшусь... началъ Ксавье.

Въ это время опять послышался голосъ Альберта Лессера:

— Честное слово, онъ выигралъ десять тысячъ ливровъ!

— Я нду! вскричалъ Ксавье: нду завтра.

— Мы пойдемъ вѣсть, сказалъ мулатъ, скрывая торжествующую улыбку.

Залъ постепенно пустѣлъ. Двое друзей тоже приготовились уйти. Въ ту минуту, когда они брали пальто, къ нимъ подошелъ маркизъ Румбри.

— Мы отправимся на этой недѣлѣ въ деревню, сказалъ онъ, обращаясь къ Ксавье: чтобы насладиться на свободѣ послѣдними днями нашего лѣта. Надѣюсь, мой молодой другъ, что вы доставите намъ удовольствіе своимъ посѣщеніемъ.

Это почти непредвидѣнное приглашеніе должно было играть важную роль въ участи Ксавье.

Начало разсвѣтать. Домъ маркиза Румбри не представлялъ болѣе того веселаго вида, который мы описали. Обширное зданіе возвышалось теперь какъ-то особенно мрачно. Огни блѣднѣли и окна не бросали болѣе сквозь занавѣски прежняго блеска. Дамы, сходявшія со ступенекъ лѣстницы, скрывали усталыя лица въ длинныя капшоны.

Къ шуму уѣзжавшихъ каретъ присоединилось и нетерпѣливое топтаніе копытами лошадей и наконецъ крики лакеевъ, подзывавшихъ экипажи своихъ господъ.

Карраль и Ксавье съ трудомъ нашли экипажъ, чтобы доѣхать до дома.

— И такъ, мы завтра идемъ? сказалъ Карраль, ложась спать.

— Идемъ! отвѣчалъ Ксавье.

VI.

Улица Сервандони.

Одѣвшись, Ксавье колебался еще нѣсколько времени.

Одна мысль идти въ картежный домъ внушала ему стараніе. Но съ другой стороны, слова, произнесенныя Карралемъ: «въ первый разъ всегда выигрываютъ», безпрестанно приходили ему на память и побуждали его рѣшиться на все.

— Я схожу только одинъ разъ! повторялъ онъ, какъ бы успокоивая свою совѣсть этимъ заключеніемъ. Должно же познакомиться съ добромъ и зломъ, чтобы умѣть отличать первое отъ послѣдняго.

Когда онъ вошелъ въ комнату Карраля, тотъ стоялъ предъ конторкой и писалъ.

— Каждый имѣетъ свои маленькія тайны, сказалъ Карраль, какъ-бы боясь, чтобы Ксавье, подошедши ближе, не прочиталъ его записки. Я у васъ прошу только одной минуты.

Ксавье возвратился въ спальню. Карраль между тѣмъ кончилъ письмо, написалъ адресъ и, отворивъ окно, кинувъ Овернца.

Черный нищій стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ, опершись на длинную палку. При скрипѣ, произведенномъ отворяющимся окномъ, онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на балконъ, но тотчасъ опустилъ ее, замѣтивъ мулата.

— Отнеси это письмо по адресу, сказалъ Карраль, обращаясь къ Овернцу, который подошелъ къ самому дому.

Коммиссіонеръ схватилъ на лету брошенную ему записку. Но вмѣсто того, чтобъ тотчасъ отправиться исполнить порученіе, онъ сѣлъ на ступеньку паперти.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ Карраль съ нетерпѣніемъ.

Вмѣсто отвѣта, невинное дитя горь началъ громко по складкамъ читать адресъ даннаго ему письма.

— Гос..по..ди..ну....

— Молчи! молчи! вскричалъ мулатъ.

Нищій, безстрастный во все время этой сцены, началъ теверь прислушиваться.

— Ком..ми..сса..ру, продолжалъ безостановочно Овернецъ.

Балконъ занималъ немаловажную часть узкаго фасада дома, и полуоткрытое окно въ комнатѣ Ксавье позволяло видѣть молодого человѣка, окончивающаго свой туалетъ. — Карраль, посмотрѣвъ внимательно въ эту сторону, вскричалъ:

— Я запрещаю тебѣ читать адресъ.

Но мальчикъ, погруженный въ свои занятія, какъ истинный археологъ, который бьется по цѣлымъ днямъ за хартіей мервингской, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на запрещеніе и продолжалъ:

— По..ли..ція... квар..та..ла....

— Негодай! проворчалъ Карраль, вышедшій изъ себя: Ксавье показався у окна.

— Кому говорите вы это, мой другъ? спросилъ онъ.

— О никому.... просто такъ, отвѣчалъ Карраль, запинаясь и смущеннымъ голосомъ.

— Свя..таго.... Суль..пи..ці..я., докончилъ спокойно коммиссіонеръ.

За тѣмъ онъ всталъ и снимая фуражку, прибавилъ:

— Нуженъ ли отвѣтъ, господинъ?

— Не нужны! отвѣчала мулатъ. Ступай скорѣе.

Овернецъ исчезъ за угломъ церкви.

— Г. комиссару полиціи квартала св. Сульпиція, повторялъ нищій: это что-нибудь да значить.... Надо подсмотреть за нимъ.

Съ уходомъ комиссіонера, Карраль успокоился.

— Пойдемте теперь, сказалъ онъ весело, и попробуемъ свататься.

— Не сегодня, отвѣчала Ксавье.

— Вы отказываетесь, это не хорошо.

— Не то, что отказываюсь, но не могу рѣшиться.... притомъ, не смотря на то, что первыя числа мѣсяца, у меня нѣтъ еще денегъ.

— Я дамъ вамъ ихъ, воскликнулъ Карраль....

И въ эту минуту онъ почувствовалъ у себя что-то подъ ногою.

— Да вотъ, кажется, само счастье повременивается молодому человѣку, продолжалъ онъ, поднимая съ полу свертокъ.— Какъ онъ встаетъ теперь....

Ксавье заглянулъ въ бумажку. Тамъ, по обыкновенію, находилось двадцать лундоровъ.

— Судьба того кечеть, прошепталъ онъ: пойдимте.

Карраль не могъ удержаться отъ радостной улыбки.

Когда они вышли на улицу, черныи нищій подошелъ къ нимъ и протянулъ руку къ Ксавье, но тотъ не замѣтилъ этого и прошелъ мимо, занятый своею главной идеей.

— Куда же идти? спросилъ молодой человѣкъ у Карраля.

— Въ улицу Сервандони, не далеко отъ церкви св. Сульпиція. Нищій съ грустью опустилъ голову и прошепталъ:

— Онъ отказываетъ мнѣ въ первый разъ.... О! этотъ товарищъ погубить его!... Но объ чемъ они говорили?... Мнѣ по-ельшалось, что пріятель его сказалъ: въ улицу Сервандони, не далеко отъ церкви св. Сульпиція.... а письмо?... Тутъ что-то скрывается; я страшусь за него!...

И за тѣмъ онъ пошелъ быстрыми шагами, держась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ двухъ друзей, которые уже повернули за уголъ Сень-Жерменской площади. Когда же нищій вступилъ въ улицу Сервандони, преслѣдуемые входили въ низенькую дверь одного дома.

Эта дверь вела сперва въ узкой коридоръ, оканчивающійся лѣстницей. Съ перваго взгляда, домъ казался необитаемымъ. Пять

оконъ, въ первомъ этажѣ, выходяшія на улицу, были такъ искусно задернуты зелеными занавѣсками, что невозможно было никакимъ образомъ проникнуть любопытному взору снаружи во внутренность зданія. Въ остальныхъ двухъ этажахъ приняты были тѣ же самыя предосторожности. Весь домъ погруженъ былъ въ какое-то странное безшолвіе и составлялъ рѣзкій контрастъ съ сосѣдними зданіями, гдѣ царствовали шумъ и движеніе.

Не смотря на то, однако жъ, не проходило ни одной минуты, чтобъ новыя лица не показывались въ коридорѣ. Входившіе въ домъ предварительно осматривались по сторонамъ и, казалось, чего-то боялись.

Хотя нищій и мало былъ знакомъ со всѣмъ тѣмъ, что нынѣ называемъ общинъ именовъ *сельте*, однако жъ онъ догадывался о всемъ происходившемъ. Чтобы не выпустить ничего изъ глазъ, онъ прислонился къ стѣнѣ противоположнаго дома, откуда, не будучи самъ замѣченъ, могъ производить свои наблюденія. Въ скоромъ времени, множество новыхъ примѣтъ, въ частности мало значущихъ, увеличили его опасенія. То въ верхнемъ этажѣ поднималась слегка занавѣска и слышался женскій голосъ, то звонъ металла поражалъ изрѣдка его слухъ, казалось, будто бы золотыя монеты въ беспорядкѣ сыпались на столъ. Иногда выходилъ изъ дому лакей и нанималъ близъстоящій «іакръ». При его знакѣ, приходили въ движеніе не только извозчики, но и цѣлая толпа нищихъ, нарочно оставившихъ двери церкви св. Сульпинція, подвигалась къ подъѣзду. Спустя нѣсколько минутъ, появлялся на порогѣ какой-нибудь человѣкъ или съ радостью на лицѣ и веселою улыбкою, или съ поникнутой головою и проклятіемъ на устахъ.

Въ первомъ случаѣ, бѣдняки окружали его и требовали милостыни, какъ чего-нибудь должнаго; во второмъ же, они пожимали плечами и отходили прочь.

— Что происходитъ тамъ? думалъ про себя нищій.

Прошелъ часъ, и на порогѣ появился Карраль. При видѣ негра, онъ сдѣлалъ непріятную мину и, казалось, хотѣлъ воротиться назадъ.

Впрочемъ, это смущеніе продолжалось не долго. Карраль оправился и, снѣло переступивъ черезъ порогъ двери, быстрыми шагами пошелъ по улицѣ.

Ксавіе остался одинъ.

Холодъ пробѣжалъ по членамъ чернаго нящего, — и новая мысль разсѣяла его сомнѣніе. Выходящіе изъ дому, то разочарованные, то слишкомъ веселые; нѣсколько словъ, слышанныхъ отъ нищихъ, и наконецъ видъ званія, все показывало ему, что онъ находится подлѣ игорнаго дома.

Но удаленіе Каррала и это письмо?... Онѣ должны скрывать какую нибудь западню.

Нищій оставилъ свое мѣсто и перешелъ черезъ улицу.

— Миѣ нужно видѣть его; миѣ нужно говорить съ нимъ, — шепталъ онъ.

Въ то самое мгновеніе, когда нищій готовился войти въ домъ, три человѣка, одѣтые въ черное платье, показались на поворотѣ улицы и вскорѣ очутились на крыльцѣ. Остановившись въ корридорѣ, они дожидались нѣсколько времени жандармовъ, которые наконецъ появились изъ-за угла церкви св. Сульпиція. Вслѣдъ за тѣмъ, старшій изъ трехъ вынулъ изъ кармана бѣлый шарфъ, подползся имъ и сказалъ:

— Господа, пойдѣте!

Нищій ударилъ рукою по лбу.

— Понимаю, понимаю! произнесъ онъ съ грустію: письмо.... его хотятъ погубить, и я не могу ничѣмъ пособить ему!

Между тѣмъ, вотъ что происходило во внутренности дома. Когда Карралъ и Ксавье поднялись по спиральной лѣстницѣ въ первый этажъ, имъ встрѣтился лакей и спросилъ, что имъ угодно. Карралъ сдѣлалъ знакъ, по которому его узнали. За тѣмъ, лакей отворилъ другую дверь, — и друзья очутились въ обширной залѣ, освѣщенной довольно ярко двумя люстрами, не смотря на то, что былъ еще день.

Въ залѣ, почти по серединѣ, стоялъ огромный столъ, окруженный тройнымъ рядомъ игроковъ. На краю его расположилась банкометъ.

При появленіи двухъ друзей, никто даже не повернулъ головы. Всякій такъ сильно интересовался переменами счастья, что развѣ только паденіе потолка или прибытіе полицейскаго комиссара могло вывести ихъ изъ забытья.

Не смотря на то, Карралъ и Ксавье нашли, съ кѣмъ завести разговоръ.

Хозяинъ игорнаго дома, маленькій, чахоточный человѣчекъ, какъ видно знакомый Карралу, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Каково поживаете?... пріятель вашъ изъ добрыхъ?

Последнія слова онъ произнесъ тихо и мигая глазами.

— Это—мой другъ, отвѣчалъ мулатъ.

— Считаю за счастье познакомиться, сказалъ тогда хозяинъ, обращаясь къ Ксавье съ ласковою улыбкою, которая впрочемъ не совсѣмъ удалась ему; все мое заведеніе къ вашимъ услугамъ. Здѣсь — у насъ *тридцать* и *сорокъ*, направо *экарте*, на лѣво *бульотъ*; во второмъ этажѣ — *вистъ*, *рулетка* и банкъ: — Выбирайте, что хотите. Въ третьемъ же....

— Довольно, довольно, господинъ Муте, перебилъ Карраль.

— Гв! гв! продолжалъ Муте, съ сардоническою улыбкою. Значить, господинъ не знаетъ того, что у насъ въ третьемъ этажѣ.

Карраль заставилъ его замолчать жестомъ.

— Все равно, все равно,—проворчалъ Муте, отходя въ сторону: въ первомъ или въ третьемъ этажѣ, все таки вы здѣсь оставите свои денежки.

У Ксавье, все это время, на сердцѣ лежала какая-то особенная тяжесть. На что ни смотрѣлъ онъ, все возбуждало въ немъ отвращеніе, которое становилось со всякою минутою сильнѣе. Во взорахъ каждаго игрока отражались попеременно тѣ чувства, которыя волновали ихъ: то отчаяніе, то убійственная эгонистическая радость, то, наконецъ, ледяное и непоколебимое равнодушіе. Всѣ присутствовавшіе въ залѣ были одѣты большею частью бѣдно и съ какимъ-то цинизмомъ. Грязные воротники рубашекъ выказывались изъ-за галстуковъ, изорванныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; пыль густымъ слоемъ покрывала платья. — И несмотря на то, золото обильно сыпалось изъ всѣхъ кармановъ. Нѣсколько женщинъ, богато, хотя и безъ всякаго вкуса одѣтыхъ, перемеживались съ игроками.

— Мы пришли не для наблюденій, сказалъ Карраль: смотрите не такъ весело.... кстати, умѣете ли вы играть въ вистъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ксавье.

— А въ экарте?

— Немного.

— И это не годится... а что скажете о бульотѣ?

— Еще хуже.

— Значить, намъ остается выбирать или рулетку, или *тридцать* и *сорокъ*... Что хотите?

— Я не имѣю понятія ни о той, ни о другой игрѣ.

— Это не бѣда, мой другъ; рулетка и *тридцать* и *сорокъ* —

равно хороши и равно изобрѣтены для людей, неумѣющихъ играть во что-либо другое, — подобно вамъ... Рулетчикъ все сдѣлаетъ за васъ, что нужно; вамъ же придется только или платить, или получать... И такъ выбирайте...

Первою желанію Ксавье было удалиться скорѣе; но онъ зашелъ уже слишкомъ далеко и отступать было поздно.

— Идетъ рулетка, сказалъ онъ.

Карраль взялъ молодого человѣка за руку и повелъ во второй этажъ. Муте предупредилъ ихъ.

— А, господинъ хочетъ попробовать счастья въ рулеткѣ, вскричалъ онъ: желаю удачи.

Зала второго этажа составляла совершенное подобіе залы первого, но только здѣсь посреди стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, возвышалась роковая машинка, съ своими черными и красными ядичками, означенными особенными номерами.

— Вотъ рулетка, сказалъ Карраль: начнемъ смѣлѣе.

Онъ увлекъ Ксавье и посадилъ на мѣсто, оставленное каинимъ-то несчастнымъ, разореннымъ совершенно этой незатѣливой машинкой.

Сначала, Ксавье не понималъ ничего. Изъясненія Карраля, стоявшаго везади, только болѣе сбивали его. Онъ видѣлъ, какъ повертывалась рукоятка, какъ вертѣлся, пущенный искусною рукою, шарикъ и какъ этотъ шарикъ попадалъ въ ядичекъ; при этомъ банкометъ рѣзкимъ голосомъ произносилъ свои техническіе термины:

Черная, нечетъ и манкировано! или:

Красная, четъ и пасъ.

За тѣмъ, одинъ изъ банкометовъ, собиралъ у проигравшихъ деньги; другой же, съ необыкновенною ловкостью, раздавалъ проигравшимъ золотые лундоры или пяти-франковыя монеты.

Спустя десять минутъ, капиталъ Ксавье увеличился двумя лундорами.

— Куда мнѣ поставить? спросилъ онъ у Карраля.

— Куда вамъ вздумается, отвѣчалъ мулатъ.

Ксавье, въ свою очередь, поставилъ ставку. Жребій палъ на ядичекъ съ 23 номеромъ.

— Мартія начята, провозгласилъ банкометъ: кто еще хочетъ?

Рулетка завертѣлась снова; шарикъ, выскочивъ изъ одного ядичка, попалъ въ другой и наконецъ остановился въ третьемъ.

— *Красная, нечетъ, оманала.*

— Выиграл! вскричалъ Карраль съ удивленіемъ: вы рисковали, но все къ лучшему, продолжайте.

Банкометъ бросилъ 36 луидоровъ на долю Ксавье.

Хотя молодой человѣкъ еще не постигъ тайны рулетки, но неожиданный выигрышъ взволновалъ его сердце. Онъ подвинулся ближе, облокотился на столъ и вскорѣ предался всей душою этому демону, который постоянно паритъ надъ земнымъ сукномъ.

Карраль отступалъ мало-по-малу.

Ксавье даже не замѣтилъ отсутствія своего товарища. Онъ игралъ со страстью, съ увлеченіемъ. Самыя рискованныя ставки, сдѣланныя по неопытности, удавались ему безпрерывно и тѣмъ еще болѣе возбуждали его смѣлость. Черезъ полчаса, передъ нимъ красовалась огромная куча золота и билетовъ. Всѣ смотрѣли на него съ завистью; самъ Муте подошелъ къ столу и началъ слѣдить за игрою. Одинъ только банкометъ оставался безразличнымъ. Какъ машина, нечувствительная ко всему, вокругъ нея происходящему, онъ продолжалъ вести игру и по-прежнему оставался холоднымъ орудіемъ счастья. У Ксавье голова кружилась, кровь вливалась въ лице и покрывала его багровою крестою. По ширѣ увеличенія сокровищъ, лихорадочная дрожь пробѣгала по его членамъ.

— Все за одинъ разъ! вскричалъ Ксавье, подымая выигрышъ впередъ. Тамъ было около тридцати тысячъ франковъ, Банкометъ взглядомъ спросилъ Муте о позволеніи *держать*. Муте согласился.

Всѣ другіе игроки сняли свои ставки и съ нетерпѣніемъ начали дожидаться ровной минуты.

Банкометъ вернулъ рулетку.

Но въ это самое игровеніе, Муте, который всмотрѣлъ тогда на двери, испустилъ ужасный крикъ. Нѣкоторые подняли головы и повторили сигналъ. Электрическая искра пробѣжала по тройному ряду игровыхъ. Одинъ только Ксавье продолжалъ слѣдить за оборотомъ рулетки.

Онъ не слышалъ и не видалъ ничего. Мы сказали уже, что какъ паденіе котомки, или развѣ появленіе полицейскаго комиссара, можетъ прервать вниманіе игроковъ. Одно изъ этихъ сильныхъ потрясеній произошло въ настоящую минуту. Человѣкъ въ черной одеждѣ и съ бѣлымъ шарфомъ стоялъ на порогѣ комнаты. Муте, при видѣ полицейскаго комиссара, принялъ пе-

чальное выражение и прошепталъ грустнымъ голосомъ: Я разоренъ... я пропалъ...

Игроки хотѣли бѣжать, но комиссаръ загородилъ имъ дорогу. Въ ту же минуту, рулетка кончила свое дѣйствіе и шарикъ попалъ въ ящичекъ.

— Выигралъ, выигралъ! вскричалъ Ксавье, вышедшій изъ себя. Но видя, что банкометъ остается безмолвнымъ, онъ прибавилъ:

— Чего ждете вы?.. Платите!..

Эти слова, казалось, умножали преступленіе. Присутствующіе поникли головами, а полицейскій комиссаръ выступилъ впередъ.

VII.

По выходѣ изъ игорнаго дома.

— Господа, сказалъ комиссаръ: прошу васъ быть благоразумными. Я уже исполнилъ свою обязанность въ первомъ этажѣ; малѣйшее упорство съ вашей стороны сдѣлаетъ ваше положеніе еще болѣе опаснымъ; къ тому же я долженъ прибавить, что жандармы заняли всѣ выходы, и тѣ, которые рѣшатся на бѣгство, попадутся въ ихъ руки.

Ксавье въ какомъ-то остолебеніи выслушалъ эту рѣчь, которая для него, незнающаго законовъ и своего дѣйствительнаго положенія, показалась совершенно непонятною.

— Почему не платятъ мнѣ? спросилъ онъ въ другой разъ, машинально подвигая ближе къ себѣ свой выигрышъ.

— Не дотрогивайтесь ни до чего, сказалъ повелительно комиссаръ, потому что деньги, выложенныя на столъ въ игорныхъ домахъ, прямо конфискуются въ государственную казну.

— Но это принадлежитъ мнѣ... началъ Ксавье.

— Молчите! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Господа, продолжалъ комиссаръ: прошу васъ написать на этомъ листѣ бумаги ваши имена и адреса, чтобы королевскій прокуроръ могъ пригласить васъ къ себѣ во всякое время.

— Королевскій прокуроръ! повторилъ Ксавье: какое ему дѣло до насъ.

— Молчите! снова закричали присутствовавшие, которые имѣли свои причины повиноваться правосудію.

Муте первый написалъ свою фамилію на данномъ листѣ, что не обошлось безъ тяжелаго вздоха; за нимъ послѣдовали другіе, которые, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, измѣнили свои фамилии, равно какъ и мѣста жительства, чтобы лучше вернуться изъ бѣды, и всѣ они потомъ безпрепятственно отправились по домамъ.

Только въ эту минуту Ксавье вспомнилъ о Карралѣ и весьма удивился, что его не было въ комнатѣ.

— Онъ спасся, подумалъ молодой человѣкъ: тѣмъ лучше!

— Теперь ваша очередь, — сказалъ комиссаръ, обращаясь къ нему. Ксавье, слѣдуя общему примѣру, подписалъ свою фамилію, или лучше сказать, имя, и вѣроятно, онъ былъ одинъ изъ всѣхъ, который не рѣшился солгать передъ лицомъ правосудія. Комиссаръ, который съ подозрѣніемъ посматривалъ на молодого человѣка, внимательно слѣдилъ за всѣми его движеніями.

— Ксавье! прошепталъ или, лучше сказать, проворчалъ онъ, прочитавъ подпись.... Это странно; развѣ у васъ нѣтъ другаго имени, милостивый государь?

Сказавъ эти слова, комиссаръ посмотрѣлъ на Муте, который по привычкѣ, или вслѣдствіе какой-нибудь другой причины, тотчасъ же опустилъ голову,

— Милостивый государь, отвѣчалъ сухо Ксавье: я не знаю, что можетъ случиться со мною, но только скажу откровенно, что бѣлый шарфъ не даетъ вамъ никакого права оскорблять другихъ.... Я васъ удовлетворилъ, позвольте мнѣ выйти....

— Такъ обходиться съ полицейскимъ комиссаромъ? что слѣжалось съ вами? — вскричалъ Муте въ отчаяніи.

— Вы слишкомъ громко говорите, молодой человѣкъ, сказалъ въ свою очередь комиссаръ: чего вамъ никакимъ образомъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что вы совершили государственное преступленіе.... Да, вы слишкомъ виновны!... Во-первыхъ, я васъ засталъ въ этомъ домѣ, гдѣ царствуетъ самый ужасный порокъ, гдѣ стыдно показаться доброму гражданину, который никогда не рѣшится идти противъ законовъ....

— О! какъ онъ честитъ мое заведеніе, подумалъ Муте.

— Я васъ засталъ однихъ подлѣ рулетки, продолжалъ комиссаръ: и только одна ваша ставка лежала на зеленомъ сулѣ.... Все это не поведетъ къ добру; для того, чтобы из-

бѣгнуть черезъ—чуръ хулыхъ послѣдствій, я вамъ савѣтую подписать свое настоящее имя.

— Я вамъ, въ свою очередь, также повторю, что я сказалъ сущую правду.

— Въ такомъ случаѣ, извините, я васъ арестую именемъ короля и прошу пожаловать со мною къ королевскому прокурору.

Комиссаръ вышелъ изъ комнаты, въ сопровожденіи молодого человѣка, между тѣмъ какъ Муте, не смотря на несчастье, чуть не плакалъ отъ радости, что исполнителю правосудія не удалось отправиться въ третій этажъ.

Когда Ксавье спустился на улицу, нищій стоялъ недалеко отъ дверей и безмолвно дожидался развязки происшествія.

— Я надѣюсь, сказалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ комиссару: что вы безъ нужды не подвергнете меня безчестію и уволите отъ всякой почетной стражи.

— Мы пойдемъ одни, отвѣчалъ послѣдній: и только эти два господина будутъ васъ сопровождать. Тутъ комиссаръ показалъ на своихъ товарищей.

Ксавье медленными шагами отправился къ жилищу прокурора. Онъ успѣлъ одуматься, его горячка прошла, и какой-то неопредѣленный страхъ закрался въ его душу, хотя молодой человѣкъ не понималъ еще всей важности своего проступка. Между тѣмъ нищій слѣдовалъ за нимъ въ некоторомъ разстояніи, повторяя въ отчаяніи:

— Онъ арестованъ! онъ арестованъ!

Королевскій прокуроръ, къ которому Ксавье былъ представленъ какъ виновный въ двухъ преступленіяхъ: въ обманѣ правительства и въ посѣщеніи игорныхъ домовъ, посмотрѣлъ на него очень строго.

— Милостивый государь, сказалъ онъ: вы называетесь Ксавье?

— Точно такъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— И у васъ нѣтъ другаго имени, кромѣ Ксавье? продолжалъ судья.

— Точно такъ! опять повторилъ Ксавье.

— Чѣмъ занимаетесь вы, гдѣ вы служите?

— Нигдѣ, прошепталъ молодой человѣкъ, который только тогда увидѣлъ пропасть, открывающуюся подъ его ногами.

— Какъ! вскричалъ судья: вы совершенно свободный чело-

нѣтъ; но, по крайней мѣрѣ, позвольте спросить, чѣмъ вы живете, какия средства нашего существованія?

Ксавье предъугадывалъ этотъ вопросъ, который окончатель-
но спрашалъ его.

— Милостивый государь, вскричалъ онъ съ послѣднимъ ус-
лѣемъ: эти вопросы предлагаются только преступникамъ?

— Отвѣчайте! возразилъ прокуроръ съ прежнимъ хладно-
кровіемъ.

— Уповаю васъ, не требуйте отъ меня объясненій, вскри-
чалъ Ксавье; тѣмъ болѣе, что въ природѣ есть столько вещей,
которыя по виду кажутся совершенно сказочными, между тѣмъ
онѣ существуютъ на самомъ дѣлѣ.

— Правосудіе съумѣетъ отличить сказку отъ дѣйствительно-
сти, возразилъ прокуроръ, сурово посматрѣвъ на молодаго че-
ловѣка.

— Но я не осмѣлюсь рассказать вамъ...

Судья посматрѣлъ на часы.

— Начинайте скорѣе, сказалъ онъ хладнокровно: мнѣ доро-
го время.

— Если такъ, то слушайте! вскричалъ Ксавье, и онъ расска-
залъ вкратцѣ то, что извѣстно нашимъ читателямъ на счетъ
таинственнаго дара, посылаемаго какъ бы самимъ небомъ въ
испомоществованіе молодому человѣку.

Настѣшная улыбка показалась на лицѣ прокурора, когда
Ксавье началъ свою исторію.

— Это въ самомъ дѣлѣ похоже на сказку...

— На извѣстѣ съ тѣмъ совершенно справедливо, перебилъ
Ксавье, кланусь вамъ!

— По крайней мѣрѣ, кто можетъ засвидѣтельствовать исти-
ну вашихъ словъ?

— Я рассказалъ объ этомъ только одному моему другу.

— Какъ его фамилія?

— Хуанъ Карраль.

— Это иностранная фамилія, сказалъ королевскій прокуроръ:
позвольте спросить, кто онъ таковъ?

Ксавье задумался на минуту. Онъ чувствовалъ, что каждый
изъ этихъ вопросовъ все ближе и ближе влекъ его къ пропасти.

— Я не знаю, милостивый государь, сказалъ онъ наконецъ:
я даже никогда не освѣдомлялся.

Судья поднялся съ кресла, на которыхъ онъ сидѣлъ.

— Я долженъ сказать вамъ рѣшительно, возразилъ онъ съ ледяною холодностью: что я не вѣрю вамъ, — хотя, быть можетъ, въ вашихъ словахъ и много правды, — потому что вы совсѣмъ запутались въ несообразностяхъ... Довѣряться человѣку и между тѣмъ не знать, кто онъ онъ таковъ!.. Просто непостижимо.

— Господинъ прокуроръ!

— Молчите, прошу васъ!.. получать триста франковъ въ мѣсяцъ и между тѣмъ, ставить кушъ въ тридцать или сорокъ тысячъ; не явная ли тутъ несообразность, сознайтесь сами?

— Что я сдѣлалъ? вскричалъ Ксавье, которому показалось, что всѣ приключенія несчастнаго утра — были единственно игрою разстроеннаго воображенія или, просто фантазій.

— Однимъ словомъ, продолжалъ судья: мы впоследствии разъяснимъ всѣ непостижимыя тайны, а теперь ограничимся заключеніемъ въ тюрьму....

Въ эту минуту, дверь кабинета медленно повернулась на своихъ петляхъ, и черное лице нищаго показалось на порогѣ комнаты. Никто не замѣтилъ появленія новаго лица. Молодой человѣкъ стоялъ, опустивъ голову. Этотъ неожиданный ударъ совершенно подавилъ его своею тяжестью.

— Сжальтесь надо мною! вскричалъ онъ: я невиненъ... и это было въ первый разъ...

— Всегда попадаютъ въ первый разъ, прервалъ прокуроръ съ сардоническою улыбкою: я строго слѣдую законамъ, которые повелѣваютъ мнѣ задержать васъ за то, что вы не дали удовлетворительныхъ отвѣтовъ на вопросы, требуемые самимъ правосудіемъ...

— Но тюрьма, господинъ прокуроръ?.. Вы развѣ не знаете, какъ много значить одно это слово? По крайней мѣрѣ, скажите, какъ долго продолжится мое заточеніе?

— Вы будете сидѣть въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока правительство не узнаетъ средствъ вашего существованія... или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не поручится за васъ.

Имя маркиза Румбри, вертѣлось на губахъ Ксавье... но молодой человѣкъ не рѣшился произнести его, потому что стыдъ подвергнуться осужденію маркиза превозмогалъ другія чувства. Лишь только королевскій прокуроръ кончилъ свои послѣднія

слова, черный нищий быстро открылъ дверь и подошелъ къ нему.

— Какимъ образомъ попалъ ты сюда? кто ты такой?... Чего хочешь ты? спросилъ судья, нахмуривъ брови.

— Мои босые ноги производятъ шуму, отвѣчалъ негръ; я черный нищий и пришелъ спасти этого невнятнаго молодого человека.

Ксавье посмотрѣлъ на негра съ удивленіемъ.

— Я все слышалъ, продолжалъ нищий. Вы спрашиваете, какія средства къ его существованію, я скажу вамъ; вы хотите, чтобъ кто нибудь изъ честныхъ людей поручился за него: извольте, я готовъ! Говоря это, негръ выпрямился и скрестилъ руки на груди. На его лицѣ выражалась какая-то гордость. Королевскій прокуроръ, на устахъ котораго уже было мелькала насмѣшливая улыбка, принялъ опять строгое выраженіе.

— Говори, сказалъ онъ, садясь снова въ свои кресла.

VIII.

Докрый господинъ ко мнѣ!

Нищий съ минуту подумалъ.

— Этотъ молодой человекъ сказалъ правду, началъ онъ потомъ: каждый мѣсяцъ доставляютъ ему пятнадцать лупдоровъ, и именно я бросаю ихъ на балконы.

— Вы! вскричалъ Ксавье: следовательно, вы знаете...

— Мы объ этомъ поговоримъ послѣ, когда будемъ одни, прервалъ негръ, голосъ котораго принялъ нѣжное выраженіе.

Потомъ онъ прибавилъ, обращаясь къ судѣ:

— Повторяю вамъ, кто я доставляю ему деньги.

— Отъ кого?

— Отъ самого себя.

Королевскій прокуроръ пожалъ плечами.

Негръ продолжалъ смотрѣть ему въ лицо.

— Да отъ себя, повторилъ онъ: отъ меня идетъ этотъ подарокъ. Я уже давно собираю милостыню. Всѣ меня знаютъ и рѣшительно пройдутъ мимо чернаго нищаго, не подавъ ему ничего...

Молодой человекъ также не забывалъ меня, потому что у него самое доброе сердце... Еслибъ я захотѣлъ, я могъ бы давать ему вдвое болѣе противъ того, что давалъ до сихъ поръ.

— Но почему вы жертвуете молодому человеку часть своего состоянія?

— Почему! вскричалъ негръ, лицо котораго выразило самое живое удивленіе: вы спрашиваете, за что я даю ему все это?.. Но... это только для него, для него одного я протягиваю руку къ проходящимъ, для него рѣшаюсь я быть нищимъ!..

Ксавье былъ блѣденъ, какъ смерть. Съ усиленнымъ вниманіемъ и съ трепещущимъ сердцемъ прислушивался онъ къ каждому слову, которое вылетало изъ устъ нищаго. Одна мысль особенно мучила его. Между тѣмъ прокуроръ, казалось, былъ нѣсколько заинтересованъ, и уже легкая улыбка показалась на его суровомъ и строгомъ лицѣ.

— Я вѣрю вашимъ словамъ, сказалъ онъ: но все-таки согласитесь сами, это какая-то непонятная исторія, и должна быть причина этого рѣдкаго и великодушнаго самопожертвованія, этой благородной и искренней привязанности.

— Еслибъ представился случай, сказалъ негръ съ самымъ простодушнымъ выраженіемъ: я бы сдѣлалъ гораздо болѣе.

— Вы, значитъ, очень любите этого молодого человека?

Нищій посмотрѣлъ на Ксавье съ особенною нѣжностью.

— О, да, я люблю его! вскричалъ онъ въ изступленіи: и какъ мнѣ не любить его?

Онъ замолчалъ на минуту и, казалось, о чемъ-то размышлялъ. Королевскій прокуроръ, увлеченный противъ воли этою спешною, съ любопытствомъ ждалъ окончанія разсказа, или, лучше сказать, объясненія нищаго. Что жъ касается до Ксавье, то онъ опустилъ глаза, и какъ бы приговоренный къ смерти, ожидалъ развязки.

— Я люблю его одного въ мірѣ, продолжалъ негръ: я люблю его столько, что рѣшился тайно дѣлать ему благодѣянія, которыя, быть можетъ, заставили бы его краснѣть; я люблю его столько, что далъ себѣ слово, никогда не называть его своимъ сыномъ и отказаться навсегда отъ имени отца!..

— Вы его отецъ, повторилъ королевскій прокуроръ, съ ласковымъ выраженіемъ голоса.

Ксавье закрылъ лицо руками и почти безъ чувствъ упалъ на кресла.

— Негръ!.. нищій!.. прошепталъ онъ: о! Боже!..

— Не упрекайте его, сказалъ негръ, обращаясь къ судья, который посмотрѣлъ на Ксавье взглядомъ, исполненнымъ и жалости и презрѣнія: онъ не былъ приготовленъ къ этому!.. Долный стыдъ взялъ теперь верхъ надъ благодарностью, но завтра, я совершенно увѣренъ, онъ возвратится къ своему долгу.

— Желаю вамъ такого счастья, отвѣчалъ судья. Молодой человекъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Ксавье: вы свободны и можете слѣдовать за вашимъ отцомъ.

Ксавье вздрогнулъ невольно при этомъ словѣ. Передъ его глазами промелькнула Елена, въ своемъ вчерашнемъ бѣломъ платьѣ; она показывала рукою на нищаго, стоящаго подлѣ церковной паперты, на нищаго-негра, назвавшагося его отцемъ!... Не призракъ разстроеннаго воображенія, не мечта пылкой фантазіи — отрывала отъ него Елену, нѣтъ! между нимъ и молодою дѣвушкою рисовалась теперь самая горькая дѣйствительность... Провашть, черезъ которую невозможно было перешагнуть; вотъ что отдѣляло его отъ Елены! Онъ, шатаясь, подошелъ къ двери; но прежде, чѣмъ перешагнуть порогъ, остановился, приложивъ руку ко лбу и въ забытомъ шептѣхъ какія-то слова.

— Батюшка! вскричалъ онъ послѣ долгаго раздумья, бросаюсь въ объятія нищаго: мой бѣдный батюшка!..

— Благодарю... благодарю!.. сказалъ тихо старикъ. Онъ прижалъ Ксавье къ своему сердцу, и вскричалъ въ увлеченіи, обращаясь къ прокурору:

— Вы видите, у него доброе сердце.

Полчаса спустя, Ксавье и черный нищій вошли въ бѣдную мансарду, въ улицѣ *Бурбонъ-ле-шато*..

Молодой человекъ былъ очень печаленъ. Уже прежде, увлекаясь мечтами, онъ смутно догадывался, что негръ, который смотрѣлъ на него всегда особенно ласково, должно быть, знаетъ его родственникомъ. Иногда ему даже приходило на мысль, что нищій не отецъ ли его?.. Но онъ всегда отталкивалъ эту мысль и старался забыть ее, внутренно смѣясь надъ своими предположеніями. Теперь же не слабыя подозрѣнія, основанныя единственно на догадкахъ, но сущность рисовалась передъ его глазами.

Впрочемъ Ксавье имѣлъ доброе сердце, и слѣдуя внушеніямъ его, мало-по-малу побѣдилъ свое отчаяніе. Онъ даже принудилъ себя полюбить этого человека, который былъ такъ великъ

въ своей привязанности; онъ даже началъ чувствовать удивленіе, жалость и невольную привязанность къ бѣдному старику, который для счастья своего дѣтвища пожертвовалъ радостями любви.

Войдя въ мансарду, Ксавье взялъ за руку нищаго и придалъ ее къ своему сердцу.

— Моимъ первымъ движеніемъ была неблагодарность, началъ онъ: мое первое слово была вѣзость... Простите ли вы мнѣ это, батюшка?

— Молчи, скакалъ негръ въ какомъ-то благоговѣйномъ волненіи... молчи, дитя! не называй меня своимъ оплодомъ, поговучто ома насъ слышитъ!...

— Кто? спросилъ Ксавье въ удивленіи.

— Онъ! отвѣчалъ негръ: она!...

Тутъ нищій показалъ на трофеи, висѣвшіи подлѣ отверстія, замѣнявшаго окно.

Ксавье не понималъ ничего.

— Добрый господишъ ко мнѣ! продолжать, нищій голосомъ, исполненнымъ душевнаго волненія, и отерев рукою слезы, терція по ямцу.

Какая-то надежда оживляла сердце Ксавье.

— Объяснитесь, ради Бога, объяснитесь! вскричалъ онъ, сивтавъ за руку нищаго.

Негръ медленно поднималъ голову.

Молодой господишъ не можетъ быть сыномъ бѣднаго негра, отвѣчалъ онъ, придавая особенный вѣсъ своимъ словамъ. Потомъ старикъ показалъ на форменную шляпу и капитанскіе зюлеты, висѣвшіи подлѣ окна.

Ксавье все понялъ. Лучъ радости блеснулъ въ его глазахъ. Онъ упалъ на колѣни передъ трофеями и вскричалъ:

— Батюшка!... батюшка!...

— Добрый господишъ ко мнѣ! повторилъ печально негръ.

Наступило долгое молчаніе. Ксавье съ эгонистическою радостью благодарилъ Провидѣніе отъ всей души и думалъ объ Еледѣ. Препятствія исчезли, потому-что онъ имѣлъ отца. Червѣй нищій стоялъ на колѣняхъ подлѣ Ксавье. Его глаза были закрыты, и онъ, казалось, совершенно погрузился въ глубокую думу.

— Онъ былъ добръ, сказалъ негръ, особеннымъ торжественнымъ тономъ: великодушень и храбръ!... Онъ умеръ, до я его вемольникъ...

— Онъ умеръ! повторилъ Ксавье.

Потомъ, пораженный новою мыслію, молодой человекъ поднялся и быстро спросилъ:

— А мать моя?

— Я ищу ее уже двадцать два года, отвѣчалъ негръ.

Молодой человекъ печально опустилъ голову.

— Умеръ... а она неизвестно гдѣ... По крайней мѣрѣ я долженъ чтить память моего отца. Какъ его имя?

— Капитанъ Лесевръ.

— Лесевръ, повторилъ Ксавье, какъ-бы для того, чтобы заучить это драгоценное для него имя.

— Молодой господинъ, продолжалъ негръ съ грустною улыбкою: эта фамилія украшала бы теперь, можетъ быть, великаго полководца, потому-что отецъ вашъ умеръ почти въ весніи своей жизни.

— Расскажите мнѣ объ немъ все, что знаете! вскричалъ Ксавье. Онъ, вѣрно, любилъ васъ?—Молодой человекъ, говоря это, пожималъ руку нищаго.

— Да, отвѣчалъ негръ: онъ имѣлъ довѣренность ко мнѣ... даровалъ мнѣ свободу... и я, скажу по правдѣ, любилъ его еще болѣе, чѣмъ васъ, мой молодой господинъ.—Нищій поцѣловалъ съ жаромъ руку Ксавье.

— Слушайте, продолжалъ онъ: я долженъ у васъ просить прощенія за то, что называлъ васъ своимъ сыномъ; но королевскій прокуроръ не повѣрилъ бы мнѣ, еслибы я сказалъ ему: я глупо для него все это изъ-за того только; что онъ сынъ, сынъ моего господина...

— Ваша правда, прервалъ Ксавье: и, повѣрьте, я никогда не оставусь неблагодарнымъ!...

— Вы его сынъ! сказалъ негръ съ удивленіемъ. Но не благодарите меня, онъ приказалъ мнѣ, и я повинуюсь!

Черный нищій посматривалъ Ксавье на свою изломанную кровать, а самъ расположился у ногъ его.

— Теперь я расскажу вамъ исторію вашего отца, а также и все то, что относится до вашей молодости. Слушайте внимательно.

Черезъ минуту негръ началъ важнымъ и медленнымъ голосомъ. Не мы лучше расскажемъ начало исторіи своими словами, а только въ концѣ прибѣгнемъ къ помощи негра.

IX.

КРЕОЛКА.

1792 года, въ городѣ Кауѣ, на островѣ Сентъ-Доминго, жила одна шестнадцатилѣтняя сирота, по имени Флорентина-Анжелика де-Валле. Она считалась самою богатою и самою хорошею невестою во всей колоніи. Богатство ея оцѣнивали, по крайней-мѣрѣ, въ десять милліоновъ ливровъ. Если гдѣ говорили о ней, то всегда съ любовью и уваженіемъ, потому-что она считалась какъ красотою, такъ и самымъ любезнымъ нравомъ. Опекуномъ этой сироты былъ одинъ старикъ, хотя съ характеромъ тяжелымъ, но честный и до крайности привязанный къ отеческимъ обычаямъ. Онъ строго смотрѣлъ за дѣвушкою и ограничивалъ, сколько возможно, ея свободу.

Подъ его опекою, Флорентина, въ тѣ лѣта, когда у всѣхъ дѣвушекъ, въ особенности у креолокъ, вполне развивается страсть къ удовольствіямъ, не знала еще свѣта. Жизнь ея протекла уединенно и тихо въ домѣ Дювивье.

Въ началѣ 1792 года, господинъ Дювивье прогналъ главнаго управителя своихъ имѣній и на мѣсто его опредѣлилъ одного Англичанина, имя котораго намъ неизвѣстно. Новый управитель былъ изъ тѣхъ людей, которые такъ рѣзко отличаются отъ другихъ холодною своею фізіономіею и твердостью характера.

Сердце его было также безжизненно, какъ и фізіономіа, и справедливо могло назваться глубокою пропастью эгоизма и безпрерывнаго расчета.

Спустя нѣсколько времени послѣ вступленія его въ домъ Дювивье, характеръ Флорентины значительно измѣнился. Прежде она была скромна, терпѣлива и даже осторожна, теперь же вдругъ качества эти исчезли, и ея истинная натура воскресла. Она одѣлалась надменною, гордою, и даже осмѣливалась противиться волѣ своего опекуна. А такъ какъ въ открытомъ бою настоячивость Дювивье заставляла ее всегда проигрывать сраженіе, то Флорентина научилась скоро обманывать и лицефривить. Однакожъ, чтобы такое рѣзкое измѣненіе могло произойти въ столь короткое время, необходимо было, чтобы сердце

молодой креолка уже раньше имѣла склонность ко злу, и кромѣ того, какое-нибудь постороннее обстоятельство способствовало къ скорѣйшему развитію худыхъ началъ. Это въ самомъ дѣлѣ тагъ и было. Англичанинъ, съ холодною испорченностію нрава, безъ всякой страсти, окружилъ Флорентину сѣтями и преобразовалъ ея чувства. Молодая дѣвушка съ особеннымъ умеченіемъ предалась новому роду жизни. Прекрасныя достоинства души ея исчезли, и пламя страсти занялось въ ея сердцѣ. Англичанинъ молчаливо наслаждался своимъ успѣхомъ. Онъ видѣлъ себя уже мужемъ богатѣйшей наслѣдницы острова и владѣтелемъ ея огромнаго богатства. Въ это время между черными уже начинались возмущенія; колонисты нѣсколько разъ обнаруживала беспокойство, и многіе изъ болѣе дальновидныхъ утверждали, что Англичане измѣннически поддерживаютъ возстаніе. Правительство Капа просило помощи у своихъ соотечественниковъ, а также сдѣлало воззваніе и къ сосѣдственнымъ колоніямъ. Гваделупа прислала вѣхотный корпусъ подъ начальствомъ поручика Лефевра. Поручикъ Лефевръ былъ молодой офицеръ, подававшій большія надежды, и одно появленіе его, на нѣкоторое время, утишило бунтъ. Лефевръ привелъ съ собою изъ Гваделупы слугу, негра, привязанностію котораго онъ часто хвалился. Этотъ негръ, по имени Нентунъ, не оставлялъ господина нигдѣ, слѣдовалъ за нимъ даже во время сраженій. Между-тѣмъ возмущенія между черными продолжались. Безпрерывно появлялись лазутчики въ поселеніяхъ. Они раздавали деньги, водку, и сѣяли повсюду раздоры. По временамъ ловили этихъ искусныхъ агентовъ. Всѣ они были Англичане.

Подобнаго рода обстоятельства возбуждали подозрѣніе г-на Дювиэ. Онъ обратилъ вниманіе на своего управителя, и увидѣлъ, что имѣетъ въ домѣ вѣрщика. Безъ дальнихъ разсужденій онъ посадилъ его на корабль и высадилъ на одномъ изъ Антильскихъ острововъ. Извѣстіе объ удаленіи повѣреннаго возбуждало въ сердцѣ Флорентины печаль, смѣшанную съ досадою. Въ слезахъ призналась она, что человекъ этотъ былъ ей любовникъ и что подл своимъ сердцемъ она уже носитъ плодъ сеюва. Призваніе было сдѣлано безъ стыда и раскаянія. На упреки овекуца она отвѣчала молчаніемъ и чрезъ нѣсколько времени объявляла желаніе оставить домъ его.

Г-нъ Дювиэ, обвинуясь только одному чувству справедливости, позволялъ воспитанницѣ дѣлать все, что угодно.

Съ этой минуты для Флорентины началась новая жизнь. Бега

тая и свободная, следуя правиламъ своего низкаго наставника, она имѣла смѣлость въ семнадцать лѣтъ обнаруживать свои политическія мнѣнія. Домъ ея сдѣлался собраніемъ всѣхъ людей, ищущихъ приключеній, всегда столь многочисленныхъ въ колоніяхъ. Роскошною и даже развратною жизнію и своими мнѣніями она навлекла на себя общее презрѣніе.

Англичанинъ былъ скоро забытъ. Его же собственныя правила способствовали этому. Въ сердцѣ Флорентины онъ поселялъ два чувства: самолюбіе и страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ. Для другихъ не было мѣста.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Флорентина родила мальчика. Впрочемъ это обстоятельство нисколько не нарушило обыкновеннаго порядка ея жизни, хотя, нужно сказать правду, она чувствовала живѣйшую нѣжность къ маленькому Альфреду. Да и какъ было ей не любить его? Альфредъ былъ сынъ Англичанина, а развѣ только къ нему Анжелика питала чувство, похожее на любовь. Всѣ другія связи ея были не что иное, какъ минутное увлеченіе. Никогда не любила она такъ, какъ благородныя души понимаютъ это чувство въ истинномъ значеніи слова. Но за то сама Анжелика была любима, любима страстно и пламенно.

Генералъ Леклеркъ высадился въ Сент-Доминго съ французскими войсками. Первымъ дѣломъ его было провозвести поручика Лессера въ капитаны за его храбрость и рѣшительнаго распоряженія, удерживавшія гораль Канъ такъ долго въ совершенномъ спокойствіи. Желая показать себя достойнымъ этой награды, новый капитанъ удвоилъ свою ревность. Часто, сопровождаемый только Неутуномъ, онъ пускался въ обширныя плантаціи сахарнаго тростника и кофе, которыя окружали гораль Канъ; случалось даже, что, для узавія намѣреній черныхъ, онъ посѣщалъ горы. Сила негровъ была велика, а система войны столь же жестока, какъ и опасна. Нѣсколько разъ капитанъ Лессеръ, застигнутый въ засадѣ, спасалъ свою жизнь только неустрашимостію и беспримѣрною вѣрностію своего слуги. Последнему было около сорока лѣтъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, сложенъ кофрешо, и довольно красивъ для негра. Впрочемъ физіономія его рѣже отличалась отъ физіономій его собратьевъ; черты ея выражали откровенность, довѣренность и величайшую смелость; это послѣднее качество не шло ему однако быть усерднымъ слугою, которымъ онъ сдѣлался съ того времени, какъ капитанъ Лессеръ даровалъ ему свободу. Какимъ бы онъ былъ при-

звания капитана, онъ исполнялъ ихъ съ точностію автомата; противъ нея онъ считалъ безумствомъ, забыть же ихъ преступленіемъ. При всемъ томъ этотъ негръ всегда гордился своею свободою; онъ хорошо понималъ свое положеніе и утѣшался мыслію, что если захочетъ, то во всякое время можетъ сбросить съ себя оковы рабства; но онъ не рѣшался сбросить этого, потому что свобода повлекая бы за собою равлуку съ господиною, котораго онъ, можно сказать, боготворилъ. Впрочемъ нравственность Нептуна къ капитану была взаимна; Лесевръ не побоялся бы вскрыть своему слугѣ и душевную тайну и драгоценное сокровище. Между тѣмъ одна тайна существовала между нихъ в Вентуонѣ. Лесевръ любилъ Флорентину и посѣщалъ ее тайно каждый вечеръ. Съ перваго раза негръ хотѣлъ соучаствовать капитану на свиданіе, но тотъ приказалъ ему остаться дома и онъ долженъ былъ по неволѣ оставить свое намѣреніе. Нептунъ не походилъ на европейскія слугъ, которые иногда угождаютъ господы протѣвъ собственной своей воли. Воля капитана была для него закономъ, все, что только капитанъ приказывалъ сдѣлать, Нептунъ дѣлалъ, и, кажется, еслибъ капитанъ сказалъ ему «убей меня», то едвали бы длинный ножъ негра остался спокойно въ свѣжхъ ножнахъ.

Изъ всего города Капа, можетъ быть, только одинъ Лесевръ не зналъ настоящаго поведенія Флорентины. Онъ почиталъ ее честною и невидною; а она, для удовольствія своихъ милолетнихъ капризовъ, раскинула передъ нимъ сѣть оболыщевій и подъ декоромъ красоты скрыла истину.

Впрочемъ обмануть капитана было легко. Занятый исключительно то дѣлами службы, то своей любовью, онъ не видѣлъ ничего, кромѣ Флорентины, она же всегда, когда хотѣла, могла показаться образцомъ совершенства. Гласная женитьба между двумя любовниками была невозможна по двумъ причинамъ; во-первыхъ, Флорентина была еще несовершеннолѣтняя, во-вторыхъ, капитанъ, находясь въ столь крайнихъ обстоятельствахъ, не могъ испросить согласія начальниковъ, а потому любовники обвѣнчались тайно.

Не нужно говорить о томъ, что Флорентина скрыла отъ своего новаго мужа существованіе перваго сына. Когда она сдѣлалась вторично матерью, капитанъ почувствовалъ живѣйшую радость, и любовь его вспыхнула еще сильнѣе; Флорентина, напротивъ того, сдѣлалась грустною; капризъ ея кончился, она

вспомнила маленькаго Альфреда, который былъ вдалекѣ отъ нея, и потому начала питать отвращеніе къ счастливому отцу и совершенное хладнокровіе ко второму сыну.

Это происходило въ то самое время, какъ междоусобная война свирѣпствовала по всему острову. Взбунтовавшіеся негры начинали одерживать верхъ. Въ Капъ царствовала анархія. Кроме свидѣтельства о законномъ рожденіи и акта, подписаннаго священникомъ, совершившимъ брачный обрядъ, капитанъ ничего болѣе не могъ выхлопотать для сына. Тѣже самые свидѣтели, которые присутствовали при свадьбѣ, подписали и этотъ актъ.

Первымъ свидѣтелемъ былъ слуга Флорентины, вторымъ же мулатъ по имени Жонкиль, котораго, чтобъ доставить ему право подписаться на актъ, отпустили на волю.

Капитанъ взялъ копию съ акта, ребенка же отдалъ кормилицѣ, жившей внѣ города въ безопасномъ мѣстѣ.

Нѣсколько дней спустя, капитанъ, будучи въ походѣ, получилъ черезъ нарочнаго слѣдующее письмо отъ жены своей:

«Милостивый государь!

«Я думала, что любила васъ; но я ошибалась. Мы болѣе не увидимся.—Я забыла сказать вамъ прежде, что имѣла еще сына (не вашего, а моего), котораго я очень люблю, потому что отецъ его есть единственный человекъ въ мірѣ, обожаемый мною! Дитя это я увожу съ собой; вашего же сына оставляю вамъ. Актъ о нашей женитьбѣ пусть будетъ при мнѣ; можетъ быть, онъ когда нибудь пригодится моему сыну. Что же касается до вашего дитяти, то, кажется, оно имѣетъ хорошую опору въ отцѣ. Не ищите случая отыскать меня, и хочу разлуки, и воля моя непреклонна. Прощайте.

«Флорентина-Анжелика».

Капитанъ думалъ, что видитъ сонъ; нѣсколько разъ перечитывалъ онъ записку и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Это холодное письмо сводило его съ ума, тѣмъ болѣе, что къ женѣ своей онъ питалъ до сихъ поръ уваженіе и страстную любовь. Сначала онъ хотѣлъ оставить все и бѣжать за Флорентиной, чтобы отплатить ей; нетомъ презрѣніе заступило мѣсто гнѣва, и наконецъ родилось отчаяніе. Съ этого мгновенія жизнь его какъ

будто прекратилась; потому-что все счастье капитанъ полагалъ въ своей женѣ. Время, проведенное съ нею вмѣстѣ, онъ считалъ своимъ, колѣнымъ упоеніемъ; ему даже пришла-было мысль убить себя, но онъ вспомнилъ въ это время о сынѣ, и остался жить для него.

Но судьба не такъ судила; пуля взбунтовавшагося негра, зашла въ самоубійство. Три или четыре дня послѣ полученія роковаго письма, отрядъ капитана былъ окруженъ бунтовщиками на берегу *Большой-Рѣки*. Онъ, по обыкновенію, сражался храбро, но въ то самое время, какъ пораженные негры спасались бѣгствомъ, пуля поразила капитана въ грудь и онъ упалъ замертво на руки своего вѣрнаго слуги.

Послѣдняя мысль его была о сынѣ, бѣдномъ сиротѣ, который остался безъ поддержки.

Въ слѣдующей главѣ, мы расскажемъ объ этомъ подробнѣе, теперь же обратится къ женѣ капитана.

Что касается до Флорентины-Анжелики Лесевръ, то она, нависавъ записку, которую мы отдали на судъ читателейъ, собрала свои брилліанты, запаслась достаточною суммою денегъ и, достигнувъ до Антильскихъ острововъ, отправилась оттуда въ Лондонъ. Тамъ уже по газетамъ узнала она о смерти своего мужа, и эта вѣсть вызвала только улыбку на ея розовыхъ губкахъ. Она теперь слѣдилась свободною, свободною совершенно, да кромѣ того еще и сынъ ея вмѣстѣ честное имя, потому что она была вдовою капитана Лесевра и матерью его сына.

Слусть нѣсколько времени, до нея дошла другая вѣсть, но уже гораздо менѣе приятная. Мы говоримъ здѣсь о триумфѣ негровъ въ Сентъ-Доминго и объ изгнаніи Французовъ. Флорентина-Анжелика была разорена совершенно.

Но не смотря на это, она еще могла блистать молодостию и красотою, и кромѣ того остатокъ прежняго богатства позволялъ ей пока жить богато. Двѣ или три дюжины джентльменовъ были уже прикованы къ ея колесницѣ.

Но наконецъ эта блестящая жизнь заставила ее опасаться за свое богатство, и Флорентина успѣшила отдать свою руку одному молодому лорду, котораго весь Лондонъ почиталъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Между тѣмъ молодой Альфредъ слѣдался уже взрослымъ мальчикомъ, который довольно хорошо разыгрывалъ роль милого лорда подлѣ своей матери. Онъ ничего не зналъ и не хотѣлъ

знать, что подавало надежды, впоследствии видѣть его хорошииъ деняи.

Мудать Жоикиль послѣдоваль за своею госпожею, и будучи вдвойнѣ свободенъ, на чужой сторонѣ, задумаль дѣло, которое снова подвергло его рабству. Въ награду за это оиъ могъ впрочемъ выдавать себя передъ всѣми за Хуана Каррала, Андалузца.

Вотъ какъ прошла для Флорентины-Анжелики и для окружавшихъ ее послѣднiе годы французской революцiи.

Анжелика была образцомъ моды для всей Англiи. Лордъ Корнбури, владѣтель половины графства Норфолькъ, отдалъ всѣ свои замки за улыбку прекрасной креолки. Оиъ любилъ ее такъ сильно, что за всякимъ обѣдомъ съѣдалъ не менѣе трехъ фунтовъ ростбифа. Впрочемъ Анжелика недолго была за мужемъ; почтенный супругъ ея вскорѣ отпавился въ жилище предковъ, и оставилъ ее опять вдовою. Не хотимъ утверждать, чтобъ смерть мужа печальла ее, однакожъ скажемъ, что она со слезами отказалась отъ всего богатства своего покойнаго мужа, которое перешло въ руки къ новому лорду Корнбури, родственнику покойника въ двадцать-четвертомъ колѣнѣ. Флорентина проклинала всѣ англiйскiе законы касательно наслѣдства, и дала клятву никогда не выходить за мужъ за члена этой негостеприимной нацiи.

Въ 1806 году она сдержала свое слово. Въ это время хотя ей было уже болѣе тридцати лѣтъ, но она не измѣнилась нисколько и была по-прежнему обворожительна и прекрасна. Множество искателей ея руки увидали около нея и дѣлали всевозможныя сумасбродства, для того, чтобъ только обратить на себя вниманiе креолки.

Флорентина оставалась непреклонною, но только потому, что имѣла свой планъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, поселился въ Лондонѣ французскiй эмигрантъ: дворянинъ этотъ, не смотря на неудачи, претерпѣнныя имъ во время революцiи, имѣлъ еще богатство, весьма достаточное для Француза. Эмигрантъ назывался маркизомъ Румбри, былъ вдовецъ и имѣлъ дочь семнадцати лѣтъ. Въ этому времени Альфреду де-Лефевру исполнилось четырнадцать лѣтъ, и Флорентина разсчитала, что дѣвица Румбри будетъ для него прекрасною партiею. Успѣхъ предпрiятiя основывалась она на своей ловкости, красотѣ молодого Альфреда Лефевра, и вѣннѣи, какое она можетъ имѣть на маркиза.

Г. Румбри, пораженный прелестью креоли, долженъ былъ, безъ сомнѣнiя, замѣтить ея расположенiе къ нему. Съ другой стороны, опытность уже не разъ наказала прекратной вдовѣ, что ни одинъ человекъ не можетъ устоять протавъ ея обольщенiй. Но кто можетъ отвѣчать за будущее. Сперва, казалось, все шло сообразно съ желанiемъ Флорентины Г. Румбри, будучи вдовцомъ и скучая о потерѣ милой и добродѣтельной сестры своей, призналъ креолку достойною замѣнить ея мѣсто. Онъ предлагалъ ей свое сердце и въ замѣнъ получилъ ея руку. Въ первые мѣсяцы поведенiе Анжелики было безупречнымъ: она превосходно разыгрывала роль матери семейства, и даже хотѣла взять на себя трудъ воспитывать молодую Елену. Маркиза была счастлива и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе радовалась своему блаженству.

Но скоро черное облако смутило его спокойствiе. Г. Румбри узналъ объ обманѣ, ибо Флорентина, всегда оставаясь въ душѣ тою же воспитанницею Англичанина, не могла долго носить маску. Однакожъ послѣ первой ошибки она притворилась раскаивающеюся. Анжелика очень хорошо понимала, что отъ благорасположенiя маркиза зависитъ будущее ея сына. Г. Румбри простилъ ее, но только наружно, потому что онъ былъ раненъ въ сердце, и гордость дворянина не позволяла ему быть спокойнымъ. Маркиза совершенно поверила этому притворству и сочла мужа за человека, котораго, огорчивши, можно утѣшить потомъ одною только улыбкою. Но она ошиблась, и вскорѣ увидѣла, что Г. Румбри остался для нея только строгимъ судьбою, а не истиннымъ мужемъ, потому что онъ не любилъ ее уже болѣе.

Креолка горько сожалѣла, что изъ-за пустыхъ капризовъ она повредила своему плану, но поправлять было уже поздно. Всѣ ухищренiя противъ Елены тою же привели никакой пользы, потому что, прицѣпъ Исавы, тутъ были еще двѣ восторженнiя причины: во-первыхъ, молодая дѣвушка чувствовала къ матери какое-то внутреннее отвращенiе, во-вторыхъ же, самъ отецъ, послѣ неприятнаго происшествiя, сѣмился непреодолимою преградой между женою и дочерью. Онъ не желалъ тѣсной связи между ними, потому что по опыту зналъ, какъ заразительны худыя примѣры. Къ Еленѣ была опредѣлена настриссъ Блютеръ.

Но смотря однакожъ на эти препятствiя, маркиза не отказалась отъ своего намѣренiя. Возвращенiе семейства Румбри во

Францію не дало ей новых надежд. Можетъ быть, думала она: вдалекѣ отъ театра непріятностей, маркизъ забудетъ прошедшее; но она опять ошиблась, маркизъ ничего не забылъ, хотя не довѣрялъ никому своей горести.

Большая часть того, что мы здѣсь рассказали о креолѣ, не было извѣстно негру, который зналъ только слѣдующее: поперыхъ, что жена капитана Лефевра называлась Флорентина-Анжелика, что она покинула своего мужа и, что наконецъ была матерью Ксавье. Остальное же все было скрыто отъ него весть впрочемъ неувѣстности. Онъ даже не видалъ никогда креола, что не представляло большаго затрудненія, еслибъ онъ хотя одинъ разъ не послушался капитана и отправлялся съ нѣмъ на любовное свиданіе. Но негръ былъ, какъ мы сказали, болѣе, нежели вѣрный слуга.

X.

Конецъ исторіи негра.

«Мы расположились на берегу Большой-Рѣки; противъ насъ была станъ нашихъ непріятелей. Бѣлыхъ было пятьсотъ, между тѣмъ какъ число черныхъ доходило до 10,000. Добрый господинъ мой началъ сраженіе, кровавое сраженіе, потому что мои братья дрались съ ожесточеніемъ.... Начиная съ утра и до захода солнца, держались они на полѣ битвы, усталыи трупами, съ остервененіемъ бросались на солдатъ, вырываютъ имъ ружья и задушали ихъ въ своихъ мощныхъ рукахъ. Честе стѣснвали они ряды Французовъ, которыхъ габель казалась уже невозможною; повалился мой господинъ, и снова поѣда склеивалась на нашу сторону: мои братья были совершенно разбиты и бѣжали, какъ бы пораженные рукою самого божества, которое въ ихъ воображеніи олицетворяется въ самыхъ грозныхъ и гигантскихъ формахъ. Трупы ихъ покрывали берега рѣки. Оставшіеся въ живыхъ, кидались впасть или скрывались между мананами. Сраженіе было кончено, и добрый господинъ приказалъ не преслѣдовать бѣгущихъ. Но въ ту минуту, когда онъ отдавалъ этотъ приказъ, раздался выстрѣлъ, и бѣдный господинъ, пораженный дулюю въ грудь, уналь»

Иниций остановился на минуту, какъ бы подавленный этимъ горестнымъ воспоминаніемъ. Ксавье же, съ своей стороны, не вымолвилъ ни слова и только съ жадностью прислушивался къ разсказу старика.

«Я вырвалъ саблю изъ рукъ близъ стоявшаго солдата, снова началъ негръ: и бросился въ ту сторону, откуда послышался выстрѣлъ; одною мыслию моею было отмстить за господина. Когда я возвратился, сабля была замарана кровью, и эта кровь была одного изъ монаховъ братьевъ. Захвативъ меня, добрый господинъ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобъ всѣ удалились. Когда же присутствующіе при этой сценѣ колебались исполнить это послѣднее желаніе, онъ прибавилъ:

— Моя рана смертельна, это я чувствую. Оставьте меня одного съ Нентуномъ, мнѣ нужно поговорить съ нимъ.

Я подошелъ къ нему.

— Нентунъ, сказали онъ уже ослабѣвшимъ голосомъ: я забираю тебя моего сына, будь его отцомъ.... Найди мать его, слышишь ли, это послѣдняя моя воля? Если она не захочетъ принять его, то, по крайней мѣрѣ, пусть укажетъ ему часть своихъ огромныхъ богатствъ, и вручи ей наследника моего имени.... Но исполнишь ли ты мое приказаніе?

— Исполню, господинъ, отыскаю я.

— Ты посвятишь всю жизнь свою ребенку?

— Посвящу, господинъ.

— И отыщешь мать его?

— Да, но только какъ ея имя?

Онъ хотѣлъ говорить, но силы оставили его. Онъ успѣлъ только сказать, гдѣ мнѣ найти васъ; что же касается до имени вашей матери, то вмѣсто отвѣта, добрый господинъ подалъ мнѣ бумагу, которая хранилась у него на груди. Потомъ онъ умеръ.»

Негръ отперъ ящикъ и вынулъ оттуда бумагу.

— Вотъ что онъ далъ мнѣ, продолжалъ иниций: это свидѣтельство о нашемъ рожденіи.

Ксавье въ порывѣ любопытства, которое превозмогло печаль, схватилъ драгоценную бумагу.

— Это свидѣтельство о моемъ рожденіи! вскричалъ онъ: и ты, мой другъ, не знаешь имени моей матери?

Иниций вмѣсто отвѣта развернулъ бумагу, по серединѣ которой былъ вырванъ клочекъ, величиною не болѣе монеты въ двадцать франковъ.

— Добрый господинъ, сказалъ онъ: послалъ этотъ актъ все-

гдѣ на груди, и пуля, убившая его, прорвала завѣсть съ тѣмъ и бунату, и такимъ образомъ изгладила фамилию вашей матери:

Ксавье съ живостию началъ читать это драгоценное свидѣтельство, и что же? пуля, пощадивъ слова Фиорентина-Джамалла, уничтожила самое необходимое слово.

Ксавье разсматривалъ бунату со всѣхъ сторонъ, но все было върасно.

— Ничего! сказалъ онъ наконецъ: никакого слѣда фамилии, но что же дѣлать, если судьба того хочетъ... Я охотно откажусь отъ богатства моей матери!

— А воля вашего отца? вскричала нищій шѣтъ! молодой господинъ, его приказанія должны быть свято исполнены.... его воля для меня законъ....

Говоря это, нищій поднялся на ноги. Глаза его блистали, во всѣхъ движеніяхъ царствовала непоколебимая рѣшимость.

Ксавье съ удивленіемъ смотрѣлъ на этого человѣка, котораго преданность, можно сказать, была безпредѣльна. Чтобы не огорчить его, Ксавье рѣшился хотя притворно согласиться съ нимъ.

— Мы будемъ завѣсть искать ее, если хотите, сказалъ онъ: но едва ли можетъ быть успѣхъ послѣ двадцати-двухъ лѣтъ неудачъ.

— Не нужно отчаиваться, отвѣчалъ нищій: я сказалъ ему: я найду ее, и клянусь или исполнить это обещаніе, или умереть. Тотчасъ послѣ смерти добраго господина, я началъ свои поиски. Бѣлыя между тѣмъ были разбиты почти вслѣдъ и дѣланы были удалены изъ Сень-Доминго.

«Это составляло для меня большое несчастіе, потому что въ острѣвѣ, весьма непитно, кораблю легче нежели было сыскать и шу мать, чѣмъ въ цѣлой Европѣ. Едва успѣлъ завязать я вѣсь, какъ тотчасъ же отправился во Францію. Мнѣ говорило какое-то предчувствіе, что она должна была поселиться здѣсь. Въ продолженіе двухъ лѣтъ жилъ въ маленькой суммо, которую я успѣлъ взять въ жилищѣ вашего отца. Въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ, я искалъ неутомимо вашу мать. Каждое утро отправлялся я на поиски, не разъ обѣгалъ весь Парижъ, — но все напрасно.

«Не зная премней ея фамиліи, я искалъ ее подъ именемъ госпожи Лосевръ; но никто изъ имѣющихъ эту фамилію не удостоивалъ меня ожиданій. Хотя я никогда не видалъ и

шей матери; однакожь по нѣкоторымъ словамъ моего добраго господина, составилъ себѣ ея портретъ, который, могу поспорить, долженъ быть совершенно сходенъ съ подлинникомъ. Я въ этомъ увѣренъ.

«Къ вечеру я возвращался въ наше бѣдное жилище и проводилъ время съ вами, молодой господинъ; укачивая васъ въ колыбели, я напѣвалъ свои народныя пѣсни. Но наконецъ деньги вашего отца вышли, и наступила бѣдность. Должно было трудиться, чтобъ прокормить какъ нибудь себя. Я началъ работать, но мои первые опыты не удавались, тѣмъ болѣе, что я отвыкъ отъ всего, что только не носило на себѣ печать войны и разрушенія.... Наконецъ, скажу короче, я рѣшился просить милостыни, и поступить въ категорію тѣхъ жалкихъ существъ, которыхъ называютъ нищими. Въ первый разъ, какъ я протанулъ руку для принятія подавнн, сердце мое сжалось и я хотѣлъ бѣжать.... но я тотчасъ же вспомнилъ о васъ, о добромъ господинѣ, который умеръ, надѣясь на меня и не проклятая судьбы, и отвращеніе исчезло, я почувствовалъ силы къ исполненію предпринятаго подвига. Сперва мнѣ подавали мало, но потомъ я, какъ говорятъ, вошелъ въ моду и остался единственнымъ владѣтелемъ паперти сенъ-жерменской церкви. Между тѣмъ вы подрастали. Когда вамъ минуло пять лѣтъ, я отдалъ васъ въ чужія руки. Это сдѣлано было мною съ намѣреніемъ: я зналъ, что вы пойдете въ отца и будете имѣть его сердце. Предлагать открыто благодареніе значило оскорблять васъ, и я рѣшился въ тайнѣ слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ, не будучи самъ замѣченъ. Когда вамъ минуло 12 лѣтъ, васъ отдали въ коллегію. Помните ли, молодой господинъ, того человека, который однажды пришелъ въ домъ къ женщинѣ, которую вы называли своею матерью, и подкравшись къ вашей постели, поцѣловалъ васъ въ лобъ?»

— Это были вы! прервалъ Ксавье въ душевномъ волненіи, пожимая руку негра.

— Да, это былъ я.... нѣсколько позже, скрывшись вонзадн какого нибудь кустарника, я наблюдалъ за дѣтскими вашими играми, въ саду коллегіи.... Я тогда безотлучно былъ при васъ.... Еще нѣсколько позже, когда вы вышли изъ коллегіи, мнѣ удалось маленькою хитростью заставить васъ поселиться въ домъ, подлѣ церкви Сенъ-Жерменъ-де-Пре. Я могъ видѣть васъ такимъ образомъ каждый день, даже каждый часъ, слѣ-

дуть и догадываться о ваших радостях или печалахъ, даже о самой любви....

— Какъ! вскричалъ Ксавье: вы знаете ее?

— Она достойна васъ! отвѣчалъ съ улыбкою иищій. Я самъ люблю ее, потому что она неравнодушна къ вамъ.... Быть можетъ, судьба доставитъ вамъ счастье, которое не было суждено вашему отцу!...

Ксавье вздохнулъ глубоко.

— Но почему вы не объявляли мнѣ имени моего отца? сказалъ онъ послѣ минуты молчанія: перемѣняя съ намѣреніемъ разговоръ.

— Ваша мать бросила васъ, отвѣчалъ иищій: значить она была побуждена къ этому особенными причинами. Еслибъ ей удалось найти васъ въ Парижѣ, она, вѣроятно, оставила бы этотъ городъ.... Не лучше ли было до времени скрывать тайну?... Но теперь, все къ лучшему, я открылъ...

— Чтѣ вы открыли, мой благодѣтель? спросилъ живо Ксавье.

— Определительнѣе сказать, я попалъ на слѣдъ, мой молодой господинъ.

Тутъ иищій снялъ съ груди уже извѣстный намъ платокъ, и подалъ его Ксавье.

— Ф и А, вскричалъ онъ, указывая на мѣтку платка.

— Ф и А, бессознательно повторилъ молодой человѣкъ.

— Флорентина-Анжелика, продолжалъ негръ.

— Увы, мой добрый Нептунъ, можетъ быть, болѣе сорока тысячъ платковъ въ Парижѣ съ подобными мѣтками.

— Но та, которой принадлежитъ этотъ, походить на васъ.

— Она походить на меня?... вы ее знаете?... Гдѣ живетъ она?...

Эти вопросы быстро слѣдовали одинъ за другимъ.

— Мнѣ ничего этого неизвѣстно, отвѣчалъ чернѣйшій иищій, съ горькою улыбкою.

— Въ такомъ случаѣ, мой добрый другъ.... началъ Ксавье.

— Но я ее видѣлъ, вскричалъ негръ съ воодушевленіемъ: и узнаю ее между тысячами!... Да, я найду ее, молодой господинъ, найду во чтѣ бы то ни стало.

Между тѣмъ какъ эта сцена происходила въ мансарѣ Нептуна, Карраль былъ у маркизы въ ея будуарѣ.

Маркиза Румбри, по обыкновенію, въ граціозномъ положеніи

сидѣла на софѣ. Она была въ этотъ разъ нѣсколько встревожена. Пералъ всю стодать Каррала.

— Ты его видѣла? сказала она вдругъ посмотрѣвъ на мулата.

— Собственными глазами, отвѣчалъ Каррала. Все шло какъ нельзя лучше. Я исполнялъ ваши приказанія, комиссаръ же исполнилъ свое дѣло, и къ довершенію всего случай помогъ нашимъ предназначеніямъ.... И что же, все намѣнилось!... Ожидая счастливой развязки, я ходилъ около дома королевскаго прокурора.... Вдругъ вижу, отворяется дверь и на порогъ является онъ, вмѣстѣ съ чернымъ нищимъ, который обыкновенно располагается подъ нашими окнами....

— Съ чернымъ нищимъ! повторила маркиза.

— Да, съ этимъ негромъ....

— Но какое отношеніе между ними?

— Одна пренеподня это знаетъ!... Такимъ образомъ, маркиза, молодой человекъ свободенъ и вырвался рѣшительно изъ нашихъ рукъ!..

— Ты или не ловокъ, Жювиль, или измѣнникъ! вскричала маркиза.

Мулатъ не отвѣчалъ ничего и только закусилъ губу.

XI.

Приглашеніе.

— Мои намѣренія должны быть исполнены, прошептала въ палатоса маркиза; потомъ она прибавила громко, обращаясь къ Карралу:

— Я слышала, что вы владѣете шпагою какъ Сенъ-Жоржъ?

— Ужи пятнадцать лѣтъ, какъ я изучаю тайны фехтовальнаго искусства.

— Прекрасно!... но я также слышала, что вы отлично стрѣляете изъ пистолета.

— Я дѣлаю мушку въ тридцати шагахъ, маркиза.

— Но что значитъ это техническое выраженіе, г. Каррала?...

— Оно значитъ, отвѣчалъ мулатъ, что я могу, на разстояніи 30 шаговъ, одну пулю сдѣлать другою.

— О! вы, просто, страшный человекъ.

Говоря это, маркиза поднималась немного и какимъ то особеннымъ образомъ посмотрѣла на Каррала. Въ ея взглядѣ выразились вопросъ и смутное желаніе чего-то, что, казалось, было извѣстно мулату. Карраль, въ свою очередь, задумался на минуту. Въ его глазахъ блеснула ненависть, страшная ненависть, но это не надолго; черезъ минуту лицо его выражало самую глубокую преданность и повиновеніе.

— Вы хотите убить кого нибудь? сказалъ онъ.

Маркиза вздрогнула при этомъ жестокомъ вопросѣ; но вмѣсто того, чтобъ уклониться отъ него, она взяла руку мулата.

— Еслибъ вы сдѣлали это, прощентала она: я васъ оставила бы навсегда въ покоѣ!...

— Еслибъ я сдѣлалъ.... что? спросилъ Карраль, притворяясь ничего не понимающимъ.

— Я хочу, чтобъ Альфредъ женился на Еленѣ Румбри, сказала маркиза съ нетерпѣніемъ: и между тѣмъ молодой человѣкъ мѣшаетъ намъ....

— Ваша правда, подтвердилъ хладнокровно мулатъ.

— Вы умѣете владѣть шпагою и пистолетомъ, продолжала маркиза: дуэль...

— Понимаю! сказалъ Карраль.

— Наконецъ-то!...

— Но я никогда не рѣшусь на подобное дѣло.

— О подлое невольничье сердце! вскричала презрительно креолка.

Карраль какъ бы не слышалъ этой новой обиды и продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Можно умертвить человѣка безъ всякой дуэли... зачѣмъ думать о средствахъ, если результатъ будетъ одинъ и тотъ же?

Маркиза опустила голову и, казалось, не рѣшалась отвѣчать на рѣзкій выводъ мулата. Между тѣмъ Карраль посматривалъ на нее съ насмѣшливой улыбкой. Еслибъ она увидала эту улыбку, то отбросила бы всѣ сомнѣнія и съ радостію ухватилась бы за предложеніе своего невольника.

— Но онъ такъ молодъ! сказала наконецъ маркиза: нѣтъ ли другаго средства заставить его сойти съ нашей дороги.

— Можно поискать и найти, если только подумать немного.

— Но по крайней мѣрѣ, этимъ средствомъ за одинъ разъ кончатся всѣ наши недоумѣнія!

— За одинъ разъ, или лучше связать, однимъ ударомъ, маркиза.

Ледяное хладнокровіе мулата въ эту минуту было столь необыкновенно, что креолка посматривала на него съ недоувѣрчивостію, даже съ боязнію. Впрочемъ, лицо Каррала не выражало ничего особеннаго; на немъ были видны то же слѣпое повиновеніе и та же безграничная преданность.

— Но какимъ же образомъ исполнить нашъ планъ? сказала маркиза, подвигаясь ближе къ своему сообщнику.

— Вы рѣшились.

— Но... да... я рѣшилась....

— Такъ выслушайте меня.

Мулатъ съѣлъ подлѣ своей госпожи съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

Одна мысль о преступленіи уже ставила ихъ въ одинъ уровеньъ.

— Завтра, началъ Карралъ, вы отправляетесь въ замокъ Румбри. Маркизъ при мнѣ пригласилъ туда Ксавье. Впрочемъ, и вы можете повторить приглашеніе и написать нѣсколько строкъ къ молодому человѣку....

— Нѣтъ!... нѣтъ! вскричала съ живостью маркиза: это значитъ выдать себя!...

— Вы правы; за чѣмъ донепрасну компрометировать себя!... Я лучше напишу самъ... только предупредите маркиза Румбри, что вы меня пригласили къ себѣ въ деревню

— Извольте.

— Объ остальномъ мы разсудимъ впоследствии. Завтра, добрая госпожа, мы увидимся въ замкѣ Румбри, гдѣ должна разыгратъ наша драма или, пожалуй, трагедія.

Мулатъ вышелъ. На улицѣ онъ засмѣялся, какъ безумный, такъ, что проходящіе обращали на него вниманіе.

— Я убью его, подумалъ Карралъ: но съ этихъ поръ не я, а она будетъ моимъ невольникомъ!... Тогда-то я отищу за себя!...

Онъ зашелъ въ кофейную, быстро написалъ нѣсколько строкъ, и тотчасъ отправилъ записку на почту, адресуя письмо къ г. Ксавье.

Молодой человѣкъ, возвратившись домой, весьма удивился, что до сихъ поръ Карралъ не явился еще на общую квартиру. Нищій не разсказалъ Ксавье о таинственномъ письмѣ къ полв-

цейскому комиссару, и потому молодой человек не могъ какимъ образомъ въ чемъ либо подозрѣвать своего друга. Черный нищій былъ неразлученъ съ сыномъ своего господина и первый подалъ ему письмо отъ Каррала, о содержаніи котораго читатели, вѣрно, догадываются.

Прочитавъ его раза два или три, Ксавье прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Я увижу ее, шепталъ онъ: буду видѣть съ нею и могу рассказать о томъ, что случилось со мною вчера и сегодня.... О, да! я вѣду.... глупо было бы съ моей стороны пренебрегать такимъ случаемъ.

— Нептунъ, прибавилъ Ксавье, обращаясь къ негру: я долженъ оставить тебя, мой добрый другъ, на нѣсколько дней?

— Меня оставитъ! вскричалъ нищій: что это значитъ?

— Я отправляюсь въ деревню.

— А я слѣдую за вами.

— Это невозможно, Нептунъ.

Негръ опустилъ голову и, казалось о чемъ-то размышлялъ.

— Онъ мнѣ поручилъ бодрствовать надъ вами, сказалъ наконецъ Нептунъ медленно, но твердымъ голосомъ: и я исполню его приказаніе. Потому, какъ бы воодушевленный новою мыслию, онъ прибавилъ:

— У васъ есть непріятель, молодой человекъ!

Уже въ третій разъ, въ продолженіе двухъ дней, Ксавье получалъ такіа предостереженія.

— Вы знаете его? спросилъ онъ.

— Я знаю и уже поклялся прахомъ добраго господина, убить его при первомъ случаѣ.

— Убить! вскричалъ Ксавье, треща всѣмъ тѣломъ: подумайте, что вы сказали!

— Никогда не забываютъ подобныхъ клятвъ! возразилъ нищій съ дикою энергіею.

Потомъ смлчавъ внезапно голосъ, онъ прибавилъ:

— Позвольте мнѣ слѣдовать за вами, молодой господинъ; я знаю свою дорогу.... Кстати, я забылъ вамъ сказать: при-
бытіе полиціи въ картежнѣй домъ не было дѣломъ случая. Не знаю, какаа цѣль у вашего непріятеля, но только вы были замечены въ западню...

Тутъ нищій рассказалъ о всемъ, что касалось письма, посланнаго жулатомъ съ Оверпцемъ.

— Вы уверены, что это сделал Карраль? спросил Ксавье съ решительностію:

— Уверенъ, какъ нельзя болѣе.

Ксавье не могъ отвѣчать нѣсколько времени, такъ велико было его удивленіе.

— Карраль! сказалъ онъ наконецъ: но это невозможно!... За что онъ станетъ вредить мнѣ?

— Я самъ не знаю причины.... но повторяю вамъ, я убѣжденъ, что онъ врагъ вамъ....

— Это письмо отъ Карраля.... продолжалъ Ксавье, показывая на записку, которую держалъ еще въ рукахъ.

— О не ѣздите!... не ѣздите, вскричалъ Нептунъ: умоляю васъ, исполните мою просьбу!... Молодой человѣкъ задумался на минуту.

— Нѣтъ! я ѣду, отвѣчалъ онъ рѣшительно: она будетъ тамъ.

Нептунъ печально опустил голову.

— Мой голосъ весьма слабъ, чтобъ сражаться съ любовію, прошепталъ негръ: но какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что опять вамъ готовится несчастіе.... во всякомъ случаѣ, я послѣдую за вами, не противьтесь мнѣ.... я знаю, что есть мѣста, гдѣ бѣдный негръ не имѣетъ права прогуливаться, я знаю, что мое присутствіе тамъ было бы тягостно для васъ.... но я скроюсь, и никто, даже вы не увидите меня, до тѣхъ поръ, пока...

Негръ окончилъ свою рѣчь ужасающимъ жестомъ.

— Куда поѣдете вы? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Въ замокъ Румбри, близъ города Мѣлана, въ департаментъ Эры.

— Но, молодой господинъ, ваши деньги пропали; а для поѣздки нужно имѣть ихъ.

Черный нищій положилъ нѣсколько дундоровъ на столъ. Лицо Ксавье подернулось легкою краскою.

— Не краситѣте, сказалъ тихо Нептунъ: добрый господинъ далъ мнѣ болѣе, онъ даровалъ мнѣ свободу.... Теперь я только умлачиваю свой долгъ.

Сказавъ это, негръ подошелъ къ двери, но на порогѣ остановился и быстро спросилъ:

— Въ которомъ часу отправляетесь вы завтра?

— Не могу сказать опредѣлительно, но думаю, что послѣ полу-
дн..

— Хорошо!... до свиданія, молодой господинъ... прежде чѣмъ отправлюсь за вами, я посвящу нѣсколько часовъ на отысканіе вашей матери.

ХII.

Погоня.

На другой день рано утромъ, Нептувъ, опираясь на свою палку, уже нѣсколько разъ обѣгалъ почти весь Парижъ. Ни одинъ домъ, ни одна женщина, хотя скольконибудь похожая на воображаемый портретъ креолки, не укрылась отъ его наблюдений. Но въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, ни разу счастье не улыбнулось ему. Въ этотъ же день негръ чувствовалъ какую-то неопредѣленную надежду. Теперь у него были три путеводителя: платокъ, поднятый подъ балкономъ Ксавье, съ иѣтками Ф и А; рисовавшійся въ умѣ портретъ дамы, посѣтившей домъ подлѣ сентъ-жерменской церкви, и, наконецъ, негръ успѣлъ замѣтить карету, въ которой пріѣзжала неизвѣстная дама, столь походившая лицомъ на молодаго челоуѣка.

Первоначально негръ отправился въ Сентъ-Жерменское предместье, гдѣ скорѣе всего можно было бы отыскать карету съ гербами. Нищій болѣе надѣлся на коляску, чѣмъ на даму, потому что въ то время, когда послѣдняя могла предаваться покою и не выходить изъ своего будуара, первая постоянно оставалась на дворѣ, или въ одномъ изъ сараевъ; а проникнуть туда не представлялось большаго затрудненія. Какъ мы увидимъ, надежды его не были обмануты на этотъ разъ.

Проходя въ понапрасну три или четыре часа по дворамъ, или, по крайней мѣрѣ, вокругъ ихъ, нищій подошелъ къ одному дому посреди Гренельской улицы, который гордо возвышался надъ окружавшими его зданіями. Главныя ворота были открыты. Нищій приблизился къ нимъ и, бросивъ взглядъ, онъ увидѣлъ сперва почтовую карету, которая красовалась посреди двора; подлѣ нея ходилъ взадъ и впередъ молодой челоуѣкъ въ дорожномъ платьѣ, походившій нѣсколько на Англичанина, какъ медленной и флегматической походкой, такъ, и вообще всѣми приемами. Эта карета нисколько не походила на ту, которая

представлялась воображенію чернаго нищаго. Онъ хотѣлъ было уже идти далѣе, какъ вдругъ молодой человекъ сдѣлалъ знакъ; дорожный экипажъ двинулся въ сторону, и открылъ за собою небольшую хорошенькую карету. При видѣ ея нищій вскрикнулъ отъ радости.

— Это та самая! прошепталъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія.

Черезъ нѣсколько секундъ, нищій смѣло подошелъ къ молодому человеку, въ которомъ читатели, вѣроятно, узнали Альфреда Дефевра де-Валле.

Въ дорожномъ костюмѣ Альфредъ казался гораздо лучше, чѣмъ во вчерашнемъ изысканномъ платьѣ.

— Честное слово! вскричалъ онъ, поглядывая въ лорнетку на Нептуна: я никогда не видывалъ такихъ негровъ съ сѣдою борою... право, это очень смѣшно!...

Негръ между тѣмъ подошелъ къ молодому человеку. Этотъ послѣдній опустилъ лорнетку и вскричалъ:

— Джонъ!

На этотъ призывъ, тотчасъ явился низкій Нормандецъ, которому Дефевръ присвоилъ обязанность грума.

— Возьми твой бичъ, продолжалъ Альфредъ съ чисто-британскимъ хладнокровіемъ. И онъ окончилъ свою рѣчь выразительнымъ жестомъ, который былъ тотчасъ понятъ Нептуномъ, схватившимся, крѣпче за свою палку. Впрочемъ ему не пришлось употребить въ дѣло это оборонительное оружіе. Альфредъ, не смотря на свои странности, имѣлъ доброе сердце и хотѣлъ только пошутить надъ бѣднымъ нищимъ.

— Негръ, сказалъ онъ, смѣясь: еслибъ Джонъ былъ моложе тебя только нѣсколькими годами, напримѣръ двумя или тремя, то я заставилъ бы его подражать съ тобою... Что тебѣ нужно? Развѣ входятъ такимъ образомъ въ домъ маркиза Румбри.

— Румбри! повторилъ негръ съ удивленіемъ.

— Если хочешь просить милости, прервалъ Дефевръ: ты можешь стать у воротъ... но не думай никогда заглядывать во дворъ... что жъ ты медлишь, убирайся прочь!

Нептунъ не отвѣчалъ ни слова, но тотчасъ вынулъ пакетъ и подалъ его молодому человеку.

— Что это такое! вскричалъ Альфредъ, развертывая бумагу: честное слово, тутъ платокъ маркизы!

Онъ вынулъ пять франковъ изъ кошелька и положилъ въ руку Нептуна.

— Честное слово, ты сегодня попалъ въ счастливую минуту, не то... Нептунъ не дослушалъ выразительной рѣчи Альфреда и медленно удался со двора. Но тутъ онъ остановился и сѣлъ на туфлу не далеко отъ главныхъ воротъ, предварительно нагнувъ свою соломенную шляпу на глаза, такъ что лицо его не могло быть узвано съ перваго раза.

Теперь нищій зналъ, гдѣ найти эту женщину, которая такъ выходила на сына капитана Лефевра и имя которой начиналось одинаковыми буквами съ именемъ матери Ксавье... Онъ вспомнилъ также одно обстоятельство, которое заразъ и облегчало и затрудняло его... Ксавье сказалъ, что его пригласили въ замокъ Румбри; платокъ принадлежитъ также маркизѣ Румбри: значить въ обихѣ этихъ исторiяхъ, нѣсколько различныхъ по своимъ цѣлямъ, или случайно сошлись однофамильцы, или тутъ дѣйствуютъ одни и тѣ же лица? Негръ чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ болѣе запутывался въ своихъ предположенiяхъ; его пугало это сходство фамилiй. Въ то время, когда онъ совершенно погрузился въ свои мысли, на колокольнѣ церкви Омы Аквината пробило два часа. Негръ быстро поднялся съ своего мѣста; онъ вспомнилъ слова Ксавье, который долженъ былъ уже отправиться въ путь. Какъ найти молодаго человѣка, тѣмъ болѣе, что у негра, мало знакомаго съ географiей, совершенно вышли изъ памяти и названiе департамента и названiе города? Словомъ, изъ всего сказаннаго Ксавье, осталась только одна фамилiя Румбри, которая не была забыта. Подумавъ минуту, чернiй нищiй уже намѣревался бѣжать какъ можно скорѣе на площадь Сенъ-Жерменъ-де-Пре, какъ вдругъ въ это время на крыльцѣ показалась маркиза Румбри, опиравшаяся на руку человѣка, въ которомъ негръ тотчасъ узналъ Каррала. Нищiй уже не хотѣлъ теперь оставить своего мѣста, и какъ бы пораженный громомъ, неподвижно стоялъ, прислонившись къ калиткѣ и посматривая пристально на маркизу и ея спутника. Чтѣ оставалось дѣлать негру въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что присутствiе Каррала придавало отъѣзду креолки угрожающiй видъ? Наконецъ, какимъ образомъ не опустить изъ виду этихъ двухъ лицъ, которыя теперь болѣе всего занимали чернаго нищаго, и какимъ образомъ попасть въ замокъ Румбри? Нептунъ терялся совершенно и не зналъ, къ чему приступить; нечаянно взглянулъ онъ на улицу, и внезапная мысль освѣтила его умъ; онъ увидѣлъ фiакръ, запряженный двумя сильными лошадьми, и вздохнулъ свободнѣе. Я пуусъ ва иши

воля, подумалъ онъ. Между тѣмъ маркиза, легкая и граціозная, какъ молодая дѣвушка, впрянула въ почтовую карету; но прежде тѣмъ сѣла, она сказала Карралю:—Мы будемъ совершенно одни и можемъ говорить свободно. Маркиза никакимъ образомъ не рассчитывала на своего сына, который уже прежде расположился въ каретѣ, на одной изъ скамеекъ; когда же замѣтила его, то знакомъ нетерпѣнія невольно выразила свое неудовольствіе.

— Вы, вѣроятно, не ожидали меня здѣсь видѣть, сказалъ Альфредъ съ громкимъ хохотомъ: честное слово, я отправляюсь съ вами.

— Я думала, что вы поѣдете съ Еленой и маркизомъ Румбри, возразила сухо маркиза.

— Какъ бы не такъ! проворчалъ англоманъ: чтобы ѣхать съ маркизомъ, нужно угождать ему во все время дороги и хвалить напудренные парики, пріямые шаги и вообще всѣ моды временъ Людовика XV, а я не привыкъ къ лести подобнаго рола.

Маркиза, видя, что дальнѣйшій споръ не поведетъ ни къ чему, сдѣлала знакъ рукою Карралю, и тотъ вслѣдъ за нею повѣстился въ каретѣ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ и экипажъ выѣхалъ изъ воротъ. При выѣздѣ на улицу, маркиза и нудатъ замѣтили чернаго нищаго, который пристально смотрѣлъ на карету.

— Опять этотъ человѣкъ! прошептала маркиза, которая не могла подавить въ себѣ невольнаго страха.

— Нищій рѣшительно преслѣдуетъ насъ, подумалъ съ своей стороны Карраль.

Что же касается до Альфреда Лефевра, то онъ удовольствовался только словами:

— Еслибъ Джонъ былъ гораздо старѣе, я заставилъ бы его возвратиться съ негромъ, честное слово.

Вступивъ въ свою очередь бросился немедленно къ фіакру, который замѣтилъ уже прежде; сказалъ нѣсколько словъ кучеру, всунулъ ему въ руку лундоръ, и тяжелая карета поехала въ слѣдъ за экипажемъ маркизы. Негръ какъ бы предчувствовалъ, что въ этотъ день должно произойти что-нибудь необыкновенное, и потому заваски веѣши деньгами, какія только остались у него. Покуда ѣхали по улицамъ Парижа, фіакръ ни на шагъ не отсталъ отъ почтовой кареты.

Даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ негръ кричалъ извознику, чтобы онъ вѣхалъ потише. Впрочемъ это было совершенно лишнее, потому-что карета, лишь только выѣхала на Елисейскія Поля, какъ тотчасъ же удалялась отъ фіакра на значительное разстояніе.

— Скорѣе! вскричалъ нищій, обращаясь къ своему кучеру.

— Не бойся другъ, отвѣчалъ извозникъ, опираясь на послѣднее слово съ особенною провіею: мы успѣемъ доѣхать.

У заставы фіакръ снова догналъ свою новую подругу, отъ которой держался почти цѣлую милю въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень.

— Другъ, куда мы ѣдемъ? спросилъ извозникъ, обращаясь къ черному нищему.

Нептунъ показалъ пальцемъ на почтовую карету.

— А! понимаю, мы отправляемся туда, куда и они: а они-то куда?

— Поѣзжай все прямо, вскричалъ Нептунъ въ нетерпѣніи: тебѣ будетъ заплачено.

Кучеръ ударилъ кнутомъ своихъ лошадей, но черезъ нѣсколько секундъ снова началъ разговоръ:

— Почтенный господинъ, сказалъ онъ: вы говорите прекрасно, но у меня только двѣ лошади, которыхъ я могу потерять, и не смотря на все мое почтеніе къ вамъ... я долженъ сказать... что вы.... хе.. хе.. хе, не имѣете того вида, какой....

Нептунъ прервалъ дальнѣйшее разсужденіе, показавъ извознику двѣнадцать наполеондоровъ. Тотъ, вѣроятно, воспламенился при этомъ видѣ, потому-что началъ погонять лошадей съ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ.

Въ *Сенъ-Жерменъ* карета остановилась, чтобы переменить лошадей, фіакръ же, не отдыхая ни на минуту, продолжалъ путь и такимъ образомъ выигралъ впередъ нѣсколько миль. Впрочемъ это не повело ни къ чему особенному. Черезъ нѣсколько часовъ, карета, запряженная свѣжими лошадьми, догнала бѣдный фіакръ и какъ молнія пронеслась мимо него.

— Скорѣе! закричалъ снова Нептунъ.

Кучеръ нѣсколько разъ ударилъ своихъ лошадей, которыя бѣжали все тише и тише. Отъ нихъ поднимался паръ столбомъ.... Они начинали устывать; а между тѣмъ разстояніе между фіакромъ и каретою становилось съ каждою минутою болѣе и болѣе. Нищій почти въ бѣшенствѣ катался на скамейкахъ

фіакра, и своими движеніями, казалось, хотѣлъ прилатъ болѣе силы усталымъ лошадямъ, и болѣе скорости своему экипажу. Черезъ нѣсколько секундъ, карета совершенно исчезла изъ виду.

— Десять лундоровъ, если ты ее доловишь! сказалъ Нептунъ прерывающимся голосомъ.

— Двѣсти франковъ! прошепталъ извозчикъ.

И онъ опять снова прибѣгнулъ къ кнуту. Лошади сдѣлали послѣднее усиліе и понеслись какъ бѣшеные. Не смотря на то, кучеръ учащалъ немилосердо удары. Нептунъ же, наклонившись къ дверцамъ, кричалъ безпрестанно:

— Скорѣе!.. Скорѣе!

Волосы его распускались по вѣтру, лице его безпрестанно выражало то отчаяніе, то живѣйшую радость; въ нѣкоторыя минуты онъ былъ даже страшенъ.

Между тѣмъ наступали сумерки. Вдалекѣ, на вершинѣ небольшого холма, обрисовывался силуэтъ кареты.. Въ то же самое время изъ-за массы деревьевъ показались огни и наконецъ Мѣлачъ раскинулся амфитеатромъ.

Нищій испустилъ радостный крикъ и въ изнеможеніи упалъ на подушки.

Нѣсколько минутъ спустя, раздался толчекъ: обѣ лошади паля заразъ. Но для нищаго теперь было все равно.... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фіакра, подлѣ гостинницы, стояла карета, единственный предметъ его помышленій, въ которую запрягали опять свѣжихъ лошадей.

Нептунъ выскочилъ изъ фіакра, бросилъ десять лундоровъ въ шляпу кучера, и, подбѣжавъ къ каретѣ, которая только что тронулась съ мѣста, ловко вскочилъ на запятки, схватился рукою за кузовъ и такимъ образомъ отправился въ путь вмѣстѣ съ маркизою.

Было довольно темно, и никто не могъ его увидѣть въ этомъ положеніи.

Хозяинъ почтоваго двора закричалъ было почтальону, что на запяткахъ кареты противозаконно помѣстился какой-то бродяга, но тотъ не слышалъ ничего за шумомъ, который производила карета, катаясь по мостовой.

Между тѣмъ лошади фіакра, послѣ долгаго отдыха и совершенно протаявъ ожиданія извозчика, встали на ноги и благопо-

лучно достигли до гостиницы, гдѣ ихъ ждали корги и хорошие стойла.

Карета неслась крупною рысью и иногда даже въ галопъ. Черезъ нѣсколько часовъ, она остановилась передъ воротами замка Румбри, величественнаго зданія, востроеннаго во вкусѣ временъ Людовика XIII. Нептунъ за дѣйстви шаговъ до замка, соскочилъ съ запятковъ и исчезъ между деревьями парка, нѣкъмъ незамѣченный.

Было около 8 часовъ вечера; лакеи, предупрежденные заранѣе, приготовили все къ принятію своихъ господъ и гостей ихъ. Вскорѣ за каретою маркизы показались экипажи приглашенныхъ на праздникъ. Замокъ оживился внезапно.

Маркизь Румбри, встрѣчая гостей, приглашалъ ихъ въ столовую, гдѣ проголодавшихся путешественниковъ ожидалъ прекрасный обѣдъ.

Вечеръ, какъ нельзя болѣе, былъ прекрасенъ. Всѣ окна въ столовой были отворены, чтобы освѣжать нѣсколько комнаты.

Недалеко отъ одного изъ этихъ оконъ, за розовымъ кустомъ, скрывался Нептунъ и наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ внутри столовой.

Карраль сидѣлъ далеко отъ Ксавье, однако ихъ взоры часто встрѣчались.....

Нептунъ замѣчалъ, какъ маркиза бросала на молодого чело-вѣка взгляды, исподневные страшной ненависти.

— Ахъ! еслибъ я могъ сказать имъ, кто такой Ксавье! думалъ ницкій, который, въ простотѣ сердца, надѣялся, что мать, бросившая своего сына, опять приметъ его въ свои объятія послѣ двадцатилѣтней разлуки..... Онъ не зналъ сердца женщины и особенно такой, какова была маркиза Румбри.

Наконецъ вышли изъ-за стола. Креолка сдѣлала знакъ Карралю, чтобъ онъ приблизился къ ней. Черезъ нѣсколько времени, отворилась дверь въ садъ, и нѣсколько группъ отправились гулять по тѣнистымъ дорожкамъ.

Всѣ эти группы прошли мимо чернаго нищаго, который такъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями маркизы и Карраля, что даже не замѣтилъ, какъ Елена, опираясь на руку Ксавье, показалась на террасѣ, ведущей въ садъ.

Молодые люди пошли по аллеѣ, которая направлялась къ самому парку. По мѣрѣ того, какъ они удалялись отъ замка, голова становилась слабѣе и слабѣе, только шурданъ доносился до нихъ перывистые вѣтры сѣва, или звучалъ голосъ Альфреда

Лесовра, повторявшего безпрестанно свои обыкновенныя клятвы. Вокруг нихъ царствовала глубокая тишина, которая прерывалась только шумомъ ихъ шаговъ или шелестомъ листьевъ, да изрѣдка криками ночной птицы, испуганной появленіемъ человѣка. Молодые люди были въ первый разъ совершенно одни.

Елена чувствовала въ своемъ сердцѣ какое-то волненіе, радость, смѣшанную съ невольною грустію. Она думала въ эту минуту о счастіи принадлежать Ксавье, быть подругою его жизни. И вмѣстѣ съ гѣмъ измѣряла глубину тѣхъ бѣдствій, какія ожидали ее въ противномъ случаѣ.

По какому-то невольному чувству, Елена подвинулась ближе къ Ксавье, какъ бы боясь, чтобы что-нибудь не оторвало отъ нея этого единственнаго друга. Она не говорила ни слова, но глаза ея были устремлены на молодаго человѣка. Чтò жъ касается до Ксавье, то онъ утопалъ въ блаженствѣ....

— Ахъ! еслибъ мы были всегда такъ счастливы, Елена! прошепталъ онъ. Этими словами Ксавье какъ бы угадалъ тайну молодой дѣвушки, которая повторяла про себя то же самое.

— Вы еще не знаете, продолжалъ Ксавье, что я теперь не одинъ въ мірѣ, что у меня, по крайней мѣрѣ, теперь есть воспоминаніе объ отцѣ и имя, которое онъ завѣщалъ мнѣ...

— Благородное имя? спросила живо молодая дѣвушка.

Этотъ вопросъ, какъ бы оледенилъ сердце Ксавье.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ.

Елена вздохнула.

— Я спрашиваю объ этомъ не для себя, прошептала она: для меня все ровно, кто бы вы ни были....

— Благодарю васъ. Елена! вскричалъ Ксавье, я не ошибся, я ожидалъ услышать это отъ васъ.

Онъ взялъ руку Елены, которая не отнимала ея, и потомъ рассказалъ ей исторію своей жизни, не выпуская изъ виду ни одного событія, имѣвшаго хотя сколько-нибудь отношенія къ нимъ обоимъ. Онъ не забылъ также упомянуть въ этомъ разсказѣ о негрѣ и всѣхъ его благодѣяніяхъ, равно какъ и о исторіи капитана Лесовра.

— Я не знаю, сказала Елена, когда молодой человѣкъ кончилъ свой разсказъ: какую будущность, готовить намъ Богъ, по крайней мѣрѣ, могу сказать вамъ, что люблю васъ и буду любить.

Ксавье упалъ на колѣни. Елена, съ улыбкою, подняла свою руку, такъ что она коснулась губъ молодаго человѣка.

— Встаньте, Ксавье, сказала она: я ваша невеста... Общаюсь вамъ, если судьба не позволитъ мнѣ быть вашей женой, не принадлежать никому другому.

Ксавье приложилъ руки къ сердцу какъ бы для того, чтобъ заглушить его бѣненіе. Онъ не находилъ словъ, чтобъ высказать Еленѣ то, что чувствовалъ въ эту минуту. Молодая дѣвушка снова оперлась на его плечо, и они молча отъправилась къ замку.

Между тѣмъ Нептунъ не терялъ изъ виду тѣхъ, кто занималъ его болѣе всего. Маркиза Румбри, въ свою очередь спустилась съ террасы, въ сопровожденіи Каррала, и направила свои шаги къ уединенной части сада. Тамъ, посреди небольшой лужайки, окруженной со всѣхъ сторонъ огромными деревьями, возвышалась скамья, къ которой приблизилась маркиза. Нептунъ не отставалъ отъ нихъ и пробрался ползкомъ, какъ змѣя, которая подстерегаетъ свою добычу. Видя что они сѣли на скамью, нищій подвинулся сколько возможно ближе и спрятался за огромнымъ деревомъ, которое росло не въ дальнемъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ были маркиза и ея сообщникъ. Такимъ образомъ, онъ могъ подслушать весь ихъ разговоръ.

— Здѣсь мы можемъ говорить свободно, начала креолка: расскажите мнѣ свои планы.

Но Карраль былъ въ это время занятъ совершенно другими:

— Слышите — шумъ, вскричалъ онъ: тутъ кто-то скрывается.... Этотъ шумъ произведенъ былъ Нептуномъ, который подкрадывался все ближе и ближе къ скамейкѣ.

— Вамъ такъ только показалось, возразила маркиза: я не слышу ничего. Но мулатъ, болѣе осторожный, бросился къ дереву, за которымъ скрывался нищій.... Черезъ секунду онъ возвратился на прежнее мѣсто, потому что не нашелъ тамъ ничего подозрительнаго.... Какая-то черная масса лежала подлѣ пня дерева, но это, вѣроятно, былъ камень.

— Ваша правда, сказалъ Карраль. Но прежде чѣмъ приступимъ къ нашему дѣлу, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ: вы совершенно рѣшились?

— Еще вы спрашиваете! вскричала маркиза. Неужели вы не замѣтили, что Ксавье пріѣхалъ сюда въ каретѣ маркиза?

— Я это замѣтилъ, отвѣчалъ хладнокровно мулатъ.

— Въ каретѣ маркиза! повторила креолка: онъ занялъ тамъ

мѣсто моего сына. Не замѣтили ль вы, наконецъ, что маркизъ цѣлый обѣдъ разговаривалъ почти только съ однимъ Ксавье.

— Я также это замѣтилъ.

— Въ это самое время, онъ прогуливается съ Еленою по аллеямъ нашего сада.

— Ваша правда.

— И послѣ всего этого, вы еще спрашиваете, рѣшилась ли я? Но уже время, Карраль!... Еще минута и мы опоздаемъ!...

— Я убью его въ нынѣшнюю ночь, сказалъ Карраль, самымъ холоднымъ тономъ.

Нептунъ задрожалъ при этихъ словахъ. Онъ никакъ не предполагалъ, что жизнь Ксавье въ такой опасности.

Маркиза не отвѣчала. Голова ея была опущена на грудь. Она, казалось, была въ нерѣшительности.

Но вскорѣ, отбросивъ это мнимое чувство, вполне предавшись своей дикой энергій и съ живостью спросила:

— Какимъ образомъ ты убьешь его?

— Я заколю его кинжаломъ, отвѣчалъ Карраль.

Нептунъ положилъ руку на сердце, какъ бы боясь, чтобы бичіе его не выдало его самого.

— Вы прикажете ему отвести комнату на оконечности лѣваго флигеля, продолжалъ мулатъ.... тамъ....

Тутъ онъ жестомъ, который не укрылся отъ наблюдений нищаго, показалъ на послѣднее окно, которое находилось въ лѣвой сторонѣ замка.

— Хорошо, прошептала маркиза.

— Въ этой части никто не живетъ?

— Никто.

— Тѣмъ лучше.... я разобью окно, и уходя оттуда унесу часы и кошелекъ его.... завтра, вѣроятно, расскажутъ, что воры прокрались въ замокъ и убили молодого человѣка.

— Негодяй, подумалъ Нептунъ, глаза котораго сверкали отъ негодованія.

— Ты неопѣненный человѣкъ, Карраль, сказала маркиза, протягивая ему руку. Дѣйствуй такимъ образомъ, какъ ты говоришь, и ты будешь щедро награжденъ.

— Надѣюсь, сказалъ мулатъ, совершенно безстрастнымъ голосомъ.

Между тѣмъ погода вдругъ перемѣнилась. Черныя облака заволокли небо, вдалекѣ слышны были раскаты грома, и дождь крупными каплями началъ падать на землю. Маркиза хотѣла-было идти, но Карраль грубо схватилъ ее за руку и вскричалъ, съ двусмысленною улыбкою:

— Останьтесь, прошу васъ, маркиза, я еще не кончилъ.

— Что вы хотите сказать мнѣ? прошептала маркиза въ невольномъ страхѣ.

Карраль подумалъ съ минутой.

— Я вамъ хочу сказать, началъ онъ, что я васъ ненавижу смертельно. Вы во зло употребили свою власть, и въ то время, когда я просилъ пощады, вы съ ироническою, безжалостною улыбкою, наступили мнѣ на грудь и сказали: повинуйся, жалкій невольникъ.... Теперь вы побуждаете меня на преступленіе, хорошо, я совершу его.... но совершу потому только, что этимъ избавлюсь отъ рабства и разорву свою цѣпь.

— Да.... да, Карраль, прервала маркиза, съ ласковою, но лицемерною улыбкою, ты будешь свободенъ, клянусь тебѣ....

— Какая мнѣ нужда до вашихъ клятвъ, маркиза? Вы умѣете лгать и не вѣрите въ Бога!... Нѣтъ!... я хочу болѣе, слышите ли вы? я хочу обезпеченія.

— Вы будете имѣть его.

— Какъ! вскричалъ Карраль съ ироніею, вы дадите мнѣ записку, на которой напишите: я поручила убійство мулату Жонкилю!...

— Жонкиль, повторилъ Нептунъ: это имя можно найти въ бумагахъ моего господина.

Онъ приложилъ руку къ груди, чтобъ увѣриться, что эти бумаги вмѣстѣ съ нимъ.

— И вы подпишетесь, продолжалъ Карраль, Флорентина Анжелика, маркиза де-Румбри!...

— Флорентина Анжелика, опять повторилъ нищій—и послѣднее его сомнѣніе теперь совершенно исчезло.

— Вы сдѣлаете это? Отвѣчайте! сказалъ мулатъ съ вопрошающимъ видомъ.

Маркиза быстро отскочила на нѣсколько шаговъ въ сторону и приняла свой повелительный видъ, передъ которымъ столь часто, какъ объ каменную стѣну, разрушалось упорство мулата.

— Мнѣ кажется, что ты снова хочешь противиться? сказала на, нахмуривъ брови.

Мулатъ пожалъ плечамъ.

— Бросьте эту роль, маркиза, я знаю, что вы играете ее какъ возможъ лучше, началъ онъ саркастическимъ тономъ: но предупреждаю васъ, теперь я не боюсь васъ, потому-что вы знаете нужду во мнѣ... даже болѣе: вы страшитесь меня, потому-что я знаю вашу тайну.

Креолка была не такая женщина, которую можно было побѣдить съ перваго раза.

— Бѣдный Жонкиль! сказала она: правда, ты знаешь мою тайну, но какая тебѣ отъ нея польза? Кто повѣритъ тебѣ?... Всѣ вочтутъ ее за одну клевету, потому-что я—маркиза Румбри, а ты—ничтожный мулатъ!...

— Въ этомъ я согласенъ съ вами.... Но только вы не осмѣлитесь что-нибудь замышлять противъ Ксавье.... А Альфредъ Лефевръ де-Валле лишится десяти милліоновъ Елены, вмѣстѣ съ ея рукою.

— Но я сорву съ тебя маску, вскричала съ гнѣвомъ маркиза: и всѣ будутъ на тебя указывать пальцами....

— Напрасно! я оставляю Францію, прервалъ мулатъ.

Наступило продолжительное молчаніе. Дождь крупными каплями падалъ на полюбужаенныя плечи маркизы, которая не приняла никакой предосторожности.

— Карраль, прошептала она съ ужасомъ: проси у меня, чего хочешь, и я все сдѣлаю....

— А! вы уступаете! вскричалъ мулатъ: вы признаетесь, что мы теперь равны съ вами... Хорошо! я буду великодушень. Не нужно ни записки, ни пагубной водиски, но въ замѣнъ того, вы должны помогать мнѣ въ убійствѣ....

— Помогать!...

— Да, помогать! Ваше присутствіе сдѣлаетъ ударъ мой вѣрнѣе.

Въ это время послышался голосъ Альфреда Лефевра, который звалъ свою мать и клялся, что несетъ ей зонтикъ.

— Нѣтъ! нѣтъ!... прошептала креолка: я не могу....

— Подумайте, маркиза, если не согласитесь на условіе, я сейчасъ оставляю замокъ и вы никогда меня не увидите.

— Гопъ!... Гопъ! кричалъ Альфредъ: да откликнитесь гдѣ вы маркиза!...

— Если я уѣду, началъ снова Карраль: Ксавье выиграетъ партію.... Румбри любитъ его.... Елена также....

— Приди, сказала тихо маркиза.

— Гопъ! Гопъ!... опять закричалъ Альфредъ: вортъ возьми, такъ темно, что я ничего не вижу.... маркиза, гдѣ вы?

Карраль и креолка пошли къ замку, который сіялъ разноцвѣтными огнями среди всеобщаго мрака.

— Въ которомъ часу? спросила маркиза.

— Лягутъ поздно.... не ранѣе двухъ часовъ по полуночи.... И такъ вы придете?

— Приду.

Ничій выпрямился во весь ростъ. Долгое время слѣдилъ онъ взоромъ за уходящими.... потомъ пошелъ также за ними, сказавъ прежде рѣшительнымъ тономъ:

— И я также.... приду!...

XIII.

При свѣтъ луны.

Ксавье проводили въ комнату, назначенную самой маркизой. Пустота этой комнаты и отдаленность ея отъ жилыхъ покоевъ не возбудили никакихъ подозрѣній и безпокойства въ душѣ молодого человѣка.

Съ радостію въ сердцѣ бросился онъ въ постель и въ скоромъ времени заснулъ, убаюканный сладкими мечтами. И дѣйствительно, что могло тревожить его въ это время! Маркизь, казалось, удвоилъ къ нему свою нѣжность, а Елена открыла ему всѣ тайны души своей.

Было уже полночь; Ксавье спалъ самымъ глубокимъ сномъ; въ это время, кто-то три раза тихо ударилъ въ раму окна его комнаты; такъ какъ онъ ничего не слышалъ, то удары повторились съ большею силою; потомъ рука, обернутая въ платокъ, просунулась сквозь разбитое стекло, обломки котораго не произвели почти никакого шума, потому-что запутались въ занавѣскахъ и медленно, едва слышно, упали на полъ.

Однако какъ ни тихъ былъ этотъ шумъ, Ксавье вздрогнулъ и на минуту проснулся, но опять вскорѣ заснулъ; онъ подумалъ, что все это показалось ему только во снѣ. Рука, протянутая сквозь разбитое стекло во внутренность комнаты, отдернула зад-

вижку и окно растворилось. Какой-то человекъ проворно вспрыгнулъ въ комнату.

Гроза прошла. Луна, выплывъ изъ-за облаковъ, спокойная и блестящая, красовалась на небѣ. Свѣтъ ея падалъ прямо на лицо спящаго Ксавье.

Незнакомецъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и подошелъ къ постели. Съ минутою онъ смотрѣлъ на молодого человека, потомъ сложилъ руки и, казалось, шепталъ молитву; послѣ того, онъ наклонился къ лицу Ксавье и поцѣловалъ его въ лобъ. Когда онъ поднялся, луна освѣтила темное лицо черного нищаго.

Негръ, казалось, сперва хотѣлъ разбудить молодого человека, но потомъ одумавшись, подошелъ къ окну и опустилъ занавѣски, такъ, что въ комнатѣ сдѣлалось совершенно темно. Наконецъ, онъ скрылся за кроватью Ксавье.

Прошло полчаса и никто не нарушалъ общей тишины. Наконецъ до слуха нищаго донеслись смѣшанные голоса людей, разговаривавшихъ между собою отрывистыми фразами.

Почти въ ту же минуту, ключъ повернулся въ замкѣ и дверь тихо отворилась. Карраль показался на порогѣ. У него не было видно никакого оружiя. Мулатъ, безъ сомнѣнiя, скрылъ его, дабы не обнаружить своего намѣренiя, еслибъ пришлось нечаяннымъ образомъ разбудить несчастную жертву.

Еслибъ Ксавье проснулся въ то время, когда Карраль вошелъ въ комнату, то онъ могъ бы подумать, что его пришелъ посѣтить другъ, но никакимъ образомъ не смертельный врагъ, покушающiйся на его жизнь.

Мулатъ подвигался впередъ съ улыбкою на лицѣ, держа въ рукахъ зажженную свѣчу. Но лишь только онъ удостовѣрился, что Ксавье спитъ, то мгновенно сбросилъ съ себя принятую маску и лицо его тотчасъ измѣнило свое выраженiе. Брови его сдвинулись, широкая борозда, образованная двумя глубокими морщинами, показалась на лбу, и глаза заблестали адскимъ огнемъ.

Карраль засунулъ руку подъ платье и вытащилъ кинжалъ. Потомъ, поставивъ свѣчку на столъ, онъ погасилъ ее, предварительно выбравъ мѣсто, куда вѣрнѣе могъ направить ударъ.

Мулатъ уже былъ готовъ исполнить свое злодѣйство, какъ почувствовалъ, что чья-то мощная рука схватила его руку, въ

которой блистала кинжалъ, направленный прямо въ сердце Ксавье, между тѣмъ какъ другая рука стиснула его горло.

Карраль испустилъ ужасный крикъ, но только одинъ крикъ, и упалъ на полъ, какъ тяжелая свинцовая масса. Негръ отместилъ чисто по-африкански: онъ задушилъ своего врага.

Ксавье поднялся въ испугѣ на своей кровати...

Глубокое молчаніе наступило послѣ предсмертнаго крика мурлата. Маркиза, трепеща, стояла въ корридорѣ и ожидала развязки, готовая бѣжать при первой неудачѣ своего сообщника. Она слышала стонъ, который заставлялъ ее содрогнуться вслѣдствіемъ, и бросилась на другой конецъ галереи. Но въ это время выглянула луна и освѣтила на другомъ концѣ корридора какую-то неопредѣленную фигуру. Маркиза въ испугѣ сорвалась назадъ, вбѣжала въ комнату Ксавье и тотчасъ затворила дверь за собою.

— Кончено ли? спросила она тихимъ голосомъ.

Ксавье хотѣлъ отвѣчать; но нищій приложилъ руку къ его губамъ.

— Кончено! отвѣчалъ онъ.

— Онъ мертвъ? спросила креолка: утраченная темнотой, которая царствовала въ комнатѣ.

— Мертвъ! опять отвѣчалъ нищій.

— Странно, Карраль, продолжала маркиза, я не узнаю твоего голоса.

Ксавье казалось, что онъ все видитъ во снѣ.

— Гдѣ вы? сказала опять креолка и сдѣлала два шага впередъ; въ это время она наткнулась на тѣло Карраля.

— Трутъ! вскричала она въ испугѣ.

Нищій отдернулъ занавѣску, и луна снова освѣтила комнату.

— Маркиза Румбри, вскричалъ Ксавье въ изумленіи.

Креолка посмотрѣла на Ксавье и потомъ наклонилась къ Карралю. Когда она поднялась, то взоръ ея упалъ на чернаго нищаго, который неподвижно стоялъ передъ нею, опустивъ руки.

Маркиза хотѣла бѣжать.

— Оставайтесь здѣсь, вдова капитана Лесевра, вскричалъ негръ: Намъ нужно поговорить о многомъ.

— Жена моего отца? вскричалъ Ксавье: моя мать!

Онъ закрылъ глаза, какъ бы для того, чтобы лучше сообразить все то, что теперь открывалось передъ нимъ.

— Скажите, ради Бога, продолжалъ онъ: что здѣсь происходитъ?

Маркиза, между тѣмъ, сдѣлала надъ собою отчаянное усиліе и снова успѣла принять совершенно спокойный видъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, что здѣсь престоидить? сказала она. Я услышала крикъ и приближалась сюда... Что же? у одного изъ пестей шокъ, нахожу трупъ!..

— Трупъ человѣка, котораго я убилъ, прервалъ Нептунъ, въ то, что онъ хотѣлъ, по вашему приказанію, умертвить вашего сына.

— Это невозможно! прошептала Ксавье.

— Моего сына! повторила маркиза. У меня только одинъ сынъ: Альфредъ Лесевръ де-Валле.

— О! маркиза, вы обманулись, думая, что всѣ на свѣтѣ позабыли ваши похождения на островѣ Сень-Доминго.... Нашелся человѣкъ, который рѣшился напомнить ихъ вамъ... Это именно я принялъ на себя такую обязанность, и теперь говорю вамъ: у васъ не одинъ, а два сына, изъ которыхъ вотъ этотъ законный сынъ, между тѣмъ какъ тотъ незаконно пользуется его правами.

— Негръ! сказала маркиза: ты заплатишься дорого за свою дерзость... Все, что сказалъ ты—ложь и клевета!

Трупъ мулата въ это время задрожалъ, какъ бы отъ дѣйствія гальванизма.

— Пробудись, Карраль! вскричала маркиза, замѣтивъ это, и защити меня.

Карраль медленно поднялся.

— Этотъ человѣкъ сказалъ правду, прошептала онъ, бросая на свою прежнюю госпожу взгляды, исполненные ненависти. Ваша жизнь была цѣпь лжи, коварства и преступленій... Да накажетъ васъ за это Богъ!..

Онъ ушелъ и его начали мучить предсмертные конвульсіи.

Маркиза, видъ себя отъ гнѣва, тоннула ногою.

— Умири же въ такомъ случаѣ, невольникъ! вскричала она.

Потомъ, обратившись къ Ксавье, она прибавила:

— И вы также трепещите, какъ вашъ сообщникъ! Убийство совершено у меня въ домѣ и будетъ наказано!.. О! я знаю, куда стремитесь вы, молодой человѣкъ! я знаю, что вы, на видъ отца, поддерживаемые какою-то гниущею милостынею, осмѣлились бросить взглядъ на дѣвицу Румбри... Вамъ нужна мать, вамъ нужна няня!.. И вотъ, вы выбрали меня, и рѣшились урвать благодарное имя у моего сына!..

Ксавье, страдательное и ничего непонимающее лицо въ этой сценѣ, на нашель словъ, чтобъ отвѣтить креолкѣ.

— Маркиза!.. пробормоталъ онъ.

— Молчи, сказалъ повелительно нищій: мнѣ нужно говорить, а не тебѣ... Молодой человекъ и не думалъ объ васъ, маркиза, потому-что ваше поведеніе всегда внушало ему ужась и сожалѣніе. Это я, я, слѣбое орудіе воли вашего супруга, принялъ на себя такое дѣло. Напрасно запираетесь вы, у меня есть доказательства, которыя могутъ уличить васъ... Чтò же касается до убійства, то не намъ нужно трепетать!

Нищій вынулъ бумаги капитана и зажегъ свѣчу.

— Читайте! сказалъ онъ, подавая ихъ креолкѣ.

Та быстро пробѣжала свидѣтельство о законномъ рожденіи Ксавье.

— Тутъ не достаетъ одной вещи, сказала она. Гдѣ мое имя? Карраль поднялся во второй разъ и посмотрѣлъ на бумагу.

— Вотъ мое имя... прошепталъ онъ: Жонкиль... а это твой сынъ... дѣтоубійца...

— Онъ помѣшался, сказала маркиза: и притомъ къ чему поведетъ его свидѣтельство?.. Оно сейчасъ умретъ!

Карраль прислонился къ кровати.

— Еще бы нѣсколько часовъ! прошепталъ онъ, чтобъ только отомстить ей.

Его глаза закрылись.

— Онъ умеръ! вскричала маркиза. Кто повѣритъ тебѣ, нищій?.. Нептунъ и Ксавье бросились въ одно время, чтобъ вырвать бумаги изъ рукъ креолки, но она однимъ скачкомъ очутилась на порогѣ.

— Да! кто вамъ повѣритъ? повторила она съ торжествующимъ видомъ.

— Первый я, маркиза, послышался важный и строгій голосъ.

Креолка въ испугѣ, какъ бы пораженная громомъ, отступила почти на середину комнаты. Маркизъ Румбри показался въ дверяхъ. Онъ подошелъ къ своей женѣ и, вырвавъ изъ рукъ ея бумаги, подаль ихъ нищему.

— Я все слышалъ, продолжалъ онъ: не трудитесь защищать себя, маркиза. Я пришелъ сюда, привлеченный крикомъ этого человека,—онъ указалъ на Каррала,—и пришелъ только для того, чтобъ яснѣе видѣть безчестіе моего дома. Удалитесь сударыня, завтра я сообщу вамъ свою волю.

Маркиза молчаливо, съ бессильною яростію въ душѣ, остави-

ла помпату. Улыбка показалась на лицѣ совершенно ослабѣшаго Каррала, онъ умиралъ отмищенныгь.

Никто изъ гостей не узналъ объ этой драмѣ.

На другой день, маркиза Румбри, какъ обыкновенно явилась къ завтраку, гдѣ присутствовали всѣ приглашенные, включая Каррала, объ которомъ никто впрочемъ не беспокоился. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые приходятъ какъ бы не замѣченными, такъ что трудно дать себѣ отчетъ, существовали они, или нѣтъ?

Въ это же утро маркизъ Румбри объявилъ, что одно чрезвычайно важное дѣло заставляетъ его немедленно возвратиться въ Парижъ. Гости разѣхались. Бичи снова захопали, но въ этотъ разъ, никакой фіакръ не соперничествовалъ въ скорости съ почтовою каретою. Румбри отправился послѣдній съ своею дочерью, Ксавье и чернымъ нищимъ.

Этотъ внезапный отъѣздъ чрезвычайно удивилъ Альфреда Десевра, который клялся, что подобнаго съ нимъ никогда не случалось. Впрочемъ удивленіе его возрасло еще болѣе, когда представилось новое обстоятельство, совершенно сбившее его съ толку.

Въ самомъ дѣлѣ, когда коляска маркиза повернула въ Парижъ, карета креолки приняла обратный путь въ Бретань.

— Чортъ возьми! почтарь, вѣрно, пьянъ! вскричалъ въ изумленіи Альфредъ де-Валле.

Но маркиза жестомъ заставила его замолчать. Матовая блѣдность покрывала ея лице.

— Мы будемъ жить въ Бретани, сказала она глухимъ голосомъ.

— Какъ! маркиза, отвѣчалъ Альфредъ: честное слово это недостижимо!

Долгое время въ салонахъ маркиза Румбри говорили о милой креолкѣ, но на всѣ вопросы, мужъ отвѣчалъ только, что она живетъ въ провинціи, для *поправленія здоровья*.

Не знаемъ, произвело ли на парижскихъ денди какое-нибудь впечатлѣніе внезапное исчезновеніе Альфреда Десевра, по крайней мѣрѣ, мы можемъ сказать, что онъ, въ скоромъ времени сдѣлался искуснѣйшимъ игрокомъ на биллиардѣ, въ Бретани.

На другой день послѣ свадьбы Ксавье, который съ рукою Елены получилъ титулъ маркиза Румбри, такъ что могъ подписываться Ксавье Лесевръ де-Румбри, Нептунъ легся къ нему. На спинѣ его была котомка, а въ рукахъ онъ держалъ серю длинную палку.

— Молодой господинъ, сказалъ онъ: я пришелъ съ вами проститься.

— Проститься! повторилъ въ изумленіи Ксавье: что сдѣлалось съ тобою, мой добрый другъ?.. Я всегда думалъ, что ты не разстанешься съ нами.

Негръ улыбнулся печально.

— Я самъ бы этого не хотѣлъ, но нельзя иначе, отвѣчалъ онъ: мой долгъ исполненъ... Я сдѣлалъ все, что мнѣ было приказано. Теперь я возвращусь къ моимъ братьямъ. Я отправляюсь въ Сентъ-Доминго.

Ксавье употребилъ всѣ старанія, чтобъ заставить негра отказаться отъ своего намѣренія; но тотъ былъ непреклоненъ.

— Не ужели ты меня менѣе любишь, чѣмъ своихъ братьевъ? сказалъ Ксавье.

Нептунъ схватилъ руку молодого человѣка и поднесъ ее съ любовію къ своимъ губамъ.

— О нѣтъ! нѣтъ! не для моихъ братьевъ возвращаюсь я... они меня забыли, но для *него!* Я хочу связать на его могилѣ, что его послѣдняя воля исполнена... Я хочу передъ смертію жить близъ гроба моего господина, чтобъ быть ближе къ нему!..

Голосъ нищаго дрожалъ по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ. Глаза его поднялись къ небу. Онъ ухватилъ на колѣни и приложилъ руку къ сердцу.

— Добрый господинъ, ко мнѣ! прошепталъ онъ съ какою-то особенною нѣжностью. Если я умру здѣсь, моя душа будетъ далеко отъ твоей... Тамъ же ты услышишь мой послѣдній зовъ и призовешь къ себѣ своего слугу...

Онъ поцѣловалъ еще разъ руку Ксавье, отеръ слезу тайкомъ и вышелъ, чтобы никогда не возвращаться.

НАСЛЕДСТВО.

Романъ Жюль Сандо.

I.

Большой былъ праздникъ для Готлиба Каузмана, нотаріуса маленькаго городка Мульштадта. Умеръ графъ Сигизмундъ фонъ-Гвальдесгеймъ; надобно было открыть его духовное завѣщаніе въ присутствіи всѣхъ его родственниковъ. Готлибъ Каузманъ, одѣтый со всѣмъ приличіемъ чловѣка чиновнаго, съ нетерпѣніемъ ожидалъ часа, назначеннаго для этого важнаго собранія. Родственники умершаго должны были собраться въ полдень; пробило девять часовъ на сосѣдней церкви, а Готлибъ Каузманъ не могъ уже усидѣть на мѣстѣ; онъ бѣгалъ изъ кабинета въ контору, изъ конторы въ залу, и для прпровожденія времени, ворчалъ на своихъ писцовъ. Многимъ изъ его клиентовъ, прибывшимъ къ нему въ то утро по своимъ дѣламъ, безжалостно было отказано за крайнимъ отсутствіемъ господина нотаріуса. Одна мысль занимала умъ и наполняла сердце Готлиба Каузмана справедливою гордестію; это былъ онъ, онъ Готлибъ Каузманъ, кого графъ Сигизмундъ фонъ-Гвальдесгеймъ избралъ и назначилъ исполнителемъ послѣдней своей воли. Готлибъ Каузманъ былъ пятидесяти лѣтъ, съ блестящими глазами, вздернутымъ носомъ, желтыми, вздутыми щеками и вѣчною улыбкою на устахъ; природа, создавая его, забы-

ла дать ему маску его должности, физиономію его роли. Толстенькій и низенькій, онъ былъ легокъ и поворотливъ, какъ бѣлка. Сѣдые его волосы, собранные на затылкѣ въ видѣ крысыяго хвоста, еще болѣе придавали красоты цѣлому: при каждомъ его движеніи, хвостикъ прыгалъ отъ одного уха къ другому, и невольно заставлялъ улыбаться посѣтителей въ то время, когда Готлибъ Кауфманъ важнымъ голосомъ читалъ какой-нибудь актъ, требовавшій благоговѣйнаго молчанія. Еще была особенность у этого почтеннаго человѣка: онъ порядочно любилъ выпить, и подъ веселую руку любилъ попѣть. Въ минуты подобныхъ забавъ, на губахъ его неизгладимо напечатлѣвалась улыбка, которая, при чтеніи какого-нибудь завѣщанія, приводила всѣхъ въ смущеніе. Нельзя встрѣтить подъ солнцемъ болѣе веселаго нотаріуса. Но кто повѣритъ этому? У Готлиба Кауфмана были враги. Въ нотаріусахъ не было недостатка въ Мульштадтѣ, и всѣмъ имъ хотѣлось заслужить довѣренность владѣтеля гильдесгеймскаго замка, и хлопоты по его дѣламъ прибрать въ свои руки. Смерть графа открыла свободное поле для всѣхъ честолюбій; но Готлибъ Кауфманъ не дремалъ; онъ рѣшился воспользоваться всѣмъ, чтобы удержать въ своихъ рукахъ самое богатое, самое выгодное мѣсто. Онъ, еще наканунѣ, велѣлъ снять чухлы, покрывавшіе кресла въ залѣ отъ проказницъ мухъ, и кресла поставить вокругъ стола, на которомъ приказалъ разостлать старое бархатное покрывало пунцоваго цвѣта; возлѣ того же стола онъ приготовилъ мѣсто и для себя, на нарочно устроенномъ возвышеніи. Время отъ времени, Готлибъ Кауфманъ, всходилъ на этотъ минутный тронъ, и тамъ, одинъ, безъ свидѣтелей, изучалъ свои жесты и положеніе, и съ досадою смотрѣлъ на себя въ зеркало. Онъ старался придать своей вѣчно-сѣющейся физиономіи печальное выраженіе; онъ хотѣлъ, чтобы на лицѣ его отражалось полное сочувствіе общей скорби по умершемъ, и совершенная готовность быть покорнѣйшимъ слугою оставшимся въ живыхъ. Не столько сообразуясь съ правилами этикета, сколько изъ желанія хотя чѣмъ-нибудь прикрыть свою неизбежную веселость, онъ весь одѣлся въ черноеплатье, съ головы до ногъ, и до того простеръ уваженіе къ горестной утратѣ наследниковъ своего знаменитаго кліента, что даже серебряныя пряжки на своихъ башмакахъ замѣнилъ 8 пряж-

ками изъ вороненой стали. И это еще не все: чтобы польстить наслѣдникамъ, которыхъ хотѣлъ привлечь въ свою пользу,—въ смежной комнатѣ, онъ устроилъ роскошный завтракъ; на столѣ, накрытомъ скатертью ослѣпительной бѣлизны, съ оборотительною изысканностию были разставлены плоды, разные холодныя кушанья и столѣтнiя вина. Ничего не жалѣлъ Готтлибъ Кауфманъ, чтобы почтить память графа Сигизмунда и угостить достойнымъ образомъ его наслѣдниковъ.

Графъ Сигизмундъ Гильдесгеймъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ въ Англіи называютъ юмористами; а во Франціи оригиналами. Стернь, навѣрное, полюбилъ бы его; Гоффманъ не отказался бы отъ знакомства съ нимъ. Впрочемъ графъ, Сигизмундъ не былъ изъ тѣхъ чудаковъ, которые не скажутъ слова, не сдѣлаютъ шага, какъ другіе, и которые, по инстинкту или по своимъ расчетамъ, при всякомъ случаѣ, стараются выказать свою неизмѣнную причудливость; нѣтъ, это, просто, былъ добродушный мечтатель, съ тихимъ, задумчивымъ характеромъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ въ свѣтѣ называютъ простаками, за ихъ дѣтскую откровенность и искренность. Онъ безъ шума прошелъ по землѣ, онъ тѣвью скользнулъ межъ людей.

Единственная страсть должна была рѣшить всю его судьбу. Будучи въ гейдельбергскомъ университетѣ, и чуждый привычекъ своего возраста, онъ не показывался на дружескихъ пирушкахъ своихъ товарищей и любилъ лучше оставаться въ уединеніи. Въмѣсто того, чтобы заператься по вечерамъ въ трактиръ, проводить время за трубкой табаку и за кружкой пива, распѣвать патріотическія пѣсни и рѣшать участь всѣхъ царствъ и народовъ, онъ ходилъ любоваться заходящимъ солнцемъ. Каждый день, во всякое время года, онъ выходилъ вечеромъ за городъ и собирался на сосѣдній холмъ; потомъ, когда величественное свѣтло, то одѣтое въ пурпуръ и золото, то покрытое мантиею тумана, скрывалось изъ его глазъ за горизонтъ, онъ возвращался тихими шагами домой, прислушиваясь къ глухому шуму, который носится надъ полями, при наступленіи ночи. Таковы были увеселенія, таковы были развлеченія его молодости: я знаю, что самыя дорогія, самыя цѣнныя удовольствія не стоятъ ихъ.

Въ одинъ вечеръ, когда, возвращаясь съ своей обычной прогулки, онъ проходилъ по предмѣстію, вдругъ вѣжный и чинъ

стый голосъ, вылетавшій изъ окна одного нижняго этажа, поразилъ его слухъ. Это было въ маѣ мѣсяцѣ; открытое окно, уставленное цвѣтами, дало ему возможность слышать за всѣми перебивками очаровательной мелодіи. Напѣвъ вѣсна была вѣстия и трогательна, важна и печальна, однимъ изъ тѣхъ безыскусственныхъ напѣвовъ, которые заставляютъ задумываться и самого безпечнаго человѣка. Удивленный и очарованный, Сигизмундъ остановился; потомъ онъ устремилъ въ комнату жадный и любопытный взоръ. Молодая дѣвушка сидѣла за клавикордами. При свѣтѣ лампы, онъ различилъ ея черты: она была прекрасна.

Съ тѣхъ поръ, Сигизмундъ никогда не забывалъ оставаться передъ этимъ окномъ. Каждый вечеръ, въ одинъ и тотъ же часъ, молодая дѣвушка или сидѣла за клавикордами, или шивала подъ окномъ, при свѣтѣ лампы. Скрытый въ тѣни, Сигизмундъ упивался то прелестью ея голоса, то очаровательностью ея красоты. Какой же случай познакомилъ молодого графа съ этимъ семействомъ? Нѣтъ нужды говорить, какъ это случилось; всякой легко догадается. Нижний этажъ въ преддверіи, молодая дѣвушка, клавикорды, цвѣты, всегда открытое окно, молодой человѣкъ, прохаживающійся взадъ и впередъ, все это извѣстно къ чему ведетъ.

Внутренность комнаты нижняго этажа была убрана скромно, но съ изяществомъ; тонкій, образованный вкусъ выказывался въ малѣйшихъ подробностяхъ. Молодая дѣвушка жила одна съ своею матерью. Знали онѣ прежде и лучшіе дни; но война, похитивъ главу семейства, оставила на ихъ долю только небольшой пенсіонъ. Микелинѣ было шестнадцать лѣтъ. Она была прекрасна; но эта чудная красота, кажется, дается въ удѣлъ только тѣмъ, которые осуждены на преждевременную смерть. Ея большіе голубые глаза, отъѣненные длинными рѣсницами, блистали какимъ-то особеннымъ блескомъ, сіяніемъ душъ, которыми не суждено долго оставаться на землѣ. Мать Микелины сохранила еще то изящество пріемовъ, которое переживаетъ красоту и длить молодость за предѣлы, назначенные годами. Сигизмундъ лишился матери еще въ колыбели, а отецъ его, строгій, суровый и надменный, не могъ привязать къ себѣ сына. Молодой студентъ никогда не вкушалъ радостей семейнаго круга. Общество этихъ двухъ женщинъ замѣнило ему родныхъ, и онъ привязался къ нимъ со всею горячностью молодого

го, неспортивного сердца. Микелина была молода и очаровательна, Сигизмунд был молодъ и прекрасенъ. Любовь ихъ свободно возрастала подъ неусыпнымъ надзоромъ матери. Если таинственность пріятна для возрастающей страсти, то благосклонный, покровительствующій взглядъ, вѣрно, не менѣе пріятенъ. Они любили другъ-друга и общали жить одинъ для другаго. Во взаимной своей довѣрчивости, въ упоеніи своимъ счастьемъ, эти два юныя, неопытныхъ сердца, не могли предвидѣть препятствій къ своему соединенію. Что въ любви болѣе всего чуждо, такъ это то, что она не имѣетъ здраваго смысла. Впрочемъ, мать Микелины, раздѣлявшая сначала всѣ ихъ надежды, не могла избавиться отъ какого-то смутнаго безпокойства, когда ей приходило на умъ, что Сигизмундъ принадлежалъ къ такой фамиліи, которая считаетъ своихъ предковъ за нѣсколько сотъ лѣтъ. Сигизмундъ напрасно старался успокоивать ее; она глотала слезы, чтобы не встревожить свою дочь, Умы! опасенія ея были слынкомъ основательны. Когда Сигизмундъ, оставивъ университетъ, хотѣлъ высказать свои намѣренія, онъ встрѣтилъ въ своемъ отцѣ упорное, непреодолимое препятствіе, и долженъ былъ отказаться отъ своего счастья до будущаго времени. Страсти, встрѣтившія какую-нибудь преграду, бываютъ ужасны: желать разлуки двухъ сердець, связанныхъ крѣпкими, неразрывными узами пламенной юношеской любви, значить раздувать, а не тушить огонь. Каждый разъ, какъ Сигизмундъ имѣлъ нѣсколько свободныхъ дней, онъ лѣтъ въ Гейдельбергъ, взглянуть на свою Микелину. Можно представить, сколько радости и сколько печали было въ этихъ свиданіяхъ! Микелина никогда не жаловалась, при Сигизмундѣ она могла только улыбаться и слушать его очаровательныя рѣчи, но какъ есть растенія, которыхъ корни, болѣе и болѣе разрастаются, наконецъ разрываютъ сосудъ, служившій имъ темницею, такъ есть и души, которыя безропотно переносятъ всѣ горести, и тихо, незамѣтно снимаютъ съ себя свою оболочку.

Отецъ Сигизмунда умеръ. Черезъ восемь дней послѣ похоронъ, молодой графъ отправился въ Гейдельбергъ. Когда онъ прибылъ, Микелина уже собиралась отлѣтъ, отлѣтъ безвозвратно, навсегда; прошло три дня, и она испустила послѣдній вздохъ. Въ продолженіе этихъ трехъ дней, этихъ ужасныхъ дней, умирающая нѣсколько разъ просила Сигизмунда разыграть на клавикордахъ мелодію, которая была первою причиною ихъ

взаимной страсти. Оба они любили ее страстный напѣвъ, ее дивные переливы. Часто, въ счастливые дни, они пѣли ее вмѣстѣ, пѣли съ упоеніемъ, съ блаженствомъ; говорили, что они пѣли эту мелодію для того, чтобы выразить свою благодарность къ Творцу, которому угодно было сблизить ихъ. Этотъ напѣвъ Микелина изучила еще въ горахъ Тироля, и онъ такъ напечатлѣлся въ ее памяти, что она никакъ не могла забыть его, и когда ей случилось снова услышать эти чудные перекаты голоса, спустя десять лѣтъ, то ей казалось, будто она слышала ихъ только вчера. Умирая на рукахъ Сигизмунда, она еще пѣла эту сладостную мелодію.

Скорбь Сигизмунда была безпредѣльна; нѣсколько недѣль онъ не помнилъ себя; когда страшная тоска отлегла отъ его сердца, ему весь свѣтъ казался пустынею. Онъ хотѣлъ взять съ собою въ замокъ мать Микелины, и провести возлѣ нея остатокъ своей жизни, въ воспоминаніяхъ объ отлетѣвшемъ отъ нихъ ангелѣ. Но старушка рѣшительно отказалась. Ни слезы, ни мольбы не могли побѣдить ея непреклонности. — Я хочу умереть, говорила она, тамъ, гдѣ жила съ своею дочерью, хочу умереть, гдѣ она умерла. — Горесть сердца скоро свела ее въ могилу; Сигизмундъ закрылъ ей глаза. Исполнивъ этотъ послѣдній долгъ, онъ возвратился въ гильдесгеймскій замокъ, и началъ самую пустынноческую жизнь, старательно избѣгая всякаго случая, который могъ бы разсѣять его горесть. Если ему попадался на дорогѣ какой-нибудь сосѣдній владѣлецъ, то онъ молча раскланивался съ нимъ и поспѣшно отъѣзжалъ прочь, не произнеся ни слова. Напрасно владѣтели окрестныхъ замковъ приглашали его, напрасно маменьки и тетушки, у которыхъ были еще на рукахъ дочки и племянницы, старались заманить его къ себѣ; онъ глухъ былъ ко всѣмъ приманкамъ, и, заключась въ своемъ отчаяніи, не хотѣлъ ничего утѣшенія.

Наконецъ, когда неотвязчивые сосѣди оставили его въ покоѣ, онъ рѣшился прибѣгнуть къ единственному утѣшенію, которое представилось его уму: онъ вздумалъ повторить на своихъ клавинодахъ ту тирольскую пѣсню, которую пѣла Микелина въ тотъ день, когда онъ въ первый разъ ее увидѣлъ, которую они пѣли столько разъ вмѣстѣ, и которая слетѣла съ ее устъ съ послѣднимъ вздохомъ. Ему казалось, что, повторяя этотъ напѣвъ, онъ будетъ улаждать душу своей возлюбленной, что онъ будетъ чувствовать возлѣ себя присутствіе этой души; но, странное

дѣло! когда онъ сѣлся за клавикорды, память вдругъ ему изъѣвилась, и онъ напрасно старался воскресить въ своей душѣ любимую мелодію. Мелодія улетѣла вмѣстѣ съ душою молодой дѣвушки. Нѣсколько разъ онъ силился схватить ее, сначала съ нетерпѣніемъ, потомъ съ досадою, наконецъ съ бѣшенствомъ—безполезныя усилія! горестъ похитила все. Эта ожесточенная и безсильная борьба разстроила его совершенно. Онъ отправился въ Тироль; на вершинахъ горъ и въ глубинѣ долинъ онъ прислушивался къ пѣснямъ пастуховъ; ни чей голосъ не повторялъ пѣсни Микелины. Объѣхавъ Швейцарію и Италію, онъ возвратился въ Германію, и его тихое помѣшательство приняло новый видъ. Онъ ходилъ пѣшкомъ, какъ бѣдный студентъ, и каждый разъ, если, проходя черезъ какую-нибудь лѣвню, слышалъ молодой и чистый голосъ, онъ останавливался и слушалъ; если въ городѣ видѣлъ народъ, собравшійся около труппы странствующихъ пѣвцовъ, онъ вмѣшивался въ толпу, и до тѣхъ поръ не оставлялъ своего мѣста, пока не выслушаетъ всего репертуара этихъ виртуозовъ на открытомъ воздухѣ.

Графъ Сигизмундъ, съ ожесточеніемъ преслѣдуя эту тирольскую мелодію, которая убѣгала отъ него, какъ Итала отъ Улисса, слишкомъ мало заботился о своихъ выгодахъ, что и очень естественно. Отправляясь въ свои путешествія, продолжавшіяся уже нѣсколько лѣтъ, онъ помѣстилъ въ своемъ замкѣ двухъ родственницъ своей матери: Ульрику и Гедвигу фонъ-Штольценфельсъ. Это были двѣ старыя дѣвы, мужественно упорствовавшія въ своемъ безбрачїи, и имѣвшія одну только страсть, страсть къ своему племяннику, повѣсь и негодю, который разорилъ ихъ, и котораго все-таки онѣ любили, безъ всякой надежды на исправленіе. Въ продолженіе десяти лѣтъ, племянникъ Фридрихъ дѣлалъ такія частыя и опустошительныя нападенія на кошелекъ своихъ тетюшекъ, что онѣ наконецъ ничѣмъ не могли жертвовать ему, кромѣ своей любви. Для него онѣ продали алмазы, кружева и жѣхъ; онъ оставилъ имъ только самый умѣренный доходъ, которымъ онѣ едва могли кормиться, и Сигизмундъ, пригласивъ ихъ въ свой замокъ, сдѣлалъ скорѣе доброе дѣло, чѣмъ вѣжливость. Онѣ съ признательностію приняли предложеніе Сигизмунда, и думала сначала найти у него только убѣжище; но, замѣтивъ въ немъ разсѣянность и равнодушіе ко всѣмъ дѣламъ, относящимся до жизни, онѣ рѣшились перемѣнить свое мѣсто.

рение. Надѣвныя, упрямыя, преклоняющіяся только предъ капризами Фридриха, онѣ сдѣлались покорными и тихими, передъ Сигизмундомъ; подъ предлогомъ наблюдать за его выгодами, онѣ мало-по-малу захватили въ свои руки все управление его домою. Чтобы доставить своему благодѣтелю, говорили старыя дѣвы, болѣе свободы, онѣ приняли на себя дѣлать всѣ расчеты съ его управляющимъ и фермерами, и такъ хорошо обрабатывали это дѣло, что черезъ нѣсколько недѣль казалось, будто не онѣ имъ далъ убѣжище, а онѣ ему. Едва графъ Сигизмундъ куда-нибудь уѣзжалъ, Фридрихъ, служившій въ гарнизонѣ сѣдняго города, прилеталъ на свиданіе съ своими добрыми тетюшками, и властвовалъ въ замкѣ, какъ будто въ своихъ вотчинахъ. Лошади, собаки, охотники, все переходило въ его распоряженіе, и онѣ отдавалъ приказанія, какъ настоящій господинъ. Слуги, привыкшіе повиноваться старымъ дѣвамъ, видя, что, въ свою очередь, и онѣ подчинялись Фридриху, не смѣли ослушаться его. Будучи офицеромъ одного кавалерійскаго полка, Фридрихъ былъ очень привлекательный молодой человекъ, и вездѣ могъ съ выгодою показать себя. Всѣ, видѣвшіе его въ первый разъ, невольно увлекались его приемами и обхожденіемъ; и тогда даже, когда жили съ нимъ по нѣскольку мѣсяцевъ, когда ближе знакомились съ нимъ и замѣчали всѣ его недостатки, не могли разнубить его. Не смотря на свою разсѣланную жизнь, не смотря на свои безразсудныя издержки, онѣ умѣли прикрывать всѣ свои шалости такимъ благовиднымъ предлогомъ, что почти всегда заставляла извинять ихъ. Гедвига и Ульрика обожали его. Онѣ жалѣли подать нищему крейцарь, а безъ всякихъ отговорокъ отдавали своему племяннику послѣдній талеръ. И въ замѣнъ всѣхъ своихъ пожертвованій, онѣ требовали только того, чтобъ онѣ удостоили иногда посѣтить ихъ въ своемъ мундирѣ. Видѣть Фридриха въ мундирѣ кавалерійскаго офицера имъ казалось высочайшимъ счастіемъ. Онѣ не считали, что это счастье могло стоить слишкомъ дорого. И въ это время, подъ гостепріимною кровлею гвалдштейнскаго замка, ихъ занимала та же мысль. Блѣдное, унылое лицо Сигизмунда, вмѣсто того, чтобы возбудить въ нихъ материнскую заботливость, внушало имъ честолюбивыя надежды, о которыхъ, надо сказать правду, онѣ вовсе и не думали сначала, когда приняли приглашеніе поселиться въ замкѣ. Наблюдая за поступками Сигизмунда, онѣ говорили между собою, что, при

такой страшной жизни, ему не достигнуть старости, и едва ли даже пережить отъ свои зрѣлыя лѣта; а въ такомъ случаѣ не отперется ли для Фридриха самая блестящая будущность? Потому-что графъ согласенъ оставить ему часть своихъ владѣнйе. Да почему-бы не оставить ему и всего? Говоря по совѣсти, кого онъ найдетъ, чтобы сдѣлать наслѣдникомъ своихъ огромныхъ имѣнйи? Что касается до Фридриха, онъ думалъ только весело пожить и не принималъ никакого участія въ этихъ планахъ; онъ нилъ вина Сигизмунда, мучилъ его лошадей, опустошалъ его лѣса, травилъ собакъ, и больше ничего не требовалъ; такъ какъ будущее походило на настоящее, то онъ оставался совершенно спокойнымъ. Когда, черезъ нѣсколько дней, Сигизмундъ возвращался въ замокъ, Фридрихъ не измѣнялъ своихъ привычекъ, также распоряжался всѣмъ, какъ и въ отсутствіе своего родственника, и тотъ какъ будто ничего не видѣлъ, ничего не замѣчалъ. Графъ до того отрѣшился отъ вѣшняго міра, всѣ силы его ума такъ были сосредоточены на одномъ предметѣ, что онъ едвали и сознавалъ шумъ и движеніе, происходившія около него.

Надежды Гедавига и Ульрики, казалось, готовы уже были осуществиться. Сигизмундъ замѣтно угасалъ. Онъ почти уже съ мѣсяць жилъ въ замкѣ. Старыя дѣвы, управлявшія имъ, какъ ребенкомъ, и господствовавшія надъ всѣмъ, и при немъ, точно также, какъ и безъ него, были теперь увѣрены, безъ труда и безъ усилій склонить его къ исполненію своей воли. Но каково было ихъ смущеніе, когда въ одинъ день, вдругъ, невѣдомо откуда, явилась въ гильдесгеймскомъ замкѣ дальняя родственница отца Сигизмунда, о которой уже давно ничего не было слышно, и которую считали перешедшею въ другую, лучшій міръ! Еслибы громы небесныя разразились надъ ихъ головами, и тогда онѣ не были бы поражены такимъ ужасомъ. Маіоръ Вильдманъ, ведя самую разгульную и беспорядочную жизнь, наконецъ спустилъ въ карты все свое имѣніе. Чтобы избѣжать угрожавшей имъ нищеты, жена его Доротея ничего лучше не выдумала, какъ обратиться къ графу Сигизмунду. Но прослышавъ, что въ гильдесгеймскомъ замкѣ поселились дѣвицы Нитольденфельсъ, госпожа Вильдманъ, какъ женщина благоразумная, рѣшила впередъ сдѣлать рекогносцировку, и потомъ уже дѣйствовать. Зная доброе сердце и благородный характеръ молодата графа, она была увѣрена, что онъ не откажетъ ей въ

убѣжищѣ, и не обманулась. По дорогѣ она составила въ своей головѣ маленькій романъ, который рассказала Сигизмунду самымъ печальнымъ тономъ, и тотъ принялъ всѣ ея сказки за чистую монету. Она не сказала ни слова о безпорядочномъ поведении своего мужа, и всю вину въ бѣдственномъ своемъ положеніи сложила на банкротство своихъ банкировъ. Сигизмундъ былъ тронутъ. — Хорошо, сказалъ онъ, молча выслушавъ ея рассказъ до конца: двѣ родственницы моей матери помѣщаются въ правомъ флигелѣ замка, вы, съ мужемъ, можете занять лѣвый. Для меня еще слишкомъ много останется мѣста. — Доротея не заставила себя просить. Черезъ восемь дней она возвратилась съ маіоромъ Бильдманомъ и маленькимъ Исаакомъ, безобразнымъ мальчишкой, о которомъ забыла упомянуть. Графъ Сигизмундъ уже снова началъ преслѣдовать свою мечту. Досада Ульрики и Гедвиги скоро измѣнилась въ неумолимый гнѣвъ. Вообразите двухъ воронъ, готовыхъ ощипать бѣднаго голубка, и вдругъ, посреди ихъ роскошнаго пира, налетаютъ на нихъ три ястреба. Одинъ Фридрихъ не чувствовалъ никакой досады. Онъ отъ души хохоталъ надъ госпожею Бильдманъ, и жалѣлъ только, что Доротея не такъ молода и слишкомъ сухожава. Между правымъ и лѣвымъ флигелями замка вспыхнула непримиримая ненависть; они сдѣлались двумя непріятельскими лагерями. Графъ Сигизмундъ, пріѣзжавшій по временамъ въ свой замокъ, былъ увѣренъ, что у него поселялись самые лучшія на землѣ души, самые безкорыстные родственники, которые любятъ другъ друга со всею нѣжностію, и всячески стараются улучшить его жилище и усыять цвѣтами горестный путь его пустынической жизни. Старыя дѣвы, когда онъ былъ въ замкѣ, старались внушить ему, что Бильдманы самые негодные люди, и Бильдманы, въ свою очередь, не опускали случая выставлять дурныя стороны дѣвицъ Штольценфельсъ. Между-тѣмъ, какъ они говорили, Сигизмундъ думалъ о своей тирольской пѣснѣ, и благодарилъ ихъ, когда они оканчивали, за ихъ желаніе сдѣлать гильдесгеймскій замокъ волшебнымъ жилищемъ, убѣжищемъ всѣхъ добродѣтелей и истинной любви.

Однажды графъ Сигизмундъ возвратился въ замокъ. Танцевальная радость блистала на его челѣ и во взглядѣ; все лицо его сіяло небеснымъ блаженствомъ. Однимъ жестомъ онъ отдалилъ отъ себя всѣхъ людей, собравшихся около него, и, не говоря ни слова, съ яснымъ, спокойнымъ видомъ и съ улыбкою на устахъ,

прямо пошелъ въ свою комнату и заперъ дверь. Скоро вѣсковыя стѣны замка огласились чудною мелодіею: Сигизмундъ отыскалъ наконецъ нагѣвъ, за которымъ скитался почти шесть лѣтъ.

Увы! молодому графу не долго привелось торжествовать свою побѣду. Въ этой упорной борьбѣ онъ утратилъ свои силы. Впрочемъ, каковъ бы ни былъ преслѣдуемый нами идеалъ, ревнивая судьба никогда не проститъ намъ того, что мы успѣли-таки, не смотря на всѣ ея преграды, достигнуть цѣли и овладѣть своимъ идеаломъ. Черезъ вѣсколько времени, слуга вошелъ, въ одно утро, въ комнату графа. Звукъ клавикордовъ раздавался во всю ночь, и никогда еще они не были такъ трогательны и такъ поразительны. До самой зари слышалась одна и та-же мелодія, прерываемая кратковременнымъ молчаніемъ. Когда слуга вошелъ, Сигизмундъ сидѣлъ за клавикордами. Одна его рука, матовой бѣлизны, лежала на клавишахъ, другая небрежно была опущена вдоль неподвижнаго его тѣла; голова была прислонена къ спинкѣ кресель, на которыхъ онъ сидѣлъ; глаза были закрыты, на устахъ рисовалась полу-улыбка. Казалось, онъ спалъ. Дѣйствительно, онъ спалъ, но такимъ глубокимъ сномъ, что никогда уже болѣе не пробуждался.

Въ самый день похоронъ, Штольценфельсы и Бильдманы перестали скрывать свои притязанія на имѣніе покойнаго, и готовились къ жестокой, безпощадной войнѣ. Зная характеръ Сигизмунда, они не предполагали, чтобъ онъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе. Теперь надо было знать, кто останется владѣтелемъ огромныхъ помѣстій графа Сигизмунда, Бильдманы или Штольценфельсы. Двѣ противныя партіи рѣшились ни за что не уступать своихъ правъ. Непріятельскія дѣйствія начинались, и мундштатскіе стряпчие, извѣстные по всей Германіи своимъ упорствомъ и сутяжничествомъ, уже радовались и потирали руки, какъ вдругъ узнали, что графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ, еще за мѣсяцъ до своей смерти, положилъ духовное свое завѣщаніе въ конторѣ нотаріуса Готлиба Кауфмана.

II.

Наконецъ, на часахъ сосѣдней церкви пробило двѣнадцать. Въ этотъ торжественный часъ, Готлибъ Кауфманъ быстро вскочилъ со стула и подбѣжалъ къ зеркалу, чтобы увѣриться, что

ничто въ его одеждѣ не обличало страшнаго волненія его души. Онъ созерцалъ еще свое лицо, напрасно стараясь прилатъ ему величественный видъ, когда большая улица Мулынтагта потряслась подъ колесами тяжелаго рыдвана, который съ важно-стью побрякивалъ своими старыми составами, какъ будто гордась тѣмъ, что укрывалъ въ своемъ нѣдрѣ еще прапрадѣдовъ нынѣшнихъ своихъ господъ. Готлибъ Кауфманъ, казалось, вдругъ пробудился отъ сна и поспѣшно подскочилъ къ окну. Прочъ всѣ сомнѣнiя; надежды его исполнились; родственники и наследники графа Свигизмунда прибыли къ нему выслушать чтенiе духовнаго завѣщанiя. Забывъ, въ нетерпѣнiи, свое достоинство должностнаго лица, онъ сбѣжалъ съ дѣстницы, чтобы принять своихъ новыхъ кліентовъ. Рыдванъ остановился. Лакей, въ лавреѣ, бывшей нѣкогда оранжеваго цвѣта, съ голубыми галунами, не уступавшій самой лавреѣ ни въ драхлости, ни въ сѣднѣ, отворилъ дверцы рыдвана, откинулъ подножку, и двѣ старыя дѣвы, изъ которыхъ младшей было не менѣе полулѣта, напустились на землю съ вышоты своего экипажа, одна за другою, съ важно-стью опираясь на руку вѣжанваго нотаріуса. На обѣихъ была черныя платья; надѣнная, развѣрен-ная поступь ясно говорила о томъ высокомъ почтенiи, какое онѣ питали лично къ себѣ и къ знатности всего ихъ рода. Готлибъ Кауфманъ счелъ болѣе приличнымъ идти между двухъ королевъ; ему никогда не случалось видѣть такой величественной наружности, такой гордой осанки. Онъ взялъ ихъ обѣихъ подъ руки и ввелъ въ залу. Едва онѣ помѣстились на предложенныхъ имъ креслахъ, какъ начали рѣчь въ похвалу умершаго, выхваляя его доброту, благородство, прямой и рыцарскій характеръ. Хотя Кауфманъ и не зналъ содержанiя духовной, потому что графъ Свигизмундъ все завѣщанiе писалъ собственною рукою и отдалъ нотаріусу запечатаннымъ, но, на всякій случай, хитрый приказный думалъ подслужиться знаменитымъ наследникамъ, и намекалъ, что гильдесгеймскій замокъ и лучшая часть владѣнiй покойнаго графа необходимо должны перейти въ ихъ руки.

— Ахъ, любезный Кауфманъ, вскричали въ одинъ голосъ Гедвига и Ульрика: почему Богу было не угодно продлить его жизнь? Онъ дѣлалъ столько добра, и такъ былъ любимъ! Онъ былъ честь, подпора нашего рода, благодѣтель бѣдныхъ.

Готлибъ Кауфманъ, хвальный своей ролью, которую научилъ

уже напередъ, позналъ необходимость сочувствовать ихъ печали. Онъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ и сдѣлалъ видъ, будто открываетъ слезы.

— Да, сударыни, это правда, проговорилъ онъ, силясь придать своему голосу печальное выраженіе: это была добрѣйшая душа, благороднѣйшее сердце. Онъ жилъ не такъ, какъ другіе; но его странности никого не беспокоили, никому не вредили. Да, вы имѣете причину плакать; всѣ, кто зналъ графа Сигизмунда, плачутъ объ немъ, какъ и вы.

И онъ снова поднесъ платокъ къ глазамъ. Въ этотъ разъ Готлибъ Кауфманъ почувствовалъ въ себѣ даръ краснорѣчія, которое у него какъ будто пресѣклось; слова застывали на губахъ.

— Онъ былъ не только добръ, продолжалъ нотаріусъ, трогательнымъ голосомъ: но и справедливъ; онъ умѣлъ отличать дружбу, которую питали къ нему; онъ цѣнилъ съ полною признательностію тѣ попеченія, которыми вы окружали его. Каждый разъ, какъ я видѣлся съ нимъ, каждый разъ, какъ онъ удостоивалъ меня бесѣдою о своихъ планахъ и намѣреніяхъ, онъ съ чувствомъ говорилъ объ васъ и объ вашемъ племянникѣ, Фридрихѣ.

Услышавъ послѣднія слова, Гелвига и Ульрика устремили на нотаріуса вронительный взглядъ, какъ бы желая прочесть въ его глазахъ открытіе тайны, которую онъ скрывалъ отъ нихъ. Но Готлибъ Кауфманъ, какъ тонкій дипломатъ, закусилъ губы и сдѣлалъ видъ, что и то сказалъ уже очень много.

— Такъ, дѣйствительно, онъ говорилъ объ насъ и объ нашемъ племянникѣ? спросили дѣвицы Штольценфельсъ съ выраженіемъ горести. Богъ свидѣтель, что мы ничего не ожидали отъ него; намъ бы слѣдовало предупредить его въ могилѣ; но Богу угодно было призвать его къ себѣ. Кому же прилечьте, какъ не намъ, наследовать его имѣніе? Уже ли онъ могъ предпочесть намъ Бильдмановъ?

— Можно ли думать такъ! отвѣчалъ нотаріусъ. Майоръ Бильдманъ самый ненадежный наследникъ. Если у графа Сигизмунда была странная мысль предпочесть вамъ Бильдмановъ, то все это владѣніе какъ разъ услышатъ въ чужія руки. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Онъ также хорошо зналъ Бильдмановъ, какъ и вы.

И въ этотъ разъ онъ также закусилъ губы, какъ будто боялся

ся проговориться. Потомъ, перемѣнивъ разговоръ, онъ продолжалъ:

— Графъ Сигизмундъ удостоилъ меня полной довѣренности, и смѣю сказать, что онъ не ошибся. Можетъ быть, черезъ нѣсколько минутъ, вы вступите во всѣ его права, надѣюсь, сударыни, что вы также не лишите меня своей довѣренности.

— Будьте увѣрены, господинъ Кауфманъ, проговорила Ульрика.

— Мы вамъ поручимъ, прибавила Гедвига: составить свадебный контрактъ нашего милого племянника.

— И я, также, смѣю васъ увѣрить, сударыни, въ своей совершенной къ вамъ преданности и готовности быть вамъ полезнымъ: господинъ Фридрихъ фонъ-Штольценфельсъ, если только ему будетъ угодно, можетъ жениться на эрцъ-герцогинѣ.

Въ эту минуту передъ окнами залы остановился берлинъ. Готлибъ Кауфманъ всталъ, сдѣлалъ почтительный поклонъ двумъ своимъ клиенткамъ, и съ легкостію, несвойственною его годамъ, въ нѣсколько минутъ очутился на крыльцѣ. Маіоръ Бильдманъ, потому-что это былъ онъ, въ сопровожденіи Доротен, своей достойной половины, и Исаака, своего достойнаго сына, предупредилъ услужливаго нотаріуса, спѣшившаго отпереть дверцы беринна. Онъ первый выскочилъ изъ экипажа, высадилъ жену и сына, и потомъ, снявъ шляпу, изъ-подъ которой струился по лицу потъ, онъ, прежде чѣмъ поздоровался съ хозяиномъ, закричалъ во все горло:

— Господинъ Кауфманъ, мнѣ ужасно хочется пить, умираю отъ жажды; я вѣдь издалека. Прежде чтенія духовнаго завѣщанія, я хотѣлъ бы немножко освѣжиться.

Произнеся эти слова, Бильдманъ гордо провелъ пальцами по своимъ сѣдымъ усамъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокаго роста и чрезвычайно крѣпкаго сложенія; онъ ходилъ грудью впередъ и поднималъ голову; багровое его лицо и угреватая щеки достаточно свидѣтельствовали объ образѣ его жизни. Суруга маіора, госпожа Доротея Бильдманъ, праздновала еще только тридцать пятую весну; ея впаляя щени, блѣдныя, тонкія губы, ввалившіеся глаза, вздернутый носъ, раздутыя ноздри, придавали ей нѣкоторое сходство съ хищною птицею. Туалетъ этой достойной четы какъ нельзя лучше шелъ имъ къ лицу. На маіорѣ была свѣтло-зеленая венгерка съ брадесбургамъ, темныя три-

ковья брожа въ облачку и сапоги съ кистами. Доротея была одѣта въ черное шерстяное платье, котораго узкая, стянутая на бокахъ юбка обрисовала ея костлявый станъ съ безжалостною вѣрностію. Чтобы прикрыть, сколько возможно, непривлекательный, при такомъ печальномъ случаѣ, цвѣтъ своей венгерки, маіоръ закрылъ всю тулью своей сврой шляпы чернымъ креномъ. Доротея, для полноты траура, надѣла вдовій чепчикъ. На маленькомъ Исаакѣ былъ, такъ сказать, импровизированный трауръ; Доротея, какъ расчетливая хозяйка, ничего не хотѣла измѣнять въ туалетѣ своего сына. Нанковыя панталоны, голубая суконная курточка, кожаные полосатые башмаки и узорчатые чулки, составляли весь нарядъ наследника Бильдмановъ. Къ соломенной его шляпѣ Доротея прикрѣпила креновый бантъ, концы котораго развѣвались въ воздухѣ, какъ траурныя флаги. Профиль Исаака имѣлъ большое сходство съ профилемъ лягушки; изъ угожденія своей матери, которая требовала, чтобъ сынокъ ея держалъ себя прилично и важно, онъ сдѣлалъ такую отвратительную гримасу, что на лицѣ его скорѣе выражалась досада, чѣмъ печаль. Свѣтло-русые, даже почти бѣлые, волосы мальчика были обстрижены подъ гребенку, и потому лицо его, на которомъ напечатлѣны были злость и лукавство, выказывалось во всемъ своемъ безобразіи.

Нотаріусъ ввелъ семейство Бильдмановъ въ столовую комнату. Лишь только успѣли войти, маіоръ, безъ церемоніи, сѣлъ за столъ, какъ будто дома, и дружески потрепалъ хоизина по плечу.

— Вотъ что! значить, вы ожидали насъ, почтеннѣйшій Кауфманъ? произнесъ маіоръ: а! я вижу, что вы умѣете дѣлать дѣла, какъ слѣдуетъ: плоды, это хорошо; холодная говядина, это еще лучше; старое вино, это, просто, прелесть. Но что у васъ тутъ за вино? Я имѣю привычку освѣжаться благороднымъ виномъ.

Не дожидаясь отвѣта онъ откупорилъ бутылку, которую держалъ въ рукѣ, наполнилъ полный стаканъ мадеры и выхлебнулъ его однимъ глоткомъ.

— У васъ славный погребъ, любезный Кауфманъ, сказалъ онъ съ видомъ покровительства. Если ваша контора не хуже вашего погреба, такъ вы обдѣливаете дѣла на славу.

Потомъ, вдругъ одумавшись, онъ понялъ, что такіа слова

непримиримы, при настоящемъ случаѣ, и старался придать своему багровымъ щекамъ и толстымъ, фиолетовымъ губамъ печальное выраженіе.

— Ну, продолжалъ онъ: такъ теперь пойдите выслушать завѣщаніе! Не смотря на свои причуды, графъ Сигизмундъ былъ добрый человекъ. Я увѣренъ, что онъ хорошо понималъ маіора Бильдмана.

— Вы не ошибаетесь, прервалъ нотариусъ: онъ мнѣ всегда говорилъ объ васъ съ сердечнымъ участіемъ. Онъ любилъ васъ и понималъ, чего вы стоите. Онъ цѣнилъ тонкій, разсудительный умъ госпожи Бильдманъ, и, при всякомъ случаѣ, съ удовольствіемъ рассказывалъ о дѣтскихъ забавахъ этого милаго ребенка.

Говоря такимъ образомъ, Кауфманъ гладилъ по подбородку маленькаго Исаака, который подставлялъ свою рюмку отцу.

— Такъ графъ Сигизмундъ говорилъ иногда объ насъ? сказала Доротея пискливымъ голосомъ. Богу извѣстно, что мы любили его отъ чистаго сердца и совершенно безкорыстно. Всякій разъ, какъ неосторожные языки шутили надъ его странными путешествіями, надъ его уединенною, молчаливою жизнью, мы съ мужемъ заступались за него, и заставляли молчать злые языки. Ахъ, конечно, онъ не будетъ неблагодаренъ, онъ вспомнить объ насъ! Я надѣюсь, что онъ щедро наградитъ нашего милаго Исаака. Да и кому же, впрочемъ, онъ могъ оставить свои прекрасныя помѣстья? Штольценфельсамъ? А вы знаете, господинъ Кауфманъ, вы, вѣдь хорошо знаете Фридриха; вы видѣли, какъ онъ ведетъ себя. О, если попадется ему въ руки это имѣніе, онъ скоро выжметъ изъ него сокъ!

— И проглотить его разомъ, лукаво, прибавилъ маіоръ, закручивая отъ удовольствія усы.

— Да, я знаю его, отвѣчалъ Кауфманъ: и графъ Сигизмундъ зналъ его не хуже меня; потому-что, подъ видомъ оригинальности, подъ наружною безпечностію, покойный скрывалъ глубокой умъ и рѣдкую проницательность; съ перваго взгляда онъ хорошо понималъ всѣхъ, кто окружалъ его. Черезъ минуту, сударыня, вы узнаете послѣднюю волю графа Сигизмунда. Я предвижу, что много будетъ обманутыхъ надеждъ и оскорбленныхъ самолюбій. Фридрихъ, жившій до сихъ поръ отъявленнымъ негодяемъ, принужденъ будетъ оставить свои шалости.

И светла похлывшая рукою по низкому, плоскому лбу Исаана, онъ улыбнулся съ улыбкою:

— Вотъ дитя, будущность котораго обезпечена. Будетъ время, когда онъ составитъ славную партію; всё дороги для него открыты, потому-что богатство вездѣ прокладываетъ путь. Куда онъ ни захочетъ, въ гражданскую ли, въ военную ли службу, нигдѣ онъ не встрѣтитъ препятствій, всё его хлопоты ограничатся только выборомъ.

Видя, что при этихъ словахъ лицо Доротей прояснилось, Кауфманъ продолжалъ, все болѣе и болѣе одушевляясь:

— Да, этотъ ребенокъ со временемъ можетъ требовать руки самой богатой, самой красивой невѣсты во всей Германіи. Всѣ матери наперерывъ будутъ спорить за честь имѣть его своимъ зятемъ. Графъ Сигизмундъ удостоилъ меня своей довѣренности, и я могу сказать, что онъ не обманулъ. Можетъ-быть, черезъ нѣсколько минутъ, вы вступите во всё его права, смѣю нагъяться, сударыня, что вы также не лишите меня своей довѣренности.

— Положитесь на насъ, господинъ Кауфманъ, отвѣчалъ охриплымъ голосомъ маіоръ, который уже кончалъ свою бутылку. Положитесь на насъ; непременно вамъ мы поручимъ составить свадебный контрактъ нашего сына и завѣщаніе моей жены: не такъ ли, Доротей?

Готтлибъ Кауфманъ нѣсколько уже минутъ слышалъ нетерпѣливые шаги Ульрики и Гедвиги; онъ всталъ и ввелъ въ комнату маіора, его жену и сына. Маіоръ и Доротей раздвинулись съ старыми дѣвами самыми принужденными поклонами. Ожидали только Фридриха, чтобы открыть завѣщаніе. Скоро послышался топотъ лошадиныхъ копытъ. Вошелъ Фридрихъ, весь въ пыли, съ хлыстикомъ въ рукѣ, и небрежно раскланялся со всѣми. Это былъ красивый молодой человекъ, съ блѣднымъ, нѣсколько истомленнымъ лицомъ, съ тонкою и гибкою, какъ тростникъ, талією. Когда всѣ ушли вокругъ стола, Кауфманъ отправился въ контору, чтобы взять завѣщаніе графа Сигизмунда, и скоро возвратился, держа въ рукѣ пакетъ, запечатанный фамильнымъ гербомъ Гильдесгеймовъ. Гедвига и Ульрика, маіоръ и Доротей устремили на этотъ таинственный пакетъ безпокойные взгляды; только Фридрихъ оставался спокойнымъ зрителемъ и, казалось, не принималъ никакого участія въ предстоящемъ чтеніи. Наконецъ нотаріусъ вынулъ изъ крас-

наго сафьяннаго футляра свои очки, оправленные золотомъ, и, стараясь принять торжественный видъ, разломилъ печать. Между тѣмъ, какъ Фридрихъ рисовалъ на пыли своихъ сапоговъ профиль Готлиба Кауфмана, Ульрика и Доротея смотрѣли одна на другую, какъ двѣ собаченки, готовые сцѣпиться за кусокъ мяса. Нотариусъ медленно перелистывалъ завѣщаніе, перевѣрялъ подлинъ на каждой страницѣ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли подлога.

— Ну что же! нетерпѣливо вскричалъ маіоръ: теперь мы всё; чего же вы дожидаетесь?

— Минуточку, отвѣчалъ нотариусъ; завѣщаніе у насъ въ рукахъ, теперь не вырвется отъ насъ. А прежде начатія чтенія, я долженъ видѣть, все ли въ порядкѣ. Мы не то, что кто другой, намъ нельзя дѣлать какъ-нибудь, съ плеча; мы всегда должны поступать съ осторожностію.

Воцарилось глубокое молчаніе. Слышно было жужжаніе мухъ, въ которыхъ не было недостатка въ залѣ Готлиба Кауфмана.

Нотариусъ откашлялся три раза, и громкимъ голосомъ прочиталъ слѣдующее:

«Вотъ вѣрное выраженіе моей послѣдней воли.

«Я желаю, чтобы она исполнена была точь-въ-точь.

«О родственникахъ своихъ я могу отозваться только съ похвалою. Душа моя проникнута признательностію за нѣжныя попеченія, которыми я былъ окруженъ, и надѣюсь, что мои родственники увидятъ въ послѣднихъ моихъ распоряженіяхъ ясное доказательство моей благодарности и глубокаго почтенія, которое они умѣли внушить мнѣ.

«Двѣ родственницы покойной моей матери, Гедвига и Ульрика фонъ-Штольценфельсъ, при каждомъ случаѣ оказывали мнѣ самую безкорыстную любовь. Чтобы доставить мнѣ больше свободаваго времени, онѣ приняли на себя управленіе моимъ домогъ. Онѣ неусыпно и со всею ревностію, которая не уменьшалась ни на минуту, заботились объ улучшеніи моихъ владѣній. Фридрихъ, по своей молодости и веселому праву, вносилъ въ мой замогъ нѣсколько жизни и движенія. Единственно ему я обязанъ развлеченіями въ эти послѣдніе годы. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Штольценфельсы поселились подъ моею кровлею, они были для меня самыми нѣжными, самыми преданными друзьями; ни въ словахъ ихъ, ни въ дѣйствіяхъ, я не замѣчалъ и тѣни

самолюбія; это постоянное самопожертвованіе внушило мнѣ удивленіе и почтеніе къ нимъ; да будетъ имъ извѣстно, что я достойно оцѣнилъ ихъ попеченія.»

Въ это время, Гедвига и Ульриха, гордо поднявъ головы, бросили на маіора и Доротею торжествующій и презрительный взглядъ. Фридрихъ, окончивъ по одному сапогѣ портретъ нотариуса, располагался на другомъ сапогѣ начать портретъ Исаака. Маіоръ опустилъ голову, думая, что уже все потеряно; но Доротею, не теряя присутствія духа при этомъ зловѣщемъ началѣ, устремила на нотариуса любопытный, пронзительный взоръ, и, казалось, понуждала его продолжать скорѣе. Готтлибъ Кауфманъ, видя, что гильдесгеймскій замокъ переходитъ во владѣніе Штольценфельсовъ, съ угодливістію улыбался имъ, и даже не замѣчалъ нетерпѣнія Доротеи. Маленькій Исаакъ съ жадностію улетаалъ бисквитъ, утащенный имъ изъ столовой комнаты.

Послѣ минутнаго молчанія, нотариусъ продолжалъ:

«Откровенность и прамодушіе маіора Бильдмана, скажу чисто-сердечно, были для меня самымъ пріятнымъ утѣшеніемъ послѣ обмановъ, какіе я испыталъ въ моей молодости.»

Въ свою очередь, и маіоръ поднялъ голову; въ свою очередь, и Доротею бросила на старыхъ дѣвъ презрительный взглядъ.

Кауфманъ продолжалъ:

«Госпожа Бильдманъ соперничествовала въ ревности и преданности съ родственницами моей матери. Отсутствіе малѣйшей зависти и коварства придавало этой борьбѣ характеръ важный и трогательный: и въ-замѣнъ столькихъ заботъ и попеченій, Бильдманы и Штольценфельсы требовали и ожидали отъ меня только любви и привязанности. Бильдманы имѣютъ такое же право на мою признательность, какъ и Штольценфельсы.»

Читая послѣднія слова, Готтлибъ Кауфманъ находился въ крайнемъ замѣшательствѣ; онъ не зналъ, которой сторонѣ улыбаться. Для избѣжанія этого затрудненія, онъ рѣшился на геройскій поступокъ—улыбаться всѣмъ. Выслушавъ этотъ пунктъ, въ которомъ и Бильдманы и Штольценфельсы получали равную благодарность, обѣ партіи измѣнили положеніе и фвізіономію; онѣ не мечтали болѣе о торжествѣ, а думали уже о раздѣлѣ.

— Ну что же, господинъ Кауфманъ! сказалъ Фридрихъ:

скоро ли вы кончите чтеніе этого черновика? Не думаете ли вы, что я останусь здѣсь до вечера?

— Потерпите немножко, любезный племянникъ, вскричала Ульрика.

— Продолжайте, почтеннѣйшій Кауфманъ, сказалъ маіоръ Вильдманъ.

— Мы переходимъ на послѣднюю страницу, съ важностію возразилъ нотаріусъ.

И онъ снова началъ чтеніе торжественнымъ голосомъ:

«Въ Мюнхенѣ, на Оружейной улицѣ, подъ № 9, живетъ молодой музыкантъ, Францъ Миллеръ. До сихъ поръ, онъ жилъ своими трудами, давая уроки, и тѣмъ пропитывалъ свою жену и дѣтей, которыя любятъ его нѣжно. Это самое счастливое семейство; я не могъ смотрѣть на него безъ зависти. Но Миллеръ не обыкновенный артистъ; его геній имѣетъ нужду въ беззаботной свободѣ, для полного своего развитія. Этого-то Франца Миллера, живущаго въ Мюнхенѣ, на Оружейной улицѣ, подъ № 9, я назначаю наслѣдникомъ всего моего имѣнія.»

При этихъ словахъ, Гедвига и Ульрика, маіоръ и Доротея, быстро вскочили съ своихъ мѣстъ, испуская крики удивленія и гнѣва. Фридрихъ не могъ удержаться отъ хохота.

— Чудесно! вскричалъ онъ, хлопая руками: чудесно! Bravo, братъ, bravo! Графъ Сигизмундъ и умеръ, вотъ жилъ, совершеннымъ оригиналомъ.

— Это стыдъ, это безславіе! повторили хоромъ двѣ старыя дѣвы, маіоръ и его супруга, задыхающимся отъ гнѣва голосомъ.

— Онъ сумасшедшій, я знала это хорошо, зашѣтила Доротея. Мы должны потребовать своей части.

— Онъ не стоилъ нашихъ благодѣяній, продолжала Ульрика: не стоилъ заботъ, которыми мы окружали его.

— Мы уничтожимъ завѣщаніе, прибавилъ маіоръ громовымъ голосомъ: мы докажемъ, что онъ былъ помѣшанъ.

— Да, вскричали въ одинъ голосъ Ульрика, Гедвига и Доротея: мы уничтожимъ завѣщаніе!

— Вы ничего не сдѣлаете, возразилъ Фридрихъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ. Вы спали подъ его крышею, ѣли его хлѣбъ; онъ всегда былъ ласковъ и добръ до насъ. Если кто изъ васъ думаетъ уничтожить его завѣщаніе, то я объявляю, что никогда не допущу до этого, и стумѣю заставить всякаго уважить его послѣднюю волю.

Фридрихъ гордо взглянулъ на майора.

Во время этой сцены, Готлибъ Кауфманъ не зналъ, къ кому обратиться; онъ улыбался, по-очередно, а Штольценфельсамъ и Бильдманамъ; чтобы до конца доиграть свою роль, онъ долженъ былъ бы теперь улыбаться Миллеру. Не видя передъ собою настоящаго наследника графа Сигизмунда, онъ бросилъ на Бильдмановъ и Штольценфельсовъ сострадательный взглядъ, въ которомъ видна была одна небольшая насмѣшка. Потомъ, когда крики и ругательства не утихали, онъ вскричалъ повелительнымъ тономъ:

— Позвольте! позвольте! я еще не кончилъ.

Штольценфельсы и Бильдманы усѣлись. Кауфманъ продолжалъ:

«Желаю, послѣ моей смерти, обезпечить судьбу моихъ фермеровъ и служителей, о которыхъ такъ мало заботился при жизни, я хочу, чтобы Францъ Миллеръ жилъ въ гилдесгеймскомъ замкѣ девять мѣсяцевъ въ году, и не отпускалъ отъ себя ни одного изъ моихъ слугъ.

«Что касается до любезныхъ моихъ родственниковъ, Штольценфельсовъ и Бильдмановъ, то я требую, чтобы ничто не измѣнилось въ ихъ жизни, и чтобы они жили въ замкѣ по прежнему.»

— Никогда! вскричали въ одинъ голосъ старыя дѣвы, майоръ и Доротея: никогда!

— Позвольте! вскричалъ нотариусъ: позвольте! я еще не кончилъ.

Штольценфельсы и Бильдманы усѣлись во второй разъ.

Желаю обезпечить независимость моихъ любезныхъ родственниковъ, я завѣщаю Францу Миллеру выдавать ежегодно Ульрихъ фонъ-Штольценфельсъ тысячу флориновъ:

«Гедвигъ фонъ-Штольценфельсъ, тысячу флориновъ;

«Фридриху фонъ-Штольценфельсъ, тысячу флориновъ;

«Майору Бильдману, двѣ тысячи флориновъ, съ переводомъ, въ случаѣ его смерти, на жену его, Доротею Бильдманъ;

«И тотчасъ же, по вступленіи во владѣніе гилдесгеймскими помѣстьями, взять впередъ изъ своихъ доходовъ десять тысячъ флориновъ и положить въ банкъ. Вся эта сумма и съ процентами должна будетъ поступить въ полное распоряженіе Исаака Бильдмана, когда онъ достигнетъ совершеннаго возраста.

«Фридриху фонъ-Штольценфельсу я даю полную свободу рас-

поряжаться монни лошадыи и собаками, и охотаться въ мо-
нхъ владѣнїяхъ.»

— Спасибо, братья! сказалъ Фридрихъ, вставая.

И онъ сдѣлалъ рукою военный салютъ.

«Къ этой духовной записи я прилагаю одну тироольскую пѣс-
ню, и завѣщаю вырѣзать ее на моей гробницѣ вмѣсто надгроб-
ной надписи.

«Такова моя послѣдняя воля. Завѣщаю моннѣ любезныиъ
родственникамъ жить въ мирѣ и согласїи съ новымъ владѣте-
лемъ замка, который замѣнитъ меня. Если въ новомъ мирѣ,
гдѣ, безъ сомнѣнїя, я скоро буду, намъ дано право видѣть то,
что происходитъ на землѣ, я буду радоваться ихъ счастью и
спокойствїю.

«Составлено и подписано въ моемъ гильдесгейнскомъ замкѣ,
17-го марта 1825 года.

«Графъ Смизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ.»

— Это стыдъ! это безславіе! это позоръ! Мы обокрадены,
мы ограблены, мы зарѣзаны! вскричали въ одинъ голосъ Уль-
рика, Гедвига, маіоръ и Доротея.

Когда они собрались уже выйти, Кауфманъ, для утѣшенїя
ихъ въ несчастїи, попросилъ ихъ въ столовую комнату. Три
женщины съ гнѣвомъ отвергли это приглашенїе, походившее
на насмѣшку; только маіоръ хотѣлъ сказать слова два одной
индѣйкѣ, которая ему очень приглянулась, и облить ее поря-
дочно старымъ виномъ. Но Доротея утащила его за собою,
упрекая его въ обжорливости. Гедвига и Ульрика влѣзли въ
свой рыдаванъ; Фридрихъ вскочилъ на сѣдло и пустился въ га-
лопъ, унеся на своихъ сапогахъ портретъ Исаака и прошилъ
Готлиба.

Кауфманъ остался одинъ; видя, что всѣ гости отъ него раз-
бѣжались, онъ позвалъ своего старшаго писца, посадилъ его
возлѣ себя, и, вдвоемъ, они осушили нѣсколько бутылокъ ста-
раго вина за здоровье новаго владѣтеля гильдесгеймскаго замка.

III.

Въ это время жили въ Мюнхенѣ три существа, которыя пред-
ставляли рѣдкое зрѣлище: онѣ видѣлись каждый день, спали

подъ одною крышею, сѣдѣли за одинъ столъ, и однако читали другъ къ другу самую нѣжную привязанность, которая продолжалась уже нѣсколько лѣтъ. Эти три необыкновенныя существа были Францъ Миллеръ, Эднѳ, жена его, и Шпигель ихъ другъ.

Францъ и Шпигель воспитывались вмѣстѣ; лучшіе годы своей молодости они провели въ бѣдности, въ бѣдности поэтической, одушевленной трудомъ, украшенной надеждами. Францъ былъ музыкантъ, Шпигель живописецъ; искусство и дружба наполняли всю ихъ жизнь и не давали ни малѣйшаго мѣста унынію. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, они прошли пѣшкомъ, съ сумкою за плечами и съ посохомъ въ рукахъ, Германію и Тироль, останавливаясь всякой разъ, когда попадался имъ на пути какой-нибудь живописный пейзажъ. Тогда каждый старался заработать что-нибудь своими трудами; Шпигель писалъ для кого нибудь портреты, а Миллеръ давалъ уроки на клавишнѣ или въ пѣніи; если же случалось имъ приходить наканунѣ большаго праздника, то Францъ предлагалъ свои услуги мѣстной церкви и игралъ на органѣ во время службы. Такимъ-то образомъ, кочуя, какъ Цыганы, они могли посѣтить роскошныя долины, живописныя горы, богатые города, знаменитыя галереи, и собрать для вечернихъ разсказовъ сокровище воспоминаній. Въ продолженіе трехъ лѣтъ ни одно облако не затемнило ясности ихъ дѣвъ; въ продолженіе трехъ лѣтъ у нихъ не было ни одной скрытой мысли другъ отъ друга. Они надѣялись вмѣстѣ состарѣться, и общали другъ другу никогда не жениться, опасаясь, чтобы супружество не остановило развитія ихъ талантовъ и не охладило ихъ дружбы. Они были еще въ томъ возрастѣ, когда умъ, вездѣло преданный искусству, не видитъ ясно другихъ нуждъ, другихъ требованій; потому ихъ неблагоразумное обѣщаніе не могло исполниться. Обѣтъ безбрачія ничто не стоилъ для суровой природы Шпигеля, котораго страшна одна мысль объ семействѣ, который содрогался при представленіи правильнаго, вѣжливаго, опредѣленнаго существованія, сидячей; неподвижной жизни. Но для мечтательной и нѣжной души Миллера, такой обѣтъ былъ безразсуденъ. Давая это обѣщаніе, первая мысль котораго принадлежала Шпигелю, Миллеръ говорилъ отъ чистаго сердца; онъ былъ увѣренъ, что можетъ исполнить то, что обѣщаетъ, и обманулъ

ся; его твердая рѣшимость исчезла передъ улыбкою молодой дѣвушки. Въ одномъ маленькомъ городѣ Тироля, онъ увидѣлъ Эднѣю и полюбилъ ее отъ всей души. Францъ чувствовалъ, что любовь его къ прекрасной Тиролькѣ возрастаетъ съ каждымъ часомъ; затрудненіе его было слишкомъ велико: надо было объявить Шпигелю, что онъ хочетъ дать назадъ свое слово и уничтожить данный обѣтъ. Не смотря на то, что Миллеръ старался раскрыть свою мысль осторожно и двусмысленно, Шпигель грубо остановилъ его почти на первомъ словѣ. Онъ началъ длинную проповѣдь о непрочности дружбы, о нестойкости людей, представляя свою мысль то въ смѣшныхъ, то въ печальныхъ образахъ. Для отвращенія своего друга отъ этого намѣренія, онъ нарисовалъ передъ его глазами ужасную картину всѣхъ горестей и непріятностей, сопряженныхъ съ женитьбою. Онъ пытался доказать ему, что всѣ великія мысли, всѣ благородныя побужденія, всѣ поэтическіе восторги, задыхаются и умираютъ въ атмосферѣ семейной жизни. Миллеръ слушалъ всѣ эти страшныя пророчества, ни на минуту не колебался въ своемъ намѣреніи, и кончилъ разговоръ тѣмъ, что объявлялъ Шпигелю о скорой своей свадьбѣ. Съ этой минуты Шпигель считалъ Франца погибшимъ безвозвратно, погибшимъ для дружбы, погибшимъ для искусства, погибшимъ для веселой, беззаботной жизни, какую они вели до сихъ поръ. Онъ предоставилъ Эднѣю спасти его. Всѣ трое, они возвратились въ Мюнхенъ; проходили дни, недѣли, мѣсяцы, а дружба Франца и Шпигеля, вместо того, чтобы уменьшаться, возрастала болѣе и болѣе. Познакомясь съ странностями характера Шпигеля, Эднѣю дала себѣ слово передѣлать его, и, сверхъ всякаго ожиданія, совершенно въ томъ успѣла. Съ красотою и граціею, Эднѣю соединяла въ себѣ умъ и доброту. Шпигель, полюбившій сначала Миллера, только изрѣдка и то на самое короткое время, Шпигель, слабѣйшій изъ интригановъ послѣ нарушенія другомъ его данной клятвы, не могъ устоять противъ обольстительныхъ словъ, веселаго ума и очаровательной улыбки Эднѣи; посѣденія его събѣлались чаще и были продолжительнѣе, и въ одинъ прекрасный день, не думая, не гадая, Шпигель вдругъ очутился подъ одною кровлею съ Миллеромъ. Францъ нанялъ новую квартиру и уступалъ Шпигелю двѣ комнаты.

Домакъ, гдѣ поселились наши друзья, находился въ предмѣстїи Мюнхена; передъ домикомъ былъ небольшой чистенькій

дворикъ, обсаженный около стѣнъ виноградными лозами. Домикъ состоялъ изъ двухъ этажей: нижній занялъ самъ Миллеръ, а верхній предоставилъ своему другу. За домомъ былъ маленький садикъ, или, вѣрнѣе, лужъ, окруженный въ родѣ шпалерника, плодовыми деревьями, по которому разбросано было нѣсколько куртинокъ, устланныхъ цвѣтами. Здѣсь-то, въ этомъ тихомъ убѣжищѣ, жила Францъ, Эдмонъ и Шпиттель; довольно скромною долею. Днемъ занимался работой; вечера проходили въ веселыхъ разговорахъ и въ домашнихъ концертахъ: Францъ садился за клавикорды, Эдмонъ пѣлъ тирольскія пѣсни. Шпиттель началъ нѣсколько картинъ, двѣ или три уже были окончены, которыми онъ остался очень доволенъ; но ни одинъ любитель не явился купить ихъ. Шпиттель рѣшился давать уроки въ живописи, и безъ сожалѣнія отказался отъ славы, о которой мечталъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Нѣсколько сонатъ и симфоній, написанныя Миллеромъ, нѣмалъ ту же участь, какъ и картины Шпиттеля. Миллеру надо было останавливаться передъ безчисленными препятствіями, которыя бѣдный музыкантъ долженъ былъ разрушить, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ. Также какъ и Шпиттель, онъ рѣшился давать уроки; и хотя этимъ средствомъ онъ совершенно обезначилъ свою жизнь, но никакъ не хотѣлъ сказать своимъ прежнимъ мечтамъ о славѣ вѣчнаго престола. Нѣжность Эдмонъ, дружба Шпиттеля наполнили душу его счастьемъ и спокойствіемъ, и все-таки онъ говорилъ, что жизнь его неполна, ему не достаетъ чего-то, онъ не взмѣривалъ еще своихъ способностей. Иногда онъ смутно чувствовалъ въ своей душѣ зародыши новыхъ мелодій; сонъ его былъ возмущаемъ безпокойными мечтами, и утромъ, когда онъ хотѣлъ дать своимъ мечтамъ тѣло, форму, горькая необходимость отрывала его отъ занятій и вызывала изъ дома. Все время онъ посвящалъ своимъ воспитанникамъ. Двое очаровательныхъ дѣтей еще болѣе оживляли эти занятія. Миллеръ, не смотря на свою трудолюбивую жизнь, не смотря на бережливость Эдмонъ, съ безпокойствомъ смотрѣлъ на будущность своихъ дѣтей. Онъ говорилъ самъ себѣ, что его уроки слишкомъ ненадежный источникъ для ихъ воспитанія. Иногда, давая свободу своимъ мыслямъ, онъ разговаривалъ съ Эдмонъ и Шпиттелемъ, о заботахъ, скрывающихся въ самомъ его счастьи. Когда рѣчь обращалась къ этому предмету, Шпиттель всегда замѣчалъ Францу, что онъ не правъ.

— О чемъ ты безпокоишься? говорилъ онъ: дадимъ ты ломаешь себѣ голову? Для чего гадать, какая будетъ будущность твоихъ дѣтей? Они будутъ жить, какъ жили мы. Маленькая Маргарита будетъ красавица, она безъ труда выберетъ, какъ ей стукнетъ лѣтъ двадцать, славнаго молодца, который на ней женится за ея прекрасные глаза, какъ ты женился на Эдион. Она не принесетъ за собой никакого приданаго, кромѣ доброй души и благороднаго сердца, и этого будетъ для ея мужа очень довольно. А что до Германа, о, его гордый видъ и живые глаза отвѣчаютъ за его будущность. Онъ уменъ, будетъ отваженъ, и ставитъ трудиться, какъ мы. Ты выучишь его музыкѣ, а живописи; а когда будетъ знать, что мы знаемъ, самъ выберетъ, что лучше понравится. Мы счастливы, чего же болѣе? Если мы будемъ и знамениты и богаты, будемъ ли мы счастливѣе? Впрочемъ, кто знаетъ, что трудъ и терпѣніе не восторжествуютъ надъ всѣми препятствіями? Придетъ, можетъ быть, время, когда цѣлыя оркестры будутъ повторять твою мысль во всѣхъ городахъ Гермаціи. Для насъ настанутъ лучшіе дни, слава твоя не увянетъ.

Эдионъ и Францъ улыбались, слушая эти слова, но взглянувъ на дѣтей, снова ощущали въ своей душѣ прежнія безпокойства.

Однажды, Францъ возвратился домой съ озабоченнымъ болѣе обыкновеннаго лицомъ. Шпигель былъ въ отсутствіи уже нѣсколько дней. Эдионъ сѣла за клавикорды и запѣла пѣсню, особенно любимую Францомъ, которая не разъ вызывала на уста его улыбку. Окно комнаты было открыто, и голосъ Эдион, свѣжій, чистый и звучный, достигалъ до ушей проходящихъ. Францъ слушалъ, погруженный въ пріятную мечту; Германъ и Маргарита катались по ковра, разостланному посреди въ комнаты, какъ два котенка. Молодая женщина, съ прекрасными свѣтлорусыми волосами, разсыпавшимися по ея обнаженнымъ плечамъ густыми локонами, двое прелестныхъ дѣтей, рѣзвившихся на мягкомъ коврѣ, и молодой мечтатель, подпершій рукою свое наклоненное чело, составляли очаровательную картину.

Вдругъ явился какой-то незнакомецъ и остановился у самаго порога. Онъ вошелъ такъ тихо, что никто не слышалъ его шаговъ. Францъ, погруженный въ свою мечту, не замѣчалъ его присутствія; Эдионъ, сидѣвшая къ нему спиною, продолжала пѣть со всею беззаботностію. Обвороченный, неподвижный, какъ будто прикованный къ полу, незнакомецъ слушалъ съ восторгомъ; безмолвныя слезы медленно струились по его щекамъ.

Это былъ человекъ еще молодой; скорбь врезала по его лицу преждевременныя морщины. Постыль его была просто, наружность прекрасна и величественна. Герингъ, поднявъ глаза, замѣтилъ незнакомца и показалъ на него удивленному отцу. Нежданный посѣтитель сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ; умоляющимъ жестомъ онъ просилъ Франца и дѣтей не говорить ни слова; потомъ, обратившись къ Эднѣ, которая въ это время уже повернула голову, онъ сказалъ ей съ сильными волненіемъ:

— Сударыня, продолжайте; умоляю васъ, продолжайте; вашъ голосъ доставляетъ мнѣ столько счастья!

Эднѣ, какъ бы повинувшъ магнитическому вліянію, снова запѣла, и незнакомецъ, слушая ее, былъ тронутъ до глубины души, и далъ волю литься своимъ слезамъ. Францъ, свидѣтель его волненія, не думалъ спрашивать его; дѣти съ любопытствомъ смотрѣли на него и перестали играть. Эднѣ, окончивъ пѣсню, встала; но незнакомецъ подошелъ къ ней и сложилъ руки, какъ будто для молитвы.

— Именемъ неба, сказалъ онъ: повторите эту пѣсню. Будьте добры, будьте великодушны, сударыня, начните снова.

Молодая женщина смутилась, покраснѣла, и не знала, что отвѣчать.

— Что жъ ты медлишь? сказалъ, улыбаясь, Миллеръ: спой, когда это доставляетъ нашему гостю столько удовольствія.

Незнакомецъ схватилъ руки Франца, сжалъ ихъ въ своихъ, и, безъ приглашенія, сѣлъ возлѣ него на диванъ. У мѣщанъ приняли бы его за сумасшедшаго; но добрая звѣзда привела его къ артистамъ. Въ фюзіоніи его было столько искренняго добродушія, въ прѣмахъ столько истиннаго благородства, что Миллеръ смотрѣлъ на него безъ всякаго удивленія, и чувствовалъ къ нему какое-то таинственное влеченіе. Самыя дѣти, ободренныя пріятностію его взгляда, ласкались къ нему, и между тѣмъ, какъ Эднѣ пѣла, незнакомецъ, слушая ее съ какимъ-то благоговѣйнымъ вниманіемъ, игралъ бѣлокурыми кудрями этихъ прелестныхъ головокъ.

— Ради Бога, сударыня, спросилъ онъ у Эднѣ, когда та кончила во второй разъ: ради Бога, скажите мнѣ, гдѣ вы слышали, гдѣ вы заучили эту пѣсню?

— Въ Тироли, отвѣчала Эднѣ, занявъ мѣсто возлѣ своего мужа: это пѣсни нашихъ горъ.

— Вы изъ Тироля, вы вырели тамъ: прошепталъ незнакомецъ, смотря съ задумчивостію на молодую женщину.

Потомъ, онъ закрылъ свое лицо обѣими руками и шребылъ въ этомъ положеніи нѣсколько минутъ. Эдмонъ и Францъ были еще молоды; они страстно любили другъ-друга, и потому, имъ не трудно было понять, что незнакомецъ дала кака-нибудь сердечная скорбь, что онъ страдалъ отъ любви; онъ молчалъ; въ ихъ взорахъ выражалось чувство состраданія, смѣшанное съ почтеніемъ.

— Извините меня, друзья мои, сказалъ наконецъ незнакомецъ, поднимая голову и взявъ руки Эдмонъ и Франца: извините меня, что я возмутилъ своимъ присутствіемъ это убѣжище, гдѣ все дышетъ миромъ и счастьемъ.

Не могу объяснить, какъ это случилось, но не прошло часа, и этотъ странный посѣтитель, котораго Францъ не зналъ и имени, разговаривалъ съ своими хозяевами свободно, откровенно, дружески, какъ старинный знакомецъ. Незамѣтнымъ образомъ, онъ свелъ разговоръ на самого Миллера, и Миллеръ съ довѣрчивостію отвѣчалъ на всѣ вопросы, вовсе не считая любопытства своего гостя неумѣстнымъ. Онъ рассказывалъ о радостяхъ своей домашней жизни, о борьбахъ, о заботахъ и неприятностяхъ жизни артиста; онъ съ увлеченіемъ говорилъ о своихъ честолюбивыхъ планахъ, о несбывшихся надеждахъ, о жаждѣ невѣстности, славы. Разговаривая, онъ посадилъ къ себѣ на колѣни обонхъ дѣтей; съ нѣжкою, горячею любовію онъ говорилъ о будущности этихъ милыхъ малютокъ. Незнакомецъ депросилъ его сыграть что-нибудь изъ его сочиненій; онъ сѣлъ за клавиорды и разыгралъ одну сонату. Незнакомецъ слушалъ его со вниманіемъ, судья, который не хочетъ произнести приговора ослѣпа. Соната была кончена, но незнакомецъ хранилъ задумчивое молчаніе. Францъ, ожидавшій лестныхъ комплиментовъ, утѣшался мыслію, что этотъ оригиналъ ничего не смыслитъ въ музыкѣ.

— Миѣ остается, сударыня, спросить васъ еще объ одномъ, сказалъ чудакъ, обратившись къ Эдмонъ. Надѣюсь, что вы не откажете дать миѣ копію тирольской пѣсни, которую, по-своей снисходительности, вы повторили для меня.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала Эдмонъ. У васъ нѣтъ ей нотъ, да, думаю, никогда и не было ихъ; Но Францъ сейчасъ напишетъ для васъ.

— Очень охотно, подхватилъ Миллеръ, который не могъ удержаться отъ улыбки, думая объ успѣхѣ, какой произвела его снота на незнакомца.

Не прошло пяти минутъ, онъ покрылъ маленькими, черными точками развѣсиванный листъ бумаги. Эдионъ встала, взяла нависанныя ноты, и граціозно подала ихъ гостю, который схватилъ ихъ съ выраженіемъ живѣйшей радости, быстро пробыжалъ глазами, почтительно поднесъ къ своимъ губамъ руку Эдионъ, и бросилъ нѣжный взглядъ на дѣтей; потомъ, не давъ Франду времени спросить о своемъ имени, вышелъ также, какъ и пришелъ, тихо, безмолвно, какъ тѣнь.

Можно вѣрить, что посѣщеніе таинственнаго незнакомца долгое время было предметомъ разговоровъ Миллера, Эдионъ и Шпигеля. Шпигель, по природѣ мрачный, ревнивый въ дружбѣ, какъ въ любви, потому-что истинная дружба непременно ревнива, Шпигель не скрывалъ своего неудовольствія. Онъ упрекалъ Миллера въ слабости, въ угодливости: какъ могъ Миллеръ принять къ себѣ и проводить цѣлый вечеръ съ человѣкомъ, котораго не зналъ даже по имени? Навѣрное, эта безразсудная снисходительность не обѣщала ничего добраго. Кто знаетъ, кто можетъ предсказать, что этотъ незванный гость не возвратится опять? Ободренный ласковымъ пріемомъ, не захочетъ ли онъ втереться въ ихъ семейство? И тогда, что будетъ съ тихою, мирною жизнію, которою они наслаждались до сихъ поръ? Этотъ праздный путешественникъ, у котораго одно занятіе — скука, не возмутитъ ли ихъ счастья? При этихъ словахъ Шпигеля, Эдионъ и Миллеръ невольно сѣбялись, и старались доказать своему другу, что опасенія его напрасны; но Шпигель, какъ бы предчувствуя въ незваномцѣ соперника, врага, который долженъ разлучить его съ Миллеромъ, никогда не опускалъ случая нападать на него.

— Это вѣрно, говорилъ иногда Миллеръ, что онъ не знаетъ ни о музыкѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; незнакомецъ не являлся, и разговоры объ немъ дѣлались все рѣже и рѣже. Шпигель почти забылъ свои ревнивыя опасенія. Наши артисты жили, какъ и прежде; это была та же трудолюбивая, скромная и мирная жизнь, но одно непредвидѣнное происшествіе не оставило ея однообразіемъ.

В одно утро, Шпигель вышелъ рано, давать свои уроки, и возвратился скорѣе обыкновеннаго. Трехмѣсячій, блѣдный, съ

искаженнымъ лицомъ, въ безпамятствѣ, онъ, дледѣть, какъ вихрь въ комнату, гдѣ были Миллеръ, Эднѣ и дѣти. Онъ бросился къ Францу на шею, обнявъ Эднѣ, прижималъ въ своей груди то того, то другаго ребенка, и потомъ, пустился скакать по коври; онъ смѣялся, плакалъ, былъ словно сумасшедшій.

— Что это? что съ тобою? сказала Миллеръ, пойдя къ нему и стараясь его успокоить.

— Что съ вами, мой другъ? спросила испуганная Эднѣ.

Германнъ и Маргарита, никогда не вылавше своего добраго друга въ такомъ состояніи, смотрѣли на него съ изумленіемъ

— Читайте! произнесъ наконецъ Шпигель, подавая Миллеру и Эднѣ журналъ, который онъ вытащилъ изъ своего кармана.

И пальцемъ онъ показалъ мѣсто, гдѣ должно было читать. Миллеръ взялъ журналъ и прочиталъ громкимъ голосомъ:

«Намъ пишутъ изъ Мультштадта, что смерть и завѣщаніе графа фонъ-Гильдесгейма привели въ движеніе весь городъ и окрестности. Графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ, владѣтель огромныхъ имѣній, причудливый, непонятный характеръ котораго не разъ приводилъ въ безпокойство его родственниковъ, достойнымъ образомъ увѣнчалъ свою странную жизнь. Онъ завѣщалъ свои многочисленныя и прекрасныя помѣстья одному мюнхенскому музыканту. Теряются въ догадкахъ, объясняя эту неслыханную щедрость. Доходы гильдесгеймскихъ владѣній простираются, по крайней мѣрѣ, до ста тысячъ флоринновъ. Счастливый наслѣдникъ называется Францъ Миллеръ.»

Окончивъ это чтеніе, Миллеръ поблѣднѣлъ, но тотчасъ же правлся.

— Какая глупость! вскричалъ онъ, смотря на жену, которая уже покраснѣла отъ удовольствія: это одна изъ тысячи сазокъ, которыми журналы каждый день наполняютъ свои стбцы для забавы ротозѣевъ. Къ какой стати, графу Сигизмунду оставлять мнѣ свое имѣніе? Гдѣ онъ зналъ меня? Я въ первый разъ произношу его имя, и если бы не прочиталъ объ его смерти, то, право, и не зналъ бы, что жилъ на свѣтѣ мѣфъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ.

— Чортъ возьми! вскричалъ Шпигель: какъ знать тебѣ его имя, когда у тебя не достало догадки спросить объ томъ

и — Что ты хочешь сказать? спросилъ Миллеръ.

— Я хочу сказать, отвѣчалъ Шпигель: что произошло и во-

свѣтитель былъ никто другой, какъ графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ.

— Какая глупость! произнесъ Францъ.

— Вѣроятно ли, сказала Эдиль, чтобы за тирольскую пѣсню, которую онъ заставлялъ меня повторять, и которую я пѣла въ тотъ разъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, и...

— Или за сонату, которую я угостилъ его, прибавилъ Миллеръ, перебивъ жену: правда, самую прекрасную сонату, какую только мнѣ удалось написать когда-нибудь...

— Я вамъ говорю, вскричалъ Шпигель, перебивъ Миллера: что прошлогодній незнакомецъ, былъ графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ.

Только что Шпигель кончилъ эти слова, какъ вышелъ факторъ съ огромнымъ пакетомъ, подъ пятью печатами.

— Штемпель Мульштадта! вскричалъ Шпигель, взявъ пакетъ изъ рукъ фактора: вотъ увидимъ, сказка ли это извѣстie, какъ ты сейчасъ говорилъ. Смотри, штемпель Мульштадта! Распечатай и читай.

— Честъ имѣю поздравить, господинъ Миллеръ, сказалъ факторъ, до котораго уже дошелъ слухъ, носившійся по городу.

Францъ далъ ему нѣсколько флориновъ, потомъ дрожащею рукою разломилъ печати и вынулъ изъ конверта, сдѣланнаго изъ такой толстой бумаги, что при нуждѣ, она могла бы замѣнить папку, тетрадь, сложенную въ четвертку и перевязанную красивою голубою лентою. При этой тетради приложено было письмо Готлиба Кауфмана, которое Миллеръ прочиталъ трепещущимъ голосомъ:

«Милостивый государь,

«Богъ правосуденъ; геній, какъ и добродѣтель, рано или поздно, получаютъ свою награду. Графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ, достойный цѣнитель талантовъ, избралъ васъ своимъ полнымъ наслѣдникомъ. Вы получите при семъ буквальную и полную копію собственноручнаго завѣщанія, которое графу Сигизмунду угодно было вручить мнѣ за нѣсколько недѣль, до своей смерти. Графъ Сигизмундъ сдѣлалъ для васъ то же, что Августъ и Меценатъ дѣлали нѣкогда для Горация и Виргилия. Съ сего времени прекрасныя гильдесгеймскія новѣстия принадлежатъ вамъ. Но графъ завѣщалъ вамъ свое имѣніе, поручилъ съ тѣмъ завѣсть и своихъ родственниковъ, прекрасныхъ людей, общество

которыхъ доставить вамъ удовольствiя. Вы усмотрите изъ прилагаемаго при семъ завѣщанiя, что вамъ должно будетъ проводить въ гильдесгейскомъ замкѣ десять мѣсяцевъ въ году. Я увѣренъ, что эта обязанность будетъ очень приятна для васъ; дѣвицы фонъ-Штельценесальсъ, майоръ Бильманъ и его супруга, своею обходительностию и прекраснымъ характеромъ, сдѣлають для васъ гильдесгейскiй замокъ очаровательнымъ жилищемъ. Ни въ чемъ не будетъ для васъ недостатка; вы будете проводить тамъ патриархальную жизнь. Тринадцать лѣтъ я былъ метрикусомъ фамилии Гильдесгеймовъ, смѣю надѣяться, что и вы, милостивый государь, почитите меня вашею довѣренностию.

«Примите милостивый государь, увѣренiе въ совершенномъ моемъ почтенiи и преданности.

«Готлибъ Кауфманъ.»

— Это сонъ! вскричалъ Миллеръ.

И жаднымъ взоромъ онъ пожиралъ завѣщанiе.

— Это сонъ? повторилъ онъ слабымъ голосомъ.

Миллеръ бросился на грудь жены, и оба нѣсколько минутъ держали другъ друга въ объятiяхъ, проливая радостныя слезы. Шпигель, присловившись къ камню, молча и съ задумчивостию смотрѣлъ на нихъ.

— Ахъ, мой другъ, сказала наконецъ Эдвѣ: вы были такъ веселы сейчасъ, отчего же вы не радуетесь съ нами? Развѣ вы не имѣете своей части въ наслѣдствѣ? Развѣ вы не раздѣляете нашего счастья? Все останется по прежнему; только бѣдности не будетъ между нами.

— Прочь уроки! прочь нужда! вскричалъ Миллеръ съ одушевленiемъ. Миръ принадлежитъ намъ! Ты будешь писать картины, я симфонiи и оперы; мы наполнимъ Германию нашею славою! Слава! думаешь ли ты, Шпигель, объ ней? Наконецъ, мы схватимъ это обольстительное привидѣнiе, которое убѣгло отъ насъ! Какое существованiе ожидаетъ насъ! чья жизнь будетъ очаровательнѣе нашей! Мы раздѣлимъ наше время между занятiями и удовольствiями. Когда трудъ утомитъ насъ, мы отправимся въ наши д. помѣстья, тамъ Да будетъ въ-вѣки благословенна память графа Сигизмунда! Да будетъ благословенъ тотъ день, когда вступитъ Благородный крестъ наследникъ мой домъ,

Шпигель не отвѣчалъ ни слова. На дробъ

шумъ, а въ сосѣдствѣ друзья и товарищи Миллера, пришли поздравить его, потому что новость, сообщенная журналомъ, уже дошла до всаго города. По данному сигналу, дверь отворилась и показался грозный оркестръ: трубы, кларнеты, фисгарды, флейты, цимбалы, треугольники и огромный барабанъ. Началась страшная серенада. Скоро дворъ съѣздился тѣснѣе, толпа хлынула въ комнату. Поцѣлуй, объятія, пожатія рукъ, посыпалось со всѣхъ сторонъ. Эдвѣе выставила музыкантамъ нѣсколько дощичекъ, бутылокъ пива. Миллеръ, пригласилъ на ужинъ человекъ двадцать своихъ друзей; и между тѣмъ, какъ Эдвѣе принимала гостей, онъ сбѣгалъ къ лучшему въ городѣ трактирщику и заказалъ великолѣпный ужинъ. Дичь, рыба, французскія и испанскія вина, ничто не казалось ему слишкомъ пышнымъ или дорогимъ. Отецъ заказалъ кушанья съ такою подробностію, которая сдѣлала бы честь мѣтръ-д'отелю какого-нибудь князя или банкира. Ужинъ былъ веселъ; гости ѣли съ аппетитомъ и пили много за здоровье счастливаго наследника. Въ полночь, осушивъ порядочное количество бутылокъ, гости разошлись. Эдвѣе друзья Франца переступили за порогъ его дома, едва успѣли выйти на безмолвную улицу, какъ раздѣлились на группы, и разговоръ обратился къ происшествіямъ того дня.

— Родятся же такіе счастливыцы, сказала одинъ старый скрипачъ. Эти Миллеры всегда были люди добрые, славные товарищи, и я очень радъ ихъ неожиданному счастью; да вотъ только, какъ это случается, что богатство падаетъ въ подобныя руки? Вѣдь, что такое Миллеръ?

— Плохой музыкантъ, человекъ безъ дарованія, подхватилъ одинъ изъ пріятелей, котораго Миллеръ не рѣдко ссужалъ деньгами. Человекъ онъ добрый; но счастливъ, что случай помогъ ему; а то съ его талантомъ немного добудешь денегъ.

— Замѣтила ли вы, сказала одна женщина, которая была уже не молода и никогда не славилась красотой, какъ Эдвѣе-то завѣщичала? Утромъ получили наследство, а вечеромъ — ужъ в знатные господа. Жаліе они люди!

— Какая глупая роскошь! сказала одинъ гость, отличавшійся между всѣми пышностію и обжорствомъ. Кушанья самыя лучшія, вина самыя отличныя, французскія да испанскія! Они ужъ знаютъ очень не стѣсняются себѣ. Какъ не смеются, что она, Эдвѣе, хотѣла вознаградить за то, что всю жизнь была кривою танцовщицею на сценѣ? ..

— Безъ сомнѣнія, прибавилъ пятый: они скоро будутъ ѣздить въ каретѣ, и насъ забрызгаютъ грязью.

— На свѣтѣ часто бываетъ такъ, что дуракъ ѣдетъ въ каретѣ, а съ умомъ идетъ пѣшкомъ, замѣтилъ старый музыкантъ.

Разговаривая такимъ образомъ, нѣжные и преданные друзья дошли до своихъ домовъ. Ложась въ постелю, они столько говорили дурнаго о Миллерѣ, что почти утѣшились въ его счастіи.

Оставшись одни съ Шпигелемъ, Францъ и Эдмъ долго еще разговаривали. Во всѣ свои планы и предначертанія они прикидывали Шпигеля; имъ и въ голову не приходило, чтобы онъ могъ думать разстаться съ ними. Шпигель ничего не возражалъ, и слушалъ ихъ молча. Эдмъ и Миллеръ припоминали всѣ нѣлѣпнѣйшія подробности, всѣ незначачія обстоятельства посѣщенія графа Сигизмунда, потому-что болѣе уже не сомнѣвались, что великодушный завѣщатель, избравшій Миллера своимъ наследникомъ, былъ никто другой, какъ таинственный посѣтитель.

— Кто бы подумалъ, сказала Эдмъ: что эта простая тирольская пѣсня, которую я пѣла для твоего развлечения, могла доставить намъ когда-нибудь такое богатство?

— Кому бы пришло въ голову, прибавилъ Миллеръ, какъ бы про себя, что соната, написанная для моихъ воспитанниковъ, и которую онъ слушалъ, повидимому, безъ вниманія, стоила съ его стороны такого богатаго подарка? И я обвинялъ его въ невѣжествѣ! я подозрѣвалъ, что онъ ничего не смыслитъ въ моемъ искусствѣ! Это былъ человекъ съ большимъ вкусомъ, это былъ глубокой знатокъ.

— Но, мой другъ, возразила Эдмъ: когда онъ вошелъ, ты не игралъ твоей сонаты, а я пѣла тирольскую пѣсню.

— Не думаешь ли ты, съ живостію перебалъ Миллеръ, что я въ-за какой-нибудь тирольской пѣсенки, графъ Сигизмундъ оставилъ намъ свои владѣнія?

— А почему же и не думать мнѣ? отвѣчала Эдмъ. Развѣ я не видѣла, какъ онъ былъ взволнованъ и тронуть даже до слезъ, когда я пѣла?

— Такъ помысливъ и зѣмокъ за одну тирольскую пѣсенку! сказала Миллеръ. Ты не потеряла даромъ своего вечера. Безъ сомнѣнія, пѣсенка сдѣлала половину чуда, а остальное докончилъ твой голосъ. Не забудь однако, что завѣщаніе графа Сигизмунда довольно ясно говорить въ мою пользу. Чтобы доставить мнѣ

болѣе досужаго времени, чтобъ дать мнѣ возможность, съ полною свободою, предаваться моимъ вдохновеніямъ, вотъ почему графъ отказываетъ мнѣ все имѣніе своихъ предковъ.

— Ты также забываешь, мой другъ, что онъ завѣщаетъ тебѣ вырѣзать на его гробницѣ пѣсню, которую я пѣла, когда онъ вошелъ къ намъ.

— Припомни его положеніе въ то время, какъ я сидѣлъ за клавикордами. Онъ молчалъ, потому-что ему нужно было сосредоточить свои мысли; онъ молчалъ, но удивлялся въ безмолвіи. Я понимаю теперь выраженіе его благороднаго лица: онъ былъ пораженъ, онъ негодовалъ, что авторъ подобнаго отрывка былъ неизвѣстенъ и, для своего пропитанія, принужденъ давать уроки.

— Конечно, отвѣчала Эднѣ: но, при разставаньи, онъ просилъ пѣсню тирольской пѣсни, которую я пѣла.

Шпигель, безмолвный свидѣтель этого маленькаго домашняго спора, съ улыбкою слушалъ ихъ.

— Дѣти, сказалъ онъ: до сихъ поръ ничто не возмущало вашего согласія и единодушія; но богатство можетъ возбудить въ васъ ревность и тщеславіе, берегитесь, съ этого времени, ревность и тщеславіе какъ разъ вторгнутся въ ваши сердца. Не глуха ли ты, мой другъ? Почему ты полагаешь, что голосъ нашей Эднѣ не могъ растрогать графа Сигизмунда до глубины души, и не воскреситъ въ немъ какого-нибудь драгоценнаго воспоминанія? И вы, Эднѣ, почему хотите, чтобъ онъ безъ удивленія слушалъ сонату, которою мы восхищались столько разъ? почему, думаете, что, слушая ее, онъ не угадалъ генія въ нашемъ любезномъ Миллерѣ? Вы вдвоемъ участвовали въ доставленіи удовольствія своему гостю, примите же оба и вознагражденіе, и не пріятнѣе ли вамъ будетъ думать, что каждый изъ васъ обязанъ другому богатствомъ, которое посыластъ вамъ небо?

При этихъ словахъ, Эднѣ повисла на шеѣ Франца.

— Шпигель правъ, сказала она: это твоя соната обогатила насъ.

— Нѣтъ, сказалъ Миллеръ, прижимая жену къ своему сердцу: нѣтъ, это мелодія, которую ты пѣла, это прелесть твоего голоса, моя Эднѣ, сдѣлала насъ счастливыми.

— Это тирольская пѣсня, это вашъ голосъ, это твоя соната, обогатила и счастливѣе насъ, вскричалъ Шпигель, улыбаясь.

но не забудьте также, прибавилъ онъ съ важною: не забудьте, что картина вашей честной, трудолюбивой жизни; грація и красота вашихъ дѣтей, зрѣлище вашихъ тихихъ радостей; не могли не тронуть нашего гостя и не имѣть нѣкотораго вліянія на великодушіе вашего благодѣтеля.

— Ну, сказала Миллеръ Шпигелю: что ты теперь скажешь противъ разгульнаго путешественника? Будешь ли ты еще бранить насъ за то, что мы вряняли этого нескромнаго гостя? Сознаешься ли, что онасенія твои были безразсудны, и что ты неправъ?

— То и другое, печально отвѣчалъ Шпигель. Я виноватъ; потому-что графъ Сигизмундъ исполнилъ лучшія ваши надежды; я правъ, любезный Францъ, милая Эдвѣ, потому-что онъ разлучилъ насъ.

— Разлучилъ насъ! почему съ удивленіемъ восприняли въ одно время Эдвѣ и Миллеръ.

— Вы не хотите вѣхать съ нами? сказала молодая женщина дрожащимъ голосомъ.

— Что это значитъ? спросилъ въисидельство Миллеръ.

— Позвольте, друзья моя, я знаю себя. Я наслаждался счастьемъ съ вами, когда мы не были богаты; я люблю васъ, вы знаете; я питаю къ вамъ самую живую, самую горячую привязанность. Францъ, я твой братъ; Эдвѣ, вы моя сестра. Ваши дѣти — моя радость. Я былъ одинокъ, вы создавали для меня семейство. Я люблю васъ; люблю только однихъ васъ, и однако не поѣду съ вами.

— Значитъ, вы не любите насъ, подхватила Эдвѣ: да и любили ли когда-нибудь?

— Вотъ друзья! вскричалъ Миллеръ; они смерде прощакса намъ бѣдность, чѣмъ богатство. Счастье лучше несчастія служить оселкомъ человѣческой привязанности.

— Это вы обо мнѣ говорите? спросилъ Шпигель съ упрекомъ: жизнь моя будетъ отвѣчать на эту укоризну. Неблагодарные, вы усомнились въ моемъ сердцѣ. Я сказалъ вамъ, что я знаю себя; вы также знаете меня. Мнѣ пріятно думать, что вы не будете тамъ ни въ чемъ нуждаться; любави меня Богъ подрачать развѣтъ вашего счастья!... Но я не дерзую мовыхъ отношеній, я боюсь новыхъ лицъ.

— Что ты разумешь подъ этимъ? спросилъ Миллеръ: ты хочешь сказать о родственникахъ графа Сигизмунда? Но ищемо

посариуса и забывание графа достаточно уверить, что это самая явная ошибка. Тебя будет неприятно, не так ли? жить под одним кровомъ съ маіаромъ. Бильдвингомъ в двѣдцати Штольдендесель? По твоему мнѣнію, это люди не высококачественнаго сорта?

— Я не говорю этого.

— Впрочемъ, кто тебя принудитъ видѣться съ ними? Развѣ ты не будешь тамъ храниломъ въ своей квартирѣ, точно также, какъ и здѣсь?

— Чего ты хочешь, мой другъ? спокойно сказалъ Шпигель. Жизнь въ замкѣ не по мнѣ. Живите, какъ вамъ угодно и предложайте мнѣ жить по моему вкусу. Мы останемся прежними друзьями; я отвѣчаю въ этомъ вмѣстѣ за свое и за ваши сердца.

Напрямую Эдмундъ и Миллеръ узнавали о вѣдомствѣ, и какъ скоро они повторили одно и то же на другой и въ слѣдующіе дни. Шпигель былъ глухъ ко всѣмъ ихъ просьбамъ, и упорно оставался при своемъ рѣшеніи.

Францъ отказался отъ своихъ уроковъ, объявивъ всѣмъ, что онъ получилъ наследство. Доходы гилдесгеймскихъ владѣній простирались не до ста, какъ объявляли мюнхенскіе журналы, но до сорока тысячъ, что все-таки составляло очень порядочную сумму. Имѣніе было не заложено и безъ долговъ. Исполнивъ всѣ формальности, требуемыя закономъ, Миллеръ, не медля занялся приготовленіемъ къ отъѣзду. На необходимыя издержки, и чтобы явиться въ замкъ, какъ слѣдуетъ богатому владѣльцу, онъ слѣдовалъ небольшой землѣ за умѣренныя проценты. Самые богатые мадзинны въ городѣ были заняты работою для составления вѣдѣльничковъ. Городскую квартиру Францъ оставилъ пока за собою, предоставляя себѣ впоследствии купить новый домъ для Шпигеля.

— Когда ты рѣшился не ѣхать съ нами, сказалъ онъ Шпигелю: значитъ, мы найдемъ тебя здѣсь при своемъ возвращеніи. Черезъ девять мѣсяцевъ, мы снова соединимся здѣсь, подъ этой кровлею, гдѣ мы провели столько прекрасныхъ, столько счастливыхъ дней. Быть-можетъ, когда мы отправимся опять въ свой замокъ, ты согласишься сопутствовать намъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда, Миллеръ, въ присутствіи Шпигеля, сжегъ бумаги, которыхъ не хотѣлъ взять съ собою; въ числѣ негодныхъ бумагъ попалась и единственная

симфонія, написанная имъ въ молодые годы. Съ презрительною улыбкою пробѣжавъ глазами партитуру, Францъ хотѣлъ также бросить ее въ огонь, но Шпигель быстро остановилъ его.

— Что ты дѣлаешь, безразсудный! вскричалъ онъ, выхвативъ симфонію: это произведеніе твоей юности; это весенняя пѣсня нашихъ прекрасныхъ годовъ. Не совершенны эти мелодіи, но увѣренъ ли ты, что снова найдешь когда-нибудь прелесть и чистоту вдохновенія, которое внушило ихъ тебѣ?

— Фи! отвѣчалъ Миллеръ: это только легкій очеркъ, первый опытъ; теперь я имѣю состояніе, значить свободу, и досугъ; въ память графа Сигизмунда, я долженъ испытать свои силы въ чемъ-нибудь высшемъ, достойномъ маэстро.

— Это честолюбіе похвально, возразилъ Шпигель: но все-таки мы должны уважать произведенія нашей юности; въ нихъ-то мы выражаемъ лучшій цвѣтъ, чистоту и невинность нашей души. Видишь ли, Миллеръ, есть двѣ вещи, которыхъ никогда не должно оскорблять, какіе бы мы ни замѣчали недостатки въ одной, сколько бы ни терпѣли горести въ другой: это первое наше произведеніе и первая наша любовь. Ты будешь писать партитуры болѣе ученныя! но неопытность и дѣтское пристрастіе имѣютъ свою прелесть, которой никогда не воспроизведетъ искусство. Оставь мнѣ эту симфонію, когда не хочешь ваять ее съ собою; я иногда буду повторять ее, для оживленія моей пустыни.

На другой день, съ восходомъ солнца, вѣхала на дворъ почтовая карета, запряженная четверкою лошадей. Дѣти были уже на ногахъ; хлопая рученками, онѣ прыгали отъ радости, что поѣдутъ въ каретѣ. Шпигель взялъ ихъ къ себѣ на руки и накрылъ подѣлками. Невольная слеза блеснула на его глазахъ при мысли, что этотъ домикъ, который онѣ оживляли своимъ беззаботнымъ щебетаньемъ, теперь будетъ какъ пустая клетка. Это было единственное движеніе его слабости въ минуты разлуки. Шпигель не имѣлъ черствого сердца, но онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые во-время сильнаго душевнаго волненія болѣе всего кажутся холодными. У него все происходило внутри; въ глубинѣ озера совершалась буря, а поверхность его была спокойна и гладка, какъ зеркало. Притомъ же онъ чрезвычайно боялся трогательныхъ сценъ. Шпигель отъ души обнялъ Франца и Эднъ, и видя, что они готовы зацѣпиться сле-

зани, толкнувъ ихъ въ карету, быстро захлопнулъ дверцы, вскричалъ: пошелъ! и заверся въ своей мастерской.

За несколько дней до отъезда, Миллеръ написалъ гильдебургейскому управляющему о скоромъ своемъ прибытіи и сдѣлалъ ему нѣкоторые наставленія. Онъ хотѣлъ, чтобы пріемъ былъ самый саромный, безъ всякихъ издержекъ.

IV.

Путешествіе было продолженіемъ очаровательныхъ грезъ. Погода стояла чудесная. Германъ и Маргарита, высунувъ головки изъ окна кареты, съ любопытствомъ слѣдили за бѣгомъ лошадей, или инстинктивно любовались красотами окрестныхъ видовъ. Эднъ и Миллеръ разговаривали о своихъ планахъ и надеждахъ; они распредѣляли свою жизнь, назначали свои дневныя занятія; они пытались угадать положеніе парка, расположеніе замка. Они никогда не жили въ домахъ знатныхъ господъ; не знали, за что ухватиться, гдѣ найти точку опоры для своихъ размышленій и думъ, и потому дали полную волю своему воображенію. Миллеръ, знакомый съ этою жизнью только изъ книгъ, воображалъ себѣ чудныя каскады Тиволи, Казерты или Унтерлакена; Эднъ, болѣе умѣренная въ своихъ желаніяхъ, мечтала о молочной фермѣ, кака была у Маріи-Антуанетты, въ Трианонѣ. Она видѣла уже около себя мызниковъ, стоящихъ въ почтительномъ положеніи, и ожидающихъ только знака рукою, чтобы исполнить ея волю. Многочисленные стада козъ, овецъ и коровъ паслись на тучныхъ ея лугахъ. Она была царицей, полною царицей своего маленькаго царства. При пріѣздѣ въ замокъ, она встрѣчала на крыльцѣ или въ паркѣ Бильдмановъ или Штольценфельсовъ, которые поздравляли ее съ пріѣздомъ. Эднъ и Миллеръ обѣщались ласково и снисходительно обращаться съ своими гостями, которые, по волѣ графа Сигизмунда, должны были жить съ ними; силою добра, они хотѣли снискать себѣ прощеніе въ неожиданномъ счастіи, испосланномъ имъ небомъ. Миллеръ уже спрашивалъ себя, о какомъ предметѣ ему говорить съ майоромъ Бильдманомъ, чтобы не давести на него скуки. Онъ напрягалъ свою память, перебиралъ свои воспоминанія, чтобы отыскать какіе-

нибудь старая востановилъ рассказы; онъ престоупно вѣрилъ, что война все еще была единственнымъ заботомъ маюра. Эдмонъ думалъ о дѣлницахъ Штольценбергъ и своимъ угожденіемъ чинъ ласкалась приобрести ихъ дружбу; она предлагала сойтись съ ними по управленію домомъ, больше полагаться на ихъ опытность и ничего не начинать безъ ихъ одобренія. Важнѣе дѣтей составляло самое пріятное ихъ занятіе. Миллеръ съ гордостію мечталъ о Германѣ, которому открывалась прекрасная будущность; Германъ не долженъ разсчитывать только на свой трудъ и терпѣніе, какъ говорилъ Шпигель; ему можно будетъ надѣяться и на тѣ средства, которыя доставитъ ему богатство. И военная и гражданская служба откроютъ для него свои почетныя мѣста. Миллеръ очень серьезно спрашивалъ свою жену, какую ему лучше избрать должность для своего сына. Она уважала гражданскую службу, но въ военной находила болѣе важности, благородства и поэзіи. Послѣ здраваго разсужденія, онъ рѣшился сдѣлать Германа фельдмаршаломъ. Герману пять лѣтъ; черезъ два года, никакъ не позже, его надо будетъ учить фехтованію и верховой ѣздѣ. Эдмонъ совѣтовала сдѣлать лучше Германа придворнымъ совѣтникомъ.—Ничъ, отвѣчалъ Миллеръ: онъ будетъ фельдмаршаломъ. Мечты Эдмонъ о Маргаритѣ несколько поуступала мечтамъ Франца о Германѣ, Маргарита должна все знать: музыку, рисованіе, новѣйшіе языки; она должна танцовать, какъ сильфонда, управлять конемъ, какъ амазонка, шить, какъ соловей; и когда въ ней соединятся всѣ таланты, всѣ совершенства, какихъ можно желать одной царской дочери, то окрестная аристократія будетъ слишкомъ глупа, слишкомъ недалководна, если наперерывъ не станетъ просить себѣ руки Маргариты.

Въ упоеніи счастіемъ, Шпигель не былъ забытъ; только Шпигеля не доставало для полной ихъ радости.

—Еслибы онъ любилъ насъ, сказала однажды Эдмонъ съ печалію: онъ не отказался бы вѣхать съ нами.

—Ты не знаешь его, отвѣчалъ Миллеръ. Шпигель любитъ насъ; онъ никого не любилъ кромѣ насъ; но, при своемъ мрачномъ и независимомъ характерѣ, онъ страшится одной мысли о подчиненности. У него обо всемъ свои особенныя понятія. Я помню, какъ онъ говорилъ мнѣ, что богатство можетъ быть гораздо тяжелѣе бѣдности. Но какъ бы то ни было, я обогащу его противъ воли. Онъ и не подозрѣваетъ судьбы, какую я приготовлю ему.

— Прекрасно, Францъ, прекрасно, вскричала Эдвѣ. При всемъ нашемъ счастьѣ, я буду страдать, если нашъ другъ не раздѣлитъ его съ нами.

— Будь покойна, раздѣлитъ, отвѣчалъ Миллеръ тономъ прекрѣпительства и съ тайнымъ чувствомъ гордости. Сначала, я куплю на его имя тотъ маленькій домикъ, въ которомъ мы жили вмѣстѣ. Когда ему не нужно будетъ болѣе платить за квартиру, онъ захвѣтъ, какъ ведьможа. Но это не все: я буду покупать его картины, я буду платить ему золотомъ за маленькіе эскизы. Я сдѣлаю для него тоже, что сдѣлалъ для меня графъ фонъ-Гильдесгеймъ. Ему не надо будетъ тогда давать уроки. Я сорву цѣпи съ его генія, я открою ему дорогу къ славѣ.

— Прекрасно, Францъ, прекрасно, вскричала Эдвѣ, бросившись къ нему на шею.

— Нашъ музей, продолжалъ Миллеръ, будетъ составленъ только изъ трудовъ нашего друга. Это будетъ музей Шпигеля. У меня уже есть идея, какія заказать ему картины; между прочимъ, вотъ одна: графъ Сигизмундъ сидитъ возлѣ тебя, тогда какъ я исполняю сонату.

— Другъ мой, прибавила Эдвѣ: мнѣ кажется, также хорошо будетъ представить, когда графъ Сигизмундъ сидитъ возлѣ тебя, а я пою тирольскую пѣсню. Это не менѣе достойно кисти Шпигеля.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Миллеръ: Шпигель увѣковѣчатъ малѣйшія подробности этого незабвеннаго вечера. Я хочу, чтобъ прежде пяти лѣтъ, онъ оживилъ свой геній и вступилъ на славную дорогу Ванъ-Дика и Рубенса.

Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ приближались къ концу своего путешествія, они съ безпокойствомъ обращались во все стороны, стараясь замѣтить свой замокъ. На третій день, когда солнце склонялось уже за горизонтъ, дочтарь быстро повернулась на своихъ козлахъ, и, указывая концемъ своего бича на темную массу башенъ и башенокъ, зубцы которыхъ рисовались на синемъ небѣ, сказала:

— Вотъ, гильдесгеймскій замокъ!

Можно представить, что возушествовани были путешественники при этихъ словахъ. Вотъ гильдесгеймскій замокъ! эти три слова значили для нихъ: вотъ ваше богатство, ваше счастье, ваше владѣніе! Эти башни, эти башенки, принадлежатъ вамъ; эти поля, эти дѣла, эти лѣса, ваши! Тамъ-то вы будете жить

и царствовать!—Отраженіе лучей заходящаго солнца въ окнахъ замка Миллеръ принялъ за иллюминацію; услышавъ звуки па-стушескихъ рожковъ, собиравшихъ стада, онъ счелъ ихъ за сельскую серенаду въ честь его пріѣзда. Все это чрезвычайно льстило самолюбію Франца; но, желая разыгрывать, даже въ глазахъ жены, роль принца, которому непріятно, что измѣнили его никогнито, онъ сказалъ съ притворною досадою:

— Вѣдь я велѣлъ, чтобъ не было никакихъ издержекъ для меня; я писалъ, чтобъ пріемъ былъ самый скромный.

— Утѣшся, мой другъ, возразила Эднѣ, не хотѣвшая разувѣрять своего мужа: мы заплатимъ за эту музыку.

Замокъ графа Сигизмунда стоялъ на скатѣ холма, такъ что его безъ труда можно было видѣть за нѣсколько миль. Когда путешественники подѣхали ближе, наступила уже совершенная ночь. Миллеръ не велѣлъ дѣлать пышныхъ приготовленій къ его встрѣчѣ; однако, не смотря на свои приказанія, очень удивлялся, что никого не видѣлъ передъ собою. Они подѣхали къ самому замку, а не являлся ни одинъ служитель, не было ни одной плочки на стѣнахъ, ни одного факела въ паркѣ. Гильдесгеймскій управляющій слишкомъ уже далеко простеръ свою ревность въ исполненіи приказаній своего новаго господина. Наконецъ, карета остановилась у воротъ, украшенныхъ оленьими рогами, волчьими мордами и кабаньими головами. Почтарь, съ четверть часа бесполезно трубившій въ свой рожокъ, схватилъ, висѣвшій на воротахъ, охотничій рогъ и принялся надувать его; но ни въ одномъ окнѣ не показывался свѣтъ, ни одинъ голосъ не отвѣчалъ на этотъ вызовъ: все было безмолвно, все мрачно. Почтарь трубилъ во всю мочь, какъ Роландъ при отступленіи отъ Ронсевала. Наконецъ, черезъ полчаса, въ нижнемъ этажѣ блеснулъ огонь, и скоро раздались по двору тяжелые шаги, сопровождаемыебряканьемъ ключей. Въ то время, какъ ключъ повертывался въ замкѣ, Миллеръ услышалъ слѣдующее благосклонное привѣтствіе:

— Пріѣзжать въ такой часъ! пугать въ просонкахъ добрыхъ людей! тревожить ихъ первый сонъ! Провалиться бы сквозь землю этому проклятому полуночному бродягѣ!

Ворота повернулись на своихъ петляхъ, и Миллеръ увидѣлъ безобразное, заспанное лицо Вурма, уже двадцать лѣтъ имѣвшаго честь носить на себѣ званіе управляющаго гильдесгеймскимъ замкомъ. Халатъ съ большими двѣтаи прикрывалъ тощій

сдѣтъ Вурма, и бѣлый вязанный колпакъ былъ прикрѣпленъ къ его лысой головѣ красною лентою. Онъ бросилъ въ карету сердитый взглядъ, и спросилъ отрывисто, обращаясь къ путешественнику:

— Кто вы такой? и что вамъ угодно?

— Я, отвѣчалъ Миллеръ, болѣе и болѣе удивляясь такому приему: я законный наслѣдникъ графа Сигизмунда фонъ-Гвальдесгейма. Что мнѣ угодно, милостивый государь? вѣхать въ принадлежащій мнѣ замокъ. Ведите меня въ комнаты, приготовленныя для моей жены и дѣтей.

Вурмъ зналъ немножко поздно, что попалъ въ просакъ, и наклонилъ голову. Онъ поспѣшилъ скорѣе разбудить слугъ, и, вводя Миллера по почетной лѣстницѣ, пробормоталъ сквозь зубы:—Такъ вотъ что! это музыкантъ. Кто же его могъ ожидать въ такое время?—Онъ ввелъ своихъ новыхъ гостей въ отдѣленіе замка, которое занималъ прежній владѣтель. Огромныя залы были почти совсѣмъ пусты. Еще при жизни графа Сигизмунда, Бильдманы и Штольценфельсы, пользуясь его разсѣянностію и безпрестанными отлучками, наперерывъ таскали къ себѣ все лучшее изъ его покоевъ. Вурмъ показалъ комнаты, назначенныя для Миллера, его жены и дѣтей, снова привелъ ихъ въ залу, зажегъ стоявшіе на каминѣ два кандебра, и ушелъ, получивъ отъ Франца приказанія на завтрашній день.

— Другъ мой, сказала Эдвѣе своему мужу, когда они остались одни: ты хотѣлъ скромнаго приѣма, безъ всякихъ издержекъ; будь же теперь доволенъ: все исполнено по твоему желанію.

— Клянусь, отвѣчалъ Миллеръ, рѣшившійся находить все прекраснымъ, всему удивляться, на все смотрѣть съ хорошей стороны: клянусь, такой приѣмъ мнѣ не совсѣмъ не нравится. Я вижу въ этомъ ясное доказательство повинновенія и покорности моего управляющаго, господина Вурма. При томъ-же, надо признаться, мнѣ очень пріятно, что мы вступаемъ во владѣніе такими богатѣйшими помѣстьями скромно, безъ всякой пышности. Это просто, благородно, никого не унижаетъ и показываетъ, что мы не какіе-нибудь выскочки, люди ничтожныя. А ты бы, я думаю, хотѣла, чтобы для насъ устроены были фойерверкъ, и меня встрѣтили привѣтственною рѣчью подъ цвѣточнымъ балдахиномъ, какъ какого-нибудь сеньора комической оперы?

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала Эдвѣе: но, конечно было бы го-

равдо пріятнѣе, еслибы меня встрѣтили Вильдманы и Штольценгельсы.

— Припомни сказала Миллеръ: шлюмо мультштатскаго погаріуса; здѣсь ведутъ жизнь патриархальную, а патриархи не имѣли дурной привычки, какъ мы, ложиться поздно. Будь справедлива. Кто обязанъ былъ насъ ожидать въ такое время? Какъ все прекрасно! какъ величественно! какъ роскошно! прибавилъ онъ, съ удивленіемъ осматривая кругомъ пустыя стѣны; и видно, что живуще знатнаго вельможи.

— Не достааетъ лишь немного мебели, прибавила Эдмъ, улыбаясь.

— Развѣ ты не видишь, возразилъ Миллеръ: что это по-восточному? Турки никогда не меблируютъ своихъ комнатъ иначе. Да я и люблю это, мнѣ нуженъ воздухъ, просторъ. Терпѣть не могу комнату, которая походитъ на лавки со всякою мелочью, гдѣ все выставлено какъ будто на-показъ.

Говоря такимъ образомъ, Миллеръ открылъ окно: Эдмъ не могла удержаться отъ восклицанія восторга и радости, при видѣ зрѣлища, раскрывшагося вродѣ ихъ глазами. Ночь была свѣтлая; полная луна обливала зелень обширнаго парка тихимъ, нѣжнымъ блескомъ. Серебристый туманъ легкимъ, прозрачнымъ покрываломъ разстилался по листьямъ вѣковыхъ деревьевъ. Башни замка рѣзко отдѣлялись на звѣздной лазури, и бросали свои длинныя тѣни на благовоинныя луга. Издалека слышалось журчаніе ручейка, шептавшагося съ камешками своего ложа. Эдмъ и Миллеръ нѣсколько минутъ были въ какомъ-то сладостномъ самозабвеніи, какъ вдругъ три большія летучія мыши, привлеченныя свѣтомъ огня, влетѣли въ комнату. При шумѣ этихъ неожиданныхъ гостей, дѣти испугались и закричали.

— Поѣдемте домой, вскричалъ Германъ.

— Воротитесь скорѣе, прибавила Маргарита со слезами.

Миллеръ бѣгалъ за мышами и старался ихъ выпнать. При видѣ ужасныхъ усилій своего мужа, Эдмъ не могла удержаться отъ смѣха; Францъ сердился. Наконецъ, незваные гости улетѣли, дѣти успокоились, и снова все смолкло, только ржавые флюгеры скрипѣли на крышѣ, совы испускали злобнѣшіе крики, да худо укрѣпленнымъ ставни стучали о стѣны. Кроме того, ночь была тиха и спокойна. Отъ нечего дѣлать, Эдмъ

Миллеръ считала часы, и когда занялась заря, они еще не смыкали глазъ.

При появленіи первыхъ лучей солнца, наши друзья безъ труда забыли маленькія неудовольствія и непріятныя впечатлѣнія прошлаго вечера. Она, дѣйствительно, была въ княжескомъ жилищѣ. Эднѣ находила кое-что исправить въ расположеніи комнаты: съ перваго взгляда, замокъ казался ей нѣсколько мрачнымъ, немного печальвымъ и запущеннымъ; но Францъ въ такомъ былъ восторгѣ, что она не смѣла и намекнуть ни о чемъ. Что же касается до парка, то онъ и при полномъ свѣтѣ дня былъ также прекрасенъ, также величественъ, какъ и ночью. Эднѣ никогда и не мечтала о такихъ обширныхъ, густыхъ тѣнахъ.

— Другъ мой, сказалъ Миллеръ: прежде всего намъ надо сдѣлать визитъ нашимъ жильцамъ. Никогда не надо забывать, что мы обязаны уважать и почитать родственниковъ нашего благодѣтеля. Одѣнься, впрочемъ, понаряднѣе, пощеголеватѣе, чтобы съ перваго разу могли видѣть, что графъ Сигизмундъ оставилъ свое имѣніе не какимъ нибудь безпомощнымъ бѣднякамъ.

Утро посвящено было туалету. Францъ, съ равныхъ поръ, надѣлъ свой парадный жилетъ и щегольской галстукъ. Когда Эднѣ совсѣмъ была готова, и Германъ и Маргарита уже были одѣты въ праздничныя платья, Миллеръ послалъ напередъ къ господамъ фонъ-Штольценфельсъ своего управляющаго уведомить ихъ о своемъ посѣщеніи. Ульрика велѣла сказать, что она можетъ принять черезъ часъ. Миллеръ, пользуясь свободнымъ часомъ, хотѣлъ видѣть всѣхъ своихъ слугъ; Вурмъ представилъ ихъ новому господину. Францъ обратился къ нимъ съ небольшою, очень трогательною рѣчью, которая, впрочемъ, слишкомъ мало тронула ихъ. За тѣмъ, герръ Вурмъ, назвавъ каждого въ нихъ по имени, сказалъ:

— Это горничная госпожи Бильдманъ и камердинеръ господина маіора.— Это служанки госпожъ фонъ-Штольценфельсъ.— Это метръ-д'отель праваго флигеля замка.— Это поваръ лѣваго флигеля.— Это горничная госпожи Ульрики.— Это горничная госпожи Гедвиги.— Это нянька маленькаго Исаака.— Это дворецкій господина Бильдмана.— Это кучеръ госпожи Доротей.— Это егеръ госпожъ фонъ-Штольценфельсъ.— Это котюхи и охотники господина Фрадриха.

— Но, герръ Вурмъ, вскричалъ Миллеръ, когда управляющій перебралъ всѣхъ слугъ, въ числѣ ихъ я не вижу моихъ людей!

— Вашимъ людямъ сказалъ Вурмъ съ удивленіемъ.

— Да, отвѣчалъ Миллеръ: людей графа Сигизмунда.

— Людей графа Сигизмунда! произнесъ Вурмъ съ простодушіемъ: но, сударь, они всѣ тутъ на-лицо.

— Послушайте, сухо сказалъ Миллеръ: люди графа Сигизмунда принадлежатъ мнѣ; они должны и служить мнѣ. Вы обязаны смотрѣть за этимъ; вы будете отвѣчать передъ мною за всѣ несправности.

Сказавъ это, Францъ ушелъ.

— Его люди! пробормоталъ Вурмъ, пожавъ плечами: и этому музыканту нужна прислуга! Графъ Сигизмундъ не требовалъ этого.

Не говоря ни слова объ этомъ странномъ происшествіи, Миллеръ взявъ подъ руку жену, и вмѣстѣ съ дѣтьми, которыхъ они вели за руки, отправился къ госпожамъ фонъ-Штольценфельсъ. Не безъ смущенія они вошли въ комнату. Старыя дѣвы сидѣли въ амбразурѣ окна. При видѣ Эднел и Миллера, онѣ немножко привстали, и тотчасъ же опять сѣли, указавъ на стулья болѣе съ презрѣніемъ, чѣмъ съ вѣжливостію. Эднелъ ожидала встрѣтити веселыя лица; при взглядѣ на эти надмѣнныя фізіономіи, она почувствовала дрожь по всему тѣлу. Она краснѣла, блѣднѣла, занкалась. Миллеръ, чувствуя, что на немъ лежала обязанность сказать привѣтствіе, кое-какъ принудилъ себя проговорить приготовленный комплиментъ.

— Сударыни, сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько поклоновъ: графъ Сигизмундъ, по своей невыразимой добротѣ, завѣщалъ мнѣ не одинъ замокъ, не одинъ свои владѣнія; къ своему истинно царскому дару, ему угодно было присоединить еще самую драгоценную для меня обязанность. Онъ завѣщалъ мнѣ устроить судьбу своихъ родственниковъ, своихъ добрыхъ, милыхъ родственниковъ, которыхъ вы служите лучшимъ украшеніемъ. Позвольте увѣрить васъ, сударыни, что я не совсѣмъ не достоинъ этой высокой довѣренности, и всѣми силами буду стараться оправдать ее. Я хочу, я требую, чтобы ничто не измѣнилось въ вашей жизни, чтобы вы проводили ее точно также, какъ и при покойномъ графѣ фонъ-Гильдесгеймѣ; жить съ вами, съ вашимъ благороднымъ племянникомъ, теперь единственный предметъ моихъ желаній.

При этихъ словахъ Гедвига и Ульрика быстро подняли головы.

— Зачѣмъ намъ измѣнять жизнь, какую мы вели до сихъ поръ?

сказала Ульрика. Графъ Сигизмундъ предоставилъ намъ, въ своемъ завѣщаніи, все, чѣмъ мы пользовались и при немъ. Мы болѣе ничего не требуемъ; мы имѣемъ свои права и останемся при нихъ.

— Что оставилъ намъ графъ Сигизмундъ, слишкомъ достаточно для насъ, прибавила Гедвига, съ мѣньшею надменностію: и мы знаемъ напередъ, что вы не захотите оспаривать, у насъ этого.

— Помилуйте, я никогда не думалъ касаться вашихъ привилегій, я хотѣлъ утвердить ихъ и предложить вамъ, въ случаѣ нужды, новыя права, отвѣчалъ Миллеръ.

— Мы ведемъ самую простую жизнь, продолжала Гедвига, не поднимая глазъ: Богу извѣстно, что мы не искали подъ кровлею гильдесгеймскаго замка ни пышности, ни великолѣвія. Графъ Сигизмундъ отдалъ въ наше распоряженіе своихъ людей в карету.

— Какъ и прежде, сударыни, сказалъ Миллеръ со всею вѣжливостію, вы будете имѣть въ вашемъ распоряженіи и карету и людей графа Сигизмунда.

— Мы ищемъ уединенія, продолжала Гедвига: мы любимъ безмолвіе и спокойствіе. По добротѣ графа Сигизмунда, мы отдѣлили въ паркѣ живою изгородью маленькій уголокъ для себя, десятины двѣ или три, не болѣе. Признаюсь мы не безъ печали разстанемся съ этимъ клочкомъ земли, гдѣ мы проводимъ въ размышленіи каждый вечеръ.

— Для чего жъ вамъ разставаться? вскричалъ Миллеръ: я знаю свои обязанности, и съумѣю выполнить ихъ; я буду считать себя счастливымъ, если съумѣю въ чемъ нибудь-угодить вамъ. Самое горячее, самое пламенное ваше желаніе, жить здѣсь, посреди васъ, составлять съ вами какъ бы одно семейство.

— Надѣюсь, сударыни, проговорила наконецъ Эднѣ, дрожащимъ голосомъ: что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи чаще видѣться съ вами. Я буду пользоваться, если вы позволите, вашими прекрасными совѣтами.

— Съ давнихъ поръ, сударыня, отвѣчала Ульрика: мы живемъ въ отчужденіи отъ міра, заботясь только о спасеніи души. Вы не найдете у насъ никакихъ развлеченій, необходимыхъ въ ваши годы, въ нашихъ же совѣтахъ, я увѣрена, вы не имѣете никакой нужды.

При этихъ словахъ, Эдионъ бросила на мужа унылый взглядъ; ей казалось, что полъ проваливается подъ ея ногами. Не теряя присутствія духа, Миллеръ старался завести разговоръ о прекрасной погодѣ, о величественномъ видѣ парка, объ охотѣ Фридриха, объ удивительномъ порядкѣ, введенномъ его тетушками въ управленіи такимъ огромнымъ имѣніемъ. Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, Ульрика вышивала въ тамбурѣ, Гедвига выдергивала нитки изъ матерій; объ, какъ будто, не замѣчали его присутствія. Миллеръ напрасно употреблялъ всѣ средства развязать ихъ языки, какъ вдругъ раздался страшный шумъ. Германъ, игравшій съ большимъ чернымъ котомъ, хотѣлъ насильно притащить его къ себѣ на колѣни. Котъ прыгнувъ, Германъ погнался за нимъ, и, споткнувшись, опрокинулъ подносъ съ японскимъ фарфоромъ. Не возможно описать этой сцены гнѣва и замѣшательства, продолжавшейся нѣсколько минутъ. При дребезжаніи фарфора, разлетѣвшагося на мелкіе куски, Гедвига и Ульрика вскочили съ мѣста, какъ пружинчатыя куклы изъ своей коробочки. Германъ, въ испугѣ, бросился на колѣни къ своему отцу; маленькая Маргарита, дрожа отъ страха, уцѣпилась за платье Эдионъ. Не давая старымъ дѣвамъ времени выйти изъ оцѣпененія и разразиться бѣшенствомъ, Миллеръ взялъ жену и дѣтей и собрался идти.

— Къ счастью, сударыня, сказалъ онъ: эту бѣду можно еще поправить; надѣюсь, что, черезъ нѣсколько дней, вамъ не о чемъ будетъ жалѣть.

Послѣ этого, онъ раскланялся съ Ульрикой и Гедвигой, которыя уже повернулись къ нему спиною.

Только что они вышли въ паркъ, Эдионъ воскликнула съ видомъ негодованія:

— Ну, мой другъ, каковъ визитъ! каковъ приемъ! Нѣтъ нитки, нѣтъ наказанія, которыя бы могли сравниться съ тѣмъ, что я чувствовала въ это время. Боже милосердый, какъ насъ привяли!

— Ахъ, послушай, Эдионъ, возразилъ Миллеръ, качая головою: это не простыя мѣшанки, какъ твои мюнхенскія подружки; подумай, вѣдь это Штольценфельсы. Ты сама привыкнешь къ такимъ величественнымъ приемамъ, ты переймешь эти прекрасныя манеры. Какая благородная осанка! какой гордый взглядъ! Замѣтила ли ты, когда мы вошли, какимъ повелительнымъ жестомъ, онъ указали намъ стулья? Это цвѣтъ аристократіи. Прав-

де, я сначала немножко смутился, но только что успѣлъ приглядѣться къ нимъ нѣсколько, какъ этотъ шалуунъ Германъ уронилъ поднось.

— Какъ странно, сказала Эдионъ: что онѣ не умѣли обласкать этихъ милыхъ малютокъ, ни словомъ, ни улыбкой, ни взглядомъ! Я дурнаго мнѣнія о женщинахъ, которыя не любятъ дѣтей, и что ни говори, мой другъ, а я чувствую, что никогда не будетъ ничего общаго между нами и дѣвками Штольценфельсъ.

— Вотъ! вскричалъ Миллеръ: а для чего же Готтлибъ Кауфманъ такъ расхваливалъ ихъ? изъ какой выгоды? Бьюсь объ закладъ, что въ душѣ, это прекраснѣйшія женщины. Увидимъ, какъ приметъ насъ маіоръ Бильдманъ. Какъ ты видишь меня теперь, я всегда былъ привязанъ къ военнымъ людямъ, и увѣренъ впередъ, что этотъ старій солдатъ понравится мнѣ. Можетъ быть, намъ придется по нѣсколько разъ выслушивать одинъ и тотъ же рассказъ о какомъ-нибудь сраженіи; но что нужно? Если у него доброе сердце, прямой и благородный характеръ, такъ я скоро съ нимъ сойдуся, какъ нельзя ближе. Посмотримъ маіора Бильдмана. Да у нихъ же есть дитя; значитъ, есть уже связь между нами.

Черезъ нѣсколько минутъ, Миллеръ и Эдионъ вошли въ комнаты, занимаемыя маіоромъ. Въ это время, у Бильдмановъ громно бумсела одна изъ тѣхъ бурь, которыя, сказать правду, составляли единственное развлеченіе этой достойной четы, такъ расхваленной Кауфманомъ. Доротея была приглашена на праздникъ, который устраивался, въ сажающемъ мѣсяцѣ, въ одномъ изъ сосѣднихъ замковъ. Для такого торжественнаго дня нужно было сдѣлать новое платье. Туалетъ Доротей крайне нуждался въ поновленіи; парадное ея платье уже пять лѣтъ служило удивленіемъ всей страны. Доротея понимала, что нельзя рѣшиться на такія важныя издержки безъ вѣдома мужа, и потому хотѣла открыто объявить о своемъ намѣреніи. Но при первыхъ словахъ, только что госпожа Бильдманъ занянулась объ обновѣхъ, маіоръ закричалъ во все горло:—**Будте вы прокляты, всѣ женщины**, да и съ вашими нарядами! **сказалъ онъ такимъ голосомъ, который предвѣщалъ рѣшительный отказъ.** Слава Богу, сударыня, вы знаете, кажется, какъ я живу въ эти десять лѣтъ; я терплю всѣ недостатки; отдаю себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, которыя еще такъ при-

лично мовиѣ лѣтамъ; правда сѣдые у меня волосы, да умъ свѣжъ, и сердце горячо.

— Стыдился бы вы, сударь, говорить мнѣ, сказала Доротея язвительно: что вы терпите неостатки, мнѣ, которую вы разорили своими безразсудными издержками, у которой промотали вы все приданое по трактирамъ, да по игорнымъ домамъ! Если бы графъ Сигизмундъ не пріютилъ насъ, гдѣ бы мы были теперь? Спали бы на соломѣ въ какой-нибудь развалившейся лачугѣ? И съ тѣхъ поръ, какъ мы нашли убѣжище въ гильдесгеймскомъ замкѣ, какъ вы ведете себя? На что вы употребляете наши маленькіе доходы, которые еще остались у насъ? Не тратите ли вы и остатковъ на можжевеловку, да на табакъ? А изъ-за одного платья, въ пять лѣтъ, вы поднимаете такую ссору! Это безсовѣстно!

Вдругъ дверь отворилась, вошли Миллеръ и Эднѣ, которые слышали конецъ разговора между двумя супругами. Маіоръ и Доротея замолчали. Еслибъ они и не имѣли противъ Миллера никакого неудовольствія; то, во всякомъ случаѣ, было бы достаточно этого посѣщенія не въ пору, чтобы возбудить ихъ гнѣвъ. Они забыли въ эту минуту свою взаимную вражду, чтобъ вымѣстить на Миллерѣ всю свою досаду. Съ своей стороны, Миллеръ и Эднѣ, невольные свидѣтели домашней ссоры, чрезвычайно смѣшались и не знали, что начать. Въ смущеніи и отъ простоты сердца, Миллеръ имѣлъ неловкость извиниться.

— Можетъ быть, мы обезпокоили васъ, господинъ маіоръ? сказалъ онъ робко.

— Коемъ чортомъ вы обезпокоите меня? грубо отвѣчалъ маіоръ. Вы Францъ Миллеръ, музыкантъ изъ Мюнхена, изъ Оружейной улицы, № 9; вы рѣшились вступить во владѣніе замкомъ. Очень пріятно видѣть васъ. Прошу садиться.

Между тѣмъ, какъ Миллеръ отвѣчалъ на этотъ безцеремонный пріемъ вѣжливымъ прівітствіемъ, въ которомъ обращался и къ маіору и къ его супругѣ, Бильманъ и Доротея осматривали Эднѣ съ головы до ногъ. Молодая женщина и блѣднѣла и краснѣла, подъ перекрестнымъ огнемъ этихъ взглядовъ; то она хотѣла принять на себя важный видъ, то думала угождать хозяевамъ и старалась привлечь къ себѣ маленькаго Исаака. Но уродецъ сдѣлалъ отвратительную гримасу и, насушивъ брови, отошелъ прочь.

— Да, господинъ Миллеръ, вскричалъ маіоръ: все это чуд-

но какъ сонъ. Графъ Сигизмундъ, нашъ достойный родственникъ, страстно любилъ музыку. Говорить, что вы имѣли счастье играть передъ нимъ одну пѣсню, которую онъ слышалъ когда-то, и потомъ напрасно искалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Эта маленькая пѣсенка попала не на глухаго.

Миллеръ просто разсказалъ о посвященіи графа Сигизмунда въ Мюнхенѣ. Въ продолженіе этого разсказа, Бильдманы обвинялись самыми безстыдными взглядами. Маіоръ крутилъ свои усы и насмѣшливо улыбался при каждомъ словѣ Франца.

— Вашъ разсказъ, господинъ Миллеръ, вскричалъ онъ: чрезвычайнo забавенъ.

— Конечно, прибавила Доротея: если это вы, сударыня, пѣли, когда былъ у васъ графъ Сигизмундъ, такъ и удивляться нечему, что вы получили такое богатое наслѣдство.

Францъ, не понимая тайнаго смысла этихъ словъ, поклонился, въ знакъ благодарности; Эдвѣ сама покраснѣла отъ удовольствія, не столько по тщеславію, сколько по признательности: она приняла эти слова за свидѣтельство благосклонности къ ней госпожи Бильдманъ. Миллеру были очень пріятны похвалы, относившіяся къ его жемъ, и онъ не хотѣлъ остаться неблагодарнымъ.

— Вамъ извѣстно, сказалъ онъ маіору: что прибытіе мое въ эдамокъ не должно ничего измѣнить въ вашей жизни. Я не никумъ нужды увѣрять васъ, что я всегда и во всякомъ случаѣ готовъ свято исполнять послѣднюю волю графа Сигизмунда. Всѣ выгоды, всѣ удовольствія, которыми вы пользовались здѣсь, при жизни графа останутся при васъ, и я не хочу касаться этого.

— И мы, господинъ Миллеръ, не будемъ также безразсудны. Вамъ нечего будетъ опасаться съ нашей стороны какого-нибудь необдуманнаго требованія. Я люблю охоту; охота, вы знаете, тоже родъ войны; и потому, легко понять страсть стараго солдата къ этой забавѣ. Графъ Сигизмундъ позволялъ мнѣ иногда застрѣлить нѣсколько зайцовъ, нѣсколько кроликовъ, надѣюсь, что и вы не откажете мнѣ въ этомъ удовольствіи.

Миллеръ только жестомъ показалъ свое согласіе. Маіоръ продолжалъ:

— Жена моя любитъ цвѣты; единственное наше удовольствіе прогуливаться по вечерамъ въ удивленныхъ аллеяхъ, сидѣть на дерновой скамьѣ и смотрѣть на свое дитя, какъ оно катается

у наших ногъ; благодаря добротѣ графа Сигизмунда, я отдѣлилъ живую изгородью маленькій уголокъ въ паркѣ, гдѣ разбилъ нѣсколько цвѣтничковъ и засадилъ ихъ цвѣтами, которые такъ нравятся Доротеѣ. Для меня охота, для Доротеи цвѣты, да лужокъ для нашего милаго Исаака, гдѣ онъ могъ бы играть безопасно, мнѣ больше ничего не надо. Полагаю, господинъ Миллеръ, что въ этомъ отношеніи вы будете также великодушны, какъ и графъ Сигизмундъ.

— Надѣюсь, господинъ майоръ, отвѣчалъ Миллеръ: что вы не будете такъ несправедливы, чтобъ усомниться въ этомъ хоть на одну минуту.

Окончивъ эти слова, Миллеръ всталъ.

— Мы часто будемъ видѣться съ вами, сказала Эдвѣ Доротеѣ. Мы посѣтимъ вмѣстѣ окрестности Гильдесгейма; вы покажете мнѣ бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи, несчастныхъ, требующихъ утѣшенія; вы поможете мнѣ дѣлать добро.

— Мы иногда будемъ встрѣчаться съ вами въ паркѣ, отвѣчала Доротея. Я не общаю часто посѣщать васъ, потому-что живу теперь въ совершенномъ уединеніи. Заботы по хозяйству, воспитаніе сына, поглощаютъ у меня все время. Но бѣдныхъ вамъ не нужно будетъ отыскивать, они сами придутъ къ вамъ.

— Самое горячее, самое пламенное наше желаніе, при прощаньи произнесъ Миллеръ, слово въ слово повторяя комплиментъ, сказанный имъ старымъ дѣвамъ: жить здѣсь, посреди васъ, и составлять съ вами какъ бы одно семейство.

— Очень благодаренъ, господинъ Миллеръ; очень пріятно будетъ познакомиться съ вами! сказала майоръ, затворяя дверь.

Только что спустились съ лѣстницы, Эдвѣ начала:

— Ну что, какъ ты ихъ находишь?

— Прелестъ! отвѣчалъ Миллеръ. Конечно, Бальдманы не имѣютъ той важности, какъ дѣвочки Штольценовельсъ, но, мнѣ кажется, они прекраснѣйшіе люди. Мнѣ чрезвычайно понравился свободный разговоръ, открытый видъ майора.

— Замѣтилъ ли ты, прибавила Эдвѣ: какъ они осматривали меня кругомъ? Что имъ хотѣлось видѣть во мнѣ?

— Это очень просто понять, отвѣчалъ Миллеръ: они видѣли, что ты такая хорошенькая; тутъ не на что тебѣ сердиться.

— А ты слышалъ, продолжала Эдвѣ: что они говорили, когда мы вошли? Слышать грубый голосъ майора и укоризны его жены? Она ссорилась.

— Эхъ, важная вещь ссора! возразилъ Францъ. Въ семейномъ быту не безъ ссоры; гдѣ нельзя думать, что всѣ люди живутъ, какъ мы съ тобою.

— А маленькой Исаакъ? какой онъ гадкій, какое у него злое лицо!

— Правда, съ удовольствіемъ замѣтилъ Миллеръ: онъ не такъ красивъ, какъ Германъ и Маргарита; но не всѣ дѣти выходятъ на двухъ херувимчиковъ, которыхъ ты мнѣ подарила.

— Приласкала ли ихъ госпожа Бильдманъ хоть разъ?

— Госпожа Бильдманъ не могла не сравнить своего сына съ нашимъ, и, конечно, въ ней страдало чувство материнской гордости; ты не должна этого дѣлать, тебѣ надо быть великодушною.

— Мнѣ кажется, мой другъ, прибавила Эднъ, что изъ всѣхъ жемчужвъ замка, только одинъ графъ Сигизмундъ меблировалъ свои комнаты по-восточному. Вѣрно, графъ путешествовалъ по Турціи.

— Чтѣ ты хочешь сказать? спросилъ Миллеръ.

— Развѣ ты не замѣтилъ, отвѣчала Эднъ: богатаго убранства комнаты у Штольценфельса и у Бильдмановъ? Какая роскошь! какое великолѣпіе! У насъ, по крайней мѣрѣ, Германъ можетъ безопасно играть; ему нечего остерегаться, чтобъ не опрокинуть и не разбить японскаго фарфора.

— Эхъ! вскричалъ Миллеръ съ досадою: теперь ты завидуешь чайнымъ чашкамъ да мебели своихъ сосѣдей; ты никогда не довольна. Боже мой! будетъ у тебя и мебель, будетъ и фарфоръ, и японскій и саксонскій и севрской! О чемъ ты безповолишься? Когда есть земля, замокъ и сорокъ тысячъ флориновъ доходу, о креслахъ да о фарфорѣ плакать нечего.

Когда Эднъ и Миллеръ воротились домой, маіоръ съ Доротеей побѣжали къ дѣвцамъ Штольценфельсъ. Послѣ пречтенія завѣщанія у нотаріуса, обѣ враждебныя партіи сблизились и рѣшились вмѣстѣ перенести свою досаду.

— Ну! вскричалъ маіоръ, остановившись передъ старыми дѣвками, и спреставъ на груди руки, видѣвъ вы вкѣ? Чтѣ вы теперь думаете о нашихъ догадкахъ? Правъ я? Обманывалась Доротея? Вы все еще думаете, что гдѣдесеймонія владѣнія похитила у насъ саринка?

— Можете теперь знать, прибавила Доротея: зачѣмъ дуракъ

Сигизмундъ безпрестанно рыскалъ по этимъ краямъ. Тайна его отлучекъ открылась; вы узнали сирену, обольстившую его?

— А маленькая Маргарита, вскричалъ маіоръ: вы всмотрѣлись въ нее? Носъ, ротъ, глаза у нея, точно какъ у Сигизмунда; не правда ли? она вылитый его портретъ. Напрасно недостойный нашъ родственникъ хотѣлъ скрыть безпорядки своей молодости; природа постаралась обнаружить его тайну.

— Ахъ, сестра, какой стыдъ! вскричала Гедвига, сложивъ руки.

— Какой срамъ, сестра! сказала Ульрика, опустивъ голову.

— А мы, продолжала Гедвига: согласились поселиться у него, мы считали его за образецъ всѣхъ добродѣтелей!

— Какъ и я же, подхватила Доротея. Еслибъ я знала, еслибы я могла предвидѣть только гнусную истину, могу васъ увѣрить, сударыня, прибавила она краснѣя, я бы съ негодованіемъ отвергла гостепріимство, которое онъ предложилъ мнѣ.

— Да, произнесъ маіоръ: онъ довольно морочилъ насъ своими путешествіями, своею тирольскою пѣсенкою и маскою отчаяннаго любовника. Впрочемъ, я никогда не довѣрялъ ему; его скрытный видъ, двусмысленное и непонятное поведеніе не могли согласоваться съ откровенностію, строгостію и прямою стараго солдата. Онъ насъ обманываетъ, говорилъ я часто Доротеѣ: онъ не стоитъ того, что мы для него дѣлаемъ; онъ сыграетъ съ нами какую-нибудь гадкую штуку. Не правъ ли я? Какимъ образомъ, я васъ спрошу, исполнялъ онъ, въ отношеніи къ намъ, обязанности гостепріимства. Почти никогда не жилъ дома, а когда и пріѣзжалъ, то, какъ будто и не замѣчалъ, что у него живутъ дѣвнцы: фонъ-Штольценфельсъ и маіоръ Бильманъ съ женою.

— Онъ не только былъ самый безнравственный человѣкъ, да и дурной родственникъ, прибавила сухо Доротея.

— Знаете ли вы, вскричала Ульрика: знаете ли, что мы жертвы гнуснаго обмана? Если мы отвергнемъ завѣщаніе, судъ подтвердитъ наши права.

— Это моя первая мысль, мое первое восклицаніе, отвѣчалъ маіоръ: но чтобы уничтожить завѣщаніе, нужно будетъ нагло поступить съ Фридрихомъ. Фридрихъ упрямъ, я знаю его, и ни за что въ свѣтъ не соглашусь ссориться съ членомъ своей фамиліи.

— Господинъ Бильманъ, подхватила Гедвига: вы говорите и дѣйствуете, какъ мудрецъ.

— Я знаю, какъ надо вести себя съ родственниками, отвѣчалъ маіоръ; какъ бы ни былъ бѣшенъ мой характеръ, я лучше, молча, буду страдать, чѣмъ рѣшусь подвергать опасности жизнь вашего племянника, котораго вы обожаете.

— Я думаю, господинъ Бильманъ, серьезно спросила Гедвига, что вы не согласитесь остаться подъ одною крышею съ этими низкими бродягами?

— Рѣшительно нѣтъ, отвѣчалъ маіоръ съ достоинствомъ, и вы, я готовъ поклясться, не захотите долго искать убѣжища въ замкѣ; который долженъ бы былъ принадлежать вамъ.

— Конечно, нѣтъ, вскричали въ одинъ голосъ Гедвига и Ульрика: мы слишкомъ горды и никогда не допустимъ себя до подобнаго униженія.

— Вы уѣдете?

— Вы также?

— Это такъ и слѣдуетъ.

— Безъ сомнѣнiя.

Послѣ этого, Бильманы и Штольценфельсы разстались, рѣшившись однако не оставлять мѣста, а посмотрѣть, что будетъ.

V

Францъ Миллеръ Шингелю.

«Три недѣли, какъ я поселился въ гильдесгеймскомъ замкѣ, и не нашелъ времени писать къ тебѣ. Я не буду извиняться въ своемъ молчанiи: знаю, что ты простишь меня и безъ того. Я такъ занятъ каждый день, что, не смѣтруя на живѣйшее мое желанiе побесѣдовать съ тобою, я долженъ былъ откладывать свою переписку съ моимъ лучшимъ, съ моимъ вѣрнымъ другомъ. Жестокiй другъ, для чего ты принудилъ меня писать къ тебѣ? Твое отсутствiе, дурная сторона моего счастья; это печаль, скрытая во всякой человѣческой радости; это горькая капля, пущенная на дно заздравныхъ дружескихъ чашъ. Я думаю, что ты съ нетерпѣнiемъ желаешь знать всѣ подробности моей новой жизни, вотъ онѣ: Первою моею заботою было, какъ мо-
К. I. — Отд. IV.

женъ самъ догадаться, сдѣлать визитъ двѣнадцатъ фонъ-Штольценфельсъ и маіору Бильдману. Это былъ нашъ долгъ, и на другой же день послѣ нашего прѣзда, мы въ точности исполнили его. Пріемъ, сдѣланный намъ у двѣницъ Штольценфельсъ, былъ немощно холоденъ, я не скрываю. Впрочемъ, я не удивляюсь этому и не досаую. Не смотря на безкорыстіе, которое онъ старался доказать на каждомъ шагѣ при жизни граа, очень естественно, что имъ неприятно, когда замокъ ихъ родственника перешелъ въ чужія руки. Представь себя, на минуту, на моемъ мѣстѣ, и ты легко объяснишь ихъ положеніе въ отношеніи къ намъ. Эднѣ никакъ не хочетъ этого помнить; сдѣлай милость, пожури ее за это. Впрочемъ, при первомъ нашемъ свиданіи, онъ былъ чрезвычайно вѣжливъ, и я увѣрюсь, что грація и доброта моей милой Эднѣ скоро побѣдятъ ихъ холодность. Знай, мой бѣдный Шингель, что ты никогда ничего не видалъ похорошаго на двѣницъ фонъ-Штольценфельсъ. Ты не можешь составить себѣ понятія объ ихъ величественной осанкѣ, которая такъ естественна у нихъ и безъ всякихъ натяжекъ. Изъ одного ихъ прѣвѣтствія можно узнать высокое ихъ происхожденіе. Чтѣ ни говори, а есть въ этихъ людяхъ что-то такое, чего никогда намъ не удастся имѣть. Словомъ, этотъ визитъ оставилъ въ насъ самыя лестныя воспоминанія, кромѣ одной маленькой неприятности, которой Германъ былъ невольною причиною, и о которой расскажетъ тебѣ Эднѣ.

«Пріемъ маіора Бильдмана имѣлъ совершенно другой характеръ. Маіоръ, ты знаешь, старый солдатъ, несдѣланный въ лагерахъ и на поляхъ битвъ, чедовѣкъ почтенный, храбрый, откровенный и прямой. Къ его мужественному лицу и сдѣлымъ усамъ очень идетъ иногда и грубая шутка. Не возможно представить болѣе открытой сивіоніи, болѣе прелекательной наружности. Госпожа Бильдманъ не имѣетъ ни величественной осанки, ни аристократической гордости двѣницъ фонъ-Штольценфельсъ, но все-таки держитъ себя прекрасно; я увѣренъ, что жена моя найдетъ въ ней добрую и милую подругу. Чтѣ касается до маіора, то я готовъ поклясться, что мы уже старые друзья. Красота, грація и скромность нашей Эднѣ произвели на этихъ двухъ супруговъ сильное впечатлѣніе, котораго они не хотѣли и скрывать, чему ты, конечно, не удивишься; они постоянно смотрѣли на нее съ чувствомъ престодушнаго

удивленія, которое, можешь представить; составляло мою радость, мою гордость. Сынъ ихъ, маленькій Исакъ, съ перваго раза, кажется неиможно застѣнчивыиъ; но это легко объяснить удивленіемъ, въ которомъ онъ выросъ. Черезъ нѣсколько времени, это будетъ веселый товарищъ Герману и Маргаритѣ. Словоиъ, любезный мой другъ, я надѣюсь, что Готлибъ Каушманъ не обманулъ насъ: мы будемъ вести въ гильдесгеймскомъ замкѣ настоящую патриархальную жизнь. До сихъ поръ, ни Штольценфельсы, ни Вальдманы еще не были у насъ: въ этомъ-то, по моему мнѣнію, болѣе всего и высказывается тонкій вкусъ высшего общества. Еслибы были на ихъ мѣстѣ, какіе-нибудь вѣщавыя, тѣ сей часъ бы воспѣвали сунуться съ своимъ носомъ въ наши дѣла. Вальдманы и Штольценфельсы остерегаются доучать насъ, беспокоить насъ, потому-что очень хорошо понимаютъ, сколько бываетъ хлопотъ, необходимыхъ при перемѣнѣ жилища; я очень благодаренъ имъ за то. Но Эдмъ и въ этомъ также не хочетъ увѣрится; пожалуйста, не забудь, въ первомъ же своемъ письмѣ, дать ей маленькое наставленіе.

«До сихъ поръ не могу тебѣ ничего сказать о молодомъ Фридрихѣ фонъ-Штольценфельсѣ. Припомни, что графъ Сигизмундъ, въ завѣщаніи своемъ, предоставилъ этому молодому человеку полную свободу распоряжаться его собаками, лошадьми и охотниками, съ правомъ охотиться въ его владѣніяхъ. Подивись, мой любезный Шпигель, скромности и деликатности всѣхъ членовъ этой фамиліи! Недалекъ Фридриха стоитъ гарнизономъ въ осаднень городѣ; она мнута, а Фридрихъ былъ бы въ Гильдесгеймѣ. Конюшни мои полны лошадьми, псарни собаками, лѣса дичью. А Фридрихъ еще и не показывался здѣсь; онъ не равнъ, съ моего пріѣзда, не пользовался правами, предоставленными ему завѣщаніемъ покойнаго графа. Для кавалерійскаго офицера такая скромность выше всѣхъ похвалъ. Ты увидишь, что я долженъ буду пригласить господина фонъ-Штольценфельса охотиться на моихъ земляхъ!

«Гильдесгеймскій замокъ, расположенный на скатѣ холма, относится къ послѣднимъ годамъ XIV-го столѣтія; стиль его чисто готическій, во всемъ своемъ изяществѣ, въ полномъ своемъ развитіи. Ты, питающій къ искусству среднихъ вѣковъ такое благоговѣйное, такое пламенное вочтеніе, ты будешь счастливъ среди этихъ обширныхъ залъ; время твое полетитъ незамѣтно предъ этими старинными стѣнами, обитыми плющемъ.

Комнаты могли бы быть расположены удобнѣе, все зданіе имѣетъ нужду въ нѣкоторыхъ поправкахъ; но съ моимъ доходомъ я успѣю все передѣлать. Кто бы намъ сказалъ это, Шингель, когда мы путешествовали пѣшкомъ, съ палкою въ рукахъ, съ котомкою за плечами? Кто бы намъ сказалъ, что будетъ время, когда я стану хлопотать о передѣлкахъ своего замка? Ахъ! кто бы особенно намъ могъ сказать, что у меня будетъ замокъ, а ты не захочешь жить въ немъ? Бываютъ минуты, когда мы о томъ только и думаемъ, чтобы ты былъ съ нами; и ты, вѣрно, пріѣдешь, мой другъ: на другой годъ, ты не откажешься дополнить наше счастье. Страна, въ которой мы живемъ, одна изъ самыхъ живописныхъ, самыхъ прекрасныхъ, самыхъ роскошныхъ подъ солнцемъ: каждый день, мы открываемъ какой-нибудь новый эдемъ, какой-нибудь новый волшебный уголокъ. Вчера, напримѣръ, не выходя изъ своихъ владѣній, я открылъ самое очаровательное убѣжище, какое могло представиться воображенію Геснера: узкая, глубокая, таинственная долина, орошаемая красивою рѣчкою, тихо несущею свои струи подъ навѣсомъ ольхъ и осинъ. Чуть замѣтныя тропинки, извиваясь по склону горы, ведутъ въ эту долину; все въ ней дико, безмолвно, чудесно! Я часто буду ходить туда съ женою и дѣтьми. Ты знаешь, какъ я до страсти всегда любилъ ловить рыбу, особенно раковъ: нигдѣ, кажется, нѣтъ удобнѣе мѣста, для удовлетворенія этой невинной забавы, какъ здѣсь.

«Не подумай, мой другъ, что я отказываюсь отъ искусства, которое занимало до сихъ поръ первое мѣсто въ моемъ счастьи, отъ славы, которой я жажду. Я не забылъ обязанности, возложенной на меня графомъ Сягизмундомъ: завѣщая мнѣ свои владѣнія, онъ хотѣлъ открыть мнѣ дорогу къ славѣ. Выраженіе послѣдней его воли, высказанное съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ къ трудолюбивому артисту, къ неизвѣстному таланту, къ гению, связанному горькими нуждами жизни, всегда хранится въ моей памяти. Ты можешь быть увѣренъ, что я не буду не благодаренъ, вѣрно и до конца исполню порученіе, данное мнѣ моимъ благодѣтелемъ, порученіе тѣмъ болѣе пріятное, что признательность поведетъ меня прямо къ знаменитости. Есть артисты, которые достигаютъ богатства чрезъ славу; я, благодаря великодушію графа фонъ-Гильдесгейма, достигну славы чрезъ богатство. Сегодня же я примусь за работу. Вдохновеніе осаждаетъ меня, мелодіи тѣснятъ мою грудь; я какъ статуя

Мемнона, пораженная первыми лучами солнца. Послушай меня, брось въ огонь, безъ сожалѣнія, партицію, которую ты хотѣлъ сберечь; эта симфонія не заслуживаетъ чести быть спасенною отъ пламени, какъ поэма Виргилія.

«А ты, любезный другъ, дорогой товарищ моихъ юныхъ лѣтъ, что подѣлываешь? Въ чемъ проходятъ твои вечера, съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ тобою? Этотъ домикъ, который прежде былъ такъ малъ, не кажется ли тебѣ теперь слишкомъ великимъ? Посѣщаешь ли иногда наши опустѣвшія комнаты? Садись ли ты на тотъ, не много жесткій, полуистертый диванъ, на которомъ мы часто сидѣли другъ возлѣ друга? Ахъ, Шлягель, сколько прекрасныхъ часовъ мы провели тамъ, въ обществѣ Эдион и дѣтей!»

Францъ кончилъ письмо и послалъ на почту въ ближній городъ. Эдион и дѣтей не было дома. Мертвая тишина царствовала въ замкѣ и въ окрестностяхъ. Миллеръ чувствовалъ себя въ прекрасномъ расположеніи. Вдохновеніе представляло ему безконечное разнообразіе музыкальныхъ сочетаній. Онъ открылъ клавикорды, и готовъ уже былъ предаться на жертву пламени творчества, какъ вдругъ Вурмъ постучался въ дверь святилища.

— Кто тамъ? спросилъ Францъ, отворяя дверь. Что нужно отъ меня? Развѣ я не сказалъ нынѣшнимъ утромъ, что хочу быть одинъ? Кто бы ни былъ, я не принимаю сегодня, слышите, господина Вурма? Кто бы ни былъ!

— Я не забылъ, отвѣчалъ Вурмъ почтительно: вашихъ приказаній, данныхъ мнѣ сегодня утромъ; но дѣло идетъ объ очень важномъ для васъ предметѣ, и я не думаю, чтобы вы от казали господину Вольфгангу Штурму.

— Кто это Вольфгангъ Штурмъ? спросилъ Миллеръ съ нетерпѣніемъ.

— Вольфгангъ Штурмъ, милостивый государь, отвѣчалъ Вурмъ важнымъ тономъ: уже тридцать лѣтъ служить страпчимъ фамиліи Гильдесгеймовъ. Отецъ покойнаго графа Сигизмунда удостоивалъ его полною своею довѣренностію, и графъ Сигизмундъ такъ же поручалъ ему всѣ хлопоты о защитѣ своихъ правъ и выгоду.

— Ну, грубо возразилъ Миллеръ: о чемъ же онъ пришелъ говорить со мною? о какомъ дѣлѣ онъ хочетъ толковать? Благодаря Бога, я не имѣю никакихъ процессовъ.

— Вотъ уже третій разъ, сударь, съ вашего пріѣзда. Вольгангъ Штурмъ является въ гильдесгеймскій замокъ. А о чемъ онъ съ вами хочеть переговорить, я рѣшительно не знаю; безъ сомнѣнія, о какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ. Прикажете вѣсти? или отказать?

Если третій разъ приходитъ, я не могу его не принять, сказалъ Миллеръ: введите.

Съ досадою онъ бросилъ на клавикорды едва начатую сонату. Черезъ нѣсколько минутъ, управляющій ввелъ Вольганга Штурма. Это былъ высокій, сухощавый мужчина, лѣтъ около шестидесяти; его давленный лобъ, маленькіе сѣрые, впадые глаза, дѣсій профиль, ясно выражали лукавство и геній крѣпко-творства. Онъ принесъ въ своихъ рукахъ огромную связку бумагъ, которую положилъ на столъ, поклонившись напередъ до земли новому владѣтелю замка. Миллеръ сдѣлалъ неловкій поклонъ и предложилъ ему стулъ возлѣ себя.

— Милостивый государь, сказалъ Штурмъ, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій: вы законный наследникъ графа Сигизмунда; вступивъ во всѣ его права, вы приняли на себя и всѣ его обязанности.

— Говорите, въ чемъ дѣло?

— Боже мой! отвѣчалъ Штурмъ, и все то тутъ хлопотъ не стоить. Дѣло идетъ о клочкѣ земли, съ полдесятины, который принадлежитъ къ гильдесгеймскому имѣнію, но находится въ границахъ двухъ сосѣднихъ владѣній.

— Не можете ли вы, возразилъ Миллеръ, обратиться съ этимъ къ моему управляющему?

— Между нами сказать, милостивый государь, отвѣчалъ Штурмъ; вашъ управляющій не въ состояніи болѣе понимать меня. Съ давнихъ уже поръ онъ не входитъ ни въ какія разбирательства относительно интересовъ фамиліи Гильдесгеймовъ. Онъ и никогда не отличался свѣтлымъ умомъ, а годы и тотъ помрачили.

— Значить, мнѣ приходится, сказалъ Миллеръ, тяжело вздохнувъ: выслушать васъ? Какой же предметъ тяжбы?

— Я вамъ сказалъ, милостивый государь, продолжалъ стряпчий: что дѣло идетъ о клочкѣ земли, который принадлежитъ вамъ, но на который два вашихъ сосѣда объявляютъ свои притязанія.

— Только-то? вскричалъ Миллеръ съ радостію, это дѣло очень

престое, которое может рѣшиться въ одинъ вечеръ. Я пригласилъ на ужинъ двухъ своихъ соперниковъ; попрошу ихъ принести съ собою документы, и предлагаю имъ свои, рассмотримъ все, какъ слѣдуетъ, и за десертомъ мы уладимъ все по-дружески.

Вольегангъ Штурмъ улыбнулся при этихъ простодушныхъ словахъ.

— Милостивый государь, сказалъ онъ: подобныя чувства дѣлаютъ вамъ честь; если бы каждый думалъ, какъ вы, что стало бы съ нашей братьей? Слава Богу, подобныя чувства рѣдки; иначе скоро бы надо было распустить всѣхъ чиновниковъ, какъ бесполезное тогда войско. Слава и благодареніе! тяжбы не кончатся въ одинъ вечеръ, за рюмкой вина.

— Послушайте, господинъ Штурмъ, сказалъ Миллеръ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. До сихъ поръ я жилъ въ мирѣ со всѣми. Я слышалъ иногда разговоры о процессахъ, но не имѣлъ ихъ никогда. Если дѣло идетъ, какъ вы говорите, о ничтожномъ клочкѣ земли, стоить ли тягаться? Для чего варушить покой изъ за какой-нибудь пустой выгоды? Я уполномочиваю васъ съ нынѣшняго же дня отказаться отъ иска моимъ именемъ. Я отказываюсь отъ всѣхъ притязаній, какія были объявлены фамилією Гильдесгеймовъ. Владѣнія, оставленныя мнѣ графомъ Сигизмундомъ, такъ прекрасны, обширны и богаты, что я безъ всякаго сожалѣнія отказываюсь отъ полудесятины земли. Вы понимаете меня, господинъ Штурмъ; значитъ, дѣло рѣшено. А если, для окончанія спора, вамъ нужна будетъ формальная довѣренность, приготовьте ее и принесите завтра, я подпишу, и дѣло будетъ въ шляпѣ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ я хотѣлъ бы исполнить ваши желанія, господинъ Миллеръ, отвѣчалъ стряпчій: вы достойны жить въ золотомъ вѣкѣ, но мы живемъ въ желѣзномъ, а вы знаете пословицу: съ волками жить, по-волчьи и выть. Если бы ваши сосѣди походили на васъ, мы не имѣли бы нужды продолжать тяжбу; къ счастью, у нихъ совсѣмъ другія чувства.

— Но, помилуйте, вскричалъ Миллеръ, выходя изъ себя: если я не хочу тягаться, кто можетъ меня принудить?

— Я согласенъ, возразилъ Штурмъ: предметъ тяжбы самый пустой; но въ основаніи его лежитъ вопросъ о чести; ее-то мы и стараемся поддержать.

— Я не понимаю, господинъ Штурмъ, какимъ образомъ вопросъ о чести можетъ быть связанъ съ подобнымъ дѣломъ?

— Я вамъ расскажу, господинъ Миллеръ. Дѣло по этой тяжбѣ началось еще въ 1760 году. Зѣмокъ гильдесгеймскій принадлежалъ въ то время дѣду графа Сигизмунда. Дѣдъ графа, послѣднiй изъ гильдесгеймовъ, къ несчастiю, поручилъ ходатайство по своимъ дѣламъ челоуѣку несвѣдущему. Стряпчiй только запуталъ дѣло, такъ, что когда отецъ графа Сигизмунда наслѣдовалъ гильдесгеймскiй замокъ, въ фамилныхъ своихъ бумагахъ онъ нашелъ процессъ въ самомъ дурномъ положенiи. Все-таки ему можно было бы поправить дѣло и выиграть процессъ; но для этого мало было одной доброй воли, нужны были ревность, порядокъ, дѣятельность, а онъ уже слишкомъ поздно вздумалъ обратиться ко мнѣ. Что касается до графа Сигизмунда, вы знали его; это былъ превосходный челоуѣкъ, но къ процессу онъ имѣлъ почти такое же отвращенiе, какъ и вы. Я только успѣлъ убѣдить его, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, не отказывался отъ фамилныхъ правъ. А вы, милостивый государь, вы, законный его преемникъ, будете имѣть слабость отказаться отъ правъ, поддерживаемыхъ тремя поколѣнiями, которыми вы наслѣдуете? Подобную слабость не могутъ ли назвать трусостию? Предметъ тяжбы ничтоженъ самъ по себѣ, но онъ прiобрѣтаетъ чрезвычайную важность по взаимному отношенiю партiи. Три противника, находящiеся теперь на лицо, обязаны поддерживать притязанiе своихъ предшественниковъ, чтобъ не запятнать своего герба.

— О какомъ гербѣ вы говорите? съ живостию спросилъ Миллеръ: моя фамилiя не имѣетъ герба.

— Развѣ вы за ничто считаете, возразилъ стряпчiй: гербъ графа Сигизмунда, до сихъ поръ остававшiйся безъ малѣйшаго пятна, гербъ благороднѣйшаго челоуѣка, который завѣщалъ вамъ свое имѣнiе? Не лежитъ ли на васъ священнiй долгъ уваженiя къ его памяти? А отказавшись отъ процесса, не обвините ли вы нѣкоторымъ образомъ его и не окажетесь ли неблагодарнымъ передъ нимъ?

— Признаюсь, сказалъ Миллеръ, нѣсколько смутившись: до сихъ поръ я не такъ понималъ долгъ признательности. Сердце мое полно уваженiя, благодарности, почтенiя, къ памяти графа Сигизмунда; это былъ лучшiй изъ людей, и, если онъ слышитъ васъ, я увѣренъ, что онъ одобритъ мои намѣренiя. Онъ

любилъ миръ, онъ считалъ его выше всего; также какъ и онъ, господинъ Штурмъ, я не терплю никакихъ ссоръ. Я повторяю вамъ, если для окончанія этого несчастнаго процесса, нужно только отказаться отъ предмета тяжбы, то я отказываюсь съ величайшимъ удовольствіемъ, и нисколько не думаю оскорбить этимъ память графа Сигизмунда.

— Такимъ образомъ, милостивый государь, возразилъ страпчій еще съ большимъ изумленіемъ: вы однимъ словомъ хотите запятнать память трехъ поколѣній! Изъ любви къ миру и своему спокойствію, вы хотите объявить, передъ цѣлымъ здѣшнимъ яремъ, что дѣдъ и отецъ графа Сигизмунда, и самъ графъ Сигизмундъ не имѣли ни здраваго смысла, ни проницательности, ни добросовѣстности, ни справедливости! Изъ любви къ миру, вы не опасаетесь, вы не стыдитесь обезчестить ихъ?

При этихъ словахъ, Миллеръ привскочилъ на стулъ, какъ будто его ужалила оса.

— Какъ! вскричалъ онъ: я безчещу три поколѣнія, уступаю своимъ противникамъ полдесятины земли! Отказываясь отъ процесса, я обвиняю три поколѣнія въ глупости и низости! Если справедливость вашей тяжбы, — потому-что, слава Богу! я не хочу считать ее своею, — если законность вашихъ правъ, такъ очевидны, если дѣйствительность вашихъ документовъ такъ несомнѣйна, почему же въ продолженіе шестидесяти лѣтъ судъ не рѣшилъ этого дѣла въ пользу фамиліи Гильдесгеймовъ?

— Правосудіе, отвѣчалъ Штурмъ: по прекрасному выраженію одного лирическаго поэта, идетъ медленными шагами; эта великая мысль должна быть начертана золотыми буквами во всѣхъ залахъ, гдѣ разсуждаютъ объ интересахъ, которые мы призваны защищать.

— Я не знаю, возразилъ Миллеръ, который рѣшительно потерпѣлъ терпѣніе: что сказалъ лирической поэтъ, да не хочу и знать; знаю лишь то, что я отказываюсь отъ этого смѣшнаго процесса. Думайте обо мнѣ, какъ хотите, обвиняйте меня въ неблагодарности, считайте безразсуднымъ, глупцомъ; я хочу жить въ покоѣ, и не буду сутяжничать.

— Я не понимаю, господинъ Миллеръ, что вы находите смѣшнаго въ процессѣ, о которомъ я разсуждалъ съ вами. Этотъ процессъ казался важнымъ графу Сигизмунду, отцу его и дѣду, и всѣ здравомыслящіе люди судили объ немъ также.

— Я согласенъ, господинъ Штурмъ, что вы увѣрены въ за-

вещности правъ, которые вы убъждаете меня поддерживать; но, принадлежитъ ли мнѣ этотъ клочекъ земли, первоначальный предметъ табы, или не принадлежитъ, дѣло вотъ въ чемъ: если онъ не принадлежитъ мнѣ, отказываясь, я только возвращаю его, а если принадлежитъ мнѣ, я имѣю неоспоримое право отдать его протавникамъ.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ страпчій: вы можете сдѣлать это; но такое великодушіе вамъ дорого будетъ стоить. Я прошу, пожалуйста посмотрѣть, выписку объ издержкахъ, сдѣланныхъ съ 1760 года. Дѣло идетъ о двадцати тысячахъ флориновъ. Если вы рѣшились заплатить ихъ, моя служба для васъ теперь будетъ бесполезна. Впрочемъ, милостивый государь, я оставляю вамъ все бумаги по этому дѣлу; вы можете на-досугъ рассмотреть ихъ, и тогда сами разсудите, на что должны будете рѣшиться.

Сказавъ это, Вольфгангъ Штурмъ всталъ, низко поклонился и важными шагами вышелъ изъ комнаты.

Миллеръ въ продолженіе трехъ часовъ занятъ былъ чтеніемъ бумагъ, оставленныхъ Штурмомъ, когда вошла Элеонъ съ дѣтьми. Она бросилась на шею къ мужу; первый разъ, Миллеръ принялъ ея ласки, не возвративъ ихъ. Наступилъ часъ ужина; во все время стола, онъ былъ угрюмъ и молчаливъ. Кончился ужинъ, Элеонъ попросила его сѣсть за клавикорды и спѣть, какъ бывало, любимыя его пѣсни. Но Францъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ. Германъ и Маргарита хотѣли поиграть съ нимъ; онъ оттолкнулъ дѣтей, заперся въ своей комнатѣ, и, когда настала другая ночь, онъ все еще не кончилъ своего чтенія. Утомленный, онъ кинулся въ постель; но лишь только глазъ его сомкнулись, вдругъ громкіе звуки роговъ и рѣзкій лай собакъ, разбудили его: это майоръ Бильманъ отправлялся на охоту, здоровый, спокойный, веселый.

VI.

Разсмотрѣвъ бумаги, оставленныя Штурмомъ, Миллеръ, не смотря на ясность, не смотря на законность правъ, поддерживаемыхъ фамилією Гильдесгеймовъ, оставался при первомъ своемъ рѣшеніи. Онъ хотѣлъ отказаться отъ процесса и пресѣчь весь споръ уступкою спорнаго участка. Онъ думалъ уже потребовать въ законъ страпчяго Штурма, чтобы окончательно объ-

дать ему послѣднее свое рѣшеніе; какъ вдругъ непредвидѣнные происшествія навѣвали всё его проекты мара и согласія. Жатва была плохая. Крестьяне, вмѣсто того, чтобы вносить плату за содержаніе фермъ, приходили съ жалобами на нищету и просили объ отсрочкѣ. Миллеръ, разстроганный до слезъ несчастіемъ этихъ бѣдняковъ, которые въ самомъ-то дѣлѣ были только хитрые плуты, не могъ не соглашаться на ихъ просьбы. Если онъ дѣлалъ какіе-нибудь воираженія, у этихъ негодяевъ всегда былъ готовъ отвѣтъ: — О! графъ Сигизмундъ, никогда не отвергалъ нашихъ просьбъ; это былъ добрый господинъ! — И Францъ всегда уступалъ имъ. Посреди этихъ затрудненій, между тѣмъ какъ онъ отыскивалъ средства произвести необходимыя починки въ замкѣ, пожаръ вокралъ самую лучшую ферму въ вѣннѣ. Съ другой стороны, дѣвцы Штольценфельсъ и майоръ Бильдманъ требовали за три мѣсяца пенсін „назначенной имъ завѣщаніемъ графа Сигизмунда. Доротея настоятельно требовала еще десяти тысячъ флоринговъ, которые должны обращаться въ банкѣ до совершеннолѣтія Исаака, для приращенія процентами. Она сама уже писала нѣсколько писемъ по этому предмету, которыхъ тонъ былъ только что учтивъ. Чтобы пресѣчь однимъ ударомъ всё эти требованія, которые день-отъ-дня становились невыносимѣе, Миллеръ рѣшился занять значительную сумму. Вскорѣ по пріѣздѣ въ замокъ, онъ предложилъ одному архитектору, сдѣлать проектъ гробницы графа Сигизмунда. Теперь онъ не находилъ возможности скоро исполнить долгъ признательности. Тирольскую мѣсню надо было вырѣзать золотыми буквами на доскѣ паросскаго мрамора. Наконецъ и Эдионъ, отъ которой Миллеръ сарывалъ большую часть своихъ непріятностей, докучала ему о мебелировкѣ комнатъ, опустошенныхъ Штольценфельсами и Бильдманами. Въ этомъ критическомъ положеніи, могъ ли онъ купить маръ цѣною двадцати тысячъ флоринговъ? И это не все: размышленіе незамѣтно породило его съ гордостью и нелѣпыми предразсудками дома, котораго онъ сдѣлался преемникомъ. Отказываясь отъ процесса, уступая спорный участокъ, не оскорблялъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, памяти графа Сигизмунда, не патналъ ли гербъ фамиліи Гильдесгеймовъ? Что скажетъ майоръ Бильдманъ? что подумаютъ дѣвцы Штольценфельсъ? что подумаютъ всё люди? Не смотря на свое желаніе жить въ покоѣ, Францъ долженъ былъ рѣшиться продолжать тяжбу.

Съ тѣхъ поръ, жизнь Миллера совершенно измѣнилась. Онъ захотѣлъ строго изслѣдовать состояніе своихъ владѣній, и открылъ ужасныя безпорядки, безчисленныя злоупотребленія, укорененныя долговременною ненаказанностію. Чтобы пресѣчь зло въ самомъ корнѣ, онъ понялъ необходимость надсматривать самому за управленіемъ своими имѣніями. Фермеры, которые пользовались свачала его прибытіемъ, думая, что имѣютъ дѣло съ артистомъ, съ музыкантомъ, незнакомымъ со всѣми обязанностями, сопряженными съ огромнымъ владѣніемъ, увидѣвъ вдругъ неусыпную его дѣятельность, скоро возненавидѣли его. Миллеръ все видѣлъ и терпѣлъ. Черезъ нѣсколько недѣль, всѣ его планы, всѣ его мечты о славѣ были отложены на неопредѣленное время. Богатство отнимало у него гораздо болѣе времени, въ Гильдесгеймѣ, чѣмъ его ученики въ Мюнхенѣ.

И Эднѣ, съ своей стороны, скоро поняла настоящее свое положеніе. Эта сельская жизнь, которая представлялась ей такою удобною, такою пріятною, въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ, эти фермеры, которые должны были доставлять ей столько удовольствій и радостей, эти благотворительные концерты, всѣ эти надежды, всѣ эти мечты, которыя она лелѣяла во время перѣзда изъ Мюнхена въ Гильдесгеймъ, гдѣ онъ? куда все это дѣвалось? На фермахъ и въ хививнахъ она встрѣчала только грязныхъ, корыстолюбивыхъ поселянъ. Она сыпала свои благодѣянія, и не видѣла ни малѣйшей признательности. Она безотчетно чувствовала вокругъ себя испорченную, неприязненную атмосферу. Слуги, наслышавшись о гнусныхъ подозрѣніяхъ, выдуманныхъ и распространенныхъ старыми дѣвами и Бильдманами, раздѣляли мнѣніе этихъ низкихъ душъ. Эднѣ всегда обходилась съ ними ласково, но никогда не замѣчала на ихъ лицахъ усердія и готовности исполнять ея волю, предупредить ея желанія. Однажды она пошла съ своими дѣтьми на сосѣдній сельскій праздникъ; но тамъ встрѣтила только холодный пріемъ, насмѣшливыя улыбки, презрительныя взгляды, двусмысленное шушуканье. Пристыженная, униженная, она возвратилась домой; напрасно старалась она разгадать причину оскорбленія, раскрыть рану, причинившую ей такое страданіе. Будучи проникательнѣе своего мужа, Эднѣ ни минуты не обманывалась въ характерѣ и расположеніи Бильдмановъ и дѣвицъ Штольценфельсъ. Съ самаго пріѣзда ея въ замокъ, она еще ни

разу не приходили къ ней, и Францъ наконецъ понялъ, что скромность, доведенная до такой степени, походитъ на грубость. Нѣсколько визитовъ, сдѣланныхъ сосѣдней аристократіи, увѣнчались такимъ же успѣхомъ. Миллеръ, по видимому, а можетъ-быть, и чистосердечис, съ радостію отказался отъ всѣхъ знакомствъ. Наше счастье, говорилъ онъ, не имѣетъ ни въ комъ нужды и легко обойдется безъ Штольценфельсовъ и Бильдмановъ. Эднѣ раздѣляла это мнѣніе; впрочемъ, не жалѣя объ обществѣ, которое принесло ей такъ мало пріятностей, Эднѣ, досадуя на себя, живо чувствовала оскорбленіе. Она страдала также отъ своего одиночества. Окружавшая ее роскошь была совершенно бесполезна для нея. На чтѣ ей лошади, которыми полны были ихъ конюшни? Чтѣ ей въ коляскахъ, которыми загромождены сараи? Для чего эти обширныя залы, которыя были не съ голыми стѣнами, какъ прежде, но также пусты, также не оживлены ни чѣмъ присутствіемъ? Это обиліе безъ употребленія походило на насмѣшку. Францъ, занятый своими дѣлами, не имѣлъ ни минуты свободной. Дни онъ проводилъ внѣ замка, хлопоталъ по разнымъ дѣламъ, и возвращался домой вечеромъ, раздосадованный, измученный, чтобъ только отуживать и лечь спать. Не было больше домашнихъ концертовъ, не было тѣхъ увлекательныхъ разговоровъ, которые сокращали нѣкогда ихъ вечера. Эднѣ имѣла нѣжную душу; сердце ея не создано было для пустынн. Германъ и Маргарита вышли изъ того возраста, который требуетъ неусыпнаго надзора, но не достигли еще тѣхъ лѣтъ, когда дѣти понимаютъ цѣпу привязанности, и на любовь и ласки отвѣчаютъ тѣмъ же. Владѣтельницау Гильдесгейма, среди почти царскаго парка, окруженную многочисленною прислугой, полную госпожу огромныхъ владѣній, пожирала скука. Впрочемъ, она безъ большихъ усилій посвятила себя на эту новую жизнь, въ надеждѣ, что дѣла скоро примутъ лучшій оборотъ.

Однажды, рано утромъ, Эднѣ вышла въ паркъ. Прохаживалась одиноко по узкой дорожкѣ, она съ грустію размышляла о всѣхъ обманахъ и разочарованіяхъ, которые ей привелось испытать въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ. Наступалъ Октябрь. Природа была еще въ полномъ нарядѣ. Все предвѣщало прекрасный день. Эднѣ ходила, опустивъ голову; прохладный утренній воздухъ, напитанный легкимъ туманомъ, шелестъ шурѣлка падающихъ листьевъ, крики птицъ, еще болѣе усиливали ея задумчи-

востъ. Она ходила уже около часа, предвзвѣсь различныя мечты, какъ вдругъ, нажавъ голову, она заѣхнула, въ несомнѣнныхъ шагахъ передъ собою, молодого человека, котораго она видѣла въ первый разъ: то былъ Фридрихъ фонъ-Штоппенсальсъ, прибывшій въ замокъ на-канунѣ.

Удерживаемый обязанностями службы, или скорѣе какою-нибудь помыслъ дурочествомъ, Фридрихъ не могъ до-сихъ-поръ воспользоваться великодушнымъ распоряженіемъ своего знатнаго родственника. Впрочемъ, уважая послѣднюю волю покойнаго, онъ мало былъ расположенъ снова увидѣть тѣ владѣнія, которыя должны были принадлежать ему. Не смотря на безсмысленность и вѣтрость своего характера, онъ не безъ досады воспоминалъ о музьянтахъ, возманившемся въ гильдестейнскихъ замкѣхъ, и, сказать правду, не имѣлъ никакой охоты знакомиться съ ними. Съ другой стороны, Ульрика и Гедвига не слишкомъ приващали его, съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишился своего господства въ замкѣ. Но во мѣрѣ того, какъ доводы его уменьшались, уменьшалось и отвращеніе его къ Гильдестейму; и, въ одинъ прекрасный день, когда въ конюшнѣ его осталась только подкладка, онъ вдругъ рѣшился взять отъпускъ на три мѣсяца къ своимъ товарищамъ. Пробывъ въ замкѣ, Фридрихъ не зналъ еще гнусной клеветы, изобрѣтенной Баманнани, за-одно съ старыми дѣвами. Онъ принялъ ее безъ сомнѣванія, безъ возраженій; но нисколько не думалъ раздѣлять негоднованія, объявшаго эти праведныя души, и показавъ къ виновнымъ истинно христіанское снисхожденіе.

— Прекрасно! вскричалъ онъ: теперь-то я знаю не мало жизнь графа Сигизмунда. Онъ былъ бы очень снѣгога, если бы позволялъ себя обработать за какую-нибудь герцогскую вѣсенку. А когда дѣла его были въ такомъ положеніи, то ничего и говорить болѣе; это такъ и должно быть. Графъ былъ умный человекъ; жалко теперь, что я оказывалъ ему мало любви и преданности. Для чего онъ скрывалъ отъ меня истину? Мы стали бы путешествовать вмѣстѣ. Надѣюсь, прибавилъ онъ, что послѣдница молода и красива?

— Вы увидите ее, Фридрихъ, отвѣчала Ульрика, обшарившая съ Гедвигей лукавыми взглядами: молодость ее и красота обѣщать намъ такъ дорого, что мы не можемъ говорить объ этомъ хладнокровно.

— Если она молода и прекрасна, вскричалъ Фридрихъ: то

честь графу Сигизмунду, слава его памяти, и да проститъ меня тѣнь его, что я былъ такъ слѣпъ и недогадливъ при его жизни!

При этихъ словахъ, Годвига и Ульрика снова обмѣнились взглядами; эти двѣ благородныя души уже поняли одна другую. А для Фридриха достаточно было одной мысли, что подъ кровлею гильдесгеймскаго замка живетъ молодая и прелекая женщина, не слишкомъ строгой добродѣтели, чтобы искружить ему голову. Привыкшій къ легкимъ побѣдамъ, лишенный наследства по одному своервию, онъ считалъ очень забавнымъ, въ вознагражденіе за потерю вѣнча, распространить права, предоставленныя ему завѣщаніемъ графа Сигизмунда. День уже былъ на исходѣ, онъ отложилъ свой визитъ Миллеру до завтра.

На другой день, встрѣтился лицомъ къ лицу съ Эдвеею, которую не ожидалъ такъ скоро встрѣтить, Фридрихъ расколебился сдѣлать приступъ безъ большихъ приготовленій; но пораженный скромнымъ и важнымъ видомъ молодой владѣтельницы замка, хотя и увѣренъ былъ, что передъ нимъ была любовница графа Сигизмунда, онъ невольно смутился и сдѣлалъ ей самый почтительный поклонъ. Эдвее остановилась, не зная, идти ли ей впередъ или вернуться назадъ; хотя она хорошо знала завѣщаніе, но ей никогда не приходило на мысль Фридрихъ, и она смотрѣла на него съ любопытствомъ и недоувѣрчивостію. Въ изящномъ утреннемъ нарядѣ, съ видомъ испуганной лани, она была очаровательна, и молодой оенцеръ тотчасъ сознался, что родственникъ его былъ человекъ со вкусомъ.

— Сударыня, сказалъ онъ наконецъ со всею вѣжливостію: вамъ, конечно, странно видѣть меня въ такое время въ вашемъ паркѣ; вы не знаете, кто я. Я принадлежу къ фамиліи графа Сигизмунда; передъ вами Фридрихъ фонъ-Штольценгольцъ, самый вѣжливѣйшій изъ вашихъ слугъ.

— Я знаю правдъ, предоставленныхъ вамъ графомъ Сигизмундомъ, отвѣчала Эдвее: еслибъ вы не заговорили ко мнѣ, согласно завѣщанію вашего родственника, повѣрьте, что мой мужъ стелъ бы обязанностию пригласить васъ.

Проговоривъ это нѣсколько дрожащимъ голосомъ, Эдвее хотѣла предомыслить свою прогулку; но дорожка была узка, а Фридрихъ и не думалъ постерониться.

— Извините, мнѣя, сударыня, сказалъ онъ: что я не имѣлъ еще времени представиться вамъ. Со смерти графа, служба моя

не возродила мнѣ быть въ Гильдесгеймѣ; только что на этой недѣлѣ я могъ вырваться въ отпускъ.

— Для чего вамъ извиняться? возразила Эдвѣ съ печальною улыбкою. Мы не заслужили любви и благосклонности вашей фамилии. Вы, по крайней мѣрѣ, ни чѣмъ не одолжены нами, и очень естественно будетъ съ вашей стороны, если вы будете немножко ненавидѣть насъ.

— Мнѣ, ненавидѣть! съ живостію возразилъ Фридрихъ: можетъ быть, такъ было вчера, даже сегодня утромъ; но теперь, сударыня, я не напоминаю болѣе объ этомъ. Я не знаю, какъ расположены къ вамъ мои тетки, маіоръ Бильманъ и почтеннѣйшая Доротея. Если мои тетки не совсѣмъ вѣжливы съ вами, я вовсе не думаю раздѣлять ихъ мыслей. Это старыя дѣвы; надо простить имъ нѣскольکو. А маіоръ, просто, мужикъ; жена его глупая болтуня, и они вовсе не стѣять того, чтобы обращать на нихъ вниманіе. Что же касается до меня, сударыня, я никогда не думаю сердиться на графа Сигизмунда; полномочный распорядитель своего имѣнія, онъ прекрасно сдѣлалъ, что завѣщалъ его въ пользу молодой и очаровательной женщины. Я не только не порицаю, я одобряю, я благодарю его за это. Красота всегда и вездѣ пріятный гость.

Эдвѣ покраснѣла и не отвѣчала; Фридриху не хотѣлось прервать разговора, онъ продолжалъ:

— Какъ, вы, сударыня, проводите время? Весело ли проходить ваши дни? Гильдесгеймскій замокъ, конечно, образецъ архитектуры; но, навѣрное, не можетъ доставить много веселья. Посѣщали ли вы окрестности? Любите ли вы охоту, верховую ѣзду? Мужъ вашъ веселаго характера? Если ему угодно, мы будемъ охотиться вмѣстѣ; надѣюсь, сударыня, что иногда и вы не откажетесь принять участіе въ нашихъ удовольствіяхъ.

— До-сихъ-поръ, отвѣчала Эдвѣ: мы никого не принимали въ замокъ; никто не прѣзжалъ нарушить наше уединеніе. Какого развлеченія я могу ожидать, когда всѣ удаляются отъ меня?

— Есть о чемъ жалѣть! вскричалъ Фридрихъ со смѣхомъ: вы досадуете, что какіе-нибудь дворянчики, зараженные знатностію своего рода, не приглашаютъ васъ раздѣлять ихъ скуку и скучный кусокъ! Вы не знаете, что они окажутъ людямъ самую величайшую вѣжливость, какую только въ состояніи сдѣлать, если не будутъ никому показываться и запрутъ въ сво-

ихъ голубятихъ. Не смотря на маленькія причуды, тетки мои, въ душѣ, прекрасныя созданія; но, между нами сказать, съ ними нельзя весело провести время. Майоръ это винный мѣхъ. Поищите, сударыня, и предоставьте всемигъ, и ваша жизнь совершенно измѣнится. Я сегодня же хочу познакомиться съ вашимъ мужемъ. Готовъ биться объ закладъ, что мы сойдемся съ нимъ. Онъ музыкантъ, а люблю музыку. Если онъ не любитъ охоты, я научу его любить ее. Я покажу вамъ охоту за дичью; вы увидите прекрасное зрѣлище. Дичи въ Гильдесгеймѣ довольно; послѣ моего отъѣзда, я не думаю, чтобъ кто объявлялъ ей жестокою войну. Фазаны и куропатки не боятся пуль майора. Вы ѣдите верхомъ? Если вамъ нужно нѣсколько уроковъ, я всегда готовъ предложить вамъ свои услуги. Вамъ нужно объѣздить какого-нибудь скакуна и сдѣлать его послушнымъ, какъ ягненка? можете положиться на меня. Въ полку я укрощалъ такихъ лошадей, къ которымъ никто не смѣлъ подступиться. Я знаю въ вашихъ конюшняхъ одну лошадь, которой нѣтъ еще четырехъ лѣтъ; черезъ недѣлю, я поставлю ее становиться передъ вами на колѣни, ржать отъ радости, при видѣ васъ, и брать хлѣбъ изъ вашихъ рукъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они прогуливались въ паркѣ. Эднѣ беззаботно ходила возлѣ Фридриха. Туманъ разсѣлся; только бѣлые пары цѣплялись между листьями деревьевъ, какъ клочки ваты. Солнце съ торжествомъ освѣтило землю; оживленная, радостная природа, казалось, возвратилась къ веснѣ. Эднѣ улыбалась на слова Фридриха; Фридрихъ удивлялся красотѣ и очаровательности Эднѣ. Но въ осанкѣ и въ рѣчахъ этой женщины было столько важности и вмѣстѣ искренности, что молодой повѣса невольно чувствовалъ какое-то смущеніе. Чистота и неворочность имѣютъ особенный блескъ, который поражаетъ глаза записныхъ развратниковъ. Фридрихъ нѣсколько разъ старался придать разговору болѣе живости и остроты, и всегда останавливался передъ простодушною улыбкою или изумленнымъ взглядомъ владѣтельницы замка. Онъ уже съ безокойствомъ спрашивалъ самого себя, не слишкомъ ли скоро положился на увѣренія своихъ тетусекъ. Чтобы рѣшить всѣ недоумѣнія, онъ вдругъ свернулъ разговоръ на графа Сигизмунда; и говоря объ немъ, онъ пристально смотрѣлъ на Эднѣ, не замѣтитъ ли на ея лицѣ или въ глазахъ замѣшательства, смущенія. Эднѣ спокойно ощипывала листки осенней

решил, которую она сорвала многократъ. Фридрихъ сталъ въ туникъ.

— Согласитесь, сударыня, вскричалъ онъ наконецъ: что, при всѣхъ своихъ странностяхъ, графъ Сигизмундъ былъ малый человекъ. Я любилъ его, и очень хорошо понимаю, что онъ не былъ злодѣею къ вамъ.

Вместо отвѣта, Эдизъ простодушно разсказала, въ нѣсколькихъ словахъ, какимъ образомъ она узнала графа Сигизмунда, и объ единственномъ вечерѣ, который онъ провелъ у нихъ въ Мюнхенѣ. Все это она говорила съ такимъ чистосердечіемъ, съ такими ясными выраженіемъ истины, что Фридрихъ, когда она кончила, пришелъ въ рѣшительное замѣшательство.

— Какъ! вскричалъ онъ: вы видѣли его только разъ! и онъ сямъ приходилъ къ вамъ! и ушелъ, не сказавъ своего имени! и вы съ тѣхъ поръ никогда не видали его!

— Никогда.

— Скажу откровенно, на мѣстѣ моего благороднаго родственника, я никогда не могъ бы быть такъ скромнъ.

Послѣ этого, отвѣчая на вопросы Фридриха, Эдизъ разсказала о Миллерѣ, о своихъ дѣтахъ, о Шигелѣ, о спокойной и трудолюбивой жизни, какую они вмѣстѣ проводили въ Мюнхенѣ. Истина ясно выказывалась во всѣхъ ея рѣчахъ, какъ прекрасный цвѣтокъ, распустившійся въ глубинѣ прозрачнаго ручья. Фридрихъ, слушая ее, переходилъ отъ удивленія къ удивленію.

— Смотрите, вотъ мои дѣти, вдругъ вскричала Эдизъ, показывая на Германа и Маргариту, обжавшихъ къ нимъ на встрѣчу. Обманула ли я васъ? Не правда ли, что онѣ очень милы?

Фридрихъ съ большимъ вниманіемъ всматривался въ маленькую дѣвочку; но напрасно искалъ на этомъ свѣженькомъ, розоватомъ личикѣ хоть одной черты, которая напоминала бы блѣдное, продолговатое лицо графа Сигизмунда. Смотри на эту юную мать и на этихъ красивѣнькихъ дѣтей, освѣржавшихъ другъ у друга ее поцѣлуи, онъ ясно понялъ, что тетя его обманывалась.

Они разстались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вѣнка. Эдизъ вышла изъ залу; Миллера уже не было дома. Она облокотилась на открытое окно и задумалась о новой жизни, которая яркими, блестящими красками рисовалась въ ея воображеніи послѣ обольстительныхъ словъ Фридриха. Черезъ нѣсколько минутъ, она услышала гремѣніи звуковъ рога; то былъ Фридрихъ, въ охот-

ничьями платьями, съ полною скоростью сѣли въ сопровожденіи нѣдѣхъ египтяновъ. Проѣхавъ подъ окномъ, гдѣ сидѣла Эдмъ, онъ граціозно осененилъ свою лошадь, сдѣлавъ почтительный поклонъ, и пустился въ галопъ; на поворотѣ аллеи, онъ обернулся, чтобъ еще разъ приветствовать очаровательное личико, которое было обращено къ нему. Охотничій костюмъ Фридриха выказывалъ всю стройность его стану. Эдмъ не могла не замѣтить прерасной наружности своего новаго гостя.

VII.

Открывъ свою ошибку, Фридрихъ не почувствовалъ, какъ бы слѣдовало ожидать, негодованія противъ клеветы; онъ не хотѣлъ расцѣпиться и отказаться отъ своихъ надеждъ. Оставляя безъ опроверженія подозрѣнія своихъ тетокъ, Фридрихъ не думалъ ни оскорблять этимъ памяти своего родственника, ни уменьшать уваженія къ Эдмъ. Эдмъ, дѣйствительно, любила графа Сигизмунда; графъ заплатилъ за свое счастье подаркомъ своимъ владѣніи, жена Миллера приняла, не колеблясь, плату за свою нѣжность или угодливость, — для молодого офицера все это казалось очень простымъ и совершенно справедливымъ. Привыкши съ давнихъ поръ къ подобнымъ сдѣлкамъ, Фридрихъ не трусилъ такой малости; нельзя сказать, чтобы онъ не имѣлъ чести, тонкаго вкуса, прямодушія; только каждый разъ, когда дѣло шло о приложеніи нравственности къ любви, онъ былъ очень смислосходителемъ. Въ сдѣланномъ имъ открытіи, онъ понялъ только одно, что крѣпость не такъ скоро сдастся, какъ онъ ожидалъ сначала.

— Да, сказалъ онъ самъ себѣ, съ улыбкою: надо будетъ дѣлать правильную осаду. Ну, это займетъ меня и доставитъ болѣе овытности! Миѣ все-таки слѣдуетъ вознаграждать себя, и, если это не съ графа Сигизмунда, такъ съ Миллера я доставлю....

На другой день, онъ явился къ Миллеру. Какъ человекъ ловкій, онъ съ перваго дня умѣлъ пріобрѣсть себѣ дружбу Франца и дѣтей. По странному противорѣчію, которое, конечно, безъ труда поймутъ умы проникательные, Ульрика и Гедвига дали ему для дѣтей игрушки и конфектъ. Чтò касается до Франца, Фридриху не стоило большаго труда привязать его къ

себѣ. Новый владѣтель Гильдестейна такъ мало былъ расположенъ къ удивленію, на которое обрекли его Бальдианы и Штольценфельсы, что онъ принялъ Фридриха съ распростертыми объятіями. Посѣщенія Фридриха не ясно ли противорѣчили глупой гордости старыхъ дѣвъ, маіора, Доротен и всѣхъ окружныхъ дворянчиковъ? Впрочемъ, Фридрихъ былъ чрезвычайно ловокъ, онъ легко открывалъ себѣ вездѣ дорогу и съ рѣдкою проникательностію угадывалъ характеръ людей, съ которыми вѣлъ дѣло. Подъ безпечною наружностію, онъ скрывалъ тонкій и наблюдательный умъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, проникательность его не подвергалась сильному испытанію, потому-что Миллеръ при первомъ свиданіи открылъ ему свое сердце.

Съ этого дня, Фридрихъ былъ принятъ, какъ другъ, у владѣтелей замка. Своимъ присутствіемъ онъ разсвѣтилъ ихъ унылую жизнь. Веселость и живость его характера, плѣнительность его разговоровъ, тысячи удовольствій, которыми онъ старался забавлять Германа и Маргариту, воскресили радость и довольство въ отчаянномъ семействѣ. То онъ составлялъ охоты, то занималъ ихъ рыбною ловлей, или предлагалъ прогулки верхомъ, и веселья путешествія къ окрестнымъ развалинамъ. Вѣрный своимъ обѣщаніямъ, онъ объѣзжалъ для Эднѣ прекраснаго скакуна, съ ногами оленя и съ шею лебедя, полнаго огня и живости, но послушнаго голосу своей молодой госпожи. Фридрихъ умѣлъ показать свою ловкость во всемъ. Онъ убивалъ фазана подъ самымъ носомъ Миллера, и, когда они оба подѣзжали къ Эднѣ, молодая женщина не могла удержаться отъ сравненія между ними, которое никогда не было въ пользу ея мужа. Черезъ нѣсколько недѣль, дѣти уже не могли обходиться безъ Фридриха; Миллеръ ѣлъ безъ аппетита, когда его не было за столомъ, и всегда ему выговаривалъ, если хоть одинъ день онъ не заглядывалъ къ нимъ. Сама Эднѣ, не чувствуя къ нему особенной привязанности, чрезвычайно благодарила его за то, что онъ такъ скоро умѣлъ разсѣять пожиравшую ее скуку. Фридрихъ, какъ самъ говорилъ, любилъ музыку; онъ пѣлъ по вечерамъ съ Эднѣю, тогда какъ Миллеръ, погруженный въ широкое кресло, размышлялъ (на-досугъ о приглашеніяхъ и повѣсткахъ, которыя градомъ сыпались въ замокъ, съ тѣхъ поръ, какъ Вольгангъ Штурмъ объявилъ противникамъ графа Сигизмунда о рѣшеніи новаго владѣтеля Гильдестейна, и спустился съ цѣнн

дѣлюю стаю подъяческихъ крючковъ. Коротко сказать, не прошло мѣсяца, а молодой офицеръ сдѣлался уже необходимымъ членомъ семейства Миллера. Онъ никогда не любилъ серьезно; нолибъ оцѣнивая очаровательность Эдмонъ, онъ волочился за нею только изъ тщеславія и для препровожденія времени. Миллеръ отнялъ у него гильдесгеймскій замокъ; отнять у Миллера Эдмонъ, ему казалось очень приличнымъ и совершенно справедливымъ. Чѣмъ лучше онъ понималъ, что передъ нимъ была женщина, рѣшившаяся на сопротивленіе, или, скорѣе, которая, по чистотѣ своей души, не ожидала даже нападенія, тѣмъ сильнѣе онъ горѣлъ желаніемъ поддержать свою честь и овладѣть неприступною крѣпостію. Увѣренный, впрочемъ, что смѣлостію и надменностію тутъ ничея нельзя выиграть, онъ приступилъ къ дѣлу тихо; онъ не смѣлъ ни однимъ словомъ встревожить сердце Эдмонъ; выжидая случая, открыться въ своей любви, онъ выказывалъ къ ней самую безкорыстную, самую рыцарскую дружбу, и такъ хорошо успѣлъ прикрыть ее, что Эдмонъ, въ глубинѣ души, сравнивала его иногда съ Шпигелемъ.

Одинъ пустой случай еще крѣпче связалъ дружбу между Фридрихомъ и нашими друзьями.

Вспомните, что майоръ Бильманъ и дѣвицы Штольценфельсъ, пользуясь безпечностію графа Сигизмунда, отдѣляли для себя въ гильдесгеймскомъ паркѣ по уголку земли, и обвели ихъ живою изгородью. Не забудьте, что и Миллеръ, по похвальному чувству снисходительности, подтвердилъ это двойное похищеніе. Несчастный не подозрѣвалъ безпорядковъ, связанныхъ съ этимъ позволеніемъ.

Октябрь подходилъ къ концу. Однажды утромъ, когда въ паркѣ еще никого не было, Германъ и Маргарита бродили около загородьбы Бильмана, какъ два волченка около овчарни. Имъ было гдѣ погулять и повеселиться на свободѣ въ своемъ паркѣ, который занималъ двѣсти десятинъ; но она не была довольны этимъ, ихъ манили два отгороженные уголка, куда запрещено имъ было проникать. Разъ имъ удалось уже пробраться въ садикъ Штольценфельсовъ, и это стоило Миллеру довольно ѣдкихъ замѣчаній со стороны Гедвиги и Ульрика. И такъ, однажды утромъ, забывъ родительское наставленіе, они бродили около загородки Бильмана. Страсть къ запрещенному плоду преслѣдовалась въ ихъ любовныхъ и истерическихъ во-

рахъ, которые устремляли они сквозь просвѣты плетня. Маргарита видѣла прелесные кусты далій и кризантемовъ, Германъ замѣтилъ прекрасный бумажный змѣй, уже двѣ недѣли составлявшій утѣху и гордость Исаака. Сначала, они только молча любовались этими диковинками; но скоро, побуждаемые демономъ алчности, они вздумали отыскать какое-нибудь отвѣтствіе, чтобы понасть въ этотъ геспериадинъ садъ. Но, увидя кругомъ былъ широкій, непроходимый плетень, въ такъ высоту, что не лзя было и думать перепрыгнуть черезъ него. Они только ящерицы и королевы могли пробираться сквозь чащу тростника, шиповника и остролистника. Потерявъ надежду, дѣти хотѣли уже отказаться отъ своего намѣренія, какъ вдругъ, о удивленіе! о счастье! Германъ толкнулъ нечаянно ногою въ калитку, и маленькая дверь распахнулась настежь; противъ обыкновенія, маіоръ забылъ съ-вечера запереть калитку на ключъ. Увѣренныя, что никто ихъ тамъ не замѣтитъ. Германъ и Маргарита скользнули въ садикъ, и, между тѣмъ какъ Маргарита рвала лучшіе цвѣты и клала себѣ въ передникъ Германъ схватилъ бумажный змѣй, распустилъ бичевку и расположился его сдуть. Какая радости! какой праздникъ! Съ какимъ жаромъ Маргарита опустошала цвѣтники! Съ какимъ торжествомъ Германъ пускалъ на вѣтеръ величественный змѣй, который уже началъ подниматься, взвивая, въ знакъ радости, свой длинный хвостъ! Но съ радостью не разлучна печаль! Исаакъ Бальдманъ пробѣжалъ въ садикъ, узналъ свой змѣй, бросился на Германа, и вѣднчался въ него. Германъ не имѣлъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій о моемъ и твоємъ; онъ выхватывалъ змѣй и далъ нѣсколько толчковъ Исааку, который отвѣчалъ тѣмъ же. Скоро завязалась борьба между двумя шалунами. Исаакъ былъ старше, крѣпче, смѣльче; Германъ былъ горячѣе, храбрѣе, проворнѣе. Побѣда долго колебалась то на ту, то на другую сторону, и, можетъ-быть, Исаакъ одержалъ бы верхъ, если бы Маргарита, побуждаемая любовію къ брату, не приняла участія въ этой борьбѣ; приверживая одной рукою передникъ, гдѣ она спрятала нарванныя цвѣты, другою она ухватала за ногу маленькаго Бальдмана, и тотъ упалъ на лугъ.

Какъ великодушный герой, Германъ не употребилъ во зло своего торжества; довольный тѣмъ, что врагъ его сбитъ, онъ спокойно пошелъ, со змѣемъ въ рукахъ, въ знакъ побѣды; Маргарита шла вслѣдъ ему. Между тѣмъ Исаакъ, оставившись на

цвѣтъ, разбѣлъ, какъ барсукъ, понавѣсивъ въ канканъ. Наши шоббизмы ускорила шагъ; только что она хотѣла переступить за порогъ заѣтнаго сада, маіоръ Бильманъ былъ какъ тутъ. Вырвать змѣй изъ рукъ Германа, рассыпать цвѣты, которыя несла Маргарита въ передникѣ, было для него дѣломъ одной минуты. Но онъ не остановился на этомъ; раздосадованный крикомъ Исаака и жада отмстить за честь Бильмановъ, оскорбленныхъ въ лицѣ его сына, онъ схватилъ Германа за ухо и съ такимъ безчеловѣчіемъ рванулъ его, что подъ ухомъ показавшаяся кровь. Услышавъ крикъ своего брата, Маргарита и сама заплакала. Привлеченная этимъ шумомъ, дворовая челядь сбѣжалась со всѣхъ сторонъ; Ульрика и Гедвига, жестами и словами, одобряли, изъ своего окна, жестокость маіора. Среди этихъ безпорядковъ явился Миллеръ; онъ хотѣлъ узнать и расспросить о причинѣ обиды.

— Ваши дѣти, грубо отвѣчалъ маіоръ: ворвались въ мой садъ, въ мою загородку, которая принадлежитъ мнѣ, собственно мнѣ одному. Ваша дочь оборвала мои цвѣтники; этотъ маленький негодяй утащилъ змѣй Исаака, и, чтобы удержать за собою чужое добро, онъ осмѣлся ударить сына маіора Бильмана! Благодаря Бога, онъ скоро получилъ заслуженное наказаніе; я оборвалъ ему уши, и каждый разъ, если онъ еще посягнетъ задѣть моего сына, я сдѣлаю съ нимъ то же.

Германъ тихонько плакалъ, Маргарита всхлищивала, Миллеръ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства.

— Чтѣ вы говорите о загородкѣ и о садѣ? вскричалъ онъ, обратившись къ маіору. Знайте, что здѣсь я хозяинъ, одинъ я. До сихъ поръ, я сквозь пальцы смотрѣлъ на ваши глупыя притязанія; но съ нынѣшняго же дня, я хочу, я требую, чтобъ загородка была уничтожена. Завѣщаніе графа очень ясно; онъ предоставляетъ вамъ жить въ замкѣ; но ни слова не упоминаетъ о вашей загородкѣ, о вашемъ садикѣ. Цвѣты, сорванные Маргаритою, принадлежатъ ей, потому что они мои. Если же Германъ взялъ змѣй вашего сына, онъ виноватъ; но довольно было шоббранить его; а вы вздумали его бить, это плохо.

При восклицаніи словъ, маіоръ вздрогнулъ, какъ будто вся кровь закипѣла въ его жилахъ.

— Милостивый государь, вскричалъ онъ, подходя къ Миллеру: вы, конечно, знаете, что подобныя слова могутъ выглядеть только кровью?

— Давайте мои́мъ словамъ, какой угодно смыслъ, отвѣчалъ Миллеръ, выходя изъ себя и не думая отступать: если вы хотите удовлетворенія, вы получите полное, какаго только можете желать. Я готовъ къ вашимъ услугамъ.

До сихъ поръ, маіоръ храбрился и надменничалъ, потому что никакъ не думалъ, чтобы музыкантъ былъ въ состояніи противиться ему. Но когда Францъ принялъ его вызовъ, онъ сталъ жалѣть о своемъ неблагоразуміи. Впрочемъ, чтобы прикрыть свое отступленіе, онъ продолжалъ кричать и горячиться, въ надеждѣ, что Миллеръ не замедлитъ отказаться отъ перваго своего намѣренія, и рѣшится окончить ссору менѣе воинственнымъ образомъ. Францъ, раздраженный болѣе и болѣе, не хотѣлъ ничего слушать. Двѣ старыя дѣвы, которымъ смотрѣли на это происшествіе изъ окна, и, казалось, были готовы рукоплескать маіору, чрезвычайно разсердились на Миллера.

— Я вамъ повторяю, милостивый государь, вскричалъ Францъ измѣнившимся, но твердымъ голосомъ, вы получите удовлетвореніе, котораго требуете. Я никогда не бралъ въ руки ни шпаги, ни пистолета, но нужды нѣтъ; мы будемъ драться завтра, сегодня, сейчасъ, когда вамъ угодно.

При этомъ успокоительномъ признаніи для его храбрости, маіоръ гордо поднялъ голову. Однако, не желая подставлять свою грудь какому-нибудь неожиданному удару и свою голову слѣпой пулѣ, онъ возвращалъ съ достоинствомъ:

— Господинъ Миллеръ, вы имѣете во мнѣ благороднаго противника. Вы незнакомы ни съ шпагой, ни съ пистолетомъ: но я съ давнихъ поръ мастерски владѣю ими; чтобы уравнять успѣхъ нашей борьбы, мы будемъ драться на сабляхъ.

— На сабляхъ, на ружьяхъ, вскричалъ Миллеръ; чтобы наказать вашу дерзость, всѣ оружія годятся.

Взявъ обонхъ дѣтей за руки, онъ отвернулся отъ маіора и пошелъ прочь.

Эднѣ была въ дальнихъ комнатахъ, и не слыхала этого шума. Когда Миллеръ вошелъ въ комнату, блѣдный, какъ полотно, и дрожащій отъ бѣшенства, она съ ужасомъ подбѣжала къ нему. Францъ показалъ своей женѣ, что, при нуждѣ, у него достанетъ и твердости и силы характера: онъ рассказалъ ей о случившемся происшествіи. Напрасно Эднѣ старалась успокоить его,

показать ему все безразсудство дуели изъ за какого-нибудь бумажнаго змѣя.

— Нужды нѣтъ, какая бы ни была причина! отвѣчалъ Миллеръ рѣшительнымъ тономъ; мнѣ надоѣла наглость Бильмана и дѣвицъ Штольценфельдъ. Сегодня представляется случай доказать имъ, что я думаю объ ихъ поведеніи, и я никакъ не долженъ опускаться его. Сейчасъ же я поѣду приискать свидѣтелей. Я увѣренъ, что Фридрихъ не откажется быть моимъ секундантомъ. У него есть сабля, онъ приготовитъ мнѣ ее, потому-что мы будемъ драться на сабляхъ.

— На сабляхъ! вскричала съ ужасомъ Эдионъ.

— Не бойся, отвѣчалъ Францъ, обнявъ ее; у меня рука счастлива, я обещаю принести тебѣ сегодня оба уха маіора.

Онъ вырвался изъ объятій рыдавшей жены и ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ, явился Фридрихъ и нашего Эдионъ въ слезахъ. Онъ только что возвратился съ охоты, и не зналъ ничего.

— Великій Боже! что случилось? съ участіемъ спросилъ онъ подоидя къ Эдионъ; сударыня, что съ вами? Не ушибся ли кто изъ вашихъ дѣтей? Говорите, ради Бога! говорите, я васъ прошу.

И въ первый разъ онъ осмѣлился взять руку Эдионъ.

— Господи! Фридрихъ, вскричала Эдионъ, умоляющимъ голосомъ, общайте мнѣ, поклонитесь мнѣ прахомъ вашей матери, что вы не дадите своей сабли моему мужу.

— Моей сабли! сказалъ удивленный Фридрихъ; что же онъ хочетъ дѣлать?

— Онъ хочетъ драться.

— Съ кѣмъ?

— Съ маіоромъ, вскричала Эдионъ.

Потомъ, она рассказала, съ слезами, о происшествіи, случившемся въ саду.

— Только-то? спросилъ Фридрихъ со смѣхомъ; предоставьте же дѣло мѣ, и осушите ваши слезы; маіоръ будетъ удовлетворенъ.

— Что вы сдѣлаете! что вы можете сдѣлать! возразила Эдионъ, ломая руки; зло теперь не исправимо. Мужъ мой поѣхалъ уже отыскать свидѣтелей. Францъ тихъ, какъ агнецъ, но храбрится, какъ левъ. Всѣ просьбы мои остались безъ успѣха; онъ хо-

четь драться, онъ будетъ драться, и ужасный маіоръ убавитъ его.

— Помилуйте! вскричалъ Фридрихъ, маіоръ никогда не убивалъ и никогда не убьетъ никого.

— Онъ убьетъ его, я говорю вамъ! онъ человекъ военный, а Францъ и въ рукахъ никогда не имѣлъ оружія.

— Успокойтесь, сударыня, отвѣчалъ Фридрихъ съ увѣренностію; я общаю вамъ, что они не будутъ драться. Подождите меня; черезъ часъ, я принесу вамъ мировую.

— Господинъ Фридрихъ, прибавила Эдвѣ, обрадованная посредничествомъ молодаго офицера; вы военный; вы знаете, что честь выше всего для человека. Я люблю своего мужа; чтобы спасти его, я съ радостью пролью мою кровь, но честь моего Франца мнѣ также дорога, какъ и жизнь его.

— Я понимаю васъ, сударыня, отвѣчалъ Фридрихъ, глубоко тронутый. Но то, что я думаю сдѣлать, даю вамъ мое слово, не запятнаетъ чести, ни уменьшить достоинства, ни унизитъ справедливой гордости любимаго вами человека.

Почтительно поклонившись Эдвѣ, онъ пошелъ къ маіору Бильману, и тамъ, безъ вступленій, безъ объясненій, онъ объявилъ о причинѣ своего посѣщенія.

— Я знаю, маіоръ, что вы хотите драться?

— Это правда.

— Ваше рѣшеніе...

— Непреклонно. Я не приму даже извиненій.

— Такъ вы, маіоръ, непременно рѣшились!

— Я совсѣмъ готовъ; смотрите, вотъ и сабля.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ вамъ сказать, что прежде дуели вашей съ господиномъ Миллеромъ, вамъ нужно окончить дѣло со мною.

— Вы шутите?

— Я никогда не шучу съ вами, маіоръ. Въ нѣсколько разъ позволяли себѣ, въ публичныхъ мѣстахъ, отзываться обо мнѣ самымъ неприличнымъ образомъ, чему я могу представить свидѣтелей. До сихъ поръ я удерживался требовать отъ васъ удовлетворенія. Я уважалъ въ васъ жизнь главы семейства; но, такъ какъ вы, не колеблясь, съ удовольствіемъ, рискуете своею жизнью, которая принадлежитъ не вамъ, а вашей жонѣ и сыну, то теперь я хочу воспользоваться своимъ правомъ во

всей ошъ. Вы меня оскорбили, и оскорбили не одинъ разъ; терпѣніе мое кончилось, я требую удовлетворенія!

При рѣшительномъ тошъ Фридриха, маіоръ понялъ, что вызовъ сдѣланъ не въ шутку. Онъ не имѣлъ привязанности къ пороховому дыму, и терпѣть не могъ шпажныхъ клинновъ.

— Прежде чѣмъ получить удовлетвореніе, сказалъ онъ Фридриху, я надѣюсь, милостивый государь, что вы объясните мнѣ, какую я навѣсь вамъ обиду.

— Конечно, отвѣчалъ Фридрихъ, если бъ захотѣлъ, я могъ бы припомнить все, что вы говорили на мой счетъ. Но вамъ также извѣстны ваши слова, какъ и мнѣ, и потому я не имѣю нужды воскрешать въ вашей памяти всѣ ваши разговоры. Между прочимъ, вотъ одинъ изъ тысячи, не говорила ли вы, что я разорилъ по игорнымъ домамъ все свое наслѣдство? говорили, или нѣтъ?

— Я не отрицаюсь, отвѣчалъ Бильдианъ; но вы сами неразпространяли ли молвы, что я проѣлъ и пропилъ въ трактирахъ все приданое моей жены.

— Не толковали ли вы всѣмъ и каждому, продолжалъ Фридрихъ, что, разоривъ своихъ тетокъ, я жилъ на счетъ графа Сигизмунда? Правда, или нѣтъ?

— Я не отказываюсь отъ своихъ словъ, отвѣчалъ маіоръ; но вы развѣ не выдумывали про меня, что, доведя до нищеты жену и сына, я пришелъ вымаливать у графа Сигизмунда пристанища и куска хлѣба?

— Я говорилъ объ васъ, что мнѣ было угодно, съ гордостью возразилъ Фридрихъ; я никогда не скрывалъ чувствъ, какія питалъ къ вамъ. Но что вы можете говорить обо мнѣ, это другое дѣло. Я требую, чтобы вы не иначе произносили мое имя, какъ съ уваженіемъ, съ почитительностію. Впрочемъ, еще напередъ; а за прошедшее, вы должны дать мнѣ удовлетвореніе.

— Вы можете думать обо мнѣ, что хотите, отвѣчалъ маіоръ; честь и имя маіора Бильдиана не нуждаются ни въ чьихъ похвалахъ. Я не боюсь мнѣнія людей. Я повторю вамъ, молодой человѣкъ, думайте обо мнѣ, что вамъ угодно; но я никогда не соглашусь драться съ своимъ родственникомъ.

— Такимъ образомъ, маіоръ, вы не будете драться ни съ кѣмъ; потому-что я не уступлю своей очереди ни Миллеру, ни кому-нибудь другому. Ваша жизнь принадлежитъ мнѣ, и вы не можете располагать ею безъ моего позволенія. Digitized by Google

— Я вызвалъ Миллера, сказалъ маіоръ, и остановиться на этомъ не дѣля.

— Вы очень легко можете прекратить все.

— Какимъ образомъ?

— Извинитесь.

— Никогда, милостивый государь, никогда! вскричалъ маіоръ.

— Какъ хотите, продолжалъ Фридрихъ. Еще одно слово, и я кончу все. Если нынче, въ девять часовъ, господинъ Миллеръ не получитъ отъ васъ извиненія, завтра, съ разсвѣтомъ, вы будете драться со мною.

— Вамъ наскучила жизнь, вы желаете смерти; хорошо, мы будемъ драться.

— Маіоръ, прибавилъ Фридрихъ, подумайте о послѣднихъ моихъ словахъ; до девяти часовъ вамъ дается время на размышленіе.

Въ тотъ же вечеръ, еще прежде роковаго часа, Миллеръ получилъ, въ присутствіи Фридриха, слѣдующее письмо:

«Милостивый государь.

«Если бы мнѣ еще нужны были доказательства моего мужества, я бы не такъ скоро рѣшился извиниться передъ вами въ моей горячности; но я проливалъ кровь не на одномъ сраженіи, и потому, не колеблясь, беру назадъ вызовъ, сдѣланный вамъ нынѣшнимъ утромъ. Повѣрьте, милостивый государь, что я чистосердечно раскаяваюсь въ вырвавшихся у меня словахъ, которыя должны были довести насъ до кровавой встрѣчи. Надѣюсь, что вы согласитесь принять извиненія маіора Бильдмана; въ первый еще разъ въ жизни я пишу подобныя слова.

«*Маіоръ Бильдманъ.*»

Прочитавъ это письмо, Миллеръ, съ торжествующимъ видомъ, подалъ его Эднен, которая благодарила Фридриха взглядомъ, выражавшимъ полную ея признательность. Къ несчастію, это происшествіе тѣмъ не кончилось, потому-что въ концѣ письма маіоръ сдѣлалъ приписку.

«P. S. Для избѣжанія на будущее время всякаго повода къ ссорѣ между нами, внушите своимъ дѣтямъ, что онѣ не должны ходить въ мой садикъ.»

Эта приписка была причиною ужасной бури.

VIII.

На другой день, съ восходомъ солнца, Миллеръ велѣлъ позвать къ себѣ садовниковъ зѣмка, и приказалъ имъ немедленно вырвать живыя изгороди, которыми Бильдманы и дѣвнцы Штольценфельсъ обвели свои садики. Давно уже Миллеръ досадовалъ на своевольство своихъ жильцовъ, а приписка въ письмѣ маіора рѣшительно вывела его изъ терпѣнія. Онъ чувствовалъ необходимость забрать всю власть въ свои руки, и оставить всѣ несправедливыя притязанія Бильдмановъ и Штольценфельсовъ. Съ прибытія своего въ замокъ, онъ оказывалъ своимъ жильцамъ столько великодушія и снисходительности, даже можно сказать, столько милосердія и кротости, что садовники, выслушавъ его приказъ, не могли удержаться отъ восклицанія. Въ замкѣ было три садовника; всѣ они видѣли рожденіе графа Сигизмунда, и привыкли смотрѣть, съ самой лучшей стороны, на все что бы онъ не позволялъ дѣлать. Старшій изъ нихъ обратился къ Миллеру, и сказалъ, отъ имени своихъ товарищей:

— Какъ это можно, сударь! Эти двѣ загородьбы не ваши; онѣ принадлежатъ господину маіору и добрымъ барышнямъ. За пять лѣтъ до вашего прибытія въ замокъ, мы сажали въ глазахъ графа Сигизмунда, эти кусты, которые вы хотите нынче вырвать.

— Ваше дѣло исполнять, а не разсуждать, сказалъ Миллеръ сурово. Здѣсь я одинъ распоряжаюсь; и вы должны слушаться только меня.

— Ей-богу, сударь, отвѣчалъ садовникъ, мы не смѣемъ принять этого на себя. Скажите господину маіору и барышнямъ, пусть они прикажутъ намъ, и мы тогда сдѣлаемъ.

— Какъ, скоты! вскричалъ взбѣшенный Миллеръ, вы не хотите повиноваться мнѣ? Хорошо же! Я всѣхъ васъ велю выгнать.

— О, нѣтъ, мы знаемъ завѣщаніе. Вы не можете насъ отпустить: покойный графъ позаботился объ насъ. Славный онъ былъ господинъ! Вы обязаны держать насъ; это его воля, и мы останемся.

— А, такъ-то! вскричалъ Миллеръ, видя себя, я сей часъ же велю васъ вытолкать изъ зѣмка. Я ни на минуту не хочу видѣть при себѣ дерзкихъ слугъ.

— Воля ваша, сударь, отвѣчалъ садовникъ. А мы знаемъ наши права, и не откажемся отъ нихъ.

Съ этими словами они медленно удалились, бросивъ на Миллера насмѣшливый взглядъ. Миллеръ, не теряя ни минуты, приказалъ Вурму нанять вольныхъ работниковъ. Вурмъ повиновался, и черезъ часъ, загородки Бильдмановъ и Штольценфельсовъ были уничтожены. Чье перо можетъ описать бѣшенство маіора, Дорожен, Геддига и Ульрки; я не берусь за это. Чтобы снова завладѣть этими участками; на которые они смотрѣли, какъ на свою собственность, Бильдманы и Штольценфельсы, съ общаго согласія, велѣли набить кольевъ, обтянуть веревками, и такимъ образомъ, опять отдѣлать свое владѣніе. Черезъ два часа, Миллеръ приказалъ обрѣзать веревки и выдернуть колья. Въ тотъ же вечеръ, между тѣмъ, какъ Миллеръ восхищался мужествомъ и твердостью, съ какими онъ поддержалъ свои права, вошелъ Вурмъ и подалъ ему пакетъ; Францъ распечаталъ и нашелъ въ немъ бумагу, написанную со всѣмъ извѣстномъ канцелярскаго слога, въ которой изображено было, дабы наследникъ графа Сигизмунда, согласно завѣщанію сего послѣдняго, снова принималъ къ себѣ трехъ садовниковъ, уволенныхъ имъ нынѣшнимъ утромъ.

— Вотъ что! вскричалъ Миллеръ, прочитавъ эту галиматію: кто же обязанъ держать у себя негодяевъ, которые смѣются надъ вами и не хотятъ повиноваться! Если они хотятъ жаловаться, такъ и мы примемъ за то же. Судъ, конечно, увидитъ кто правъ. Завѣщаніе графа, не обязываетъ же меня возиться съ непослушными и дерзкими слугами.

Миллеръ весело заснулъ, не предвидя собравшейся надъ его головою бури. На другой день, онъ только что позавтракалъ и собрался идти, Вурмъ подалъ ему, съ улыбкою, двѣ бумаги, испещренныя каракулями.

— Это еще что? сказалъ Миллеръ, который надѣлъ уже шляпу и простился съ женою.

— Это, сударь, отвѣчалъ Вурмъ, съ полу-насмѣшливымъ, съ полу-торжествующимъ видомъ: отъ маіора Бильдмана и отъ двѣнадцати Штольценфельсовъ.

Вурмъ вышелъ, потирая руки. Миллеръ остался и пробѣжалъ поспешно ему бумаги. То были требованія со стороны маіора Бильдмана и двѣнадцати Штольценфельсовъ; основываясь на справедливости графа Сигизмунда и на духовномъ его завѣщаніи,

которое тешивали по-своему, они хотѣли, чтобы взрыванная, по приказанію Миллера, пещера около ихъ садовъ, была перенесена на его счетъ.

— Чтѣ дальше, тѣмъ больше, вскричалъ Миллеръ, у насъ готовится великихъ удовольствій. Будетъ чтѣмъ сокращать длинные вечера. Это междоусобная война, и, право, старый вѣронъ и старыя сороки, найдутъ о чемъ поговорить.

Въ надеждѣ на неоспоримость своихъ правъ, или скорѣе, чтобъ заглушить беспокойство, Миллеръ сѣлъ за клавикуды, и сталъ разыгрывать одну сонату Гейдна, какъ въ дверяхъ залы показался Вольгангъ Штурмъ.

— Клянусь, вскричалъ Миллеръ, не сходя съ своего мѣста, само небо посылаетъ васъ сегодня ко мнѣ! У меня есть нѣсколько бумаженокъ, которыя займутъ васъ.

И онъ подавъ Штурму всѣ три бумаги. Стряпчій сѣлъ, прочиталъ ихъ молча, и, казалось, погрузился въ размышленіе; потомъ, положивъ ихъ на клавикуды, онъ сказалъ:

— Это важно, господинъ Миллеръ, очень важно, гораздо важнѣе, чтѣмъ вы думаете. Здѣсь дѣло идетъ не о пустякахъ. Чтѣ касается до садовниковъ, то пункты завѣщанія очень ясны; вы ни въ какомъ случаѣ не имѣете права выгнать ихъ изъ замка; и потому, я совѣтую вамъ нынче же отказаться отъ своего намѣренія. Теперь рассмотримъ вашу ссору съ маіоромъ Бильдманомъ и дѣвицами Штольценфельсъ. Въ какомъ состояніи вы нашли паркъ, при вашемъ прибытіи въ замокъ? Не правда ли, что маіоръ и дѣвицы Штольценфельсъ, тогда уже пользовались двумя загородьбами? Не правда ли, что эти загородьбы, еще при жизни графа Сигизмунда, окружены были живымъ плетнемъ? При этомъ случаѣ не лзя не припомнить правила, которымъ руководствуются и судебныя мѣста: владѣніе стоить документовъ. Если бы притязанія маіора и дѣвицъ Штольценфельсъ казались вамъ несправедливыми, излишними, то надо было бы при самомъ вашемъ вступленіи во владѣніе Гильдесгеймомъ, оспоривать эти притязанія судебнымъ порядкомъ. Вы этого не сдѣлали; такъ нельзя же на-двое толковать вашего молчанія: когда вы не оспаривали, значитъ соглашались. Я не долженъ скрывать отъ васъ послѣдствій вашего поступка. Какія бы ни были ваши права, вамъ надо ожидать сильнаго сопротивленія. Находясь между Бильдманами и Штольценфельсами, вы, какъ говорится, положили палецъ между дверей. Но это еще не все.

Вездѣ будутъ говорить, что вы безжалостно поступаете съ родственниками графа, что вы не благодарны къ своему благодѣтелю, что вы за великодушіе платите ненавистію. Помните, милостивый государь, эти прекрасныя слова одного древняго писателя: «Полное право часто бываетъ совершенною несправедливостію.» Вы не сдѣлаете ни шага въ деревнѣ, чтобы позади васъ не слышался шопотъ негодованія; старыя женщины будутъ показывать на васъ всѣмъ дѣтямъ, какъ на врага, на грабителя Бильдмановъ и Штольценфельсовъ. Повѣрьте, что благотворительность госпожи Миллеръ никогда не будетъ достаточна изгладить ненависть, которую вы возбудите. Она напрасно будетъ умножать свои милостыни, она не утишитъ этимъ гнѣва, возбужденнаго вашимъ поступкомъ.

При этой картинѣ вовсе незаслуженной ненависти, Миллеръ поблѣднѣлъ.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ: я согласенъ, пусть Бильдманы и Штольценфельсы снова обведутъ плетнями свои сады.

Стряпчій съ гордостію посмотрѣлъ на Миллера; ему очень было пріятно, что удалось такъ сильно затронуть душу своего кліента. Миллеръ ожидалъ его отвѣта, какъ словъ оракула. После нѣсколькихъ минутъ размышленія, Вольфгангъ Штурмъ прервалъ молчаніе.

— Ваши распоряженія, господинъ Миллеръ, сказалъ онъ, дѣлая удареніе на каждомъ слогѣ, дѣлаютъ вамъ большую честь. Ваша готовность воспользоваться всѣми средствами, какія зависятъ отъ васъ, къ поддержанію мира и согласія, показываетъ ваше истинно царское великодушіе. Однако, я не долженъ скрывать отъ васъ, что теперь уже слишкомъ поздно думать о примиреніи. Васъ могутъ обвинить въ слабости; вамъ необходимо показать всю силу духа, и вы прекрасно сдѣлаете. Безъ сомнѣнія, чтобы утвердить свои права, вамъ нужно будетъ поддерживать борьбу. А подумайте, что будетъ, если теперь вы отступите назадъ. Если ваши противники замѣтятъ, что вы слабѣете въ такомъ рѣшительномъ случаѣ, чего они не потребуютъ отъ васъ? Вы забыли слова баснописца: «Впустите ихъ только на порогъ, такъ они выживутъ васъ и изъ комнаты.» И баснописецъ правъ. Повѣрьте мнѣ, господинъ Миллеръ, если вы не чувствуете въ себѣ природнаго мужества поддерживать этотъ споръ, такъ я совѣтовалъ бы вамъ принудить себя быть мужественнымъ, по крайней мѣрѣ, по расчету. Вамъ нуж-

не сохранить свое достоинство; нужно занять почетное место между швальцами; быть господиномъ въ своемъ домѣ.

— Ну, хорошо! сказалъ Миллеръ, когда примиреніе кажется вамъ теперь невозможнымъ, такъ мы затѣмъ тяжбу.

Штурмъ облокотился на столъ и закрылъ глаза руками.

— Дѣло важное, очень важное, произнесъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія.

— Рѣшайте же! вскричалъ Миллеръ, потерявъ терпѣніе. Нужно, или уступить или тягаться: я больше не знаю, что предпринять.

— Да! отвѣчалъ Штурмъ: мы будемъ продолжать тяжбу! Дѣло важное, я вамъ повторяю, во за то будетъ чудесный процессъ!

— Такъ прощайте же, господинъ Штурмъ, сказалъ Миллеръ, утомленный этимъ разговоромъ и нетерпѣливо желавшій остаться одинъ: прощайте, придите сказать мнѣ, когда вы начнете этотъ процессъ.

Штурмъ не трогался съ мѣста. Францъ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и удивленіемъ. У Штурма были свои причины остаться.

— Господинъ Миллеръ, сказалъ страпцій: до сихъ поръ я еще не открылъ вамъ причины моего прихода. Я слушалъ ваши споры съ маіоромъ Вильдманомъ, съ дѣвицами Штольценфельсъ, съ садовниками; мнѣ остается теперь сказать вамъ за чѣмъ я пришелъ.

Миллеръ, испуганный этими загадочными словами, напрасно перебиралъ въ своей памяти, что за новый ударъ могъ разразиться надъ нимъ: Штурмъ, свидѣтель этого томленія, не спѣшилъ объяснять дѣла.

— Ради Бога, милостивый государь, сказалъ Миллеръ, для котораго неизвѣстность слѣдствала ужаснымъ наказаніемъ: откройте скорѣе, въ чемъ дѣло.

— Прежде, чѣмъ приступлю къ предмету моего посѣщенія, съ важностію началъ страпцій: мнѣ нужно обратиться къ вамъ съ нѣкоторыми вопросами, и я прошу васъ отвѣчать мнѣ прямо, безъ утайки. Не забудьте, что съ человѣкомъ, защищающимъ ваши выгоды, вы должны говорить откровенно. Вашъ долгъ мнѣть ко мнѣ довѣріе болѣе, чѣмъ къ своему лекарю, кающагося къ своему духовнику. Подумайте, что скрывая отъ меня истину, вы подвергаетесь опасности проиграть свое дѣло.

Миллеръ, билъ въ и снакъ мучилъ безпокойствомъ; онъ какъ не могъ угадать, значить пришелъ Штурмъ. Наконецъ, странній болѣе пристрастна къ дѣлу. Однако, вѣсто-того, чтобы разсказать просто все, что ему было очень хорошо извѣстно, онъ, для болѣе важности, оцель лучшимъ доприситъ своего кѣмъ, на въ слѣдственный судья.

— Вы, господинъ Миллеръ, произвели въ своихъ владѣніяхъ такія перемѣны, которыя очень безпокоятъ нашихъ сосѣдей. Съ вѣтренностію, съ безразсудствомъ, чего нельзя бы было ожидать въ ваши годы и при вашемъ положеніи, вы исполнили малѣйшія свои причуды, и не подумали о послѣдствіяхъ своихъ предпріятій.

— Къ дѣлу! господинъ Штурмъ, къ дѣлу! вы и то давно уже держите меня на горячихъ угольяхъ. Къ дѣлу, говорите яснѣе, и какъ можно короче.

— Хорошо! Черезъ ваши владѣнія, господинъ Миллеръ, протекаетъ рѣка. Что вы сдѣлали съ этой рѣкой?

— Чортъ возьми! что я сдѣлалъ съ рѣкою? странный вопросъ. Я ловилъ въ ней рыбу, прогуливался въ лодкѣ съ женою и дѣтьми. Что я могъ больше сдѣлать?

— Спросите вашу совѣсть, господинъ Миллеръ; вы ни въ чемъ не раскаиваетесь? Не сдѣлали ли вы съ умысломъ, или безъ вашего вѣдома, какого-нибудь ущерба вашимъ сосѣдямъ?

Миллеръ напрасно спрашивалъ самого себя; онъ никакъ не могъ угадать, въ чемъ состоитъ его вина.

— Значить, нужно помочь вашей памяти, господинъ Миллеръ; одумайте же всѣ вопросы, которые я предложу вамъ, и отвѣчайте мнѣ.

Миллеръ напрягъ все вниманіе; Штурмъ продолжалъ:

— Доже рѣки, въ той части, которою она омываетъ Гальдсгеймъ, было неровно; не сдѣлали ли вы чего-нибудь, чтобы дать ей одинаковую глубину?

— Я очистилъ дно ея, отвѣчалъ Миллеръ: я нашелъ двойную полую: во-первыхъ, пескомъ, поднятымъ вѣзъ нею, выложивъ алмазъ въ паркѣ, а во-вторыхъ, сравнивая на днѣ ея ямы, я сдѣлалъ рѣку совершенно безопасною.

— Чудесно! возразилъ Штурмъ; но это еще не все. Въ части, прилежащей къ гзовой рощѣ, вы расширили даже рѣку?

— Да, отвѣчалъ Миллеръ: я вырылъ маленюкій каналъ,

чтобы удобнее было ставить лодей, которая служить для прогулки моей жены и дѣтей.

— Прекрасно! все лучше и лучше! продолжалъ Штурмъ. Такогообразно, вы не отвергаете ни одного ланоса; вы обглашаетесь. Значить, распространяетесь здѣсь молва, не есть ли это? Значить, обвиненія, возводимыя на нынѣшняго владыку Гильдесгейма, не чьего выдумки, не изобрѣтенія зависти и злобы?

— О какой молвѣ вы говорите: вскричалъ Миллеръ; въ чемъ обвиняютъ меня? Что общаго между завистью, клеветою и рѣкою, которая протекаетъ по моимъ владѣніямъ?

— Вы поймете ли двухъ словъ, отвѣчалъ Штурмъ, въ чемъ состоятъ обвиненія, возводимыя на васъ. Здѣсь говорятъ, будто вы вывозили дѣву на хлѣбъ.

— Признаюсь, отвѣчалъ Миллеръ: странное обвиненіе, котораго я никогда не ожидалъ. Значить, здѣсь распространяютъ слухъ, что я барышничая хлѣбомъ. Скажите всѣмъ, кто выдумываетъ подобные вздоры, пусть придутъ они въ мои кладовыя и осмотрятъ мои амбары: в тогдѣ они могутъ увидѣть, и судить, сколько глупости и злобы въ этой клеветѣ.

— Боже мой! господинъ Миллеръ, если бы вы имѣли терпѣніе выслушать меня до конца, вы избавили бы себя отъ труда опровергать мои слова. Дѣло идетъ не о вашихъ кладовыхъ и амбарахъ. Вашъ хлѣбъ принадлежитъ вамъ, и никто не имѣетъ права учитывать васъ. Вы продаете его, когда хотите, и кому хотите: въ это никто не имѣетъ права вмешиваться; но ваша рѣка, это другое дѣло! потому что рѣка не принадлежитъ вамъ. Правда, она протекаетъ черезъ Гильдесгеймъ, но все-таки она не ваша. Вы можете пользоваться ею для рыбной ловаи, или для прогулокъ, только подлѣ известными условіями: что мы называемъ существенными повинностями.

— О какихъ вы говорите повинностяхъ? прервалъ его Миллеръ: ужели я не хозяинъ у себя дома?

— Конечно, господинъ Миллеръ, вы хозяинъ въ своемъ домѣ; но ваши права, какъ всѣ права человѣческія, заключены въ известныхъ предѣлахъ. Я увѣренъ, что вы не предвидѣли послѣдствій вашего поступка, иначе невозможно объяснить, какъ вы рѣшились на такое дѣло.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ Миллеръ: вы, кажется, поглядились взбѣсить меня? Съ полчаса, я прошу васъ, умоляю, ска-

зачь мнѣ причину вашего посѣщенія, и съ волчею, я не могу добиться отъ васъ ни одного путнаго слова. Законъ вещь прекрасная, святая, и нужно его уважать; но если, случайно, отъ невѣдѣнія, я нарушилъ законъ, ради Бога, будьте великодушны, объясните мнѣ, въ чемъ и какъ я нарушилъ его.

— Никто не долженъ отвѣщаться незнаніемъ закона, съ важностию отвѣчать Штурмъ. Это одна изъ лучшихъ, изъ самыхъ важныхъ и самыхъ древнихъ аксіомъ римскаго права. А, вы знаете, римское право, говоря собственно, служитъ основаніемъ; нашему законодательству; напрасно некоторые юристы думали противоположить авторитету Юстиніана какое-то германское право; это пустыя сказки, не стоющія вниманія людей умныхъ и опытныхъ.

— Чортъ возьми! вскричалъ Миллеръ: тутъ нѣтъ дѣла ни до Юстиніана, ни до римскаго, ни до германскаго права. Возвратимся къ моей рѣкѣ, и скажите мнѣ, какимъ образомъ я могъ возвысить цѣну на хлѣбъ.

— Ничего нѣтъ проще, господинъ Миллеръ, если бы вы слѣдили за нитью моего разсужденія, вы были бы уже на дорогѣ, и въ половину бы поняли.

— Не обольщайте меня, господинъ Штурмъ. До сихъ поръ я рѣшительно ничего не понималъ. Что касается до нити вашего разсужденія, то я не видѣлъ никакой возможности слѣдить за нитью, потому что вы не шли прямою дорогою, а блуждали въ отступленіяхъ, положимъ, очень краснорѣчивыхъ, но которыя, по моему мнѣнію, не имѣютъ никакой связи съ теченіемъ моей рѣки и цѣною на хлѣбъ. Говорите же, я слушаю.

— Пользованіе теченіемъ воды, господинъ Миллеръ, есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ предметовъ въ юриспруденціи. Объ этомъ предметѣ много писали и самые ученые люди. Всѣ эти книги я собралъ въ своей библіотекѣ, читалъ ихъ и перечитывалъ. Я знаю ихъ основательно, знаю ихъ содержаніе, какъ свои пять пальцевъ, и могу повторить вамъ. Нѣтъ ни одной трудности, относящейся до теченія воды, которую бы я не разрѣшилъ вамъ въ ту же минуту, опираясь на авторитетъ лучшихъ писателей. Благодаря Бога, у меня превосходная память, а, если вамъ угодно, я прочитаю вамъ тѣ мѣста, которыя намѣренъ приводить при защищеніи дѣла.

— Какъ, дѣла! вскричалъ Миллеръ. Значитъ, еще процессъ?

— Конечно, не сказалъ ли я вамъ?

— До сихъ поръ, вы сказали мнѣ все, кромѣ того, что должны сказать. Я мучаюсь, слушаю васъ, а вы стараетесь все больше и больше затемнять свой разговоръ. Когда же вы обратитесь къ моему рѣку?

— Я уже тутъ, отвѣчалъ Штурмъ. Такъ я сказалъ, что теченіе рѣки подлежитъ тому, что мы называемъ существенными повинностями. Здѣсь, господинъ Миллеръ, я требую всего вашего вниманія. Что можетъ произойти отъ очищенія и расширенія ложа рѣки?

— Это вы должны сказать мнѣ, господинъ Штурмъ, потому что вы основательно изучали всѣ вопросы, относящіеся до теченія воды; а мое дѣло здѣсь только слушать, а не отвѣчать.

— Ну, хорошо! Такъ какъ вы, господинъ Миллеръ, не хотите принять на себя трудъ разрѣшить предложенную мною проблему, то я рѣшу ее самъ. Очищая и расширяя ложе рѣки, уравнивая покатоствы, вы уменьшаете быстроту ея теченія. Ради Бога, слѣдите внимательнѣе за нитью моего разсужденія, потому что здѣсь каждое слово очень важно. Въ сосѣдствѣ мѣлнцѣ находится мельница: эта мельница устроена ниже Гартдесгейма и приводится въ движеніе рѣкою, которая протекаетъ по вашимъ владѣніямъ. На этой-то мельницѣ всѣ окрестные крестьяне мелютъ хлѣбъ. Уменьшивъ быстроту теченія рѣки, вы ослабили силу мельницы, возвысили плату за молотьбу, и, слѣдовательно, цѣну на хлѣбъ, ясно ли, господинъ Миллеръ?

— Наконецъ-то, сказалъ Миллеръ, съ глубокимъ вздохомъ: я начинаю понимать, въ чемъ дѣло.

— Могу похвастать, произнесъ стряпчій съ довольнымъ и гордымъ видомъ: что во всей Германіи вы не найдете юриста, способнаго объяснить вамъ такъ вразумительно предметъ новаго процесса, который затѣвается отъ имени не одного владѣльца мельницы, но и всей общины. Процессъ, начатый въ 1760 году, дѣломъ графа Сигизмунда, конечно, не являеиъ интереса; но это, говоря собственно, не больше, какъ пустяки въ сравненіи съ новымъ процессомъ, который открывается для васъ. Споры за права, разбирательство поступка, находчивость адвокатовъ, пронизательность судей, глубокомысліе ученыхъ, тутъ все будетъ нужно, и прибавьте еще къ этому драматическій интересъ, о которомъ до сихъ поръ я не упоминалъ; представьте, если раздраженные ваши противники сего-

дня или завтра съ экзаменъ въ рукахъ, будутъ угрожать башку и войтъ, зашить владѣльцамъ!

— Вы серьезно говорите, господинъ Штурмъ? сказалъ испуганный Миллеръ. Угрозы зачесть мои владѣнія вы называете драматическимъ интересомъ этой тѣжбы.

— Сборъ хлѣба нынче былъ скуденъ, стѣнчали стряпчій; и тогда еще, какъ дѣйствіе мельницы не было ослаблено черезъ вашу неосмотрительность, цѣна на хлѣбъ должна была бы подняться противъ прошлагодной. Возвышеніе платы за молотбы мы называемъ увеличеніемъ бѣдствія. И такъ, господинъ Миллеръ, если завтра вы услышите у себя подъ окнами шумъ, то не удивляйтесь этому, вы предупредимель!

Миллеръ съ ужасомъ смотрѣлъ на Штурма; ему казалось, что онъ видитъ передъ собою чудовище раздора, посланника ада, сообщника сатаны. Онъ хотѣлъ говорить, и слова застыли на его губахъ. Вольфгангъ Штурмъ поднялся съ гордостью, что усилилъ возбудить такой ужасъ въ душѣ своего клиента. Миллеръ не удерживалъ его; онъ наединѣ хотѣлъ измѣрять беду, отъ которой краснела подъ его ногами.

Миллеръ, не полагаясь совсѣмъ на слова своего стряпчяго, думалъ лично узнать, въ чемъ состоятъ сдѣланные на него доносы. Черезъ нѣсколько дней, ни слова не говоря Эдмонъ объ ужасномъ разговорѣ своемъ съ Вольфгангомъ Штурмомъ, онъ отправился къ владѣльцу мельницы, который былъ нечестнаго его противникомъ въ прекрасной и величественной тѣжбѣ, какъ говорилъ Штурмъ, начавшейся въ 1760 году, изъ-за клячка земли. Не смотря на возраженія, сдѣланныя стряпчими противной стороны, Миллеръ старался употребить всѣ средства къ примиренію. Онъ великодушно предлагалъ учтѣть всѣ работы, произведенныя въ рѣкѣ, привести все въ первоначальное состояніе, и заплатить убытки по предварительной оцѣнкѣ. Противникъ Миллера принялъ его съ такою надѣвкою учтивости, которая несомнѣе грубой обиды.

— Милостивый государь, сказалъ онъ Миллеру; не выслушавъ его хорошенько, я рѣдко мѣшаюсь въ эти дѣла. Убытки вслѣдствіе всѣхъ бумагъ теперь у моего стряпчяго, выдать ему должны обратиться.

— Но, милостивый государь.

— Очень жалко, милостивый государь, возразилъ дворянчикъ,

вышла изъ себя, она не могла говорить, впрочемъ: не успела, и вамъ будетъ помаловать въ другой разъ.

Миллеръ съ стыдомъ и съ безразличемъ въ сердцѣ вышелъ отъ своего противника. Онъ понялъ, что уже дѣтъ никакой надежды на примиреніе, что страдчій его противника, нѣ съ соревнованіемъ, хочетъ побороться въ кричкотворствѣ съ Вольфгангомъ Штурмомъ, и что новая война неизбежна.

Возвращаясь домой, печальный и унылый, онъ встрѣтилъ по дорогѣ людей, которыхъ сердитые взгляды напоминали ему злобѣе предсказаніе Штурма.

Угрюмая, печальная природа, сѣрое, холодное ноябрьское небо, густой туманъ, поднимавшійся изъ ущелій горъ, все это еще болѣе придавало грусти его печальнымъ мыслямъ. Онъ прѣхалъ домой, тревожимый какимъ-то горестнымъ предчувствіемъ. Проѣзжая паркомъ, онъ примѣтилъ садовниковъ, выгнанныхъ нѣ за нѣсколько дней. Они сидѣли на скамьяхъ, какъ какіе-нибудь помѣшанки. Ожидая рѣшенія на свою жалобу, они жили въ замкѣ, спали спокойно, ѣли жирно и толковали на досугѣ о завѣщаніи графа. Для возобновленія и защиты своихъ правъ, они выдумывали такіа доказательства, которыя давали бы честь самому опытному прокурору, самому шитрану, адвокату. Они радовались усилію своей наглости, и до сведения завѣщаннаго воряжкомъ къ прежнія должности, рѣшились судити съ утра до вечера, сложивъ руки. Они дава до того простерли свое дерзости, что спрашивали другъ друга, должны ли они принимать на себя, прежнія обязанности, если владѣтель Гильдесгейма, напередѣ не извинится, чередъ ними. Когда Миллеръ проѣхалъ мимо ихъ, они и не подумали встать и поклониться, какъ будто видѣли его, въ первый разъ.

IX.

Шпигель Францу Миллеру.

«Письма твои дѣлаются все рѣже и рѣже, любезный мой другъ. Уже два мѣсяца, какъ я не получалъ отъ тебя ни одной строки. Чтобы узнать, какъ проходитъ твои дни въ гильдесгеймскомъ замкѣ, я прибѣгалъ къ догадкамъ. Чѣмъ объяснить твоё молчаніе? Въ послѣднихъ своихъ письмахъ ты говоришь, что глубокий мнѣ прѣдвзвуть ономъ добромъ, а оное достижи, достави

лѣннѣе тебѣ богатствомъ; ты думаешь употребить для достиженія своей славы. Значитъ, занятія музыкой отнимають у тебя все время? Если такъ, то не бойся моихъ упрековъ. Всеобщее, пламенное мое желаніе, чтобы ты могъ наконецъ со всею свободою выразить то, чѣмъ завята твоя мысль, чѣмъ полно твое сердце; я никогда не думаю жаловаться на тебя и обвинять въ неблагодарности. Трудись, мой любезный Францъ, трудись; ты не долженъ засыпать на мягкомъ изголовьи, предоставленномъ тебѣ графомъ Сигизмундомъ. Сколько прекрасныхъ вещей ты долженъ составить тамъ! Сколько очаровательныхъ мотивовъ! сколько волшебныхъ вдохновеній! Въ чащѣ лѣсовъ, въ глубинахъ долинъ, на скатахъ холмовъ, въ прекрасные дни лѣта, ты сливалъ свои пѣсни съ гармоніею природы. Теперь, сидя за клавесиномъ, ты переложить на бумагу тѣ мелодіи, которыя бросилъ на вѣтеръ. Да будетъ благословенно богатство, которое приведетъ тебя къ славі!

«Ты писалъ ко мнѣ, что гильдесгеймскій замокъ и все мнѣніе требуютъ большихъ поправокъ, улучшеній. Не сдѣлался ли ты агрономомъ и архитекторомъ, какъ большая часть богатыхъ и знатныхъ помѣщиковъ нашей доброй Германіи? Изучилъ ли ты системы сельскаго хозяйства? Правъ перестройкѣ замка, ты, вѣрно, не изменилъ величественной архитектуры XIV вѣка? Ты долженъ быть счастливъ, какъ артистъ, какъ поэтъ, который можетъ уловить всѣ свои мечты, осуществить всѣ свои планы. Я каждый вечеръ ложусь съ мыслию о твоёмъ счастьи, и ночью мнѣ грезятся пріятные сны. Ты не упоминаешь болѣе ни о дѣвцахъ фонъ Штольценфельсъ, ни о Бильдманнѣ; надѣюсь, что вы всѣ живете, какъ одно семейство. Первымъ твоимъ письмомъ ты привязалъ меня къ маіору; при прѣздѣ моемъ въ Гильдесгеймъ, я непременно упрошу снять съ него портретъ. Эдней писала мнѣ о новомъ гостѣ, поселявшемся у васъ, объ очаровательномъ молодомъ человѣкѣ, котораго Германъ и Маргарита любятъ на-перерывъ, и который соединяетъ въ себѣ граціозность, привлекательность и веселость; онъ вмѣстѣ безстрашный охотникъ, смѣлый наѣздникъ, очаровательный пѣвецъ, происходящій за-разъ отъ Неврода, Карона и Ороев. Напishi мнѣ не медля, тотчасъ же, заслуживаетъ ли онъ всѣхъ этихъ похвалъ, которыми нашей Эдней угодно было осыпать его. Не скрою отъ тебя ничего, а сильно боюсь, чтобъ

господи! Фридрихъ не вытѣсилъ бѣдлаго Шпигеля изъ сердца твоей жены и дѣтей. Что скажешь до тебя, мой любимый Миллеръ, я не беспокоюсь о твоёмъ сердцѣ; можешь ли ты забыть и протѣкнуть вашу старую, прочную, испытанную дружбу?

«Я забылъ напоминать тебѣ о присылкѣ денегъ за наемъ квартиры. Признаюсь, я былъ въ большомъ затрудненіи, если бы случай, благодѣтельный случай не помогъ мнѣ. Не слышанная, не ожиданная вещь! я продалъ нѣсколько изъ своихъ картинъ, которыя такъ давно украшали мою мастерскую, я продалъ ихъ такъ выгодно, что могъ загладить твою ошибку. Чтобы не платить намъ, на будущее время, за наемъ твоей и моей квартиры, я купилъ маленькой домикъ, гдѣ мы жили съ тобою столько годовъ. Такимъ образомъ, когда, весною, возвратишься въ Мюнхенъ, ты остановишься у меня. Шпигель владѣлецъ! Увѣренъ, что ты не думалъ услышать о такой новости: это подѣлать къ Миллеру, владѣтелю замка. Поцѣлуй за меня твоихъ дѣтей, и попроси нашу милую Эдиль не забывать меня въ обществѣ господина Фридриха.

«Шпигель.»

Миллеръ сначала подумалъ, что надъ нимъ съявуются. Каждый вопросъ Шпигеля такъ печально противорѣчилъ дѣйствительности, каждое выраженіе такъ походило на скрытый упрекъ или насмѣшку, что, кончивъ чтеніе письма, Францъ не могъ удержаться отъ движенія досады, даже гнѣва. Все въ этомъ письмѣ унижало, оскорбляло его; всякое слово было ножомъ по сердцу. Безсознательно, противъ воли, онъ страдалъ отъ похвалъ, которыми Эдиль превозносила Фридриха; сѣмя завралось въ его сердце. При мысли, что Шпигель продалъ свои картины, и это не онъ, Миллеръ, не онъ, его братъ, купилъ ихъ; при мысли, что Шпигель собственными трудами приобрѣлъ домъ, который онъ не только не успѣлъ подарить своему другу, какъ думалъ, но не заплатилъ даже и за наемъ его, Францъ готовъ былъ умереть отъ стыда. И какъ въ самой чистой дружбѣ, самолюбіе себя отыщетъ уголокъ, то Миллеръ, узнавъ о довольствѣ и объ успѣхахъ своего друга, почувствовалъ въ своемъ сердцѣ не удивленіе и радость, а что-то другое; онъ подумалъ о себѣ самомъ, и, сра-

видом гильдеброммскій, дамокъ и достояннѣи . . . ему случалось, съ маленькимъ домикомъ въ Мюнхенѣ, который достался Шингелю трудъ и радующаяся слава, онъ сознался, что Шингелю и богатче и счастливѣе его. Любовь къ славѣ, которую съ давнихъ поръ онъ питалъ, какъ священный огонь, и которая, казалось, исхода при безчисленныхъ безпокойствахъ, возмущавшихъ его жданъ, вдругъ пробудилась въ немъ; но это не было благородное, высшее честолюбіе; а скорѣе мучительная боль. Впрочемъ если Францъ при мысли о Шингелѣ, и испыталъ на минуту, что-то похожее на зависть, но это непритное чувство скоро разсѣялось и не оставило слѣда въ его душѣ.

Миллеръ долженъ былъ испытать другія чувства. Печальное сѣмя, заброшенное въ его сердце письмомъ Шингеля, скоро развернулось, возрасло и пустило глубокіе корни.

До сихъ поръ Францъ тщательно скрывалъ отъ своей жены всѣ непріятности, всѣ хлопоты, осаждавшія его. Онъ не говорилъ ей ни о шестидесятилѣтнемъ процессѣ, ни про дѣло о мельницѣ, ни о возмущеніи, котораго онъ ожидалъ со дня на день; но, боясь встревожить свою жену, онъ не могъ затаить въ своей душѣ печали, снѣдавшей его. Онъ умалчивалъ о дѣлахъ, а не скрывалъ впечатлѣній, производимыхъ ими. Въ домашнемъ быту, это самая плохая вещь; нужно или скрывать все, или говорить обо всемъ. Характеръ Франца сдѣлался дѣловымъ, придурливымъ; онъ съ трудомъ отвѣчалъ на вопросы Эдиенъ; подѣловавъ дѣтей, онъ уходилъ въ свою комнату, и запирался тамъ одинъ, чтобъ погрѣть счеты своего управляющаго и фермеровъ, или перечтывать тажебныя дѣла, которыя нѣсколько уже мѣсяцовъ составляли обыкновенный предметъ его занятій. Изъ всей этой драмы, Эдиенъ знала только смѣшную часть: ссору за дѣтей и увольненіе садовниковъ. Притязанія дѣвицы Штольценфельсъ и маіора казались ей только забавными приключеніями, которыя смѣшили ее, и вовсе не объясняли частыхъ отлучекъ Франца, его угрюмаго вида и несносной молчаливости. Молодая и прекрасная, привыкшая къ нѣжной предупредительности, Эдиенъ жаловалась иногда на мужа, и Францъ, несправедливо обвиняемый, съ кождостию оправдывалъ себя. Не проходило почти ни одного дня безъ взаимныхъ упрековъ; правда, эти легкія ссоры всегда оканчивались мирною, но все-таки не могли нѣсколько не помрачить яснаго небосклона ихъ сердечной привязанности. Францъ, какъ всѣ лю-

да: онъ имъ повѣдалъ, что обрѣтенъ, и поутрачъ идеальнаго единенія своей души. На все, на дурное и на хорошее, былъ снопъ стекла; снопъ увеличительное стекло; что для людей обыкновенныхъ было бы только пустякъ, значительнымъ дѣлалъ, и на его глаза представлялось въ огромныхъ размѣрахъ; прегрѣшенія, надъ которыми снокойный умъ восторжествовалъ бытъ бою труда; для Франца казался ужасною стѣною во его лохотой. И потому, нечому удивляться, если два, знаменитые процесса, возбуждающіе въ Вольфгангѣ Штурмѣ такой живой восторгъ, возмущающій сонъ Миллера и наполняющій его мечты ненадежными, ии, призраками, грозными привидѣніями. Ночи его были тревожны, и днемъ не имѣлъ онъ покоя. Онъ чувствовалъ, что былъ связанъ, опутанъ со всѣхъ сторонъ. Эта безрерывная думы, поглотившая всѣ его способности, придали взгляду его что-то странное, безпокойное, и рѣчамъ его какую-то сухость, безчувственность, которыя никогда не были сродны его сердцу. Нѣждость его къ Эдией не охладѣла; но онъ былъ возлѣ нея всегда мраченъ и разсѣянъ, и Эдией толковала это въ дурную сторону. Она обижалась его молчаніемъ, которое принимала за холодность, и сердилась на его печаль, которую считала за скуку. Будучи не въ силахъ разгадать происходившее около нея, она перебрала все, кромѣ истины. Крючкотворство не было единственною заботою Миллера; гордость приняла въ его душѣ новую, непредвидѣнную форму. Пока жизнь его совершенно была посвящена музыкѣ и мечтамъ о словѣ и знаменитости, Миллеръ домогался только одного, чтобъ произвестъ великое твореніе и заслужить рукоплесканія; но со времени прибытія въ замокъ, онъ терзался, онъ стыдился своего незнатнаго происхожденія. Францъ Милмеръ, который смотрѣлъ нѣкогда, на притязанія знати съ улыбкою сожалѣнія, который допускалъ и признавалъ только одну аристократію, аристократію талантовъ, теперь этотъ Францъ Миллеръ горько жалѣлъ, что не могъ похвалиться своей родословной. Въ продолженіе первыхъ недѣль своего пребыванія въ Гилдевейсѣ, онъ безъ труда вереносилъ себѣ сосѣднѣмъ баричей; но, мало-по-малу прервѣнію изъ уязвляло его, и какъ рассудокъ не допускалъ это страданія, неврѣмечнаго человѣку умному, то онъ, скрыта вавъ отъ всѣхъ свою рану, только расправлялъ ее. Какими же образомъ Эдией могла угадать тоску, мучившую его? Не знала.

другого честолюбія, предъ счастьемъ своего мужа, и такъ она была пожать страдную пеню, пожирательную егю.

Постоянный свидѣтель этой безмалой борьбы, Фридрихъ, съ каждымъ днемъ, дѣлалъ шагъ впередъ въ своихъ заботливостяхъ. Какъ часто случается съ людьми ловкими и хитрыми, Фридрихъ самъ попалъ въ разставленную сеть. При ежедневныхъ свиданіяхъ, при безпрестанныхъ разговорахъ съ Эднью, молодой офицеръ, вѣдвшій до сихъ поръ дѣла только съ женщинами очень двусмысленныхъ правилъ, чтобы не сказать болѣе, былъ очарованъ этою скромною красотою, этою чистою, невянною прелестью, которыя представляли ему плѣнительность неизвѣстнаго. Онъ началъ тѣмъ, что называлъ ловкостію, но ловкость не помогла ему; влюбленный не на шутку, онъ напелъ въ искренности своей страсти всѣ пособія которыя могли приблизить его къ цѣли и которыхъ же напрасно искалъ въ ловкости и хитрости; онъ сдѣлался, дѣйствительно, опасенъ съ тѣхъ поръ, какъ не думалъ болѣе быть тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Эднѣе ничего не подозрѣвала, и ея невѣдѣніе еще болѣе увеличивало опасность. Простодушная, до вѣрчивая, она видѣла въ любви Фридриха только дружбу, болѣе сильную, болѣе нѣжную, чѣмъ обыкновенная дружба, и не угадывала страсти въ пожатіи руки. Шпигель приучилъ ее къ этимъ безкорыстнымъ нѣжностямъ, которыя хотя рѣдко существуютъ между молодою женщиною и молодымъ мужчиною, но все-таки возможны. Не спрашивая себя, не беспокоясь узнать, какое мѣсто Фридрихъ занималъ въ ея сердцѣ, она жертвовала ему половиною всѣхъ своихъ мыслей. Эднѣе не любила Фридриха въ смыслѣ страсти; но привязанность, которую чувствовала къ нему, не исключала совершенно любви, и напоминала объ ней.

Миллеръ радовался сначала пріѣзду Фридриха, и видѣлъ въ немъ только веселаго собесѣдника, способнаго занять его жену и позабавить дѣтей, но наконецъ частыя и продолжительныя посѣщенія молодаго офицера стали безпокоить его. Къ изученіямъ, которыя онъ терпѣлъ, присоединилась еще ревность. Францъ стыдился смутнаго безпокояства, тревожившаго его, боялся признаться передъ самимъ собою въ своихъ страданіяхъ, не смѣлъ дать названія боли своего сердца, и потому скорбь его была тѣмъ живѣе, тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ съ большимъ упорствомъ онъ скрывалъ ее. Но могъ ли онъ открыть свои мученія? Въ чемъ онъ могъ упрекнуть Эднѣе, которой ясное, свѣт-

— до чего отвергло всё подозрѣнія? что могъ онъ сказать Фридриху; въ обхожденіи и поступкахъ котораго не замѣчала ничего неприличнаго? Ревности не знала; къ чему прицѣпиться, и однако Миллеръ ревновала. Его характеръ дѣлался болѣе и болѣе раздражительнымъ. Чтобъ предотвратить опасность, ему надо было бы удѣлить предупредительность, нѣжность и ласки, а вмѣсто того, онъ былъ постоянно угрюмъ, иногда даже грубъ. Нѣсколько разъ онъ думалъ отхлѣбать Фридриха; отказать ему; и даже сѣсть заперевъ для него свою дверь; но какой онъ имѣлъ предлогъ прибѣгнуть къ такой крайности? Не значило ли это оскорбить Эдвен? Ему легче было перевести по сто разъ мушкетерскія страданія, и молчать! Да если бы Фридрихъ не держалъ къ нимъ, знаешь ли вы Миллеръ себя, спокойствія? Не останется ли этотъ недружный гость въ замкѣ, у оловякъ тѣтокъ? Развѣ онъ не имѣетъ права, по уваженію графа Сигизмунда, бродить, гдѣ ему угодно, по всѣмъ гилдесгеймскимъ владѣніямъ? Не могутъ ли они встрѣчаться каждый день, на какой часъ? Встрѣчаться въ паркѣ, въ тѣни дѣсовъ? Чтобъ заглушить адскій шепотъ демона ревности, не нужно ли скорѣе запретить Эдвен выходить за порогъ дома? При одной мысли объ этомъ запрещеніи, сердце несчастнаго разрывалось на части.

Такимъ образомъ, все опечаливало Франца, все, какъ будто, сговорилось противъ него. Бильдманы и Штольценфельсы обходились еще грубѣе, еще неприязненнѣе прежняго. Разрушая перегородку двухъ садиковъ, Миллеръ ничего не выигралъ. Каждый разъ, если ему хотѣлось въ хорошую погоду, выйти въ паркъ, онъ былъ увѣренъ, что встрѣтитъ маіора, Доротею, Исаака, или старыхъ дѣвъ. Онъ жалѣлъ о разрушеніяхъ и ихъ заборахъ, которые по крайней мѣрѣ, скрывали отъ его глазъ этихъ ненавистныхъ жидьцовъ. Фридрихъ большую часть времени проводилъ возлѣ Эдвен, Гедвига и Ульриха, но думали оскорбляться тѣмъ, что племянникъ ихъ водится съ низкими людьми; напротивъ, по какому-то злобному инстинкту, онъ еще ободряли его. Вовсе не предполагая, чтобъ Фридрихъ былъ влюбленъ не на шутку, онъ всячески старался затронуть его тщеславіе; онъ представляли ему, какъ будетъ стыдно для такого молодца, красиваго кавалерійскаго офицера, если онъ не восторжествуетъ надъ простою мѣщанкою, и притомъ же нестрогой нравственности. Наконецъ, чтобы оправдать распушенія и оскорбительныя подозрѣнія, онъ съ радостію увидѣвалъ

успѣхи Фридриха; погубить ее въ мѣсяцъ всѣхъ, погубить ее безъ возврата, безъ надежды на восстановление, было, самымъ пламеннѣйшимъ ихъ желаніемъ, самую пріятнѣйшую ихъ мечту, предметомъ всѣхъ ихъ разговоровъ.

Однако, въ минуты, которыя я назову счастливыми, Миллеръ, приходилъ въ себя, и говорилъ, что онъ не, всегда, не будетъ мучиться, безпокойства его, безъ сомнѣнія, когда-нибудь кончатся. Фридрихъ не можетъ жить постоянно въ эмигрантскомъ переездѣ; его переведутъ въ другое мѣсто; съ наступленіемъ весны, замокъ оставитъ Гильдесгеймъ и возвратится въ Мюнхенъ. Тамъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ, которые проведутъ съ Шингелемъ, они снова найдутъ свое спокойствіе. Всѣ эти проклятые процессы, которые умножались и перепутывались одинъ съ другимъ, должны будутъ прекратиться. При томъ же, Штольценфельсы и Вильдманы не вѣчны; замокъ, однажды очищенный отъ этихъ вздорныхъ жильцовъ, будетъ величественнымъ наследствомъ для Германа и Маргариты. Тогда пробуждался въ душѣ Миллера всѣ надежды, всѣ мечты, которыя онъ такъ долго легчалъ. Онъ представлялъ себя спокойнымъ, довольнымъ, въ кругу жены и дѣтей, раздѣляющимъ время между занятіями и семейными удовольствіями. Слава улыбалась ему и протягивала руки; его творенія замѣняли ему предковъ; онъ заботился, онъ хлопоталъ прибавить къ своему имени, сдѣлавшемуся славнымъ, исчезнувшее нынѣ имя фонъ—Гильдесгеймъ. Аристократія принимала его въ свои ряды; Маргарита выросла и вступила въ родство съ первыми фамиліями; Германъ сдѣлался фельдмаршаломъ. Все совершалось по его желанію. И когда эти очаровательные дни такъ близки къ нему, можно ли терять терпѣніе? Первый годъ былъ жестокимъ испытаніемъ; но второй годъ будетъ легче, будетъ сноснѣе для него.

Послѣ этихъ заманчивыхъ размышленій, Миллеръ терпѣливо принимался за чтеніе своихъ счетовъ и бумагъ.

X.

Зима прошла посреди этихъ печальныхъ занятій. Нѣсколько разъ, въ рѣдкія минуты досуга, которыя онъ отрывалъ отъ рѣзности, отъ процессовъ и отъ управленія своимъ имѣніемъ, Миллеръ пытался заняться музыкою; но вдохновеніе, какъ будто, навсегда отлетѣло, и его твореніе оставалось на той же точкѣ,

на которой мы оставили его, когда несносный Вольфганг Штурмъ пришелъ въ первый разъ побесѣдовать съ новымъ владѣтелемъ Гильдестейма. Не только вдохновенно было глухо къ гласить мольбамъ Франца; но и Францъ рѣдко и съ глубокимъ уныніемъ прывивалъ его. Любовь къ члавѣ, страсть къ искусству, которыя онъ пталъ нѣкогда съ такимъ жаромъ, съ такою ревностію, только нрѣдка занимали теперь его мысля. Миллеръ съ ужасомъ чувствовалъ, что геній его ослабѣлъ подъ тѣмъ вобать, таготѣвшихъ надъ нимъ.

Впрочемъ, въ члавѣ утро, другъ нашъ всталъ въ такомъ расположеніи духа, каково онъ не зналъ съ давнихъ поръ и нѣко-го не думалъ болѣе имѣть. Сонъ его былъ спокоенъ; видъ спящей и улыбающейся Эдионъ развеселилъ его и утѣшилъ волненіе его сердца. Начиналась весна; деревья украсились зеленѣющими почками. Стоя у открытаго окна, перелъ лицомъ этого всеобщаго воскресенія природы, Миллеръ чувствовалъ, что во-ображеніе его настроилось и согрѣлось. Птицы щебетали подъ раждающеюся зеленью, и, при звукахъ этихъ пѣсень, цѣлымъ рой свѣжихъ, чистыхъ мелодій встрепенулся въ груди Милле-ра. Онъ хотѣлъ сѣсть за клавишнъ, когда Вурмъ полуотворилъ дверь и всунулъ въ нее свой профиль.

— Радъ Бога, чего вы хотите отъ меня? вскричалъ Францъ. Солнце едва еще поднялось, а вы уже идете докучать мнѣ. Могу ли я быть одинъ хоть минуту?

Вурмъ вынулъ изъ кармана запечатанное письмо, подаль его молча, своему господину, и ушелъ, потирая руки. Миллеръ поблѣднѣлъ и задрожалъ, потому что онъ замѣтилъ, что упра-вляющій его потиралъ руки только тогда, когда приносилъ ка-кую нибудь несчастную новость. Онъ сломалъ печать и прочи-талъ:

«Милостивый гусударь,

«Хотя я не имѣю чести знать васъ лично, но ваша справедливость, ваше безпристрастіе мнѣ извѣстны, и я обращаюсь къ вамъ съ полнымъ увѣренностію, что вы скорѣе согласитесь сдѣлаться со мною по-дружески и заплатитъ убытки, въ кото-рыхъ я вамъ приношу жалобу, чѣмъ предоставлять это дѣло неспріятнымъ послѣдствіямъ судебного разбирательства. Дѣло вотъ въ чѣмъ: Господинъ Фридрихъ Фонъ-Штольценфельсъ уже нѣ-сколько мѣсяцевъ живетъ въ замкѣ; говорить, что графъ Ст-тъизундъ фонъ-Гильдестеймъ предоставилъ ему, въ своемъ за-

виданіе; полное право пользоваться его лошадьми и собаками, и охотиться во всех его владѣніяхъ. До сихъ поръ, господи́тъ Фридрихъ очень скромно пользовался данными ему позволеніями. Но вчера, увлеченный, безъ смышляна жаромъ охоты, зашелъ съ своими охотниками за границы пфальцвейсскихъ владѣній. Поля шестерыхъ владѣльцевъ—имена которыхъ при семъ прилагаю, равно какъ и исчисленіе причиненныхъ имъ и мнѣ убытковъ,—былъ потоптанъ господиномъ Фридрихомъ фонъ Штольценфельсомъ. Эти опустошенія одѣнены изборными людьми, достойными полнаго довѣрія; впрочемъ вы можете подтвердить это сами. Надѣюсь, милостивый государь, что вы не замедлите исполнить мою просьбу.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

1. 16

«*Баронъ фонъ-Фрогсдорфъ.*»

При этомъ письмѣ приложены были имена шести владѣльцевъ въ которыхъ баронъ фонъ-Фрогсдорфъ принималъ участіе, и оцѣнка опустошеній, сдѣланныхъ Фридрихомъ: убытки оцѣнены были въ четыре тысячи флориновъ.

— Этотъ баронъ фонъ-Фрогсдорфъ, удивительный чудакъ вскричалъ Миллеръ, прочитавъ письмо. Выдумалъ, что я буду платить за шалости этого негодяя! Пусть самъ Фридрихъ и раздѣляется съ барономъ фонъ-Фрогсдорфомъ, мнѣ некогда заниматься такими пустяками. Пусть онъ охотится какъ ему угодно, мнетъ поля и виноградники, пусть гоняетъ, какъ хочетъ лошадей и собакъ графа Сигизмунда, мнѣ нѣтъ дѣла до всѣхъ этихъ глупостей.

Посреди этого краснорѣчиваго монолога вошелъ Вольфгангъ Штурмъ, съ величественнымъ видомъ. Радость изображалась на его челѣ и искрилась въ его маленькихъ сѣрыхъ глазахъ. Миллеръ снова поблѣднѣлъ и холодный потъ выступилъ по всему его тѣлу.

— Наши дѣла идутъ чудесно, господинъ Миллеръ, сказалъ стряпчій, садясь на стулъ: все идетъ, какъ по маслу. Благодаря ловкому обороту, какой я съ умѣлъ дать, процессы Бильмана и дѣвицы фонъ-Штольценфельсъ день-ото-дня принимаютъ все большіе и большіе размѣры. Процессъ, начатый дѣдомъ графа Сигизмунда, продолжается спокойно. Споръ, поддерживаемый вами изъ уваженія къ памяти трехъ поколѣній, которыхъ вамъ суж-

лено быть пресемникомъ, дѣласть вамъ величайшую честь во всемъ здѣшнемъ краѣ, господинъ Миллеръ.

— Очень радъ, отвѣчалъ Миллеръ.

— Процессъ о мельницѣ начинается. Здѣсь-то, господинъ Миллеръ, я долженъ былъ употребить весь запасъ моей долговременной опытности, чтобы уничтожить дѣйствіе вашей неосмотрительности.

— О какой неосмотрительности вы хотите сказать, господинъ Штурмъ?

— Я хочу сказать, господинъ Миллеръ, о предложеніи, которое вы сдѣлали вашему противнику, заплатить всѣ убытки, на которые онъ жалуется. Я предвидѣлъ, что вашъ противникъ воспользуется этимъ, и что зная вашу расположенность къ уступкѣ, онъ увеличитъ свои требованія безъ всякой жалости. Я долго придумывалъ, каковы бы средствомъ уничтожить вашу ошибку. Наконецъ, нашелъ я это средство, и, безъ вашего позволенія, тотчасъ же приложилъ его къ дѣлу.

— Что вы сдѣлали? спросилъ Миллеръ, который ожидалъ новаго удара.

— Я составилъ, повравилъ Штурмъ, какъ у насъ называется, дотрѣчную жалобу. Вашъ противникъ требуетъ трехъ тысячъ флориновъ за убытки, причиненные вами расширеніемъ лова рыбы; ну, хорошо! а мы противъ его жалобы ставимъ другую жалобу, основанную на убыткахъ, которые онъ сдѣлалъ ловя рыбу въ водѣ, принадлежащей намъ.

— Что вы говорите? вскричалъ Миллеръ.

— Я говорю, отвѣчалъ Штурмъ, что мы требуемъ съ нашего противника вознагражденія четырехъ тысячъ флориновъ за опустошеніе, произведенное въ нашихъ водахъ.

— Но о какомъ опустошеніи вы говорите? сказалъ Миллеръ, прерывая его.

— Преступленіе ясно, отвѣчалъ странчій, и доказано тремя актами, составленными по всей формѣ, которые я принесъ съ собою, и которые долженъ буду употребить при защищеніи дѣла. Да, почтеннѣйшій господинъ Миллеръ, вашъ противникъ въ то время, какъ затѣвалъ съ вами тяжбу, не боялся грабить вашу собственность. Самую лучшую рыбу изъ вашей рѣки онъ употреблялъ для своего стола. Онъ не можетъ запереться въ этомъ, потому что я имѣю здѣсь, я держу въ своихъ рукахъ три акта, составленные по законамъ, и утвержденные бургомистромъ.

Миллеръ думалъ, что онъ все это видитъ во снѣ. Онъ спав- тилъ голову обѣими руками, и не могъ выговорить ни слова; на- конецъ, гнѣвъ его разразился.

— Господинъ Штурмъ, вскричалъ онъ, жоднявъ голову, вы рѣшились свести меня съ ума? Отвѣчайте мнѣ. Какъ! я имѣю уже пять процессовъ; безъ сомнѣнiя, вы не такъ судили о моемъ полномъ счастiи, а считаете за удовольствiе вводить меня въ ссоры, о коворыхъ я никогда и не думалъ. Какъ! за какихъ-ни- будь ничтожныхъ окуней, за дюжину карповъ или шукъ, вы не боитесь меня именовемъ требовать вознагражденiя четырехъ ты- сячь оловянокъ!

— Наше требованiе очень умеренно, господинъ Миллеръ, воз- разнилъ стряпчiй кладнокронно. Сказать по правдѣ, мы имѣемъ въ рукахъ только три акта; но кто знаетъ, кто можетъ знать, сколько разъ совершено было преступленiе, прежде чѣмъ до- знано? Наше требованiе очень умеренно, а я уверю, что судъ приметъ его во вниманiе.

— Пусть принимаетъ или отказывается, прервалъ Миллеръ, я мало беспокоюсь объ этомъ. Я не хочу и слышать, чтобы мое имя именовъ было объявлено это безумное требованiе. Я пре- дложилъ заплатить убытокъ, предшешдшiй и отъ моей ошибки; и я готовъ подтвердить это предложенiе передъ судомъ, чтобы окончить скорѣе глупую ссору. Я хочу, я требую, чтобы вы завтра же возвратили просьбу, поданную отъ моего имени, по- торую вы окрестили какою-то зарварскимъ именовемъ.

— Я назвалъ ее, господинъ Миллеръ, съ важностiю отвѣчалъ Штурмъ, именовемъ, которое дано ей самимъ закономъ: я состав- ливъ противъ вашего противника ветрѣвную жалобу; но если вы не соглашаетесь на это, то я уничтожу. Можетъ-быть, скоро сознаетесь, что я далъ дѣлу самое благоразумное направ- ленiе.

Сказавъ это, стряпчiй собрался идти. Миллеръ остановилъ его и подалъ ему письмо барона Фрогсдорфа.

— Скажите, пожалуйста, что вы думаете объ этомъ странномъ требованiи?

— Это важно, отвѣчалъ Штурмъ, быстро пробѣжавъ бумагу. Это очень важно, господинъ Миллеръ. Правда, что вы не сами причинили убытокъ, за который требуютъ вознагражденiя; но баронъ Фрогсдорфъ дѣйствуетъ, какъ знатокъ законовъ. Вѣдь, охотники, бывшіе съ господиномъ Фридрихомъ фонъ-Штоль-

превращаютъ, вани; лошади и собаки, поварями подотстанутъ по-
ложь достануть владѣльца, принадлежать вамъ; но этому, ба-
ронъ фонъ-Фрогсдорфъ не праву обращается къ вамъ. Вамъ
должно заплатить убытки, но вы можете требовать удовлетворе-
нія съ господина Фридриха князь-Штольценберга; правда, сва-
даль между нами, удовлетвореніе не можно.

— Ну, сказалъ Миллеръ, съ высокомеріемъ, если я долженъ
заплатить, извиняютъ.

— Какъ, господи! Миллеръ! вскричалъ изумленный стряпчий,
вы хотите заплатить четыре тысячи флориновъ барону фонъ-
Фрогсдорфу?

— Конечно; вы слышали, что требованіе законно?

— Сказалъ и повторяю,

— Такъ что жъ еще? спросилъ Францъ.

— Господинъ Миллеръ, давно ли стали бросать оружіе при
первомъ требованіи? А для чего правосудіе? Къ чему учрежде-
ны судьи? Нѣтъ, милостивый государь, напрасно вы такъ ду-
маете! Если такъ скоро вы будете уступать, на васъ нападутъ
со всѣхъ сторонъ: васъ остригутъ, какъ барана, ощиплютъ, какъ
голубя. Господинъ Миллеръ, жизнь есть борьба; кто не умѣетъ
показать, что у него есть клювъ да когти, тотъ погибъ.

И, не дожидаясь отвѣта, Штурмъ удалился.

Растроганный этимъ дьявольскимъ разговоромъ, Миллеръ по-
дошелъ къ окну и сталъ разсѣянно смотрѣть на новые побѣги
лиственъ и каштановыхъ деревьевъ. Мало-по-малу взглядъ его
одушевлялся, чело просвѣтлалось. Онъ видѣлъ около себя зе-
мянища поля и луга, и, вдыхая полною грудью вѣтерокъ, на-
носившій благовоміе распускавшихся цвѣтовъ, онъ съ гордо-
стію говорилъ самъ себѣ, что все это принадлежитъ ему, эти
поля, эти луга, этотъ лѣсъ, этотъ паркъ и этотъ замокъ, какъ
другъ его чело подернулось смертною блѣдностію, и онъ сжавъ
рукою за сердце, какъ будто его ужалила змѣя. Въ это
время Фридрихъ прогуливался въ паркѣ; Эдмонъ спиралась
да его руку и подавала голову, какъ будто боясь проронить
его слова. Она шла тихо, и Миллеръ, исподтишки, видалъ въ
нихъ испуганнымъ взглядомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ
потерялъ ихъ изъ вида, вѣтерокъ, снова увидѣлъ, и слова они
скрылись изъ его глазъ. Минеходомъ, Фридрихъ сриванъ съ
спирни цѣпты и подавалъ ихъ Эдмон, которая вивала въ себя
ихъ запахъ.

Миллеръ большими шагами ходилъ по залѣ, когда встрѣтила его жена съ улыбкою на устахъ, и съ цвѣтами въ рукѣ, которые сорвалъ для нея Фридрихъ.

— Что съ тобою, мой другъ? сказала она Францу: что случилось? какая-нибудь новая ссора съ дѣвцами фонъ-Штальценфельсъ или съ майоромъ Билдманомъ? Если это только, ты напрасно терзаешь себя такими пустяками.

Францъ стыдился выказать свою ревность; онъ съ радостію ухватился за представившійся ему предлогъ, чтобы скрыть свои чувства.

— Смотри, сказалъ онъ грубо Эднѣ, подавая письмо барона Фрогсдорфа: рѣши сама, могу ли я быть спокоенъ.

— Гмъ! сказала Эднѣ, прочитавъ письмо: да есть ли тутъ на что сердиться? Пошли къ этому барону четыре тысячи флориновъ, которые онъ требуетъ, и дѣлу конецъ.

— Такъ отдать этому барону четыре тысячи флориновъ, возразилъ Миллеръ съ досадою, по твоему самое естественное дѣло, какое можно вообразить. Значитъ, продолжалъ онъ съ возрастающимъ гнѣвомъ: я долженъ платить за всѣ безразсудства Фридриха; ему угодно рыскать по чужимъ полямъ, а я долженъ развязывать за него свой кошелекъ, и это тебѣ кажется очень просто.

— Ты забываешь, мой другъ, отвѣчала Эднѣ съ нѣжностію, что мы владѣемъ теперь богатѣйшими помѣстьями, которыхъ большая часть должна была принадлежать этому молодому человеку. Конечно, Фридрихъ могъ бы пользоваться съ осторожностію своими правами, но развѣ нельзя извинить въ его лѣта какой-нибудь шалости? Должно ли обвинять его за какую-нибудь ненамѣренную ошибку? Онъ такъ добръ, такъ ласковъ съ нашими дѣтьми! Во всѣхъ нашихъ ссорахъ съ его тетками и съ майоромъ, не заступался ли онъ за насъ? Не правда ли, только одно и есть дѣло сердца, которое любитъ насъ, которое предано намъ?

— Клянусь, прекрасная находка его друга! богатая прибавка его преданности! воскричалъ Францъ, не удерживаясь болѣе; эта дружба мнѣ дорого стоитъ, и я легко обойдусь безъ нея.

— Другъ мой, можешь ли ты говорить это? Ты такъ добръ, такъ справедливъ, можешь ли ты быть неблагодаренъ?

— Не думаешь ли ты совѣтовать мнѣ, вскричалъ Францъ, топнувъ ногою, идти и поблагодарить его за честь, что ему

угодно было обязать меня заплатить за его удовольствіа? Нѣтъ, я не буду платить; пусть онъ раздѣляется съ барономъ, я не дамъ ни крейцера.

И несчастный Францъ, стыдился самого себя, стыдясь своей горячности, боясь, чтобъ не замѣтили его сердечной раны, которую Эдвѣ еще больше отравила, защищая Фридриха, вышелъ изъ залы и удалился въ свою комнату. Оставшись одна, Эдвѣ перебирала въ своей памяти всѣ слова, которыя она слышала, и невольно находила что-то смѣшное въ горячности своего мужа. Столько шума изъ-за какихъ нибудь четырехъ тысячъ? Ужели Миллеръ сдѣлался скупъ? Она не знала, какія чувства волновали Франца; она не подозрѣвала ревности, скрытой подъ гнѣвомъ. Будучи невинна, она не могла предполагать въ душѣ своего мужа безпокойства, которое ничѣмъ не оправдывалось. Между тѣмъ, какъ Эдвѣ упрекала его въ скупости, Миллеръ, запершись въ своей комнатѣ, далъ полную волю безумнымъ страстямъ, бушевавшимъ въ его груди.

— Они не увидятся болѣе, сказалъ онъ, прохаживаясь какъ левъ въ клѣткѣ. Его я выгоню отъ себя; ей не позволю слѣзть шагу за порогъ. А, они думаютъ найти во мнѣ мужа снисходительнаго, ошибаются, обманываются! Они не знаютъ, что скрыто въ глубинѣ оскорбленнаго сердца. Да, я выгоню его; да, я запру ее: горе ему! горе ей!

Потомъ, вдругъ остановившись, онъ бросился въ кресла, закрылъ голову руками, и слезы ручьемъ полились изъ его глазъ; онъ рыдалъ. Размышленіе успокоило его. Эдвѣ была также невинна, какъ и прекрасна; срокъ отпуска Фридриха кончался; полкъ его переводили гораздо дальше отъ Гильдесгейма. Проходилъ девятый мѣсяцъ; черезъ нѣсколько дней, они возвратятся въ Мюнхенъ, къ Шпигелю.

Съ этого времени, Францъ занялся приготовленіями къ отъѣзду. Онъ потребовалъ всѣ счета отъ управляющаго и фермеровъ, и самъ повѣрялъ свои приходы и расходы. Хотя Миллеръ давно уже предвидѣлъ, что первый годъ его пребыванія въ Гильдесгеймѣ будетъ очень тягостенъ, однако не могъ удержаться отъ удивленія и ужаса, увидѣвъ результатъ своихъ расходовъ. За очисткою всѣхъ счетовъ, ему оставалось только тысяча флориневъ. Съ прибытіемъ своего въ замокъ, онъ жилъ почти также скромно, какъ и въ Мюнхенѣ; капиталъ, положенный на Исаака Бильдмана, пенсін, заплаченныхъ маюру, Фридриху

риху и двинуть сонъ-Штольценсельсъ, печники, сдѣланныя въ замкѣ, сооруженіе памятника графу Сигизмунду, все это составляло едва половину расходовъ; остальное было употреблено на тѣжбы. Изъ всего этого богатства, Миллеръ могъ взять на его путешествіе только тысячу флориновъ. Онъ призвалъ къ себѣ Вольганга Штурма и рѣшительно запретилъ ему начинать какой-нибудь новый процессъ. Напрасно, господинъ Штурмъ напоминалъ о своей знаменитой встрѣчной жалобѣ, отъ которой ожидалъ чуда, Миллеръ не хотѣлъ ничего слушать и остался неумолимъ.

Наканувъ дня, назначеннаго для отъезда, между тѣмъ какъ Миллеръ отдавалъ Вурму свои послѣднія приказанія, на время своего отсутствія, Эдионъ вышла въ паркъ; она ходила одна и мечтала. Она радовалась возвращенію въ Мюнхенъ, ей пріятно было снова увидѣть свой маленькій домикъ, опять найти дружбу Шпигеля, и однако она не безъ сожалѣнія думала о минутѣ отъезда. Она спрашивала свое сердце, и съ смущенное, трепещущее сердце ничего не отвѣчало. Былъ вечеръ; слабые лучи заходящаго солнца играли на окнахъ замка; аллея парка были мрачны и пусты; соловей полкалъ и заливался въ зелени деревьевъ; воздухъ былъ напитанъ уопительнымъ благовоніемъ, и молодая женщина съ довѣрчивостію предавалась своимъ пріятнымъ мечтамъ. Въ концѣ аллея, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они видѣлись въ первый разъ, она встрѣтила Фридриха.

— Вы отправаляетесь, сударыня, вы отправаляетесь завтра, сказалъ Фридрихъ, смущеннымъ голосомъ; вы завтра идете въ Мюнхенъ, и не возвратитесь ранѣе трехъ мѣсяцевъ. Черезъ три мѣсяца, меня здѣсь не будетъ, и мой полкъ, можетъ быть, будетъ во ста миляхъ отъ Гельдесгейма. Влали отъ васъ, что мнѣ дѣлать? Я такъ привыкъ къ вамъ! Я вездѣ буду искать васъ, и чувствую, что вы унесете съ собою всю мою жизнь.

— Если бы я серьезно приняла ваши слова, вы могли бы упрекнуть меня въ тщеславіи, отвѣчала встревоженная Эдионъ, стараясь казаться спокойною. Вы будете думать, иногда объ насъ, объ нашихъ разговорахъ, объ нашихъ прогулкахъ; но вѣрите, что съ мнѣ, съ своей стороны, не забудемъ ихъ. Будьте уверены, что время усладитъ вашу оуду; вы скоро поймете, что слѣдъ заимаетъ въ вашемъ сердцѣ гораздо меньшее мѣсто, чѣмъ вы думаете теперь.

— Моя скупка, сударыня, будетъ вѣчна, если не увижу болѣе васъ, потому что я провела возлѣ васъ самыя лучшія, самыя прекрасныя дни моей молодости.

— Мы должны благодарить васъ, возразила Эднѣ, которой сердце сильнѣе и сильнѣе волновалось, за вашу привязанность, за вашу преданность къ намъ. Мы всегда будемъ вспоминать съ глубокимъ чувствомъ признательности объ вашемъ усердіи, съ какими вы принимали нашу сторону во всѣхъ нашихъ ссорахъ съ вашими тетусками и съ майоромъ. Вы только одна любили и не забывали насъ здѣсь.

— Нѣтъ, сударыня, только на мнѣ, на одномъ мнѣ лежитъ долгъ признательности. Еслибъ вы знала, какая была моя жизнь, до тѣхъ поръ, пока я не видѣла васъ! еслибъ вы знала, какая перемена произошла во мнѣ, когда я узнала васъ!

— Не думаете ли вы, съ улыбкой отвѣчала молодая женщина, что я совершила чудо?

— Вы шутите, сударыня, и однако говорите правду. Дѣйствительно, вы совершили чудо, хотя сами того не знали, не желали и не подозрѣвали. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣла васъ, я не узнаю болѣе себя.

— Какая же была ваша жизнь, прежде чѣмъ вы увидѣли меня? спросила Эднѣ съ принужденною веселостію, напрасно стараясь переменить разговоръ.

— Ахъ, сударыня, ужасная жизнь. Я всегда съ содраганіемъ думаю объ ней.

— И я исправила васъ, не жура? Право, я не знала за собой такихъ способностей.

— Нужно ли вамъ было журить меня, чтобы исправить? Чтобы сдѣлаться лучшимъ, чтобы выйти изъ бездны, въ которую упала, чтобы научиться любить все благородное и прекрасное не достаточно ли было видѣть васъ и слышать вашъ голосъ? Я видѣла васъ, я слышала ваши слова; каждый день, каждый часъ, я могъ читать въ вашемъ сердцѣ. Съ какими выговорами вы могли бы обращаться ко мнѣ? Какой урокъ могли бы дать мнѣ? Вы не знаете, вы не можете знать, какъ жилъ я до того дня, когда судьба послала васъ для моего спасенія. Я буду говорить вамъ о томъ, чего вы никогда не поймете. Вы думали мнѣ какъ ангелъ въ дверяхъ ада, и съ тѣхъ поръ, во мнѣ, около меня, все измѣнилось, какъ будто волшебствомъ. Я

не зная любви, вы открыли мнѣ ее; я никогда не любилъ, и я люблю васъ.

Эднѣ въ ужасѣ хотѣла удалиться; Фридрихъ удержалъ ее съ властію, которую придаетъ всякая истинная страсть.

— Выслушайте меня, сударыня; вы должны выслушать меня. Вы завтра ѣдете, кто знаетъ, когда я увижу васъ? Я васъ люблю, не купилъ ли я, молчаніемъ въ продолженіе мѣсяца, права сказать вамъ это? Я васъ люблю, вы обновили, очисти́ли мое сердце. Позвольте мнѣ говорить вамъ, позвольте благословлять васъ за все добро, которое вы сдѣлали мнѣ. Вы полуоткрыли мнѣ небо; вы направили мои ноги по благово́ннымъ тропинкамъ. Когда я не зная васъ, я былъ недостойнъ васъ; вы взглянули на меня, и я сравнялся съ вами. Всемо́гущая прелесть непорочности и чистая красота! Я васъ люблю, и любить васъ достаточно для моего счастья; я не требую ничего болѣе. Для чего трепетать? Отчего бояться этого признанія? Вы ѣдете? Это минута прощанья! Чтѣ оскорбительнаго для васъ въ моихъ словахъ? Вы возвратитесь; скажите, ахъ! скажите, что вы и мнѣ также позволите возвратиться; я прошу только видѣть васъ, молча любоваться вами. Никогда вы не замѣтите въ моихъ глазахъ взгляда, который могъ бы устрашить васъ, никогда вы не услышите отъ меня слова, которое бы могло возмутить спокойствіе вашихъ дней; но я буду видѣть васъ, буду слышать вашъ голосъ, и буду счастливъ, и стану благословлять васъ, а вы, сударыня, спасительница моей души. вы будете наслаждаться въ мирѣ своимъ добрымъ дѣломъ, и безъ гнѣва будете переносить мое присутствіе съ вами.

Блѣднѣ луны, поднявшейся надъ вершинами деревьевъ, трепещущая болѣе листьевъ, колебавшихся отъ ночнаго вѣтерка, Эднѣ напрасно пыталась освободить свои руки изъ рукъ Фридриха. Наконецъ, какимъ-то сверхъестественнымъ усиленіемъ, она успѣла вырваться изъ этого страстнаго пожатія, и, вмѣсто отвѣта, убѣжала, какъ газель, раненая стрѣлою охотника.

XI.

Путешествіе изъ Гильдесгейма въ Мюнхенъ очень мало походило на путешествіе изъ Мюнхена въ Гильдесгеймъ. За девять мѣсяцевъ, Эднѣ и Миллеръ, ѣхали съ веселымъ сердцемъ, съ вѣрою въ будущее, съ признательностію къ неожиданному благо-

дѣтелю, который оставилъ имъ такое богатство; они мечтали о прекрасныхъ дняхъ, съ гордостію думали о судьбѣ своихъ дѣтей, и теперь куда дѣвались эти мечты, эти планы, эти надежды? Эдионъ и Миллеръ, не смѣя повѣрить другъ-другу возобнавшихъ ихъ чувствъ, хранили упорное молчаніе, даже боялись взглянуть другъ-на-друга, чтобы не выказать тайныхъ своихъ мыслей. Обновленная природа была во всемъ своемъ великолѣпіи; она улыбалась и манила къ радости; но красоты пейзажей болѣе не существовали для Миллера. Блескъ весны ничего не говорилъ его опечаленному сердцу. Францъ повсюду видѣлъ только отвратительный образъ Вольфганга Штурма. Онъ слышалъ его гнусливый голосъ и коварные совѣты. Напрасно богатѣйшія долины открывались передъ нимъ; напрасно виноградники, разбросанные по холмамъ, одѣлись зеленью и цвѣтами; Францъ совершенно былъ погруженъ во воспоминанія о Гильдесгеймѣ. И Эдионъ также была не менѣе занята, и не болѣе спокойна. Она съ глубокимъ смущеніемъ выслушала признаніе въ страсти, внушенной ею. Она съ ужасомъ спрашивала себя, не ободрила ли она этого признанія какимъ-нибудь неблагоприятнымъ словомъ, какимъ-нибудь звѣкомъ дружеской привязанности. Напрасно напрягала она память; она не открыла ничего, что бы дало ей право обвинять себя. Тогда она пыталась перенести всю свою строгость, весь свой гнѣвъ на Фридриха; но пламенные слова, произнесенныя имъ въ канунъ ихъ отъѣзда, такимъ свисходительнымъ эхомъ отзывались въ сердцѣ Эдионъ, что она не находила въ нихъ ничего преступнаго. Эдионъ чувствовала сильное волненіе, и, принужденная заставить въ себѣ всѣ сомнѣнія, всѣ безпокойства своей совѣсти, она въ самой этой борьбѣ встрѣчала новое для себя страданіе. Миллеръ съ недоувѣрчивостію смотрѣлъ на нее. Въ печали, въ упорномъ молчаніи своей жены, онъ видѣлъ преступную скорбь о Фридрихѣ. Онъ старался увѣрить себя въ этой мысли, чтобы въ собственныхъ глазахъ оправдать пожиравшую его ревность, и не смѣлъ однако обратиться къ Эдионъ, опасаясь измѣнить свое подозрѣніе въ дѣйствительность. Однѣ дѣти радовались при мысли снова увидѣть Шингеля и играть съ своимъ добрымъ другомъ.

На третій день, вечеромъ, мюнхенскія колоколы стали рисоваться въ туманѣ. Безъ вопросовъ Германа и Маргариты, которые безпрестанно хотѣлось знать, скоро ли они прѣвдуть,

Эднэ и Миллеръ не находили случая проговорить хотя одно слово. Наказецъ, почтарь, оставивъ за собою городскія ворота, хлопнулъ своимъ бичемъ и вострубилъ въ рожокъ. Слова нахлопая въ стѣнахъ этого города, гдѣ они такъ вѣчно любили другъ-друга, Эднэ и Миллеръ думали обмѣняться, подъ стѣною ночи, пожатіемъ рукъ; но Миллера удержала равность; она боялась, ища ея руки, увидать собственное свое достоинство. Эднэ съ ужасомъ спрашивала себя, не слишкомъ ли уже она виновна, чтобы позволить себѣ этотъ безмалышій знакъ любви. Бѣда почтовая карета остановилась передъ воротами дома, Шингелъ опиралъ уже ея дверцы. Разстроганный до глубины души, онъ сжалъ въ своихъ объятіяхъ и жену и мужа. Сослепленные на его сердцѣ, Эднэ и Миллеръ забыли на минуту внутреннее волненіе, налагавшее печать на вѣхъ уста въ продолженіе всего путешествія, и чувствовали себя обновленными, возрожденными, какъ будто волшебствомъ. Германъ и Маргарита весело бѣжали впередъ, Шингелъ шелъ позади и съ слезами радости смотрѣлъ на своихъ друзей; въ этомъ порядкѣ Эднэ и Миллеръ вошли въ свою комнату. Ничто въ ней не измѣнилось: она сѣла на полуисертый диванъ, свидѣтель ихъ спорныхъ разговоровъ, и скромныхъ плановъ, и имъ казалось, что они никогда не оставляли Мюнхена, и ихъ пребываніе въ Гильдесгеймѣ было только мечтотю. Я не хочу описывать всѣхъ разговоровъ, которыми осыпали они другъ-друга. Миллеръ не задорилъ Шингела, остерегался высказать ему всю правду; что касается до Эднэ, если она умалчивала о тайныхъ чувствахъ своего сердца, зато съ избыткомъ вознаградила себя, рисуя Шингелю портреты Бильдиановъ и дѣвицъ Штальценфельдъ; она съ намѣреніемъ забыла представить портретъ Фридриха, о которомъ не разъ упоминала въ своихъ письмахъ, но была безжалостна къ маіору, къ его жемъ и старымъ дѣвамъ. Очерчивая эти каррикатуры, она была весела попрежнему. Германъ присоединилъ къ этой забавной галлерей портретъ Исаака Бильдиана. Самъ Миллеръ отъ души смѣялся надъ этими смѣшными фигурами, которыхъ встрѣчалъ въ Гильдесгеймѣ не безъ старинной д. гѣба. Отдаленность перспективъ придава этимъ глупымъ овізіоніямъ комическое выраженіе, забавный видъ, и Миллеръ явственно удивился, впервые заглянувъ въ эту смѣшную сторону. Не смотря на усталость послѣ дороги, разговоръ продолжался; пробило два часа на близкой баннѣ, и

тогда только Миллеръ и Шпигель вспомнили о снѣ. Входя въ свою маленькую комнату, въ которой тамъ все было по старому, Эдверъ и Миллеръ бросились другъ другу въ объятія; самая краснорѣчивая слова слишкомъ бы слабо передала то, что происходило въ глубинѣ этихъ двухъ сердець: Миллеръ забывалъ свою ревность, Эдверъ не думалъ болѣе о Фридрихѣ, и они уснули спокойными снами, съ мечтою о счастья, которыми они такъ долго наслаждались въ Мюнхенѣ.

На другой день, они были разбужены веселыми криками дѣтей. Шпигель распорядился приготовить завтракъ. Они снова собрались, какъ прежде, за тѣмъ же столомъ. Шпигель устремилъ на Эдверъ и Миллера любовный взглядъ.

— Конечно, сказалъ онъ имъ, этотъ завтракъ покажется вамъ слишкомъ скромнымъ, слишкомъ умереннымъ. Но вамъ нужно будетъ довольствоваться этимъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Черезъ три мѣсяца, вы снова сдѣлаетесь знатыми господами, и съ большими удовольствіемъ встрѣтите пышность и блескъ Гильдесгейма. Теперь вы въ Мюнхенѣ, и должны отказаться на время отъ обыкновенной своей жизни.

Завтракъ былъ веселъ. Шпигель разсказалъ о всѣхъ малѣйшихъ происшествіяхъ, случившихся въ Мюнхенѣ, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ; черезъ нѣсколько минутъ, Эдверъ и Миллеръ знали все, какъ будто отсутствіе ихъ продолжалось не болѣе недѣли. Послѣ завтрака, Шпигель показалъ имъ свой домъ и сдѣланные въ немъ поправки. Онъ вывелъ новый этажъ и раздѣлялъ его на двѣ большія комнаты. Въ одной, устроилъ свою мастерскую, гдѣ онъ выполнялъ дѣлвшіе, любимыя планы; въ другой, онъ помѣщалъ своихъ учениковъ, потому что онъ не давалъ уже болѣе уроковъ въ городѣ, и эта перемена удвоила его досугъ. Картины его, еще едва начатыя, уже покупались впередъ, но онъ не спѣшилъ оканчивать ихъ. Напередъ, онъ самъ хотѣлъ удостовѣриться въ ихъ совершенствѣ, и тогда уже отдавать на судъ публики. Онъ не былъ такъ богатъ, чтобъ могъ обходиться безъ работы, но не былъ настолько сѣдъ, чтобъ трудъ былъ для него крайнею необходимостью, и онъ благоразумно пользовался этимъ превосходнымъ положеніемъ, какое рѣдко можно встрѣтить. Ученая часть у него была очень много; вознагражденіемъ за ихъ услуги онъ покрывалъ всѣ свои нужды, и поскорѣе для него было роскошью жить. Онъ жилъ Эдверъ и Миллера въ своемъ мастерскомъ. Стѣны были

украшены антиками и прекрасными произведениями вѣка возрожденія. На ставкѣ было растянута пологая, гдѣ изображена была въ очеркахъ побѣда Арминія надъ римскими легионами. Нѣкоторыя части этого обширнаго творенія уже были окончены, и показывали все, чего можно было ожидать отъ Шпигеля. Эдвѣе безмолвно любовалась, съ жадностію вслушиваясь въ разговоръ о героическомъ эпизодѣ. Миллеръ на все смотрѣлъ удивленными глазами.

— Должно быть, сказалъ онъ наконецъ Шпигелю, ты получишь наслѣдство.

— Пока никто не оставлялъ мнѣ, отвѣчалъ Шпигель; я еще не встрѣчалъ графа Сигизмунда и не надѣюсь найти свое имя въ завѣщаніи великодушнаго Медината. Я продалъ нѣсколько картинъ, которыя долго служили единственнымъ украшеніемъ моей мастерской. Трудъ мой единственное мое наслѣдство, единственное мое богатство, и съ Божіею помощію, я никогда не буду желать другаго.

Последнія слова были для сердца Миллера смертельною раню. Тѣ, которые съ жаромъ чтли искусство, и послѣ оставили его, не могутъ смотрѣть безъ стыда и безъ угрызеній на постоянный трудъ, увѣнчанный славою. Самое блестящее, самое завидное богатство, не можетъ утѣшать ихъ въ бездѣятельности и неизвѣстности. Миллеръ испыталъ это чувство и съ завистию смотрѣлъ на труды Шпигеля. Еще при скорбѣ сдѣлалось для него, когда онъ прочиталъ о своемъ другѣ въ одномъ журналѣ, гдѣ разсматривали достоинства и недостатки послѣдняго произведенія Шпигеля. Важность, проницательность, съ какою была анализирована, повѣряема, оцѣниваема мысль художника, особенно возвышала достоинство картины. Такимъ образомъ, публика занималась не однимъ только тѣмъ, что сдѣлалъ Шпигель; она хотѣла угадать, хотѣла знать всѣ тайны его воли; Шпигель сталъ на славную ступень, и этимъ обязанъ былъ только своему труду. Глаза всѣхъ были обращены на него. Миллеръ обратился къ самому себѣ и съ грустію сравнивалъ свою праздную, бесполезную жизнь, которую онъ велъ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, съ этою трудолюбивою, плодотворною жизнію.

Впрочемъ, Миллеръ долженъ былъ съ удовольствіемъ, съ успокіемъ наслаждаться тихою, спокойною жизнію, какую онъ проводилъ въ Мюнхенѣ. Если онъ хотѣлъ прогуляться въ са-

ду, конечно не находилъ предъ собою обширнаго пространства, безграничной зелени деревьевъ, за то увѣренъ былъ, что не встрѣтитъ сухихъ и длинныхъ лицъ дѣвицъ Штольценфельдъ или отвратительной физиономіи маіора Бильдмана. Если Германъ и Маргарита думали поиграть на дугу, они не боялись задорливаго Исаака Бильдмана. Если Миллеръ возвращался домой, онъ находилъ возлѣ Эдней своего вѣрнаго друга Шпигеля, котораго степенная и встанная привязанность не внушала ему никакого безпокойства. Если выходилъ за городъ, онъ встрѣчалъ только благосклонныя лица. По дѣльнымъ утрамъ онъ могъ ходить, и никогда не замѣчалъ въ улыбкѣ или во взглядѣ крестьянина насмѣшливаго или злобнаго выраженія, которое было для него ежеминутнымъ наказаніемъ во все время пребыванія его въ Гильдесгеймѣ. Приходя домой, онъ свободно раздѣлялъ свое время между занятіями и разговорами. По вечерамъ, онъ собиралъ около себя нѣсколькихъ друзей, которые по своему благородному и прямому характеру, не думали завидовать неожиданному счастью Франца, и нисколько не отдалялись отъ него. Наконецъ, когда наступалъ часъ покоя, счастье его дня продолжалось и во снѣ. Уединившись въ свою спальню, гдѣ въ продолженіе столькихъ годовъ онъ вкушалъ мирный сонъ, Миллеръ снова видѣлъ передъ собою самыя прекрасныя, самыя поэтическія годы своей молодости. Когда просыпался, онъ открывалъ нетерпѣливою рукою занавѣсы своего алькова, чтобы увѣриться, что онъ не въ Гильдесгеймѣ. Окончивъ завтракъ, онъ не опасался посѣщенія Вольганга Штурма. Такимъ образомъ, онъ чувствовалъ, каждую минуту, что вышелъ изъ ада и вступилъ въ рай. И, однако, не смотря на пріятность и спокойствіе своей жизни, онъ не былъ счастливъ, или лучше, онъ не пользовался своимъ счастьемъ. Онъ не находилъ въ себѣ силы одѣнать достойнымъ образомъ тихую жизнь, которую онъ возвращалъ, и которую считалъ навсегда потерянною. Часто червь скрывается въ сердцѣ самыхъ прекрасныхъ плодовъ; достаточно одной печальной мысли, чтобы помрачить самыя лучшія дни. Миллеръ говорилъ самъ себѣ, что черезъ три мѣсяца окончится эта тихая, мирная жизнь, и тогда опять надо будетъ возвратиться къ безпокойствамъ и заботамъ, воспоминаніе о которыхъ быстро, какъ мечта, исчезло изъ его души. И, если, повинувшись голосу разсудка, Францъ думалъ иногда не оставлять

больше Мюнхена, у него невольно рождалась мысль, можно ли ему забыть это замѣреніе, не обрешая Шингеля. Пріятель ученики забыли его, а, впрочемъ, сама онъ и находил для себя уроки, доставлять ли у него твердости слова: наладить свою прежнюю, трущеваческую жизнь? Въ доволнѣтій и предвѣстн онъ чувствовалъ только скуку и отчаяніе, но трудолюбивая бѣдность ему казалась теперь извѣстнымъ. Нѣсколько разъ Шингель угадывалъ изъ подробнѣйшихъ отвѣтовъ Миллера часть его тайны. Когда онъ спрашивалъ о шалыцахъ гильдесгеймского замка, о маіорѣ Бильманнѣ, о двинцахъ сентъ-Штамденеосемъ, о музыкантахъ, объ ссѣдвемъ дворничествѣ, о врандичахъ, какъ Эдновъ должна была ослаблять всѣхъ своею красотою, онъ находилъ въ словахъ своего друга такую-то пружинность, которая во все не согласовалась съ десятилѣтнею задумчивою и къ дружбаю. Шингель дурно зналъ свѣтъ и никогда не блесталъ въ словахъ; но онъ много размышлялъ, и умѣлъ такъ тонко истолковать слова и молчаніе, что не уступалъ самому хитрому дипломату. Изъ того, что Миллеръ говорилъ, и изъ того, что онъ не говорилъ, онъ безъ труда угадалъ истину. Миллеръ, черезъ нѣсколько недѣль, былъ долженъ возвратиться въ Гильдесгеймъ и снова принять на себя бремя богатства, и однако, въ глубинѣ сердца, онъ сожалѣлъ о Мюнхенѣ. Чтобы склонить его обратиться къ прежней его жизни, къ счастливой, трудолюбивой жизни, что надо было дѣлать? Показать ему славу, заслуженное вознагражденіе за трудъ и за талантъ.

Съ такою же проникательностію Шингель читалъ и въ сердцѣ Эдновъ. Смущеніе, законченное отвѣты молодой женщины, ея стараніе каждый разъ измѣнить разговоръ, когда онъ говорилъ ей о Фридрихѣ, довольно ясно говорили, что не смотря на ея невинность, въ которой онъ не сомнѣвался, она безмолвствовала о своемъ расположеніи къ молодому офицеру. Дѣйствительно, Эдновъ съ содроганіемъ думала о томъ днѣ, когда она снова увидитъ его. Она любила своего мужа и не могла любить Фридриха, однако чувствовала въ глубинѣ своего сердца, что она не можетъ безъ опасенности встрѣтиться съ нимъ. Хотя ей не въ чемъ было упрекать себя, хотя она не произнесла ни одного необдуманнаго слова, а все-таки она не могла вспомнить, не краснѣла, о прощальномъ вечерѣ. Чтобы возвратитъ спокойствіе этой встревоженной души, надо было ударить Франца въ Мюнхенѣ.

Нѣсколько уже дней говорили о скоромъ исполненіи какой-то таинственной симфоніи. Рассказывали, что то былъ манускриптъ одного стараго маэстро; этотъ манускриптъ былъ проданъ его наслѣдникамъ, которые, безъ сомнѣнія, не знали цѣлы ому. Молва дошла и до Миллера; это было для него новымъ угрызениемъ совѣсти.

— Вотъ, живо! сказалъ онъ однажды Шингелю, кажется, мы услышимъ неизвѣстное образцовое твореніе. Рассказываютъ, что это манускриптъ одного стараго маэстро, открытый, не знаю какимъ-то, любителемъ негоднаго старья. Бьюсь объ закладъ, что монхенской публикѣ готовятъ фланцузкую шутку. Безъ сомнѣнія, эта симфонія составлена изъ безсовѣстно собранныхъ лодыжествъ, считыхъ какинь-нибудь шарлатаномъ.

— Объ этомъ я знаю не больше тебя, отвѣчала Шингелъ. Черезъ три дня, мы услышимъ образцовое твореніе, и тогда увидимъ, какъ судить объ немъ.

— Хорошо! сказалъ Миллеръ, мы вмѣстѣ пойдемъ слушать эту симфонію, и Эдмонъ возьмемъ съ собою.

День, назначенный для исполненія симфоніи, былъ тотъ самый, когда Миллеръ долженъ былъ отправиться въ Гильдестеймъ. Концертъ объявленъ былъ въ полдень; Миллеръ согласился являться свою поѣзду до вечера.

Собраніе было многочисленное. Шингелъ ввелъ своихъ друзей въ одну изъ тѣхъ ложъ, чрезвычайно удобныхъ для музыканта, и несприятныхъ для женщины, чюврой хочется показать себя, откуда можно все слышать и гдѣ никто не увидитъ васъ. Любопытство явображалось на лицахъ всѣхъ.

До приближенія капельмейстера, со всѣхъ сторонъ слышались взвѣнные воплисы. Наконецъ, явился капельмейстеръ и ударилъ своимъ смычкомъ по ящику, гдѣ лежала партитуя.

Первая часть, аядаже, была вмѣстѣ проста и безчестива. Итальянскія инструменты, увербленные съ умѣренностію, представляли скрипкамъ, басамъ и контрбасамъ, безъ шума играть цѣлья авьера. Съ первыхъ тактовъ слушатели уже были перемени. Миллеръ, приведенный въ экстазъ, думалъ, что онъ видитъ сонъ, и боясь обмануться въ своихъ воспоминаніяхъ, смотрѣлъ то на Эдмонъ, то на Шингелю, но ома произоста ни слова. Сама Эдмонъ была не менѣе удивлена; потому-что узнала симфонію, написанную нѣкогда Францомъ, черезъ нѣсколько

и вѣснцевъ послѣ ихъ свадьбы. Шпигель съ улыбкою смотрѣлъ на нихъ, и наслаждался ихъ удивленіемъ.

Адажіо, проникнутое трогательною меланхоліею, переносило мысль къ очаровательнымъ долинамъ; флейта и гобой исполнили вмѣстѣ сельскій діалогъ, ловко подхваченный рожками и скрипками. При окончаніи этой второй части, раздался громъ рукоплесканій, и болѣе четверти часа оркестръ долженъ былъ молчать. Миллеръ плакалъ и не смѣлъ говорить. Лицо Эдиен также орошено было слезами. При этомъ живомъ, при этомъ горячемъ восторгѣ, и Эдиен и Францъ, оба чувствовали, что любовь ихъ пробудилась, и сбѣлалась такою же юною и пламенною, какъ въ первые дни. Безъ ихъ вѣдома совершалось въ глубинѣ ихъ сердецъ безмолвное примиреніе: Миллеръ упрекалъ себя, что изъ-за пустыхъ выгодъ, онъ такъ холодно обращался съ своею женою; Эдиен обвиняла себя, что не могла угадать, не могла предчувствовать генія своего мужа.

Щерцо, полное цѣлительной веселости, чудесно выражало всѣ эпизоды сельскаго праздника: коварство и любовь открывались попеременно. Громъ рукоплесканій разразился съ ужасною силою. Миллеръ молча сжалъ руку Шпигеля и съ гордостію смотрѣлъ на Эдиен. Нетерпѣніе привело слушателей въ какое-то судорожное движеніе; наконецъ началась четвертая и послѣдняя часть. Финалъ со всюю роскошью, съ неизскасаемою силою творчества повторялъ первоначальные мотивы, раскрытые въ первыхъ трехъ частяхъ. Прекрасно оставленный оркестръ не давалъ публикѣ времени опомниться; слушатели переходили отъ удивленія къ удивленію. Когда оркестръ взялъ послѣдніе такты, можно было сказать, что потрясенная зала готова была обрушиться отъ рукоплесканій. Миллеръ бросился въ объятія Эдиен и осыпалъ ее поцѣлуями. Передъ окончаніемъ симфоніи, Шпигель вышелъ изъ ложи и открылъ имя автора. Слушатели не выходили изъ залы, каждый оставался на своемъ мѣстѣ; капельмейстеръ подошелъ къ краю сцены, и, поклонившись публикѣ, объявилъ, что творецъ этой симфоніи есть Францъ Миллеръ. Рукоплесканія начались снова и переходились съ самыми восторженными восклицаніями.

Я не буду отрицать, что совершалось въ душѣ Франца. Черезъ нѣсколько минутъ Шпигель возвратился и привезъ его домой, посреди толпы, провожавшей ихъ до самыхъ воротъ.

— Ну, сказалъ Шпигель, едва войдя въ комнату, что ты

скажешь о музыкѣ стараго маэстро? Что ты думаешь объ этихъ лохмотьяхъ, сшитыхъ какимъ-нибудь шарлатаномъ?

— Послѣ того дня, когда Эдионъ отдала мнѣ свою руку, вскричалъ Миллеръ, это самый прекрасный день въ моей жизни!

— Теперь надѣюсь, возразилъ Шпигель, что ты все имѣешь для своего счастья: Ты наслаждался радостями семейства, и твое сердце вздыхало о славѣ. Теперь ты достигъ славы, и ваша взаимная любовь еще продолжается. Чего ты можешь желать?

— Ахъ, вскричалъ Миллеръ, я былъ бы неблагодаренъ, еслибъ осмѣлился желать еще большаго!

Въ эту минуту почтовая карета остановилась передъ домомъ. Слуги, получившіе приказаніе еще съ утра, поспѣшили уложить сзади кареты чемоданы Миллера. Шпигель понималъ все и съ безпокойнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на Франца, по лицу котораго слезы катились ручьями. Уже почтари сѣли на лошадей, а Миллеръ не трогался съ мѣста. Слуга вошелъ объявить, что все готово.

— Чего же ты ожидаешь? спросилъ Шпигель.

— Ты любишь меня, какъ прежде? сказалъ Миллеръ, обратившись къ Эдион. Можешь ты, по-прежнему, раздѣлять со мною трудолюбивую бѣдность? Ты безъ сожалѣнія откажешься отъ богатства, которое послало намъ небо? Простая и скромная жизнь будетъ пріятна тебѣ?

Вмѣсто отвѣта, Эдионъ обняла и поцѣловала своего мужа. Она чувствовала, что была спасена.

— Развѣ ты не слышишь, что почтари уже въ сѣдлѣ? сказалъ Шпигель. Пора ѣхать.

— Ыхать! вскричалъ Миллеръ; для чего ѣхать? Развѣ счастье не здѣсь, между вами двумя? Ыхать, когда меня вѣнчаетъ слава, ѣхать, когда имя мое въ устахъ всѣхъ! Или ты считаешь меня сумасшедшимъ, что я оставлю Мюнхенъ? Пусть отпрягаютъ лошадей; мы пріѣхали!

На другой день Миллеръ написалъ къ Готтлибу Кауфману:

«Вы имѣли полное право, милостивый государь, выхватить мнѣ патриархальную жизнь въ Гельдесгеймѣ и библейскіе нравы лицъ, назначенныхъ раздѣлять со мною это очаровательное жилище. Всѣ добродѣтели нашли священное и неприкосновенное убѣжище въ этомъ прекрасномъ замкѣ. Провидательный умъ и тонкій вкусъ фонъ-Штольценфельсовъ, прямой и открытый характеръ маіора Бильдмана, гордый и величественный видъ госпожи

Доротея, милья шалости маленькаго Исаака, составляют очаровательную картину, достойную кисти Геснера. Это живая идиллія, которая напоминает намъ чистыя вдохновенія Теокрита и Виргилія. Девять мѣсяцевъ я спрашиваю себя, десять мѣсяцевъ, требую отъ себя отвѣта, достоинъ ли я жить, посреди этихъ нравовъ золотого вѣка. Великодушіе графа Сигизмунда не ослѣпляетъ меня; я отказываюсь отъ гильдесгеймскихъ помѣстьевъ. Въ чьи руки достоинѣе перейти этому богатству, какъ не въ руки маіора Гильдмана и дѣвицы фонъ-Штольценфельсъ? Эти благородныя души свято исполняютъ порученіе, которое я довѣряю имъ. Онѣ будутъ сѣять вокругъ себя благодѣянія, и будутъ собирать, какъ законную жатву, благословенія и признательность.

«Будьте добры, милостивый государь, объявите мнѣ мое рѣшеніе. По точному смыслу завѣщанія, я долженъ жить въ гильдесгеймскомъ замкѣ девять мѣсяцевъ въ году; я остаюсь въ Мюнхенѣ, значить теряю всѣ свои права.

«Францъ Миллеръ».

Едва маіоръ Бильдманъ и дѣвицы фонъ-Штольценфельсъ узнали отъ Готтліба Кауфмана объ отреченіи Миллера, какъ затѣяли, за владеніе гильдесгеймскими помѣстьями процессъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, какіе только помнилъ господинъ Вольфгангъ Штурмъ. Процессъ продолжался десять лѣтъ. Маіоръ Бильдманъ и Доротея умерли съ горя. Маленькій Исаакъ, у котораго лакомство раскрыло склонность къ воровству, упалъ сверху стѣны, куда лазилъ, чтобы утащить нѣсколько плодовъ; когда его подняли, въ немъ не видно было и признака жизни. Оставшись единственными владѣльщиками всего имѣнія, дѣвицы фонъ-Штольценфельсъ не долго наслаждались своею побѣдою. Фридрихъ въ бѣшенствѣ отъ потери Эдионъ, и обвиняя въ бѣгствѣ Миллера безпокойный и упрямый характеръ своихъ тетокъ, отмстилъ за свою неудачу, удвоивъ безразсудныя свои издержки. Черезъ три года, все гильдесгеймское имѣніе, и безъ того уже разоренное безчисленными и упорными процессами, поступило въ продажу для уплаты долговъ Фридриха. и дѣвицы Гедвига и Ульрика фонъ-Штольценфельсъ умерли въ крайней бѣдности.

Науки и Художества.

ИСТОРИЯ ПАРОВЫХЪ МАШИИЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Еще недавно исторія паровыхъ машинъ была почти неизвѣстна. Европейцы медленно вступали на дорогу промышленныхъ улучшеній, открытую этимъ чуднымъ снарядомъ, и всѣ молча предоставляли Англіи гордиться ея изобрѣтеніемъ, котораго и начало и усовершенствованіе она старалась приписать себѣ. Впрочемъ, капитанъ Монжери (Montgery), въ 1822 и 1823 годахъ, довольно ясно доказалъ, что если приводить въ исторіи этихъ машинъ одинъ только англійскій имена, то въ ней оказались бы большіе пропуски. И въ одной Англіи, *Описательная исторія паровыхъ машинъ*, гдѣ Г. Роберта Стюарта, заключала въ себѣ довольно вѣрные взгляды, справедливо разоблачавшіе народныя предразсудки. Но, по мѣрѣ того, какъ приложеніе пара входило во Европѣ во всеобщее употребленіе, желаніе узнать нѣмъ и долю каждаго изобрѣтателя становилось сильнѣе и сильнѣе;

такъ, когда г. Араго издалъ въ первый разъ, въ *Annaire des longitudes* 1829 года, свои знаменитыя замѣтки о паровыхъ машинахъ, появленіе этого труда, замѣчательнаго сколько по учености, столько по слогу и строгой оптикѣ фактовъ, произвело глубокое впечатлѣніе на обоихъ берегахъ Ла-Манша. Въ 1837 году, въ томъ же *Annaire*, были перепечатаны эти замѣтки, съ опроверженіемъ доказательствъ, которыми ученые хотѣли удовлетворить исключительнымъ требованіямъ патриотизма нѣкоторыхъ Англичанъ. Похвальная рѣчь Уатту (8 декабря 1834 года) подала господину Араго случай снова обратиться къ тому же предмету, и объяснить его новыми фактами и взглядами; этотъ академическій отрывокъ былъ принятъ и изслѣдованъ съ такою же жадностію, какъ и первыя замѣтки.

«Ошибочно разсматривали паровую машину, какъ предметъ простой, и старались найти ея изобрѣтателя», говоритъ г. Араго. «Въ паровой машинѣ соединяется множество идей, которыя не могли выйти изъ одной головы. Поставить ихъ по порядку важности, дать каждому изобрѣтателю то, что принадлежитъ ему, съ точностію показать время появленія и осуществленія каждой идеи — таковъ долженъ быть предметъ историка».

Съ этой точки зрѣнія мы намѣрены прослѣдить исторію паровыхъ машинъ, отъ самаго перваго историческаго объ нихъ извѣстія до нашего времени.

Геронъ Александрійскій, родившійся около 120 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, есть самый древній авторъ, который оставилъ намъ нѣкоторыя подробности объ извѣстныхъ въ его время различныхъ способахъ производить движеніе посредствомъ теплоты.

Приборы, которые сами по себѣ были не болѣе, какъ игрушки, но которые тѣмъ не менѣе достойны вниманія, по простому и остроумному способу употребленія токовъ пара или теплаго воздуха, описаны въ трактатѣ, вообще извѣстномъ подъ именемъ *Spiritualia* (буквальный переводъ греческаго слова *механика*).

Въ одиннадцатомъ приборѣ, описанномъ Герономъ, двигателемъ употреблялъ теплый воздухъ. Этотъ приборъ представляетъ образецъ извѣстныхъ англійствъ, употреблявшихся на

языческихъ жертвенникахъ, и описаніе его мы передаемъ безъ всякаго измѣненія. (Фиг. 1.)

(Фиг. 1. Автоматы, дѣлающіе возліаніе.)

«На нѣкоторыхъ алтаряхъ, когда зажигаютъ огонь, предстоящіа лица дѣлаютъ возліанія; это устроивается такимъ образомъ: пусть будетъ основаніе A B C D, на которомъ помѣщены автоматы и жертвенникъ, закрытый со всѣхъ сторонъ. Самое основаніе также плотно задѣлано и имѣетъ сообщеніе съ жертвенникомъ посредствомъ отверстія E; оно пересѣчено еще трубкою H K L, которая, начинаясь въ точкѣ L, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ два базиса, идетъ до самаго сосуда, находящагося въ рукѣ автомата. Въ основаніе наливаютъ воду чрезъ отверстіе M, которое послѣ того закупориваютъ. И потому, когда на жертвенникѣ E F L зажигаютъ огонь, те внутренній воздухъ, расширяясь, устремляется въ основаніе и давитъ шпательность, которая, не имѣя другаго выхода, кромѣ трубки H K L, поднимается до самаго сосуда. И такимъ образомъ автоматъ дѣлаетъ возліаніе; и это продолжается до тѣхъ поръ, пока горитъ огонь. Потухнетъ огонь и возліаніе пресѣкается, но такое явленіе происходитъ каждый разъ, какъ только будетъ зажженъ огонь. Нужно, впрочемъ, чтобы трубка, чрезъ которую должна проходить теплота, въ срединѣ была шире; потому что теплота или лучше производимый ею паръ, достигнувъ болѣе широкаго мѣста, соберется въ большемъ количествѣ и такимъ образомъ произведетъ лучшій эффектъ».

Геронъ въ слѣдующихъ словахъ описываетъ дѣйствіе вертикальной струи пара на легкія тѣла, (Фиг. 2):

(Фиг. 2. паровой котель, бросающій вверхъ шарикъ.)

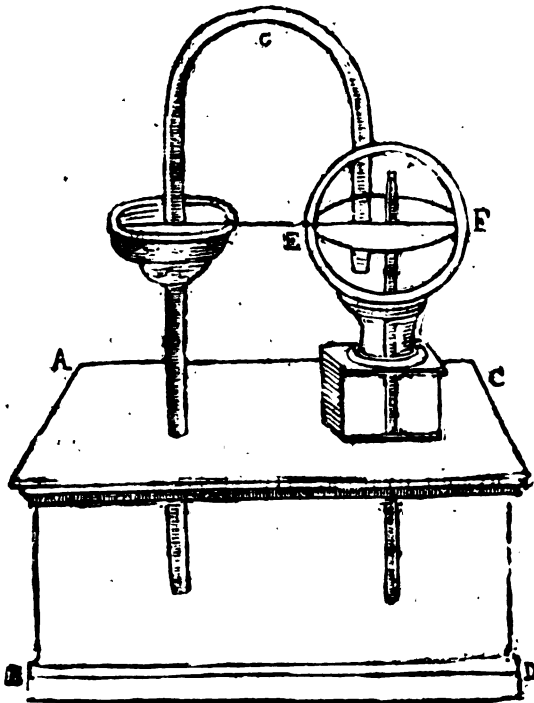
«Шарикъ прыгаетъ слѣдующимъ образомъ: котель съ отверстиемъ на верху, наливается водою и ставится на огонь; изъ отверстія поднимается трубка, оканчивающаяся чашечкой. Если мы въ чашечку бросим легкій шарикъ, то паръ, вылетающій черезъ трубку, будетъ поднимать шарикъ, который покажется прыгающимъ».

Замѣтимъ мимоходомъ, что самое имя, а также и форма сосуда, изображеннаго въ сочиненіи Герона, намекаютъ на первоначальное наблюденіе надъ силою пара. Этотъ сосудъ простой котель, плотно накрытый крышкою, чтобы образующійся паръ вылеталъ только чрезъ одно маленькое отверстіе. Ежедневное употребленіе котла, какъ самой обыкновенной посуды, съ глубокой древности могло дать понятіе объ упругости водяныхъ паровъ.

Въ тотъ день, когда какой-нибудь мыслящій наблюдатель сидѣлъ случайно передъ огнемъ, и смотрѣлъ на стоявшій на немъ котель, накрытый крышкою, изъ-подъ которой только нѣстами вырывался паръ, въ тотъ день должна была родиться идея о двигатель-

ной силѣ пара. А между тѣмъ новѣйшія легенды хотѣли приписать эту идею, или что-то подобное, Уорчестеру, въ 1663 году, и даже Уатту, въ 1750 г.!

Въ сорокъ седьмомъ приборѣ, воздухъ, подверженный измѣненіямъ температуры, заставляетъ подниматься воду. (Фиг. 3).

(Фиг. 3. Воздушный приборъ, поднимающій воду.)

«Возьмите закрытое основаніе A B C D; вставьте въ него воронку, горлышко которой должно быть въ некоторомъ разстояніи отъ дна; за тѣмъ, возьмите шаръ E F, изъ котораго опускается трубка, не касаясь нѣсколько дна прибора. Согнутая трубка G придѣлана такимъ образомъ, что она погружается въ воду, находящуюся въ шарѣ. И потому, когда солнечные лучи ударяютъ въ этотъ шаръ, то содержащійся въ немъ воздухъ, нагреваясь,

давить жидкость, которая поднимается въ согнутую трубку и, через воронку, падаетъ въ основаніе. Но если приборъ будетъ находиться въ тѣни, и сжатый воздухъ займетъ въ шарѣ меньше мѣста, то жидкость снова станетъ вливаться въ шаръ черезъ прямую трубку. Это явленіе будетъ повторяться каждый разъ, какъ только солнечные лучи нагрѣютъ шаръ.

Это изобрѣтеніе очень важно и могло бы имѣть существенно полезныя приложенія. Если бы, вмѣсто слабой теплоты солнечныхъ лучей, былъ употребленъ сильный огонь; если бы жаръ дѣйствовалъ на нижнюю часть шара *E F*, въ которой находится вода, а не сверху, гдѣ одинъ только воздухъ; если бы, наконецъ, вмѣсто того, чтобы давать водѣ, поднимающейся по трубкѣ *G*, падать въ нижній резервуаръ, собирали ее на высшей точкѣ ея восхожденія; то кто не видитъ, что это была бы настоящая паровая машина, которую можно было бы употреблять для поднятія воды, для осушеній и т. п.; потому что паръ, образующійся отъ нагрѣванія воды, произведетъ давленіе на поверхность жидкости въ шарѣ *E F* и заставитъ ее подняться въ трубку *G*; но когда огонь отнять, стѣнки шара охладятся, паръ сгустится надъ жидкостію, и потому, для наполненія происшедшей пустоты, нужно будетъ, чтобы жидкость изъ нижняго резервуара поднялась въ шаръ чрезъ вертикальную трубку, проходящую въ средину его. Дѣйствіе пара замѣнило бы дѣйствіе воздуха и въ приборѣ автоматомъ, дѣлающихъ возліянія (фиг. 1), если бы, вмѣсто того, чтобы зажигать огонь на жертвенникѣ, разводили его подъ ящикомъ *ABCD*, налитомъ водою.

Итакъ вѣрно, что въ приборахъ, представленныхъ на 1 и 3 фиг., паръ можетъ производить то же самое дѣйствіе, какъ и согрѣтый воздухъ; но Геронъ о томъ не упомянулъ; и этотъ пропускъ, замѣченный спустя 1700 лѣтъ послѣ него, есть замѣчательный фактъ, прекрасно изображающій обыкновенное шествіе человѣческаго ума. Потому — то преимущественно о развитіи нашихъ идей можно сказать, что *Nihil per saltum*, все совершается постепенно. Исторія пара, какъ двигательной силы, даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, служитъ постояннымъ подтвержденіемъ этой поговорки.

Пятидесятый приборъ, описанный Герономъ, представляетъ

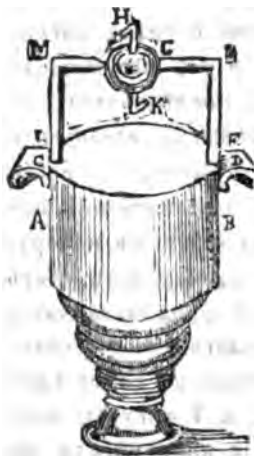
замысловатое, хотя и бесполезное приложеніе ишгательной силы пара, (фиг. 4). Предоставимъ говорить греческому автору.

«Заставить шарикъ вертѣться на осяхъ посредствомъ нагрѣтаго котла.

«Пусть будетъ А В котель съ водою, подверженный дѣйствию теплоты. Накройте его крышкою CD; сквозь эту крышку проходитъ изогнутая трубка EFG, конецъ которой G проведенъ, по направленію діаметра, въ маленькій пустой шарикъ НК. На прѣтвнположной оконечности того же діаметра вставленъ шпиль, прикрѣпленный къ крышкѣ CD посредствомъ стержня EM. Изъ шарика выходятъ двѣ трубки, расположенныя на одномъ діаметрѣ, подъ прямымъ угломъ съ первымъ, и съ загибами на концахъ, подъ прямыми углами, въ противоположныхъ одинъ другому направленіяхъ. Когда котель нагрѣется, паръ черезъ трубку EFG поднимется въ шарикъ, и, выходя наружу черезъ загнутыя трубки, утвержденныхъ въ шарикѣ, заставитъ шарикъ вертѣться на подобіе таннующихъ въ хороводѣ».

Для лучшаго уразумѣнія, необходимо пояснить это описаніе.

Замѣтимъ сначала, что если бы отверстія, сквозь которыя долженъ вылетать паръ, были сдѣланы на концахъ трубокъ, на продолженіи ихъ радіусовъ, то не произошло бы никакого дви-

(Фиг. 4. Шарикъ, вращающійся посредствомъ реакціи пара).

женія; но когда трубки загнуты подъ прямыми углами, то паръ выходя, встрѣчаетъ протнводѣйствіе въ стѣнкѣ трубки, про-

дирекционной, его выходу; это противодействие составляет причину вращательнаго движѣнія, быстрота котораго зависитъ отъ напряженности пара. Впрочемъ, для лучшаго эффекта, нужно, чтобы отверстія были сдѣланы въ противоположныхъ направлеиіяхъ, перпендикулярно къ одному и тому же диаметру.

Истеченіе жидкости, подверженной достаточному давленію, произведетъ такое же явленіе. То же произойдетъ и отъ истеченія газа.

Изъ приведенныхъ нами четырехъ примѣровъ можно составить понятіе о предметѣ *Пневматики* Герона Александрійскаго и объ образѣ ея изложенія. «Этотъ, какъ справедливо замѣчаетъ Монтукла, замысловатая механическая забавы». Но, приближаетъ ученый историкъ математиковъ: служить ли эта книга драгоценнымъ памятникомъ гениа Герона? Мы имѣемъ нѣкоторыя причины сомнѣваться. Намъ кажется не совсемъ достовѣрнымъ, чтобы эта книга была написана умнымъ геометромъ, на котораго часто ссылался Прокль, какъ на изобрѣтателя новыхъ доказательствъ для различныхъ предположеній эвклидовыхъ *элементовъ*. Не только доказательства, употребленные въ *Пневматикѣ*, не имѣютъ цѣлы и изящества, которыми отличаются сочиненія Эвклида и Архимеда, жившихъ почти за два вѣка, но не соблюденъ и самый порядокъ между различными вопросами. Трудно найти связь между понятіями, и чтобы методически расположить матерію, нужно содѣлать извратить порядокъ. Впрочемъ, очень возможно и то, что позднѣйшія вставки во многихъ мѣстахъ испортили послѣдовательное изложеніе идей автора. Такъ, фигуры древнѣйшаго изданія, сдѣланнаго Коммандиномъ въ 1575 году, въ Урбинѣ, передѣланы почти безъ всякаго измѣненія во всѣ послѣдующія изданія, несятъ на себѣ очевидные слѣды вліянія эпохи, въ которую онѣ были воспроизведены для украшенія манускрипта. Есть также причины думать, что подъ именемъ Герона были собраны опыты и способы различныхъ эпохъ, и полагаемъ, что опытъ, представленный на 2 фиг., долженъ относиться къ самой глубокой древности.

Надо замѣтить, что 2 и 4 фигуры, собственно говоря, представляютъ видоизмѣненія инструмента, известнаго, въ физическихъ кабинетахъ, подъ названіемъ *золнилла*.

Извѣстно, что этотъ инструментъ состоитъ изъ пустаго металлическаго сосуда съ маленькимъ горлышкомъ. Если влить въ него воды и положить его на горячіе уголья, вода скоро пре-

вратится въ паръ, который постоянно будетъ вылетать черезъ узкое отверстіе горлышка, пока вся вода не испарится отъ жара.

Чтобы накопить золниль водою, для этого нужно особенное искусство; это дѣлается такъ, какъ вливаютъ ртуть въ обыкновенные термометры. Сначала, надо нагрѣть пустой золциль, и горлышкомъ внизъ опустить въ воду. Воздухъ, сверза разрѣженный теплотою, займетъ менѣйшій объемъ, и вода черезъ горлышко поднимется въ самый золциль. Потомъ, надо нагрѣть его во второй разъ, снова погрузить въ воду, и повторять это до тѣхъ поръ, пена воды палется достаточное количество.

Изъ прежде приведенныхъ мѣстъ видно, что Геронъ справедливо приписывалъ водянымъ парамъ явленія, которыя представляютъ золцили, положенные на огонь. Названіе золциля (*Zolos* богъ вѣтровъ, или дверь), котораго, впрочемъ, не встрѣчается у Герона, введено въ употребленіе гораздо позже, писателями, имѣвшими самыя ложныя понятія о свойствахъ этого прибора.

Такъ, Витрувій, знаменитый римскій архитекторъ, современникъ Августа, говоритъ объ золциляхъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя показываютъ, что онъ хорошо зналъ дѣйствіе этихъ снарядовъ, но странно ошибался въ ихъ причинахъ. «Золцили, говоритъ онъ, пустые мѣдные шарки, съ крошечнымъ отверстіемъ, чрезъ которое вливается вода. Эти шарки, пока не нагрѣются, не выпускаютъ воздуха; но будучи положены передъ огнемъ, они тотчасъ, какъ подѣйствуетъ на нихъ теплота, производятъ на огонь стремительный вѣтеръ, и такимъ образомъ, черезъ этотъ маленькій опытъ открываются важныя истины о природѣ воздуха и вѣтровъ».

Значитъ, по мнѣнію Витрувія, вода превращалась въ воздухъ при помощи огня. Правда, что древніе писатели часто употребляли слово *воздухъ* въ томъ же смыслѣ, какой придаемъ мы теперь слову *газъ*, или даже *паръ*. Но здѣсь нельзя принять этого истолкованія. Въ приводимыхъ нами словахъ нѣтъ ни малѣйшаго недоразумѣнія; очень ясно, что Витрувій думаетъ объяснить вѣтеръ посредствомъ золциля. Клодъ Перро также впадалъ въ эту странную ошибку почти черезъ 1700 лѣтъ послѣ Витрувія.

Въ ученыхъ сочиненіяхъ втораго вѣка нашей эры находимъ любопытныя объясненія нѣкоторыхъ явленій, зависящихъ отъ

силы паровъ. — Мы приводимъ здѣсь только одно мѣсто изъ творенія Сенеки, гдѣ онъ разсуждаетъ о землетрясеніяхъ.

«Нѣкоторые философы, говоритъ онъ, объясняя землетрясенія посредствомъ огня, приписываютъ ему совсѣмъ другое дѣйствіе. Этотъ огонь, горящій во многихъ мѣстахъ, по необходимости образуетъ пары, которые не находятъ выхода и сильно расширяютъ воздухъ; дѣйствуя со всѣмъ напряженіемъ, они разрушаютъ препятствія; мѣтѣ сильныя могутъ только потрясти землю. Мы видимъ, что вода кипитъ на огнѣ. То, что наши очаги производятъ надъ небольшимъ количествомъ жидкости въ маленькомъ котлѣ, нельзя сомнѣваться, чтобы обширный подземный горячъ не произвелъ съ гораздо болѣею силою надъ огромными массами водъ. Тогда пары кипящихъ водъ быстро разрушаютъ все, что встрѣчается имъ на пути.»

Впрочемъ, изъ этого еще не видно, чтобы во время Сенеки существовала идея сдѣлать приложение изъ этой ужасной силы, которая быстро разрушаетъ всѣ встрѣчаемыя ею преграды. Нужно было слишкомъ четыре вѣка, пока родилась новая идея, вслѣдствіе теоретическаго объясненія землетрясеній.

Агатій, византійскій историкъ, писавшій въ концѣ шестаго вѣка, оставилъ намъ обширное и неоспоримое, хотя еще не совершенное указаніе на идею этого рода.

Описавъ землетрясеніе, разрушившее множество зданій и погубившее много людей въ Константинополѣ, осенью 557 года, онъ прибавляетъ:

«Тогда начались споры объ испареніяхъ, и въ разговорахъ часто упоминали Стагирита (Аристотеля); одни говорили, что онъ съ большою вѣрностію изложилъ свойства и раскрылъ причину этихъ явленій, а другіе, что онъ далеко уклонился отъ истины. Въ подтвержденіе же мнѣнія этого философа, именно, что густой и крѣпкій духъ (воздухообразная жидкость), заключенный со всѣхъ сторонъ въ земныхъ пещерахъ, производитъ эти потрясенія, нѣкоторые припоминали опытъ, произведенный за нѣсколько времени Атеміемъ (*).

(*) Изъ этого мѣста Агатія видно, что нѣкоторые ученые думали, будто Аристотель, прежде Сенеки, причину землетрясеній приписывалъ водянымъ парамъ. Но послѣ внимательнаго прочтенія VII главы 2 книги метеоро-

«Этотъ Антемій былъ родомъ изъ Траллъ, и искусство его состояло въ изобрѣненіи машинъ, которыя чрезъ приспособленіе геометрическихъ теорій къ матеріи, провозводять недраженія и въ нѣкоторомъ отношеніи образы явленной природы. Онъ былъ большой знатокъ этого искусства, и оказалъ возможно большіе успѣхи въ знаменіи математическихъ наукъ».

Послѣ мелочныхъ подробностей о семействѣ Антемія, Агатиі-такимъ образомъ описываетъ упоминаемый выше опытъ:

«Жилъ въ Византіи нѣкто Зеновъ, стоявшій въ спискѣ адвокатовъ, и крѣпѣ того отличенный и любимый императоромъ. Онъ былъ соседъ Антемія, такъ какъ ихъ квартиры находились въ одномъ домѣ. Случился между ними раздоръ, изъ-за окна ли; открытаго не въ пору, изъ-за званія ли какого-нибудь, затеняющаго чрезвѣрною высотой дневной свѣтъ, или, наконецъ, по одной изъ тѣхъ безчисленныхъ причинъ поторыхъ всегда найдется довольно, чтобы провозвести распрю между ближайшими соседями».

«Антемій, обрѣшенный передъ судомъ,—какъ долженъ былъ ожидать, потому-что его противникъ былъ адвокатъ,—не найдя въ себѣ довольно силы бороться съ нимъ въ креслѣ судьи, аздумалъ отмстить за себя слѣдующимъ способомъ, который внушило ему его искусство».

«У Зенова были покон высокіе, обширные, прекрасные богато убранные, гдѣ онъ обыкновенно принималъ своихъ друзей и угощалъ тѣхъ, кто былъ ему болѣе любезенъ. Нижний этажъ этого жилища принадлежалъ Антемію, такъ что полъ перваго служилъ потолкомъ послѣднему. Антемій поставилъ въ своемъ жилищѣ большіе котлы съ водою, сверху обвелъ ихъ кожаными трубками, которыя въ основаніи были широки, такъ что совершенно охватывали края котловъ, но потомъ суживались въ діаметрѣ, какъ игральныя трубы, и оканчивались въ соразмѣрныхъ пропорціяхъ. Концы этихъ трубокъ онъ протянулъ къ балкамъ и доскамъ потолка, и тамъ плотно ихъ укрѣ-

гизъ Аристотеля, посвященной землетрясеніямъ, видно, что этотъ философъ и не думалъ говорить ничего подобнаго. Правда въ этой главѣ встрѣчаются слѣдующія слова: «Земля сама по себѣ суха, и когда внутренность ея наполняется дождями, тогда, если она согрѣта солнечными лучами и собственною теплотою, образуются сильныя вѣтры, которые (частію) вырываются наружу, (частію) остаются внутри земли.» Но изъ всего этого слѣдуетъ только то, что Аристотель здѣсь говорилъ о настоящихъ вѣтрахъ, о теченіяхъ воздуха, а нисколько не о водяныхъ парѣхъ. Digitized by Google

иная; такимъ образомъ, что впущенный туда воздухъ могъ свободно подниматься въ хустую внутренность трубокъ и ударять въ самый потолокъ, но окруженный кожею не могъ ни вылетать, ни вырываться наружу. Сдѣлавъ тайно эти приготовленія, Антемій развелъ подъ котлами большой огонь и произвелъ сильное пламя; вода нагрѣлась и закипѣла; поднялась изъ нея множество густого и сильного пара, который, такъ какъ ему некуда было разлетаться, поднимался въ трубки, и тѣмъ сильнѣе стремился, какъ входилъ въ болѣе узкое пространство, такъ что, постоянно ударяясь въ потолокъ, онъ сталъ колебать его, и до такой степени, что потолокъ пришелъ въ движеніе и началъ трещать. Зенонъ и друзья его были устрашены и испуганы, они съ крикомъ и восклицаніями бросились на улицу; а Зенонъ, придя во дворецъ императора, спрашивалъ у своихъ знакомыхъ, что они слышали о землетрясеніи и не причинило ли оно какихъ поврежденій, а пр.»

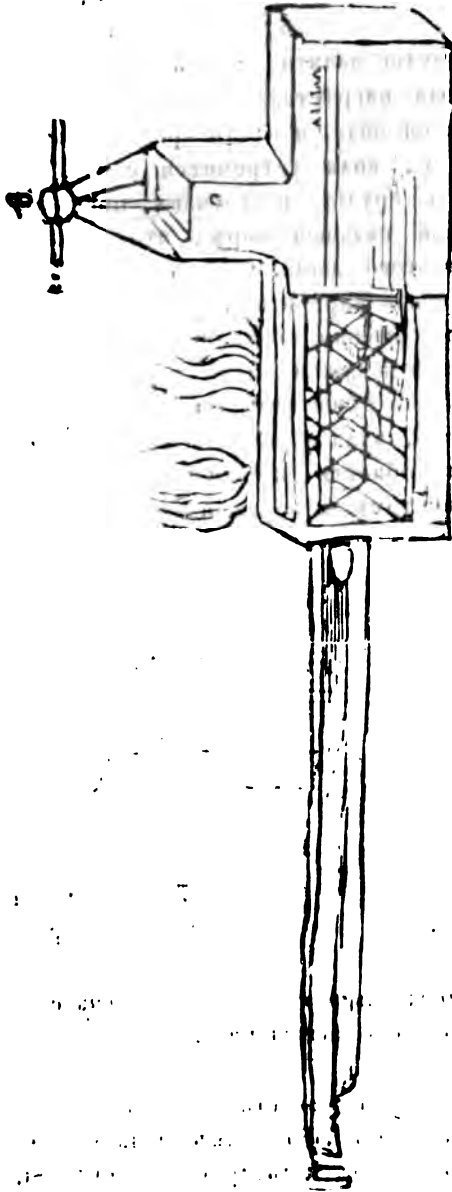
Надо признаться, что это описаніе чрезвычайно темно, потому-что слытъ, описанный Агатіемъ, не произведетъ тѣхъ дѣйствій, о которыхъ онъ говоритъ. Г. Моншерри также не допускаетъ, чтобы механизмъ, описанный Агатіемъ, былъ точно тотъ самый, какой употребилъ Антемій. «Широкій конецъ трубокъ, говоритъ онъ, слѣдовало бы уставить въ балки, и вдругъ открыть его посредствомъ клапана или крана. Тогда только произойдетъ сильное потрясеніе.»

Въ библиотекѣ института есть нѣсколько манускриптовъ Леонарда де-Винчи, который родился въ 1452 году, а умеръ въ 1519. Эти манускрипты были изслѣдованы многими учеными, между прочимъ, господиномъ Вентури, профессоромъ физики въ Моденѣ, господиномъ Либри, а наконецъ господиномъ Делеклюзомъ, который, перелестывая ихъ, открылъ описаніе и чертаніе настоящей паровой пушки.

Замѣчательный трудъ, помѣщенный господиномъ Делеклюзомъ въ журналъ *Artiste*, 1841 года, заключаетъ точный снимокъ 33-й страницы манускрипта В Леонарда де-Винчи, гдѣ описано употребленіе пара для бросанія тѣлъ. Какъ это не удивительно, тѣмъ не менѣе вѣрно: безсмертный живописецъ *Тайной оесери* описалъ и начертилъ паровую пушку съ такою точностію, которая не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Мы заимствуемъ у господина Делеклюза снимки съ фигуръ, нарисованныхъ Леонардомъ де-Винчи. На одной изъ нихъ

(Фиг. 8) видна подпись, представляющая, образчик почерка Леонарда де-Винчи. Эта подпись, отличается занима-

(Фиг. 5. Архитронгъ Архимеда, по Леонарду де-Винчи.)

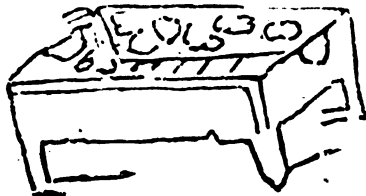
тельною особенностію; она писана отъ правой руки къ лѣвой, по-восточному. Удобіе прочесть можно въ зеркалѣ.

Семь строкъ, помѣщенныхъ сверху этого чертежа содержатъ въ себѣ слѣдующее: «Архитронитъ есть ибѣдная машина, которая бросаетъ желѣзные ядра съ величайшимъ шумомъ и ужасною силою. Его употребляютъ такимъ образомъ: Третья часть орудія занята большимъ количествомъ огня и угля. Когда вода нагрѣется, нужно сжать винтъ на сосудѣ abc, гдѣ находится вода, и въ то время, какъ винтъ будетъ сжиматься сверху, вода устремится снизу, войдетъ въ нагрѣвшуюся часть орудія, и тотчасъ превратится въ такой обильный и такой сильный паръ, что нельзя не удивляться стремительности этого дыма, и шуму, какой производитъ онъ. Эта машина бросала ядро вѣсомъ въ шестую долю таланта.»

5-я фигура совершенно соответствуетъ этому описанію. Въ продольномъ разрѣзѣ пушки видно ядро, положенное впереди печки, окруженной рѣшеткою. На-право отъ печки устроенъ маленькій ящичекъ, куда наливаютъ воду; ящичекъ закрывается, смотря по надобности, крѣпкою досечкою, которую сильно нажимаютъ винтомъ, изображеннымъ въ 6-й фигурѣ.

(Фиг. 6. Винтъ надъ котломъ).

(Фиг. 7. Печь для произведенія пара).

Фигура 7-я представляетъ отдѣльно печь съ выемками для трубы, въ которой сгущаются пары.

Наконецъ 8-я фигура представляетъ архитронитъ, поставленный на колесахъ, съ небольшимъ ящичкомъ для угля, означеннымъ словомъ *carboni*, и съ другимъ для воды, на которомъ сокращенно написано: *acq.* Подъ этимъ чертежемъ, въ подланихъ написано: *Come si porta in campo l'architronite* (какъ возятъ архитронитъ на войну.)

«Могутъ замѣтить, говоритъ Делеклюзъ, что Леонардъ вовсе не считаетъ этой машины новымъ изобрѣтеніемъ, напротивъ,

(Фиг. 8. Архимедовъ винтъ, поставленный на колеса для перевозки. — Подпись Леонарда

да-Винчи.)

принимаетъ ее Архимеду. По моему мнѣнію, особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что здѣсь да-Винчи означаетъ тяжесть словомъ *malum* (греческій *вѣсъ*), тогда какъ *вездѣ*, въ другихъ мѣстахъ, *вѣсъ* и *мѣру* онъ употребляетъ *пальницкіе*.

«Мы знаем некоторые математические трактаты Архимеда, но онъ составилъ книгу о печаль, которая не дошла до насъ. Нельзя ли предположить, что де-Винчи познакомился съ этимъ сочиненіемъ чрезъ какой-нибудь арабскій переводъ? Это предположеніе могъ бы подтвердить какой-нибудь ученый ориенталистъ.»

Это замѣчаніе ученаго критика очень важно. Дѣйствительно, есть причины думать, что греческіе механики могли изобрѣсть иѣчто сходное съ паровою пушкою.

Обратимся на минуту къ нашей 2-й фигурѣ и къ объясненію ея, сдѣланному Герономъ Александрійскимъ. Употребленіе этой игрушки не могло ли очень естественнымъ образомъ привести къ мысли, воспользоваться паромъ для бросанія тѣлъ? Недостаточно ли, чтобъ, по какому-нибудь случайному обстоятельству, маленькій шарикъ находился на самомъ отверстіи трубки, и прикрывалъ выходъ пара, такъ чтобы паръ, получивъ значительную напряженность, бросилъ его на порядочную высоту, съ силою маленькой катапульты (бросательной машины)? Но такое обстоятельство не только могло, даже должно было произойти, когда дѣлали опыты надъ шарами различныхъ діаметровъ, съ достаточнымъ количествомъ воды. И такъ есть внутренняя связь между идеею сорокъ пятаго прибора Герона Александрійскаго и идеей паровой пушки, которую Леонардъ де-Винчи приписываетъ Архимеду. Имя Архимеда, вѣроятно, означаетъ только олицетвореніе греческой эпохи, точно также, какъ имя Цезаря, во Франціи, указываетъ, просто, на римское происхожденіе.

Можетъ-быть, возразятъ, что приборы Герона не больше, какъ инструменты увѣселительной физики, и что слишкомъ великъ шагъ отъ идеи игрушки до идеи практической машины. Чтобъ отвѣчать на такое возраженіе, достаточно припомнить, что Ктезибій, учитель Герона Александрійскаго, предполагалъ воспользоваться упругостію воздуха въ катапультѣ особеннаго рода; что описаніе *аэротона* Ктезибія, сдѣланное Филономъ Византійскимъ, не можетъ допускать никакого сомнѣнія по этому предмету; и что также естественно устроить паровую пушку; имѣи понятіе о расширительной силѣ испарившейся воды, какъ и изобрѣсть духовое ружье, зная упругость воздуха.

Повторимъ въ нѣсколькихъ словахъ связь идей, которая велла къ изобрѣтенію архитронита: котель съ плотно накрытою

прышкой долженъ былъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ указать на расширительную силу пара, вырывающагося савозъ узкія щели, и силу этого пара, сначала употребленную въ простой игрушкѣ, въ которой прыгали легкіе шарики, естественно могли бы приложить къ бросанію ядеръ въ паровой пушкѣ.

Г. Наварретъ обнародовалъ, въ 1826 году, въ астрономической перепискѣ барона Заха, слѣдующее замѣчаніе, сообщенное ему г. Томасомъ Гаязалесомъ, директоромъ снманкскаго королевскаго архива:

«Бласко де-Гарай, канитанъ флота, предложилъ въ 1543 году императору и королю Карлу Пятому машину, которая могла приводить въ движеніе корабли и большія суда, даже въ тихую погоду, безъ веселъ и парусовъ.

«Не смотря на препятствія и противорѣчія, которые подвергался этотъ проектъ, императоръ приказалъ произвести опытъ въ барселонскомъ портѣ, что и было сдѣлано 17-го іюня того же 1543 года.

«Гарай не хотѣлъ открыть вполне своего изобрѣтенія; впрочемъ, во время опыта видѣли, что оно состояло изъ большаго котла съ кипящею водою и изъ колесъ, прикрѣпленныхъ къ той и другой сторонѣ корабля.

«Опытъ производился на кораблѣ, въ 200 тоннъ, называвшемся *Тромца* и прибывшемъ изъ Колибри, для нагрузки въ Барселонѣ хлѣбомъ; съ капитаномъ Педромъ Скарсою.

«По повелѣнію Карла Пятаго присутствовали при этомъ опытѣ донъ Генрихъ Толедскій, губернаторъ донъ Педро де-Кардона, казначей Раваго, вице-канцлеръ и интендантъ Каталоніи.

«Въ рапортахъ, поднесенныхъ императору и принцу, все вообще одобрили это замысловатое изобрѣтеніе, особенно за быстроту и легкость, съ какою корабль поворачивался на другой бортъ.

«Казначей Раваго, врагъ проекта, говорилъ, что корабль шелъ двѣ мили въ три часа; что машина слишкомъ сложна и дорога, и что можно подвергнуться опасности, если лопнетъ котелъ. Другіе комиссары увѣряли, что корабль дѣлалъ повороты на другой гальсъ съ такою же быстротою, какъ галера, маневрирующая по обыкновенной методѣ, и дѣлалъ, по крайней мѣрѣ, одну милю въ часъ.

«Когда опытъ былъ произведенъ, Гарай снялъ съ корабля

всю машину; дерево онъ отдалъ въ барселонскіе арсеналы, а все остальное взялъ себѣ.

«Не смотря на сопротивленіе и несогласіе Раваго, изобрѣтеніе Гарая было одобрено, и еслибы не воспренятствовала экспедиція, которую долженъ былъ тогда предпринять Карлъ Пятый, оно непремѣнно было бы введено въ употребленіе.

«За всѣмъ тѣмъ, императоръ далъ изобрѣтателю слѣдующій ящикъ, сдѣлавъ ему подарокъ въ 200,000 мараведисовъ; приказалъ казначейству заплатить ему всѣ расходы и убытки, и кромѣ того оказалъ ему много другихъ милостей.

«Это извлечено изъ документовъ и оригинальныхъ протоколовъ, хранящихся въ симанскомъ королевскомъ архивѣ, между бумагами о состояніи торговли въ Каталоніи и дѣлами секретаріатствъ, военнаго, сухопутнаго и морскаго, 1543 года.

«Томасъ Гонзалесъ.

«Симанка, 27 августа 1825 года.»

Изъ приведеннаго замѣчанія, г. Наварретъ выводитъ, что *пароходные корабли изобрѣтеніе испанское, и что въ наши дни только возобновили его.* Отсюда также вытекаетъ слѣдствіе, что Бласко де-Гарай есть настоящій изобрѣтатель паровыхъ машинъ.

Г. Араго не принимаетъ мнѣнія г. Наваррета, которое ему кажется неосновательнымъ.

«Эти притязанія, говоритъ знаменитый непрямѣнный секретарь Академіи, мнѣ кажется, легко можно опровергнуть. По принятому правилу, исторія наукъ должна исключительно основываться на сочиненіяхъ напечатанныхъ: рукописные документы не могутъ имѣть никакой цѣны для публики, потому что очень часто нѣтъ никакихъ средствъ доказать точность времени, къ которому относится рукопись. Извлеченія изъ рукописей еще менѣе могутъ быть допускаемы: авторъ анализа никогда не совѣмъ пойметъ сочиненіе, въ которомъ отдаетъ отчетъ; онъ, даже нехотя, примѣшиваетъ идеи своего времени, собственные свои идеи къ идеямъ писателя, котораго онъ сокращаетъ. Пожалуй, я соглашусь, что въ настоящемъ случаѣ нельзя приложить ни одной изъ этихъ трудностей; что документъ, приведенный господиномъ Наварретомъ, дѣйствительно относится къ 1543 году, что извлеченіе господина Гонзалеса вѣрно: но

что изъ этого слѣдуетъ? Что въ 1543 году хотѣли привести въ движеніе корабли посредствомъ какого-то механизма, и болѣе ничего. Машина, говорятъ, заключала въ себѣ котель, слѣдовательно, это паровая машина. Но такое сужденіе не имѣетъ заключенія. Дѣйствительно, есть въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ проекты машины, гдѣ подъ котломъ съ водою видѣнъ огонь, но паръ не играетъ здѣсь никакой роли; такова, на примѣръ, машина Амонтоновъ. Наконецъ, если даже допустимъ, что паръ производилъ движеніе въ машинѣ Гарая, то отсюда еще не слѣдуетъ необходимо, что машина была новая, что она имѣла нѣкоторое сходство съ нынѣшними машинами; потому-что Геронъ, какъ мы уже видѣли, за 1600 лѣтъ прежде, описалъ средство производить вращательное движеніе шарика дѣйствіемъ пара. Я прибавлю даже, что если опытъ Гарая былъ произведенъ и машина его была паровая, то все заставляетъ думать, что онъ употребилъ *золотилъ* Герона. Устройство этого прибора, дѣйствительно, очень не трудно, между-тѣмъ какъ (можно смѣло сказать) самая простая изъ нынѣшнихъ паровыхъ машинъ требуетъ точности и искусства, которыя превосходятъ все, что можно было бы найти въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Сверхъ того, Гарай никому не хотѣлъ показать своей машины, даже комиссарамъ, назначеннымъ императоромъ, и потому всѣ попытки разгадать устройство этой машины, спустя три столѣтія, очевидно не приведутъ ни къ какому результату.

«Слѣдовательно, новый документъ, открытый г. Наварретомъ, не можетъ быть принятъ: 1) потому, что онъ не напечатанъ ни въ 1543 г., ни позже; 2) потому, что онъ не доказываетъ, что двигателемъ барселонскаго судна была настоящая паровая машина; 3) наконецъ, потому, что если паровая машина Гарая когда-нибудь существовала, то это, по всей вѣроятности, былъ противодѣйствующій *золотилъ*, уже описанный въ сочиненіяхъ Герона Александрійскаго.»

Сужденіе господина Араго намъ кажется немного строгимъ. Еслибъ точность и достовѣрность приведеннаго господиномъ Наварретомъ отрывка были доказаны, то сдѣлалось бы очень вѣроятнымъ, что Бласко де-Гарай, дѣйствительно, имѣлъ мысль приложить двигательную силу пара къ мореходству; каковъ бы ни былъ употребленный имъ приборъ, былъ ли это *золотилъ*, что очень правдоподобно, во всякомъ случаѣ, этотъ механикъ долженъ занять почетное мѣсто въ ряду <https://www.google.com/>

обрѣтателей, которыхъ имена блистаютъ въ исторіи паровыхъ машинъ.

Въ описательной исторіи паровыхъ машинъ Роберта Стюарта, ведѣдъ за описаніемъ противодѣйствующей машины Герона находятя слѣдующія слова;

«Нельзя найти никакого указанія на употребленіе пара, какъ двигателя, ни у древнихъ авторовъ, ни въ сочиненіяхъ новѣйшихъ писателей, до 1563 года. Въ это время, вѣкто Матезій, въ томъ проповѣдѣй, названномъ Sacerpta, говоритъ о возможности устроить приборъ, который по своему дѣйствию и свойствамъ очень походитъ на нынѣшнія паровыя машины.»

Надо признаться, что это лаконически приведенное мѣсто очень важно для нашего предмета. Но, къ сожалѣнію, Сарпта Матезія теперь неизвѣстна.

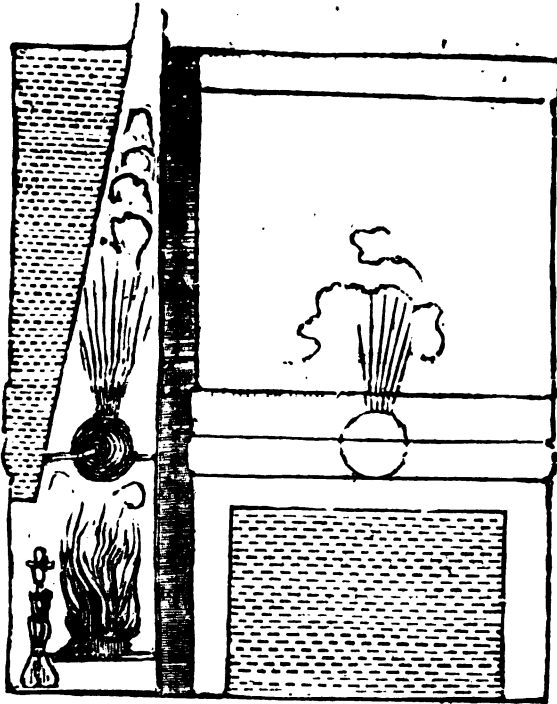
Филиберъ Делормъ, въ 8-й главѣ IX книги своей *Архитектуры*, между различными средствами противъ выбрасыванія изъ каминовъ дыма, предлагаетъ слѣдующее:

«*Другое средство и изобрѣтеніе противъ выбрасыванія дыма.* Надо взять одинъ или два пустыхъ мѣдныхъ шарика, величиною отъ пяти до шести футовъ въ діаметръ, или болѣе, кто какъ захочетъ, и, просверливъ сверху отверстіе, налить ихъ водою; потомъ положить ихъ въ трубу, на высоту четырехъ или пяти футовъ, или около того (смотря потому, какъ водитъ будетъ разведенъ огонь) такъ, чтобы они могли нагрѣваться, когда жаръ будетъ достигать до нихъ, и отъ испаренія воды произойдетъ такой вѣтеръ, что самый густой дымъ не будетъ въ состояніи противиться его напору. Эти шарики также очень полезны для раздуванія и сильнѣйшаго воспламененія зажженныхъ дровъ, какъ говоритъ объ этомъ и Витрувій въ шестой главѣ своей первой книги....» (Фиг. 9.)

Здѣсь Филиберъ Делормъ почти слово въ слово повторяетъ, какъ и самъ говоритъ, мѣсто изъ Витрувія, приведенное выше и, раздѣляя ошибочное мнѣніе своего предшественника, полагаетъ, что такъ какъ въ комнатахъ нѣтъ свободнаго тока воздуха, то золипля и производитъ это теченіе. Какъ извѣстно, на дѣлѣ бываетъ не такъ. Воздухъ, находящійся въ трубѣ, увлеченный струею пара, замѣщается воздухомъ комнаты, и дымъ будетъ вылетать наружу, только тогда, если въ комнату будетъ входить внѣшній воздухъ черезъ форточки или черезъ створки дверей и оконъ.

Авторъ продолжаетъ:

«Нѣкоторые, можетъ-быть, скажутъ, что эолипсия не въ состояннн производить продолжительнаго вѣтра; на это я от-

(Фиг. 9. Употребленіе Эолипсія, по Филиберу Делорму).

вѣчаю, что чѣмъ они больше, тѣмъ долѣе будетъ продолжаться вѣтеръ; если при томъ жаръ, дѣйствующій на нихъ, будетъ не слишкомъ силенъ. Но чѣмъ сильнѣе огонь, тѣмъ они порывистѣе будутъ дуть, и тогда вода испарится гораздо скорѣе; по этому хорошо имѣть ихъ два или три, и болѣе, если угодно, такъ, чтобы когда перестанетъ дуть одинъ, на мѣсто его класть другой. Не всякій же имѣетъ средство или терпѣніе мало-по-малу наливаетъ воду въ эти шарикн, потому удобнѣе будетъ нагрѣть ихъ и потомъ опустить въ ведро съ водою, гдѣ онѣ тотчасъ нальются. А для лучшаго уразумѣнія, я приложилъ здѣсь рисунокъ, какъ передней части, такъ и внутренности каминна, чтобы всякой легче могъ знать, какииъ образомъ

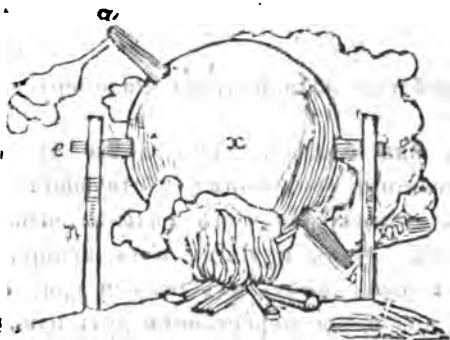
ихъ должно помѣщать и согрѣвать, а также какъ они отдуваютъ дымъ.» 9-я фигура представляетъ рисунокъ Делориа въ нѣсколько уменьшенныхъ размѣрахъ.

Въ описательной исторіи паровыхъ машинъ Роберта Стюарта находится еще слѣдующее мѣсто.

«Тридцать лѣтъ спустя (послѣ Матезія), въ книгѣ, напечатанной въ Лейпцигѣ, въ 1597 году, встрѣчается описаніе эолипиля, который, по словамъ автора, удобно можетъ быть приложенъ къ вертелу. Въ шаръ x вливаютъ немного воды, которая отъ дѣйствія огня, подложеннаго снизу, превращается въ паръ. Паръ выходитъ изъ носковъ a и b , и производитъ непрерывное вращательное движеніе.» (Фиг. 10.)

Это мѣсто, приведенное безъ заглавія книги и безъ имени автора, подъ парю къ словамъ, заимствованнымъ изъ *Сарелли Матезія*, и потому мы не можемъ останавливаться на немъ.

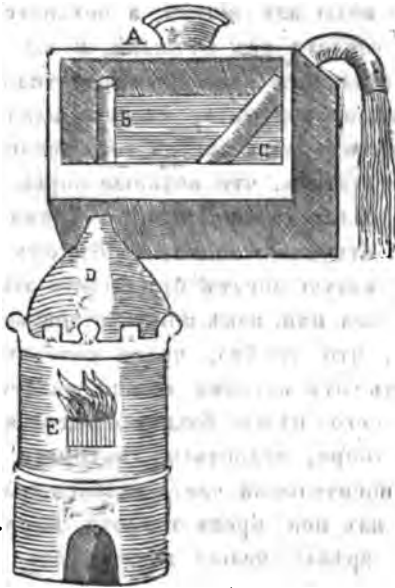
Джованни-Баттиста Порты, знаменитый физикъ, родившійся въ Неаполѣ въ 1540 году и умершій въ 1615, издалъ, въ 1601 году, подъ заглавіемъ *Pneumaticorum libri tres*, книгу въ родѣ приведеннаго выше сочиненія Герона Александрійскаго. Нѣкто Хуанъ Эскривано, Испанецъ, спустя семь лѣтъ, въ 1608 году, издалъ итальянскій переводъ книги Порты (*I tre libri de' spiritali*). Въ посвященіи, сдѣланномъ автору, Эскривано объявляетъ, что

(Фиг. 10. Приложение эолипиля къ вертелу, по Роберту Стюарту).

онъ прибавилъ къ своему переводу нѣсколько новыхъ фактовъ, слышанныхъ имъ отъ самого Порты. Въ числѣ вставочныхъ

мѣстѣ въ итальянскомъ изданіи, которыхъ нѣтъ въ латинскомъ подлинникѣ, встрѣчается слѣдующее:

(Фиг. 11. Приборъ Порты.)

«Возьмите ящикъ В С, стеклянный или оловянный, съ круглымъ отверстіемъ на двѣ, въ которое бы входило горлышко перегоннаго куба D, содержащаго въ себѣ одну или двѣ унціи воды. Горлышко куба плотно припаевается ко дву ящика, такъ чтобы не было ни малѣйшей скважины; отъ этого же самаго дна проводится труба; между двомъ ящика и отверстіемъ трубы оставляется небольшой промежутокъ, гдѣ бы могла свободно проходить вода. Эта труба, сквозь крышку ящика, выходитъ наружу на небольшое отъ него разстояніе (*passi per lo coverchio fuori poco lontano dalla sua superficie*). Въ ящикъ наливается вода, черезъ воронку А, которую потомъ закупориваютъ, чтобъ воздухъ не выдыхался, (*che non possa respirare*), за тѣмъ кубъ ставятъ на огонь и мало-по-малу его нагреваютъ; тогда вода въ кубѣ, превращаясь въ паръ, будетъ давить воду въ ящикѣ и заставитъ ее подниматься въ трубу С.

Такии образоиъ, воду нагрѣвають до тѣхъ поръ, какъ ничего не останется; покуда вода будетъ испаряться (*эфитета*), воздухъ станетъ давить воду въ ящикъ, и вода будетъ литься наружу. Когда испареніе кончится, можно будетъ измѣрить, сколько вышло воды изъ ящика, а останется въ немъ столько воды, сколько выйдетъ изъ бутылки, и вы изъ количества вытекшей воды, заключите, сколько превратилось въ воздухъ. Безъ труда также можно измѣрить, сколько одна унція обыкновеннаго воздуха можетъ дать частей тончайшаго воздуха.»

И таиъ Порты зналъ, что водяные пары, также какъ и воздухъ, могутъ сдѣлывать жидкость, и поднимать ее выше ея уровня. Правда, ни откуда не видно, чтобъ онъ имѣлъ понятіе объ ужасной силѣ, какую могутъ пріобрѣсть эти пары, и о возможности пользоваться ими, какъ могущественнымъ дѣвателемъ; онъ говоритъ даже, что трубка, чрезъ которую изливается вода, должна отстоять отъ крышки ящика на небольшое разстояніе.

Единственною его цѣлію было опредѣлить на опытѣ и посредствомъ прибора, недостатки котораго здѣсь нѣтъ нужды раскрывать, относительныя части даннаго количества воды и образовавшагося изъ нея чрезъ теплоту пара. Смотра съ механической точки зрѣнія, нельзя не замѣтить, что въ этомъ приборѣ Порты было сѣмъ полезной мысли; и будь приложена эта мысль, производить давленіе водяными парами, къ прибору, изображенному на 3-й нашей фигурѣ, вмѣсто нагрѣтаго воздуха, это была бы настоящая паровая машина, способная поднимать воду на большую высоту.

—

Критика и Библиография.

РИМСКІЯ ПИСЬМА. *Дѣй части. Изданіе второе, и Прибалтійскіе къ Римскимъ Письмамъ. С. Петербургъ. Въ типографіи III Отд. Соб. В. Ш. В. Канцеляріи. 1847 г. Въ 12 д.*

Если чисто-критическимъ умомъ, т. е. съ отстраненіемъ всякаго, также и милого пристрастія къ отечественному, пройти по легіону нашей пишущей братіи, къ выходу изъ рядовъ означая только тѣхъ, кто истинно заслуживаетъ названія *писателя* — то изъ всего легіона, передъ фронтомъ его, составитса такой незначительный *манюль* (горсть), что и считать нечего, и съ сокрушеніемъ поймешь необходимость: до поры до времени скрывать еще отъ публики горькую литературную тайну. Мы пользуемся позволительною стратагемою доброжелательной критики, отказываясь перечестъ этихъ избранныхъ и, даже про себя, знать ихъ на перечестъ. Надѣясь, что въ скоромъ времени будетъ лучше, мы, для благой цѣли, скроемъ настоящую истину подъ правдивымъ, но неопредѣленнымъ, признаніемъ, что хоръ избранныхъ *малозолоченъ*. И еще изъ этого малаго числа двое мирякъ — оба изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ писателей — отдѣлились, слѣдуя своему призванію, и посвящаютъ свое перо предметамъ духовнымъ. Въ этомъ видимъ мы явный признакъ, что и наша еще такъ мало развитая литература, жизнь которой обнаруживается вокуда только въ отдѣльныхъ движеніяхъ членовъ, но которая всѣмъ составомъ своимъ еще не

встала на ноги, еще не избрала себѣ дороги — уже есть выраженіе жизни нашего народа! Глубокая религіозность—главная черта характера Русскаго! и изъ горсти талантливыхъ мірянъ двое выражаютъ исключительно сію благословенную черту и, по этому, имѣють огромную публику. Надобно думать, что Провидѣніе, ведущее великій народъ русскій совершенно-особеннымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, путемъ историческимъ, съ которымъ не совпадаютъ пути ни одного другаго народа, какъ отжившаго, такъ и современнаго, положило развить у насъ *все* изъ чувства религіозности—даже *чувство излишняго*, в неѣтому пришло *двухъ мірянъ*, для собственно *излишнаго* изложенія предметовъ духовныхъ, въ нашей свѣтской литературѣ. Духовная же Словесность наша такъ богата, что отнюдь не нуждается въ лептѣ мірянъ.

Кажется, русскій народъ и въ своей литературѣ явится *Ильео Муромцемъ*, что сидемъ просидѣлъ полвѣка, а потомъ, вставъ на-ноги въ торжественный день, шагнулъ богатыремъ, побилъ Соловья-разбойника и сдѣлался нашимъ первымъ, нашимъ народнѣйшимъ витяземъ. Да, нашъ словесный *Илья* еще сидитъ сидемъ, а Соловей-разбойникъ шалитъ въ пустынныхъ дѣсахъ нашего Парнаса! Нынѣшній Соловей-разбойникъ на Руси есть *ложный* вкусъ, нечистый духъ иностранный, кривоподражательное *фиглярство*, словомъ: *абстрактное* существо, которое всего выразительнѣе олицетворишь подъ видомъ обезьяны съ полу-русскимъ языкомъ. Эта наша доморощенная бѣда также заложила дорогу промежъ Чернигова и Кіева, т. е. между чистою понятливостью простаго народа и *свѣтомъ* престольнаго города; но, къ счастью, новѣйшій нашъ супостатъ-Соловей не гнѣздится на девяти русскихъ дубахъ, какъ сказочный соименикъ его, но разсѣлся только на двухъ, хотя и толстыхъ, но внутри пустыхъ столбахъ и на трехъ или четырехъ коляхъ, такъ, что нашъ литературный сидень-богатырь, лишь только встанетъ на ноги и шагнетъ на славное поприще, легко увратится съ Соловьемъ-обезьяной, также побьетъ его и въ сѣдло второчить.

Этимъ постороннимъ взглядомъ на область нашихъ народныхъ сказаній мы отнюдь не удалились отъ своего предмета: при здоровой, *истинной* критикѣ журнальной, лучшимъ, дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ очищенію вкуса и отвращенію народной любознательности отъ всего ложнаго, нечистаго, продажнаго, отъ всѣхъ иностранныхъ *фигдей* и *фигтурностей*, несогласныхъ съ природою русскою — считаемъ мы прекраснымъ

правда, и гг. Нордовъ и Муравьева (А. Н.), и потому довольно редкою широкому расходу ихъ оценокъ. Есть у насъ спеціальныя рецензенты, которые, научимые неурожьемъ въ нашей литературѣ, Божь вѣсть съ чего—видно съ отчаянія—пристрастились къ Гоголю и Лермонтову и общаются, въ программахъ, для принавки итд., цѣлымъ рядомъ критическихъ статей объ вѣтъ двухъ писателей, между тѣмъ, какъ вся критика о Лермонтовѣ, т. е. истинная критика, помѣщается въ немногихъ словахъ: «стелантъ замѣчательный, но несообразный, попавшій на ложный путь и потому погибшій навсегда!» И о «Ревизорахъ» и «Мертвыхъ душахъ» говорить нечего: тутъ критика можетъ быть еще разительнѣйшимъ лаконизмомъ: «кредняя неудача!»—Отчего подобному спеціальному рецензенту, страстному охотнику до длиннаго ряда критикъ, не приходитъ на умъ посвящать свое критическое широкословіе блистательнымъ твореніямъ гг. Нордова и Муравьева? *Научитесь* могъ бы изъ сикъ твореній спеціальныя рецензентъ, не имѣвшій ни времени, ни случая приготовить для серьезной критики, которую онъ лишь самоохотно занимается. Но чѣму можетъ онъ научиться, обгладывая забавныя каррикатуры Гоголя, или съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ гадая надъ несильною даровитостью Лермонтова? Рѣшительно ничему! Онъ ни на шагъ не подвинется впередъ на своемъ критическомъ поприщѣ; онъ навсегда останется лживымъ мечтателемъ надъ книгою, которую надобно обсудить трезво, здраво, отчетливо. Обратитесь же къ господамъ Нордову и Муравьеву—и вотъ вамъ богатые предметы для цѣлаго ряда критическихъ статей!—Начать съ того: Какой замѣчательный параллель можно бы вывести между сами писателями, братски раздѣлявшими между собою прекрасную, избранную ими область! По усердію къ православію, они стоятъ рядомъ, но по свойству таланта, они выражаются различно. Г-нъ Нордовъ, съ своею классическою ученостью, избралъ *научную* форму изложенія, столь илѣнительную для образованнаго, въ особенности для ученаго читателя. А. Н. Муравьевъ, при меньшихъ свѣдѣніяхъ, и вообще незнакомый съ классицизмомъ, но одаренный въ высокой степени какою-то живительною теплотою, какою-то поэтическою интуитивностью, ввелъ себя форму художественную, болѣе привлекательную для всякаго, даже простаго читателя. И такъ обѣ чистѣйшія формы умственныхъ наукъ и искусства, проявляются въ назидательныхъ твореніяхъ

нашихъ двухъ духовно-свѣтскихъ писателей! Самой интересною частью умнаго между ними параллели была быта, которая, показывала бы, какъ г-нъ Муравьевъ, при значительно-меньшихъ средствахъ, т. е. безъ пособія классической учености, своею художественною формою и чистотою интуитивною держится въ равновѣсїи съ своимъ могучимъ соплателемъ пальмы сіонской. Г-нъ Муравьевъ стройно носилъ своимъ предметомъ; г-нъ Норовъ твердо несетъ свой предметъ на могучихъ раменахъ своей учености. Честь и слава обоимъ! Кромѣ назиданія, доставляемаго ими многочисленной публикѣ, они посредственно помогаютъ и критикѣ, какъ замѣчено выше.

Что, если къ нимъ присоединится еще одинъ изъ небольшого числа нашихъ свѣтскихъ писателей, талантъ самый оригинальный, Н. В. Гоголь? Въ послѣдней книгѣ его: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» выказывается исключительная наклонность къ религіозности, и хотя по этой наклонности, нельзя еще назвать его писателемъ духовнымъ, но въ той же книгѣ есть двѣ прекраснѣйшія статьи о Церкви православной, свидѣтельствующія о томъ, что Гоголь рѣшительно устремился къ области гг. Норова и Муравьева. Мы замѣтили выше, что область братски раздѣлена между ними: куда же обратится Гоголь? Непремѣнно одно изъ двухъ: онъ вступить соплателемъ чистѣйшей славы либо въ участокъ А. Н. Муравьева, либо въ удѣлъ г-на Норова! Также, какъ и Муравьевъ, не запасавшись классическою ученостію, онъ не захочетъ мѣряться съ Норовымъ. Онъ долженъ, перешагнувъ черезъ Рубиконъ, вступить смѣло въ участокъ г-на Муравьева, состязаніе съ которымъ будетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, легче для него, также художника и поэта въ прозѣ. Какъ интересна, какъ назидательна будетъ возвышенная въ духовныхъ подвигахъ встрѣча двухъ такихъ именитыхъ талантовъ! Кому критика должна будетъ присудить пальму первенства? Объ этомъ можно будетъ развѣ только гадать. Погадаемъ же! Начнемъ съ того, что предполагаемъ въ обоихъ равную степень свѣдѣній въ исторіи Вселенскихъ Соборовъ, ибо Гоголь, конечно, не вступить въ участокъ Муравьева, не поровнявшись съ нимъ въ этихъ необходимѣйшихъ свѣдѣніяхъ. Мы видѣли, въ чемъ состоитъ главная сила Муравьева. Никто, надѣмся, послѣ нашихъ строгихъ о Гоголѣ сужденій, не упрекнетъ насъ въ излишнейкъ нему снисходительности; но, поставивъ правду своею критическою музою, мы

приблизился, что, во нашему мнѣнію, тѣ двѣ статьи Гоголя о Церкви Православной изобличаютъ въ немъ еще болѣе способности къ чистой интуиціи, къ этимъ внезапнымъ вдохновеніямъ, къ этимъ порывамъ духовной любви, посредствомъ которыхъ, мимо темнаго ума человѣческаго, открываются высшія истины. Талантомъ же, Гоголь рѣшительно беретъ верхъ надъ Муравьевымъ, который, въ свою очередь, имѣетъ значительное передъ Гоголемъ преимущество въ томъ, что не писывалъ карикатуръ. не сочинялъ Ревизоровъ и Мертвыхъ Душъ; что онъ, въ нашемъ воображеніи, всегда рисуется въ назидательномъ видѣ благочестія, осѣненный мудреюскими пальмами. Но съ другой стороны, должно согласиться, что одинъ только малодушный читатель припомнитъ остепенявшемуся мужу комическія и карикатурныя потѣхи его юности; что, напротивъ того, въ глазахъ серьезнаго человѣка, *Донъ-Жуанъ въ отшельникѣ* есть самое поразительное, величественное, назидательное явленіе, свидѣтельствующее о чудномъ торжествѣ Неба надъ легкомысліемъ, неразуміемъ и суетностью человѣческими.

Оставимъ покаместъ всѣ предположенія, и, въ ожиданіи новаго умственнаго подвига Гоголя, обратимся къ своему предмету. Въ 1846 году вышли «Римскія Письма» г-на Муравьева, о которыхъ мы и отозвались въ II-мъ номерѣ «Сына Отечества» за истекшій годъ. Не имѣя возможности распространяться о еологически-состязательной части этихъ «Писемъ», не подлежащей журнальному сужденію, мы должны были ограничиться обзорѣніемъ двухъ остальныхъ частей, исторической и языческой, именно тѣхъ частей, въ которыхъ авторъ немножко слабъ, и, по совѣсти, высказали ему свое мнѣніе и нѣсколько горькихъ истинъ, указывая и на значительныя промахи. Этотъ горькій для насъ подвигъ предприняли мы только изъ доброжелательства къ почтенному автору. Дотогѣ ему, во всѣхъ журналахъ, воскурjali заслуженный имъ гимнъ; но эти роскошныя похвалы, безъ примѣси, и наимолезнѣйшей примѣси критическихъ замѣчаній, вселили въ автора излишнюю самонадѣянность въ томъ, что онъ, подъ вліяніемъ своего гениа, вздумалъ расхаживать съ гениальнымъ безстрашіемъ и по тѣмъ областямъ, въ которыхъ онъ, по недостаточности свѣдѣній, долженствовалъ бы поступать съ величайшею осмотрительностью. Мы хотѣли возбудить, въ смѣломъ и слишкомъ смѣломъ авторѣ часте спасительную къ себѣ самому недоувѣренность; мы.

по крайней мѣрѣ, надѣялись, что все указанное нами ошибки и промахи будутъ исправлены, при второмъ изданіи «Римскихъ Писемъ.» Вышло второе изданіе, и мы, видя съ сожалѣніемъ, что авторъ не вполне воспользовался нашими замѣчаніями, принуждены возвратиться къ нимъ, дабы читатели наши не считали ихъ пустыми, незаслужившими вниманія почтеннаго автора. Тутъ споръ не о вкусѣ; но рѣчь объ историческихъ промахахъ, о томъ, что можно доказать опутительно.

Въ упомянутой статьѣ нашей, мы замѣтили огромный историческій промахъ. «Во II части, на страницѣ 282 (перваго изданія), авторъ, будучи въ Байяхъ, близъ Неаполя, говоритъ: «Августъ» (нѣтъ, онъ тогда назывался Цесарь Октавіанъ) «Лепидъ и Антоній здѣсь составили кровавый триумвиратъ свой, и безпечною рукою, въ прохладѣ садовъ своихъ, подъ легкій плескъ Байской волны, подписали имена своихъ жертвъ, смертью коихъ взаимно дарили другъ друга.» Въ доказательство, какой это капитальный промахъ, мы довольно пространно и самымъ яснымъ образомъ изложили передъ авторомъ, что онъ перекинулъ на югъ Италіи ужасное происшествіе, совершившееся на сѣверѣ ея, въ окрестностяхъ Болоньи; что на Байскомъ поморьѣ случилась рѣшительная противоположность того кроваваго триумвирата, состоялся блистательнѣйшій подвигъ добродѣтели до-христіанскихъ временъ, совершенный Секстомъ Помпеемъ, и что авторъ нашъ, въ своихъ историческихъ воспоминаніяхъ, пересутилъ этотъ солнечный лучъ добродѣтели съ брызгами крови гнуснаго триумвирата. Нельзя было автору не вразумиться въ правдивость нашего замѣчанія; слѣдовательно, оставалось замѣнить свѣтозарнымъ подвигомъ Помпея кровавую фантазію о триумвиратѣ, и тѣмъ чистосердечно признаться въ досадной ошибкѣ. Побоялся ли авторъ, что признаніе въ огромномъ промахѣ, по такой общезвѣстной части, какова римская исторія, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ періодахъ своихъ—побоялся ли, что подобное смрадное признаніе пошатнетъ, во мнѣніи публики, вѣрованіе ея въ непогрѣшительность всѣхъ прочихъ историческихъ свидѣній авторовыхъ, къ которымъ рецензенту возвращать приступить, съ обличительнымъ фавеломъ критики? Какъ бы то ни было, въ этомъ затруднительномъ передѣ публичною положешию, художественній умъ автора дозволенъ считать оригинально, возмѣнить мысль, въ одно время усвоенную доуучива-

то критика в тѣмъ не старалась вывести на него вселожніе зло неправды, даже ссылаясь отъ публики дѣйствительно огромной промахъ автора. Дивное художество! Вотъ, въ чемъ оно состоитъ: то, что, въ первомъ изданіи «Римскіе писемъ» случается, у нашего автора, въ мірѣ дѣйствительности, исторіи, не радостно, во второмъ изданіи, въ области мысли, въ мозгѣ тогда еще не бывалаго Августа и Антонія и Лепиды! Авторъ, оставая дѣлать свою вышеупомянутую ошибочную о триумvirатѣ фразу, прибавляетъ къ ней только *два* незначительныя словечка, переписавшія огромный промахъ автора со скряжамъ исторіи въ языкъ триумvirовъ! Во второмъ изданіи, на той же 282 страницѣ, изображено такъ: «Августъ, Лепидъ и Антоній *здесь* (т. е. въ Байяхъ) мысленно уже составили кровавый триумvirатъ свой»—и тѣми же словами, какъ и въ первомъ изданіи, тянется огромный промахъ историческій; только, вмѣсто: «подъ легкій мечь Байской волны подписали имена своихъ жертвъ»—сдѣлано: «смазмочили имена своихъ жертвъ».

Мы не могли бы не рукоплескать столь гениальному извороту; мы рѣшили бы, что авторъ нашъ этимъ риторическимъ художествомъ пренесемъ самого Перикла, о которомъ Фукидидъ (не поморскъ) сказывалъ: «Бросаю его д-вещъ; онъ законитъ и разубѣдитъ Ассандъ, что они видѣли его *мовами*!» Но, къ несчастію, этотъ гениальный изворотъ смысломъ неудачно прибиваетъ къ предвѣданному случаю. Ошибка въ первомъ изданіи предвѣдала въ авторѣ «Римскіе писемъ» нѣкоторыя, хотя и шибкія свѣдѣнія въ римской исторіи; поправка же, во второмъ изданіи, доказываетъ, что онъ, увы! не имѣеть даже и шибкія свѣдѣній въ римской исторіи, до крайней мѣры, о послѣднемъ періодѣ ея! Доподлинно намъ доказать почтенному автору и тѣмъ, перелъ кѣмъ онъ, можетъ быть, оправдался сверху гениальнымъ изворотомъ, что знаменитый, необычайный еще Асумъ г. Муравьова, Антоній и Лепидъ даже мысленно не могли составить свой кровавый триумvirатъ на Байскихъ поморяхъ, и уже названы имена своихъ жертвъ.

Римскій публіцистъ—иностранецъ, или почетный гражданинъ, какъ вѣтъ угодно—Кай Октавійъ былъ студентомъ въ Аполоніи, (въ Маледоніи), когда родной дядя его императоръ Юлій Цезарь, палъ мечь диктаторами Брута и Кассія. Это неслыханное дронское шествіе зывало восемнадцатилѣтняго студента, Цезаремъ усы-

исполненнаго въ завѣщаніи его, на вопиюще политическое. Онъ возвратился въ Италію, прятаясь подъ крыльцо Цезаря, который и вывелъ его въ люди. По завѣщанію Цезаря, онъ получилъ прованіе Цезаря Октавіана. Антоній, тогда перебивающее лицо въ Римѣ, холодно и насмѣшливо принялъ юного Октавіана и отказалъ ему въ наслѣдствѣ отъ Юлія Цезаря. Съ этой минуты, Октавіанъ содѣлался его врагомъ. Лепидъ же, въ то время, былъ въ Галліи, главнокомандующимъ войска. Антоній, по истеченіи своего консулата, отправился подъ Мутину (Молону), воевать съ Децимомъ Брутомъ. Сенатъ римскій, въ помощь сему послѣднему, выслалъ противъ Антонія войска подъ начальствомъ консуловъ Гирція и Панзы, сопровождаемыхъ Цезаремъ Октавіаномъ. Оба консула пали въ битвѣ, но Антоній былъ побѣжденъ и спасся въ Галлію, къ Лепиду. Октавіанъ остался единственнымъ начальникомъ консулярныхъ войскъ. Видя передъ собою идущихъ уже изъ Галліи Антонія и Лепида, а съ тыла, изъ-за моря, ежеминутно ожидаая посыленія легионовъ Кассія и Брута, опаснѣйшихъ для его, уже явно обнаружившагося, незаконнаго властолюбія, Октавіанъ, отмстившій Антонію за обиду, заключалъ съ нимъ и съ Лепидомъ, подъ Болонією, тотъ страшный триумvirатъ. Теперь спрашивается: могли ли они, даже мысленно, составить свой триумvirатъ на Байскомъ поморьѣ, близъ Неаполя? Въ томъ видѣ, въ какомъ былъ этотъ великолѣпный промахъ въ первомъ изданіи, онъ казался гениальною путаницею историческихъ воспоминаній; въ нынѣшнемъ же видѣ своемъ, онъ вполне лишился своихъ ошибочныхъ: великолѣпія и гениальности, и становится пренесчастливымъ обличителемъ совершеннаго невѣдѣнія всего этого періода римской исторіи и первыхъ политическихъ дѣйствій Октавіана, составителя всемірной имперіи, подъ познѣйшимъ именемъ Августа.

Любопытно будетъ узнать, какому видоизмѣненію, въ будущемъ (третьемъ) изданіи «Римскихъ писемъ», подвергнется этотъ злополучный промахъ, на роковой 282 страницѣ II части, которому, на Байскомъ поморьѣ, несчастливо случилось какъ предполагаемому *дѣйствительному* происшествію, и еще болѣе, какъ *мрачлечной* триумvirатъ? Решится ли авторъ совсѣмъ исключить свое неудачное здѣсь составленіе кроваваго триумvirата и возстановить своимъ краснорѣчивымъ верою исторію, т. е. примиреніе, умысла Мизонскаго, между Октавіаномъ и Антоніемъ съ одной и

Самством Немезиды, съ другой стороны, и прекраснейшій подвигъ сего послѣдняго, который разрушеніемъ своего слова не хотѣлъ нунить всемірную имперію? Или авторъ нашъ не захочетъ пожертвовать своимъ неоцѣнимымъ историческимъ промахомъ и, во что бы то ни стало, придумаетъ ему новоръ обольстительное видозмѣненіе, посредствомъ неистощимой силы того ума художественнаго, которому все подвластно въ подлунномъ мірѣ и который, наконецъ, одолѣетъ и самую строптивую матерію, и содѣлаетъ ее гибкою, послушною, даже всепокорнѣйшею? Одна только будетъ бѣда: неугомонный критикъ зоркимъ глазомъ слѣдитъ за авторомъ, и неурезанно изловитъ его въ самыхъ сопроверенныхъ и самыхъ гениальныхъ дѣйствіяхъ его видозмѣнительной тактики, въ пользу его злоблучнаго промаха историческаго — и тѣмъ побудитъ его наконецъ отложиться отъ неузнѣннаго триумфрата и провѣщать истину о Байскомъ поморьѣ. Мы читаемъ въ Георгіахъ Варгиліевыхъ, что величайшій мастеръ видозмѣненій, вѣщій *Протей*, въ тискахъ у челопода Аристея и, такъ сказать, подъ жаломъ его, принужденъ былъ отложиться отъ всѣхъ обманчивыхъ видозмѣненій, принять на себя свой настоящій образъ и вѣщать истину.

Вѣроятно, никто изъ нашихъ читателей не повѣритъ, какъ намъ прискорбно, что мы принуждены были указать на такой огромный промахъ нашего почтеннаго и нами многоуважаемаго автора «Путешествій ко Святымъ Мѣстамъ и ко Святымъ Мѣстамъ Русскимъ и многихъ другихъ назидательнѣйшихъ книгъ! Мы находимся въ такомъ странномъ положеніи, что критическое перо выпадаетъ изъ нашихъ рукъ. Позвольте же отдохнуть, перевести дыханіе, обмядѣться въ области исторіи: не было ли и прежде подобнаго нашему страннаго положенія? Было! Въ XI вѣкѣ, въ Италіи! Папа Леонъ IX издумалъ унять воняскимъ мечемъ независимыхъ Апулійскихъ Нормановъ, отказавшихся платити ему десятину. Норманы разбили въ пухъ папское войско, взяли въ плѣнъ самого Папу и кинулись къ ногамъ его, прося прощенія за великій грѣхъ своей владѣ нимъ побѣды, однако держа его въ плѣну, покуда онъ не признаетъ себя побѣжденнымъ. Какъ хорошо понимаемъ мы несправдливое положеніе благочестивыхъ Нормановъ: плѣннѣ Папу, оказывать ему всякое уваженіе, однако настаивать на своемъ.

Удивляемся, отчего почтенный авторъ нашъ, не сознаетъ своего

историческая промаха? Отъ чего онъ стоитъ грудью за жестокій промахъ, относительно кроваваго триумфа въ Бамблзъ, когда этотъ же авторъ, по нашему указанію, тотчасъ исправляя другую свою ошибку историческую, гораздо свопшійшую? Мы заметили ему, что Манфредъ, царь Анулійскій, и племянникъ его, Конрадъ, не сражались противъ Карла д'Анжу; что одинъ палъ въ кровавой битвѣ подъ Беневетомъ, когда другой былъ еще отрокомъ въ Баваріи — и теперь мы видимъ, на 327 страницъ второй части, что выкинуть изъ строки несчастный *Манфредъ*; что остался одинъ Конрадъ противникомъ Карла. Подъ растолкуй прихоть человеческую! Мы же, напротивъ того, на мѣстѣ автора, постыдился бы исправить огромнѣйшій промахъ историческій; но, въ отищеніе за то нашему привязчивому критику, оставилъ бы, во второмъ изданіи «Римскихъ писемъ», ошибку меньшей важности, относящуюся къ *среднимъ свѣкамъ*, вообще мало извѣстнымъ.

Далѣе мы, въ своей прошлогодней статьѣ, заметили автору, что упоминаемая имъ знаменитая красавица римская, казненная будто бы за отцеубійство, называлась не Ченчио, но Беатриса Ченчи, и, находя его слівкомъ къ ней суровымъ, вздумали быть ея заповѣдальнымъ адвокатомъ: докладывали, что преступленіе ея несколько не доказано; что послѣднее прекрасное изрѣченіе ея, обращенное къ палачу, какъ-то свидѣтельствуетъ о невинности ея. Помечто, не большая важность въ томъ, что къ провансію красавицы прибавили букву *o*? Подъ перомъ А. Ф. Воейкова, нашъ Дельвингъ былъ всегда баронъ Дельвинго; но важно то, что наше безмездное ходатайство за злополучную красавицу, во видимому, несколько не подѣйствовало на печеннаго автора: будто бы въ доказательство своей неушлости и невниманія къ нашему ходатайству, онъ оставляетъ за нею эту лишнюю букву *o*, какъ прибавочное званіе цѣли, сковавшей несчастную. Что, если мы ошибаемся? если авторъ прибавочное свачала какъ прибавочное званіе цѣли преступницы, оставилъ ей, во второмъ изданіи, какъ знакъ своей милости? Эта лишняя буква *o* имѣетъ форму не только звѣна цѣли, но и *отпеченной золою* — такъ лишнее *o* значитъ, что авторъ нашъ возвращаетъ красавицѣ Ченчи наказанно отсѣченную голову! Но зачѣмъ она представлена *свѣди*? зачѣмъ авторъ не пишетъ *Оченчи*? тогда голова была бы *спереди*, гдѣ ея законное мѣсто! Догадываемся, что авторъ, не влюбивъ преступницѣ нашу Ченчи, имѣвалъ чь свою милость черту са-

тщательнее стал лезть в глаза, онъ этикъ будто нащупать, что у нашей пресавиды голова была не на мѣсто! Присасться, она часто бавается у красавицъ! Мы отиудъ не удивлены въ томъ, отгадавъ ли мы сокровенную мысль автора, на счетъ этого лишнего о? Когда онъ, по нашему указанію, выкинулъ, безъ церемоній, изъ ряда своихъ краснорѣчивыхъ стрекъ несчастнаго Манфреда Абулѣйскаго, то, конечно, гораздо скорѣе отбавилъ бы у Ченчи лишнее о, еслибъ оно не имѣло у него весьма глубокое значеніе. Просимъ прощенія, если наша критическая догадка не достигла до этой глубины.

Теперь мы должны выписать одно мѣсто изъ той же прошлогодней статьи нашей о «Римскихъ Письмахъ»: «Намъ авторъ, равнодушный и суровый къ трагической Ченчи, смягчился однакожъ, въ поэтической долинь Эгеріи, воспоминаеніемъ объ этой таинственной подругѣ мудреца! Прочтите внимательно, въ первой части, 392 и 393 страницы: онъ дышать чѣмъ-то толстымъ, пѣкшимъ, амальгемскимъ.... Ручей *Алмакъ*, въ водахъ котораго иречи Кивелы, единажды въ годъ, купали статую своей богини, превращается, поверный творческой мечтѣ нашего автора, въ *кромкую пастушку* и получаетъ отъ него мѣжное имя *Альма!* *Алма*, по-латынѣ, значитъ: *милая, прекрасная, дорогая*, въ вѣжливѣшемъ смыслѣ сихъ словъ! Измѣненіе Ченчи въ Ченчио было неосновательное и совершенно излишнее; но превращеніе мужскаго рода въ женскій должно простираться и на самое имя субъекта, подвергаемаго метаморфозѣ. Греческая миеология знала о превращеніи дѣвы въ юношу; теперь есть примѣръ метаморфозы и въ обратномъ порядкѣ.... Да здравствуетъ *пастушеская Альма!*...»

Этимъ пріятельски-ироническимъ тономъ хотѣли мы возбудить въ авторѣ то же удивленіе и тѣже умственные вопросы, которые возбудило въ насъ столь поразительное, столь безпримѣрное, даже въ баснословіи, превращеніе—безпримѣрное отъ того, что греческая миеология, какъ ни завиралась, но не нарушила психологической истины: многія изъ женщинъ желали бы быть мужчинами — и миеология созволяла на это желаніе; но ни одинъ мужчина не захочетъ быть женщиною — и басня не прикоснулась къ этому мужскому самочувствію. Прикоснулся нештъ авторъ, волею ли, или неволею, и, пригнѣтаемый ироніею, конечно изумился также, и естественъ вопросъ: отчего могла случиться такая странная, а для нашего почтеннаго ав-

тора вдвое страннѣйшая ошибка? Отъ опечатки: ли въ «Путеводитель по Риму»? Отъ худого ли произношенія этого названія необразованнымъ чичероне? Или отъ неправильнаго оборота собственной мечты поэта, безъ привычки къ играмъ идиллическимъ вовлеченнаго наиллическою мѣстностью въ мѣръ пастушескій? Мы ожидали навѣрное, что авторъ, по поводу нашей пріятельской ироніи, наведетъ тотчасъ справку историческую, и тогда — прощай навсегда, пастушеская Альма! Небывать тебѣ *во второмъ* изданіи «Римскихъ писемъ!» Вышло *второе* изданіе, и, къ крайнему нашему изумленію, прекрасная Альма уцѣлѣла отъ нашей пріятельской ироніи и отъ исторической справки авторовой!

Мы всегда любили пастушекъ Теокрытовыхъ, Виргиліевыхъ, Геснеровыхъ и всѣхъ прочихъ; мы душевно бы обрадовались чудному спасенію пастушки Альмы и были бы тотчасъ готовы разыграть съ нею (разумѣется, въ мѣрѣ поэзіи) интересную идиллію; но игры и нѣжности на умъ нейдуть, когда дѣло становится серьезнымъ! Никогда мы не простили бы себѣ, если бы *по пустому*, безъ важной причины, безъ *полной, крулой правоты* позволили себѣ хотя малѣйшую пріятельскую иронію на счетъ почтеннаго автора — и потому, для своего оправданія, виѣсть со всѣми читателями, *сами* наведемъ справку о нинимой пастушкѣ Альмѣ.

Ссылаемся на Цицерона, Овидія и другихъ латинскихъ классиковъ; ссылаемся на любой словарь латинскій, изданный для школъ, начиная съ словаря Шеллера, исправленнаго и умноженнаго докторомъ философіи Люнеманомъ; ссылаемся на любой «Путеводитель по Риму», на любое «Путешествіе по Италіи», въ которомъ упоминается о долинѣ Эгеріи: римскій ручей, предметъ нашей справки, всегда имѣлъ названіе *мужескаго* рода и донынѣ называется по-итальянски: *Almona*, а не *Alma*! Известно, что латинскія слова третьяго склоненія, кончающіяся на *o*, принимаютъ въ родительномъ и прочихъ падежахъ — букву *n* — и эта буква, въ нашемъ языкѣ, переносится и въ именительный падежъ: *Sato*, *Satonis* — по-русски: не *Като* а *Катонъ*; также *Cicero* — *Цацеронъ*; *Almo*, *Almonis* — *Альмонъ*! Это правило нашей грамматики простирается и на слова греческія, напримеръ: *Ксенофонъ*! Мы говоримъ *Ксенофантъ*, потому, что греческій родительный падежъ: *Ксенофонтосъ*. Стало

быть, нашъ авторъ, если онъ хотѣлъ измѣнить коренное правило нашей грамматики, могъ бы сказать: кроткій *пастухъ Альмо*, или *пастушескій Альмо*, но не имѣлъ никакого права измѣнить *родъ*, сдѣлать мужескій *осенскимъ* и создать себѣ *пастушескую Альму*, будто бы въ рифму на *шумейскую вальму*, не имѣющую рифмы въ нашемъ языкѣ. Авторъ, конечно, замѣтилъ, въ самомъ гротѣ Эгерія, безглавую *мужескою пола* статую молодого человѣка, въ лежачемъ положеніи: это, безъ сомнѣнія, рѣчной божокъ *Альмонъ* — и одна эта статуя могла бы *разуслышать* автора въ его игривой мечтѣ о *пастушеской Альмѣ*. Глядя на эту статую, вспоминаешь о пораженномъ юношѣ *Альмонѣ*, въ VII пѣсни Энеиды; или по *немѣ* названъ ручей, или *Виргилій*, по ручью назвалъ юношу. И такъ доказано, что мы *правы*, что ручей всегда назывался *Альмонъ*, а не *Альма*, и средо не бывалъ *кроткою пастушкою*. — Все это не можетъ не быть извѣстно нашему автору, который, навѣрное, навелъ справку въ такомъ важномъ и щекотливомъ дѣлѣ: чтѣ же побудило его, не смотря на все сіе, и во второмъ изданіи «Римскихъ писемъ» — остаться при своей *Альмѣ*?

Головоломная задача для рецензента!

Мы обязаны были оправдаться передъ публикою въ пріятельской вронѣ, которою привѣтствовала мы первое появленіе *Альмы*; надъ *сторымъ* же, многозначимъ появленіемъ этой таинственной сестрицы Эгерія Нуминой ломать голову — отказываемся! Но если читателю угодно заняться разрѣшеніемъ трудной загадки, пуститься въ занимательный процессъ изслѣдованія, то мы готовы напутствовать читателя нѣкоторыми вспомогательными средствами, по крайнему разумію.

Въ вышеприведенномъ отрывкѣ нашей прошлогодней статьи сказано, что греческая мифологія знала о превращеніи *дѣвы* въ *юношу*. Точно такъ! дѣвица *Ифиды* стала юноша *Ифисъ*; дѣвица *Цекиды* — юноша *Ценей* (см: Овидіевы превращенія IX, 10 и XII, 4.) Мы замѣтили выше, на *какомъ* основаніи мифологія предпринимала столь замысловатое дѣйствіе. Но вотъ, чтѣ истинно замѣчательно: такое чудное превращеніе продолжалось только *по смерть* субъекта! Въ царствѣ тѣней, эти юноши стали опять *дѣвами*: это именно сказано въ *Виргиліевомъ* описаніи подземнаго царства.

—*Lovers' secondam, vix facinora, Casus.*
Rursus et in veterem fato revoluta figuram.

(Когда те юномы, теперь *ожожины*, Цюшля, судьбою опять обращенны въ свой видъ первобытный.)

Какое удивительное уваженіе къ естественной правдѣ! Многочисленія гѣшила смертныхъ разными вѣдѣннми, но покорила суровой посмертной потннѣ: *перожденный юномомъ* на добѣгнудъ *анаморфозы* въ дѣву, въ царствѣ гѣней.

Не знаемъ, *кто* ли самаго мнѣнія навѣтъ почтенный авторъ а таковой *анаморфозѣ*, но она пригодится ему, по случаю *метаморфозы* Альмона къ пастушескую *Альму*. Представляется вопросъ: отчего произошла у нашего автора сія небывалая *метаморфоза*? По ошибкѣ ли, или по отчетливому умыслу? Разсмотримъ оба предложенія.

Конечно, ошибаться не мудро во такомъ неважномъ дѣлѣ, каково названіе классическаго *ручья*, когда классицизмъ есть весьма посторонній предметъ для нашего автора. Но въ такомъ случаѣ, для чего было не воспользоваться дѣльнымъ замѣчаніемъ критики? *Совѣстно* признаться въ такой странной ошибкѣ, подававшей поводъ къ идилической чувствительности челоуѣка, никогда дотоуѣ не мечтавшего о пастушакѣ! По *какому*, отнюдь не *совѣстно* признаваться въ невянной ошибкѣ! Кто изъ насъ не ошибался! Помадѣлся ли авторъ, что странная ошибка его будетъ известна *маломому*, въ томъ предположеніи, что журналъ «Сынъ Отечества», неаккуратно издававшійся въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и въ 1845 и 1846 годахъ вовсе не издававшійся, не могъ еще имѣть, въ прошедшемъ году, большаго числа подписчиковъ? что критика въ *журналѣ* мелькнетъ и исчезнетъ? Расчетъ очень вѣрный! Но предвидѣлъ ли авторъ, что рецензентъ можетъ отдѣльно издать свои критики, писанныя не для мнгутнаго существованія, и удостоившіяся нѣкотораго вниманія публики и благосклоннаго отзыва въ двухъ важнѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ: въ «Северной Пчелѣ» и въ «С. П. б. Академическихъ Вѣдомостяхъ»? Предвидѣлъ ли авторъ, что «Сынъ Отечества», въ дынѣщемъ году, можетъ значительно распространить кругъ своего дѣйствія; что тотъ же рецензентъ, который замѣтилъ въ первомъ изданіи «Римскихъ писемъ» эту поразительную *метаморфозу* и не нашелъ *анаморфозы* во второмъ изданіи, принужденъ будетъ, для своего оправданія, возвратиться къ этой странной *метаморфозѣ* и разгово-

решенъ и нашъ чуждый образчикъ, такой, конечно, не можетъ быть признанъ авторомъ? Что дѣлать! мы мои грѣшныя: жертвуемъ лучшимъ другомъ своимъ и почтеннѣйшимъ въ нашей литературѣ лицомъ — съимъ, безъ исключенія, жертвуемъ мы *мелкимъ* — малъ тому, что намъ сказывается истиною! Говорить печатно противъ своего убѣжденія — считаемъ мы моральнымъ преступленіемъ, и благоговѣнно безмолвуемъ тамъ, куда критика не имѣетъ входа. Еслибъ авторъ исправилъ эту ошибку, еслибъ, рѣшившись на необходимую анаморфозу *Альмы* въ *Альмона*, мы хотько молча порадовалась бы тому, что критика наша пригодилась почтенному автору, и, при второмъ изданіи «Римскихъ писемъ», у насъ уже не было бы рѣчи объ *Альмѣ*, и важная ошибка нашжелательнѣйшимъ образомъ была бы предана забвенію, и рецензентъ нашогда не подумалъ бы перепечатать свою критику. Теперь же ошибка получаетъ довольно значительную гласность.

Но если авторъ не сдѣлалъ ошибки, но *умышленно*, а *bon escient* обратилъ юношу *Альмона* въ пастушку *Альму*, основываясь на подобныхъ измѣненіяхъ самаго *пола*, въ греческой мифологіи, и не одобряя анаморфозы въ царствѣ Андессовомъ, о которой, какъ мы видѣли, упоминаетъ *Виргилій*?

Конечно, всякій *таорческій умъ* властенъ перемѣнить *родъ*, или *полъ* какого либо субъекта, или существительнаго! Такъ и авторъ нашъ можетъ сказать: «Я хочу, чтобы вашъ *Альмонъ* былъ кроткою *Альмою*! для меня онъ — пастушеская *Альма*!» И не о чемъ спорить! Но, въ такомъ случаѣ, почтенному автору слѣдовало бы сдѣлать во второмъ изданіи «Римскихъ писемъ» выноски слѣдующаго, или тому подобнаго содержанія:

«Критикъ *Сильв Отенеева* правъ, говоря, что этотъ римскій ручей называется *Альмономъ*, а не *Альма*! Но мнѣ чрезвычайно понравилось какъ самый гротъ *Эгерія*, такъ и долина ея. Писатель особенное уваженіе къ мудрому законодателю *Нумъ*, и возмѣнилъ, мѣломъ: изъ *владическаго* ручья создать себѣ невещественную подругу, римскую *музу*, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по преданію, обитаетъ таинственная подруга сего мудраго римскаго царя, *Эгерія*, надъ которою замечтался самъ *Вайронъ*. Не вида большой важности въ томъ, чтобы перемѣнить *родъ* названія *ручья*, я, вмѣсто *Альмона*, его и назвалъ пастушескою *Альмою*, именемъ очень привѣтливымъ на латинскомъ языкѣ.

Если Жанъ-Жакъ-Руссо статуе Ингидалиона, называвшуюся у древнихъ *Кимзою*, могъ переименовать *Галатеею* и утвердить за нею сіе новое имя (по-крайней-мѣрѣ, у насъ, въ Россіи, не знаютъ ея прежняго имени), то итъ и показалось весьма дозволятельнымъ: малозвѣстному у насъ римскому ручью, для моей художественной надобности, дать названіе женское. Анзморофизовать же эту Альму, во второмъ изданіи «Римскихъ писемъ», въ *Альмонѣ*, по примѣру язычниковъ, считаю для себя неприличнымъ.»

Разумѣется, мы должныствовали бы уважить подобную огорку, выписали бы ее въ своемъ критическомъ отзывѣ о второмъ изданіи «Римскихъ писемъ» — и былъ бы конецъ дѣлу. Теперь же *пастушеская Альма* чуть ли не присосѣдится къ *рыбачьему сыну, разстрѣльваемому пушками*. (Премилая шутка Булгарина, основанная на томъ, что одинъ изъ нашихъ писателей французское сапоніе перевелъ: *разстрѣланный пушками*, а Ломоносова назвалъ *рыбачьимъ сыномъ*, вмѣсто сына рыбака). Вотъ всё, любезный читатель, чѣмъ можемъ мы напутствовать тебя въ трудномъ подвигѣ разрѣшенія мудренѣйшей загадки нашихъ временъ!

Все, доселѣ замѣченное, легко могло бы и должноствовало бы быть исправлено во второмъ изданіи. Мы не требовали и не ожидали отъ нашего автора передѣлки его крайне-неудовлетворительныхъ отзывовъ о лучшихъ, знаменитѣйшихъ древностяхъ римскихъ, какъ-то о Пантеонѣ, Коллизеѣ и прочихъ; но авторъ могъ бы всѣ эти неудачные отзывы *исключить* — и этимъ значительно возвысить достоинство своего сочиненія, ибо эта языческая часть всего менѣе соотвѣтствуетъ мастерству ееологически-состязательной части. Горько намъ слышать тѣже странные въ просы на Капитолін, что и въ первомъ изданіи; тотъ же дико-живный отзывъ о Коллизеѣ, яко бы мертвомъ стоглазомъ чудовищѣ, и проч. Для чего же, по-крайней-мѣрѣ, не скинуть съ заглавнаго листа *панскій* гекзаметръ, отнюдь не согласный съ этимъ мертвымъ стоглазымъ чудовищемъ и вообще съ тѣми впечатлѣніями, которыя производила на нашего автора классическая древность Рима, съ своими развалинами? Можно бы было найти гораздо приличнѣйшій эпиграфъ, когда авторъ, какъ признается въ предисловіи, «старался наиболѣе изучить Римъ со стороны *церковной!*» Онъ не объяснился даже на счетъ загадочнаго *Панлаціума!* И во второмъ изданіи тотъ же *Панла-*

ціумъ — и мы опять отзовемся, что ни одна гора въ Римѣ, или въ окрестностяхъ его, не называлась этимъ именемъ; что это опять ошибка, путаница, которую слѣдовало бы *исправить* во второмъ изданіи, или *оправдать*, буде возможно.

Сочиненія нашего автора расходятся широко, чему мы душевно радуемся; но если, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ-же широко расходятся и странныя въ нихъ ошибки, которыхъ не исправляетъ авторъ, по благонамѣренному указанію, то никто тому не порадуется, и изъ этого могутъ происходить разныя недоразумѣнія и непріятности. Представьте себѣ, что изъ многочисленныхъ поклонниковъ автора, иной, по слѣдамъ его, поѣдетъ въ Римъ, и, основываясь на «Римскихъ Письмахъ», заговоритъ важнымъ тономъ о «*кровавомъ* триумвратѣ въ Баіяхъ», о «папшеской Альмѣ въ долину Эгерія», и *Панлаціумъ*, въ сосѣдствѣ Рима, и, раздраженный возраженіями мѣстнаго антикварія, или всякаго другаго образованнаго туземца, вздумаетъ еще поспорить и сошлется на нашего почтеннаго соотечественника — и тутъ-же подосѣветъ Англичанинъ, да предложитъ и выиграетъ большое парі... это будетъ пренепріятная исторія! Во избѣжаніе такого недоразумѣнія, мы должны были *сильно напирать* на упомянутыя погрѣшности и дать имъ *столько мѣста* въ нашей рецензіи. Надѣемся, что въ *третьемъ* изданіи «Римскихъ Писемъ» авторъ, или оправдается или молча исправитъ ошибки, и не доведетъ насъ, усерднаго ревнителя славы его, по честному долгу рецензента, слѣдовать за нимъ по пятамъ и не давать ему покоя, покуда не пожертвуетъ истинъ: или рецензентомъ, неправымъ обвинителемъ, или своими ошибками!

Разсмотримъ «Прибавленіе къ Римскимъ Письмамъ», составляющее отдѣльный томикъ въ 200 страницъ, въ томъ-же форматѣ.

Названіе *римскихъ писемъ* придумано вообще неудачно: по такому-же праву онѣ могли-бы назваться и *неаполитанскими*! Эта неудача вполне выказывается на «Прибавленіи» къ «Римскимъ письмамъ», въ которомъ рѣчь идетъ только о *Венеціи*, *Миланѣ* и *Англіи*.

Авторъ нашъ въ Венеціи. Первое слово его есть благочестивое привѣтствіе Собору св. Марка! Затѣмъ авторъ вскорѣ переходитъ ко дворцу дожей. «Я посмотрѣлъ на чудный дворець, зеркало Венеціи — весь на столбахъ, какъ и она на сваяхъ, воз-

душный снизу, громадный сверху; Мавръ по наружности, *Отелло* и по тому, что происходило внутри его... *Отелло* тутъ все не кстати! Слѣдовало-бы сказать: *Мавръ* и по тому, что происходило внутри! Что тутъ общаго съ Шекспировскимъ *Отелло*, который скорѣе составляетъ діаметральную противоположность этого дворца! *Отелло*—человѣкъ нѣжный, чувствительный, пылкій, веледушный; дворецъ дожей — политикъ хладнокровный, скрытый, эгоистическій! *Отелло*, по дилкому чувству ревности, безразсудно, безъ суда, безъ изслѣдованія дѣла, задушилъ свою невинную Дездемону, но благодушно не хотѣлъ ее пережить? Дворецъ дожей, съ маврскою неумолимостію, однако по своимъ понятіямъ о добрѣ и злѣ, по правиламъ законамъ своей аристократической республики, преспокойно *судилъ* того, кто ему попадая въ когти, казнилъ его во мракѣ; но мы не имѣемъ повода предполагать, что и невинные подвергались казни—и дворецъ благополучно ихъ переживалъ. Никогда, сколько намъ извѣстно, у этого мнимаго *Отелло* *въ зданіяхъ* не было Дездемоны! Считаемъ излишнимъ продолжать несообразность дворца дожей съ Шекспировскимъ *Отелло*: отсюда, ее уже всякій видитъ самъ. Удивляемся, что авторъ этого не выразумѣлъ! вѣроятно, онъ не читалъ «*Отелло*», который не входитъ въ его область литературную.

Авторъ подробно описываетъ Соборъ св. Марка и дворецъ дожей; но широкая подробность описаній столь извѣстныхъ предметовъ какъ-то наводитъ скуку. Эти описанія слишкомъ отзываются «Путеводителемъ по Венеціи», откуда онѣ заимствованы. Простая виньетка, изображающая дворецъ дожей, была-бы полезна для читателя, не бывавшаго въ Венеціи; а въ описаніи Собора св. Марка занимательно только то, что авторъ говоритъ *отъ себя* и что относится къ православію.

Жаль, что авторъ, посреди поэтическихъ мечтаній о Венеціи, позабылъ о томъ, что составляетъ ее главный для насъ интересъ: она связывала древній міръ съ новымъ! Она, при своемъ паденіи, въ 1797 году, была старѣйшее въ Европѣ государство! Она видѣла паденіе Рима и основаніе царства Клодевика въ Галліи; Остроготовъ въ Италіи, Визиготовъ въ Испаніи, Лонгобардовъ, Сарациновъ и Халифата возникновенію и паденію была она свидѣтельницею. Въ ее глазахъ пала и Византія и возвеличилось государство россійское; и тотъ великій человѣкъ, которымъ на-

чиняется необходимая эпоха политической системы, *Наполеонъ*, съ перваго шага на свое блистательное поприще долженъ былъ политически уничтожить всю свидетельницу древности и среднихъ вѣковъ, дабы изъ *этихъ* временъ ни одна *живая* голосъ не переносился препятственно въ новѣйшую систему государствъ европейскіихъ. Обо всемъ этомъ у нашего автора нѣтъ ни слова! — только на *этомъ* грунтѣ все историческое, о чемъ воспоминаетъ авторъ, получило бы свое настоящее значеніе.

Большому Каналу въ Венеціи посвящена особая статья. Авторъ, плывя по немъ, съ «Путеводителемъ» въ рукѣ, насчитываетъ намъ прѣбрежныя дворцы историческіе: Пизани, Морозини, Лустигиани, Контарини, Моденно, — гдѣ жилъ Бейроуъ; *Бальби*, гдѣ любилъ останавливаться Наполеонъ; Барбариго, гдѣ Тицианъ висалъ свои бессмертныя картины; Гримани, гдѣ распутствовала Лукреція Борджіа. Очень интересенъ рассказъ о двухъ послѣднихъ графиняхъ *Фоскари*.

«Теперь этихъ двухъ убогихъ наслѣдницъ развѣчяннаго дома Фоскари *за дѣныи* показываетъ старшій служитель, чтобъ содержать ихъ на этотъ малый сборъ! Онѣ влчатъ горькую жизнь, посреди обветшавшихъ, подобно имъ, палатъ, въ забытой комнатѣ верхняго жилья, гдѣ ихъ *домашнія* куры гнѣздятся вмѣстѣ съ ними подъ сѣною портретовъ царственныхъ почитателей дома Фоскари; онѣ выжили изъ памяти и лѣтъ и потому только могутъ еще жить!»...

Признаемся, что подлѣ наслѣдницъ дома Фоскари, *воспѣтаго* Бейроуомъ, подлѣ этихъ двухъ устарѣлыхъ графинь, *куры* ихъ производятъ чрезвычайный эффектъ; но не слѣдовало бы забывать и о знаменитомъ *пльтухѣ*, также имѣвшемъ *свой дворецъ* на Большомъ Каналѣ, о громкомъ когда-то *Ареттино*, всегда окруженномъ красивыми цесарками, которыя назывались, въ честь ему, *Аретинками*. Плывя по Большому Каналу въ Венеціи, пишущій эти строки, посреди важнѣйшихъ историческихъ воспоминаній, никакъ не могъ отбиться отъ докучливой мысли объ *Ареттино*, объ этомъ горькомъ, безпримѣрномъ феноменѣ правственномъ въ исторіи XVI столѣтія! Человѣкъ, не очень деревитый, своимъ перомъ сатирическимъ достигаетъ такой славы, что папа цѣлуетъ его въ лобъ, и Карлъ V-й посвящаетъ его въ рыцари; что *властители* европейскіе богатыми подарками откупаются отъ его желчнаго *чѣра*! И ко-

гда этотъ человекъ, разбогатѣвшій отъ королевскихъ и княжескихъ подарковъ и отъ своихъ нечистыхъ сочиненій, которые вся Италия читала съ жадностью, наконецъ отрезвился, опомнился, пожелалъ возвыситься надъ грязью и написалъ прекрасную трагедію: Огазіа (сестра Гораціевъ, сражавшихся съ Куріаціями), никто не вразумился въ эту истинно-классическую трагедію; она была предана забвенію! Публика любовалась *одними* глупѣйшими сочиненіями автора ея, и намъ стоило немалого труда доискаться въ Римѣ *одного* забытаго экземпляра этой прекрасной Ораціи, въ которой такъ живо изображена современная исторія Рима, и которую мы, по этому, предпочитаемъ трагедіи Корнелла, избравшей тотъ же предметъ. Горькая репутація Аретино превозмогла этотъ прекрасный подвигъ, и Аретино донынѣ извѣстенъ только своею *дурною* славой. Какой поразительный прищѣръ для всѣхъ честолюбцевъ, ищущихъ извѣстности по *любому* пути! По этому *Аретино* самое трагическое лицо, когда-либо жившее въ Венеціи, на Большомъ Каналѣ, по которому прогуливался и авторъ нашъ, можетъ быть, никогда не слыхавшій объ *Аретино*, что, нѣкоторымъ образомъ, относится къ чести нашего автора. Мы же, люди не столь чистые, виѣнили себя въ обязанность развѣдывать *все* въ исторіи, и хорошее и дурное.

Въ Миланѣ, авторъ нашъ, на счетъ описаній, поступилъ осмотрительнѣе, чѣмъ въ Венеціи: не отважился на описаніе миланскаго собора! Въѣсто того, рассказалъ *на своемъ* извѣстное происшествіе съ императоромъ Θεодосіемъ. Въ статьѣ: «Базиллика Св. Амвросія» авторъ очутился весь въ своей стихіи и увлекаетъ всѣхъ, кто только сочувствуетъ ему. Чрезвычайно занимательна послѣдняя статья этого «Прибавленія»: «Письмо объ Англіи». Между многими, хорошо изложенными, хотя и не новыми мыслями, находится и слѣдующій интересный разсказъ:

(Авторъ представляется примату Англіи, архіепископу кантербурійскому—стр. 197).

«Я увидѣлъ почтеннаго старца, въ черной духовной одеждѣ и въ напудренномъ парикѣ, какой носятъ всѣ духовныя лица, судьи и адвокаты въ Англіи. Онъ принялъ меня очень милостиво; но я не могъ съ нимъ долго бесѣдовать, потому что не свободно объясняюсь по-англійски, а онъ не хорошо разумѣлъ французскій языкъ; однако архіепископъ съ участіемъ разспрашивалъ меня о россійской Церкви, и говорилъ, что читалъ ея

исторію. При отпускѣ, приказалъ онъ капеллану показать мнѣ весь свой замокъ; но, признаюсь, меня смутили внутренніе покои, гдѣ *супруга* архіепископа принимаетъ своихъ гостей. Мы не можемъ привыкнуть къ той мысли, чтобы высокая духовная особа обязывалась узами брака. Это служило сильнымъ соблазномъ и на Востокѣ, когда новый епископъ іерусалимскій, съ *беременною* своею женою, ѣхалъ торжественно къ правителю св. града, по тому горькому пути, по коему Спаситель влачилъ тяжелый крестъ свой. Неприличіе брачнаго состоянія для епископовъ, совершенно противнаго уставамъ церковнымъ, чувствуется и въ Англіи, потому что ея лорды духовные, т. е., архіепископы Кантербюри и Йорка, и прочіе епископы, занимающіе старшія мѣста въ верхней палатѣ парламента, не могутъ передать своего громкаго титула супругамъ; *жена* архіепископа не называется миледи, а, просто, мистрисъ, какъ не раздѣляющая высокаго званія своего мужа, и только терпимая по *слабости* человѣческой!»

Мы совершенно согласны съ почтеннымъ авторомъ, и потому весьма расположены одобрить мудрость отца Генриха II-го, Готфрида, владѣтеля Нормандіи, который принялъ рѣшительную мѣру противъ сего соблазна, когда сэвѣкцій капитулъ, *безъ его вѣдома и утвержденія*, избралъ епископа. Сие происшествіе заимствовано изъ Фицъ-Стефена извѣстный англійскій историкъ Гуме, и отъ него Гиббонъ, и оно, конечно, извѣстно нашему почтенному автору, столь свѣдущему въ общей церковной исторіи. Объ этомъ благодѣтельномъ указѣ Готфрида можно бы было упомянуть примату Англіи, какъ объ указѣ родственнаго государя.

На страницѣ 22-й, внизу, мы находимъ у нашего автора *новую* форму превосходной степени: «Возносится *самый* совершеннѣйшій образецъ добродѣтели!» Такъ донынѣ никто не выражался по-русски! Говорятъ: самый совершенный, или совершеннѣйшій, или *наисовершеннѣйшій*.

Некрасивы, непріятны въ русскомъ языкѣ подобныя слѣдующему обороты: «Капелла, сооруженная съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ дожемъ Андреемъ Дандоло» (стр. 29).

Отъ грамматики перейдемъ къ исторіи. На 120-й стр. сказано: «Алтарь побѣды, снятый сперва *Константиномъ*, потомъ Граціаномъ». Нѣтъ, *Константинъ* никогда не снималъ алтаря побѣды въ римскомъ сенатѣ, только своимъ примѣромъ и кротостію *убѣждая* своихъ подданныхъ отложиться отъ язычества. Статую не-

личественной Викторіи, на глобусѣ, въ летучихъ некровахъ, съ распростертыми крыльями, съ давровымъ вѣнкомъ въ протянутой рукѣ—снялъ *Констанцій*! Въ именахъ нѣтъ большой разницы, но она огромна въ *особахъ*: ничтожный Констанцій — а Константинъ Великій!...

Творенія Тертуліана, христіанскаго писателя, въ концѣ втораго и въ началѣ третьяго вѣка. *Переводъ* *Е. Кармеева*. Двѣ части. С.-Петербургъ, 1847, въ типографіи Фишера. Въ I-й части 204 страницы; въ II-й 224 стр., въ 8-ю д. л.

Всѣ просвѣщенные читатели, безъ сомнѣнія, отъ искренняго сердца поблагодарятъ почтеннаго переводчика за его трудъ, который выполненъ имъ какъ нельзя лучше, и прочтутъ его книгу, если еще не читали Тертуліана въ подлинникѣ, съ истиннымъ, душевнымъ наслажденіемъ ибо найдутъ въ ней обильную пищу уму и сердцу. Творенія Тертуліана писаны на латинскомъ языкѣ. Сохранившись въ спискахъ до изобрѣтенія книгопечатанія, онѣ были въ первый разъ, если не ошибаемся, напечатаны въ 1521 г. Ренаномъ; потомъ, въ 1675 г., Ригальціемъ, въ Парижѣ, и наконецъ, въ 1770 г., Землеромъ, въ Галлѣ. О позднѣйшихъ изданіяхъ не говоримъ. Тертуліанъ считается самымъ древнимъ изъ латинскихъ христіанскихъ писателей. Онъ родился около 145 года по Рождествѣ Христовѣ, въ знаменитомъ африканскомъ городѣ Карфагенѣ. Отецъ его былъ тамъ сотникомъ въ римскомъ войскѣ (что соотвѣтствуетъ нынѣшнему чину капитана). Тертуліанъ рано лишился отца, но мать озаботилась о воспитаніи сына, который оказалъ необыкновенные успѣхи въ наукахъ. Почтенный переводчикъ въ своемъ предисловіи пишетъ, что Тертуліанъ, по окончаніи наукъ, сдѣлался учителемъ риторикъ; но, по другимъ извѣстіямъ, онъ вступилъ въ званіе адвоката, которое тогда соединялось съ званіемъ публичнаго оратора. Последнее мнѣніе оспариваютъ нѣкоторые писатели, полагая, что былъ другой Тертуліанъ, и основываютъ эту мысль на разности слога въ сочиненіяхъ Тертуліана язычника и Тертуліана христіанина. По нашему мнѣнію, эта замѣченная разность слога не есть еще достаточное доказательство разности лицъ. Самъ Тертуліанъ сознается, что онъ до окончанія курса наукъ увлеченъ былъ во всѣ безразсудства молодости. Онъ долгое время былъ противникомъ христіанства; но, убѣдись въ его истинѣ, сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ его защитниковъ. Пере-

иѣнился самъ человѣкъ, могъ и слогъ его пореѣвиться. Воимъ извѣстно изрѣченіе, такъ часто повторяемое: въ слогѣ выражается весь человѣкъ.

Тертуліану было сорокъ, но другимъ же писателямъ, тридцать пять лѣтъ, когда онъ обратился въ христіанство. Черезъ годъ послѣ того онъ жевался на христіанкѣ. Его великая ученость, дарованія и добродѣтельная жизнь обратили на него общее вниманіе, и въ 195 году онъ возведенъ былъ въ званіе карфагенскаго священника. Ревностно подвизался на этомъ поприщѣ и мужественно борясь съ языческимъ міромъ, онъ окончился въ глубокой старости, въ 220 году по Рождествѣ Христовѣ.

Вышшемъ, для нашихъ читателей, нѣсколько мѣстъ изъ книги почтеннаго переводчика, чтобы озакомить ихъ съ достоинствомъ перевода и съ самимъ Тертуліаномъ, если они его еще не читали. Обратимъ при этомъ ихъ вниманіе, что они читаютъ автора, писавшаго за 1600 лѣтъ слишкомъ до нашего времени и мужественно возвышавшаго свой голосъ въ то время, когда языческій міръ, котораго представителемъ былъ сильный, побѣдоносный Римъ, мечами, пытками и жестокими казнями силался остановить распространеніе истинной религіи.

Вотъ начало *Апологии*, написанной Тертуліаномъ въ защиту христіанъ:

«Если вы, верховные правители римской имперіи, нарекающіе судъ публично, занимая высшія мѣста въ государствѣ, не имѣете власти предъ очами народа производить точныхъ изысканій относительно христіанъ; если страхъ и другія человѣческія уваженія заставляютъ васъ въ семъ единственно случаѣ отступать отъ строгихъ правилъ правосудія; если ненависть къ христіанскому имени, удобопреклонная къ пріятію, какъ недавно случилось, домашнихъ извѣтовъ, заграждаетъ вашъ путь во всякому судебному разбирательству; то, по крайней мѣрѣ да достигнетъ истина до слуха вашего посредствомъ скромныхъ мѣнхъ пасыменныхъ изъясненій.

«Истина не требуетъ милости, потому-что гоненіе ее не удивляетъ. Чуждая на землѣ, она не сомнѣвается найти себя здѣсь враговъ. Дщерь неба, она тамъ имѣетъ свой престолъ, тамъ обрѣтаетъ свои надежды, должное къ себѣ довѣріе и свою славу. Здѣсь желаетъ она только одного: быть неосужденною, прежде нежели будетъ выслушана. Какое ошасеніе можете вы имѣть на

счѣтъ вѣнникъ законовъ, дозволивъ истинѣ защищаться на сѣдальницѣ ихъ владычества? Не ужели власть сихъ законовъ возвеличится, когда вы станете осуждать истину, не выслушавъ ее? Но, кромѣ ненависти, возбуждаемой столь вопіющею несправедливостію, вамъ предстантъ еще опасность, чтобы не подать людямъ повода къ подозрѣнію: не потому ли вы отказываетесь выслушать ее, что сами увѣрены въ невозможности ее осудить, когда бы вздумали ее выслушать.

«И такъ первое на насъ нападеніе состоитъ въ несправедливой ненависти къ христіанскому имени.

«Самое ваше невѣдѣніе сущности христіанства, которое, по видимому, долженствовало бы извинить сію ненависть, служитъ явнымъ доказательствомъ вашей несправедливости и дѣлаетъ ее еще болѣе преступною. Да и въ-самомъ-дѣлѣ, какая можетъ больше быть несправедливость, какъ ненавидѣть то, чего мы не знаемъ, хотя бы неизвѣстная вещь, сверхъ чаянія, даже и достойна была ненависти? Нѣтъ сомнѣнія, что одно только знаніе преступленія, а не какая либо случайность, можетъ возбуждать прямую ненависть и служить ей законнымъ поводомъ. Но безъ знанія сего, какимъ образомъ оправдать вашу ненависть? Слѣдовательно, вы ненавидите насъ именно потому, что насъ не знаете. Но развѣ не можетъ случиться съ вами, что вы будете ненавидѣть то, что не заслуживаетъ ненависти?

«Изъ сего мы заключаемъ, что, *во первыхъ*, вы не будете знать насъ до тѣхъ поръ, пока станете насъ ненавидѣть, и *во вторыхъ*, что вы будете ненавидѣть насъ несправедливо до тѣхъ поръ, пока насъ не узнаете. Незнаніе насъ есть свидѣтельство, осуждающее васъ и служащее вамъ укоризною.

«Всѣ тѣ, которые прежде ненавидѣли насъ, не зная, что такое мы, перестаютъ насъ ненавидѣть, какъ скоро насъ узнаютъ. Они не медлятъ дѣлаться христіанами, и вы сами должны сознаться, что они приступаютъ къ тому не безъ знанія дѣла. Они начинаютъ гнушаться тѣмъ, чѣмъ были, и превозносить то, чѣмъ гнушались. Число ихъ нынѣ необъятно. Вездѣ горько жалуются, что города, селенія, замки, острова, наполнены христіанами, что люди всякаго возраста, пола, званія, во множествѣ стекаются, чтобы вступить въ ихъ общество.

«Неужели же не приходитъ вамъ на мысль, что въ религіи нашей должно заключаться какое-нибудь сокровенное благо? Вы еще хотите отстать отъ своихъ обидныхъ подозрѣній и собствен-

нымъ опытомъ удостовѣриться въ истинѣ: это единственный случай, на который любопытство ваше не простирается. Вамъ угодно оставаться въ невѣдѣніи о томъ, что другіе желаютъ знать съ удовольствіемъ, и между-тѣмъ хотите насъ судить. Признаться, вы гораздо болѣе заслуживаете въ семъ случаѣ критику *Анахарсиса*, нежели тѣ люди, которые судятъ музыкантовъ, не зная музыки. Вы признаете за лучшее ничего не знать, потому только, что приняли за правило ненавидѣть. Стало быть, вы предполагаете, что, какъ скоро узнаете то, чего не знаете, то вамъ нельзя уже будетъ ненавидѣть того. Между-тѣмъ, изслѣдовавъ истину, вы бы могли извлечь для себя два заключенія: или бы нашли, что нѣтъ поводовъ къ ненависти, и тогда бы отстали отъ нея; или бы открыли, что есть основательные поводы, и тогда-бы ненависть ваша имѣла законные виды.

«Но отъ того, говорите вы, что многіе люди пріемлютъ христіанство, не слѣдуетъ еще, чтобы въ немъ заключалось какое-либо благо. Мало ли людей ежедневно прилѣпляется ко злу? Мало ли измѣнниковъ добродѣтели?—Накто того не отвергаетъ. Однакожъ извѣстно, что и между тѣми людьми, которые увлекаются порокомъ, нѣтъ никого, кто бы порокъ признавалъ за добродѣтель. Природа наказываетъ зло или страхомъ, или стыдомъ. Злые люди стараются скрываться, трепещутъ, когда бывають открыты, запираются при обвиненіяхъ, признаются во время только пытокъ или вовсе не признаются; по осужденіи же горько себя упрекаютъ, приходятъ въ отчаяніе, или, не считая себя виновниками зла, въ которомъ уже сознались, приписываютъ безчинства и буйства свои судьбѣ или звѣздѣ своей.

«Видано ли что подобное у христіанъ? Никогда христіанинъ не стыдится своего званія, не раскаивается, исключая развѣ въ томъ, что не всегда бываетъ истинныхъ христіаниномъ. Будучи обличенъ въ христіанствѣ, онъ поставляетъ въ томъ свою славу; въ случаѣ обвиненія не оправдывается; при допросахъ торжественно признается, что онъ христіанинъ; когда бываетъ осужденъ, благословляетъ Бога. Какой странный родъ зла, не имѣющій никакого свойства зла: ни страха, ни стыда, ни изворотовъ, ни раскаянія, ни сожалѣнія? Какое это зло, о которомъ мнимо-виновный радуется, которое при обвиненіи составляетъ предметъ его желаній, которое при наказаніи составляетъ онъ себѣ за честь?»

Далѣ Тертуліанъ пишетъ:

«Мы видимъ, что запрещено даже и розыски производить относительно христіанъ. *Планий младшій*, губернаторъ Висанніи, осудилъ на смерть нѣсколькихъ христіанъ, а другихъ лишивши жѣсть, ужаснувшись отъ ихъ множества, спрашивалъ императора *Траяна*, какъ съ ними впредь поступать. Въ письмѣ своемъ онъ разъясняетъ, что все то, что могъ открыть на счетъ таинства христіанъ, кромѣ упорства ихъ, заключается въ слѣдующемъ: они передъ разсѣятомъ для собираются для пѣнія хвалебныхъ гимновъ Христу Богу своему, и соблюдаютъ между собою строгое благочиніе; у нихъ воспрещены: человекоубійство, прелюбодѣяніе, обманы, измѣны, и вообще всякаго рода преступленія. *Траянъ* отвѣтствовалъ, что *отыскивать* ихъ не должно, но надлежитъ наказывать, когда будутъ *заломлены*. Станный и чудный приговоръ! *Траянъ* запрещаетъ отыскивать христіанъ, потому-что они невинны, а между тѣмъ велитъ ихъ наказывать, какъ виновныхъ. Онъ шадитъ и казнить, лицемѣрствуетъ и осуждаетъ. За чѣмъ такъ грубо себя противорѣчить? Если ты осуждаешь христіанъ, то за чѣмъ ихъ не отыскивать? а если не велишь ихъ отыскивать, то зачѣмъ не освобождаешь? Во всѣхъ провинціяхъ есть воинскіе отряды для сыска воровъ. Въ отношеніи къ преступникамъ противъ верховной власти и къ врагамъ государства, всякой подданный есть воинъ: розыски должны простираться на всѣхъ соучастниковъ, на всѣхъ соумышленниковъ. Однихъ христіанъ не дозволено отыскивать; но дозволено заявлять, какъ будтобы отысканіе могло производить другое дѣйствіе, кромѣ заявленія. Ты осуждаешь заявленнаго христіанина, а запрещаетъ его отыскивать. Стало быть онъ достоинъ казни не за то, что виновенъ, а за то, что заявленъ. Ты нарушаешь всѣ обряды судопроизводства надъ одними христіанами. Ты подвергаешь пыткѣ другихъ людей для того, чтобы заставить ихъ признаться, а христіанъ для того, чтобы заставить ихъ отречься.»

Вотъ еще мѣсто изъ того-же сочиненія Тертуліана:

«Обратимся къ началу законовъ, до насъ (христіанъ) касающихся. Было древнее постановленіе, воспрещавшее императорамъ принимать какихъ-либо боговъ безъ одобренія сената. *М. Эмилию* извѣстно, что по сему поводу произошло съ его богомъ *Албуркомъ*. Въ защиту нашу немаловажнымъ убѣжденіемъ служить уже то, что предоставлено произволу человека рѣшать

ніа къ ихъ небожественности, въ-самомъ-дѣлѣ боги. — Но, отвѣчаете вы, мы почитаемъ ихъ за боговъ. — Перенесемъ дѣло на судъ собственной вашей совѣсти: пусть она обвинитъ насъ, если вы можете опровергнуть, что всѣ ваши боги были не людьми. Если же бы вы и стали о томъ спорить, то будете обличены памятниками древности, доставившими вамъ о нихъ свѣдѣніе и существующими донинѣ; будете обличены городами, въ которыхъ они родились, странами, въ которыхъ жили и оставили слѣды своего существованія, и въ которыхъ показываются самыя ихъ гробницы. Я не стану распространяться относительно безчисленнаго множества боговъ древнихъ, новыхъ, варварскихъ, греческихъ, римскихъ, чужестранныхъ, плѣнныхъ, частныхъ, общихъ, мужскаго и женскаго пола, городскихъ, сельскихъ, морскихъ и военныхъ. Излишне было бы ихъ даже и именовать. Скажу вамъ только нѣсколько словъ о нихъ, не для того, чтобы доставить вамъ какое-либо новое о нихъ свѣдѣніе, но чтобы вспомнить вамъ то, что вы, по-видимому, забыли.»

Здѣсь Тертуліанъ дѣлаетъ превосходный критико-историческій обзоръ всѣхъ языческихъ божествъ, и продолжаетъ:

«Тотъ, Кому мы поклоняемся, есть единый Богъ, который Своимъ словомъ, премудростію и всемогуществомъ извлекъ изъ ничтожества міръ со стихіями, сотворилъ тѣла и духовъ для умноженія Своего величія. Богъ невидимъ, хотя и является повсемѣстно; неосязаемъ, хотя благодатію Своею и начерталъ въ насъ образъ Свой; непостижимъ, хотя человѣческой разумъ и познаетъ Его. Это самое и доказываетъ Его существованіе и величіе. То, что обыкновеннымъ образомъ можно видѣть, осязать и понимать, есть нѣчто менѣе, нежели глаза видящія, руки осязующія, разумъ понимающій. Но то, что неизмѣримо, не можетъ иначе быть совершенно познано, какъ само чрезъ себя. Ничто не вселяетъ такой величественной идеи о Богѣ, какъ невозможность постигать Его: безконечное Его совершенство вмѣстѣ и открываетъ Его людямъ и скрываетъ Его отъ нихъ. Вотъ почему нельзя ихъ извинить въ томъ, что они не признаютъ того, кого не могутъ не знать.»

«Хотите-ли вы доказательствъ о существованіи Бога? Вникните въ дѣянія Его, которыя васъ окружаютъ, сохраняютъ, увеселяютъ, устрашаютъ. Прислушайтесь свидѣтельства самой души вашей, которая, не смотря на темницу тѣла, на предразсудки и

дурное воспитаніе, на свирѣпство страстей, на рабство ложнымъ богамъ, когда возбудится какъ-бы отъ пьянства или отъ глубокаго сна, когда почувствуетъ, такъ сказать, искру здоровья, невольнымъ образомъ призываетъ имя единого Бога, и вопіетъ: *Великій Божже! блаій Божже! что угодно Богу?* Стало быть, имя Его находится въ устахъ всего свѣта. Душа признаетъ Его за Судію слѣдующими словами: *Богъ видитъ, надѣюсь на Бога, Богъ создастъ мнѣ.* О! свидѣтельство души естественно христіанской! Провнося подобныя слова, она обращаетъ взоры свои не къ Капитолію, но къ небу, вѣдая, что тамъ чертогъ Божій, что оттуда сама она происходитъ, потому-что происходитъ отъ самаго Бога.»

Изъ этихъ немногихъ выписокъ, сдѣланныхъ нами изъ твореній Тертуліана, читатели видятъ ихъ неотъемлемое достоинство. Но немногія выписки не могутъ дать полнаго понятія о писателѣ, каковъ Тертуліанъ. Совѣтуемъ прочесть его вполнѣ.

книга для чтенія воспитанниковъ сельскихъ училищъ, изданная отъ управленія государственнаго коннозаводства. С.-Петербургъ, 1847 года, въ типографіи Вингебера, въ 8-ю д. л. 113 стр.

Прекрасно написанная книга! Мы прочитали ее съ истиннымъ наслажденіемъ, и, позвольте откровенно признаться, когда именно мы ее прочитали: ночью, или лучше сказать, утромъ, отъ 3-хъ до 5-ти часовъ. Мы имѣемъ привычку, улегшись въ постель, послѣ дневныхъ трудовъ и хлопотъ, читать какую-нибудь книгу. Умная, занимательная книга отнимаетъ у насъ сонъ, и мы засыпаемъ позже; глупая дѣйствуетъ на насъ, какъ благотѣльный свѣрый зѣбрь или хлороформъ. Съ первыхъ строкъ мы засыпаемъ, какъ убитые. Мы, въ этихъ случаяхъ, иногда досадуемъ на умную книгу, читаемъ ее, насытивъ дневнымъ чтеніемъ, и думаемъ: зачѣмъ ты, окаянная, попалась намъ въ руки? Спать давно пора, а ты у насъ сонъ отнимаешь! Гораздо чаще попадаютъ въ руки глупыя книги! Чтѣ за наслажденіе! Сейчасъ гасишь свѣчу и засыпаешь, повторяя съ искреннею признательностію: о! благотѣльная книга!

Самый важный, по нашему мнѣнію, недостатокъ книгъ, издаваемыхъ для простаго народа или для дѣтей, состоитъ въ томъ, что авторы, вмѣсто того, чтобы говорить дѣло, прибѣгаютъ къ пустымъ возгласамъ въ родѣ слѣдующихъ: «Милыя дѣти, вы видите, какъ не хорошо быть глупымъ! Старайтесь быть непременно умными!»

«Мнѣ въшеписаннаго вы можете ясно видѣть, миленькіе мои друзья читатели, что добродѣтель есть добро, а порокъ—зло!»

«Конечно, вы люди простые, неграмотные, глупые! Потому-то Я, умный, ученый и просвѣщенный авторъ, не нахожу возможности объяснить вамъ всѣхъ моихъ высшихъ взглядовъ и современныхъ вопросовъ; вы моею глубокою учености не можете никакими средствами понять! Она слишкомъ высока и недосяжима для васъ! Вы—глупцы и неучи, и потому выслушайте благосклонно, что Я вамъ намѣренъ сказать.»

Послѣ подобныхъ возгласовъ и восклицаній что выходитъ? Дѣти откровенно, раскатисто хохочутъ и сердатся, надувая свои маленькія губки отъ маленькой досады на великую глупость великихъ авторовъ, которые не умѣютъ съ ними говорить и ихъ обижаютъ своимъ педантскимъ краснорѣчіемъ. Простой народъ, прочитавъ творенія мудрыхъ авторовъ, которые милостиво снисходятъ до него, съ своими современными вопросами и прогрессами, повторяетъ, насмѣшливо улыбаясь и съ достоинствомъ пеглаживая бороду, или почесывая гордо затылокъ, народныя пословицы:

«На волка только слава, а ѣсть овецъ—то Савва.»

«Не посмотри въ святцы, бухъ въ колоколь!»

«Самъ безграмотный, а хочетъ ѣсть пряники писанные.»

«Хоть и не книженъ, да хорошо остриженъ.»

И дѣти, и простой народъ, по нашему мнѣнію, совершенно правы въ этомъ случаѣ. Нанримеръ, какой-нибудь авторъ, имѣющій притязаніе на европеизмъ, современность, прогрессъ, напишетъ стихи въ родѣ слѣдующихъ:

Встань поутру, не лѣнись,
 Съ мыломъ вымойся, утрусъ,
 Частымъ гребнемъ причесишь,
 Да и Богу помолишь.
 Кто не чесанъ, кто не мытъ,
 Тотъ собой людей смѣшитъ!
 Зубы, десны крѣпче три
 И снаружи, и внутри.

Неужели вы думаете, почтеннѣйшій авторъ, что такіе стишки подѣйствуютъ на дѣтей благотворно? что дѣти, въ средство вашихъ поэтическихъ прогрессивно-гуманныхъ наставленій, бу-

дуть вставать, не лѣнясь, когда имъ отъ вашей музы спать хочется, усердно мыться, утвраться, чесаться частымъ гребнемъ (рѣдкіе гребни даровитымъ поэтомъ не допускаются), и тереть, какъ можно крѣпче, зубы и десны, и снаружи, и внутри? Будьте увѣрены, что это — одна ваша поэтическая мечта, одна несбыточная реформа и утопія! Мы очень опасаемся, что дѣти, прочитавъ ваши стишки и справедливо обидясь вашими поэтическими совѣтами, которые онѣ давно слышали отъ нянекъ, въ прозѣ, будутъ спать до обѣда, не станутъ мыться, утвраться и чесаться, и не захотятъ тереть крѣпче зубы и десны снаружи и внутри, чего, впрочемъ, зубные врачи, не-поэты, и не со-вѣтуютъ, ибо они, то есть, основательные зубные врачи, а не поэты, полагаютъ, что должно чистить зубы и десны мягкой щеточкой, не крѣпче, а слегка, чтобы не испортить зубовъ.

Въ «Книгѣ для чтенія воспитанниковъ сельскихъ училищъ» вы не найдете ничего подобнаго. Она можетъ служить образцомъ: какъ должно писать для дѣтей и для простаго народа. Такой книги мы на русскомъ языкѣ еще не встрѣчали, и отдаемъ ей полную справедливость, хотя мы на нее и сердиты за то, что она отняла у насъ ночью нѣсколько часовъ заслуженнаго дневными трудами сна.

Прибавимъ, въ видѣ эпилога, что одинъ изъ ученыхъ, который, вѣроятно, убоясь бедны премудрости, по выраженію остряка Фомъ-Визина, ходилъ до риторика и назадъ вернулся, слѣлалъ замѣчаніе:—Какъ это такъ авторъ сказалъ на страницѣ 39: «Никто на свѣтѣ не объяснитъ, что такое воздухъ, точно такъ же, какъ не объяснилъ, что такое свѣтъ и теплота.» Ученый мужъ сказалъ намъ: дѣло извѣстное, что воздухъ состоитъ изъ такихъ и такихъ-то газовъ. Очевидно, что авторъ промахнулся.—Нѣтъ! отвѣчали мы. При всемъ уваженіи къ вашей учености, мы должны объявить вамъ печальную истину, что не авторъ, а вы промахнулись. Разсудите милостиво: можно ли толковать о газахъ, составляющихъ воздухъ, дѣтямъ простаго народа, который и воздуха-то, которымъ дышитъ отъ рожденія, и безъ котораго жить не можетъ, до-сихъ-поръ не замѣтилъ. Неужели этому простому народу можно читать диссертациа о газахъ, составляющихъ воздухъ? Нельзя преподавать народу химию, когда онъ по складамъ разбираетъ русскую грамоту! Да пусть объяснитъ намъ самъ господниъ ученый: что такое газъ? Онъ отвѣтитъ, что газъ есть газъ. И

прибавить его названіе на какомъ-нибудь иностранномъ языкѣ. Безподобное объясненіе, ничего необъясняющее! Гасъ есть матерія, примолвить степной помѣщикъ, разбирающійся на наряды своей шеголихи-жены. Знаемъ мы эти гасы! Дорого они стоютъ мнѣ, эти гасы!

Шутка, *исторія въ родѣ комедіи*. С.-Петербургъ. Въ типографіи Праца, 1847, въ 8-ю долю листа, 56 страницъ.

Эта «Шутка»—довольно пріятная шутка автора, хотя для дѣйствующихъ въ ней лицъ кончилась плохо.

Въ этомъ легкомъ произведеніи видны признаки дарованія. Такъ въ искусствѣ по нѣсколькимъ штрихамъ можно судить, общается ли черкнувшій ихъ быть художникомъ; по нѣсколькимъ аккордамъ можно судить, есть ли талантъ къ музыкѣ въ томъ, кто взялъ ихъ.

Мы сейчасъ сказали, что эта «Шутка» довольно пріятна. Докажемъ справедливость этихъ словъ.

Помѣщица, которая насильно втираетъ фамилію свою въ знатный родъ, владѣтельница трехъ-сотъ заложенныхъ въ опекуновомъ совѣтѣ душъ, привезла въ С.-Петербургъ двухъ дочерей своихъ, дѣвицъ *среднихъ лѣтъ* (младшей 25) и возитъ ихъ въ каретѣ четвернею: какъ же иначе быть, когда есть триста заложенныхъ душъ?

Сухопарая четверка, предчувствуя, можетъ быть, что барышни пріѣхали въ С.-Петербургъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ выйти замужъ, таскаетъ ихъ усердно и на минеральныя воды, и въ разныя публичныя собранія, и въ театръ, и въ оперу—словомъ, повсюду, гдѣ бы можно было поймать на удачку жениха хоть-бы одной пріѣзжей *знатной* барышни.

Что же? удалось? Вывезла ли четверня? Нашелся «болванъ» (такъ сама помѣщица выражается) съ тысячею душъ. Наканунѣ былъ онъ еще совершенно здоровъ и въ полномъ умѣ; вдругъ (это было въ одно прекрасное утро) онъ изъявилъ свое желаніе овладѣть прелестной ручкой Юліи Александровны.

Какъ волился, сказали ему: «подумаемъ»; но вовсе не думали, потому-что думать тутъ было не о чемъ, и черезъ три дня маменька съ приличнымъ жеманствомъ объявила молодому франту, что дочь ея согласна, и что она, маменька, также не прочь отъ его предложенія.

Разговоръ о приданомъ какъ-то не клеился. Что приданое!

Не напишадеть ли въ себѣ Юлія Александровна всѣ блага, всѣ богатства міра?

Мать и дочь остались очень довольны: цѣль была достигнута, дочка пристроена, будущій мужъ хлопочи, какъ знаешь, и о платьяхъ, и о лошадяхъ, и о театрахъ, и о всемъ прочемъ; къ тому жъ, ясно, что обязаешь онъ же дать нужное количество тысячъ серебромъ на выкупъ имѣнія почтенной матушки.

Кончено, улажено. Казалось, что всѣ счастливы и благополучны; но, какъ сказалъ повтъ:

«Да врагъ попуталъ, видно!»

Этимъ милымъ дѣвицамъ: невѣстѣ и ея сестрицѣ, на радостяхъ, вздумалось сыграть какую-нибудь невинную шутку:

Надъ кѣмъ-же? Чего ближе! надъ роднымъ дядею жениха, очень почтеннымъ и добрымъ человѣкомъ. Придумано хоть куда!

Живеть у маменьки молодая, хорошенькая, благородной фамиліи бѣдная дѣвица. У ней, правда, много въ душѣ, но за душой ничего, даже ни души въ какой-нибудь губерніи. Ключница она—не ключница, компаньонка—не компаньонка, а такъ себѣ, Богъ знаетъ, что такое!

Дядя былъ надворный, что-же за пара ему бѣдная Даша? Въдъ какъ смѣшно будетъ, думаютъ наши остроумныя дѣвицы, если мы увѣримъ ее, что онъ въ нее влюбленъ, а его, что она влюблена въ него!

Разумется, дѣло кончится ничѣмъ; за то ужъ какъ похочешъ!

Начинаютъ военныя дѣйствія то на того, то на другаго, залпами своей откровенности и истиннаго участія въ судьбѣ влюбленныхъ.

Почтенный надворный совѣтникъ, вовсе еще не старикъ, поминаетъ съ разу добрую и благородную душу Дарьи Степановны и серьезно предлагаетъ ей свою руку.

Всѣ принимаютъ это сначала за шутку; но Цезарь перешель уже Рубиконъ: воротиться поздно.

— Какъ-же можно, чтобъ я допустила *Дашку* быть моею теткой, чтобъ я принимала ее, чтобъ сама къ ней ѣздила, я столбовая дворянка, я, у которой будетъ тысяча душъ?—такъ говорила Юлія Александровна.

— Хороши вы, хороши обѣ! ворчала маменька. Но что слышно, того не воротить: не смѣй, Юлія, ссориться съ женихомъ! По міру пойдёмъ!

Не утерпѣлось Юлія, поссорилась съ женихомъ да еще да-

да подбавилъ: одна свадьба разстроилась, а другая благополучно состоялась....

Вотъ вамъ и «Шутка!»

Вообще говоря, эта «исторія въ родѣ комедіи» ведена довольно нило, и, повторяемъ, облачаетъ талантъ въ ея сочинителѣ.

Но не можемъ не сожалѣть, зачѣмъ авторъ такъ широко растапливаетъ свое воображеніе. Не надо ему лежать на Прокрустовой кровати, но не должно же и раздуваться и вытягиваться до невозможности. *Est modus in rebus*, говорили Римляне.

Невольно спрашиваетъ себя часто: да къ чему же это? Совсѣмъ не клеится къ ходу «исторіи въ родѣ комедіи»!

Мы совѣтовали бы автору не отдавать своихъ произведеній въ печать, не просматривъ ихъ внимательно и не отбросивъ того, что окажется излишнимъ и слабымъ.

Великое правило Горация никогда не умретъ:

Stylum saepius verte....

Земледѣльческая Химія или краткое изложеніе химическихъ свѣдѣній, необходимыхъ каждому земледѣльцу. Сочиненіе барона Бабо, члена разныхъ ученыхъ обществъ. Переведено съ нѣмецкаго и издано иждивеніемъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. С.-Петербургъ въ тип. III отдѣла собственной Е. И. В. канцеляріи, 1847 года. 173 стр. въ 8-ю долю листа.

Старѣйшее изъ нашихъ ученыхъ обществъ, «Императорское вольное Экономическое» не издало ни одного большаго сочиненія, даже ни одной брошюры, которыя не были бы одобрены всею читающею массою.

Посмотрите на труды заграничныхъ, особенно французскихъ, агрономическихъ обществъ и сличите, (если у васъ есть желаніе и терпѣніе): что вы скажете.

Пустота, безослѣдовательность, какъ на бумагѣ, такъ и на дѣлѣ.

Французскіе агрономы общаются вамъ Эльдorado — изъ вашего имѣнія, если вы захотите слѣдовать ихъ совѣтамъ; но оказывается, что это Эльдorado существуетъ только въ ихъ воображеніи.

Однакожь, кончимъ объ этомъ; займемся прекрасной книжкой, которая подала намъ поводъ сказать нѣсколько словъ объ французскихъ философахъ-агрономахъ.

Откровенно скажемъ, что искренне любя предметъ, о которомъ будемъ говорить, мы почти никогда не встрѣчали книги серьезнаго содержанія, такъ ясно написанной и такъ хорошо переведенной.

Вотъ что говорится въ предисловіи: «Литература земледѣльской химіи понынѣ у насъ еще очень не богата. Въ 1825 году вышла «Земледѣльская химія» профессора Павлова, съ изложеніемъ предварительныхъ наукъ. Въ 1829 году, при Вѣстникѣ естественныхъ наукъ, издавалась, въ видѣ прибавленія, Хозяйственная химія А. Юскаго. Въ 1832 году появился переводъ Основаній земледѣльской химіи, Девя. Въ Библиотекѣ для чтенія, печатались переводныя статьи изъ Органической химіи, въ приложеніи къ земледѣлію и физиологій» Лябиха; а въ 1843 году полный переводъ этого же сочиненія изданъ въ видѣ прибавленія къ Журналу Министерства Государственныхъ Имуществъ. Вотъ почти все, что до сихъ поръ издано у насъ по части земледѣльской химіи.

Сочиненіе извѣстнаго профессора барона Бабо издано во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1845 году и называется (нынѣ переводчикъ назвалъ трудъ свой проще): «*Ackerbau Chemie oder kurze Darstellung dessen was der Landmann von chemischen Kenntnissen bedarf, um seinen Acker zweckmässig zu behandeln*».

Авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ земледѣльцевъ—фермеровъ. Русскій переводъ этой книги преимущественно назначается для помѣщиковъ и управляющихъ имѣніями; онъ можетъ также служить учебнымъ пособіемъ при преподаваніи земледѣлія.

Вотъ содержаніе умной и полезной книги, о которой идетъ у насъ рѣчь.

Бесѣда I. Введеніе. — II. О кислородѣ, азотѣ и водородѣ. — III. Объ углеродѣ, хлорѣ, сѣрѣ и фосфорѣ. — IV. О кремніи, калии, натріи, кальціи, глинии, магнии, желѣзѣ и марганцѣ. — V. О химическомъ сродствѣ, атмосферномъ воздухѣ, азотной кислотѣ и водѣ. — VI. Объ углекислотѣ сѣрной, фосфорной и кремнистой кислотахъ. — VII. О кали, натрѣ, извести, гипсѣ, азотно-кислой, фосфорно-кислой и кремне-кислой известяхъ. — VIII. О глиноземѣ, глинѣ и тальковой землѣ. — IX. Объ амміакѣ и его соединеніяхъ. — X. О соляной кислотѣ и черноземѣ. — XI. О растеніяхъ и ихъ питаніи. — XII. О доставленіи питанія растеніямъ: объ удобреніи. — XIII. О различныхъ видахъ почвъ и воздѣлываемыхъ растеній, въ отношеніи къ удобренію. — XIV. О хозяйственныхъ растеніяхъ въ отношеніи къ удобренію. — XVI. Объ обработкѣ почвы. — XVII. Плодосмѣнность.

Правду сказать, сочиненіе барона Бабо полезно и умно составлено, хотя не обличаетъ въ немъ ученаго, подобнаго Гумбольдту, Лябиху или Дюма.

нравственные думы и чувства, при взгляде на природу и жизнь. *Спб. В типографіи Фишера. 1847 года. Въ 16 д. л. 156 стр.*

Книжка, написанная съ добрыми намереніемъ. Авторъ заимствовалъ многія мысли изъ разныхъ, иностранныхъ писателей. Многія принадлежать ему самому. Мы прочитали эту книжку съ удовольствіемъ потому, что встрѣтили въ ней на многихъ страницахъ умъ и неподдѣльное чувство. Нѣкоторыя мѣста слабы и могли бы быть изложены лучше.

руководство къ изученію новѣйшихъ вальсовыхъ танцевъ. *Сочиненіе парижскаго танцмейстера Целларіуса. Переводъ О. И. Я. Съ картинками. Изданіе с. п. бурискаго книгопродавца В. П. Полякова. Спб., 1847 въ большую 8 д. л. 113 страницъ.*

Книга написана однимъ изъ первыхъ парижскихъ танцмейстеровъ, издана очень хорошо извѣстнымъ савктпетербургскимъ книгопродавцемъ Васильемъ Петровичемъ Поляковымъ. Если бы всѣ плохо танцующіе или не умѣющіе танцевать въ нашемъ обширномъ отечествѣ выписали эту книгу, то мы поздравили бы Василья Петровича съ новымъ годомъ и съ милліонами! Прочтя книгу, захочешь непремѣнно плясать. Немногія сочиненія имѣютъ подобное свойство. Большая часть твореній и даже журналовъ не возбуждаютъ и не въ состояніи возбудить такого восторга. Чаще всего они возбуждаютъ зѣвоту и желаніе уснуть.

образцовый письмовникъ, или хрестоматія писемъ, содержащая въ себѣ письма на разные предметы общественной жизни. Въ трехъ отдѣленіяхъ, съ присовокупленіемъ формы необходимыхъ судебныхъ и коммерческихъ письменныхъ сношеній. Второе изданіе, исправленное и дополненное приложеніемъ отсаванія ярмарокъ, таблицъ исчисленія процентовъ, переложенія ассигнацій на серебро и цѣнности гербовой бумаги. Спб., въ тип. Вишневера, 1847, въ 8 д. л. 327 страницъ.

Чего хочешь, того просишь! Заглавіе такъ подробно, что критику не нужно объяснять содержаніе книги. Второе изданіе доказываетъ, что она понравилась публикѣ, и что не умѣющихъ сочинять письма безъ образца и формы очень еще много на бѣломъ свѣтѣ. И что мудренаго! Немногіе и изъ литераторовъ умѣютъ правильно писать. Предвѣщаемъ книгѣ третье изданіе и даже четвертое и пятое, не смотря на то, что авторъ или составитель этой книги, какъ замѣтно, писатель не первой силы.

==

Слѣсь.

БАНКО КАПЕЛЛО. (*Повѣсть А. Дюма*). Въ 1568 году однимъ изъ богатѣйшихъ домовъ въ Венеціи былъ домъ Сальвиати. Банкъ этого дома пользовался справедливымъ уваженіемъ и довѣренностію республики. Огромные обороты, искусно поддерживаемые опытностію и благородною честностію банкира, съ каждымъ годомъ увеличивали его богатство и могущество.

Мѣсто кассира этого банка занималъ молодой Тосканецъ, Петръ Бонавентури, рекомендованный банкиру дядею своимъ, Банкетомъ, пользовавшимся уваженіемъ Сальвиати.

Петру Бонавентури было тогда только 20 лѣтъ отъ роду. Прекрасный молодой человекъ, съ пламенными страстями Италіи, жаждавшій любви и наслажденій, онъ не былъ однакоже счастливъ своею прошедшею жизнью. Происходя изъ благородной, но бѣдной тосканской фамиліи, Петръ испыталъ много непріятностей бѣдности и безуспѣшно старался устроить свою карьеру во Флоренціи.

Въ этихъ попыткахъ провелъ онъ пять лѣтъ на своей родинѣ и, по совѣту дяди, рѣшился искать счастья въ Венеціи. Добрый дядя, помогая племяннику совѣтами, не отказался помочь ему и самымъ дѣломъ; онъ доставлялъ Петру, какъ мы уже сказали, мѣсто кассира.

Поселившись въ скромной мансардѣ, Петръ съ горячностію предавался исправленію своей должности. Ограничиваясь неболь-

нимъ содержаніемъ, онъ не могъ заводить дружбы и участвовать въ буйныхъ оргіяхъ венеціанской молодежи. Постоянно, каждый вечеръ запирался онъ въ своей комнатѣ и сводилъ счеты своего патрона.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ трудолюбивой, дѣятельной жизни, и Петръ долго бы еще проводилъ вечера свои въ однихъ только выкладкахъ, еслибы судьба неожиданно не навела его на пламенную любовь прекрасной Венеціанки.

Подлѣ дома, въ которомъ помѣщался банкъ Сальвиати, былъ домъ благороднаго венеціанскаго дворянина, Бартелеми Капелло, гордаго, какъ всѣ тогдашніе дворяне Венеціи. У Бартелеми была дочь Біанка.

Біанка была шестнадцатилѣтняя дѣвушка, одаренная поразительною красотою, свойственною большей части Итальянокъ. Черные, блестящіе глаза, всегда одушевленные страстію, жгучій, пламенный взглядъ, проникающій сердце, роскошныя развивающіяся формы тѣла — часто привлекали на себя вниманіе проходящихъ, и молодые дворяне всегда оставались передъ домомъ Капелло, пораженные красотою личика, украдкою выглядывающаго изъ высокихъ оконъ дома. Но все ограничивалось однимъ только созерцаніемъ: или Біанка не находила между ними юноши, способнаго заинтересовать ея пылкое сердце, или она боялась строгости гордаго отца, для котораго любовь его дочери къ незнатному дворянину была бы позоромъ. Многіе знатнѣйшіе дворяне поговаривали Бартелеми о красотѣ его дочери и даже намекали на родство, но суровой отецъ отвѣчалъ имъ, что Біанка такъ молода, что ей рано еще возмнугуть отеческій домъ. Онъ видѣлъ равнодушіе дочери къ этимъ искателямъ и хотя не считалъ ихъ исканій унизительными для своей гордости, но ждалъ случая, когда дочь его сама выберетъ себѣ мужа. Онъ надѣялся, что выборъ ея будетъ согласенъ съ его видами.

Но Бартелеми жестоко обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: онъ забылъ, что любовь не разбираетъ состояній. Безъ вниманія проходя жаждавшихъ любви ея молодыхъ дворянъ Венеціи, сердце молодой дѣвушки полюбило незнатнаго кассира. Вотъ какъ это случилось.

Окна мансарды, въ которой жилъ Петръ Бонавенгури, были противъ оконъ той комнаты, которую занимала Біанка. Любопытство молодой дѣвушки часто подстрекало ее поглядѣть изъ своей комнаты на молодого и прекраснаго юношу, постоянно за-

внмавшагося въ своей мансардѣ. По случаю или, можетъ быть, побуждаемый подобнымъ же любопытствомъ, Петръ, съ своей стороны, часто сидѣлъ у окна, устремивши глаза свои на комнату Біанки. Эти безмолвныя свиданія заронили искру въ сердца молодыхъ людей и между ними явилась безотчетная, но тѣмъ не менѣе горячая симпатія.

Однакоже, зная всю гордость отца Біанки, Петръ никогда не надѣялся, что прекрасная Венеціанка отвѣтитъ взаимностію на любовь бѣднаго труженника: молодой человѣкъ предполагалъ непремѣнную зависимость истинной любви отъ равенства состояній, и грустно сознавался въ бесплодности своей страсти.

Такъ прошло нѣсколько дней послѣ перваго ихъ свиданія, когда Біанка увидала молодаго Петра и ощутила въ груди своей доселѣ невѣдомое ей чувство. Первая любовь всегда готова на пожертвованіе, и молодая дѣвушка рѣшилась сама отдаться Бонавентури. Она понимала, что изъ боязни къ ея отцу, Петръ никогда не рѣшится заговорить съ нею.

По порученію Сальвіати, Петръ пришелъ однажды въ домъ гордаго Венеціанца. Проходя комнаты, онъ встрѣтился съ Біанкою, и мгновенный румянецъ, покрывшій щеки молодой дѣвушки, далъ понять ему, что любовь его не лишена взаимности. Съ этого времени, Петръ сдѣлался, если не смѣлѣе въ поступкахъ, то, по крайней мѣрѣ, увѣреннѣе въ своихъ сладкихъ надеждахъ. Онъ просилъ небо осуществить его мечты, и началъ строить планы, чтобы обогатить и прославить себя, и цѣною этихъ преимуществъ купить руку Біанки.

Но Біанка не дождалась осуществленія этихъ фантазій. Мучительная страстію безъ границъ и разсчета и не дожидаясь случая, она сама осуществила надежды молодаго Бонавентури.

Однажды ночью, когда шумъ утихъ уже на каналахъ Венеціи и огни въ домахъ погасли, Петръ, кончившій свою работу, задумчиво сидѣлъ за столомъ своемъ: цѣлую недѣлю не видалъ онъ Біанки у окна ея комнаты, и терялся въ догадкахъ. Ему казалось, что вспыхнувшій румянецъ на щекахъ прекрасной сосѣдки былъ слѣдствіемъ неожиданности и что одно только самолюбіе подало ему такія безумныя надежды. Грустный, разочарованный, онъ готовъ былъ на отчаянные поступки и ропталъ на судьбу, такъ жестоко обманувшую его.

Посреди этого мрачнаго отчаянія, послышался легкій стукъ въ двери его мансарды. Выведенный изъ задумчивости, Петръ бросился къ дверямъ, и расположенный къ грустнымъ предчув-

ствѣямъ, не рѣшался отворить ихъ, пока не услышитъ отвѣта. Но на двукратный вопросъ его отвѣта не было. Петръ отошелъ было отъ двери, думая что ему послышалось, и располагался снова предаться своему отчаянію. Но стукъ снова повторился.

Тогда онъ схватилъ со стола книжалъ и, приготовившись къ печальному нападенію, осторожно отворилъ двери: передъ нимъ стояла Біанка....

Одѣтая въ легкую мантилью изъ черной саржи и прикрываемая темнотою ночи, она тихо прошла по улицѣ и неожиданно явилась передъ своимъ изумленнымъ любовникомъ.

Можно представить себѣ, вѣрнѣ ли Петръ своему счастью: Біанка казалось ему свидѣніемъ, обманомъ чувствъ, безтѣлеснымъ признакомъ больного воображенія. Онъ не могъ представить себѣ, какимъ образомъ эта благородная и гордая Венеціанка рѣшилась сама пожертвовать своею честію, рѣшилась, можетъ быть, подвергнуть жизнь свою опасности изъ любви къ бѣдному кассиру.

И дѣйствительно, эта рѣшимость была одною изъ тѣхъ тайнъ сердца, которыхъ разсудокъ постигнуть не можетъ и которыя понятны одному только сердцу.

Какъ бы то ни было, но передъ нимъ стояло не привидѣніе, а живая, прекрасная Біанка, предметъ его безутѣшной страсти, его пламенныхъ и пылкихъ мечтаній. И она явилась ему въ ту минуту, когда такъ отчаянно сознавался онъ въ безнадежности своихъ желаній.

Не будемъ описывать этого свиданія. Любовь, долго таившаяся въ этихъ нѣжныхъ сердцахъ, удерживаемая отъ признанія гордостію отца и положеніемъ юноши, вышла мгновенно изъ границъ, оковывавшихъ ее и разлилась бурнымъ потокомъ страсти.

Сладкій, волшебный сонъ, посѣщавшій Петра въ таинственныхъ минуты раздумья, нашептывавшій ему обольстительныя обѣщанія, воплотился, сталъ осязательнымъ блаженствомъ въ его власти.

Біанка явилась къ нему существомъ, вызывающимъ силы душевныя на бой со всею природою, и Петръ готовъ былъ отдать всю свою жизнь за одну минуту этого неожиданнаго и столь долгаго наслажденія.

Она предавалась ему со всѣмъ довѣріемъ дѣвушки, къ серд-

цѣ которой вспыхнула та неотразимая и пылкая страсть, готовая исполнить сердце, котрая не знаетъ препятствій.

Въ эту ночь, подобно Джуліи, увидавшей Ромео, Біанка сказала себѣ: «Я буду принадлежать или ему или могилѣ.» И она принадлежала Петру.

Съ этой ночи начались ихъ постоянныя и таинственныя свиданія: каждую ночь Біанка оставляла свое одинокое ложе, набрасывала на плечи мантилью и тихо спускалась по лѣстницѣ. Пробѣгая улицы, она тщательно закрывалась плащомъ своимъ и тихонько стучалась въ мансарду, гдѣ счастливый Петръ въ сладостномъ трепетѣ, нетерпѣливо ожидалъ ее. Цѣлую ночь проводили они вмѣстѣ, и какъ уповательно-сладостны были для нихъ эти свиданія!

За часъ до разсвѣта, когда шумъ не наполнялъ еще улицъ Венеціи, когда легкія гондолы не начинали еще перерѣзывать по всѣмъ направленіямъ каналовъ ея, Біанка оставляла Петра и также таинственно, также боязливо доходила до дверей своего дома. Они оставались не запертыми, и потому Біанка, никтою незамѣченная, могла проходить въ свою комнату и, раздѣвшись, ложиться, въ постель.

Судьба сначала благопріятствовала этимъ свиданіямъ. Біанка искусно обманывала своихъ служанокъ, и никто въ домѣ не подозрѣвалъ ея отсутствія. Отцу не приходило и въ голову, чтобы дочь его могла рѣшиться на подобныя ночныя прогулки.

Правда, иногда въ голову Біанки приходила мысль о всей безразсудности и опасности своего положенія; ей представлялись ужасныя послѣдствія, которыя могли выйдти, если бы отецъ узналъ о ея преступной любви къ кассиру. Но въ то же время ей приходило воспоминаніе: слова животрепещущей страсти Петра отзывались въ любящей душѣ ея такимъ чуднымъ эхомъ; его поцѣлуи электрическимъ ударомъ потрясали сердце; его жгучія, пламенныя объятія напоминали ей всю полноту его любви, и Біанка снова шла на свиданіе.

Эта-то любовь; впервые испытанная ею, заставила Біанку долѣе оставаться въ мансардѣ своего сосѣда. Утѣшенная мыслию, что отецъ даже не подозрѣваетъ этихъ свиданій, она позже начала возвращаться въ свою комнату. Эта неосторожность погубила ее.

Однажды передъ разсвѣтомъ, прекрасная Біанка возвратилась къ дверямъ своего дома и хотѣла отворотить ихъ. Но двери были заперты. Біанка старалась припомнить себѣ, притворила

ли она ихъ, уходя на свиданіе, и память говорила ей, что всѣ обычные предосторожности были ею приняты. Она терзалась въ догадкахъ.

Но вотъ какъ это произошло; каждое утро въ домъ Бартолеми Капелло приходилъ мальчикъ отъ хлѣбника, спросить, когда прикажутъ ему принести хлѣбъ. Въ этотъ день обстоятельства заставили его выйти изъ дому ранѣе и, выполнивъ свое порученіе, онъ ушелъ изъ дому Капелло, прежде чѣмъ Біанка возвратилась изъ мансарды Петра. По уходѣ его, люди тотчасъ же заперли двери.

Біанка поняла, что звать людей — значило погубить себя. Другаго же входа, по которому бы могла она пройти незамѣченною, не было, и ей оставалось одно только средство къ спасенію: вернуться къ своему любовнику и бѣжать изъ Венеціи. Съ свойственною своему характеру рѣшимостію, она возвратилась къ Петру и объявила ему, что они погибли, если тотчасъ же не выйдутъ изъ города.

— Если отецъ схватится меня, сказала она изумленному любовнику: и узнаетъ объ нашихъ свиданіяхъ, онъ убьетъ меня.

И, рыдая, бросилась она въ его объятія. Петръ обсудилъ всю опасность ея положенія, и въ головѣ его тотчасъ же родилась планъ побѣга. По счастью, было еще темно. На-скоро одѣвшись и взявши съ собою всѣ бывшія у него деньги, Петръ вышелъ изъ дому съ Біанкою, одѣтою только въ свою легкую мантилью, нанялъ гондольера и приказалъ вести себя къ подестѣ Венеціи, котораго недавно видѣлъ онъ у своего патрона. Онъ велѣлъ разбудить подесту и объявилъ ему, что имѣетъ нужду въ позволеніи тотчасъ же выѣхать изъ Венеціи, въ Феррару, по торговому дѣлу дома Сальвиати. Подеста, знавшій Петра за одного изъ повѣренныхъ этого дому, безъ всякаго подозрѣнія далъ ему испрашиваемое позволеніе, и Петръ радостно возвратился къ Біанкѣ, въ трепетѣ ждавшей его въ гондолѣ. Молодые любовники миновали церковь Св. Георгія, когда на колокольнѣ ея пробило 5 часовъ утра. Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ и темнота способствовала бѣгству. Петръ рассчитывалъ, что пройдетъ, по крайней мѣрѣ, четыре часа, пока Біанки схватятъ во дворцѣ Капелло и что они будутъ уже далеко, когда за ними отправятъ погоню. Такъ и случилось: бѣглецы скоро миновали Цювега и достигли Шидцы, не видя никакого преслѣдованія. Въ Шидцѣ Петръ отпустилъ гондольера, нанялъ болѣе удобное

будно, и въ тотъ же вечеръ прїѣхалъ въ Феррару. Этотъ городъ былъ тогда въ распрїѣ съ Венеціею, по поводу спора объ земляхъ Полатыны и потому весьма вѣроятно было; что Совѣтъ Десяти не пошлетъ него ни за Бѣглецами въ этотъ непрїязненный собѣ городъ.—Переночевавши въ Феррарѣ, любовники снова пустились въ дорогу, и черезъ четыре дня, безъ особенныхъ приключеній, прїѣхали во Флоренцію.

Въ этомъ городѣ, въ небольшомъ домикѣ, на углу площади Св. Марка, жило семейство Бонавентури, состоявшее изъ старика-деда и старушки-жены.—Старая чета приняла бѣглецовъ, какъ сына и дочь. На оставшіяся у Петра деньги, Біанка купила себѣ шелку и занялась вышиваньемъ, чтобы не обременять своего содержаніемъ добрыхъ, но бѣдныхъ родственниковъ своего любовника. Петръ же занялся писмоводствомъ и потому могъ постоянно быть въ мѣстѣ съ Біанкою. Нѣсколько дней спустя, одинъ священникъ, другъ семейства Бонавентури, обвинялъ ихъ.

Біанка однако же не обманулась въ своихъ предчувствіяхъ: всѣ сбирь Венеціи были въ поискахъ. Бартелемъ Капелло, женатый во второй разъ на сестрѣ патриарха Аквилей, былъ въ родственныхъ связяхъ съ знатнѣйшими домами Венеціи и громко требовалъ правосудія оболъстителю своей дочери. Патриархъ Аквилей, съ своей стороны, объявилъ, что все дворянство Венеціи оскорблено въ лицѣ его зятя. Бѣднаго Баптиста Бонавентури арестовали, подозрѣвая его въ содѣйствіи своему племяннику, и потомъ изгнали изъ республики, присудивши уплатить тысячу дукатовъ, въ казну совѣта Десяти и тысячу же Бартелему Капелло за оскорбленіе чести однимъ изъ его родственниковъ.

Сбирь Венеціи были разосланы повсюду и обѣщано было пять тысячъ дукатовъ тому, кто доставитъ оскорбленному отцу оболъстителя его дочери живаго.

Между тѣмъ Петръ спокойно жилъ во Флоренціи, у своихъ родственниковъ. Любовь между молодыми супругами была по прежнему пламенна и это тихое счастье бѣглецовъ продолжалось бы долго, если бы случай не раздѣлилъ Петра съ Біанкою.

Въ то время во Флоренціи былъ великимъ герцогомъ Козима I, происходившій изъ младшей линіи славнаго дома Медичи. Отъ супруги своей Елеоноры Толедской, онъ имѣлъ пятерыхъ сыновей и четырехъ дочерей. Сыновья эти были: Францискъ, Фер-

димадъ, донъ Петръ, Иоаннъ и несчастный донъ Гарсиа. Старшій изъ нихъ Францискъ былъ назначенъ наследникомъ.

Молодой Францискъ, нѣсколько лѣтъ уже помогавшій отцу своему въ управленіи государствомъ, былъ прекрасный принцъ, одаренный замѣчательною красотою и въ тоже время склонный къ любви, потребность которой такъ сильна въ его возрастѣ: ему было только 22 года. Этому-то Франциску судьбою назначено было разрушить семейное счастье молодыхъ Бонавентури. Вотъ какъ это случилось:

Проѣзжая однажды по площади Св. Марка, молодой принцъ увидѣлъ вдругъ, что къ ногамъ его лошади упалъ прекрасный цвѣтокъ. Принимая это за стараніе какой-нибудь красавицы обратиться на себя его вниманіе, Францискъ поднималъ голову и въ окнѣ одного дома съ подвѣтою сторою увидѣлъ прелестную 17 или 18-лѣтнюю головку. Стора тотчасъ же была опущена, но Францискъ успѣлъ разглядѣть это личико и былъ пораженъ его красотою.

Будучи прекрасенъ собою и испорченный придворными женщинами, онъ не хотѣлъ видѣть въ паденіи цвѣтка дѣло случая и далъ себѣ слово воспользоваться своимъ открытіемъ.

На другой день, въ тотъ же часъ, онъ снова проѣхалъ по площади Св. Марка. Стора знакомаго домика была опущена, но Франциску показалось, что изъ-за нея блестѣли два черные глаза.

Съ этого времени каждый день проѣзжалъ онъ мимо этого домика, и каждый разъ стора была опущена. Это только усилило его любопытство, и страсть, возбужденная въ немъ прелестнымъ видѣніемъ, не давала ему покоя.

Тогда онъ приказалъ одному изъ своихъ слугъ развѣдать о прелестной обитательницѣ таинственнаго домика и тотчасъ же уведомить его. Слуга выполнилъ данное порученіе, и донесъ герцогу, что въ немъ живетъ старая чета Бонавентури, принявшая къ себѣ, съ нѣкотораго времени, молодаго своего родственника и прекрасную дѣвицу. Болѣе слуга ничего не могъ сообщить герцогу. Францискъ рѣшился обратиться къ болѣе искусному человѣку.

Онъ не долго, впрочемъ, искалъ этого человѣка: при дворѣ тосканскомъ былъ одинъ знатный сеньоръ, полу-испанецъ и полунеполитанецъ, родившійся въ Терръ-де-Лабуръ, отъ одно-

го аррагонскаго семейства. Его звали Фабіо Арасола, маркизь Монтъ Драгонъ. Хитрый, какъ Испанецъ, готовый на всё услуги для приобрѣтенія себѣ власти, маркизь Монтъ Драгонъ, какъ нельзя лучше удовлетворилъ желаніямъ Франциска. На другой же день, послѣ своего выбора, молодой великій герцогъ приказалъ позвать къ себѣ царедворца.

Маркизь Монтъ Драгонъ вошелъ въ залу, гдѣ сидѣлъ Францискъ, и, вѣжливо поклонившись, остановился у двери.

—Маркизь, сказалъ ему герцогъ: я приказалъ позвать васъ....

—Приказаніе вашего высочества исполнено, и покорный слуга ждетъ вашихъ приказаній.

—Здѣсь не приказанія мои, любезный маркизь, должны возложить на васъ порученіе, но моя просьба. Я имѣю въ васъ крайнюю нужду.

— Я почту за счастье употребить силы мои на службу вашего высочества.

И маркизь снова поклонился.

—Садитесь здѣсь, любезный маркизь, примолвилъ Францискъ, указывая ему на кресла, стоявшія у стола: и поговоримте о дѣлѣ, для котораго я призвалъ васъ.

Маркизь повиновался, и Францискъ продолжалъ.

— Нѣсколько дней тому назадъ, я проѣзжалъ верхомъ по площади Св. Марка. Поровнявшись съ однимъ маленькимъ домикомъ, я увидѣлъ цвѣтокъ, упавшій къ ногамъ моей лошади, и въ то же время прелестная головка спряталась за сторы окна этого домика. Вы догадываетесь, маркизь, какъ долженъ я былъ принять этотъ знакъ вниманія. Съ того времени нѣсколько разъ возвращался я на прежнее мѣсто и ни разу не встрѣчалъ болѣе этого милостиваго личика. Не знаю, чему приписать подобную скрытность, не сознаюсь вамъ, маркизь, что меня сильно интересуесть эта незнакомка.

—Можетъ быть, ваше высочество, сказалъ маркизь, начинавшій понимать въ чемъ дѣло и уже обсудившій всё выгоды, какія могъ онъ извлечь для себя изъ положенія великаго герцога: можетъ быть, это какая-нибудь добродѣтельная супруга, опасаящаяся возбудить подозрѣнія своего ревниваго мужа и въ то же время желающая привлечь ваше вниманіе.

—Вы угадали, маркизь, отвѣчалъ Францискъ: я развѣдывалъ объ этой молоденькой женщинѣ и узналъ, что она дѣйствительно за мужемъ.—Но слуга, которому я поручилъ это развѣдываніе, ничего болѣе не могъ сообщить мнѣ.

Маркизь очень хорошо понималъ, какое герцогъ хочетъ возложить на него порученіе, но какъ хитрый придворный, онъ не хотѣлъ предложить самъ свои услуги и ждалъ просьбы со стороны самаго герцога. Немного подумавши, онъ отвѣчалъ:

— Въ такомъ случаѣ, Ваше Высочество, я думаю, нельзя имѣть надежды на успѣхъ: бдительность мужа, вѣроятно, будетъ преградой вашему сближенію съ прелестною особою, счастливою тѣмъ, что заинтересовала ваше вниманіе. Мнѣ кажется, ваше высочество, что вамъ придется отказаться отъ своихъ желаній.

— О, нѣтъ! вскричалъ Францискъ: мнѣ не хотѣлось бы этого. Я чувствую, что мнѣ будетъ тяжело, если мое любопытство не удовлетворится. Я непременно хочу увидѣться съ нею.

Маркизь молчалъ, рѣшившись до конца выдержать свою политику. На безстрастномъ лицѣ его не отражалось никакого чувства: казалось, что онъ далекъ былъ отъ мысли хлопотать по этому дѣлу. Нетерпѣливый Францискъ рѣшился наконецъ самъ просить маркиза помочь ему въ исполненіи своего желанія. Онъ подвинулъ свое кресло къ маркизу и продолжалъ:

— Я бы хотѣлъ, маркизь, чтобы вы похлопотали... узнали... развѣдали объ этой незнакомкѣ...

— Какъ, ваше высочество, вскричалъ хитрый Испанецъ: вы хотите возложить подобное порученіе на своего стараго придворнаго, который самъ имѣетъ супругу и семейство? Мнѣ кажется, ваше высочество, что подобныя хлопоты предосудительны въ моемъ положеніи.

— Вы только узнайте объ ней подробнѣе, маркизь, проговорилъ Францискъ, не много смѣшавшійся отъ этого неожиданнаго отказа: вы только узнайте, гдѣ я могу съ нею видѣться, а остальное я приму уже самъ на себя.

— Ваше высочество говорите мнѣ это тогда, когда вы убѣждены—въ чемъ я совершенно увѣренъ—что того, что вы берете на себя, вы не въ состояніи исполнить. Въ такомъ случаѣ, мои развѣдыванія будутъ для васъ столь же полезны, какъ и свѣдѣнія, доставленныя вашими слугою.

— Ну, тѣмъ лучше, маркизь, вскричалъ Францискъ: вы сами сознаетесь, что необходимы для меня и между тѣмъ отказываете мнѣ въ моей просьбѣ!

— Но, ваше высочество.....

— Вы опять скажете, прервалъ его герцогъ: что вы отецъ семейства, что вамъ неловко вести подобную интригу и прочее.

Помоете, маркизь, притворяться святошею. Вы знаете, что я буду признателенъ за вашу услугу. Короче, я хочу отъ васъ этого!

—Если ваше высочество приказываете мнѣ, сказалъ маркизь, почтительно кланяясь: я долженъ повиноваться.

—Ну, и прекрасно! Вы сдѣлаете это секретно, честь ваша нисколько не пострадаетъ, и притомъ я сочту это за услугу великаго стараго друга. Вы согласны, маркизь?

—Я не осмѣлюсь ослушаться приказаній вашего высочества.

—Ну, положимъ, что я вамъ приказываю, если вы не хотите исполнять моей просьбы. Дѣло рѣшено, и вы доставите мнѣ съ нею свиданіе. Не правда ли?

—Я готовъ повиноваться вашему высочеству!

Францискъ насмѣшливо улыбулся. Онъ понималъ причину нерѣшительности челоуѣка, котораго всегда зналъ за хитреца.

—И такъ вы скоро доставите мнѣ это свиданіе? спросилъ онъ.

—Я думаю, Ваше Высочество, что для этого вамъ придется ждать около двухъ недѣль.

—Двѣ недѣли, вскричалъ герцогъ: да это пытка для моего терпѣнія!

—Я не могу обѣщать вашему высочеству скорѣйшаго исполненія. Дѣло, можетъ быть, слишкомъ трудное. Надобно сперва развѣдать объ этомъ семействѣ, нужно сойтись съ нимъ и, можетъ быть, придется употребить хитрость, чтобы заманить къ себѣ эту прекрасную особу, если ей нельзя будетъ принять у себя вашего высочества.

Франциску не хотѣлось отлагать исполненія своего желанія на столь продолжительное время, но нужно было согласиться: маркизь представилъ такіа убѣдительныя причины.

—Дѣлать нечего, сказалъ онъ: я даю вамъ этотъ срокъ, хотя мнѣ и тяжело рѣшиться на такую отсрочку. Но смотрите, маркизь, черезъ 14 дней, я потребую у васъ исполненія моего порученія. Прощайте.

Маркизь поклонился и вышелъ.

Возвратясь въ великолѣпный дворецъ свой, построенный славнымъ Аманато, онъ тотчасъ же передалъ разговоръ съ великимъ герцогомъ своей супругѣ. Раздѣлявшая съ мужемъ его надежды и сведывшаяся съ нимъ по характеру, маркиза приняла на себя важнѣйшую часть порученія: она велѣла познать

ся съ домоу Бонавентури. Въ тотъ же день супруги оставили планъ своихъ дѣйствій.

На другой день, рано по утру маркиза Монть Драгонъ приказала заложить экипажъ и, сопровождаемая верховымъ, поѣхала на площадь Св. Марка. Какъ она предъугадывала, такъ и случилось. Въ 8 часовъ старушка Бонавентури вышла изъ своего дома съ корзинкою въ рукахъ, чтобы идти за покупками на рынокъ. Маркиза приказала своему экипажу издалика слѣдовать за этою женщиною.

На углу улицы Кокомеро и Пуцци, она подозвала къ себѣ верховаго и приказала ему галопомъ опередить старушку и испугать ее. Верховой удачно исполнилъ приказаніе. Испуганная пронесешюся лошадыю, Бонавентури уронила корзинку изъ рукъ, упала на мостовую, и стала призывать на помощь. Подоспѣвшая маркиза вышла изъ экипажа, приняла участіе въ бѣднѣйшей женщинѣ, спрашивала, не ранена ли она, упрекала себя въ этомъ несчастіи и, прежде чѣмъ Бонавентури успѣла вымолвить слово, маркиза посадила ее возлѣ себя и приказала кучеру ѣхать на площадь Св. Марка. Дорогою она безпрестанно спрашивала старушку, не чувствуетъ ли она ушиба, и наконецъ просила ее позволить довести себя до дому. Бонавентури не знала, чему приписать такую заботливость знатной дамы о бѣдной женщинѣ.

Добѣхавши до домика, маркиза проводила ее въ комнаты, говоря, что не прежде оставить ее, какъ въ кругу семейства, которому передастъ она свои попеченія. Потомъ, маркиза простилась съ нею и, уѣзжая, прибавила, что завтра она заѣдетъ навѣдаться о здоровѣ своей новой знакомки.

На другой день маркиза, разумѣется, снова заѣхала въ домикъ на площади Св. Марка. Въ этотъ разъ она сѣла, осталась на нѣсколько минутъ и объявила, что она придворная дама и что мужъ ея былъ наставникомъ молодаго великаго герцога. При этомъ извѣстіи, старики помѣнялись взглядами, которые не скрылись отъ маркизы. Оставляя Бонавентури, она обѣщала еще разъ заѣхать къ нимъ.

Между тѣмъ маркизъ Монть Драгонъ разузналъ съ своей стороны, что старики Бонавентури имѣли родственника въ Венеціи, обвиненнаго въ обольщеніи молодой Венеціанки изъ знатнаго дома и бѣжавшаго съ нею изъ отечества. Пользуясь этимъ свѣдѣніемъ, хитрая маркиза въ слѣдующее посѣщеніе, разго-

варивай со старушкою, неожиданно спросила ее, давно ли она получила письмо отъ своего родственника изъ Венеціи. Старушка поблѣднѣла и вскрикнула:

— Такъ вы все знаете, маркиза?

Но маркиза не хотѣла признаться, что развѣдываетъ о положеніи бѣднаго семейства, и отвѣчала, что ничего не знаетъ, но что если она можетъ быть чѣмъ-нибудь полезна почтенному семейству, то проситъ откровенно разказать ей все и обѣщаетъ употребить свое вліяніе на мужа и силу его при дворѣ великаго герцога, чтобы услужить старушкѣ.

Обманутая добротою маркизы, старушка подробно разказала ей чудную исторію любви Петра и Біанки Капелло.

Послѣ разказа Бонавентури нельзя было сомнѣваться въ томъ, что прекрасная незнакомка, бросившая цвѣтокъ къ ногамъ великаго герцога, была никто иная, какъ Біанка Капелло. Маркиза поняла, что протекція великаго герцога могла быть весьма полезна для бѣглецовъ, и тотчасъ же оцѣнила всѣ выгоды своего положенія. Она усильно просила старушку показать ей прекрасную Біанку, участь которой такъ сильно интересуетъ ее. Біанка явилась и, изумленная ея красотою, маркиза тотчасъ же рѣшила, что во что бы то ни стало, Біанка Капелло непремѣнно будетъ имѣть свиданіе съ молодымъ герцогомъ.

Создавши въ умѣ своемъ планъ свиданія ея съ Францискомъ, маркиза просила Біанку, именемъ будущей дружбы, посѣтить, ея палатцу. Прекрасная Венеціанка сначала отказывалась, говоря, что боится быть узнаною кѣмъ-нибудь изъ соотечественниковъ, бывшихъ тогда во Флоренціи, и притомъ прибавила, что она не имѣетъ приличной одежды, чтобы посѣтить дворецъ маркизы, не уступающей, вѣроятно, въ великолѣпнн дворцу ея отца. Маркиза улыбулась на эти доводы и, не повторяя своихъ просьбъ, уѣхала домой.

На другой день она прислала за Біанкою карету и лучшія свои платья, приказавши сказать, что карета скроетъ ее отъ глазъ любопытныхъ, а платья доставятъ ей случай, не краснѣя, посѣтить палатцу маркизы. При этомъ, въ особомъ письмѣ, она уведомила Біанку, что мужъ ея обѣщался выхлопотать у великаго герцога охранную грамоту Петру Бонавентури, только съ условіемъ лично увидѣть ту, въ судьбѣ которой супруга его принимаетъ столь дѣятельное и горячее уча-

стіе. Старушка Бонавентури приглашена была сопровождать свою нареченную дочь.

Біанкѣ самой хотѣлось побывать во дворцѣ Монть Драгоновъ. Уединенная жизнь у своихъ родственниковъ наскучила ей; сравненіе общества, поощравшаго изрѣдка бѣдное семейство, съ аристократическимъ гордымъ дворянствомъ Венеціи, не было, разумѣется, лестно для перваго. Притомъ въ пылкой душѣ Венеціанки зародилось, можетъ быть, желаніе неизвѣстнаго, пламенная жажда чего-то, въ чемъ не могла она дать себѣ отчета. Охранная грамота мужу служила ей предлогомъ согласиться на просьбу маркизы, а великолѣпныя платья, въ которыхъ Біанка находила себя прелестною, сильно заинтересовывали тщеславіе молодой и хорошенькой женщины, и съ этой минуты Біанка была погибшею: дочь Еввы желала вкусить запрещеннаго плода.

Старушка сѣла съ нею въ присланную карету и они поѣхали къ Віа-ель-Карнесекчи близъ Санта Маріа Нувель, гдѣ былъ построенъ дворецъ Монть Драгоновъ. Маркиза ожидала ихъ въ маленькой залѣ, и, послѣ первыхъ привѣтствій, извинилась, что мужъ ея, позванный къ великому герцогу, не могъ лично встрѣтить прекрасную гостью. Впрочемъ, она тотчасъ же послала за нимъ слугу, и черезъ нѣсколько времени, мужъ ея вошелъ въ залу.

Маркизь былъ пораженъ красотою 18-ти-лѣтней Біанки и вслухъ высказалъ свое удивленіе: хитрый придворный зналъ, что нескромная лесть въ этомъ случаѣ не ненормативна дѣла.

Біанка привстала и хотѣла было разказать маркизу свою исторію, сообщенную маркизѣ старушкою Бонавентури, но при первыхъ словахъ, Монть Драговъ сказалъ, что онъ вѣрить вполнѣ дѣйствительности разказа и увѣренъ, что подобный ретикъ не можетъ лгать и такіе прекрасные глаза не могутъ обманывать. Онъ обѣщалъ Біанкѣ въ тотъ же день переговорить съ герцогомъ объ охранной грамотѣ и на другой день доставить ее Біанкѣ. Потомъ маркизь, извинилась что его ожидаетъ великій герцогъ, поклонился и вышелъ. Онъ сѣвшилъ увѣдомить Франциска, что Біанка была у него въ домѣ. — Между тѣмъ старушка Бонавентури обезпачила отъ гордости, а Біанка плакала изъ благодарности къ доброму семейству Монть Драгоновъ.

По уходѣ маркиза, Бонавентури и Біанка хотѣли увѣчать

но маркиза удержала ихъ, говоря, что въ такомъ случаѣ она почтетъ прїѣздъ ихъ за визитъ ея мужу, а не за посѣщеніе искренно любящей ихъ прїятельницы.—Эти слова привудили Біанку снова присѣсть, и старушка, согласовавшая всѣ свои движенія съ движеніемъ своей нареченной дочери, также осталась.

Черезъ нѣсколько минутъ маркиза подошла къ Біанкѣ, взяла ее за руку и сказала:

— Я хочу показать вамъ, милая Біанка, комнаты моего дома и узнать ваше мнѣніе объ нихъ. Я думаю онѣ далеки отъ великолѣпныхъ дворцовъ Венеціи. Матушка ваша подождетъ насъ здѣсь, черезъ нѣсколько минутъ мы вернемся.

И она повела Біанку по великолѣпнымъ апартаментамъ своего дворца. Старушка Бонавентурн благодарила Бога за неожиданное счастье, ниспосланное Біанкѣ въ покровительствѣ знатной дамы.

Маркиза привела Біанку въ роскошный будуаръ свой, окна котораго выходили въ садъ. Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ и запахъ распускавшихся цвѣтовъ наполнялъ будуаръ благоуханіемъ. Маркиза взяла со стола ящичекъ отперла его и вынула кучу драгоценныхъ діамантовъ, перстней, серегъ, осмыанныхъ алмазами, смарагдами и сапфирами; надѣла всѣ эти драгоценности на шею Біанки и подвела ее къ зеркалу: тщеславіе молодой женщины было возбуждено.

Вдругъ маркиза передала ящичекъ Біанкѣ и сказала ей:

—Примѣрьте, пожалуйста, безъ меня прочія бездѣлушки: я оставляю васъ на нѣсколько времени, и пойду за платьями, самыми по модѣ вашей Венеціи, въ которыхъ вы, вѣроятно, въ тысячу разъ будете прелестнѣе. Черезъ нѣсколько минутъ я возвращусь къ вамъ.

И съ этими словами, маркиза вышла.

Біанка, между тѣмъ, продолжала примѣривать драгоценности, и смотрѣлась въ огромное зеркало, какихъ не видала она и въ Венеціи, славившейся въ то время зеркалами. Вдругъ ей показалось, что сзади ея стоитъ мужчина: Біанка быстро обернулась, передъ нею былъ Францискъ.

Первымъ движеніемъ ея было бѣжать, но Францискъ почти-тально удержалъ ее. Испуганная неожиданнымъ появленіемъ великаго герцога, Біанка поблѣдѣла и, ставши передъ нимъ на колѣно, сказала ему:

— Богу угодно было лишить меня родственниковъ, защит-

никовъ, отнять у меня богатство и счастье и отечество: при мнѣ осталась одна только моя честь. Отдаю ее подъ защиту вашу.

— Не бойтесь ничего, сеньора, отвѣчалъ Францискъ, приподнимая ее, я пришелъ сюда безъ дурныхъ намѣреній, будучи привлеченъ интересностію вашего положенія. Скажите мнѣ только, чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ? Смотрите на меня, какъ на покровителя и брата, и подъ эгидою этого двойнаго титула требуйте, чего вамъ угодно. Все, что только во власти человѣка, будетъ исполнено мною!

И не желая беспокоить Біанку продолжительнымъ присутствіемъ, Францискъ почтительно наклонилъ голову и вышелъ....

Біанка еще не опомнилась отъ изумленія и безпокойства, причисленнаго ей этимъ явленіемъ, когда возвратилась маркиза. Увидя блѣдную и трепещущую Біанку, хитрая женщина съ участіемъ подошла къ ней и спросила:

— Что съ вами, прелестная Біанка?

Но Біанка не могла ничего отвѣчать и только непнятно шептала:

— Герцогъ, герцогъ!

Маркиза коварно улыбнулась.

— А, сказала она: герцогъ былъ здѣсь! Не удивляйтесь, прелестная Біанка, неожиданности этого прихода: герцогъ часто приходитъ этою потаенною дверью къ моему мужу поговорить съ нимъ о дѣлахъ государства. Вѣроятно, маркизъ опоздалъ къ нему, и герцогъ самъ пришелъ навѣдаться объ немъ. Онъ видѣлъ васъ, милая Біанка? тѣмъ лучше! Это свиданіе еще болѣе расположитъ его къ вашему мужу!

Біанка поглядѣла на маркизу тѣмъ глубокимъ и провинцательнымъ взглядомъ, который такъ удачно былъ переданъ кистию Брончино, и закрыла глаза руками.

— Ахъ, маркиза, вскричала она, падала на кресла: вы меня погубили!...

— Успокойтесь, Біанка, прервала маркиза, обнимая и цѣлуя ее въ голову: я беру за ранѣе весь грѣхъ на себя!

Біанкѣ объятія эти показались змѣиными.

Блѣдная, взволнованная, возвратилась она въ скромный домикъ на площади Св. Марка, рѣшившись тотчасъ же пересказать свою тайну мужу. Но при входѣ его въ комнату эта рѣшимость оставила ее и она смолчала. Старушка Бонавертури также ничего не знала объ этомъ свиданіи....

Черезъ восемь дней, Петру Бонавентури ничего было быстрое, а Біанкѣ Камелло ничего было терять.

Съ этого свиданія, Францискъ изменялъ тысячи средствъ, чтобы помочь чѣмъ либо Біанкѣ, и первому услугою его было назначеніе Петра Бонавентури въ должность придворнаго камергеря. Петра это нисколько не удивило, онъ принималъ эту милость герцога вліянію на него Монть Драгоновъ и находилъ весьма естественнымъ, что герцогъ радъ былъ служить сдѣлать доброе дѣло. Бѣдный Бонавентури былъ еще въ томъ возрастѣ, когда сердце вѣрить, что добро дѣлается только нѣ удовольствію дѣлать его.

Впрочемъ, нечаялъ скоро побѣдила Біанку, Франциску было только 23 года и задолго еще до пріѣзда ея во Флоренцію, она была обрученъ съ Іоанною, Австрійскою принцессою. Время назначенное для совершенія брака, наступило и не мѣла было протрастать законамъ политики. Козьма I былъ тогда еще живъ и требованія его были непреклонны; подобно великимъ судьбамъ онъ назначалъ сыну своему невесту, и братъ совершался.

Молодой герцогъ утѣшалъ сѣтующую Біанку: онъ утѣрялъ ее, что хотя титулъ великой герцогини будетъ принадлежать другой, но сердце всегда останется вѣрно Біанкѣ. Последняя желала не одной только любви Франциска, но наученная первою ошибкою, она рѣшилась притвориться и скрыла движеніе гордости въ глубинѣ своего сердца.

Францискъ сдержалъ свое слово. Занятый новою должностію, Петръ Бонавентури не подозрѣвалъ, что Біанка имѣетъ свиданіе съ герцогомъ во дворцѣ Монть Драгоновъ.

Эти свиданія сдѣлались вскорѣ такъ часты, что Козьма I узналъ объ нихъ и 25 февраля 1569 писалъ къ Франциску:

«Уединенныя прогулки и ночныя путешествія по улицамъ Флоренціи опасны и для чести и для жизни, особенно, когда онѣ совершаются каждую ночь. Я не могу вамъ сказать, къ какимъ дурнымъ послѣдствіямъ можетъ привести подобное поведеніе».

Вѣроятно, Францискъ понялъ всю справедливость словъ Козьмы I, потому-что, черезъ нѣсколько дней послѣ брака, онъ пересталъ притворяться и помѣстилъ Біанку во дворецъ Віа Меджіа. Петръ Бонавентури совершенно уже былъ оставленъ ею.

Въ самомъ дѣлѣ, сладострастный воздухъ Флоренціи заразилъ

Бланка не могла, она начала проводить ночи на буйныхъ шир-
нностяхъ и шумныхъ оргіяхъ и въобщемъ въ одну изъ зна-
чайшихъ дачъ Флоренціи. Родственники не находили ничего
предосудительнаго въ томъ, что эта дача имѣетъ любовника,
пр. самолюбіе ихъ оскорблялось низкимъ званіемъ Петра. Это
прямое распри, и въ горячей осорѣ съ племянникомъ своей
любви, Бонавентури ударилъ его въ лицо и, охвативши
пистолетъ, угрожалъ застрѣлить, если тотъ не перестанетъ
выѣзжать въ это дѣло. Племянникъ, не хотѣвшій стрѣлять
съ прогнанникомъ такого низкаго званія, пожаловался Козьмѣ.
Восемь дней спустя, Бонавентури найденъ былъ ночью при
входѣ во дворецъ Виз Маджиа, покрытый 25 ранами. Вооружен-
ные люди явились на него близъ места Св. Троицы и побѣди-
ли Біанку отъ мужа.

Бланка не объяснила смерти своего мужа. Дѣйствительно,
любовь, такъ страшно соединившая ее съ Бонавентури, казалась,
совершенно охладѣла съ пріѣдомъ ихъ во Флоренцію. Выре-
ченъ, можетъ быть, она и жалѣла его, но, по крайней мѣрѣ,
это чувство осматрива глубоко было скрыто у ней въ сердцѣ.
Она знала, какъ нуждался въ веселыхъ словахъ и лицѣ, Фран-
цискъ, утомленный государственными заботами.

Молодой великій герцога не любилъ своей супруги, и эта
нелюбовь проходила не отъ единичныхъ недостатковъ Юанны
но отъ совершенной разности ихъ характеровъ. Воспитанная
при строгомъ дворѣ Австріи, Юанна получала благочестивое
направленіе и съ ужасомъ смотрѣла на вольные нравы Италіи.
Такое направленіе, разумѣется, не могло нравиться пылному
герцогу Франциска и отталкивало его отъ Юанны.

Хотя Францискъ ничего не говорилъ Біанкѣ объ отношеніяхъ
своихъ къ супругѣ; но она угадывала ихъ, чувствовала, что на-
стоящею великою герцогиней Тосканы была она сама.

Юанна нѣсколько разъ выговаривала супругу за его холод-
ность, жаловалась и стѣновала на судьбу свою. Но эти жалобы не
только не привлекали къ ней Франциска, но еще болѣе отдаляли
его: Юанна обратилась съ своими роптаніями къ Козьмѣ I.
Удовлетворивши бракомъ своего сына условіями политики,
Козьма не хотѣлъ выѣзжать въ семейныя дѣла своего на-
сѣдника и отвѣчалъ Юаннѣ, что она дождется ей не вѣрны
тому, что говорить, что молодость должна имѣть забавы, что
въ поведеніи Франциска нѣтъ ничего обиднаго для нея, и пр.

и пр.. Подобныя утѣшенія, разумѣется, не могли удовлетворить Иоанну. Тогда желаніе мести вошло въ душу высококой цари-цесарей, и такъ какъ оно не могло быть осуществлено, то это сдерживаемое стремленіе гнѣва вало со собою мстину.

Она скончалась въ родяхъ, оставивъ своему мужу трехъ дочерей и сына.

На смертномъ одрѣ, она призвала къ себѣ Франциска и, устремивъ на него потухающій взоръ, сказала ему:

— Болѣзнь моя неизлечима, Францискъ, и я чувствую смерть къ груди моей. Поручаю вамъ дѣтей напикъ и добрыхъ людей восточествошниковъ, прибывшихъ со мною отъ двора Австріи. Живите, герцогъ, благочестиво, чего никогда вы до сирѣ царя не дѣлали и помните, что Иоанна была законная супруга ваша передъ людьми и Богомъ и что она васъ ажно любила!

И съ этими словами она обняла и благословила дѣтей, прильнула губами къ щекѣ Франциска и, обвивъ руками его шею, скончалась 10 апрѣля 1578 года.

Смерть супруги произвела глубокое впечатлѣніе на Франциска: первымъ движеніемъ его было выполнить послѣднее волю Иоанны. Въ этой рѣшимости, онъ оставилъ Флоренцію и удалился въ одинъ изъ отдаленныхъ своихъ замковъ.

Но такой быстрый переходъ отъ прежней разгульной жизни къ совершеному уединенію былъ тяжелъ для Франциска; рѣшимость его, вынужденная минутною вспышкою чувства, не могла быть продолжительна. Между тѣмъ письма Біанки колебали его спокойствіе, а присутствіе ея все довершило: Францискъ возвратился во Флоренцію.

Вскорѣ самолюбивое желаніе Біанки было выполнено Францискомъ: по совѣту духовника своего, подкупленнаго Біанкою, 18 іюня 1579 года, спустя 15 мѣсяцевъ послѣ смерти Иоанны, Францискъ былъ тайно обвиненъ съ нею въ часовѣхъ палатца Пятта. Козьмы I уже пять дѣтъ не было въ живыхъ.

Этотъ тайный бракъ произвелъ неудовольствіе въ народѣ и раздоры въ семействѣ Франциска. Тосканцы любили покойную Иоанну за ея доброту и благочестіе; ей грустно было видѣть, какъ этотъ бѣдный брачный сѣвара увалъ подъ лучами слѣзкою жгучаго для него южнаго солнца. Много слезъ непроднаго состраданія было выронено на ея великолѣпную гробницу, и новый бракъ герцога показался народу святотатствомъ.

Въ семействѣ Франциска встрѣтили радоры.

Кардиналъ Фердинандъ, братъ его, видя больного и слабого сына Франциска отъ Иоанны Австрійской, надѣлся со временемъ присвоить себѣ корону Тосканы. Между тѣмъ событія едва не поколебали эту надежду.

Біанка, всенародно объявленная великою герцогинею 1 сентября 1579 года, предчувствовала скорую смерть своего больного насынка и хотѣла во чтобы то ни стало, доставить наследника Франциску.

Она обратилась къ какой-то Еврейкѣ, славившейся своими колдовствомъ, но ни заклинанія, ни вѣты, ни шептанья не могли помочь горю великой герцогини. Тогда въ головѣ Біанки ожилась мысль достать себѣ сына отъ какой-нибудь бѣдной женщины. Рѣшившись на это, она объявила Франциску, что носить подъ сердцемъ плодъ любви его, и притворилась беременною. Между тѣмъ одна изъ ея приближенныхъ хлопотала о рабѣнкѣ.

Деять мѣсяцевъ разыгрывала Біанка эту комедію съ удивительнымъ притворствомъ и ловкостію: не только Францискъ, но и весь дворъ, и народъ были увѣрены въ ея действительной беремености. Цѣлыя недѣли проводила она въ постели и наконецъ ночью на 29 августа было назначено разрѣшеніе отъ бремени.

Съ утра Біанка начала выказывать ужасныя страданія. Услышавъ объ нихъ, Францискъ тотчасъ же пришелъ въ ея комнаты и сказалъ, что онъ не покинетъ Біанку во все продолженіе родовъ ея. — Эта вѣжливость поугала великую герцогиню: она боялась, чтобы Францискъ не открылъ обмана, и потому рѣшилась дожидаться ночи.

Въ 3 часа, когда утомленный дневною заботливостію Францискъ, съ трудомъ сидѣлъ у кровати больной супруги, Біанка притворилась спящею. Великій герцогъ, видя прекратившіяся страданія, разсудилъ, что разрѣшеніе отъ бремени, вѣроятно, будетъ на другой день, тихонько вышелъ изъ комнаты Біанки, прошелъ въ свои апартаменты, раздѣлся и легъ въ постель.

Но не успѣлъ онъ еще заснуть, какъ приближался довести ему, что великая герцогиня благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Францискъ благодарилъ судьбу за исполненіе его пламеннѣйшаго желанія и назвалъ новорожденного *Антоніо*.

Впрочемъ, подлогъ этотъ вскорѣ открылся. Приближенная

не сказали, что Біанка понапрасну трудилась надъ тортомъ, я самъ отвѣдаю его.

И онъ отрѣзалъ кусокъ торта и положилъ его къ себѣ на тарелку.

Біанка пошла въ западную, устроенную ею же самую. Она боялась остановить мужа и признаться ему во всемъ. Сильная ненависть кардинала, хотя и затаенная имъ глубоко въ сердцѣ, не опустила бы этого случая къ новому обвиненію. Оставить же мужа въ неизвѣстности, значило погубить его и тогда положеніе было бы еще тягостнѣе.

Съ обычной своему характеру рѣшимостью, Біанка взяла себѣ лучшую часть торта и съѣла ее.

На другой день великій герцогъ тосканскій Францискъ I и великая герцогиня Біанка Капелло были мертвы.

Фердинандъ объявилъ Флоренціи, что братъ и невѣстка его скончались скоропостижно отъ угара, сбросилъ свою кардинальскую мантию и взомелъ на тосканскій престолъ подъ именемъ Фердинанда I-го.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Берлинъ.

Не знаете ли вы, кто первый опредѣлилъ пары къ цеху мастеровыхъ? Англичанинъ, Французъ, Китаецъ или Индѣецъ? Англичане приписываютъ себѣ эту честь, на томъ основаніи, что никто, кромѣ ихъ, ничего не можетъ выдумать. Французы сознаются съ свойственною имъ скромностью, что великая нація мастерица *выдумывать*, но въ примѣненіи своей выдумки къ дѣлу неискусна.

— Мы изобрѣтаемъ, говорятъ Французы, и попадаемъ въ домъ ума лишенныхъ; Англичане пользуются нашими изобрѣтеніями и попадають въ гени!

Крайности соприкасаются.

Чтобы раздосадовать Французовъ, Англичане распустили слухъ, что Китайцы давнымъ давно употребляютъ силу паровъ. Чтобы *разозлить* Англичанъ, одинъ французскій ученый объявилъ, что открылъ въ Индіи слѣды рельсовъ—изъ чего явствуетъ, что еще у Индѣйцевъ были желѣзные дороги. Германія насмѣшливо смотритъ на двухъ противниковъ. Германія увѣрена, что за долго до открытія силы паровъ, мысль о примѣненіи ихъ къ дѣлу созрѣвала въ умѣ Нѣмца. Но мысль Нѣмца не грѣбъ—въ од-

ну... не выростеть; она, подобно кактусу, цвѣтетъ одинъ только разъ во сто лѣтъ.

На желѣзной дорогѣ изъ Берлина въ Потсдамъ, я очень обидѣлъ одного Француза, приписавъ примѣненіе паровъ къ механикѣ Англичаннамъ.

— Мы, мы изобрѣли пары! утверждалъ Французъ, горячась.

Я хотѣлъ спросить его, не изобрѣли ли *они* же и воду, и огонь, но не успѣлъ—поѣздъ остановился въ Потсдамѣ.

Въ окрестностяхъ этого историческаго города течетъ Гафель, рѣка извилистая, прихотливая до-нельзя; то она течетъ журчащимъ ручейкомъ, то разливается озеромъ, омывающимъ берега нѣсколькихъ островковъ, то опять суживается, какъ слѣдуетъ порядочной рѣкѣ. Прихотливое теченіе Гафеля и берега его, которые смѣло можно назвать живописными, послѣ плоскихъ, песчаныхъ равнинъ, окружающихъ Берлинъ, обратили на себя вниманіе Фридриха Великаго и—онъ создалъ здѣсь дворцы и сады.

Потсдамъ довольно большой и опрятный городъ, выстроенный въ тяжеломъ архитектурномъ стилѣ.

Отъ желѣзной дороги ведетъ длинный мостъ, черезъ Гафель, къ королевскому дворцу, огромному, трехъ этажному зданію, фасадъ котораго украшенъ статуями изъ песчаника и сѣннсами. Дворецъ этотъ выстроенъ былъ въ XV столѣтіи, но Фридрихъ Великій перестроилъ его. Внутренность дворца,—я уже описалъ вамъ столько дворцовъ, что боюсь надоѣсть, а потому упомяну только о замѣчательнѣйшемъ въ Потсдамскомъ дворцѣ.

Тутъ на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ воспоминанія о Фридрихѣ Великомъ; въ первой залѣ мраморный бюстъ его; далѣе фортепіано, на которомъ знаменитый піанистъ аккомпанировалъ ему ноты; автографы, сочиненія Фридриха, столъ, крытый бархатомъ и забрызганный его чернилами. Въ бархатѣ прорѣха,—Наполеонъ вырѣзавъ этотъ кусокъ бархата, на память.

Вотъ спальня Фридриха II; за балюстрадами изъ массивныхъ серебряныхъ статутокъ, библіотека; тамъ люстры, которые онъ употреблялъ въ своихъ частныхъ концертахъ; зонтикъ, защищавшій глаза его отъ солнца; зрительная труба, сопровождавшая его во всѣхъ славныхъ битвахъ и уважившаяся личному дамамовидности его съ нравственною.

Вотъ столовая съ круглымъ столомъ на четыре прибора; по срединѣ стола пружина, замѣнявшая официантовъ; при дальнѣйшей этой пружины тарелки и блюда отправлялись внизъ, въ кухню, и возвращались оттуда. Четыре прибора выкрывались для короля-шесова Фридриха, короля философовъ Вольтера, генерала Динана и Ридина.

Бланка, унижованная во объездъ; купила за 1000 дукатовъ, недавно рождаемаго еяюю бѣднаго младенца, ребенка, тайно пронесла его въ спальню инной родильницы и спрятала въ камбелли. Когда же объездъ былъ совершенъ и приближенная получила за услугу свою известную сумму денегъ, Бланка была оставлена подобную тайну въ рукахъ женщины. Случай избавился отъ опасной женщины, вскорѣ открылся: она поѣхала въ Болоню, и Бланка послала за нею погоню: въ Аппенинскихъ горахъ, несчастную схватили, ранили ее смертельно двумя выстрѣлами, однакоже не убили. Подосѣвшая на помощь стража поджала раненую, перевезла ее въ Болоню и разыскавъ о причинѣ убійства начался. Передъ кончиною, умиравшая созналась во всемъ, говоря, что она готова поклясться передъ распятіемъ Спасителя въ дѣйствительности словъ своихъ. — Признание ея было передано кардиналу Фердинанду, бывшему тогда въ Римѣ. Кардиналъ рѣшился невременно воспользоваться этимъ открытіемъ.

Онъ тотчасъ же передалъ брату полученное имъ извѣстіе; но великій герцогъ не хотѣлъ и слышать о подобномъ объездѣ. Это объявленіе произвело разрывъ между братьями; письма ихъ стали рѣже и язвительнѣе; поговаривали даже о публичномъ протестѣ, который будто бы хотѣлъ сдѣлать кардиналъ во Флоренціи.

Бланка увидѣла, что она погибнетъ, если Фердинандъ выполнитъ свою угрозу, и рѣшилась, во что бы то ни стало, помирить братьевъ. Кардиналъ самъ подалъ ей къ этому средства.

Будучи великодушнымъ до расточительности, Фердинандъ не могъ довольствоваться одними своими доходами. У него часто не хватало денегъ на поддержаніе пышности, причинной по его мнѣнію, сану кардинала. Въ этихъ-то обстоятельствахъ онъ всегда обращался къ Франциску и пока братья жили въ согласіи, просьбы его выполнялись. Послѣ же объясненія, Франциску тѣсно и рѣшительно отказалъ Фердинанду въ деньгахъ. Этотъ отказъ поставилъ кардинала въ чрезвычайно затруднительное положеніе: онъ не зналъ, куда приклонить свою голову.

Пользуясь этимъ положеніемъ кардинала, Бланка написала къ нему письмо, предлагаая посредничество свое между мужемъ и кардиналомъ и прося Фердинанда, за услугу ея поѣздитъ

ея въ ту же осень. Кардиналь, выждавшійся въ дельтакъ, чрезъ вычѣйно обрадовався этому предложению и общалъ ей выслушать все, чего она отъ него не захочеть. Тогда Біанка подала ему суму, вдвое большую, нежели какой онъ просилъ у великаго герцога.

Осенью кардиналь прѣѣхалъ въ виалу Поджіо Каино, гдѣ жила Біанка съ своимъ мужемъ. Францискъ принялъ брата съ непритворнымъ радушіемъ, и смотря на ихъ объятія, можно было подумать, что между ними не было ни малѣйшаго обличья раздора.

Біанка старалася также угодить кардиналу: она предупредила всѣ его желанія и даже выпытала у него признаніе, что изъ всѣхъ кушаньевъ ему болѣе вращается тортъ изъ сливокъ. По случаю, она прекрасно умѣла готовить его и въ головѣ ея созрѣлъ новый планъ дѣйствій.

За ужиномъ великій герцогъ, Біанка и Фердинандъ сидѣли за общимъ столомъ. Ужинъ былъ семейный и потому непринужденность, веселость и радушіе одушевляли дружескіе разговоры братьевъ. Біанка сама прислуживала кардиналу, который безъ всякаго опасенія бралъ съ каждаго подаваемого ему блюда. Біанка радовалась довѣрчивости Фердинанда.

Но Фердинандъ не былъ слѣпо довѣрчивъ: онъ обладалъ чуднымъ даромъ отца своего, который указалъ бы ему опасность. Это былъ опалъ, составленный самимъ Козьмою и имѣвшій свойство тускнѣть при малѣйшемъ приближеніи къ какой нибудь отравѣ. — За каждымъ кушаньемъ, онъ незамѣтно подносилъ его къ блюду и поглядывалъ на опалъ: блескъ успокоивалъ Фердинанда, а мнимая довѣрчивость его радовала Біанку.

Подали десертъ, а съ нимъ вмѣстѣ и тортъ. Францискъ, не смотря на знаки своей супруги, рассказалъ брату, что кушанье это было приготовлено самою Біанкою, чтобы угодить его вкусу.

Фердинандъ незамѣтно поднесъ опалъ къ тарту, украдкою взглянулъ на него, откинулся на спинку креселъ и, улыбаясь, сказалъ, что онъ не будетъ ѣсть торта, потому-что уже совершенно сытъ.

Опалъ потускнѣлъ, когда онъ поднесъ его къ блюду.

— Ну, если ты не хочешь сдѣлать чести этому кушанью, сказалъ Францискъ: то я не буду принуждать тебя. А чтобы

ментальны; раковинами и разными минералами, художественно расположенными и образующими фигуры морских чудовищъ, фантазы, цветы и разные орнаменты. Полъ выложенъ разноцвѣтнымъ мраморомъ. Украшеніе этой залы дополняютъ двѣ хрустальные вазы, подаренныя прусскому королю Государемъ Императоромъ. При огненномъ освѣщеніи эффектъ этой залы долженъ быть изумителенъ.

Новый дворецъ похожъ на настоящую картинную галерею. Замѣчательно то, что Фридрихъ Великій, не любившій женщинъ, украсилъ стѣны своего дворца изображеніями прелестнаго пола во всевозможныхъ видахъ: Персей и Антромеда, Геркулесъ и Омфала, Цирцея, Ревекка, Венера—множество, Галатея, Прозерпина, Данаа, Аталанта, Діана, Евридика, дочери Лота, Клеопатра, Тисбея, Психея, Помона, Сусанна—множество, Судъ Париса, Леда, Вакханокъ—безчисленное множество, Дафна, Камаръ, Ариадна, Ионгенія, Елена, Грація, Сабинянки, Лукреція, Агриппина, дочь Фараона, жена Путифара,—представлены во всевозможныхъ видахъ и костюмахъ.

Наконецъ мы добрались до обширной залы во второмъ этажѣ. Полъ и стѣны въ этой залѣ мраморныя. Только четыре картины находятся здѣсь—но онѣ почти совершенно закрываютъ три стѣны; судите же о величинѣ ихъ! сюжеты этихъ картинъ: Ионгенія въ Авлудѣ, работы *Ванлоо*; Похищеніе Елены; Судъ Париса, и Бахусъ и Ариадна, какихъ-то французскихъ живописцевъ, имена которыхъ позабылъ. Плафонъ писалъ *Ванлоо*. На немъ изображенъ Ганимедъ въ собраніи боговъ.

— Знаете ли кто сказалъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго этой залѣ? спросилъ проводникъ съ такою гордостью, какъ будто бы зала эта принадлежала ему.

— Кто?

— Наполеонъ!

И звучное эхо залы повторило звуки великаго имени.

— Когда Наполеонъ вошелъ въ нижнюю залу, продолжалъ проводникъ: онъ презрительно улыбнулся.

«— Зала эта слишкомъ низка, сказалъ онъ отрывисто, и пошелъ далѣе.

«— Ваше величество, замѣтилъ ему смотритель: она представляеть гротъ, слѣдственно....

«— Справедливо, возразилъ Наполеонъ, не давъ договорить смотрителю.

«Онъ пошелъ далѣе, иногда останавливался, покачивалъ головой, не хвалилъ, не хулилъ; но вступивъ въ эту залу, внезапно остановился, пораженный изумленіемъ....

«— Не только въ пѣломъ мірѣ, но даже во Франціи нѣтъ ничего подобнаго! вскричалъ онъ, окрестивъ руки на груди.

«Вы знаете, что Наполеонъ любилъ становиться въ эту позыцію.»

И старый проводникъ сталъ въ позыцію Наполеона.

— Или въ эту, прибавилъ онъ, загнувъ руки на-сидну.

— Стало бытъ, Наполеонъ осматривалъ въ подробности этотъ дворецъ? спросилъ я такъ, на удачу, только для того, чтобы не засмѣяться.

— Гдѣ ему! отвѣчалъ старикъ: онъ шелъ скоро, безарестанно отвѣчая адъютантамъ и сенцерамъ, которые то и дѣло, что сбгали взадъ, да впередъ.

— Не взялъ ли онъ чего-нибудь на память изъ этого дворца?

— Нѣтъ, ничего не взялъ! Онъ осматривалъ съ особеннымъ вниманіемъ покои стараго Фрица и всѣ принадлежавшія ему вещи, разспрашивалъ о привычкахъ, объ образѣ жизни единственнаго, и строго запретилъ трогать вещи.... Онъ крѣпко рассердился на генерала Вандама, который врипался было забирать все, что было достопримѣчательнѣйшаго....

— Но, говорятъ, что онъ взалъ шпагу Фридриха Великаго?

— Кто вамъ это сказалъ?

— Исторія.

— Исторія сама не знаетъ, что говоритъ! Шпага Фридриха Великаго и теперь еще лежитъ на гробу его въ гарнизонной церкви....

Замѣчательно, что старикъ говорилъ безъ малѣйшей горечи о вступленіи побѣдovоснаго императора подъ завитыи крестъ прусскихъ королей. Съ жаромъ сталъ онъ рассказывать о событіи болѣе радостномъ: объ отъѣздѣ короля Оттона въ юнуу, возраждавшуюся Грецію. Когда молодой принцъ пріѣхалъ прощаться съ прусскимъ дворомъ, покойный король проводилъ его великолѣпными празднествами. Въ мраморной залѣ былъ накрытъ столъ на двѣсти персонъ.

Эта же зала напоминаетъ о другомъ событіи: о празднествѣ, данномъ въ честь Императрицы Всероссийской, когда она, въ первый разъ послѣ вступленія на престолъ, посѣтила Берлинъ. Герцогъ Карлъ Мекленбургскій распорядился этимъ празднествомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *празднества Бѣлой-розы*. Въ время блистательнаго турнира, Императрица раздала всѣмъ рыцарямъ по бѣлой розѣ; и понынѣ многіе изъ нихъ, ежегодно, въ день празднества, носятъ въ петличкѣ поэтическую эмблему празднества.

Пройдя еще нѣсколько залъ, мы вошли въ мраморный го-

Въ парадныхъ комнатахъ ничто не напоминаетъ Фридриха, но въ двухъ изъ нихъ сохранились еще воспоминанія о Наполеонѣ, занимавшемъ ихъ въ горестную для Пруссіи эпоху....

Фридрихъ Великій похороненъ въ гарнизонной или придворной церкви въ Потсдамѣ. За отсутствіемъ церковнаго сторожа я не могъ видѣть склепа; надобно было ждать его, но я дорожилъ каждой минутой.

Сады, окружающіе Потсдамъ, очаровательны даже въ зимнее время, — впрочемъ, не смотря на то, что былъ декабрь мѣсяцъ въ исходѣ, свѣту почти нигдѣ не было.

Не могу не упомянуть о загородномъ домикѣ теперешняго прусскаго короля — Шарлоттенгофъ, — подаренномъ ему покойнымъ родителемъ его и убраннымъ по вкусу самаго высокаго владѣтеля. Это прелестная классическая игрушка, окруженная итальянскимъ садомъ, каштановой рощей, фонтанами, статуями, римскими термами, павильонами, бесѣдками.... Въ домѣ всего десять комнатъ, небольшихъ, но уютныхъ, прекрасно расположенныхъ въ убранныхъ съ рѣдкимъ изящнымъ вкусомъ. Въ кабинетѣ королевы замѣчательно красное кресло изъ серебра и стали; на спинкѣ кресла начертано рельефно имя Елисаветы; это кресло — подарокъ Петра Великаго. Въ туалетной комнатѣ короля, между прочими вещами, замѣчательна трость, съ янтарнымъ набалдашникомъ, въ видѣ лежащей собаки; эта трость принадлежала — Фридриху Великому. Мнѣ показали комнату Гумбольдта и Рауха, частыхъ гостей короля въ Шарлоттенгофѣ.

Одинъ изъ острововъ Гафеля, называемый *Павильонъ*, особенно замѣчателенъ. Въ началѣ прошедшаго столѣтія, посреди дубовой рощи, покрывающей и понынѣ середину острова, стояло строеніе мрачнаго, таинственнаго вида, законченное, съ двумя длинными трубами. По вечерамъ, окрестные рыбаки боязливо удалялись отъ береговъ, чтобы не видѣть устрашительнаго зрѣлища. Окна мрачнаго строенія освѣщались яркимъ свѣтомъ и издали казались сверкающими глазами духа тьмы; двѣ трубы, изъ которыхъ валилъ красный дымъ, наполненный искрами, казались рогами....

Человѣкъ, жившій въ этомъ домѣ, по временамъ отлучался, и тогда ни малѣйшій шумъ не нарушалъ тишины острова; ни малѣйшій свѣтъ не являлся въ окнахъ зданія; но возвращался владѣлецъ — и чудовище оживало. Владѣлецъ былъ знаменитый бергратъ шведскаго короля Карла XII. Чудовище было — лабораторія алхимика, Юганна Кункеля фонъ-Лѣвенштиерна. Последний, по порученію короля, пріискивалъ средство *дѣлать* золото.... Шведскій герой крѣпко нуждался въ наличностяхъ.

Индѣйскій павильонъ, находящійся на Павильонѣ острову,

весь изъ мрамора, но мрамора, обращеннаго въ кружева... Стѣны, крыша, все въ этомъ павильонѣ украшено сквозными орнаментами.

Разсказываютъ, что какой-то Англичанинъ купилъ или похитилъ этотъ павильонъ у какого-то индѣйскаго владѣтеля и привезъ его въ Англію. Англіійскіе таможенные остановили павильонъ, какъ товаръ, принадлежащій къ разряду произведеній художествъ и, слѣдовательно, запрещенный. Англичанинъ утверждалъ, что мраморъ, проткнутый дырочками, не есть произведеніе художествъ, а, просто, индѣйская прихоть. Таможня не пропустила индѣйской прихоти, и взбѣшенный Англичанинъ отвезъ ее въ Гамбургъ. Прусакъ, случайно находившійся въ этомъ городѣ и знавшій страсть короля къ подобнымъ рѣдкостямъ, купилъ павильонъ, и отправилъ его въ Берлинъ.... И съ тѣхъ поръ онъ красуется между величественными пальмами, украшенный гирляндами зелени и таинственно журчащимъ ручейкомъ....

Съ Павлиньяго острова долакей повелъ меня къ обширному гроту, служившему бальной залой въ 1829, во время праздника, даннаго Государынѣ-Императрицѣ.

Оттуда мы отправились къ Новому Дворцу, Neue-Palais, — едва ли не великолѣпнѣйшему изъ всѣхъ прусскихъ дворцовъ. После Губертсбургскаго мира, послѣ семилѣтней войны, вся Европа кричала, что Фридрихъ Великій раззорилъ Пруссію и что финансы его въ самомъ жалкомъ положеніи.

— Я же докажу имъ противное! сказалъ король, и приступилъ къ постройкѣ этого дворца.

Въ шесть лѣтъ кончилось огромное великолѣпное зданіе, стоившее около трехъ милліоновъ рейхсталеровъ.... Король самъ давалъ наставленія своему архитектору, обдумывалъ чертежи, слѣдилъ за работами, привелъ въ дѣйствіе всѣ прусскія фабрики и мануфактуры, основалъ новыя, и первыми словами его, при вступленіи во владѣніе новымъ дворцомъ, были:

— Чтѣ, господа, раззоренъ ли я?

И когда Фридрихъ Великій скончался, тогда оказалось, что въ царствованіе свое онъ почти впятеро увеличилъ государственный доходъ!

Въ новомъ дворцѣ болѣе *двухъ-сотъ* покоевъ; въ центрѣ его находятся двѣ огромныя залы, одна надъ другою; каждая изъ нихъ имѣетъ болѣе 14 сажень длины: вышина нижней почти 5, а верхней 7 сажень; и вся тяжесть верхней залы лежитъ на однѣхъ стѣнахъ нижней, въ которой нѣтъ ни одного столба, ни одной колонны. Это *геркулесовская штука* въ архитектурѣ. Нижняя зала замѣчательна еще тѣмъ, что стѣны ея выложены ста-

атръ, въ которомъ сохранилось еще до сихъ поръ особенное расположеніе, устроенное для представляема *Антонны Софокла*. Украшенія просцениума были сняты; посреди сцены возвышался жертвенникъ, къ которому вели ступени; мѣста для зрителей были устроены амфитеатромъ, подходившимъ подъ самый потолокъ.

Наконецъ мы добрались до самаго интереснаго — до покоевъ Фридриха Великаго, и въ трехъ изъ нихъ я оставался съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ кабинетъ, небольшой угловой комнатъ, меблированной письменнымъ столомъ, обложеннымъ черепахой, прожженнымъ и забрызганнымъ чернилами, ручною бібліотекою, диваномъ и немногими стульями. Въ концертной замѣчательны пюпитръ, выложенный черепахой и перламутромъ; шкафъ, въ которомъ хранятся музыкальныя піесы, сочиненныя Фридрихомъ Великимъ; тутъ же находятся двѣ любимыя чашки Фридриха, изъ саксонскаго фарфора. Въ бібліотекѣ пріятно было бы провести нѣсколько часовъ на досугѣ, чтобы рассмотреть рукописи Фридриха Великаго съ любопытными замѣтками Вольтера. Выписываю нѣкоторыя изъ послѣднихъ на удачу:

Стихи Фридриха Великаго:

«En un seul tour de volte,»

Замѣтка Вольтера:

On ne dit point de volte.

Далѣе:

«Investivant Eole et le destin.»

On ne dit point investivant, mais invectiver; ces deux vers ne sont bons qu'à retrancher. Cette piéce corrigée sera extrêmement jolie.

Въ *Апологии Государей* Фридрихъ говоритъ:

«On veut qu'il sache tout, la guerre, la finance,
L'art de négocier et la jurisprudence,
Qu'il soit universel dans ce vaste métier,
Dont chaque point demande un homme tout entier.»

Grâce à vous, замѣчаетъ Вольтеръ, on exigera bientôt tout cela des autres rois.

Я успѣлъ списать цѣлую *Оду* и передаю вамъ ее, какъ стихотвореніе замѣчательное не только потому, что оно написано Фридрихомъ Великимъ.

A Voltaire.

Qu'il prenne son parti sur les approches de la vieillesse et de la mort.

Soutien du goût, des arts, de l'éloquence,

Fils d'Appolon, Héros de la France,
 Ne te plains point que l'âge à pas hâtifs,
 Vers toi s'achemine,
 Et sans cesse mine
 Tes jours fugitifs.

La Providence égale toutes choses,
 Le doux Printemps se couronne de roses,
 L'Été de fruits, l'Automne de moissons,
 L'Hiver, l'indolence
 A la jouissance
 Des autres saisons.

Voltaire, ainsi l'homme trouve en tout âge
 Des dons nouveaux, dont il tire avantage;
 S'il a passé la fleur de ses beaux jours,
 La raison discrète
 Remplace la peste
 Du jeu, des amours.

Quand il vieillit, la superbe sagesse,
 Avec dédain condamne la jeunesse,
 Qui par instinct suit une aimable erreur;
 L'ambition vaine
 L'excite et l'entraîne
 Aux champs de l'honneur.

Lorsque le temps, qui jamais ne s'arrête,
 De cheveux blancs a décoré sa tête,
 Par sa vieillesse il se fait respecter;
 L'intérêt l'amuse
 D'un bien qui l'abuse,
 Et qu'il faut quitter.

Toi, dont les arts flent la destinée,
 Dont la raison et la mémoire ornée
 Font admirer tant de divers talens;
 Se peut-il Voltaire,
 Qu'avec l'art de plaire,
 Tu craignes le tems?

Sur tes vertus ce tems n'a point de prise
 Un bel esprit nous charme à toute guise,
 Lorsque ton corps chemine à son déclin;
 Le Dieu du Permesse
 Te remplit sans cesse
 De son feu divin.

Je vois briller la beauté rajeunie,
 Des premiers ans de ce vaste génie;
 Et c'est ainsi que l'astre des saisons,

Des bems d'Amphitrite
Laisse aux Jeux qu'il quitte
Ses plus doux rayons.

Mélas! tandis que le faible vulgaire,
Qui, sans penser, languit dans la misère,
Traîne ses jours et son nom avili;
Sortant de ce songe,
Pour jamais se plonge
Dans un sombre oubli.

Tu vois déjà la mémoire estimée,
Et dans son vol la prompte Renommée
Ne publier que ta Prose et tes Vers;
Tu reçois l'hommage,
(Qu'importe à quel âge?)
De tout l'Univers.

Ces vils Rivaux dont la cruelle envie
Avait versé ses poisons sur ta vie,
Que ses vertus ont si fort éblouis;
Vrais pour ta mémoire,
A chanter ta gloire,
Se verront forcés.

Quel avenir t'attend, divin Voltaire,
Lorsque ton âme aura quitté la terre!
A tes genoux vois la postérité;
Le tems qui s'éclaire,
Te promet d'avance
L'immortalité.

Вотъ что пишетъ Вольтеръ въ отвѣтъ на это лестное посланіе:

Mon Dieu, que d'esprit, que de grâce, d'imagination! Quel est donc de vivre aux pieds d'un tel homme! Personne n'écrit mieux, mais aussi personne n'a plus d'esprit que la philosophe de Sans-Souci. Quel homme!

Фридриха Великаго упрекали въ пристрастіи къ французскому языку и въ равнодушіи къ нѣмецкимъ писателямъ. Въ статьѣ подъ заглавіемъ: *De la littérature allemande*, онъ объясняетъ причины своего обращенія къ нарѣчію, казавшемуся ему *полуфранцузскимъ*, какъ онъ самъ говоритъ; ему нуженъ былъ языкъ болѣе правильный, болѣе совершенный, для изложенія обильныхъ, ясныхъ мыслей, накопившихся въ умѣ его; жалуюсь на несовершенство своего языка, онъ предлагаетъ нѣкоторыя замѣненія, исправленія; но, къ сожалѣнію, самъ немало не содѣйствовалъ развитію нѣмецкой словесности, хотя и предсказывалъ ей блестящую эпоху.

Предсказаніе короля-писателя сбылось: вскорѣ послѣ смерти его явились два гения, колосса: Шиллеръ и Гете.

Любопытно сравнить слова, которыми Фридрихъ Великій оканчиваетъ свою статью *о нѣмецкой литературѣ*, и стихотвореніе Шиллера: *Нѣмецкая муза*.

«У насъ, — говоритъ Фридрихъ, — будутъ свои классическіе авторы, каждый будетъ изучать, читать ихъ; сосѣди наши будутъ учиться говорить по-нѣмецки; при дворахъ будутъ съ наслажденіемъ употреблять нашъ языкъ, и можетъ случиться, благодаря хорошимъ писателямъ, что этотъ языкъ распространится отъ одного конца Европы до другаго. Эта блистательная эпоха нашей литературы еще не наступила, но она приближается, — я предсказываю ее, но не дожвну до нея; лѣта мои лишаютъ меня этой надежды. Но что касается до блистательной эпохи литературы, которой мы ожидаемъ, то она лучше голыхъ, дикихъ скалъ безплодной Идумеи.... Медичи, Августы разовьютъ эту эпоху: *Августы создадутъ Вериліевъ*»

Въ Веймарѣ нашли великіе поэты покровительство, и въ Веймарѣ быстро, внезапно развилась та блистательная эпоха нѣмецкой словесности, которая казалась Фридриху Великому весьма отдаленною. Въ одно время на поприщѣ явились нѣсколько гениальныхъ писателей и послѣ нихъ германская литература опять впала въ апатическое состояніе.... Безчисленное множество сочиненій выходитъ въ свѣтъ ежегодно, но между ними нѣтъ почти ни одного, которое свидѣтельствовало бы о томъ, что германская литература еще дышетъ.....

Изъ Новаго-Дворца мы поспѣшно отправились къ любимому дворцу Фридриха Великаго—*Санъ-Суси*, названному Вольтеромъ «*раемъ философа*».

Загородный дворецъ *Санъ-Суси* выстроенъ Фридрихомъ Великимъ послѣ первой силезской войны, въ 1744 году. Онъ окруженъ садами, въ которыхъ, сквозь новѣйшее расположеніе въ англійскомъ вкусѣ, видны еще прямыя, угловатыя линіи, подстриженные деревья и узорчатая куртинки прежняго французскаго сада.

Санъ-Суси лежитъ на возвышенной террасѣ, откуда представляется прелестный видъ на окрестности, на Гасель и городъ. По обѣимъ сторонамъ террасы находятся полукруглыя площадки, уставленные бюстами Калигулы, Тиверія, Клавдія, Нерона, Цесаря-Августа и Юлія-Цесаря; съ лѣвой стороны: Домиціана, Веспасіана, Тита-Веспасіана, Вителлія, Оттона и Гальбы.

Въ нижнемъ этажѣ дворца все находится въ такомъ же состо-

лиш, въ какомъ было при Фридрихѣ Великомъ. Убранство покоевъ почти такое же, какое въ Новомъ-Дворцѣ. Такіе же пюпитры, обложенные черепахой и перламутромъ находятся въ концертной залѣ, гдѣ король-артистъ одинъ занимался музыкой. Онъ говаривалъ, что государи могутъ заниматься изящными искусствами, но не должны допускать, чтобы кто-либо судилъ ихъ таланты. Музыка служила Фридриху препровожденіемъ времени и вдохновеніемъ: онъ нѣсколько разъ говаривалъ, что обязанъ лучшими идеями, удачнѣйшими военными распоряженіями звукамъ своей флейты.

Спальня Фридриха Великаго обширна; альковъ отдѣленъ красивыми мраморными колоннами. Одна картина украшаетъ спальню великаго короля: портретъ Густава-Адольфа.

Фридрихъ Великій скончался въ этой спальнѣ, близъ каминна, 17 августа 1786 года. Кресло, на которомъ опочилъ Великій, находится въ берлинской кунсткамерѣ; въ спальнѣ остались только маленькіе столовые часы, которые король самъ заводилъ каждый день и которые остановились въ минуту его кончины: въ двадцать минутъ третьяго часа..... Потомство не тронуло стрѣлки, остановившейся неподвижно въ ту минуту, когда глаза короля сомкнулись навѣки.

Кабинетъ Фридриха II, красивая круглая комната, съ двумя стеклянными дверьми; одна изъ нихъ выходитъ на знаменитую террасу, гдѣ король бесѣдовалъ со своими министрами, полководцами, Вольтеромъ и другими приближенными особами; другая ведетъ въ длинную, крытую аллею, въ которой никто не смѣлъ прерывать размышленій короля-философа. Вся мебель кабинета состоитъ изъ двухъ простыхъ табуретовъ, небольшого зеленого дивана въ нишѣ и письменнаго стола, на которомъ сохранилась скромная чернильница и колокольчикъ. На пюпитрѣ, возлѣ стола, лежитъ книга, величиною съ листъ, in-folio: это *L'art de la guerre*, Пюссегюра; по истертымъ угламъ страницъ видно, что король часто перевертывалъ ихъ. Въ маленькой библіотекѣ ни одной нѣмецкой книги. Въ великолѣпной мраморной залѣ, въ нишахъ, стоятъ двѣ прекрасныя мраморныя статуи: *Венеры-Уранин*, окруженной эмблемами, и *Аполлона*, съ открытой книгой въ рукѣ; на открытой страницѣ высѣчены слѣдующіе два стиха, обращенные къ Венерѣ:

Te socium studio scribundis versibus
esse —

Quos ego de rerum natura pangere
conor.

Хотя Фридрихъ Великій самъ, какъ извѣстно, былъ врагъ прекраснаго пола, не смотря на то, онъ не могъ удержаться отъ шутки надъ другинъ ненавистниконъ женщинъ, — у ногъ Венери стоить колоссальный бюстъ шведскаго героя, Карла XII....

Во флигель, примыкающемъ къ главному зданію, находится комната, въ которой жилъ Вольтеръ; въ этой комнатѣ, служавшей нынче уборной королевы, сохранился только писменный столъ знаменитаго писателя-философа. Все прочее убранство и мебельровка новы.

Въ окрестностяхъ Потсдама еще много другихъ дворцовъ, — не довольно; я не стану описывать ихъ, но думаю признать, изъ которыхъ достаточно и одной, а именно той, что я не осматривалъ ихъ. Обратимся къ другимъ предметамъ, обратимся къ знаменитой мельницѣ возлѣ Санъ-Суси.

Въ одно прекрасное утро, страшная, стукотня разбудила Фридриха Великаго, только что вступающаго во сладкіе сновидѣнія загороднаго дома, въ которомъ онъ надѣялся жить *безъ заботы*. Король перевернулся на другой бокъ и закрылъ глаза; но этого было недостаточно — надобно было заткнуть и уши. Фридрихъ II употребилъ и это средство, но тщетно — несносная стукотня не давала ему спать.

Онъ позвонилъ.

— Что это за трескотня? спросилъ онъ вождеднаго камердинера.

— Это стучать крылья въ соедѣней мельницѣ, отвѣчалъ послѣдній.

— Проклятая мельница! проворчалъ король: можно молотъ зерна, не имея ведра; добро нужно дѣлать въ тишинѣ, а не во всеуслышаніе.

И послѣ этихъ афоризмовъ, Фридрихъ II сталъ одѣваться.

Шумавшая мельница не выходила у него изъ ума. Въ полдень, онъ вышелъ прогуляться съ нѣкоторыми придворными, и нарочно направилъ шаги въ ту сторону сада, откуда можно было почти рукою достать до мельницы.

— Какъ жалко, сказалъ Фридрихъ, какъ будто бы теперь только замѣтивъ мельницу: какъ жалко, что здѣсь стоить эта мельница, она скрываетъ отъ насъ часть прекраснаго вида на окрестности.

— Справедливо, сказалъ одинъ изъ придворныхъ: но герцо поночь легко.

— Какимъ образомъ? спросилъ король.

— Прикажете сломать мельницу; хозяинъ охотно продасть ее вашему величеству.

Фридрихъ подумалъ съ минутой, и велѣлъ позвать мельника.

Линнее толстый, неуклюжий мужикъ, напудренный мукою съ голыми до ногъ. Почтительно снявъ бѣлый колпакъ, остановился онъ передъ королемъ.

— Неслушай, другъ мой, сказалъ послѣднй: я хочу предложить тебѣ сдѣлку.

— Извольте предлагать, ваше величество, отвѣчалъ мельникъ.

— Только не пользуйся случаемъ, не дорожись.

Мельникъ вытаращилъ глаза.

— Что ты возмощь за свою мельницу? продолжалъ король.

— За какую мельницу?

— За эту, и Фридрихъ указалъ на крыльях, неутомно продолжавшихъ вертѣться и стучать.

— За эту? повторилъ мельникъ. Ничего не возмю, ваше величество.

— Я подарковъ не принимаю, сухо возразилъ Фридрихъ.

— Да я и не думаю дѣлать вамъ подарка, ваше величество; я, просто, говорю, что ни за что не продамъ этой мельницы.

— Король насунулъ брови.

— Отчего не продашь?

— Отъ того, что се выстроилъ мой дѣдъ, что въ ней нажилъ себѣ маленькое состоянiе мой отецъ, и что я, съ Божіею помощью, зарабатываю себѣ въ ней кусокъ хлѣба.

— А если я заплачу тебѣ двойную цѣну? спросилъ король, радосадованный упорствомъ своего безпокойнаго сосѣда.

— Не продамъ, ваше величество.

— Ты глупъ!

Мельникъ почтительно поклонился, а Фридрихъ отвернулся и ушелъ.

Мельница продолжала будить короля на зарѣ. Фридрихъ еще разъ послалъ уговорить мельника, но онъ былъ непоколебимъ. Король, выведенный изъ терпѣнiя, затѣялъ процессъ со своимъ сосѣдомъ. Процессъ тянулся недолго. Судьи рѣшили дѣло въ пользу мельника и приговорили короля къ уплатѣ протерей и убытковъ. Фридрихъ нашелъ, что судьи поступили прерасно; но это не убавило стукотки. Не было никакой возможности выжить мельника. Вдругъ королю пришла мысль. Онъ приказалъ поднять каменную ограду своего сада и защитить мельницу отъ вѣтра.

Въ одно утро, при чудесномъ вѣтрѣ, мельникъ со страхомъ увидѣлъ, что крылья были конодажны. На малѣйшій шумъ онъ нарушилъ въ это утро сна Фридриха. Но прошло нѣсколько дней и опять раздавалась стукотка. Мельникъ сдѣлалъ насыпь и подвѣлъ мельницу. Фридрихъ велѣлъ еще повозить стѣну.

Мельникъ повыселъ насыпь. Фридрихъ приказалъ посадить высокія деревья. Мельникъ поставилъ свою мельницу на высокій каменный фундаментъ, на которомъ она торчитъ понынѣ.

Король вышелъ изъ терпѣнія и, махнувъ рукою, оставилъ мельника въ покоѣ. Но между тѣмъ дѣла бѣдняка разстроились: частыя остановки въ работѣ и издержки новышенія мельницы, раззорили его.

Онъ явился къ королю.

— Ваше величество, сказалъ онъ со слезами на глазахъ: я раззорился.... Возьмите мою мельницу!

— Теперь мнѣ ее не нужно, сухо отвѣчалъ король.

У бѣдняка подкосились ноги.

— Я хочу, чтобы она сохранилась какъ историческій памятникъ справедливости моихъ судей, продолжалъ Фридрихъ болѣе милостивымъ тономъ: ступай съ Богомъ, я прикажу выдать тебѣ сумму, для поправленія твоихъ дѣлъ...

Фридрихъ Великій сдержалъ слово.

Солнце клонилось къ западу, а мнѣ оставалось еще осмотрѣть мѣсто, имѣющее особенный интересъ для русскаго путешественника. Скоро миновавъ нѣсколько казармъ, мы вѣхали въ охотничье предмѣстіе *Jäger-vorstadt*, лежащее за каменною стѣною, окружающею Потсдамъ. Черезъ это предмѣстіе идетъ длинная аллея, по сторонамъ которой въ симметрическомъ порядкѣ расположены красныя бревенчатые домики. Ихъ число двѣнадцать. Они составляютъ русскую деревню *Александровку*.

Покойный прусскій Король, Фридрихъ-Вильгельмъ III, былъ восхищенъ, услышавъ въ первый разъ пѣніе русскихъ солдатъ, въ бытность свою въ Петербургѣ. Императоръ Александръ I выбралъ двѣнадцать человекъ отличнѣйшихъ *запѣвалъ* и отправилъ ихъ прусскому королю. Фридрихъ Вильгельмъ III, образовалъ изъ нихъ хоръ русскихъ пѣвчихъ при первомъ гвардейскомъ пѣхотномъ полку и, приказавъ выстроить въ окрестностяхъ Потсдама двѣнадцать русскихъ избъ, помѣстилъ въ нихъ переселенцевъ. Лицевые фронтоны этихъ избъ, украшены пестрою, затѣйливою рѣзбою; ставни расписаны разными красками; бревенчатыя стѣны не обшиты досками; крылечки на точеныхъ столбикахъ, лѣплятся къ бокамъ; все *русское* сохранено съ такою точностью что, право, здѣсь можно на минуту забыться и мысленно перенестись въ одно изъ богатыхъ подгородныхъ селеній Святой Руси.

Между избами и за ними лежатъ довольно обширныя огороды и сады, въ которыхъ преимущественно хозяева разводятъ

вишневыя деревья. Лѣтомъ сюда переѣзжаютъ на дачу берлинскіе жители, и каждый уголокъ отдается въ наймы. Сюда же изъ Потсдама и окрестностей сходятся на гулянье, потому-что мѣстоположеніе очаровательное. Въ концѣ деревни, на горкѣ, называемой Капфельсбергъ, высятся небольшая церковь, выстроенная въ тяжеломъ византійскомъ вкусѣ, и выкрашенная розовой краской съ зелеными куполами. Туда направилъ я шаги, вышедъ изъ наемнаго экипажа. Пока лонлакей пошелъ отыскивать церковнаго старосту, живущаго въ избѣ, лежащей за церковью, я остановился на возвышеніи. Видъ оттуда прелестный: съ одной стороны представляется взору небольшое «Святое озеро»; за нимъ множество мельницъ и мало застроенное Берлинское-предмѣстье, простирающееся вплоть до Гафеля, на противоположномъ берегу котораго высится Бабертсбергъ и на немъ дворецъ прусскаго принца. Съ другой стороны видѣны чистенькій Потсдамъ; съ третьей и четвертой живописные сады и великолѣпныя дворцы.

Не смотря на зимнее время, я не могъ налюбоваться этими видами. Свѣтъ лежалъ только въ углубленіяхъ и такихъ мѣстахъ, куда не достигали солнечные лучи. Мѣстами, равнины покрылись блѣднозеленымъ отливомъ, точно будто на нихъ пробивалась уже свѣжая, весенняя травка. Побрякиванье ключами заставило меня оглянуться. Лонлакей возвращался со старостой. Послѣдній былъ мужчина лѣтъ подъ шестьдесятъ, но еще здоровый и видный собою. Я хотѣлъ-было заговорить съ нимъ по-русски, но привѣтствіе, которымъ онъ встрѣтилъ меня, показало мнѣ, что предо мною не добрый Русакъ, а почтенный Нѣмецъ.

— Gott grüß! сказалъ онъ.

Я отвѣчалъ ему тѣмъ же, и мы вошли въ чистенькую, прелестную церковь. Входя въ нее, я невольно пожалѣлъ о томъ, что надзоръ за русскимъ храмомъ порученъ не Русскому. Лонлакей сталъ рассказывать мнѣ, что почти всѣ богатыя украшенія церкви пожалованы Ея Величествомъ Императрицей, и пока я рассматривалъ иконостасъ, сторожъ спросилъ лонлакея, говорящаго со мною по-французски:

— Spricht denn der Herr nicht deutsch?... т. е. *Не что этотъ господинъ по-нѣмецки не знаетъ?*

— Не только что по-нѣмецки, да и по-русски, отвѣчалъ лонлакей, улыбаясь.

— Ist es möglich!... т. е. *Возможно ли! вскричалъ сторожъ.*

— А развѣ вы знаете по-русски? спросилъ я его, обрадовавшись.

— Какъ, не знать! Я Русскій, отвѣчалъ староста, обрадовавшись не менѣе меня.

— А я принялъ васъ за Нѣмца!

— Я повѣрю, отвѣчалъ онъ, улыбаясь; въ двадцать-пять лѣтъ есть много времени обитиечиться; и платье я теперь такое имлю, какое у васъ нѣмецкимъ прозываютъ.

— И неужели вы съ самаго вашего прибытія сюда не были въ Россіи?

— Я имль великое счастье быть однажды въ Кіевѣ, на покловеніи Святимъ мощамъ.... послѣ смерти моей первой жены.

— И вы, вѣроятно, привезли себѣ оттуда другую хозяйку?

— Никакъ нѣтъ; русскія жены *тлоселые* приымаются къ здѣшней жизни, нежели мы, мужичны. Моя покойница всю жизнь тосковала и имляла большое желаніе возвратиться на родину. По сей причинѣ, я бракосочетался съ Нѣмкой, ибо, какъ вы сами знать изволите, безъ хозяйки плохое житье....

Съ этими словами онъ вздохнулъ, и, какъ бы желая прекратить этотъ разговоръ, указалъ мнѣ на образъ Спасителя и продолжалъ:

— Сей образъ, изображающій Спаса нашего, Иисуса Христа, полученъ сюда изъ Петербурга щедротами Всемилостивѣйшей Государыни..., а сей образъ Святаго Александра - Невскаго есть подарокъ графини Орловой....

Осмотрѣвъ церковь и простившись съ почтеннымъ старостой, я пошелъ внизъ, къ деревнѣ. Мнѣ хотѣлось войти въ одну изъ избъ и посмотреть домашнее житье-бытье одного изъ *переселенцовъ-солдатъ-поселельцъ*.

Но — увы! въ избахъ, мимо которыхъ я проходилъ, были крѣпко заколочены ставни; дворы заросли травой; черные бляеты; прибитые между верхнимъ и нижнимъ этажомъ къ бревенчатой стѣнѣ, свидѣтельствовали о томъ, что хозяева выжили....

Они еще разъ переселились, но уже туда, откуда нельзя возвратиться.

Наконецъ я остановился у избы, въ которой зашито было нѣкоторое движеніе. По чистому крылечку, усыпанному пескомъ, пошелъ я въ сѣни. Тамъ меня встрѣтила красивая, краснощекая хозяйка съ засученными рукавами. Она была въ своихъ хозяйственныхъ *функцияхъ*: стирала, мыла, собладала полы къ предстоящимъ праздникамъ.

Я увидалъ, что мы пришли не во-время и, обратившись къ лонлакею, сказалъ по-французски:

— Мы обезпокоимъ хозяйку, пойдемте далѣе.

— *Entrez toujours, messieurs, entrez!* весело вскричала хозяйка, отворяя двери въ комнату, въ которой все уже было убрано и гдѣ на сыромъ еще полу разстилались парусинныя дорожки.

Я остолбенѣлъ. Еслибъ хозяйка русской избы заговорила по-нѣмецки, то въ этомъ не было бы ничего удивительнаго; но по-французски!....

Мы вошли къ комнату, убранную просто, но чисто. На стѣнѣ висѣла гравюра, изображающая Императора Александра на конѣ. По другую сторону висѣлъ портретъ русскаго солдата, въ натуральную величину, попомъ, нарисованный италіянскимъ карандашомъ. У окна стоялъ молодой человѣкъ въ халатѣ, вязанной ермолкѣ и съ длинной трубкой въ рукахъ. Хозяйка на минуту исчезла и вернулась съ подносомъ, на которомъ стояли двѣ рюмки кюмеля. Не желая отказаться отъ угощенія, я попросилъ кусочекъ хлѣба съ солью. Хозяйка вытаращила на меня глаза и, скоро поставивъ подносъ на столъ, всплеснула руками.

— *Oh!* вскричала она: *monieu il est russe!*.... Яковъ, прибавила она по-нѣмецки, обратившись къ молодому человѣку, — привнеси скорѣе хлѣба и соли!.... О, продолжала она скороговоркой и по-французски: теперь я вижу, что вы *il est* Русскій!.... Мой покойный мужъ всегда выпиналъ передъ обѣдомъ рюмку водки и закусывалъ хлѣбомъ съ солью! Онъ говорилъ, что это по-русски!.... Славный былъ человѣкъ!

— Вашъ мужъ былъ русскій?

— *J'crois bien!* съ гордостью отвѣчала хозяйка: вотъ посмотрите, это портретъ моего покойника; неправда ли, онъ былъ красавецъ?.... О, Ивана Яблокова всѣ знали, всѣ любили и всѣ русскіе знатные господа заходили къ нему въ гости!...

— Но гдѣ вы научились по-французски? спросилъ я, воспользовавшись минутой, когда хозяйка заговорившись, поперхнулась.

— *J'suis française, moi!* отвѣчала она: я была служанкой въ гостиницѣ, когда Русскіе были въ Парижѣ; тамъ я познакомилась съ Яблоковымъ и такъ полюбила его, что не захотѣла разстаться съ нимъ.

— Когда Русскіе были въ Парижѣ? повторилъ я, помилуйте, вы еще такъ молоды....

— Эхе! возразила съ пріятной улыбкой разговорчивая хозяйка: нѣ скоро стукнетъ пятый десятокъ.... Правда, я съ виду еще не такъ стара, но это отъ того, что я вела съ моимъ покойникомъ счастливую жизнь: онъ былъ добръ и кротокъ, какъ ягненокъ и—красавецъ собой!.... Эхъ-хе-хе! Я часто грущу по нему; но что дѣлать! На то была воля Господня!....

Сынъ мой, Яковъ, пошелъ въ отца, да это ужъ не те, онъ не полный Русскій!....

— А вы любите Русскихъ? спросилъ я, улыбаясь.

— Какъ не любить такихъ молодцовъ! съ жаромъ возразила хозяйка: с' n' est pas pour dire qu'j'dis ça, mais c'est positif ça!

— А вы знаете по-русски? спросилъ я, обратившись къ молодому человѣку.

Онъ застычиво усмѣхнулся, и опустивъ глаза, промолчалъ.

— Отвѣчай же, вскричала хозяйка, обращаясь къ долговязому парню, точно будто къ ребенку: надо отвѣчать, коли тебя спрашиваютъ!....

— А када я ни снай, возразилъ по-русски Яковъ Яблоковъ, сдѣлавъ кислую мину, не поднимая глазъ и продолжая щипать мундштукъ трубки.

И вся поэзія, вся иллюзія русскихъ избъ исчезла для меня!.... Одно воспоминаніе объ Иванѣ Яблоковѣ, да о выбывшихъ съ нимъ товарищахъ его, придавало имъ еще вѣкторію прелесть.....

Проѣзжая мимо одной изъ послѣднихъ избъ, я увидалъ за окнами ея бѣлыя занавѣски, а за занавѣсками отвислыя щеки, красный носъ и безмысленные, тусклые глаза старика въ желтомъ, шерстяномъ колпакѣ.....

— Вотъ хозяинъ этой избы! поспѣшно вскричалъ лошакей: не угодно ли вамъ поговорить съ нимъ?

— Нѣтъ, будетъ съ меня!

— Да это настоящій (achter) Русскій.

Я вспомнилъ о шерстяномъ колпакѣ и махнулъ рукою.

Этимъ кончилъ я свою прогулку по окрестностямъ Потсдама.

Вернувшись въ городъ, въ гостиницу, усталый и голодный, я велѣлъ подать себѣ передъ обѣдомъ *Vinaigrette à-la-russe*, чтобы хоть русскимъ винегретомъ загладить грустное впечатлѣніе, произведенное на меня русскими избами. Но, увы! знаете ли, изъ чего состоялъ этотъ винегретъ à-la-russe? Изъ наръзанной селедки, подъ соусомъ изъ горчицы, уксусу, прованскаго масла, съ лукомъ и капорцами.....

Противъ меня сидѣлъ какой-то толстый господинъ съ любопытствомъ заглядывавшій во всѣ блюда, которыя мнѣ подавали, и съ большимъ аппетитомъ уплетавшій пирожки съ вареньемъ, запивая ихъ кофеемъ.

Было уже темно, когда поѣздъ отправился изъ Потсдама въ Берлинъ. Со мною въ одинъ вагонъ сѣлъ: толстякъ, который, забывшись въ уголъ, захрапѣлъ; господинъ съ рыжики усамъ, въ военномъ сюртукѣ, круглой шляпѣ и партикуляр-

ной шинели, и еще два берлинца. Толковали о желѣзныхъ дорогахъ, акціяхъ, дивидендахъ.....

Сорокъ минутъ спустя, мы прѣехали въ Берлинъ. Лонлакей предложилъ мнѣ побывать еще въ заведеніи Кроля. Несмотря на усталость, я послѣдовалъ за нимъ.

Въ концѣ бульвара Подъ-Липами высятся знаменитыя Бранденбургскія ворота. Они напоминаютъ нѣсколько наши московскія триумфальныя ворота, но построены гораздо прежде послѣднихъ, а именно отъ 1789 до 1793 года, по приказанію короля Фридриха-Вильгельма II, въ память побѣды Фридриха Великаго. Образцомъ ихъ служили афинскіе пропилеи.

Бранденбургскія ворота построены по проекту архитектора Лангханса и стоили болѣе полумилліона талеровъ. Изъ трехъ проѣздовъ средній назначенъ для придворныхъ экипажей, правый, со стороны города для въѣзжающихъ въ городъ, лѣвый же для выѣзжающихъ экипажей и всадниковъ; боковые назначены для пѣшеходовъ. Колоссальная квадрига, или торжественная колесница, управляемая богиней Побѣды, и высѣченная на воротахъ, вытѣплена изъ глины скульпторомъ Шадовымъ, и потомъ вылита изъ мѣди. Въ 1806 году Наполеонъ приказалъ перевезти эту квадригу въ Парижъ, намѣреваясь украсить ею какой-нибудь будущій памятникъ, но по странному случаю трофеи эти пробыли нѣсколько времени въ Парижѣ въ безвѣстности и потомъ вернулись въ Берлинъ.....

За Бранденбургскими воротами, по обѣ стороны дороги лежатъ гульбище Тиргартенъ, съ красивыми дачами и садами. Въ Тиргартенѣ находится обширное заведеніе *Кроля*, съ ресторацией, разными театрами, зимнимъ садомъ и туннелемъ. Туда повезъ меня лонлакей. Вечеръ былъ прекрасный. Морозило. Темно-синее небо было усыяно звѣздами. Нѣсколько экипажей и толпы пѣшеходовъ, весело разговаривавшихъ, подыгались къ заведенію Кроля, между двумя рядами густыхъ и высокихъ липъ. На концѣ дороги находилось арко-освѣщенное зданіе съ огромными окнами, и оттуда долетали до моего слуха звуки громкой музыки. Лонлакей посматривалъ на меня съ самодовольнымъ любопытствомъ, желая узнать по выраженію моего лица, какое впечатлѣніе производитъ на меня это великолѣпное зрѣлище, подобнаго которому я, по его мнѣнію не видывалъ въ жизнь свою.

Мы подъѣхали къ крыльцу. По широкой лѣстницѣ вошли мы въ прихожую, а оттуда въ обширную залу. Тамъ представилось мнѣ зрѣлище, въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно оригинальное. Длинная, глубокая зала, раздѣленная на нѣсколько частей

сводами, была навалена народомъ, который особенно толпился въ глубинѣ залы. И сколько чудесъ, сколько всякой всячины! Скрытый оркестръ гремѣлъ. Во всѣхъ углахъ раздавался громкій смѣхъ и говоръ. На каждомъ шагѣ мѣнялись картины. Слуги бѣгали съ подносами, разнося вина или неизбежное пиво съ буттербротами. Не смотря на оживленность этой картины, нигдѣ не было суматохи, шума или безобразнаго.... Надобно отдать справедливость Нѣмцамъ: они умѣютъ порядочно веселиться.

Но позвольте мнѣ приступить къ описанію зрѣлища, которыми я наслаждался во ялтѣ *зиммерпрошенов*.... Немощьрцо дешево, особенно когда вспомнишь, что у васъ за входъ въ какую-нибудь ничтожную космораму должно платить четвертакъ или болѣе. Вдоль стѣны перваго отдѣленія залы были разставлены большія картины, — каррикатуры, въ смыслѣ ископленія и идеи. Каррикатура не далаеь Нѣмцамъ, хотя они очень любятъ ее. Но ради наслажденія, ощущаемаго почтенными бюргерами и выражаемаго громкимъ, полнымъ, сердечнымъ смѣхомъ, можно простить артисту неудовлетворительность исполненія.

Чтобы подать вамъ болѣе ясную идею объ этихъ картинкахъ, я опишу нѣкоторые изъ нихъ. Известно, что въ послѣдніе годы цѣлыя семейства Нѣмцевъ, не выходя достаточнаго пропитанія на родинѣ, или ослабленныя республиканскими идеями, переселялись въ Америку. Тщетно возстаеь противъ этихъ переселеній правительство, тщетно пасторы съ каеодръ поражаютъ переселенцевъ каждый годъ нѣсколько сотъ душъ навѣки разлучаются съ родимой Германіей....

Каррикатуристъ Кроля изобразилъ дюжого нѣмецкаго мужа на съ сумкой на спиѣ, на берегу моря—въ Европѣ; на другомъ берегу — въ Америкѣ, безъ всякаго уваженія къ правиламъ перспективы, представленъ другой, тощій мужичекъ-переселенецъ, призывающій земляка къ себѣ. Машинистъ придалъ дюжему мужику движеніе головою, которымъ онъ какъ-бы прощается съ родиною, а тощему движеніе рукою, которою онъ какъ-бы зоветъ земляка къ себѣ. Нѣмецъ-поэтъ довершилъ тонкость этой сатиры слѣдующими стихами:

Неужли я долженъ долѣе томиться,
И въ потѣ лица свой хлѣбъ добывать?
Неужли суждено мнѣ вѣчно трудиться,
И вѣчно неблагодарную землю копать?

Нѣтъ, нѣтъ! сильная волна и меда увлечетъ,

Туда, куда братья мои ужъ ушли!
Тамъ счастье въ полномъ блескѣ цвѣтетъ,
Тамъ картофель здоровъ, тамъ картофель здоровъ!

Я старался какъ можно приблизительно сохранить какъ размѣръ, такъ и *риемовку* стиховъ. Особенно въ послѣднемъ стихѣ замѣчается поэтическая вольность, которую, вѣроятно, поэтъ думалъ искупить остроуміемъ этого стиха.

Далѣе представлена женщина, кующая желѣзо, и мужчина, варищій супъ. Намекъ на зандовскую эманципацію женщинъ, оканчивающійся стихомъ:

Entendez-vous, Mesdames?

Далѣе изображенъ консилиумъ ученаго сословія врачей и химиковъ, разсуждающихъ о болѣзни картофеля. Тутъ, въ объясненіи карикатуры, поэтъ становится глубокимъ сатирикомъ.

«О чемъ вы хлопочете», говоритъ онъ съ глубокою провіею, — «о чемъ вы хлопочете, господа медики и химики? Неужъ-то вы не понимаете, что картофель заразился всеобщою европейскою испорченностью? Вѣсто того, чтобы переливать изъ бутстаго въ порожнее, и даромъ ломать себѣ головы, пошлите въ Америку за свѣжими картофелемъ, а попорченный отиравьте въ Америку на исправленіе.»

Вотъ представленъ деревенскій учитель передъ школьниками.

Учитель Въ обществѣ надобно вести себя тихо, скромно. Скромность весьма пріятное качество. Если васъ потчуютъ, то берите немножко, не такъ какъ дома, этого требуетъ вѣжливость. Напримѣръ: Рудольфъ! положимъ, что я приглашаю къ тебѣ въ гости. Ты угощаешь меня. Я выпиваю стаканъ вина, потомъ другой, третій и, наконецъ нѣсколько бутылокъ. Что тогда?

Школьникъ. Тогда... тогда...

Учитель. Ну, ну, говори смѣлье. Тогда?...

Школьникъ. Тогда вы напьетесь пьяны.

Подобныя остроты возбуждаютъ общій, громкій смѣхъ.

Всѣхъ картинъ было четырнадцать. Насладившись ими вдоволь, я вступилъ во второе отдѣленіе залы; тамъ, съ одной стороны находился буфетъ, а съ другой была устроена діорама съ двумя перемѣнами.

Первая представляла внутренность церкви въ Палермо.

Заванѣсь поднимается. Темно. Раздается тихій колокольный звонъ. Дверь церкви растворяется, въ нее входитъ процессія монаховъ съ факелами и, мало-по-малу церковь освѣщается.

Мовахи уходятъ за алтарь и церковь опять постепенно погружается во мракъ. Занавѣсъ опускается.

Весьма эффектная картина, которой глухой колокольный звонъ придаетъ нѣчто таинственное, мрачное; жаль что, вѣроятно, отъ слишкомъ частаго употребленія, машина, движущая монаховъ, нѣсколько попортилась, отчего процессія иногда останавливалась или сопровождалась довольно неприятнымъ скрипомъ.

Вторая перемѣна: Китайскій праздникъ. Опять процессія, сопровождаемая дикою музыкою и звуками бубенчиковъ и колокольчиковъ.

По сторонамъ этой діорамы стояли красивыя ширмы, за которыми, во время антрактовъ, между перемѣнами, являлся полишнелъ забавлять публику.

Въ третьемъ отдѣленіи залы, на длинныхъ столахъ были выставлены для продажи разныя вещи, приличныя для подарковъ къ наступающимъ праздникамъ. Вещи эти не отличались дешевизною. Въ этомъ же отдѣленіи, по другую сторону, была художественная выставка: статуэтки, бюсты и картины нѣмецкихъ художниковъ. Большая часть картинъ отличались безвкусіемъ, однакожъ между ними были нѣкоторыя достойныя замѣчанія.

Въ четвертомъ отдѣленіи залы была устроена рулетка. Вокругъ, на полкахъ стояли выигрыши, состоявшіе изъ разныхъ мелкихъ бездѣлушекъ и предметовъ роскоши. Тутъ же были лоттереи, по пяти зильбергрошеновъ за билетъ — Каждый билетъ выигрывалъ фарфоровую, хрустальную, картонную вещьцу или нѣсколько конфетъ, пряникъ, стаканъ пива или вина. Посреди этого же отдѣленія стояли длинные столы, вокругъ которыхъ Нѣмцы, сидя передъ бутылками вина или кружками пива, удовлетворяли физикъ, усладивъ сердце и умъ.

Часть пятого отдѣленія была отгорожена. За перегородкой стоялъ круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, а въ стѣнѣ были два большія четырехугольныя отверстія, съ опущенными занавѣсами; въ этихъ отверстіяхъ показывались поочередно ярко освѣщенные картины, въ родѣ забавныхъ и остроумныхъ карикатуръ *Шама (Sham)*. Онѣ изображали *жизнь, страданія и дѣянія ипохондрика*. Значеніе картинъ объяснял господинъ въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ, бѣломъ галстухѣ и въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ. Остроты его возбуждали громкій смѣхъ въ слушателяхъ.

Но вотъ послѣдняя картина обьяснена, оба занавѣса опустились за послѣдней остроюю.

Вдругъ изъ маленькой канурки, устроенной на концѣ круглаго стола, выскакиваетъ искусно сдѣланная курица, начинаетъ бѣгать вокругъ стола, и на каждомъ полуповоротѣ кладетъ золотое яичко.

— Кому угодно яичко вѣщей курицы, кому угодно! восклицаетъ господинъ въ черномъ фракѣ. Купите, господа, если хотите знать будущее! Купите яичко курицы-гадательницы! По зильбергрошену за штуку!....

Несмотря на дешевизну, расчетливые Нѣмцы продолжали смѣяться, любясь, какъ падали золотыя яичка, отпуская остроуы, вытягивая впередъ шею, но не вынимая кошелекѡвъ. Изъ любопытства я взялъ одно яичко, оставивъ на мѣстѣ его зильбергрошенъ. Оно было изъ бумаги, въ родѣ яичекъ, за которыя мы платимъ въ кондитерскихъ по цѣлковому и болѣе, во время Пасхи. Внутри была бумажная ленточка, точно конфетный билетикъ.

Вотъ что предсказывала мнѣ вѣщая-курица:

«28-го числа этого мѣсяца тебѣ будетъ очень весело.

«Черное домино съ желтыми лентами влюбится въ тебя на маскарадѣ въ заведеніи Кроля. Подъ маской чернаго домино ты увидишь очаровательное личико. Приходи же непременно на маскарадъ.»

Новый и весьма замысловатый способъ зазывать къ себѣ публику; но — увы! вѣщая-курочка ошиблась: 28-го числа я былъ уже во Франкфуртѣ на Майнѣ, а не на маскарадѣ Кроля, и имѣлъ дѣло не съ чернымъ домино съ желтыми лентами, а съ почтальономъ въ синей шинели съ оранжевымъ воротникомъ.....

Я дошелъ до конца зады, но этимъ не ограничился еще чудеса заведенія Кроля. Оставалось еще осмотрѣть туннель.

— Гдѣ же туннель? спросилъ я лодлакея, подозвавъ его.

— О! туннель внизу, отвѣчалъ онъ, презрительно улыбувшись.

— Такъ проводите меня туда.

— Куда?

— Въ туннель.

Лодлакей улыбнулся и, покачавъ головою, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, туда порлдоцные люди не ходятъ.

— Отчего?

— Оттого, что тамъ собирается всякій сбродъ.

Это еще болѣе подстрекнуло мое любопытство. Я видѣлъ, какъ забавляются *порядочные люди*; отчего же не посмотреть, какъ веселится *свѣтлый обрядъ*?

— Все равно, сказала я, пойдете туда.

Лонлакей хотѣлъ было возражать, но когда я рѣшительно повторилъ свое требованіе, онъ пожалъ плечами и, показывая мнѣ дорогу, сталъ снимать бѣлые лаймовыя портянки и застегивать куртку.

Нѣсколько минутъ спустя, мы вышли въ холодныя стѣны, съ одной стороны которыхъ былъ выходъ на улицу, а съ другой большое квадратное отверстіе съ лѣстницей въ подвалъ. Огромный, довольно тусклый фонарь, освѣщавъ эту лѣстницу. У самаго входа, по одну сторону квадратнаго отверстія, былъ прибитъ билетъ, на которомъ было написано крупными буквами:

Берегите карманы!

Молча и съ недовольнымъ видомъ указавъ мнѣ лонлакей на это филантропическое предостереженіе, ожидалъ, вѣроятно, что оно заставитъ меня вернуться назадъ; но онъ ошибся: это пуцо прежняго подстрекуло мое любопытство. Лонлакей еще разъ пожалъ плечами, ощупалъ карманы, переделалъ что-то изъ задняго въ боковой, и сталъ спускаться. Въ подвалѣ было шумно; посреди громкаго говора и смѣха слышался стукъ тарелокъ и стеклянныхъ кружекъ. Отвратительный запахъ итменцаго кластера неприятнымъ образомъ поражалъ мое обоняніе. Мы подошли къ большой, закопченной двери, на которой опять было прибито предостереженіе: *берегите карманы!!* Но уже съ двумя восклицательными знаками.

Наконецъ мы вошли въ туннель, и я нѣсколько остановился у двери.... Шумъ оглушилъ меня; сырой, удушливый, подвальный воздухъ, сгущенный еще болѣе табачнымъ дымомъ, винными испареніями и запахомъ *съдобнаю*, захватывалъ духъ.... Я осматривался съ изумленіемъ, между тѣмъ какъ лонлакей носматривалъ на меня искоса, съ пропитической усмѣшкой. По сторонамъ двери, у которой я остановился, были опять прибиты прежнія предостереженія—съ тремя восклицательными знаками. Но мѣрѣ приближенія къ опасности предостереженія становились убѣдительнѣе.... Весь подвалъ на сводахъ, лежащихъ на массивныхъ столбахъ. Между ними разставлены столы. Съ одной стороны находятся мѣста, отгороженныя въ видѣ стойлъ, для людей, любящихъ усиденіе въ толпѣ. Стойла эти напоминаютъ лондонскія таверны. Я не видалъ послѣднихъ, но перево-
дилъ Лондонскія тайны.

Въ подвале нужно перевали кѣмѣннѣ пересечки, рысачно торгашки, разсочина, съ фижоміями, которымъ бороды, вошедшія въ большую моду за границей вообще, придавали красивый видъ. Дамы сомровсждали своиѣ кавалерскѣ, съ семейнымъ соловіемъ потагивая пиво изъ одной кружки, вышиную въ три четверти аршина, по крайней мѣрѣ. Кружка переходила изъ руки въ руки. Водкой запивали мужчины пиво; пивомъ запивали женщины водку. Въ одномъ углу полишинель забавлялъ юное поколѣніе посетителей туннела. Далѣе было кѣчто въ родѣ театра...

Признаюсь, къ стыду моему, у меня не достало духа—ни фижоміи, ни морально—идти далѣе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые посетители туннела съ изумленіемъ вытаращили на меня глаза, а лешанкой сирсстали руки на груди, вѣроятно, для того, чтобы защитить то, что онѣ пересаживалъ изъ заднего кармана въ боковой...

Я сдѣлалъ знакъ лонланю и имъ мысли. За нами раздавался грубый, рѣзкій хохотъ.... Выйдя на свѣжій воздухъ, я вздохнулъ свободнѣе, а лешанкой охватъ сталъ смущивать карману. Нѣсколько разъ повторенное предостереженіе: *берегите карманы!* свидѣтельствуя о жалкомъ состояніи высшего класса въ Германіи.

Понявъ же удивительности доступности свѣтъ и каждому публичныхъ увеселеній за границей. У насъ всегда думаютъ разсичъ покрыть все издержки и потомъ утѣкаться на лавракъ, наслаждаясь чистыми *барышами*.

Расчетъ ложный: люди, имѣющіе возможность платить дорого, имѣютъ вѣсть съ тѣмъ много средствъ пріятно провести время. Средній же классъ, самый многочисленный и, слѣдственно, тотъ, для котораго преимущественно должны быть назначаемы публичныя увеселенія, отказывается отъ нихъ, не будучи въ состояніи истратить на удовольствіе такой суммы, которою онъ можетъ прожить иногда цѣлую недѣлю; или же выжидаетъ того времени, когда понизится цѣна, что обыкновенно и случается, но уже въ такое время, когда увеселеніе потеряло прелесть новизны, когда новая кака-либо выдумка сдѣлалась предметомъ общаго вниманія, общихъ разговоровъ. И послѣ этого, эти же господа кричатъ, что въ Россіи ничего нельзя предпринимать!... Цѣнуйте, господа, что единственное государство въ Европѣ, въ которомъ можно предпринимать что-либо *насмрнуе*:—Россіа!

Въ концѣ Тиргартена, ближе къ городу, находится докъ и мастерская знаменитаго прусскаго живописца Корнелиуса.

Рѣшившись проститься съ Берлиномъ на слѣдующій день, я собрался съ силами, и побѣжалъ еще на *экстаку* Гроппіуса, діорама котораго славится во всей Европѣ. Движущіяся картины Гроппіуса можно назвать изящными художественными произведеніями; его панорама Берлина исполнена превосходно. Представлено лѣтнее утро; Берлинъ только что просыпается..... тихій колокольный звонъ и забавное пѣніе пѣтуховъ дополняютъ очарованіе.

Весьма забавенъ у Гроппіуса оркестръ музыкантовъ. Движущіяся куклы, въ натуральную величину, играютъ на разныхъ инструментахъ; скрипачъ пилитъ смычкомъ изъ всѣхъ силъ; щеки трубача надуваются; флейтистъ перебираетъ пальцами и вытягиваетъ впередъ верхнюю губу; но забавнѣе и натуральнѣе всего движенія кацельмейстера, управляющаго оркестромъ; онъ вертится во всѣ стороны, размахиваетъ смычкомъ, тонаетъ ногой и, по временамъ, отряхаетъ назадъ длинные волосы. Звукъ скринокъ оркестра довершаютъ обманъ.

Въ другихъ залахъ были опять выставлены на продажу немобѣжные подарки къ праздникамъ и вѣчное пиво съ монотоннымъ буттербротомъ; по угламъ тѣ же печальныя, тоску наводящія предостереженія: *берните карманы!*....

Но вотъ ударилъ десятъ часовъ. Всѣ выставки закрываются, всѣ благоразумные граждане возвращаются къ пенатамъ. Ночные сторожа желаютъ спокойной ночи жителямъ.

Ради любопытства, я представляю вамъ счетъ того, что издержалъ въ этотъ вечеръ:

Извозчику, въ маленькой каретѣ	5	зильберггрошеновъ.
За входъ къ Кролю	5	— — —
За золотое янчко	1	— — —
Извозчику, отъ Кроля къ Гроппіусу	5	— — —
За входъ къ Гроппіусу	5	— — —

21 зильберггрошенъ.

Слѣдовательно, за всѣ удовольствія этого вечера я заплатилъ 21 зильберггрошенъ или 63 копѣйки серебра?.... Замѣйте, что извозчикъ и янчко прихоти, которыя благоразумный Нѣмецъ не позволитъ себѣ. Прибавьте же къ 10 зильб. еще 10, на пиво и буттерброты, и раздѣлите эти удовольствія на два вечера, то выйдетъ, что за 30 коп. сер. берлинскій житель можетъ очень пріятно провести вечеръ—съ *угощеніемъ!*

Очень натурально, что не имѣя такихъ дешевыхъ препровожденій времени, мы, петербургскіе жители, прибѣгаемъ къ преферансу, который—увы! обходится часто гораздо дороже, нежели входъ въ панораму Палермо!

Вор отыскался въ гостиницу и сицилѣ пальто, я сталъ носить своей носовой платокъ—онъ нечетъ.

Впередъ буду слушаться египтянскихъ предостереженій.

II. ФУРМАННЪ.

ИСТОРИЧЕСКО-ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ИСЛѢДОВАНИЯ О ЧРЕВОВѢЩАТЕЛЬСТВѢ. (*Иосифа Бельзы.*) Чревовѣщательство, по опредѣленію доктора Колумба, есть искусство издавать голосъ въ различныхъ разстояніяхъ; съ его помощію можно производить удивительные акустическіе обманы. Это искусство извѣстно было въ отдаленной древности: Гипократъ упоминаетъ уже о немъ. Аристотель пишетъ о какомъ-то Евриклѣ, который за такое искусство почитался въ Аѳинахъ волшебникомъ. Кажется, что между древними народами чревовѣщательство составляло тайное знаніе магиковъ и Птоіей; Цицеронъ упоминаетъ о вѣкоторой женщинѣ, одержимой нечистымъ духомъ, который на предлагаемыя вопросы отвѣчалъ изъ живота. Этотъ знаменитый ораторъ, вмѣстѣ съ многими другими писателями, свидѣтельствуетъ, что когда дельфійская Птоія садилась на треножникъ, тогда на нее нисходилъ духъ прорицательства, и принуждалъ ее точно какъ будто бы въ порывѣ бѣшенства произносить отвѣтъ. Тертуллианъ увѣряетъ, что другія прорицательницы съ завязанными устами предсказывали будущее писшими частями тѣла. Целій Родагивъ утверждаетъ, что видѣлъ женщину, которая въ самомъ дѣлѣ говорила животомъ. Впрочемъ, одинъ изъ учейшихъ критиковъ среднихъ вѣковъ, Адрианъ Турнебусъ, умершій въ 1565 году въ Парижѣ, увѣряетъ, что былъ какой-то человекъ, шатавшійся по той странѣ, который, не открывая устъ, могъ издавать громкій голосъ и произносить внятно многія слова, отчего всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ, и онъ собиралъ много денегъ. Прибавимъ еще, что господинъ Джемсъ, согласно съ Сельделомъ, пишетъ о вѣкоторомъ мальчикѣ, находившемся въ то время недалеко отъ Лондона, имѣвшемъ 14 лѣтъ отъ роду и извѣстномъ подъ именемъ Speaking Smith, который обладалъ особеннымъ дарованіемъ говорить животомъ. Этотъ же самый писатель упоминаетъ о двухъ другихъ чревовѣщателяхъ, въ особенности объ одной женщинѣ, которая путешествовала по Англіи и показывала чрезвычайныя вещи. Однакожъ между всеми англійскими чревовѣщателями примѣчательнѣйшій былъ Фицъ-Джемсъ потому, что онъ не только могъ издавать удивительнымъ способомъ музыкальныя тоны, но даже подражалъ голосамъ многихъ людей, разговаривающихъ между собою съ большою скоростію, скрипящую колесо, визгу пилы и т. п. Равнымъ обра-

этомъ, доставляя и удивительными способами въ исторію чревоушательства, которое чрезъ приращеніе изъ искусственныхъ превращенъ возмѣнилось до высочайшей степени; встрѣчается и на французской почвѣ.

Вспомнимъ только о славномъ въ наши времена Коитѣ, и о Александрѣ Ватмарѣ, не только чревоушатель, но и отличнымъ мимикъ; также скажемъ въ подробности о Людовикѣ Брабантѣ, камердинерѣ Франциска 1-го, и о Сенъ-Жилѣ, купцѣ, торговавшемъ въ Сенъ-Жерменъ-на-Ле пряными кореньями, который живя въ половинѣ XVIII вѣка, показывалъ свое искусство бесплатно.

Людовикъ Брабантъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ первенство между всѣми даже и повѣянными чревоушателями.

Любовь развила въ немъ способность къ этому искусству. Небогатый и низкаго происхожденія, онъ почувствовалъ сильную страсть къ одной молодой и богатой дѣвицѣ. Признаніе его въ любви было отвергнуто съ презрѣніемъ ея родителями. Съ того времени Брабантъ сталъ придумывать способы къ исполненію своего намѣренія; аскорѣ послужило ему къ этому слѣдующее обстоятельство.

Послѣ смерти отца молодой дѣвицы, онъ навѣстилъ оставшуюся вдову, но какъ только онъ взшелъ въ ея домъ, ей показалось, что они будтобы слышатъ сверху голосъ мужа: «Отдай мою дочь Людовику Брабанту; онъ богатъ и честенъ, а терплю теперь въ чистилищѣ умясное, но заслуженное наказаніе за неслѣдствіе на столь приличное во всѣхъ отношеніяхъ супружество. Исполни то, что я тебѣ говорю и тогда только я успокоюсь.» Какъ только голосъ утикъ, женихъ взшелъ въ комнату и тамъ хорошо игралъ свою роль, что ни вдова ни что изъ домашнихъ не замѣтилъ, что самъ Брабантъ былъ изготовителемъ водки умершаго мужа. Онъ спокойно дождался въ передвей, пока не явилась мать, и ни на устахъ его, ни въ чертахъ его лица не видно было ни малѣйшей перемены. Такъ какъ повелѣніе съ того свѣта было ивственно и надобно было его исполнить, то супружество было заключено.

Въ самомъ дѣлѣ, эта продѣлка удалась ему; но Брабантъ, кромѣ жены, нуждался еще въ деньгахъ. Для удовлетворенія себя въ этомъ, онъ выбралъ одного богача, по имени Корню, мучниаго, среди сулаковъ, наполненныхъ богатствами, угрызениями совѣсти. Навѣстивъ его подъ другимъ предлогомъ, онъ обратилъ разговоръ на адъ, чистилище, дьяволовъ и привидѣній, и какъ только произвелъ на него желаемое дѣйствіе, вдругъ послышался грозный голосъ. Душа давно умершаго отца г. Корню объ-

знавая ему, что она еще долгое время должна терпеть ужасныя муки въ чистилищѣ, если его сынъ какъ-нибудь дѣломъ правосудія не избавитъ ее отъ нихъ, и поручила ему выдать съ собою дать назначенную сумму въ руки Брабанту, для выкупа пощолмагого изъ турецкаго плѣна. Въ случаѣ же неисполненія этого, сынъ Корню за свои грѣхи, будетъ осужденъ на вѣчную муку, а самъ отецъ долженъ будетъ еще 100 лѣтъ терпѣть наказанія въ чистилищѣ. Но и послѣ такихъ угрозъ скупецъ не сдѣлался расщотителѣмъ, напротивъ будучи неспокоенъ, онъ тщательнo заперался, чтобы не отлучаться отъ денегъ: и потому второе утѣщаніе оказалось нужнымъ. И теперь уже не только одинъ отецъ, но и все родные и знакомые оглушали Корню ужасными криками и пугали его мучительными наказаніями. Наконецъ онъ принужденъ былъ кончить тѣмъ, что, запершись, среди страшнаго шума, отсчиталъ хитрому Брабанту 10000 талеровъ. Послѣ этого же самой скупецъ узналъ о обманѣ и умеръ отъ горести.

Слѣдующее особеннаго рода приключеніе подало, въ 1771 году, случай Сень-Жилю показать опытъ своихъ дарованій передъ г-ми Лерой и Фуни, комиссіонерами парижской академіи наукъ, и передъ многими знатными лицами. Распространился слухъ, что будто бы въ окрестностяхъ Сень-Жермена слышенъ голосъ духа, и потому вышесказанныя лица хотѣли убѣдиться въ дѣйствительности этой молвы. Все общество узнало тайну, кромѣ одной дамы, которая, не ожидая этого, должна была участвовать въ опытѣ. Подали обѣдать подъ открытымъ небомъ; на этомъ обѣдѣ находился духъ, и онъ вдругъ изъ воздуха, изъ земли, вблизи и изъ далека говорилъ дамѣ, и такъ хорошо сыгралъ свою роль, что эта дама, даже послѣ того, какъ ей объяснили все это обстоятельство, долго еще упорно утверждала, что разговаривала съ духомъ. Что даже до новѣйшихъ временъ чревоушчателѣй принимали за бѣснующихся, это происходитъ отъ неопытности и суевѣрія лицъ, которыя все, чего не могли понять, приписывали сверхъ-естественнымъ причинамъ.

На чемъ однако основывается фзіологическій механизмъ, представляющій такое чудное акустическое явленіе?

Прежде, нежели объявимъ мнѣніе о столь недостаточно объясненномъ обстоятельстве, вспомнимъ сначала вкратцѣ о противорѣчащихъ на счетъ этого предмета мнѣніяхъ фзіологовъ и чревоушчателѣй. Издавна полагали, и въ обыкновенной жизни до сихъ норъ еще вѣрятъ, что голосъ чревоушчателѣй проис-

ходить изъ желудка; это повсюду распространенное ложное мнѣніе было причиною несвойственнаго названія этого явленія.

Г-нъ Роланди думалъ, что когда обѣ легочныя везы, которыя обыкновенно находятся сросшимися, раздѣляются, то тогда кажется, что голосъ выходитъ изъ грудной полости, а люди, подвергающіеся этому, дѣлаются чревоушателями.

Г-да Амманъ Ноале и Галле утверждаютъ, что у чревоушателей голосъ происходитъ во время вдыханія воздуха. Въ 1770 г. австрійскій капитанъ, баронъ фонъ-Менгенъ, знатокъ въ чревоушательствѣ, дѣлая опыты надъ самимъ собою, объяснилъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: если прижать языкъ къ зубамъ такимъ образомъ, чтобы со стороны лѣвой щеки образовалось пустое пространство, то собранный въ этомъ мѣстѣ воздухъ издастъ звукъ; звуки же получаютъ тогда особенный какой-то глухой тонъ, и это есть причина, по которой кажется, что онъ выходитъ изъ извѣстнаго разстоянія. При чемъ однако нужно очень медленно выдыхать воздухъ, а иногда только вдыхать какъ можно въ наибольшемъ количествѣ.

Г-да Дюма и Ляутъ утверждаютъ, что чревоушательство есть искусство, основывающееся на преобразованіи звуковъ, которые, образовавшись въ гортани, стѣсняются опять въ груди, гдѣ и получаютъ такую странную звучность, что, кажется, какъ будто бы они происходятъ издалека.

Гг. Дишеранъ и Фурниѣ того мнѣнія, что голосъ, образовавшись въ отверстіи голосныхъ струнъ (*rima laryngis*), стѣняется въ легкія, и потомъ медленно изъ нихъ возвращается, и въ гортани удерживается, такъ какъ звукъ въ музыкальномъ инструментѣ съ помощью клапана. Г. Комте, извѣстный французскій чревоушатель, говоритъ, что въ этомъ искусствѣ голосъ, какъ обыкновенно образуется въ гортани, но другимъ механизмомъ, и чрезъ вдыханіе воздуха вводится въ грудную полость, и оттуда уже дѣлается слышнымъ.

Г. Дюгальдъ Стюартъ утверждаетъ, что чревоушатель долженъ имѣть въ одно время два разнородные таланта, рѣдко встрѣчаемые: гибкость голоса и въ высшей степени ловкую мимику.

Докторъ Гершель, котораго гениальныя взоры были обращены не только къ звѣздамъ, говоритъ въ своемъ ученомъ разсужденіи о голосѣ, что чревоушательство есть искусство, которое основывается на томъ, что звукъ отъ самаго источника къ уху слушателя идетъ не по прямой линіи; и потому человеческое ухо не явственно различаетъ начало приходящихъ къ нему звуковъ голоса.

Этотъ же ученый обратилъ вниманіе на то, что голосъ чревоѣщателей образуется безъ помощи губъ и полости рта, и потому—то онъ кажется отличнымъ отъ обыкновеннаго голоса. Наконецъ, докторъ Леспаньоль защищалъ мнѣніе, что особенно отъ участія небной занавѣски (*velum palatini*) напряженіе звуковъ такъ измѣняется, что отъ этого происходитъ обманъ чревоѣщательства. Эта послѣдняя теорія (слова г. Коломба) тѣмъ только отличается отъ нашей, что докторъ Леспаньоль говоритъ только о небной занавѣскѣ, и явленія чревоѣщательства приписываетъ только тому обстоятельству, что она мѣшаетъ воздуху выходить чрезъ носовое отверстіе. По мнѣнію Леспаньоля вся разница въ голосѣ, кажущемся происходящимъ вблизи и издалека, основывается на томъ, что въ первомъ случаѣ звуки выходятъ изъ рта и изъ носу, во второмъ же только изъ отверстія рта. Все, что этотъ докторъ говоритъ о выходѣ воздуха, вполне основательно, въ чемъ всякій легко можетъ убѣдиться посредствомъ опыта надъ описаннымъ механизмомъ, дѣйствующимъ при чревоѣщательствѣ.

По этой причинѣ не нужно никакого особеннаго устройства организма, но только приучиться издавать звуки посредствомъ верхнихъ частей голосныхъ органовъ, и всякій, кто приучится къ этому, будетъ въ состояніи производить всѣ акустическіе обманы, на чемъ именно основывается чревоѣщательство.

Поэтому если чревоѣщательство требуетъ хорошо обработаннаго и оборотливаго голоса, равно какъ и обширныхъ легкихъ, препровождающихъ воздухъ надлежащимъ образомъ, то можно утверждать съ вѣрностію, что тому легко будетъ изучить это искусство, чей организмъ удовлетворяетъ вышесказаннымъ условіямъ. И чтобы могли быть исполнены всевозможные акустическіе обманы посредствомъ этого искусства, нужны только достаточный навыкъ и особенная ловкость въ подражаніи всѣмъ оттѣнкамъ голоса.

При изданіи голоса въ чревоѣщательствѣ, мы сильно вдыхаемъ, чтобы запастись достаточнымъ количествомъ воздуха; потомъ крѣпко стягиваемъ небную занавѣску, горло, гортань, основаніе языка и всѣ мясистые органы, служащіе къ движенію, такъ, чтобы, при изданіи голоса, какъ можно меньше выходило воздуха изъ легкихъ, и чтобы звуки происходили изъ полости рта, а не изъ носовыхъ отверстій, какъ это бываетъ при образованіи обыкновеннаго голоса.

Хотя нѣтъ никакого затрудненія стянуть небную занавѣску, желудокъ, грудную полость и мясистыя части шеи, слѣдуетъ единично замѣтить, что если мы хотимъ, чтобы казалось что

голосъ происходитъ изъ болѣе отдаленнаго пространства, нужно взять его ниже въ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{8}$ тона, и сей-часъ притаить, отъ этого происходящій звукъ; съ этою цѣлю должно приблизить языкъ къ язычку такъ, чтобы чрезъ это перемѣнился голосъ, на подобіе того, что происходитъ въ валторнѣ при вложеніи въ нее руки.

Главная тайна чревоушителей состоитъ въ томъ, чтобы воспрепятствовать воздуху выходить чрезъ носъ, и медленно вытискивать его въ очень сгущенномъ состояніи изъ полости рта.—Такимъ образомъ образуется притаенный голосъ съ слабымъ звукомъ, такъ что кажется, что онъ выходитъ изъ отдаленнаго разстоянія. Чтобы увеличить этотъ обманъ, надобно обратить вниманіе слушателя на какой-нибудь предметъ, и потомъ говорить въ этомъ направленіи; при чемъ небная занавѣска болѣе или менѣе поднимается, а чрезъ это голосъ кажется выходящимъ изъ большаго или меньшаго отдаленія. Нужно обращать вниманіе и на то, чтобы нижняя челюсть двигалась какъ можно меньше, и употреблять всевозможныя старанія, чтобы говорить болѣею частию съ закрытымъ ртомъ.—Надобно тоже такъ ставить чревоушителя, чтобы на него нельзя было иначе смотрѣть какъ только съ боку; тогда лицо его будетъ безъ всякаго выраженія, какъ это бываетъ у слѣпыхъ. Такимъ образомъ никому не придетъ въ голову, чтобы слышанные звуки выходили изъ него, и такимъ образомъ легко можетъ произойти совершенный обманъ. Явленіе это можетъ еще лучше быть представлено, когда чревоушитель по временамъ будетъ говорить обыкновеннымъ голосомъ, ибо противоположность между естественнымъ и искусственнымъ голосомъ очень много способствуетъ тому, что слухъ ошибается въ отношеніи направленія и мѣста происхожденія звуковъ.

Изъ вышеназясненнаго слѣдуетъ, что искусство чревоушительства основывается не только на способности подражать голосу, свойственнымъ ему звуками, но также и на образованіи разнороднымъ тоновъ, происшедшихъ отъ движенія мясистыхъ органовъ, которое не можетъ быть замѣчено слушателемъ. Однако чревоушитель напрасно употребляетъ бы все искусство подражать и разнымъ образомъ перемѣнять звуки, если бы голосъ расхлестался въ прямой направленіи; всегда можно было бы узнать, откуда онъ происходитъ.

Наконецъ не излишнимъ считаемъ прибавить слѣдующее замѣчаніе; что въ чревоушительствѣ, по мнѣнію Виліама Милльерсона, можно въ падомъ слушатъ только слышатъ, слышатъ

ушихи, если бы достигъ въ высочайшей степени природное дарованіе подражанія различнымъ звукамъ.

Замѣнитель Флицъ-Джемсъ, способности котораго удивлялись Парижъ и Лондонъ въ началѣ текущаго столѣтія, находилась однажды въ обществѣ, въ которомъ дѣлалъ дѣвственный тогда Воланжъ. Послѣ окончанія чтенія, послѣдній началъ разговоръ о мнѣніяхъ мнимыхъ чревовѣщателей, и утверждалъ, что голосъ, раздающійся въ то время, происходитъ отъ скрытыхъ въ соответственномъ разетолдіи людей; по этому каждый чревовѣщатель требуетъ много приготовленій, чтобы совершить обманъ, и никогда не окажетъ своего искусства на скорую руку. Едва Воланжъ высказалъ свое мнѣніе, какъ получилъ отвѣтъ, которымъ всѣ присутствующіе были удивлены; голосъ, казалось выходилъ изъ нижняго этажа, чрезъ полъ. Но разговоръ сдѣлался скоро гораздо удивительнѣе, когда въ немъ начали участвовать бюсты, которые давали свои мнѣнія и ревностно ихъ защищали. Когда любопытство слушателей дошло до высочайшей степени, чревовѣщатель открылъ имъ, какимъ образомъ онъ обманулъ ихъ, показалъ имъ свою ловкость, и пояснилъ имъ не только разсказомъ, но даже и чрезъ примѣненіе своей теоріи, какъ неприготовленные зрители и слушатели должны ошибаться съ перваго взгляда относительно происхожденія и направленія голоса. Флицъ-Джемсъ, открывъ вспомогательныя средства первой части своего искусства, обратилъ свое вниманіе на другую часть его, для примѣненія которой нужно имѣть особенный организмъ, и одна упругость органовъ недостаточна. Онъ показалъ, что разобралъ основательно драматическое искусство и испыталъ его тайны теоретически и практически. Лицо его представляло попеременно выраженіе самыхъ разнообразныхъ страстей; онъ принималъ разные виды въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; однимъ словомъ, онъ показалъ что обладаетъ въ высочайшей степени дарованіемъ подражанія.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть, что господинъ Александръ Ватмаръ уступаетъ ему немногимъ; многіе видѣли, какъ онъ представлялъ въ продолженіе пятнадцати минутъ болѣе 25 человѣческихъ ролей; онъ выступалъ то какъ старая жевщина, то ребенкомъ, то молодой дѣвушкой и т. п., и во всякомъ представленіи имѣлъ сообразный съ состояніемъ того лица голосъ, движенія и черты лица.

О значеніи и происхожденіи циркачества. Мало есть вреднѣе тому способнымъ столько занять вниманіе чужаковъ, отъ которыхъ выигрываютъ въ азарты капиталы, географическая исторія, а въ

начало этого народа, который, существуя уже почти четыре вѣка въ Европѣ, до настоящаго времени остался малоизвѣстнымъ. Это поколѣніе людей, которыхъ обычаи, языкъ и религіозныя понятія до сихъ поръ не могли быть переименены ни временемъ, ни климатомъ, ни политикой, ни примѣромъ; народъ этотъ подъ именемъ Цыганъ извѣстенъ въ большей части Европы, и одинъ только еврейскій народъ можетъ похвастаться, что сохранилъ, подобно Цыганамъ, хотя не такъ явственно, свой первоначальный характеръ, на чужой землѣ.

Гассъ находитъ начало Цыганъ въ южной сторонѣ Босфора Киммерійскаго, Марій Нигеръ выводитъ ихъ изъ Зеугитанъ (сѣверной части королевства Туниса), Гербело (Herbelot) полагаетъ, что они прибыли изъ Зангвебара; Еккаръ (Essard) выводитъ ихъ отъ Черкесовъ; Вагенсилъ (Wagensil) отъ нѣмецкихъ Евреевъ; Эней Сильвій (Eneas Silvius) помѣщаетъ ихъ колыбель въ горахъ Кавказа; Гризеллинъ (Grizelini) въ Еѳіопіи и Египтѣ; иные въ Колхидѣ, египетской колоніи, основанной Сезострисомъ; иные, наконецъ, особливо Палласъ, ищутъ ихъ источника между Цыганами Дуная (извѣстными у Геродота) или у Цыганъ русской Украйны.

Мы не будемъ здѣсь приводить этотъ длинный рядъ разныхъ мнѣній; мы знаемъ до сихъ поръ только трехъ писателей, которые разбираютъ эту задачу съ настоящей точки зрѣнія. Это суть Г. г. Грельманъ (Grellman), Давидъ Рибгардсонъ (David Ribhardson) и аббатъ Дюбоа (Ab: Dubois). Двое первыхъ, которыхъ мнѣнія придерживается большее число ученыхъ, почитаютъ Индію колыбелью Цыганъ, а мѣстомъ гдѣ они разошлись, означаютъ устье рѣки Инда, или провинціи, имъ неизвѣстныя. Аббатъ Дюбоа помѣстилъ ихъ между Кураверами изъ Магассара, и кажется болѣе приближался къ правдѣ нежели его предшественники.

Мы же будемъ почитать страну Маратовъ первоначальнымъ отечествомъ Цыганъ, ибо оттуда они начали свои путешествія, и теперь находятъ ихъ еще въ той сторонѣ живущихъ поколѣніями.

Не справедливо утверждаютъ, что Цыганы назывались между собою именемъ Синтовъ, что приводитъ на память названіе рѣки Синда; это значило бы полагать, что существовалъ народъ подъ именемъ Цыганъ между рукавами этой рѣки, и что диалектъ *тапта*, употребляемый жителями при устьѣ рѣки Инда, есть тотъ же самый, на которомъ говорятъ Цыганы Европы.

Жители Индостана съ отдаленнѣйшихъ временъ дѣлились на

загы * что ны называемъ кастами, тамъ жьтъ Эсіоны, Египтяне и Евреи. Веда, священ. книги Индійцевъ, говорятъ что Брами, создатель міра (котораго не надобно почитать за одно съ Браню, существомъ единственнымъ и вѣчнымъ, который далъ жизнь первому), раздѣлялъ на четыре касты свои первыя творенія. Изъ его головы родились Браны, изъ плечъ Катріясъ, изъ живота Вессіясъ, а Судрасъ изъ его ногъ.

Браны назначены были для исправленія самыхъ высшихъ должностей, какъ-то: совѣтниковъ, министровъ, князей; нѣкоторые изъ нихъ были даже королями, а иные исполняли священныя обряды. Секта Катріясъ была назначена для военной службы; Вессіясъ управляли земледѣіемъ, торговлею, промысломъ и заботилась о стадахъ; Судрасъ были простыми земледѣльцами, слугами, а иногда и невольниками. Каждая изъ четырехъ главныхъ кастъ раздѣлялась на нѣсколько-сотъ иныхъ; но эти подраздѣленія отличаются между собою по мѣстности, ибо каста осѣдая въ одной окрестности Индостана не находится въ другой. Многочислениѣйшая каста есть каста Судрасъ, которая заключаетъ въ себѣ поколѣніе или субъ-касту Паріевъ, ** наибольшую изъ всѣхъ и раздѣленную на большое число иныхъ поколѣній; она заключаетъ въ себѣ $\frac{1}{10}$ племени Индусовъ, или читателей Браны.

Первоначальное поколѣніе Цыганъ есть раздѣлъ разныхъ поколѣній Паріевъ, или людей безъ касты. Начало Паріевъ весьма древне; ихъ имя находится уже въ древнѣйшихъ Пуранахъ. Эта каста образовалась изъ соединенія людей, выгнанныхъ изъ иныхъ кастъ, за проступки противъ религіи и законовъ, и заключаетъ большое число поколѣній, между которыми можно считать знатнѣйшія поколѣнія Валюверъ; Шакилсъ или сапожниковъ; Мучіеръ (Mutchier) или копальщиковъ; Калла Бантрусъ (воры); Кураверъ, купцовъ соли; Оттеръ, номадовъ, которые переходятъ съ мѣста на мѣсто, работаютъ, какъ жители Оверли во Франціи; вырываютъ колодези и каналы въ разныхъ странахъ Индіи; Домбарусъ, нищихъ и комедіантовъ, и

* Значеніе этого слова весьма обширно; употребляютъ его иногда для означенія ремесла, иногда для означенія страны или какого-нибудь лица. И такъ говорятъ: «Танти ка затъ» — каста (ремесло) ткачей а — «колъ затъ тумара?» — Какая твоя страна?»

** Слово *кари* происходитъ съ санскритскаго *карма* (*karjā*) что означаетъ неисполненіе предписаній. Состоитъ изъ *кари* несправедливо, и *аид* идти, поступать. Говорятъ: «Парія Брагманъ» — злой Брами. Слово *карла*, есть испорченное индостанское.

накопец Цыганъ, первоначальное поселеніе называе Цыганъ въ Италіанскіхъ Цыгарахъ, которые ими носятъ еще званіе первоначальнаго.

Поклѣніе Цыганъ, называемое также Вангарветъ на берегу Конка, Пиратотъ и Сунатиръ на берегу Малабаръ, есть колѣнующее. Встрѣчаютъ тамъ часто дѣла теламъ близъ древняго великолѣпнаго города Визашуръ и въ окрестностяхъ Бенгалера, въ странѣ Магиссуръ, которую называли Млесара по привычкѣ переименовать восточныя имена.

Цыганы вообще черноватаго цвѣта, что оправдываетъ названіе черныхъ Индооташцевъ, данное имъ Персами. Изъ вѣтра, устасы, обычаи и языкъ, равняются отъ иныхъ поколѣній Индовъ. Мараты даютъ имъ прозваніе Судасъ (плутъ, воръ), и въ саможъ дѣлѣ, во время войнъ они занимаются грабежемъ, доставляютъ пропитаніе для войска и служатъ ему шпионами, а жены ихъ такшонницами (кантогиницъ). Во время мира выдѣлываютъ толстыя полетна, производятъ торговлю рисомъ, масломъ, солью, тогда, каю, арамомъ*, опиумомъ, гураку и пау** и пр. Это суть торговцы, перевозящіе свои товары на водахъ съ мѣста на мѣсто. Женщины Цыганъ красивы и хорошо сложены, какъ по большае части женщины Индовъ; но чрезвычайно страстны. Часто крадутъ между собою молодыхъ женщинъ и продаютъ ихъ потомъ своимъ землякамъ и Европейцамъ.

Накопецъ ихъ обвиняютъ, что они приносятъ въ жертву людей Ракгазанъ или злымъ духамъ, и ѣдятъ человѣческое мясо. Цыганы занимаются почти вездѣ ремесломъ сводчиковъ; женщины, предсказываютъ за деньги спрашивающимъ ихъ совѣта; для этого они имѣютъ обыкновеніе бить въ барабанъ, чтобы призвать злыхъ духовъ, потомъ, наподобіе оракула и съ рѣдкою скоростію выговариваютъ множество странныхъ словъ и, взираваясь на небо и черты на рукѣ спрашивающей особы, съ важностію предсказываютъ хорошую или дурную участь. Эти женщины умѣютъ тоже окрашивать тѣло, и употребляютъ этотъ талантъ для рисованія цвѣтовъ, звѣздъ и звѣрей на плечахъ индѣйскихъ женщинъ, выкалываютъ лице иглой и наколотыя мѣста натираютъ какимъ-нибудь растительнымъ сокомъ, какъ это можно видѣть въ Америкѣ, Океаніи и другихъ странахъ:

* *Toddin, каю, аракъ* — три разные нити. *Гураку* — это родъ благовонія, который курятъ въ Гока.

** *Пау* есть названіе растенія, которое жуютъ Индѣйцы, для запаха во рту.

7) ерфика-законнаго расаванія: ничѣмъ неоглаарны. Идионца, въ крудѣ Цыганъ: готовы заниматься всякими ремеслами. Они общаю ковенно бывають подозрительны, лжецы, ирони, вельицы, трусы, и шопомъ презирають религію; ихъ вѣра основывается на болши замкѣ духовъ и убѣжденіи въ предопредѣленіе.

Санскритское названіе Маратовъ есть Мага-растра (великій воинъ). Марати принадлежать къ колену Индусовъ и происходятъ изъ касты Судрасъ, которая заключаетъ въ себѣ колено паріевъ. Они раздѣляются на три класса: владѣльцевъ, пастырей овецъ и пастырей коровъ. Они бывають хорошими ѣздоками, но вѣстою съ тѣмъ грабители и непросвѣщенные; попеченія о дѣлахъ государства и завѣдываніе казною оставляють Брамину.

Люди, изгнанные изъ трехъ вышеупомянутыхъ классовъ, увеличили число маратскихъ паріевъ, изъ которыхъ произошло съ давнихъ временъ кочующее поколѣніе Цыганъ, или Вангаръ; они снабжали маратскія войска съѣстными припасами (какъ это видно во второй Упанихадѣ).

Цыганы составляютъ, какъ уже выше сказано, особенный народъ, и не смотря на свое маратское происхожденіе, независимы отъ религіи Брами и законовъ Ману, который соединилъ многочисленный народъ Индусовъ, въ одно политическое и религіозное общество, и живутъ въ большомъ количествѣ разсѣянные въ разныхъ частяхъ Индостана.

Опредѣленіе времени, въ которое Цыганы начали выходить изъ своего отечества, составляетъ важный вопросъ. Кажется, что ихъ удаленіе было слѣдствіемъ опустошенія прекрасныхъ ихъ родныхъ странъ славнымъ Тимуромъ (котораго мы называемъ Тамерланомъ) послѣ взятія Дели (Delhi). Этотъ городъ сдался 8-го дня Раби втораго 801 г. э. (въ среду 8-го января 1339) и былъ разрушенъ 17-го числа того же мѣсяца. Тимуръ вошелъ въ Индію въ 1398, а не въ 1408, какъ это утверждаетъ Грельманъ; онъ воротился въ Самаркандъ, столицу своего обширнаго государства, въ маѣ мѣсяцѣ 1399 (эгіры 801) года.

Славный персифъ Эдливъ, увѣряетъ, что Тимуръ омрачилъ свою побѣду умерщвленіемъ ста тысячъ персидскихъ и индѣйскихъ плѣнниковъ. Монголы, съ каждымъ шагомъ впередъ, распространяли такой страхъ во всѣхъ частяхъ Индіи, что большое количество семействъ покинули эту несчастную страну. И такъ очевидно вѣроивно, что Индѣйцы трехъ первыхъ кастъ, изъ особенной привязанности къ отечеству, не слѣдовали примѣру прочихъ, кромѣ того, они были обязаны къ этому своею религіею. Что же касается до Судрасъ и Паріевъ, легко можно заключать, что ихъ ничто не удерживало; притомъ они:

столько любил страствовать, что: ихъ видѣли въ Абиссиніи, Аравіи, при Персидскомъ заливѣ въ Нишапуръ, Самаркандъ, въ Машиль, Целедесъ, даже и въ Китаѣ.

Кажется, естественно, что Цыганы, которыхъ мы видѣли привыкшихъ къ бродячей жизни, какъ не принадлежащіе къ Иудеямъ, исповѣдуютъ или кажутся исповѣдывающими религію, которая имъ представляетъ какую нибудь выгоду, что доказываетъ, что они служили шпионами, маркитантами монгольскимъ войскамъ, и что часть ихъ сопровождала Тимура въ его долговременномъ походѣ чрезъ Кандагаръ, Персію и Бухарію. Прѣйдя Каспійскія и Кавказскія земли, оставивъ послѣ себя во всѣхъ этихъ странахъ, какъ будто бы слѣдъ своего прохода — оторванные семейства, Цыганы кончили свое странствованіе, одни въ Россіи, другіе въ Малой Азій; нѣкоторые перешли изъ Кандагара въ страну Сегистанъ, Мекранъ, Кирманъ, Фарсъ, Хузистанъ, Аравію Каменистую и чрезъ Сузскій перешеекъ прибыли въ Египетъ, а оттуда въ Мавританію. Доказано, что эти необразованные странствователи пришли отъ Чернаго моря и Малой Азій въ Европу, съ помощію Турокъ, которыхъ они были шпионами и поставщиками во время войнъ съ греческой имперіей; тоже извѣстно, что Цыганы, первые прибывшіе въ Европу, поселились въ Турціи Европейской, какъ это утверждаетъ Авентенъ, а оттуда перешли въ Молдавію и Валахію. И въ самомъ дѣлѣ, они являются въ Венгріи въ 1417; въ концѣ сего года они видны въ Чехіи и Германіи, на берегахъ Сѣвернаго моря, въ 1418 они показываются въ Швейцаріи, по Штумфу и Груберу въ 1422 въ Италиі. Паске означаетъ ихъ начало во Франціи съ 1417, гдѣ они именовали себя христіанами, выгнанными изъ нижняго Египта Сарацинами, но они приходили изъ Чехіи. Изъ Франціи они перешли въ Испанію и Португалію, по мнѣнію Кордовы, а потомъ, въ царствованіе Генриха VIII, въ Англию. Орды ихъ обыкновенно состояли отъ 200 до 300 человекъ обоего пола. Однако мы не думаемъ, не смотря на мнѣніе Грелльмана, чтобы Турки призвали Цыганъ въ Европу изъ Египта, и хотя трудно изъяснить, отчего имъ дано въ многихъ странахъ названіе Египтянъ, однакожъ вѣрно то, что они не были ни египетскаго происхожденія, ни прибыли во Европу изъ Египта, какъ это доказали Кранцъ (Krantz) и Мюнстеръ (Münster). Вѣроятно они сами выдавали себя за египетскихъ христіанъ, за

* Цыганы, прибывшіе въ Венгрію и Чехію, признались сами, что они перешли чрезъ Черное и Каспійское моря.

нелюбимомъ, преслѣдуемыхъ Сарацинами, чтобы легче получить позволеніе вести торговлю въ государствахъ европейскихъ.

Цыганы основали свои колоніи почти во всѣхъ странахъ Европы и въ большей части Азіи. Въ Африкѣ они встрѣчаются только въ Египтѣ, Нубіи, Абиссиніи, Суданѣ и Варваріи. Никогда не показывались они ни въ Америкѣ, ни въ Океаніи.

Самое большое число Цыганъ находится въ Испаніи, Шотландіи, Ирландіи, Турціи, Венгріи, а особенно въ Трансильваніи, Молдавіи, Валахіи, Славоніи, Курляндіи, Литвѣ и въ Кавказскихъ провинціяхъ. Въ Англіи они еще довольно многочисленны, но ссѣдняются только въ мѣстахъ уединенныхъ и входятъ въ города компаніями по два или по три человека. Ихъ рѣдко, въ настоящее время, встрѣчаютъ въ Германіи, Швеціи, Даніи, Швейцаріи. Въ Италіи нынѣ они находятся въ меньшемъ числѣ, чѣмъ прежде. Во Франціи, гдѣ они были всегда многочисленны, нынѣ только видны кое-гдѣ въ деревняхъ и лѣсахъ въ провинціи Лотарингіи, въ Эльзасѣ и въ Пиренеяхъ. Въ Польшѣ они живутъ небольшими общинами, въ губерніяхъ Подляской и Августовской. Въ Испаніи число Цыганъ простирается отъ 50 до 60 тысячъ, которыхъ большая часть обитаетъ въ королевствахъ Гренадѣ и Кордовѣ. По самымъ точнымъ вѣдомостямъ, въ Венгріи ихъ считаютъ 54,000. Больше всѣхъ ихъ находится въ Трансильваніи; тамъ на 1,720,000 жителей, можно считать 104,000 Цыганъ. По этому можно считать число Цыганъ въ Европѣ до 1,000,000; 40,000 въ Африкѣ, 1,500,000 въ Индіи, около двухъ милліоновъ въ остальныхъ частяхъ Азіи, ибо они почти вездѣ въ ней поселились, кромѣ Азіатской Россіи, Китая, Сіама, Аннама и Японіи; ихъ даже можно видѣть смѣшанныхъ съ Туркоманами въ независимой Татаріи, съ Лезгинами Кавказа и Иллагами Персіи. И такъ число Цыганъ въ трехъ частяхъ стараго свѣта простирается до пяти милліоновъ.

Какое однакожъ горестное положеніе представляетъ судьба этой столь значительной массы человѣчества, лишенной, такъ сказать, общихъ правъ, блуждающей безъ понятія о собственности, которая бы привязывала ихъ къ постоянному жилищу, вмѣсто того, чтобы скитаться имъ по полямъ, вдали отъ городовъ, жить грабежемъ и обманомъ и быть разсѣянными, подобно Евреямъ, не смотря на всеобщее гоненіе и ненависть. Будучи врагами земледѣлія и всякаго полезнаго промысла, Цыганы въ Европѣ занимаются торгомъ, поправкою домашней утвари, контрабандою, воровствою, но большею частію предаются праздности; при внимательномъ и строгомъ изслѣдованіи, находятъ въ

нихъ чрезвычайно сходныя черты съ симиотическими уже Нилотами Индостана.

Присоединяемъ здѣсь наименованія, которыя даютъ Цыганамъ въ различныхъ странахъ, ими обитаемыхъ.

Аравитяне и Мавры называли Цыганъ Гарамъ (горы); Венгерцы — Цыгарисъ (Cingarys) и Фарахъ-непекъ (Phagach перекъ т. е. народъ Фараона. Это послѣднее названіе удерживаютъ они и въ Трансильваніи. Англичане даютъ имъ названіе Египтянъ; Шотландцы — Кайрдъ (Caird). Испанцы называютъ ихъ Китанами (Gitanos); Португальцы — Сиганами (Ciganos); Голландцы — Гейдененъ (Heidenen), что значитъ язычники; Русскіе — Цыганами; Итальянцы Цуингарами (Zuingari), Шведы — Спакарингами (Spracaring), Датчане и Норвежцы Татарами (Tatars); Валахи, Бессарабы, Молдаване, Сербы и Поляки называютъ ихъ — Цыганами (Cyganie), Нѣмцы-Цигейнерами (Zigeuner). Во Франціи они получили сначала названіе Египтянъ (Egiphtien); потомъ Богемцевъ (Bogémien), потому что первые люди этого племени прибыли изъ Богеміи. Историки среднихъ вѣковъ упоминаютъ объ нихъ подъ именемъ Anzighans. Въ Персіи они извѣстны подъ названіемъ Луръ (Louri). Бухарцы и жители Туркестана употребляютъ названія Триаги (Triaghi), но не Діаю (Diaju), какъ утверждаетъ Георги. Слово Тзіаги (Tziaghi) на языкѣ Дзагатай (Dzagatai), которымъ говорятъ въ Бухаріи и независимой Татаріи, кажется корнемъ Чингени (Tchingeni), слово, которое употребляютъ Турки для названія этого кочующаго племени; ибо турецкій языкъ происходитъ отъ дзагатай (dzagatai). Цыганы называются также между собою Ерумна-Шаль (Egumna—Chal); два эти слова принадлежатъ къ языку Маратовъ и означаютъ людей, блуждающихъ по полямъ.

ФРЕСКИ ВЪ ЛОЖАХЪ И КОМНАТАХЪ РАФАЭЛЯ. *Статья замедина Дамга.* Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, дирекція по части художествъ и искусствъ во Франціи, принадлежащая къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, удачно вздумала заказать искуснымъ художникамъ скопировать важнѣйшія фрески Ватикана. Эта работа досталась на долю господамъ Балзамъ (Balze), ученикамъ неподражаемаго барона Энгра.

Ватиканскія фрески — торжество искусства и дучшій произведенія Рафаэля. Въ нихъ преимущественно раскрываются сила и плодovitость его воображенія; и съ тѣмъ вмѣстѣ — смѣлость, бойкость кисти и величіе, сопряженное съ граціей, вкусомъ и естественностью.

Накѣрное можно сказать, что въ этихъ фрескахъ приближились судилища къ тому идеалу, который повсюду его преслѣдовала и который, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, возмущаетъ необыкновенныя души.

И еще можно сказать накѣрное, что еслибы была возможность собрать въ одно мѣсто все произведенія Рафаэля, находящіяся въ публичныхъ и частныхъ галереяхъ, и сказать: вотъ что оставилъ потомству великій живописецъ! то, разумѣется, удивленіе и уваженіе къ его гению было бы неизмѣримо.... Но переселите каждаго зрителя въ Римъ, заставьте посмотрѣть на фрески (которыя перенести рѣшительно невозможно), что вы скажете, если вы знатокъ или любитель?

Фрески находятся въ *ложкахъ* и въ *комнатахъ* (loggie, camere).

Ложки — открытыя галереи по тремъ сторонамъ главнаго двора папскаго дворца.

Одна изъ этихъ галерей, въ недавнемъ времени снабженная окнами, вся рѣшительно украшена живописными изображеніями, исполненными или самимъ Рафаэлемъ или подъ его присмотромъ.

Самъ онъ исполнилъ изображенія, украшающія главный сводъ и извѣстныя подъ названіемъ «Рафаэлевой Библии»; это Богъ — Саваоѳъ, преобразующій первообытный хаосъ; — превосходное художественное олицетвореніе первыхъ стиховъ книги Бытія; далѣе Авраамъ съ тремя ангелами; Иосифъ, объясняющій Фараону пророческіе сны; Моисей, спасаемый изъ воды; однимъ словомъ, здѣсь выборъ самыхъ важныхъ и самыхъ трогательныхъ происшествій, описанныхъ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ.

Всѣхъ изображеній 52; они не велики и всѣ почти сконпированы Бальзамомъ.

Подъ именемъ «комнатъ» (camere, stanze) разумѣютъ преимущественно четыре покоя въ собственномъ жилищѣ папы, но эти покои въ настоящее время доступны каждому артисту, который ищетъ себѣ образцовъ и вдохновенія.

Полное и подробное описаніе «комнатъ» Рафаэля, начертанное конуснымъ перомъ знатока, составило бы предлюбопытную книгу.

Вопросы касательно искусства и вкуса, постепеннаго усовершенствованія живописи, исторій, біографій, самой даже эрудиціи въ отношеніи къ обычаямъ и костюмамъ древности и среднихъ вѣковъ — разрѣшены были бы по фрескамъ Рафаэля, и разрѣшены были бы удовлетворительно, даже не при высокомъ талантѣ автора.

А съ тѣмъ вмѣстѣ замѣтимъ: прочитавъ подобное сочиненіе, кто не оцѣнитъ исполнискій талантъ Рафаэля?

Фрески въ «Комнатахъ», заказанныя господиномъ Балзанъ, суть: «Теологія», больше известная подъ названіемъ «Спора о святомъ Причастіи»; «Философія» или «Аѳинская школа», «Геліодоръ, изгнанный изъ храма», «Святый Левъ, останавливающий Аттілу», «Пожаръ въ Борго», «Чудо въ Больсенѣ», «Освобожденіе святаго Апостола Петра», и «Париазъ».

«Споромъ о святомъ Причастіи» началъ Рафаэль работы свои въ Ватиканѣ¹ и это произведеніе его дѣйствительно превосходно; композиція въ одно время и проста и величественна; сцена двойная, но мысль одна.

Въ южной части возвышается алтарь, на которомъ лежитъ просфора; онъ окруженъ отцами Церкви, папами, учеными, богословами; тутъ же мы видимъ св. Іеронима, св. Августина, св. Григорія, св. Ѳому, великаго поэта Данте, который обладалъ глубокими познаніями въ богословіи. Одни присутствующіе доказываютъ; другіе слушаютъ. Нѣтъ ни одной физиономіи, которая не имѣла бы своего характера, своего жеста, своей позы, не выражала бы своей идеи, чувства, воли.

Верхняя часть фрески переноситъ насъ съ земли на небо. На самомъ верху картины изображенъ Богъ Отецъ съ земнымъ шаромъ въ рукѣ. Пониже—Исусъ—Христосъ; съ правой его стороны Пречистая Дѣва; съ лѣвой Іоаннъ Предтеча. Затѣмъ слѣдуютъ самыя славныя и самыя уважаемыя лица Вѣтхаго и Новаго Заветъ: Авраамъ, Моисей, Давидъ, св. Іоаннъ Богословъ, св. Апостолы Петръ и Павелъ, и проч.

Два облака, простираясь параллельно одно другому, поддерживаютъ на воздухѣ эти святыя лица и прозрачными парами своими облекаютъ необыкновенной красоты ангеловъ, изъ которыхъ одни—дѣти, другіе кажутся постарше.

Четыре ангела, которые моложе, стоя между Исусомъ Христомъ и алтаремъ, указываютъ на четыре книги Евангелія; надъ ними посрединѣ голубь, — олицетвореніе Святаго Духа—неподвижно поникнувшій надъ просфорою, какъ бы соединяя мысль Божію съ человѣческою.

Прямо противъ «Теологіи» находится «Философія», чаще называемая, какъ мы уже сказали, «Аѳинскою школою»: послѣднее наименованіе ясно опредѣляетъ содержаніе фрески.

¹ Рафаэлю было тогда 25 лѣтъ. Родился онъ въ 1483 году, умеръ въ 1520. Папа Юлій II, призвавшій его въ Римъ, вступилъ на престолъ свой въ 1503 и умеръ въ 1513 году. Ему наследовалъ Левъ X, родившійся въ 1478 и умершій въ 1521 году.

Въ обширномъ зданіи величественной архитектуры соединились знаменитѣйшіе представители древней науки и мудрости.

Здѣсь увидите вы: Платона, и Аристотеля, этихъ двухъ основателей превосходныхъ философскихъ школъ; Сократа, наставника ихъ обонихъ; Пифагора, Архимеда, Эвклида....

Вокругъ нихъ сидятъ молодые люди, взрослые и даже старики, и съ жадностью внимаютъ словамъ учителей.

Кроткая важность начертана на всѣхъ лицахъ. Глядя на нихъ, чувствуешь себя между самыми избранными умами, занятыми рѣшеніемъ высшихъ вопросовъ ума и преданными изслѣдованіямъ всего высокаго и прекраснаго въ природѣ.

Движеніе безъ путаницы, тишина и спокойствіе безъ холодности царствуютъ въ этомъ ученомъ и многолюдномъ собраніи.

Искусное размѣщеніе группъ, разнообразіе выраженія лицъ и положеній, все, все составляетъ превосходное цѣлое (ensemble), на которое чѣмъ больше смотришь, тѣмъ больше доставляешь глубокаго и истиннаго наслажденія уму.

Не будемъ больше продолжать этотъ неполный и блѣдный эскизъ, недостойный такихъ превосходныхъ твореній.

Мы очень хорошо понимаемъ всѣ высокія достоинства таланта Рафаэля и нисколько не затруднились бы объясненіемъ ихъ; но кто не знаетъ, что объ дѣлѣ искусства говорить не то, что объ какомъ-нибудь произведеніи литературномъ. Разборъ какой бы ни было книги поддерживается выписками, которыя близко знакомятъ читателя съ авторомъ; но описаніе картинъ, отдѣльное отъ изображенныхъ предметовъ, всегда бываетъ монотонно и скучно.

И такъ мы ограничимся только быстрымъ перечисленіемъ остальныхъ превосходныхъ фресковъ.

«Геліодоръ, изгоняемый изъ храма»¹ — сцена полная движенія. Въ ней не знаешь, чему удивляться болѣе: таинственности ли всаднику, поражающему виновника; или двумъ юношамъ, которые плетями изгоняютъ его изъ храма, а сами едва-едва касаются земли, или группѣ женщинъ, которыхъ взоры и жесты съ величайшей истиной выражаютъ удивленіе и ужасъ, или, наконецъ, величественной фигурѣ папы, котораго несутъ на sella gestatoria².

¹ Книга II Маккавеевъ, глава III.

² Присутствіе папы при этомъ случаѣ можетъ показаться неумѣстнымъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о несообразностяхъ и анахронизмахъ

«Святый Левъ, останавливающаящій Аттилу» представляетъ такое зрѣлище, которое, увидѣвъ однажды, по смерти не забудешь: здѣсь, съ одной стороны, буйныя фигуры варваровъ и ужасъ, поселившійся въ душу вождя нѣтъ при чудесномъ появленіи миротворца, съ другой—спокойствіе, довѣрчивость, благочестивая увѣренность папы въ самомъ себѣ, и кроткая, безусловная покорность ему въ его скромной и безоружной святѣ.

Чудесный контрастъ моральной силы надъ матеріальной, благородное торжество мысли надъ животностью!

«Пожаръ въ Борго»¹ —картина, исполненная движенія и интереса, гдѣ Рафаэль, какъ кажется, захотѣлъ поспорить съ Микель-Анджело, —именно: смѣлостью позъ, силою рисунка и удивительными типами благородства и красоты.

Каждый изъ большихъ сюжетовъ, о которыхъ мы сейчасъ только говорили, рисуется на стѣнѣ, которая, по своему пространству и положенію, благопріятствовала плану художника.

Другая стѣна неудобна была для него, и потому «Чудо въ Больсенѣ», «освобожденіе Святаго Апостола Петра изъ темницы» и «Парнасъ», заставили Рафаэля бороться съ трудностями, которыя могъ побѣдить одинъ—только онъ. Ему приходилось расписывать двѣ полукруглыя стѣны, на которыя свѣтъ падалъ снизу изъ окна, похожего на подкову.

Рафаэль успѣлъ побѣдить всѣ препятствія: быть можетъ, онъ хотѣлъ даже показать всѣ огромныя средства своего необъятнаго репья.

”

которыя такъ часто встрѣчаются у великихъ мастеровъ. Скажемъ только, что фрескѣ «Гелиодоръ, изгнанный изъ храма» былъ выраженіемъ энергій Юлія II, при возвращеніи себѣ несправедливо отнятыхъ, присвоенныхъ издавна престолу, владѣній.

Что касается до *Sella Gestatoria*, то, можетъ быть, не каждый читатель нашъ знаетъ, что это—подвижныя парадныя носилки, которыя бывають на плечахъ до шести, какъ двѣнадцати человекъ.

Это церемониальное шествіе бывають только при самыхъ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ день Вознесенія Господня, и проч.

¹ Это происшествіе относится къ 817 году. Часть Рима, извѣстная подъ названіемъ Борго ді Санъ Спирито, или Борго Веччіо, и лежащая между мостомъ Святаго Ангела и Ватиканомъ, почти вся выгорѣла. Укрощеніе пожара приписано было молитвамъ Льва IV. Такимъ образомъ, этотъ благородный и добродѣтельный старецъ пріобрѣлъ себѣ, во мнѣніи народа, новое тѣло благодѣтеля своихъ подданныхъ.

Въ картинѣ «Чудо въ Больсенѣ»¹ онъ расположилъ и разгруппировалъ всѣ лица до такой степени натурально, до такой степени вѣроподобно, что никакой зомлѣ не прищеть никакого замѣчанія.

Удивленіе в почти испугъ всѣхъ лицъ переданы съ удивительною вѣрностью; каждая фигура—портретъ

Что касается до «Освобожденія Святаго Петра² изъ темницы», я полагаю, что никакая картина Рафаэля не можетъ заставить забытья зрителя до такой степени, какъ эта. Представьте себѣ лулу, тайкомъ выходящую изъ-за облаковъ, факелъ въ рукѣ одного изъ стражей апостола, и необыкновенный свѣтъ, распространяемый вокругъ себя небеснымъ посланникомъ; здѣсь тройной эффектъ свѣта; какъ передашь его, и еще *al fresco!*

Думаешь, что видишь чудо. Художникъ безъ благоговѣнія смотрѣть не долженъ на эту побѣду надъ красотами природы и трудностями изображать ихъ.

«Парнасъ» представляетъ Аполлона и Музъ на вершинѣ зеленѣющей горы, окруженныхъ славнѣйшими поэтами греческими, латинскими и италіянскими; этимъ фрескомъ вдохновила Рафаэля мифологія, родъ снимка съ какого-нибудь памятника древности, гдѣ, конечно, нѣтъ дѣйствія, но сколько граціи, сколько благо-родства! Этотъ секретъ дался только Рафаэлю.

Вотъ обзоръ тѣхъ произведеній величайшаго художника, съ которыхъ копіи поручено сдѣлать господамъ Бальзамъ.

Нельзя не признаться, что подобнаго рода работа требуетъ дарованій. И въ самомъ дѣлѣ, чтобы дать копіи все совершенство оригинала, какого только она можетъ достигнуть, мало быть знакомымъ съ матеріальными условіями искусства и присоединять къ этому практическія познанія, стараніе, вниманіе, точность;—должно еще войти въ мысль автора, одушевиться его идеею.

Эти общія затрудненія имѣли еще особую сторону.

Всѣ знаютъ, что слишкомъ три вѣка пощадилъ фрески Рафаэля; но все же неумолимое время, не смотря на какія думы художника, ни на прочность, ни на благоразумное употребленіе

¹ Больсена, Bolsena, Vulsinii, — городъ въ папскихъ владѣніяхъ.

² Дѣлія Свят. Апостоловъ, глава XII. — Левъ X, заминая, какъ кардиналъ — летать, выгоды папскаго престола при Юліи II, взятъ былъ въ плѣнъ послѣ битвы при Равеннѣ, въ 1512 году, и, страшная вещь! освобожденіе его посѣдовало ровно въ тотъ самый день, когда современемъ онъ избранъ былъ въ папы. (*Vie de Raphaël par M. Quatremère de Quincy*). Это обстоятельство жизни Льва X объясняетъ нѣсколько мысль артиста.

и искусное соединеніе красокъ, порядочно ихъ попортило; небрежность вообще и недостатокъ предосторожностей усердно содѣйствовали полуразрушенію фресковъ.

Отъ этого копія не должна еще была слѣдовать испорченности оригинала; а художникамъ должно было найти и возстановить погибшіе отгѣвки фресковъ; но какимъ образомъ? по сравненію съ сохранившимися памятниками Рафаэлева гения.... Прощедшее, хорошо сбереженное, часто превосходно объясняетъ настоящее.

Но и въ этомъ случаѣ художникъ не долженъ слишкомъ отдаляться отъ даннаго образца, въ какомъ бы видѣ онъ ни достался ему въ руки.

Господа Бальзы съ полнымъ успѣхомъ исполнили возложенную на нихъ обязанность,—обязанность трудную въ высшей степени, въ двухъ отношеніяхъ: въ художественномъ и въ техническомъ.

Эти художники явились достойными великаго образца, который имѣли передъ глазами и который съ раннихъ лѣтъ былъ ихъ безмолвнымъ учителемъ.

Благодаря ихъ неутомимой дѣятельности и необыкновенной способности къ подобному дѣлу, Парижъ обладаетъ теперь превосходными копіями главнѣйшихъ фресковъ Рафаэля.

Правду сказать, они списаны съ отдѣльныхъ стѣвъ; съ другими своими братьями часто не имѣютъ ничего общаго, не имѣютъ этой художественной, Рафаэлевской общей гармоніи, но какъ эти копія далеко лучше оригинальныхъ произведеній нашей новѣйшей живописи! Впрочемъ, и дурная копія съ Рафаэля все же заслуга въ искусствѣ....

==

ПАРИЖСКІЯ и ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Съ *Смыслъ Отечества*, по части модъ, случилось довольно забавное и досадное происшествіе. Редакторъ и издатель *осяма лѣто и точию* написали заблаговременно въ Парижъ, чтобы намъ выслали оттуда къ 1-му января 1848 года столько-то тысячъ экземпляровъ картинокъ модъ, нужныхъ для приложенія къ первой книгѣ *Смысла Отечества*, и чтобы эти картинки были намъ доставлены изъ редакціи парижскаго журнала, издаваемого для высшей парижской публики, подъ названіемъ: *Le Paris élégant, revue du grand monde*. Получаемъ изъ Парижа картинку для первой книги *Смысла Отечества*, смотримъ и приходимъ въ недоумѣніе! Въсто хорошенькихъ, граціозныхъ, самыхъ модныхъ дамъ, стоятъ передъ нами, (на картинкѣ) трое мужичиъ, одѣтыхъ по послѣдней парижской модѣ! Не перодѣлись ли въ Парижѣ всѣ дамы, по случаю Святыхъ, въ мужское платье? Нѣтъ! Это не то. Подпись картинки объясняетъ намъ, въ чемъ заключается тайна этого превращенія въ родѣ Овидіевыхъ. Въ Парижѣ издается другой журналъ подъ названіемъ: *L'Élégant*. Отъ сходства названій журналовъ вышло смѣшное недоразумѣніе, и намъ выѣсто трехъ, прелестныхъ дамъ, прислали изъ Парижа трехъ мужичиъ, которые при семъ въ подлинникѣ и прилагаются.

Посылать теперь за дамами въ Парижъ рѣшительно некогда, потому-что сегодня 31 декабря, а *Смыслъ Отечества* долженъ выйти завтра. Впрочемъ мы отправили въ Парижъ экстренную депешу и требуемъ оттуда дамъ. Вѣроятно, ихъ привезутъ сюда къ 1-му февраля, и мы ихъ тотчасъ же передадимъ нашимъ прекраснымъ читателямъ.

Поговоримъ теперь о модахъ мужскихъ—въ Парижѣ, — и дамскихъ—въ Петербургѣ.

Фасонъ фраковъ, сюртуковъ и пальто, въ Парижѣ, остается совершенно неопредѣленнымъ. Что же касается до цвѣта платьевъ, то черный рѣшительно предпочитается всѣмъ другимъ.

Фраки изъ голубовато-синяго сукна съ золотыми пуговицами не носятъ. Жилеты по прежнему цвѣтные и съ шалими; вышивъ пуговица никогда не застѣгивается. Галстукъ на балахъ носится по-

чи всегда бѣлый. Панталоны при фракахъ узкіе, а при сюртукахъ — широкіе и всегда со штричками.

Зимніе пальто довольно широки, съ двумя рядами пуговиць, и спереди никогда не застегиваются, а прилежываются руками; отвертіе кармановъ дѣлается не поперекъ, а вдоль, т. е. параллельно пуговицамъ; талія сзати безъ швовъ.

Пуговицы на фракахъ и пальто большею частію атласныя; металлическія пуговицы, въ нынѣшнюю зиму, совершенно не въ модѣ.

Нынѣшнія дамскія моды, въ Петербургѣ, такъ разнообразны, что трудно указать на что либо исключительно. Одно только мы замѣтили, что нынѣ любятъ уборы изъ черныхъ кружевъ. На розовыхъ, палевыхъ и даже бѣлыхъ легкіхъ платьяхъ нашиваютъ въ три ряда черныя, широкія кружевные оборки и отдѣлываютъ цвѣтными лентами. На бальныхъ платьяхъ талія дѣлаютъ съ длинными шнурками. Берты еще не оставляютъ носить, но иногда замѣняютъ ихъ драпери. Много дѣлаютъ платьевъ съ тюниками, въ два и даже въ три тюника.

Мы видѣли въ высшемъ кругѣ общества много наколокъ, сдѣланныхъ изъ бѣлыхъ и черныхъ кружевъ вмѣстѣ, съ цвѣтными лентами и блестящими пѣтями. Шляпки очень многія дѣлаютъ изъ неразрѣзанаго бархата и предпочитаютъ сѣрый цвѣтъ. Онѣ дѣлаются съ выпуклыми тульями исключительно, совершенно противоположно прошлогоднимъ. Уборка на шляпкахъ дѣлается также изъ бархата.

Фасоны мантилій чрезвычайно разнообразны. Мы замѣтили очень красивыя мантиліи съ мѣшками. Ихъ дѣлаютъ очень много изъ неразрѣзанаго бархата, вышиваютъ въ узоръ агрементами и обшиваютъ бахрамой. Онѣ обыкновенно дѣлаются на ватѣ, и служатъ для пріѣзда въ спектакль. Носятъ также и легкія мантиліи съ мѣшками. Недавно мы видѣли у княгини Б. бѣлую кружевную мантилію, на розовомъ атласѣ и обшигую широкими кружевами. Еще мы замѣтили хорошенькій фасонъ мантилій à la Charlotte Cordais. Эти мантиліи имѣютъ видъ пелеринки, съ острыми концами наперед. Ихъ дѣлаютъ по большей части изъ шелковыхъ гладкихъ матерій безъ подкладки, вышиваютъ агрементами и обшиваютъ бахрамой. Виантки совершенно изгнаны изъ моды. Серги все еще носятъ безъ подвѣсокъ. Браслеты предпочитаютъ изъ кованаго въ видѣ цѣпей золота.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Основа вторая.

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ЖЕРНАКОВА

1846.

СВЯТЫЙ

• АСМАНОВИЧЪ

СВЯТЫЙ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный

Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1-го февраля 1848 года.

Ценсоръ *Александритъ Ассановъ.*

Ценсоръ *А. Фрейманъ.*

Ценсоръ *А. Очкинъ.*

Редакторъ *К. Масальскій.*

Издатель *К. Жеринковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Стр.

- Заслуги и подвиги его свѣтлости, князя Александра Даниловича Меншикова, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримѣчательнаго, что, по Всемогущѣйшему повелѣнію Е. И. В. ПЕТРА ВЕЛИКАГО, и Всенресвѣтлѣйшей Императрицы ЕКАТЕРИНЫ, было совершено, подъ управленіемъ и начальствомъ его свѣтлости, при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во всемъ Россійскомъ государствѣ. *Переводъ съ подлинной нѣмецкой рукописи.* (Продолженіе) 1—54
- Свадебные обряды древней Руси. Соч. М. Морозкина. 55—80

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

- Обозрѣніе современныхъ замѣчательныхъ событій за границую. (Франція. — Англія. — Ирландія. — Данія. — Швейцарія. — Италія. — Греція. — Алжиръ. — Египеть. — Мысль Доброй Надежды. — Остъ-Индія. — Соединенные Штаты и Мексика). — Внутреннія извѣстія. Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. — Обзорѣніе современнаго законодательства и распоряженій правительственныхъ, съ 15 декабря 1847 года по 15 января 1848 года. 1—60

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- На смерть юноши. (Памяти В. В. П.) Соч. Д. Сушкова. 1—2
- Прогулки по Рейну. Соч. Барона Розена. 3—40

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Даміанъ Рущицъ. Быль изъ временъ Іоанна Собіескаго. Соч. графа Фридриха Скарбека. 1—180

Опыты. (Изъ путешествія по Египту и Нубіи г. Ампера). 1—32
 Извлеченіе изъ журнала Миссіонерскаго Лакроа, веденнаго
 имъ въ продолженіе странствій по бенгалскимъ зе-
 млямъ. Статья *Монье*. 33—76
 Новѣйшія изслѣдованія восточной и сѣверной стороны
 Австраліискаго материка. 77—104

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Отвѣтъ Современнику и Отечественнымъ Запискамъ. —
 Исторія Финансовыхъ учрежденій Россіи съ основанія
 государства до кончины Императрицы Екатерины II.
 Соч. графа Дмитрія Головаго. — О молитвѣ Манассіи.
 Соч. В. Гречулевскаго. — Примѣры дѣтскаго благочестія,
 истинное предшествованіе. Соч. законоучителя Гречуле-
 ва. — Слово въ видѣно сырупуству на тѣлѣ «Ада-
 ме, гдѣ еси?» Соч. В. Гречулевскаго. — Натуральная шю-
 ла водовода. — Отдело на Пескахъ, водоводъ. Соч. Н.
 Каратыгина. — Обзоръ современнаго Германскаго Сло-
 весногости 1—28

VII. СМѢСЬ.

Выгвѣска. (Разсказъ Сентъ-Ивеса). — Сара Мартенъ. —
 Невѣста-вдова. (Разсказъ). — Анекдотъ изъ жизни Се-
 бастіана Баха. — Семь париковъ драматическаго писате-
 ля. — Статистика Итальянскихъ пѣвцовъ и вицницъ. —
 Острога Даблаша на счетъ Абль-эль-Кадера. — Два
 учителя въ парижской консерваторіи. — Перечень зем-
 левладѣльцевъ въ Америкѣ. — О музыкальномъ вкусѣ птицъ. —
 Необыкновенное происшествіе. — Мудрое рѣшеніе нѣ-
 мецкаго бургомистра. — Парижскіе театры. — Парижскіе
 и петербургскіе моды. — Новыя музыкальныя произве-
 денія. — Французскія книги 1—80
 Въ этой книгѣ сына Отчества слѣдуютъ особая при-
 ложенія: 1) Портретъ Гевеалиссимуса Князя А. Д.
 Меншикова, гравированный въ Лондонѣ; 2) парижская
 картинка моды.

Русская Исторія.

ЗАСЛУГИ И ПОДВИГИ ЕГО ВЫСОКОКНЯЖЕСКОЙ СВѢТЛОСТИ, КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА МЕНШИКОВА, СЪ ОСНОВАННЫМЪ НА ПОДЛИННЫХЪ ДОКУМЕНТАХЪ ОПИСАНИЕМЪ ВСЕГО ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОГО, ЧТО, ПО ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ПЕТРА ВЕЛИКАГО И ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ, БЫЛО СОВЕРШЕНО, ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ И НАЧАЛЬСТВОМЪ ЕГО СВѢТЛОСТИ, ПРИ ДВОРѢ И ВЪ АРМІИ, РАВНО КАКЪ И ВО ВСЕМЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

ЧАСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

Начало сужьховъ его свѣтлости. — Вступая въ военную службу. — Принятъ ко двору. — Изучаетъ кораблестроеніе.

Благосклонному читателю не неприятно будетъ, если мы подробно опишемъ дѣйствія его свѣтлости, изъ года въ годъ, основываясь на разныхъ журналахъ и вѣвѣстіяхъ, безъ прибавленія впрочемъ похвалъ, которыя могутъ показаться здѣсь лестию, и если вмѣстѣ съ тѣмъ представимъ главнѣйшія событія, случившіяся подъ его управленіемъ и начальствомъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался первымъ любимцемъ Его Царскаго Величества, особенно же во

время продолжительныхъ войнъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны можно опровергнуть несправедливыя мнѣнія, печатныя пасквили и ложныя слухи, какіе распространили враги и злонамѣренные или несвѣдущіе люди на счетъ происхожденія, жизни и дѣйствій его свѣтлости; а съ другой—подать поводъ къ составленію полной исторіи о достославной жизни князя, генералиссимуса и перваго министра Петра Великаго и приснопамятной Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны; такъ обыкновенно, вездѣ особенно во Франціи, издають пространныя записки о жизни и дѣлахъ знаменитыхъ полководцевъ и министровъ, съ присоединеніемъ событій, совершившихся при ихъ жизни, хотя они сдѣлали гораздо меньше его свѣтлости и не имѣли столь обширнаго вліянія на общественныя дѣла. Сверхъ того, сообщаемыя нами извѣстія могутъ исправить и пополнить напечатанныя до сихъ поръ книги и сказанія о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго.

Внутреннее призваніе и стремленіе посвятить себя, по примѣру отца, военной службѣ, рано открыло его свѣтлости путь къ счастью. Его Величество, еще въ своей юности, тотчасъ по вступленіи на престолъ, приказалъ избрать для себя способнѣйшихъ мальчиковъ, и изъ нихъ образовалъ войско, для препровожденія времени и потѣхи (которые потому и были названы *потѣшными*). Изъ нихъ-то вскорѣ составила роту, а съ теченіемъ времени два лейбъ-гвардейскіе полка, Преображенскій и Семеновскій. Эти маленькіе солдаты были одѣты всѣ одинаково, по-нѣмецки, и должны были почти каждодневно собираться на такъ называемомъ Потѣшномъ Дворѣ, что въ Преображенскомъ, и подъ предводительствомъ и надзоромъ Его Величества и другихъ опытныхъ иностранныхъ офицеровъ, упражняться въ военныхъ эзерциціяхъ и эволюціяхъ.

Какъ скоро его свѣтлость явился въ эту роту, тотчасъ былъ принятъ Его Величествомъ въ число солдатъ, (октябрь 1691 г., въ день рожденія царевича Александра Петровича), потому что онъ отличался красною наружностію и смѣлливою смѣнкою, и въ своихъ рывкахъ, возраженіяхъ и отвѣтахъ, разсуждалъ какъ и въ своихъ приемахъ, обнаруживалъ бойкій, живой умъ,

дарный разумъ и добросердечію. А такъ какъ въ военныя экзерциціи и въ другихъ дѣлахъ, къ общему удивленію, онъ далеко превзошелъ своихъ товарищей, не смотря что они были старше его, и притомъ отличался опрятностію, воздержаніемъ и възлivityю; то Его Величество взялъ его къ себѣ въ услуженіе, въ качествѣ пажа или денщика, около 1692 года, когда по смерти полковника Срасебурга, былъ принятъ ко двору генераль-маіоръ Ле-портъ. Съ этого времени, онъ постоянно находился при высочайшей особѣ Его Величества, и пользовался его милостию; подъ руководствомъ и надзоромъ столь мудраго и трудолюбиваго монарха, онъ имѣлъ случай многое видѣть и изучить. Одаренный отъ природы живымъ, проникательнымъ умомъ, онъ имѣлъ счастье скоро узнать характеръ и наклонности Его Величества, угадывалъ его желанія и исполнялъ его повелѣнія наилучшимъ и скорѣйшимъ образомъ; какъ ловкій придворный, онъ умѣлъ, подобно подсолнечнику, обращаться вмѣстѣ съ своимъ солнцемъ, и наклоняться въ ту сторону, куда склонялось самое солнце.

Въ 1689 году, открываетъ заговоръ Шаковитаго. Слѣдуетъ за Его Величествомъ въ Троицкій монастырь *.

Когда Его Величество, въ Переяславѣ и другихъ мѣстахъ, завелъ судостроеніе, то и его свѣтлость послѣдовалъ примѣру своего монарха и хлопоталъ около весель, парусовъ и судовъ, и чрезъ то болѣе и болѣе пріобрѣталъ благосклонность Его Величества.

1693 и 1694 г. Поездка въ Архангельскъ. — Примѣрная сраженія подъ Москвою.

Въ 1693 и 1694 годахъ, его свѣтлость сопровождалъ Его Величество въ поездахъ въ Архангельскъ, въ то самое вре-

* Въ подлинной рукописи, эти два дѣянія написаны въ видѣ озаглавленных, послѣ которыхъ оставлены пробѣлы. Авторъ, какъ видно изъ сопоставленія, помѣщенныхъ имъ въ началѣ рукописи (см. С. О. кн. 1, стр. 8 и 9.), надѣялся современнымъ пополнить эти пропуски обстоятельными свѣдѣніями; въ счастливую его зачатіе остались неисполненными. *Прим. авт.*

на, когда тамъ открывалась ярмарка и когда приходили туда многіе иностранные корабли. Такъ какъ его свѣтлость отъ природы былъ любознательнъ и проникателенъ, то началъ соображать, какъ бы улучшить кораблестроеніе на новопостроенной верфи въ Архангельскѣ, и какъ усовершенствовать самую торговлю. Во всѣхъ увеселительныхъ прогулкахъ по Бѣлому морю, которыя часто представлялись опасными, плаваніе на всѣхъ парусахъ и гребля веслами составляли для него величайшее наслажденіе. При отъѣздѣ, онъ доставилъ Его Величеству нѣсколько иностранныхъ мореходцевъ и матросовъ, для службы на флотѣ.

Когда, въ воинскихъ станахъ или примѣрныхъ сраженіяхъ, Его Величество училъ свои полки, какъ удобнѣе нападать на лагерь, какъ вытѣснить непріятеля съ выгодныхъ постовъ, показывалъ имъ на что слѣдуетъ обращать вниманіе во время осадъ и при другихъ военныхъ дѣйствіяхъ, и занималъ ихъ вообще всеми экзерциціями, равно какъ приказывалъ дѣлать опыты въ пиротехніи и въ стрѣльбѣ, и приказалъ оставаться въ полѣ у Симонова монастыря и у села Коломенскаго нѣсколько лѣтъ сряду, именно въ 1694 и слѣдующихъ годахъ; тогда, князь, будучи унтеръ-офицеромъ, часто отправлялъ должность адъютанта, и при этомъ отличался въ Потышной Ротѣ своею бдительностію и дѣятельностію.

1696 г. Взятіе Азова.

Въ 1696 году, его свѣтлость находился съ Его Величествомъ въ Воронежѣ при спускѣ кораблей и галеръ; потомъ въ званіи гвардейца, служилъ Его Величеству, имѣвшему тогда чинъ десятника или капрала, при осадѣ и взятіи Азова. Онъ находился при немъ и тогда, какъ Его Величество съ 9 галерами, 40 шлюпами, 1 пѣхотнымъ полкомъ и казаками, счастливо поразилъ на морѣ турецкое вспомогательное войско, посланное къ Азову, и получилъ большую добычу. Также былъ вмѣстѣ съ нимъ на морѣ, и во многихъ сшибкахъ съ Татарами, которые хотѣли завладѣть крѣпостію. Его свѣтлость съ самой юности былъ чрезвычайно любознательнъ, потому ничего не опускалъ

безъ вниманія, и не любилъ предаваться праздности; такъ, послѣ взятія Азова онъ имѣлъ счастье найдти въ одномъ погребѣ зарытое сокровище; состоявшее изъ старинныхъ монетъ и другихъ драгоценныхъ вещей.

1697г. *Открытие заговора.—Путешествіе Его Величества въ Германію и Голландію.*

Въ 1697 году, князь Меншиковъ способствовалъ къ открытію того ужаснаго заговора, который составили Циклеръ, Соковнинъ и Пушкинъ противъ священной особы Его Величества, и который назначено было привести въ дѣйствіе 2 февраля. Это доставило ему еще большую милость Его Величества.

Когда Его Величество, съ своимъ великимъ посольствомъ, вознамѣрился посѣтить европейскіе дворы, его свѣтлость отиравился черезъ Ригу въ Митаву, Кенигсбергъ (гдѣ въ то время пребывалъ курфюрстъ брандербургскій Фридрихъ I), Пиллау, Кольбергъ и пр., а послѣ того въ Кистринъ, Берлицъ, къ княжескому брауншвейгскому двору; потомъ черезъ Минденъ, Везель, въ Амстердамъ. Въ Гагъ, гдѣ тогда былъ заключенъ Ризвикскій миръ, его свѣтлость вмѣстѣ съ своими товарищами, имѣлъ случай видѣть знатнѣйшихъ министровъ и отличнѣйшихъ особъ всехъ европейскихкихъ націй, и изучать ихъ образъ жизни, равно какъ торговлю и современное состояніе всей Европы.

Вмѣстѣ съ Его Величествомъ, сохранявшимъ инкогнито, онъ присутствовалъ на всехъ аудіенціяхъ, въ высшемъ обществѣ государственныхъ чиновъ, и при всехъ визитахъ, которые принимали послы и дѣлали сами. Въ Утрехтѣ, находился при первомъ свиданіи Его Величества съ англійскимъ королемъ, Вильгельмомъ. — Въ то же время, съ царевичемъ имеретинскимъ и дѣтьми русскихъ бояръ, учился у полковника Гошке, знаменитаго тогда фейерверкера, артиллерійскому и бомбардирскому искусствамъ.

1698 г. *Путешествіе въ Англію.—Въ Польшу.—Возвращеніе въ Москву.—Судъ надъ Стрѣльцами.*

Въ 1698 году, Его Величество, оставивъ своихъ пословъ и министровъ въ Голландіи, отправился въ Англію съ его

свѣтлостію и немногими другими. Тамъ, при всѣхъ визитахъ, при увеселеніяхъ двора во время карнавала, при конференціяхъ и другихъ занятіяхъ, его свѣтлость безвѣстнѣно находился при особѣ Его Величества. Въ Дентфордѣ, въ обществѣ англійскихъ корабельныхъ мастеровъ, онъ часто, по примѣру Его Величества, работалъ топоромъ, и работалъ съ необыкновенною ловкостію. Эта работа, сколько она ни кажется трудною, для нашего князя и его Государя была гораздо приятнѣе, чѣмъ всѣ увеселенія двора.

Его свѣтлость заставилъ корабельныхъ мастеровъ сдѣлать чертежи, образчики и модели всего, что правилось Его Величеству. Въ Спитгедѣ, онъ присутствовалъ на примѣрномъ морскомъ сраженіи, произведенномъ англійскими оловомъ въ честь и удовольствіе Его Величества. Онъ посетилъ Оксфордъ, Кензингтонъ, Тоуеръ, монетный дворъ и парламентъ. Онъ внимательно наблюдалъ какъ устройства морскихъ и сухопутныхъ войскъ, такъ правительственныхъ, дворцовыхъ, государственныхъ и всѣ прочія учрежденія, которыя могли со временемъ быть приемы къ улучшенію и возвышенію Россіи. По возможности, онъ помогъ Его Величеству набирать и отправлять въ Россію хорошихъ офицеровъ, художниковъ, машинистовъ, ремесленниковъ, корабельныхъ мастеровъ и другихъ полезныхъ людей.—По просьбѣ маркиза Кармартена, онъ доставилъ англійскимъ купцамъ, торговавшимъ въ Россіи, исключительное право продавать въ Россіи табакъ. И всѣ другія порученія и повелѣнія Его Величества, въ Англии и Голландіи, онъ исполнялъ со всею точностію и неутомимымъ стараніемъ.

Когда Его Величество послалъ дѣтей русскихъ бояръ изъ Голландіи во Францію, Италію, Испанію и пр., то его свѣтлость далъ имъ, отъ имени Его Величества, инструкціи, которыя они должны были слѣдовать къ изученію полезныхъ искусствъ и наукъ.

Изъ Утрехта, онъ отправился съ Его Величествомъ, черезъ Клявъ, Ганноверъ, Магдебургъ, Галле, Лейпцигъ, Ко-

никстейшия, въ Вѣну, гдѣ присутствовалъ при свиданіяхъ тайныхъ переговоровъ Его Величества съ императоромъ Леопольдомъ, при военномъ, публичномъ визитѣ, аудіенціяхъ и конференціяхъ. Равно онъ посѣтилъ съ Его Величествомъ Баденъ и Пресбургъ въ Венгрію.

Во время увеселеній и пировъ, онъ былъ осыпаетъ дарами, привѣтствіями и почестями, какія обыкновенно оказываютъ при дворахъ любимцамъ великихъ государей, какъ напримѣръ при дворѣ курляндскомъ, прусскомъ, брауншвейгскомъ, англійскомъ, саксонскомъ и польскомъ.

Такъ какъ Его Величество, по причинѣ возмущенія Стрельцовъ, не могъ совершить предположеннаго путешествія въ Италію: то его свѣтлость отправился съ Его Величествомъ изъ Вѣны, черезъ Краковъ, Величку, Бохнію, къ королю польскому въ Раву, близъ Лемберга; здѣсь былъ произведенъ смотръ королевскимъ войскамъ, назначеннымъ къ экспедиціи противъ Турокъ; здѣсь же былъ заключенъ тѣсный союзъ между Ихъ Величествами. Оба монарха имѣли желаніе открыть войну противъ Турціи; но какъ съ императоромъ австрійскимъ были уже заключены условія, въ слѣдствіе которыхъ, державы должны оставить въ своемъ владѣніи завоеванныя мѣста, а Каменецъ долженъ быть уступленъ Польшѣ, то и были отправлены министры на карловицкій конгрессъ.

Изъ Равы, Меншиковъ и Царь отправились черезъ Смоленскъ въ Москву, куда Его Величество прибылъ 5 сентября поел. стила.

Имѣя желаніе видѣть приращеніе своего флота, Его Величество отправился въ почтовой повозкѣ въ Воронежъ и Азовъ. Тамъ его свѣтлость прибывшимъ изъ Германіи и Англій иностраннымъ офицерамъ, корабельнымъ мастерамъ, машинистамъ, художникамъ и ремесленникамъ, назначилъ удобныя мѣста для жительства и предписанныхъ работъ, размѣстивъ всѣхъ, какъ должно, и указавъ каждому свое дѣло.

Возвратившись въ Москву, его свѣтлость участвовалъ въ судебномъ слѣдствіи надъ главными виновниками стрѣльцкаго бунта, вспыхнувшаго въ отсутствіе Его Величества;

послѣ того, какъ они пріяли заслуженную казнь, и были уничтожены, а вмѣсто нихъ было учреждено другое войско, его свѣтлость опять уехалъ въ Воронежъ, по зимнему пути.

1699 г. Замѣчательныя улучшенія въ Россіи.—Поездка въ Воронежъ.—Смерть Лефорта.—Поездка въ Азовъ.—Новый кавалерскій орденъ.—Римско-императорскій посланникъ въ Москву.—Поездка въ Керчь и Крымскую Татарію.—Полномочіе, данное князю.

Въ этомъ году, Его Величество началъ улучшать, въ своемъ государствѣ, какъ гражданскую такъ и военную, а равно и другія наиболѣе необходимыя части; началъ вводить полицейское устройство, какое онъ замѣтилъ въ иностранныхъ государствахъ и какое находилъ сообразнымъ съ потребностями своей державы; издалъ законы и указы касательно мореплаванія, торговли, мануфактуръ и ремеслъ. Онъ приказалъ оставить старинное русское платье и одѣваться по-нѣмецки; также никому, кромѣ духовныхъ и крестьянъ, не было позволено носить длинную бороду. Въ этомъ случаѣ, благое его намѣреніе состояло преимущественно въ томъ, чтобы русскій народъ пріучить къ обычаямъ образованныхъ иностранцевъ, и чрезъ то уменьшить, если не искоренить совершенно, природную ненависть къ чужеземцамъ.

Его Величество увеличилъ свою артиллерію, умножилъ число офицеровъ и ихъ мѣсячное жалованье. Самъ лично обучалъ свою лейбъ-гвардію новымъ экзерциціямъ. Ввелъ въ употребленіе гербовую бумагу. Въ Приказахъ должны были выставлять на бумагахъ числа и счеты не русскими буквами, какъ прежде, но цифрами, по общеупотребительному у другихъ Европейцевъ обыкновенію. Новоприбывшимъ черезъ Архангельскъ машинистамъ, плотникамъ, художникамъ и ремесленникамъ, пріѣхавшимъ изъ Германіи, Голландіи и Англіи, приказано отвѣсть удобныя мѣста для жительства и мастерскихъ.

Поданные получили отъ Его Величества позволеніе пу-

тешествовать съ чужіе краи и посвящать себя наукамъ, немусосѣямъ и экзерциціямъ.

Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, будучи назначенъ посломъ въ Голландію, получалъ позволеніе взять туда все свое семейство, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще именное повелѣніе взять съ собою нѣсколько молодыхъ людей, достигшихъ уже зрѣлаго возраста, и нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣть при себѣ, въ качествѣ слугъ, а прочимъ позволить изучать мореплаваніе и другія науки.

Иные были посланы въ Воронежъ, съ тѣмъ, чтобы занимались тамъ кораблестроеніемъ; для снаряженія тамошняго флота, каждый бояринъ обязанъ былъ дать 500 рублей; а другіе, имѣвшіе болѣе ста душъ крестьянъ, около 1000 рублей, одинъ болѣе, другой менѣе, сообразно съ состояніемъ.

Въ Россіи было обыкновеніе, что на челобитныхъ подписывали свои имена въ уменьшительномъ видѣ, съ прибавленіемъ словъ: *холопъ* или *рабъ*. Его Величество запретилъ то и другое. Онъ также позволилъ своимъ подданнымъ вступать въ бракъ съ лицами другихъ вѣроисповѣданій.

18 февраля, Его Величество уѣхалъ изъ Москвы въ Воронежъ, въ сопровожденіи его свѣтлости, датскаго, польскаго и прусскаго посланниковъ, Геинса, Карловича и Принца, чтобы лично обзрѣть флотъ и кораблестроеніе; прежде того былъ посланъ туда недавно пожалованный вице-адмиралъ Крюйсъ. Въ то же время были доставлены туда порохъ и другіе военные снаряды, для флота.

Только что Его Величество прибылъ въ Воронежъ, какъ его свѣтлость получилъ, черезъ нарочнаго гонца, извѣстіе, что генералъ Лефортъ скончался въ Москвѣ $\frac{2}{11}$ Марта, отъ горячки. Его Величество принялъ эту вѣсть съ немалымъ прискорбіемъ, цѣня истинныя заслуги, оказанныя этимъ министромъ въ продолженіе его жизни, и тотчасъ послалъ въ Москву его свѣтлость и датскаго посланника Геинса, съ тѣмъ, чтобы они озаботились необходимыми распоряженіями и приготовленіями къ великолѣпному его погребенію, по принятому въ иностранныхъ земляхъ обычаю. Его Величество и самъ прибылъ въ свою резиденцію, послѣ

этого погребеніе было совершено 10/11 марта. (Объ этой похоронной процессіи смотри въ книги: Leben und Thaten Petri M.)

Черезъ два дня послѣ погребенія Лесорта, Его Величество снова отправился въ Воронежъ. На пути, онъ получилъ извѣстіе, что азовскій гарнизонъ опять затѣялъ бунтъ, который могъ имѣть ужасныя послѣдствія. Его составили болѣею частію Стрѣльцы, возбуждаемые къ мести воспоминаніемъ о казни и смерти своихъ товарищей и родственниковъ, и съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на то, что ихъ раздѣлили между другими войсками и принуждали къ службѣ. Они вступили въ тайные переговоры съ Татарами и обѣщали предать имъ Азовъ. Послѣ этого, они открыто объявили, что опасно будетъ допустить въездъ Его Величества въ Азовъ, потому что его негодование противъ нихъ угрожало имъ вѣрною гибелью; если же они должны непременно умереть, то дорого продадутъ свою жизнь и испытаютъ всѣ возможные средства. Лучшимъ же средствомъ они признали то, чтобы призвать къ себѣ на помощь крымскихъ Татаръ и привлечь къ себѣ бѣглецовъ, изъ окрестностей Азова. Этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе. Шайка негодяевъ дѣлала набѣги даже до воротъ Азова; на пути они сожгли нѣсколько деревень и уцѣли въ неволю нѣсколько офицеровъ, солдатъ и другихъ жителей обоего пола, молодыхъ и старыхъ.

Его Величество, вмѣстѣ съ его свѣтлостію, отправились изъ Воронежа, рѣкою Дономъ, съ 4 галерами и 30 галютами и благополучно достигли Азова въ маѣ мѣсяцѣ. Но при ихъ прибытіи, оказалось, что гарнизонъ былъ значительно уменьшенъ моровою язвою. Эта кара обратила бунтовщиковъ уже къ лучшимъ мыслямъ, и они были обрадованы тѣмъ, что добрый Монархъ оказалъ имъ милость, о которой они умоляли его.

Въ то же время, Стрѣльцы, сосланные отчасти въ Белгородъ, а отчасти въ Сибирь, производили всякаго рода беспорядки и грабили на дорогахъ; но вмѣстѣ съ темъ, ковар-

рше запылали новый мятежъ въ Москвѣ, они скоро были усмирены и приведены къ покорности.

20 марта н. ст. былъ учрежденъ кавалерскій орденъ Св. Андрея, въ память Святаго Апостола, о которомъ сохранилось преданіе, что онъ около 69 года, по Рождествѣ Христовомъ, проповѣдывалъ Евангеліе на Девябрь и благословилъ эту страну, какъ пишется о томъ въ Патерахъ или житіяхъ Святыхъ. Первые пожалованы были этимъ орденомъ генералы, оказавшіе храбрость въ послѣднюю войну противъ Турокъ; но впоследствии его получили и другіе, даже иностранные послы. Знакъ этого ордена есть андреевскій крестъ; вокругъ него цѣпь, на которой находятся слова: *За вѣру и вѣрность*; онъ въшается на голубой лентѣ, черезъ правое плечо на лѣвую сторону.

Господинъ Гваріентъ, римско-императорскій посланникъ при російскомъ дворѣ, объявилъ между прочимъ о бракосочетаніи римскаго короля, Іосифа, съ брауншвейгъ-ганноверскою принцессею Вильгельминою Амалиею. Когда онъ исполнялъ возложенныя на него порученія, то за отсутствіемъ Его Величества, черезъ его министровъ $\frac{9}{12}$ іюля, данъ былъ ему *рекредитивъ*, и различныя цѣнные подарки; послѣ чего, онъ выѣхалъ изъ Москвы $\frac{12}{12}$ того же мѣсяца, съ такими же перемовіями и почестями, какими сопровождался прежде его торжественный въездъ.

Въ то же время, англійскіе математики были помѣщены въ большой обсерваторіи, въ Мещанской Слободѣ, гдѣ имъ приказано было учить публично определенное число русскихъ мальчиковъ математикъ, ариметикъ, геометріи, штурманской наукѣ, и всему относящемуся до мореплаванія, и выдавать имъ на необходимыя нужды узаконенное ежемѣсячное жалованье.

Заботливость Его Величества, какъ мудраго государя и отца отечества, была устремлена преимущественно къ тому, чтобы ввести новыя нравы, обычаи и законы, съ которыми онъ, какъ другой Улиссъ, ознакомился во время путешествія. Поэтому онъ не щадилъ никакихъ трудовъ,

чтобы улучшить бытъ своихъ подданныхъ и водворить лучшее устройство въ государствѣ.

По заключеніи перемирія съ Турками въ Карловицъ, Его Величество, сопровождаемый его свѣтлостію, на корабль, на которомъ капитанъ Памбургъ везъ русскаго посланника Украинцова въ Константинополь, отплылъ изъ Азова въ Керчь, что въ Крымской Татаріи, и тамъ обозрѣлъ положеніе крѣпостей и гаваней. Быть можетъ, Его Величество отправился бы инкогнито и въ Константинополь, еслибы въ Керчи не былъ узнанъ однимъ русскимъ ренегатомъ. Но такъ какъ послѣ этого казалось опаснымъ отважиться на дальнѣйшее путешествіе, то Его Величество возвратился въ Азовъ.

По смерти трехъ генераловъ, Лефорта, Шеина и Гордона, и послѣ того какъ Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, для Его Величества (съ матерней стороны), за слабостію здоровья, сложилъ съ себя должность перваго министра, — его свѣтлости, вмѣстѣ съ графомъ Фѣдоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ, было поручено: завѣдываніе военною, административною, судебною и финансовою частями, введеніе новыхъ царскихъ распоряженій, военныхъ экзерцицій, общественныхъ обычаевъ и постановленій; совершенное уничтоженіе старинной русской одежды, длинныхъ бородъ, вгравшихся злоупотребленій, худыхъ нравовъ и обыкновеній, преслѣдованіе лихоимства, смотрѣніе по части артиллеріи, мореплаванія, торговли и прочее.

Такъ какъ его свѣтлость, будучи одаренъ отъ щедрой природы проникательнымъ умомъ и необыкновенно счастливою памятью, припоминалъ Его Величеству все замѣченное имъ за границею; въ видахъ улучшенія государства, дѣлалъ многія полезныя предложенія, и, съ соизволенія Его Величества, смѣло и чрезвычайно скоро приводилъ въ дѣйствіе все распоряженія: то Его Величество возымѣлъ столь необыкновенную увѣренность въ преданности, благоразуміи и твердости князя, что каждодневно бесѣдовалъ съ нимъ однимъ, со всею искренностію, о своихъ намѣреніяхъ и государственных-

ныхъ дѣлахъ, выслушивалъ его сужденія, произносилъ свое рѣшеніе и поручалъ ему приводить его въ дѣйствіе.

Но чтобы дать ему большую возможность исполнять безпрекословно намѣренія и волю Монарха, то Его Величество издавъ указъ: чтобы все, что его свѣтлость укажетъ, потребуеть и повелитъ, по военной, гражданской и уголовной части, отъ имени Его Величества, безпрекословно было совершаемо и исполняемо съ тою же готовностію и точностію, какъ бы самъ Его Величество далъ приказъ или лично или за своею подписью и печатью. Эту чрезвычайную милость его свѣтлость принялъ съ всеподданническою покорностію и признательностію; но при этомъ всеподданнически доложилъ, что онъ не имѣлъ возможности пользоваться такимъ неограниченнымъ полномочіемъ, и могъ подвергнуться нареканію со стороны другихъ. Поэтому Его Величество всемилостивѣйше соизволилъ ободрить его письменнымъ и изустнымъ общаніемъ, защищать его отъ всякой ябеды, отъ всѣхъ преслѣдователей и завистниковъ, и все его распоряженія, по администраціи государственныхъ дѣлъ, признавать собственными своими и одобрять, и тѣмъ избавить его отъ всякой ответственности. Тогда-то князь навлекъ на себя ненависть, преимущественно со стороны тѣхъ людей, которые сначала возставали противъ новыхъ, хотя полезныхъ и благоразумныхъ, распоряженій. Впрочемъ козни своихъ враговъ, преслѣдователей и завистниковъ, въ которыхъ, какъ легко догадаться, никогда не было недостатка, онъ съумѣлъ счастливо преодолѣть, своимъ безукоризненнымъ и благоразумнымъ поведеніемъ, частію же предупредительностію и услужливостію, а частію безпристрастіемъ, твердостію характера и непоколебимостію воли; но особенно тѣмъ, что онъ служилъ такому Государю, который его могущественно поддерживалъ и нерѣдко примѣнялъ къ нему изрѣченіе: Recte faciēdo, nōnīnem tīmeas, т. е. поступай справедливо и не бойся никого.

1700. Введеніе льготосчисленія отъ Рождества Христова и моего года съ 1 января.—Царскій о томъ указъ.—Предсказанія о будущемъ состояніи Европы.—Миръ съ сул-

такоже:—Голландскій разидеши въ Москвѣ. — Вопросы о войнѣ съ Шведами.—Девоты противной стороны.—Нобудительныя приказы въ открытій шведской войны.—Извлеченіе изъ датскихъ и польскихъ меморіаловъ.—Аудіенція польскому посланнику барону де-Ланге.—Рѣшеніе Его Величества.—Приготовленіе къ шведской войнѣ.—Король шведскій оправдываетъ поведеніе Дальберга въ отношеніи къ русскому посольству въ Ригѣ.—Фельдмаршалъ Галостъ.—Данія заключаетъ миръ въ Травендалѣ.—Требованія датскаго посланника.—Объявленіе войны противъ Шведовъ.—Иностранные генералы и офицеры.—Давесскіе объ осаду Нарвы.—Ложныя извѣстія.

Къ числу замѣчательныхъ перемѣнъ, какія Его Величество, по возвращеніи изъ Германіи, совершилъ въ своемъ государствѣ, относится и то, что онъ принялъ лѣтосчисленіе, употребляемое во всемъ христіанскомъ мірѣ, гдѣ считаютъ годы не отъ сотворенія міра, какъ это водилось у русскаго народа, но отъ Рождества Спасителя нашего Іисуса Христа. Съ тѣмъ вѣдѣнъ былъ Юліанскій календарь, какъ онъ въ то время употреблялся въ Англіи и Швеціи, и даже въ греческой церкви на востокъ, гдѣ новый годъ праздновался не 1-го сентября, по тому неопредѣленному мнѣнію, что міръ былъ созданъ осенью, но былъ перенесенъ на 1-е января; и такъ какъ 1700 годъ, открывавшій новое столѣтіе, должно было праздновать торжественно, то Его Величество возложилъ на егѣ свѣтлость обязанность привести въ исполненіе изданный по этому поводу указъ отъ 20 декабря 1699 года. Приводимъ здѣсь этотъ указъ, потому что въ немъ содержатся многія, до-сихъ-порѣ неизвѣстныя, подробности.

«7028 года, декабря въ 20 день. Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ сказать: извѣстно Ему Великому Государю стало, не только что во многихъ европейскихкихъ христіанскихъ странахъ, но и въ народѣхъ славянскихъ, которые съ восточною православною нашею церковью во всемъ согласны, какъ Волохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары, и самыя Его Великаго Государя поддан-

ные: Черкассы и все Гречины, отъ которыхъ цѣря наша проше-
слающая принята, все тѣ народы согласно лѣта своимъ шестиде-
сятигдъ отъ Рождества Христова въ восный день счислеть, то
есть генваря съ 1 числа, а не отъ созданія міра, за многую
разнь и счислениа въ тѣхъ лѣтахъ, и нынѣ отъ Рождества
Христова доходить 1699 годъ, а будущаго генваря 1 числа
застанетъ новый 1700 годъ, кунно и новый столѣтній вѣкъ;
и для того добраго и полезнаго дѣла указалъ Великій Госу-
дарь впередъ лѣта счислать, въ приказвѣхъ и во всякихъ дѣ-
лахъ и крѣпостяхъ писати отъ шестидесяти генваря съ 1 числа
Рождества Христова 1700 года; и во знакъ того добраго
начинашиа и новаго столѣтняго вѣка, въ царствующей гра-
дѣ Москвѣ после должнаго благодаренія къ Богу и молеб-
наго шествія въ церкви, по большимъ пробахимъ и знатымъ
улицамъ знатымъ людямъ, и у домовъ нарочитыхъ духо-
внаго и мірскаго чину, предъ ворота учинить некоторое
украшеніе отъ дровъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можже-
веловыхъ противъ образцовъ, каковы сдѣланы на гостиницъ
дворѣ у Нижней аптеки, или какъ удобнѣе и пристойнѣе,
смотря по мѣсту и воротамъ, учинить возможно; а людямъ
скуднымъ комуждо хотя по древу или вѣтви надъ ворота
или надъ хорошиною своею поставитъ, и чтобъ те неспѣло
будущаго генваря къ 1 числу 1700 сего году; а стоять тому
украшенію генваря по 7 число того жъ году. Да генваря жъ
къ 1 дню во зникъ веселія другъ другу поздравляти по-
нимъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ, и учинить сіе, когда на
большой Красной площади отъ огня потѣхи зачнутъ и
стрѣльба будетъ, и по знатымъ домамъ боярскимъ и околь-
ническимъ и думнымъ, и знатымъ людямъ наметнаго, воин-
скаго и купеческаго чину знаменитымъ людямъ комуждо на
своимъ дворѣ изъ небольшихъ пущечекъ, у кого есть, и изъ
метнаго ружья учинить трижды стрѣльбу, и выпустить не-
сколько ракетовъ, сколько у кого олучится, и по улицамъ
большимъ, гдѣ пристойно есть, генваря съ 1 числа по 7 чи-
слу не показъ огня зажигать на дровъ, или хворосту, или
соломы; а гдѣ малые дворы, собравъ шить или шестъ дво-
раръ: текомъ огонь класть; или кто захочетъ на столѣтній по

одной, или по двѣ, или по три смоленыя и худыя бочки, наполня смелою или хворостомъ, зажигать; а передъ Бурмистерскою Ратушею стрельба, и такія огненныя украшенія по ихъ разсмотрѣнію быть же.»

Этотъ указъ Его Величества былъ скрѣпленъ думнымъ дьякомъ Любимомъ Домнимымъ.

Въ слѣдствіе этого, 1 января, въ самую полночь загремѣли на крѣпостныхъ валахъ пушки; въ соборъ (Успенскомъ) была совершена литургія Василія Великаго и митрополитъ при полномъ собраніи произнесъ проповѣдь изъ текста: *и вся нова суть*. Послѣ того, цѣлые восемь дней, продолжались пиры и торжественныя обѣды у Его Величества, его свѣтлости и другихъ знатныхъ особъ, и все прочее, что было упомянуто въ царскомъ указѣ, было совершаемо во всемъ государствѣ.

Въ началъ настоящаго (XVIII) столѣтія, были слышны многія предсказанія о будущихъ событіяхъ на землѣ. Большая часть соглашалась въ томъ, что послѣ послѣднихъ мирныхъ договоровъ, — именно Ризвикскаго съ Франціею 1697 года; рездвильскаго трактата 1698, и Карловицкаго съ Турками, 1699, — отъ которыхъ ожидали всеобщаго, постоянного мира въ Европѣ, — послѣ этихъ договоровъ, настанутъ между христіанами войны еще кровопролитнѣе прежнихъ, возникнутъ бунты и возмущенія, и будутъ чудныя и необычайныя происшествія. Мы умоляемъ обо всемъ этомъ въ своемъ мѣствѣ и не станемъ теперь изслѣдовать, на чемъ основывались означенныя предсказанія: на неопредѣленномъ ли астрологическомъ предположеніи о вліяніи небесныхъ тѣлъ и расположенія планетъ, или скорѣе на политическихъ соображеніяхъ и на нѣкоторыхъ опредѣленныхъ обстоятельствахъ государственныхъ дѣлъ и на качествахъ, природныхъ наклонностяхъ, темпераментъ, или также на видахъ и требованіяхъ сѣверныхъ, болѣею частію, юныхъ государей, тогда царствовавшихъ, и ихъ будущихъ наследниковъ.

Извѣстно только то, что въ самомъ началѣ XVIII столѣтія многіе христіанскіе государи, даже очень близкіе между собою родственники и даже союзники, вступили другъ съ другомъ

въ войну; одинъ домогался вооруженною силою короны другаго, и другъ друга старались свергнуть съ престола. Но только Русскіе, но и Шведы считали дурнымъ предзнаменованіемъ одинъ случай въ прошломъ году: 5 августа великое шведское посольство имѣло торжественный въездъ въ Москву, и только что вступило въ городскія ворота, какъ вспыхнулъ сильный пожаръ, причиненный бросаніемъ ракетъ, и огонь былъ едва потушенъ на слѣдующій день; посольскій дворъ, приготовленный для помѣщенія шведскихъ пословъ, со многими церквами, зданіями и пакгаузами, превратился въ пепель, и послы съ ихъ свитою, за недостаткомъ помѣщенія, должны были провести первую ночь на открытомъ полѣ, въ палаткахъ, на концѣ Нѣмецкой Слободы.

Въ 1700 году, не только во многихъ южныхъ и западныхъ государствахъ открылась война за наследство испанскаго престола, послѣ смерти короля Карла II, но въ то же время вспыхнула вражда и на сѣверѣ съ королемъ шведскимъ Карломъ XII, въ которую въ послѣдствіи вмѣшалась и Россія, и которая волновала нѣсколько лѣтъ сряду сѣверныя націи и государства. Предоставляемъ судить безпристрастнымъ людямъ, какую славу приобрѣлъ Его Величество Императоръ Россійскій, въ продолженіе этой войны, какъ своими мудрыми распоряженіями, счастливыми дѣйствіями и одержанными побѣдами, на сушѣ и на морѣ, противъ столь умнаго, храбраго и могущественнаго врага, такъ и тою твердостью, съ какою онъ поддерживалъ своихъ союзниковъ, при многократныхъ перемѣнахъ счастья, и наконецъ достославнымъ миромъ, заключеннымъ въ 1721 году.

Такъ какъ его свѣтлость, отъ начала до конца этой войны, присутствовалъ на всѣхъ совѣщаніяхъ, участвовалъ въ большей части походовъ и другихъ военныхъ дѣйствій, и исправлялъ многія службы при Его Величествѣ; то здѣсь можно дать мѣсто изложенію всѣхъ военныхъ событій, въ которыхъ его свѣтлость принималъ столь великое участіе. При этомъ мы постараемся быть сколько возможно краткими въ описаніи тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ находятя печатныя извѣстія въ разныхъ книгахъ.

Камъ споро пришла вѣстия изъ Константинополя отъ русскаго посла Украинцова, что при содѣйствіи англійскаго короля Вилгельма, перемиріе съ Оттоманскою Портою, заключенное въ прошломъ году въ Каровидѣ только на два года, было продолжено на тридцать лѣтъ, и что въ сдѣлствіи новаго договора, Азовъ и близъ лежащія земли, завоеванныя у Турокъ, уступлены на вѣчныя времена Его Царскому Величеству въ томъ положеніи, въ какомъ они были въ ту пору; открыта свободная торговля и судоходство на Черномъ морѣ и во всѣхъ турецкихъ портахъ, и освобождены съ обѣихъ сторонъ пѣнины; то по атому случаю было совершено въ греческой церкви, 22 июля, благодарственное молебствіе и была великодушная илдоминанція.

Въ то же время, его свѣтлость оказалъ особенную честь прибывшему тогда голландскому резиденту Гильсту, съ которымъ онъ свелъ короткую дружбу еще въ Амстердамъ; онъ вспоминалъ съ нимъ пріятное время, проведенное имъ въ Голландіи, и представилъ его на первую аудіенцію Его Величеству въ палаткѣ, на открытомъ полѣ.

Когда датская и польская короны, черезъ своихъ пословъ Геинса, Паткуля, Ланга и другихъ, вели при руссійскомъ дворѣ жаркіе переговоры о скоромъ разрывѣ съ Швеціею; то его свѣтлость присутствовалъ на всѣхъ тайныхъ собраніяхъ совѣта, который, по поводу, столь важнаго предмета, имѣлъ многія засѣданія.

По случаю вопроса: начинать ли войну съ Швеціею? — бояре и генералы, созванные на совѣтъ, раздѣлились на партіи. Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, дядя Его Величества и тайный совѣтникъ, съ мнѣніями котораго Его Величество соглашался во многихъ случаяхъ, и почти все старыя вѣлѣнья подали голосъ въ пользу противнаго мнѣнія, предпочитая войнѣ спокойствіе и миръ. Приводимыя ими причины сначала показались благодѣтельными. Онѣ состояли въ слѣдующемъ:

1. Его Величество не имѣлъ еще достаточнаго повода нарушить торжественный и неоднократно подтвержденный мирный договоръ съ Швеціею.

2. Это войско не было еще доводило обучено и следовательно не могло прогнать ересь, а именно, между прочим, и восточной и восточной войны.

3. В предпринятой войне, нельзя было положиться на искусство русских солдат, потому что большая часть из них были новики, набранные насильно.

4. В арсеналах не было достаточного запаса пушек и ружей.

5. Хотя доходы такого обширного и сильного государства, какъ Россія, очень значительны, но при новой войне они значительно уменьшились бы, потому что уже много израсходовано на продолжительную турецкую кампанию, на постройку крепостей и гаваней въ Азовѣ и Таганрогѣ, на жалованье иностраннымъ офицерамъ и художникамъ, на заведение въ Воронежѣ кораблестроительство и другія важныя статьи.

6. Давія и Польша, возбужденныя Его Величествомъ, къ этой войнѣ, въ случаѣ неудачнаго оборота дѣлъ, легко могутъ заключить между собою частный договоръ, отложиться отъ союза и, оставивъ Его Величество, сложить на него одного всю тяжесть войны.

7. Если подданные будутъ недовольны налогами, необходимыми для покрытія значительныхъ военныхъ издержекъ, особенно при несчастномъ оборотѣ дѣла, — какъ это случилось въ 1697 году, когда впродолженье все кончилось благополучно; то можетъ вспыхнуть мятежъ и внутреннее возмущеніе въ государствѣ.

8. Они опасались, что, въ случаѣ неуспѣха предпринятой, по ихъ совѣту, войны, они должны будутъ принять на себя ответственность, и боялись подвергнуть себя и своихъ соотечественниковъ обыкновеннымъ затрудненіямъ, контрибуціи и другимъ бедствіямъ, сопряженнымъ съ такою сомнительною войною.

9. Наконецъ была и еще одна причина. Если бы въ Европѣ возгорѣлась война за испанскій престолъ, то трудно было бы найти иностранныхъ генераловъ и офицеровъ, къ которымъ между тѣмъ Россія имѣла большую нужду, по малочисленности остающихся въ ней. Напротивъ того

можно было бы послать къ иностраннымъ государямъ нѣсколько полковъ, съ тѣмъ, чтобы они подь начальствомъ чужестранцевъ научились регулярному образу войны; а такимъ образомъ можно было бы получить, подобно другимъ, значительное денежное вспоможеніе.

Словомъ, члены совѣта, любившіе спокойствію и миръ, говорили объ опасностяхъ и неизвѣстной развязкѣ войны, и перебирали все, что могло бы отклонить Его Величество отъ исполненія его намѣренія. Наконецъ, когда было рѣшено начать войну, они обратились къ посредничеству разныхъ лицъ, мужчинъ и женщинъ, имѣвшихъ свободный доступъ къ Его Величеству, и знакомыхъ съ шведскимъ резидентомъ и его приверженцами въ Москвѣ; даже въ одной просьбѣ униженнѣйше просили Его Величество не вступать въ эту сомнительную и столь опасную войну, которую легче было начать, чѣмъ окончить съ пользою, потому-что счастье на войнѣ также измѣнчиво, какъ вѣтры на морѣ.

Его свѣтлость вмѣстѣ съ Федоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ уже знала, какъ главные такъ и побочныя, причины и побужденія, подавшія Его Величеству поводъ начать войну съ Швеціею; именно Швеція не хотѣла сдѣлать никакого удовлетворенія за тѣ убытки, которые она причиняла Россіи уже нѣсколько лѣтъ, и еще за оскорбленіе, нанесенное недавно посланцѣ въ Ригѣ. Его свѣтлость понималъ также лучше другихъ страсть своего великаго Монарха къ войнѣ и мореплаванію, и ясно видѣлъ, что Государь сколько любилъ славныя предпріятія, столько же и военное дѣло, и не могъ долго оставаться въ бездѣйствіи, но желалъ пробудить дѣятельность въ своихъ воннахъ и образовать ихъ въ военной школѣ. Кроме того, его свѣтлость узналъ отъ Его Величества, что онъ давно уже домогается какого-нибудь порта на Балтійскомъ морѣ. Въ то же время были получены отъ датскаго посланника Генкса, и отъ генералъ-маіора Карловича, присланнаго польскимъ королемъ, также отъ Паткула и польскаго посланника генералъ-маіора барона де-Ланге, переведенныя на русскій языкъ, меморіалы, которые были вручены Его Величеству и потомъ переданы князю. После этого, его свѣт-

лость съ Федоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ и немногими другими совѣтниками и генералами составили свое мнѣніе. Къ числу ихъ также принадлежалъ и умершій незадолго передъ тѣмъ генералъ Патрикій Гордонъ; съ тѣхъ поръ, какъ во время польской войны онъ былъ плененъ Шведами, онъ постоянно держалъ сторону этого народа; но послѣ, въ бытность шведскаго посланника въ Москвѣ, онъ, на смертномъ уже одрѣ, совѣтовалъ открыть войну противъ Шведовъ, согласно съ мнѣніемъ датскаго посла Гениса, который склонилъ его на свою сторону. Такимъ образомъ, въ полномъ собраніи, во время совѣщаній по этому предмету, его святость могъ тѣмъ съ большею основательностію опровергнуть возраженія противной партіи, именно опираясь на слѣдующихъ причинахъ и побужденіяхъ, которыя пространно были изложены въ упомянутыхъ выше меморіалахъ, и которыя мы сообщаемъ здѣсь въ извлеченіи.

1. Его Величество, по силѣ старыхъ и новыхъ союзныхъ договоровъ, обязанъ оказывать Даніи и Польшѣ всевозможную помощь, во всѣхъ случаяхъ, противъ ихъ враговъ, и ревностно споспѣшествовать ихъ пользѣ, безопасности и возстановленію ихъ владѣній.

2. Никогда еще не было столь благопріятнаго случая возвратить тѣ провинціи, которыя силою и несправедливостію, подъ видомъ дружества, были отторгнуты Шведами отъ русской державы, особенно въ 1612 году, во время внутреннихъ смутъ въ Россіи.

3. Его Царское Величество обладаетъ обширнѣйшими землями, чѣмъ другіе европейскіе государя, и потому дѣло идетъ не о завладѣніи или завоеваніи какого-нибудь клочка земли; но такъ какъ онъ отрываетъ отъ Балтійскаго моря и потому не имѣетъ никакого водяннаго сообщенія съ европейскими народами, то при взятіи какой-нибудь части Ингрии или Эстляндіи, могъ бы найти или устроить на Балтійскомъ морѣ одну гавань или болѣе; завести хорошій флотъ съ большимъ удобствомъ и меньшими издержками, чѣмъ другія морскія державы; учредить, по своему благоусмотрѣнію, кораблеплаваніе, потому что все необходимое при этомъ на-

теріалы въ изобиліи находятся въ его земляхъ, и могъ бы торговлю, морскую и сухопутную, привести въ лучшее, цвѣтущее состояніе.

4. Его Величество имѣетъ между прочимъ ту выгоду, что его подданные лучше другихъ могутъ переносить военные труды и безпокойства, и во время войны имъ нужно только одно, именно хорошій полководецъ; притомъ Россія въ состояніи выдерживать войну долѣе, нежели всякое другое государство, и въ случаѣ неожиданной, несчастной битвы, она найдетъ у себя средства, для своего спасенія и поправленія.

Что касается до уступки вышеозначенныхъ областей, слѣданной предкомъ Государя, Михаиломъ Θεодоровичемъ, въ слѣдствіе Столбовскаго мира, 1616 года, — Его Царское Величество, ни передъ Богомъ, ни передъ людьми, не обязанъ болѣе на то изъявлять свое согласіе, и имѣетъ законное право и достаточныя причины, основанныя на политикѣ и общей справедливости, снова присоединить эти земли къ своему государству.

1. Основаніе этой уступки было незаконно, и слѣдовательно присвоенное Шведами право на обладаніе Ингерманландіею очень шатко. Ибо, послѣ временъ междоцарствія, смуть и мятежей, Русскіе, внавѣ ложнымъ обѣщаніямъ и советамъ Шведовъ, согласились на конвенцію съ посланникомъ Петреємъ и генераломъ де-ла-Гарди, въ надеждѣ, что получать вспомогательное войско, предложенное отъ имени короля Карла IX; но это войско никогда не могло въ силу помогать Русскимъ, а наоборотъ, какъ доказываютъ дѣла, старалось только о своихъ выгодахъ; и Русскіе, въиспадѣніи, въ исъ томъ, спасеніемъ большого дла и челоу были принуждены къ уступкѣ и къ гадоснымъ условіямъ, и признанъ были жестоко оскорблены.

Но никакій договоръ, никакая сдѣлка не могутъ быть признаны законными, а напротивъ, по всей справедливости, должны считаться необязательными, если при этомъ котора-нибудь сторона была коварно обманена и обманута, и кроме того еще присвоена сильнѣйшею маркою къ уступ-

и въ собственномъ. Въ нѣмцѣхъ клятвъ справедлива клятвенка: *Gezwungen Eid ist Gott Leid* (вынужденной клятвы Богу не приидетъ). Шотландцы также утверждаютъ, что заключенный твердаго мира или договора долженъ заключить съ противникомъ скорое и честное и справедливое уладивъ, и не предпринимать нѣтъ сличковъ тягостныхъ и незнаношавыхъ работаній.

Случается и въ обыкновенныхъ тяжбахъ, что инаго принудять уступить свою собственность, и притомъ дать письменное обязательство, что онъ никогда ничего не потребуетъ обратно, и никогда не станетъ жаловаться. Обиженный такимъ образомъ, при удобномъ случаѣ, имѣеть право потребовать въ судъ своего обидчика, и не смотря на данное обязательство возвратитъ себѣ отнятое. Тѣмъ болѣе великіе государи, которымъ причинена подобная несправедливость и которые не имѣють надъ собою другаго судьи, кромѣ Бога и меча, имѣють право требовать себѣ удовлетворенія и возвращать отнятое у нихъ силою.

II. Шведы, —руководствуясь обыкновеннымъ правиломъ : соблюдать договоры только до тѣхъ поръ, пока они служатъ къ ихъ пользѣ, —многократно нарушали упомянутый выше трактатъ, то пренебреженіемъ къ нему, то противными ему поступками, и не исполняли того, къ чему были обязаны, и слѣдовательно *ipso facto etsi tacite* уничтожили его.

Они должны были, въ слѣдствіе даннаго обещанія, возвратитъ сокровища, огнестрѣльные орудія, колокола и пр., взятые въ новгородскихъ городахъ, церквахъ и монастыряхъ.

Вопреки статьѣ X, оскорбляли плавниковъ и тѣхъ, которые желали возвратиться въ Россію или остаться между шведскими подданными.

Вопреки статьѣ II, брали съ набомныхъ людей дорогіе выкупы: за немцевъ, поминаемыхъ въ церкви и домовъ, въ церквахъ, серебренныхъ и другихъ цѣнныхъ омыдахъ, и за порожняе утварь.

Требовали еще многія контрибуціи отъ Русскихъ, возврати статью V.

Одинъ корабль, который Русскіе нагружили въ Любекъ, и ошперы были захвачены послѣ утвержденія мира.

Въ 1656 году, когда царь Алексѣй Михайловичъ осаждалъ городъ Ригу, графъ Левенгауцъ приказалъ умертвить всѣхъ Русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Финляндіи.

Герцога курляндскій, въ 1658 году, не смотря на нейтралитетъ, дозволенный ему и его владѣніямъ съ согласія обѣихъ сторонъ, и не смотря на ходатайство Россіи, былъ захваченъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Митавскомъ замкѣ, во время зимы, и отосланъ въ Иванъ-Городъ.

Король шведскій Карлъ Густавъ, въ 1657 году, черезъ письма, и нарочныхъ людей возбуждалъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи Турокъ, Татаръ и казаковъ. Позволялъ издавать въ своемъ государствѣ разныя ругательныя и поносительныя сочиненія о Россіи. Дозволялъ совершать въ церквахъ публичныя молитвы противъ Московитянъ, и печатать ихъ. Многократно дѣлалъ придиурки и сокращалъ россійскій царскій титулъ. Въ Вестфальскомъ мирномъ договорѣ, заключенномъ въ 1648 году, не дано приличнаго титула и мѣста царю Алексѣю Михайловичу, который былъ поставленъ между мелкими князьями и республиками. Онъ же, Карлъ Густавъ, въ 1656 году, склонилъ царя Алексѣя Михайловича къ войнѣ съ Литвою, и между тѣмъ самъ препятствовалъ его успѣхамъ и военнымъ дѣйствіямъ. Обижалъ русскихъ купцовъ и подданныхъ; не оказывалъ имъ должнаго удовлетворенія и правосудія; не хотѣлъ и слышать о вознагражденіи за причиненныя имъ убытки. При опредѣленіи границъ никогда не исполнялъ требованій справедливости, но всегда оттягивалъ и желалъ присвоить себѣ изъ русскихъ владѣній болѣе, чѣмъ сколько было ему уступлено.

Законы всѣхъ народовъ утверждаютъ, что если одна сторона не исполнитъ того, къ чему обязалась по договору, то и другая освобождается также отъ своихъ обязательствъ и обязанностей, и имѣетъ полное право требовать обратно свои уступки. Все договоры, сдѣлки, обязательства должны быть вы-

писаны съ слѣдующимъ условіемъ, если не выраженнымъ словами, то подразумеваемымъ при каждой статьѣ: «Я исполдую обещанное, если другая сторона одержитъ свое слово.»

III. Если мирные договоры съ шведскою короною, во время малолѣтства Его Величества, были утверждены его министрами, просто безъ всякаго требованія удовлетворенія, то они не должны служить къ его вреду и ущербу; во всякомъ случаѣ при этомъ должно, — если только то не выражено точно и опредѣленно, — подразумевать и предполагать условіе, чтобы послѣдовало удовлетвореніе за столь многія оскорбленія.

IV. Шведскіе законы наследнику престола предоставляютъ право и свободу возвращать земли, взстари принадлежавшія государству и утраченныя его предками: такія же постановленія должны имѣть силу во всѣхъ законахъ.

V. Въ настоящемъ случаѣ, Шведы даже не могутъ ссылаться на право, пріобрѣтенное давностію владѣнія; потому что почти всякое русское посольство протестовало противъ этого присвоенія и требовало обратно упомянутыхъ провинцій. Нынѣшній король Карлъ XII сколько ни старался объ утвержденіи того трактата обыкновеннымъ и обещаннымъ образомъ; однако послѣдніе его послы, бывшіе въ Москвѣ въ 1699 году, должны были отправиться обратно въ Швецію, не получивъ такого утвержденія.

Къ этому надобно прибавить еще слѣдующее: если Шведамъ, въ минувшее время, благодаря столь многимъ причинамъ, удалось провести русскихъ министровъ и присвоить себѣ нѣкоторыя провинціи, издавна принадлежавшія русскому государству, а чрезъ то совершенно отрѣзать Россію отъ Балтійскаго моря, а себѣ проложить путь къ утвержденію давно желаннаго господства на этомъ морѣ; то теперь Его Величество, послѣ того какъ самъ видѣлъ и испыталъ, что мореплаваніе полезно для государства, можетъ ли видѣть въ чужихъ рукахъ земли, необходимыя для его государства и соединенныя съ ними выгоды предоставить, съ ущербомъ для себя, сосѣду, и притомъ сосѣду не слишкомъ къ нему расположенному? Богъ даровалъ Его Царскому Величеству не только мудрость и геройскія доблести, но также власть надъ

народомъ и другія потребныя качества для войны, на суммъ и жоръ, съ иностранными государями; почему чрезвычайно сомнѣваться, что онъ воспользуется столь благопріятнымъ случаемъ, котораго не скоро можно дожидаться въ другой разъ, чтобы восполнить свои владѣнія, и отицпеніемъ за причиненную обиду, возвысить свой народъ и заставить его уважать.

Въ аудіенціи, происходившей въ мартѣ 1700 года въ присутствіи его свѣтлости князя Меншикова, выше упомянутый посланникъ польскаго короля, баронъ Лангъ старался склонить Его Величество къ разрыву съ Швеціею, и для скорѣйшаго осуществленія этого плана, требовалъ, чтобы его королю былъ доставленъ по Двиню тридцатитысячный корпусъ, съ необходимыми орудіями, для осады города Риги.

Въ конференціи онъ изложилъ причины, побуждавшія его короля къ войнѣ, и при этомъ замѣтилъ, между прочимъ, что:

1) Союзники польскаго короля и защитники Оливскаго мира скоро должны предпринять военныя дѣйствія за насльдство испанскаго престола.

2) Внутреннія безпокойства въ Польшѣ не позволяютъ ему ожидать отъ этого народа, въ случаѣ нужды, достаточной помощи.

3) Онъ не можетъ привести всей своей арміи изъ Саксоніи въ Польшу; и потому большую надежду онъ полагаетъ только на помощь Его Царскаго Величества.

Его Царское Величество, по зрѣломъ обсужденіи этого предложенія, далъ слѣдующій отвѣтъ датскому и польскому посланникамъ: Въ настоящее время онъ не можетъ оказать ихъ государямъ и повелителямъ требуемой помощи, потому что ожидаемое продолженіе перемирія, заключеннаго съ Турками въ Константинополь, до сихъ поръ встрѣчаетъ препятствія; впрочемъ онъ приказалъ своему послу, отправленному въ прошломъ году въ Константинополь, какъ можно скорѣе заключить съ Портою перемиріе, и со дня на день ожидаетъ объ этомъ благопріятнаго извѣстія; какъ же скоро будетъ получено это извѣстіе, онъ сдѣлаетъ такую дѣ-

версто, что союзные короли останутся довольны. Онъ рѣшился не только послать вспомогательное войско королю польскому, но и начать военные дѣйствія со стороны Нидерландин и созвать туда всѣ войска, находящіяся подъ его властію.

Между тѣмъ Его Царское Величество получалъ извѣстіе, что англійскій король Вильгельмъ и генеральные штаты Соединенныхъ Нидерландовъ, домогавшіеся, согласно съ желаніемъ Его Величества, доставить ему отъ шведскаго короля удовлетвореніе за присвоеніе русскихъ владѣній и оскорбленій,—не могли достигнуть своей цѣли.

Въ тоже время, шведскій резидентъ въ Москвѣ, Томасъ Кинперкроунъ получалъ отъ шведскаго короля письмо, отъ 2 іюля, слѣдующаго содержания: король съ неудовольствіемъ узналъ, что царскіе министры и комиссарія, въ конференціяхъ съ его посланн въ Москвѣ, объявили имъ неудовольствіе за то, будто бы русскому великому посольству, при проѣздѣ его черезъ Ригу, въ 1697 году, не было оказано совершенно или почти никакого уваженія, но что послы напротивъ были приняты какъ варвары. Король приказалъ рижскому генераль-губернатору немедленно явиться ко двору, для оправданій; но какъ въ то же самое время, король польскій, вопреки многократно подтвержденнымъ дружескимъ договорамъ, напалъ на Финляндію и осадилъ Ригу, то генераль-губернаторъ и не могъ до сихъ поръ прислать отъ себя объясненія; не смотря на то, король вполне убѣжденъ, что жалобы русскаго посольства несправедливы, и что губернаторъ можетъ удовлетворительно оправдать и оправдать свое поведеніе.

Изъ всего этого было видно, что шведскій король принялъ сторону рижскаго губернатора, и одобрялъ его поступки, какъ будто тотъ дѣйствовалъ хорошо и вполне справедливо; а о требуемомъ удовлетвореніи даже не было и поминка, такъ что ни разу не была составлена комиссия для изслѣдованія упомянутыхъ оскорбленій, что главнымъ образомъ и огорчало Его Величество.

Въ это время въ Москвѣ было получено пріятное вѣст-

етіе изъ Константинополя, что перемиріе, заключенное въ 1698 году съ Портою только на два года, было продолжено, въ 1700 году, на тридцать лѣтъ, и съ тѣмъ имѣсть Азовъ уступался Россіи на вѣчныя времена; торговля для Русскихъ была открыта на Черномъ морѣ и во всѣхъ турецкихъ гаваняхъ; равно дозволена свободная навигація съ шестью военными или купеческими кораблями и свободная торговля на Архипелагѣ; кромѣ того, всѣ плавники съ обѣихъ сторонъ были освобождены.

Тогда, Его Царское Величество, послѣ тайныхъ совѣщаній и послѣ зрѣлаго размышленія, рѣшился требовать отъ Шведовъ удовлетворенія вооруженною рукою, такъ какъ всѣ дружжелюбные переговоры остались безплодными. 1 сентября и. ст. онъ приказалъ публично объявить въ Москвѣ войну съ Швеціею, и разослалъ также во всѣ провинціи необходимые указы, чтобы обнародовать, по тогдашнему обыкновенію, эту войну и Шведовъ объявить врагами. Этими указами было повелѣно: прервать всѣ дружественныя отношенія съ Шведами; далѣе не имѣть съ ними никакого сношенія, ни тайной ни явной переписки, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, по родственнымъ ли связямъ или торговымъ сдѣлкамъ, или по чему нибудь другому; товары, отправляемые въ Швецію или привозимые оттуда, считать контрабандою; не отправлять туда ни лошадей, ни хлѣба, ни пороха, ни селитры, ни сѣры, ни свинца.

Въ то же время, ко всѣмъ русскимъ посланникамъ ври иностранныхъ дворахъ былъ разосланъ краткій перечень всѣхъ выше изложенныхъ оскорбленій, — какъ это водилось тогда въ Россіи, какъ скоро предпринималась какая-нибудь война, — чтобы увѣдомить чужеземныхъ государей, по какимъ причинамъ Его Царское Величество нашелся вынужденнымъ вступить въ союзъ съ Даніею и Польшею противъ Швеціи и послать свои войска въ этомъ году въ Эстляндію. Такія же свѣдѣнія были сообщены и шведскому резиденту въ Москвѣ.

Незадолго до этого времени, Его Величество лишился своихъ заслуженныхъ генераловъ: Гордона, Лесорта и Шенна. Потому Федоръ Алексѣевичъ Годовинъ теперь былъ назначенъ

фельдмаршаломъ , а некоторымъ другимъ генераламъ было ввѣрено начальство надъ новыми полками , выступившими 1 сентября изъ Москвы къ шведскимъ границамъ .

Датскій король , Фридрихъ IV , наследовавшій въ прошломъ году своему отцу Христіану V , въ началъ 1700 года , вступилъ съ Шведами въ войну , поводомъ къ которой было разрушеніе укрѣпленій , устроенныхъ герцогомъ голштинъ-готторпскимъ , при помощи шведскихъ войскъ . Но 3 іюня , онъ долженъ былъ снять осаду съ Теннингена , когда союзныя войска нѣсколькихъ державъ защищавшихъ Альтонскій миръ , стѣснили Данію и на морь и на сушь , потому что англійскій король Вильгельмъ (требованія котораго исполняла большая часть европейскихъ державъ) питалъ личную неприязнь къ датскому королю Христіану V . И такъ когда шведскій король лично явился въ Зеландіи , когда союзнымъ флотомъ было брошено нѣсколько бомбъ въ Копенгагенъ , и Данія увидѣла противъ себя столько сильныхъ государей ; то датскій король принужденъ былъ , 18 августа , заключить миръ въ Травендалъ , и съ тѣмъ вмѣстѣ отказаться отъ союза съ королемъ польскимъ и принять еще другія тягостныя условія .

Какъ скоро извѣстіе объ этомъ пришло въ Москву , датскій посланникъ Генисъ такъ былъ раздраженъ противъ Англіи и Голландіи , что просилъ въ царскомъ дворцѣ , чтобы въ Москвѣ и Архангельскѣ было наложено запрещеніе на товары англійскихъ и голландскихъ купцовъ , и была уничтожена торговля съ тѣмъ и другимъ народомъ , потому что король Вильгельмъ , по личной ненависти , возбудилъ противъ Даніи другія государства и тѣмъ повредилъ союзу . Притомъ же онъ опасался , чтобы союзныя тецерь державы : Швеція , Англія и Голландія , съ своими флотами не напали на Архангельскъ , и тѣмъ не удержали Его Царское Величество отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Шведовъ . На это отвѣчалъ его свѣтлость князь Меншиковъ , и объяснилъ датскому послу , что Его Величество очень хорошо знаетъ , что датскій король былъ принужденъ согласиться на мирный договоръ , для предотвращенія болышей опасности и спасенія своихъ владѣ-

двѣй, и что его поведене въ словѣ олучае не только не предсудительно.

Теперь Русскимъ легче было сообразить, что шведскій король, — который тогда, съ своею храброю и воинственною націею, былъ вполне вооруженъ, и въ короткое время, въ столѣтніе годы, приобрѣлъ значительныя выгоды, и теперь могъ свободно располагать Даніею, — что онъ нападетъ со всѣмъ войскомъ на короля польскаго, и если, при тогдашнихъ дурныхъ обстоятельствахъ и разногласіи, господствовавшей въ Польшѣ, успѣетъ стѣснить его, то пойдетъ далѣе и будетъ предписывать законы самой Россіи. Его Царскому Величеству тайно допесли, что Шведы, тотчасъ послѣ Травендаальскаго мира, хвастались, что они скоро расправятся съ Польшею и потомъ нападутъ на Россію, потому-что у русскаго царя слишкомъ много земли, и онъ могъ бы уступить имъ еще одну сосѣднюю провинцію, на примѣръ Новгородъ или Псковъ.

Разсудивъ, что при такихъ обстоятельствахъ отъ Шведовъ уже нельзя надѣяться ничего добраго, Его Царское Величество рѣшился, не теряя времени, подать помощь польскому королю, и для собственной безопасности предупредить замыслы Шведовъ; по винушенію естественнаго права, — по которому человекъ не дожидается пераго удара, иначе быть можетъ будетъ слишкомъ поздно, — онъ принялъ оборонительныя мѣры.

Его свѣтлость озаботился сначала адѣлать подѣ рукою все, необходимыя приготовленія къ войнѣ съ Шведами, и исполнилъ все данныя ему повелѣнія старательно, верно, и усердно. Хотя нѣкоторые указывали на то, что не все еще было приведено въ порядокъ, что удобное время года уже прошло, и Данія отступила, и потому совѣтывали дожидаться весны и тѣмъ временемъ поллучше приготовиться къ войнѣ; но какъ выше изложенныя причины имѣли перевѣсъ въ мизніи Его Величества, то 1 сентября и была торжественно объявлена война.

Нѣкоторые были того мизнія, чтобы Его Величество соединился черазъ Финляндію съ войсками польскаго короля под Ригию; но такъ какъ Саксонцы думали, что Шведы уже вра-

краткость своихъ дѣйствій, то и было решено, открыть въ настоящемъ году войну осадою Нарвы, не смотря что позднее время года было весьма благопріятно ни для военныхъ подвиговъ, ни для перевозки однострѣльныхъ орудій; притомъ же и оружіе и мундиръ для солдатъ, равно какъ и прочія военныя принадлежности, не были въ должномъ порядкѣ и въ готовности.

Въ октябрь, когда Его Величество былъ въ лагерѣ подь Нарвою, прибылъ къ нему Карлъ-Евгеній, герцогъ де-Кроа, который находился въ службѣ австрійскаго императора и былъ рекомендованъ королемъ Августомъ генералъ-фельд-маршалу. Также польскій посланникъ баронъ де-Ланге, по повелѣнію своего короля, слѣдовалъ туда за Его Царскому Величествомъ. Кроме того отъ имени короля польскаго явился къ Его Царскому Величеству инженеръ-генералъ баронъ Адмартъ съ нѣсколькими офицерами. Но такъ какъ по краткости времени не успѣли сдѣлать необходимыхъ распоряженій и приготовленій и принять должныя мѣры къ правильной осадѣ и мужественной борьбѣ съ дивнушимися къ Нарвѣ шведскими вспомогательными войсками; „потому, въ отсутствіе Его Царскаго Величества, во всемъ произошло ужасный, беспорядокъ. Въ октябрь мѣсяцѣ, когда шведскія войска приближались къ Нарвѣ, его свѣтлость вмѣстѣ съ Его Величествомъ были въ Новгородѣ и старались доставить подь Нарву болѣе полковъ и артиллеріи, но они прибыли слишкомъ поздно, именно послѣ несчастной для Русскихъ битвы.

Какую несчастную и непріятную развѣлку имѣла осада Нарвы, и какъ несправедливо поступили при этомъ Шведы, вопреки ихъ слову и договору, это было изображено безпристрастною рѣчью въ правдивомъ донесеніи отъ 19 ноября, и обнародовано въ Россіи. Мы помѣщаемъ здѣсь это донесеніе, потому-что оно дышетъ какою-то кротостію, не такъ какъ извѣстія противной стороны.

«Такъ какъ теперь нельзя сомнѣваться, что непріятель, воспользовавшись своимъ уснѣхомъ, преувеличить его къ вреду и посрамленію нашему; то не излишне предста-

вить правдивое и точное известіе въ подтвержденіе истинны.

«Какъ скоро въ главную квартиру Его Царскаго Величества, пришло известіе о неприятельскомъ войскѣ, то генераль Борисъ Петровичъ Шереметевъ, съ ротами московскихъ, смоленскихъ и новгородскихъ дворянъ, выступилъ за нѣсколько верстъ отъ лагера, для рекогносцировки и наблюденія за движеніемъ неприятеля. Вскорѣ онъ попалъ на шведскій отрядъ изъ 600 человекъ, счастливо поразилъ его, и взялъ въ плѣнъ командовавшаго ими маіора Паткуля съ однимъ ротмистромъ и поручикомъ. Эти плѣнники объявили тогда, что подъ Везенбергомъ стоялъ корпусъ изъ 5,000 человекъ, подъ командою генерала Веллинга, между тѣмъ какъ король съ частію своего войска находился въ Чернау; что къ нему придутъ еще до 40000 человекъ, но это можетъ случиться не такъ скоро, потому онъ пробудетъ тамъ еще нѣсколько недель.

«По полученіи этого известія, принялись наскорѣ укрѣплять лагерь и продолжали осаду. Ожидали еще артиллеріи и военныхъ снарядовъ, равно какъ и вспомогательнаго войска изъ 12,000 пѣхоты и 16,000 конницы, но это войско, не такъ скоро могло прибыть, по причинѣ дурныхъ дорогъ.

«10 ноября незаметно исчезъ изъ арміи Юганъ Гуммертъ, бомбардиръ-капитанъ первой лейбгвардейской роты, пользовавшійся милостію Его Царскаго Величества. Сначала думали, что онъ утонулъ или былъ взятъ въ плѣнъ. Но въ самомъ дѣлѣ, онъ какъ измѣнникъ легкомысленно перешелъ на сторону враговъ и открылъ имъ положеніе арміи и намѣреніе Его Царскаго Величества; онъ также подалъ имъ совѣтъ немедленно напасть на Русскихъ, прежде чѣмъ подоспѣтъ къ нимъ вспомогательное войско; притомъ онъ обѣщалъ даже предать въ ихъ руки Его Царское Величество.

«18 ноября, Его Царское Величество, по необходимымъ дѣламъ, уѣхалъ изъ лагера подъ Нарвою въ Москву; между прочимъ онъ имѣлъ въ виду, своимъ высокимъ личнымъ присутствіемъ, ускорить отправленіе военныхъ снарядовъ и

походъ войска, набраннаго въ Новгородской и другихъ провинціяхъ. Такъ какъ Его Величество взялъ съ собою, для другихъ дѣйствій и экспедицій, фельдмаршала и министра Головина, то начальство надъ войскомъ было передано герцогу де-Кроа и инымъ генераламъ.

«До сихъ поръ въ лагерь никто не ожидалъ непріятельскаго нападенія. Полагали, что шведскій король съ своею арміею, не въ состояніи былъ предпринять что-нибудь важное. Поэтому всѣ считали себя въ полной безопасности. Но 19 ноября узнали противное; шведскій король со всѣмъ своимъ войскомъ, какое онъ собралъ наскорь и которое, какъ видно изъ донесенія, состояло изъ 30,000 человекъ, шелъ безостановочно три дня и три ночи, по безвѣстной и непроложенной дорогѣ, которую указалъ ему одинъ финляндскій крестьянинъ, черезъ болота и ущелья. Въ это время поднялся вѣтеръ, и настала непогода; къ тому же выпалъ снѣгъ и начались туманы. Нашъ врагъ рѣшился воспользоваться этою помощію со стороны природы, и благоприятными обстоятельствами. Упомянутый бѣглець и измѣнникъ указалъ ему то мѣсто, гдѣ были самыя слабыя укрѣпленія и гдѣ находился незначительный и наименѣе способный отрядъ, преимущественно состоявшій изъ остатка прежнихъ недовольныхъ Стрѣльцовъ. Непрїатели сдѣлали стремительный натискъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтили слабое сопротивленіе, ворвались въ укрѣпленіе и потомъ въ лагерь; они бросились направо и на лѣво и всѣхъ привели въ замѣшательство. Это было не трудно, потому-что лагерь, по тогдашнему обыкновенію, былъ слишкомъ растянутъ и обширенъ, а посты почти не были заняты людьми.

«Но когда непрїатели напали на корпусъ генерала Вейде и на Преображенцевъ, то встрѣтили стоимъ сильный отпоръ, что въ безпорядкѣ были вытѣснены изъ укрѣпленій. Генералъ Вейде въ этой схваткѣ получалъ двѣ раны, и потому не могъ прѣсѣдовать непрїателя. Впрочемъ два лейбгвардейскіе полка съ некоторыми другими дрались до трехъ часовъ ночи съ такою храбростію, что Шведы были окружены со

всѣхъ сторонъ, и такъ какъ они, по призыву ночной команды, не могли узнать, сколько еще находилась войска въ шатрахъ, то, въ этой неизвѣстности, посылали до трехъ разъ своихъ трубачей, предложить Русскимъ прекращеніе битвы. Наконецъ русскіе генералы согласились на это требованіе и съѣхались съ шведскими генералами. Такъ какъ ни та ни другая сторона не рѣшилась взрѣчь свою участь ночью въ темнотѣ, то согласились въ слѣдующемъ: чтобы русская армія сняла осаду и отступила со всею артиллеріею, военною аммуниціею, припасами и оружіемъ. Этотъ договоръ былъ принятъ самимъ шведскимъ королемъ и утвержденъ его собственнымъ словомъ. Только, по причинѣ большаго протяженія лагерь, невозможно было сообщить во всѣ мѣста необходимаго извѣстія объ заключенномъ условіи, и тѣмъ возстановить повсюду спокойствіе; притомъ шведское войско стояло въ центрѣ и часть войскъ была отрѣзана отъ главной арміи; потому, то, что происходило послѣ этого въ замѣшательствѣ и въ ночномъ мракѣ, слѣдуетъ приписать невѣднію о заключенномъ договорѣ и тому, что Шведы напились допьяна русской водки.

«На слѣдующее утро, главные русскіе офицеры и генералы были допущены къ его королевскому величеству, и послѣ того, какъ при этомъ случаѣ договоръ былъ еще разъ подтвержденъ и заключенъ окончательно, генералы Вейде и Бутурлинъ приказали объявить его войску, и съ русской стороны начались приготовления къ отступленію. Преображенскій, Семеновскій и другіе полки, перешли мостъ въ должномъ порядкѣ и въ полномъ вооруженіи.

«Но какъ скоро, при отступленіи русской арміи, Шведы замѣтили, что они были еще довольно сильны, то все измѣнилось въ одно мигновеніе; вопреки всѣмъ народнымъ правамъ и военнымъ уставамъ, договоръ былъ нарушенъ, уничтоженъ, королевское слово было взято назадъ, и всѣмъ батальонамъ, вышедшимъ изъ изрыленій, было предложено положить оружіе. Русскіе воспротивились было этому, говоря, что такой поступокъ прямо противорѣчитъ королевскому

слову и общаину; но наконец, чтобы избежать дальнѣйшаго бѣдствія, а быть-можетъ и всеобщаго побѣдъ, — потому что Шведы теперь усилились, — должны были согласиться и положить оружіе. Послѣ этого Шведы тотчасъ начали вѣдъ грабить, нѣмецкихъ офицеровъ, лекарей и фельдшеровъ ругали саксонскими собаками и сволочык и безчеловѣчно били; и противъ договора захватили весь лагерь съ военными снарядами и пушками. Изумленныхъ этимъ генераловъ и офицеровъ обнадеживали тѣмъ, что послѣ совершеннаго отступленія арміи, и они также будутъ отпущены; но вскорѣ, противъ всякаго ожиданія, они съ ужасомъ услышали, что будутъ отвезены, какъ пльнники въ Нарву.

«Уронъ, во время этой важной битвы, былъ не такъ значителенъ, если принять во вниманіе всеъ рассказанныя нами обстоятельства; со стороны Русскихъ пало не болѣе пяти или шести тысячъ человекъ, и столько же, если не болѣе, со стороны Шведовъ, по собственному ихъ показанію.

«Русскія войска пришли изъ Нарвы въ Новгородъ, не будучи преследуемы неприятелемъ, и здѣсь снова были снабжены оружіемъ. Потомъ они соединились съ двѣнадцатымъ тысячнымъ корпусомъ, и съ 16.000 кавалеріи, подъ командою генерала князя Никиты Ивановича Рѣпина; это войско по причинѣ слишкомъ дурныхъ дорогъ, не могло придти въ надлежащее время въ лагерь подъ Нарвою; иначе Русскіе могли бы гораздо лучше защищаться отъ нападенія враговъ. Теперь же вмѣстѣ расположились на границѣ, чтобы наблюдать за дальнѣйшими видами, и движеніемъ Шведовъ.»

Люди, съ самаго начала приближившіе въ Новгородъ, послѣ этой битвы явились къ Его Величеству, и въ-горопахъ увеличили потерю подъ Нарвою гораздо болѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они рассказывали, что всеъ погибли и были перебиты, что вся шведская армія двинулась на Россію и прочее. Такъ какъ это извѣстіе повергло всѣхъ въ немалое смущеніе и страхъ, то его виновники получили заслуженное наказаніе. Однако тѣ, которые еще въ началѣ старались отклонить войну съ Швеціею, говорили,

что они уже предсказывали эту потерю, которую Русскіе потерпѣли подъ Нарвою. За это они получили строгій выговоръ, и были обнадежены, что впродъ все пойдетъ гораздо лучше.

1701 г. Съ котораго года слѣдуетъ считать новое столѣтіе? — Счастливыи вѣкъ для Россіи начинается съ 1701 года, по причинѣ послѣдовавшихъ побѣдъ. — Швеція отвергаетъ предложенія о мирѣ. — Военныя приготовленія въ Россіи. — Путешествіе Его Величества въ Бирзень. — Поѣздка Его Величества съ королемъ польскимъ черезъ Динамюндъ въ Митаву. — Увеселенія на пути. — Возвращеніе Его Величества въ Москву. — Пожары въ Москву, Дрезденъ, Стокгольмъ.

Хотя Его Величество, въ минувшемъ году, согласно съ общимъ мнѣніемъ, повелѣлъ считать 1699 годъ послѣднимъ въ протекшемъ столѣтіи, какъ это и принято у всѣхъ историковъ: но нашлись новые хронологи, которые старались доказать въ своихъ сочиненіяхъ, что XVII вѣкъ окончился только съ 1700 годомъ, а XVIII начался съ 1701. Они основывались главнымъ образомъ на эпоху Діонисія, и на лѣтосчисленіи другихъ хронологовъ, у которыхъ порядокъ годовъ идетъ отъ 1 до 100 включительно, потому что, оставившись на 99, не получили бы полнаго числа сто. Притомъ же всегда въ началѣ счѣта ставится 1.

Мы не хотимъ входить въ этотъ споръ, но можемъ доказать, что русское царство по справедливости можетъ начать численіе своего счастливаго вѣка съ 1701 года. Именно съ этого 1701 до 1726 года, война съ Шведами продолжалась счастливо, многіе города и области покорились русскому скипетру, и наконецъ былъ заключенъ выгодный миръ.

Правда, несчастная нарвская битва, прошлаго года, когда столь многіе опытные офицеры были отведены плѣнниками въ Швецію, поразила сердце Его Царскаго Величества; но если вспомнить, что ни одинъ государь въ свѣтъ не оковалъ цѣпями фортуны, и не могъ всегда побѣждать и приобретать, то такое несчастіе не могло довести этого ве-

ликаго Монарха до малодушія; напротивъ онъ рѣшился на будущее время исправить все недостатки, замѣченные въ прошлогоднемъ походѣ и съ большею бесторожностію употреблять свое войско. Не иначе поступалъ и Св. Апостолъ Петръ, носившій одно имя съ нашимъ Монархомъ; онъ не бросилъ своей рыболовной сѣти, хотя напрасно закидывалъ ее въ продолженіе цѣлой ночи и ничего не поймалъ. Нѣтъ! онъ дождался счастливаго часа, когда забросилъ сѣть во имя своего Господа и вытащилъ несмѣтное множество рыбы, послѣ чего отъ своего Господа и Учителя, содержащаго счастье въ своей десницѣ, удостоился быть наименованнымъ чуднымъ ловцомъ челоуѣковъ.

Хотя въ 1700 году, Россію озарила злобная звѣзда; однако въ слѣдующіе годы, завоеванные города и страны, множество шведскихъ плѣнниковъ и трофеевъ доказали, что счастливое начало войны не всегда сопровождается равно счастливою развязкою. Въ послѣдующее время, врагъ не отнялъ у русскаго царства ни одного города, не причинялъ ему никакого чувствительнаго вреда, и даже не вступалъ въ предѣлы собственно называемаго Русскаго Государства. При настоящемъ случаѣ мы не говоримъ о непоколебимой вѣрности, съ которою Его Царское Величество помогало своимъ высокимъ союзникамъ, во все время, какъ продолжалась война. Это съ большею ясностію будетъ раскрыто въ дальнѣйшемъ нашемъ повѣствованіи.

Армія Его Царскаго Величества, въ самомъ началѣ 1701 года, безъ сомнѣнія, могла бы открыть непріязненные дѣйствія противъ Шведовъ, и могла бы ранѣе выступить въ поле, если бы Его Величество не имѣло еще надежды, что державы, обѣщавшія заключить миръ съ Шведами, наконецъ усвѣдуть въ этомъ.

Но все предложенія, сдѣланныя съ этою доброю цѣлію, со стороны императора, Англіи и Голландіи, были гордо отвергнуты королемъ шведскимъ, такъ что шведскіе министры не хотѣли даже ни раза войти въ разсмотрѣніе этого предмета. Потому Его Царское Величество рѣшился продолжать войну, со всевозможными предосторожностями, и

тѣмъ предупредить опасныя замыслы врага; ибо иначе, безъ сильной борьбы, невозможно было ожидать прочнаго мира въ сѣверной части Европы.

Его Величество озаботился тогда привести въ лучшее состояніе военныя силы Россіи, и для дополненія артиллеріи повелѣлъ лишніе въ государствѣ колокола привезть въ Москву и вылить изъ нихъ пушки.

Губернаторамъ было предписано, въ соразмѣрности съ зависящими отъ нихъ областями, набрать нѣвѣстное число холопей и препроводить ихъ въ Москву для смотра.

Татарамъ, Калмыкамъ и казакамъ, находящимся въ русскомъ подданствѣ, было повелѣно присоединиться къ люляндской арміи, въ томъ предположеніи, что тамъ Швецы сосредоточатъ свои главныя силы, подъ начальствомъ генерала Шлиппенбахъ.

Когда на границахъ были сдѣланы необходимыя приготовленія и было расположено многочисленное войско, такъ что нельзя было уже опасаться вторженія враговъ; то Его Величество приказалъ главнымъ генераламъ, офицерамъ и придворнымъ служителямъ готовиться къ далекому путешествію, не объявляя, куда именно. Этому никто не зналъ, кромѣ его свѣтлости князя Меншикова, которому было известно, что польскій король пригласилъ Его Величество въ Бирзень, для личнаго свиданія и объясненія.

31 января, Его Величество, выѣхавъ изъ Москвы въ сопровожденіи его свѣтлости и отправившись черезъ Можайскъ, Вязму, Дорогобужь, Смоленскъ, Витебскъ, Полоцкъ, Друю и Динабургъ, въ Бирзень, — крѣпость, принадлежавшую Радзивиламъ, и не задолго до этого времени занятую саксонскимъ генераломъ Ребелемъ и приведенную въ оборонительное положеніе. Сюда прибылъ Его Величество 17 февраля и былъ принятъ королемъ польскимъ съ знаками дружества и уваженія. Его свѣтлость присутствовалъ при всѣхъ конференціяхъ и совѣщаніяхъ, которыя имѣлъ Его Величество съ королемъ и польскими сенаторами. Здѣсь Его Величество возобновилъ союзъ съ польскимъ королемъ и ста-

реши возбужденъ республику объявить вѣстекъ съ нимъ войну Шведамъ.

Польскіе сенаторы, замѣтивъ обхвѣнительность и доброе расположеніе Его Величества, просили его свѣдѣть, чтобы онъ помогъ имъ, убедить Монарха къ уступкѣ Кіева и Смоленска польской республикѣ и къ соединенію россійской церкви съ латинскою. Его свѣдѣльство искусно уклонилось отъ этой просьбы, сказавъ, что о подобныхъ требованіяхъ и дѣлахъ всего приличнее будетъ предложить не одъ счастливаго окончанія шведской войны.

Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ, главнымъ образомъ, была то, что Его Царское Величество приказалъ двенадцатитысячному корпусу слѣдовать въ саксонскій лагерь, расположенный подъ Ригою; но это войско, подъ командою генерала князя Ивана Никитича Рѣшнина, пребыло на мѣсто единственно невольно, потому—что саксонскій фельдмаршалъ Штейнсъ былъ уже разбитъ Шведами на Днѣвѣ, подъ Ригою.

Имъ. Барона оба Монарха, вѣстекъ съ курляндскимъ герцогомъ, бывшимъ тогда королевско-пальскимъ фельдмаршаломъ, и съ генералами и министрами, вознамѣрились отправиться въ Динабургъ и Митау. Некоторымъ старымъ русскимъ боярамъ, находившимся въ свѣтѣ Его Царскаго Величества, и до-сихъ-поръ никогда не выѣзжавшимъ изъ Россіи, предпринятая теперь поѣздка, по разнымъ, но видимо не основательнымъ, причинамъ, нравилась еще менѣе, чѣмъ путешествіе Его Величества въ Барскъ.

Эти добряки, забывшіеся столько же о высшей слабѣ Его Величества, сколько и о своей собственной безопасности, приняли смѣлость всеподданнически явиться своему великому Государю; но объѣзжать такъ далеко отъ русской границы и на приближаться къ Шведамъ, стоявшимъ въ Вгѣ.

Два обязательства подавъ его свѣдѣльство, князю Меньшикову, случивъ, размысливъ, во время путешествія, къ удовольствію обидки Монарха, слѣдующую шутку. Когда

русскіе бояре, между прочимъ царскій хранитель печати Зотовъ, докторъ Тирмондъ, Козма Хризантовичъ, Никифоръ Ленинъ и другіе, были въ дорогѣ, то вартія саксонскихъ рейтаровъ, которые сопровождали короля и были одѣты большею частію по-шведски, подъ предводительствомъ королевскаго адъютанта Аренстедта, напали на нихъ, обезоружили и грозили смертію, если они не скажутъ добровольно и не откроютъ, гдѣ находится ихъ Государь, и какой договоръ заключилъ онъ, въ Барзень, съ польскимъ королемъ, противъ ихъ монарха и шведской короны. Объятыя столь неожиданнымъ испугомъ и видя передъ собою явную опасность, пльняки не могли произнести въ отвѣтъ ни одного слова, кромѣ: «Ей, ей, не знаю.» Вздохи, слезы и печальные взгляды ясно показывали, что они считали Его Величество или умершимъ или по крайней мѣрѣ попавшимъ въ пльнь къ Шведамъ, пока наконецъ не явился Его Величество и польскій король и переодѣтые Саксонцы, снявъ шведскій мундиръ, не надѣли собственнаго. Такимъ образомъ эта трагедія, сначала казавшаяся столь печальною и страшною, окончилась къ чрезвычайному удовольствію всѣхъ присутствующихъ, а особенно этихъ пльняковъ, такъ неожиданно получившихъ свободу.

8 марта, Его Величество благополучно возвратился въ Москву. Здѣсь онъ узналъ, что предложенія о мирѣ, сдѣланныя Швеціи, остались безплодными. Его свѣтлость теперь содѣйствовалъ Его Величеству въ исправленіи тѣхъ промаховъ и ошибокъ, какія были сдѣланы во время сраженія подъ Нарвою. Для этого была улучшена военная часть; умножены регулярная войска, магазины и артиллерія, причѣмъ были употреблены въ дѣло вѣнцискіе колокола; собраны въ государство.

Его Величество повелѣлъ снова обмундировать и обучать войска; ввѣнчалъ иностранныхъ офицеровъ, инженеровъ и бомбардировъ; приказалъ представить себѣ вѣрный списокъ монастырей и ихъ доходовъ, и сдѣлать имъ надлежащую оцѣнку. Излишнихъ и ненужныхъ придворныхъ, канцларскихъ и прибоудскихъ домакъ, служителей, равно какъ

молодыхъ дворянъ и церковно-служительскихъ дѣтей приказалъ взять въ солдаты. Уничтожилъ прежнюю конницу, и вмѣсто нея образовалъ драгунскіе полки. Тѣхъ, кто отзывается какою-нибудь болѣзнію, приказалъ подвергать осмотру и свидѣтельствуванію докторовъ. Объяснилъ свое неудовольствіе тѣмъ, кто безъ всякой законной причины уклонялся отъ военной службы. Опредѣлилъ для арміи число экипажей и уничтожилъ не нужный обозъ. Запретилъ также брать съ собою женъ. Войско, которое, подъ командою князя Рѣпина было отправлено на подмогу Саксонцамъ въ Кюнгенгаузенъ и въ іюль возвратилось въ Псковъ, было употреблено, какъ въ Псковъ, такъ и въ Новгородѣ, для отроенія крѣпостей.

30 іюля, въ московскомъ Кремлѣ произошелъ большой пожаръ. При этомъ случаѣ, его свѣтлость, своимъ дѣятельнымъ распоряженіемъ, воспрепятствовалъ огню распространиться далѣе по Москвѣ. По его же распоряженію, были очищены и возобновлены дома, церкви и дворцы, поврежденные этимъ пожаромъ.

Многіе тогда замѣтили то странное обстоятельство, что всѣ три короля, принявшіе участіе въ Сѣверной войнѣ, при ея началѣ, видѣли опустошительные пожары въ своихъ столицахъ. Въ Дрезденѣ, 27 марта, сгорѣла большая часть курфиринскаго замка. Въ Стокгольмѣ, не былъ еще поправленъ королевскій замокъ, не задолго передъ тѣмъ обращенный въ пепелъ.

Въ настоящемъ году была замѣчена еще одна странность; что три европейскіе короля, почти въ одно и тоже время, потерпѣли несчастіе отъ своихъ коней. Англійскій Король Вильгельмъ ушатъ съ лошади на охотѣ, и въ слѣдствіе этого паденія окончилъ свою жизнь въ 1702 году. Шведскій король, въ свою бытность въ Краковѣ, обучая Валахъ, тоже ушатъ съ лошади и пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ постель, такъ что описался за свое житіе. Наконецъ польскій король шилъ такое же несчастіе въ Варшавѣ, и нѣсколько недель не могъ владѣть своимъ рукою.

Въ следующемъ году приказалъ въ Москву сардинско-прусскіе

посланникъ Принцева, съ подтвержденіемъ о королевскихъ (курюрста бранденбургскаго Фридриха I), происходившемъ 18 января въ Кенигсбергъ. По этому случаю, Его Величество отправилъ въ Берлинъ, въ качествѣ посланника, Андрея Петровича Исмаилова, съ тѣмъ, чтобы принести королю извѣщеніе съ принятіемъ прусской короны. Послѣ этого, Исмаиловъ былъ отправленъ, также въ качествѣ посланника, въ Копенгагенъ, гдѣ онъ жилъ до 1700 года.

1702 г. *Распоряженія Его Величества.*—*Помощь Его Величества въ Архангельскѣ.*—*Взятіе Нѣмбурга.*—*Его святѣйшество прицмается къ себѣ съ дѣмъ пльннику, савелподготови Императрицу Россійскую.*—*Нѣмецкое училище въ Москвѣ.*—*Примѣры брачныхъ союзовъ князей съ подданными.*—*Примѣры неравныхъ браковъ, съ иностраннаго государства.*—*Новыя учрежденія.*

Въ началѣ 1702 года, Его Величество, далъ повелѣніи полкамъ, стоявшимъ въ Новгородѣ, Москвѣ, Ладозѣ и на границахъ Ингерманландіи, чтобы они готовились къ походу въ Ингерманландію, по случаю предстоящей кампаніи. Принявъ въ свою службу Пашука, который прибылъ 3 апреля въ Москву, въ качествѣ посла отъ короля польскаго. Приказавъ ему обвѣрдовать (16 апреля) указъ, касательно учрежденія новаго военнаго штата и поселенія иностранцевъ въ Россіи, съ дарованіемъ имъ полной свободы совѣсти и другихъ вольностей. Далъ полномочіе генералъ-комиссару Паткулю, принимать въ Германіи офицеровъ и другихъ иностранцевъ, на службу Его Величества. Съ такимъ же порученіемъ отправилъ вице-адмирала Крѣйса въ Голландію.

Въ 1702 году, его святѣйшество, князь Мещановъ, въ третій разъ сопровождалъ Его Величество въ Архангельскъ. Въ этомъ городѣ онъ собралъ съдѣлія обо всемъ, что касалось до внешней и внутренней торговли. Въ сдѣланныхъ дѣлахъ, Его Величествомъ инструкція, оныя сдѣланы именованнымъ участникомъ и принялъ мѣры съ развитіемъ торговли; предоставилъ монополію и другія права гостямъ или полетимымъ купцамъ, дѣлать имъ была позволено Его

Величеству скорою доставкою иностранных товаров, сбытомъ туземныхъ, и привозомъ разныхъ рѣдкостей, и которые каждагодно вносили нѣсколько тысячъ въ таможеню. Въ то же время онъ осмотрѣлъ новую крѣпость, которая была выстроена, по случаю ожидаемаго нападенія Шведовъ; послѣднѣ, въ прошломъ году, прибывъ на четырехъ фрегатахъ, вышли на берегъ, сожгли двѣ деревни, и навели страхъ на Архангельскъ; но были отражены командированными туда полками, и потеряли одинъ фрегатъ, который сталъ на мель въ Новой Двинѣ.

Его свѣтлость исходатайствовалъ у Его Величества помилованіе: французскому генераль-инженеру Ламберту, который закололъ на дуели капитана голландскаго корабля, Намбурга, и Нейгебауера, который неврылично велъ себя при его высочествѣ царевичѣ; но оба эти иностранцы отплатили ему за то неблагодарностію, потому-что старались, хотя и напрасно, помрачить высокую репутацію его свѣтлости оскорбительными сомнѣніями.

Въ Архангельскѣ же, по повелѣнію Его Величества, его свѣтлости царевича Алексѣя Петровича, опредѣленнаго въ псаріею солдатомъ, обучить военнымъ эзерциціямъ, а на семнадцатомъ году его возраста, всталъ съ собою на войну подъ Шлиссельбургъ, крѣпость, стоящую на рѣкѣ Невѣ, которая вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, впадаетъ въ Финскій заливъ Балтійскаго моря и отдѣляетъ Финляндію отъ Ингерманландіи.

Находившіеся въ Архангельскѣ полки его свѣтлость привелъ на корабляхъ къ Ладогѣ и сдѣлалъ приготовленія къ начатию войны въ Ингерманландіи и къ осадѣ Нѣтебурга, во время которой особенно отличились его свѣтлость, вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ генераль-майоромъ Кенигзеркомъ. Его свѣтлость, безъ вѣдома командовавшаго тогда фельдмаршала Шереметева, по увѣренности въ счастливомъ дѣлѣ, приказалъ штурмовать крѣпость, которая и была взята 1 октября, и, по исправленіи поврежденій, была названа Шлиссельбургомъ, потому-что Петръ Великій приобрѣлъ съ этою крѣпостью ключъ къ Ингерманландіи и Карелии.

ДОГОВОРЪ О СДАЧѢ НѢТЕБУРГА *.

Фельдмаршаломъ Его Царскаго Величества было разослано всемъ войскамъ слѣдующее рѣшеніе на договорные пункты съ королевско-шведскимъ полковникомъ и комендантомъ Густавомъ Шлиппенбахомъ и гарнизономъ крѣпости Нѣтебурга:

Хотя господинъ фельдмаршалъ имѣеть достаточныя причины, по общепринятому праву войны, не согласиться на многія статьи этого договора, такъ какъ господинъ комендантъ только послѣ продолжительнаго штурма и кровопролитія приступилъ къ переговорамъ: но для прекращенія дальнѣйшаго кровопролитія, и изъ уваженія къ оказанному имъ мужеству, рѣшено принять слѣдующія условія :

1.

Коменданту, полковнику Шлиппенбаху дозволяется, со всеми его офицерами и солдатами гарнизона, съ распушенными знаменами и барабаннымъ боемъ, четырьмя желѣзными пушками, ружьями и шпагами, съ потребнымъ количествомъ пороху, и съ пулами во рту, черезъ слѣдственные проломы свободно и безпрепятственно отступить къ Нарвѣ; остальные же артиллерію и аммуницію, съ другими принадлежностями, сдать въ цѣлости въ крѣпости.

2.

Оберъ-и унтеръ-офицерамъ, также и солдатамъ дозволяется свободно и безпрепятственно вывести съ собою женъ и дѣтей, со всемъ ихъ имуществомъ, безъ всякаго исключенія,

3.

Такую же свободу получаютъ и всѣ находящіеся въ крѣпости, какого бы состоянія они ни были:

* Этому договору нѣтъ ни въ письменныхъ ни въ печатныхъ историческихъ русскихъ памятникахъ; потому онъ предлагается здѣсь въ переводѣ съ нѣмецкаго. *Пр. пер.*

Фельдмаршалъ общаетъ коменданту отпустить весь гарнизонъ, со всеми больными и ранеными, какъ упомянуто выше, съ поименованными пушками, оружіемъ и всеми имѣющимися у нихъ дедами, вмѣстѣ со всеми гражданскими чиновниками, и дать имъ опасную грамоту, помытъ условіемъ, чтобы они здѣсь же приняли безпрепятственный обратный путь; общаетъ имъ это господиномъ фельдмаршаломъ отъ имени своего все милостивѣйшаго царя и государя, его рыцарскимъ словомъ, которое, съ Божіею помощію, не было нарушено имъ никогда не только относительно къ Христіанамъ, но даже въ отношеніи къ Туркамъ.

5.

(Этой статьи въ доставленной мнѣ копіи не выписано.)

Что касается до этой статьи, то господиномъ фельдмаршаломъ поручаетъ будущія событія волю Всевышняго, потому что въ этомъ пунктѣ не содержится ничего положительнаго.

6.

Коменданту, для его безопасности, дозволяется взять нѣсколько шведскихъ офицеровъ, изъ близъ-стоящихъ королевскихъ войскъ, которые могутъ освидѣтельствовать состояніе крѣпости, и послѣ того принять безпрепятственный обратный путь. Впрочемъ, этотъ осмотръ, какъ нѣкоторое замедленіе, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допущенъ до сдачи крѣпости.

7.

Фельдмаршалъ требуетъ, чтобы, по заключеніи любовнаго договора, крѣпость была сдана ему нынѣ, до наступленія ночи, безъ всякой отсрочки, отговорки и безъ всякой переменны въ статьяхъ.

8.

Еще фельдмаршалъ предлагаетъ коменданту, чтобы эта сдана была произведена справедливо и безъ обмана, и чтобы никто изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ гарнизона, не сдѣлалъ такого же злодѣяства, какое было совершено

въ Мариенбургъ, вопреки данному обещанію, однимъ артиллерійскимъ офицеромъ, который замѣнь моремъ и гнѣвъ погубилъ не только военныя, но и домашнее съѣзжаніе.

Все офицеры и нижніе чины съ семействами, находившіеся въ крепости, съ ихъ оружіемъ и вещами, равно какъ ружья и шабры убиенныхъ русскихъ воиновъ, должны были оставаться въ крепости и выдава.

Дать въ главной кэртирѣ, подъ Петербургомъ, 12 октября 1702 года.

Шереметевъ.

Для тѣхъ, которые удачно воевали атаку, князь Меншиковъ испросилъ у Ея Величества кому помѣстье, кому деньги, кому место и друція награды, смотря по значенію дѣлъ. Въ Москвѣ, были выбиты по этому случаю, медали изъ разнаго металла и не одинаковаго веса; на одной сторонѣ медали было грубое изображеніе царя, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ; кругомъ была надпись, точно такая же, какъ и на монетахъ того времени. На оборотѣ медали была представлена крепость Петербургъ, на Невѣ, въ минуту осады, съ слѣдующею надписью:

«Петербургъ (нынѣ Шлиссельбургъ) спустя 90 дѣтъ опять отнять у врага, 12 октября (ст. ст.) 1702 года.»

Послѣ того, какъ крепость была возобновлена и усилена новыми пристройками, его свѣтлость, князь Меншиковъ отправился въ Псковъ; приказалъ снова выстроить предмѣстіе и мельницы, сожженные Шведами, и затѣмъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ имѣлъ торжественный въездъ; въ фейерверкъ, данному по случаю этого праздника, былъ представленъ немецкій монахъ, Бартольдъ Шварцъ, изобретатель порока, потому что Шлиссельбургъ былъ принужденъ къ сдачѣ съ помощію огни.

Въ настоящемъ же году, не меншій успѣхъ увѣчалъ оружіе Его Царского Величества въ Финляндіи: 1 января, командиръ Шереметевъ разбилъ Швецовъ, тогда командиръ генералъ-майора Шанишевскаго, при Эррестерѣ, издалека отъ Дерпта, взялъ шведскія въ плѣнъ и получилъ

большую добычу; при Гуммельсгофе бить вориною и сорочницею разбить шведскій генералъ-майоръ Шмидтсбахъ 26 июля, при этомъ достались Русскимъ шесть шапелъ, шестею пушекъ и мортиръ; были взяты города Вальмаръ и другія мѣстечки, и жители большаго числа переселены отсюда въ Россію.

Въ томъ же 1702 году, 26 декабря городъ и замокъ Мариенбургъ сдался фельдмаршалу Шереметеву, и всѣ вѣдѣныя тамъ въ плѣнъ были тотчасъ отправлены къ Икова, куда въ то же самое время прибылъ его свѣтлость князь Мениковъ для осмотра крепостныхъ магазиновъ и гарнизона. Когда онъ мимоходомъ обзрѣвалъ этихъ плацдармовъ, случилось, безъ сомнѣнія не безъ особеннаго смѣлѣнія Бонна, что одна молодая, прекрасная особа, благородная особа обратилась къ его свѣтлости, окрестно и краснорѣчиво изобразила свое печальное положеніе и просила его помѣгнати ее во сѣ прѣстѣни медья. Но выразивъ лица, по разговору и прищамъ прекрасной плѣнницы, его свѣтлость уподѣль, что она была благороднаго происхожденія и получила хорошее воспитаніе. Потому его свѣтлость отъчалъ не отъ другикъ мальничковъ и тотчасъ ввелъ ее въ общество своей сестры девицы Анны Даниловны. Съ ней обжиданель какъ съ женщиною дворянскаго происхожденія, и она ни за какъ не терпѣла нужды. Ея отъчуждѣль, но ея прѣсѣль, заботился также и о семействѣ маріенбургскаго востора Глюкка, у котораго она жила по прищамъ возникшей тогда войны. Онъ доставлялъ ему удобное помещеніе и ласкательное одобреніе. А такъ какъ этотъ восторъ былъ человекъ ученый и исповѣдательно зналъ русскій языкъ, то его свѣтлость поручилъ ему надзоръ надъ первымъ немецкимъ школомъ въ Москвѣ, для обученія русскаго юношества языкамъ и наукамъ, и въ этой школѣ впоследствии образовалась отличная немецкая гимназія, гдѣ образовались многіе замѣчательные люди.

Когда Его Величество познакомился въ домѣ его свѣтлости съ упомянутою дамою, и замѣтилъ въ ней многія достоинства, умъ, прекрасный характеръ, и другія досто-

ныя похвалы и славы качества; то почувствовалъ къ ней сильную привязанность и оказывалъ ей такую благосклонность, что милостиво принялъ онъ ходатайство о Лицлиндіи, а въ 1705 году тайно обвѣнчался съ нею, такъ что этого никто не зналъ, кромѣ князя Меньшикова и еще немногихъ доверенныхъ лицъ. Но въ 1711 году, этотъ бракъ былъ совершенъ публично и обнародованъ. Наконецъ въ 1724 году, Его Величество торжественно возложилъ на нее корону, и тогда-то, по опредѣленію Неба, сбылись счастливыя предзнаменованія, которыя замѣчены были при рожденіи и въ южномъ возрастѣ Ея Величества, Императрицы.

Здѣсь надобно замѣтить, что русскіе великіе князья и цари въ старину вступали въ супружество съ принцессами императорскихъ, королевскихъ и другихъ иностранныхъ знаменитыхъ домовъ, и русскія княжны выходили также за-мужъ за чужеземныхъ императоровъ и королей.

Владиміръ I женился въ 980 году на княжкѣ Аннѣ, сестрѣ греческихъ императоровъ; Василій II и Константина X.

Всеволодъ Ярославичъ женился въ 1046 году на дочери греческаго императора Меномаха.

Великій князь Василій I Димитріевичъ женился въ 1391 году на Анастасіи, дочери Витолда Кестутьевича, литовскаго великаго князя, а потомъ на дочери Емануила Палеолога, греческаго императора. А въ 1411 году, дочь Василія вышла за-мужъ за Іоанна Емануиловича, который въ 1424 году сдѣлался восточнымъ императоромъ.

Василій III Іоанновичъ, по совѣту Папы Сикста IV, женился на дочери князя Фомы Палеолога, ближайшаго наследника греческой имперіи, изгнаннаго Турками изъ Морей. Подробности этого достопамятнаго и счастливаго союза заслуживаютъ быть приведенными здѣсь изъ одной достоверной рукописи.

Когда Іоаннъ Васильевичъ I, по смерти своей первой супруги Маріи, дочери тверскаго князя Михаила, рѣшился вступить въ другой бракъ, то папа Сикстъ IV написалъ

ему, что въ Римѣ съ 1472 года живетъ прекрасная принцесса Воя или Софія, вторая дочь Юмы Палеолога, изгнаннаго Турками изъ Морев, хотя она и не желаетъ перемѣнить греческій законъ на латинскій; папа вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ портретъ ея и описаніе тѣлесныхъ и душевныхъ ея качествъ. Предложилъ также значительное приданое, если эта партія будетъ угодна царю; кроме того царь могъ бы имѣть притязаніе на греческую имперію, такъ какъ отецъ Софіи Юма былъ ближайшимъ наследникомъ престола. Папа надѣялся черезъ то достигнуть благоприятныхъ слѣдствій для римской вѣры въ Россіи.

Царь съ удовольствіемъ принялъ сватовство папы, и отправилъ изъ Москвы въ Римъ, 16 января, Фрязина, удюномочивъ его дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами и динною инструкціею. Этотъ посолъ прибылъ въ Римъ 23 мая, и былъ радушно принятъ папою, кардиналомъ Виссаріономъ, на котораго было вѣзложено это дѣло, и двумя братьями Софіи, которые все содѣйствовали къ исполненію его порученія. Папа щедро одарилъ Софію; и снабдилъ ее рекомендательными письмами ко дворянъ, городамъ и государствамъ, черезъ которые слѣдовало ей провѣзжать, равно какъ хорошо обдуманнми проектами, предложеніями и инструкціями для Россіи.

24 іюня 1472 года, она выѣхала съ посломъ изъ Рима, въ сопровожденіи папскаго нунція Автонія, польскаго прелата и ея брата * Дмитрія, и отправилась въ Любекъ. Отсюда она прибыла водою въ Новгородъ и вступила въ Москву въ 1473 году. 12 ноября 1474 года она сочеталась бракомъ съ царемъ.

Софія, одаренная необыкновеннымъ умомъ и характеромъ, возбуждала царя ко многимъ славнымъ и великимъ дѣланіямъ, преимущественно же всѣми способами поощрляла его совершенно сбросить съ себя татарское иго, въ чемъ вполне успѣла. Она побудила его, съ согласіемъ папы, принять въ свой гербъ двуглаваго орла, тогда какъ прежде

* Не братъ, а только единовѣрца. Грека. *Прим. пер.*

изображался на гербѣ только всѣдникъ, св. Георгій. Для благоразумный союзъ, удалить приличнымъ образомъ изъ московскаго Кремля Татаръ и помѣстить ихъ въ другое мѣсто, увѣнчался желаннымъ успѣхомъ. Съ тѣхъ поръ возникла близъ Москвы Татарская Слобода. Татарамъ было отказано въ дани и во великой зависимости отъ нихъ.

Генрихъ IV, императоръ римскій, въ 1089 году, женился на дочери русскаго князя и вдовѣ Штаденскаго Маркграфа Гуттона, называванной въ Германіи Аделгейдою, какъ повѣствуетъ о томъ Сагсонскій летописецъ, говорит: Imperator nuptias celebravit, quondam Utavis Marchionis viduam, filiam Regis Russorum (Императоръ вступилъ въ бракъ со вдовою маркграфа Гуттона, дочью короля русскаго).

Генрихъ I, король французскій женился, въ 1047 году, на Аннѣ Георгиевнѣ, дочери великаго князя русскаго, Георгія *. Жульковскій, въ своемъ Jure Publico Poloniæ, и другіе польскіе летописцы представляютъ слѣдующій еясокъ русскихъ князей, которая вышла за-мужъ за польскихъ правителей:

Казиміръ I, король польскій, женился въ 1042 году на Маріи Владиміровнѣ, русской княжнѣ, дочери Владиміра, которую польскіе летописцы называютъ Добродѣвою.

Бодеславъ II, въ 1058 году, женился на русской княжнѣ Вѣдеславѣ.

Бодеславъ III, Кривоустый, женился на дочери русскаго великаго князя, Всеславѣ Святополковнѣ.

Бодеславъ IV, въ 1146 году, женился на Анастасіи, дочери Всеволода, князя галицкаго; а Вечеславъ III, въ 1174 году, на Евдоксіи Всеволодовнѣ.

Казиміръ Справедливый, въ 1178 году, женился на Еленѣ, дочери Всеволода.

Владиславъ II, король польскій, по смерти своей первой супруги, въ 1422 году, женился на княжнѣ Софіи, доче-

* Дочери Ярослава I, который въ крещеніи названъ Георгіемъ. Прим. чер.

ри кіевскаго князя Андрея Іоанновича, котораго скончалась въ 1464 году.

Александръ король польскій, въ 1501 году, женился на Бланшъ, дочери царя Іоанна III или Іоанна Васильевича I, но тогдашній примасть не захотѣвъ короновать ее, потому что она достойно держалась греческой вѣры, какое право было предоставлено ей въ брачномъ договорѣ.

Одай, король норвежскій, въ 1024 году женился на дочери великаго князя Всеволода, и удаленъ въ Россію, къ своей сестрѣ, жевѣ Ярослава, и уже по смерти норвежскаго короля Канута, съ помощію русскаго войска, возвратился въ свое государство.

Когда митрополитъ Іоаннъ, между прочими правилами постановилъ въ русскій церковь и то, что князья не должны вступать въ бракъ съ тѣми, которые принимаютъ въ причащеніи грѣшный дѣлбъ; то великіе князья стали считать какъ бы основнымъ закономъ, чтобы владикняжескія невѣсты повиновались греческую вѣру.

Послѣ этого, стали опасаться, что дицземка высокаго происхожденія затруднится принять русскую вѣру, которая въ то время была еще не такъ извѣстна и подвергалась разнымъ несправедливымъ толкамъ, что привезетъ съ собою иностранныхъ людей и служителей, введетъ чужеземныя нравы и обычаи, къ которымъ русскіе питали отвращеніе, или даже въ брачномъ договорѣ поставить какое-нибудь условіе противное Русскимъ. Кроме того, необходимо было бы, въ столь важномъ дѣлѣ, звать пертретамъ отсутствующихъ и никогда не видавшихся невѣсть, общей объ нихъ молвъ и славъ объ ихъ достоинствахъ, отзывамъ нослѣвъ, равно какъ и рекомендаціи иностранныхъ князей. По-этому русскіе цари большею частію дабирали себѣ супругъ изъ подданныхъ. Она не имѣли при этомъ въ виду ни знатнаго происхожденія, ни приданнаго, ни богатства, ни даже наследственныхъ правъ, которые при союзахъ подобнаго рода обыкновенно вносятся въ договоръ; потому-то, въ теченіе нѣскаго столѣтія, едва ли выродила за-мужъ въ Россіи хоть одна принцесса изъ древнихъ княжескихъ домовъ. Русскіе цари держались общаго правила, яко *Uxor soluscat radiis mariti* (жена блистаетъ лучами

мука). Считали даже чтъмъ-то высокимъ и великимъ вступать въ супружество лучше по своему расположенію и любви, чтъмъ по благоусмотрѣнію своихъ совѣтниковъ, и собственнымъ достоинствомъ возвышать незнатныя лица, а награждая почетными должностями и дарами родителей и родственниковъ супруги, дѣлать ихъ богатыми и счастливыми.

Для того, чтобы избрать себѣ невесту, они повелевали привозить въ Москву прекрасныхъ дѣвицъ, которыя, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, занимали удобныя помѣщенія, получали хорошее содержаніе и пользовались всеми почестями, удовольствіями и увеселеніями. Умнымъ и опытнымъ женщинамъ приказывали разузнавать тѣлесныя и душевныя качества этихъ дѣвицъ, и въ особенности ихъ способность къ брачному состоянію; осведомлялись при этомъ, каковы у нихъ родственники, всѣ ли пользуются доброю славой, могутъ ли они отправлять почетныя должности. Собравъ свѣденія о красотѣ, благочестіи, воспитаніи и характерѣ дѣвицъ, и послѣ личнаго осмотра, царь избиралъ ту, которая соответствовала его вкусу и казалась лучшею на его взглядъ; прочія же получали дары и увѣжали въ свои дома.

Этотъ обычай русскихъ царей, вступать въ супружество съ своими подданными, имѣлъ то вліяніе на знатныя, благородныя фамиліи, что онѣ съ большимъ стараніемъ воспитывали своихъ дѣтей въ нравственности и добродѣтели, въ надеждѣ, что государь, быть-можетъ, призоветъ ихъ дочь и возвыситъ ее, а равно и всѣхъ родственниковъ обогатитъ и осчастливитъ, если она будетъ отличаться добрымъ поведеніемъ.

Такъ, русскій князь Глѣбъ Васильевичъ женился на простой женщинѣ татарскаго происхожденія. Царь Феодоръ Юанновичъ женился на сестрѣ незнатнаго дворянина Годунова. Царь Михаилъ Феодоровичъ, по смерти первой супруги Маріи, княжны Долгорукой, вступилъ во второй бракъ съ дочерью Стрѣшнева, Евдокією. Царь Алексій Михайловичъ, въ 1647 году, женился на Маріи Милославской, дочери стольника Ильи Даниловича, тогда какъ другая сестра царицы вышла за-мужъ за боярина Морозова. Вторая же супруга царя Алексія Михайловича была дочь

дворянина Нарышкина. Царь Оседоръ Александръ былъ женатъ сначала на Милославской, а потомъ на Марѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, родители которой не были ни князьями, ни боярами.

Примѣры такихъ неравныхъ браковъ находятся не только въ русской исторіи, но и въ родословныхъ иностранныхъ князей и государей.

Иосифъ, который былъ возведенъ въ первое достоинство послѣ Фараона, и возимый въ царской колесницѣ, провозглашаемый отцомъ государства, женился на дочери египетскаго жреца.

Персидскій царь Ассуръ, подъ именемъ котораго одни разумють Артаксеркса, а другіе Дарія Гистаспа, женился на Есеири, плѣнницѣ іудейской, происходившей отъ неизвѣстныхъ родителей. Она-то спасла іудейскій народъ отъ великаго несчастія, которымъ угрожала ему Аманъ, и даже низвергла самого виновника, какъ о томъ пишется въ Библии, въ книгѣ, носящей имя Есеири.

Мы не станемъ приводить въ примѣръ турецкихъ султановъ, вступавшихъ въ неравный бракъ, по многочисленности такихъ случаевъ, но скажемъ только о христіанскихъ государяхъ.

Св. Елена, мать императора Константина, происходила изъ низкаго состоянія и въ городѣ Трирѣ была служанкою въ гостинницѣ.

Князь богемскій, Удаляркъ, женился въ 1037 году, на крестьянской дѣвушкѣ, и на возраженія своихъ чиновниковъ отвѣчалъ, что онъ властенъ сдѣлать ее княгиней.

Эрикъ XIV, король шведскій, въ 1566 году, женился на простой дѣвушкѣ; частію изъ любви къ ней, а частію въ досаду своимъ братьямъ, какъ повѣствуютъ о томъ нѣкоторые летописцы. Пуффендорфъ, въ своей «Шведской Исторіи» пишетъ, что это была деревенская дѣвушка, которая на судовомъ мосту въ Стокгольмѣ, торговала яблоками и орѣхами. Король обвинялся съ нею 4 іюля, въ главной стокгольмской церкви св. Николая, и въ слѣдующій день короновалъ ее.

Англійскій король Генрихъ VIII, послѣ развода съ своею супругою Екатериною Арагонскою, женился на Аннѣ Боленъ, изъ незнатной фамиліи.

Англійская королева Анна, царствовавшая съ 1702 до 1714 года, дочь Якова, шотландскаго герцога; а впоследствии короля, родилась отъ первой его жены Анны.

Нынѣ царствующій король датскій, Фридрихъ IV, имѣетъ въ супружествѣ графиню Ревентлантъ; равно и герцогъ ангальтъ-дессаускій вступилъ въ 1699 году, тоже въ первый бракъ.

Англійскій король, Яковъ VII, женился на дочери танцовщика, Кларейдотъ, отъ которой родилась Марія и Анна, обѣ бывшия королеваны.

Шотландскій король, Робертъ II Стюартъ, въ 1380 году, женился на Евангелетъ, дочери шведскаго дворянина.

Обратимся теперь къ нашему предмету.

Такъ какъ Татарамъ, Калмыкамъ и казакамъ, дѣйствовавшимъ въ Лифляндіи, приписывали много ужасныхъ преступленій, то князь Меншиковъ настоялъ, чтобы эти безпкойные люди, съ своими верблюдами и дромадерами, были отосланы домой. Къ тому же было найдено не совѣсть выгоднымъ, что казаки, находясь въ арміи, могли изучить регулярный образъ войны, и потому они были употреблены болѣею частію на крепостныя работы. Въ обнародованныхъ всегда охранныхъ грамотахъ и манифестахъ, была обещана безопасность тѣмъ Лифляндцамъ, которые не убьютъ, до окончанія останутся въ своихъ домахъ. Его Величество предписалъ русскимъ генераламъ, командовавшимъ въ Лифляндіи, дѣйствовать противъ непріятеля наступательно, но шадить жителей городовъ и деревень, и требовать отъ нихъ только содержанія для арміи.

Его свѣтлость князь Меншиковъ, собственными средствами и употребивъ на то военную добычу, образовалъ два полка: существующіе еще до сихъ поръ и послѣдніе имя Императорскіе, также одинъ полкъ драгунскій, и одинъ пѣхотный.

Его Величество, по возвращеніи въ Москву, приказалъ построить арсеналъ и казармы для здоровыхъ, а госпитали для больныхъ и сдѣлавшихся неспособными къ службѣ солдатъ; приказалъ также устроить театръ, на которомъ разыгрывались даромъ русскія и немецкія комедіи, къ увеселенію Его Величества, и для забавы и наставленія придворныхъ и другихъ лицъ, при хорошемъ оркестрѣ, при вокальной и инструментальной музыкѣ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

СВАДБЕННЫЕ ОБРЯДЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Изученіе свадебныхъ обрядовъ древней Руси важно и драгоценно для историка въ томъ смыслѣ, что оно не только проливаетъ яркій свѣтъ на домашній и семейный бытъ нашихъ предковъ, на состояніе женщины въ до-петровской Руси, но можетъ служить однимъ изъ лучшихъ пособій для опредѣленія характера всей внутренней жизни древней Руси, ея понятій, вѣрованій, законовъ и правилъ. Теперь, когда историки наши, по преимуществу, стремятся постигнуть законы и начала, по которымъ развивалась наша внутренняя жизнь до Петра, подробное изслѣдованіе каждаго частнаго явленія изъ этой жизни становится важнымъ и необходимымъ, особенно такого явленія, какоеъ бракъ.

Мы начинаемъ свое изслѣдованіе о брачныхъ обрядахъ древней Руси съ сватовства или выбора невесты. Выборъ невесты въ древней Руси по большей части не зависѣлъ отъ воли и согласія жениха, а былъ дѣломъ родителей, которые, пользуясь слишкомъ большими правами, предоставляемыми имъ закономъ или обычаемъ, надъ дѣтьми, сами выбирали женъ для своихъ дѣтей, и согласіе родителей на бракъ дѣтей было въ древней Руси такимъ необходимымъ условіемъ, что безъ него не могъ совершиться бракъ: «отецъ сваталъ, отецъ и женилъ». Коллинсъ говоритъ, что сватовство Русскихъ напоминаетъ ему одно мѣсто изъ Геродота, гдѣ отецъ говоритъ сыну, чтобы онъ женился: «же-

нись, Пауфилъ, на той, которая сегодня прежде всѣхъ придетъ на площадь. Они (родители) слегка только намекаютъ дѣтямъ о своемъ намѣреніи, а дѣти не смѣютъ противиться выбору своихъ родителей.» Если у жениха не было въ живыхъ отца и матери, то старшій въ его родѣ, долженъ былъ заботиться о выборѣ ему невѣсты; такъ младшіе братья просили позволенія на бракъ у своихъ старшихъ *. Участіе невѣсты въ выборѣ себѣ жениха совершенно незамѣтно въ древней Руси *. Сватовство въ древней Руси обыкновенно происходило такъ: когда отецъ и мать жениха узнаютъ, что у такого-то есть дочь невѣста, тогда они посылаютъ къ отцу невѣсты, или матери ея, или даже брату, одного изъ ближайшихъ своихъ родственниковъ, или родственницъ, или даже знакомыхъ, съ предложеніемъ о бракѣ *. Иногда, отецъ невѣсты, самъ отъ себя, посылалъ свата къ отцу жениха, или, непосредственно, самому жениху дѣлалъ предложеніе такого рода: «у меня есть дочь, и я хочу имѣть тебя затемъ» *. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда предложеніе о бракѣ начиналось со стороны отца жениха, отецъ невѣсты отвѣчалъ на это такъ: «я радъ дочь свою выдать за-мужъ; только подумаю о томъ съ своею женою и своими родственниками, и послѣ того дамъ знать, какъ только будетъ возможно.» Если же женихъ не нравился отцу невѣсты, то онъ или прямо говорилъ, что ему нельзя выдать свою дочь за такого жениха, или отговаривался чѣмъ нибудь, и такимъ образомъ отказывалъ *. Когда сначала дѣлалъ предложеніе о бракѣ отецъ невѣсты, и притомъ непосредственно жениху, то женихъ отвѣчалъ: «если ты желаешь имѣть меня затемъ, то я спрошу о томъ своихъ родителей.»

Когда родители жениха и невѣсты были согласны на бракъ своихъ дѣтей, тогда начинались переговоры о приданомъ. Приданое, обыкновенно, состояло изъ лошадей, платья, хлѣба, скота, денегъ, серебряной (у богатыхъ) и другой посуды, вотчинъ и дворовыхъ людей. Отецъ невѣсты, или ея братья и ближайшіе родственники, подъ непосредственнымъ покровительствомъ которыхъ находилась невѣста, писали на листѣ росписъ всему приданому, и этотъ листъ посылали съ

сватами къ жениху ¹⁰. «А будетъ умыслить (отецъ невѣсты), «говорить Котошихинъ ¹¹, «за него выдать, и жена и сродичи «приговорятъ: и онъ изготова росписъ, сколько за тою дѣви- «цею дастъ приданого, денегъ и серебряныя и нныя поу- «ды, и платья и вотчинъ и дворовыхъ людей, пошлетъ къ «тѣмъ людямъ, которые къ нему отъ жениха приходили, а «тѣ люди отдадутъ жениху.» Обычай давать приданое за не- «вѣстой, произошелъ, по словамъ Рейца ¹², изъ древняго сла- «вянскаго права покунать невѣсту; цѣну этой купли, родители невѣсты, обыкновенно, отдавали самой невѣстѣ, и такимъ об- «разомъ явился обычай, по которому мужъ долженъ былъ жерт- «вовать частію своего имѣнія, въ пользу жены. Посему об- «разовалось обыкновеніе, что и родители невѣсты жертвовали, съ своей стороны, чѣмъ нибудь и дарили ей какія нибудь вещи.

Послѣ переговоровъ о приданомъ, происходилъ *смотръ* невѣсты и *сговоръ*. Не самъ женихъ, а его родственники и, по большей части, родственницы, смотрѣли невѣсту.

Для смотра невѣсты, назначался особенный день, къ которому отецъ и мать невѣсты приготовлялись особеннымъ образомъ, наряжали невѣсту въ самое лучшее платье и созывали всѣхъ своихъ родственниковъ. Невѣста, во время смотра, садилась за столъ; сваха, или какая нибудь родственница, со стороны жениха, по пріѣздѣ въ домъ отца невѣсты, садилась съ нею за одинъ столъ, заводила съ невѣстою рѣчь о разныхъ предметахъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобъ узнать умъ и разумъ невѣсты; смотрѣла пристально невѣстѣ въ лица, глаза, подмѣчала всѣ ея примѣты и, замѣтивши все достойное вниманія, по пріѣздѣ къ жениху, рассказывала ему. «И по тѣмъ ихъ словамъ посылаетъ женихъ смотрѣти мать свою, или сестру, на которой день приговорятъ: и тоѣ невѣсты отецъ и мать къ тому дни готовятся, и невѣсту нарядаютъ въ доброе платье, и созовутъ гостей, сродственныхъ людей, и посадятъ тою невѣсту за столъ; а какъ та смотрѣльница пріѣдетъ, и ей честь воздавъ, посадятъ за столъ, подлѣ тоѣ невѣсты—и сидячи за столомъ, за обѣдомъ, та смотрѣльница съ тою невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ, извѣдываячи еѣ разуму и рѣчи, и высма-

триваетъ въ лицо, и въ очи, и въ примѣты, чтобъ сказать при-
вѣсивъ къ жениху, какова она есть»¹⁵. Коллиносъ¹⁶ упоминаетъ
еще объ одномъ явленіи, совершавшемся при осмотрѣ невѣ-
сты: «для предупрежденія будущихъ несогласій, мать или
шесть женщинъ, знаемыхъ жениху, осматриваютъ невѣсту
и замѣчаютъ, нѣтъ ли какого недостатка въ ея тѣлѣ; въ
случаѣ малѣйшей болѣзни, она должна вымениться до свадь-
бы. Если, по рассказамъ смотрящихъ, невѣста хороша, до-
бра, и разумна рѣчью, и волю исполнена»¹⁷, то женихъ посы-
лаетъ къ отцу и матери невѣсты извѣстіе, что ихъ дочь ему
поправилась и онъ хочетъ съ ними сдѣлать стговоръ и *записку*
написать, что ему на ней жениться на послѣпомянутой
сроку, а они потому же невѣсту за него выдали на томъ
же сроку»¹⁸. Въ день, назначенный для стговора, женихъ съ от-
цомъ своимъ и ближними родственниками, отправляется въ
домъ отца невѣсты. Здѣсь ихъ отецъ и мать невѣсты, прини-
маютъ ласково, угощаютъ; мать невѣсты, или занужная сестра
ея, или даже родственница, даритъ жениху ширинкою. На
стговорѣ, обыкновенно, называли день свадьбы; родите-
ли жениха и невѣсты, давали росписку въ томъ, что они
не отступятъ отъ своихъ словъ и обѣщаній. На стговорѣ же-
ниху не позволялось видѣть невѣсты, и женихъ не могъ видѣть
ее до самаго дня свадьбы¹⁷. Маржеретъ, впрочемъ, говоритъ,
что иногда женихъ могъ видѣть свою невѣсту, но только въ
присутствіи матери невѣсты, или ея подруги¹⁸. Но кажется,
рѣдко даваемо было позволеніе; непосредственно самому же-
ниху, видѣть свою невѣсту до дня свадьбы, и если это было, то
нужно смотрѣть на это, какъ на исключеніе изъ общаго прави-
ла и на отступленіе отъ обыкновенныхъ законовъ. Безъ со-
мнѣній, по этому-то, женихъ могъ видѣть свою невѣсту, только
тайно, будучи не замѣчаемъ никѣмъ, какъ видно это изъ слѣ-
дующаго разказа Коллиноса:» въ Вологдѣ одинъ женихъ непре-
мѣнно, хотѣлъ видѣть свою невѣсту; положено было, чтобы
невѣста пошла по улицѣ, а женихъ сидѣлъ бы дома и смо-
трѣлъ бы на не ея шалку»¹⁹.

Гораздо болѣею свободой, въ выборѣ невѣсты, пользовались
нами князья и цари, хотя и здѣсь нѣсколько проявлялась власть

старѣйшаго въ родѣ, или великаго князя цадѣ меньшими братьями или князьями, отъ него зависящими ²⁰. Выборъ царской невесты совершался такъ: царь, испросивъ благословеніе отъ митрополита, посоветовавшись съ своими родственниками и боярами, приказывалъ всѣмъ боярамъ представить своихъ дочерей ко двору. Для этого, во дворцѣ царскій, собираютъ всѣхъ красавицъ; царь, изъ представленныхъ, ему красавицъ самъ выбираетъ себѣ невесту ²¹. Избранная царемъ невеста получаетъ отъ него платокъ и кольцо, ²² одѣвается въ царское платье, называлась царевной и жила во дворцѣ, вмѣстѣ съ сестрами царя ²³.

И въ наше время, свадьба рѣдко обходится безъ сплетней, пересудъ, различныхъ посягательствъ, со стороны тетушекъ и кумушекъ, растроить свадьбу; а въ до-петровское время, сплетни при свадьбахъ были въ самомъ высшемъ развитіи, потому-что имъ благоприятствовали обстоятельства, при которыхъ совершалось сватовство и выборъ невесты,—обстоятельства, не позволявшія жениху самому, непосредственно, видѣть свою невесту, а слѣдовательно дававшія полную свободу людямъ праздношъ, говорить тысячу лжей, выдумывать тму небылицъ и пустяковъ. Не можемъ не привести здѣсь простодушно навнаго расказа Котошихина, о сплетняхъ до-петровскаго времени. «И послѣ того сговору, женихъ провѣдаетъ про тое невесту, или кто со стороны, хотя тое невесту взять за себя, или за сына, нарочно тому жениху разобьетъ, что она въ дѣвствѣ своемъ нечиста, или глуха, или пѣма, или увѣчна, и что-нибудь худаго за нею провѣдаетъ, или скажутъ, тотъ человекъ тое невесты за себя не возьметъ....» ²⁴. Обыкновенный результатъ всѣхъ сплетней!

Если никакія посягательства, со стороны кумушекъ, не могли переменить намѣренія родителей жениха и невесты, на вступленіи въ бракъ ихъ дѣтей, тогда по принятіи благословенія отъ священника ²⁵ и даже отъ митрополита ²⁶, если женихъ и невеста были азамешитаго происхожденія, начинались приготовленія къ свадьбѣ. Приготовленія къ свадьбѣ состояли изъ приглашенія родственниковъ на свадьбу, назначенія имъ мѣста, какое каждый изъ нихъ

долженъ занимать на свадьбѣ, или въ какомъ чинѣ они должны быть, и наконецъ, въ благословеніи отцемъ и матерью жениха и невесты, при которомъ совершались нѣкоторые особенные обряды. Чины свадебные были слѣдующіе: 1) посаженные отецъ и мать. Въ этотъ чинъ выбиралось, по большой части, самые ближніе родственники жениха и невесты, какъ то: родные братья и сестры, дяди и тети, даже дѣти отъ перваго брака, могли быть посаженными отцами и матерями у своихъ родителей, при вступленіи этихъ послѣднихъ во второй бракъ¹⁷. Посаженыи отецъ управлялъ всѣми чинами свадебными, назначалъ имъ мѣста¹⁸. вѣстѣ съ посаженою матерью благословлялъ жениха и невесту¹⁹. 2. За посаженными отцемъ и матерью, слѣдовали тысяцкій и жена его, которая называлась большою свахою. «И тотъ тысяцкой, говорить Котошихинъ²⁰. въ поѣзду большимъ челоукомъ (бываетъ).» На женѣ тысяцкаго. лежала обязанность, ѣхать вѣстѣ съ невестою въ церковь, осыпать жениха и невесту хмѣлемъ, деньгами, опаживать собольими опажалами²¹. Тысяцкій сопровождалъ жениха въ спальню и, если свадьба была царская, то онъ обыкновенно говорилъ рѣчь царю, при входѣ его въ спальню, и отдавалъ изъ своихъ рукъ въ руки царя, его жену²². 3. За тысяцкимъ и его женою, слѣдовалъ цѣлый рядъ дружекъ, поддружекъ и свахъ. Должность дружекъ и поддружекъ состояла въ томъ, чтобы созывать гостей на свадьбу и исполнять все, что имъ прикажетъ женихъ или тысяцкій. Жены дружекъ, свахи, подобно своимъ мужьямъ, должны были хлопотать около жениха и невесты: онѣ чесали волосы жениху и невестѣ, укручивали невесту предъ вѣчаніемъ, надѣвали на нее платье и снимали, заплетали ей косу и надѣвали кичку²³. Наконецъ 4, свѣчники и коровайники носили свѣчи и короваи передъ женихомъ и невестою, когда они ѣхали изъ дома въ церковь и обратно²⁴. Всѣ эти чины назывались поѣзжанами, исключая посаженныхъ отца и матери, ²⁵ потому, что они, съ женихомъ и невестою, отправлялись въ церковь и составляли ихъ свиту. Кромѣ поѣзжанъ были еще чины спядчіе, которые не ѣздили въ церковь, но оставались въ домѣ жениха.

Когда наступитъ время уже отправляться жениху въ цер-

ковъ, для вѣнчанія, тогда онъ, принявъ благословеніе отъ своихъ родителей ³³, сопровождаемый коровайниками, друзьями и священникомъ, ѣдетъ верхомъ или на саняхъ, въ домъ невесты. Обыкновенно передъ свадьбою, женихъ привозилъ своей невестѣ подарки, состоящіе изъ новаго платья, шапки ³⁷, пары сапоговъ, ларчика съ румянами, гребнемъ и зеркаломъ ³⁸.

Родители невесты ласково встрѣчали жениха и его невесту, и сажали жениха за столъ, уставленный кушаньями, до которыхъ никто не дотрогивался ³⁹. Потому являлась невеста, вся закутанная, сопровождаемая плясцами, друзьями, священникомъ, идущимъ съ крестомъ и святою водою, свѣчками, коровайниками и свахами ⁴⁰. По приходѣ невесты въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ женихъ, невеста садилась рядомъ съ нимъ; но онъ немогъ ее видѣть, потому-что между ними протягивалась красная тафта, которую держали два мальчика. Когда священникъ прочтаетъ молитву предъ обѣдомъ ⁴¹, тогда сваха начинаетъ расчесывать у невесты волосы, распущенные по плечамъ, заплетаетъ ихъ въ двѣ косы, надѣваетъ ей на голову кичку или корону ⁴². опахиваетъ собольими опахалами, если невеста была богатыхъ родителей ⁴³. Сваха чесала также голову жениха ⁴⁴. Гребень, которымъ чесали голову невесты и жениха, обжигивался въ вино и медъ ⁴⁵. Разчесавъ голову невестѣ и жениху, сваха опять покрывала невесту покровомъ, потомъ осыпала ее и жениха хлѣбемъ, обрѣзками изъ тафты, овсомъ, ячменемъ, кусочками атласа и серебряными пластинками ⁴⁶. Между-тѣмъ, плясцы, стоя на скамейкахъ, пѣли пѣсни во все то время, какъ сваха чесала голову молодой четѣ ⁴⁷, а поѣзжане угощались кушаньями, какъ-то: калачами съ солью, сыромъ, перепечами, которые подносились нѣтъ на блюдахъ, увѣшанныхъ собольими. Въ то же время, родители невесты дарили всѣхъ поѣзжанъ ширинками ⁴⁸. Передъ тѣмъ временемъ, какъ отправляться (молодымъ) жениху и невестѣ въ церковь, отецъ и мать невесты благословляли ихъ образами, раздѣливали ихъ кольца и отдавали невесту въ руки жениха ⁴⁹.

Гораздо торжественнѣе происходило приготовленіе къ свадьбѣ царской. Наканунѣ дня свадьбы, царь, вечеромъ, дѣлалъ

столъ для свѣтъ бояръ и боярынь, для отца и матери невѣсты. Царь съ своею невѣстой сядѣлъ за столъ, особыми столами. Передъ тѣмъ временемъ, какъ садиться за столъ, придворный протоіерей благословлялъ царственную чету крестомъ, и приказывалъ имъ поцѣловаться, и вѣроятно въ то же время размѣнивалъ ихъ кольца, потому-что непосредственно за цѣлованіемъ, слѣдовало поздравленіе царя и царевны съ обрученіемъ. «И предъ ѣствою царской, духовникъ, претовопъ. царя и царевну благословяетъ крестомъ, и велитъ имъ межъ себя учинить цѣлованіе; и тотомъ бояре и боярыни царя и царевну поздравляютъ обручився⁵⁰.» Послѣ стола, невѣста отходила въ покои сестеръ царскихъ. «И ѣвши и пивши царь царевну отпуститъ къ сестрамъ своимъ, попрежнему⁵¹.» Утромъ того дня, въ который должна быть свадьба царская, царь отправлялся въ Успенскій соборъ, служилъ молебенъ; патриархъ, или архіерей благословлялъ его крестомъ, кропилъ съ водою; послѣ того царь прикладывался къ образамъ и св. мощамъ и принималъ благословеніе на бракъ у святителя⁵². Изъ Успенскаго собора царь шелъ въ Архангельскій соборъ, служилъ тамъ панихиду по своимъ предкамъ и учиня у гробовъ прощаніе, возвращался домой⁵³. Послѣ того, царь одѣвался въ царское платье, какъ при коронаціи⁵⁴; его окружали бояре, придворные слуги, одѣтые въ золотыя одежды. Въ то же время одѣвали и царицу. Грановитая палата, откуда царь съ царивною шелъ въ церковь для свѣчанія, украшалась особеннымъ образомъ. Она обивалась бархатомъ и камками, устилалась персидскими коврами, но лавкамъ постилались полавочники сухонные со львами⁵⁵. Для царя и царицы устроено было чертожное мѣсто, обитое бархатомъ, камками, съ двумя зголовьями⁵⁶. Или подушками, или юшками видъ пирамиды⁵⁷. на подушки клались два серока соболей⁵⁸. Надъ царскимъ престоломъ ставили образа⁵⁹ а предъ трономъ или царскимъ мѣстомъ⁶⁰. Былъ поставленъ столъ, накрытый скатертью; на немъ были калачи, соль, перепеча и сыръ. Царевна-невѣста, прежде своего жениха, приходила въ грановитую палату. Вотъ въ какомъ порядкѣ происходило шествіе ея: напередъ шли бояре, за боярами священникъ со крестомъ, за священникомъ — свѣчники и коровайники

несли двѣ брачныя свѣчи и два короваи, на которыхъ положено было по девяти серебряныхъ монетъ, одна сторона ихъ была золоченая, а другая бѣлая, гладкая; за свѣчниками и коровайниками шла царица, сопровождаемая женою тысяцкаго, свахами, боярынями, отцемъ и матерью. По приходѣ въ грановитую палату, царица садилась на чертовоуцъ мѣстѣ; вмѣстѣ съ нею, до прихода царя, на мѣстѣ жениховомъ, сидѣла или ея сестра или одна изъ боярынь; свахи царицы, жена тысяцкаго, садилась около парницы вокругъ стола. Тогда посаженный отецъ жениха царя посылалъ ему объявить, что все готово и что, вземъ Бога на помочь, время тебѣ, государь, итти къ своему дѣлу. Царь, окруженный своею свитою, отправлялся въ грановитую палату: впереди шли коровайники и свѣчники, за ними протопопъ верховой или Благовѣщенскаго собора крошилъ путь царю св. водою, за протопопомъ — царь, сопровождаемый тысяцкимъ, дружками и боярами. По приходѣ въ палату, царь молился образамъ, а потомъ шелъ на свое мѣсто и садился рядомъ съ своею невестою. Когда протопопъ начнетъ читать молитву некровенію головы, тогда зажигались брачныя свѣчи Боголюбленскіи, обогнутыя соболями и украшенныя обручами или кольцами, и сваха начинала чесать голову невестѣ и жениху; далѣе совершались тѣже обряды, о которыхъ мы уже упоминали.

По благословеніи невесты и жениха, поѣздъ отправлялся въ церковь: невеста ѣхала въ колымагѣ, закутанная такъ, какъ Ревекка, при первомъ свиданіи съ Исаакомъ, и никто не могъ видѣть лица ея; шею лошадей, на которыхъ она ѣхала въ церковь, украшены были лисьими хвостами, такъ же и хвосты; женихъ ѣхалъ за колымагою невесты верхомъ, вмѣстѣ съ дружками и священникомъ. Подлѣ самой невесты, свѣчники и коровайники несли свѣчи и короваи, а пріятели жениха и слуги пѣли самыя веселыя пѣсни ". Между-тѣмъ отецъ и мать невесты, проводивъ поѣздъ въ церковь, возвращались въ свой домъ и начинали пировать съ гостями, такъ называемыми сидачими ". Если свадьба была людей богатыхъ, то часть церковнаго помоста, гдѣ происходило вѣчаніе, покрывалась красною та-

тому; подъ ноги новобрачныхъ стлали особенную ткань ¹¹. Ткань эта была различна, смотря по состоянію новобрачныхъ: бѣдные становились передъ наложь на льняной подстилкѣ, богатые на камнѣ и сорока соболяхъ ¹².

Передъ началомъ совершенія таинства брака, надъ головами жениха и невѣсты держали иконы ¹³. Самое таинство брака совершалось точно такъ же, какъ оно совершается и нынѣ, съ тѣмъ различіемъ, что сосудъ, подаваемый брачущимся съ краснымъ виномъ, женихъ разбивалъ ¹⁴, съ произнесеніемъ слѣдующихъ словъ: «такъ да погибнетъ подъ нашими ногами, кто вздумаетъ ссорить и мутить насъ». Обычай разбивать сосудъ съ краснымъ виномъ при бракосочетаніи, замѣствованъ Русскими отъ Грековъ, и служилъ символомъ того, что въ тѣлесномъ и духовномъ единеніи двухъ супруговъ, никто другой не долженъ имѣть участія. Греки, въ свою очередь, это обыкновеніе заняли у Евреевъ, у которыхъ было положено закономъ, чтобы на бракѣ разбивать о землю тотъ сосудъ, которымъ они черпали вино, въ ознаменованіе скоротечности и непостоянства земныхъ радостей ¹⁵. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, кажется, уже не существовалъ обычай разбивать сосудъ, изъ котораго брачущіеся пили вино, при бракосочетаніи; по крайней мѣрѣ Котошихинъ о немъ не говоритъ въ описаніи свадебныхъ обрядовъ. По окончаніи бракосочетанія, молодые цѣловали другъ друга, принимали поздравленіе отъ родственниковъ и священника ¹⁶). Послѣ поздравленія, невѣста опять покрывалась покровомъ. По выходѣ изъ церкви, молодыхъ осыпали льнянымъ и коноплянымъ сѣменемъ, въ знакъ того, что у нихъ будетъ столько же дѣтей, сколько былиннокъ въ этихъ растеніяхъ; другіе, одѣтые въ овчинный тулупъ на выворотъ, шли молодымъ навстрѣчу, и желали имъ, чтобы у нихъ было столько дѣтей, сколько волосъ въ одеждѣ ¹⁷. Въ тоже время, женщины вырывали невѣсту изъ рукъ жениха, но онъ держалъ ее вѣрѣчко ¹⁸ и, проводя ее до саней, или колымаги, садился самъ на лошадь верхомъ, и весь потѣздъ возвращался въ домъ жениха, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ пріѣхалъ въ церковь, т. е. впереди несли свѣчи, короваи, потомъ ѣхалъ священникъ

съ крестомъ, наконецъ женихъ, сопровождаемый друзьями, сваями, которыя шли всякую всячину, по словамъ Оларія. По прїѣздѣ свадебнаго поѣзда въ домъ жениха, новобрачныхъ встрѣчали отецъ и мать жениха съ образами, хлѣбомъ и солью, поздравляли ихъ съ бракомъ и начинался пиръ¹¹. Царь нашъ, послѣ вѣчанія, отпустивъ невесту домой, имѣли обыкновеніе поѣзжать монастыри московскіе¹². По прїѣздѣ изъ монастырей, царь отдавалъ лошадь конюшему, который долженъ былъ ѣздить на ней кругомъ подклѣта, съ саблею или съ мечемъ въ рукахъ, во время стола и всю ночь. Въ описаніи свадьбы Василія Ивановича, такъ говорится объ этомъ: «Когда же князь великій самъ прїѣдетъ и съ коня сойдетъ, то тотчасъ велитъ на коня сѣсть конюшему, и ѣздить ему во время стола и всю ночь, кругъ подклѣта, съ голою саблею или съ мечемъ, а самъ великій князь пойдетъ къ столу». Новобрачная, во время стола, была уже съ открытымъ лицомъ; впрочемъ Маржереть утверждаетъ, что и въ это время, новобрачная была подъ покрываломъ, и снимала его только по исполненіи супружескаго союза¹³. По свидѣтельству Оларія, невеста изъ церкви прямо отводилась въ спальню; но это имѣніе явно противорѣчитъ другимъ историческимъ извѣстіямъ, относящимся къ свадебнымъ обрядамъ древней Руси, которыя говорятъ, что невеста, по возвращеніи изъ церкви, сидѣла за столомъ вмѣстѣ съ женихомъ (см. Котош. гл. 171 стр. 64, Коллинса гл. II.) Во время брачнаго стола, жоръ мальчиковъ и дѣвусекъ пѣлъ свадебныя пѣсли; сюжетъ которыхъ не совсѣмъ гармонировалъ съ скромностію и стыдливостію женскаго чувства¹⁴. Котошминъ неупоминаетъ о пѣсняхъ, но говоритъ только, что на томъ веселіи свадебномъ, дѣвицы и мусикъ никакихъ не бываетъ, кромѣ того, что въ трубы трубать и бьютъ въ литавры¹⁵. Немного новобрачные сидѣли за столомъ; послѣ третьяго кушанья, которое было изъ курицы¹⁶, или изъ лебедя, новобрачные шли въ спальню, устроенную на сѣнижѣ или подклѣтѣ; ихъ провожали туда священникъ, свахи и дружки. Здѣсь кстати описать устройство спальни новобрачныхъ. Спальня обыкновенно устроилась на сѣнижѣ или въ холодной комнатѣ, подъ кото-

рою находились погреба, подклѣти ”. Надъ спальнею новобрачныхъ не должно быть насынной земли, что составляло существенную принадлежность жилыхъ комнатъ нашихъ предковъ, и это дѣлалось для того, чтобы совершенно удалить отъ новобрачныхъ воспоминаіе о смерти ”. На всѣхъ четырехъ стѣнахъ сѣнника, ставили иконы, изображающія четыре Рождества: І. Христа, Богоматери, Предтечи и св. Николая, а иногда просто четыре иконы Божіей Матери съ Предвѣстными младенцемъ; надъ дверями и окнами сѣнника ставили кресты, “также надъ головою новобрачныхъ ”. У богатыхъ спальня украшалась запахами или фигурными изображениями ”; въ четырехъ ея углахъ втыкались стрѣлы, на стрѣлахъ висѣло по одному соболю и калачу. На лавкахъ ставили по мисѣ или оловянную меду, а у самой постели новобрачныхъ, ставилась кадка съ вшеницею, за которой стояли два корова и двѣ свѣчи, съ обручами или кольцами. Постель стлали на 27 ржаныхъ снопахъ, на ней лежали двѣ подушки, мунье одѣяло, шуба соболья, а въ ногахъ коверъ; постель покрывалась прѣтыней ”. Новобрачные шли въ спальню, сопровождаемые священникомъ, друзьями, сваями. Тысяцкова жена встрѣчала молодыхъ въ спальнѣ, одѣтая въ двѣ шубы, одну надѣвъ, какъ обыкновенно надѣвають, а другую шерстью наружу или на выворотъ ”. Если свадьба была царская, то въ дверяхъ спальни, знатнѣйшій бояринъ выдвигалъ царю царину и говорилъ рѣчь ”. Большой дружка, завернувъ курницу въ скатерть, относилъ ее въ спальню молодыхъ, гдѣ они продолжали ужинъ. Женихъ, кушая курницу, разрывалъ ее на части, бросалъ первый кусокъ — крыло или ногу — чрезъ себя, а другой ѣлъ ”. По окончаніи ужина, молодые раздѣлялись: жениха дружка, а невесту свая ”. Но невеста необходимо должна была снимать у своего мужа сани, изъ которыхъ въ одномъ положена была кветка, а въ другомъ драгоценный камень или деньги. Если сперва попадется невестѣ сапогъ съ деньгами, то женихъ считается ее счастливою, и даритъ ей деньги; если же она сниметъ сперва сапогъ съ влеткою, то почитается несчастливою и получаетъ за труды свои ударъ, который предвѣщаетъ ее

будущую судьбу ". Впрочемъ нужно замѣтить, что обы-
чай снимать новобрачной сапоги своего мужа, былъ, ка-
жется, въ употребленіи только у престонародія; но край-
ней мѣрѣ, мы не встрѣчаемъ его въ описаніи свадебныхъ
обрядовъ нашихъ царей. Гости, проведя жениха, и невѣ-
сту въ спальню, возвращались опять къ столу, ѣли, пили,
въ ожиданіи признаковъ дѣвства новобрачной. «И проводя,
пойдутъ все прочь, вопрежнему за столъ: и ѣдятъ и пьютъ
до тѣхъ мѣстъ, пока отъ пары вѣдома будетъ ". «А Ка-
лицикъ утверждаетъ, что сваха, или какъ онъ называетъ,
старуха, должна была дожидаться, у спальни новобрачныхъ,
признаковъ дѣвства ". Спустилась часъ боевой, гости посы-
лаютъ дружину къ женику и невѣстѣ узнать, *будетъ доброе
межь ними совершилось*. И будетъ доброе межъ ними учи-
нилось, " сваха выносила признаки дѣвства новобрачной,
съ торжествомъ, получала за это отъ родителей жениха
подарки "; зацѣпала въ одну косу волосы новобрачной,
и весь свадебный чинъ шелъ къ молодымъ въ спальню,
воздавая имъ отъ законныхъ бракомъ, шилъ за здоровье
нихъ вино, подаваемое въ кубкахъ жениховъ и невѣстою.
Въ то же время посылали дружку къ отцу и матери не-
вѣсты съ радостными для нихъ извѣстіемъ о добромъ здо-
равьѣ молодыхъ, за что дружка получалъ отъ родителей
невѣсты подарокъ, состоящій изъ шарикки и былъ угоща-
емъ. Но молодые требуютъ покоя, а потому весь поѣздъ,
послѣ поздравленія, отправлялся отъ жениха — каждый въ
свой домъ. Когда женихъ и невѣста останутся въ спальнѣ
одни, имъ привносятъ, для подкрѣпленія легкое кушанье,
которое они ѣли отъ одного блюда ".

На другой день свадьбы, молодые ходили въ особыя ба-
ни, или мыльни, гдѣ они мылись водою, янномъ и медомъ ".
Между тѣмъ сорочка невѣсты, въ которой она бы-
ла въ первую ночь брака, показывалась матери женихо-
вой и другимъ ближайшимъ родственникамъ и отвозилась
невѣстѣ съ сорочкою мужа и простынею, въ особое мѣсто ".
Это дѣйствіе называлось всырътіемъ невѣсты, или тор-
жественнымъ объявленіемъ ея цѣломудрія и дѣвства. Наши

князья и цари, иногда, посылали своихъ бояръ для вскрытiя невѣсты, если новобрачные были знаменитаго рода, или находились въ родствѣ съ домомъ Великихъ Князей: «по селѣ царь-Государь, прислалъ къ царю Синону боярина своего Михайла Яковлевича Морозова и велѣлъ ему княгиню вскрыти». Послѣ бани, молодыхъ кормили кашею въ сѣнникѣ. Потомъ, (невѣста) мо лодая дарила мыломъ своего мужа, повою сорочкою и портами, а также и всѣхъ родственниковъ. Потомъ, женихъ дѣлалъ визиты; прежде всего отпра-влялся онъ къ отцу и матери невѣсты, благодарилъ ихъ за то, что они дочь свою вскормили и вспоили и за мужъ вы-дали въ цѣлостн, въ добромъ здоровьи; а будетъ невѣста пришла за него за мужъ, дѣтства своего не сохранила, и онъ отцу и матери за то ценить по-тиху. Послѣ визита отцу и матери невѣсты, молодой ѣздилъ къ другимъ род-ственникамъ, и приглашалъ ихъ на княжескій столъ. Если новобрачный былъ близокъ ко двору, то онъ ѣздилъ къ царю, царичѣ и царевнамъ съ подарками отъ своей молодой жены. Царь поздравлялъ новобрачнаго съ законнымъ бра-комъ, дарилъ ему, его женѣ иконы, соборей, бархатъ, ат-ласъ и т. под. Когда гости всѣ съѣдутся къ женху, но-вобрачная подносила имъ подарки, а послѣ стола, молодыхъ отдаривали гости. Дары были таковы необходимыи усло-вiи въ древней Руси, что сами цари наши почитали для себя священнымъ правиломъ, при свадьбахъ и другихъ тор-жественныхъ случаяхъ, дарить другихъ и принимать подар-ки отъ нихъ. И по обѣдѣ, сперва царя и царицу отецъ и мать посаженные, и царевны, и сидячіе бояре и боярыни, и тысяц-кой, начать благословляти образами оmlадными, и потомъ царя дарятъ бархатами и отласами и кашями и объирни золотыми и серебряными, и собольми, и серебряными куб-ками, также и царицу дарятъ бархатами жъ и отласа-ми и камками и объирни, и собольми, и шерстяными золотыми съ камешемъ, и сосуды серебряными, у кого что прилучи-лось. На третій день свадьбы столъ былъ у отца и мате-ри невѣсты; дары и отдариванiя и здѣсь происходили так-же, какъ и прежде. Брачные пиры, по словамъ Ко-

хана, не продолжалась болѣе трехъ дней. Впрочемъ при царскихъ свадьбахъ, пиръ продолжался до 6-ти дней. По окончаніи свадебныхъ пировъ, царь съ царицею посѣщалъ московскіе монастыри, гдѣ дарилъ монаховъ деньгами, устраивалъ для нихъ столы; ходилъ по богадельнямъ и тюрьмамъ, раздавалъ милостыню нищимъ, освобождалъ преступниковъ изъ темницъ **.

Послѣ свадебныхъ празднествъ, новобрачная заключалась въ своемъ теремѣ, удаленная отъ общества, дѣлалась покорною рабою мужа, смотрѣвшаго на нее не болѣе, какъ на одалску, покорное орудіе его воли, а нерѣдко, какъ на существо враждебное ему, навязанное ему властію родительскою, безъ всякаго согласія со стороны его. Оттого-то состояніе женщины въ до-петровской Руси, представляетъ намъ рѣзкій примѣръ пренебреженія правъ ея, униженія, рабства, грубаго диническаго и, часто, варварскаго обращенія съ нею мужа. Иностранцы, носѣщавшіе Россію до Петра, съ ужасомъ говорятъ о затворническомъ состояніи женщины, ея удаленіи отъ общества, грубомъ и варварскомъ обращеніи съ нею мужа. «Состояніе женщины (въ Россіи), говоритъ Герберштейнъ **», самое несчастное; стерегутъ, чтобъ она не могла нигде выйдти. Женщина, которую могутъ видѣть посторонніе, почитается не цѣломудренною. Заключенная въ «комнатѣ», женщина занимается пряжею, тканьемъ, а больше «не имѣетъ въ домѣ никакого права и занятія.» Теремъ или гонекіонъ нашихъ прабабушекъ, былъ для нихъ настоящею тюрьмою, куда не могъ проникать взоръ мужчины; только, по словамъ Маржерета ***, къ самымъ близкимъ родственникамъ, и только по особенному благоволенію, мужъ, иногда, выводилъ свою жену. Появленіе женщины въ обществѣ по-казалось бы, для людей до-петровскаго времени, самымъ вопіющимъ преступленіемъ, самымъ страшнымъ нарушеніемъ законовъ приличія. «А жена того господина и гостей жены

съ мужескимъ словомъ, кромѣ свадьбы, не обладаютъ никогда, развѣ которые гости бываютъ кому самые сродственныя, а людей чужихъ не бываетъ, и тогда обладаютъ вѣсть¹⁰¹. Мужъ почитался добрымъ, если позволялъ своей женѣ, въ большіе праздники погулять въ саду, покачаться на качеляхъ и попить пѣсни¹⁰². Трудно объяснить, было ли затворничество женщины, въ древней Руси, обычаемъ чисто славянскимъ, или оно принесено къ намъ, и есть плодъ вліянія другихъ народовъ на нашу внутреннюю жизнь. Одни, какъ напр. Рейфъ, производя слово, теремъ, отъ арабскаго, *harem*, производятъ затворничество на Руси отъ Монголовъ или Татаръ, которыхъ взглядъ на женщину былъ самый грубый, чувственный¹⁰³; другіе, какъ Снегиревъ, обольщаясь названіемъ слова теремъ, звучащимъ по гречески (*Τερεμνον* или *Τερομνον*), почитаютъ затворничество явленіемъ греческимъ, принесеннымъ. Византіянами, имѣвшими сильное и могущественное вліяніе на внутреннюю жизнь древней Руси¹⁰⁴. Наконецъ нѣкоторые, напр. Карамзинъ считаетъ затворничество обычаемъ чисто славянскимъ¹⁰⁵.

Намъ кажется, что вѣтъ никакой нужды, для объясненія происхожденія затворничества женщины въ древней Руси, прибѣгать къ догадкамъ и предположеніямъ о вліяніи Грековъ на нашу жизнь, или Татаръ, и у этихъ народовъ искать затворничества, и ихъ вліяніемъ на Русь, объяснять отчужденное отъ общества состояніе женщины въ допетровской Руси. У всѣхъ славянскихъ племенъ, женщина не пользовалась тѣми правами, какія предоставлены были ей у народовъ германскихъ. «Тогда, какъ на западѣ Европы женщина недавно сравнена съ мужчиной, и день свадьбы есть для нея день торжества и славы, день, въ который, дѣлая первый шагъ къ почетному званію гражданки, налагающему на нее новыя обязанности и дающему ей новыя права, она вступаетъ въ новое достоинство; Славянка, съ самаго рожденія, обреченная на покорность и униженіе, въ этотъ день, идетъ подъ новое иго¹⁰⁶.» Эта всеобщность обычая затворничества у всѣхъ славянскихъ племенъ ясно показываетъ, что оно было, такъ сказать, необходимымъ, естественнымъ

влеченіи въ міръ славянскомъ, вытекающимъ прямо изъ его жизни, нравственнаго и умственнаго его состоянія, а можетъ быть и общественнаго его устройства. Еще при первомъ появленіи Славянъ въ исторіи, мы встрѣчаемъ у нихъ рабское состояніе женщинъ; еще задолго до воеванія Руси Татарами, женщины русскія были затворницами.¹⁰⁷

Тѣмъ болѣе нельзя согласиться съ Свєгиревымъ, въ его взглядѣ на происхожденіе затворничества женщинъ, въ древней Руси. Мы никакъ не можемъ согласиться на то, будтобы женщина, въ Византіи, была удалена отъ общества, заключена въ своей комнатѣ; напротивъ, читая творенія отцевъ греческихъ, преимущественно Св. Златоуста, мы находимъ, что женщины константиновскія пользовались слишкомъ большою свободою, были слишкомъ, выражаясь нашимъ языкомъ, эмансипированы. Онѣ являлись въ театрахъ, публичныхъ увеселеніяхъ, общественныхъ гуляньяхъ, украшенныя шелкомъ, золотомъ, обремененныя драгоценными каменьями, съ богатыми запястьями на рукахъ, прекрасными ожерельями на шеѣ. Слова *Τερατιουοι*, которое представляется Свєгиреву слишкомъ соблазнительнымъ, въ этомъ случаѣ, ничего не доказываетъ; потому, что оно могло быть заимствовано самими же Греками отъ Славянъ¹⁰⁸. Но каково бы ни было происхожденіе затворничества женщинъ въ древней Руси, только оно существовало у насъ во всей силѣ до Петра и нѣрѣдко къ этому присоединялось варварское и грубое обращеніе мужей съ своими женами. «Русскіе, говоритъ Коллинсъ¹⁰⁹ обходятся съ женами жестоко и содержатъ ихъ въ строгомъ повиновеніи. Года три или четыре тому назадъ, одинъ купецъ былъ жену свою до тѣхъ поръ, пока могъ, плетью, пальца въ два толщиною; наконецъ заставилъ ее надѣть платье, напѣтайное водкою, три, или четыре раза перегнанной, зажегъ его и такимъ образомъ несчастная погибла въ пламени.... Нѣкоторые мужья привязываютъ женъ за волосы и сѣкутъ совершенно нагихъ.» Котошкинъ простоудшно рассказываетъ, какъ мужья до-петровскаго времени забавлялись отъ своихъ женъ и сбывали ихъ съ рукъ. «Ежели невѣста хрома и руками увѣчна и то-

го (мужъ) потомужъ не узнаеть... и при свѣтъ ее увидитъ, что добръ добра, вѣкъ съ нею жить, а всегда плакать и мучиться, и потому уныслить надъ нею учинить, чтобъ она постриглась; а будетъ по доброй ея волѣ не учинитъ, не пострижется, и онъ ее бьетъ и мучитъ, всячески, и вмѣстѣ съ нею не спитъ, до тѣхъ ивѣсть, что она похочеть постричься сама¹¹⁰.» Вообще насильное постриженіе женъ въ менашество было самымъ обыкновеннымъ средствомъ, для людей древней Руси, освободиться отъ нелюбимыхъ или жепъ. Иные мужья, болѣе легкимъ способомъ, освобождались отъ своихъ женъ: они отравляли ихъ, или жены, на оборотъ, отравляли своихъ мужей. «А иные мужья, или жены много того чинять, велятъ отравами¹¹¹.» Наконецъ, нѣкоторые мужья и жены прибѣгали къ суду церковному и требовали развода а иногда разводились по взаимному согласію. Вотъ какъ совершался такой разводъ: когда мужъ и жена не нравятся другъ другу, тогда они, взявъ утиральникъ, выходятъ оба на перекрестокъ, берутъ за концы утиральникъ и тянутъ его, пока не раздерутъ пополамъ, и мужъ отверженной или жепъ обыкновенно говорить: ты иди сюда, а я пойду туда¹¹². Впрочемъ, церковь строго вооружалась претивъ произвольныхъ разводовъ¹¹³.

Ж. МОРОШКИНЪ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

¹. См. Descriptio Moscoviae, pag. 180, гдѣ говорится: pater etiam habet potestatem filium quater vendendi.

². См. Рейда, Опытъ исторіи російскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ. стр. 200.

³. Мос. лѣт. стр. 47.

⁴. Чтен. общ. истор. 1846 г. N 1-й, Ныгѣшнее состояніе Россіи, т. VII. стр. II.

⁵. См. въ описаніи тринадцати овдебъ, свадьбу Андрея Ивановича, стр. 97.

⁶. Еще и нынѣ, въ простомъ народѣ, на вопросъ отца: любь или не любь невѣсть такой-то? невѣста отвѣчаетъ или слезами, или двумя словами: «раша воля родительская.» См. картина Россіи Сивильна, часть 1, стр. 181-182.

⁷. Герберштейна Regum Moscovit. Commentarii pag 34.

⁸. Тамъ же.

⁹. Котошихина гл. XIII, стр. 119-120.

У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, не было формальнаго выбора невѣсты, или сватовства; но обыкновенно, желающій пріобрѣсть для себя жену, похищалъ ее, какъ свидѣтельствуеть Несторъ (см. Лавр. Лѣт. стр. 6): «а Древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотски... и брака у нихъ не бываше, но умыкаваху уволы дѣвица... И Родимичи и Ватичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху... Схожахуся на игрища, на плясанье и на волъ бѣсовская игрища и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съѣзшашеся.» Обычай пріобрѣтать себѣ жену посредствомъ похищенія существовалъ въ Руси и по принятіи ею христіанства, хотя законы церковныя и гражданскіе строго вооружились противъ него. Въ уставахъ св. Владиміра, Ярослава, о церковныхъ судахъ, встрѣчается слово: *умычка*, и опредѣляется наказаніе, за такое преступленіе (см. Истор. Госуд. Росс. Т. 1. изд. 1, стр. 482 — 185, также см. статью Неволина, въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1847, августа: О церковномъ судѣ въ Россіи, стр. 40 — 108). До какой степени обычай похищать женъ былъ общимъ славянскимъ племенамъ обыкновеніемъ, это открывається изъ того, что у Сербовъ, еще до нынѣ, существуетъ похищеніе невѣстъ, несмотря на сильное противоборство ему церкви и законовъ гражданскихъ. Вотъ какъ совершается такое похищеніе (см. Телескопъ 1836 г. част. XXXI. стр. 368): обыкновенно собирается нѣсколько молодыхъ людей; они вооружаются

как на войну; нападаютъ и увозятъ молодую дѣвушку, когда она стережетъ стадо, или идетъ по воду къ источнику. Иногда домъ окружаютъ ночью, и похищеніе сопровождается кровопролитіемъ, особенно, если фамилія дѣвушки многочисленна, и деревня, для которой подобное происшествіе считается обидой, довольно значительна.

Съ обычаемъ похищать невѣсту, одновременноъ обычай покупать себѣ жену для брака.

Тотъ же преподобный Несторъ, послѣ описанія брачныхъ обычаевъ Дреллянъ, Сѣверянъ и Витичей, говоритъ о Поляннѣхъ, что они брачный обычай имѣли, не ходяше женихъ по невѣсту, но привожаху вечеръ, а утре приношаху по ней, что дадутъ. И такъ, говоритъ Рейцъ (стр. 2), кажется, невѣсты покупались. Плата, или цѣна за невѣсту называлась взномъ. Николовская Лѣтопись повѣствуетъ о Владимірѣ, что онъ за вѣно будущей своей невѣсты, греческой царевны Анны, отдалъ Грекамъ завоеванный имъ Корсунъ: «здесь же за вѣно Грекамъ опять Корсунъ, царицы дѣла (см. Нак. Дѣл. стр. 149). Ярославъ залъгъ вѣно съ зата савдою Казиміра за сестру свою: «егда отецъ твой Болеславъ меня побѣдиль и полони людей моихъ, за ся пода ми за вѣно, и собра Казиміръ людей стръ Руси, половецкихъ 806, кромѣ жемъ и дѣтой, и да за виру Ярославу шурину своему (Иск. стр. 187).

¹⁾ Роспись приданаго называлась по суебынку, *радною араметою* (см. Рейца стр. 196).

²⁾ Котоших. гл. XIII. стр. 120.

³⁾ Рейца стр. 201.

⁴⁾ Котоших. гл. 13 стр. 120.

⁵⁾ Чтенія общ. истор. и др. 1846 г. т. 1 статья: *Нынѣшнее состояніе Россіи*, стр. 11—12.

⁶⁾ См. вышеприведенную страницу изъ Котошихина.

⁷⁾ Котоших. стр. 121.

⁸⁾ См. записки Маржерета ст. 40—41.

⁹⁾ Коллинса. *Нынѣшнее состояніе Россіи въ 6 частяхъ*, общ. ист. и др. 1846 г. № 1 стр. 12.

¹⁰⁾ См. въ описаніи 45-ти свадебъ, свадьбу Андрея Мезановича, стр. 46.

¹¹⁾ Карам. т. VII. гл. IV стр. 182 изд. *послѣд.*

¹²⁾ Коллинса гл. XX стр. 31.

¹³⁾ Котош. гл. 1 стр. 5.

Любопытно бы знать, въ чемъ люди, до петровскаго времени, полагали красоту женщины. Изъ словъ Котошихина видно, что предки наши искали въ женщинѣ не одной красоты тѣлесной, но и духовныхъ совершенствъ — разума (см. Котош. стр. 120); но въ чемъ, по мнѣнію ихъ, заключался *этотъ разумъ*, намъ неизвѣстно. Что же касается до понятій ихъ о высшей красотѣ женщины, то нужно признаться, что эти понятія были далеко различны отъ нынѣшнихъ, и предки наши, въ этомъ случаѣ, были слишкомъ не възыскательны. По свадѣтельству Олеарія (Сказ. соврем. о Самозванцѣ, т. III стр. 199 прилѣч. 52), наши предки требовали отъ невѣсты только того, чтобъ она не имѣла очевидныхъ недостатковъ, т. е. не была слѣпа, хрома и прот. *Коло върица* Коллинсу (см. въ чт. общ. исторіи. и др. 1846 г. № 1, статья: *Нынѣш-*

нее состояніе Россіи стр. 31), то предки наши почитали красотою женщинъ ихъ толстоту, по слѣдующей итальянской пословицѣ: *Momì faccia grossa, io mi faço bella*: Дай мнѣ Богъ толстоту, а я себѣ дамъ красоту. Худощавыя женщины почитались нездоровыми, а потому тѣ, которыя, по природѣ несклонны къ толстотѣ, предаются всякаго рода эпикурейству, съ намѣреніемъ растолстѣть лежатъ цѣлый день въ постелѣ, пьютъ русскую водку (очень способствующую толстотѣ), потомъ спятъ, а потомъ опять пьютъ. Малевкія ножки и стройный станъ почитаются безобразіемъ, напротивъ та женщина называется красавицею, которая имѣетъ низкій лобъ и продолговатыя глаза, а для этого головные уборы красавицъ стягивають такъ крѣпко, что онѣ немогутъ закрыть глазъ. Основываясь на нашихъ народныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ воспѣваются черныя глаза, черныя брови, лебединая шея и бѣлоснѣжная грудь, румяное лицо, можно, съ вѣроятностію полагать, что чернота глазъ и бровей, бѣлизна тѣла, румянность лица, по понятію нашихъ предковъ, составляли необходимую принадлежность красавицы до-петровскаго времени. Оттого-то наши прабабушки-щеголки такъ усердно бѣлили и румянили свое лицо, умѣли такъ хорошо чернить глаза, что могли дѣлать черными самыя бѣлки глазъ (Коллинса стр. 22). Искусство чернить глаза по всей вѣроятности заимствовано Русскими отъ Грековъ (см. Сопр. за 1847 г. т. IV статья: Константинополь въ IV вѣкѣ).

²³ Котоших. стр. 121.

²⁴ Предварительное совѣщаніе о бракѣ съ священникомъ, и принятіе отъ него благословенія на бракъ, было необходимо потому, что церковь брачующимся предписывала извѣстные законы, безъ соблюденія которыхъ, бракъ почитался незаконнымъ и былъ недействителенъ.

Такъ отъ вступающихъ въ бракъ требовалось, чтобъ они были совершеннолѣтними: женихъ, по Стоглаву, долженъ быть 15-ти лѣтъ (гл. 18), а невеста 12-ти; 2) чтобъ бракъ не былъ заключенъ въ близкихъ степеняхъ родства и проч. Котошихинъ (стр. 123) доводитъ: «да въ то же время, какъ это веселіе бываетъ, и попу, которому жениха съ невестою вѣнчати, дается отъ патриарха и влостей письмо за печатью, чтобъ ему вѣнчати желаяхъ съ невестою, провѣдавъ подлинно, чтобъ съ невестою женихъ былъ не дѣтствомъ, ни въ сватовствѣ, ни въ крестномъ братствѣ, и не шестаго, и не седьмаго колѣна въ свойствъ, и не 4-ыя жены мужъ, и не 4-ая мужу жена» (см. также Рейца стр. 118. 856). Иностранцы, посѣщавшіе Россію въ XV и XVI-мъ стол., говорятъ, что у Русскихъ никогда небылъ заключаемъ бракъ, въ четвертой степени родства (*Regum Moscovit. avtorum varii, pag. 137*). Коллинсъ, бывшій въ Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, говоритъ (см. чтенія общ. истор. и др. Т. 1. 1846 г. статья: Нынешнее состояніе Россіи, стр. 4), что Русскіе небагоугодно смотрѣли даже на тѣхъ, которые вступали во второй и третій бракъ. «Вступившимъ во второй бракъ, запрещена входить въ церковь; но они могутъ быть на пашерти. Кто вступитъ въ третій бракъ, тотъ недопускается къ св. причастію.» Впрочемъ нужно сказать, что Русскіе часто нарушали законы церковныя, касающіеся брака. Нѣкоторые изъ Русскихъ заключали браки безъ благословенія церкви, какъ видно изъ грамоты новгородскаго архіепископа Манарія въ Вотскую пятину (см. довол. ксѣк. истор. см. 1. стр. 29): «а которые не женаты, а живутъ

съ дѣвками и съ жонками во любви являса, (см. такъ же церковное правд-ло митрополита Іоанна у кор. Т. II-й, примѣч. 138). Не всегда соблюдали также правило о совершеннѣйшм при вступленіи въ бракъ, какъ видно изъ того, что осмильтила Верхуслава (Кар. Т. III. прим. 8'), могла быть супругою: «а на Борисовъ день, отаѣ Верхуславу дщерь свою Всеволодъ.... плакаса по ней отецъ и мати; занеже бѣ мила имъ и млада суди осмильте». «Князья наши, по свидѣтельству Карамзина (Т. III примѣч. 325), не всегда наблюдали степени родства. Хотя, замѣчаетъ Рейцъ (стр. 196 прим. 2), духовенство возставало противъ сего, но кажется, что сіи браки не дѣлались отъ того недѣйствительными».

²² Наши князья, передъ свадьбою принимали благословеніе отъ митрополита; такъ въ описаніи 13-ти свадебъ, стр. 96, говорится: «за недѣлю до того дни (свадьбы), князь великій пришелъ ко пречистой соборной обѣдни слушать, и отслушавъ, принялъ благословеніе у Давида митрополита. Тамъ же стр. 83: «лѣта 7036, сентября въ 18 день, приговорилъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руссиі, брата своего князь Юрья Васильевича женити, и для того ходилъ царь и великій князь, и съ нимъ братъ его князь Юрье, къ Макарію митрополиту, чтобы князь Юрья жениться благословилъ». Тамъ же стр. 61: «А какъ пришелъ день свадьбы, то накануне свадьбы Царь и Великій князь велѣлъ царю Семенову ити къ митрополиту, а со царемъ послалъ боярина своего князя Ивана Михайлова Шуйскаго, чтобы его митрополитъ благословилъ женитися. И митрополитъ царя Семенова женитися благословилъ».

²³ См. опис. 13-ти свадебъ, стр. 97, гдѣ говорится: «а на свадьбѣ государь (Іоаннъ IV) указалъ быти у себя государя по росписи. Въ отпово мѣсто, сыну своему царевичу князю Федору Ивановичу, въ матерно мѣсто царевича Федора, царицъ Иринѣ Федоровнѣ».

²⁷ См. тамъ же ст. 4. 45.

²⁸ Котош. стр. 7.

²⁹ Стр. 6.

³⁰ Опис. 13-ти свадебъ, стр. 6 и 14: «когда же придуть къ постель, то тысяцкова жена положить на себя двѣ шубы собольи, одну по обычаю, а другую наизворотъ, шерстью вверхъ, посыплетъ вел. кн. и великую княгиню у дверей сѣнника...

³¹ Тамъ же стр. 76.

³² Ковоших. стр. 6.

³³ Чинъ ихъ (свадѣ) таковъ: «царицу укрупчиваютъ и оберегаютъ, и платье надѣваютъ и снимаютъ».

³⁴ Опис. 13 свад. стр. 24.

³⁵ Котош. стр. 5—6.

³⁶ Котош. стр. 7. тамъ же стр. 121.

³⁷ Русскія женщины до Петра носили шапки. Въ описаніи платья царевны Софьи Алексѣевны, упоминается между прочими ея одеждами и шапка лисьего горлатая (см. част. II. памят. Моск. др. стр. 297). Коллисъ въ своемъ сочиненіи: нынѣшнее состояніе Россіи пишетъ: «недавно вывелось, между женщинами (русскими), обыкновеніе надать верхомъ въ бѣлмѣт шляпадѣ, съ желтою пояскою на шеѣ (см. № 1. 1846 г. чтен. общ. истор. и др.)».

³⁸ Сказан. совр. о Самозванцѣ т. III. стр. 220—225). Котош. стр. 121.

³⁹ Описаніе 13-ти свадебъ, стр. 31, гдѣ говорится: «тогда и великой княгинѣ Еленѣ, велѣлъ великій князь ити къ себѣ въ среднюю палату. Напередъ шли

«плещами, заплещивая дѣти боярскія, за дѣтими боярскими шелъ свѣщенникъ, «се крестомъ и святою водою, за попомъ шли се свѣчами и въ короваиши, а «за свѣчами и коровами свахи со книжкой, а за книжкою великая кнатица.»

40. См. т. III. сказ. совр. стр. 220—225 и Котомшикина стр. 7: «а какъ начнутъ часы чесати и удручивати, и въ то время цари и царевну закрываютъ покровомъ и держать покровъ свѣщенникъ.»

41. Какъ, по свидѣтельству Олеарія (см. т. III. сказ. совр. о Самозванцѣ, стр. 220), дѣлалась изъ сплюснутаго золота или серебра, съ комчатими подбоями; по краямъ ея, близъ ушей по 4, 6 и болѣе жемчужныхъ нитокъ, такъ что; если дѣвица нѣсколько наклонится, подѣсокъ эти падаютъ ей на гуль.

42. См. опис. 13-ти свадебъ стр. 6. 43. См. Олеарія въ вышенприведенномъ III т. сказ. совр. ту же страницу. Такъ же въ описан. 13-ти свад. стр. 8, гдѣ говорится: «а какъ великому князю и кнатицѣ годову начнутъ.» 44. Въ опис. 13 см. стр. 43: «а у мѣста вел. князя съ чарками столовъ, изъ которыхъ голову чешутъ, дьякъ Боккака Митрофановъ.» Сногиремъ (см. памят. Моск. древ. част. II. от 243), описывая Грановитую палату и торжества, совершавшіяся въ ней, во дни нашихъ царей, между прочимъ упоминаетъ, что здѣсь сваха чесала голову царю и царевнѣ, передъ бракомъ гребнезь, обмоченнымъ са же. ду. 45. Олеарій (см. III. т. ск. совр. стр. 220), пишетъ, что омыченіе происходило такъ: «на столъ ставятъ богатую серебряную мису, вазолиненную чтыреугольными отрубками атласа, тафты, сколько нужно для небольшого кошелька, также квадратными серебряными пластинками, цереміанскими съ хлѣбомъ, овсомъ, ячменемъ. Сваха, накрывъ невесту, осыпаетъ изъ мисы всѣхъ бояръ и друзей жениховыхъ: они же, если хотятъ, подбираютъ съ земли кусочки серебра и атласа.» 46. «Во все это время, какъ чесали голову невесты, говорить тотъ же Олеарій, поются пѣсни безъ умолку.»

47. Котом. стр. 7: «а въ тожъ время, предъ царемъ, стоитъ на столѣ, на большомъ блюдѣ, хлѣбъ да сыръ, и тотъ хлѣбъ и сыръ начнутъ рѣзать и класть на тарелки, да сверхъ того хлѣба и сыра, на тѣ же тарелки, кладутъ дары, ширинка отъ новобрачной.» См. также въ опис. 13 свад. стр. 7. 48. Котом. стр. 12: «а на отпускѣ, отецъ и мать жениха, и невесту благословляютъ образами,» а потомъ дочь свою, взявъ за руку, отдають жениху въ руки. А Олеарій прибавляетъ къ этому: въ заключеніе родители невесты и жениха, оставъ съ своихъ мѣсть, раздѣиваютъ кольца молодой четы.

49. Котом. стр. 6, 50. тамъ же. 51. тамъ же. 52. тамъ же. 53. тамъ же стр. 7. См. также выходы царей стр. 341. Вотъ въ какой одеждѣ Алексѣй Михайловичъ былъ на второмъ своемъ бракѣ: «а на великомъ государѣ было платье: «переза, сукно скорлатъ бѣлъ, исподъ пластинимъ собольн, круживо пѣмецкое, плетеные золотные съ городы, образцы ишаны жемчужомъ съ запаны по алаону бархату; «перези, отласъ казылбаской цю рудожелтой земли, травы серебряны листве, шолкъ разныхъ цѣтновъ, исподъ пупки собольн съ пухомъ, завязки и столпцы и кисти золотныя тваны, съ зеленымъ шолкомъ; впушь, отласъ бѣлъ, безъ обнизи; шапка, бархатъ алъ дебелоръ, съ большими зычны; ожерелье пристежное перваго наряду; цобехъ ильйской съ камнями, пераго наряду; и четогн и башнеки, соеьянъ шдаты. Одежды, въ которыхъ Алексѣй Михайловичъ былъ во время своего втораго бракосочетанія, по описанію Строса (см. примѣч. на выходы царей, стр. 37), принадлежали къ такъ

называемому паряду царскому, или большому, въ который обѣдвались цари въ домъ вѣнчанія на царство, при приѣмѣ посланниковъ, при хроненіи архіереямъ и въ великіе праздники.

⁴⁴. См. памят. Моск. древ. част. II. стр. 243 ⁴⁵. Котоших. гл. 1. стр. 6. ⁴⁶ Строевъ въ примѣч. на выходы царей стр. 12 говоритъ: «Заголовокъ или заголовекъ называлась подушка, въ видѣ циандра, которую клали на стулъ царскій: заголовья были атласныя, бархатныя, золотыя и называлъ жемчугомъ». См. Кар. т. VII, гл. IV стр. 133. ⁴⁷. Пам. М. др. т. II. стр. 243. ⁴⁸. Котош. гл. 1. стр. 6. и слѣд. Подробное описаніе свадьбы царской можно находить у Карамзина въ VII т. стр. 133. послѣд. изд., у Котошихина гл. 1, въ книгѣ: описаніе 13 ти свадебъ и у Сибирява въ описаніи Гравоватой Палаты.

⁴⁹. См. Записки Маршрета и Де-Ту стр. 40—41. ⁵⁰. Котоших. гл. XIII. стр. 122. ⁵¹ См. Олеарій въ III т. сказ. совр. стр. 220 — 225; также Кар. т. VIII стр. 133 послѣд. изд. Цари наши шли къ вѣнчанію иногда на камкахъ и соболяхъ см. Котош. стр. 8. ⁵². Savagninus in descriptione Moscoviae pag. 177: his peractis sponsus et sponsa mensam praeeparatam accedunt, in limboque secundum morem pedibus subtratto uterque stat ⁵³. Олеарій. ⁵⁴. См. Вильмот. т. 7. стр. 63, опис: 13 свадебъ стр. 34, 74 гдѣ говорится: цари Симеонъ, выннвъ вина, стклянницу растопталъ. Также Карам. т. VIII. стр. 133. ⁵⁵. Олеарій въ III томѣ сказ. совр. стр. 220.

⁵⁶. Гоаръ (см. Eychologion sive rituale Graecorum Goari actae in officium coronationis pag. 398) пишетъ: communis autem poculi delibatio a sponsis facta non est Graecorum ita peculiaris ritus, quia apud nos quoque fuisse conservatum plus res meminerint et Polydorus Virgilius ejusdem moris apud Anglos adhuc vigentis testem se reddit (lib. de inventione rerum cap. 4). Sed et Sehyphus vitreus, post ternam delibationem fractus, tum corporum, tum animorum nubentiam aliis quibusquibuscunque consortiam interdictum indicat: hocque eodem ritu Hebraei havstovino in nuptiis cyathum confestim terrae illidunt, te comminunt, ut nubentium et spectantium animos ad fragillitatem et brevitatem humani cujusque gaudii adinstar vitri effracti cito citius praeteritri contemplandam invitent.

⁵⁷. Котош. стр. 9. А соверша протопопъ поученіе, царицу возьметъ за руку, и власть ю мужикъ, и велитъ нитъ межъ себя учинити цѣлованіе, и по цѣлованіи царицу покроетъ, и потомъ протопопъ и свадебный чинъ, царя и царицу поздравляютъ вѣнчався.

⁵⁸. Коллинсъ гл. II въ 1 № Что. Общ. Истор. и Др. за 1846 г.

⁵⁹. Олеарій въ III т. Ска. Совр. стр. 220

⁶⁰. И какъ они приѣдутъ къ жениху на дворъ, и нитъ жениховъ отецъ и мать и гости встрѣчаютъ, и отецъ и мать родные, или посаженные, жениха и невесту благословляютъ образамъ и подносятъ хлѣбъ да соль, и потомъ садятся за столы и пачнутъ ѣсти по чину. Котош. стр. 123. ⁶¹. См. опис. свадьбы Василья Ивановича стр. 12: «Обѣдальнъ монастыри, пришлетъ вѣсть, и велитъ вел. княгинѣ ити къ столу.» ⁶². См. записки Маршрета и Де-Ту стр. 40. ⁶³. Коллинсъ гл. II. самыяшнее состояніе Россіи пишетъ: между тѣмъ (во время стола) херъ мальчинокъ и дѣвушекъ, столыхъ на верку, поетъ свадебныя пѣсни, не совѣсти пристойныя.

⁶⁴. Котош. стр. 123. ⁶⁵. Опис. свад. Василья Ивановича стр. 13; такъ же Котоших. стр. 122. въ-за третій ѣствы дружки благословляются у огня

и у матери новобрачному и новобрачѣй итѣм опочивать. У чего жѣна стр. 9. см. ѣхать и ѣхать до тѣхъ мѣстъ, какъ принесутъ зѣвку третью, лебедя, и неспавать на столѣ.»

71. Снегиревъ (см. Нам. мос. др. час. II стр. 238) такъ описываетъ великую нашихъ предковъ: «Обиваясь, была колодная помята изъ лѣтъ, которая служила почивальнею новобрачнымъ.» 72. Колл. гл. II стр. 3. 73. См. описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1826 году, февраля 3: при бракосочетаніи государя, царя и вел. кн. Михаила Феодоровича съ государынею царницею Елодією Лукьяновною, изъ рода Сурѣвичевыхъ. Москва 1840. 74. стр. 15 опис. свадьбу, какъ же принятъ. Свѣдѣн на выходы царей стр. 27. 75. Кар т. VП стр. 133, Моск. Др. стр. 238 часть II.

Здѣсь мы почитаемъ нужнымъ дать понятіе о царской опочивальнѣ, записана описаніе ея у Снегирева (час. II. нам. м. др. стр. 239) Царская опочивальня находилась въ царскихъ теремахъ, длиною 9 арш. 11½, верш., а шириною 6 арш. и 2 вершка. По свѣтлозеленому полю ея сводовъ и стѣнъ, написаны разные цвѣты; на стѣнахъ ея, въ четырехъ клеймахъ фрески изображаютъ четыре рождества, праздуемые церковью: I. Христа, Богоматери, Предтечи Господня и св. Николая. У западной стѣнъ имѣла деревянную кровать, украшенную рѣзбою въ старинномъ вкусѣ; небо ея поддерживается четырьмя точеными столбиками; завѣсы ея изъ богатой китайской шелковой ткани; въ головахъ повѣшена досія, или пологъ, изъ серебрянаго гланета съ вышитыми на немъ двуглавымъ орломъ и, словами греческими которыми значать въ переводѣ: наяды и уснѣвай и царствуй, царю. Одеяло изъ такой же матеріи, какъ и завѣсы. Въ углу опочивальни муравленая печка изъ разноцвѣтныхъ кафелей.

Здѣсь нельзя не упомянуть о колдовствѣ, которое играло великую роль при свадьбахъ нашихъ предковъ. Безъ сомнѣнія, образа, кресты, ставившіеся на всѣхъ стѣнахъ спальни новобрачныхъ, по шитію нашихъ предковъ, были употреблены какъ противодействие колдовству, порчѣ и т. д. Не было почти ни одной свадьбы, при которой малѣйшее неурядное происшествіе, не было бы принято нашими предками за дѣйствіе темной, враждей и нечистой силы. Коллиасъ рассказываетъ одинъ весьма интересный анекдотъ по этому случаю. «Я видѣлъ, говорить онъ, какъ одинъ женихъ выбѣжалъ изъ спальни и рвалъ на себѣ волосы, какъ безумный, а когда спросили его о причинѣ смущенія, онъ воскликнулъ: я человекъ погибшій! Я заколдованъ!» Голицыновъ (см. т. XIII стр. 320—321) говорить: «болѣе (людя до-петровскаго времени) всего болѣе вольшебства, дабы молодымъ быть не испорченными; сего ради при всякой свадьбѣ были знатоки обого пола, какъ тогда говорили, охранявшіе брачующихся отъ того.» 76. Кар. т. VII стр. 133—134. 77. тамъ же. 78. Олеарій въ III т. ска. совр. стр. 220. 79. Котоших. стр. 122. 80. Котоших. нынѣшнее состояніе Россіи и гл. II стр. 3. 81. кот. гл. I стр. 4.

82. Котоших. стр. 122 83. Колл. гл. II стр. 3. Котош. стр. 9. 84. Олеарій т. III. Сказ. Совр. стр. 220. 85. Котоших. стр. 10. «А какъ царица пойдетъ въ мыльню, и съ нею и мать иныя ближнія жены и сваха, посматриваютъ сорочки, а осмотра сорочки, покажутъ царской матери и мыльни средственныя жеванъ немногимъ.» 86. См. опис. 13 свадьбу стр. 78, 37. 87. Тамъ же стр. 77. 88. Котоших. стр. 10 и Олеарій стр. 220 въ сказ. Совр. т. III.

⁹⁸ Котоших. 123 — ¹⁰⁰ Тамъ же М.

¹⁰¹ Герберштейна *Reim*. Моск. commentarii pag. 34. ¹⁰² Записки Маржерета и Де-Ту стр. 40. ¹⁰³ Котоших. гл. XIII, стр. 119 ¹⁰⁴ Герберштейна стр. 34.

¹⁰⁵ Райеа *Этимологическій словарь* ¹⁰⁶ Снегирева *пам. мес. др. час.* 41 стр. 256, также его же *разсужденіе о русскіяхъ пословицахъ.* ¹⁰⁷ Карамзина т. 1

стр. 28. послѣдняго изданія, т. V, гл. 1V, стр. 225 тогоже изданія.

¹⁰⁸ Телескопъ за 1836 час. XXXI стр. 568 *Кур.* т. V стр. 225. ¹⁰⁹ *Соврем.* т. X 1847 года стр. 91, отдѣлъ Рус. Литературы.

¹¹⁰ Колл. *вышнее состояніе Россіи* гл. II стр. 3. ¹¹¹ Котоших. стр. 125

¹¹² Тамъ же. *Autographes regum Moscovit.* pag. 177, ¹¹³ См. Рейца [стр. 200, таъ же *Неводина о церковномъ судѣ въ Россіи* стр. 97, мѣсяць августъ 1847 г.

==

Современная Литература и Политика.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Франція.

1847 годъ окончился тяжелымъ ударомъ для королевской фамили и особенно для самого короля; единственная сестра Лудовика Филиппа, принцесса Марія Аделанда Орлеанская, имѣвшая отъ роду 70 лѣтъ 4 мѣсяца и 8 дней, скончалась утромъ 31 декабря, въ Тюильрійскомъ дворцѣ, куда она перѣехала съ прочими членами королевской фамили, дней десять назадъ. Принцесса Аделанда родилась 23 августа 1777. «Въ жизни ея, пишетъ парижскій корреспондентъ *Всеобщей Прусской газеты*, сообщая это печальное извѣстіе: замѣчательны двѣ особенно рѣзкія черты: искренняя привязанность къ брату, нынѣшнему королю, съ которымъ покой-

К II. — Отд. II.

ная была, въ буквальныйъ смыслѣ, неразлучно, и глубоко проникательный взглядъ, съ какимъ она обсуживала даже самые запутанные политическіе вопросы. Опытность, приобретенная дорогою цѣною, въ нуждѣ и опасностяхъ, въ лишеніяхъ, горестяхъ и испытаніяхъ всякаго рода, какъ равно въ блескѣ, могуществѣ и богатствѣ, придала принцессѣ, часто сражавшейся одиноко съ бурями жизни, твердость характера, ясность взгляда и зрѣлость разсудка, рѣдко встречаемыя въ женщинахъ. Эти отличительныя качества она сохраняла до послѣдней минуты своей жизни. Принцесса никогда не была за мужемъ, и счастье ея брата было единственнымъ предметомъ, на которомъ сосредоточивались всѣ желанія и заботы ея, и въ которомъ она находила свое собственное высшее счастье. Король, съ своей стороны, питалъ къ ней самую нѣжную привязанность брата, и чрезвычайно рѣдко случалось, чтобы принцесса Аделаида не участвовала въ поѣздкахъ или путешествіяхъ, предпринимаемыхъ Людовикомъ Филиппомъ. Всякому, кто коротко знакомъ съ отношеніями королевскаго дома, совершенно извѣстенъ фактъ, что, при огромности издержекъ на возстановленіе и роскошное украшеніе всѣхъ королевскихъ замковъ, находящихся во Франціи, и на основаніе богатой версальской картинной галереи, которая уже стоить около 30 милліоновъ, а также при расходахъ двора, возрастающихъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа членовъ Орлеанскаго дома, и при невѣроятномъ множествѣ просьбъ о пособіи, которыми при всякомъ случаѣ и со всѣхъ сторонъ осаждаютъ королевскую фамилію, королю невозможно довольствоваться доходомъ въ 24 или 25 милліоновъ, получаемымъ съ кордонныхъ имѣній и по бюджету расходовъ двора. Въ самомъ дѣлѣ, если заемъ, заключенный Людовикомъ Филиппомъ на счетъ частнаго имущества, перешедшаго въ 1830 году къ дѣтямъ его, простирается только до нѣсколькихъ милліоновъ, то за это должно благодарить одно великодушіе покойной принцессы Аделаиды, употребившей часть своего имущества, конечно, весьма значительнаго, въ пользу брата и дѣтей его. Скажу болѣе: если герцогъ Немурскій, ко-

торый, въ случаѣ кончины короля, до совершеннолѣтія графа парижскаго, внука Лудовика Филиппа и нарѣченнаго наследника престола, будетъ регентомъ Франціи, и которому, какъ извѣстно, палата депутатовъ отказала въ ассигнованіи суммы на ежегодные расходы, если, говорю, герцогъ Немурскій имѣлъ возможность, не смотря на этотъ отказъ, жить прилично своему нынѣшнему и особенно будущему положенію, то и онъ обязанъ тѣмъ только помощи своей благородной тетки. Въ принцессѣ Аделандѣ король теряетъ также благоразумную совѣтницу, которая, при своей рѣдкой разсудительности и своемъ вѣрномъ взглядѣ на вещи, была для Лудовика-Филиппа, въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ, необходимою спутницею на пути жизни. Онъ не рѣшалъ окончательно ни одного вопроса, сколько нибудь важнаго, не выслушавъ сперва мнѣнія сестры. Перѣдко, въ поздній часъ ночи, она бодрствовала въ кабинетѣ брата, когда Лудовикъ-Филиппъ нуждался въ совѣтахъ ея, а утромъ всегда, первая изъ всѣхъ, повѣщала короля. Но самый прочный пятитникъ покойной принцессы—многочисленныя, обыкновенно тайныя благодѣянія, которыя она расточала. Болѣзнь ея (гриппъ), продолжавшаяся вѣскольکو дней, только въ 11 часовъ вечера приняла опасный оборотъ, заставившій лейбъ-медика послать за духовникомъ. Въ послѣднее время, король проводилъ у постели больной большую часть дня, и увѣреніе нѣкоторыхъ журналовъ, будто бы принцесса Аделанда еще присутствовала при открытіи засѣданій палаты, было несправедливо. По случаю кончины принцессы, торжественный приѣмъ въ Тюльери, бывающій обыкновенно въ первый день новаго года, отмѣненъ. Король наложилъ на себя трауръ, на два мѣсяца.» Въ *Journal des Débats* сказано, что «король принималъ депутаціи отъ обвѣхъ палаты, которыя явились въ Тюльери для изъявленія скорби, по случаю перенесенной Е. В. утраты. Обыкновенныя же поздравленія съ новымъ годомъ въ этотъ день были отказаны. Король, королева и всѣ члены королевской фамиліи были въ глубокомъ траурѣ. Король, увидѣвъ, въ чи-

слѣ присутствовавшихъ церовъ, президента *Годе*, который, несмотря на слабость и преклонныя свои лѣта, также явился на эту аудіенцію, тотчасъ приблизился къ нему и весьма благосклонно благодарилъ его за такое доказательство его привязанности. Президентъ палаты депутатовъ, приблизясь къ *Е. В.*, сказалъ: «Государь, мы явились сюда не для того, чтобы нарушать вашу горестъ словами, но для того, чтобъ присоединить нашу скорбь къ вашей и изъявить предъ вами живѣйшее участіе цѣлой страны.» Король плакалъ и слезы прерывали его голосъ, такъ что едва можно было разслышать только слова: «Я глубоко тронутъ вашимъ участіемъ и въ немъ нахожу единственное утѣшеніе въ настоящей моей скорби.» При дворѣ наложенъ на два мѣсяца трауръ. Тѣло покойной принцессы было набальзамировано и выставлено въ Тюильри. Говорятъ, что покойная принцесса *Аделаида* отказала изъ своего имуществва герцогу *Немурскому* лѣсную дачу *Креси* и *Арманвилье*, принцу *Жуанвильскому* лѣсную дачу *Арканъ-Баруа*, а герцогу *Монпансье* прекрасное помѣстье *Ранданъ съ замкомъ*, который покойница въ послѣдніе годы очень распространила. Принцесса *Аделаида* уже давно чувствовала истощеніе силъ своихъ. Послѣ преступнаго покушенія *Леонта*, она сказала одной изъ дамъ своихъ; «Я могу еще прожить нѣкоторое время, но повѣрьте, что сегодня нанесенъ мнѣ смертельный ударъ.» Она скончалась безъ страданій и почти безъ борьбы со смертію. За день до своей кончины, принцесса *Аделаида*, страдавшая гриппомъ, встала съ постели, потому-что чувствовала себя лучше и жаловалась только на большую слабость. Вечеромъ ей сдѣлалось хуже, а къ утру она скончалась, окруженная королемъ, королевою и всѣми членами королевской фамиліи.»

5 января въ полдень прахъ принцессы *Аделаиды* привезенъ былъ въ *Дрѣ*. Сопровождавшіе его три принца, при въѣздѣ въ городъ вышли изъ кареты и шли пѣшкомъ съ многочисленною свитою за гробомъ до самой капеллы. Король ожидалъ повѣздъ у воротъ замка и послѣдовалъ за нимъ до капеллы, изъ которой удаленъ не прежде какъ по окон-

чаним погребальной церемоніи и по опущеніи гроба въ могилу. Церемонія началась въ часъ по полудни и окончилась въ 3 часа.

При погребеніи принцессы, король не одинъ разъ готовъ былъ обнаружить свои чувства, однако превозмогалъ себя. Но когда пропѣли *de Profundis*, поставили гробъ подъ сводъ и настало время разлуки, то онъ не могъ долѣе удерживать свою печаль и далъ свободу слезамъ; но это продолжалось только одно мгновеніе. Король снова превозмогъ себя и, взглянувъ въ послѣдній разъ на мѣсто уснокоенія возлюбленной сестры своей, медленно, но твердо отправился въ часовню. Эта часовня была построена матерью короля; въ первые годы Реставраціи. По кончинѣ ея, въ 1821 году, Лудовикъ Филиппъ, въ то время герцогъ Орлеанскій, приказалъ продолжать постройку и перенести туда тѣло матери. Съ 1830 года могильный склепъ въ Дрѣ открывался четыре раза для членовъ нынѣшней королевской фамиліи: для принцессы Маріи Виртембергской, для наследнаго принца, герцога Орлеанскаго, для сына герцога Омальскаго, недавно умершаго герцога Гиза, и теперь для принцессы Аделаиды.

— Пренія объ ответномъ адресѣ на тронную рѣчь, въ палатѣ перовъ начались 10-го и окончилась 18-го января. Въ засѣданіи 10-го января, баронъ *Барантъ* прочиталъ составленный имъ проектъ ответнаго адреса, заключающій въ себя впрочемъ одно лишь повтореніе тронной рѣчи. Графъ *д'Альмонъ-Ше* (*Shée*), первый изъ ораторовъ, записавшихся противъ адреса, порицалъ внѣшнюю политику нынѣшняго кабинета. «Между Франціею и Англіею, сказалъ онъ, постоянно господствовалъ духъ взаимнаго недоброжелательства и противудѣйствія. Лордъ *Пальмерстонъ* и англійское правительство дѣйствовали совершенно свободно, между тѣмъ какъ французское министерство непрерывными уступками старалось только заслужить одобреніе неограниченныхъ правительствъ. Только одинъ разъ, и именно при вмѣшательствѣ въ португальскія дѣла, Франція и Англія дѣйствовали по взаимному соглашенію. Г-нъ *Гизо*, по-

давшій видъ, что онъ отдѣлился въ италянскихъ дѣлахъ отъ князя *Меттерниха*, снова присоединился къ его политикѣ относительно швейцарскаго вопроса.» Изложивъ историческій ходъ этого вопроса, ораторъ возставалъ противъ распоряженія сейма касательно изгнанія иезуитовъ изъ швейцарскихъ кантоновъ, куда они были приглашены свободными гражданами, и сожалѣлъ, что вмѣшательство державъ въ швейцарскія дѣла было рѣшено слишкомъ поздно; оно должно было послѣдовать до начала войны, когда Зондербундъ находился еще въ полной силѣ. По мнѣнью оратора, прежде всего слѣдовало удостовѣриться въ содѣйствіи Англій, и потомъ уже обратиться къ континентальнымъ державамъ. Далѣе графъ *д'Альмонъ-Ше* сожалѣлъ о бездѣйствіи правительства въ отношеніи италянскихъ дѣлъ и замѣтилъ, что къ счастью Папа былъ въ состояніи остановить распоряженія Австрійцевъ. «Мы же, продолжалъ ораторъ, не будучи ни католиками ни христіанами.... (*Сильный ропотъ. Президентъ: «Вы оскорбляете Францію и палату, говорите отъ своего имени, а не отъ нашего!»*) Хотя я не католикъ и не христіанинъ, но все таки не желаю гибели какой либо религіи, и только по этой побудительной причинѣ хотѣлъ бы, чтобы католицизмъ служилъ къ распространенію независимости повсюду; гдѣ она до сихъ поръ не существовала; а желалъ бы, чтобы религія служила ручательствомъ свободы.» Г-нъ *Менаръ*, членъ охранительной партіи, отдавалъ справедливость тому искусству, съ которымъ министерство умѣло пріобрѣсти столь сильное большинство, но полагалъ, что министерство ложно повнмаетъ настоящее значеніе общественнаго мнѣнія и что оно могло бы съ успѣхомъ обратить нынѣ вниманіе на великіе нравственные интересы страны. Прошлое собраніе палатъ оказалось въ этомъ отношеніи совершенно безплоднымъ и въ свѣдѣніе того правительству угрожаютъ теперь важныя затрудненія. Страна требуетъ реформъ, въ пользу которыхъ расположены многіе члены охранительной партіи. Министерству слѣдуетъ предложить эти важные вопросы палатамъ. Дальнѣйшая отсрочка ихъ была бы теперь неумѣстна. Такъ

какъ послѣ рѣчи г-на Менара никто болѣе не требовалъ слова, то общія совѣщанія были заключены и палата приступила къ разсмотрѣнiю отдѣльныхъ параграфовъ адреса.

Въ слѣдующій день, по поводу 2-го параграфа адреса, маркизъ Буасси спросилъ, вѣрить ли коммиссія въ возможность восстановленiя равновѣсiя между государственными доходами и расходами? Г-нъ Барантъ отвѣчалъ утвердительно, послѣ чего §§ 1, 2, 3 и 4 проекта отвѣтнаго адреса были приняты. На счетъ 5 параграфа, касающагося до положенiя рабочихъ классовъ, слышано было нѣсколько замѣчанiй генераломъ Фабвд. Онъ доказывалъ необходимость улучшенiя нравовъ этихъ классовъ и старался подкрѣпить свои сужденiя разными нравственными доводами. «Вчера на этой кафедрѣ, замѣтилъ ораторъ, было сказано, что мы не католики и не христіане; еслибъ въ нѣкоторомъ отношенiи это и было справедливо, то мы все таки должны стремиться къ поддержанiю религиозныхъ началъ, употреблять возможныя усилiя къ распространенiю нравственности въ народѣ. Одна религія могла произвести столько ученыхъ, художниковъ и вообще великихъ людей, только религія доставляетъ утѣшенiе въ несчастiи, ободряетъ къ честному труду, внушаетъ презрѣнiе къ богатству и научаетъ общественнымъ и семейнымъ добродѣтелямъ. По этой причинѣ всего болѣе надобно заботиться о нравственномъ и религиозномъ воспитанiи народа. Г-нъ Буасси жестоко возставалъ противъ министерства и прямо сказалъ, что ничего столько не желаетъ, какъ его паденiя, съ тѣмъ однакоже, чтобъ это было не обыкновенный бесполезный кризисъ, а дѣйствительное измѣненiе министерской системы и политики. Слово «реформа» находится въ устахъ каждого, но ее отвергають и послѣдствiя того не замедлятъ обнаружиться. (Волненiе). Много говорятъ также объ исправленiи нравовъ, но можно ли думать объ улучшенiи общественной нравственности, когда люди, долженствующiе подавать первый примѣръ и облеченные высшимъ званiемъ, поддерживаютъ всякаго рода злоупотребленiя, содѣйствуютъ подкупу и скрываютъ шестину... (Шумъ и общiй ропотъ, восклицанiя: нѣтъ!

мысль!) Г-нъ Буасси: а я говорю: да, да! Ораторъ упоминаетъ о соблазнахъ, обнаруженныхъ по управленію счетной палаты, гдѣ были продаваемы должности; о дѣлѣ г-на *Пети*, которое недавно стали разбирать въ газетахъ; объ отставленіи многихъ достойныхъ чиновниковъ, о содержаніи г-на *Варнери* вмѣстѣ съ ворамъ за то, что онъ хотѣлъ обнаружить истину, и наконецъ, стараясь объяснить сказанное графомъ *Альмонъ-Ше*, что онъ «не католикъ и не христіанинъ», ораторъ замѣтилъ, что и въ другой палатѣ есть представители, которые не католики и не христіане и которые гордятся тѣмъ, что они Евреи. Репотъ, сопровождавшій слова г-на *д'Альмонъ-Ше*, можно считать слѣдовательно оскорбленіемъ религіи «не христіанской.» (*Шумъ и общее волненіе*). Президентъ совѣта объявилъ, что не хочетъ отвѣчать на личности г-на *Буасси* и скажетъ только нѣсколько словъ о самомъ предметѣ его обвиненій. Продажа должностей есть большое злоупотребленіе; нынѣшнее министерство его не выдумывало и не начинало; оно было терпимо прежними управленіями, но теперь уже болѣе не существуетъ. На счетъ дѣла г-на *Варнери* будутъ даны въ свое время объясненія отсутствующимъ теперь хранителямъ печати.

Въ засѣданіи 13 января, приступлено было къ разсмотрѣнію параграфа о швейцарскихъ дѣлахъ. Первый говорилъ графъ *Пеле*. Онъ сказалъ, что всегдашнюю политикою Франціи было желаніе мира съ Швейцаріею. Въ 1834 году обнаружилось безпокойства, Австрія хотѣла вмѣшаться, но Франція воспротивилась этому. Въ 1841 г. новыя безпокойства относительно уничтоженія многихъ монастырей. Въ 1846 г. Австрія снова предложила Франціи посредничество въ дѣлахъ Швейцаріи, но министръ иностранныхъ дѣлъ нацѣлъ его преждевременнымъ. Но въ 1847 г. мысль о посредничествѣ снова возобновилась и Франція приняла его вмѣстѣ съ пятью державами; Франція послала оружіе Зондербунду; но вліяніе Франціи уменьшилось, а вліяніе Англіи увеличилось. Потомъ говорилъ герцогъ *де Броли*. Онъ разсматривалъ вопросы: исполнило ли французское правитель-

ство необходимую обязанность относительно Швейцарии? Могло ли оно сдвигать менше, чѣмъ сдвигало? Вѣсть ли это вышательство проступокъ, или заслуга? Разсмотрѣвъ ходъ событій въ Швейцарии, представивъ положеніе большей и меньшей партій, изъ которыхъ первая требовала безусловной покорности, вторая, чтобы оставили ее въ покоѣ, онъ предложилъ вопросъ: могла ли Франція оставаться спокойною при такомъ положеніи дѣлъ? Наконецъ онъ оправдывалъ сопротивленіе Франціи вооруженному вышательству.

Графъ Мокталамбергъ, въ рѣчи своей о швейцарскихъ дѣлахъ сказалъ, что борьба происходила тамъ не за верховную власть кантоновъ и не за иезуитовъ, а за дикую, безразсудную свободу. Порядокъ желали замѣнить безпорядкомъ и достигли цѣли; возгорѣвшаяся междоусобная война, бывшая слѣдствіемъ нетерпимости радикальной партіи, могла угрожать спокойствію Европы и даже безопасности Франціи. Надъ общественнымъ порядкомъ въ Швейцарии дѣйствительно одержана побѣда. То, что должно было случиться нынѣ съ швейцарскимъ духовенствомъ, совершенно похоже на то, чему подвергалось въ 1790 г. духовенство французское, за исключеніемъ эшафота. Швейцарская революція совершенно уподобляется французской, и тѣмъ болѣе ответственность лежитъ на государственныхъ людяхъ Франціи, что отголосокъ настоящихъ швейцарскихъ событій преимущественно отражается на Франціи; во время реформистскихъ обѣдовъ, происходившихъ въ послѣднее время, особенно въ Шалонѣ, дѣла Швейцаріи представляли дѣломъ всѣхъ нарушителей порядка въ Европѣ. Чему болѣе всего угрожаетъ радикаламъ? Не власти и не собственности, такъ какъ та и другая перешли бы только въ чужія руки, но именно благоумной свободѣ, которую столь трудно возстановить, когда она бываетъ однажды уничтожена. Радикализмъ отнюдь не есть, какъ многіе утверждаютъ, преувеличенный либерализмъ, но скорѣе доведенный до крайности деспотизмъ и олицетворенная нетерпимость. Радикализмъ не уважаетъ ни чьихъ правъ и оказываетъ презрѣніе къ человечеству. (*Общее одобреніе.*) Ораторъ указалъ затѣмъ на злоупотребленія, про-

исходившія при выборахъ въ Швейцаріи и напомнимъ, что многіе изъ нихъ уничтожены были вооруженною силою. Ораторъ охотно вѣрить, что французское министерство одушевлено благими намереніями, но долженъ признаться, что оно показало себя слишкомъ слабымъ. Верховная власть кантоновъ и религіозная свобода не погибнуть, впрочемъ, въ Швейцаріи; въ особенности религіозная свобода нестерпимостью, наконецъ, надъ всѣми испытаніями и еще болѣе укоренится, потому-что честные люди въ Швейцаріи не уступятъ насилію; мужество, благодаря Бога, не составляетъ монополію злыхъ людей.—Г-нъ *Гизо* съ своего мѣста: «Я нѣкуда не требую слова; скажу только, что не раздѣляю всѣхъ мнзій, выраженныхъ ораторомъ и не считаю основательными упреки, сдѣланные имъ министерству; но ораторъ темъ не менѣе провозгласилъ великія и полезныя истины, и я жду только дальнѣйшихъ преній, чтобы окончательно объяснить на счетъ швейцарскаго вопроса». Графъ *д'Альмоте-Ша* началъ было рѣзко возражать графу *Монталамберу*, но скоро былъ остановленъ канцлеромъ.—Графъ *Сень-При* предложилъ отпечатать особо рѣчь графа *Монталамбера*, какъ отличающуюся блистательнымъ краснорѣчіемъ и здравыми и благородными мыслями, которымъ вполне сочувствуетъ палата, но ему было замѣчено, что такое предложеніе противно парламентскому уставу.

Въ засѣданіи 15 января, на замѣчаніе графа *Понтуа*, бывшаго посланникомъ въ Швейцаріи, что онъ предсказывалъ министерству все, что въ послѣднее время случилось и что онъ совѣтовалъ ему быть умѣреннымъ и не вмешиваться въ швейцарскія дѣла, г-нъ *Гизо* прочелъ нѣкоторые отрывки изъ депешъ графа, чтобы доказать непостоянство его политики. Министръ сказалъ потомъ, что онъ видитъ теперь, что былъ правъ, отзывая графа *Понтуа* отъ его посланническаго поста. Графъ *Понтуа* протестовалъ противъ чтенія его депешъ. Затѣмъ графъ *Матье-де-ла-Редортъ* говорилъ о швейцарскомъ хеймѣ и о кантональной верховной власти. Онъ сказалъ, что по вѣнскому трактату европейскія державы не имѣли права вмешиваться въ дѣла Швейцаріи. Графъ *Портамъ* на-

противъ того доказывалъ правое вмѣшательство. Графъ *Пеле* считалъ акты Наполеона съ теперешнею политикою и первыя изъ нихъ находилъ справедливыми и совместными съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, настоящую же политику Франціи порицалъ. Г-нъ *Гизо* сказалъ на это, что его обвиняютъ то въ медленности, то въ поспѣшности, то что онъ мало сдѣлалъ, то что слишкомъ много, но въ то же время соглашались, что онъ имѣлъ хорошія намѣренія, хотя и не сдѣлалъ ничего удовлетворительнаго. Почему? спрашиваетъ онъ. Потому, что не слѣдовалъ одной идее, что имѣлъ въ виду права и интересы всѣхъ; но онъ думаетъ, что исполнилъ свою обязанность. Далѣе онъ сказалъ, что политику его, объясненную уже герцогомъ *де Брли*, герцогомъ *де Ноалл* и графомъ *Мотталамберомъ*, палата одобрила и онъ прибавилъ только, что французское правительство всегда принимало живѣйшее участіе въ свободѣ и благосостояніи Швейцаріи, что оно не хотѣло вмѣшиваться въ ея дѣла, но что въ последнее время было принуждено къ тому. Впрочемъ, сказалъ онъ въ заключеніе, Швейцарія можетъ быть спокойна—нейтралитетъ и независимость ея нужны Европѣ. Затѣмъ палата приняла 7-й параграфъ адреса.

17 января, продолжались сужденія объ отдѣльныхъ статьяхъ отвѣтнаго адреса. Графъ *Пеле де ла Лозеръ* замѣтилъ, что уже въ продолженіи десяти лѣтъ въ тронной рѣчи постоянно говорится о дѣлахъ Ла-Платы и что въ существенности положеніе этихъ дѣлъ ни сколько не измѣнилось. Франція содержитъ тамъ морскую силу, издерживаетъ большія суммы и ничего не достигаетъ; въ 1840 г. чувствовали необходимость окончить дѣло; адмиралъ *Мако* былъ отправленъ къ берегамъ Ла-Платы и заключилъ договоръ; послѣдній еще существуетъ, но не положилъ конца безконечнымъ несогласіямъ. По этому договору Франція слѣдовало получить вознагражденіе и ей предоставлены были точно такія же права, какими пользуются наиболее благопріятствующія націи. Какимъ же образомъ случилось, что послѣ утраченія всѣхъ недоразумѣній, дѣло прошло въ 1845 г. въ прежнее затруднительное положеніе? Между тѣмъ въ то время

дѣйствовали по соглашенію съ Англіею. Междуособною войною трактатъ не былъ нарушенъ. Чего хотѣть достигнуть новою блокадою? Гдѣ справедливость этой войны и когда она кончится? Англійское правительство приказало снять блокаду, и французское, желая устроить посредничество, вызвало новыя затрудненія. Г-нъ *Гизо* сказалъ, что онъ желаетъ столько же какъ и г-нъ *Пеле де ла Лаверь*, чтобъ параграфъ о Ла-Платъ можно было наконецъ исключить изъ тронной рѣчи. Онъ изъявлялъ впрочемъ надежду, что вопросъ будетъ скоро разрѣшенъ; послѣ чего 8 параграфъ адреса былъ принятъ. Противъ 9 параграфа, въ которомъ говорится объ алжирскихъ дѣлахъ и о назначеніи герцога Овальскаго генералъ-губернаторомъ Алжирин, сдѣлано было нѣсколько неважныхъ замѣчаній маркизомъ *Бюасси*. Послѣ краткаго возраженія на нихъ президента совѣта, 9 параграфъ былъ равнымъ образомъ принятъ.

18 января палата занялась окончательнымъ разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ параграфовъ адреса. Графъ *Альтонъ-Ше*, разсуждая о содержаніи 10 параграфа, спросилъ: предоставляет ли правительство гражданамъ право собираться на такъ называемые реформистскіе банкеты, и съ его ли вѣдѣнія префектомъ полиціи устраненъ былъ подобный банкетъ, долженствовавшій происходить въ двѣнадцатомъ парижскомъ округѣ? Министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ, что правительство имѣетъ полное право во всякое время запрещать банкеты. Право это принадлежитъ ему на основаніи общаго полицейскаго закона 1790 года. Коль скоро онъ признаетъ нужнымъ, то не применеть воспользоваться этимъ правомъ, какъ и сдѣлано было въ 1841 г. Чтожъ касается до распоряженія префекта полиціи, то онъ поступилъ согласно съ предписаніемъ министерства. Г-нъ *Вилльеръ дю Теражъ* говорилъ противъ банкетовъ, а г-нъ *Бюасси* находилъ ихъ безопасными и предложилъ исключить изъ адреса слова «непріязненные или слѣпыя страсти», потому что считаетъ ихъ неполитическимъ вызовомъ, обращеннымъ къ тѣмъ лицамъ, которыя требуютъ реформъ. Докладчикъ адресной комиссіи, баронъ *Барантъ*, замѣтилъ, что

существуетъ большая разница между банкетами, во время которыхъ выражаются здравыя и благородныя мысли, и танкими, которыя служатъ только предлогомъ къ обнаруженію правилъ и желаній, имѣющихъ цѣлію волновать умы. Измѣненіе маркиза *Боасси* было отвергнуто, а § 10 равно какъ и 11-й приняты, послѣ чего палата приступила къ баллотировкѣ цѣлаго адреса. Онъ былъ утвержденъ большинствомъ 144 голосовъ противъ 23.

Палата депутатовъ начала пренія свои по проэкту ответнаго адреса, 17 января. Г-нъ *Вите* прочиталъ проэктъ ответнаго адреса на тронную рѣчь. Адресная коммиссія палаты депутатовъ, слѣдуя примѣру палаты перовъ, также ограничилась почти однимъ повтореніемъ тронной рѣчи. Измѣненія, предложенныя оппозиціонными членами, не были приняты.

На слѣдующій день, начали записываться ораторы, намѣревавшіеся требовать слова при совѣщаніяхъ палаты депутатовъ объ адресъ. При этомъ записались четверо: *Бервиль*, *Дарбле*, *Демуссо де Живре* и *Дюко*; изъ нихъ *Дюко* и *Бервиль* принадлежатъ къ оппозиціи, а другіе двое къ охранительной партіи. Гг. *д'Анжесвиль* и *Плугольмъ* рѣшились представить самой палатѣ измѣненіе свое на счетъ общественной нравственности, которое коммиссія не согласилась включить въ проэктъ адреса. Г-нъ *Дювержье де Горанъ* также включилъ себя въ число ораторовъ противъ адреса, сдѣлавъ въ спискѣ положительную отмѣтку, что онъ будетъ говорить противъ послѣдняго параграфа, въ которомъ идетъ рѣчь о непріязненныхъ или слѣпыхъ страстяхъ съ примѣненіемъ этихъ словъ къ реформистскимъ банкетамъ. Г-нъ *Дювержье де Горанъ* говорилъ, что слова эти касаются некоторымъ образомъ и до него, такъ какъ онъ принималъ живое участіе въ помянутыхъ банкетахъ.

Общее разсмотрѣніе адреса было окончено 22 января, и тогда же приступили къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ частей. Пренія заключилъ г-нъ *Дюко*, со стороны оппозиціи, болѣею частью личными выходками противъ министровъ.

Между большинствомъ различалъ онъ двѣ части: члениковъ и подчиненныхъ. Первые имѣютъ свой особенный характеръ, свою особую физиономію. «Прежде, продолжалъ ораторъ, называли они себя доктрисерами. Съ тѣхъ поръ, какъ они вышли изъ коалиціи, ими это не стало имъ нравиться, или лучше, они думали, что оно непріятно для большинства; поэтому они приняли имя своихъ новыхъ союзниковъ; они стали называть себя охранителями доброй политики. Вообще они любятъ важныя мѣста и хорошее содержаніе. Они были вмѣстѣ въ коалиціи, вмѣстѣ же и плоды пожинали; это само собою разумѣется. Глава ихъ (г. Гизо) не любитъ непопулярности; онъ отвѣчаетъ своимъ задуманнымъ друзьямъ тѣми же чувствами, которыя они питаютъ къ нему; онъ оптимистъ и видитъ все въ лучшемъ свѣтѣ. Онъ не оскорбляется, если ему скажутъ, что никогда не думали, чтобы онъ былъ въ Лондонѣ въ качествѣ посланника. Двѣ партіи, изъ которыхъ одна стремится къ войнѣ, другая хочетъ сдѣлать глупость, находятъ онъ хорошими. Прежде онъ защищалъ свободу, общалъ въ Лизьѣ (предъ своими избирателями) реформы; они знали его ревность къ свободѣ и любовь къ успѣхамъ. Другой начальникъ ихъ (графъ Дюшатель), которому злоба приписываетъ желаніе быть первымъ, пріобрѣлъ себѣ большую славу въ управленіи избирательныхъ коллегій. Онъ владѣетъ совершенною парламентскою ловкостью и искусствомъ. Всякій знаетъ.....» Здѣсь ораторъ былъ прерванъ многими голосами: «Эти личности невыносимы! Къ порядку!» Онъ еще продолжалъ нѣсколько времени въ томъ же тонѣ, пока наконецъ сильный ропотъ и президентъ заставили его прекратить личности.

Пренія почти въ томъ же духѣ продолжались и въ послѣдующія засѣданія, и потому проэктъ адреса, въ послѣднихъ числахъ января еще не былъ утвержденъ.

— Совѣщанія, происходившія въ Парижѣ между президентомъ совѣта, г-нъ Гизо, и уполномоченными Австріи и Пруссіи, графомъ Колларедо-Вальзее и генераломъ Ридевицелье, о нидерландскихъ дѣлахъ, окончены 11 января. Главнѣйшія

результатъ совѣщаній заключается въ томъ, что уполномо-
ченные трехъ державъ согласились, чтобы державы эти
приняли одинаковыя мѣры и выразили основанія ихъ въ
нотѣ, которая, по одобреніи австрійскимъ и прусскимъ
дворами, будетъ доставлена швейцарскому сейму. Эту ноту
слѣдуетъ считать окончательнымъ объявленіемъ трехъ
державъ, не допускающимъ никакого возраженія со сто-
роны сейма. Въ нотѣ излагается политика, которой от-
нынѣ будутъ слѣдовать державы. Онѣ будутъ выжидать
и наблюдать дѣйствія сейма относительно предложеннаго
измѣненія союзнаго договора Швейцаріи. Согласно съ объ-
явленіемъ, сдѣланнымъ еще недавно г-мъ Гизо въ одномъ
изъ отдѣленій палаты депутатовъ, державы согласны до-
пустить преобразованіе въ помянутомъ договорѣ, если толь-
ко эти преобразованія не уничтожаютъ основаній нынѣшня-
го устройства Швейцаріи, какъ союза 22 независимыхъ
областей, основаній, съ существованіемъ которыхъ связанъ
и нейтралитетъ Швейцаріи, обезпеченный договоромъ 1815
года. Въ случаѣ, если сеймъ низпровергнетъ эти основанія
или вздумаетъ прибѣгнуть къ принужденію, чтобы заста-
вить другіе кантоны принять какія-либо преобразованія,
три державы почтутъ себя освобожденными отъ всѣхъ
обязательствъ касательно Швейцаріи, возложенныхъ на
нихъ договорами, именно отъ уваженія ея нейтралитета и
въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ будутъ руководствоваться
лишь своими правами и своими интересами.

Газета Times одобряетъ новую дипломатическую ноту,
которую Франція, Австрія и Пруссія намѣреваются, какъ
слышно, адресовать на имя швейцарскаго сейма. Нота
эта написана въ выраженіяхъ весьма умѣренныхъ и, по сло-
вамъ означенной газеты, можетъ принести большую пользу
Швейцаріи. Въ то же время газ. Times энергически воз-
стаетъ противъ насильственныхъ мѣръ господствующей ра-
дикальной партіи и особенно порицаетъ распоряженія отно-
сительно сень-бернардскихъ монаховъ, такъ какъ распоря-
женія эти лишаютъ монастырь ихъ на будущее время воз-
можности оказывать то гостепримство, которымъ онъ сла-

вился въ теченіи 850 лѣтъ. «Подобныя злоупотребленія, заключаетъ газета Times, будутъ имѣть слѣдствіемъ продолжительную ненависть между католическимъ и протестантскимъ народонаселеніемъ Швейцаріи; злоупотребленія эти содѣйствуютъ только планамъ посторонняго вмѣшательства и подкрѣпляютъ печальное убѣжденіе, что побѣда радикальной партіи есть только начало еще ужаснѣйшихъ общественныхъ и политическихъ переворотовъ въ Швейцаріи.»

Англія.

5 января, обнародованъ билль объ эмансипаціи Евреевъ, который имѣетъ главнымъ образомъ въ виду измѣненіе формы присяги, произносимой парламентскими членами, чиновниками и проч. Но въ то же время билль этотъ устраняетъ Евреевъ отъ регентства, отъ всѣхъ церковныхъ и университетскихъ должностей, равно какъ и отъ должностей лорда-канцлера, тайнаго хранителя печати, лорда-лейтенанта Ирландіи и лорда-коммиссара при шотландскомъ церковномъ собраніи; сверхъ того Еврей, на основаніи этого билля, не могутъ подавать ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ совѣтовъ престолу въ церковныхъ дѣлахъ.

— Въ происходившемъ, въ Лондонѣ, 18 января собраніи, подъ предсѣдательствомъ члена парламента, г. Лушингтона, рѣшено было образовать общество, которое, подобно обществу противъ хлѣбныхъ законовъ, стремившемуся къ своей извѣстной цѣли, должно употребить всѣ законныя средства къ достиженію уничтоженія налога на окна, и не оставлять этого дѣла, пока не будетъ отмѣненъ этотъ бессмысленный налогъ, пагубный для здоровья. Общество будетъ называться лондонскимъ и провинціальнымъ обществомъ для уничтоженія налога на окна.

— Во многихъ англійскихъ газетахъ завязался, съ нѣкотораго времени, споръ касательно оборонительнаго состоянія Великобританскихъ береговъ. Этотъ споръ былъ возбужденъ

письмомъ герцога Веллингтона къ генералу Бургойну, которое напечатано въ Morning-Chronicle. Сообщаемъ главныя мѣста изъ этого письма:» Стратфордсей, 9 января 1847. На всѣхъ пунктахъ нашихъ береговъ мы можемъ подвергнуться действительному нападенію непріятеля, который насъ оскорбитъ и наложитъ на насъ контрибуцію. Тщетно старался я обратить вниманіе различныхъ администрацій на такое положеніе вещей, известное нашимъ сосѣдямъ такъ же хорошо, какъ и намъ. Вся наша защита и надежда на защиту заключается въ нашемъ флотѣ. Въ нынѣшнемъ нашемъ положеніи, съ нашими морскими арсеналами, не имѣющими и половиннаго числа гарнизоновъ, которые они должны имѣть, нельзя, въ случаѣ надобности, собрать и 5,000 чел. разнаго войска. Всѣ внутреннія силы, находящіяся въ Англіи и въ Ирландіи, недостаточны, чтобъ защитить и занять, въ случаѣ войны, укрѣпленія, построенныя для защиты бассейновъ и морскихъ арсеналовъ. Я не переставалъ требовать образованія въ соединенныхъ королевствахъ милиціи, которая составила бы 150,000 чел. Употребивъ только 400,000 ф: ст. на увеличеніе иррегулярной арміи, можно было бы образовать значительную силу, съ которою, не смотря на мою старость, я возьмусь защищать отечество. — Но въ нашемъ нынѣшнемъ положеніи, и если правда, что одинъ флотъ недостаточенъ для нашей защиты, мы не можемъ быть безопасны и одну недѣлю послѣ объявленія войны. Я неоднократно осматривалъ всѣ берега отъ Нортфорланда до Портсмута, и объявляю, что, за исключеніемъ Дувра, нѣтъ ни одного береговаго пункта, гдѣ бы нельзя было во всякое время высадить пѣхоту. Семь малыхъ гаваней или устьевъ рѣкъ по этому берегу удобны для высадки кавалеріи и тяжелой артиллеріи непріятеля, который, въ разстояніи пяти миль отъ берега, найдетъ всюду дорогу внутрь страны. Отъ одного Брейтона идутъ въ Лондонъ двѣнадцать большихъ дорогъ, и французская армія стало бы очень измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я зналъ ее, если въ ней не найдется сотня офицеровъ, способныхъ отправить изъ Франціи и привести къ Лондону 40,000 человекъ. Этой арміи надобно

бы противопоставить регулярный войска; но за недостаткомъ ихъ, я берусь защищать страну означенными иными средствами. Надобно привести наши артиллерійскіе арсеналы, запасы оружія и боевыхъ снарядовъ въ такое положеніе, въ какомъ они находились въ 1804 г. Вы распорядитель главной оборонительной части страны. Если вы и генералъ-фельдцейхмейстеръ желаете, я готовъ поговорить объ этомъ съ вами». Потомъ герцогъ Веллингтонъ переходитъ къ разсужденіямъ о контрибуціяхъ и другіяхъ пагубныхъ послѣдствіяхъ успѣшнаго вторженія, и напоминаетъ условія парижскихъ трактатовъ 1814 и 1815. «Мнѣ семьдесятъ семь лѣтъ, и я ихъ провелъ честно, говоритъ въ заключеніе герцогъ: надѣюсь, что Всемогуцій не дастъ мнѣ дожить до такого бѣдствія».

Въ газетахъ, вообще стараются не придавать большой важности письму герцога Веллингтона. Доводы ихъ заключаются въ слѣдующемъ: «Если пары облегчили средства къ нападенію, облегчили на столько же и средства къ оборонѣ; все же надобно заниматься нашимъ флотомъ; Англія съ ея народонаселеніемъ, нечего опасаться 50 или 60 тысячъ Французовъ, которыхъ высаждать на ея берегъ. Въ Times рѣшительно отрунули предложенія герцога и успокоили опасенія; въ новой статьѣ Globe, сверхъ того, считаютъ внезапное нападеніе невозможнымъ, и ссылаются на брошюру принца Жульевильскаго. Наконецъ, въ торійскомъ Standard, всегда расположенномъ къ Франціи, находятъ, что во всякомъ случаѣ предложенія герцога Веллингтона повлекутъ за собою безволежныя издержки. Устроеніе давно уже проектированныхъ убыточныхъ гаваней въ Дувръ, Шоргамъ и Нортландъ, пинуть въ этой газетѣ, и нѣсколько пароходовъ, содержимыхъ въ резервъ для крейсированія у берега, гораздо лучше обезпечили бы берега и купеческія суда, находящіяся въ каналѣ, отъ внезапнаго нападенія Французовъ, нежели сформированіе для постоянной службы милліонъ до 150,000 человекъ. Считаю, что на каждого милліонера будетъ издержано въ годъ только 40 ф. ст., вся милліонія будетъ стоить государству ежегодно 6 милліоновъ ф. ст., между тѣмъ

за 5 милліоновъ можно построить три увеличенныя гавани и за 2 милліона 20 паромовъ, способныхъ для берегового судоходства и годныхъ на много летъ. Такимъ образомъ, съ 7-ю милліонами можно достигнуть на долгие времена того, что, по плану Веллингтона, соображеніемъ машинъ, потребуеть, только въ два года, издержки въ 12 милліоновъ.

Ирландія.

Извѣстія изъ Ирландіи говорятъ о новыхъ безпокойствахъ, происшедшихъ въ слѣдствіе увеличивающагося недостатка въ жизненныхъ средствахъ. Въ Килькенни возникли такія серьезныя опасенія, что собраны всѣ ближайшія войска для защиты города. Изъ графствъ Тапперари и Килькенни извѣщаютъ о многихъ случаяхъ смертности отъ голода. Между тѣмъ во многихъ округахъ, состоящихъ на особыхъ правахъ, военные и полицейскіе отыскиваютъ сврѣтанное оружіе. Но самая важная изъ новостей есть строгое соблюденіе справедливости и дѣлительное наказаніе преступленій въ Ирландіи. Въ обыкхъ частяхъ соединеннаго королевства, едва вѣрять своимъ глазамъ, читая въ газетахъ, что не только множество убійцъ присуждено къ висѣлицѣ, но также и тѣ, которые опосредствовали ихъ бѣгству или принимали ихъ. Одинъ арендаторъ, по имени *Круунъ*, человекъ не бѣдный, уличенъ въ томъ, что принималъ известнаго *брасо Лукъ* для убійства своего владѣльца. На него сдѣлалъ доносъ собственный его племянникъ, и хотя остальное его семейство и слуги утверждали противное, но онъ самъ сознался и былъ осужденъ судомъ присяжныхъ. Ересь можетъ показаться это невѣроятнымъ: въ Ирландіи смотрятъ на эти приговоры какъ на нечто неслыханное. Нѣсколько времени тому, правительство объявило награду въ 1,000 ф. ст. за открытіе виновниковъ одного страшнаго злодѣянія и доносчику обшлаго совершенное помилуваніе, если только онъ не былъ настоящимъ убійцею. Въ слѣдствіе этого объявленія явился одинъ арендаторъ и обшгалъ сдѣлать показаніе.

нiе подъ вышеупомянутыми условiями. Убийство было совершено тремя челоуьками, и потому онъ требовалъ три тысячи ф. ст. и помилованiя за участiе въ этомъ дѣлѣ. Когда ему было это обѣщано, онъ объявилъ, что нанялъ трехъ убийцъ и заплатилъ имъ за это; онъ сказалъ, что не видитъ никакой причины не отпавить злодѣевъ на висѣлицу, а награду спрятать въ карманъ, — что и въ самомъ дѣлѣ случилось, такъ что онъ избѣгнулъ всякаго наказанiя.

Д а н i я .

Его Величество король датскiй ознаменовалъ свое вступленiе на престолъ рескриптомъ, даннымъ датской и шлезвигъ-голштейнъ-лауенбургской канцелярiи, повелѣвающимъ прекратить процессы, производившiеся по проступкамъ политическимъ или касающимся книгопечатанiя.

— Его Величество король, 27 января, наименовалъ Его Королевское Высочество принца Фридриха Фердинанда Датскаго наследнымъ принцемъ. (Этотъ принцъ, братъ покойнаго короля, занимаетъ мѣсто, командующаго генерала въ Зеландъ, Мѣнъ, Фальстеръ и Лаландъ, родился 22 ноября 1792, следовательно 16-ю годами старше нынѣ царствующаго короля и не имѣетъ дѣтей).

— 29-го января обнародованъ королевскiй рескриптъ, отъ 28-го января, касательно дарованiя уложенiя королевству и принадлежащимъ ему другимъ владѣнiямъ. Во вступленiи рескрипта сказано, что для поддержанiя самостоятельности различныхъ частей датской монархiи и для соединенiя ихъ въ стройное цѣлое, даруется уложенiе, которымъ будутъ утверждены ненарушимыя права королевской власти и всѣхъ подданныхъ вообще, равно какъ и преимущества и особыя права, которыми обладаютъ жители различныхъ частей государства. Для сего будутъ введены общественныя чины королевства датскаго и герцогствъ шлезвигскаго и голштейнскаго; эти чины будутъ собираться въ извѣстныя эпохи, попеременно, въ королевствѣ или въ герцогствахъ. Права сихъ чиновъ будутъ заключаться въ содѣйствii при замѣненiяхъ въ податахъ и

финансовомъ управленіи, а также и изданіи законовъ, относящихся къ общимъ дѣламъ королевства и герцогствъ. Чинамъ даруется право подавать правительству предложенія о сихъ предметахъ. Впрочемъ, симъ уложеніемъ не измѣняется ни одно изъ прежнихъ постановленій о провинціальныхъ чинахъ, равно какъ и въ отношеніяхъ герцогствъ между собою и къ германскому союзу. Основныя правила уложенія будутъ представлены предварительно на разсмотрѣніе опытныхъ и просвѣщенныхъ мужей, пользующихся уваженіемъ и довѣренностью своихъ согражданъ. Выборъ большинства сихъ мужей предоставленъ, въ доказательство довѣренности короля, провинціальнымъ чинамъ, духовенству, прелатамъ, дворянству и консисторіямъ копенгагенскаго и кильскаго университетовъ. По окончаніи выборовъ, Его Величество присоединитъ къ нимъ 4 лица по королевству и 4 лица по герцогствамъ; всего должны быть избраны 26 чел. по королевству и столько же по герцогствамъ. Черезъ два мѣсяца послѣ выборовъ, должны всѣ избранные собраться въ Копенгагенъ, и приступить къ подлежащему имъ труду. Имъ будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложены на разсмотрѣніе нѣкоторыя части законодательства и управленія. При сихъ разсужденіяхъ допускается употребленіе датскаго и нѣмецкаго языковъ. Его Величество, въ особомъ рескриптѣ, изъявилъ желаніе, чтобъ, во вниманіе къ кончинѣ родителя его, короля Христіана VIII, не было никакихъ изъявленій радости по случаю дарованія уложенія.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Въ Journal de St. Pétersbourg (№ 450) напечатано извѣстіе, что россійскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Швейцаріи, тайный совѣтникъ баронъ Крюденеръ получилъ отъ Императорскаго Кабинета повелѣніе доставить сейму швейцарскаго союза слѣдующую декларацію:

«Австрійскій, французскій и прусскій дворы сообщили россійскому Императорскому Кабинету декларацію, сдѣланную

нии 18-го января и. ст.; въ следствие чего Императорскій Кабинетъ считаетъ долготъ объявить съ своей стороны:

«Что Россія вполне и совершенно присоединилась къ основнымъ общественнаго права, развитымъ въ этомъ документѣ, къ требованіямъ, изложеннымъ въ немъ въ следствие такъ же основаній, и къ послѣдствіямъ, которыя могутъ отъ нихъ произойти;

«Что, по мнѣнію Императорскаго Кабинета, равно какъ и трехъ дворовъ, событія, разразившіяся въ Швейцаріи, и та, что происходитъ тамъ нынѣ, явно и несомненно независимость кантоновъ, нарушить такимъ образомъ главное основаніе Швейцарскаго Союза въ томъ видѣ, какъ онъ былъ образованъ для общихъ выгодъ Европы; основаніе, съ сокращеніемъ котораго связано обезмеченіе, данное нейтралитету Швейцаріи;

«Что, въ следствие этого, Россія считаетъ себя какъ бы временно освобожденною отъ обязательства поддерживать права этого нейтралитета противъ мѣръ, которыя могутъ быть приняты соседними державами для собственной безопасности.

«Ручательство ея не будетъ имѣть силы, доколь Союзъ будетъ держать себя внѣ условій, составляющихъ основу признаннаго существованія его,—доколь, сверхъ того, Швейцарія, служа убѣжищемъ для мятежниковъ всѣхъ странъ, будетъ представлять имъ опору и защиту въ незаконномъ составленіи заговоровъ противъ спокойствія и безопасности соседнихъ государствъ.»

Въ той же газетѣ сообщаютъ за тѣмъ ноту французскаго министра, къ которой относится декларация Императорскаго Кабинета, замѣчая, что ноты, поданныя австрійскимъ и прусскимъ представителями, совершенно сходны съ первою нотой, но писаны на нѣмецкомъ языкѣ. Вотъ извлеченіе изъ ноты французскаго министра:

«Нижеподписавшійся, Посланникъ Е. В. короля Французовъ при Швейцарскомъ Союзѣ, получилъ отъ своего правительства повелѣніе вручить г. президенту общаго собранія следующую ноту:

«Королевское правительство, вступивъ въ переговоры съ правительствами Австрiи, Великобританiи, Пруссiи и Россiи, для предложенiя Швейцарiи своего дружественнаго посредничества, имѣло въ виду не только содѣйствовать къ прекращенiю въ Швейцарiи междоусобной войны, но и напоинить и отградить основанiе, на которомъ опирается Швейцарскiй Союзъ, то есть, независимость двадцати двухъ кантоновъ, заключившихъ между собою союзный трактатъ, известный подъ названiемъ Союзнаго Договора (Pacte fédéral). Державы ясно выразили въ этомъ отношенiи свою мысль, когда потребовали, чтобы сеймъ формально призналъ и объявилъ, что никакое измѣненiе не можетъ быть произведено въ союзномъ договорѣ безъ единодушнаго согласiя двадцати двухъ кантоновъ. Заботясь такимъ образомъ, для выгоды Швейцарскаго Союза, о сохраненiи независимости кантоновъ, державы дѣйствовали въ силу собственнаго своего права и совершенно согласно съ актами, опредѣлявшими положенiе Швейцарiи въ Европѣ. Швейцарскiй Союзъ возстановился въ 1814 и 1815 гг. только съ содѣйствiемъ державъ. И когда державы, желая согласить и тѣсно связать выгоды Швейцарiи съ общими выгодами Европы, значительно увеличили владѣнiя Союза и даровали ему вѣчный нейтралитетъ, онѣ сдѣлали это во вниманiе существенныхъ основанiй Союза и въ увѣренности, что эти основанiя будутъ честно сохранены. Выгоды, дарованныя Швейцарiи, и обязательства, принятыя Державами въ отношенiи къ ней, находятся слѣдовательно во взаимной связи, и не могутъ быть отдѣлены отъ существенныхъ основанiй устройства Союза. И если державы, исполняющiя свои обязательства въ отношенiи къ Швейцарiи, требуютъ отъ нея, съ своей стороны, сохраненiя основанiй, которымъ эти обязательства соответствуютъ, то онѣ пользуются только своимъ неоспоримымъ правомъ, протекającymъ изъ тѣхъ же самыхъ трактатовъ, на которыхъ основываются права самаго Союза. Событiя, разразившiяся въ Швейцарiи, и то, что въ ней происходить нынѣ, подають поводъ державамъ употребить это право, ибо въ этикъ событiяхъ онѣ видятъ полюю грозную междоусобную войну, воспынувшую въ горахъ

Союза. И эта междоусобная война явно испровергла независимость кантоновъ, то есть, главное основаніе Швейцарскаго Союза и его положенія въ Европѣ. Въ слѣдствіе этого королевское правительство, согласившись о семъ предметѣ съ правительствами Австріи, Пруссіи и Россіи, объявляетъ: 1) Что независимость кантоновъ не можетъ быть почитаема дѣйствительно существующею въ кантонахъ, занятыхъ войсками другихъ кантоновъ; 2) что Союзъ можно будетъ почитать находящимся въ положеніи правильномъ и сообразномъ съ трактатами только тогда, когда упомянутымъ кантонамъ будетъ возвращена полная независимость. и когда они будутъ въ состояніи свободно образовать свои правленія; 3) что приведеніе на мирную ногу военныхъ силъ во всѣхъ кантонахъ есть необходимое обезпеченіе ихъ взаимной и общей свободы; 4) что никакое измѣненіе въ союзномъ договорѣ не можетъ быть законно произведено безъ единогласнаго утвержденія всеми кантонами. — Королевское правительство не желаетъ ничего, кромѣ внутренняго спокойствія Швейцаріи и тѣснаго, истиннаго союза всѣхъ кантоновъ. Оно глубоко уважаетъ достоинство и независимость Швейцаріи, и никогда не желало препятствовать правильному и законному усовершенствованію ея учрежденій.

(Подписано):

Графъ Буа-ле-Конть.

Италія.

Въ прибавленіи къ газетѣ *Diario* напечатано постановленіе о министерскомъ совѣтѣ. Учреждаются девять министерствъ, а именно: 1) Министерство иностранныхъ дѣлъ; 2) Внутреннихъ дѣлъ; 3) Народнаго просвѣщенія; 4) Юстиціи; 5) Финансовъ; 6) Торговли, искусствъ, промышленности и земледѣлія; 7) Публичныхъ зданій; 8) Военное и 9) Полиція. Управляющіе этими министерствами, составляютъ министерскій совѣтъ, президентомъ котораго назначается

министръ иностранныхъ дѣлъ, всегда избираемый изъ кардиналовъ. Каждый министръ отвѣтствуетъ за все касающееся до теченія дѣлъ и вообще до управленія его министерствомъ, а всякій чиновникъ подлежитъ отвѣтственности за неисполненіе поручаемыхъ ему дѣлъ. Въ министерскій совѣтъ опредѣляются сверхъ того аудиторы, исполняющіе тѣ же обязанности, какіе возложены на аудиторовъ государственнаго совѣта. Постановленіе о такомъ учрежденіи государственнаго совѣта поступаетъ въ дѣйствіе 1 января 1848 года.

— Въ извѣстіяхъ изъ разныхъ пунктовъ Италіи сообщаютъ о безпокойствахъ и волненіяхъ, къ которымъ возбуждаетъ мирныхъ жителей партія недовольныхъ, стремящихся къ такъ называемымъ прогрессамъ.

Въ *Journal des Débats*, напечатано слѣдующее письмо о событіяхъ на островѣ Сициліи: «Палермо, 14 января. Предъ нами печальное зрѣлище междоусобной войны. Со всѣхъ сторонъ раздаются звонъ колоколовъ, ружейные и пушечные выстрѣлы.»

Въ *Nouvelliste*, отъ 23 января, сообщаютъ слѣдующія подробности объ этихъ безпокойствахъ: «Временное правительство въ Палермо состоитъ изъ особъ, которыя пользуются въ Сициліи величайшимъ уваженіемъ: въ главѣ находятся герцогъ Монтелеоне, адмиралъ Руджіеро-Сеттимо, графъ Ачето и адвокато Марокко. Инсургенты, обнаруживающіе большую умѣренность, имѣютъ осмнадцать орудій и заняли всѣ ворота Палермо. 14, генералъ Віале пытался вторгнуться въ городъ, и хотѣлъ овладѣть, съ сильною колонною пѣхоты и кавалеріи, Македскими воротами.

Греція.

Греческое правительство, убѣжденное, что оно должно рѣшиться принести жертву для части своихъ подданныхъ, которымъ угрожаютъ сильныя мѣры Порты, послало наконецъ съ пароходомъ, отправившимся 14 декабря 1847

года въ Сирту, въ дивану дешири, въ которыхъ изъявлялась готовность исполнить требованіе Шурты въ случаѣ, если они откажутся принять съ непримиримыхъ иверн.

Алжиръ.

Абдъ-эль-Кадеръ наконецъ добровольно сдался французамъ. Объ этомъ важномъ событіи объявлено въ донесеніи генераль-губернатора Алжирскаго, герцога Омальскаго военному министру отъ 24 декабря. «Великое событіе, говоритъ принцъ, совершилось. Абдъ-эль-Кадеръ въ нашомъ лагерь. Пораженный мароккскими кабидами, прогнанный войсками Моуля Абдъ-эль-Рахмана съ Малуйской равнины, оставленный большею частию своего войска, убывавшаго въ наши владѣнія, онъ удалился въ землю Бени-Снассенъ и старался пробраться къ югу, не занятому войсками мароккскаго императора; тамъ однако былъ окруженъ нашею кавалеріею, послѣ чего поручилъ себя великодушію Франціи и сдался съ условіемъ отпратить его въ Александрію, или въ Сентъ-Жанъ-д'Акръ. Двое изъ его кавалеристовъ представили это условіе генералу Ламорисьеру. Словесное условіе тотчасъ же было заключено и вскорѣ письменно подтверждено генераломъ. Сегодня послѣ обѣда Абдъ-эль-Кадеръ былъ принятъ полковникомъ Мактобаноу у марабута Сиди Брагима; вскорѣ послѣ того прибыли туда генералы Ламорисьеръ и Кавеньякъ. Такимъ образомъ свидѣніе, кажется, избрало мѣсто Сиди Брагимъ, театръ послѣдней победы эмира, вмѣстѣ театромъ послѣдней и рѣшительнѣйшей его битвы. Часъ спустя, Абдъ-эль-Кадеръ былъ приведенъ ко мнѣ въ Немуръ, куда я прибылъ утромъ (гдѣ и донесеніе принца писано); я утвердилъ данное генераломъ Ламорисьеромъ обѣщаніе и надѣюсь, что королевское правительство будетъ согласно со мною въ этомъ. Я извѣстилъ эмира, что завтра отпращиваю его съ семействомъ въ Оранъ; онъ несомненно поклонился этому; вотъ послѣдняя капля въ чашу! Эмиръ останется

такъ несколько дней подѣ крикнуть надзоромъ, съ ними будутъ также некоторые изъ его приверженцевъ, между прочимъ брата его, изъ коихъ одинъ, Сиди-Мустафа, къ которому я послалъ званъ, 18 вступилъ подѣ знамена генерала Ламорисьера и отведенъ въ Тлемсенъ; какъ скоро это соединеніе совершится, то я отошлю всѣхъ ихъ въ Марсель, гдѣ они получаютъ приказанія отъ правительства. Что касается до денры и ханы, то мое намѣреніе распустить многочисленную толпу, какъ можно скорѣе и семейства разослать по округамъ, къ которымъ принадлежатъ они; всѣхъ принадлежащихъ къ восточнымъ провинціямъ, отправлю въ Оранъ, равно и тѣхъ, присутствіе которыхъ между собратами ихъ было бы опасно. Генерала Кавеньяка оставлю здѣсь; онъ опять принимаетъ начальство надѣ округомъ Тлемсенъ и ему будетъ поручено исполненіе этихъ мѣръ; послѣ чего большая часть войска будетъ отослана въ свои гарнизоны. Этотъ же генералъ будетъ наблюдать за ближайшими движеніями мароккскихъ войскъ, впрочемъ, распущенныхъ. Последніе прекратили всякое нападеніе на денру, какъ только она вошла въ наши границы. Успѣхъ этого дѣла безъ новыхъ стычекъ, который должно приписать нравственному могуществу Франціи — неизвиримъ; его нельзя было ожидать. Невозможно описать то глубокое впечатлѣніе, которое онъ сдѣлалъ на жителей страны и онъ будетъ имѣть такую силу во всея Алжирь. Это полный переворотъ! Я не могу довольно похвалить генерала Ламорисьера, принимавшаго участіе въ этомъ великомъ событіи; равно какъ и осмотрительности, прощальности и рѣшимости, которымъ способствовало этому великому дѣлу. Благодарю также за добросовѣстность вашего превосходительства и королевскаго правительства къ войскамъ и офицерамъ, служившимъ на границѣ съ такимъ труднымъ назначеніемъ въ продолженіе 2-хъ лѣтъ. Образованію этихъ колоній обязаны мы рѣшительными дѣйствіями мароккскихъ жителей. Безъ нихъ Абдъ-эль-Кадеръ былъ бы теперь или побѣдителемъ или по крайней мѣрѣ сильнымъ на югъ и готовымъ во всякое время причинить намъ не мало

жныя безпокойства. Я долженъ упомануть еще объ обстоятельстве, по видимому, незначительномъ, но въ глазахъ тамошнихъ жителей очень важномъ: Абдъ-эль-Кадеръ препроводилъ ко мнѣ свою лошадь, въ знакъ совершенной своей покорности Франціи.»

Вотъ нѣкоторыя подробности этого важнаго событія. Абдъ-эль-Кадеръ, въ отвѣденномъ ему мароккскими жителями мѣстѣ, былъ угрожаемъ горцами и даже потерпѣлъ отъ нихъ нападеніе. Возвратившись въ деиру, онъ сдѣлалъ отступательное движеніе, а мароккскіе жители шли по его слѣдамъ. Положеніе горцевъ, увидѣвшихъ затруднительныя его обстоятельства, становилось для него болѣе и болѣе опаснымъ. Однако при ужасной погодѣ оба войска стояли нѣсколько дней въ виду другъ друга. Въ деиру была страшная нищета и Абдъ-эль-Кадеръ рѣшился наконецъ отправиться къ французской границѣ, которую перешелъ при устьѣ Малум. При этой переправѣ произошло кровопролитное сраженіе; 40,000 непріятелей слѣдовали за нимъ; при отступленіи у него оставалось только тысяча человекъ изъ его регулярной пѣхоты. Онъ выслалъ ихъ впередъ съ тѣмъ, чтобы они охраняли деиру отъ нападеній мароккскихъ жителей, но половина этихъ людей была убита. Впрочемъ уже прежде многочисленныя толпы бѣжали изъ деиры и сдались колоннѣ генерала *Ламорисьера*. Абдъ-эль-Кадеръ былъ наконецъ отброшенъ мароккскими жителями въ глубокія горныя ущелія. Генералъ *Ламорисьеръ* уже прежде разставилъ на возвышенностяхъ, съ которыхъ лучше можно было овладѣть ущеліями, отряды спаговъ и приказалъ имъ снять красныя плащи и все, что могло обнаружить арабамъ подданство ихъ Франціи. Поручикъ *Куйа*, командовавшій 20 спагами, охранявшими ущелье, черезъ которое Абдъ-эль-Кадеръ хотѣлъ пройти, подошелъ къ нему и, замѣтивъ малочисленность стражи, сказалъ, что онъ французскій поручикъ спаговъ, сѣвѣтовалъ ему сдаться и въ продолженіе всей ночи былъ посредникомъ между генераломъ *Ламорисьеромъ* и побѣжденнымъ эмиромъ. Абдъ-эль-Кадеръ послалъ генералу свой перстень съ печатью, въ знакъ покорности, на что генералъ от-

въчалъ ему присылкою своей сабли и увѣрилъ его, что жизнь его будетъ находиться въ безопасности. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, Абдъ-эль-Кадеръ сдался съ тѣмъ, чтобы ему позволили отправиться въ Мекку черезъ Сень-Жанъ-д'Акръ, или Александрію. Такимъ образомъ былъ онъ принятъ на форпостъ полковникомъ *Монтбано*мъ, начальствовавшимъ одною изъ колоннъ *Ламорисьера*. Это происходило ночью съ 22 на 23 декабря при Сиди-Брагимъ. Оттуда Эмиръ былъ отведенъ въ Джемма-Гауатъ, гдѣ находился герцогъ Омальскій, прибывшій туда днемъ прежде на пароходъ «Solon». Употребивъ нѣсколько часовъ на продажу своихъ лошадей и имущества, Абдъ-эль-Кадеръ выбралъ себѣ людей, которыхъ пожелалъ взять съ собою, съѣлъ на пароходъ «Solon», прибывшій 25 ч. утромъ въ 4 часа въ Оранъ.

Эмиръ прибылъ сюда въ шесть часовъ, съ генералами *Ламорисьеромъ* и *Кавеньякомъ* и подполковникомъ *Бюфоромъ*, и былъ приведенъ къ герцогу Омалскому. Покоряясь своему настоящему положенію, онъ смиренно снялъ, у порога, свои сандалин, и не сѣлся, пока принцъ не далъ ему знака сѣсть. Послѣ мгновеннаго молчанія, онъ произнесъ сѣдующія слова, которыя были переведены драгоманомъ: «Я сдѣлалъ бы еще прежде то, что сдѣлалъ теперь, но я ожидалъ часа, назначеннаго для того Богомъ. Генералъ далъ мнѣ обѣщаніе, которому я довѣрился. Не опасаясь, чтобы сынъ такого великаго короля, каковъ король Французовъ, нарушилъ его; прошу амана моему семейству и себѣ.» Герцогъ подтвердилъ нѣсколькими простыми словами обѣщаніе генерала, и съ достоинствомъ простился съ Абдъ-эль-Кадеромъ, который былъ помѣщенъ съ своимъ семействомъ въ палаткахъ, разбитыхъ внутри ограда госпиталя. На другое утро, когда герцогъ Омальскій, окончивъ смотръ надъ кавалеріею, возвращавшеюся въ лагерь, вѣхалъ домой, Абдъ-эль-Кадеръ явился верхомъ, окруженный своими знатнѣйшими предводителями, и сойдя съ лошади въ нѣсколькихъ шагахъ отъ принца, сказалъ ему: «Примите эту лошадь, послѣднюю, на которой я ѣздилъ, въ знакъ моей благодарности, и я надѣюсь, что она

принесеть вамъ счастье.» Герцогъ отвѣчалъ: «Принимаю ее, какъ знакъ вашей покорности Франціи, которая отнынь будетъ вашею защитою, и какъ знакъ, что все прошедшее теперь забыто.» Эмиръ поклонился потомъ принцу съ большимъ достоинствомъ, и воротился въ свою палатку пѣшкомъ.

Въ *Journal des Débats*, 3 января, указавъ на важность взятія въ плѣнь Абдъ-эль-Кадера, рассказываютъ, что когда эмиръ выдалъ герцогу Омальскому свое оружіе, герцогъ взялъ его пистолеть, и сказалъ: «Это для короля!» Онъ схватилъ потомъ саблю арабскаго предводителя, и вручивъ ее генералу Ламорисьеру, сказалъ ему: «Эта сабля принадлежитъ вамъ; вы исполнѣе ее заслужили!»

Нѣсколькими часами позже отправился пароходъ—фрегатъ «*Asmodée*» съ Эмиромъ и 92 чел. его свиты во Францію. Покидая алжирскія владѣнія, онъ написалъ еще письмо къ герцогу Омальскому, въ которомъ благодарилъ принца за вниманіе.

Онъ былъ привезенъ въ Тулонъ. Тамъ главное начальство получило инструкціи относительно Абдъ-эль-Кадера и его семейства. Эмиръ съ матерью, тремя дѣтьми, затемъ и повѣренными, долженъ былъ отправиться 8 января въ фортъ Ламальгъ; другіе Арабы будутъ отосланы въ фортъ Мальбускъ. Эти распоряженія привезены адъютантомъ военнаго министра, полковникомъ *Лерё*, который долженъ былъ принять главное начальство надъ фортомъ Ламальгъ, значительный гарнизонъ котораго будетъ еще усиленъ. Изъ распоряженій, относительно форта и предосторожностей, должно заключить, что эмиръ будетъ жить тамъ довольно долго, какъ плѣнникъ. Къ нему приставленъ будетъ караулъ и только прогулка по террасѣ форта будетъ ему предоставлена.

Эмиръ выслушалъ этотъ приказъ съ видимымъ прискорбіемъ и только на пути могъ принять свой обычный серьезный видъ. Престарѣлая его мать громко плакала, когда вступила на холодный и мрачный дворъ и всходила по слабо-освѣщенной лѣстницѣ. Полковникъ *Лерё* принялъ эмира у входа и увѣрялъ, что пребываніе его въ этомъ мѣстѣ

не должно беспокоить его; морское министерство переместило сюда «гостей Франціи» только потому, что Алжиръ зависить отъ военнаго департамента. Король послалъ его (*Лерё*) сюда съ тѣмъ, чтобы онъ наблюдалъ за его благосостояніемъ: «Я ни сколько не беспокоюсь, сказала Абдъ-эль-Кадеръ, не слишкомъ спокойнымъ голосомъ: я доверяю Франціи; впрочемъ, свѣтъ обращаетъ на меня вниманіе и будетъ видѣть, поступаютъ ли со мною какъ должно. Будетъ то, что угодно Богу.»

Эмиръ, по перевезеніи его въ фортъ Ламальгъ, тревожился о томъ, какая судьба ожидаетъ его и особъ его сваты. Видя, что его разлучили съ самыми близкими къ нему людьми, онъ опасался, чтобъ ихъ не постигла участь, какой онъ подвергалъ Французовъ, сдавшихся ему въ плѣнь. И такъ, въ первые дни онъ былъ печаленъ, безпокоенъ, тревожился грустными опасеніями. Наконецъ, желая узнать, какая судьба постигла его спутниковъ, онъ осведомился у коменданта форта Ламальгъ, въ добромъ ли они здоровы. Комендантъ привелъ ихъ къ эмиру. Они были здоровы, веселы, и не могли нахвалиться обхожденіемъ съ ними начальства. Опасенія и заботы Абдъ-эль-Кадера исчезли: онъ убѣдился, что ему не сдѣлаютъ во Франціи никакого зла, и написалъ письмо къ королю съ просьбою оставить его во Франціи. Его намѣрены поселить въ Валавезъ, замкъ Талебрана, гдѣ содержались, при Наполеонѣ, испанскіе принцы. «Двѣло, говорятъ Французы: пусть арабскій Талебранъ живетъ въ домъ французскаго Абдъ-эль-Кадера, дипломатической памяти.» Абдъ-эль-Кадеръ, въ своемъ заключеніи, занимается слушаніемъ описанія походовъ Наполеона, которое переводить ему толмачъ его г-нъ *Руссо*.

Но въ *Comptoir Français* пишутъ, что Абдъ-эль-Кадеръ, сопровождаемый четверью родственниками своими, придетъ въ Парижъ, чтобы представиться королю. Эмиру назначатъ потомъ мѣстопробываніемъ одинъ изъ городовъ южной Франціи. Хотя онъ еще не отказался рѣшительно отъ условій, на которыхъ отдался въ плѣнь, однако же онъ согласился отсрочить на неопредѣленное время свой отъѣздъ на востокъ.

Египетъ.

Въ новѣйшихъ извѣстіяхъ изъ Египта увѣдомляютъ о болѣзни намѣстника, который возбуждаетъ теперь тѣмъ болѣе участіе, что въ концѣ жизни онъ направилъ свое честолюбіе преимущественно на успѣхи цивилизаціи въ странѣ. Такъ, предполагаемое построеніе канала чрезъ суэскій перешеекъ находить въ немъ пламеннаго споспѣшествователя и онъ говоритъ обыкновенно, что желалъ бы окончить снѣмъ величественнымъ предпріятіемъ свое поприще, посвященное благу Египта. Дѣйствительно, престарѣлый паша оказывалъ всякое покровительство французской экспедиціи, которая имѣла порученіе сдѣлать предварительную съемку мѣстности и приготовить планы, и уже исполнила это самымъ удовлетворительнымъ образомъ; четыре отдѣленія этой экспедиціи, работавшія частью по берегамъ, частью въ степи, были снабжены артиллерійскими солдатами для ихъ защиты, а для удобства ихъ имъ даны, безденежно, дромадеры и нѣсколько погонщиковъ. Въ концѣ января, главные инженеры Франціи, Англіи и Австріи съѣдутся въ Римъ, и отправятся потомъ на мѣсто постройки, въ Египетъ, чтобы окончательно утвердить планы канала. Французское правительство доказало недавно свое участіе въ этомъ предпріятіи, дозволивъ марсельской торговой палатѣ употребить на него свои капиталы.

Мысль Доброй Надежды.

Кафры вступили, въ началѣ ноября, въ открытое сраженіе. Они расположились на высотѣ, но англійская кавалерія взвѣхала на нее галопомъ, и спѣшившись, прогнала Кафровъ въ сосѣднія ущелья. Англичане дѣлательно продолжаютъ войну.

По извѣстіямъ отъ 26-го ноября, Кафры напали на пятерыхъ офицеровъ 73-го полка, легкомысленно удалившихся изъ британскаго лагеря, умертвили ихъ и жестоко изувѣчили. Полковникъ Сомерсетъ, предпринявшій поискъ для отмщенія

за своих товарищей, атаковала Кафровъ, положилъ на мѣсть 23 человека, и хотѣлъ, 18-го, переправиться чрезъ Кей, чтобы преслѣдовать ихъ далѣе.

Въ Наталъ дѣла идутъ не такъ хорошо. Около ста тысячъ туземцевъ поселились во владѣніяхъ колоніи, и число ихъ постоянно увеличивалось бѣглецами. Доходы малы; законы не исполняются.

Остѣ - Индія.

Последняя индійская сухопутная почта привезла извѣстія изъ Бомбея, отъ 1-го декабря. Лордъ Гардингъ прибылъ въ Каунпуръ, на лѣвомъ берегу Гауга. На противоположномъ берегу, король удскій разбилъ великолѣпный лагерь въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ. Онъ торжественно посѣтилъ англійскаго генералъ-губернатора, который даетъ ему совѣты для водворенія большаго порядка въ его владѣніяхъ. Въ Кантонъ было все спокойно. Неблагопріятныя торговыя извѣстія изъ Англій возбудили тамъ общій страхъ и остановили дѣла. Въ Гейдерабадѣ господствуетъ совершенное безначаліе. Арабскіе солдаты грабятъ страну. Низамъ оставилъ свою столицу, и объявилъ, что возвратится не прежде, какъ когда англійскій посланникъ согласится на увольненіе перваго министра, съ которымъ Низамъ давно враждуетъ. Изъ Райпутане получено извѣстіе, что страшный разбойникъ Дунгаръ-Сингъ наконецъ захваченъ поручикомъ Гардкестаемъ.

Соединенные Штаты и Мексика.

Новыя извѣстія изъ Нью-Йорка доходятъ до 23-го декабря. Изъ Соединенныхъ Штатовъ сообщаютъ мало любопытныхъ политическихъ новостей. Въ конгрессъ еще ничего не было рѣшено о Мексиканской войнѣ, и только обнаруживались санныя разнообразныя мнѣнія. Генералъ Тейлоръ намѣренъ

даться кандидатомъ въ президенты. Съ начала Соединенныхъ Штатовъ получаютъ печальныя вѣстия. Въ рѣкѣ, впадающей въ Миссиссипи, выступили изъ береговъ; тысячи семействъ лишились крова, города стоятъ подъ водою, и много людей погибло въ волнахъ. Вѣстия съ театра войны въ Мексикѣ не обещаютъ мира. Сантана сталъ въ главѣ одного пронунсиамента противъ кверстарскаго конгресса, и 22-го ноября уѣхалъ изъ Тегуакана, чтобы принять начальство въ Оахакъ, надъ отрядомъ, котораго силу показываютъ въ 16,000 человекъ. Англичане приняли подъ свое протекторство короля москитскаго берега, и защищаютъ его притязанія противъ области Никарагуа. «Должны ли мы терпѣть это?» спрашиваютъ въ северо-американскихъ газетахъ.

=

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЗОРЪ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ НА КАВКАЗѢ.

Планиль, надѣясь, что наступившая зима воспренителюетъ сбору войскъ нашихъ въ Центральномъ Дагестанѣ, дивуль сильныя партіи, въ ноябрѣ минувшаго года, къ Цудахару и въ вертале нигалы Казн-Кулыкского Княства.

По Цудахаринцы мужественно отстояли свой ауль и, сдѣлавъ вылазку, опрокинули и преслѣдовали Мюридовъ. Между тѣмъ, по распоряженію командующаго войсками въ прикаспійскомъ край, генералъ-лейтенанта князя Арутинскаго-Домо-рукаго, двѣ колонны — одна изъ 3-хъ, другая изъ 6-ти батальоновъ пѣхоты, съ 12-ю орудіями, дивизионъ драгунъ и инженеріи — сосредоточились, 22-го ноября, впереди Цуда-хара. Не взирая на трудности зимняго въ горяхъ похода, войска наши, быстро направлены къ селеніямъ Учурагу и Му-карлю, въ коихъ укрѣпились мтежинки, вытѣснили ихъ изъ сильхъ позицій и, возобновивъ спокойствіе въ край, возврати-лись, 20-го числа, въ свои квартиры, въ Тенгри-Давъ-Шару и Курутъ.

Около того же времени, на сѣверной покатоости горь, генералъ-лейтенантъ *Фрейтагъ* приступилъ къ прорубкѣ по всѣмъ направленіямъ широкихъ просѣковъ въ Чеченскихъ лѣсахъ, согласно предположенію, которое, ежегодно исполняясь зимою, принесло уже существенную пользу. Онъ выступилъ, 18-го ноября, изъ укр. Воздвиженскаго, къ р. Гойтѣ съ отрядомъ изъ 9-ти баталіоновъ пѣхоты, 450 казаковъ и 16-ти орудій. Съ 29-го ноября по 10-е декабря ежедневно посылаемы были колонны подъ начальствомъ полковниковъ: *барона Меллера-Закомельскаго*, *барона Вревскаю 2-го* и флигель-адъютанта князя *Бярятинскаго 1-го*, для расчистки лѣса, фуражировокъ и истребленія ближайшихъ ауловъ и хуторовъ. 6-го декабря, генералъ-лейтенантъ *Фрейтагъ* овладѣлъ почти неприступнымъ ауломъ Сабдулы, Навба Малой-Чечни. Эти дѣйствія сопровождались перестрѣлками, въ коихъ непріатель понесъ значительный уронъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, потеря наша во все это время состояла убитыми: изъ 1-го оберъ-офицера и 18-ти нижнихъ чиновъ; ранеными изъ 8-ми оберъ-офицеровъ и 148 нижнихъ чиновъ.

Отрядъ генералъ-лейтенанта *Фрейтага*, оставаясь въ центрѣ Малой-Чечни, продолжаетъ свои занятія, коими готовится успѣкъ дальнѣйшихъ предпріятій къ покоренію этой области.

На Верхней-Сунжѣ полковникъ *Слѣпцовъ* воспользовался отвлеченіемъ Чеченцевъ къ лагерю генералъ-лейтенанта *Фрейтага*.

Въ ночь съ 11-го на 12-е декабря, собравъ, въ укр. Ачхоевскомъ, 750 казаковъ и 6 ротъ пѣхоты, при 3-хъ орудіяхъ съ конно-ракетною командою, онъ совершилъ удачный поискъ за р. Валерикъ на аулъ Умаханъ-Юртъ. Большая часть сопротивлявшихся Чеченцевъ погибла; аулъ преданъ огню; 22 пленныхъ остались въ рукахъ нашихъ. Съ нашей стороны ранено 2 оберъ-офицера и 7 нижнихъ чиновъ.

Изъ Чечни. Отрядъ генералъ-лейтенанта *Фрейтага*, несмотря на сильные морозы, которые возвышались до 20 и болѣе градусовъ по реомюру, продолжалъ до 23-го декабря занятія свои въ Чеченскихъ лѣсахъ проложеніемъ широкихъ просѣ-

корь и истребленіемъ между рѣками Мортаноуъ и Гойтою ближайшихъ ауловъ.

Съ сею послѣднею цѣлю былъ посланъ, 14-го декабря, съ пятью баталіонами пѣхоты, кавалеріи и 8-ю орудіями, командиръ егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, флигель-адъютантъ полковникъ князь *Барятинскій*, въ аулъ Богачарой, расположенный въ одномъ изъ самыхъ недоступныхъ мѣсть Малой-Чечни. Селеніе это было взято и истреблено, а непріятель, старавшійся отистыть войскамъ, когда колонна возвращалась въ лагерь, былъ строго наказанъ.

15 Декабря, для уничтоженія нѣсколькихъ хуторовъ по Гойтѣ, вверхъ отъ мѣста расположенія отряда, гдѣ скрывались семейства Чеченцевъ, генералъ-лейтенантъ *Фрейтагъ* послалъ 5 баталіоновъ, часть кавалеріи и 6 орудій, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника *Форстена*, который исполнилъ это предпріятіе съ примѣрнымъ успѣхомъ.

Въ этихъ двухъ послѣднихъ дѣлахъ мы потеряли убитыми 9 и ранеными 97 человекъ.

23-го Декабря, чтобы дать войскамъ отдыхъ, генералъ-лейтенантъ *Фрейтагъ* отправилъ одну часть отряда въ кр. Грозную, а другую въ укр. Воздвиженское.

Чеченцы, послѣ всѣхъ пораженій, претерпѣнныхъ ими въ послѣднее время, до того упали духомъ, что никто не смѣлъ преслѣдовать войска. Вообще, во время всѣхъ послѣднихъ дѣйствій генералъ-лейтенанта *Фрейтага*, колонны наши встрѣчали только тогда сопротивленіе со стороны непріятеля, когда мы дѣлали нападеніе на аулы, въ коихъ скрывались семейства непокорныхъ; во время же рубки лѣса и при движеніи транспортовъ съ продовольствіемъ изъ кр. Грозной и укр. Воздвиженскаго, Чеченцы не сдѣлали ни одного выстрѣла.

Съ правую фланга кавказской линіи.

Когда, въ прошедшемъ году, большая часть Абадзеховъ изъявила покорность, нѣкоторые изъ нихъ, болѣе отдаленные отъ Лабы и къ которымъ пристала буйная молодежь изъ другихъ фамилій, дѣлали набѣги на наши границы, чтобы отго-

нить скотъ или захватывать людей, между станциями, слѣдующихъ безъ прикрытія. Хотя эти частныя хищничества не были никакой важности, необходимо однакоже было увѣрить легкомысленный народъ Абадзехскій, что если мы въ послѣдніе два года не дѣлали за Лабу и за Кубань никакихъ набѣговъ, то это было единственно по причинѣ объявленія покорности многими изъ нихъ и въ надеждѣ той-же покорности отъ остальныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ надобно было показать имъ, что наши войска всегда готовы наказывать тѣхъ, кто, не разумѣя своего собственнаго блага и выгодъ, не забываютъ старыя привычки своего разбоя и хищничества.

Въ концѣ прошедшаго лѣта и осенью хищники сдѣлали нѣсколько вторженій, впрочемъ не важныхъ и почти всегда неудачныхъ. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ, начальникъ праваго фланга, генераль-маіоръ *Ковалевскій*, сдѣлалъ, въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, два сильныя поиска за Лабу, но не трогалъ тѣхъ изъ жителей, которые держались даннаго намъ слова. Въ оба раза отряды состояли изъ 2^{1/2} батальоновъ Ставропольскаго и Кубанскаго егерскихъ полковъ, 2 тысячи линейнаго и донскихъ казаковъ и 6 орудій.

Распоряженія генераль-маіора *Ковалевскаго* были самымъ благоразумными, такъ что почти безъ всякой съ нашей стороны потери и не смотря на трудныя мѣста и холодъ, виновные противъ насъ были строго наказаны. Хотя по приближеніи отрядовъ они угоняли далѣе въ горы большую часть своихъ стадъ, но это не спасло ихъ отъ истребленія, потому что все заготовленное сѣно, болѣе милліона пудовъ, было сожжено. Рога тѣла скота взято болѣе 300 штукъ, барановъ 3.000 штукъ, и что весьма важно для Абадзеховъ, захвачено въ плѣнъ 44 человекъ.

Съ нашей стороны, во время этихъ движеній, ранено 4 казака. — Благодаря заботливости генераль-маіора *Ковалевскаго*, не смотря на сильную стужу и большіе снѣга, заболѣвшихъ въ отрядѣ почти не было.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННОГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМЪ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1847 ГОДА ПО 15 ДЕНАРЯ СЕГО ГОДА.

УЧРЕЖДЕНІЯ ГУБЕРСКІЯ.

Государь Императоръ по всеподданѣйшему докладу Г. министра государственныхъ имуществъ 17 ноября 1847 года Высочайше повелѣть соизволилъ: на повивальныхъ бабокъ, обучающихся по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ на счетъ хозяйственнаго капитала, распространить содержащееся въ примѣчаніи къ 4317 ст. 2 т. св. зак. учрежд. власт. и мѣст. волост. и сель. правило, по коему государственные крестьяне, получившіе образованіе на общественный счетъ для поступленія на должности волостныхъ и сельскихъ писарей, обязаны прослужить въ сихъ должностяхъ не менѣ десяти лѣтъ, а въ случаѣ желанія перейти въ другое сословіе или обратиться къ другимъ занятіямъ, увольняются вѣнчае, какъ по возвращеніи всѣхъ употребленныхъ на ихъ образованіе издержекъ, съ тѣмъ, что повивальныя бабки, выходящія въ замужество за людей посторонняго сословія, продолжая свое ремесло въ тѣхъ, или другихъ селеніяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, изъемяются отъ обязанности взноса употребленныхъ на обученіе ихъ издержекъ.

Уставы о повинностяхъ.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ докладъ правительствующаго сената о дозволеніи несовершеннолѣтнимъ Евреямъ наниматься въ рекруты и заключеніе по сему предмету рекрутскаго комитета, *мнѣніемъ*, Высочайше утвержденнымъ 27 октября 1847 года, *положилъ*: въ дополненіе подлежащихъ статей устава рекрутскаго (Св. Зак. Т. IV) постановить: 1) Несовершеннолѣтніе Евреи, по достиженіи восемнадцати лѣтъ

отъ роду, могутъ наниматься въ рекруты за Евреевъ же, но не иначе какъ съ согласія своихъ родителей, или, когда нѣтъ въ живыхъ, съ согласія тѣхъ, кто заступаетъ ихъ мѣсто, пока не достигнуть полного совершеннолѣтія (двадцати одного года). 2) Несовершеннолѣтній наемникъ представляется въ рекрутское присутствіе съ проектомъ наемнаго договора, предварительно подписаннымъ имъ и нанимателемъ, въ слѣдствіе обоюднаго ихъ о наемной платѣ и о прочемъ добровольнаго условія. На договорѣ должна быть подпись родителей наемника или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто, о томъ, что они согласны на добровольное поступленіе его въ рекруты и на всѣ условія договора. 3) Въ рекрутскомъ присутствіи несовершеннолѣтній наемникъ, прежде освидѣтельствованія его здоровья и прочихъ качествъ, долженъ словесно подтвердить, что ему извѣстно, что никто не можетъ принудить его къ поступленію въ рекруты; что ему извѣстны также всѣ условія договора, имъ представляемаго, и что онъ добровольно заключилъ и подписалъ ихъ съ нанимателемъ. Сіе показаніе отбирается отъ наемника по удаленіи изъ присутствія какъ нанимателей и родителей, такъ и вообще всѣхъ, кто по мнѣнію присутствія, могъ бы имѣть вліяніе на его рѣшимость, и если онъ за тѣмъ на вопросы объ означенныхъ трехъ предметахъ дастъ отрицательный или даже неясный отвѣтъ, то въ приѣмъ его отказывать и наемный договоръ тутъ же уничтожать. Все вышесказанное производство отиъчается подробно въ журналѣ присутствія. Если же наемникъ дастъ присутствію отвѣты удовлетворительные, и за тѣмъ бывъ освидѣтельствованъ въ здоровьѣ и прочихъ качествахъ, будетъ присутствіемъ удостоенъ къ приѣму въ службу, то договоръ его съ нанимателемъ считается состоявшимся и утвержденнымъ безъ всякихъ другихъ формальностей. 4) Застрахованіе Еврейскихъ рекрутъ-наемниковъ по 212 ст. общаго устава рекрутскаго зависитъ отъ добровольнаго согласія на то ихъ самихъ, или тѣхъ, кто панялъ ихъ, или дозволилъ наняться. Но наниматели Евреевъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ, обязаны, по существующему закону о людяхъ сего вѣдомства, вносить въ составъ капитала для отставныхъ во-

своими чинами, водворяющихся въ казенныхъ селеніяхъ; по десяти рублей серебромъ за каждаго наемника, при самомъ его приѣзѣ (Уст. Рекрут. ст. 209-я).

УСТАВЫ КАЗЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ докладъ правительствующаго сената по вопросу: слѣдуетъ ли купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ, проживающихъ въ казенныхъ селеніяхъ, освобождать отъ хлѣбнаго и денежнаго сбора на продовольствіе поселянъ? мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 13 октября 1847 года, положилъ: докладъ сей утвердить, и въ слѣдствіе того, въ поясненіе стат. 417 уст. о подат. (Св. Зак. Т. V), постановить, что проживающіе въ казенныхъ селеніяхъ купцы мѣщане и цеховые, не подвергаясь какъ хлѣбному, такъ и денежному, по поселянскому званію, на обезпеченіе продовольствія сборамъ, остаются по сей части на попеченіи комиссій народнаго продовольствія тѣхъ городовъ, при коихъ они состоятъ записанными по ревизіи.

Тверское губернское правленіе вошло въ правительствующій сенатъ съ представленіемъ о необходимости распространить силу закона объ отдачѣ осѣдлымъ нижнимъ чинамъ оыновой кантонистовъ и на тѣхъ нижнихъ чинахъ, у коихъ дома и земли приобрѣтены на имя жень ихъ. По представленію этому правительствующій сенатъ требовалъ мнѣнія г. военнаго министра, который въ рапортѣ отъ 11 октября 1847 года прописываетъ заключеніе военнаго совѣта, который положилъ: 1., Допустить отдачу изъ военнаго вѣдомства отставнымъ нижнимъ чинамъ, по осѣдлости жень ихъ, законнорожденныхъ сыновей, несостоящихъ на службѣ, на томъ основаніи, какъ по статьѣ 322 V тома св. уст. о под. отдаются сыновья отставнымъ нижнимъ чинамъ, имѣющимъ собственную осѣдлость. 2., Сообразно сену 322 ст. въ подлежащемъ продолженіи къ V тому св. уст. о под. дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: Примѣчаніе. «На этомъ же основаніи отдаются изъ военнаго вѣ-

домства законопринятые несостояніа на службѣ сыновья отставнымъ нижнимъ чинамъ, коихъ жены имѣютъ посыланную осѣдлость въ мѣстахъ, невринадлежащихъ почитаемому владѣнію. Государь Императоръ, таковое положеніе военнаго совѣта, 23 сентября 1847 года, соизволилъ Высочайше утвердить.

Законы гражданскіе.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о порядкѣ возобновленія взысканій казенныхъ долговъ, сложенныхъ по безнадѣжности, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 24 ноября 1847 года, положилъ: въ дополненіе подлежащихъ статей св. зак. постановить: 1-е, При сложеніи со счетовъ, на основаніи существующихъ нынѣ узаконеній, казенныхъ взысканій по безнадѣжности, не снимать, въ продолженіи 10 еще послѣ того лѣтъ, положеннаго въ установленномъ порядкѣ, при самомъ открытіи означенныхъ взысканій, на имущество должника запрещеній, если взысканіе составляетъ болѣе 300 рублей, и должникъ не лишень судебнымъ приговоромъ правъ состоянія или не былъ по тому же самому взысканію выдержанъ въ тюремномъ заключеніи 5 лѣтъ (улож. о нак. ст. 90). 2-е, Дѣйствию и послѣдствіямъ того запрещенія подвергается въ теченіе упомянутыхъ 10 лѣтъ, какъ всякая могущая открыться у подобныхъ казенныхъ должниковъ собственность, такъ и вновь приобретаемое ими имущество, на которое впрочемъ акты должны быть совершаемы безпрепятственно. 3-е, При совершеніи актовъ на переходъ недвижимыхъ имуществъ, справки по алфавитамъ запретительныхъ книгъ дѣлать не только о лицѣ, отчуждающемъ имѣніе, но и приобретающемъ оное. 4-е, Если имѣніе переходитъ къ казенному должнику, или коего состоитъ въ запретительныхъ книгахъ, то вѣдѣніе съ совершеніемъ на вновь приобретаемое имъ имѣніе акта, извѣщать о семъ для надлежащаго распоряженія о возобновленіи сложенныхъ со счетовъ взысканій, тѣ вѣдомства, въ коихъ возникъ казенный долгъ.

4-е. По означеніи означеннаго выше (пунктъ 1-й) 10-лѣтняго срока послѣ сложенія со счетовъ за безнадежнось казенныхъ выданныхъ, положенное при открытіи оныхъ запрещеніе ограничивается въ установленномъ порядкѣ, подлежащими дѣлами, не ожидая никакого особаго о томъ предписанія или разрѣшенія.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе заведывающаго II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, относительно подачи просьбъ и документовъ по тяжбымъ дѣламъ, внесеннымъ въ общія собранія правительствующаго Сената: въ силу высочайшихъ повелѣній, имѣвшихъ высочайше утвержденнымъ 27 октября 1847 года, положилъ: въ извѣщеніе св. зак. т. X. законовъ гражданскихъ статьи 2622 постановить, что тяжущіеся вызываются къ рукоприкладству по означеннымъ дѣламъ, разсматривающимся въ общихъ собраніяхъ правительствующаго Сената, тѣмъ же порядкомъ, какой въ ст. 2572 и 2574 для дѣлъ, производящихся въ департаментахъ Сената, предписанъ.

Уставы Государственного Благоустройства.

Правительствующій сенатъ, по выслушаніи дѣла по представленію г. министра финансовъ о торговлѣ Евреевъ въ Сибири, резолюціею 30-го іюля 1847 года состоявшеюся, опредѣдилъ: разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ о томъ: можно ли и на какомъ основаніи выдавать торговля свидѣтельства находящимся въ Сибири евреямъ правительствующій сенатъ находитъ мнѣніе министра финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, по проводимымъ ими основаніямъ, правильнымъ, а потому, согласно съ симъ мнѣніемъ, полагаетъ, что въ отношеніи къ находившимся въ Сибири до 15 мая 1837 года евреямъ и дѣтямъ ихъ мужескаго пола, тамъ родившимся, или выѣстъ съ ними, по распоряженію правительства, отправленнымъ въ Сибирь и достигшимъ 18-лѣтняго возраста, а равно и женщинамъ, которымъ дозволено остаться на мѣстахъ ихъ жительства, то есть въ Сибири, мѣсто ихъ поселенія должно счи-

татъ постоянною для нихъ осѣдлостію и по смыслу 117 ст. XI. Т. Уст. Торг. выдача торговыхъ свидѣтельствъ тѣмъ евреямъ, которые этимъ правомъ пользовались уже до 15-го мая 1837 года и тѣмъ, кои на основаніи 1736 ст. Уст. о ссыльныхъ дозволено остаться въ Сибири, должна быть производима, за исключеніемъ ссыльныхъ поселенцевъ, на общемъ основаніи. Но какъ постановленіе это послужитъ поясненіемъ 117 ст. XI. Т. Уст. Торг. и 22 ст. XIV Т. Уст. о паспор. и бѣглыхъ (Св. Зак. изд. 1842 г.), то на приведеніе настоящаго опредѣленія въ исполненіе, предоставить г. министру юстиціи испросить Высочайшее соизволеніе. По сему опредѣленію правительствующаго сената г. министръ юстиціи внеслъ записку объ означенномъ предметѣ въ комитетъ Г. г. министровъ. Его Императорское Величество, по положенію комитета, 11 ноября 1847 года, высочайше повелѣть соизволилъ: опредѣленіе правительствующаго сената утвердить. При чемъ послѣдовало собственноручное Его Императорскаго Величества повелѣніе отнюдь не распространять право сіе на другихъ.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями относительно срочнаго свидѣтельствования работъ по постройкѣ зданій въ Сибири, *мнѣніемъ*, высочайше утвержденнымъ 17 ноября 1847 года, *положилъ*: представленіе сіе утвердить, и, въ слѣдствіе того, въ дополненіе ст. 110 устава строительнаго (Св. Зак. т. XII продол. IV:), разрѣшить строительнымъ комиссіямъ въ Сибирскомъ краѣ срочное свидѣтельство завѣсющихся отъ нихъ работъ производить, по ихъ распоряженію, чрезъ мѣстныхъ чиновниковъ.

Правительственныя распоряженія.

Въ высочайшемъ указѣ, данномъ господину министру финансовъ, изображено: состоящее въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, С. Петербургское училище торговаго мореплаванія, повелѣваю вамъ передать въ зависимость морскаго министерства, къ 1-му января наступающаго 1848 года.

На семь основаніи, вы не оставите сдѣлать надлежащія распоряженія:

1.) Чтобы съ передачею училища, были также переданы морскому министерству всё безъ изъятія, принадлежащія сему заведенію вещи и имущество, какъ по части хозяйственной, такъ и по части образованія воспитанниковъ. Запасный капиталъ училища, составляющій *три тысячи двести пятьдесятъ три рубля серебромъ* и зданіе, онымъ занимаемое, поступаютъ въ тоже время, въ вѣдомство морскаго министерства; и

2.) Чтобы опредѣленная штатомъ, на содержаніе училища, сумма *тринадцать тысячъ шестьсотъ шестнадцать рублей пятьдесятъ семь копѣекъ* серебромъ въ годъ, была, начиная съ 1-го января будущаго 1848 г., отпускаема впредь морскому министерству, сверхъ нормальной сѣты сего министерства.

Государь Императоръ, въ слѣдствіе ходатайства г. главноначальствующаго надъ почтовыми департаментомъ и по положенію комитета Гг. министровъ, 18 ноября 1847 года, дозволилъ имѣть по вѣренному ему почтовому управленію сорокъ чиновниковъ для особыхъ порученій, изъ нихъ въ V классѣ шесть чиновниковъ, въ VI шестнадцать, а въ VIII-мъ восемнадцать, съ правомъ чинопроизводства, но безъ жалованья, съ предоставленіемъ собственному его усмотрѣнію сколько изъ нихъ должно состоять при немъ и сколько при почтовомъ Департаментѣ и столичныхъ почтамтахъ и сверхъ того Его Величество изволилъ его разрѣшить зачислить въ почтовое вѣдомство и сверхштатныхъ чиновниковъ, въ видѣ кандидатовъ для замѣщенія открывающихся вакансій, какъ сіе допущено уже по другимъ вѣдомствамъ, но съ тѣмъ, чтобы они не пользовались никакими служебными правами и не были производимы въ чины за выслугу лѣтъ, до поступленія на штатныя мѣста.

Государь Императоръ, 6 декабря 1847 года, вычашше повелѣть соизволилъ:

Въ корпусѣ горныхъ инженеровъ и въ институтѣ сего корпуса, въ сравненіе съ инженерами другихъ родовъ службы, май-
К. П. — Отд. II.

оровъ болѣе не имѣть, а производить впредь изъ капитановъ въ подполковники, и въ слѣдствіе того:

1) Изъ положенныхъ по штату 1834 года 36 маіоровъ причислить одну половину къ штатному числу подполковниковъ, а другую къ числу капитановъ, и за тѣмъ имѣть:

Подполковниковъ: вмѣсто	20	38
Капитановъ: »	48	66

Состоящихъ нынѣ въ Институтѣ и корпусѣ горныхъ инженеровъ маіоровъ, впредь до повышенія ихъ по старшинству или за отличіе по службѣ въ подполковники, оставить при настоящемъ наименованіи и содержаніи, считая ихъ къ производству старшими предъ капитанами, а сихъ послѣднихъ производить въ подполковники не прежде, какъ по производствѣ въ этотъ чинъ маіоровъ, или за особымъ по службѣ отличіемъ.

Въ приказѣ главноуправляющаго путями сообщенія и публициныи заданиями, 6-го декабря 1847 года, изъяснено: «Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволяетъ:

1) Въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, по примѣру корпуса полевыхъ инженеровъ и военныхъ поселеній, чина маіора болѣе не имѣть, а капитановъ производить впредь къ подполковники.

2) Изъ числа положенныхъ нынѣ по штату въ корпусѣ путей сообщенія 146-ти маіоровъ, 65 причислить къ штатному числу подполковниковъ, а 81 къ числу капитановъ, и такимъ образомъ имѣть:

Подполковниковъ,—вмѣсто 91-го—156.

Капитановъ—вмѣсто 115-ти—196.

3) Состоящихъ нынѣ въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія маіоровъ, впредь до повышенія ихъ по линіи, или за отличіе по службѣ, въ подполковники,—оставить въ настоящемъ наименованіи, считая ихъ къ производству старшими предъ капитанами, а сихъ послѣднихъ производить въ подполковники не прежде, какъ по производствѣ въ этотъ чинъ маіоровъ, или за особенное по службѣ отличіе, и

4) При переводѣ впредь оберъ-офицеровъ корпуса полевыхъ инженеровъ и военныхъ поселеній въ корпусъ инженеровъ

путей сообщения, не повышать ихъ, какъ доселѣ было, въ слѣдующіе чины, такъ какъ, со введеніемъ въ корпусъ путей сообщенія чина штабсъ-капитана и съ уничтоженіемъ чина майора, офицеры сего корпуса, въ правахъ по производству въ чины, уравниваются съ офицерами полевыхъ инженерныхъ и военныхъ поселеній.» Подпись: генералъ - Адъютантъ графъ Клейнмицель.

Государь Императоръ замѣтивъ, что некоторые начальства входятъ въ инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства съ представленіями объ увольненіи чиновниковъ отъ службы за нехождение къ должности, дозволилъ высочайше повелѣть: подобныхъ случаевъ не допускать, а предавать вѣдомыхъ въ томъ суду для поступленія съ ними по закону.

— Государь Императоръ, по положенію комитета Г. министровъ высочайше повелѣть дозволилъ, чтобы чиновники, которые подвергались по какому-либо случаю суду, равно тѣ, кои уволены не по просьбамъ, а по распоряженію начальства, не иначе были вновь опредѣляемы на службу, какъ только съ разрѣшенія министровъ и главноначальствующихъ надъ отдѣльными частями, по предварительномъ собраніи или достаточныхъ свѣдѣній о причинахъ, послужившихъ къ преданію тѣхъ чиновниковъ суду или увольненію отъ службы безъ просьбы.

Въ *Официальной газетѣ Царства Польскаго* напечатана слѣдующая инструкція судамъ Царства Польскаго, обнародованная намѣстникомъ Царства Польскаго: указомъ, на имя мое, въ 11. (23) день мѣсяца ноября, послѣдовавшимъ, благоугодно было Его Императорскому Величеству предоставить мнѣ, сдѣлать надлежащія распоряженія къ исполненію утвержденнаго Его Величествомъ, того же 11 (23) ноября, положенія о введеніи въ дѣйствіе въ царствѣ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, а вмѣстѣ съ симъ разрѣшать могущія встрѣтиться при томъ недоумѣнія и затрудненія, въ означенномъ положеніи непредвидѣнныя. На основаніи сего Высочайшаго указа, находя нужнымъ: въ предупрежденіе разнообразныхъ дѣйствій судовъ царства въ примѣніи, существующихъ въ ономъ по-лиціи Прусскаго и Австрійскаго

установъ уголовного судопроизводства, къ помннутому уложенію о наказаніяхъ, положительно опредѣлить начала, коихъ они должны держаться при назначеніи, въ случаѣ неполныхъ въ преступленіи доказательствъ, наказанія низшаго противъ опредѣленнаго закономъ, предписываю, въ руководство судовъ слѣдующія правила:

Статья 1. При назначеніи, по содержанію прусскаго устава уголовного судопроизводства, дозволяемаго имъ экстраординарнаго наказанія, т. е. наказанія низшаго противъ опредѣленнаго закономъ, суды обязаны сообразоваться съ точнымъ смысломъ правилъ, заключающихся въ §§ 391—408 того устава.

Ст. 2. Если, по силѣ оныхъ параграфовъ, судъ признаетъ подсудимаго изобличеннымъ близко, но не вполне, въ преступленіи или проступкѣ: то, прежде всего, долженъ опредѣлить наказаніе, коему по закону подлежалъ-бы подсудимый, еслибы полныя существовали противъ него доказательства, а потомъ, на основаніи вышеуказанныхъ параграфовъ Прусскаго устава уголовного судопроизводства, постановитъ наказаніе экстраординарное.

Ст. 3. Наказаніе такое можетъ быть назначено одною, двумя, тремя и даже четырьмя степенями ниже опредѣленнаго закономъ, а взысканіе денежное можетъ быть уменьшено до половины того, какому подлежалъ-бы подсудимый, если-бы противъ него полныя существовали доказательства.

Но если-бы, по роду наказанія, за подлежащее сужденію преступленіе или проступокъ уложеніемъ о наказаніяхъ опредѣляемаго, и по несуществованію низшихъ, въ томъ родѣ наказанія, степеней, невозможно было уменьшить онаго соответственно правиламъ, въ предшедшей статьѣ 2-й изложеннымъ: то судъ, сообразно 155 статьѣ уложенія о наказаніяхъ, переходитъ къ слѣдующему непосредственно за тѣмъ роду наказанія, и мѣру онаго, соответственно тѣмъ же правиламъ, назначитъ.

А какъ отъ ссылки на житье въ отдаленныя губерніи, а равно отъ заключенія въ домъ рабочеиъ, въ домѣ смн-

рительною и въ крѣпости, судъ, по содержанію той же 155 статьи, къ другому легчайшему роду наказаній переходить не можетъ: то, въ уменьшеніи сихъ наказаній, при назначеніи наказанія экстраординарнаго, должны суды, если въ уложеніи не опредѣлено достаточнаго числа низшихъ степеней, поступить на слѣдующемъ основаніи:

а) Ссылка на житье въ отдаленныя губерніи должна быть опредѣлена въ самой низшей степени, и если-бы, по свойству виѣющагося противъ подсудимаго неполнаго доказательства, и по смыслу § 407 Прусскаго устава уголовнаго судопроизводства, помянутое наказаніе признаво было еще слишкомъ строгимъ, то судъ, по содержанію 159 и 160 статей уложенія о наказаніяхъ, можетъ установленнымъ порядкомъ ходатайствовать о смягченіи или перемѣнѣ того наказанія.

б) Срокъ заключенія въ домъ рабочемъ, въ смирительною и въ крѣпости долженъ быть назначенъ короче того, какой опредѣленъ уложеніемъ въ самой низшей сихъ наказаній степеней.

Ст. 4. Ни въ какомъ случаѣ наказаніе экстраординарное не можетъ быть выше 20 лѣтъ каторжной работы, ни совершаться наложеніемъ клеймъ.

Ст. 5. Въ случаѣ, изъясненномъ въ § 430 части 1 Австрійскаго уголовнаго кодекса, суды, вмѣсто смертной казни или безсрочной работы, опредѣленныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ, приговариваютъ виновнаго къ каторжной работѣ въ рудникахъ, на время отъ 15 до 20 лѣтъ, безъ наложенія клеймъ.

Ст. 6. Приговоры, кои со дня 1 января будущаго 1848 года, въ послѣдней инстанціи состоятся, а равно и приговоры, противъ которыхъ осужденные не принесутъ жалобъ, должны, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда виновные приежудаются къ экстраординарному наказанію, быть представляемы, посредствомъ правительственной комисіи юстиціи, на мое разсмотрѣніе и утвержденіе.

Ст. 7. Въ случаѣ, если-бы срокъ заключенія, присужденнаго подсудимому, подѣ стражею содержащемуся, минулъ

до утверждения мною приговора, то жечь: состоявшиигола то осужденный, по истечении того срока, истребить быть осужденъ изъ подъ стражи.

Ст. 8. Исполнение настоящей инструкции и внесение оной въ дневникъ законовъ, возлагается на правительственную комисію юстиціи.

Многіе названные истре и частныя лица весьма стѣснялись существующимъ воспрещеніемъ пересылать по почте въ чужой край красящихъ веществъ и сухія фисовальныя краски со щипками.

Принимая въ соображеніе, что сухія фисовальныя краски въ плиткахъ, обшиваемыя обыкновенно въ особыя деревянные ящики, — кель скоро оны, сверхъ того, будутъ съ тщательнo задѣлываемы въ другой деревянный ящикъ, — не причинять вреда пересылаемымъ истре съ ними по почте палетамъ и посылкамъ, Г. Главнoначальствующій надъ Почтовыми Департаментомъ истре оное повелѣніемъ до- казывать о семъ Государю Императору.

Его Величество, 30 ноября 1847 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить краснымъ истре и частнымъ лицамъ отаравлять по почте сухія фисовальныя краски въ плиткахъ, задѣланными сверхъ того, ящиками, въ которыхъ оны обыкновенно вкладываются, оны въ другіе деревянные ящики, обшивая сін посабдіе, не красящія планциновомъ, а плохую краскою.

— Государь Императоръ, въ разрѣшеніе воспрещеннаго вопроса: какъ поступати относительно исправленія частныхъ деревянныхъ строеній въ 4-й Адмиралтейской части С.-Петер- бурга, повелѣніемъ до воснесенія оного оцнабрѣ истре 1846 года Высочайшаго повелѣніемъ, которымъ дозволено о- сиреи въ этой части воспрещены, Высочайше повелѣть о- нымъ дозволить въ случаѣ необходимости, исправлять судъ поступающія въ 4-й Адмиралтейской части деревянные стро- енія, не возмѣль деревянными ядами сін помы кипрѣ видѣны тамъ не строить.

— Истре Министрота: Фисансовъ, 18 декабря 1847 года, выдана приказы: Масасокому куну Нисоко Окимуку, и

на 10 летъ, на изобрѣтенный горизонтальный насосъ съ увеличенною площадью давленія. Иркутскому 2-й гильдіи купцу Александру Сибирякову, на 5 летъ, на устройство судовъ съ гребными колесами, подобными пароходнымъ, приводимыми въ движеніе безъ посредства паровъ, для плаванія по озеру Байкалу. С.-Петербургскому купцу Василью Розенталю и мѣщанину Эдуарду Впнтеру, на 5 летъ, на новоизобрѣтенный плавательный снарядъ. Новгородскому 2-й гильдіи купцу Якову Шнеуру и Карасубазарскому мѣщанину Николаю Старчикову, на 3 года, на способъ поддѣлки простаго дерева подъ драгоцѣнные дерева, минераллы и проч.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Декабря 6 назначены: Управляющій Вдовинъ домоу и Маринскимъ Межевымъ училищемъ, съ завѣдываніемъ Соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній, почетный опекунъ Императорскаго С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, Сенаторъ, тайный совѣтникъ графъ Кривцовъ Дезбородко. Членомъ Комиссіи прошеній, Производителемъ дѣлъ канцеляріи Статсъ-Секретаря, у принятія на Высочайшее Имя прошеній, дѣйствительный статскій совѣтникъ Радчигъ. Членомъ Совѣта Министрства Внутреннихъ Дѣлъ, находящійся де у дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ааръелка. Старшимъ Директоромъ Государственнаго Коммерческаго Банка, младшимъ Директоромъ того Банка 5-го класса Дарюшевъ. Младшимъ Директоромъ Государственнаго Коммерческаго Банка, состоящій въ Банкѣ сверхъ штата младшимъ Директоромъ, коллежскій совѣтникъ Цомитковскій. Декабря 31. Свѣты Е. И. В. Генералъ-Маіору князю Васильчикову, повелѣно быть Военнымъ Губернаторомъ г. Костромы и Костромскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, съ оставленіемъ дѣла свѣты Е. И. В. Января 1. Рижскій Военный и Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій Генералъ-Губернаторъ, Генералъ свѣтъ Исаанверіи Головановъ увоменъ отъ навоенной его должности и Всемилостивѣише повелѣно ему быть Членомъ Государственнаго Совѣта. Генералъ

раль-Адъютанту Генераль-Майору Князю Италийскому Графу Суворову-Рымникскому повелено быть исправляющим должность Рижскаго Военнаго и Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго Генераль-Губернатора, съ оставленіемъ въ званіи Генераль-Адъютанта.

Пожалованіе въ званіе къ Высочайшему Двору.

Декабря 31. Дѣвицы: Вѣра Безобразова и Ольга Полтавская Всемилостивѣйше пожалованы во Фрейлинны къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ.

НАГРАДЫ.

Произведены:

Въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

За отличіе по службѣ. Ноября 29. Состоящій при Е. И. В. Великомъ Князѣ Константиנѣ Николаевичѣ Лейбъ-Хирургъ Гауровицъ. Декабря 2. Правит. Сената Пятаго Департамента, 1-го Отд., сост. за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ Камеръ-Юнкеръ Безобразовъ. Декабря 6. Состоящіе въ должности Гражд. Губернаторовъ: Виленскаго Блгичевъ и Оренбургскаго Балкашинъ, съ утвержденіемъ въ настоящихъ должностяхъ; вѣдомства Министерства Иностранныхъ Дѣлъ назначенный къ миссін въ Римъ Камергеръ Князь Волконскій, и С.-Пет. старшій городовый акушеръ докторъ медицины Окель. Новгородскій Губернскій Предводитель Дворянства, Гвардіи Полковникъ Сузаревъ.

Въ Статскіе Совѣтники.

За службу имѣть. Ноября 30. Повѣстительнаго Комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи Членъ Бедожиновъ. Декабря 2. Совѣтники Казенныхъ Палатъ: Ярослав-

сней *Половъ* и Тверской *Фрейманъ*. Правитель дѣлъ Центральной Комисіи для уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ *Михайловъ*. Правит. Сената, Перваго Департамента, сост. за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ Камеръ-Юнкеръ *Булычевъ*. Декабря 6. Губернскіе Предводители Дворянства: Воронежскій, Каменъ-Юниеръ *Тулмоновъ* и Виленскій *Пословскій*. Уѣздные Предводители Дворянства: Кирсановскій *Петрово-Соловово* и Городищенскій *Мерзосовъ*. Состоящіе въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ *Лавомиусъ*, *Булаковъ* и управляющій. Генеральнымъ Консульствомъ въ Англіи *Кремеръ*, съ утвержденіемъ Генеральнымъ Консуломъ. Декабря 7. Таврической Гражданской Палаты Предсѣдатель *Крашенинниковъ*. Декабря 9. Тамбовскій Вице-Губернаторъ *Дубецкій*. Декабря 10. Нач. Отд. Деп. Корабельныхъ дѣлъ *Милордовъ*. Декабря 14. Тобольскаго Губернскаго Суда Предсѣдатель *Тарасовъ*. Декабря 18. Дерптскаго университета ордин. проф. *Медлеръ*. Калужской губерніи Директоръ Училищъ *Яновскій*. Департамента общихъ дѣлъ, по вѣдомству Мин. Внутр. дѣлъ, Нач. Отд. *Корниловъ*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

Алмазные знаки Св. Благовернаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Декабря 5. Тайный совѣтникъ *Буткевъ*:

Св. Александра Невскаго.

Октября 28. Отставной Генералъ - Лейтенантъ, Сенаторъ *Курнатовскій*.

БѢЛАГО ОРЛА.

Октября 28. Тайный Совѣтникъ, Главный Директоръ, Предсѣдательствующій въ Правительственной Комисіи Юстиціи

Царства Польскаго, Сенаторъ *Вычеховскій*. Тайный Советникъ, Главноу Директоръ, Председательствующій въ Правительственной Комиссiи. Внутренникъ и Душанныхъ Дѣлъ Царства Польскаго, Сенаторъ *Стороженко*. Декабря 6. Тайный Советникъ, Директоръ Департамента Государственнаго Казначейства, *Килевскій*. Тайный Советникъ, Курскій Губернскій Предводитель Дворянства *Самсеевъ*. Тайный Советникъ, Министръ Свѣтлоу Секретарь Великаго Княжества Финляндскаго *Графъ Арфавайнъ*.

Св. Равнодостоѣнаго Князя Владимира 2-й степени.

Ноября 26. Генераль-Лейтенантъ, исправл. должн. Директора Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства, *Вилламовъ*. Ноября 28. Командиръ 1-й бригады 1-й легкой кавалерійской дивизіи, Генераль-Маіоръ *Кусовниковъ*. Октября 5. Дѣйст. стат. сов. *Губѣ*. Декабря 6. Генераль-Лейтенантъ, начальникъ 5-ти округовъ военнаго поселенія Кіевской и Подольской губерній, *Изюмовъ*. Тайный совѣтникъ, Таврическій Губернскій Предводитель Дворянства *Казначеевъ*.

Св. Анны 1-й степени изъ Императорскаго вѣнзля.

Ноября 26. Генераль-Лейтенантъ, Морской должн. флота Генераль-Интенданта, *Богдановичъ*. Ноября 28. Командиръ 2-й бригады 5-й легкой кавалерійской дивизіи, генераль-маіоръ *Даниловскій* 1-й. Декабря 6. Генераль-маіоръ, Директоръ Полоцкаго кадетскаго корпуса, *Ореусъ*. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Московскій гражданскій губернаторъ въ званіи камергера, *Капишть*.

Св. Анны 1-й степени.

Ноября 7. Генераль-адъютантъ Высш. королевскаго Высочества, великаго герцога Баденскаго, генераль-лейтенантъ, ба-

рошь Лассола (Lassolau). Нюбря 15. Великогерцогскій, го-
сновскій, министр иностранных дѣлъ, кавалеръ Гумбура.
Нюбря 24. Помощникъ начальника главнаго штаба войска,
на каковой находящихся, свиты Его Императорскаго Вели-
чества Генералъ-майоръ Гюль. Состоящій по особымъ пору-
ченіямъ при главномъ командующемъ отдѣльными кавказскими
корпусами, генералъ-майоръ Бляескій 1-й. Нюбря 25. Оберъ-
гофмаршалъ великогерцогскаго Баденскаго двора Дюбуа де
Грассе. Нюбря 26. Вице-адмиралъ, членъ морскаго генералъ-
аудиторіата, Пинагристо. Вице-адмиралъ, членъ морскаго
генералъ-аудиторіата, Мелисовъ. Контръ-адмиралъ, коман-
диръ 2-й бригады 2-й флотскій дивизіи, Балии 1-й. Контръ-
адмиралъ, командиръ 3-й бригады 1-й флотской дивизіи, Ка-
рдуловъ 1-й. Генералъ-майоръ, командиръ 1-го штурманскаго
полубатальона артиллеріи корпуса штурмановъ Балтійскаго
флота, Давидовъ 1-й. Нюбря 28. Командиръ 2-й бригады,
2-й дунайской дивизіи, генералъ-майоръ Владиславелии. Ко-
мандиръ 1-й бригады 2-й дунайской дивизіи, генералъ-майоръ
Алмокой 2-й. Командиръ 1-й бригады 5-й легкой кавалерій-
ской дивизіи генералъ-майоръ Лебедь. Декабря 5. Дѣйстви-
тельный статскій совѣтникъ Ломоносовъ. Дѣйстви-
тельный статскій совѣтникъ членъ совѣта министерства иностранных дѣлъ
Устиновъ. Декабря 6. Генералъ-Лейтенантъ, военный губер-
наторъ города Воронежа и Воронежскій гражданскій губерна-
торъ Лизгаль. Генералъ-майоръ, директоръ Александровскаго
брестскаго кадетскаго корпуса Гельмерсенъ.

Св. Станислава 1-й степенн.

Нюбря 22. Состоящій по кавалеріи при отдѣльномъ кавказ-
скомъ корпусѣ, генералъ-майоръ князь Андрюхиновъ. Нюбря
24. Оберъ-квартирмейстеръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса,
свиты Его Императорскаго Величества, генералъ-майоръ Волде!
Нюбря 28. Вице-оберъ-штаб-мейстеръ великогерцогскаго ба-
денскаго двора баронъ Сельдонъ. Нюбря 26. Контръ-адми-
ралъ, командиръ 3-й бригады 3-й флотской дивизіи Боиль-

Контръ-адмиралъ, членъ общаго присутствія морскаго интенданства, *Курьяковъ*. Ноября 28. Командиръ гусарскаго генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго полка, генералъ-маіоръ *Будбергъ 2-й*. Командиръ 2-й бригады 1-й легкой кавалерійской дивизіи, генералъ-маіоръ *Гладковъ 1-й*. Командиръ 1-й бригады 4-й легкой кавалерійской дивизіи, генералъ-маіоръ *Богущевскій*. Командиръ 2-й бригады 2-й кирасирской дивизіи, генералъ-маіоръ *Масловъ 3-й*. Командиръ 2-й бригады 4-й легкой кавалерійской дивизіи, генералъ-маіоръ *Фоль-Кронекъ*. Декабря 3. Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Скрипицынъ*. Декабря 6. Генералъ-маіоръ, начальникъ VIII округа путей сообщенія, *Зеффель-Лауренбергъ*. Генералъ-маіоръ, директоръ Пажескаго корпуса, *Зимовьевъ*. Дѣйствительный статскій совѣтникъ старшій чиновникъ канцеляріи Государыни Императрицы по учебнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ, *Шверинъ*. Дѣйствительный статскій совѣтникъ главный наблюдатель по преподаванію начертательныхъ искусствъ въ Военно-учебныхъ заведеніяхъ, *Сапожниковъ*. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Псковской гражданскій губернаторъ, *Черкасоевъ*.

Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени.

Октября 12. Командиръ Горной № 4-го батареи 20-й артиллерійской бригады полковникъ *Годлевскій*. Октября 17. Командиръ Дагестанскаго пѣхотнаго полка полковникъ *Евдокимовъ*. Октября 21. Генералъ-маіоры: Командиръ 16-й пѣхотной дивизіи *Шелкановъ* и Командиръ 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, *Трегубовъ*; полковники: Командиры полковъ: Владимірскаго пѣхотнаго, *Касцельскій*, бутырскаго пѣхотнаго, *Запольскій 1-й*, бородинскаго егерскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича *Шонертъ*, Тарутинскаго егерскаго, *Голенковскій*, и Тульскаго егерскаго *Юрьевъ 1-й*. Ноября 12. Бывшій калужскій губернскаго предводитель дворянства статскій совѣтникъ *Сергій Чаудинъ*.

Св. Владимира 4-й степени съ бантомъ.

Октября 12. Командиръ черноморскаго линейнаго № 16-го баталіона, состоящій по арміи подполковникъ *Рауменбергъ*. Адьютантъ главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генераль-адъютанта князя Варонцова, лейбъ гвардіи Егерскаго полка капитанъ князь италійскій графъ *Суворовъ-Рымникскій*. Датской службы капитанъ *Дюпле*. Октября 20. Пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго полка штабсъ-капитанъ *Михайловъ*, андалальскій кадій, поручикъ *Маометъ Ибрагимъ-оглы*.

Св. Владимира 4-й степени, безъ банта.

Октября 12. Адьютантъ-профессоръ Императорской с. петербургской медикохирургической академіи, докторъ медицины *Неммертъ* и состоящій по особымъ порученіямъ при начальникѣ кавказской области, лекаръ *Дукинскій*. Октября 15. Старшій адьютантъ штаба инспектора резервной кавалеріи уланскаго Его Высочества герцога нассаускаго полка, ротмистръ *Зворыкинъ*. Октября 21. Полковники: Егерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка *Федоровъ*. Бородинскаго егерскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, *Асланоичъ 2-й* и Командиръ батареиной № 2-го батареи 16-й артиллерійской бригады, *Вдовиченко*; Подполковники: Корпусный гевальдигеръ 6-го пѣхотнаго корпуса, состоящій по кавалеріи *Ильинъ 1-й*, Рязанскаго пѣхотнаго полка *Кожно*, Дивизионный квартирмейстеръ 18-й пѣхотной дивизиіи, генеральнаго штаба баронъ *фонъ-Рейхель* и Командиръ легкой № 4-го батареи 17-й артиллерійской бригады *Гороноичъ 1-й*, Майоры: Рязанскаго пѣхотнаго полка *Дубасовъ*, тарутинскаго егерскаго полка *Горевъ* и бѣлевскаго егерскаго полка *Но-*

честный-Короткевичъ; Дивизионный докторъ 18-й пѣхотной дивизіи, коллежскій совѣтникъ *Кирibaхъ*, полковый штабъ-лекаръ бородицкаго егерскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, надворный совѣтникъ *Глаголевъ*; Полковый штабъ-лекаръ тарутинскаго егерскаго полка, надворный совѣтникъ *Вознесенскій* и полковый штабъ-лекаръ. бутырскаго пѣхотнаго полка, титулярный совѣтникъ *Сытинъ*. Ноября 12-го. Коллежскіе совѣтники: Виленскій губернский предводитель дворянства Фрайцъ *Пулловскій* и депутатъ Московскаго дворянскаго депутатскаго собранія Александръ *Чекмаревъ*, надворные совѣтники: Сорокско-Ясскій окружный предводитель дворянства Егоръ *Рышканъ*, бывшій Рылъскій уѣздный предводитель дворянства и почетный попечитель Курской гимназіи, въ званіи камеръ-юнкера двора Его Императорскаго Величества, Николай *Денисьевъ*, и депутатъ Полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія Филиппъ *Дыздаревъ*, отставные Майоры: Мглинскій уѣздный предводитель дворянства Василій *Рословъ* и депутатъ Сибирскаго дворянскаго депутатскаго собранія Иванъ *Крейманъ*, Лохвицкій уѣздный предводитель дворянства отставный флота капитанъ-лейтенантъ Григорій *Гамалей*, коллежскіе ассесоры: Суджанскій уѣздный предводитель дворянства Сергій *Мальцовъ*, секретарь и казначей Херсонскаго дворянскаго депутатскаго собранія Дмитрій *Маньковъ* и секретарь Истромскаго дворянскаго депутатскаго собранія Ефимъ *Лаговскій*, Ставропольскій уѣздный предводитель дворянства 8-го класса Михаилъ *Кирьевъ*, отставные ротмистры: уѣздные предводители дворянства, Ромеискій Иванъ *Янубовичъ* и Мценскій Александръ *Минавъ* и депутатъ Саратовскаго дворянскаго депутатскаго собранія Михаилъ *Готовицкій*, депутаты дворянскихъ депутатскихъ собраній: Калужскаго, отставный гвардіи капитанъ Василій *Пасаревъ* и Тамбовскаго, отставный капитанъ Григорій *Рахманиновъ* и Умелъномоченный отъ Аляшвагенскаго прихода отставный капитанъ Баронъ Карлъ *фонъ Штегелъ*, титулярные совѣтники: исправляющій должность Астраханскаго губернскаго предводителя дворянства Иванъ *Арзумановъ*, депутаты дво-

дворянскихъ депутатскихъ собраний: Полтавскаго) Владимиръ *Деницкий* и Орловскаго Евграфъ *Галенцевъ*, отставные штабс-ротмистры: депутаты дворянскихъ депутатскихъ собраний: Харьковскаго, Алексѣй *Хлоповъ* и Смоленскаго Павелъ *Иларовъ*, отставные штабсъ-капитаны: уѣздные предводители дворянства, Владимирскій Павелъ *Долгово-Сабуровъ*, Звенигородскій Михаилъ *Кречетниковъ*, Алаштырскій Александръ *Жилинъ* и депутаты дворянскихъ депутатскихъ собраний: Костромскаго, Геннадій *Бабкинъ* и Смоленскаго, Ефимъ *Суподольскій* и князь Николай *Друцкій-Соколинскій*, отставные гвардіи поручики: уѣздные предводители дворянства: Изюмскій, Алексѣй *Мартыновъ*, Задонскій, Юсифъ *Кржинъ* и депутатъ Харьковскаго дворянскаго депутатскаго собранія Василій *Кондратьевъ*, отставные поручики: уѣздные предводители дворянства: Новооскольскій Иванъ *Раевскій*, Инсарскій Алексѣй *Тучковъ*, Порѣчьскій Алексѣй *Мартинювичъ*, Бѣлостокскій Яковъ *Саковичъ*, и депутаты дворянскихъ депутатскихъ собраний: Саратовскаго, Александръ *Лихачевъ*, Харьковскаго, Василій *Неклюдовъ*, Херсонскаго, Петръ *Шишкинъ*, Курскаго, Николай *Дурново*, Тамбовскаго князь Андрей *Кильдишевъ*, Воронежскаго, Иванъ *Подольскій*, Московскаго, Николай *Толстой*, бывшій Харьковскаго, Яковъ *Лялинъ*, депутатъ Бессарбскаго дворянскаго депутатскаго собранія, коллежскій секретарь Юрдакій *Феодосіо*, отставные поручики: Сенгилѣвскій уѣздный предводитель дворянства Василій *Никифоровъ* и депутаты дворянскихъ депутатскихъ собраний: Черниговскаго Даннло *Забѣла* и Могилевскаго, Игнатій *Богдановичъ*, 12-го класса: уѣздные предводители дворянства: Суражскій Рафаиль *Дворжецкій-Богдановичъ* и Вольскій Петръ *Богдановъ*, депутатъ Калужскаго дворянскаго депутатскаго собранія, губернскій секретарь Алексѣй *Рязанцовъ*, отставные прапорщики: бывшій Боровскій уѣздный предводитель дворянства Михаилъ *Челищевъ* и бывшій депутатъ Астраханскаго дворянскаго депутатскаго собранія Александръ *Романовъ*, депутатъ Полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія коллежскій регистраторъ Андрей *Ильяшенко-Кириловичъ* и нѣмѣющіе

чиновъ : Староконстантиновскій уѣздный предводитель дворянства Мечиславъ Прушинскій , депутатъ Могилевскаго дворянскаго депутатскаго собранія Самуилъ Илиничъ и секретарь Курляндскаго дворянскаго депутатскаго собранія Ернстъ фонъ-Реженбергъ-Линтень.

Пожалованы медалями:

Золотою, для ношенія на шеѣ на анненской лентѣ, съ надписью «за полезное». Декабря 9-го. Одесскій гражданинъ Ивась Данцовъ. Декабря 12-го. Якутскій 3-й гильдіи купецъ Андрей Суздаловъ.

=

Русская Словесность.

НА СМЕРТЬ ЮНОШИ.

(ПАМЯТИ В. В. П.)

Свершилось... вѣтъ ею! Угасъ онъ безмятежно
Вдали отъ родины, среди земли чужой,
И только дружбою оплаканъ ты здѣсь нѣжно,
 О Воля милый мой!

Увы! ни молодость, ни красота, ни силы
Не умоляли смерть и не спасли тебя.
И сталъ ты жертвою безвременной могилы,
 О бѣдное дитя!

Едва съ плечъ сбросилъ ты младенчества одежды,
Едва ты началъ жить и радости вкусилъ,
И гдѣ твои теперь мечты и надежды?
 Холодный гробъ ихъ поглотилъ!

Объять могильнымъ сномъ, ты спишь въ землѣ холодной
 Владя отъ родины, семейства и друзей,
 И замеръ навсегда твой голосъ благородной
 Въ груди возвышенной твоей.

Гдѣ пылкость юныхъ думъ? къ высокому стремишься?
 Гдѣ жаръ души молодой? заветныя мечты?
 И вы, неясныя и тѣмныя волненья?
 И дружба нѣжная, гдѣ ты?...

Увы! погасло всё... земля всё поглотила!
 Окончился твой вѣкъ и самъ ты прахомъ сталъ.
 Лишь только гробъ одинъ, да темная могила,
 Вотъ всё, что рокъ тебѣ здѣсь далъ!

Печаленъ жребій твой, о юноша несчастный!
 Такъ, горько умереть во цвѣтъ лучшихъ дней!
 Но друга пережить и звать его напрасно —
 Еще жесюча и бользѣе

О. Сушковъ.

Венеція.

ПРОГУЛКИ ПО РЕЙНУ.

I.

Мы оставили Франкфуртъ. Не доѣзжая Висбадена, увидѣли мы зеркало Рейна, подъ Биберахомъ. На этотъ разъ, я не хотѣлъ предаться восторгу, возбуждаемому такимъ зрѣлищемъ: берегу восторгъ до поэтической прогулки, для рѣчной прогулки по самому Рейну! Отстранявъ въ своей памяти времена рыцарства и среднѣ вѣка, я вспомнилъ только о Цесарскомъ мостѣ, такъ аккуратно описанномъ въ IV книгѣ Коментаріевъ о галльской войнѣ: «Rationem igitur pontis hanc invenit: signa hinc sequipedalia» и проч. Цесарь переходилъ Рейнъ не адѣвъ, но плыве. Въ самомъ дѣлѣ, не по пристрастію къ классицизму, но по закону естественности, первая мысль, внушенная намъ первымъ появленіемъ Рейна, есть великій марсиинскій Цесарь; передъ нимъ, передъ этимъ чистымъ свѣтомъ классицизма, рѣшительно померкаетъ странная и къскому нутная пестрота рыцарства. Если бы великій и, въ своемъ родѣ, классическій Наполеонъ не въ верхней Италіи, но здѣсь совершалъ свои первые подвиги, то онъ явился бы тотчасъ, вслѣдъ за Цесаремъ; переходъ же союзныхъ войскъ черезъ Рейнъ, въ первое января 1814 года, едвали соответствуетъ величію предшествовавшей кампаніи, битвѣ подъ Лейпцигомъ—и восторгъ нашего Батюш-

кова как-то натянуть. Медленно шель нашъ путь черезъ горы Тавна, и мы прибыли въ Эмсъ довольно поздно. Тамъ я нашелъ нѣкоторыхъ товарищей и сопутницъ нашего морскаго плаванія. Буря на Балтикѣ будто насъ породнила: мы взаимно обрадовались при свиданіи.

Уже въ Мариенбадѣ и въ Карльсбадѣ, мнѣ не понравилось житье-бытье такъ называемыхъ купальныхъ мѣстъ. Какъ оно ни блистательно съ перваго взгляда, но становится томительно однообразнымъ для того, кто не находитъ ни удовольствія, ни даже развлеченія въ пустыхъ фразахъ обыкновеннаго разговора; а на серіозную бесѣду наложено докторское запрещеніе. Премилая наивность господъ медиковъ! гдѣ же и когда вдавался *свѣтъ* въ дѣльные разговоры? Зачѣмъ *поставляютъ правиломъ* для купальныхъ мѣстъ то, что уже давно вошло во всеобщее употребленіе, за немнѣишемъ мысли и чувства! Въ тѣхъ купальныхъ мѣстахъ, я еще могъ не слушаться докторовъ; но въ Эмсѣ уже долженъ былъ заковать свою жизнь въ строгія правила діететическія. Вставай въ шесть часовъ утра; пей минеральную воду до девяти, потомъ кофе; въ 11 часовъ садись въ ванну; послѣ ванны, легкая прогулка нѣкомъ; въ часъ по полудни—обѣдъ весьма скромный! Не смѣй и думать о томъ, что рейнвейнъ здѣсь чрезвычайно дѣшевъ! Послѣ обѣда, прогулка на ослѣ, въ горы: въ 6 часовъ вечера, опять къ минеральнымъ ключамъ; въ 9 часовъ, званый ужинъ, въ родѣ ужиновъ Императора Юліана — и кельнеръ пожелаетъ тебѣ покойной ночи! Какъ не досадно знать на цѣлый мѣсяцъ впередъ, что именно будешь дѣлать въ такой-то часъ дня, и что, навѣрное, не сдѣлаешь ничего *должнаго*! Бѣдная земля и всякая другая планета! на тысячелѣтіе и болѣе, вы, по астрономической выкладкѣ, можете знать напередъ, въ какомъ именно мѣстѣ вашей орбиты будете вы находиться въ задуманное вами время! Какъ хорошо, что духъ человѣческій не подчиненъ этой смертельно-скучной *ротации* (круговращенію)! По мнѣ, не будь ни одного въшуна! Провѣщайте мнѣ, что я сдѣлаю завтра, и вы этииъ отяните у меня сегодняшний день! Благословенно невѣдѣніе будущаго! Однако, приходится покориться, на одинъ мѣсяцъ, эмской

дѣтъ! Я и покорялся. Сперва была одна надежда, что умъ, вразднѣнный во все продолженіе дня, можетъ быть; разыграется во снѣ и вотчетъ живописныя мечты въ безцвѣтную ткань существованія. Тщетная надежда! Ежедневно утомляется физическая природа до того, что *душа* не до сновъ! Она, въ свою очередь, кидается въ ванну такъ называемой *житейской силы*, гдѣ, по разысканію германскихъ медиковъ, обновляетъ свою способность къ отправленію ежедневныхъ обязанностей, и погружается въ совершенное забытіе. Одинадцать лѣтъ тому назадъ, мнѣ очень полюбилось такое машинальное существованіе, когда я, въ заволжскихъ степяхъ, подъ Уральскомъ, въ аулѣ Башкирцевъ, лечился кумысомъ: этотъ напитокъ располагалъ къ лѣности—и тогда, самое существованіе физическое было *жизнью*! Эмскія же воды, напротивъ, заохотили меня къ уиственнымъ трудамъ, и тѣмъ весносѣе была всезапрещающая тиранія медика. Ученикъ и поклонникъ великаго Гёте, вспоминая, что такое значитъ *благоразуміе* какъ въ искусствѣ, такъ и въ житейскомъ быту, безропотно покорялся горькой и скучной необходимости. Но, по слабости человѣческой, надобно было на комъ-нибудь вымещать сердечную досаду: я и вымѣщалъ ее на Эмсѣ, на глумомъ расположеніи его вдоль тѣсваго ущелья, подверженнаго безпрерывному сквозному вѣтру.

Тутъ есть нѣсколько *римскихъ* слѣдовъ, но слишкомъ слабыхъ, для возбужденія особеннаго любопытства; тому не для чего писать о нихъ, кто думаетъ ѣхать въ самый Римъ.

Изъ Ганау пріѣзжалъ къ намъ г-нъ Кенигъ, авторъ пѣвѣстныхъ «Литературныхъ Картинъ изъ Россіи», который своею книгою вывелъ на время, или, лучше, вынесъ въ люди нашего скромнаго Мельгунова. По приглашенію моего большаго товарища, Кенигъ остался у насъ обѣдать. Рѣчь была только о книгѣ его и о русской литературѣ. Мало ли наговорились подъ скрытыми розами литературнаго банкета: онъ же не *симпосіонъ* Платона или Ксенофонта! Ужели г-нъ Кенигъ все это напечатаетъ? Я общалъ-было Кенигу присылать ему, съ дороги, въ летучихъ листкахъ, замѣчанія мои на книгу его и дальѣйшія свѣдѣнія о нашей литературѣ, по раз-

думалъ: нѣтъ, не иностранцу, не на чужой сторонѣ и не на чужомъ варѣчѣи выхвастывать свои задушевные тайны о нашей словесности и о служивельцѣхъ ея, а въ Россіи, на русскомъ языкѣ, въ русскомъ журналѣ: охотно подвергнусь отечественному контролю моихъ сослуживцевъ на русскомъ Маршасѣ.

Этотъ оживился присутствіемъ одного Высокаго Гостя, который блистательными интермедіями прерывалъ обычную скуку водяной (кувальной) драмы. Въ одинъ изъ торжественныхъ для насъ дней была иллюминація съ фейерверкомъ; даже на вершинахъ горъ, окружающихъ городъ, горѣли торжественные огни. Истинно-русская роскошь иллюминаціи удивляла экономныхъ Тевтоновъ. Гуляя въ толпѣ, я слышалъ, какъ одинъ отецъ, добрый Нѣмецъ и, по виду Handwerker (ремесленникъ), держа на рукѣ малютку дочь, говорилъ ей въ кругу многихъ, ему подобныхъ людей: «Какъ пріѣдемъ домой, Луиза моя расскажетъ маменькѣ, что мы въ Эмсѣ видѣли то, чего они никогда не видали и, вѣроятно, никогда не увидятъ!» Въ этомъ родѣ продолжалась его добродушная съ дитятею болтовня, которая дышала какою-то чисто-германскою сердечностью и простотою, напомиравшими слегка тонъ Луизы Фоссовой и Гётевыхъ Германа и Доротей. Въ другой группѣ, составленной изъ мужчинъ нѣсколько высшаго разряда, ото рта ко рту переходило восклицаніе умѣреннаго нѣмецкою флегмою удивленія: «So was hat man doch noch nicht gesehen!» (Тому подобнаго мы еще не видали!). Это восклицаніе перебивалось по очереди, и всѣ другіе члены группы аккомпанировали единогласно своимъ народнымъ: Ja wohl! Это производило самый забавный эффектъ. Наконецъ, для варіаціи, одинъ изъ нихъ вспомнилъ, что онъ, однажды во Франціи, видѣлъ фейерверкъ, который, кажется, былъ не хуже! Такіе простые звуки природы иногда ударяютъ магически въ наше сердце.

Балъ у Высокаго Гостя. Я хотѣлъ было протанцовать разъ съ милою Ч... и напомнить ей нашу бурю на Балтикѣ, но раздумалъ! Болѣе десяти лѣтъ воздержавшись отъ танцевъ, до которыхъ былъ я страстный охотникъ, я не рѣшался вмѣшаться сызнова въ эти нилыя игры юности; я не надѣялся, по-

съ этихъ смутныхъ и тяжелыхъ десяти лѣтъ, предаться Терпсихорѣ съ прежнимъ счастливымъ самообвеніемъ; а молу забвенію, молучастію не вознаградили бы меня за нарушение добросовѣстнаго воздержанія, въ честь и въ память *армадану*. Важный періодъ жизни, въ который сердце уже не должно танцовать! Веселитесь и пляшеть новое жюклье... а современницы мои, такъ же какъ и я, уже не живутъ: нѣхъ уже нѣтъ! другія — несчастны! третія высматриваютъ жениховъ, для своихъ дочекъ; четвертыя же высмотрѣли и, слава Богу, уже бабушки! А я еще не съѣзъ, и время ничего еще не жертвова въ моемъ составѣ, и пока не нуждаюсь въ лавровомъ парикѣ Цесаревомъ.

Спусти дни два, послѣ этого бала, всѣ Русскіе въ Эмсѣ и нѣсколько другихъ купальныхъ гостей, блистательною кавалькадою ѣздили въ оберлаанштейнскій форстгаузъ — посмотреть на сельскій праздникъ, устроенный для забавы Высокаго Гостя. Родъ круглой бесѣдки; хоры для музыки; на достатокъ молу плясалъ народъ. Въ особенности отличались дочери-лѣсничаго — хорошенькія, румяныя, въ бѣлыхъ платьяхъ съ зелеными лентами — существа поэтическія, способныя украсить любую идиллію. Добрый Соломонъ Геснеръ! вмѣсто того, чтобъ идеализировать подобныя лица, ты стремишься осуществлять древніе идеалы! Задача поэзіи: не гнаться за призраками и не втаскивать ихъ насильно въ дѣйствительность, но облагороживать и окружать существенность идеальнымъ блескомъ. Эти Хлон, Филлиды и прочія пастушки, въ новѣйшихъ идилліяхъ, всегда останутся для насъ престранными существами! Онъ выросли не на почвѣ природы, а на страницахъ романа! Выспренняя тонкость и духовность чувства очень мила въ дочери образованнаго общества; но, въ героинѣ идилліи, чувство должно являться подъ другою формою, чисто-природнымъ произрастеніемъ. Лучшею новѣйшею идилліею могла бы быть русская, потому что никакой другой народъ не имѣетъ столь чистыхъ, глубокихъ, поразительныхъ звуковъ природныхъ; ни же нашъ народъ обязанъ тому, что онъ почти тысячелѣтіе оставался подъ примивъ единственнымъ влияніемъ природы.

Впервые нѣгъ я случай присматриваться къ простому наро-

ду въ Германіи, въ часть его разгула. Должно утвердить за нимъ извѣстныя достохвальныя качества народности его; но русскій путешественникъ тотчасъ замѣтитъ въ немъ недостатокъ этой свѣжей, юной силы житейской, которая плѣняла его въ селеніяхъ на Окѣ и Волгѣ, на Дону и проч. и которую считаетъ онъ какъ-то неразлучною съ бытомъ поселянъ вообще. Мы и на Волгѣ и на Окѣ оцѣнивали эту свѣжую силу житейскую и ею любовались; но здѣсь, въ виду другаго народа, уже лишеннаго ея, она еще болѣе сказывается нашему сердцу. Въ доказательство, что это не пристрастіе, а чувство правдивое, я желалъ бы пустить въ эту толпу нѣмецкаго народа хоть четырехъ русскихъ добрыхъ молодцевъ, съ молодецкими ихъ ухватками—и бьюсь объ закладъ: начиная отъ Герцогини, *съ* присутствующіе *Не-русскіе* были бы въ невѣдомомъ дотолѣ восхищеніи отъ этого молодечества, признали бы нашихъ добрыхъ молодцевъ принадлежащими къ народу царственному, т. е. къ народу, который, по своимъ природнымъ способностямъ и своей богатырской юности, предназначенъ ко всему великому въ будущемъ... Нынѣшніе Нѣмцы смотрѣли бы на нашихъ молодцевъ, какъ древле Римляне, отъ Августа до Тацита, смотрѣли на юныя племена германскія, какъ человекъ лѣтъ шестидесяти смотритъ на величественнаго юношу, дышащаго гениальностью и богатырствомъ. Я очень сожалѣлъ, что не взялъ съ собою Тацитову «Германію»: я усѣлся бы подъ германскимъ дубомъ и читалъ бы ее, видя передъ собою нынѣшнихъ пляшущихъ Нассаусцевъ. Кое-что зналъ я наизусть изъ этой «Германіи», и тѣмъ смѣшилъ моего больнаго товарища. Наконецъ, однако, я замѣтилъ ему, что не слѣдуетъ насмѣхаться надъ ветхостью нынѣшняго народа германскаго: она почтена для насъ, какъ сѣдина и дряхлость бывшаго богатыря, прославленнаго своими вѣковыми подвигами. Энергія и независимость германскаго духа была одна изъ тѣхъ *трехъ* главныхъ стихій (другія двѣ были гений классическаго Рима и Христіанство), изъ которыхъ развилось новѣйшее просвѣщеніе, общественное устройство въ Европѣ, за исключеніемъ Россіи; и если сія послѣдняя не была участницею въ мировомъ наслѣдствѣ отъ Рима, то и ей сообщился духъ германскій — Рюрикомъ и Варягами, и слѣдса съ

природою ея. Провидѣніе избрало этотъ народъ германскій, для возобновленія человѣчества, когда распадалась гнилая всемірная имперія римская; онъ выдержалъ мужественно тысячелѣтнее беззаконіе среднихъ вѣковъ, и, въ XVI вѣкѣ, передалъ соразвѣшему разуму непобѣжденное, сильное племя людское... Какъ же было этому народу не одряхлѣть, не истощиться! Последній цвѣтъ свой проявлялъ онъ въ своей литературѣ. Будущія судьбы его извѣстны Богу. Мы, съ своей стороны, желаемъ старинку *Герману* оживѣть, но только не какъ Эзопу, не какъ генію Франціи, въ исходѣ прошедшаго вѣка! Покажемъсь воротнися къ сельскому празднику пассаускому.

Бльенкія дочки лѣсничаго плясали съ чернымъ народомъ, какъ нимфы съ сатирами. Вино съ береговъ Рейна льлось рѣкою отъ щедротъ Высокаго Гостя; Онъ ведѣлъ раздать танцующимъ сережки и другіе подарки. Народъ потѣшался подъ важно-молчаливою сѣнью германской дубровы, напоминавшей не потомкамъ древнихъ Туископовъ, а нашему славянскому вождю, своимъ вѣковыми таинствами... Поодаль возвышался храмъ Танфаны; съ наперти его, дружки Велледа и Аринія любопытно смотрѣли на дочекъ лѣсничаго, а подлѣ дружокъ, княжеская супруга Арминія—Туснельда, стояла, какъ вѣкогда (подъ кистью Тацита) плѣнная передъ Германникомъ, въ безмолвной сановитой скорби, сложивъ руки и устремляя взоръ на чрево, срывающее сына освободителя Германіи... Мы сорвали себѣ каждый по дубовой вѣткѣ, увѣнчали ею свои шляпы — и, въ этомъ тевтоно-героическомъ уборѣ, стройный поѣздъ, по два рядомъ, возвращался домой. Я долженъ былъ уѣхать въ коляскѣ впередъ, съ моимъ большимъ сотоварищемъ; тѣмъ лучше могъ я, съ высоты своей квартиры, обглядывать всю кавалькаду, ѣхавшую черезъ лансонскій мостъ. Зрѣлище прекрасное и истинно-умилительное тою мысляю, что въ этомъ сельскомъ торжествѣ, подлѣ дубовою вѣткою, веселится и Тотъ, Кому Провидѣніе въ грядущемъ назначило столь важный и великій жребій.

Нашъ курсъ леченія приходилъ къ концу; Еще за недѣлю до рѣшительнаго окончанія, я держалъ на подвигѣ, запретный для будальнаго гостя и послѣ курса, въ пер-

вое время: я пустился страстновать оержомъ, на весь день. Съ тѣхъ норъ, какъ выбылъ изъ орунтовой службы, и не ѣздилъ верховъ, т. е. и должеъ былъ воздерживаться отъ этого удовольствія, по слабости груди. Въ числѣ несерьезныхъ книгъ, согласныхъ съ окучными діететическими правилами въ Эмсѣ, попалась мнѣ и Ксенононтава статья «О верховой ѣздѣ». Я ее прочиталъ. Прежде, во время службы, она тѣшила меня своими для верховой ѣзды правилами, въ сравненіи съ нынѣшними, въ кавалерійскомъ уставѣ предписанными; на этотъ разъ, она возбудила во мнѣ неодолимую охоту къ верховой ѣздѣ, къ такъ называемому гарцованію. Я вспомнилъ, съ какими сожалѣніемъ продалъ я своего полкового коня, который пронесъ меня почти черезъ весь періодъ моей военной службы, во фронтѣ, черезъ счастливейшіе годы моей жизни. Еслибъ я писалъ для стенокъ Арабовъ; Черкесовъ и Казаковъ, то выразилъ бы здѣсь свою любовь къ своему коню — и Арабы, Черкесы и Казаки воняли бы мени; но утонченная, образованная публика не пойметъ, не захочетъ моей элегіи о конѣ. Я продалъ его съ такимъ же сокрушеніемъ, какъ и самъ Ксенононтъ, въ Ламисанѣ, продалъ, по нуждѣ, за пятьдесятъ даржкъ, своего ратнаго коня, совершившаго съ мнѣ знаменитое «Отступленіе»; но Віонъ и Екандъ, узнавъ объ этомъ, тихонькомъ приобрѣли коня и безмездно возвратили Ксенононту въ Оорниумъ (въ Тррадѣ), заключивъ съ нимъ гостиное редство; а я, возвратясь домой, не нашелъ, въ отцовской конюшнѣ, своего Пегаза — такъ прозвали однопочане моего коня. Разгориченный статью Ксенононта, я положилъ памятовать своего коня молодечиннъ во весь день гарцованіемъ.

Одинъ изъ пріятелей вызвался сопровождать меня. Мы отправились съ раняго утра. Погода была чудесная, совершенно ясная. Сперва заѣзжали мы въ село Фрюхтъ, гдѣ погребень извѣстный прусскій министръ Штейнъ, бывшій подъ опалою Наполеоновою. Фамильная гробница его — небольшое, нарядное зданіе въ готическомъ вкусѣ, роскошно обсаженное деревьями: акаціями, веймутовыми соснами и

позвучили иваны. Тамъ предавъ землѣ отецъ, мать и жена министра и онъ самъ; съ нимъ пресѣкъ родъ его, въ мужскомъ поколѣніи. Новыхъ не будетъ жильцевъ-покойниковъ въ этой обители, устроенной только для четырехъ. Но къ чему эти длинныя, до вѣчности растянутыя надгробныя надписи? Вельможи міра! будьте просты хоть подъ землею! — Я сошелъ въ могильный склепъ... душно! грустно!. Невольно подумаешь съ Меценатомъ: *Vita dam superest, bene est!* (былъ бы жемъ человекъ — все хорошо!) Сердце мое было такъ полно жизни, что я не могъ предаться гробовой меланхоліи. Въ этомъ душномъ склепѣ вспомнилъ я отвѣтъ Ахиллеса, въ подземномъ царствѣ, живому Одиссею: «Не говори мнѣ утѣшительныхъ словъ о смерти! я лучше хотѣлъ бы быть бѣднымъ поденщикомъ въ царствѣ живыхъ, нежели здѣсь царемъ тѣней!» — Первый герой древности, устаннъ вѣщаго Гомера, проповѣдуетъ столь грустную вѣсть о царствѣ Андовомъ, а люди все же мужественно жертвовали жизнью долгу, чести и отечеству: великъ человекъ! Цѣлый строй мыслей окружаетъ эту богатую тему, но оставляю ее въ склепѣ бывшего министра! Въ кабинетъ своемъ, онъ былъ и долженствовалъ быть человекъ практическій; въ спальню же — онъ, навѣрное, идеологъ!

Мы съѣли на копей и поѣхали въ вышеупомянутый форстгаузъ — позавтракать и полюбоваться на извѣстныхъ вамъ немѣхъ лѣсничаго, въ то же время и содержателя трактира. Милая Елена, старшая изъ его дочерей, намъ прислуживала; мы были веселы — до позволительной шалости: красота радуетъ душу. Путешественникъ въ правѣ обнаруживать особенный интересъ къ прекрасному, отъ того, что ему некогда церемониться. Ему все и сходитъ съ рукъ, при благоразумномъ сужденіи туземцевъ: «Онъ Путешественникъ! Онъ не знаетъ нашихъ обычаевъ, онъ сирота на чужбинѣ, безродный странникъ!» Не умна ли Германія! Кромѣ шутокъ — разсердивъ, чѣмъ бы то ни было, русскую красную дѣвицу, не суйся умилостивить ее, по крайней мѣрѣ, въ тотъ день; а добродушную нѣмочку тотчасъ

угомонивъ стихомъ изъ Уланда: она премно вздохнетъ и тутъ же проститъ! Она мила; но русская заздобушка милаѣ!

«Безродный странникъ!» Въ древности, однако, странники не были безродны: было *родство* гостинное, хлѣбосольное. Приѣзжимъ въ римскій городъ нуженъ былъ символъ, называемый *tessera hospitalis*, т. е. нужна была небольшая изъ дерева или другаго ломкаго вещества дощечка, по коей гостившіе другъ у друга — или лично, или въ лицѣ своихъ предковъ — узнавали себя, при свиданіи, и которая переходила изъ рода въ родъ, какъ свидѣтельство вѣчнаго потомственного родства. Кто истребилъ ее, тотъ нарушилъ это священное родство и тѣмъ себя опозорилъ: «Ты переломилъ нашу тессеру» — *apud nos confregisti tesseram* — было самымъ язвительнымъ упрекомъ. Теперь вѣтъ другаго гостиннаго родства, кромѣ денежнаго дѣла съ гостинодворцами; но для путешественника есть еще тессера: живая, беззаботная веселость! Она вездѣ выигрываетъ, особенно въ мечтательной Германіи, ради противоположности.

Простившись, открыто и дружески, съ лѣсничикъ — а тайкомъ съ Елепою — мы поскакали во всю прыть и вдругъ настигли процессію: по обѣимъ сторонамъ дороги шествовали, въ стройномъ порядкѣ, отшельники съ хоругвями и богомольцы, читая вслухъ молитвы. Мы скромно проѣхали по серединѣ, снявши шапки. Поразителенъ былъ этотъ быстрый переходъ отъ земной веселости къ чувству благоговѣнія: святая вѣра являетъ свой строгій, божественный ликъ, когда душа, въ земномъ упоеніи, припадаетъ къ переходящему.

Дорога наша пролегла по гористымъ мѣстамъ, черезъ мощную дуброву: мы видѣли нѣсколько самыхъ величественныхъ дубовъ. Эти дубы опять воскресли, въ моей памяти, героическія времена Германіи; но я ими утомлять не стану русскаго читателя: ему ближе *муромскіе лѣса*, черезъ которые и я нѣсколько разъ проѣзжалъ, памятуя наши народныя сказанія. На вершинѣ высокой горы показался замокъ Марка, Маркусбургъ; народъ говоритъ: Марксбургъ. Мы взѣ-

шли туда по тропинкѣ, чрезвычайно крутой; глубоко под нами назывался Рейнъ; городъ Браубахъ пресмыкался у ногъ страшной крутизны, на которой стояли мы. На этой высотѣ, мы ощутили въ средневѣковомъ мирѣ рыцарства!

Не ожидайте отъ меня восторженныхъ привѣтствій этому рыцарству! даже въ свои юношескія лѣта, я не былъ поклонникомъ его, но върному, здравому чувству болѣе отворачивался отъ его сумасбродства, чѣмъ нѣблизко его блистательнаго колорита. Съ точки зрѣнія всемірной исторіи, я очень хорошо понимаю значеніе среднихъ вѣковъ — эту необходимую связь между древнимъ и новѣйшимъ миромъ, этотъ естественный переходъ отъ одного къ другому; но и сіе мировое значеніе, представляя тысячелѣтіе фанатизма, сумасбродства и беззаконія, какъ переходъ къ лучшимъ временамъ, ознаменовываетъ средніе вѣка — *эпидемію горячихъ страстей*, въ нашу пользу, имѣющихъ неотъемлемое право только на благородное состраданіе наше, и ни на что болѣе! Даже въ блистательнѣйшемъ цвѣтѣ своемъ, въ своихъ походахъ на Востокъ, въ своей восторженной борьбѣ за святѣйшее въ мирѣ, за высшую идею, за вѣру, которой человекъ тогда впервые жертвовалъ отечествомъ, бывшимъ дотомъ высшее для человека — даже въ этихъ походахъ, средневѣковое рыцарство становится предметомъ нашего состраданія, какъ слѣбое орудіе необузданнаго властолюбія Понтифекса римскаго — впрочемъ вѣнать обратившееся на своего владѣльца, — предметомъ нашего состраданія, какъ прекрасная, великая жертва, для разумнаго ограниченія Понтифекса и для уразумѣнія вродстой евангельской истины, что *живаго* не должно искать между мертвыми, и что христіанинъ имѣеть не *мѣстнаго*, а *всемирнаго* Бога! Если же разсмотрѣть средневѣковое рыцарство въ отношеніи къ нему самому, въ временныхъ вредѣлахъ его, то оно, для чистаго разума, еще прискорбнѣе безпорядочнаго переселенія народовъ! Въ этомъ переселеніи мы видимъ, по крайней мѣрѣ, первобытно-свѣжую, дикую жизнь природы, потоками крови вливаемую, какъ всецѣлебное лекарство (паваяся) въ ветхій, гнилой составъ римскихъ провин-

днѣ; а въ пресловутомъ рыцарствѣ что мы видимъ: тѣмъ же разбѣнъ, беззаконіе и самое презрительное униженіе достоинства передъ женщиною! Вотъ живѣтъ одна дама Шинлера: «Перчатка»: въ ней живо представлено это сумасбродное униженіе! Боготворимая рыцарскія красавица бросаетъ между льва, тигра и двухъ леопардовъ свою перчаточку и презрительно повелѣваетъ поднять свѣтлу палатину. Овъ, дурачокъ, тутчасъ — и благополучно — исполнилъ приказаніе, но разбилъ и оставилъ красавицу. Напрасно зѣври не разстрелили палатина, чтобы вразумить всѣмъ сумасброднымъ рыцарямъ, что жизнь мужа, принадлежащая Богу, Царю и Отчезскому, не должна быть приносима въ жертву главному женскому капризу. Вотъ одна изъ тѣхъ причинъ, почему я не могъ возлюбить рыцарства, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и достообразныхъ качествахъ его! Анебоза женщины — главныйя къ міру анебоза! но за подвореніе женщины въ права свободнаго человека, за возвышеніе ея изъ рабыни въ лодруи мужа глубоко поклоняемся Христіанской Религіи: — Веротися къ Маркс-Бургу.

Неизвѣстно, кимъ построены зтотъ замокъ. Въ 1643 году владѣвала тут ландграфъ Юаннъ величественный (der Streibare). Здѣсь, говорятъ, выходялъ принцъ несчастный Генрихъ IV, который, сложивъ вѣнецъ и спасаясь отъ преслѣдованій римскихъ епископовъ и соборнаго сына, покинуть въ гораконъ образъ униженія императорскія палаты нингалгейнскія. Нынѣ замокъ устроенъ для помѣщенія кавалеровъ и служить темницеею для государственныхъ арестантовъ. Командитъ далъ позволеніе все осматривать. Мы начали со старожерой банни, называемой *Волмеле*. Подлѣ узкой лѣстницы, ведущей вверхъ, чичероше указалъ намъ мѣсто, гдѣ была кирцеръ вѣнка, *Burgverlies*: небольшое отверстіе въ полу, закрываемое плиткою. Черезъ зтѣ устье опускали несчастныхъ въ яму, вчетверѣ глубочайшую и страшнѣйшую могилы, столь же темную, какъ и она. Поминтся, я въ рыцарскихъ новѣстяхъ довольно равнодушно читалъ фразу: «Овъ посадили его въ *Burgverlies*»; теперь я знаю, сколько ужаса въ этой фразѣ! — Мы продолжали всходить по лѣстницѣ, вездѣ презычтайно узкой:

и вѣстанъ совершенно вѣнкой. За этого трудъ вознагражденъ нѣтъ иль съ платоэрки башни на зеркало и романтическое берего Рейна. На этомъ мѣстѣ стоялъ некогда Тэйплет (часовой зѣмка) и подавалъ сигналъ, когда приближался страстующій рыцарь, или есоданатый набѣгъ. Столь же нило и живо, кикъ раскинутая передъ глазами дѣйствительность, оживляетъ съ въ изображеніи и минувшая жизнь рыцарства, т. е. селамъ-сторона этой жизни. Здѣсь, на этой высотѣ, поды могу- ностественны влѣніемъ зѣмка, немая не быть снисходитель- нѣ въ рыцарству и ему, хоть сколько нибудь, почувствовать. Въ какомъ-то романтическомъ увесеніи, душа безпрестанно ве- раетъ отъ сущности къ мечтѣ, и отъ мечты къ су- щности — будто качается между двухъ міровъ и, на обонъ высочайшихъ пунтакъ этой качки, падаетъ разъ док- вать широкую струю восторга.

Наслаждавшись всюю окрестностью, глава моя остановилась на дрезнѣмъ Ренес: тамъ было когда-то, поды сѣнны старыкъ орѣшниковъ, царствовавшее сѣдальце; (Königsstuhl) — осми- упоманная каменная трибуна на осми столбахъ въ окружности и одной въ серединѣ, что оставалю восемь мѣстъ: семь для курортель, а осмое — среднее — для императора. Здѣсь они судили и ридили, и сошались с дѣлами государствен- ныхъ. Французская светотатственная революція разрушила и этотъ древній памятникъ: его мѣсто означено теперь четыра- ния, едва замѣтными, камнями, поды большой дороги, вѣже: города.

Со сторожевой башни мы велѣли вести себя въ засильномъ (Martin-Kapelle), гдѣ сообразился страшный снарядъ мытки. Звоншія двери заскрипѣли, и вошелъ я, въ этомъ суровомъ суирантѣ, едва разглядѣлъ, къ слабому свѣту небольшого от- вертія, половки двухъ мальчиковъ, отъ 7 до 12 лѣтъ. Они приютились у этого отвертія, подобно тому, какъ птички, за- киченнымъ къ темномъ мѣстѣ, стремятся къ свѣту. Я былъ пре- дупрежденъ, что тамъ сидятъ двое ороговъ. Поды этиль по- зернымъ именовъ воображаетъ только взрослыхъ людей, и такъ какъ веровство вообще такое вресудленіе, на которое душа не отвязается въ малѣйшій участіемъ, то я и поза-

былъ советъ о двухъ ворахъ и думалъ только о томъ, чего этимъ путемъ вели къ пыткамъ. Потому неожиданно поразилъ меня видъ дѣтей въ мартерь-камерѣ, подлѣ адскаго снаряда. «Какіе эти воры?» спросилъ я съ удивленіемъ — и узналъ, что они сорвали себѣ по яблочку въ чужомъ саду и тѣмъ заслужили исправительный арестъ! Мрачный полуобѣдъ темницы; глиняный кувшинъ съ водою, безъ чернаго хлѣба, котораго, вѣроятно, не было достаточно для дѣтскаго аппетита; солома, постланная на каменномъ полу, постелью, слишкомъ жесткою для такого возраста и, въ особенности, это ужасное мѣсто, гдѣ раздавались протяжные стоны мучимыхъ и убійственные вопли замученныхъ до смерти — все это заставило меня воскликнуть: *Agne Kinder!* (бѣдныя дѣти!) Младшій заплакалъ. Кто не видалъ, что дѣтя плачутъ, когда о нихъ пожалѣешь? но слезы семилѣтняго дитяти, въ *мартерь-камерѣ* — сколько тутъ нужно словъ для ума, чтобы вполне и красиво растолковать, почему эти слезы такъ поразительны? а сердце высказало все однимъ движеніемъ, невольнымъ взрывомъ чувства! Самъ инвалидъ-чичероне будто пожалѣлъ о плачущемъ: «Этотъ гораздо менѣе виноватъ — сказалъ онъ: старшій его заманилъ!» А старшій, при этомъ обвинительномъ упрекѣ, глядѣлъ на насъ спокойнымъ, яснымъ взоромъ, доказывавшимъ, что юный преступникъ еще не вразумился въ понятіе о грѣхѣ и преступленіи. Было что-то трогательное въ этомъ дѣтскомъ невѣдѣніи, при самомъ наказаніи.

Инвалидъ объяснялъ намъ снарядъ пытки... не хочу повторить ужасныхъ подробностей объ этомъ горькомъ памятникѣ развращенной Оемиды. Непонятно, отъ чего иногда самыя нетрудныя, простыя, такъ сказать, будничныя истины такъ трудно и такъ поздно даются людямъ, имѣющимъ претензію на образованность и мудрствующимъ надъ вѣсами Оемиды. Если развѣдываніе правды — единственная цѣль правосудія, то и простѣйшій умъ пойметъ, что самое несообразное съ этою цѣлью, самое противное ей средство — именно пытка! ставить вину а priori и уже показывать за нее подозрѣваемое лицо, чтобы вымучить подтвержденіе этой ставки а priori — это было бы отиѣбною глупостью, еслибъ оно, къ сожалѣнію, не

было знаменіеъ ранняго разврашенія сердца человѣческаго и склонности его къ жестокости: мы находимъ пытку у древнѣйшихъ народовъ. Юные арестанты внимательно слушали толкованіе ишвалида о пыткѣ: ихъ занимало оно, какъ нянина сказка. Я намѣревался замолветъ за нихъ слово коменданту, но товарищъ мой удерживалъ меня прозаическою истинною, что раннее строгое наказаніе, можетъ быть, спасетъ этихъ дѣтей отъ порока въ будущемъ. Я возразилъ, что и Жанъ-Жакъ Руссо воровалъ яблоки, въ дѣтствѣ; но, узнавъ, отъ ишвалида, что эти мальчики сидятъ уже сутки и что ихъ, навѣрное, выпустятъ къ вечеру, и взявъ отъ нихъ обѣщаніе, что они болѣе воровать не будутъ, я далъ имъ по ничтожной монетѣ, чрезвычайно ихъ обрадовавшей, и только пожелалъ имъ, при прощаніи, скорѣйшаго освобожденія. Выходя, я замѣтилъ товарищу, что видѣнное нами въ мартеръ-камерѣ — эти мальчики, да мы оба съ ишвалидомъ — могло бы быть предметомъ идилліи, — чего, безъ этого факта, не вообразилъ бы ни одинъ умъ: идилліи въ мартеръ-камерѣ — и, увѣряю васъ, она могла бы быть интереснѣе и эффектнѣе, чѣмъ совершенная и самая крайняя противоположность ея — предполагаемая Шиллеромъ, но не исполненная имъ, идиллія о сочетаніи Геркулеса съ Гебою, на Олимпѣ. Не знаю, примусь ли я за эту идиллію? знаю только то, что, безъ этихъ мальчиковъ, я оставилъ бы мартеръ-камеру съ мучительнымъ чувствомъ; что присутствіе ихъ умѣрило ужасъ воспомнаній и, наконецъ, осыпала мой уходъ поэтическимъ замысломъ. Изъ вещей, видѣнныхъ въ этомъ замкѣ, я еще помню только ручную мельницу, временъ рыцарства и нѣсколько шведскихъ пушекъ тридцатилѣтней войны. Навѣрное не Густавъ-Адольфъ ихъ потерялъ.

Спускаясь съ горы Марксбурга, мимо древней съ кладбищемъ церкви Св. Мартина, мы поворотили къ самому Рейну и, по краю довольно крутаго берега, поскакали въ Браубахъ. Я былъ въ первый разъ на самомъ берегу Рейна; съ высоты своего скачущаго коня, глядѣлъ я на царя германскихъ рѣкъ со свѣжимъ чувствомъ энергіи и вдохновенія. Городскія ворота, въ которыя вѣхали мы, обросли виноградомъ и представ-

для какъ бы торжественную для насъ арку, уютную зеленью. Въ огромныя окна гостиницы Филиппбургъ, стоящей надъ самою рѣкою, отраженіе неба и зеркала Рейна вторгается бездною свѣта, что производитъ величественный эффектъ. За обѣдомъ, глаза насыщались зрѣлищемъ прекрасной рѣки. Было еще очень жарко, когда мы продолжали путь вдоль праваго берега, внизъ, къ Оберлаанштейну. Вездѣ роскошная растительность! Этотъ правый берегъ, съ подошвы до вершинъ горъ покрытый виноградниками, тянулся, на солнцѣ, стройныя великановъ въ пышныхъ вѣткахъ. Лѣвый берегъ, столь же гористый, но лежащій отъ насъ къ солнцу, не могъ даяться въ такомъ выгодномъ свѣтѣ. Мы проѣхали мимо часовни *Liebfrauenkirche*, гдѣ, въ 1400 году, строптивые курьерста, недовольные Венцеславомъ, объявили нѣмецкую имперію вакантною. Сидя на коняхъ, мы на паромѣ переправлялись черезъ рѣку Лаанъ, у самаго устья, въ Нидерлаанштейнъ. Съ двухъ сторонъ маняли насъ древніе замки: подлѣ насъ, на теменіи крутой горы, величественные остатки Лаанэка, съ своимъ геройскимъ преданіемъ о двѣнадцати Тамплиерахъ; а насупротивъ, за Рейномъ, замокъ Штольценфельсъ, принадлежащій наследному принцу прусскому и нынѣ возстановленный въ средневѣковомъ вкусѣ. Мы оставили своихъ коней въ Нидерлаанштейнѣ, общали тѣнямъ Тамплиеровъ захватить къ нимъ, на обратномъ пути, сѣли въ лодочку, управляемую двумя отроками, вышли рѣкою Лаанъ въ Рейнъ и пустились къ лѣвому берегу, во времена Наполеоновы называвшемся Франціей. — Такъ и меня несуть струи заветнаго Рейна.

Мы причалили къ селенію *Sapellen* и взошли на гору, гдѣ красуется гордый Штольценфельсъ, надъ самою рѣкою. Съ платформы замка—видъ очаровательный... выпить бы весь Рейнъ!... Солнце, заходящее за горы лѣваго берега, наводило тѣнь по всему зеркалу рѣки до края праваго берега, который сіялъ въ яркомъ свѣтѣ: Рейнъ текъ будто подъ таинственною сѣнію своего романтизма и древней славы своей! Онъ не выдалъ Галліи и Цесарю славнаго царя Германіи, Ариовиста!... Что, если Рейнъ такъ же былъ весь покрытъ вечернею тѣнью

въ тотъ печальный моментъ, когда побѣжденный Цесаремъ Ариовистъ, оставивъ убитыми на полѣ сраженія обѣихъ женъ: своихъ и одну дочь, а другую дочь въ плѣну у Римлянъ, свалился на лодочкѣ черезъ Рейнъ, на германскій берегъ, следъ. Также затѣяцію Рейна чудными образами согласовалась была душевною скорбію Ариовиста! Увѣренный, что Ариовистъ дѣлалъ давно просятъ, или прощиралъ свое горе въ Валгалль, я не допускалъ его сѣрую скорбящую тѣнь въ свѣтлой міръ: моего восторга. Въ самую дѣлѣ, была минута совершеннаго восторга, нація рѣдко бывають въ клзани, восторга до нашего самозабвѣтія: вся прекрасная, глубоко передо мною лежавшая картина будто отражалась во мнѣ; я не только видѣлъ пейзажъ, но будто и чувствовалъ Рейнъ въ себѣ, т. е. въ моей душѣ текла такая же широкая рѣна наслажденій. Товарищъ мой почти незаметно отвлекъ меня отъ террассы, дабы мы успѣли осмотрѣть отдалку замка. — Комнаты, небольшія, но возстановленіе средневѣковаго внуса даетъ большой просторъ воображенію. Мы взобрали до высочайшаго пункта, откуда я еще разъ поглотилъ чудеса Рейна.

Въ этомъ замкѣ спрыгнулъ я на дно нарпера, верхнюю часть котораго видѣлъ я въ Марксбургѣ. Перестройка сдѣлала возможнымъ этотъ прыжень и привела свѣтъ дневной и въ эту преисподнюю. Тамъ вотъ гдѣ томилась несчастные, въ утасномъ иракѣ, какъ будто за-живо погребенные! Здѣсь они томилась отчаяніемъ и ожиданіемъ пытки и смерти! Каково должно было быть отчаяніе въ совершенной тишѣ этой тюрьмы, гдѣ ни единый лучъ, ни малѣйшій проблескъ дня, нисколько слабый чувствительный видъ не свидѣтельствовалъ символически о странѣ свѣта, о небесахъ, и не напоминалъ человеку, а моральной смыслъ его! Такая темница тоже для души, что пытка для тѣла. Онѣ существовали современно, какъ истчадія варварства, и смерть уничтожились передъ олиценциемъ образовъ чувствъ и мыслей; просвѣщеніе человечества просвѣтлено и тамнишы. Слово темница можетъ быть поманчено изъ удрабисенія, какъ чадобиланая, по указу Иматеринь Великой.

Самые садные, когда мы перебрали обратно за Рейнъ;

время уже не дозволяло навѣстить Тамплиеровъ. Сѣвши на коней, мы, однако, остановились, чтобы хоти наглядѣться на Лашакъ. Стѣны его горѣли въ вечерней зарѣ будто духовно-рыцарскою славой Тамплиеровъ, — или заревою плающего вѣстра, на которомъ страдальчески погибъ нхъ магистръ, Яковъ Молей.

Уже смерклося совѣтъ, когда мы приближались къ Эису. Я послѣ многихъ лѣтъ, потѣшался верховою ѣздой, однако поплатился за это удовольствие: отъ шибкой, цѣлый день продолжившейся ѣзды, на тряской лошади, я почувствовалъ такую сильную боль въ груди, что рѣшительно не зналъ, какъ добратся доной! Оставалось еще около трехъ верстъ; ходить я тамже не могъ: я весь околѣлъ. Я слѣзъ съ коня и прилегъ на землѣ. Товарищъ мой не зналъ, что дѣлать. «Поѣзжайте въ Эисъ, и если не буду черезъ полчаса, то пріѣжайте за мною на экипажѣ!» — Я остался одинъ, въ какой-то рытвинѣ лежа навзничъ, держа лошадь за поводья и глядя на тѣ же знакомыя звѣзды, которыя и прежде не разъ видала меня въ такомъ же положеніи, т. е. отставшаго на походѣ, по внезапному припадку болѣзни, отъ эскадрона, или полка. Моему уму какъ-то свойственно, въ критическія минуты, въ безпомощномъ состояніи, припоминать странныя происшествія, не имѣющія ни малѣйшей аналогіи съ моимъ положеніемъ. Я ни за что не хотѣлъ, чтобы товарищъ мой пріѣхалъ за мною на экипажѣ. Надобно одолѣть свою боль, говорилъ я себѣ — и тутъ же вспомнилъ объ иностранцѣ-слугѣ, который, въ отищеніе за смерть своего господина, убилъ Аздубала (зятя Аннибала и предшественника его въ главномъ начальствѣ надъ войскомъ) и, казнимый самою мучительною смертью, являлъ лице человѣка, какъ-бы *слѣзающегося отъ удовольствія*. Лѣтъ десять, до того времени, этотъ рассказъ въ Титѣ-Ливіи меня поразилъ, и, съ тѣхъ поръ, схороненный въ моей памяти, меня не тревожилъ, а такъ какъ разъ блеснулъ въ воспоминаніи. Я тотчасъ слѣзъ на коня, поѣхалъ шагомъ: таже колючая боль въ груди! я рѣшился другимъ образомъ испытать дѣйствіе крутой воли на немощъ физическую: я стиснулъ зубы, пришпорилъ коня и пончался во всю прыть. Искры посыпались изъ глазъ отъ усиленной боли...

Какъ же мнѣ не выдержать этой боли, когда вѣрный слуга, посреди жесточайшихъ смертныхъ мукъ, могъ улыбаться, какъ бы отъ удовольствія, что отомстилъ за своего господина! Я продолжала лететь будто бы на крыльяхъ ночи, уже мимо-вдале крайніе дома эвские; плащъ мой развѣвался назадъ; то-потъ моего коня, по мостовой, наводилъ страхъ на запада-лыхъ гуляющихъ: они вездѣ кидались въ сторону, не пони-мая такого необыкновеннаго въ чинномъ Эмсѣ явленія; считая меня, вѣроятно, сумасшедшимъ, или ночнымъ привидѣніемъ, или вѣрною тѣнію какого-нибудь рыцаря изъ могилы, пріѣз-жающаго за своею Элеонорою.... Отстранился и товарищъ мой, котораго я перегалялъ! Когда я остановился у крыльца своей квартиры, я уже не чувствовалъ никакой боли.—Это же подвигъ! Это просто — рецептъ!

II.

По отбѣдѣ своего дорогаго Гостя, Эмсъ совершенно опу-стылъ: всѣ наши Русскіе уѣхали! меня же задержала болѣзнь моего сослуживца. Ему сдѣлалось гораздо хуже. Казалось, смерть подходила къ одру его. Я не могъ безъ внутреннихъ слезъ глядѣть на преждевременное угасаніе юности, на кото-раго судьба возложила знаменіе прекрасныхъ надеждъ; восемь дней провелъ я въ самыхъ грустныхъ надъ нимъ размышле-ніяхъ. Ему стало легче; пріѣхалъ къ нему изъ Франкфурта одинъ изъ юныхъ друзей его, и я, чтобы освободиться отъ глухаго отголоска печальныхъ ощущеній, рѣшился съѣздить въ Кёльнъ на нѣсколько дней, осмотрѣть знаменитый соборъ.

Дилижансъ отправился въ пять часовъ по полудни. Уже смер-калось, когда мы, мимо могущественнаго Эренбрейтштейна, вы-скаго утеса, на которомъ уже Римляне выѣли крѣпость, подѣхали къ Кёбленцу. Я остановился на Трирскомъ подворьѣ. Не здѣсь ли, 64 года тому назадъ, юный Гёте свѣдѣлъ за объ-домъ, между почтеннымъ Лаватеромъ и почтеннымъ Базедо-вомъ, и съ большимъ вниманіемъ вѣлъ кусокъ лососины, между

чужа, какъ Лаватеръ, завладѣвъ пасторомъ, объявила ему чуждыми типотна одното истинное иксина: Велдъ за тѣмъ Базедовъ, поймавъ своего обѣда за столомъ, — гав-воштора, принялся говковать ему, что Нидци пошашаютъ однихъ обряды советить не такъ какъ свдуетъ, я рассердиль чадшегстера, а Гете поймавъ благополучно скупалъ пѣтуна (см. ерѣ стихотворение: Dimer zu Coblenz).

Und ich behaglich unterdessen
Hatt einen Hahnen aufgefressen!

Это шутовское стихотворение имѣетъ огромную значительность: Лаватеръ и Базедовъ, впрямую, встали голодые изъ за стола, по крайней мѣрѣ, съ чувствительною приголодью, а юный, практически умомъ одаренный Гете хорошо найлся и тѣмъ не менѣе обезсмертилъ себя впоследствии! За обденнымъ столомъ надобно кушать, а не мудрствовать; въ свое странствіе по землѣ, должно практически участвовать въ жизни, чтобы не прогулять земнаго пира, къ которому допускаютъ лишь только однажды... Серьезное философское разсужденіе въ практическую жизнь Лаватера и Базедова въ практикѣ.

На другой день, до вѣхода солнца, я занялся на переходѣ: «Крон-Принцесса Прусская»; ивъ оставилось пять часовъ на прогулку по Кобленцу. Въ мѣстоименіе называть солнечнымъ, т. е. полнымъ солнечнымъ свѣтомъ; въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ характеръ столь свѣтлый и веселый, что даже величественная укрѣпленія его термента свою суровую важность. Въ здѣшнемъ зиннѣ тогда-то явилъ заманчивое Людовикъ XVIII. Зданіе довольно большое, но въ старинъ, вслѣдствіе вкуса пронаеть окна, слышномъ убивающа другъ къ другу; вѣсто фронтона — терраса на восьмикартныхъ столбахъ, безъ инкуратуры. Зданіе походитъ на высококордного, брызливато, старинъ времени элитраги, котораго пошашае постановленіе жарло подати въ инкуратура, но не праше въ тармоніе съ вѣшнымъ вѣномъ. Осмотрѣвъ еще кое-что, явилъ въ найденіи вѣста; прирѣсалие умбину, пошашае са-

дамь! аллен итальянскихъ тополей? Осень уже дохнула на нихъ слегка. Какъ они были прелестны, когда я ихъ увидалъ въ первый разъ, въ Травеиюнде. Я отправился на острую косу Кобленцскаго треугольника, гдѣ Мозель вливается въ Рейнъ. Стоя на прекрасномъ мозельскомъ мѣсту, я очень сожалѣлъ, что времени не дозволило мнѣ пройтись рѣкою незамыслитой мозельской долиной, до Трира, до веръ Арденнскихъ. Въ особенности, хотѣлось бы мнѣ видѣть древній Триръ, когда-то прозванный вторымъ Римомъ, любимую резиденцію Императора Константина, до основанія города Рима его, у Фригийскаго Босфора. Въ Трирѣ еще видны развалины императорскаго дворца, обращенныя въ казарму. Но гораздо любопытнѣе въпихъ развалины—тановин *Марсаи* или *Цервилъ* ворота (Porta Martis или nigra) лучшая въ Германіи древность римско-римская. Тамъ же, въ соборѣ Св. Петра, хранится, какъ утверждаютъ, *хитонъ* Спасителя, *безъ шва, содѣланно* словами Евангелиста Іоанна: «Хитонъ былъ не сшитый, а сшанный весь сверху» XIX, 23. Первый ударъ въ норабедный мракъ возвратилъ мое воображеніе изъ Трира.

Мы отчалили. Пошло быстро, по теченію рѣки. По правую сторону тянется длинный островъ Индервѣртъ, усаженный деревьями; по лѣвому берегу, толпа дѣтей бѣжитъ въ запуски съ нашими паракодомъ. Дома въ рейнскихъ деревняхъ весьма небольшіе, но милостивые, съ аспидными кровлями. Группами сидятъ на палубѣ пассажиры, съ книгами и гравюрами въ рукахъ, и свѣряютъ оригиналы рейнской природы съ копіями. Не знаю, можно ли, такимъ образомъ, имѣть чистое наслажденіе природою? мнѣ, по крайней мѣрѣ, не было бы по душѣ, въ этомъ случаѣ, книги и гравюры! Требуется всей свободы взгляда, чтобы хорешенько всматриваться въ мимобѣгущіе предметы и удерживать ихъ въ памяти. Възле—село Вейссенбургъ, съ памятникомъ генералу Оцу (Osch), затѣ перешедшему черезъ Рейнъ въ 1797 году. Говорятъ, тутъ держался и Юлій Цезарь въ первый разъ, когда подступился къ дѣлать Сикамбровъ. Мнѣ кажется, этотъ разговоръ, озадачить только дѣлать, что оспаривать въ рѣчь всѣхъ обличаетъ затѣ перешедъ. Генералъ Оцъ: рѣшительно вѣдѣтъ въ Юлій Цезарь

тотъ же характеръ, тѣ же свойства духа, то же неудачное покушеніе на Англію! Знатный потомокъ Эяся и Веперы былъ далеко впередъ своимъ рожденіемъ! Бѣдный *Лазарь Ошъ* выщелъ изъ конюховъ, но, можетъ статься, развернулся бы такимъ же геніемъ, если бы дожилъ до лѣтъ Цесаревыхъ. Его назвали въ молодости, когда ему не было еще тридцати лѣтъ. Однако своимъ смѣлымъ черезъ Рейнъ переходомъ, въ виду неприятелей, *Лазарь Ошъ* перешагнулъ Юлія Цесаря. Вирава-Нейвидъ, съ своимъ обществомъ братьевъ, т. е. честными, благоправными, трудолюбивыми Геригутерами, — милый новый городокъ съ свѣжими, пестрыми домиками, вдоль прямой прибрежной улицы, подъ стѣною базальтовыхъ утесовъ и ринскихъ и рыцарскихъ древностей, въ развалинахъ. На пароходѣ завелась общая бесѣда о Геригутерахъ: «По лентамъ чепчиковъ, у нихъ, различаютъ дѣвицъ отъ замужнихъ: у первыхъ розовыя; у послѣднихъ бѣлыя ленты. Бракосочетаніе происходитъ не по выбору сердца, а по очереди; дотолѣ нѣтъ никакого сообщенія между мужчинами и женщинами; они не бываютъ вмѣстѣ даже въ церкви!» Нѣкоторые даны нашего парохода находили это чрезвычайно страннымъ и отнюдь не похвальнымъ. Разумѣется, онѣ правы! но, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что большинству людей оказываютъ истинное благодѣяніе подобнымъ ограниченіемъ правъ человѣческихъ и лишеніемъ нѣкоторыхъ невинныхъ удовольствій, нѣбующихъ свою опасную сторону. Только объ одномъ прошу васъ, почтенные братья Геригутеры: если замѣтите у себя, въ отрокѣ или юношѣ, искру генія или признаки широкихъ способностей, не держите его у себя, въ своей тѣсной сферѣ умственной: отвезите его въ другую школу, или на университетъ, назначивъ ему ежегодное денежное пособіе изъ своихъ общественныхъ суммъ: не доводите своего Шиллера *блѣзнуть* изъ ветеринарной школы, чтобы развиться *Шиллеромъ*—и вы будете совершенно правы по своимъ понятіямъ, и да благословитъ Господь вашъ благоправный орденъ. Будьте *первымъ* орденомъ релігіознымъ, который не откажетъ человѣчеству въ его правахъ, требуемыхъ во имя генія! Долетитъ ли до васъ въ Нейвидъ мой увѣщательный голосъ съ бѣгущаго парохода.

Вайо, древній Андернахъ, съ римскими вратами и иными дщелми колодыхъ итадьявскихъ тоноей, на самомъ берегу рѣки. Въ окрестностяхъ этого города та пустыня, гдѣ жила святая фальцграфиня Геноефа съ своимъ сыномъ и своей оленицей, воспѣтая Тикомъ и Фридрихомъ Мюллеромъ. Признаюсь, природа отказала мнѣ въ способности любоваться широко-впечательнымъ ультра-романтизмомъ Геноефы Тиковой, отъ которой Нѣицы безъ ума; Геноефа же Мюллера (Mähler Müller) цѣляетъ меня. Немного ниже Андернаха, вправо, вратныя развалины замка Гаммерштейна, на тении суроваго утеса. Здѣсь обѣденный колоколь назвалъ насъ въ пышный салонъ, гдѣ много свѣтлыхъ овальныхъ оконъ, чтобы можно было, и на обѣдѣ, любоваться берегами Рейна; но забудешься за вкусныя блюда, насупротивъ хорошенькикъ пассажирокъ—и всего на Реймѣ не замѣтишь. Наглядѣвшись де-сыта на природу, душа наша весьма комфортабельно отдыхаетъ на вкусномъ блюдѣ и на хорошенькомъ женскомъ личикѣ!...

Я вышелъ опять на палубу. Мы проѣзжали очень близко къ острову Нонненвертъ, гдѣ, посреди сада, развалины средневѣковаго женскаго монастыря превращены увѣ! въ *гостиницу*, всегда наполненную Англичанами. Известно преданіе о рыцарѣ Роландѣ (когда-то бѣшеномъ—Orlando furioso Ariosta) и невѣстѣ его, подобное сказанію о рыцарѣ Тоггенбургѣ, только съ тою разницею, что здѣсь, съ одной стороны, не было любви безотвѣтной, и что ложный слухъ о смерти Роланда рѣшилъ невѣсту его къ торопливому постриженію. Вѣсть, что женихъ ея *живъ* и прѣехалъ къ свадьбѣ, убила несчастную отшельницу: она скорѣ умерла. Народное преданіе хотѣло прославить и обезсмертить ее на вѣки, но враждебный ей полу гений сдѣлалъ эту эпиграмму (трактиръ) на паять ея! На той высотѣ, гдѣ видны развалины Роландска, Роландъ, какъ Тоггенбургъ Шидлера, тосковалъ по своей невѣстѣ. Послѣ, тысячелѣтія еще неопозоренная, развалина смотритъ грустно на островъ, у ногъ ея,—трогательный символъ стойкости чувствъ мужа, когда захочетъ онъ увѣковѣчить въ своей душѣ великое страданіе, и, вѣстѣ съ тѣмъ, символъ и самого мужа, котораго всемірная слава и

ископанная сила дѣйствій разрѣшились въ безконечно-глубокую скорбь, подобно тому, какъ величественный зѣвокъ рыцарскій распался въ незначительную развалину и, на высотѣ, одиноко выигрывается въ дыханіи вѣковъ. Все это оченношло въ повѣи, въ преданіи, въ воображеніи, для потѣхи прекраснаго пола; но, ни оуль, забави Боже, чтобы богатырь разоружился отъ романтической любви къ женщинамъ! Самое преданіе спасаетъ знаменитаго Иладина отъ такой жалкой, заирничной смерти: онъ не растаялъ, какъ Тоггенбургъ, передъ окнами возлюбленной—онъ богатырски положилъ буйную голову въ Волгезавальской битвѣ.

Недалеко отъ зѣвка Роланда, на правомъ берегу, гордо возвышается Семггоріе; ближайшая къ Рейну и самая поразительная своимъ видомъ и славою своимъ преданіемъ гора—Драконова утѣса (Drachensfels). Исторіи же, на его баснословномъ темени, немноге: развалина зѣмки рыцарскаго; обеленца, въ память перехода черезъ Рейнъ, въ 1844 году, да хоронни естествознанца. Этими семггоріемъ оказывается романтика рейнскихъ береговъ; отсюда, рѣка тельте широко-проспически, въ низменникъ съ тростниковъ берегахъ. Мы причинали къ Бонну. Городъ древнѣйшій, но съ виду свѣтлый, радостный! Это всевал-родина великаго Бетховена, котораго жизнь была такъ ирочно и бѣдотвенна.

Въ Боннѣ живеть, уже двадцать лѣтъ, знаменитый Августъ Вильгельмъ Шлегель. При отѣздѣ изъ Россіи, я несприваюсь засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, посмотрѣть на князи нѣмецкихъ критиковъ, переводчиковъ и филологовъ и разсказать ему кое-что о русской литературѣ, полагая, что такой универсальной умъ интересуется словесностью каждымъ пареда. Кроуъ того, я хотѣлъ подарить ему, въ рукописи, *своей* переводъ «Бориса Годунова» Пушкина, и вотъ почему: не за долго до смерти своей, Пушкинъ разсказывъ мнѣ, что Гѣче съ односте нѣвъ нашихъ русскихъ даиъ, только что возвратившейся изъ-за границы, говорилъ о «Борисѣ Годуновѣ» его, «зъ обимасъ выражениасъ, по переводу г-на Киорринга. И пожалѣлъ о Пушкинѣ, что онъ сдѣлался извѣстнымъ Гѣче въ такомъ жалкомъ переводѣ. Маъ хотѣлось оправдать Пуш-

тннѣ хотя передъ Шлегелемъ, потому—что уже не было Чиче. Но, въ Германіи, почтенные, умные люди меня увѣрили, что не найду въ Шлегелѣ того, чего ожидаю, что онъ уже выжиетъ изъ лѣтъ, изъ своего прежняго всемірнаго круга философическаго; что онъ теперь всего охотнѣе и единственно говорить съ вострами о нуждѣ своей; не только съ турками, но и съ известными германскими учеными, между которыхъ называли мнѣ Фарстагена-фонъ-Эйзе. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что старикъ, перешедшій за семьдесятъ лѣтъ, наскучилъ наконецъ трудами умственными и, вѣроятно, бывши всегда очень мало, чтобы не обременять своего ума, рѣшился заплатить своему желудку всѣ недоимки, посвятить ему исключительно остатокъ своихъ способностей и своихъ вождельній. При истощеніи умственныхъ силъ, старость уподобляется дѣтству, а дѣти—лакомки! Меня только одно удивляетъ: ужели этого не бывало въ Спартѣ? Тамъ, по закону, не прежде какъ по иновозрастіи *шестидесяти* лѣтъ, можно было домогаться званія сенатора, какъ награды за неукоризненную во всю жизнь добродѣтель; ужели эти старцы, 10 или 15 лѣтъ по достиженіи такой награды, не выживали изъ ума? ужели они, истощенные отъ скудной трапезы спартанской, не предавались наконецъ дѣтской похоти къ лакомству. Вѣроятно, нѣтъ, ибо тогда Ксенофонтъ (въ своей *Спартѣ*) не отозвался бы съ такимъ восторгомъ о законѣ Ликурговомъ, который предоставляетъ однимъ *старцамъ* соискательство преміи добродѣтели, относя къ крайнему предѣлу жизни право: избираться въ Сенатъ.—По такому слуху о Шлегелѣ, я уже могъ быть увѣренъ, что ему не до «Бориса Годунова!» Однако, подъѣзжая къ Бонну, я сожалѣлъ, что не взялъ съ собою рукописи, оставленной въ Эмс: она побудила бы меня остановиться въ Боннѣ, чтобы послушать хоть рѣчи Шлегеля о поваренномъ искусствѣ! Стоило бы только прочесть книгу знаменитаго Римлянина Аппіція: *De republica*—чтобы содѣлаться достойнымъ нынѣшняго Шлегеля собесѣдникомъ. Я не предвидѣлъ, что, въ близости, окажется на мнѣ притягательная сила великаго критика, кото-

раго, впрочемъ, я никогда не любилъ; какъ человѣка, за то, что, при такихъ блестящихъ способностяхъ умственныхъ, великій критикъ не сумѣлъ быть совершенно чистымъ въ душѣ судьей словесности! Я никогда не прощаль Шлегелю несправедливаго о Шиллерѣ отзыва его, въ «Драматическихъ Лекціяхъ»—отзыва, который внушилъ ему оскорбленное самолюбіе! Шиллеръ говорилъ о Шлегелѣ, что сей послѣдній не художникъ и не поэтъ, но не отрицалъ его прочихъ достоинствъ. Помнится, въ одномъ письмѣ къ Гёте, Шиллеръ говоритъ: «Удивляюсь, какъ можетъ человекъ (Шлегель), который восхищается чистою, изящною естественностью въ нашихъ произведеніяхъ, находить даже *сносными* (не говоря уже: прекрасными) свои собственныя, бездушныя стихотворенія!»—Развѣ Шиллеръ не правъ? при всей окончательности языка и чистотѣ формъ, *содержанію* стихотвореній Шлегелевыхъ не достаетъ души поэтической,—главнѣйшаго въ стихотвореніяхъ. Шлегель, какъ и покойный графъ Платецъ—только виртуозъ въ *стихѣ*. Я перенесъ мысль свою отъ Шлегеля опять на многострадальнаго Бетховена. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, правда, что пріятный образъ жизни и веселый нравъ родителей рѣшаютъ роковое назначеніе еще не рожденнаго дитяти—въ художника? Что изъ этого свѣтлаго источника протекаетъ первобытное духовное стремленіе къ искусству, пробивающееся, сквозь мракъ судьбы художника? Ужели, наоборотъ, меланхолическій нравъ художника и бѣдственная судьба его бываютъ причиною тому, что онъ не имѣетъ сына, ему подобнаго? Однако, Бернардо Тассо произвелъ пѣвца Іерусалима! Правда, *одно* только исключеніе изъ общаго опыта. Геніи, по большей частн. были чада свѣжей, крѣпкой, неуточенной, искусствомъ неистощенной природы,—и это обстоятельство относится болѣе къ матерямъ, нежели къ отцамъ геніевъ.—«Великіе люди—говоритъ Жанъ Поль—имѣютъ все хорошее отъ своихъ матерей!» Никогда, кажется, сынъ генія женскаго пола, въ особенности, писательницы, не былъ отличнымъ художникомъ! Не ищите же, женщины, своей души, въ сочиненіи романовъ: душа ваша должна быть умственная кормилица зачатого подѣ

сердцемъ вашнмъ дитяти-генія! Берегите свѣжее здоровье души для своихъ вещественныхъ дѣтей, хотя никто и не разгадаетъ великаго таинства посвященія въ художники. Вотъ, какія мысли занимали меня; покуда пароходъ высаживалъ и принималъ пассажировъ въ Боннѣ.

По ровнымъ, впаденнымъ, уже не романтическимъ берегамъ Рейна, только Семпгоріе сопровождаетъ путника и передаетъ его — собору кѣльнскому, являющемуся издали съ великимъ въ насъ возбужденіемъ любопытства: онъ такъ и тлнеть къ Кѣльну. Мы прѣехали около четырехъ часовъ по полудни. Тотчасъ, по занятіи комнаты въ одной изъ прибрежныхъ гостиницъ древней колоніи агрппинской (прежнее имя Кѣльна), отправился я отыскивать знаменитое чудо готической архитектуры. Въ такихъ случаяхъ, не люблю я нить проводника: они, болтовнею своею, иѣшаютъ мыслить, и, кромѣ того, какъ-то пріятно самому находить искомую знаменитость. Дорога моя шла черезъ двѣ площади и, большею частью, по тѣснымъ улицамъ; въ особенноти тѣснѣ закоулковъ, ведущій къ южному углу соборной площади, которая вдругъ откроется и нечаянно поставитъ передъ вами величественное чудо! Говорю: поставитъ передъ вами, ибо остановившись невольно и не передвинешь стопы, закованной удивленіемъ. Чудесное этой огромной, въ такихъ легкихъ и стройныхъ формахъ, возносящейся утесной массы поражаетъ свою непостижимостью! Понимаешь только одно, что тутъ передъ тобою мировая задача искусства, съ безконечно-возвышеннымъ и бездночно-глубокимъ смысломъ, и могущественно зывающая къ тебѣ разрѣшить ее! Бурно волнуется душа въ неясныхъ угадываніяхъ; подходишь медленными стопами. Неоконченное въ исполненіи уже достаточно свидѣтельствуетъ о чемъ-то непзмѣрно оконченномъ, въ идеть. Въ такомъ расположеніи духа вошелъ я въ соборъ. Начало смеркаться, почему я, на этотъ разъ, ногъ восхищаться только зрѣлищемъ прекрасной, въ самыхъ роскошныхъ краскахъ блестящей стекольной живописи высокихъ оконъ, на сѣверной сторонѣ храма: это калейдоскопныя фигуры, въ вечернемъ сумракѣ, дѣлали эффектъ превосходный.

На другой день, заблаговременно началъ я систематическое обозрѣніе собора, запечатливъ поставоведенію таксу въ два талаера. Постройка наперегородила внутренность храма. Съ стороны начатыхъ башенъ прошелъ я по лѣвому боковому ходу до клироса, который одинъ достроенъ. Мимолетно проводилъ я бѣглые взоры вверхъ и вокругъ, нацѣлываясь, рѣшительно не сматривать сперва частности и подробности, а потокомъ уже предаваться безпрепятственно общему впечатлѣнію.

Въ придѣлѣ Св: Агнессы есть большая складная картина, написанная или въ исходѣ четырнадцатаго, или въ началѣ пятнадцатаго вѣка. Она, по древне-германскому обычаю, тройная, т. е. состоитъ изъ одной главной—средней—и двухъ боковыхъ картинъ; послѣднія слагаются на первой. Главная картина изображаетъ поклоненіе Волквоу Младенцу-Спасителю; лѣвое крыло—Св: Урсуду съ путевою святою ея; правое—Св: Герсона, начальника едсакаго легіона, съ воинами его. Оба, въ исходѣ третьяго вѣка, мученическую смертью за вѣру Христіанскую освятили землю, впоследствии включенную въ ограду Кельна: за что и почитаются заступниками города, равно какъ и три Волквы, имѣющіе пыльную гробницу въ соборѣ. Этотъ тройной палладиумъ Кельна есть картина, превосходная по колориту, по созданію поэтическому, по уточненнѣйш, идеальнѣйш понятіямъ объ искусствѣ, упадокъ котораго, въ позднѣйшее время, снестъ ее къ подлинности, когда она—неколытая, неопытная, стояла въ темномъ углу башни ратуши. Въ идеѣ патроната закомпоуется единство этой трилогии, въ которой изящное, въ различнѣйш видахъ, также соединяется подъ идеальною точкою зрѣнія. Отъ Богородицы до Урсуды, окруженной толпою благоестивыхъ дѣвъ, и до витязя Герсона съ мужественными ратниками, выраженіе возвышеннаго смиренія осянуетъ будаго радостнаго сходствомъ всѣ эти разнохарактерныя лица; между тѣмъ какъ свита Урсуды и рать Герсона имѣютъ каждая свое особенныя семейственныя черты, среди безконечнаго разнообразія этихъ двухъ группъ. Чрезвычайный умъ художника видѣнъ въ поэтическомъ распредѣленіи картинъ, особенно въ томъ, что «поклоненіе Волквоу» взято съ идеальной сторо-

ны — отъ чего могла быть изображена и символика сего великаго, святаго событія. Превосходное искусство, выразившееся въ изящной пластичкѣ фигуръ, полъ разнообразною роскошью костюмовъ. Въ особенности привлекательнъ этотъ мягкій, дивный колоритъ лицъ; неудовмы для чувственнаго взора эти вѣжные перемены оттѣнковъ; все это свидѣтельствуетъ о періодѣ чистаго, возвышеннаго искусства! Сіе мастерское произведеніе замѣчательно еще тѣмъ, что оно — одна изъ первыхъ картинъ, написанныхъ масляными красками, и не происходитъ изъ школы Ванъ-Эйковой, которая будто бы первая ввела въ употребленіе живальныя масляную. Кто же создатель этой прекрасной картины? *Не извѣстно!* Сперва думали, что живописецъ Вильгельмъ, потомъ, что какой-то Филиппъ Кальфъ; наконецъ, основываясь на бѣглой замѣткѣ въ путевыхъ запискахъ Дюрера, приписываютъ картину живописцу Стефану; но все это весьма невѣрно! Религіозный духъ среднихъ вѣковъ предписывалъ художникамъ смиреніе и совершенное отчужденіе отъ всякой суеты и славы земной. Художники не называли себя, а свѣту не было дѣло до имени ихъ: существовало бы только созданіе, которое радовало бы человечество! — Не выходя изъ кѣльнскаго собора, мы еще разъ будемъ имѣть случай: удивляться непонятной намъ забывчивости тѣхъ вѣковъ.

Заглянемъ теперъ въ придѣлъ Волхвовъ. Преданіе гласитъ, что святая Царица Елена, въ благочестивомъ путешествіи своемъ по Востоку, открыла гробъ этихъ первыхъ поклонниковъ Младенца-Спасителя и привезла останки ихъ въ Константинополь. Они были отданы Императоромъ Константиномъ архіеписку миланскому; при взятіи же Милана Барбароссою, уступлены кѣльнскому архіепископу Рейнальду. Преданіе сохранило и имена этихъ набожныхъ мудрецовъ Востока: Каспаръ, Мельхиоръ и Балтазаръ! Придѣлъ накрѣпо загороженъ и такъ теменъ, что нельзя ничего разглядѣть безъ огня. Тумба, въ простой формѣ тогдашнихъ мощехранилищъ, осыпана неисчислимыми драгоценностями: перлами и яхонтами всѣхъ родовъ и всякой величины, изъ янтаря, камня и тому подобными узорочіями! Говорятъ, что число жем-

туговъ и драгоценныхъ каменье въ этой гюмбѣ простирается до 1540 штукъ. Тамъ находятся: одинъ необыкновенной величины топазь; одна кроводѣльная яшма; одинъ сардоникъ, представляющій апофеозу одного Императора; во всего занимающей камень съ Александровою головою, покрытою шлемомъ: закройте шлемъ, и, вмѣсто македонскаго царя, увидите *Наполеона!* Рассказываютъ, что Гёте — первый — замѣтилъ это сходство! Люцианъ Бопартте отозвался, что ни одинъ портретъ брата его не схожъ столько, сколько эта голова Александра! Не удивительно ли? Ужели черты древняго завоевателя повторились въ образѣ Наполеоновомъ? Или, если это идеальное изображеніе — какъ могъ художникъ угадать лице будущаго завоевателя! Ужели царь македонскій, преждевременною смертью, среди блѣска своего, похищенный у истинныхъ предположеній судьбы, долженъ былъ, послѣ двухъ тысячелѣтій, явиться еще разъ на свѣтъ, чтобы на *второмъ* своемъ вѣку, послѣ великихъ побѣдъ претерпѣвать и великія пораженія, неизвѣданныя ни на *первомъ* — и тѣмъ исполнить завѣтъ судьбы человѣческой! Богобоязненная мольба язычника: *Ω Ζεῦ, μή μου τί τοῖς ἀνθρώποις καί δούλοῦμαι!* По русски: «*О Зевъ! миксонъ ти тойсь аавойсь кей дистихима.*» (О Зевъ, примѣшивай къ благимъ дарамъ и злополучіе!) тяжело, страшно тяжело отражалось на страдальцѣ Святыя Елены — но онъ былъ витязь Христіанскій и благодушно несъ свой крестъ гранитный....

Меня такъ поразило сходство Александровой головы съ Наполеоновомъ, что я сдѣлался слѣпъ для всѣхъ прочихъ украшеній этого придѣла. Я видѣлъ и остальные придѣлы и сокровищницу, гдѣ показываютъ сафиръ, подаренный собору кельнскому — Наполеоновомъ! Мнѣ пріятно было видѣть, что тотъ, кто обыкновенно обиралъ завѣтные мѣста, иногда ихъ и дарилъ. Осмотрѣвъ все любопытное и драгоценное въ храмѣ, я старался выжить изъ мыслей Александра Македонскаго и Наполеона, и всѣ частныя впечатлѣнія — и обратился къ самому зданію собора. Я отыскалъ выгодную точку зрѣнія въ клиросѣ и, подъ этимъ сводомъ въ 150 футовъ вышины, углубился въ созерцаніе. Не существенная огромность, но

внутреннее ненаглядное величіе, пронизывающее изъ генической идеи, поражаетъ душу зрителя; чувствуешь какую-то чудесную мистику прежде; нежели узнаешь, что драмъ, во всѣхъ размѣрахъ своихъ, — въ вышину, въ длину, ширину и вообще во всѣхъ частяхъ, — раздѣляется на таинственное, издревле символическое число *семь*, осмьшестое в Нобывиъ Завѣтомъ. Чудесное здѣсь вмѣстается въ универсальномъ планѣ храма; соображеніе художника будто-бы переходить за предѣлы человѣческаго духа. Идея такъ колосальна, что она, уже какъ идея, задавляеть человека! что же будетъ при совершенномъ, съ глубокою мудростью и поэзіею начертанномъ исполненіи? Архитектоническая музыка, которая уже прерывистыми аккордами этого проявленнаго отголоска отъ идеи (того, что готово) потрясаетъ душу въ глубочайшихъ ея основаніяхъ, должна будетъ, какъ полная симфонія, почти вырвать духъ человѣскій изъ тѣлесныхъ узъ его: *Шесть вѣковъ* уже продолжается еще далеко до половины не доведенная постройка, ибо достроенъ одинъ клирость; надѣются окончить все зданіе въ тридцать лѣтъ. Если это возможно; если огромно-величественная идея, почти сверхчеловѣческое совершенство которой доказывается и тѣмъ, что *шесть вѣковъ* ничего не измѣнили въ первобытномъ, донынѣ существующемъ, планѣ и ему всегда только удивлялись — истинное чудо, при непрерывномъ развитіи и успѣхахъ искусства и человечества — если такая идея, хотѣлъ я связать, можетъ быть осуществлена, тогда Титаны дѣйствительно взяли бы приступомъ Олимпъ, т. е. проломилсь бы черезъ роковую ограду, стѣсняющую человечество, и открылся бы новый, миръ человѣчески-возможнаго!

Кто же возымѣлъ столь огромную идею? Кто начерталъ удивительный планъ?

— Нѣтъ отвѣта!

Прощало ния одного изъ величайшихъ на свѣтѣ гениевъ: забвѣніе, грустное для ума человѣческаго! —

Кого же, по крайней мѣрѣ, именуютъ новѣйшія догадки?

Современникомъ началу кѣльнского собора былъ знаменитый доминиканецъ Альбертъ, за необыкновенныя въ томъ вѣкѣ познанія свои прозванный Великимъ (Albertus magnus). Не менѣе прославился онъ и смиреніемъ своимъ, добровольно отказавшись отъ своего епископства и возвратясь въ свою темную обитель, въ Кѣльнѣ. Известно, что онъ имѣлъ большія свѣдѣнія и въ архитектурѣ: онъ, по собственному плану своему, выстроилъ прекрасный клиросъ своей монастырской церкви. Поэтому и думаетъ Вальрафъ, что, если художникъ утратилъ свое ния изъ смиренія, то подобный поступокъ не могъ быть никому свойственнѣе, какъ Альберту. Сульпицій Буассерэ (Boissier) называетъ авторомъ плана мастера Гергарда, каменщикъ, которому за главное управление храмовою работою и за похвальное усердіе, капитулъ соборный пожаловалъ мѣсто, для постройки дома. Замѣчательны слова Буассерэ: «Нельзя предполагать, чтобы этотъ планъ составилъ какой-либо гениальный, свѣдущій въ архитектурѣ человекъ, который-бы самъ не былъ художникъ *практическій*: ибо помысль о столь исполненскомъ созданіи, съ такою богатою и смѣлою многосложностью, и до малѣйшихъ подробностей разсчитанный на возможность исполненія, могъ быть выдуманъ и развитъ только тѣмъ, кто собственнымъ опытомъ приобрѣлъ подробнѣйшее знаніе всѣхъ техническихъ средствъ и носилъ въ себѣ увѣренность, что возможетъ осуществить изобрѣтенія своего гения.»

Конечно, аргументъ очень важный, но ни сколько не уничтожающій мнѣнія Вальрафа! Хотя Альбертъ и не былъ каменщикомъ, но все же должно называть его художникомъ *практическимъ*, если онъ, начертавъ планъ клироса монастырской церкви, самъ указывалъ, какъ строить. Остается дарственная записка соборнаго капитула мастеру Гергарду! Но *управлять* постройкою и *быть авторомъ* столь гениальнаго плана—развѣ это значить одно и то же? И не будетъ ли слишкомъ мелка награда Гергарду, если онъ изобрѣлъ этотъ планъ? Что, кромѣ смиренія художниковъ тѣхъ временъ, могло побудить автора

скрыть свое имя? Мистрис Валдрее заслуживаетъ преимуществъ; но и оно остается далеко позади достоинства, да покорей, кажется, нельзя уже дойти.

Народное преданіе разсказываетъ по-своему, Гордіевъ узелъ этой сомнительности: оно представляетъ *третьяго* кандидата на славу творца, кельнскаго храма! Это преданіе, если хотѣть, ужасное, но любопытное тѣмъ, что и простой народъ уразумѣлъ сверхъ-человѣческое совершенство этого дивнаго плана. Благодаря Бога, что нашъ благочестивый русскій народъ не видѣлъ и не могъ видѣть подобныхъ преданій, разскажу, что придумали жители Кельна, въ серединѣ тринадцатаго вѣка, т. е. во времена самаго грубаго суевѣрія и мрачнаго невѣжества. Поручено было одному мастеру составить планъ предполагаемаго храма. Желая создать что-то оригинальное, дотождѣ невозможное, архитекторъ задумчиво прогуливался по берегу Рейна. Ему показалося, что онъ схватилъ счастливую идею; хотѣлъ было поспѣшить домой, но вдругъ увидѣлъ, что подлѣ него сидитъ человекъ довольно страннаго вида и чертитъ жезломъ на пескѣ. На вопросъ мастера, незнакомецъ отвѣчалъ, что составляетъ планъ какого-нибудь мюнстера (собора) и тотчасъ замахалъ написанное. Чтобы похвастать своею оригинальною находкою, архитекторъ на пескѣ же набросалъ свой чертѣжъ.

«Это не новость!» возразилъ незнакомецъ: «это такой-то мюнстеръ!»

Художникъ убѣдился въ своей забывчивости и ушелъ со стыдомъ. Въ продолженіе недѣли являлся онъ ежедневно на то же мѣсто показывать незнакомцу новый планъ, и тотъ каждый разъ уничтожалъ бѣднаго мастера тѣмъ же возраженіемъ: «Это такой-то соборъ!» и наконецъ довелъ его до отчаянія. «Выдумай же ты новый планъ!» возопилъ художникъ. Незнакомецъ молча придвинулъ къ себѣ какой-то станокъ, натянулъ листъ бумаги и началъ чертить разноцвѣтными карандашемъ. Заходящее солнце ударяло на рисунокъ. Изумленнѣйшій мастеръ увидѣлъ что-то дивное: вслужбѣнный, небывалый мюнстеръ съ коло-

композиции, башенными, чудно-узорчатыми украшениями — идеаль-готическаго стиля — и все это горело и блистало волшебными разноцвѣтными огнемъ въ лучахъ заходящаго солнца!... Незнакомецъ запросилъ слишкомъ дорого за свой рисунокъ; художникъ не согласился, надѣясь написать изъ памяти этотъ дивный монстеръ; но какъ ни бился, ни мучился, онъ ничего не припомнилъ. Опять отыскалъ онъ незнаконца; но тотъ все держался той же огромной цѣны. Мастеръ все не соглашался, но этотъ чудный рисунокъ не давалъ ему покоя ни день ни ночь. Доминиканецъ, которому онъ подъ секретомъ все рассказалъ, совѣтовалъ согласиться для вида, взять отъ таинственнаго незнаконца чертежъ и рисунки фронтальной и боковой — и въ ту минуту, какъ мастеру подписывать красными чернилами рѣковое заемное письмо на невообразимо-дорогую сумму, противопоставить любостяжательному генію символическое знаменіе и тѣмъ отдалить его отъ себя; однимъ словомъ: перелукавить! Художникъ весьма ловко выполнилъ совѣтъ Доминиканца... Чародѣй, или геній, или ктобы ни былъ онъ, отшатнулся отъ символа, оставивъ планы и рисунки въ рукахъ мастера, и въ гнѣвъ произнесъ: «Ты меня обманулъ! не въ моей уже власти отнять у тебя мою собственность! но ты отъ нея не приобрѣтешь личной славы: за низкое коварство утрачу я имя твое для потомства!»

Какъ же, послѣ этого, доискаться имени создателя кельскаго собора!

Я попросилъ моего проводника не мѣшать мнѣ уже никакимъ преданіемъ и, вспоминая свою параболу о Титанахъ, осаждавшихъ Олимпъ, замѣтилъ проводнику, что таинственный незнакомецъ, вѣроятно, былъ *Титанъ*, желавшій завоевать для искусства всю область Олимпійскую! Я предался этой идее въ чисто-художественномъ отношеніи и, чтобы еще болѣе наслаждаться ею и сверху обнять взоромъ чудесную громаду собора, взомель надъ стройными башенками и галереями до послѣдней выси. Незабвенное впечатлѣніе! Куда снизу не достигнетъ глазъ человѣческій, даже на послѣдней высотѣ, та же роскошь

и прелесть формы, та же тщательная отделка! Видишь себя окруженного толпою башенъ, плавительныхъ своею легкою грацею и нарядностью.... Здѣсь будто сочетались гений эллинскій съ готическою массивностью на столько, сколько позволила противоположная природа его! Это сочетание, конечно, ограничивается только легкимъ соприкосновеніемъ двухъ крайностей. Въ самомъ дѣлѣ, что подумалъ бы древній Эллинь, если бы могъ, хотя въ видѣннѣ художественномъ, лицезрѣть узорчатый стиль готическій? Едва ли повравились бы Эллину эта узорность и остроконечность, соответственныя *другой* странѣ свѣта и *другимъ* понятіямъ! Онъ, вѣроятно, сказалъ бы: «Это очень мило, но не болѣе, какъ массивное въ исполненскомъ масштабѣ воспроизведеніе фантастической архитектуры въ кондитерской!» Какъ знать? Можетъ быть и мы — Сѣверяне — скажемъ то же самое, побывавъ въ римскомъ Пантеонѣ, всмотрѣвшись въ идеальную простоту древне эллинскаго зодчества, влюбившись въ очаровательную *волнистую* линію! Такъ я очень радъ, что вижу сперва кѣльнскій соборъ и могу нѣтъ восхищаться, безъ всякихъ примѣненій готической архитектуры къ эллинской! Стою на послѣдней выси кѣльнскаго собора... чудный видъ на окрестныя мѣста, широкій, живописный кругъ обзора! Рейнъ голубою лентою обвиваетъ грудь природы... стою на высокомъ пунктѣ огромной ротунды земной, которой сводъ — чистое небо, а солнце, высоко въ полуднѣ, — огнемѣтный замыкающій камень этого свода! Съ кѣльнскаго собора, при уразумѣннѣ идеи его, вселенная не представляется иначе; какъ храмъ! На обратномъ пути съ вышины, я взглянулъ въ отверзтіе свода на церковный помостъ: Боже мой, какая глубина — будто смотришь въ самый центръ земли!

Конечно, я не преминулъ быть въ *звѣздной* улицѣ (Sterngasse) и заглянуть въ домъ, гдѣ родился Рубенсъ и гдѣ умерла, въ великой бѣдности, королева Марія Медичи, вдова Генриха IV. Двѣ доски, по одной на каждой сторонѣ входа, съ надписями и золотомъ надъ ними звѣздою, повѣствуютъ путнику о странномъ сочетаніи сихъ двухъ происшествій. Могильное мѣсто Медичи я уже видѣлъ въ соборѣ

домъ храбръ. Глядя на картины, по заказу ея написанныя Рубеномъ для галлерей луксабургскаго дворца, думала ли королева Франціи, что ей суждено умереть въ нищетѣ, подѣ *тою* кровлею и чуть ли не въ *той* же комнатѣ, гдѣ въ темномъ, смиренномъ званіи родился творецъ тѣхъ картинъ, бессмертный избранникъ всемірной славы! Сія два существа, рожденныя на противоположныхъ полюсахъ жизни, потекли во срѣтеніе другъ другу, на мигъ свидались, посредствомъ искусства — и разошлись, чтобы помѣняться судьбами: сынъ темной неизвѣстности нажилъ себѣ пышный дворецъ и имя Князя Живописцевъ; а принцесса тосканская, изъ родимаго дворца низошла къ житейскимъ нуждамъ — и легла умереть на бѣдный одръ рожденія Рубенса!... Домъ, рассказывающій двѣ столь занимательныя повѣсти, принадлежитъ теперь купцу Филиппу Вагнеру: тамъ нынѣ движется промышленность! Ужели всему великому и прекрасному въ мірѣ разрѣшится наконецъ въ меркантильность? Если купцамъ суждено быть двигателями общихъ интересовъ, то да подражать они роду Медичи, да обратятъ землю во всемірную Флоренцію! Тщетная надежда! Купеческій родъ Медичи для того ли долженъ былъ выдать свою принцессу цербобитной своей незначительности, чтобы тѣмъ Маріи вывела родъ Филиппа Вагнера въ богатые и знатные люди? Меркурій завладѣлъ и Парнассомъ и тамъ завелъ торжище! Музы сѣдлались магазинщицами!

Древнѣйшая въ Кельнѣ церковь—св. Марія Капитолійская (St Maria im Capitol), сооруженная Плектрудою, супругою Пипина. Съ перваго взгляда удостовѣришься, что это древній храмъ — кельнскій Капитолій временъ Римлянъ—превращенный Плектрудою въ готическую церковь. Древній видъ преобладаетъ въ наружности; что-то подобное цитадели, на возвышеніи, совершенно соотвѣтствуетъ идее Капитолія, въ римскомъ смыслѣ. Передъ зданіемъ стоятъ высокія деревья. Всего лучше представляется оно съ Плектрудина переулка, у колодезя, подлѣ сѣнной площади.

Древне-римское, въ этомъ явленіи, было для меня значительнѣйшее, и душа моя опять зашевелилась горчичимъ впечатленіемъ къ Риму. Шла служба въ церкви; при звукахъ органовъ, осмотрѣлъ я картины извѣстныхъ мастеровъ и потомъ отошелъ снова къ колодезю, въ Плетрудиновомъ переулкѣ. Когда же увижу я *настоящій* Капитолій? Между нмъ и мною сколько еще впечатленій: Швейцарія, съ своимъ жевевскимъ озеромъ; Атланты — Альпы; долины Ломбардіи; средиземное море!...

Пробывъ въ Кёльнѣ нѣсколько дней, я отправилась рѣкою же обратно въ Кобленцъ, на пароходѣ: Гуттенбергъ. Я надѣялся, что кёльнскій соборъ справитъ мнѣ благосклонные проводы и не откажется отъ моей повторенной благодарности за доставленіе мнѣ свѣтлыхъ минутъ; но онъ не выходилъ изъ тумана. Проявленіе солнца разстѣло нглу, когда кёльнскій соборъ уже скрылся изъ виду. Въ этотъ разъ, проѣзжали мы между утесомъ Роланда и островомъ его невѣсты, очень близко къ послѣднему. Не широкъ рукавъ рѣки, разлучавшій любовниковъ; но моральное препятствіе переходило за предѣлъ земной жизни. На островѣ, въ рѣкѣ, женскій монастырь; нѣтъ иной ограды, кромѣ русла Рейна.... вотъ доказательство средневѣковаго уваженія къ прекрасному полу! Не считалось важнымъ физическое препятствіе! Собственной совѣсти отшельницъ доверчиво предоставляли неодолимость моральной препоны! На этотъ разъ, я могъ хорошо разглядѣть развалины на утесѣ Роландовомъ: это одинъ только сводъ воротъ!

Мы подѣзжали къ Кобленцу. Въ народной толпѣ, стѣснявшейся любопытно у пристани, увидѣлъ я отца моего больного сослуживца, графа В. Онъ махалъ шляпою, привѣтствовалъ меня громкимъ возгласомъ и, ожидавъ меня съ нетерпѣніемъ, дружески обнялъ и поцѣловалъ. Это была неожиданная мнѣ радость... вы не повѣрите, какъ усладительно, для нашего сердца, на чужбинѣ, ласки почтеннаго соотечественника! Я узналъ, что нашъ многострадальный

другъ чувствовалъ себя хорошо во все время моего отсутствія; что они перѣехали въ Кобленцъ, но не хотѣли продолжать пути безъ меня.

Баронъ Розенъ.

(Продолженіе будетъ.)

Иностранная Словесность.

ДАМІАНЪ РУШЧИЦЪ.

БЫЛЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ІОАННА СОБІЕСКАГО.

Сочиненіе графа Фридриха Скарбека.

ГЛАВА I.

Протекли уже ясные дни лѣта. Тяжелая мгла покрывала сѣла и рощи; на луга и нивы садилась легкія пушинки инея; одни только ели и сосны бросали тѣнь по увядшимъ лѣсамъ, устилавшимъ землю желтыми, сухими листьями. По всѣмъ дорогамъ, идущимъ къ деревнѣ, толпились поселяне обоего пола и разныхъ возрастовъ, и отголосокъ погребальнаго звона, напоминавшій имъ печальную цѣль ихъ путешествія, невольно ускорялъ шаги усталыхъ.

Деревенская церковь постепенно наполнялась множествомъ набожнаго народа; траурно-убраанный храмъ и въ глубокой тишинѣ отправляемое богослуженіе, означали приготовленіе къ обряду похоронному. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія то въ церкви, то на ближнемъ кладбищѣ, увидѣли наконецъ по-

славнаго верхомъ, который подозвалъ къ себѣ старосту и, давъ ему какое-то приказаніе, поспѣшно поскакалъ къ замку.

— Пойдемте, дѣти! — сказалъ старый Матеушъ, глава собравшія : пойдемте вмѣстѣ на встрѣчу; вѣдь давно уже тронулись съ послѣдняго ночлега. Боже мой! — прибавлялъ онъ : лишились мы нашего добраго барина, теперь перейдемъ къ чужому: послѣ него не осталось ни одного сына, а на дочкѣ-то, Богъ вѣсть, кто женится.

Всѣ потянулись за нимъ : старые хозяева впереди, потомъ деревенскіе работники, далѣе женщины и ребятишки. Когда вышли за деревню, слѣдуя по дорогѣ ко Львову, одинъ изъ поселянъ спросилъ Матеуша :

— Послушайте, кумъ! вамъ ужъ конечно это лучше извѣстно; скажите-ка намъ : гдѣ и когда онъ умеръ, и кто провожаетъ его тѣло?

— Умеръ? — возразилъ Матеушъ : не умеръ, а поганые убили его, далеко отсюда, на Ракузской землѣ, куда король выправилъ шляхту и войско, чтобы истребить бусурмановъ, хотѣвшихъ насъ, правовѣрныхъ Христіанъ, завоевать и обратить въ свое поганство. Не сладивъ съ нашими, они пошли на Нѣмцовъ, съ которыми казалось имъ легче справиться, и вѣрно бы ихъ побили и пополонили, если бы не нашъ Янъ : только лишь показался онъ съ своими Поляками, такъ и ударились они бѣжать въ степи. Не въ мочь имъ было драться съ нашими! Но, Господи, Боже мой! ужъ сколько и нашихъ-то легло тамъ! не за своихъ, не на родной землѣ! и баринъ-то, вишь, тутъ же поплатился жизнію, оставя единую дочку и насъ сиротами.

Сказавъ это, онъ снялъ шапку, поднялъ глаза и руки къ небу (что по примѣру его, слѣдали и другіе) и прибавилъ :

— Да приметь душу его Всемогущій Богъ въ свою пресвятую обитель! вѣдь онъ за вѣру сражался съ невѣрными.

— Да ктожъ везетъ сюда тѣло его, коли онъ погибъ такъ далеко? спросилъ одинъ изъ поселянъ.

— А вотъ вишь кто! отвѣчалъ Матеушъ. Что самъ знаю, те и вамъ перескажу. Назадъ тому недѣля дѣй возвращался я съ нашими и, читая вечернія молитвы, не обращалъ вниманія, что дѣлалось за мною, какъ вдругъ у самаго перекрестка, гдѣ стоитъ крестъ и гдѣ, помните, убили пастуха, волю мон чего-то вскугались и бросились въ сторону. Закричавъ на скоти-

ну, и оглянувшись назад и вину, что королевский гайдукъ на лицою коня догоняет меня и въ мигъ останавливается. Сначала я оробѣлъ, не зная откуда взялся подлѣ меня этотъ драгунъ. «Да будетъ Богъ благословенъ!» сказалъ онъ! «Во вѣки вѣковъ аминь!» отвѣчалъ я, и успокоился, увѣряю, что хвальный Бога не долженъ зватися съ нечистымъ.

— «Дома-ли камергеръ?» спросилъ онъ; «былъ дома», отвѣчалъ я: развѣ послѣ обѣда куда выѣхалъ. «А дочка панская?» — Та и шагу не дѣлаетъ изъ дому, отвѣчалъ я: съ тѣхъ поръ какъ отецъ выѣхалъ на войну, ходитъ только каждый день въ церковь, молится усердно и часто бѣдняжечка плачетъ во время молитвы. «Теперь-то она поплачетъ!» сказалъ гайдукъ и поскакалъ впередъ, а я снялъ только напрасно шапку, потому что онъ не видалъ моего поклона. Вотъ, поутру, Валекъ мой—сторожъ господскаго дома — рассказываетъ мнѣ, что посланный отъ королевскаго двора привезъ горестное извѣстiе, будто поганые убили нашего пана, а тѣло его уже въ дорогѣ и будетъ привезено сюда для погребенiя. Что тутъ было плачу и крику! барышня нѣсколько дней была въ безпрестанныхъ обморокахъ, свѣту Божьего не видя. Съ того времени посылали, посылали навѣдываться: не везутъ-ли тѣла? но долго ждали напрасно. Наконецъ вчера снова прiѣхалъ, отъ двора, такой же драгунъ, какъ и въ первый разъ, и повѣстилъ, что покойника уже везутъ, и что при немъ находится какой-то королевскiй придворный, который провожаетъ его сюда, до самаго мѣста. Разбѣжались тотчасъ подстаросты, собрали насъ и выслали на встрѣчу процессiи—и вотъ мы теперь идемъ.

— Послушайте, Матеушъ! спросилъ хозяинъ изъ другой деревни: правда-ли это, что за нѣсколько дней въ замкѣ было не совсѣмъ-то тихо? да и теперь еще не успокоилось, такъ что ночью люди боятся показаться въ деревнѣ?

— Похоже на то! отвѣчалъ Матеушъ. Впрочемъ, слава Богу! скоро будетъ служба, такъ душа и успокоится. Говорятъ, какъ похоронимъ тѣло, то не будетъ уже болѣе никакихъ проназъ. А до вынѣшняго дня, мы едва выдержали!... Впрочемъ изъ насъ никто не смѣлъ переступить за порогъ, лишь только начнетъ смеркаться; потому то, благодаря Бога, никто ничего и не видалъ; однакожъ, страхъ слушать, что говорятъ про замокъ. Назадъ тому три недѣли, когда господо садился за столъ,

а приходскій священникъ прочитывалъ молитву, вдругъ ни съ того, ни съ сего, бухъ!... упала со стѣны картина, представляющая покойнаго барина во всемъ вооруженіи, хотя никто до нея не дотрогивался, и гвоздь остался на мѣстѣ. Съ тѣхъ норъ силы нечистыя безпрестанно воюють въ замкѣ; въ полночь выѣзжаетъ всегда, изъ самаго высокаго окна наружной башни, вонизъ на сѣрой лошади и ѣздитъ по воздуху да машетъ огненнымъ палашемъ, ажно искры сыплются на землю; а въ цѣломъ замкѣ такой подымается шумъ, какъ бы, Богъ знаетъ, сколько людей бѣгало по комнатамъ.

Долго еще старый Матеушъ рассказывалъ о привидѣніяхъ, а спутники старосты, чтобъ прислушиваться къ его повѣстанію, шли тихо подлѣ него, пока не увидѣли вдали лошадей и людей, проважавшихъ тѣло Модржеевского.

Печальный одръ предшествовалъ триумфальной колесницѣ, и народъ привѣтствовалъ сперва утраченныхъ, а потомъ спасенныхъ сыновъ отечества.

Еще прежде привезены были въ Польшу бранные остатки Потоцкаго, старосты галицкаго, который одинъ изъ первыхъ палъ, подлѣ Вѣноу, смертію героя. Модржеевскій, Надворный Подскарбій^{*}, смертельно раненный въ глазахъ короля, при исполненіи его повелѣній, испуская духъ, умолялъ своего Государя оказать ему ту же самую милость. Королева, согласно съ волею достойнаго супруга, сдѣлала распоряженіе, чтобъ изъ Львова провожалъ тѣло Модржеевского знатный придворный, который, присутствовалъ бы, отъ имени короля, при погребеніи.

Порученіе это выполнялъ молодой Французъ, именемъ Мондоръ. Знакомый нѣкогда въ домѣ бывшаго Надворнаго Подскарбіа, онъ самъ вызвался на это, желая показать свое вниманіе и глубокое уваженіе къ умершему и его семейству предъ лицомъ Маріи, которой прелести сильно его занимали. Осиротѣвшая теперь Марія жила въ домѣ камергерши Ласской, тетки своей, которая съ родительскою нѣжностью заступала ей мѣсто матери, утраченной въ молодыхъ лѣтахъ и, не имѣя сама потомства, любила Марію, какъ собственную дочь свою. Въ этомъ домѣ она получила рачительное и приличное воспитаніе;

* Придворный казначей.

отецъ же, постоянно живущій при дворѣ, употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы приготовить дочь свою къ высшему назначенію, доставя ей познаніе иностранныхъ языковъ, мало извѣстныхъ въ то время между польскими дѣвцами, дабы нѣкогда видѣть ее при королевскомъ дворѣ.

Полный увѣренности, что заслужитъ признательность уважаемаго имъ семейства, что раздѣлитъ и облегчитъ справедливую его горестъ, Мондоръ приближался впереди печальной процессіи, сопровождающей тѣло Модржеевского къ фамильной гробницѣ. Едва только шедшіе на встрѣчу ему поселяне завидѣли его, какъ во множествѣ остановились посреди дороги, обняли головы и произнесли молитву за упокой души умершаго. Примѣтя, что печальный пѣздъ намѣревался слѣдовать далѣе, Матеушъ, растроганный до слезъ, вскричалъ: «Высокопочтенный господинъ! ты возвращаешь намъ тлѣнные остатки нашего благодѣтеля! позволь намъ самимъ везти ихъ въ прежнее его владѣніе! а — Дѣти! прибавилъ онъ, обращаясь къ толпѣ: отпрагите лошадей; пусть каждый ухватится, какъ можетъ, за дроги; остается только четверть мили, да хотябъ было и нѣсколько миль, мы и тогда бы понесли на себѣ такого барина, каковъ былъ покойникъ.

Мондоръ охотно согласился на эту просьбу; но поселяне, не ожидая даже его позволенія, въ одну минуту отпрагли лошадей и потащили траурныя дроги.

Старый Матеушъ шелъ впереди; всѣ съ открытыми головами громогласно пѣли божественныя гимны, испрашивая вѣчный покой умершему владѣтелю.

Вблизи деревни, трогательное шествіе было остановлено духовенствомъ въ траурной одеждѣ, вышедшимъ на встрѣчу со знаменіемъ Спасителя, въ сопровожденіи фамиліи покойника и множества собравшихся жителей. Наступила минута мрачнаго безмолвія. Мондоръ слѣзъ съ лошади и хотѣлъ подойти къ Подскарбію, для исполненія своего порученія, какъ вдругъ пронзительный женскій крикъ раздался въ воздухъ; изъ толпы женщинъ выбѣгаетъ Марія съ видомъ ужаснѣйшаго отчаянія; прорывается между всѣми, и никто не можетъ остановить порыва ея горести. Она бросается къ гробу, покрытому чернымъ сукномъ, падаетъ на него, какъ бы желая принять его въ свои объятія, и восклицаетъ, сильно рыдая: «Батюшка! Батюшка!» но силы ея изнемогаютъ подъ тяжестію сильной го-

рести, и окостенѣлыя руки невольно опускаются съ гроба. Дешенную чувствъ, ее берутъ на руки бывшія тутъ женщины и относятъ въ ближайшую повозку.

При такомъ зрѣлищѣ, разстроенный Мондоръ насилу могъ исполнить порученіе своего посольства. Мало кто внималъ словамъ его; всѣ были поражены глубокою горестію. Камергеръ едва отвѣтилъ нѣсколько словъ. Духовенство приступило къ обрядамъ религіи и, при звукѣ церковныхъ колоколовъ и божественныхъ пѣсней, смертные останки внесены во храмъ.

Весь день прошелъ уныло и мрачно: горестныя впечатлѣнія слишкомъ живо занимали умы, чтобъ можно было подумать о какомъ нибудь развлеченіи. Женщины не оставляли Маріи и ея тетки, желая нѣжнымъ участіемъ облегчить, хотя нѣсколько, ихъ страданія. Одинъ только Мондоръ, равнодушный ко всему окружающему его и занятый другими мыслями, напрасно искалъ развлеченія, проклиная неудачу непріятнаго своего посольства.

Въ слѣдующій день, назначенный для торжественнаго обряда, еще болѣе съѣхалось обывателей изъ дальнихъ мѣстъ. Съ самаго утра началась въ замкѣ суматоха, неизбежная спутница всѣхъ публичныхъ собраній. Дворовые люди, занятые приготовленіемъ къ похоронному пиршеству, носили стулья, столы и разнаго рода посуду; слуги же прибывшихъ гостей, толпясь въ лакейской, убивали время трезвости разговорами о привѣдѣніяхъ и чудесахъ. Дамы занимались, то нарядами и уборами, то посѣщеніями поочередно Маріи. Мужчины, собравшись въ главной залѣ, громко разсуждали о послѣднихъ военныхъ происшествіяхъ, о слѣдствіяхъ оконченнаго похода, о вліявіи королевы на правленіе и правахъ республики, которыя слѣдовало защищать на будущемъ сеймѣ. Разговоръ постепенно дѣлался живѣе, по причинѣ различныхъ мнѣній, относительно къ надеждѣ или неудовольствію, какія кто сохранялъ въ памяти. Приходъ Мондора прервалъ живость разговора; всѣ перемигнулись между собой съ выраженіемъ предостереженія, толкая одна другаго локтями, и самые пылкіе спорщики потихоньку уже оканчивали свои сужденія. Тотчасъ начали говорить въ слухъ о покойникѣ; распространялись въ похвалахъ ему, а потихоньку негодовали на то, что королева поручала Французу провожаніе его тѣла: утверждая, что это обидя фамиліи и обычаи, неохотно видящимъ посреди себя незнакомаго и чу-

даго человека, котораго, можетъ быть, нѣтъ надлежало остерегаться. Духовныя особы нынѣшаго сава были заняты церковною службой; но главный священнодѣйствующій Деканъ принималъ слишкомъ дѣятельное участіе въ общихъ сужденіяхъ о свѣтскихъ приключеніяхъ, и тогда только поспѣшилъ въ костѣль, когда прибытіе Мондора прервало всеобщій разговоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ, по вынужденномъ смиреніи и воздержаніи языка, явился хозяинъ дома, пригласая соотечественниковъ своихъ и посланника королевы соудствовать ему во храмъ. Коляски и прочіе экипажи подѣзжали поочередно, смотря по старшинству хозяевъ; но Марія съ своею теткою уѣхала прежде всѣхъ и, прибывъ въ церковь, пока не собрались еще докучливые гости, возсылала теплыя молитвы къ Богу милосердію. Когда всѣ съѣхались и заняли приличныя мѣста, начались религиозныя обряды, а именно: великая похоронная обѣдня, въ коей краснорѣчивый проповѣдникъ отдавалъ должную и послѣднюю похвалу заслугамъ убитаго.

Марія, погруженная въ глубокую горестъ, рыданіями только прерывала свои моленія. Но, когда по окончаніи службы, одинъ изъ знатнѣйшихъ обывателей, подойдя къ катафалку, началъ говорить и, увлеченный витійственнымъ жаромъ, сталъ высчитывать геройскіе подвиги Модржеевского, когда упомянулъ, что имя его завѣщаетъ отечество вѣчной памяти,—Марія нѣсколько почувствовала, подняла голову и глаза, еще полныя слезъ, обратила къ катафалку, на которомъ сіяли мечъ и шлемъ, освѣщенные многочисленными огнями; эти взоры были неподвижны, какъ бы впавшіе въ военныя доспѣхи; но въ нихъ блистали живѣйшія чувства души—тотъ восторгъ геройства, который воспламеняетъ иногда и сердце женщины.

Когда же тронули гробъ съ катафалка, глаза Маріи обратились къ небу, и выраженіе умоляющей горести заступило мѣсто тѣхъ сильныхъ ощущеній мужества, которыя недавно воображались на ея лицѣ. Трогательныя слова оратора обезоружили только на минуту сильную душевную горестъ; слезы возвратились на рѣсницы—и та, которая недавно предсказывала, кажется, въ себѣ истительницу за отца, могла уже только быть чувствительною дочерью.

По окончаніи службы и погребенія тѣла въ фамильной гроб-

ницѣ, всѣ возвратились въ замокъ на номинальное пиршество; но Марія не показывалась болѣе гостямъ и, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, не оставляла своихъ комнатъ.

ГЛАВА II.

Опечаленный, не столько горестнымъ обрядомъ, котораго былъ свидѣтелемъ, какъ неудачею въ исполненіи собственныхъ плановъ, Мондоръ возвращался въ Жулквь, тогдѣшнее мѣсто-пребываніе королевы. Въ это время былъ у нея приближеннымъ секретаремъ нѣкто Цлотомонтъ, землякъ и пріятель Мондора. Будучи близкимъ къ королевѣ, ему удалось выпросить для него столь безуспѣшно отправленное посольство. Къ этому то повѣренному и благодѣтелю своему отправился Мондоръ, тотчасъ по возвращеніи, какъ для того, чтобы донести ему по службѣ о своемъ прибытіи, такъ равнымъ образомъ и для того, чтобы просить дальнѣйшихъ совѣтовъ.

Войдя въ комнату, Мондоръ засталъ его сидѣвшаго у каминна, въ огромныхъ креслахъ. Камердидверъ занятъ былъ прическою его головы, а онъ самъ, держа въ рукахъ какую-то бумагу, казался углубленнымъ въ размышленія.

— А, добрый день, Мондоръ! сказалъ Цлотомонтъ: ну, что же? посчастливилась ли кампанія? завоевано ли сердце? или красота, какъ и всегда, жестока и неумолима?

— Ни то, ни другое, отвѣчалъ Мондоръ, облокотясь небрежно на каминъ. Но прежде, нежели я стану рассказывать тебѣ о случившемся, надо бы увѣдомить Королеву о моемъ пріѣздѣ.

— Развѣ ты не видишь, что я еще не убранъ. Королевѣ нѣтъ большой нужды знать о томъ; тебѣ ни сколько отъ этого не прибавится, если она узнаетъ часомъ ранѣе или часомъ позже; а тѣмъ болѣе меня никто не погоняетъ выскочить къ услугамъ твоимъ. Я держу тутъ въ рукахъ нѣчто гораздо нужнѣйшее, и то не тороплюсь. Это покорное, наполненное любовью, страстное письмо короля, на которое я долженъ отвѣчать слогомъ королевы — супруги и совѣтовать Государю заботиться болѣе о себѣ и своихъ, пока есть еще въ рукахъ оружіе. Черезъ часъ, оно должно быть готово, потому что королева при-

бавить въ письмѣ обыкновенныя свои фразы, а посланный отъѣзжаетъ передъ полуднемъ. Ну что же было тамъ? — прибавилъ Цлотомонтъ: какъ далеко зашли мы въ любовной лабиринтъ?

— Да; ты можешь разсуждать равнодушно о томъ, что мало тебя трогаетъ и, согрѣваемый теплотою счастья, смѣяться надъ несчастливцемъ, для котораго свѣтлый лучъ счастья не можетъ просіять.

— Любезнѣйшій, сдѣлай одолженіе безъ метафоръ. Я грѣюсь у огонька въ каминѣ, который составляетъ единственное мое утѣшеніе въ негодной странѣ, гдѣ не созрѣваетъ даже виноградъ, и гдѣ надобно мерзнуть, когда у насъ танцуютъ еще подъ чистымъ небомъ. Вѣрно Борей и сѣверныя вѣтры заградили путь любовнымъ твоимъ замысламъ. Не было благоприятнаго времени для романическихъ прогулокъ по рошамъ и долинамъ, невозможно было вздыхать при свѣтѣ луны и, съ гитарою въ рукахъ, напѣвать о любви польской Дульсинеѣ; но, сидя безвыходно въ закопѣлой избѣ, въ присутствіи какогонибудь мужскаго или женскаго Аргуса, нельзя было и единого слова шепнуть на ухо возлюбленной.

— Кончалъ ли ты? спросилъ Мондоръ. Если нѣтъ, то я не буду и начинать.

— Не сердись же, я терпѣливо выслушаю жалобы и плачъ любовника. И такъ, твоя незабвенная, единственная....

— Только что показалась — и ни слова не говорила со мною!

— Поздравляю! было зачѣмъ въ такую прекрасную погоду и по такой дорогѣ сдѣлать нѣсколько десятковъ миль Донъ-Кихотскаго путешествія. Но отъ чего же она была такъ жестока? Что было причиной тому!

— А чтожь болѣе, если не ты?

— Я, мой любезный?... Совершенно этого не понимаю; кажется я не чернокожничикъ, чтобы могъ очаровать которагонибудь изъ васъ.

— Но, какъ болѣе опытный, ты могъ предвидѣть, что мнѣ вовсе не слѣдовало бы ѣхать съ печальными вѣстами въ тотъ домъ, гдѣ я хотѣлъ заслужить любовь и признательность.

— Почемужь нѣтъ? напротивъ того провозжаніе тѣла отца двинца, служило доказательствомъ уваженія, которое ты хранилъ къ нему, и желанія отдать послѣдній долгъ умершему. Какъ посланникъ короля, ты обязанъ былъ передать его го-

рость. Сколько причинъ ко вниманію и даже къ благодарности! Сколь прекрасно было твое предназначеніе!

— Слишкомъ прекрасно! возразилъ Мондёръ: я былъ самая обыкновенная вещь: гонецъ, привезшій печальное извѣстіе, котораго должно было принять, накормить, напоить, но съ которыми не находили нужнымъ молвить словечка.

— И, вѣроятно, ты не пропустилъ случая напиться, жаль по крайней мѣрѣ возможность утопить въ винѣ страданія сердца; жаль только, что въ венгерскомъ, а не въ нашемъ превосходномъ бордосскомъ.

— Ты все шутишь — и, я вижу, мнѣ не дожидаться отъ тебя никакого совѣта?

— Напрасно такъ думаешь; у меня всегда есть готовые совѣты, а для тебя самые отборные. Прежде всего выбей себѣ изъ головы эти неумѣстные восторги и мечтанія, потому что, конецъ всѣхъ концевъ: они ни къ чему болѣе тебя не праведутъ, какъ къ глушевской женѣ.

— Цыотомонтъ! ты всегда судишь о людяхъ съ предубѣжденіемъ, и въ общемъ мнѣніи своемъ не допускаешь ни одного исключенія. Я говорю тебѣ, что прелестная Марія имѣетъ нѣжное сердце, а къ этому еще, что тебѣ очень хорошо извѣстно, весьма большое приданое.

— Ну, этотъ документъ перевѣриваетъ, правда, въ пользу твоей любви. Теперь я, перемѣняя свое мнѣніе, совѣтую тебѣ стараться получить на нѣсколько времени увольненіе отъ службы и, по истеченіи срока приличнаго траура, осаждать сердце панны Маріи до тѣхъ поръ, пока не завладѣешь имъ.

— Это невозможная вещь! уже въ домѣ я ничего не въ состоянн сдѣлать; она имѣетъ какого-то жениха, который пошелъ съ королемъ подъ Вѣну, и какъ только онъ возвратится, то я, вѣрнѣе смерти, получу отставку. Но я думаю о томъ, нельзя ли какъ нибудь переселить ее сюда?

— А! безъ сомнѣнія, это будетъ гораздо выгоднѣе; но я въ жизнь мою еще не слыхивалъ подобнаго волокитства!.. заставлять свою возлюбленную гоняться волею-неволею за собой!..

— На все есть средство; я выдумалъ планъ, при исполненіи котораго всѣ приличія и пристойность будутъ соблюдены, а между тѣмъ панна очень охотно сюда прїѣдетъ — и все это зависитъ отъ тебя.

— Желательно знать, что это за способъ?

— А вотъ что! пусть только королева приметъ ее ко двору, въ уваженіе заслугъ покойнаго родителя.

— Мысль не дуриа; но только немного превышаетъ власть мою и вліаніе. Надобно употребить для этого сильнѣйшее посредничество; сегодня я отозванъ на вечеръ къ маркграфу д'Аркэнъ; отправимся къ нему вѣсть и посмотримъ, что намъ удастся сдѣлать.

Марграфъ д'Аркэнъ, отецъ Маріи Казимиры, королевы польской, супруги Юанна III, былъ однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ людей, у которыхъ труды и заботы не отымаютъ удовольствія наслаждаться знатностію и богатствомъ. Онъ жилъ при дворѣ польскомъ свободно и весело, потому что его не занимали ни государственныя, ни частныя происшествія; не отправлялъ никакой должности, не имѣлъ никакихъ обязанностей, пользовался однакоже тѣмъ уваженіемъ, которое возбуждается въ людяхъ, нуждающихся въ милостяхъ, при дворѣ.

Онъ могъ безнаказанно шутить надъ всѣмъ, что казалось ему смѣшнымъ или достойнымъ порицанія; могъ представлять въ себя могущественнаго вельможу или покровителя, не дѣлая съ своей стороны никакихъ жертвовацій; могъ вышнваться въ обыкновенныя дѣла, касающіяся до его личности, не страшась даже отвѣтственности и нареканія, потому что дѣйствовали воль покровомъ тайны.

Весьма часто бывали у него собранія, гдѣ до позней вочи проводили время въ игрѣ и бесѣдахъ. Онъ мало дружилъ съ Поляками и, по большей части, только одни соотечественники его были къ нему допускаемы, чтобы раздѣлать съ нимъ удовольствія веселыхъ забавъ и роскошнаго стола.

Плотомонтъ и Мондоръ, входя въ его покои, во время одного изъ этихъ собраний, застали земляковъ своихъ занятыхъ игрою. Большой столъ, стоявшій посрединѣ комнаты, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ игроками, которые, то нетерпѣливо и жадно смотрѣли на карты, бросаемаы искусно въ правую и лѣвую сторону рукою банкира, то, отворотясь отъ стола, съ гнѣвомъ раздирали своихъ предателей, то наконецъ съ радостнымъ лицомъ танулись за кушемъ, фортуною имъ присужденнымъ. Плотомонтъ нарасно имъ поклонился, потому что никто не спускалъ глазъ съ главнаго предмета; оставя ихъ, онъ прошелъ въ другую, меньшую комнату, гдѣ марграфъ д'Аркэнъ и марграфъ де Бегюнъ, сидя у каминна за маленькимъ стол-

комъ, играли въ пикетъ. Вновь пришедшіе придворные, боясь помѣшать счисленію позновъ, вошли на цыпочкахъ и съ глубокимъ почтеніемъ поклонились занятымъ игрой, получа въ отвѣтъ легкое наклоненіе головы. По окончаніи партіи, когда маркиграфъ де Бетюнъ приготовлялся къ слѣдующей сдѣлкѣ картъ, маркиграфъ д'Аркэнъ удостоилъ привѣтствіемъ Плотомонта и Мондора, и спросилъ, посчастливилось ли послѣдному изъ нихъ его путешествіе? Плотомонтъ отвѣчалъ съ свойственнымъ ему насмѣшливымъ тономъ и хотѣлъ подвести разговоръ къ тому, чтобы просить отца королевы объ извѣстномъ ему посредничествѣ; но маркиграфъ де Бетюнъ прервалъ его и, обратясь къ Мондору, сказалъ съ колкостью:—Что это за несравненная красота, о которой ты вздыхаешь столь жалостно? Неужели можно найти привлекательность въ этихъ восковыхъ куклахъ, встречающихся здѣсь во всѣхъ воеводствахъ? Всѣ польскія женщины такъ же холодны, какъ ледъ, который скоро покроетъ всю ихъ страну.

— Мондоръ имѣетъ однакоже сильной поводъ противорѣчить этому мнѣнію, — сказалъ Плотомонтъ : и увѣрить, что пробудить въ прелестной Маріи столь же живое чувство, какое въ немъ произвела ея красота—а особенно приданое.

— Не смѣю, возразилъ Мондоръ : высказать здѣсь собственные мои мысли, которыя сочтутъ, можетъ быть, за предубѣжденіе; но несмотря на то, что я вздыхаю всегда о недооцѣненной любезности гашихъ женщинъ, признаюсь откровенно, не разъ уже имѣлъ случай обожать благородныя чувствованія и скромность Полекъ.

Маркиграфъ де Бетюнъ посмотрѣлъ съ презрительною улыбкою, а д'Аркэнъ сказалъ, обращаясь къ нему:—Надобно простить юному воображенію и первымъ порывамъ любовной страсти, потому что она всегда насъ ослѣпляетъ; поэтому-то и не удивляйся, что Мондоръ въ восторгѣ своемъ видитъ болѣе, нежели есть въ существенности.

— Я вовсе не имѣлъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Мондоръ: до сихъ поръ сильной страсти; но когда увидѣлъ Марію, пробудившуюся изъ глубочайшей горести при воспоминаніи геройскихъ подвиговъ ея отца; когда увидѣлъ пламенный румянецъ, выступившій на нѣсколько минутъ на блѣдномъ лицѣ ея, и эти, только что осушившіеся, глаза, блистающіе священнѣйшимъ чувствомъ, я вспомнилъ мужественныхъ

Спартанокъ, которыхъ исторія рисуетъ намъ въ такомъ свѣтломъ образѣ, и признался внутренно, что Марія оживотворила предо мною картину, до того времени существовавшую только въ моемъ воображеніи.

— Знаю я, какою супругою будетъ эта Спартанка, — сказалъ съ одинаковымъ всегда тономъ маркиграфъ де Бетюнъ: и если ты устоишь въ любовной горячности, если, что несомнѣнно, успѣешь въ своемъ намѣреніи: то умножишь только собою число тѣхъ покорныхъ мужей, которыми и безъ того уже покрыта вся Польша.

— Незнаю — прибавилъ маркиграфъ д'Арканъ съ улыбкою: есть ли это исключительный талантъ однихъ Полекъ, властвовать надъ своими мужьями.....

— Миѣ кажется, — сказалъ Цлотомонтъ, не догадывался будтобы къ чему клонилось замѣчаніе отца королевы: миѣ кажется, это нисколько не убавляетъ достоинства женщинъ, если онѣ берутъ перевѣсъ надъ мужьями; это доказываетъ только силу ихъ прелестей и врожденнаго искусства, съ помощію котораго онѣ умѣютъ заслуживать признательность и уваженіе супруговъ.....

— Или, лучше сказать, — возразилъ Маркиграфъ де Бетюнъ: свидѣтельствуешь, что мужья слабы и несовершенны, коль скоро склоняются подъ иго женскаго властолюбія.

— Четырнадцать Королей и пятнадцатый Секвенсъ! — прервалъ его маркиграфъ д'Арканъ: господинъ графъ! девяносто. Прошу васъ просмотрѣть карты; вы кажется вовсе не считаете?

Маркиграфъ взглянулъ въ карты и пересталъ разговаривать, потому что дѣло шло о значительномъ проигрышѣ; а Цлотомонтъ не смѣлъ отвлечь вниманія игроковъ и возобновить предметъ разговора, который привелъ бы всѣхъ къ слишкомъ щекотливой матеріи. Вскорѣ поданъ знакъ къ ужину, и всѣ гости отправились въ столовую залу, гдѣ увидѣли ужинъ, изготовленный и поставленный на французскій манеръ.

Вначалѣ сѣло къ столу нѣсколько мрачныхъ физиономій съ отраженіемъ ими понесенныхъ потерь; но когда нѣсколько бутылокъ вина родимаго края было опорожнено, веселость проявилась лица задумчивыхъ, и остроуміе полилось изъ всѣхъ устъ.

— Подкрѣпись, подкрѣпись, Мондоръ! — сказалъ маркиграфъ де Бетюнъ: потому что вѣрно проголодался послѣ несчаст-

ной кашими. Ты незытивать участь Тантиа, когда сидѣть у стола, заставленнаго блюдами, которыхъ не возможно было ѣсть.

— Да вѣдь онъ былъ на похоронахъ, — сказалъ одинъ изъ гостей: ктожъ станетъ думать объ обѣдѣ при такомъ печальномъ обрядѣ?

— Ползи, — прервалъ маркизаъ д'Аркэнъ: и при этомъ случаѣ ѣдятъ и пьютъ за себя и за мертвыхъ. Они кушаютъ съ тремъ жаромъ и аиветомъ, что другой подумалъ бы, будто отъ сильной горести по умершемъ, хотять они сократить собственную жизнь своею обжорствомъ, чтобы скорѣе соединиться съ нимъ на томъ свѣтѣ. Не правда ли Мондоръ?....

— Я не былъ свидѣтелемъ такой непристойности, — отвѣчалъ Мондоръ: потому что сидѣлъ у самаго края стола, гдѣ занимала мѣста дамы и родственники покойника; но на противоположномъ концѣ было довольно шумно при окончаніи обѣда.

— Господа! — сказалъ маркизаъ де Бетюнъ: отъ Мондора вы ничего не узнаете; онъ на все смотрѣлъ сквозь приему чувствительности, поставленную любовью предъ его глазами.

— Я выручу его; — вскричалъ Плотомонтъ: потому что не разъ имѣлъ честь находиться въ польскихъ бесѣдахъ, и наизусть перескажу всѣ обычаи и весь образъ дѣйствій; а онъ, если можетъ, пусть опровергаетъ. Вы сѣли за столъ, котораго одинъ конецъ принадлежалъ гостиниою, а другой — передней. Все *decrescendo*: въ верху накрыто довольно порядочно, на концѣ грязно; тамъ серебро, блестящее на вазахъ, суповыхъ чашахъ, бокалахъ и другихъ принадлежностяхъ; здѣсь оловянные миски и стаканы, ни одного ножа, ни вилки, ни ложки на столѣ; потому что каждый шляхтичъ вынималъ изъ-за пояса свои собственные ножъ, вилку и роговую ложку, висающую у него на ремнѣ; и всѣ по очереди кушанья — бросая при томъ иногда кости подъ столъ — онъ жадно истреблялъ на одной и той же глиняной тарелкѣ. Въ верху венгерское вино въ заплясневшей даже иногда бутылкѣ; въ низу народный медъ, отъ котораго лица краснѣютъ, а головы и рты начинаютъ шумѣть. Тамъ огромная пирамида или храмъ изъ леденца — *res plus ultra* произведеній повара; тутъ умасливѣйшій костеръ жарнаго, который насилу могли внести въ комнату два гайдука; верхушка его заключаетъ въ себѣ

дичину для знатныхъ гостей, а фундаментъ говядину и баранину для Носполатаго Рущеня.

— Но ты забылъ еще, — возразилъ Мондоръ: что домашнія в дикія птицы, укрѣпляютъ веркушку жареной вирамиды-прежде нежели предстануть предъ лице почетныхъ гостей, проходить чрезъ руки ловкихъ искателей и ласкателей.

— Такъ, такъ! — прибавилъ маркиграфъ д'Аркенъ: это служитъ доказательствомъ отличнаго воспитанія и высокой образованности, если кавалеръ умѣетъ на воздухѣ разрѣзать каплуна: этихъ самымъ уже можно похвалиться двѣицѣ! Теперь, Мондоръ, покажи-ка ты намъ свое искусство: вотъ кстати и каплуны, рожденный, правда, на польской землѣ, но вскормленный и зажаренный на французской кухнѣ; посмотримъ, достоинъ ли ты волучить руку ванны Подскарбянки.

Эти, и тому подобныя насмѣшки заняли все время ужина; при тостахъ заплѣли веселья пѣсни—и цѣлая компанія возвратилась къ игрѣ съ большимъ шумомъ, нежели прибыла къ ужину.

Цлотоментъ выискалъ удобное время, когда маркиграфъ д'Аркенъ отдался нѣсколько отъ прочихъ и подселъ къ камину; представя ему въ связи и ясно надежды Мондора, просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ о ходатайствѣ у королевы въ известномъ обстоятельствѣ. Маркиграфъ весьма ласково принялъ просьбу и довольный тѣмъ, что имѣлъ случай показать свое вліяніе и смѣлу, обнадежилъ просителя въ своемъ покровительствѣ.

ГЛАВА III.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль послѣ похоронъ Подскарбія, наступалъ торжественный въ домѣ камергера день Св. Соломоніа: всѣ родные и сосѣди съѣзжались для поздравленія хозяйки. Недавно полученное извѣстіе, слѣдствіе происковъ Мондора, было нѣкоторымъ утѣшеніемъ во мннованіи первой горести, долженствуя освятить обыкновенное празднованіе дня именинъ.

Уже начинали собираться сосѣдки и ближнія родственницы камергера и каждая поочереды признавалась, что долго была въ верѣшности, исполнять ли пріятный долгъ визитовъ, или составить это по причинѣ недавняго несчастія; но что желаніе пріести отраду въ горести превозмогло надъ всѣми другими отно-

шеніями. Впрочемъ не столько привлекала всѣхъ надежда найти удовольствіе въ забавахъ, сколько неожиданное извѣстіе, которое начало расходиться въ сосѣдствѣ, что Марія Модржеевская пожалована королевою во фрейлины ко двору.

— Ахъ! мое сердце!—сказала послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и поздравленій, камергершѣ пани Кастелянша, уважаемая во всей округности: съ какимъ нѣжнымъ чувствомъ приняла я радостное извѣстіе о счастьи панны Подскарбянки! Это большая честь для фамиліи и для тебя, любящей еѣ тетки, что дочь въ награду заслугъ блаженнаго памяти отца, возведена на столь высокую степень.

— Такъ это правда, что до насъ дошло?—сказала пани Хорунжина, съ милою улыбкой взглянувъ на двухъ совершеннолѣтнихъ дочекъ своихъ; и черты лица ея выражали вмѣстѣ и зависть и тоску душевную.—Ахъ! какъ меня это радуетъ!—прибавила она съ такою же, какъ и прежде, сладостною улыбкою.

— А гдѣ же милое дитя? — сказала старая Подстолина: помнится, я не разъ ее няичила, когда еще всѣ звали ее Машенькой. Боже мой! могла ли я въ то время это предвидѣть? гдѣ же любезное дитя?

— Она не ожидала такъ скоро пріятныхъ вѣстей, отвѣчала камергерша: и будучи еще въ сильной печали, насилу согласилась убрать волосы и надѣть получше платье, чтобы показаться приличнѣе людямъ.

— Пусть лучше отложить въ сторону всѣ свои чувствованія, сказала кастелянша: потому что, принявъ пожалованное достоинство, должна помнить, что нынѣшній уборъ принадлежитъ къ одной изъ первыхъ ея обязанностей.

— Между нами будь сказано; — отозвалась нѣсколько тише Хорунжина: подумали-ли вы хорошенько объ опасностяхъ, угрожающихъ вашей племянницѣ при такомъ дворѣ, каковъ нашъ, наполненномъ почти одними чужестранцами? Пусть меня Богъ накажетъ, если я въ чемъ нибудь имѣю худыя мысли, относительно твердости души панны Модржеевской; однако не смотря на то....

— Я не страшусь ничего въ этомъ отношеніи; — возразила, какъ бы съ упрекомъ, камергерша: племянница моя воспитывалась слишкомъ богобоязненно, слишкомъ утверждена въ скромности и добродѣтели, чтобъ я не могла на нее положиться съ

совершенною увѣренностію. Наконецъ, будучи уже обручена, по волѣ блаженной памяти отца своего....

— Да, да; — прервала пани Подстолина: а господи́нь рот-ма́йстеръ-то что скажетъ на это, когда, возвратясь изъ вѣнскаго похода, не застанетъ дома своей невѣсты?

— Надлежало бы спросить его совѣта въ столь важномъ обстоятельстве, — сказала Хорунжина съ колкостью.

— Безъ сомнѣнія надлежало! прибавила Кастелянша.

Въ это время двери вдругъ отворились; всѣ взоры обратились на входящую Марію, и всѣ умолкли.

Въ черномъ платьѣ, безъ всякихъ наружныхъ украшеній, вошла Марія тихо, съ выраженіемъ внутренней тоски и нѣкотораго принужденія, происходившаго отъ появленія среди чужихъ людей. Ея черныя волосы, раздѣленные поровну на снѣжномъ челѣ, гладко сходясь сзади, упали на плеча въ нѣсколькихъ локонахъ, не перевитыхъ лентами. Живые глаза ея, еще омраченные облакомъ горести, блистали однакоже тѣмъ величіемъ и нѣжною чувствительностію, которыми исполнена была душа ея. Высокій ростъ, тонкая и прелестная талія, при благородныхъ чертахъ лица, опредѣляли, кажется, ее къ высшему назначенію, путь къ которому теперь открывался предъ нею. Она почтительно поклонилась пожилымъ дамамъ, и съ привлекательною скромностію привѣтствовала своихъ родственницъ.

Всѣ проникнуты были какимъ-то уваженіемъ, невольное возбужденнымъ при воспоминаніи судьбы ея и будущихъ надеждъ.

Когда она сѣла между дѣвицами, разговоры о дворѣ возобновились, но безъ тѣхъ прибавленій, которыхъ не смѣли дѣлать въ ея присутствіи.

— Я должна поговорить съ тобою наединѣ, моя любезная Машенька! сказала Подстолина: и дать тебѣ не одинъ спасительный совѣтъ, потому что я прошла уже чрезъ все, что тебя только еще ожидаетъ. При блаженной памяти короля Владислава я была въ твоемъ возрастѣ, когда, подобно тебѣ, была вызвана ко двору и, живя тамъ долгое время, оставила его, когда блаженной памяти Подстолий, покойный супругъ мой, сталъ искать руки моей.

— Но вы, сударыня, — сказала Хорунжина: не были обручены съ Подстолиемъ, отъѣзжая ко двору?

— Напротивъ; — отвѣчала Подстолина: я была совершен-

но въ однихъ обстоятельствахъ съ панною Подскарбянкой, и точно также осталась ему вѣрною, какъ она конечно будетъ господину ротмистру.

— Воля родителя будетъ всегда для меня священною, — сказала съ какимъ-то благородствомъ Марія: и господинъ ротмистръ, хотя еще мало извѣстный мнѣ до сихъ поръ, но избранный имъ, какъ товарищъ по оружію, какъ человекъ, исполненный храбрости, всегда будетъ для меня предметомъ уваженія и уваженія, и я исполню въ отношеніи къ нему данныя мнѣ родителемъ обязательства.

— Я и не сомнѣваюсь въ томъ; — сказала Подстолжна: но, не останавливаясь много на дѣвической скромности и постоянствѣ однажды избранному предмету нѣжности, есть гораздо важнѣйшія, сердце мое, обязанности, которыхъ при дворѣ никогда не должно упускать изъ виду. Первая и самая главная состоитъ въ томъ, чтобы умѣть угодить и понравиться Ея Величеству, своей Государынѣ. Повѣрь мнѣ, отъ этого зависитъ все будущее твое счастье, и исполненіе надеждъ всѣхъ тѣхъ, которые къ тебѣ не равнодушны. Чѣмъ же другимъ нынѣшняя королева достигла столь высокой участи? Она пріѣхала ко двору короля Владислава въ то время, когда я его оставляла, была въ большихъ милостяхъ у королевы, которая привезла ее съ собою изъ Франціи; а отъ этого она сдѣлала хорошую партію съ графомъ Замоискимъ, которая естественно привела ее сначала къ великому гетманству; а наконецъ и къ коронѣ. Такъ, такъ! придворная дѣвица, которая будетъ умѣть заслужить постоянное благоволеніе короля, а еще болѣе королевы—между нами будь сказано—имѣющей столь сильное вліяніе надъ королемъ, супругомъ своимъ, можетъ и для себя обезпечить будущую счастливую судьбу, и сдѣлаться весьма полезною для всѣхъ кого любить и кому доброжелательствовать.

— Безъ всякаго сомнѣнія, прибавила кастелянша. — Я сама могла бы, въ доказательство тому, представить нѣсколько примѣровъ изъ собственного семейства. Я питаю даже большую надежду, что наша панна Подскарбянка, соединяющая въ себѣ столько достоинствъ, столько прелестей и привлекательности, не замедлитъ понравиться Ея Величеству королевы; но въ такомъ случаѣ, сердце мое, ты должна будешь вспомнить объ одномъ моемъ родственникѣ по материнской линіи, котораго Кастелянъ уже слишкомъ забросилъ.

— О, это бездѣлица, — сказала нани Подстолиня: только-бы успѣла заслужить благоволеніе, такъ и не то еще выпросить для своихъ друзей. Я сама, напримѣръ, безъ хвастовства сказать, выхлопотала староство одному....

— Староство! въ самомъ-дѣлѣ? — прервала Хорунжина: это дѣло весьма доброе. Мой Боже! сколько людей съ истинными заслугами обманываютъ только себя пустыми надеждами! И еслибы навна Подскарбянка знала, какъ давно мужъ мой служить отечеству и сколь великое право имѣть на милость короля, которая его уже нѣсколько разъ обходила....

Хорунжина хотѣла продолжать далѣе свой рассказъ; но двери отворились: изъ ближней комнаты вошли мужчины, и, послѣ обыкновенныхъ учтивостей, соединились съ дамами. По порядку поздравляли камергершу тѣ изъ нихъ, которые этого не сдѣлали прежде; каждый торопился съ своими комплиментами, чтобы скорѣе бросить любопытный взоръ на Марію и привѣтствовать ее поклономъ, исполненнымъ уваженія. Особенно молодые люди, собравшись въ нѣкоторомъ отдаленіи, дѣлали на счетъ ея различныя замѣчанія и предсказанія относительно будущей ея участи. Однимъ словомъ, Марія была предметомъ вниманія и разговоръ всѣхъ. Всѣ искали случая съ нею поговорить, и даже пожилыя дамы обходились съ нею съ бѣльшимъ уваженіемъ, нежели какое привыкли оказывать молодымъ дѣвкамъ.

Вскорѣ послѣ праздника, на которомъ Марія столь сильно заняла всѣхъ, наступилъ день, назначенный къ ея отъѣзду. Еще за два дня передъ тѣмъ въ домѣ распространилась уже горестъ, потому что всѣ дворовые люди сердечно тосковали, что лишаются своей любезной паненки, которая неразъ избавляла многихъ изъ нихъ отъ заслуженнаго наказанія, неразъ приносила помощь въ нуждѣ и попеченіе въ болѣзни, и кромѣ того каждый годъ, въ день своихъ именинъ, непременно дѣлала всякому какой-нибудь подарокъ. Камергерша втайнѣ плакала, вспоминая, что не будетъ уже имѣть при себѣ болѣе милой Машеньки; даже въ то время, когда восхищалась ея возвышеніемъ, скрытая горестъ присоединялась къ радости, и неизвѣстно, которому изъ этихъ чувствъ приписать слезы, висѣвшія на ея рѣсницахъ. Самъ даже камергеръ, съ трудомъ позволяющій растрясать себя какому-нибудь сердечному чувству, ворчалъ безпрестанно въ продолженіе двухъ дней, мрачно расхаживалъ по комнатамъ и молча несмотрѣвалъ на Марію; когда же она гула-

нибудь выходила, то безпрестанно спрашивалъ: «Гдѣ была и отъ чего несворо возвратилась, когда и такъ уже недолго съ нами останется?»

Марія охотно ѣхала ко двору, потому что глазамъ ея представлялась блестящая будущность, которую усладительныя мечтанія рисовали въ юномъ воображеніи; при всемъ томъ она не могла безъ горести вспомнить о разлукѣ съ тѣми, съ которыми провела въ безопасности лучшую часть своей жизни. Въ день самого отъѣзда она встала рано, проведя ночь почти безъ сна, въ размышленіи о первомъ вступленіи своемъ въ большой свѣтъ, о приѣмѣ королевы, а болѣе всего о томъ, какое счастье ее ожидаетъ, когда она будетъ имѣть возможность смотрѣть каждый день на обожаемаго ею героя Христіанства, которому мужество и добродѣтели открыли путь къ престолу, окруженнаго столькими храбрыми, пожиавшими, подъ предводительствомъ великаго полководца, блестящіе лавры въ глазахъ цѣлой Европы.

Но когда она взглянула въ окошко изъ своей удлиненной комнаты, тоска овладѣла ея сердцемъ. Какъ все было холодно и мрачно въ цѣлой природѣ! Густой туманъ закрывалъ отъ ея взоровъ отдаленныя, деревенскія хижины, куда въ ясную погоду она хаживала,нося съ собою отраду и утѣшеніе. На-лѣво—березовая роща, соединяющаяся съ садомъ, была обнажена, и эти вѣтви, нѣкогда украшенныя свѣжею зеленью, теперь покрыты бѣлымъ пухомъ, предвѣщающимъ зиму и онѣмѣніе всей природы. Лужекъ подлѣ рощи опустѣлъ; только вдали по равнинѣ видна дымъ отъ тлѣющаго еще огонька, который оставилъ пастухъ, уходя вечеромъ въ свою хату.

Вмѣсто веселаго жаворонка и щебетливой ласточки, однѣ зловѣщія воробьи разсѣкали воздухъ и садились на крышѣ замка. Этотъ видъ, лишенный всѣхъ прелестей окрестности; это отсутствіе всего, что придавало жизнь, произвело въ душѣ Маріи горестное впечатлѣніе.—«Ахъ! можетъ быть, и я изъ этого мирнаго убѣжища, гдѣ люблю меня все, что только окружаетъ, перейду теперь въ новый для меня свѣтъ, чуждый и холодный! Оставляя здѣсь невинныя удовольствія и съ каждымъ днемъ получаемыя доказательства искренней, нѣжной привязанности, не буду ли я принуждена жить между такими людьми, которые не захотятъ раздѣлять со мною ни радостей, ни горестей моихъ? Ахъ! быть можетъ, я тамъ буду еще болѣе, нежели здѣсь, сиротою!» Такъ разсуждала Марія, и эти слова внутренняго голо-

лоса, казалось, неприятно отзывались въ ухахъ ея. «Сирота!» повторила она вслухъ, печально складывая на груди руки и обративъ взоры свои отъ окна на портретъ отца, висѣвшій надъ ея постелью. Взглянувъ на него, она вздрогнула: ей показалось на лицѣ его какое-то необыкновенное выраженіе. Не смѣя отвести взоровъ, она смотрѣла на картину съ грустнымъ чувствомъ. Наконецъ, вдохновенная счастливою мыслію, долженствовавшю принести ей облегченіе въ скорби, выбѣжала она вдругъ изъ комнаты и поспѣшила въ часовню замка, въ которой домашніе уже начинали собираться къ ранней обѣднѣ, чтобы, вознеся къ Небу теплыя молитвы за возлюбленнаго и утраченнаго на вѣки родителя, испросить себѣ у Бога мужества и терпѣнія.

Дневный свѣтъ, пробиваясь сквозь окно, помѣщенное надъ алтаремъ, слабо освѣщала часовню, и горящія на престолѣ свѣчи бросали дрожащія лучи на ближайшіе предметы. Только молитвы, въ покорности возносимыя нѣкоторыми изъ предстоявшихъ, прерывали глубокую тишину, царствовавшую въ этомъ священномъ убѣжищѣ. Прибытіе Маріи возбудило на минуту ихъ вниманіе, исторгло нѣсколько вздоховъ изъ груди сожалѣвшихъ о ней слугъ, и дало новый предметъ ихъ моленію: благополучіе въ дорогѣ и въ дальнѣйшей ея жизни. Марія стала на колѣна предъ алтаремъ и въ пламенномъ изліаніи всѣхъ чувствъ своихъ предъ Богомъ, не примѣтила камергера съ его женою, которые вмѣстѣ съ нею молились о ея счастіи. Тотчасъ по прибытіи ихъ, вышелъ капеланъ, и, отслуживъ обѣдню, обратился къ престолу, прочелъ вслухъ молитву объ отправляющихся въ дорогу, благословилъ Марію и ея тетку, и окропилъ ихъ святою водою.

По окончаніи всѣхъ приготовленій къ отъѣзду, приближалась минута разлуки съ домомъ, который для Маріи заступалъ мѣсто родительскаго. Камергеръ еще былъ занятъ внимательнымъ осмотромъ шестиконной упряжи, экипажа и ливренъ слугъ, къ этому торжественному путешествію сшитой; сдѣлавъ послѣднее распоряженіе, онъ возвратился въ комнаты и съ примѣтною горестью объявилъ, что все уже готово къ отъѣзду. Горько плакала Марія, когда ей пришлось съ нимъ прощаться: онъ самъ не могъ скрыть слезъ своихъ, которыя неловко утиралъ руками. Разставаясь съ людьми, она щедро ихъ одарила и сѣла наконецъ съ теткою въ экипажъ, глубоко растроганная.

ГЛАВА IV.

Сильно билось сердце Маріи, когда утромъ слѣдующаго дня путешественницы наши приближались къ Жулковскому замку. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу, и она поблѣднѣла, увидя Гарай, королевскій садъ, расположенный на горѣ и закрывавшій, съ той стороны Львова, видъ самаго замка. День и часть ея прібытія ко двору былъ назначенъ заранѣе; потому она ѣхала уже въ платьѣ приличномъ для представленія королевы. Не взирая на просьбы тетки, она никакъ не согласилась снять съ себя всѣхъ признаковъ траура, и была одѣта въ черное бархатное платье; безъ жемчуговъ и брилліантовъ. Только волосы ея были украшены бѣлою, кисейною повязкою.

Уже поѣздъ спускался въ долину, среди которой возвышался королевскій замокъ; уже видно было въ окружающихъ его строеніяхъ и на дворѣ движеніе придворныхъ и вельможъ, вѣрный признакъ близости королевскаго жилища. Экипажи, вѣзжая одинъ за другимъ въ ворота со сводами, ведущія на дворъ замка, означали, что наступило время представленія въ покояхъ королевы. За ними вѣхалъ и поѣздъ камергерши и, проѣзжая рядъ выстроившихся на дворѣ экипажей, долженъ былъ выдержать злую критику придворныхъ кучеровъ, насмѣхавшихся надъ парадною упряжью провинціальной барыни.

Мондоръ, увидя изъ окна верхней залы нетерпѣливо ожидаемыхъ имъ гостей, поспѣшилъ внизъ къ нимъ на встрѣчу и, съ выраженіемъ вѣжливѣйшей заботливости, проводилъ ихъ чрезъ переднія комнаты, гдѣ были построены рядами гайдуки и венгерцы, а часовые, движеніями подобными машинамъ, широко растворяли передъ ними двери. Далѣе проходили онѣ чрезъ залу пажей, знаменитыхъ своею красотою, стройностію и нарядомъ, которые, оказывая, по наружности, смиреніе и глубокую почтительность, украдкою бросали любовитные взоры на смущенную Марію. Въ слѣдующемъ покоѣ, Мондоръ извѣстилъ дежурнаго камеръ-юнкера о прібытіи ожидаемыхъ дамъ, а сей послѣдній доложилъ маршалу двора и вскорѣ проводилъ ихъ въ общую пріемную залу.

Марія съ робостію шла подлѣ камергерши, знакомой съ при-

дворнымъ этикетомъ. Лишаясь обыкновенной своей живости и оживленности, она обращала на себя ласковыя и ободрительныя взоры присутствующихъ невыразимую прелестью и скромностію. Знакомыя женщины и мужчины, приближаясь къ камергершѣ, съ большею или меньшею искренностію изъявляли свои поздравленія и желанія.

Придворныя же дамы и кавалеры, окидывая внимательнымъ взоромъ станъ и одежду Маринъ, потихоньку дѣлали надъ ними различныя замечанія; но если которые изъ нихъ желали иногда объявить не столь благопріятное мнѣніе, то, встрѣтя полную ангельской доброты и кротости взоры Маринъ, невольно оставляли свое намѣреніе.

Послѣ недолгаго ожиданія двери отворились: два камеръ-юнкера объявили приближеніе королевы; за ними слѣдовалъ маршалъ двора и, едва онъ успѣлъ показаться, всѣ бывшія тутъ особы встали по старшинству, въ слѣдствіе принятаго у двора обычая.

Вскорѣ появилась королева, окруженная придворнымъ; въ вѣнцѣ отъ нея отдалекинъ шли маркиграфы д'Арианъ и де Ботанъ.

Королева ласково пріѣтствовала все собраніе, въ особенности же первымъ сенаторовъ, пріѣхавшихъ въ Жулькь, по ея требованію. Маршалъ двора хотѣлъ представлять ей собраніе ея на аудіенцію; но королева дала ему знакъ, что ей очень хорошо извѣстны знаменитыя особы, стоящія впереди собранія, и, обращаясь къ нимъ сказала:—Господа! скоро мы будемъ обрѣдены присутствіемъ его величества, супруга моего; послѣдніе извѣстія изъ арміи обѣщаютъ намъ немедленное его возвращеніе, и я надѣюсь, что праздникъ Рождества Христова мы будемъ проводить вмѣстѣ съ королемъ. Я приказала просить васъ сюда, будучи увѣрена, что каждый изъ васъ желаетъ съ нетерпѣніемъ пріѣтствовать королю и братьямъ своимъ, возвращающимся изъ столь знаменитаго похода; кромѣ того, присутствіе ваше увеличитъ торжество ихъ при возвращеніи въ отечество. Въ первыхъ числахъ декабря, дворъ отправляется въ Краковъ, чтобы заблаговременно заняться приготовленіями къ торжественному пріѣзду короля и побѣдоноснаго войска, — и такъ я приглашаю васъ, господа, въ этотъ городъ раздѣлать мой восторгъ и усугубить радость короля.

На эту рѣчь отвѣтствовалъ одинъ изъ находившихся вое-

воду, удостоверяя королеву въ радости народа и въ готовности всѣхъ сенаторовъ и обывателей выѣхать на встрѣчу своему монарху.

Отъ нихъ королева прошла къ другимъ особамъ, которыхъ началъ уже представлять ей маршалъ двора по порядку. Она разговаривала съ ними долѣе, или менѣе, и благосклоннѣе или нѣтъ, смотря по знатности каждаго лица. Когда же приблизилась къ камергершѣ и услышала отъ маршала имя Маріи Модржеевской, то легкая ироническая улыбка показалась на ея устахъ; она взглянула любопытно на Марію и, непримѣтно обратясь къ маркиграфу д'Аркэню, слегка кивнула головою; потомъ сказала камергершѣ:—Я вамъ весьма благодарна, что вы доверяете мнѣ вашу племянницу; можете быть увѣрены въ моемъ вниманіи и благосклонности; мы очень высоко цтили съ королемъ достоинство отца ея, и чувствуемъ себя даже обязанными быть опекунами его дочери.

Въ продолженіи этой рѣчи, на которую тетка и племянница отвѣчали полнымъ уваженіемъ поклономъ, подошли къ нимъ отецъ и шуринъ королевы и, не спуская глазъ съ Маріи, потихоньку передавали другъ другу замѣчанія свои объ ея прелестьяхъ. Странно было видѣть этихъ двухъ французскихъ кавалеровъ въ башмакахъ, въ короткомъ платьѣ, съ наплечниками изъ разноцвѣтныхъ лентъ, въ парикахъ и съ большими шляпами подъ мышкою, украшенными строусовыми перьями, — слѣдующихъ всюду за королевою, смѣло расхаживающихъ по королевскимъ комнатамъ, при дворѣ пельскомъ, среди знатныхъ Польковъ, которыхъ величественная осанка и покрой платья внушали уваженіе. Примѣтно было желаніе королевы передать и свои замѣчанія этимъ двумъ господамъ; но достоинство, которое она обязана была сохранять, не позволяло ей того сдѣлать. Вскорѣ, обойдя рядъ представлявшихся особъ, королева возвратилась въ собственные покои, съ тою же самою свитою; а маркиграфъ де Бетюнъ, уходя, еще разъ обернулся, чтобы взглянуть на Марію.

Наконецъ прошла эта минута представленія, возбуждавшая въ Маріи столько надеждъ и опасеній; однако ни тѣ, ни другія не исполнились: она страшилась смущенія въ разговорѣ съ королевою; не въ этому разговору не имѣла ни какого повода. Она ожидала встрѣтить ту внимательную доброту, которая бываетъ шансана на лицѣ людей, умѣющихъ ее оказывать; думала, что

найдетъ въ королевѣ образъ добросердечной матери, которая была бы для нея, сироты, неоцѣнимымъ утѣшеніемъ; но пріятная улыбка королевы не выражала ни искренности, ни нѣжной заботливости; изъявленіе милости и благосклонности, хотя столь много обѣщающее, было холодно и внушено не чувствомъ дружескаго участія. Въ молчаніи шла Марія за толпою выходящихъ изъ королевскихъ покоевъ. Все, что она видѣла, было для нее новостію, могло быть даже любопытно; но не оставляло въ сердцѣ ея ни одного сладостнаго впечатлѣнія. Когда она вышла изъ замка и удалилась съ теткою, то чувствовала себя точно такъ, какъ бы послѣ обманчиваго сновидѣнія, которое множествомъ блесковъ занимало на минуту усыпленную душу, не оставшись даже въ памяти.

Спустя немного по возвращеніи домой, посѣтилъ камергершу Монадоръ и, изъявляя всегдашнюю готовность свою къ услугамъ, совѣтовалъ, не теряя времени, сдѣлать визитъ великой инспекторшѣ придворныхъ дѣвицъ, которую онъ, какъ свою соотечественницу, предупредилъ уже о рѣдкихъ качествахъ Маріи.

Утомленная и недовольная первымъ вступленіемъ своимъ ко двору, Марія долго отговаривалась принять этотъ совѣтъ; но Монадоръ представлялъ такія убѣдительныя доказательства въ необходимости исполнить это, что должно было считать это почти обязанностію; а тетка такъ сильно въ томъ наставляла, что Маріи не было ни какой возможности долге уклоняться. Вечеромъ наши дамы отправились къ инспекторшѣ, которая возбудила въ душѣ Маріи болѣе опасеній и еще менѣе надежды, нежели сама королева.

Предчувствіе ее не обмануло. Госпожа де Фѣ-д'Ербъ, гофмейстерива двора, будущая ея начальница, была французенка знатнаго происхожденія, несполненная высокомерія, свойственнаго этому народу, предупрежденная съ дурной стороны о всѣхъ Полькахъ, и въ исполненіи обязанностей своихъ доброжелательная своимъ только соотечественникамъ. За нѣсколько времени предувѣдомленная о призваніи Маріи ко двору, она приняла это извѣстіе съ неудовольствіемъ, потому что возвышеніе и пожалованіе дѣвицы Модржеевской во фрейланы сдѣлалось безъ ея совѣта и произошло безъ ея содѣйствія. Съ явнымъ недоброжелательствомъ и презрѣніемъ слушала она похвалы, которыя Монадоръ сыпалъ Марію, и чрезвычайно оскорбилась тѣмъ, что

камергерша прямо явилась ко двору и не искала посредничества ее въ представленіи королевѣ своей племянницы.

Приказавъ доложить о себѣ, камергерша, входя въ ее комнаты, застала ее въ обществѣ нѣсколькихъ дамъ, сидящую на софѣ и занятую живымъ разговоромъ. Она не удостоила даже выйти къ нимъ на встрѣчу; но, поднявшись немного на напаше, слегка наклонивъ голову — и строусовое перо, прищипленное къ ее головному убору, показало мѣру этого движенія. Указавъ на пустыя кресла, она подала гостямъ знакъ садиться; потомъ, обратясь къ одной изъ польскихъ дамъ, спросила, познана ли голось: знаютъ ли вѣрзжія по-французски? и, получа одинаково тихій отвѣтъ, что младшая говоритъ на этомъ языкѣ, а старшая нѣтъ, обратилась къ Маріи и спросила:—Скольво вамъ, сударыня, лѣтъ?

— Семнадцать, — отвѣчала Марія, съ выраженіемъ лица, давшимъ ясно почувствовать невѣжливость ее вопроса и великодушіе въ перенесеніи ее оскорбительнаго невѣжества.

— Вы слишкомъ рано, милостивая государыня, вступаете въ большой свѣтъ, продолжала статсъ-дама.

— Я исполнию въ этомъ случаѣ повелѣніе королевѣ;—отвѣчала Марія: Ее Величество вѣроятно полагаетъ, что имѣю приличный возрастъ для ее услугъ; иначе она не соблаговолила бы призвать меня къ исполненію ихъ.

— Но,—сказала статсъ-дама, обращаясь къ сидѣвшимъ дамамъ: это прелестное дитя совершенно чисто и правильно говорить по-французски; ее выраженія такъ соотвѣтственны и даже изысканны.—Потомъ, обратясь къ Маріи, прибавила съ принужденною ласкою:—Какъ же вамъ, милая, показалось при дворѣ?

— Слишкомъ еще коротко было мое пребываніе, чтобы я могла отвѣчать на это удовлетворительно,—сказала спокойше Марія.

— Но, въ послѣдствіи, когда мы незнакомимся покороче,—сказала съ притворною улыбкою го-мистерина: — я увѣрена, что вы найдете удовольствіе въ придворной жизни.

— Я буду стараться угождать королевѣ точнымъ исполненіемъ моихъ обязанностей; отвѣчала Марія: и если небранней мною путь обратитъ на меня благоволеніе государыни, то это составитъ единственное мое утѣшеніе въ разлукѣ съ милье-на, любящими меня; сердцами, посреди которыхъ я выросла.

При этомъ словѣ, она взглянула на камергершу и съ чувствомъ благодарности пожала ей руку.

— Любящія сердца!—сказала гофмейстерина: Въ нихъ, особенно при дворѣ, вы не будете терять недостатка: кто одаренъ такими прелестями и талантами, какъ вы, тотъ легко можетъ заслужить любовь и дружбу всѣхъ его окружающихъ. Вы, сударыня, имѣете уже здѣсь страстнаго обожателя въ господинѣ Мондорѣ. Столько прекраснаго наговорилъ онъ мнѣ объ васъ!... и я вижу, что онъ несколько не похвасталъ вамъ, изобразивъ васъ самыми прелестными красками.

— Господинъ Мондоръ весьма мало мнѣ знакомъ;—возразила спокойно Марія съ какою-то, внушающею уваженіе, скромностію:—я видѣла его однажды только въ домѣ покойнаго батюшки, а потомъ, въ другой разъ, когда онъ исполнялъ горестное порученіе...

Чувствительность не дозволила ей продолжать далѣе; она зашмыкала и опустила глаза, наполненные слезами.

Гофмейстерина, привисывая это смущенію, посмотрѣла съ изумительною улыбкою на окружающихъ дамъ и прибавила:—Господинъ Мондоръ весьма учтивый и отлично-воспитанный молодой человекъ.

Когда облако печали и горькаго воспоминанія разсѣялось, Марія тотчасъ увидѣла къ чему клонится намѣреніе инспекторши: преслѣдовать ее Мондоромъ; она дала теткѣ замѣтить, что пора уже было окончить визитъ; вставши вмѣстѣ съ нею и прощаясь съ госпожею Фё-д'Ербъ, она сказала:—Я буду ожидать приказаній вашихъ, сударыня, относительно исполненія обязанностей моихъ по службѣ.

Возвращаясь домой, она рассказала нѣжной теткѣ своей всѣ подробности разговора своего съ гофмейстериною, которыхъ она не могла понять, сколько возможно покрывая вымыслами то, что содержали онѣ непріятнаго для нихъ обѣихъ, дабы не оскорбить камергерши. Но добрую тетку не легко можно было обмануть въ этомъ случаѣ; она чувствовала и душевно сожалѣла, что слишкомъ легкомысленно приняла предложеніе королевы, и страшилась уже, чтобы желаніе возвышенія Маріи не сдѣлалось для нея источникомъ непріятностей и преслѣдованія. Видя безпокойство и заботливость тетки, Марія столько же была огорчена неблагопріятнымъ вступленіемъ своимъ въ свѣтъ, но скрывала однако, подъ личиною веселости, происходившее въ душѣ

ея, и старалась увѣрить камергершу, что нѣтъ ни одной уважительной причины къ горести и опасеніемъ, при взглядѣ на прекраснѣйшую ея будущность.

Когда же наступила ночная тишина, когда мракъ позволилъ скрыть тоску, угнѣтающую ее въ продолженіе дня, она пролила обильный источникъ слезъ надъ судьбою своею, которая предназначала ей среди блеска униженіе и среди наружныхъ почестей недостатокъ истинной привязанности. Одна только мысль манила ее ко двору: король долженъ былъ скорѣе возвратиться, предводительствуя побѣдоносными войсками; она могла увидѣть этого несравненнаго героя, котораго слава овладѣла совершенно ея сердцемъ и занимала всѣ ея мысли; который былъ божествомъ души ея и возбуждалъ въ ней живѣйшій восторгъ.

На другой день наступила минута горестной разлуки; тетка и племянница утѣшали себя взаимно тѣмъ, что пока дворъ пробудетъ въ Жулки, онѣ могутъ видѣться довольно часто. Передъ отъѣздомъ, камергерша проводила Марію ко двору, гдѣ ей назначена была подъ надзоромъ гофмейстерницы комната, въ которой она, извиняясь слабостію, провела остатокъ дня съ одною своею горничною.

ГЛАВА V.

Какъ говорила королева, такъ и сбылось. Въ первыхъ числахъ декабря, дворъ отправился изъ Жулки и прибылъ въ Краковъ, заблаговременно для встрѣчи короля. Чтобы придать еще болѣе блеска минутѣ столь желанной для народа и для себя, королева непременно хотѣла сама заняться распоряженіями къ торжественному въѣзду.

Марія собралась въ путь съ величайшею радостію, потому что находила въ томъ развлеченіе послѣ утомительнаго придворнаго этикета и всегдашней неискренности; но болѣе всего, она утѣшалась мыслию увидѣть короля въ полномъ блескѣ триумфа, познать его ближе и, тѣмъ самымъ, получить вознагражденіе за всѣ испытанныя неудовольствія.

Около двухъ недѣль, уже художники и ремесленники были заняты поставленіемъ триумфальныхъ воротъ и декорацій, приготовленіемъ картинъ, надписей и искусственныхъ огней, а рав-

но обученіемъ людей, долженствующихъ находиться при публичномъ правдикѣ.

Уже начинали воввышаться различныя зданія, преличныя этому случаю, и толпы любопытныхъ окружали ихъ съ утра до вечера. Роты собственнаго войска первѣйшихъ вельможъ, богато одѣтыя, собирались въ столицу, чтобы отправлять службу и стать въ ряды въ день прїѣзда короля.

Поминутно увеличивалось число гонцовъ, отправляемыхъ и присылаемыхъ отъ войска, съ извѣстіями о возвратномъ походѣ короля. Въ столицѣ и при дворѣ примѣтно было необыкновенное волненіе,—волненіе той всеобщей радости, которая отражалась на всѣхъ лицахъ.

Послѣдній гонецъ, отъ возвращавшагося войска, привезъ наконецъ извѣстіе, что Его Величество непременно будетъ чрезъ два дня, и что, не желая оставить своихъ воиновъ, онъ отправилъ на зимнія квартиры только нѣкоторые отряды, а самъ, предводительствуя гусарами и панцерниками, торжественно вѣдетъ въ столицу наканувѣ Рождества Христова.

Когда наступилъ ожидаемый день, королева, пользуясь прекрасною зимнею погодою и савной дорогой, рѣшилась выѣхать за милою отъ города, на встрѣчу августѣйшему супругу своему. Желая явить всю придворную пышность, она велѣла приготовить нѣсколько десятковъ придворныхъ саней, великолѣпно отдѣланныхъ, для дамъ и кавалеровъ двора. Знагнѣшіе вельможи послѣдовали за нею.

Получа извѣстіе о послѣднемъ ночлегѣ короля, вся свита выѣхала изъ города въ самый полдень. Отрядъ придворныхъ драбантовъ ѣхалъ впереди саней королевы, запряженныхъ шестью лошадьми, покрытыми леопардовыми шкурами и украшенными на головѣ и шеѣ строусовыми перьями. Королева сидѣла съ отцомъ своимъ и съ княгинею Радзивилъ, воеводшею Виленскою, сестрою короля. За ними слѣдовалъ маркграфъ де Бетюнъ съ первыми статсъ-дамами. Третьи сани занимала принцесса Тереза, дочь Собіекаго, въ товариществѣ Маріи и своей гофмейстерницы. Далѣе ѣхали сани польскихъ вельможъ, которые изумляли всѣхъ роскошью и великолѣпіемъ.

День былъ прекрасный, и, не смотря на довольно большой морозъ, подобную прогулку можно было сдѣлать безъ малѣйшей непрїятности.

Сани проехали между толпами любопытныхъ черезъ городъ,

гдѣ стѣны повторяли звуки колокольчиковъ и удары бичей, и быстрымъ бѣгомъ спѣшили къ дорогѣ, по которой король долженъ былъ вступать. Бѣгѣ мила проѣхали уже, когда посланные впередъ курьеры дали знать о приближеніи короля. Марія Казимира нигдѣ не хотѣла останавливаться, но съ нетерпѣніемъ спѣшила на встрѣчу своему достойному супругу. Вскорѣ увидѣли свиту королевскую, нѣсколько опередившую войско, которое должно было вступить въ Краковъ, недѣль предводительствомъ вожда своего.

Трогательна была встрѣча Іоанна съ супругою и съ семействомъ своимъ. Съ нѣжною заботливостію королева разспрашивала о принцѣ Іаковѣ, который, не оставляя своей хоругви, вскорѣ предводительствуя ею, прибылъ раздѣлить восторгъ родителей. Не взирая на просьбы супруги, король не согласился вмѣстѣ съ нею отправиться въ городъ; но проводивъ ее почти до самой столицы, онъ сѣлъ верхомъ на поданную лошадь и преодолѣлся къ войску.

Между тѣмъ наступали сумерки: гайдуки, стоявше за санями, освѣщали путь зажженными факелами. На бѣломъ пространствѣ, блестящемъ отъ льда и замерзающаго снѣга, видѣтъ былъ со стѣнъ Кракова вьющійся быстро, въ различныхъ направленіяхъ дороги, огненная полоса, образовавшаяся изъ многочисленныхъ факеловъ, которые, освѣщая только ближайшіе предметы, не въ состояніи были уменьшить темноты цѣлою скорости. Постепенно приближалась эта волна къ городу. Наконецъ можно уже было слышать noise стѣнами звуки колокольчиковъ. Громкія восклицанія повеселись съ гонимыхъ стѣнъ и ближайшихъ мѣстъ, и отголосокъ ихъ разнесился по нѣвымъ улицамъ, гдѣ народъ собрался многочисленнымъ толпами. Уже первые сани вѣзжали въ городъ; толпы народа безпрестанно возрастали, нѣшая свободному проѣзду двора, и драбанты почти не въ силахъ были разогнать ихъ; всѣ тѣснились впередъ, чтобы увидѣть короля; уже начали подыматься радостныя клики, какъ отогнанные бичомъ, разглядѣвъ хорошенько сидѣвшихъ въ саняхъ, передали другимъ, что король еще не ѣдетъ.

Все вдругъ утихло; народъ на улицѣ разступился; равнодушіе и холодное любопытство заняло мѣсто восторга; на проѣзжающихъ смотрѣли какъ на куклы, безпрестанно смѣнающіеся на мѣстахъ: «А далеко ли вы едете?» спрашивала во множествѣ, то

другой у придворныхъ; «о! близко уже,» былъ отвѣтъ, и крикъ: «уже не далеко!» разносился по улицамъ, передаваемый изъ усть въ уста. Всѣ начали снова тѣсниться къ воротамъ; молодые и неириннадлежащіе въ торжественной процессіи, выѣгнали еще дагѣ на предмѣстіе и, повиданному, спорили о томъ, кто первый увидитъ короля и братьевъ своихъ.

Съ наступленіемъ темноты зажгли лампы и фонари у триумфальныхъ воротъ и выстроенныхъ на этотъ случай дежурціи, а по возвращеніи королевы цѣлый городъ освѣтился многочисленными огнями.

Все было готово къ принятію Собіекаго; ждали только знака, чтобы начать торжественную церемонію. Въ тѣснотѣ и безпорядкѣ люди бродили по улицамъ, нучами останавливались предъ освѣщенными, прозрачными картинками, протѣснялись то къ воротамъ, то на площадь, какъ вдругъ прискакалъ въ городъ послѣдній вѣстникъ и возвѣстилъ о приближеніи короля. Толпы зашевелились; и радостныя восклицанія: «идутъ, идутъ!» раздались въ народѣ.

Всѣ начали раздвигаться на стороны, или стронуться въ ряды по назначенію, и когда каждый занялъ свое мѣсто, то видны были только головы въ одномъ направленіи къ воротамъ.

Между толпами народа, по обѣимъ сторонамъ улицы, удерживаемыми отъ натиска на средину рядами солдатъ, показались прежде городскіе цѣхи, выпедшіе на встрѣчу королю да же за предмѣстіе; потомъ шло отрядъ куржовыхъ стрѣльцовъ, подъ предводительствомъ курноваго короля, предъ которымъ, для означенія его достоинства, несли вѣтуха изъ лѣтаго серебра, насаженаго на высокое древо.

За нимъ слѣдовалъ Магистратъ съ бургомистромъ, который несъ на серебряномъ блюдѣ ключи города, чтобы у воротъ вручить ихъ королю, и первые сенаторы, съ обѣихъ сторонъ окруженные слугами съ факелами, обязанные присутствовать его. Едва только первое отдѣленіе миновало городскія ворота, загремѣли трубы и литавры, и радостныя восклицанія, нѣскольکو разъ повторяемыя, раздались по всему городу, возвѣщая наступленіе самаго короля. Впередѣ его ѣхалъ коронный гѣдохратель, предводившій передовую стражу, дагѣ обозный великій коронный съ своею свитою, а за ними несли военныя трофеи: знамена турецкія и бунчуки. Изъ воротъ выѣхали: оруженосецъ королевскій, державшій въ правой рукѣ копье, а въ

лѣвой щитъ короля съ гербомъ Янины, украшеннымъ драгоценными камнями, надворный хорунжий со значкомъ, обдѣланнымъ сверху въ соколиныя перья, и бунчужный королевскій. Наконецъ показался Іоаннъ Третій на лихомъ турецкомъ жеребцѣ. Гордый конь красовался подъ нимъ, какъ бы чувствуя высокій санъ и доблести сѣдока своего. Король былъ въ томъ самомъ нарядѣ, который былъ на немъ въ день славной битвы подъ Вѣною: суконовый контушъ голубаго цвѣта, бѣлый шелковый жупанъ и соболья шапка съ прекраснымъ цвѣтнымъ перомъ, пришиленнымъ къ ней дорогою брилліантовою пуговицею, украшали героя. Онъ держалъ въ правой рукѣ обнаженную саблю, а лѣвою укрощалъ коня своего, привѣтствуя на всѣ стороны обрадованный народъ восхитительною улыбкою и легкимъ наклоненіемъ головы. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ великій гетманъ коронный Сенявскій, достойный раздѣлять славу великаго короля, а позади его королевская гусарская хоругвь, замѣчательная болѣе воинственною наружностію, нежели великолѣпнымъ убранствомъ. Смятые шлемы рыцарей, изломанныя перья у шишаковъ и крыльевъ, прорванные значки у коній, все свидѣтельствовало, что они не щадяли трудовъ и крови своей, и послѣ долговременнаго похода возвращались въ отечество побѣдителями. Стройно проходили вонны, и между толпою зрителей видны были часто простертые руки и груди къ дружескимъ объятіямъ, когда то тѣ, то другіе изъ жителей узнавали въ гусарахъ мужей, братьевъ или пріятелей своихъ.

У воротъ поднялись новыя восклицанія: «Да здравствуетъ королевичъ Іаковъ и молодой принцъ, въ панцерской одеждѣ, съ выраженіемъ юношескаго восторга, въѣхалъ въ ворота впереди собственной дружины, между толпами привѣтствующаго его народа.

За этими отборными войсками слѣдовали легкія хоругви, не сохранившія рѣшительно ни какихъ признаковъ прежняго убранства: вооруженіе и товарищей, и рядовыхъ, было безъ всякаго однообразія, а одежда ихъ едва прикрывала тѣло для защиты отъ непогоды; латы, шлемы и оружіе,—все совершенно различное; по лицамъ только и по штандарту, прострѣленному и оборванному, съ бѣлымъ орломъ, можно было узнать, что это были Поляки.

Король остановился у самаго въѣзда въ городъ, гдѣ, для принатія его, были устроены триумфальныя ворота. На трехъ

высокихъ столбамъ, украшенныхъ неприятельскими знаменами, копьями, щитами и турецкими бунчуками, были сдѣланы три щита съ горящими въ срединѣ ихъ надписями: Victori, Triumphatori, Defensori, надъ которыми возносилося прозрачное изображеніе короля, во всють блескъ величества, скачущаго на лошади, съ обнаженною саблею въ рукѣ. Между столбами стояли четверо нашей съ склоненными головами, а при нихъ надписи на латинскомъ языкѣ, прославляющія побѣды Собіекаго надъ Турками.

Подлѣ столбовъ двѣ статуи: одна изображающая Марса, держащая въ рукѣ щитъ съ гербомъ Янины, а другая Палладу, съ гербомъ королевы.

Зрѣлища эти дополняли квадратныя галереи, по угламъ которыхъ, на пьедесталахъ, лежали огненные шары; во время проѣзда короля, изъ нихъ выметали искусственные огни, изображавшіе: Vivat Rex!

Проѣхавъ нѣсколько далѣе, король встрѣтилъ другія триумфальныя декораціи, построеныя въ честь принца Іакова, съ изображеніемъ города Сечены, завоеваннаго принцемъ.

Посреди города колонна, съ изваріемъ молодаго Собіекаго, съ обнаженнымъ мечемъ скачущаго на лошади, а подлѣ ногами его турецкіе трофеи.

Ракеты и потѣшные огни выметали изъ города Сечены.

Король приказалъ позвать принца, и когда Іаковъ прискакалъ къ нему, исполненный восторга, радостный народъ привѣтствовалъ его громкими восклицаніями.

Близъ самой ратуши новыя великолѣпныя декораціи преградили путь Собіекинъ. Онѣ представляли дракона, извергающаго пламень, въ знакъ турецкой ярости, на котораго орелъ королевскій бросалъ съ башни громъ и молнію, до тѣхъ поръ, пока драконъ съ шумомъ и трескомъ не разорвался на части.

Сверху орла представленъ былъ ангелъ, вѣнчавшій его зеленымъ плющемъ, и латинская надпись, означающая побѣду.

Отсюда вся торжественная процессія отправилась прямо въ кафедральный соборъ, и едва только Король остановился предъ церковными дверями, пушечные выстрѣлы, потрясавшіе воздухъ отъ самаго его въѣзда въ городъ, мгновенно умолкли. Изъ толпы свиты вышелъ придворный, поддержалъ королевское стремя и впрягъ лошадь. Военные трофеи были внесены во храмъ. За ними слѣдовалъ Юаниъ съ открытою головою, сопровождае-

милый знаменитый вельможами и чиновниками двора. При этом любил его приносъ вероисповѣдія Вѣдана, исповѣди чужого духовенства, благовѣщанъ его, и, сирѣчь, сегого водою, дая ему подѣлованъ крестъ и наконцацъ имѣлъ по зрѣнъ.

Высокое и утѣшительное зрѣніще было для осмысленности, тогда побѣдоносный король, предъ которымъ лежало еще триста тысячъ побѣдоносныхъ, сирѣчь, предъ Царемъ Маркутулицкихъ и въ вѣчномъ восторгѣ возмалъ къ Милу молитвы и благодареніе. Такъ предъ алтаремъ Праславного Бога узналъ онъ колѣна Іоаннъ Собіескій, знаменитый зрѣніемъ, герой, которому ни современники, ни потомство не выказали еще долга своего за его самопожертвованіе общему благу! И когда въ уносѣи вѣдожды и вѣры онъ вознесся на облакъ къ Небу, въ то самое время надъ главою его, окружась о церковныя своды, раздавались голоса священниковъ и народа, въ божественныхъ пѣсняхъ, прославлявшихъ и благодарившихъ Всевышняго.

На окончаніи молитвъ, Король отправилъ вѣнкомъ въ замокъ. Простившись въ передникъ кончатъ съ вѣнкомъ милу его вельможами и дворянами, онъ вошелъ въ комнату королевсы, чтобы въ кругу семейства отдалить досадъ военныхъ трудовъ и, сложивъ на время корону и скипетръ, наслаждаясь домашнимъ счастьемъ отца и супруга. Одна только королевская каминія собралась у Маріи Кашмиры, и протекло много времени, пока окончилась изъясненіе взаимной радости, объятія дѣтей и сладкое утѣшеніе при видѣ какъ вѣрою и восторженнаго мужества.

Въ ближней комнатѣ былъ накрытъ столъ къ ужину; предъ Короля и Королевы, въ немъ должны были принятъ уласкѣ принцъ Іановъ съ двумя младшими своими братьями, княгиня воеводина вѣноная, сестра Короля, и маркизаъ д'Аркель, отецъ Королевы. По древнему обычаю, служба при столѣ возложена была на однихъ только придворныхъ францъ, и много изъ придворныхъ, исполняющихъ обыкновенно эту обязанность въ другое время, не могъ находиться тамъ въ этотъ вечеръ.

Маріи досталась честь исполнять должность подчашнаго въ этомъ семейномъ праздникѣ. До сихъ поръ некогда еще она не занималась своимъ нарядомъ съ такою тщательностію и съ такою желаніемъ правилою. Бѣлыми лентами она переплела длинные черные волосы, принадлежнѣ по вѣкомъ роскошнѣи

женщины; сѣмая рука, изъ перолазной бранчеры, въ про-
мину срывалась и выказывалась нѣтъ-ночь бѣлой, каскойной че-
вочки, прищипанной въ волосахъ. Атласный бѣлый персень,
окапывавшій стройный станъ, выказывалъ всю прелесть чуж-
дой талии; а голубая бархотная карачинка, обшитая кружевомъ
обойками, довершила парадъ ея.

Отъ сильно-бѣзвѣстной скарлатки, Марія вошла въ комнату,
гдѣ былъ притомленъ ужинъ. Госпожа Фѣ-д'Ербъ, воемей-
стерина Двора, чрезвычайна въ злотъ день дѣловитая, отда-
ла ей выговоръ въ оменденіи и показала мѣсто, гдѣ она де-
жна была стоять до тѣхъ поръ, пока нужна будетъ ея услуга.—
Когда всѣ дѣвочки, послѣ предварительной разеткии службы
своей передъ гофмейстериню, получили отъ нея оменченна-
выя и приличныя встависенія, тогда госпожа Фѣ-д'Ербъ и про-
чье придворное удалились, и вслѣдъ за тѣмъ вошла короле-
вская фантала.

Вдали, напротивъ ярко освѣщеннаго стола, Марія отела у
особеннаго буфета, гдѣ разставлены были бокалы и кружки,
принадлежащіе къ ея службѣ. Серебряный подносъ, который
она держала въ готовности, дрожалъ у нея въ рукахъ. Лишь
только Король вошелъ въ комнату, она забыла обо всѣхъ пред-
остереженіяхъ и наставленіяхъ гофмейстерины и вѣроятно не
въ состояніи была бы исполнять свою обязанность, если бы
въ эту минуту потребовали ея услуги. Сердце Марія сильно
трепетало; пламенный румянецъ выступилъ на ея лицѣ, и шю-
рь, исполненный огня, жадно преслѣдовавъ героя: все по-
казывало, что чувство чистое и высокое овладѣло ея душою.
Въ глазахъ ея все исчезло: она видѣла только предъ собою
того великаго мужа, котораго добродѣтели и геройская хра-
брость вознесли надъ людьми.

Благодаря счастью, она имѣла еще время прійти нѣсколько
въ себя, потому что Король спросилъ вина уже послѣ перваго
кушанья. Робкими шагами, съ розовыми щечками и съ при-
влекательнымъ выраженіемъ скромности, Марія приблизилась
къ столу и подала Королю налитый ею бокалъ вина. Вслѣдъ
его съ подноса и взглянувъ на Марію, онъ остановилъ на нѣ-
сколько времени взоры свои на прекрасномъ лицѣ молодого
подчашаго и, обратясь къ Королеви, спросилъ: «Откуда, Ма-
шенька, появилась при дворѣ нашемъ эта новая Геба?» Коро-
лева сказала ему ея имя и, когда Марія отошла нѣсколько въ

сторону, она съ улыбкою рассказала супругу своему причину призванія ея ко двору. «Какъ? возразилъ Король: это та самая Подскарбынка, нарѣченная моего вѣрнаго слуги, которому онъ теперь ищетъ въ родительскомъ домѣ!» Собіескій замолчалъ и, спустя немного, продолжалъ, обратясь къ Маріи: «Приблизься, милое дитя, пусть видѣ дочери утѣшитъ меня въ потерѣ одного изъ возлюбленныхъ и близкаго моему сердцу. Увы! онъ не возвратился со мною! Будь утѣра въ моей королевской милости и въ томъ, что я всегда готовъ заступитъ тебѣ мѣсто утраченнаго родителя.» Увидя, что дѣвѣ слезы заблестали на прекрасныхъ рѣсницахъ Маріи, онъ прибавилъ: «Эти слезы украшаютъ тебя, дочь моя, и въ глазахъ моихъ еще болѣе возвышаютъ твое достоинство.»

Тронутая до глубины души, чувствительная дѣвушка не въ состояніи была благодарить Короля ни словами, ни поклономъ. Не зная, что предпринять, она стояла на своемъ мѣстѣ; наконецъ княгиня воеводша виленская, весьма благосклонная къ ней, протянула ей дружески руку и, сжимая дрожащія руки Маріи, тѣмъ самымъ принесла облегченіе ея скорби и тяжкому воспоминанію; съ чувствомъ живѣйшей благодарности бѣдная сирота подѣлвала руку своей почтенной покровительницы.

Ласковыя слова родителя и дружеское участіе тетки возбудили вниманіе принца Іакова; онъ взглянулъ на Марію и встрѣтился съ ея ангельскими взорами, исполненными кротости и благородства.

Въ первый разъ со времени нахождения своего при дворѣ, осчастливленная нѣжнымъ участіемъ, Марія встрѣтила во взорахъ юнаго принца то трогательное выраженіе, которое наполнило душу ея сладостнымъ чувствомъ, тѣмъ болѣе, что храбрость, оказанная имъ въ столь молодыхъ лѣтахъ, подавала надежду, что сынъ сдѣлается современемъ достойнымъ своего великаго отца. Марія отошла потихоньку отъ королевскаго стола и, получа въослѣдствіи болѣе смѣлости, съ привлекательною ловкостію исправляла обязанности службы своей до конца ужина.

ГЛАВА VI.

Когда, по возвращеніи въ отечество, Король остановился въ Любомлѣ, гдѣ, большую часть войска своего распустивъ на зим-

шия квартиры, оставилъ при себѣ только тѣ отряды, съ которыми хотѣлъ торжественно вступить въ Краковъ, — въ то время одной ротѣ легкихъ знаменъ было дано повелѣніе отправиться въ городъ Перемышль. Начальникомъ этой хоругви былъ ротмистръ, отличавшійся особеннымъ мужествомъ, нѣкто Даміанъ Рущиць, уроженецъ люблинскаго воеводства, владѣвшій тамъ наслѣдственными помѣстьями и, въ знакъ особеннаго благоволенія короля, получившій старшинство въ хоругви гусарской имени принца Іакова.

Рущиць былъ человекъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста и тѣснаго сложенія, которому наиболѣе благопріятствуетъ польская одежда. Мужественное лицо его не имѣло, правда, въ себѣ ни прелестей смазливаго волокиты, старающагося нравиться женщинамъ; на немъ не изображалось той очаровательной сладости, которая увлекаетъ часто сердца неопытныхъ, и той милой улыбки на устахъ, предшествующей обыкновенно коварству и лести. Но высокое и открытое чело, густыя черныя брови, глаза всегда веселые, умѣющіе смотрѣть только пріятно и неустрашимо, носъ, хотя и съ признакомъ сабельнаго удара, но не обезображенный, и черные, подбритые усыки, подъ которыми, во время разговора, являлись два ряда бѣлыхъ зубовъ: вотъ наружность ротмистра. Добрый солдатъ и благородный человекъ видѣнъ былъ съ перваго взгляда.

«Что на душѣ, то и на языкѣ» было первѣйшимъ и всегдашнимъ правиломъ его жизни, вѣрно соблюдаемымъ имъ даже и тогда, когда ему приходилось говорить съ высшими. «Честь моя и мои заслуги заключаются во мнѣ самомъ, и никто не можетъ у меня ихъ ни отнять, ни прибавить къ нимъ» — было его мнѣніе, часто имъ повторяемое, которымъ онъ оправдывалъ свою врожденную неустрашимость, называемую въ некоторыхъ сильными магнатами дерзостію. Незмѣнный до гроба тому, кому посвятилъ однажды любовь свою и дружбу, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ подданныхъ Монарха, которыхъ польскіе короли называли прекраснѣйшимъ именемъ *своихъ терныхъ*. Неоднократно явивъ доказательство своего мужества, геройскаго и непоколебимаго, когда слѣдовало выполнять приказъ короля, часто жертвовалъ онъ жизнію своею, не желая и не требуя другой награды, кромѣ благодарности государя или дружескаго пожатія руки.

— Рущиць! сказалъ ему Король въ Люблинѣ: я думаю

ты на единичномъ желаніи участвовать въ тридцатипяти-лѣтней войнѣ нашей, въ столицу. Мерзъ хотя и признавалъ себя подданнымъ, но Царя вѣрно едва ли влечетъ во Львовъ.

— Я пойду воюю, куда угодно будетъ Вашему Королевскому Величеству, отвѣчалъ Рущицъ, своя принадлежность впередъ своей хоругви, предъ которою Собіескій, осматривая войско, придерживалъ своего коня.

— А что скажетъ Подскарбиска, — предвизналъ Король, улыбаясь: если ты не поспѣшишь повергнуться къ ея величеству

— Предъ Богомъ только и государемъ, — возразилъ Рущицъ: когда ожидаешь милости или прощанія, можно унасть въ войнѣ; предъ женщиною — никогда!

— Но, другъ мой, ты все же долженъ проводить дружину свою до Перемишля, — сказалъ весело Король: а тамъ, если тебѣ припадетъ охота ѣхать къ своей Оморалин, давъ начальство намѣстнику, самъ можешь ѣхать куда тебѣ угодно. Если въ послѣдствіи будешь нуждаться въ моей помощи, то свѣло обратиться ко мнѣ.

Рущицъ съ почтеніемъ опустилъ саблю, а Король поѣхалъ осматривать прочія войска.

Въ слѣдствіе полученнаго приказанія, Рущицъ прибылъ въ назначенное мѣсто и, давъ командѣ своей два дня отдыха, на третій день приказалъ выступить имъ для возблагодаренія Всевышняго за благополучное окончаніе похода и сохраненіе жизни воиновъ, возвратившихся въ свое отечество, и, въ то же время, для отпразднованія панихиды въ память убитыхъ товарищей. Собравъ отрядъ свой на городской площади, онъ построилъ его въ каре и, войдя въ средину его съ своимъ намѣстникомъ, обратился къ солдатамъ: «Братья и товарищи! исполняя повелѣніе всемилостивѣйшаго Короля и Государя нашего, я слагаю командованіе вами на храбраго и отлично-уважаемаго мною намѣстника моего; съ этихъ поръ вы обязаны ему довѣренностію и послушаніемъ; его приказанія вы должны исполнять наравнѣ съ королевскими и собственными моими. Когда трубы и литавры ваши загремятъ призывомъ на новую брань, я снова явлюсь предводительствовать вамъ.»

Угостивъ потомъ все начальство хоругви солдатскимъ праздникомъ, онъ вырвался изъ среды виртуозовъ и, въ сопровожденіи двухъ реховыхъ, выѣхалъ на дорожку ко Львову, отъ то

сказано прежде, и Марія уже въ достаточной степени была въ вѣ-
ровье.

Отказавшись на Гёссельго: втунуть за три миле до дома канер-
гора, онъ вспомнилъ только тогда, что слѣдовало бы обратиться
къ какому-нибудь монарху, чтобы представиться своей невестѣ. Безъ
сомнѣнія читатель догадался уже, что этою невестою была Марія,
а Даміанъ Рушницъ тотъ самый ротмистръ, о которомъ
вспоминали: сестра Марія и даже она сама. Размышляя о
томъ, какъ бы понравиться дѣвицѣ, правда, что мало знакомой,
но которую уважалъ онъ въ признательности къ родителям, и
тѣмъ болѣе, что она осталась послѣ него сиротою;—сидя предъ
каминемъ у ярка пылающаго огня, онъ невольно потрусился из-
дому. Вдругъ мечты его прерваны были приходомъ любиматаго
его рядоваго Кулика, который, вымывшись и вычистившись,
явился неожиданно со шлемомъ на головѣ, въ узкомъ кастанѣ
изъ выдраной шкуры, въ бѣло панцыря, и съ прихвостными са-
дъ прилепъ. Сабля висѣла на длинной паруселѣ, а коныи въ
рукѣ доставала почти до самаго подошва. Войдя въ комнату,
онъ остановился предъ своимъ господиномъ, какъ бы ожидая
опа: прихвостній.

— Что это? покрывала Рушницъ: и еще въ гусарской фор-
мѣ! съ ума ты что ле: селась, или напелась?

— Какъ что? развѣ это худо? откликнулъ Куликъ спокойно.

— Положимъ, что хорошо, но къ чему? и кто приказалъ
тебѣ вооружиться такимъ образомъ?

— Да развѣ вы, панъ ротмистръ, хотѣли приѣхать къ своей
надѣянной не къ гусарскому платью? Вѣдь не даромъ же, ма-
нужень, честь состоять въ этомъ славномъ войскѣ; неужели
мы нехотѣли такого знаменитаго похода явиться въ домъ невесты
вашей, безъ гусарской формы?

— Ты отчасти правъ,—сказалъ Рушницъ, вставая, и подо-
дя къ нему, обинувъ кожаный кастанъ его, прикрѣпилъ саб-
лю, дрыле и поправилъ наголокъ шлемъ.—Справедливо сказа-
но, пекториль онъ: одѣнусь по-гусарски.

Въ слѣдствіе этой рѣшимости, онъ приказалъ вынуть под-
ную гусарскую форму, потерявшую во время кампаніи и пере-
вѣвъ съ одного мѣста на другое много своей красоты. По
этой приказалъ ротмистръ надѣть акадѣею подробнымъ смотрѣ-
ніемъ всѣхъ частей своего платья, чтобы по возможности замѣнить,
и исправить недостатки его.

— Гдѣ жъ мое сѣдло и весь конскій приборъ? спросилъ онъ Кулика.

— О! давно уже брошены; въ турецкомъ станѣ было что получше взять. Я, сударь, такъ убереу вашего коня, что люди будутъ останавливаться на улицахъ. Надѣну на него новую збрую, отнятую у турецкаго пашы, чистаго серебра, позолоченную и выложенную дорогими каменьями; привѣшу къ правому уху бунчукъ съ позолоченнымъ набалдашникомъ; а на голову надѣну пучекъ стеклянныхъ волосъ, мастерски сдѣланный, и балобникъ, осыпанный дорогими каменьями, а какъ покрою затылокъ серебрянымъ чепцомъ съ золотыми кутасами и потомъ золотымъ тканымъ чапракомъ, то ручаюсь головой, что передъ однимъ конемъ всѣ будутъ уже снимать шапки.

— Это хорошо, сказалъ ротмистръ: конь мой будетъ убранъ великолѣпно, но мое стальное вооруженіе все заржавѣло; атласъ подъ буркою изорванъ, застежка одна у нея потеряна, и всѣ строусовыя перья у шашака поломаны.

— Всему легко пособить, возразилъ Куликъ: оружіе я вычищу, подкладку отнесу зашить къ портному и все представлю за ново: только намъ нехудо бы еще денекъ подождать здѣсь.

— Это вздоръ! вскричалъ съ живостію Русчицъ: какой есть на мнѣ уборъ, въ томъ и поѣду. Солдатское платье послѣ войны должно быть похоже на старое знамя: чѣмъ болѣе изорвано, тѣмъ болѣе должно возбуждать почтенія.

Мысль эта понравилась ротмистру и, увлекаясь ею, онъ приказалъ немедленно собираться въ дорогу. Вскорѣ подѣхала бричка; съ одной стороны положена была въ нее сабля, а съ другой ружье и конь, привязанное также въ длину кузова; за повозкою сѣдѣлъ уже на конѣ Куликъ, держа въ рукахъ господскую лошадь, убранную по его желанію. Денщикъ, одѣтый въ ливрею, исполнялъ должность кучера. Когда все было уже готово къ отъѣзду, вышелъ ротмистръ; перекрестясь, подѣловалъ образъ Богородицы, висѣвшій у него на шеѣ, на шелковой ленточкѣ, сѣлъ въ бричку и отправился въ дальнѣйшій путь.

Мрачность и уныніе обитали въ томъ домѣ, куда ѣхалъ нашъ ротмистръ. Хотя протекло уже нѣсколько недѣль со дня отъѣзда Маріи, но всѣ сожалѣли и тосковали объ ней, особливо съ тѣхъ поръ, какъ дворъ изъ Жолква перѣхалъ въ Кра-

козѣ. Наступило Рождество Христово, первый разъ празднуемое безъ Маріи, и камергерша безпрестанно жаловалась, что будетъ скучать во все продолженіе праздника.

Уже быль накрытъ столъ къ обѣду, ожидаемому въ Рождественскій сочельникъ до звѣзды; тарелки и блюда стояли криво отъ сѣна, лежавшаго подъ скатертью. Запахъ миндальнаго супа и шукъ, приправленныхъ шафраномъ, разливался по комнатамъ съ особенною пріятностію для всѣхъ проголодавшихся; уже дожовый священникъ прочиталъ молитву, и камергеръ собрался разломить облатку, говоря: «съ кѣмъ-то сегодня бѣдвенька дѣлать ее?»—какъ вдругъ на дворѣ послышался громкій лай собакъ и лошадаыный топотъ. «Хорошо,» сказалъ камергеръ: что пріѣхалъ, пока мы еще не сѣли за столъ; знакомый или незнакомый, все равно: мы будемъ ему рады,» и приказалъ лѣкю, чтобы онъ сбѣгалъ на лѣстницу и узналъ, кто пріѣхалъ. Слуга не успѣлъ еще возвратиться съ отвѣтомъ, какъ двери отворились внастежь; сначала показался пучекъ строусовыхъ перьевъ, далѣе шпакъ, латы, бурка, побѣлѣвшая отъ снѣга, и наконецъ самъ рыцарь, котораго опущенное въ половину забрало и усы, покрытые нисемъ, не позволяли узнать гостя. Войдя въ комнату, онъ поклонился всѣмъ, снялъ шпакъ, приблизился къ камергеру и, когда дружески подалъ ему руку, въ то время всѣ уже узнали Рущица и невольно вскрикнули отъ изумленія и радости.

Поздоровавшись сперва съ камергеромъ и его супругою, Рущицъ посмотрѣлъ вокругъ себя, обернулся направо, обернулся налево, остановился, какъ прикованный къ одному мѣсту, и спросилъ съ изумленіемъ: «А гдѣ же»...

— Нѣтъ ее! — отвѣчали ему вдругъ камергеръ и камергерша, тяжело вздыхая.—Нѣтъ ее!—повторилъ ксеназъ.

— Во имя Бога живаго! — воскликнулъ Рущицъ, ваши лица зловѣщи и не предсказываютъ ничего добраго!... Я удѣлѣлъ отъ тысячи ядеръ и копій, а она, неужели...

— Нѣтъ вовсе не то! прервала камергерша: Марія жива и, слава Богу, здорова, но только ее здѣсь нѣтъ!

— Гдѣ жъ она, — спросилъ Рущицъ съ живостію: зачѣмъ ты ли? неужели она не могла дожидаться меня?

— А, сохрани Боже! отвѣчалъ камергеръ. — Твердая въ своихъ правилахъ, она останется вѣрною господину ротмистру,

и. счастье, ее негрѣшавшее, ослѣпить только на нѣкоторое время, не разрывая на вѣки, связь счастья.

— Счастье и честь! — спросила изумленный Рушчицъ. И оно позволило ее оставить вѣшь почтенный и богобоязненный дѣмъ, чтобы искупить чуждого некровнительства? Угнетенно горькую истину! вѣрно она живетъ теперь у котораго нибудь изъ нашихъ всмѣхивъ мечтатель, въ родѣ компаньонистъ!

— Нѣтъ! — отвѣчала камергерша: это было бы неприлично для дѣвицы Модржевской; судьба ея несравненно выше: Марія вѣста ко двору во Фрейлины.

Рушчицъ задумался, покрутилъ усы и сказалъ мрачно: — Этого я не ожидалъ. — Камергеръ воспользовался минутою молчанія и пригласилъ гостя къ столу; а когда послѣдній, сложивъ шпашакъ и палашъ, снялъ бурку и сѣлъ на показанное мѣсто, камергеръ продолжалъ далѣе разговоръ, принося: — Нельзя было отказаться отъ королевской милости.

— Король, вѣроятно, ничего не знаетъ о томъ возразилъ Рушчицъ: онъ непременно бы спросилъ, желаю ли я этого; а я отвѣчалъ бы ему откровенно: нѣтъ, Государь, панна Подскарблянка и такъ уже, кажется, просащениѣе меня; что же будетъ, если она поживетъ въ большомъ свѣтѣ. Ой, бѣда, когда жена умнѣе мужа!

— Ахъ! — сказала камергерша: любезная ваша Машенька такъ скромна и добра, что можетъ только перенимать хорошее.

Камергеръ всталъ, какъ бы вспомнивъ, что оставилъ въ забвеніи старинный обычай, въ самомъ дѣлѣ душевно радуясь случаю положить ковецъ неприятному разговору. На столѣ стояло серебряное блюдо съ изображеніемъ Рождества Христова; онъ взялъ съ него облатку и обратился къ Рушчицу. Ротмистръ, занятый совершенно другими мыслями, сначала не повялъ этого обращенія, посмотрѣвъ на камергера съ изумленіемъ, но, увидя облатку, быстро вскочилъ съ кресла, перекрестился и, начиная съ камергерши, поочередно преломилъ ее со всѣми. Тутъ домашній канцелярь вторично благословилъ всѣхъ, и когда обрядъ совершенно кончился, то въ занятый предметъ вѣсти всѣ принялись за издававшую супъ съ анжуйскими лодей, не прерывавшихъ такъ долго ждѣть обѣды. Спустя нѣсколько минутъ первого нападенія на поставленные блюда, камергерша спросила: — Давно ли Король возвратился изъ Кракова? вѣрнее.

нѣй, думаю, быть владѣ, когда они въѣхаютъ въ свою древнюю столицу.

— Безъ сомнѣнія!—сказалъ мрачно Рушчицъ.

— Развѣ вы, господинъ ротмистръ, не были тамъ?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ: я отказался раздѣлить торжество моихъ товарищей, единственно желая какъ можно скорѣе увидѣть ту, которую, увы! я не засталъ уже!

— А были ли вы — спросилъ камергеръ: при кончинѣ нашего незабвеннаго Подскарбіа?

— Былъ,—отвѣчалъ горестно ротмистръ: в мнѣ кажется, будто я и теперь вижу его еще предъ собою. Король выслалъ его съ повелѣніемъ къ великому гетману, и въ то самое время, какъ онъ скакалъ мимо нашихъ полковъ, выстрѣлъ изъ орудія убилъ подъ нимъ лошадь, а ему оторвалъ правую ногу. Я не могъ тотчасъ поснѣшиться къ нему на помощь, потому что долженъ былъ идти впередъ. На другой день послѣ одержанной побѣды, онъ еще жилъ; я засталъ его лежавшаго въ королевской палаткѣ, на краю могилы; увидя меня, онъ взялъ мою руку, пожалъ ее слегка и, умирая, поручилъ моею защитѣ дочь свою Марію! — Тутъ ротмистръ остановился; тяжкое воспоминаніе не дозволило ему вдругъ продолжать своего разказа; но, спустя нѣсколько минутъ, онъ прибавилъ мрачно:—Я не слыхалъ однакожъ, чтобы онъ предназначалъ Марію къ придворной службѣ.

Камергерша молчала и плакала; а мужъ ея, желая дать другой оборотъ разговору, чтобы отвлекая Рушчица отъ предмета горестныхъ воспоминаній, сказалъ:—Когда вздумаю объ убитыхъ, тотчасъ приходятъ мнѣ на умъ басни, рассказываемыя въ окрестностяхъ; въ цѣломъ сосѣдствѣ говорили, будто бы и нашъ панъ ротмистръ не избѣгнулъ бусурманскихъ когтей. Впрочемъ это къ лучшему, какъ говорятъ, потому что кого прежде времени хоронятъ, тому пророчать долгую жизнь.

— Можетъ быть это было бы къ лучшему и не для одной этой причины!—прибавилъ Рушчицъ.

Видя, что печаль и худое расположеніе дула ротмистра не проходятъ; камергеръ рѣшился другимъ путемъ достигнуть своей цѣли; онъ вынулъ пивничему и, показавъ на пальцахъ условными знаками, какого сорта онъ долженъ былъ принести вино и рюмки, обратился къ Рушчицу, наливая бокалы до са-

много нельзя. — Ну, почтеннѣйшій ротмистръ! сказалъ онъ: выпьемъ теперь за здоровье короля!

Кресла загремѣли и всѣ присутствовавшіе встали. Камергеръ пилъ довольно медленно, потому что бутылка покрыта была почтенною пѣсенью; выпивъ, онъ оборотилъ рюмку донышкомъ къ верху, въ доказательство, что въ ней ничего не осталось, взялъ салфеткою за край и подалъ ручкою ротмистру. Въ продолженіе этой церемоніи, Рушчицъ сохранялъ важную физиономію, приглаживалъ въ это время усы, приготовляясь послѣдовать данному примѣру.

Принимая съ почтеніемъ поданную рюмку, онъ сказалъ, наполняя ее виномъ: — это здоровье я осушилъ бы вмгъ даже предъ дверями гроба! Да здравствуетъ Иоаннъ Собіескій! — и въ одно мгновеніе засвѣтилось хрустальное дно. Капеланъ, посматривавшій равнодушными глазами на чудесную влагу, взялъ у него рюмку. Въ это время камергеръ, пожавъ дружески руку Рушчица и желая не давать ему минуты спокойствія, могущей возобновить непріятныя мысли, всталъ снова, взялъ другую рюмку и, обращаясь къ священнику, вскричалъ: — всенязъ пробошь! въ ваши руки. Да здравствуетъ нашъ панъ ротмистръ!

— Пойдите же! — прервалъ Рушчицъ, удерживая камергера за руку. Это не годится: у насъ послѣ королевскаго слѣдуетъ здоровье дамъ, особливо если за столомъ нѣтъ гетмана; а такъ какъ я не могу, къ сожалѣнію, пить здоровье отсутствующей, по крайней мѣрѣ, обязанъ и желаю предложить здоровье ваше, пани! — Онъ поклонился камергершѣ.

— И отсутствующей! прибавилъ камергеръ: если господинъ ротмистръ непременно желаетъ того, хотя я, признаться, отложилъ эти тосты на будущее время; но...

Удалась хитрость хозяина; вино разглаживало постепенно угрюмыя черты нашего героя; онъ вздыхалъ уже только въ слухъ, изрѣдка; менѣе вмѣшивалъ въ разговоры печальныхъ размышленій, и когда во второй разъ уже выпилъ за здоровье отсутствующей Маріи, то не могъ удержаться, чтобы не присокупить, съ нѣкоторымъ впрочемъ сожалѣніемъ: «Боже мой! за чѣмъ ее здѣсь нѣтъ! я повергнулъ бы къ ногамъ ея драгоценныя собольи мѣха, поясы и женскія покрывала, унизанныя брилліантами, которые Турки приготовили, вѣроятно, для Вла-

силъ красавицъ, въ надеждѣ завоевать ихъ. Цѣною крови нашей мы выкупили эти сокровища въ визирскихъ палаткахъ.

— Послушайте, любезный ротмистръ! — прервалъ камергеръ.

— Ужъ, когда рѣчь коснулась визирскаго стана, расскажите намъ, кстати, о славномъ вашемъ наездѣ, о которомъ до насъ дошла только разные невѣрные слухи.

— Я, правда, не люблю никому рассказывать объ этомъ, — отвѣчалъ Рущицъ: потому что.... я вовсе не показываю особеннаго отличія; весь мой подвигъ состоялъ только въ томъ, что я выполнилъ повелѣніе Короля; но, если вы непременно желаете этого, извольте, я готовъ услужить. Послѣ переправы черезъ Дунай, мы соединились съ войсками союзниковъ. Иоаннъ, желая, въ доказательство дружбы, показать Курфирстамъ своихъ воиновъ, пригласилъ ихъ съ знатнѣйшими начальниками къ себѣ въ лагерь; гдѣ, угостивъ по-царски и одаривъ каждого изъ герцоговъ прекраснымъ и богато украшеннымъ поевемъ, выхода изъ палатки, спросилъ у нихъ: «нѣтъ ли господи, у васъ на аванпостахъ непріятельскаго языка?» — Можемъ ли посылать разъѣзды, — отвѣчали курфирсты: когда черезъ нихъ потеряли, если не все, то, по крайней мѣрѣ, полковну своего войска. — «Какимъ это образомъ?» — спросилъ король съ изумленіемъ. — «Весьма обыкновеннымъ; мы отрядили въ авангардъ, для разъѣздовъ, одного генерала съ тремя тысячами кавалеріи, а онъ возвратился назадъ съ нѣсколькими солдатами, прочіе всѣ остались на мѣстѣ, встрѣтись съ отрядами Турокъ, въ которыхъ имъ не удалось даже и выстрѣлить.

— Услышавъ это, король взглянулъ на своихъ воиновъ, отложившихъ позади его у палатокъ, и, увидя меня, махнулъ мнѣ рукою, чтобы я подошелъ къ нему. Когда я приблизился, то онъ громко сказалъ: «господинъ ротмистръ, извольте взять сотню коней съ передовыхъ постовъ и отправиться въ разъѣздъ.» Потомъ, обратясь къ великому коронному гетману Сенявскому, прибавилъ: «велите заготовить ему предписаніе, приказавъ строжайше непременно схватить языка, въ противномъ случаѣ, чтобы и не думалъ возвращаться безъ кроваваго свѣдѣтельства своей храбрости, и то въ дватцать четыре часа, отнюдь не позже; потому что это дѣло не терпитъ отсрочки.» Потомъ, снова обратясь ко мнѣ, онъ прибавилъ: «пріѣзжайте, господи, Рущицъ, прежде къ моей палаткѣ, съ своими людьми, чтобы я самъ могъ видѣть ихъ.»

— Я воевать начинала въ армянскихъ земляхъ на очень опасный подвигъ: время не позволяло много набирать, да, приду сказать, и не для чего было, потому что все французскаго не выбрать, только бы сильней и Пеликь, то ужъ не бойтесь, что сказать, въ жукабъ, за друга и за царя!

— Собрать ихъ, я прѣхалъ къ королевскому лагерю, там все еще находились курьеры. Увидя меня (и слышаъ возвращенной, они начали разсматривать шашъ съ головы до ногъ и шептались между собою. На зѣркую смерть, говорилъ одинъ, чертъ посматривать этихъ бѣдныхъ людей, и прогнать нашего уланскаго войска. «Наше авангарды повторяютъ другой «спасите насъ отъ турокъ, а вернутся съ шашками; Господь да сохранитъ этихъ людей, а особливо начальника.»

— Я не обращалъ на это большаго вниманія; перепротивился, похвально чудотворный образъ Богородицы и шашки впередъ, съ надеждою на Божіи промышлять и на правое дѣло. Мы проѣхали нѣсколько миль, а уже начало периодически смертеться, какъ передовые дали мнѣ знать, что толпа бусурмановъ залегла въ долину, въ которую мы спускались. «Некогда статься ихъ!» — вскричалъ я: много или мало; а намъ нужно смѣть невѣрныхъ рѣшительнымъ ударомъ живить нѣсколько человекъ въ шашки.» Сказавъ это, я спустился съ горы и увидѣлъ множество пылающихъ арий, широко раскинутыхъ въ глубокой долины. Они тутъ престошно расположились, думалъ я; но по намѣсть успѣють собраться въ дучу, я уже буду съ шашъ лезть у короля.

— Въ слѣдствіе такого рѣшенія и не теряя времени въ разсужденіяхъ, я бросился на удачу, гдѣ ихъ было больше, не призывая стрѣлять, а только колоть, рубить и, если можно, брать въ шашки. Схвативъ тридцать человекъ, я велѣлъ жечь ихъ въ средину промежду насъ и, послѣшая въ обратный путь, отстрѣливаться отъ Турокъ, которые со всѣхъ сторонъ на насъ нападали. Счастье наше, что мы имѣли легкихъ коней. Сабля и копыя прочистили намъ путь къ обрату, по мертвымъ тѣламъ; спустившись въ него благополучно, я отпривилъ впередъ моего намѣстника, а самъ, взявъ аріергарды, сказалъ про себя: «здѣсь ужъ ихъ и самъ чортъ не вырветъ у меня.» Точно такъ и случилось: никто не отрѣзалъ намъ дороги впередъ, а сзади Турки также не долго безпокоили насъ. На другой день, около полудня, я прибылъ въ лагерь. Король,

Рущицъ сильно вздохнулъ и спросилъ, вѣвая: ну что, каково на дворѣ? — Балать ужасный снѣгъ, — отвѣчалъ Куликъ: да еще съ мятелью; заборы даже занесло; я наслу пробрался сюда отъ конюшни.

При этомъ словѣ онъ отряхнулъ тулупъ, и снѣгъ носынался на полъ съ обвѣхъ полъ и съ огромныхъ по самое колѣно сапоговъ.

— Это худо; какъ же мы пустимся въ дорогу? если слишкомъ ее занесетъ, то намъ съ повозкой не проѣхать.

— О! я уже прежде думалъ объ этомъ: оставши вѣсть съ пѣтухами и разглядѣвъ, при мѣсяцѣ, что дѣло-то плохое, я тотчасъ сбѣнулъ, что не мѣшало бы подвести подъ нашу кузовъ сани и, съ Божіею помощію, они готовы теперь. Пусть только панъ ротмистръ поднимется съ кровати; день нынче коротокъ, а надобно отхватать порядочный кусокъ дороги, чтобы засвѣтло поспѣть домой.

— Домой! — вскричалъ Рущицъ. — Что тебѣ тамъ снова приснилось? Я ѣду прямо въ Краковъ.

— Э! чортъ возьми Краковъ и всѣ иностранныя земли! — возразилъ Куликъ, отворачиваясь, съ досадою, къ камину. — Миѣ ужъ наскучило тасканье по свѣту; пора бы, кажется, вернуться домой и посмотреть, что тамъ теперь дѣлается.

— Тебѣ такъ кажется, а я, напротивъ, думаю ѣхать въ Краковъ, гдѣ миѣ вужите, нежели дома, — сказалъ Рущицъ и закричалъ на Кулика, который съ явнымъ неудовольствіемъ исполнялъ теперь обыкновенныя обязанности своей службы.

Но впреставнъ нѣкотораго времени, все уже было готово къ отъѣзду. Въ этотъ день Куликъ самъ исполнялъ должность кучера; отдавъ денщику вести верховую лошадь, онъ, разгнѣанный на непріятное путешествіе, позабылъ даже, взлѣзалъ въ сани, сдѣлать инутомъ обыкновенный крестъ вредъ лошади. Закутавшись въ тулупъ и бурку, Рущицъ бросился въ повозку, съ твердымъ намѣреніемъ заквитать дорогою сонъ, нарушенный не въ обыкновенную пору.

Мѣсяцъ сіялъ еще въ своемъ величїи; освѣщенные лучами его, ярко блистали звѣзды замершаго снѣга. Сани скрываясь и со свистомъ катились по гладкому пространству; но тамъ, гдѣ наѣзжали на снѣжные бугры, онѣ должны были съ трудомъ прорѣзывать первую дорогу, а снѣгъ, вздымаемый лошадиными копытами, прозрачною пылью, со всѣхъ сторонъ,

приставалъ къ санямъ. Съ сѣвера, сильный вѣтеръ съ морозомъ наносилъ мятель на путниковъ такъ, что ноздри лошадей и усы людей совершенно оледѣвли. Кое-гдѣ, по хатамъ, сверкали уже свѣтлые огоньки и блескъ ихъ, сквозь ѳна, отражался на сугробахъ снѣга.

Дымъ изъ трубъ, подымаясь столбомъ, исчезалъ въ зимней атмосферѣ. Тихо и мрачно еще было вездѣ, и собаки, утомленными ночнымъ бдѣніемъ, вскаки убожища подь крышами: но вскорѣ звонъ деревенскаго колокола глухо раздался въ окрестности, сзывая набожныхъ людей къ ранней молитвѣ.

Уже путешественники наши подѣзжали къ другой деревнѣ, какъ вдругъ Куликъ быстро остановилъ лошадей. «На вѣки вѣковъ!» воскликнулъ онъ съ досадою: «не легкое что ли принесло тебя сюда? Ну, дорога! Нечего сказать!».

— Что тамъ такое? — закричалъ Рущицъ, вскочивъ, пробужденный шумомъ.

— Баба, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Куликъ.

— Болванъ! поѣзжай далѣе; не бойся ничего! — говорилъ ротмистръ, бросаясь снова въ подушки и закрываясь буркой.

— «Не бойся! «болванъ!» знаю я хорошо, что значитъ, когда дьяволъ напуститъ на человѣка въ дорогѣ прежде всѣхъ бабу. Пусть ихъ послѣ растутъ какъ макъ, только бы съ самаго начала не встрѣтить бабы; еслибъ то былъ мужикъ какой, пл жилъ, по крайней мѣрѣ... а то старая чертовка, баба проклятая! Вотъ теперь дѣлай себѣ что хочешь!»

Эти и подобныя тому ругательства Куликъ бормоталъ себѣ подь носъ, и, ворча такимъ образомъ, не замѣтилъ рва, въѣхавъ въ который однимъ половомъ, вывалился въ снѣгъ своего барана. Рущицъ сердился и бранился, а слуга его, поднимая сани, постоянно твердилъ, что это не его вина, и что будетъ еще хуже.

Наконецъ все было поднято и приведено въ прежній порядокъ. Далѣе дорога шла гораздо шире и виднѣе и, прежде, нежели разсвѣло совершенно, они оставили за собою довольно значительное пространство безъ всякихъ приключеній. Въ продолженіе самой посиѣшной ѣзды, Куликъ вдругъ останавливаетъ вторично лошадей и, схватя стоявшее подлѣ него ружье, выстрѣливаетъ.

— Это что опять? — закричалъ Рущицъ, быстро вскочивши.

— А что, какъ не тотъ же самый дьяволъ, что и прежде, отвѣчалъ Куликъ хладнокровно, выгнвая жезъ сапей.

— Какъ, неужели баба? И ты въ нее выстрѣлялъ!

— Не баба, а чортъ, въ видѣ зайца, перебѣжалъ намъ дорогу, и я убилъ его. Нѣтъ, сударь! дажѣ нельзя ѣхать по этой дорогѣ, вотому что намъ не встрѣтить здѣсь ничего добраго!— Такъ говорилъ Куликъ и вовсе не показывалъ охоты проходить вуть.

Рущицъ задумался немного, приведенный въ нѣкоторое сомнѣніе сборомъ проклятыхъ случаевъ, помѣшавшихъ его путешествію. Въ молчаніи онъ смотрѣлъ на Кулика, который, сложивъ руки, оборотился къ лошадамъ, какъ бы желая видомъ своимъ показать рѣшительное намѣреніе не ѣхать дажѣ.

— Что тебѣ за дѣло до бабы и зайца?—спросилъ Рущицъ, послѣ минутнаго молчанія. — Когда мы уцѣлѣли отъ столькихъ бѣдъ и смертей, то ужъ вѣрно теперь ничего намъ не случается. Да развѣ одинъ заяцъ перебѣгалъ намъ дорогу, бывало, во время похода.

— То совсѣмъ другое дѣло, — возразилъ Куликъ. — Тамъ мы имѣли дѣло съ войскомъ, а въ добавокъ еще съ погаными, а теперь приходится справляться съ женщинами; тамъ Богъ помогалъ, а тутъ дьяволъ съ бабами мѣшаетъ, проклятый! Клянусь вамъ, пане! какъ вѣрный и старый слуга вашъ, что не поѣду дажѣ! Поѣдьте лучше домой! — прибавилъ Куликъ, снимая шапку и наклоняясь къ ногѣ его по польскому обычаю: — Можетъ быть, Господь Богъ дастъ впоследствии выбрать лучшую минуту для этого; да, кромѣ того, я не знаю дальше дороги. Панъ себѣ спитъ, а я ѣду; дорогу занесло снѣгомъ; отъ этого мѣста направо, тамъ я знаю, что прямо прѣдемъ домой; а въ Краковъ, хоть убей, не попаду! Кто его знаетъ? Вѣдь не лучше ли было бы отдохнуть дня два.... Пане! послушайте меня, старика, извольте умилостивиться.

Съ улыбкою смотрѣлъ ротмистръ на своего слугу, а потомъ обращалъ взоры на дорогу, засыпанную въ оврагѣ снѣгомъ. Задумался онъ нѣсколько и сказалъ потомъ:— Не очень я вѣрю твоимъ причудамъ; но кто знаетъ, будетъ ли хорошо, если я слишкомъ скоро стану домогаться правъ своихъ: вѣдь я имѣю дѣло не съ королемъ, а съ королевою.... Дорога занесена снѣгомъ; чрезъ нѣсколько дней отдохну и отправлюсь, куда нужно.

— Последовало краткое молчаніе. Наконецъ, какъ бы рѣшившись, онъ вскричалъ: Поворачивай! поѣдемъ домой!

Куликъ весело вскочилъ на козлы, ударилъ по лошадей и пустился желаннымъ путемъ. Чтобы показать еще болѣе совершенное свое удовольствіе, онъ заѣлъ извѣстную въ то время въ войскѣ пѣсню.

Уже другія сумерки встрѣтили ихъ въ дорогѣ, какъ посреди матаи и густаго снѣга они увидѣли, однакожь, издали, свѣтъ для ослѣпки насажденной деревни ретингора.

— Вотъ, слава тебѣ Господи, и деревня наша! — радостно воскликнулъ Куликъ. — Еще свѣтитесь къ одной датѣ у Бартка; вотъ и столбъ на перекресткѣ; но только догнулся маленького. А вѣтряной мельницы-то и нѣтъ! должно быть она для сгорѣла, или вѣтеръ ее снесъ. Боже мой! что случилось съ добрымъ мельникомъ Валькомъ. Вотъ костелъ и паразія; и въ корчмѣ уже не видать огня, да и у Бартка ужъ погасилъ. Эй мужички! оцабъ вы знали, что вашъ панъ фдекъ, то бы вѣрно не оцали такъ. Экая досада, что дѣтъ ни колокольчика, ни арашика, а то бы я знатно подѣхалъ къ панскому дому.

Такъ разговаривалъ про себя Куликъ, погоняя безпрестанно лошадей; наконецъ подѣхалъ ко двору. Сломанный заборъ и кое-гдѣ торчащія столбы; закрытыя ворота; засыпанныя съ обѣихъ сторонъ снѣгомъ, такъ что не было возможности открыть ихъ, и даже ни одной собаки на дворѣ; — все показывало, что домъ оставался безъ барина въ заустыніи.

— Развѣ всѣ перемерли! вскричалъ Рушницъ: что тутъ такъ глухо и мрачно! Здѣсь, кажется, никто не живетъ, потому что не откуда и звѣхать.

— Вотъ я сейчасъ пособлю этому горю! — сказалъ Куликъ; поворотилъ лошадей отъ воротъ и по разобранному забору вѣхалъ на дворъ.

Рушницъ вымѣлъ изъ саней и, входя на крыльцо съ ногоу, развалившись на крышю, удивился чрезвычайно, найдя двери открытыми. Думая, что пѣлый домъ пустъ, онъ повалъ Кулика, а тотъ, отдавъ девицѣ поддержать лошадей, последовать за баринкомъ въ темныя сѣни. Зная расположеніе дома, онъ вошелъ направо, въ большую комнату. Слабый свѣтъ выходилъ изъ дверей, сквозь замочную скважину, и когда они собралась отпереть ихъ, то услышали сильный звукъ дѣпей и страшныя крики, раздавшіеся въ комнату. — «Сударь! тамъ выходилъ ихъ

чистельница, на земномъ покаяніи! сказалъ потихоньку Куликъ, схватившись крѣпко за бурку ротмистра.

— На покаяніи? въ моемъ домѣ? Кто жъ можетъ это дѣлать? Я, кажется, еще живъ!—говорилъ Рущицъ и пошелъ къ дверямъ; но онѣ были заперты на ключъ.—Ступай за ружьемъ! я вижу, что тутъ надо дѣйствовать силою.

— Пойдемте, пане, вмѣстѣ; я одинъ не найду дороги, сказалъ Куликъ и отправился напередъ къ дверямъ. Возвратясь къ саямъ, онъ позвалъ на помощь денщика и вооружился съ нимъ копьями, а ружье отдалъ своему барину; послѣ того они всѣ трое пошли открытою силою на приступъ къ дверямъ, гдѣ, между тѣмъ, шумъ и крикъ увеличивались часъ отъ часу. Ни доски, ни ясли не могли выдержать сильнаго удара; съ оружіемъ въ рукахъ, осаждающіе вломилась въ комнату, и двѣ длинныя фигуры, закутанныя въ простыни, обоясанныя цѣпями для носки дровъ, съ фонарями въ рукахъ, упали на полъ, испутивъ прензительный крикъ. Недоумѣніе и страхъ были равны съ обѣихъ сторонъ и, къ увеличенію суматохи, свѣчки, во время паденія, загасли. Ротмистръ не могъ разгадать, что все это значить; союзники его оставались неподвижны на своихъ мѣстахъ съ высунутыми пиками, а покоренные безъ боя, осажденные, чувствуя себя еще на свободѣ, вскочили черезъ нѣсколько минутъ на ноги и бросились бѣжать изо всей силы къ окошку, въ такъ какъ оно было отперто, то они и спаслись въ него благополучно, не преслѣдуемые своими протавниками. Слѣдствіи этой первой побѣды были почти вовсе бесполезны, потому что совершенная темнота отнимала всякую возможность воспользоваться столь легкимъ завоеваніемъ крѣпости. Рущицъ вскричалъ на своихъ слугъ, называя храбрыхъ сотрудниковъ по имени, и каждый изъ нихъ, едва внятнымъ голосомъ, подавалъ знакъ, что онъ еще существуетъ. Послѣ того онъ приказалъ имъ стараться всѣми силами развести огонь, чтобъ можно было узнать, по крайней мѣрѣ, мѣсто, гдѣ они находятся. Денщикъ вынулъ у себя за поясомъ заряженный пистолетъ; выстрѣливъ изъ него въ каминъ, ему удалось вздуть огонь въ полумстѣвшихъ угольяхъ. Наконецъ зажгли свѣчку, оставленную въ фонарѣ, и Рущицъ принужденъ былъ, взявъ ее, отправиться одинъ по всѣмъ комнатамъ, потому что у слугъ его не хватило мужества исполнять столь страшное порученіе. «Тутъ рѣшительно все пусто,» сказалъ онъ.—«Въ это окошко убѣжали мнимые ду-

ди; ждалъ бы я знать, что случилось съ моими вещами и съ мебелью? Стѣны всё оборваны и портреты моихъ прадедовъ сняты съ своихъ мѣстъ: точно какъ будто во время моего отсутствія здѣсь гостили Татары. Пойдите сюда, надобно посмотреть, что дѣлается на другой половинѣ двора; а если и тамъ также пусто, то, по крайней мѣрѣ, въ фольваркѣ, или въ деревнѣ есть люди.»

Говоря это, онъ вышелъ изъ комнаты въ сѣни съ оруженосцами своими, все еще не могшими оправиться отъ страха, и, подойдя къ дверямъ, съ противоположной стороны, нашелъ ихъ такъ же, какъ и первыя, запертыми. Послѣ сильно повторенныхъ ударовъ, услышали за ними дрожащій голосъ, который вскричалъ: «Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!»

— А! это голосъ стараго Валентина, сказалъ Ружичъ. — Отвори старикъ поскорѣе, мы ужасно перепугали.

— «Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!» повторилось снова изъ комнатъ трещающимъ голосомъ.

— Мы также прославляемъ Бога; только отвори намъ, старикъ чудакъ.

— Во имя Бога живаго! успокойся душа окаянная! утормъ я отслужу за тебя панихиду, отпусти только сегодня,

— Это Валентинъ, пане ротмистръ, сказалъ Куликъ. — Лучше, старикъ, отвори проворнѣе.

— Да будетъ благословенъ Иисусъ Христосъ!—говорилъ, рыдая, въ комнатѣ Валентинъ.

— Я вижу что намъ долго придется ждать: онъ до завтра не образумится! вскричалъ Ружичъ. — Выломайте за одно и эти двери!

Двери не въ состояніи были долго противиться сильнымъ ударамъ двухъ солдатъ; когда онѣ растворились, или, лучше сказать, разлетѣлись, Куликъ первый вошелъ въ комнату, говоря: «во вѣки вѣковъ, амины!» тѣмъ самымъ какъ бы отвѣчая на послѣднія слова Валентина, который въ одной рубашкѣ стлалъ на колѣнахъ. Увидя входящаго барина, почитаемаго мертвецомъ, онъ повалился лицомъ на землю.

— Вставай же, старикъ! — вскричалъ Ружичъ, ударивъ его по плечу. — Они, какъ я вижу, принимаютъ меня за покойника и подъ этимъ предлогомъ проказать въ домъ.

— Да подымайся же! прибавилъ Куликъ. — Вѣдь я, кажется, цѣлхонекъ и живъ, слава Богу, такъ какъ и панъ вашъ;

«неблизко умирать, то не пришла бы уже 1665, потому что не так чужь».

Валентинъ приподнял немного голову и, опираясь руками на полъ, взглянулъ вверхъ; но, увидя рогнестра, снова бросился на полъ. Ручищца сваялся отъ души; чрезъ нѣсколько времени онъ успѣлъ наконецъ ободрить старика своего ключника, утѣривъ его, что онъ никогда и не думалъ умирать.

Въ молчаніи глядѣлъ Валентинъ на своего пана; потомъ коснулся слегка его руки и платья, и тогда убѣдился, что тутъ нѣтъ ни малѣйшаго свойства враждебнаго, то упалъ къ его ногамъ и обнималъ нѣчь съ величайшимъ восторгомъ.

— Кто вамъ вбилъ въ голову, что я умру? — спросилъ Ручищца: и что значать эти дьявольскія наводенія?

— Ахъ, панъ невозможный! съ тѣхъ поръ, какъ мы получили горестное извѣстіе о смерти панской.... что я говорю... съ тѣхъ поръ какъ плуныя начали распускать въ шляхетѣ сказку, что вы погибли отъ рукъ повѣрныхъ мусульманъ, тотчасъ же шилъ подстеробя, вашъ племянникъ, сталъ мѣнять рассказы, что намъ не видать болѣе нашего пана. Я спорилъ до самаго великаго, и говорила ему: «не вѣрю этому, и тогда развѣ признаю васъ господиномъ, когда мнѣ сами панъ рогнестра доведеть о своей смерти.» Но онъ не обращалъ на это вниманія и поѣхалъ въ земскій судъ, гдѣ, нависая что-то, приказывалъ съ того времени говорить себѣ: панъ-дедочка. Варочайъ я еще не величалъ его этимъ именемъ; а когда онъ събирался уже черезъ туръ хозяйничать въ домъ, то я просто не вытерпѣлъ его. И вотъ, съ недѣлю тому, въ домъъ вѣдало что-то ужасно шумно; души выбили въ столовой окна, ободрали всѣ стѣны и, что ночь, то болѣе наводять страхи, тѣмъ что человекъ едва можетъ вынести. Сегодня я совсѣмъ уже было рѣшился оставить проклятый домъ, потому что, если уже души паводятъ души и, веротинное изъ чистяища, то знать, что онъ самъ умру; но видя какъ въ живыхъ, а самъ чуть не умираю отъ радости! Теперь не буду уже на старости лѣтъ бродить по свѣту, съ кучей хатки.

Въ то самое время, какъ Валентинъ рассказывалъ о происшествіяхъ, случившихся въ небытность рогнестра, собралъ опростеть Кулинь, занимавшійся тереноскою вещью въ компанію и поспѣшно объявлялъ, что тогда людей онъ собиралъ съ эскимонскими обитателями, прибавляется къ нимъ, и что даже слышенъ звонъ колоколовъ.

— Что ты бредишь снова? — вскричалъ Рущица: тебѣ вѣрно приснилось это во снѣ, или ты не ономнился еще отъ страха?

Но вскорѣ услышали въ сѣняхъ шумъ и звукъ колокольчика; двери растворились широко: впереди кѣлой процесси шелъ ксендзъ и органистъ со святою водою. Дашь только они вступили въ комнату, то органистъ, читая вслухъ закличанія бѣсовъ: началъ кропить немилосердо Рущица. Ротмистръ перепрестисся, отступая нѣсколько шаговъ назадъ; но, видя, что поливаніе не перестаетъ, вскричалъ съ гнѣвомъ: Кого же вы тутъ принимаете за дьявола? Развѣ вы не узнаете меня, своего пана и дзедича?

Стоявшіе за ксендзомъ прихожане произительно вскрикнули; а онъ, окончивъ свои закличанія, приблизился тихими шагами къ ротмистру и, увидяъ его, радостно привѣтствовалъ. Меня похваля сюда — прибавилъ ксендзъ: подстароста, котораго, молувавшись минныхъ привидѣній, просилъ, чтобы и послалъ нечистыя силы.

Слыша это, суетѣрные спутники ксендза успокоились, а одинокіе за дружию сѣвшіе съ извѣщеніями радости и любви къ своему доброму господарю.

— Эй братъ! — вскричалъ стоявшій назади Куликъ. — Когда всѣ тѣнутся къ пану, то ты хочешь улѣстнуть; нѣтъ, позволю ка поговорить къ нему для расправы. — Говоря это, онъ притянулъ къ Рущицу трепещущаго подстаросту, который упалъ на колѣни и, признаваясь въ томъ, что ложные слухи о смерти ротмистра и проказы духовъ были его затѣями, со слезами умолялъ о прощеніи.

— Я съ вами послѣ раздѣляюсь! — оказалъ разгнѣванный Рущица подстаростѣ и велѣлъ держать его подъ крѣпкимъ надзоромъ.

ГЛАВА VIII.

Оставимъ героя нашего спокойно наслаждаться отдохновеніемъ послѣ перенесенныхъ трудовъ въ предпріятіяхъ разнаго рода. Теперь, мы снова возвратимся къ блистательной въ то время столдцѣ и Маріа, которую стеченіе множества различныхъ обстоятельствъ приводило въ восторгъ и изумленіе.

Уже проходила другая недѣля со времени возвращенія короля; но праздники и балы въ Краковѣ безпрестанно слѣдовали одинъ за другимъ, по очереди даваемые то дворомъ, то знатнѣйшими вельможами. Со всѣхъ концовъ Польши съѣхались обыватели и проводили время въ забавахъ, равно веселыхъ и пышныхъ. Городъ Краковъ положилъ дать въ Суконницяхъ, въ заключеніе всѣхъ торжественныхъ праздниковъ, великолѣпное шествіе, долженствующее превзойти все доселѣ бывшее.

Тысячи яркихъ огней распространяли блескъ свой въ этомъ огромномъ зданіи; необъемлемый для взоровъ длинный рядъ люстръ съ зажженными свѣчами, тянулся по комнатамъ; различные вензели и прозрачныя картины иллюминировали стѣны; а между ними развѣшены были блистающія отъ безчисленныхъ огней вооруженія: латы, щиты, шлемы и множество другихъ турецкихъ трофеевъ. Всѣ лавки испещрены были буфетами, великолѣпно и со вкусомъ расположенными, а въ нѣкоторыхъ играли прекрасная музыка. На самомъ концѣ зданія воздвигнуть былъ тронъ, увѣнчанный пылавшимъ разными цвѣтами королевскимъ вензелемъ; однимъ словомъ все, что только могъ придумать умъ или создать воображеніе, плѣняло и восхищало зрителей волшебнымъ и очаровательнымъ зрѣлищемъ.

Шумъ и крикъ раздавались передъ входомъ въ Суконницы. Любопытный народъ тѣснился со всѣхъ сторонъ, чтобы разсмотрѣть вблизи освѣщеніе переднихъ комнатъ и нарядныя платья пріѣзжающихъ гостей. Цѣлая рота легкихъ знаковъ, разставленная по улицѣ, едва была въ состояніи очистить свободное мѣсто для пріѣзда экипажей. Вдали видѣнъ былъ приближающійся и отдаляющійся свѣтъ факеловъ, которые слуги держали за поѣздами, а вблизи взоры зрителей поражались множествомъ гайдуковъ, жокеевъ и прислуги всякаго рода, одѣтой въ ливрею господъ своихъ; украшеніемъ лошадей, пышностію экипажей и дорогими платьями кавалеровъ и дамъ, приглашенныхъ на балъ.

При входѣ въ огромную залу, гостей привѣтствовала хозяйка праздника, избранная между знатнѣйшими жителями города, и краковскій войтъ, какъ глава собранія, одѣтый въ сѣрое полукафтанье и опоясанный золотымъ кушакомъ, съ саблею при боку, какъ исключительною привилегіею краковского мѣщанства. Сверхъ жупана, на немъ былъ надѣтъ легкий, черныи бархатный контушъ съ закинутыми въ тылъ, черезъ плеча, ру-

кавами, съ золотыми шнурками. Стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи за хозійками, оныя привѣтствовали каждаго гостя, и, судя по его щелочамъ, можно было распознать, мѣщанинъ, шляхтичь или вельможа вступалъ въ собраніе.

Женщины занимали мѣста на скамейкахъ по обѣимъ сторонамъ залы, начиная отъ королевскаго трона до самаго главнаго входа, оставляя только мѣсто для двора; но и тутъ жены магнатовъ и дворянъ, ихъ дочки и родственницы ближе тѣснились къ придворнымъ, а мѣщанинъ занимали низшія мѣста. Мужчины толпились посрединѣ комнаты: вельможи, военные, шляхта и простые граждане, перемѣшанные между собою;—только низкіе поклоны и почтительное оставленіе свободного прохода кому нибудь показывали, въ которую сторону знатные господа направляли шаги свои. Уже тысячи парующихъ наполняли эту обитель всеобщаго увеселенія; еще во многихъ мѣстахъ можно было видѣть дружескія привѣтствія послѣ долгой разлуки; въ какую бы сторону ни обратились, вездѣ слышны были похвалы Іоанну III. и рассказы о геройскихъ подвигахъ вѣнскаго похода. По радостнымъ лицамъ, по выразительному чистосердечію и взаимной откровенности и единодушнымъ желаніямъ, тотчасъ можно было узнать, что празднуемый день есть торжество цѣлаго народа. Не доставало только присутствія одного короля; неволью, и съ томительнымъ ожиданіемъ, взоры всѣхъ обращались ко входу въ Суковницы; каждый шумъ, каждый шорохъ, тамъ происшедшій, привлекалъ къ дверямъ толпы, не любопытныхъ, но желающихъ скорѣе насладиться зрѣніемъ возлюбленнаго короля. Никто не смѣлъ и не хотѣлъ начинать танцевъ; напрасно оркестры, возбуждали къ веселымъ пляскамъ; молодежь, всегда рѣзвая и пылкая, только прохаживалась мимо прелестныхъ дѣвицъ, прислушиваясь съ душевною тоскою и сожалѣніемъ къ мазуркамъ и краковьякамъ. Все оставалось еще въ томъ нетерпѣніи и въ томъ ожиданіи забавы, которая, какъ каждая почти надежда, болѣе общается наслажденію, чѣмъ оказывается въ послѣдствіи при исполненіи ея.

Въ это время звукъ трубъ и литавръ, повторенный по очереди всѣми оркестрами, возвѣстилъ о прибытіи королевской фамиліи. Всѣ разступились на стороны, и, лишь только король показался съ своею супругою, въ стѣнахъ зданія раздался радостный крикъ привѣтствующаго ихъ народа и тысячи шапокъ взлетѣли надъ головами пирующихъ. Іоаннъ III шелъ

на среднѣе тѣло и величественно, кланяясь на всѣ стороны, и королева съ величайшею благосклонностію старалась пригласить его на балъ. За ними слѣдовалъ принцъ Іаковъ съ теткою своею, воеводшею вилевокою, а даже опецъ и братъ Марія Казимиры съ прочими французскими кавалерами, отличавшимися отъ остальныхъ придворныхъ новоземными костюмами.

Королева убрана была въ богато платье французскаго покроя. Волосы ея, въ подражаніе прически герцогини де-Лавальеръ, спускались на плечи множествомъ локоновъ; бриллиантовая діадема, блескомъ своимъ ослаблявшая глаза зрителей, укривала чело ея; ожерелье, изъ нѣсколькихъ нитокъ драгоцѣннаго жемчуга, покрывало шею. На ней была надѣта бѣлое атласное платье, крѣпко стянутое въ талии и богато вышитое золотомъ; длинный плащъ ево носъ сзади какъ королева въ испанскомъ нарядѣ; съ боку бытъ приколотъ искусственный букетъ цвѣтовъ, изъ дорогихъ камней; на рукавѣ большіе манжеты изъ тончайшихъ брандеевскихъ кружевъ, а въ одной рукѣ чудесной работы вѣеръ изъ павлиньей кости, усвоенный бриллиантами.

Всѣ чрезвычайно были поражены, когда увидѣли, что въ день, посвященный народному торжеству, не только королева, но и принцъ Іаковъ явились во французской одеждѣ. — «Посмотрите,» — говорили многие — «малый королевичъ хочеть привести намъ на память времена Ванды! — Несравненно лучше — скажутъ кляте изъ гостей — пристала бы къ нему бурка, которую онъ носилъ въ походѣ, нежели всѣ эти разноцвѣтные ленты, развѣвующіяся на его плечахъ.

Дворъ далеко оставилъ уже за собою разговаривавшихъ; но гдѣ только ни показывался, взоры всѣхъ, исполненные восторга, невольно обращались на благородный видъ короля. По прошествіи первыхъ минутъ любопытства и должнаго уваженія, когда дворъ занялъ между гостями приличное мѣсто, начались танцы, въ которыхъ сначала принималъ участіе и самъ король съ супругою своею. Принцъ Іаковъ долгое время не раздѣлялъ удовольствія и всеобщихъ забавъ; остановясь между нѣсколькими придворными кавалерами, напротивъ танцующихъ, онъ съ любопытствомъ присматривался къ ихъ искусству, дѣлая въ слухъ различныя замѣчанія. Въ то самое время проходила мимо его, въ помѣскомъ, Марія, провождаемая докучливымъ Мондоромъ. Съ неудовольствіемъ слу-

шла она сладкорѣчивыя слова его, и даже примѣтно было, что она почти стыдилась танцовать помѣскій съ поджарымъ Французомъ.

— Впрочемъ, эта дѣвица чуть ли не прелестнѣйшая между всеми танцорками! сказалъ принцъ Юрдану, придворному конюшему, котораго онъ полюбилъ во время бивачной жизни.

— И маѣ такъ кажется, ваше высочество! отвѣчали конюшій. Однакожъ, видно, Французъ не слишкомъ ей нравится.

— Но за то онъ, съ своей стороны, весьма щедръ на услуги и комплименты, продолжалъ принцъ. Теперь даже по окончаніи танца, онъ не отходитъ отъ нея. Какъ онъ шлѣ и предупредителен!

— Обыкновенная вещь! какъ Французъ, который хочетъ отвѣтъ невѣсту у нашего храбраго и почтеннаго Рущица. А къ тому въ-добавокъ такъ еще ревнивъ, что на минуту не оставляетъ предмета своихъ надеждъ и желаній.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ принцъ. Жаль только, что королева приказала мнѣ сегодня надѣться въ это платье, а то бы я тотчасъ пошелъ танцовать, чтобы раздосадовать Мондора.

— Вашему королевскому высочеству каждое платье идетъ къ лицу, возразилъ Юрданъ: почему же вамъ не повеселиться немного? Вы только подойдите къ ней, ваше высочество, увидите сами, что будетъ съ Мондоромъ!

Принцъ послушался этого совѣта и приблизился къ Маріи. Желая освободиться отъ докучливыхъ вѣжливостей Мондора, она была по окончаніи польскаго подлѣ княгини Радзивиль.

Мондоръ въ эту самую минуту хотѣлъ снова подойти къ ней, какъ вдругъ увидѣлъ намѣренія франка Іакова. Не осмѣливаясь помѣшать ему въ начатомъ разговорѣ, онъ съ горькою досадою подошелъ къ Цлотоменту и сказалъ ему:— Теперь ты видишь, что предчувствія и опасенія мои были не напрасны: она бросила меня, чтобы сѣсть подлѣ сестры королевской, потому что тамъ надѣялась скорѣе найти случай поговорить съ принцемъ.

— Чтожь въ этомъ худого? возразилъ Цлотомонтъ.

— Ты забываешь, сказалъ Мондоръ: что здѣсь каждая дворянка считаетъ себя достойною королевича. Что жъ будетъ съ моими планами, если она вобьетъ себя въ голову подобнымъ мыслямъ.

— По моему мнѣнію, возразилъ Цлотомонтъ: принцъ не столько опасенъ, какъ тотъ ротмистръ, женихъ Маріи, которому король оказываетъ особенное расположеніе.

— Этого я не боюсь, отвѣчалъ Мондоръ: она видѣла его всего только, можетъ быть, два раза.

— А развѣ не знаешь, — продолжалъ секретарь королевы: что обрученные въ Польшѣ не прежде узнаютъ другъ друга, какъ послѣ свадьбы.

— Смотри, смотри! вскричалъ Мондоръ. Принцъ беретъ ее за руку и становится въ кругъ; онъ будетъ съ нею танцевать; взгляни какъ вѣжливо и покорно съ нею обходится, а она, какъ привлекательно улыбается; какой сладостный взоръ она бросила на него. Они безъ умолка разговариваютъ; этотъ польскій танецъ опасенъ и даже губителенъ для молодыхъ дѣвицъ; онѣ могутъ изъясняться съ кавалерами, не опасаясь, что ихъ подслушаютъ. Звукъ прелестной музыки, время и мѣсто, посвященное удовольствію, — все это разстроиваетъ воображеніе невинной дѣвушки. Если я буду отцомъ, то ни за что въ свѣтѣ не позволю дочери моей танцевать полонезъ съ молодымъ кавалеромъ!

— Если ты будешь отцомъ, то оставишь роль любовника! — возразилъ съ насмѣшливою улыбкою Цлотомонтъ. — Смотри глазами холоднаго и спокойнаго разсудка на скромную дѣвицу, ты бы не видѣлъ ничего предосудительнаго въ томъ, что ревность и зависть твои находятъ столь ужаснымъ.

По окончаніи танца, раздались звуки трубъ и литавръ; хозяйки праздника пригласили гостей сѣсть по срединѣ залы большой кругъ, въ одномъ концѣ котораго заняла назначенное мѣсто королевская фамилія, окруженная знатнѣйшими вельможами, столѣшниками, въ порядкѣ, предписанномъ придворнымъ этикетомъ. Дѣвѣнадцать дѣвушекъ города Кракова, одѣтыхъ въ бѣлыя платья, и съ розовыми вѣнками на головахъ, шли по срединѣ собранія за хозяйкою бала, неся на золотыхъ блюдахъ чаши и другіе сосуды съ прохладительными напитками и конфетами, назначенными для угощенія ихъ величествъ. Когда начала подавать ихъ королевской фамиліи, на средину залы, напротивъ королевскаго стола, выступилъ войтъ краковскій съ бокаломъ вина и провозгласилъ королевское здоровье. — Тысячи восклицаній раздались въ стѣнахъ и заглушили хоры музыки, въ продолженіе этого тоста игравшей во всѣхъ комнатахъ. Спусти немного,

маршалъ великій коронный подавъ рукою знакъ, чтобы всё умолкло; Іоаннъ Собіескій всталъ съ своего мѣста, взялъ отъ великаго подчашаго полный бокалъ вина и сказалъ громкимъ голосомъ, что пьеть за здоровье всего собранія. Крики радости съ восторгомъ повторились всѣми присутствующими, долго отражаясь во всѣхъ комнатахъ огромнаго зданія, и по-немногу сдѣлалась наконецъ въ: одинъ отголосокъ всеобщаго шума. Наконецъ подавъ знакъ къ ужину. Дамы заняли мѣста у столовъ между сводами, а мужчины тѣснились передъ буфетами и за дамскими креслами. Вездѣ слышны были предлагаемые различныя тосты, и въ кучахъ, столпившихся передъ буфетами, безпрестанно подымались бокалы и шапки. Звуки веселой музыки и живые разговоры тысячи пирующихъ, производили оглушительный шумъ, въ которомъ нельзя было отличить ни словъ говорящихъ, ни звуковъ музыки. Послѣ ужина король, выступивъ на средину залы, открылъ снова танцѣ польскимъ, ведя за руку свою супругу. Всѣ съ восторгомъ бросились за нимъ; длинный, необозримый рядъ танцующихъ извивался по всѣмъ комнатамъ; на каждомъ лицѣ можно было прочесть выраженіе радости и искренняго удовольствія; при всякомъ измѣненіи круга видны были тысячи рукъ, закидывающихъ на плечи рукава отъ контушей и перекладывающихъ фуражки и шляпы изъ-подъ одной руки подъ другую. Самъ Іоаннъ III, наружною и приемами, отличаясь между всѣми гостями, веселостію своею увеличивалъ восхищеніе и непринужденность всѣхъ принимавшихъ участіе въ этомъ празднествѣ. Провода королеву, онъ, послѣ первой фигуры, взялъ хозяйку бала, а потомъ танцевалъ по-очередѣ съ прочими знатнѣйшими дамами.

Наконецъ король, королева и принцъ Іаковъ петихоньку вышли изъ собранія, стараясь, чтобы никто не могъ того замѣтить, и оставляя большую часть двора своего веселиться: рѣзвая молодежь не замедлила въ минуту этимъ воспользоваться.

Мондоръ отдохнувъ, видя удаляющагося принца Іакова, и тотчасъ подошелъ къ Маріи, которая, въ обществѣ другихъ придворныхъ дамъ, отдыхала послѣ танцевъ. Живѣйшая радость изображалась на ея лицѣ, и она весело шутила съ сидящими подлѣ ея дѣвицами. Мондоръ сдѣлался предметомъ мнзлыхъ ея шутокъ; она то прискивала для него между притомни паннами достойную цѣль любовныхъ проговоровъ, то искусно отклоняла отъ себя нѣжныя и чувствительныя выраженія, на изобрѣтеніе

которыхъ Моддоръ истощалъ все свое красноречіе. Въ самомъ же дѣлѣ, хотя Марія не подавала ему никакой утѣшительной надежды, но онъ былъ и тѣмъ уже счастливъ, что нашелъ случай долге разговаривать съ владычицею сердца своего, пикая себя ложнымъ упованіемъ, что можетъ быть нѣкогда и для него настанетъ желанная минута блаженства.

Въ это время французскіе кавалеры притоптывались къ своему національному танцу. Ведя съ собою придворныхъ дѣтокъ, они становились уже въ нѣсколько круговъ, и счастливый Моддоръ, стоя подлѣ Маріи, заранѣе восхищался возможностью prolongировать время сладостнаго разговора. Уже слышаны были обыкновенныя, передъ началомъ французской вальсы, поклоны; музыка начинала уже наигрывать чужденныя мелодіи... вдругъ вовсе неожиданно снова вошелъ въ залу принцъ Іаковъ и пригласилъ Марію танцовать съ нимъ.

Когда окончился этотъ народный танецъ, въ которомъ принцъ предался радости и восхищенію, возбужденному въ немъ всеобщимъ восторгомъ и прелестями Маріи, гофмейстерина двора приблизилась къ Моджеевской и требовала немедленнаго удаленія всѣхъ придворныхъ дѣвицъ. Не извѣстно, что было причиною столь жестокаго повелѣнія: происки ли отчаяннаго Моддора, или то, что она сама была оскорблена нанесенною ей соотечественникамъ обидою, принудившею ихъ преждевременно оставить собраніе. Принцъ, однакожъ, не согласился на столь поспѣшное удаленіе Маріи, представляя необходимость успокоиться и освѣжиться послѣ танцевъ. Онъ не оставлялъ ее ни на минуту и разговаривалъ съ нею до тѣхъ поръ, пока гофмейстерина не поднялась съ мѣста со всею своею свитою.

Не трудно представить себѣ, какъ сильно было впечатлѣніе, которое этотъ вечеръ произвелъ на пылкое воображеніе Маріи. Напрасно искала она спокойствія, возвратясь въ свое уединенное жилище; сонъ убѣгалъ отъ глазъ ея, потому что память ея слишкомъ еще была наполнена предметами, а сердце чувствами, занимавшими ее въ этотъ незабвенный день.

Цѣлую ночь разстроенное воображеніе Маріи было занято сладостными мечтами о королевичѣ, который отдалъ ей преимущество предъ всѣми дамами. Подню уже, послѣ разсвѣта, только что она заснула и обманчивыя сновидѣнія стали представлять себѣ роскошными картинами будущаго счастья, въ компанію

вбѣжала горничная дѣвушка съ веселымъ лицомъ и, разбудивъ Шарію, объявила ей радостную вѣсть, что нареченный женихъ ея ротмистръ Даміанъ Рущица пріѣхалъ во дворець.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Приближался полдень. Въ это время стоявшій на часахъ у воротъ королевскаго замка солдатъ линейной пѣхоты остановилъ входившаго дворянина словомъ: «нельзя!» Дворянинъ, рванувъ плащъ, взглянулъ сердито на часового, который, присмотрѣвъ хорошенько, сдѣлалъ шагъ въ сторону, отдалъ воинскую почестъ и сказалъ: «Панъ ротмистръ, это другое дѣло!» Рущица съ важностію поклонился солдату и съ веселымъ видомъ вошелъ въ замокъ. Онъ не имѣлъ на себѣ никакихъ отличій военнаго.

Однакожъ воинственная наружность ротмистра составляла резкую противоположность съ великолѣпною одеждою, и только необходимость явиться ко двору съ соответственной шапкою его пынностію, принудила его замѣнить этотъ уборомъ простой парадъ солдата и дворянина.

У дверей главнаго входа въ королевскіе покои, онъ былъ остановленъ гайдукомъ, объявившимъ ему, что нельзя идти далѣе безъ позволенія великаго маршала двора, для доклада которому нужно было просить дежурнаго придворнаго, обязаннаго записывать имена особъ, долженствующихъ въ этотъ день представляться королю.

Дался увоманутый дежурный и пока записывалъ имя Рущица, такъ вошелъ въ пріемную короля, гдѣ уже собралось довольно многочисленное общество. Двое Венгерцевъ стояли съ алебардами у дверей, ведущихъ въ королевскіе покои. Нѣсколько особъ различнаго званія окружали у окна какого-то человека, прислушиваясь къ его рассказамъ. У стѣны, на дав-

къ, сидѣлъ пристойно одѣтый жидъ; углубленный въ размысленія, онъ не обращалъ вниманія на происходящее вокругъ него; но движенія головы и пальцевъ показывали, что онъ занятъ былъ какими-то исчисленіями.

Войдя въ комнату, Рушчицъ остановился посредию, не зная, къ кому обратиться съ просьбою, для получения себѣ аудіенціи; придворный же сказалъ ему, чтобъ онъ явился къ маршалу двора. Окнувъ взоромъ комнату и не желая занять мѣсто на лавкѣ, подлѣ жиды, онъ обратился къ особамъ, стоявшимъ у окна, и примѣтилъ между ними пожилыхъ лѣтъ мужчину, котораго платье и неправильное произношеніе словъ изобличали въ немъ иностранца. Это былъ человекъ высокій и худощавый; его живые глаза, открытый лобъ, уста, исполненныя ласкательства, и рѣдкіе, но гладко причесанные, волосы, съ перваго взгляда показывали придворнаго, искуснаго въ скриваніи своихъ и въ разгадываніи чужихъ мыслей. Рассказывая скоро и плавно какое-то приключеніе любопытнымъ, окружавшимъ его, онъ, увидя Рушчица, устремилъ на него наблюдательные взоры, не переставая, однакожъ, говорить.

Вопиственные приемы и смѣлый взглядъ ротмистра чрезвычайно его поразили. Проницательный умъ его тотчасъ вывелъ справедливое заключеніе, что это не долженъ быть человекъ, нуждающийся въ милости. Вскорѣ любопытство иностранца возрасло до такой степени, что онъ, постепенно ослабѣвая въ прежней живости своего повѣствованія, искусно передалъ другому право возвысить голосъ и, слушая нѣсколько времени равнодушно, посматривалъ съ боку на ротмистра, занятаго все еще разговоромъ съ придворнымъ. Наконецъ ловко вывернувшись изъ толпы, онъ подошелъ къ нему и раскланялся съ полуласковымъ и покорнымъ видомъ. Изумленный этою учтивостію, Рушчицъ поклонился вѣжливо, но съ примѣтною холодностію.

По прошествіи минуты молчанія, незнакомый началъ съ нимъ разговоръ на латинскомъ языкѣ, спросивъ: «съ какимъ намѣреніемъ онъ прибылъ ко двору?»

— Я хочу видѣть Короля; отвѣчалъ Ротмистръ: потому что тоскую безъ него, хоть мы и недавно растались.

Незнакомецъ взглянулъ на ротмистра и вымѣрилъ его взорамъ съ ногъ до головы, желая, повидимому, разгадать, что бы это былъ за человекъ, съ такою самонадѣянною откровенностію говорящій о королѣ.

— «Истинно!» сказалъ съ удивленіемъ поклонясь чужеземцу: и называлось «Вотю». Садный мое отечество, и императорско-австрійскій дворъ есть то благотельнее: садце, подѣ которымъ вросло и возрастаетъ древо моего снаскія.

Въ это время отворились двери изъ королевскихъ комнатъ; всѣ засуетились и отскочили въ стороны, а Вотя, не ожидая, что ему будетъ говорить ротмистръ, съ быстротою отодвинулся отъ него прочь, чтобы занять ближайшее мѣсто у дверей! Вышелъ жидъ Ионашъ, лекарь королевскій, а за нимъ придворный, который, затворивъ двери, остался при нихъ. Ионашъ подошелъ къ Еврею, сидѣвшему на скамейкѣ; переговоривъ съ нимъ что-то потихоньку, онъ, уходя, указалъ на двери королевскихъ покоевъ, въ которыхъ жидъ, унизменно пробираясь между всѣми, вошелъ наконецъ и былъ впущенъ придворнымъ въ слѣдующіе покои.

Вотя побѣждалъ въ слѣдъ за отдаленнымъ Ионашемъ; продолжавшись съ нимъ ласково, онъ задержалъ его въ дверяхъ множествомъ вопросовъ о состоянии здоровья и о расположеніи духа короля.

Послѣ долгаго ожиданія, вышелъ наконецъ придворный и объявлять, что Его Величество не будетъ принимать сегодня по причинѣ важныхъ занятій; впрочемъ, если кто изъ присутствующихъ хочетъ непременно видѣть короля, то можетъ остаться, потому что Его Величество будетъ вскорѣ проходить въ покои королевы.

Ручица нахмурилъ брови и хотѣлъ уже удалиться, опроченный отъ отказомъ, но вспомнивъ о своемъ возлюбленномъ монархѣ и вообразивъ, что самъ добровольно лишаетъ себя счастья видѣть его, невольно остановился въ концѣ комнаты; увидѣвъ, что двери изъ королевскихъ покоевъ отворяются, онъ подошелъ и сталъ подѣ нихъ. Радостная улыбка появилась на его устахъ, а двери заблистали выраженіемъ душевнаго участія, обратились въ ту сторону, откуда долженъ былъ проходить король. Онъ не видѣлъ ни пажей, ни камергеровъ, ни маршала двора, которые мелькали мимо его, предшествуя королю; но когда издали примѣтилъ его самого, то подвинулся нѣсколько впередъ, поднявъ голову, разглядилъ усы и, забросавъ на плечи вылеты отъ контуша, правую руку оперелъ на саблю, а лѣвую засунулъ за кушакъ, и съ восторгомъ слѣдилъ каждое движеніе короля. Послѣдній прошелъ не-

редъ обратившимся къ дружной компаніи, особенно предвѣщающимъ, какъ знаменамъ, такъ и тайными д. дворца. Истинно, тѣмъ же больше ожедаль; и старался получить, милострой.

Норендизисъ съ Ватого, оны, умихнуло, и дождасть, ему, почитавшимся, добраро: утре; но, вступитъ, смѣло, исполненныя душевной радости. взоры Рущична, оны, вѣдъ, остано- вляю.

— А! в тѣхъ здѣсь, ретимистр! — сказала оны.

— Здравствуй, другъ мой; но, прииди ли ты, просить меня о чемъ?

— Вероятно, вѣрный государь! — сказала Рущична, выступивъ смѣло впередъ тѣмъ, которые заедали ему Леандо: — вѣдъ, вѣдъ, честно, вѣдъ, мнѣ лжисся къ себѣ, въ случаѣ, если я буду нуждаться въ: вашей: высокой: милости; на этой, прииди, в смѣло и съ откровенностію прибѣгаю къ вамъ; къ вамъ, не смотря на то, что, мнѣ не: дозволено: предтечь, предъ: лицо: ваше.

— Довольнаюсь я, чего ты желаешь, — сказала король. — Вижу, что ты, одинаково рѣшительна, какъ въ: сраженіи, такъ и въ: любви. Мы поговоримъ съ тобою объ этомъ, въ: свободное: время.

Рущична достала изъ-за пазухи бумагу и, сдѣлавъ, доложилъ ее королю: — Ваши величество, это, исключительное: лицо, оны, лжи: и: опешуна, вѣдъ, Марія: Молдесседей. Чубы: вѣдъ, брѣ: лѣ: надежды: на: милостивое: прощаніе: грѣсбы: амергерра, брѣ: вѣрный: слуга: вашего: величества, осмѣливаюсь, дружить, съ: вами.

Франтъ, взявъ, ласково: письмо: и: прибавилъ: — Ретимистр, можешь быть увѣренъ въ: моемъ: расположеніи. Завтра, въ: эту: самую: пору, приводе: я: сюда, въ: то: время: получишь: желанный: отвѣтъ.

Едва король успѣлъ удалиться, все окружилъ Рущична: и: удивляясь, что, не смотря на объявленіе, король: выслушавъ: его: только: одного. Теперь: смотрѣли: уже: на: ретимистра: съ: какимъ-то: почтительнымъ: уваженіемъ, которого: не: оказывали: ему: прежде, считая: его, какъ: неизвѣстнаго: челоука: несомнѣнно: ющимъ: вниманія. Лицо: хитраго: Итальянца: прелесило, какъ: солнце: послѣ: тумана. Оны: подошелъ: къ: Рущичну, и: измѣривъ: его: съ: особенно: ласковымъ: приемомъ, и: утѣшался: тѣмъ, что: по: крайней: мѣрѣ: могъ: отчасти: раздѣлить: съ: нимъ: въ: этотъ: день: милость: короля, потому: что: наравнѣ: съ: нимъ: былъ: осча- стливленъ: нѣсколькими: словами.

Давидом Пушкиным, а в женском кабинете, принадлежавшем к ротмистру, находился также и Цлотемонтъ. Давидъ шел съ своимъ невольничанцемъ, в особенности же Мендору, и былъ встреченъ его женою въ постель: Бардухи свободно такъ много дала ему службы, Мендору оставила место вчерашнего бала.

— Ты спишь, любезнѣйшій, — вскричала Цлотемонтъ, введя въ комнату: а неурядитель побѣдоносно, какъ бы уснулъ, на трюмнѣ (на прилавкѣ).

— Что такое? — спросилъ испуганный Мендору, впадши въ прелесть. — Ну, каково, прелесть.

— Было прелесть, а прелесть, какъ и прежде, — отвѣтила Цлотемонтъ: но теперь опасный, какъ только представитъ себя мендору.

— Какъ же, эта такая? — сказалъ испуганно своей жене Мендору.

— Я не знаю ни о комъ, ни о чемъ, — отвѣтила, — что это должно быть тотъ самый женихъ твоей возлюбленной, о которомъ ты мнѣ говорила прежде, описывая его, стараясь во всемъ, любовницею, вслѣдствіе прелесть, человекъ, не отличающійся отъ того, что знаешь: но я, какъ и прежде, совершенно вѣрившее твоему описанію.

— Было видно? — отвѣтила Мендору, вѣдая. — Было же для тѣхъ, кто такъ прелесть, мой сонъ? Развѣ онъ прелесть, какъ и прежде?

— Я былъ въ то самое время въ приемной королевской, когда вошелъ туда человекъ высокаго роста, прекрасно сложенный, не избѣженный и смазливый волокососъ, но видный мужчина, котораго сила и благородная наружность невольно возбуждаетъ почтенье во всякомъ и легко можетъ нравиться женщинамъ. Я узналъ его потому, что онъ въ разговорѣ съ королевою навывалъ фамилію Модржеевской. Но хуже всего то, что онъ, кажется, въ большой милости у короля, который его одного удостоилъ выслушать, обещавъ дать ему завтра благопріятный сонъ.

Теперь только Мендору вскочилъ съ постели и расправлялъ, съ безпокойствомъ, о всѣхъ подробностяхъ пріема.

При видѣ угрожающей опасности, онъ просилъ совѣта у своего друга. Обстоятельства были, однакожъ, довольно затруднительны и времени оставалось немного: невозможно было прибѣгнуть вдругъ къ покровительству отца королевы, потому что къ нему не слишкомъ легко можно было приступить; но между тѣмъ крайность заставляла отыскать кого-либо, могущаго

зависо, притупивъ къ исполненію поданнаго Цезаремонтонъ со-
дѣла, и думать, хорошо распорядиться откровенно, сдѣланною
королемъ въ исполненіи просьбы Рушчица.

На другой день, по-утру, когда Рушчицъ явился во дворецъ,
король уведомилъ его, что королева, желая оказать ему и Ма-
риѣ свое расположеніе, просила, чтобъ онъ былъ представленъ
ей лично. Въ слѣдствіи чего, король повелъ его съ собою въ
комнаты королевы. Тамъ они нашли Марию, гошмейстерину дѣв-
ра и брата королевы, которая, увидя Рушчица, сказала ему съ
привѣтливою улыбкою: «Намъ весьма пріятно узнать ближе
храбраго и вѣрнаго королевскаго слугу; о которомъ насъ слыша-
ли уже мы прежде столь много хорошаго.»

Ротмистръ поклонился съ глубокимъ почтеніемъ и сбѣгался
уже отвѣчать на милостивыя слова королевы; но, взглянувъ
печально въ сторону и примѣтя Марию, украшенную всѣми пре-
дѣлами молодости и великолѣпнѣмъ придворной одежды, забылъ
и обязанность и приличіе. Не находя словъ къ выраженію
прежнихъ своихъ мыслей, онъ невольно обратился къ своей не-
вѣстѣ и съ чувствомъ, поклонивъ ей прежде, нежели другимъ
бывшимъ тамъ особамъ. Это еще болѣе увеличало замѣтимаго
сства Маріи, пріакнутой тягостнымъ для нея воспоминаніемъ,
особенно, когда она увидѣла худо скрываемую наемѣтлливую
улыбку брата королевы и госпожи Фел'Ербъ. Королева, однака-
же, умѣла доказать, будто не замѣчаетъ этого, и, предупре-
ждая смущеніе ротмистра, продолжала, обращаясь къ нему:

— Я слышала, вачъ ротмистръ, что вы желаете ускорить
время вступленія въ бракъ съ дѣвицею Модржеевскою. Не
удивляюсь вашему вѣтеранствію, потому что умѣю вполне оце-
нить рѣдкія качества вашей невѣсты; но это самое и застав-
ляетъ меня сожалѣть, что я принуждена буду расстаться съ
особою, которой желала бы явить доказательство истинно мате-
ринской вѣжности.

— Всемилостивѣйшая государыня!—отвѣчалъ Рушчицъ: я ви-
чего здѣсь не требую, но только прислать сюда опекунами пан-
ны Модржеевской объявленіе ихъ желанія, и, пользуясь этимъ
случаемъ, если дозволятъ—прибавилъ онъ, обращаясь къ Маріи—
доверенду къ догамъ вашимъ, панн, мор, всегдашнее уваже-
ніе, мою привязанность и мою надежду.

— Когда такъ прерывалъ король, то думая на панна, съра-
объявилъ чистосердечно мысли свои.

— Однакож, — возразил король: позволите ли вам сказать мое желание. Я не желаю тѣмъ никакой близости ни на пана ротмистра, ни на панну Мокришевскую, и не требую съ ихъ стороны никакой пожертвованія. Я не ощущаю себя нисколько, что панна Марія понемногу дождь своей и съ охотой согласится ошастлявить своею рукою столь хитрого и заслуженнаго человека, какъ панъ ротмистръ; но развѣ уже такъ необходимо поощрять свадьбою, и неужели можно отложить ее на нѣкоторое время? Небѣста еще не достигла совершеннѣйшаго возраста и могла бы многое приобрести, оставаясь дѣло при дворѣ; кромѣ того, мнѣ самой было бы весьма приятно чаще изливать на нее доказательства особеннаго нашего благоволенія и нѣкоторымъ образомъ отплачивать дочери за услуги родителя, оказанныя королю. Впрочемъ, это только мое собственное желаніе, и я предлагаю его господину ротмистру, въ особенности прошу тебя, моя милая Марія, сказать мнѣ чисто-сердечно свое мнѣніе, а я обещаюсь не противиться ему.

Кто знаетъ, что бы отвѣчала Марія, если бы ей отдала звать вопросъ нѣсколькими днями прежде. Но теперь, послѣ приключеній достопамятнаго вечера, она не имѣла уже сильнаго повода къ послѣднему оставленію двора. Увѣдомленная о назначеніи свиданія съ Рунцидомъ и о распоряженіи къ нему короля, она пришла въ сильное замѣшательство. Грудь ее начинала уже испытывать тягость внутренней борьбы между возрастающею страстію и чувствомъ священной для нея обязанности. Когда ее позвали къ королю, она тотчасъ дотадалась за чѣмъ, и рѣшилась немедленно, рѣшилась всею силою души, пожертвовать, впрочемъ безъ внутренней тоски, мечтами, можетъ быть, слишкомъ пылкаго воображенія, исполненію священной воли родителя.

Она предстала предъ Рунцидомъ съ виновною совѣстью. Это прибытіе ко двору разрушило сладостное умиленіе и драгоцѣннѣйшія мечты ея; удивительно ли, что печаль и смущеніе изображались сначала на ея лицѣ, и что лучъ надежды заблесталъ въ ея взорахъ, когда королева, защищая дальнѣйшее пребываніе ея у двора, требовала чисто-сердечнаго признанія. Съ пламеннымъ рунцидомъ на щекахъ, съ потупленными глазами, она отвѣчала на вопросъ королевы: что възялась совершенно^ю она благоволенію, готова исполнить всѣ ея приказанія!

— Но этого еще не довольно — сказала королева: желаніе го-

«Следствіе ретишистра должно имѣть одобреніе божіе шѣеу. Изъ этого я обращаюсь теперь къ просвѣдую вамъ, господины ретишистры, ои «привозгавши» совершенно на вашу волю, угодно ли вамъ будетъ «стасавити» вамъ на «свои» время исполненіе вашего счастья? Признаюсь откровенно, что мнѣ была бы весьма прискорбно разлучаться такъ неожиданно съ любезною Модржеевскою, столь рачительною въ исполненіи своихъ обязанностей, и которой услуги принесли бы мнѣ много удовольствія и пользы, особенно въ путешествіи, которое я намѣрева предпринять въ скорости.

Рушницъ стоялъ какъ прикованный къ одному мѣсту, поглядывая на короля, какъ бы ожидая его помощи и совѣта въ тяжелой нуждѣ; взглянулъ на Марію, но она старалась избѣгнуть встрѣчи съ его взорами, чтобъ онъ не прочелъ въ нихъ тайной радости. Наконецъ, не видя ни откуда помощи, онъ сказалъ съ величайшимъ смущеніемъ:—я привыкъ всегда исполнять монаршую волю, и потому отдаюсь совершенно милости вашего королевскаго величества, все прочее предоставляя на волю панны Подскарбянки.

— Въ такомъ случаѣ, — возразилъ король: я прикажу написать отвѣтъ оекунамъ Маріи на письмо, врученное мнѣ ретишистромъ, объявивъ имъ ваше собственное желаніе. Я чрезвычайно доволенъ, что все кончилось къ удовольствію жонха и вѣрныи; потому что послѣдній отъѣздъ панвы Модржеевской могъ бы показаться немилостію съ нашей стороны, между тѣмъ, какъ совершенно напротивъ, я и королева будемъ стараться доказать вамъ обонимъ ленивиное наше расположеніе.»

«Благодарю васъ, любезный ретишистръ!» прибавила королева. Согласиетъ и покорности вашей въ заслуживши совершенную нашу признательность. Съ материнскою заботливостію, я буду охранять вашу будущую супругу, и какъ только въ своемъ времени король отправится въ новый походъ, то, по окончаніи его, намъ будетъ весьма пріятно праздновать вмѣстѣ и торжество побѣды и вашу свадьбу.

Сказавши это, она встала съ своего мѣста и дала помощницѣ Рушницѣ понять, что ему ничего уже было ожидать болѣе. Понявъ это по всей полнотѣ, онъ оклинулся перомъ и «супруж» его «вещи» мнѣ кончатъ. Не оставивъ имъ встрѣтно «стариннаго» друга своего, придержавъ конского барана.

— Ну что скажешь хорошаго, любезный ротмистръ? спросилъ Юрданъ; увидя его: посчастливилось ли тебѣ при дворѣ?

— Какъ нельзя болѣе; отвѣчалъ Рущицкииъ: королю ласкать по обыкновенію, а королеву милостива сверхъ всякаго ожиданія.

— И такъ, когда же назначена свадьба?

Этого я еще не знаю; но панна Марія такъ похорошѣла и сдѣлалась столь прелестна, что я не видывалъ подобной красавицы.

— Долго ли пробудешь ты при дворѣ?

— И этого не знаю; однакожъ я не ожидалъ, никогда, чтобы королева могла быть столь привлекательна и сладкорѣчива. Вообрази себѣ, она просила меня, чтобы я не торопился заключеніемъ брачнаго союза; по словамъ ея, она сожалѣла разстаться съ Марією.

— Понимаю! А ты что отвѣчалъ ей?

— Гмъ! Могу ли я противаться ея желанію: во-первыхъ она королева, а во-вторыхъ—женщина.

— По этому ты согласился на все?

— Безъ всякаго сомнѣнія; отказать было не возможно!

— Какъ же ты мнѣ сказалъ, что все идетъ какъ нельзя лучше? Впрочемъ, тутъ нѣтъ еще ничего худаго, и даже, въ некоторомъ отношеніи лучше, что бракъ твой, нѣсколько отдалится. Прощай, желаю тебѣ здоровья и счастья; въ послѣдствіи поговоримъ объ этомъ пространнѣе.

Оставшись воедино, ротмистръ невольно погружился въ задумчивость. Различныя мысли тѣснились въ умѣ его. Слова Юрдана его нѣсколько встревожили но, вспоминая благовѣстіе королевы: онъ, успешный, возвратился домой.

Желая найти случай сблизиться болѣе съ Марією, для удовольствія; точно ли качества души ея столь же прекрасны; какъ наружныя прелести; онъ намѣревался отбыть на короткое время въ Краковъ; но тамъ самъ фукъ, котораго разрушеніе короля, умѣла отыскать благодатный предлогъ и средство для удаленія Рущицкииъ столицы. Король приказалъ его немедленно той самой верули-гусарской, гдѣ онъ прежде находилъ свое жилище; и отправилъ его въ вѣкъ отъ него въ Ливонъ; верулигъ ему старался слѣдъ, возможно, скорѣе поведать съ недостаточнымъ числомъ товарищей и просилъ

солдаты, и армия въ такое состояніе, чтобы при откритіи будущей польской компаніи, она могла выступить въ походъ въ полномъ комплектѣ.

ГЛАВА II.

Не далеко отъ Каменца - Подольскаго, за Днѣстромъ, возвышается на горѣ крѣпость, которой древнія стѣны и башни отражаются въ струяхъ тихаго ручья, обтекающаго гору. За широкимъ потокомъ возносятся со всѣхъ сторонъ господствующія надъ укрѣпленіями высоты, на которыя жители крѣпости и защитники ея до тѣхъ поръ смотрятъ только равнодушно, пока орудія неприятельскія не покажутся на ихъ вершинахъ.

Наступила другая весна послѣ достопамятнаго вѣнскаго похода, но двурогая луна все еще владычествовала надъ Лѣвовскимъ замкомъ. Спокойно подплывали подъ самыя стѣны его лодки, нагруженныя съѣзными припасами; по горамъ паслись мирныя стада; окрестные жители безъ страха подходили къ замку, и только во время ночи слышенъ былъ голосъ часовыхъ, которые съ окрестныхъ горъ стерегли безопасность крѣпости, и эхо спокойной долины разносило по скаламъ и древнимъ стѣнамъ отголоски воинскихъ кликовъ.

Но когда поля и горы покрылись страшною и губительнѣйшею травою, пастухи спѣшили укрыться со своими стадами; ночью тихіе струи потока изрѣдка разсѣвало смѣлое судно, нагруженное продовольствіемъ для гарнизона замка; на вершинахъ горъ, гдѣ прежде спокойно отдыхали часовые, пылали костры, означавшіе тревогу. Всѣ караулы собраны въ замокъ; ворота его заперты; на валахъ удвоена стража; и никто уже не смѣлъ приблизиться къ укрѣпленіямъ, потому что объявленная Польшею война распространила въ деревенскихъ хижинахъ ужасъ звать съ надеждою. Векорѣ показались невзрачныя и въ томъ мѣстѣ, откуда должно было разсматривать всѣ военныя движенія при осадѣ крѣпости, замѣтныя въ поляхъ разбитыя шатры, великолѣпнѣе которыхъ означало мѣстопробываніе короля. Ни одна выстрѣль со стѣнъ замка не могла достигнуть туда.

Лишь польскія войска зашли въ слабую цунату передъ замо-

неприятель, замкнувъ на ближайшей порѣ соединялись штыки съ штыками, ломаясь и ломаясь удерживались, и выстрѣлы турецкіе потрясли воздухъ только пустыми звуками, на продолговатыхъ работахъ осаждающихъ. Вездѣ толпились польскіе солдаты, и отвыкшее эхо снова вторило пѣснямъ и военнымъ сигналамъ Поляковъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ прихода осаждающей арміи, сто выстрѣловъ съ польскихъ батарей возвѣстили прибытіе короля, и ужасъ осажденных достигнулъ до послѣдней стѣны. Съ этого времени въ королевскомъ лагерѣ замѣчено было необыкновенное движеніе; но вмѣсто военного шума, въ осажденный замокъ долетали только звуки веселой музыки, напоминавшей скорѣй о забавахъ и увеселеніяхъ, нежели предвѣщающей смерть и опустошеніе. Въ самомъ дѣлѣ, лагерь польскій былъ, въ противность обыкновенія наполненъ женщинами. Королева сопровождала супруга своего въ этомъ походѣ, и окруженная многочисленнымъ дворомъ, расположилась съ придворными дамами и дѣвками въ нѣсколькихъ шатрахъ напротивъ крѣпости. Посланики иностранныхъ дворовъ прибыли вмѣстѣ съ королемъ въ лагерь. Графъ Монтекукули, присланный дворомъ испанскимъ, Валентинъ — австрійскимъ и Анжело Морозини — республикою венеціанскою, увеличивали блескъ военного мѣстопробыванія государей. Однимъ словомъ, мѣсто это, должествовавшее угрожать замку смертію и разрушеніемъ, уподоблялось болѣе веселой и блистательной колоніи.

Уже третій день проходилъ въ удовольствіяхъ и забавахъ; старые войны досадовали на бездѣйствіе и сожалѣли о времени, потерянномъ подъ столь ничтожною крѣпостцю; но всѣхъ громче слышанъ былъ голосъ Рушца, горѣшаго ветераніемъ даять доказательство своего мужества, предводительствуя отрядною недавно подъ его начальство хоругвию.

Въ долину, лежащую между двухъ скатовъ горъ, вблизи королевскихъ палатъ и безопасной отъ неприятельскихъ выстрѣловъ, назначено было расположиться его отряду. Сюда онъ могъ видѣть лучше прилежнѣе шлоести, нежели военная дѣятельность. Подъ огромной каменной скалы, возвышалось высшее будущее дерево, которое опираясь на стволъ, распускала по ней свои вѣтви.

У самого его корня лежалъ на солонѣ нашъ ротмистръ и смотрѣлъ на товарищеской хоругви, облокотившись въ дѣлѣ.

дражъ онъ свистнулъ, „разбитыя-жъ барабаны, и вы упростились“ бол-
шега, зашатавъ зуборую шпандей. Маша его встала на бочкѣ;
перуны дружны стояли оберта на снагу; сабля лежала подлѣ
сплодей дестела, а сдѣлакъ-мисюдетани въ чупчакъ, попры-
гавъ бурно, слышало ему шикъ-падшши.

Отполоска леселой-кузвыки, гдѣ-сташшо въ-пому шкъ коралев-
сого лагари, раздражати только его, невозможно замечина съ-
бою бокайствіе войска. Желая побивить слаку-звучани болѣе
манстваншица, онъ велѣлъ нирать трубачамъ свонитъ; но,
увидѣвъ вдали приближающагося всадника, подаль-знакъ пере-
стать.

— Какія новости привезъ ты мнѣ, Юрданъ?—спросилъ онъ,
узнавъ своего друга.

— Я пріѣхалъ навѣстить тебя, малый отпелыничъ, а развѣ-
долитася, почему ты убрался отсюль? Развѣ ты не слышишь,
какъ тамъ весело на горѣ? Король, принцъ и Марія, все ѣра-
шиваютъ о тебѣ.

— Если ты пріѣхалъ только за этимъ, то скажи всѣмъ, ко-
го интересуетъ забытый ротмистръ, что я помыслилъ здѣсь подѣ-
лать одно-важно, и что ты видѣлъ меня опечаленнаго шикимъ без-
стыдливъ бокайствіемъ. Такъ, скажи мнѣ, что тамъ слы-
шатъ войну звукъ бальной музыки тамъ, тѣхъ должны разди-
раться громъ орудій.

— На все будетъ время, товарищъ; мы средн забавъ вспо-
минамъ о замкѣ и возьмемъ его, рѣшительно, пріѣхавши. За-
втра король пошлетъ къ начальствующему тамъ Агъ-принцѣ-
шю сдѣлать на капитуляцію, съ условіемъ отложить приступъ
на нѣсколько часовъ, и ты можешь услышать завтра же дру-
шительнъ-тебѣ звукъ. Тотчасъ по взятіи этой крѣпости, войско
выступитъ впередъ.

— И женщины также будутъ сопровождать насъ?

— Не опасайся этого; королева со всѣмъ дворомъ возвра-
тится отсюда въ Желны или въ Яворскъ, и съ притутстві-
емъ своихъ въ обокъ не будутъ болѣе шумитъ тебя. Но если бы
сталила въ все, что тамъ дѣлается, то еще болѣе бы опечали-
лила эту женскую компанію.

— Но не могутъ притихнуть тамъ?—спросилъ ротмистръ.

— Безпреставно солдаты и вѣрныя и правдолюбъ на-
залары за твоимъ гвалѣскою. Въ-шаровани ея уловъ и прѣ-
весою, въ-шинуны; пріѣда своею-сладу; она сдѣлала на-

дямъ-то необыкновеннымъ мужествомъ. Съ восторгомъ, она прислушивается къ шумнымъ выстрѣламъ, и не можетъ представить себѣ безъ восплащенія леденостанное ужасное зрѣлище штурма; но рать изъясляла она жалкое видѣть благородное соревнованіе храбрыхъ, кто первый взойдетъ на стѣну осажденнаго замка. Она воспламеняетъ всѣхъ къ битвѣ, и вчера, въ присутствіи заграничныхъ пословъ, сказала принцу, что величайшимъ счастьемъ ея въ цѣлой жизни было бы то мгновеніе, когда во время штурма она могла своими руками сорвать изображеніе цурагой луны со стѣнъ башни.

— Ахъ, прошу тебя перестать! — вскричалъ ротмистръ, который во время этого повѣствованія подвигая нѣсколько на солонь, но вскорѣ съ лицомъ, проясненнымъ радостію, прибавилъ: Несравненная дѣвушка! въ жилахъ ея течетъ кровь ея отца. Что ни говори, а недалеко яблоко падаетъ отъ своей яблони. Ахъ! для чего, не сынъ родился у благороднаго и храбраго Модржеевскаго? То-то былъ бы воинъ!

— Все хорошо; но эти прекрасныя дѣстательства, этотъ благородный жаръ, ее отличающій, обратятся всѣмъ, что послѣдуютъ благоприятству твоимъ будущимъ видамъ. Ты не чувствуешь еще, какія могутъ встрѣтиться опасности; будь остороженъ, товарищъ, болѣе не слажу тебѣ; самъ догадывайся и выводы заключенія изъ словъ моихъ: заріеи пат — я довольно.

— Я вижу, ты снова хочешь пугать меня сигналами Французамъ, который указываетъ на Модржеевскую; но панна Марія сама должна понимать, что она не стоитъ ея; а я съ своей стороны не чувствую къ нему ничего болѣе, кромѣ проврѣнія. Впрочемъ, когда буду имѣть освободителемъ время, то поговорю съ нимъ объ этомъ и надѣюсь выбить у него изъ головы всѣ волокитства. Но теперь мнѣ некогда заниматься любовными интригами: я совершенно озабоченъ предстоящими военными дѣйствіями.

— Если хочешь, то можешь секретно еще имѣть случай уничтожить своего соперника. Видиши вдали это укрѣпленіе на возвышенномъ пригоркѣ, гдѣ расползены въ большой турецкій гарнизонъ, отрубанный отъ крѣпости. Въ лагерѣ нашемъ нѣкоторые изъ приближенныхъ короля держали вѣздъ съ даманя, кто первый изъ нихъ овладѣетъ этимъ постомъ, онъ необходимо возвратится съ турецкими знаменами полутьмою рукъ Марія леву на память, Модржевъ величайшимъ историческимъ событіемъ и фактомъ настоитъ вѣдѣть; и знаешь ли, если

и ты, рогиштръ, будешь находиться въ числѣ изгнанныхъ гряды.

— Да, мадамъ, мнѣ не нравится, отвѣчалъ Рущица, кровь моя можетъ пригодиться королю на что нибудь лучшее, нежели на то, чтобъ предать ее въ шуговскому дрястуну и въ угожденіе женщинъ. Но я приѣду посмотреть, какъ разряженный Французъ будетъ драться съ Турками.

— Сбѣгайся же проворнѣе! сказалъ придворный конюшій: тотчасъ по заходѣ солнца начнется эта трагико-комедія.

Рущица поднялся съ содомы, надѣлъ шлемъ и латы, приказалъ подать себѣ копье и, кричавивъ палашъ, сѣлъ на лихаго жеребца. Отъѣзжая вѣсть съ Иорданомъ, онъ сказалъ ему: Я остановлюсь подальше отъ лагеря, въ видѣ простаго товарища, чтобъ въ случаѣ опасности и нужды можно было разбить копье о турецкія головы.

Полною рысью они приблизились къ королевскимъ наметамъ; Иорданъ возвратился туда, давъ впередъ слово своему другу не говорить никому объ его приѣздѣ; а Рущица, въ ожиданіи развязки приключенія, остановился у подошвы горы, съ которой смѣльчаки намѣревались спуститься къ турецкому отряду, чтобъ бы, обѣхавъ его, сдѣлать печальное нападеніе.

Въ это время солнце скрывалось за стѣны турецкой крѣпости, а послѣдніе лучи его, скользя по вершинамъ башенъ, отражались на королевскихъ палаткахъ, разбитыхъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ изъ всей окрестности, освѣщая толпу людей, въ которой можно было отличить и женщинъ, довольно неосторожно собравшихся предъ лагеремъ. Совершенно темнота покрывала врагъ, чрезъ который должны были переправиться охотники, такъ что вовсе не видать было, за отдаленностію, стѣны замка, мимо которыхъ имъ следовало вѣхать этимъ врагомъ, чтобы достигнуть цѣли нападенья.

Вскорѣ явновали Рущица три всадника, богато одѣтые; впереди ихъ вѣхалъ Мондоръ, а сзади нѣсколько оруженосцевъ, долженствовавшихъ принять отъ своихъ господъ лошадей, тогда какъ они, стѣшившись, нападутъ на редутъ. Они вѣхали шибкою рысью, наблюдая молчаніе. Нѣсколько минутъ слышенъ былъ только вдали конскій топотъ и, спустя немного, всѣ скрылись во мракъ; повривавшимъ всю окрестность. Любопытствуя узнать развязку, рогиштръ неподвижно сидѣлъ на своемъ жеребцѣ, устремивъ взоръ свой на слабо еще освѣщен-

ные королевские шпоры, куда ввалились все прилежные звуки и бѣлыя женскія платья.

Другой раздаётся звукъ вѣдомыиъ восторженца шее ручнаго орудія, гудитъ восторженней-евоиъ владу сиваиу и вронителъный крикъ восторженца воевъ отиваиъ замка.

Конь ротмистра захрапѣлъ и поднялъ уши, какъ бы ожидая, скоро ли шпоры влока понудятъ его къ бѣгу.

Вслѣдъ за этимъ, мимо Рущица пронеслись одинъ за другимъ два всадника безъ шлемовъ. Они съ величайшею поспѣшностію скакали въ польскій лагерь; за ними бѣжала лошадь безъ сѣдока.

Я предвидѣлъ съ самаго начала, что это кончится чѣмъ нибудь худымъ; слыдаль про себя нашъ ротмистръ; схватилъ копьё, далъ шпоры лошади и полетѣлъ къ тому мѣсту, откуда раздались крики ужаса. Подъѣзжая къ стѣнамъ замка, онъ увидѣлъ Мондора, окруженнаго толпою Турокъ, высыпавшихъ изъ крѣпости. Сбросивъ его съ коня, они, не смотря на сопротивленіе оруженосцевъ, влекли его уже съ собою въ укрѣпленія, когда Рущицъ смѣло ударилъ на нихъ. Съ перваго раза, онъ повалилъ на землю Турка, держащаго Француза, и, выхвативъ саблю, возбудилъ мужество въ сражающихся Полякахъ, привулкъ наконецъ невѣрныхъ къ бѣгству, а самъ съ избавленнымъ и раненымъ Мондоромъ поспѣшилъ къ королевскимъ наметамъ.

Товарищи Мондора далеко опередили ихъ; спасаясь бѣгствомъ, пронизанные величайшимъ ужасомъ, они дрыскакали къ лагерю, испуская страшные вопли, какъ будто всѣмъ угрожалъ неминуемая опасность. Они пронеслись уже мимо передовой стрѣлы, но все еще бѣжали, и только тогда удержали лошадей своихъ, когда приближались къ самымъ королевскимъ шатракамъ.

Шумъ и крикъ, произведенный ими, встревожилъ почти всѣхъ стани; но въ бѣжали въ нихъ, на встрѣчу, и гайдуки съ флажками освѣтили эти толпы, гдѣ съ одной стороны, изображался величайшій испугъ, а съ другой слышны были насмѣшки и громкій хохотъ.

Двое придворныхъ, обязанные спасеніемъ быстротѣю ношей своихъ, въ первый еще разъ сражались съ несправедливыми, и тяжкое впечатлѣніе неудачнаго предпріятія столь было сильно,

что онъ спаше у насъ, дескать, на твердую землю и подождать королю, долго не могли вымолвить ни одного слова.

— Что это значить? спросилъ король, также не могши скрыти своего смѣха. — Говорите же, господа ретивцы, какъ вы такъ напавъ сюда? Гдѣ, вѣстятъ племени, в гдѣ общинамъ турецкая чина?

— Государь! отвѣчалъ одинъ изъ нихъ; мы не могли предвидѣть злоды, которая разрушила наше предпріятіе.

— Добрый солдатъ, возразилъ король, обяванъ все предвидѣть, и я почти увѣренъ быль, что колы сорокѣ ичима путемъ вы приблизитесь къ стѣнамъ крѣпости, то Турки съдѣлаютъ вылазку; потому что они могутъ видѣть все происходящее здѣсь. А что же сдѣлалось съ Мондоромъ?

— Онъ излетъ въ плѣнъ Туркамъ, печально отвѣчалъ одинъ изъ придворныхъ.

— Беднѣ, я могла предвидѣть, что это необдуманное предпріятіе окончится столь властнымъ образомъ, сказала королева, а бы многога не соглашалась дать позволеніе.

— Не беспокойся, сказалъ Машошка, о судьбѣ своего придворнаго кавалера, возразилъ король: завтра мы возвысимъ его вѣстѣ съ крѣпостью.

Вдругъ поднялся шумъ; вдали увидѣли приближающихся нѣсколькихъ всадниковъ, и когда разступилась толпа, окружавшая двухъ придворныхъ, подъѣхалъ Рущицъ съ видомъ спокойной важности, а за нимъ двое оруженосцевъ, ведущихъ въ серые нѣ лошади, на которой явля смѣль блѣдный и окровавленный Мондоръ. Сначала никто не узналъ ротмистра въ простомъ копьеносцѣ, но когда онъ слѣзъ съ лошади и, поднѣвъ забраво, смѣло подошелъ къ королю, Собіескій тотчасъ вскричалъ:

— Что я вижу? Нашъ храбрый ротмистръ! Какимъ чудомъ ты освободилъ Мондора?

— Государь! — отвѣчалъ Рущицъ: безславіе было бы для войскъ вашего королевскаго величества, если бы мы хоть одного человѣка потеряли подл атимъ дряннымъ замкомъ. Случай привелъ меня сюда, и я видѣлъ издали неопытныхъ смѣльчаконъ, подвергавшихъ самихъ себя и славу вашего королевскаго величества опасности и нареканію. Могъ ли я смотрѣть на это равнодушно и не избавить ихъ?

— Ты поступилъ похвально, Рущицъ, сказалъ король, по-

дана ему руку: и благодарил себя въ этомъ случаѣ не только отважнымъ, но и великодушнымъ.

Королева также благодарила его за спасеніе своего придворнаго, хотя на лицѣ ее приметно было неудовольствіе. Рущичинъ поклонился съ уваженіемъ, и въ то время, когда король пожималъ его руку, изъ среды женщинъ выступила Марія и сказала:

— Ваше величество! въ присутствіи вашемъ были заключены договоры, по которому я обязывалась вручить побѣдителя скромную награду. Извольте рѣшить, ваше величество, кому я должна отдать ее?

Король посмотрѣлъ на нее съ улыбкою. — Пусть сердце ваше, пани, сказалъ онъ, будетъ въ этомъ случаѣ судьбою.

— Если такъ угодно вашему величеству — отвѣчала Марія, и она приблизилась къ Рущичину и подала ему голубую ленту. — Панъ ротмистръ! — прибавила дѣвушка съ скромною застѣнчивостію: примите изъ рукъ моихъ этотъ подарокъ, въ награду храбрѣйшему, и если, можетъ быть, въ глазахъ вашихъ немного значить похвала женщины, вспомните близкожь, что я люблю сердце, умѣющее высоко цѣнить прекрасныя подвиги.

Неустрашимый ротмистръ дрожащею рукою взялъ дамскую ленту. Первый разъ въ жизни, слился въ сердцѣ его утѣшеніе совѣсти, съ сладостнымъ удовольствіемъ видѣть привязанность той, которая нѣкогда должна раздѣлять судьбу его. Въ смущеніи онъ не зналъ, какъ благодарить Марію; но когда почувствовалъ сердечное пожатіе руки, вручавшей ему ленту, въ груди его вспыхнулъ пламень, поблѣднвшій врожденную застѣнчивость; онъ схватилъ руку милой дѣвушки и съ восторгомъ поцѣловалъ ее.

Марія искренно раздѣляла чувствительность ротмистра и забыла на минуту всѣ страсти, волновавшія часто ея сердце. Королева видѣла торжество Маріи и, желая прекратить сцену всеобщаго восторга, которую называла неузнанною, сказала, обращаясь къ Маріи, съ приметною колкостью:

— Миѣ кажется, панна Марія, вы должны бы вспомнить и о несчастномъ раненомъ, который страданіями своими отчасти одолженъ вашему мужеству. Прикажете позвать моего доктора и имѣть за больнымъ бдительный присмотръ. Вы и сами могли бы оказать ему пособіе, потому что во время войны стараніе

облегчить участь раненыхъ принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ и священнѣйшимъ обязанностямъ женщинъ.

Марія почувствовала всю несправедливость этого упрека, и съ пламеннымъ румянцемъ на лицѣ, со слезами на глазахъ, пошла исполнять приказаніе королевы. Нѣсколько времени Русчицъ стоялъ погруженный въ размышленіе, мрачно смотря въ слѣдъ за удаляющеюся Марією; наконецъ, пришелъ въ себя изъ глубокой задумчивости, быстро обратился къ королю.

— Вашему Величеству ничего больше не угодно приказать мнѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; отвѣчалъ король: ступай отдыхать, другъ мой; завтра мы возьмемъ замокъ и пойдемъ далѣе.

Солнце подымалось изъ-за горы, когда громъ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ разбудилъ Русчица, не принадлежавшаго къ числу тѣхъ, кому назначено было дѣйствовать при взятіи Язловецкаго замка. Онъ вскочилъ при первомъ выстрѣлѣ, услышавъ знакомый отголосокъ милого звука, пробудившій въ груди его невольную жажду славы и битвы; но вспомнивъ, что этотъ звукъ не былъ для него сигналомъ къ сраженію, онъ обратилъ сначала взоры свои на королевскіе наметы. Горестныя, но вмѣстѣ и сладостныя воспоминанія овладѣли его душою; онъ задумался немного, но вдругъ схватилъ лежавшую подлѣ саблю и сказалъ съ выраженіемъ гнѣва:

— «Иорданъ! Иорданъ! въ какую страшную борьбу вовлечь ты меня!»

ГЛАВА III.

Пушечные выстрѣлы, рясѣявшіе ночныя грѣзы нашего рота-мистра возбуждали взятіе Язловецкаго замка. Начальствующій въ немъ Ага на сдѣланное королемъ предложеніе покориться, сказалъ, что тогда только дастъ рѣшительный отвѣтъ, когда услышитъ громъ польскихъ орудій. Въ слѣдствіе этой странной просьбы сдѣланъ заливъ съ батареи, постановленной противъ самаго замка и командующей всѣми укрѣпленіями; послѣ этого Турки тотчасъ подняли бѣлый флагъ въ знакъ покорности своей королю.

Предчувствуя какая судьба ожидаетъ его въ отечествѣ, Ага добровольно отдался въ плѣнъ Полякамъ; приведенный въ королевскій лагерь, онъ изумился, увидя столько дамъ, и замалкалъ, воображивъ, что побѣжденъ женскимъ войскомъ. Королева сжалась надъ его участію и взяла его съ собою въ Польшу, доставивъ ему свободный и пріятный образъ жизни въ одномъ изъ королевскихъ замковъ.

На другой день по взятіи Язловецкой крѣпости, лагерь былъ снятъ, войско тронулось въ дальнѣйшій путь, а королева, противившись съ достойнымъ супругомъ своимъ, возвратилась съ дѣльмъ дворомъ въ Жолковскій замокъ.

Едва только извѣстіе объ ея прибытіи разнеслось въ окрестности, тетка Марія, тосковавшая все время по своей воспитанницѣ, пріѣхала въ Жолковъ, и, съ позволенія королевы, взяла племянницу на нѣсколько времени съ собою домой.

Съ искреннею радостію, Марія приближалась къ дому камергера, но душевное безпокойство отравляло то удовольствіе, которое ожидало ее въ домашнемъ счастіи, въ объятіяхъ любимой тѣтки. Какъ различны были настоящіе ея чувства отъ тѣхъ, съ которыми нѣкогда она оставляла это мирное убѣжище! Въ то время, не зная еще могущества красоты своей, въ первый разъ являясь въ свѣтъ изъ мирной жизни, проведенной въ исполненіи кроткихъ домашнихъ добродѣтелей, она страшилась выступить посреди незнакомыхъ людей, не довѣряя самой себѣ, будетъ ли въ состояніи заслужить, по крайней мѣрѣ, снисхожденіе къ своимъ слабостямъ. Теперь возвращалась упоенная счастіемъ, успѣхами при дворѣ и похвалами, сыпавшимися на нее со всѣхъ сторонъ, пріученная къ ласкательству тѣхъ самыхъ особъ, отъ которыхъ сначала едва осмѣливалась надѣяться ободрѣнія. Прежде она выѣзжала изъ дому съ печальнымъ предчувствіемъ, что будетъ лишена утѣшенія дружбы, а теперь возвращалась съ увѣренностію, что оставила при дворѣ множество вождыхателей, и съ привлекательномъ мыслию, что въ оубѣ королевскомъ возбуждала нѣжнѣйшія чувства любви. Нѣкогда родительская деревня была для нея цѣлымъ свѣтомъ, желанія ея не простирались далѣе этой границы; но теперь никто уже не останавливало никакого воображенія мечтательницы; свидѣніемъ неслыханна она вознеслась до высочайшаго предѣла женской славы и могущества. Но за то какъ одинокою была

она въ то время, какъ свободна отъ всякъхъ упрямствъ совѣсти; а теперь, въ поминутной борьбѣ съ собою, въ безпрестанномъ смущеніи и страхѣ, чтобы кто-нибудь не отгадалъ тайны сердца ея, была ли она счастливѣе?

Когда Марія вошла въ домъ, горестныя мысли ея разсѣялись отъ чистосердечнаго привѣтствія камергера и непритворной радости домашнихъ. Со слезами на глазахъ она принимала всѣ поздравленія, и похвалы простыхъ людей ея прелестямъ, восторга сладостнѣе звучали въ ушихъ ея, нежели изысканныя комплименты и ласкательства, слышанныя ею при дворѣ.

Наконецъ освободившись отъ извращеній всякъхъ законовъ въ библїи, она слышала вѣстать любимаго нѣкогда мѣста, желая найти въ нихъ воспоминанія прежней свободы и удовольствія. Вечера въ августѣ особенно прелестны своею свѣжестью и прохладою; солнце уже закатилось, наступила минута, отдающая ласку дня отъ сумерекъ вечера, въ которую вся природа приближается къ ночному успокоенію. Утомленная дневнымъ жаромъ, растѣнія оживались подъ благотворными каплями росы и свѣжесть воздуха, подобно дыханію обожаемой любовницы, наполняла ее сладостію.

Когда Марія удалилась нѣсколько отъ дому и, пробѣжавъ большое пространство сада, отутылась въ мѣстѣ, гдѣ не тревожатъ ее ни одинъ звукъ человеческого голоса, она невольно остановилась, какъ бы наумленная новымъ для нея впечатлѣніемъ, вѣстому-что давно уже не наслаждалась прелестію спокойной природы. Преступникъ, отягченный виною совѣстію, трепещетъ уединенія ночи, вѣстому-что свершенное злодѣаніе, дѣлалась воображенію, какъ страшный призракъ, всюду преслѣдуетъ его, отнимая всякое спокойствіе и отраду; впечатлѣнія дѣльныя не доступны его чувствамъ; его не тревожатъ образъ тишины и блаженства, за то и не возбуждаютъ порестныхъ чувствъ. Но душа, незнакомая съ тяжестью угрызѣній, которая можетъ упрямить себя только въ нарушеніи дѣлать обвиненъ или въ несправедливости къ истинной заслугѣ, — душа, преданная внутренней борьбѣ чувствъ и умасляема побѣдою страсти надъ разумомъ, эта душа, чувствительная и живая, по малѣйшему побужденію, входитъ въ неопредѣленіе собственнакъ дѣйствій и притеряиваетъ повеленія женныя упрямъ отмерзлой совѣсти. Всякое уединеніе, каждаго удаленіе отъ свѣтлаго шума, зрѣлище тихой и спокой-

ной природы: все производить въ ней ту раздражительность воображенія и чувствительности, которая самой ничтожной виной придаетъ видъ преступленія.

Въ такомъ положеніи находилась Марія. Прелесть тихаго вечера и благоухающаго воздуха восхищали ее; она готова была предаться всей пріятности этихъ впечатлѣній, но какое-то неопытное внутреннее чувство отравляло ея спокойствіе и не дозволяло ей насладиться восторгомъ той минуты, которую возвращеніе въ родительскій домъ и красота природы дѣлали столь привлекательною. Печально посмотрѣла она вокругъ себя, встрѣчая вездѣ воспоминанія протекшей юности: здѣсь былъ садикъ, который нѣкогда обдѣлывала она собственною рукою; тамъ розовый кустъ, посаженный ею, покрылся увядшими листьями; вдали извивалась между высокою травою тропинка, по которой она ходила часто въ деревню, когда страдальцы или бѣдняки нуждались въ ея помощи.

Вблизи дома лучъ вечерней зари дрожалъ на вершинѣ стараго дуба, гдѣ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ нею отецъ, передъ отъѣздомъ въ вѣнской походъ. Тамъ онъ объявилъ ей свою волю и дѣлалъ ей нѣжныя предостереженія; но она забыла ихъ и нарушила волю родителя! Не смѣя предаться подробнѣйшему разсмотрѣнію глубины чувствъ своихъ, она хотѣла развлечь себя посторонними предметами; но вскорѣ узнавши, что всѣ усилія ея напрасны, сказала съ глубокимъ вздохомъ: «Ахъ! отъ чего мнѣ не такъ хорошо здѣсь, какъ бывало прежде!»

Печальную задумчивость ея прервала выбѣжавшая изъ дому старая женщина; приблизясь къ ней, она упала Марію въ ноги и, обнимая ихъ, съ живѣйшимъ восторгомъ, вскричала:

— Ахъ моя любезная, моя милая барышня! еще ты не забыла насъ, а я думала, что уже никогда не увижу той, которую кормила и няичила. Благодарю тебя, Господи, что ты допустилъ мнѣ дожить до этой минуты и видѣть мою Машеньку большою госпожей! Да благословить тебя Господь, голубушка моя; даниспошлетъ Онъ тебѣ всякое благоденствіе!

Марія благодарила съ нѣжностію кормилицу свою за ея привязанность и благословеніе, а она, вставши, долго смотрѣла на свою барышню, любясь ея красотою; наконецъ сказала: «Ну какой принцъ откажется отъ такой невѣсты?»

Мысль эта поразила Марію; она съ болзнію оглянулась на

всѣ стороны, не слышалъ ли кто этого, какъ будто простая женщина могла проникнуть ея чувства и безразсудно объявить тайны души ея. Простившись съ нею, она возвратилась домой и старалась наружною веселостію укрыть происходившее внутри сердца. Но Марія слишкомъ еще не опытна была во всѣхъ условіяхъ коварства, чтобъ ей удалась эта хитрость. Стараясь каждый разъ улыбаться, отвѣчая на дѣлаемые ей вопросы, несколько задумывалась, если прямо не относились къ ней. Лицо ея исполнено было выраженія кротости и миловидности; но взоры часто облекались туманомъ горести, и она опускала ихъ съ хододностію въ землю или устремляла на свои руки, занятыя перебраваніемъ каемокъ платка.

Камергеръ ходилъ по комнатѣ скорыми шагами, всматривался ей въ глаза и, подойдя къ женѣ своей, говорилъ одинъ разъ: «Машенька наша тоскуетъ;» въ другой разъ: «у ней есть что-нибудь на сердцѣ, вѣрно ее тамъ огорчили, ужъ я знаю это.»

Нѣжная тетка не спускала съ ней глазъ и безпрестанно спрашивала, не больна ли она? отъ чего такъ печальна и о чемъ такъ часто задумывается. Приятная улыбка в пустыя отговорки были всегдашнимъ отвѣтомъ Маріи; но вида, что этимъ не успокоитъ заботливости друзей, она сказала, что у ней болитъ голова, послѣ тяжелой дороги, чтобъ подъ этимъ предлогомъ уйти прежде въ свою комнату.

На другой день, рано поутру, камергерша, безпокоясь о ея здоровьѣ, пришла къ ней, думая застать племянницу еще спящею; но, къ изумленію своему, увидѣла ее на колѣняхъ предъ отцовскимъ портретомъ. Ея черные волосы падали локонами на утреннее бѣлое платье; бѣлызна тѣла была еще разительнѣе въ сравненіи со щеками, покрытыми пламеннымъ румянцомъ; взоры ея были спокойны, но, съ выраженіемъ умоляющей кротости, устремлены въ мертвое изображеніе родителя; на устахъ видна улыбка тоски и скорби, а во всемъ тѣлѣ какъ бы мучительное ожиданіе рѣшительнаго приговора.

Камергерша испугалась, взглянувъ на Марію, которая, предавшись совершенно влеченію своей чувствительности, не прежде вышла изъ глубокой задумчивости, когда тетка подошла къ ней ближе.

— Машенька! сказала а она, вжимая ее къ груди. — Ми-

дая Машенька! ты сильно разстроена, ты скрываешь что-то отъ меня.

Марія съ чувствомъ пожала ей руку и сказала съ выраженіемъ мучительной тоски. Такъ, я хотѣла скрывать все отъ васъ; но—прибавила она, указывая на портретъ отца: военныя дѣянія этого судьи, который былъ обителемъ вѣчности върастъ на поступки своей дочери; возбуждало во мнѣ увѣренность, что дальнѣйшее открытіе тайны предъ вами, любезная тѣлонамъ, заступашей для меня вѣсто его на землѣ, было бы преступленіемъ.

Здѣсь разсказала Марія извѣстныя подробности бала, даннаго въ Суковницахъ, гдѣ она въ первый разъ почувствовала въ принцу привязанность, иначе называемую любовью.

— Съ тѣхъ поръ, продолжала она: я осмѣлилась поднять глаза свои на королевскаго сына и посвятить ему то чувство, которое родитель мой предназначилъ для благороднаго и знаменитаго мужа. Съ тѣхъ поръ спокойное счастье въ домашнемъ уединеніи казалось мнѣ слишкомъ обыкновеннымъ, слишкомъ ничтожнымъ, чтобъ я могла думать о немъ; я дерзнула, увнесенная безразсуднымъ желаніемъ, простирать надежды свои слишкомъ далеко. Разсудокъ мой, прельщенный обманчивыми картинами воображенія, служившими ему непрестанною пищею, видѣлъ во всемъ только счастливую удачу и наслаженіе. Если принцъ, по обыкновенной учтивости, обращался ко мнѣ въ лестныхъ выраженіяхъ; если иногда я встрѣчала взоры его, устремленные на меня съ вѣжностію; если онъ былъ ко мнѣ болѣе внимателенъ, нежели къ другимъ: то все это я приписывала привязанности его ко мнѣ; во всемъ я видѣла признаки той страсти, которая сдѣлалась для меня только источникомъ горести.

— Но какъ объяснить то удовольствіе, съ какимъ принцъ досаждалъ всегда докучливому Мондору, разруша всѣ его намеренія и желанія. Въ станѣ нашего войска, во время осады Язловскаго замка, о которой я вамъ разсказывала вчера, онъ ужасно издѣвался надъ Французомъ и былъ причиною, что тотъ бѣдный почти невольнo подвергнулъ себя опасности, отъ которой избавилъ его нашъ почтенный Рущицъ.

— Мы отправилась втроемъ, я и двѣ другія придворныя дѣвицы королевы, на нѣсколько отдаленный отъ шатровъ пригорокъ, откуда видъ просерпанса на обширную долину, гдѣ вла-

лекъ расположена была хоругвь нашего ротмистра. Мондоръ съ нѣкоторыми другими придворными кавалерами сопровождалъ насъ, и когда, по естественному переходу мыслей къ предметамъ, находящимся передъ нашими взорами, разговоръ коснулся Рущица, онъ началъ издѣваться надъ нимъ безъ всякой причины. Французъ въ насмѣшку сталъ называть его холоднымъ и безчувственнымъ любовникомъ, который, находясь столь близко отъ своей невѣсты, ни одного разу не навѣстилъ ее даже. Въ это время вдругъ подошелъ къ намъ принцъ Яковъ и, заставъ меня въ жаркомъ спорѣ съ Мондоромъ, тотчасъ принялъ сторону мою и Рущица, и сказалъ наконецъ: «Наши дѣвочки мало обращаютъ вниманія на пустую вуаля и комментарии, подобныя вашимъ; но цѣнать высоко только геройскіе подвиги, коиъ Рущица свершилъ уже множество.»—Мондоръ отвѣчалъ, что онъ самъ въ состояніи доказать способность свою изъ всакихъ дѣламъ, если бы только встрѣтился къ тому удобный случай. Простъ этого сродилось замкдъ, и принцъ предложилъ Мондору испытать храбрость на известномъ предпріятіи, окончившемся для Француза столь ячезвымъ образомъ.

— Въ этотъ вечеръ принцъ особенно былъ ко мнѣ благосклоненъ, преслѣдуя меня тѣмъ, что я такъ искусно умѣю вдыхать воинской жаръ въ непривыкшихъ къ нему, и возобновляю рыцарской вѣкъ, въ которомъ кровь лилась за левты, и за шарфы цѣвта возлюбленной. Но когда Рущица привезъ избавленнаго имъ Мондора и, показавшись передъ нами украшенный всѣмъ величіемъ великодушнаго подвига, возбудилъ во мнѣ живѣйшій восторгъ, то принцъ удалился въ ту же минуту и скрылся между толпою зрителей. Поутру войско ушло, и я не видѣла его уже болѣе.

Марія умолкла; румянецъ застѣнчивости выступилъ на ея лицѣ, и она потупила въ землю взоры свои. Тетка не хотѣла упрекать ее по врожденной добротѣ своей, а, можетъ быть, и не желала увеличивать ея страданій.

— Благодарю тебя, Машонька, за откровенность, сказала она; перѣйдемъ мое стараніе будешь обезчлть твою горестъ. Если ти ни въ чемъ болѣе не можешь уврсамть себя, то легко возвратится спокойствіе твоей совѣсти, столь же легко и споры, какъ пролетать минутныя отрасли, возбужденныя въ тебѣ принцемъ.

— Ахъ, любезная тётенька, отвѣчала Марія: вы еще не знаете всей тяжести моей вины. Впечатлѣніе этой страсти слишкомъ глубоко врѣзалось въ моему сердцѣ, и я страшусь, чтобъ оно не принудило меня когда-нибудь къ нарушенію обѣтовъ, данныхъ ротмистру, или, что не менѣе ужасно, не отравило бы нашего семейнаго счастья. Поэтому я рѣшилась не возвращаться болѣе ко двору.

— Не возвращаться ко двору? прервала съ изумленіемъ камергерша: къ этому нѣтъ ни одной уважительной причины. Мы, какъ опекуны твои, согласились, по желанію королевы, на дальнѣйшее пребываніе твое у двора; Рущицъ обѣщался ожидать свадьбы до окончанія похода, и такъ можно ли нарушить слово, данное однажды?

— Любезная тётенька! возразила Марія: неужели вы хотите продать меня снова на страшную борьбу превозмогающей страсти съ моими обязанностями?

— Не бойся, милая Машинька, отвѣчала съ улыбкою камергерша: еще нѣтъ такой опасности для тебя при дворѣ; королевичъ теперь въ Валахія, а когда и возвратится, те вѣстѣ съ Рущицомъ. Впрочемъ, вспоминая о принцѣ Іаковѣ, не урускай изъ виду, что онъ сынъ Маріи Казимиры, которая старается найти для него партію между владѣтельными принцессами, и именно теперь хочетъ его женить на дочери вѣмецкаго императора.

Эти искреннія слова непріятно отозвались въ ушахъ Маріи, и произвели на разумъ ея тѣ же слѣдствія, какъ горькое, но спасительное лекарство, сначала возбуждающее отвращеніе, а потомъ мгновенно унимающее боль.

Камергерша поспѣшила немедленно къ своему мужу для общаго совѣта и, взявъ съ него слово хранить тайну, объявила ему слышанное ею, прибавивъ, что не желая увеличить печаль Маріи, она старалась укрывать отъ племянницы истинное свое мнѣніе, но что обстоятельство это требуетъ глубокаго размышленія, и надобно предварительно согласиться, должно ли ее отозвать ко двору.

— Безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ съ важностію подкоморій: слѣдуетъ объ этомъ подумать хорошенько. Нѣтъ ничего легче, какъ удержать Маринечку дома; но будетъ ли это деликатно и соотвѣтственно обстоятельствамъ? Это задача великой важности.

— Я болѣе всего страшусь, отвѣчала камергерша, чтобъ страданія нашей Машеньки, безъ того мучительныя, не удвоились дальнѣйшимъ пребываніемъ у двора, особливо, если любовь ея будетъ возрастать, безъ всякой взаимности.

— А я, возразилъ подкоморій: боюсь, чтобы король и королева не приняли въ худую сторону самовольнаго задержанія ея въ нашемъ домѣ. А послѣ этого, между нами, будь сказано, съ какими глазами я самъ покажусь ко двору, если она останется здѣсь? И что станется съ моиими надеждами на великое званіе кастеллана? Частыми посѣщеніями двора, различными изыскаціями и наблюденіями я, можетъ быть, и успѣю достигъ того, что дѣло приметъ благопріятный оборотъ.

— Но восуди самъ, миленькій, отвѣчала камергерша ласковымъ тономъ: должны ли мы для нашихъ личныхъ выгодъ жертвовать племянницею?

— Сохрани меня Богъ отъ подобной мысли, вскричалъ подкоморій: но, воля твоя, я не вижу тутъ опасности, по крайней мѣрѣ, до нѣкотораго времени; сама же ты говорила, что принцъ въ Валахія, и если онъ возвратится, то вмѣстѣ съ Рущицомъ. Къ этому времени можетъ пройти минутная привязанность Маріи, а тамъ въ скорости наступать супружество, и все пойдетъ, какъ нельзя лучше.

— Ну, а если королевичъ, возвратясь изъ похода, да не нашутку влюбится въ Машеньку? спросила камергерша.

— Гмъ! возразилъ подкоморій: все въ Божіей власти.

Долго еще продолжалось это совѣщаніе; а послѣдствіемъ и окончательнымъ рѣшеніемъ было то, что согласились не удерживать Маріи въ домѣ; но полагаясь совершенно на благородный образъ ея мыслей; ожидать возвращенія принца и ротмистра; тогда дѣло само собою объяснится; можно будетъ приступать къ свадьбѣ—а слѣдовательно и всякая опасность исчезнетъ.

Марія провела еще нѣсколько времени въ домѣ своего дяди, принужденная сдѣлать множество посѣщеній, вездѣ осыпаемая похвалами и просьбами всякаго рода, равно для ней непріятными. Ничто не могло возвратить ей прежней веселости, и домашніе, сожалѣя о томъ, говорили, что ихъ барышня похорошѣла, но за то сдѣлалась спѣсивѣе; проныцательнѣйшіе только угадывали, что у ней есть кручина на сердцѣ.

Возвращеніе ко двору привело ей на память непріятныя мину-

такого первого представления Жолковъ отказался для ней неспособный мѣстою; она же никогда не имѣла никакихъ драгоценныхъ воспоминаній. Въ этомъ замкѣ она не видѣла ни разу ни короля, ни принца.

Тесноту тамъ теперь тѣ же самыя особы, къ которымъ не лежало у ней сердце съ самаго начала: совершенно охладѣвшая къ ней королева, тайно преслѣдующая ее госножа Фр д'Ербъ и докучливый своею неотвязною любовію Мондоръ. Все, чѣмъ восхищалась душа ея, что согрѣвало сердце сладостнымъ чувствомъ, было заключено въ воспоминаніяхъ о Краковѣ и Язловецкомъ замкѣ, но все это оставляло неизгладимыя слѣды въ воображеніи, какъ милый сонъ, о которомъ тошуетъ пробужденный; тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ сильнѣе было горестное впечатлѣніе.

ГЛАВА IV.

Послѣ продолжительной и несчастной званецкой компаніи, съ утомленнымъ войскомъ король Іоаннъ возвратился въ отечество; но ему не предшествовала уже слава одержанныхъ побѣдъ, какъ нѣкогда по окончаніи вѣнскаго похода. Зиму дворъ провелъ въ Жолковѣ, а въ февралѣ мѣсяцѣ переѣхалъ въ Виллановъ.

Рущицъ, оставя войско, отправился въ свое имѣніе. Въ продолженіи войны король возвысилъ его на степень бригадира. Приѣхавъ чрезъ нѣсколько времени ко двору, по случаю будущаго сейма, ротмистръ узналъ, что всѣ готовились къ большой охотѣ на лѣвомъ берегу Вислы, въ лѣсу, находящемся въ пяти миляхъ отъ Варшавы, по направленію къ Сохачеву. Іорданъ уговорилъ своего друга ѣхать туда, вмѣстѣ съ прочими, безъ отлагательства, потому что тамъ онъ могъ имѣть самый удобный случай видѣть короля и свою невѣсту, которая, по обязанностямъ придворной дѣвицы, должна была сопутствовать королевѣ въ этой забавѣ.

На обширной равнинѣ, посреди болотъ, покрытыхъ ольхою, есть песчаная возвышенность, довольно пространная, заросшая сосновымъ лѣсомъ, откуда глазъ можетъ примѣтить только двѣ извилистыя тропинки, ведущія къ бѣднымъ хижи-

кинь, не въ состояннн будучи проникнуть далѣе сквозь чащу окрестныхъ деревьевъ. Около двухъ сотъ поселеннхъ, изъ столовыхъ и вѣтвнн короли, трудннхъ надъ очисткою мѣста на этомъ пригоркѣ, гдѣ должны были помѣщаться палатки и шалаши для королевскаго двора, для кухни и для придворной челяди. Цѣлые три дня слышались только удары топоровъ и трескъ вырубастыхъ сосенъ, можжевнхъ въ паденнн своихъ окружающнхъ ихъ молодыхъ деревьевъ. Въ ближайшихъ лѣсахъ раздавалось эхотныхъ ударовъ, смѣшанныхъ съ крикомъ охотниковъ и смотрителей надъ работами, иногда подобно отдаленному грому внстрѣловъ, иногда подобно глухимъ звукамъ человѣческихъ голосовъ. Не прошло трехъ дней и видъ цѣлой окрестности на нѣсколько десятннхъ вдоль и поперекъ преобразился совершенно; рушились столбтнн деревья; тамъ, гдѣ отъ незапамятныхъ временъ царствовалъ непроницаемый мракъ, свободно уже падали солнечные лучи и, отражаясь на снѣгу, придавали ему блескъ безчисленныхъ звѣздочекъ. Огромное пространство было завалено пнями и вѣтвями, между которыми желькали люди и волы, занятые перевозкою срубленныхъ деревьевъ, уравниваннмъ земли и выкапываннмъ корней. Множество огней пожирало хворостъ, собранный и сложенный большими кучами. Клубы чернаго дыма поднимались къ облакамъ; шумъ пламени, трескъ горящей коры и мелкихъ вѣтвей увеличивали всеобщую тревогу и замѣшательство, угрожая, повидимому, внстрѣленнмъ всѣмъ окрестнымъ лѣсамъ. На пятый день тишина и порядокъ начали уже водворяться. На выровненной поверхности возвышались уже строения, долженствующнхъ вмѣстнть на короткое время королевскнн дворъ и послѣ мгновенно исчезнуть. Нѣсколько десятковъ работниковъ занимались окончательною отдѣлкою огромнаго шатра, сбитаго досками и покрытаго соломю, а внутри согрѣваемаго желѣзными печами; въ немъ королевская фамлнн должна была угощать приглашенныхъ раздѣлять удовольствнне охоты. Подлѣ этой главной квартиры построено было нѣсколько другихъ бараконъ и разбито столько же палатокъ, а близъ стоявшая хижина лѣсничаго обращена въ придворную кухню.

Наканунѣ дня, назначеннаго къ охотѣ, прнѣхалъ туда король съ супругою, съ дворомъ своимъ и со всѣми участннками любимой забавы; и это мѣсто, за нѣсколько еще дней столь дикое и пустынное, преобразилось вдругъ въ многолюдную и бли-

стательную колонію. Болѣе ста саеней покрыло долину, окружающую возвышенность; вдали слышны были ржаніе коней и крики слугъ и кучеровъ, занятыхъ ихъ присмотромъ. Между наметами и шалашами, на самомъ пригоркѣ, суетились безпрестанно, то господа, отыскивающіе для себя убѣжища, то слуги, озабоченные прискакиемъ для нихъ ночлега. Кое-гдѣ раздавались выстрѣлы охотниковъ, которые пробовали ружья свои, приготовляя ихъ къ завтрашней охотѣ, а въ слѣдъ за тѣмъ звуки охотничьихъ трубъ, сливавшіеся въ одинъ отголосокъ съ воемъ собакъ, означавшимъ приближеніе минуты кормленія безчисленныхъ своръ гончихъ, запертыхъ въ особенныя псарни. Вечеръ провелъ все высшее общество въ королевскомъ шатрѣ, откуда до охотниковъ, расположившихся въ палаткахъ, доносились только звуки веселой музыки. Подъ конецъ ужина великій коронный ловчій объявилъ, въ которомъ часу выѣдетъ на охоту король съ знатнѣйшими вельможами и гдѣ они расположатся; назначилъ также мѣсто удобное и безопасное, откуда королева съ прочими дамами могла смотрѣть на охоту и наконецъ ручался, что время года и изобиліе дичи предвѣщаютъ на завтрашній день пріятнѣйшую забаву.

Луна посребрала еще блѣдыми лучами своими верхушки старыхъ ольхъ и сосенъ, какъ толпы поселянъ изъ ближайшихъ деревень, предводимые солдатами и королевскими ловчими, окружили лѣсъ на подобіе облавы, на разстояніи цѣлой мили отъ мѣста, избраннаго королемъ, и гнали къ нему всю встрѣчавшуюся дичь. Не смотря на строгій приказъ хранить молчаніе, эта длинная цѣпь мужиковъ сближалась къ назначеннымъ мѣстамъ, съ страшнымъ шумомъ, подобно волнамъ вышедшей изъ береговъ рѣки и угрожающей наводнить луга и поля, покрытыя жатвою. Когда цѣлое пространство засѣки было окружено совершенно людьми, раздались звуки охотничьихъ роговъ, по очереди и отрывисто повторенные на всѣхъ пунктахъ, въ знакъ того, что облава готова. Въ это время солнце уже поднялось довольно высоко и при благоприятной зимней погодѣ бросало огнѣистые лучи по всей окрестности, покрытой недавно выпавшимъ снѣгомъ.

Надворный ловчій прискакалъ къ великому ловчему коронному доложить о наступленіи минуты къ началу охоты, и получивъ приказаніе послать стрѣльцовъ и егерей на мѣста, откуда должно было пускать собакъ, чтобы выслѣдить дичь.

Едва король съ королевою и знатнѣйшими вельможами двора заняли назначенныя себѣ мѣста, тотчасъ же всѣ подловчіе бросились къ стрѣльцамъ по разнымъ тропинкамъ съ повелѣніемъ начинать погоню.

Въ лѣсу разлились отголоски множества роговъ и крики охотниковъ, преслѣдующихъ дичь съ разныхъ сторонъ.

Съ самаго начала послышался голосъ гончихъ, пронохавшихъ дикаго звѣря, а послѣ въ цѣлой пуцѣ раздавался лай собакъ, прерываемый попеременно безпрестанными выстрѣлами, проклятіями промахнувшихся стрѣлковъ и восклицаніями попавшихъ. Наконецъ раздался одинъ выстрѣлъ, затрубили сборъ и встревоженные охотники бросились со всѣхъ сторонъ къ тому мѣсту, гдѣ находился король. Онъ стоялъ, опершись правою рукою на свое ружье; двое придворныхъ егерей изъ всей мочи трубили въ рога, въ противоположныя стороны. Огромный лосъ лежалъ у ногъ Іоанна, который въ слѣдствіе обыкновенной извинительной слабости человѣческаго самолюбія, такъ былъ обрадованъ нивлуженіемъ трусливаго звѣря, что на его величественномъ лицѣ отражался тотъ же самый восторгъ побѣдителя, какъ нѣкогда въ день знаменитой вѣнской баталіи. Со всѣхъ концовъ сбѣгались участники охоты, нѣкоторые, принося, по крайней мѣрѣ, хоть мелкую дичь, а другіе возвращаясь вовсе безъ ничего съ одиными разряженными ружьями. По дорогѣ скакали двое санокъ; въ первыхъ сѣдѣла королева съ дочерью и княгиня воеводша виланская, а въ слѣдующихъ Марія съ двумя другими придворными дѣвицами.

— Смотри, миленькая! сказалъ Іоаннъ, обращаясь къ королеви: было почти сто шаговъ и то еще между кустами, когда онъ чуть только мелькнулъ мимо меня; но опытный глазъ и вѣрная рука! — и пораженный прямо пулею въ голову, онъ долженъ былъ упасть, бѣдняжка! прекраснѣйшій звѣрь цѣлой пуцѣ!

— Какая жалость! отвѣчала королева: а бы хотѣла лучше имѣть его живаго въ Вилановѣ.

— Будешь имѣть и сто такихъ, любезнѣйшая Машенька, только бы сама захотѣла. Господинъ надворный ловчій! надобно приготовить звѣря и отпустить собакъ, чтобы послѣ еще гдѣ-нибудь сдѣлать облаву; жаль упустить такой прекрасный день, не наохотившись, что называется, до сыта!

Надворный ловчій поспѣшилъ исполнить данное порученіе. Всѣ собаки взяты на своры и псаря крѣпко держали ихъ, но

избавленія: надобно имѣть и руку и сердце твердыя, чтобы, безъ вреда королевичу, убить вепря подъ его ногами.»

— Я имѣю и то и другое, по милости Божіей; отвѣчалъ спокойно Рушчицъ: но то худо, что принца оставили здѣсь одного.

— Миѣ кажется съ нимъ былъ тутъ Мондоръ; возразилъ король: кудажь онъ дѣвался?

— Если я не обманываюсь, отвѣчалъ коронный ловчій: то онъ долженъ быть на деревѣ: тамъ листья что-то шевелятся.

На эти слова всѣ подвiali глаза къ верху и увидѣли храброго Француза въ величайшемъ замѣшательствѣ. Желая слѣзть долой, онъ зацѣпился шпорами между сучьями, держась со страхомъ правою рукою, а лѣвую протягивая за парикомъ, который повисъ на верхнемъ сучкѣ. — «Ну, слазте-жь туда за нимъ;» сказалъ король прибѣжавшимъ на помощь стрѣлкамъ: онъ пожалуй оставитъ на деревѣ и парикъ и шпоры свои.»—Критическое положеніе бѣднаго Мондора разсмѣшило всѣхъ и даже сама королева не могла удержаться отъ смѣха. Когда, посредствомъ и помощію двухъ стрѣлковъ, онъ спустился на землю, то оправясь немного сказалъ:—«Я весьма радъ случаю, что могъ доставить поводъ къ смѣху, но клянусь, что въ жизнь свою не буду уже болѣе ѣздить на охоту за дикими свиньями.»

Рушчицъ слышалъ похвалы всѣхъ окружающихъ и даже опытнѣйшихъ стрѣлковъ. Съ чистосердечною ласкою королева изъявляла ему чувствительную свою благодарность, а король признавался, что ему принадлежитъ первый призъ въ охотничьемъ искусствѣ.

Убитую дичь положили на сани, а на самый верхъ лоса и кабана, какъ важнѣйшую въ тотъ день добычу, и въ какомъ-то триумфальномъ шествіи всѣ возвратились въ ново-заложенную колонію охотниковъ. Тамъ уже были приготовлены столы со множествомъ разныхъ кушаньевъ. Король, отбросивъ въ этотъ день придворный этикетъ, допущалъ къ столу своему всѣхъ безъ исключенія охотниковъ, подавалъ привѣръ веселости своею, осушая покалы за здоровье искуснѣйшихъ стрѣлковъ. И Рушчицъ имѣлъ высоко цѣнимое имъ счастье, когда король предложилъ его здоровье.

По окончаніи пира, развеселенный Іоаннъ, желая выдумать какую-нибудь новую забаву, предложилъ испытать ловкость и силу въ стрѣляннн изъ лука и, будучи самъ искуснымъ стрѣлькомъ, вызывалъ всѣхъ присутствующихъ поспорить съ нимъ въ этомъ отношеніи. Сначала поставили на высокомъ мѣстѣ убитаго на охотѣ сокола, въ котораго стрѣляли всѣ по очереди, по большей части дѣлая промахи. Не было почти ни кого, кто бы могъ въ мѣткости сравниться съ Іоанномъ; но когда Рущицъ, бывшій нѣкогда гусарскимъ ротмистромъ, и привыкшій къ употребленію лука, съ одинаковымъ искусствомъ попалъ въ сокола, то король приказалъ пустить живаго голубя и, прострѣливъ его на воздухъ, предлагалъ и другимъ испытать тоже самое;—никто однакожъ, не смотря на всевозможныя усилія, не могъ сдѣлать столь удачнаго выстрѣла.—Утѣшенный этимъ, Іоаннъ сказалъ: «Надѣюсь, что вы, господа, не откажете мнѣ первенства въ стрѣляннн изъ лука; я такъ увѣренъ въ своей рукѣ, что если бы изъ васъ кто-нибудь не побоялся держать въ рукѣ яблоко на нѣсколько десятковъ шаговъ, то готовъ держать закладъ, что пробью его стрѣлою и ручаюсь въ безопасности держащаго.»

Всѣ взглянули другъ на друга и каждый, повидимому, взорамн искалъ смѣльчака, который бы рѣшился на это отважиться. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ, потому-что никто до такой степени не довѣрялъ искусству короля, чтобы согласиться подвергнуть себя явной опасности быть изуродованнымъ.

Въ это время послышался женской голосъ и Марія Модржеевская, выступя впередъ, подняла къ верху яблоко и сказала, обращаясь къ Іоанну: «Ваше величество, гдѣ мнѣ прикажете встать, извольте, вотъ яблоко!» Взоры всѣхъ, исполненные удивленія, обратились на отважную дѣвицу. Рущицъ приблизился къ ней и, намѣреваясь взять яблоко, сказалъ: «я не позволю этого; мнѣ самому надлежитъ выручить благородную павну.»

— Почему-жъ нѣтъ? — возразилъ король: развѣ ты не довѣряешь моему искусству; если бъ я былъ моложе, то можетъ быть не надѣялся бы столько на свой выстрѣлъ: дѣйствіе красоты могло бы ослѣпить меня; но теперь ты можешь безопасно согласиться, чтобы дѣвица своею храбростію пристыдила столько мужчинъ, не осмѣлившихъ исполнить моего вызова.

Не ожидая дальнѣйшихъ послѣдствій этого отвѣта, Марія съ

легкостью выжила на арену въ уваженномъ ей отъ цюри направлени, откуда на шведско десятковъ шаговъ и вессо подыала лблоко правою рукою, отцла его колдше, отъ голови. Вдругъ изъ среди окружавшихъ короля особъ выхлдитъ принцъ Иаковъ и, взявъ слегка за руку отца своего, зацитаго налагиваніемъ тетивы, умоляетъ оставить испытаніе, столь опасное для Маріа. «И ты также не доврляешь моему искусству?—вскричалъ король: это похвально, что тебя трогаетъ участь такой прекрасной и доброй дѣвушки, какъ даша Модржеевская; но впрочемъ ты обязанъ нѣсколько болѣе надѣяться на собственнаго отца. Отойти же въ сторону, что ты держишь меня за руку?»

«Любезнѣйшій батюшка! говорилъ принцъ, падая передъ нимъ на колѣни: заклинаю васъ родительскою нѣжностію, оставьте эту страшную и гибельную забаву. При всей величайшей опытности вашей, несчастный случай.... Говоря это, онъ схватилъ короля за руку и цѣловалъ ее съ покорностію.

— Вижу, что прелести дѣвицы Модржеевской слишкомъ тебя занимають, сказалъ король ласково. Я не хочу стращать тебя болѣе и соглашаюсь на твою просьбу. Сказавъ это онъ отдалъ придворному свой лукъ, подозвалъ къ себѣ Марію и прибавилъ.... здѣсь не хотать позволить, чтобы я представилъ опытъ и доказательство моего искусства; но тебѣ, моя милая, принадлежитъ неоспоримая похвала за мужество. Ты имѣешь истинно геройское сердце, достойная дочь храбраго отца.

Живой румянецъ покрылъ прекрасное лицо Маріа, когда она возвращалась на свое мѣсто. Принцъ Иаковъ съ выраженіемъ искренней радости подошелъ къ ней и слегка выговаривалъ за смѣлость, съ которою она подвергала себя опасности.

По окончаніи всѣхъ забавъ и увеселеній, король видя, что ясная погода обѣщаетъ свѣтлую ночь, рѣшился возвратиться въ столицу. Въ то время, какъ собирались къ отъѣзду, онъ подозвалъ короннаго ловчаго и сказалъ ему: господишь коронный ловчій! благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ на охотѣ. Мы всѣ остались довольны этою забавою, и потому я желалъ бы сохранить слѣды того мѣста, гдѣ мы провели нѣсколько пріятныхъ минутъ; пусть, въ воспоминаніе этого дня, тамъ, гдѣ находилось временное наше жилище, будутъ заложены постоянныя деревенскія хижины. Я даю позволеніе поселенямъ изъ староства строятся въ этомъ лѣсу и преимуществен-

во тѣхъ изъ нихъ, которые участвовали въ сегодняшней охотѣ.

— Воля нашего королевскаго величества будетъ исполнена, отбѣчалъ лончій; но не угодно ли будетъ вашему королевскому величеству дать самимъ названіе этой новой деревни.

— Га, — возразилъ король: деревня эта поднимется изъ нашего охотничьаго лагеря; назовите-жь ее такъ, чтобы впоследствии можно было узнать начало и причину ея основанія. Вотъ наприимѣръ: ubi samprinos fuimus.

— Слушаю, ваше королевское величество! — отбѣчалъ великій левый коронный: она можетъ назваться Камшиносъ.

ГЛАВА V.

— Ужь вы тамъ себѣ, что хотите болтайте, — говорилъ Кулицъ другимъ лакеямъ, сидѣвшимъ съ нимъ вмѣстѣ у каміна, изъ комнатъ ихъ барыни, и протягивая руку за огромнымъ кушномъ пива, который грѣлся въ чешкѣ: — провозвѣдуйте что угодно, но ваша хваленая Варшава и гроша не стоитъ противъ того, что я видѣлъ на бѣломъ свѣтѣ. — До тебя, Антонъ!

— Пей съ Богомъ! — отбѣчалъ тотъ. — Ну, скажи-ко намъ, что такое видѣлъ ты лучше Варшавы?

— Что я видѣлъ? — возразилъ Кулицъ и посмотрѣлъ на всѣхъ съ презрѣніемъ. — Какъ что? да развѣ ты не знаешь, что я ѣдалъ хлѣбъ не изъ одной печи? что мы съ барыномъ поговаривали по свѣту на свою долю и были въ Нѣмечинѣ и въ Вѣнѣ; слышь ты, въ Вѣнѣ, подъ которою Дунай течетъ; а знаешь ли ты, что такое Дунай?

— Ну, что-жъ; обыкновенно навал-набуль. Висла, а можетъ быть еще не такъ широкая, какъ наша.

— Эхъ, братъ, ты занесъ, Висла! Дунай самъ по себѣ, а Висла сама по себѣ.

— Но, я думаю, — отозвался одинъ изъ собесѣдниковъ, что и тамъ, какъ и здѣсь, течетъ вода, а не пиво; а ланче-то намечется лучше гѣмецкаго. Однакожъ, Антонъ, вы деликатнѣе обходитесь съ кушномъ и не слишкомъ демонстрируйте въ дѣланкѣ.

— Не опасайся, возразилъ Кулицъ: — выйдеть злость, пиво

явятся другой; у насъ не занимать стать, покажьтесь будетъ съ чего.

— Разумѣется; сказалъ Антонъ: съ тѣхъ поръ, какъ баринъ сдѣлалъ васъ камердинеромъ, онъ не жалѣеть для васъ и денегъ.

— Такъ и должно, отвѣчалъ Куликъ; когда панъ веселится, собираясь скоро играть свадьбу, то и слуги шумѣть обязаны. Нука, ребята! выпьемъ за его здорье; славной баринъ, нечего сказать.

— Пойдите, я дамъ вамъ чего-нибудь получше. Сказавъ это, онъ всталъ и принесъ изъ другой комнаты большую флягу съ медомъ, продулъ горлышко и, поднавши къ верху, вскричалъ громко, что и другіе подтянули цѣлымъ хоромъ:

— Нехъ жѣ нашъ панъ кохавый! — Приложивъ къ устамъ флягу, онъ тянулъ медленно и съ чувствомъ драгоценный напитокъ, а всѣ прочіе съ завистию смотрѣли, скоро ли онъ отвинтитъ ее и передастъ другому. Когда поочереди передаваемая фляга была осушена, веселая компанія заняла прежнія мѣста, и Антонъ первый, возвысилъ голосъ: баринъ какъ баринъ, но барыня-то какова будетъ, Богъ знаетъ?

— Разумѣется, прибавилъ другой: когда барыня сердита, то и барская милость не кладъ!

— Молчать! — вскричалъ Куликъ, топнувъ ногою: прошу съ почтеніемъ говорить о невѣстѣ. Вамъ что до этого, — какая есть, такая и будетъ, довольно того, что госпожа — и кивтъ.

— Когда же будетъ свадьба? — спросилъ Антонъ: вы вѣрно знаете это, Куликъ; вѣдь вамъ баринъ все говоритъ. Мнѣ бы хотѣлось поскорѣй; на свадьбѣ-то и у старыхъ сердца молодѣютъ.

Въ это время раздался шумъ въ ближней комнатѣ; двери отворились настежь, и Рущицъ вошелъ въ сопровожденіи егеря, который несъ за нимъ охотничье ружье со всѣми принадлежностями и клыки убитаго вепря. Нирующіе лакеи вскочили въ испугъ, скамейки приставленные къ камину, полетѣли на землю, и всѣ устранные грознымъ взглядомъ ротмистра опростебью бросились вонъ изъ комнаты. Одинокъ только Куликъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, преданный сподвижниками во власть неумолимаго судья. Не теряя присутствія духа, онъ спряталъ кувшинъ и флягу за связку дровъ, взялъ у егеря принесенныя вещи и спокойно ожидалъ рѣшенія своей участи.

Рушчицъ, не говоря ни слова, ведалъ Кулика знакъ, чтобъ онъ приставилъ ему къ камину кресло, и сѣвши на него, покручивая усы, мрачно смотрѣлъ на пылающія дрова. Куликъ зналъ очень хорошо, что вса эта сцена была признакомъ неудовольствія, и потому, сдѣлавъ отступленіе на пальчикахъ, онъ остановился у дверей и оперся на стѣну, соедѣство которой было тѣмъ для него пріятнѣе, что медь и пиво начали уже отчасти разстраивать его воображеніе. Помолчавъ съ минуту и чувствуя непреоборимое желаніе говорить, онъ потихоньку приблизился къ столу zigzagами, ваялъ въ руки кльки и, осматривая ихъ, сказалъ: «Вельможный пане, сами изволили убить его?»

— А кто жъ другой; — отвѣчалъ ротмистръ: къ чему бы я сталъ прятать ихъ!

— Гдѣ же самый звѣрь? Не худо бы имѣть такъ же и шкуру.

— Что вы тутъ дѣлали всѣ въ моей комнатѣ? — спросилъ Рушчицъ съ гнѣвомъ.

— Ничего-съ, — отвѣчалъ Куликъ, вытягиваясь сколько могъ и раскрывая глаза, начинавшіе уже слипаться.

— У тебя, братъ, кажется, языкъ переплетается и глаза посоловѣли, — сказалъ ротмистръ, смотря на него сурово.

— То за здоровье ясновельможнаго пана! — отвѣчалъ Куликъ, кланяясь ему и протягивая одну руку къ ногѣ, по польскому обычаю.

— Ты смѣлъ, негодай, напиться за мое здоровье! — вскричалъ Рушчицъ.

— Точно такъ, ясновельможный пане, — отвѣчалъ Куликъ, кланя головою: и за здоровье будущей нашей пани.

Рушчицъ быстро вскочилъ съ креселъ и грозно посмотрѣлъ на Кулика, который со страху отскочилъ къ самымъ дверямъ; но ротмистръ, не сказавъ ему ни слова, началъ ходить по комнатѣ большими шагами. Спустя минуту молчанія, онъ остановился по срединѣ. — Знаешь ли ты — спросилъ онъ Кулика: гдѣ живетъ панъ придворный конюшій?

— Знаю, вельможный пане! — отвѣчалъ Куликъ, сбиваясь съ послѣдними силами.

— Маршъ сію секунду къ нему и проси, чтобъ онъ навѣстилъ меня, если можно; скажи, что я имѣю въ немъ самую крайнюю надобность.

Куликъ быстро выскочилъ за двери, радуясь случаю, что въ

этого положенія и твердости на ногахъ мнѣ уйти съ гнѣвомъ разгнѣваннаго господина.

Черезъ нѣсколько времени прибылъ Юрданъ. — Я сдѣлалъ непонятъ твою просьбу, — сказала она Руприту, входя въ конюшню: я ужь думала, что тебѣ угрожаетъ какая-нибудь опасность, такъ мнѣ торопилъ твой посланный!

— Опасность можетъ быть, а огорченіе вѣрно. Если мнѣ нужно что-нибудь, я привыкъ искать утѣшенія въ другѣ и просить его совѣта.

— Что сдѣлалось съ тобой? Не случилось ли чего на охотѣ?

— Ты знаешь, что охота была для меня успѣшна; но я самъ кажется попался въ тѣсета!

— Какимъ образомъ? Я этого не понимаю.

— А вотъ сидѣмъ поближе къ камню; я расскажу тебѣ. Но прежде, нежели я начну, признайся откровенно, не примѣтилъ ли ты какой благосклонности королевича къ Маріи, или чего-нибудь похожего на привязанность ея къ принцу?

— Гмъ, этотъ вопросъ весьма трудно рѣшить. При дворѣ множество видишь и слышишь такого, о чемъ болтать не всегда прилично.

— И такъ много и видало и слышано; понимаю.

— Я этого не говорю, прервалъ конюшій: сохрани меня Боже, чтобъ я сталъ раздувать огонь фальшивыхъ вѣстей.

— Безъ этихъ увертокъ, Юрданъ: скажи откровенно такъ какъ другу; для меня это весьма важно!

— Ну, если ужь ты хочешь непременно, то слушай: мнѣ кажется, что они одинъ другому нравятся и больше ничего. Но ты какимъ образомъ узналъ? Предостерегаю тебя, если посредствомъ придворныхъ сплетней, то не вѣрь ни чему; есть много людей, желающихъ поссорить тебя съ Маріею.

— Сплетней я не слушаю и не вѣрю имъ; но что видѣлъ своими глазами, тому нельзя не вѣрить. Ты былъ вѣдь съ нами на охотѣ, знаешь, что происходило тамъ; но ты не могъ того видѣть, что я примѣтилъ самъ. Счастливый случай привелъ меня близко къ принцу и санямъ королевы. Призаюсь, я болѣе смотрѣлъ на Марію; нежели на то жѣсто, откуда могъ выйти преслѣдуемый звѣрь. Скрытый за деревомъ, я не спускалъ глазъ съ ея милого личика, но ея глазки не встрѣтились съ моими, она была постоянно устремлена на принца. Другъ — я слышалъ

выраженіе ужаса на лицѣ ея; она выскочила изъ сѣней, испустила громкій вопль и съ отчаяніемъ протягиваетъ къ нему руки: Я смотрю въ ту сторону, вижу яростнаго вепря — и убиваю его. Когда я приблизился къ принцу, она была уже тамъ и съ чувствомъ пожала мою руку; но взоры ея были обращены на принца, радость изображалась на лицѣ, но радость, произшедшая отъ избавленія милаго предмета, а не потому, что мнѣ удалось сдѣлать мѣткій и счастливый выстрѣлъ.

— Это ничего болѣе, какъ подтвержденіе сказаннаго мною, что Модржеевской, молодой и неопытной дѣвушкѣ нравится Давковъ. Но все пройдетъ тотчасъ же по удаленіи отъ двора; въ то время она забудетъ принца, который иногда обращалъ на насъ благосклонные взоры.

— Но забудетъ ли насъ принцъ? — это другой вопросъ. Помнишь ли, когда Марія выскочила съ тѣмъ яблокомъ и остановилась на призвѣтъ короля, что, между нами будь сказано, не слишкомъ мнѣ нравилось со стороны Іоанна, особливо когда онъ согласился на предложеніе молодой дѣвушки, которое должно быть сочтено скорѣе безразсудною опрометчивостію, нежели мужествомъ. Когда она встала на показанное мѣсто, я смотрѣлъ на принца, и сдѣлалъ только не принятый бы рывокъ, какъ она встретилась опасности, которой Марія подверглась сама. Слыхи покорный и послушный отцу, онъ отважился отстоять его; и зная очень хорошо, что король хотѣлъ показать свое искусство послѣ нѣсколькихъ обваловъ вина, онъ рѣшился воспродѣлывать его намѣренію и лучше нанесть на себя гнѣвъ родителя, только бы избавить Марію отъ угрожающей опасности. Знаешь ли ты, что онъ дрожалъ какъ листъ, когда король бралъ ляд; его взоры показывали такое безпокойство, каковъ только можетъ возбудить любовь самая страстная.

— Помни! помни! ужъ ты слишкомъ далеко распространяешь свои догадки; принцъ и не думаетъ выдать къ ней любовь; онъ вовсе о себѣ не въ этомъ, нѣтъ.... повторяю тебѣ, что Марія ему нравится, и больше ничего.

— Но эта привязанность разстроила голову молодой и неопытной дѣвушки, совершенно наполнила ея сердце, возбудила въ ней обманчивую надежду и ее впрочемъ можетъ обратиться въ сальвѣйшую сардель.

— Есть весьма легкое средство: пускай она выйдетъ за тебя замужъ; тогда позабудетъ обо всемъ:

— Нѣтъ, другъ мой; это лучше средство помочь злу, которое уже совершилось. Я предвидѣлъ весьма хорошо, что не быть добру, когда узналъ объ отъѣздѣ Маріи ко двору; поэтому я и не радовался.

— Что же ты намѣренъ дѣлать?

— Отложить мою свадьбу и спокойно ожидать развязки, которая сторона неретянетъ. Я прошу теперь твоего совѣта, какой бы выдумать поводъ къ новой отстрочкѣ?

— Ради Бога, не дѣлай этого; этииъ дашь пишу злымъ языкамъ; подвергнешь бѣдную Марію сплетнямъ и возбудишь объ ней дурныя толки, а она, право, не заслуживаетъ твоего гнѣва; чѣмъ она бѣденькая виновата?

— Ктожъ тебѣ сказалъ, что я сержусь на нее; я вовсе не имѣю подлаго желанія мстить ей за ея холодность ко мнѣ. У меня совершенно другое намѣреніе; слушай и потомъ разсуди. Тебѣ извѣстно, какая дружба соединила насъ съ благороднымъ Модржеевскимъ. Чувство этой привязанности, а не какой-нибудь пылкой страсти склонило меня стараться о полученіи руки его дочери.

Передъ смертію, сжимая охладѣвшими уже руками мои, онъ сказалъ: «я умираю спокойно, потому-что тебѣ, любезный Даміанъ, поручаю счастье моей единственной дочери; будь ей отцомъ въ то время даже, если не будешь супругомъ». Я думаю, ты слышалъ, что умирающіе часто говорятъ пророческимъ духомъ; можетъ быть предчувствіе отца исполнито и я буду супругомъ его дочери, но никогда не перестану замѣнять ей мѣсто родителя. Кому извѣстно, какая судьба ожидаетъ Марію и что это предсказаніе не относится къ высокому ея значенію? Совѣсть не позволяетъ мнѣ преграждать ей пути къ счастью; я буду только заботиться о предохраненіи ея отъ всякой обиды и объ отвращеніи опасностей. Ея воспитаніе, добродѣтели, наслѣдованныя отъ предковъ, и благородный образъ мыслей ручаются, что она неспособна къ чему-нибудь предосудительному. По этой причинѣ, я безъ опасенія оставляю ее при дворѣ, гдѣ только можетъ свершиться высокая будущность Модржеевской. Если Богъ предназначилъ ей принца въ супруги, я буду радоваться, что исполнилъ долгъ дружества. Вотъ въ чемъ состоитъ рѣшительное мое намѣреніе; теперь, другъ мой, присовѣтуй, какъ исполнить его, чтобъ не вооружить ни-

кого противъ себя, но всего болѣе, чтобы спасти Марію отъ всѣхъ гоненій.

— Удивляюсь и вмѣстѣ обожая необыкновенную силу души твоей. Благородны причины внутреннихъ побужденій твоихъ, но не знаю, можно ли имѣть какую-нибудь надежду въ исполненіи того, что ты называешь предчувствіемъ родителя Маріи? Пока королева будетъ управлять цѣлымъ дворомъ и сыномъ своимъ, до тѣхъ поръ онъ будетъ помышлять только о тѣхъ связяхъ, какія она сама взберетъ для него. А между тѣмъ Марія подвергнется многочисленнымъ преслѣдованіямъ и неприяностямъ, особенно несноснымъ домогательствамъ Французовъ. И что будетъ съ нею, когда высокія мечты ея разрушатся? въ комъ найдетъ она утѣшеніе въ горести? какъ возвратится съ этой вершины мнимаго блаженства къ спокойствію частной жизни? и кто можетъ осчастливать ее въ то время.

— Тотъ самый, который отрекался отъ ней, предвидя большее счастье, и который возвратится снова, когда призракъ этого счастія разсѣется. Я готовъ жертвовать собою для принца, но никогда не стерплю, чтобы какой-нибудь смазливый повѣса считалъ себя достойнымъ этой руки и осмѣливался думать о достиженіи своихъ желаній. Заклинаю тебя нашею дружбою, не открывай никому сегодняшняго разговора, и теперь, не стараясь понапрасну отклонать меня отъ однажды избранной цѣли, дай мнѣ совѣтъ, какимъ образомъ вѣрнѣе и безопаснѣе достигнуть ея.

— Мудренъ совѣтъ.... время женитьбы твоей назначено самою королевою.... какъ здѣсь отретироваться съ честію и какую представить причину? Право не могу придумать. Мнѣ кажется, что не должно спѣшить ни чѣмъ, предостаивъ всѣ дѣла *in statu quo* и, оправдывая минутную отсрочку непредвидѣнными случаями, ожидать дальнѣйшихъ происшествій; тогда онѣ или объяснятъ все, еще не разгаданное, или сами доставятъ средство къ новымъ отлагательствамъ.

На этомъ положено остановиться. Иорданъ, повторивши обѣщаніе хранить тайну, оставилъ своего друга.

По уходѣ гостя, Куликъ возвратился въ комнату, полагая, что баринъ нуждается въ его услугахъ. Онъ засталъ его большими шагами ходившаго по комнатѣ въ глубокой задумчивости, и остановился въ дверяхъ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

Рущицъ долже не говорить ему ни слова; наконецъ, изжучивъ его присутствіемъ и видя, что онъ въ какомъ-то нерѣшительномъ ожиданіи починалъ уже шарахаться назадъ, пероначалъ съ него въ ногу, сивалъ: «ну что ты стоишь тутъ? и чего ждешь?»

Кучникъ тронулся съ мѣста и сказалъ, нѣсколько ободрившись: не прикажете запрягать?...

— Запрягать?—вскричалъ Рущицъ, это за чѣмъ? куда ты дуешься ѣхать?

— Ничего нѣтъ-съ; я думалъ, что вы изволите ѣхать въ Виллановъ, потому-что мы не парадировали еще въ нашей новой коляскѣ. Вѣдь теперь живетъ тамъ ясновельможная пани, для которой приготовлены и лошади и коляска.

— Ступай спать, покуда не выспишься; сказалъ ротмистръ, бросивъ на него суровый взглядъ и давая знакъ, чтобъ онъ удалился.

Кучикъ низко поклонился, повернулся на право кругомъ и вышелъ, бормоча себѣ подъ носъ: «не знаю, что случилось съ нимъ? еще никогда онъ не былъ такъ сердитъ.»

ГЛАВА VI.

Уже цѣлый мѣсяцъ прошелъ почти; а сеймъ, созванный въ Варшаву, еще не открывался, по неудовольствію литовскихъ чиновъ, которые утверждали, что сейму слѣдуетъ происходить не въ Варшавѣ, а въ Гроднѣ. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ рѣшить споръ, король положилъ выслать въ Гродно отъ рыцарскаго сословія короны депутацію, въ которую выбрали преимущественно особъ, находившихся въ родствѣ съ литовскими фамиліями, чтобы склонить разгоряченные умы къ согласію, посредствомъ дружественныхъ и семейственныхъ отношений.

Рущицъ, котораго предки были Литовцы, назначенный въ число пословъ по этой ли причинѣ или по известной приверженности ко двору, былъ вдвойнѣ обрадованъ, во первыхъ потому, что могъ услужить обожаемому королю, и во вторыхъ, что могъ имѣть справедливую причину отложить свой

бракъ съ Марією, тѣмъ болѣе, что посольство это и трудная обязанность во время продолженія самаго сейма могли оправдать его нѣкоторымъ образомъ въ холодности о скорѣйшемъ заключеніи брака.

Депутатія въ Гродно имѣла ожидаемый успѣхъ, но несчастныя слѣдствія. Сеймъ открылся, а съ этимъ вмѣстѣ начались раздоры о пожалованіи великой коронной печати огнискому воеводѣ Троцкому. Въ продолженіе этихъ важныхъ затрудненій, Рущицъ забывалъ о своихъ личныхъ хлопотахъ; но сколько разъ ему ни случалось встрѣчать Марію на гуляньяхъ или на балахъ, онъ всегда старался убѣгать разговора съ нею, чтобы не поколебаться въ своемъ намѣреніи.

Въ одинъ день, онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ прочими въ Виллановъ; входя въ королевскіе покои, встрѣтился съ Вотю, знакомымъ отчасти нашимъ читателямъ. Итальянецъ, увидя ротмистра, подошелъ къ нему и сказалъ потихоньку, что имѣетъ сообщить ему нѣчто весьма важное, но требующее тайны, попросилъ его на террасу, выходящую изъ королевскихъ покоевъ въ садъ. Рущицъ, подстрекаемый любопытствомъ и таинственною фаворизаціею Воты, согласился исполнить его желаніе. Время было прекрасное; воздухъ дышалъ свѣжестью и прохладою. Когда онъ вышелъ на террасу, то Итальянецъ началъ Рущицу пошепту, в началѣ нѣсколько глухимъ голосомъ: «Уваженіе и дружба, питаемая мною къ вашей особѣ, заставляютъ меня предостеречь васъ отъ опасностей, коими вы угрожаете. Советую вамъ не откладывать заключенія брака съ невестою вашею; если имете желаніе овладѣть ея сердцемъ, а тѣмъ самымъ лишить васъ столь неоцѣнннаго сокровища»

Ротмистръ отступилъ два шага назадъ и посмотрѣлъ на Итальянца съ выраженіемъ опасенія, какъ бы спрашивавъ: неужели тебѣ извѣстна тайна Маріи? и вмѣстѣ удивленія, какимъ образомъ онъ проникнулъ ее.

— Ктожъ это такой? — вскричалъ Рущицъ, показывая видъ будто ничего не догадывается.

— Я не говорю, что одинъ, возразилъ Вотя...

Рущицъ вздохнулъ нѣсколько свободнѣе и сказалъ потомъ: «Ваше мнѣ кажется только общія опасенія, те я ихъ не боюсь ни сколько; мнѣ извѣстно воспитаніе дѣвѣцъ Москвитянокъ, и»

я увѣренъ, что не смотря на всѣ проски недоброжелательныхъ людей, она останется мнѣ вѣрною.

— Гмъ! отвѣчалъ Вота, наклоня нѣсколько голову и прищури лѣвый глазъ, а правымъ двусмысленно поглядывая на ротмистра: я однакожъ, будучи на вашемъ мѣстѣ, дослѣдовалъ бы свадьбою.

— Ктожъ вамъ сказалъ, прервалъ Рушчицъ съ живостію: что я не хочу теиерь жениться на дѣвицѣ Модржеевской?

— Я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы имѣете сильнѣйшія побужденія привести въ исполненіе это постановленіе, — сказалъ Вота, поднимая нѣсколько къ верху плечи свои и брови: но... прибавилъ онъ тише, съ умысломъ не доканчивая словъ своихъ.

— Чтѣжъ значить это но?—спросилъ Рушчицъ: я не понимаю; говорите откровенно, и все что вы знаете, а я не догадаюсь самъ ни о чемъ.

Тутъ Вота оглянулся еще разъ и сказалъ таинственно: вѣрте мнѣ, господинъ ротмистръ, что только уваженіе, которымъ проникнуть я къ вамъ, и глубочайшее почтеніе, питаемое мною къ особамъ, столь знаменитымъ и благороднымъ какъ ваша, могли склонить меня къ открытію вамъ того, что если будетъ повторено, то безъ всякаго прекословія навлечетъ на меня гнѣвъ. Знайте же, — при этомъ словѣ онъ опять оглянулся и продолжалъ Рушчицу на ухо: — Мовдоръ волочится за панною Модржеевскою.»

Ротмистръ громко засмѣялся. — Старыя сказки, сударь; я знаю давно уже объ этомъ и совершенно не думаю о томъ.

Итальянецъ взглянулъ на него съ удивленіемъ и съ тѣмъ же таинственнымъ видомъ, какъ и прежде, прибавилъ:

— Но графъ Маливи содѣйствуетъ планамъ Мовдора, потому-что цѣветъ въ томъ свои расчеты, и легко понять, что ео ірзо....»

Тутъ онъ снова оглянулся.

— «Quidnam ео ірзо?»—вскричалъ Рушчицъ съ нетерпѣніемъ.

— Ео ірзо — продолжалъ Вота понижая голосъ. Хотятъ непременно удержать при дворѣ вашу невѣсту, съ тѣмъ нацѣпеніемъ, чтобы во время вашей отлучки коварныя проски Француза могли увѣнчаться успѣхомъ.

— Это ложь! — вскричалъ ротмистръ: мнѣ обѣщала сама королева свою помощь и покровительство; впрочемъ если бы

ваши слова были и справедливы, то необходимо, чтобы дѣвица Модржеевская предпочтала мнѣ этого Мондора. Вы, пожалуй, скажете, что она любитъ его?

— Нѣтъ, сохрани Богъ!—отвѣчалъ Вота съ лукавою улыбкою: я не говорю этого, потому-что не успѣлъ еще получить никакихъ подробностей въ этомъ отношеніи; но утверждаю, что дальнѣйшая отсрочка вашего брачнаго союза, можетъ совершенно разорвать его.

— Га! чтожь дѣлать?—возразилъ Рущицъ съ нѣкоторою прошею; нужно покориться несчастной участи.

— Однакожь, сказалъ Вота, отступя отъ него нѣсколько шаговъ: гдѣ слыхано отчаяваться такъ легко и славаться безъ сраженія.

— Славаться! этого я не дѣлалъ еще никогда, вскричалъ ротмистръ и прибавилъ, взявшись за рукоятку своей сабли: она расудитъ меня съ Французомъ и обнаружитъ истину въ послѣднемъ случаѣ; а когда я отправлю его ad inferos....

— Не вспоминайте объ этихъ кровавыхъ средствахъ, сказалъ Вота, съ нѣкоторымъ выраженіемъ ужаса; особливо если есть другія кроткія и безвредныя. Я на-примѣръ знаю легчайшій способъ преклонить королеву къ величайшему расположенію къ вамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? какой же? мнѣ весьма бы хотѣлось знать, спросилъ Рущицъ.

— Вотъ видите ли,—сказалъ Вота, оглядываясь на всѣ стороны: но, Бога ради, не выдавайте меня, потому-что это тайна.

— Нѣтъ, нѣтъ, возражалъ Рущицъ, подстрекаемый любопытствомъ: говорите смѣло.

— Слушайте же, продолжалъ Вота вполголоса: я узналъ вчера, что королева сильно желаетъ отыскать между послани совершенно преданнаго ей чловѣка, который бы дѣйствовалъ на сеймъ по ея волѣ. Самое главное въ томъ, чтобъ эта особа, искусно провѣдывая всѣ тайныя намѣренія недовольныхъ дворовъ, могла подавать совѣты, какимъ образомъ склонить ихъ на сторону короля, или, по крайней мѣрѣ, принудить къ молчанію. Если королева найдетъ подобнаго чловѣка, то она, какъ сама говорила вчера, все сдѣлаетъ для него, что только онъ захочетъ.

Послѣдовало молчаніе. Вота, наклоня голову, прошепталъ—

дымъ взоромъ смотрѣлъ на Рушница съ улыбкою, какъ бы желая сказать: догадывайся самъ объ остальномъ.

Ротмистръ сказалъ врачу:

— И этой особою считаютъ меня?

— Sic, sic, illustrissime!—сказалъ Вота, кивая головою. Намбрания королевы совершенно благородны и предметъ, служащій раздоромъ для партій, есть только пустая форма. Мнѣ кажется, никому не вредитъ, что печать великая коронная была пожалована на сеймъ или къ сенатъ; а между тѣмъ королева желаетъ для блага отечества, чтобы ковода Троицкій остался величайшъ канцлеромъ. Какая кому нужна, что епископъ варшавскій Радеювскій будетъ вмѣстѣ и полканцлеромъ? А здѣсь готовы рѣзаться за эти вздоры и пустяки, verba, verba, prater ea nihil. Не лучше ли положить конецъ всему этому! Королева о томъ только и хлопочетъ; но для того нужна ей особа, которая бы могла указать средство къ обезоруженію упоравшихъ членовъ противной партіи.

— И королева обратила вниманіе въ этомъ случаѣ на меня?—спросилъ Рушницъ, погруженный въ глубокія размышленія.

— Она такъ утвердительно не назвала васъ, отвѣчалъ Вота, подумавши нѣсколько: но изъ ея словъ догадаться весьма легко было, что она разумѣла ни кого другаго.

— Слѣдовательно, если я рѣшусь на это,—сказалъ Рушницъ: то королева уволитъ панну Марію отъ дальнѣйшей службы и согласится немедленно на нашъ бракъ?

— О, безъ сомнѣнія; за это я ручаюсь своею головою,—отвѣчалъ Вота, взявъ руку ротмистра и ударяя по ней слегка своимъ.

Торжествующая улыбка была видна на лицѣ Итальянца, а глаза, блиставшіе нетерпѣливою радостію, слѣдили каждое движеніе яна ротмистра.

— А если бы я отвергнулъ предложеніе, спросилъ вдругъ Рушницъ: воспротивилась ли бы королева моимъ желаніямъ?

— О Dio!—вскричалъ Вота съ притворнымъ ужасомъ, отсккивая въ сторону: въ то время и не помышляйте о разрушеніи всѣхъ препятствій, которыя вамъ съ умысломъ будутъ противопоставлены; тогда вы должны будете или со злобъ отказаться отъ своего намѣренія или отложить его исполненіе на безконечнаго времени.

— Благородный, истинный другъ!—вскричалъ ротмистръ, обнимая Итальянца: отъ какихъ заботъ вы добавили мнѣ карту

исполнил счастливую мысль! Благодарность моя безгранична; я буду углублять воспоминания твоя, что вы открыли мнѣ.

Сказавши это, онъ удалился съ поспѣшностью; а Вета, ожидая какъ побѣдителя, который боролся долгое время съ сомнительнымъ счастьемъ, возвратился въ покои въ веселомъ расположеніи дука. Тамъ онъ засталъ уже множество особъ, собравшихся для представленія королю.

Между тѣмъ Рунчица отправился немедленно къ Маріи. Назѣченная о его прибытіи, она тотчасъ догадалась, что надлежитъ часть, въ которой обязана была сдѣлать необыкновенный выборъ между сладостными мечтами обманчиваго воображенія и исполненіемъ своихъ обязанностей. Какъ ни была она приговорена къ тому, что эта тяжкая минута наступитъ раньше нежели можно, однакожъ почувствовала нелегко внутренней страхъ, увидѣвъ, что нельзя уже откладывать ее дѣлье. Но этой причинѣ Марія вѣнула на встрѣчу къ ротмистру въ величайшемъ смущеніи и остановилась предъ нимъ съ трепетомъ, не смѣя первая нарушить молчанія.

Между тѣмъ нашъ герой всю дорогу напрягалъ угъ свой, сочивши дѣльную рѣчь, съ которою нагнѣвался предстать къ своей невѣстѣ; но подошда къ ней и увидѣвъ ее украшенную дѣвическимъ румянцемъ застѣчивости и смущенія, нелегко вспоминая ту счастливую минуту, какъ въ рукъ ее получалъ ленту въ награду мужества и великодушія. Съ того самаго мгновенія, въ груди его родилось чувство, неизвѣстное ему прежде; онъ не видалъ случая наслаждаться имъ, а теперь приходило разорвать на вѣки, можетъ быть, нить счастья, когорымъ до тѣхъ поръ утѣшался только въ сладостной надеждѣ.

Несобъ обыкновеннаго прѣзрѣтствія и довольно продолжительнаго молчанія, Рунчица наконецъ сказалъ:— Я почитаю себя весьма счастливымъ, удостоившись быть принятымъ вами, государини. Я едва смѣю открыть вамъ поводъ моего прибытія.

— Этотъ поводъ, отвѣчала Марія дрожащимъ голосомъ: слишкомъ извѣстенъ мнѣ, и вамъ не нужно повторять его. Я готова исполнить данное обѣщаніе и волю покойнаго моего родителя.

Рунчица посмотрѣлъ на нее съ выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что долженъ пожертвовать существомъ столь прелестнымъ. Но онъ внутренно обожалъ Марію за ея великодушное отреченіе отъ сладостнѣйшей надежды.

— Сколь ни привлекательна для меня минута, къ которую я буду въ состояніи потребовать отъ насъ исполненія драгоценнѣйшаго обѣта, — сказалъ онъ: однакожь я пришелъ, теперь не за дѣль. Завистливая фортуна положила преграду къ совершенному участію жизни моей; непредвидѣнные обстоятельства не позволяютъ мнѣ приступить къ заключенію брака, и я прихожу теперь взлечь глубокую горестъ и тоску моего сердца.

Удивленная Марія не смѣла спросить ретивистра о причинѣ этого поступка; въ молчаніи она ждала объясненій.

Черезъ нѣсколько времени онъ продолжалъ:— Вамъ извѣстно, сударыня, какъ высоко цѣню я счастье соединиться съ семействомъ незабвеннаго моего друга; но чѣмъ выше предметъ моего уваженія, тѣмъ болѣе я долженъ показаться достойнымъ его. Всякое дѣйствіе, могущее обезславить меня въ обществѣ благородныхъ гражданъ, должно было лишитъ права обладанія сокровищемъ, вѣрнымъ мнѣ родителемъ вашимъ.

Тутъ разсказалъ ей Рущицъ, подъ какими условіями хотѣлъ дозволить заключеніе ихъ брака.

— Дочь Модржевскаго, прибавилъ онъ съ жаромъ: не могла бы быть супругою человека, очернившего себя коварствомъ. Это заставляетъ меня надѣяться, что вы согласитесь въ справедливости моего поступка и не сочтете того за холодность, что есть только слѣдствіе моей несчастной судьбы. Я слишкомъ люблю моего короля, слишкомъ сильно знаю долгъ присяги и вѣрности, чтобы могъ рѣшиться на что-нибудь противное его волѣ и желаніямъ. Хотя я знаю очень хорошо, что никто не смѣетъ отнять у меня законнымъ образомъ то счастье, которое я получаю съ вашею рукою, но я не хочу это счастье выкупить цѣною королевской немилости. Рѣшившись ожидать спокойно благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, прошу васъ, сударыня, не оставлять двора до того времени, въ которое, согласно съ желаніемъ вашего сердца и волею короля, я буду имѣть возможность предложить вамъ мою руку. До этой минуты единственнымъ моимъ утѣшеніемъ будетъ увѣренность, что я не забуду тою, для счастья которой готовъ посвятить все, даже собственное блаженство; но честь и слава моя останутся неприкосновенны, потому-что въ числѣ первѣйшихъ желаній жизни моей я поставляю право быть всегда достойнымъ вашей любви и довѣренности покойнаго моего друга.

Будучи сильно разстроганъ, ротмистръ не могъ продолжать дѣле; однакожъ, не желая обваружить истинныхъ чувствъ своихъ, онъ поспѣшно удался, простившись съ Марією.

Марія, удивленная этимъ оборотомъ дѣла, начала размышлять о поступкахъ Рущица, сравнивая сдѣланное имъ пожертвованіе съ причинами, побудившими его къ тому.

Хотя она и не полагала найти въ немъ той пламенной любви, которою отличается обыкновенно молодость, видѣла однакожъ, что онъ слишкомъ высоко цѣнилъ счастье, получить ея руку и желалъ слишкомъ нетерпѣливо скорѣйшаго заключенія брачнаго союза.

Неожиданная перемѣна въ его желаніяхъ, не смотря на представленную имъ благородную причину, казалась ей не совсѣмъ основательною, потому что одно ея слово и рѣшительное намѣреніе оставить дворъ, устраняло всѣ препятствія. Марія не смѣла входить въ подробнѣйшія изслѣдованія истиннаго повода поступковъ Рущица, страшась найти въ немъ собственный приговоръ. Снисхожденіе къ слабости своего сердца позволяло ей вѣрить тому, что ротмистръ только для одной этой причины отдалялъ минуту супружества, но совѣсть ея невольно обнаруживала эту тайну и разсѣвала всѣ сомнѣнія. Марія догадывалась, что Рущицъ примѣтилъ равнодушіе ея къ принцу, но благородный образъ мыслей его не позволилъ ему упрекать ее въ томъ и объявить желаніе свое разорвать союзъ, священный для него по воспоминавію.

Въ первые дни послѣ разговора съ Вотюю, ротмистръ былъ принятъ при дворѣ, какъ не лзя благосклоннѣе, королевою. Но въ послѣдствіи, когда, не смотря на искусныя выпытыванія, онъ не объявилъ ничего касательно образа мыслей своихъ товарищей на сеймѣ, горизонтъ придворныхъ милостей подернулся тучами. Вотя избѣгалъ съ нимъ встрѣчи и, проходя мимо, едва удостоивалъ легкаго наклоненія головы. Наконецъ Рущицъ испыталъ, что значитъ быть не въ милости, и всѣ предпріятія его не имѣли никакого успѣха. Онъ заключилъ въ глубинѣ сердца горестъ свою, не открылъ никому причины мгновенной потери королевскаго благоволенія и усмѣхнулся только, когда минимые друзья донесли ему, что королева явно благопріятствуетъ стараніямъ и надеждамъ Мондора.

ГЛАВА VII.

Быль прекрасный вечеръ въ одно изъ первыхъ чиселъ юня. Подъ тѣнью огромнаго крыльца господскаго дома, сидѣла тетка Марія съ мужемъ своимъ, наслаждаясь чистымъ и прохладнымъ воздухомъ. Камергеръ дѣлалъ различныя наблюденія надъ погодою, спрашивая у домашняго капеллана, какъ онъ думаетъ, будетъ ли завтра или послѣ завтра дождикъ, благодѣтельный для яроваго хлѣба. Въ это время появился на дворѣ какой-то незнакомецъ, верхомъ на лошади; вѣхавъ въ ворота, онъ спѣшился, привязалъ коня посрединѣ двора къ столбу съ желѣзными кольцами, назначенному вѣроятно для этого употребленія, и, снявъ издали шапку, подошелъ къ сидѣвшимъ на крыльцѣ съ низкимъ поклономъ.

— Да будетъ благословенъ Иисусъ Христосъ! — сказалъ онъ, правую рукою онуская шапку до самыхъ ногъ камергера, а лѣвою подавая ему привезенное письмо.

— Во вѣки вѣковъ! — отвѣчалъ камергеръ: отъ кого же вы прѣехали?

— Отъ господина бригадира Рушчица, который вашему превосходительству посылаетъ поклонъ вмѣстѣ съ этою бумагой.

— А развѣ господинъ бригадиръ возвратился въ деревню? — сказала камергерша и, подстрекаемая любопытствомъ узнать содержаніе привезеннаго письма, подошла къ своему мужу.

— Да, возвратился, — отвѣчалъ посланный, нашъ старшій Шуликъ, и почесалъ у себя въ головѣ, что должно было означить, что прѣздъ его барина не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

— А кто жъ такой ты-самъ, мой любезный! — спросилъ камергеръ.

— Я? — возразилъ Куликъ, какъ бы изумленный тѣмъ, что не знали его имени: я былъ и емъ рядовой гусарской хоругви, и кромѣ того былъ, а теперь уже нѣтъ веревки камердинеромъ и гайдукомъ вельможнаго пана бригадира.

— За чтѣмъ ты лишился этого званія? сказала усмѣхаясь, камергерша.

— Богъ вѣсть за что! — отвѣчалъ Куликъ, пожимая плечами: покуда мы ѣздили ко двору, гдѣ вельможный панъ бригадиръ

«Извольте золотиться, — до тех пор я исправляю должность гайдука, а когда все это рухнет, сядь на свое кань, барань скавалъ: ты у меня вѣкъ этикъ дарнейдомъ: вьюды распустишь; ниѣ они те нужны дома; безъ ниѣ тамъ есть: довольно; самъ только останешься при мнѣ, но не смѣй называться гайдукомъ» — и я позволился приказу пана бригадира.

Камергеръ взглянулъ на жену свою и сказалъ: — Я догадываюсь о содержаніи окома; это будетъ повтореніе того, о чемъ кань писала уже Мансика. Говоря это, онъ раздумалъ пеналъ, пробѣжалъ потыкомку воссаніе и сказалъ вполголоса: — Въ самомъ дѣлѣ, тутъ одни почти оправданія и похвалы Маріи; видно, что онъ бѣдвельней очень огорченъ, и что ему дорого стоить отдаленіе минуты его счастья.

— Слабѣ онъ прѣвзая къ кань, сказалъ камергерина: то утѣшился бы нѣсколько, обрадуя тѣмъ вѣстѣмъ и насъ. Знаешь что, душенига, маминтомъ къ нему объ этомъ?

— Не худо, — возразилъ камергеръ, и прибавилъ, обращаясь къ Кулику: — что кань твой не выѣзжалъ изъ дому?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Куликъ; но, подумавъ нѣсколько, сказалъ: съ позволенія асновельможнаго панства, о чемъ вы дозволяете спрашивать?

— Дома ли панъ твой? — повторилъ камергеръ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Куликъ; но, подумавъ нѣсколько, сказалъ: было по лицу, что онъ остался доволенъ своимъ отвѣтомъ.

— Что жъ ты обманываешь, братецъ! — сказала камергеръ: однагъ разъ кань дома, а другой разъ нѣтъ дома.

— Во второй разъ я лучше отвѣтилъ, сказалъ Куликъ: потому что кань вельможный кань бригадиръ такъ приказывалъ.

— Ага, теперь понимаю! — вскричалъ камергеръ: видно, что кань бригадиръ дома, но имѣетъ свои причины, не хотевши сообщаться свиданія съ нами, не оказывающъ дома. — Тутъ онъ всталъ, далъ знакъ женѣ идти за нимъ въ покон, и заговоривши между собою нѣсколько людей, сказалъ: — чебъ этому посланному было всего вдоволь. Поутру онъ получитъ вѣстѣ, съ котороу можетъ ѣхать.

Возвратясь въ комнату, камергеръ сѣлъ съ женою своею къ окну и внимательно прочиталъ письмо Рущида. Между тысячью выраженій, исполненныхъ привѣтствій и извѣній въ неисполненія обещанія, видно было усиліе скрыть тайную причину, ко-

торую могъ имѣть Рушчицъ въ оправданіе своего вестушка. Это возбудило нѣжную заботливость сумруговъ, тѣмъ болѣе, что недовѣрчивость посланнаго заставляла догадываться, что баринъ его старался избѣгать свиданія съ ними. Поэтому она рѣшилась убѣдительнѣйшимъ образомъ просить Рушчицу посѣтить ихъ, а въ письмѣ рѣшительно объявила, что если онъ, чрезъ три дня послѣ полученія отвѣта, не пріѣдетъ къ нимъ, то они принуждены будутъ отправиться къ нему сами. Сильное желаніе видѣть его они объяснили тѣмъ, что изъ письма, ими полученнаго, нельзя имѣть удовлетворительнаго извѣстія о настоящемъ положеніи любезной племянницы.

Между тѣмъ Куликъ, довольный ласковымъ пріемомъ и угощеніемъ въ домѣ камергера, возвращался поутру съ отвѣтомъ въ деревню своего барина. Когда онъ явился къ бригадирю, подавалъ ему письмо, то на лицѣ его легко было прочесть внутреннюю радость, происходящую отъ увѣренности во счастливомъ окончаніи посольства. Рушчицъ былъ въ это время въ своей оружейной, осматривая и приготовляя оружіе для будущей кампаніи Буковинской. Увидя письмо, онъ съ нетерпѣливымъ любопытствомъ выхватилъ его изъ рукъ Кулика, распечаталъ и пробѣжалъ быстрымъ взоромъ.

— Ты не могъ не проболтаться! вскричалъ онъ съ гнѣвомъ, смотря на своего стараго слугу, — вѣдь я строго приказывалъ тебѣ молчать.

— Кто? я?—отвѣчалъ Куликъ съ удивленіемъ: я ничего худого не сказалъ и въ точности исполнилъ приказаніе вельможнаго пана! Видя на головѣ Рушчица шлемъ, онъ прибавилъ:— эта каска никуда не годится; она въ двухъ мѣстахъ прострѣлена. Я давно говорилъ, что надобно починить ее.

— Что ты мнѣ толкуешь о каскѣ?—вскричалъ Рушчицъ, бросивъ ее на столъ такъ сильно, что она свалилась оттуда на полъ. — Отвѣчай, безпутная голова, какъ смѣлъ ты сказать, что я дома?

— Сохрани Богъ!—отвѣчалъ Куликъ, поднимая съ полу каску и выпрямливая сломанное перо.

— Вотъ теперь еще новая дыра сдѣлалась на ней; да и перо-то уже никуда не годится болѣе; а я ничего большаго не говорилъ, кромѣ того, что, вельможный панъ, изволятъ приказывать сами.

— Развѣ я не говорилъ тебѣ, — сказалъ Рушчицъ съ гнѣ-

вошь: чтобы ты отвѣчалъ мѣтъ, когда тебя спросятъ, дома ли я?

— Чтобы мнѣ не сойти съ этого мѣста! — вскричалъ Куликъ: если я сказалъ другое! я все говорилъ мѣтъ. Виновать я, что ли, тому, когда меня спросили въ первый разъ: что баринъ не выгнжалъ изъ дому?

— Убирайся къ чорту! закричалъ Русшницъ, удерживаясь отъ дальнѣйшей брани въ уваженіе прежнихъ заслугъ стараго слуги, — и вышелъ изъ комнаты, оставивъ Кулика, до такой степени разгнѣваннаго на дурной приемъ господина, когда думалъ заслужить благодарность, что онъ долго ворчалъ и бранился, разгнѣвая между тѣмъ копья, мечи и шлемы и стирая пыль съ прочаго вооруженія.

Что касается до баряна, то гнѣвъ его происходилъ отъ не исполненнаго желанія убѣгать свиданія съ семействомъ камергера, потому что онъ опасался открыть имъ истинную причину своего поступка и, при всегдашней откровенности, проговориться о тайнѣ сердца своего.

Съ другой стороны, не имѣя справедливыхъ причинъ отказаться отъ приглашенія, онъ принужденъ былъ рѣшиться на посѣщеніе камергера, вооружившись прежде, сколько доставало силъ, для избѣжанія сѣтей, которыя разстала бы ему болтливость его собственная или друзей его.

Послѣ дружескаго привѣтствія, Русшницъ, извинившись напередъ въ холодности къ посѣщенію затрудненіями по службѣ и приготовленіями къ будущей кампаніи, отвѣчалъ на различные вопросы относительно Маріи.

— Въ какомъ безпокойствѣ были мы, — сказала камергерша, ожидая съ каждымъ днемъ отъ васъ извѣстія о приближеніи дня вашей свадьбы. Мы думали, получивъ его заблаговременно, пріѣхать въ столицу, и вдругъ, вообразите изумленіе наше, когда мы узнали отъ Машеньки о вашемъ намѣреніи.

— Я надѣюсь, однакожь, — возразилъ Русшницъ, что панна Марія объяснила вамъ также и причины, побудившія меня къ столь непріятному рѣшенію.

— Она исполнила это, — отвѣчалъ камергеръ: и мы умѣемъ вполне оцѣнить важность этихъ причинъ; но.....

— Безъ сомнѣнія, прервала супруга его: однакожь, если признаться откровенно, то заботливость наша невольно заста

васеть лжотъ ермиватьса; нбтъ ли ещѣ нѣкого—нибудѣ совре-
веннаго повода къ вашей рѣшительности.

—Кажуца мнѣ, что..... Рушчицъ хотѣлъ продолжать, но поарисахъ и самоглаголь. Приказнува; всегда къ откровенности, онъ быль неспособенъ обманывать и скрывать свои мысли. Камергеръ и жена его взглянули другъ на друга и, стараясь, обратити разговоръ на другіе предметы, отложили до благо-
приятнѣйшаго времени вывѣдать отъ Рушчица частосердечное
признаніе; они все подосрѣзали; не извѣстіе ли о любви-од-
ного лица къ Маріи; поудило его къ отдаленію супружескаго
союза. Но когда въ дальнѣйшия бесѣды съ нимъ, камергеръ
удостоверился наконецъ, что Рушчицъ, съ восторгомъ вспоми-
ная о своей невѣстѣ, считаетъ величайшимъ счастьемъ въ сво-
ей жизни полученіе руки Маріи, то перемѣнилъ совершенно
мысли свое о существованіи тайныхъ причинъ въ поступкахъ
бригадира. Онъ угадалъ жену свою, что нѣтъ никакой опас-
ности; и что дѣла идутъ, какъ нельзя лучше.

И нашъ герой, съ своей стороны, возвратился къ прежней
откровенности и непринужденному обхожденію въ дошѣ камер-
гера. Погостивши нѣсколько дней, онъ разсказалъ имъ все,
что только зналъ о Маріи, выключая только извѣстный намъ
случай, которой не безъ смущенія пропускалъ въ своихъ по-
вѣствованіяхъ.

Наканувъ дня, назначеннаго къ отъѣзду Рушчица, камер-
геръ свидѣлъ съ нимъ послѣ обѣда въ саду, подъ тѣнью огром-
наго дуба. Желая провести послѣднее время повеселѣе, онъ
мигнулъ съ улыбкою жемъ своей и сказалъ ей что-то на ухо:—
Помни же, миленькая,—сказалъ онъ ей вслѣдъ: шесть сотъ
тридцать пятого.

Немного епустя, явился ключникъ, неся въ рукѣ съ осто-
рожностію, чтобы не стереть почтенной пльсени, бутылку съ
билетикомъ, на которомъ былъ написанъ годъ 1635. Когда ее
поставили на столъ, камергеръ взглянулъ на Рушчица, какъ бы
вепльчивая; какое дѣйствіе произведеть на него видъ такой дре-
вности.

—Trigesimo quintol—сказалъ Рушчицъ, наклонивъ голову, и
перорывавъ къ себѣ бутылку тѣмъ бокомъ, гдѣ наиболѣе вид-
но было пльсени.

—Тутъ будетъ славная мышка,—прованесъ камергеръ и, взя-
вши пробочку, откупорилъ самъ бутылку, надѣвъ не много.

внѣ въ комнату, показавъ густому соо. Рущицу на сонцѣ и, дая ему прежде насладиться знакомъ, напилъ потому двѣ рюмки до самого дна.—

Такия вина пьются только съ лучшими друзьями! — сказали они: за здорovia, твое, любезнѣйшій братъ.

— И наше общее благополучіе! — отвѣчалъ Рущица, поднимая къверху рюмку и ударивъ ею объ рюмку камергера; послѣ чего онъ сталъ пить тихо и съ чувствомъ особеннаго рода.

— Что? каково? вѣдь: *maxim et arrobatione dignum*, сказалъ камергеръ, выпивъ только до половины рюмку.

Въ знакъ согласія, Рущица съ улыбкою кивнулъ головою, и съ опытною любителя хорошихъ винъ началъ ученое изслѣдованіе о происхожденіи, древности и способѣ сохраненія этого напитка. Въ то время, какъ глубокомысленное размышленіе часъ отъ часу дѣлалось занимательнѣе и румянецъ, происходившій отъ душевнаго и тѣлеснаго удовольствія, понемногу разгарался на лицахъ двухъ друзей, приближала съ радостнымъ видомъ камергерша и объявила, что человекъ ихъ, возвратившійся изъ Варшавы, привезъ письмо отъ Маріи.

— Подай, миленькая, его сюда, подай, — мы прочитаемъ вмѣстѣ, говорилъ камергеръ, протягивая за нимъ руку: но камергерша взглянула съ значительнымъ видомъ, отняла руку свою съ письмомъ, и выраженіемъ лица своего старалась напомнить супругу, что въ присутствіи Рущица не должно было читать этого письма.

Но онъ въ эту минуту менѣе всего былъ способенъ понимать миимику. Вся его прозорливость утонула въ винѣ, а мѣсто ея заступила откровенность и то состояніе чистосердечнаго изліянія чувствъ передъ другомъ, которое бываетъ слѣдствіемъ первыя впечатлѣній вина.

— Чтожь ты, миленькая, не хочешь отдать мнѣ его? — продолжалъ камергеръ, взявши изъ рукъ жены письмо: вѣдь насъ всежь занимаетъ судьба Маріи, а господину бригадиру, я думаю, весьма пріятно будетъ узнать мысли своей невесты.

— Точно такъ, сударыня, — прибавилъ Рущица, кляну себя надеждою, что вы не захотите лишиться моего удовольствія, услышать еще что-нибудь о драгоценной особѣ вашей Маріи, тѣмъ болѣе, что я ѣду на кровавый пиръ, и кто знаетъ, чья это вѣстие не будетъ для меня послѣднимъ.

Камергерша была не въ силахъ боѣе противиться общему нападенію мужа и Рушчица, и вида, что первый мало заботится о слѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ прочтенія письма, съѣла подлѣ него, чтобы при каждой опасности, угрожающей открытіемъ мнимой тайны, заблаговременно прервать чтеніе, или растолковать въ другую сторону содержаніе его. Между тѣмъ супругъ ея протеръ старательно очки свои, поправился на дерновой скамейкѣ, откашлялся для очищенія голоса и сталъ читать:

«Любезнѣйшая тетенька, единственная покровительница и отрада въ жизни моей!

«Какъ бы я желала быть съ вами вмѣстѣ, чтобы открыть вамъ тѣ чувства, которыя наполняютъ мое сердце, и просить вашего совѣта въ затруднительномъ и опасномъ моемъ положеніи.»

— Бѣдненькая! — прервала камергерша: она теперь одна осталась лишенная удовольствія видѣть господина бригадира; какъ же ей не тосковать по его отъѣздѣ?

На эти слова Рушчицъ съ важностію поклонился и молчалъ, а камергеръ продолжалъ читать далѣе:

«Съ дѣтскою довѣренностію, какъ дочь своей матери, я предаюсь вашей защитѣ. Съ чистосердечіемъ подруги я открою вамъ все, что здѣсь происходило со времени отправленія послѣдняго моего письма. Не оказывайте снисхожденія къ моимъ слабостямъ; будьте строгимъ судьею моихъ поступковъ; помогите мнѣ безпристрастнымъ наставленіемъ, или снова примите меня въ свое мирное убѣжище, чтобы я не прельщала себя напрасно обманчивою надеждою высокаго счастья; чтобы ежедневное свиданіе съ принцомъ.....

— Что ты читаешь тамъ, дружокъ? — прервала камергерша и, выхвативъ изъ рукъ мужа письмо, прибавила тотчасъ съ улыбкою: я вижу, что старое вино уже слишкомъ развеселило тебя, если ты сумѣлъ помѣстить столько подозрительныхъ выраженій, чтобы пострадать нашего почтеннаго друга, шутками возбуживъ въ немъ ревность.

— А такъ, — произнесъ камергеръ, припоминая себѣ вѣсколько, въ чемъ состоитъ дѣло: въ самомъ дѣлѣ я хотѣлъ пошутить немного.

— Нѣтъ, ужъ я больше не дамъ тебѣ читать, сказала камер-

горна: оставайтесь тутъ бесѣловать между собою; а вѣдѣю одна прочтѣю его и послѣ разскажу вамъ, что пишутъ Машенька. Сказавъ это, она хотѣла удалиться; но Рущица всталъ съ своего мѣста и, взявъ ее за руку, сказалъ, улыбаясь:—Прощу васъ, сударыня, не уходите; вы напрасно опасаетесь, письмо это ничего не откроетъ мнѣ новаго, однакожь столько интересуетъ меня, что я сочту величайшимъ одолженіемъ, если вы позволите мнѣ узнать его содержаніе.

Въ ужасномъ смущеніи, камергерша взглянула на своего мужа, между тѣмъ какъ онъ, устремивъ глаза на столъ, казалось, занятъ былъ единственно стаканомъ вина, который держалъ въ рукѣ своей. Послѣ того, она бросила робкій взглядъ на Рущица, желая прочесть на его лицѣ происходившее въ сердцѣ; но удалилась чрезвычайно, встрѣтивъ на немъ признаки душевнаго спокойствія, отражавшіяся въ пріятной улыбкѣ. Наконецъ, обратясь къ камергеру, въ ожиданіи, чтобъ онъ самъ прервалъ молчаніе, и не вида съ этой стороны помощи, она хотѣла уже начать прежній разговоръ.

— Мнѣ кажется, сказалъ Рущица: что мы всѣ обманывали взаимно одинъ другаго, между тѣмъ какъ никто изъ насъ не могъ скрывать внутреннихъ чувствъ и мыслей своихъ. Я проинкнулъ уже тайну, храненіе которой вѣрила Марія вамъ, съ дѣтскою откровенностію; но не опасайтесь моего гнѣва для непостоянства. Прежде дальнѣйшаго чтенія письма, выслушайте мое признаніе. Ахъ! какая тяжесть спадетъ у меня съ груди, когда я буду въ состояніи говорить съ вами откровенно о драгоцѣннѣйшемъ для всѣхъ насъ предметѣ!

Тутъ разсказалъ Рущица со всѣми подробностями тѣ обстоятельства, конхъ былъ свидѣтелемъ при дворѣ и открылъ истинную причину своихъ поступковъ.

Камергерша сильно была растрогана повѣствованіемъ бригадира. Она съ чувствомъ пожала его руку, въ знакъ благодарности, а камергеръ изъявилъ вѣжливѣйшую любовь къ Маріи и искреннюю признательность и уваженіе Рущицу. Когда эти сильныя впечатлѣнія нѣсколько утишились, всѣ съ одинаковымъ душевнымъ нетерпѣніемъ приступили къ дальнѣйшему чтенію посланія.

«Вамъ извѣстно, безъ сомнѣнія, любезнѣйшая тетенька, что давно уже королева питала надежду и желаніе соединить старшаго сына своего съ дочерью императора Леопольда. Принцъ

Тамъ онъ неудовольствіемъ возмущался полъ-ветеръ, и въ снѣ-
шаламъ часамъ не бѣлъ. Внуреннаго постою, какъ она жадова-
ла кнѣзю Ваденской на геркуту необходимость заключить
союзъ, прочинный сердечной склонности. На родители его умо-
требали, всё услыя, чтоба любилъ обращеніе своего сына
къ такому браку, тѣмъ болѣе, что отъ заключеніемъ его, ни-
рано бы будеть, и возмущеніемъ для собственннхъ видовъ поддер-
живать партію зятя прѣ-образя его на польскій престолъ,
въ случаѣ смерти ея; впрочемъ, передъ окончаніемъ сеймъ
открыли въ Вѣнѣ тайное послѣдство, дабы получить рѣши-
тельный отвѣтъ въ этомъ важномъ дѣлѣ.

«Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ возвращенія посланника, а я,
жакъ нестателница, не въ силахъ была нестребать въ собѣ-
чувства невольной тоски въ ожиданіи будущности.

«Наковецъ онъ прѣѣхалъ. Ахъ, какъ я терзалась, не могши
тогда же узнать о сдѣлствіяхъ этого посольства; какія муки
испытывала я отъ сомнительной невѣроятности, ужаснѣйшій
самого страшнаго призора. И теперь, еще отзывается во мнѣ:
голосъ совѣсти, прѣвоспоминаніи о борьбѣ страстей съ обяза-
ностями.

«Недолго оставались тайною извѣстія, полученныя изъ Вѣ-
ни: неудовольствіе королевы; печаль короля, тайная радость
принца и отѣна придворныхъ увеселеній, концы назна-
чевъ уже былъ день,—все это вѣсть объявлено неблагопри-
ятное окончаніе посольства. Королева нѣсколько дней была
очень огорчена и я нестыла на собѣ отвѣды ея огорченія.
Но признаюсь откровенно, любовная тетенька, что это не
привело на меня непрятнаго впечатлѣнія, потому — что
горестъ мою въ этомъ случаѣ услаждала какая-то слабая непо-
нятная надежда. Ахъ! если эта надежда обманчива, если она
никогда не исполнится! Какъ убійственно для меня это, необы-
кновенное стеченіе обстоятельствъ, которыя сопрѣвають ее въ
моемъ сердцѣ, которыя сдѣлываютъ меня благодарною и
неповслушною свѣщенной волѣ родителей!

«Назадъ тому нѣсколько дней, вечеромъ, было въ Виллаковѣ
собраніе дамъ и кавалеровъ, приближеннхъ королевской ка-
миніи. Вслухъ уже говорили объ отвѣтѣ императора Лео-
польда; королева упрекала его въ благодарности къ своему
избавителю; одни оправдывали гавѣ ея, а другіе старались
рабѣять печаль короля и утѣшить его тѣмъ, что ему легче

будеть отыскать для своего сына выгодную партію при другомъ дворѣ. Какъ затруднительно было положеніе мое въ эти минуты! сколько неизмовѣрныхъ усилій нужно мнѣ было, чтобы, подъ маскою совершеннаго равнодушія, укрыть происшедшее въ моемъ сердцѣ! Я слышала различныя мнѣнія и предположенія относительно выбора новой невѣсты принцу. Сердце мое трепетало, щеки горѣли; я страшилась взглянуть на окружающихъ меня особъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не догадался, что есть тутъ одна, осмѣливающаяся считать себя достойною сердца и руки королевича.

«Но въ состояніи будучи переносить болѣе этого насильственнаго положенія, я оставила комнату, гдѣ продолжался общій разговоръ и вышла съ намѣреніемъ отдохнуть и подышать свѣжимъ воздухомъ въ саду. Мнѣ надлежало проходить чрезъ комнату, обѣнную съ прекраснымъ кабинетомъ, всего она выходила въ садъ. Никого не было въ этой комнатѣ; но я слышала чей—то разговоръ въ кабинетѣ, и подстрекаемая, можетъ быть, панибубнищ для меня любопытствомъ, рѣшилась подождать на цыпочкахъ къ дверямъ. Услышавъ голосъ прима Іакова и мадамъ Виленской, я хотѣла удалиться, въ это самое время до ушей моихъ долетѣли слѣдующія слова, содѣлавшія новую причину моихъ терзаній: «Надѣюсь, что противъ этой ты ничего не будешь имѣть къ возраженію: она не лицева, кажется, наружныхъ прелестей; можетъ легко возбудить и раздѣлять любовь и живую и страстную, но самое главное: она полька!»

«Эти нѣсколько словъ проникли меня трепетомъ; страшась быть замѣченною, я быстро оставила двери и, выбѣжавъ въ садъ, искала темнаго и уединеннаго мѣста, гдѣ бы могла скрыть и утѣшить внутреннее смущеніе и волненіе чувствъ.

«Увы! до сихъ поръ, ничто еще не останавливало порыва раздраженнаго воображенія и чувствительности!»

«Милая, любезнѣйшая тетенька! возвратите мнѣ потерянное спокойствіе; отнимите у меня тѣнь самой надежды и скажите, что могли означать эти слова?...»

— Что могли означать они!—сказала тронутый до глубины души бригадиръ: передайте ей, сударыня, что Рукатицъ одобряетъ слѣдующее истолкованіе ихъ значенія: что Марія Модржевская будетъ нѣкогда супругою принца Іакова.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

По закрытіи сейма, дворъ Собіескаго оставилъ Виллановъ и часть зимы провелъ въ Жолквѣ, а остальную во Львовѣ. Полки выступили въ несчастный Буковинскій походъ; самъ же Юаннъ, отягченный болѣзнію, передалъ начальство надъ войскомъ гетману Яблоновскому, котораго твердость и мужество, при содѣйствіи храбраго и искуснаго артиллерійскаго генерала Контскаго, спасли армию въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Въ слѣдующемъ 1686 году, императоръ Леопольдъ, желая сблизиться съ польскимъ дворомъ, имѣвшимъ противъ него справедливое неудовольствіе за отказъ дочери въ супружество принцу Іакову, предложилъ королю вспомогательный корпусъ для завоеванія Молдавіи и Валахіи. Просьбы королевы и хитрые проски Воты, умѣвшаго поджечь въ королѣ прежнюю страсть къ военнымъ дѣйствіямъ, произвели то, что Собіескій рѣшился объявить Туркамъ войну, подъ предлогомъ обратнаго завоеванія Каменца-Подольскаго. Принцъ Іаковъ, желая заслужить признательность и довѣренность народа, посредствомъ новыхъ доказательствъ своей храбрости, сопутствовалъ отцу своему въ походъ.

Въ продолженіе этой долговременной войны, дворъ казался осиротѣвшимъ безъ короля и принца.

Обманчивыя надежды не покидали Маріи; еще не разочарованная въ своихъ мечтаніяхъ, она скучала при дворѣ, какъ въ пустынѣ; одно только частое посѣщеніе тетки доставляло ей отраду, и пользуясь дозволеніемъ королевы, она гостила въ домѣ камергера по нѣскольку мѣсяцевъ. Въ бесѣдахъ своихъ съ теткою, она болѣе всего любила разговаривать о будущей судьбѣ своей. Открывая чистосердечно чувства свои и надежды, съ условіемъ хранить глубочайшую тайну, Марія не предвидѣла, что есть еще одинъ невидимый свидѣтель ея мыслей. Часто спрашивала она съ болзнію: не извѣстна ли Рущицу склонность ея къ принцу? но камергерша, вѣрная своему обѣщанію,

старалась всегда отклонить подозрѣнія и страхъ ея въ этомъ отношеніи; она убѣдила ее, что причиною откладыванія Рущичонъ брака есть известное уже намъ обстоятельство и безпрестанная война, которыя не позволяютъ бригадиру даже и думать о томъ. — Онъ до тѣхъ поръ не явится съ предложеніемъ, — говорила всегда камергерша, — пока не наступитъ твердый миръ; а между тѣмъ мы будемъ имѣть случай узнать истинныя намѣренія принца.

Мондоръ напрасно старался заслужить расположеніе Маріи, и вѣроятно отступилъ бы отъ своихъ желаній, если бы имъ управляли тѣ же самыя причины, кои побуждали его прежде стараться о призваніи ея ко двору. Сначала мысль получить богатое приданое и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошенькую невѣсту привлекала его самолюбіе и льстила его тщеславію; но ближайшее познаніе Маріи, частое пребываніе въ обществѣ съ нею, могущество ея прелестей, и наконецъ самое раздраженіе препятствіями, наполняла душу его, занятую до этого времени только вычисленіями эгоизма, огнемъ пламенной страсти. Прежде, его останавливала бы первая неудача, а теперь твердость его возростала, по мѣрѣ того, какъ безпрестанныя преграды являлись ему въ достиженіи цѣли. Онъ терпѣливо сносилъ доказательства холодности и даже презрѣнія Маріи, только чтобы имѣть случай чаще съ ней видѣться. Ревность его доходила до бѣшенства, когда онъ видѣлъ малѣйшее расположеніе, оказанное Марією другому, а не ему, и покушеніе друзей отвлечь его отъ избранной цѣли только раздражало его. Ласковое слово, сказанное ею кому-нибудь другому, было для него нестерпимой мукой. Умъ его безпрестанно былъ занятъ только тѣмъ, какимъ бы образомъ преодолѣть отвращеніе Маріи и какія бы употребить средства, чтобы привлечь ее къ себѣ и заставить отдать ему свою руку.

Возвращеніе короля и принца изъ неудачнаго похода оживило нѣсколько скучную придворную жизнь; но это удовольствіе недолго продолжалось; принцъ Іаковъ, занятый приготовленіями къ новой кампаніи, въ коей поручено было ему предводительство, не могъ удѣлять много времени на забавы, и до открытія войны весною, онъ провелъ все время большею частью въ путешествіяхъ по мѣстамъ расположенія войскъ, гдѣ занимался ученіями и смотрани. Неумолимое рвеніе, съ какимъ онъ трудился надъ приготовленіями къ походу, служило для Маріи

и некоторые утверждали въ томъ, что она должна съ нѣкъ времени, можетъ быть, на долго; она видѣла въ этой заботливости принца залогъ будущаго мужества, возбуждавшего въ ней благородный восторгъ, ленивъ она казалась бы осуществить предметъ своего обожанія.

Видо другое обстоятельство продолжило время раслути Маріи на принца. Уже нѣсколько времени королева чувствовала ослабленіе своего здоровья; позвали докторовъ, но они посовѣтадо привезли ей облегченія въ страданіяхъ, и только королева рѣшилась обратиться къ славному итальянскому врачу, который присовѣтывалъ ей ѣхать, слѣдующею весною, къ теплымъ водамъ, открытымъ недавно въ деревнѣ Вармбрунгъ, въ Богеміи.

Этотъ совѣтъ превозмогъ надъ всеми другими; король остался недоволенъ этимъ путешествіемъ, потому-что ему несправдливо было разстаться на нѣсколько мѣсяцевъ съ любимею супругой, тѣмъ болѣе, что онъ недавно еще возвратился изъ похода. Но королева не хотѣла отказать отъ своего намѣренія, и въ мѣ 1687 года выѣхала изъ Яворова съ многочисленными дворомъ. Узнавъ, что Марія находится въ сантѣ королевы, Мондоръ, чрезъ посредство Французовъ, усилъ также, въ числѣ прочихъ кавалеровъ, получить мѣсто въ этомъ блестящемъ караванѣ.

Король и принцъ Іакобъ провожали Марію Казиміру до самаго Рѣшова, уговаривая ее безпрестанно оставить это предпріятіе. Передъ отъѣздомъ, и въ предложенію пути, принцъ такъ былъ внимателенъ и предупредителенъ къ Маріи, что она съ тайною горестію оставила Рѣшовъ, гдѣ остался Іакобъ. Съ этого времени, мысли и чувства ея всегда стремились за нинъ, преслѣдуя его и при дворѣ и въ станѣ военномъ, гдѣ была помощителемъ храброй арміи, вѣренной ему Іоанномъ, который, по причинѣ ослабленнаго трудами здоровья, могъ только проводить войско до Язловецкаго зѣмка.

Дружескія сношенія съ Австрією были возобновлены; императоръ, узнавъ объ отъѣздѣ королевы, выслалъ на границу Силезіи барона Журовскаго съ порученіемъ принять ее отъ имени его и сопутствовать до самыхъ водъ, предупреждая всѣ ея желанія и нужды. Но королева рѣшилась убѣдять десной твердотвенной встрѣчи, и объѣзжавъ много, въ докторовъ ожидальгос императорскій посланникъ, прибыла въ Бронцавъ. нѣкогда въ то самое время, какъ ее надѣялись застагъ на границѣ.

Ей осуществляли сестра ея, маркграфиня де-Ботонь, и старая воеводичижевская, ей ставшая-дама. Некая удовольствие въ скрытном своемъ имени, она вошла Нуровскому, прибывшему за-чисто въ Вроцлавъ съ письмомъ Леопольда, не объявлять никому тайнаго жительство ея въ городѣ. Нѣсколько дней она про-жила въ Вроцлавѣ, и подъ именемъ воеводици кievской посѣ-щала церкви и бывала въ гостяхъ у тамошнихъ купцовъ, гдѣ никто не могъ узнать королевы, потому-что въ придворныхъ да-мы, не отличалась отъ нея одеждою, старалась сохранять въ обхо-жденіи всевозможную непринужденность. Когда остальной дворъ былъ въ разстояніи одной миль отъ города, Марія Казимира вы-ѣхала на встрѣчу своей святѣ, и вмѣстѣ съ нею возвратилась въ Вроцлавъ.

Посреди многочисленной толпы народа, она отправилась пра-во въ кафедральный соборъ, выслушала тамъ обѣдню и, ото-бѣдая публично во дворцѣ епископа вроцлавскаго, торжест-венно, со всѣмъ дворомъ, проѣхала по городу, показывая видъ, будто намѣрена имѣть ночлегъ за нѣскольکو миль, а между-тѣмъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ, возвратилась въ го-родъ. На другой только день она выѣхала изъ Вроцлава и прибыла съ отцемъ своимъ въ Варшбуръ, владѣтель кото-раго графъ Шадеготъ уступилъ ей для жительства собствен-ный замокъ.

Когда направленіе здоровья было главнѣйшею цѣлію путеше-ствія въ это мѣсто, то королева, кажется, не слишкомъ забо-тилась о томъ, посвящая все время на забавы. Сначала на во-дахъ было довольно пусто; но когда вѣсть о пріѣздѣ коро-левы разнеслось въ окрестностяхъ, то всѣ богатѣйшіе владѣль-цы Силезіи съѣхались туда радоваться увеселенію Маріи Кази-миры. Каждый изъ нихъ старался блеснуть своею знатностію и богатствомъ въ великопѣрныхъ ширшествахъ и балахъ, дава-емыхъ ими въ честь королевы и другихъ польскихъ дамъ. Почти всякой день, когда королева принимала ванны, были кон-церты, а вечеромъ собранія въ королевскихъ комнатахъ, гдѣ дожде за полночь время невидимо улетало въ танцахъ и дру-гихъ удовольствіяхъ.

Марія, скорѣе скучая, нежели радуясь этимъ непрерывнымъ забавамъ, не опускала ни одной минуты, свободной отъ службы или невольной разсѣянности, чтобы въ уединеніи наслаждаться удивительными красотами, которыми природа такъ щедро надѣ-

лила тамошнія окрестности. Изъ окна своей комнаты она могла видѣть синее возвышеніе горъ, конхъ обнажившія вершины касались облаковъ. Часто, когда волшебный лучъ мѣсяца пробуждалъ ее изъ усыпленія, она подходила къ окну, и вдыхая въ себя чистый воздухъ прохладной ночи, съ восторгомъ взирала на черные шлемы исполиновъ, которые, казалось, грозили своею ствію мирной долины. Иногда возбуждало въ ней чувство страха мрачное облако, хотѣвшее, по видимому, сравнить небо съ горами, облекая ихъ одинакимъ темнымъ покровомъ; иногда утѣшалъ ее пріятный, томный свѣтъ луны, который, отражаясь на вершинахъ и отлогостяхъ, отдѣлялъ ихъ рѣзко отъ пропастей.

Часто, погруженная въ глубокую задумчивость, она стояла у окна и искала въ многообразныхъ видахъ природы сравненія съ различными случаями жизни человѣческой. Примѣняя все это къ себѣ самой, она мыслію уносилась въ минувшія лѣта своего дѣтства, къ прежнимъ невиннымъ и скромнымъ надеждамъ и радостямъ, и, вдругъ, съ трепетомъ вспоминала настоящія дерзновенныя помышленія и высокія мечты свои о блистательной будущности. Эти мысли и воспоминанія пробуждалъ въ душѣ ея видъ исполинскихъ горъ, когда она невольно сравнивала ихъ съ блаженными равнинами родины, на конхъ взоры ея нѣкогда покоились съ удовольствіемъ.

Изъ всѣхъ окрестныхъ горъ болѣе всѣхъ привлекала ее эта высочайшая гора Силезія. Она несѣтла уже почти всѣхъ привлекательныхъ возвышенности, окружающія долину въ видѣ полумѣсяца, равно и славную развалинами замка Кунастъ, откуда безжалостная Кунегунда со стѣнъ своей крепости сбрасывала несчастныхъ и неискреннихъ любовниковъ въ бездонную пропасть. — Но эта остроконечная вершина, долго еще увѣчанная снѣгомъ, по голымъ камнямъ которой сплывали остатки снѣговъ, растопившіяся отъ жару, казалась столь недоступною для всѣхъ подругъ Маріи, такъ что, не смотря на всѣ просьбы свои, она не могла преклонять ни одной изъ нихъ сопутствовать ей въ этомъ нѣсколько опасномъ, но привлекательномъ путешествіи. Мондоръ, неутомимо старавшійся предупредить всѣ желанія Маріи, присоединялъ также и свои убѣжденія, предлагая услуги дамамъ, которыя бы рѣшились на это.

Въ одинъ день онъ пришелъ съ веселымъ лицомъ къ Маріи

и сказалъ, что двѣ придворныя дамы французскія объявили готовность свою къ этому предпріятію. При этомъ, жалуясь на невозможность сопутствовать имъ въ дорогѣ, по причинѣ службы въ этотъ день при королевѣ, онъ прибавилъ, что мѣсто его займутъ двое знатные придворные, знакомые Маріи.—Проводники, услуги и всѣ запасы, нужные въ пути, были имъ приготовлены съ такою поспѣшностію, что на другой день можно было уже отправиться.

Въ долинѣ все уже дышало жизнію и прохладою; веселое пѣніе птицъ, привѣтствовавшихъ свѣжее утро, потголоски лая пастушьихъ собакъ, стерегшихъ стада, разлетались въ окрестности, вторые удивеннымъ эхомъ, между скалами. По полямъ и лугамъ, въ разныхъ направленіяхъ, двигались группы поселянъ; одни изъ нихъ взрывали тучную и благодарную землю, а другіе раскладывали на зеленыхъ нивахъ, по обѣимъ сторонамъ ручья, длинными полосами холстъ для бѣленія. Но если взоръ покидалъ эту долину, исполненную жизни и трудолюбія, и обращался къ небу, то поражали его мертвые камни на неизмѣримой высотѣ, служащіе какъ бы знаменіемъ вѣчной смерти; а на нихъ, вмѣсто ясныхъ лучей, освѣщавшихъ долину, густой туманъ и груды плавающихъ облаковъ, скрывавшихъ оконечность горы, которую напрасно стараясь бы вы осмотрѣть между ними. Таковъ былъ видъ цѣлой окрестности, когда Марія съ своими пріятельницами остановилась у подошвы высочайшей изъ горъ испанскихъ. Мрачный видъ мѣста, къ которому направляли путь, устрашалъ не только дамъ, но и кавалеровъ; однакожь Марія горѣла желаніемъ увидѣть заоблачныя пространства, не достигаемыя ея взорамъ. Опередивъ всѣхъ, она скоро бѣжала на гору, не позволяя даже поддерживать себя, между тѣмъ какъ другіихъ дамъ проводники почти переносили на рукахъ. Нѣсколько часовъ прошло въ этомъ утомительномъ путешествіи, но цѣль его была еще далека. Послѣ нѣсколькихъ отдыховъ и подкрѣпленій взятыми въ дорогу припасами, когда солнце свершило уже половину своего дневнаго пути, остановились наконецъ у подошвы снѣжной возвышенности, то есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ природа отказываетъ въ своей помощи сѣменамъ, занесеннымъ вѣтрами изъ ближайшихъ лѣсовъ, не давая имъ жителной силы, посредствомъ которой они могли бы превратиться въ высокія деревья.

Огромная гуча камней, какъ бы сложенная руками людей, предстала предъ ними, узкою тропинкою соединенная съ хребтомъ горъ исполнинскихъ. Объ островочную вершину ея разбивались многія облака. Узкая тропинка во ветровыиъ каменииъ, едва примѣтная на вершинѣ горы, пронасти съ обѣихъ сторонъ, мрачный видъ осиротѣлой, по видному, природы, ничто не могло удержать Марію отъ исполненія ея предриятія, отъ котораго отказывались уже сопровождавшіа ея придворныя дамы. Если сначала побуждало ее къ тому любовиство, то теперь, когда увидѣла себя на самой вершинѣ огромнѣйшей изъ исполнинскихъ горъ, она предалась неизъяснимому восторгу и особенному чувству восхищенія, испытываемому только на высотахъ.

Сколь велико было пространство, которое она могла окинуть однимъ взглядомъ? какъ ничтожны и малы казались ей строенія, воздвигаемыя гордостью человѣческой! Послѣ жаркаго и утомительнаго путешествія, она наконецъ достигла такого мѣста, гдѣ уже никакой предѣлъ не отдѣлялъ ея отъ жаркаго полса. Облака были у ней подъ ногами; быстро мчались они мимо, отбрасывая тѣнь на равнины, между тѣмъ какъ взорамъ ея представлялась чистая лазурь неба и то безпредѣльное пространство, въ которомъ человѣкъ ищетъ всегда надежды и утѣшенія.

Никогда еще зрѣлище красотъ природы не возбуждало въ сердцѣ Маріи столь высокихъ чувствованій. Мечты, одна другой сладостнѣе, *поперемѣнно смѣнялись* въ ея воображеніи, упоенномъ картинами высокой природы; восхищеніе отражалось на лицѣ, и предчувствіе ожидаемаго счастья смечало глаза ея теплою слезою радости. Погруженная въ глубокія думы, она не могла оторваться отъ видовъ, которые видѣла перачъ взорами, но должна была наконецъ разстаться съ ними, когда проводники сказали, что уже время возвратиться къ особамъ, которыя ожидали ее у подошвы горы.

Возвратившись къ спутникамъ, она увидѣла приготовленіе къ обѣду, который, стараніемъ отсутствующаго Мондора, составленъ былъ изъ различныхъ, даже слишкомъ уже роскошныхъ блюдъ.

Посреди лѣса, на мѣстѣ нѣскольکو открытомъ, была разбита палатка для путешественниковъ, такъ что обѣдая въ ней, можно было чрезъ отвертіе палатки видѣть вершину горы и лежащее недалеко озеро. Марія, слишкомъ еще занята впечат-

таинственнаго всего съ видѣннаго, но могла развѣлать легкомысленной несвѣсти своихъ подругъ, и прислушиваться къ ихъ разговорамъ.

Дорого продолжалось это дорожное пиршество, и солнце сѣло уже за горами, когда встали изъ-за стола, чтобы сбираться въ обратный путь. Отъ этого мѣста еще было три часа пути до деревни, въ которой ожидали ихъ экипажи, и мракъ покрылъ землю впродолженіи, пока они успѣли сѣхать въ долину.

Дорога постоянно пролегла между густыми лѣсомъ и кое-гдѣ торчащими скалами, а наступившая темнота исполнила сердца дамъ страхомъ, которой увеличивая рассказы проводниковъ о случившихся здѣсь убійствахъ. Приближалась къ долинѣ, дорога шла узкимъ оврагомъ, по краямъ котораго росли огромныя сосны.

Не успѣли путешественники наши вѣхать въ него, какъ услышали сильный свистъ такъ близко отъ себя, какъ будто это сдѣлалъ кто-нибудь изъ нихъ. На этотъ страшный сигналъ, раздававшійся между скалами выстрѣлъ, и произведенный имъ свѣтъ, отражаясь между двухъ сторонъ оврага, неказалъ испуганнымъ глазамъ путешественниковъ нѣсколько вооруженныхъ замаскированныхъ людей, которые пресѣкли имъ дорогу. Наступала ужасная тревога и крики прерывались частыми выстрѣлами. Марія, не смотря на всегдашнее свое мужество, потеряла присутствіе духа, и безъ чувствъ упала на руки близко отъ нея стоявшей особы; а когда послѣ продолжительнаго обморока снова пришла въ чувство, то увидѣла предъ собою зрѣлище ужаснѣйшее того, которое было причиною обморока. Никого не было видно изъ всего общества, и совершенная тишина окружала ее. Марія лежала на мягкой травѣ; ручей протекалъ съ глухимъ журчаніемъ по камнямъ; небольшой фонарь, поставленный подле нея, бросалъ свѣтъ на двухъ замаскированныхъ человѣкъ, нагнанныхъ за поясомъ пистолеты, изъ которыхъ одинъ стоялъ надъ нею съ сложными руками, а другой на колѣняхъ черпала рукою воду, стараясь привести влѣвницу въ чувство. Увидѣвъ ихъ, она опять упала въ обморокъ, а когда пришла въ себя, бросилась на колѣни передъ разбойниками, и умоляла ихъ о состраданіи. Но они упорно молчали и показавъ ей знаки, что она должна слѣдовать за ними, пошли сами впередъ, поддерживая, а иногда неся на рукахъ трепещущую Марію, когда видѣли, что силы ее оставляютъ.

Довольно продолжительное путешествие возвратило ей присутствие духа; она тотчас представила себѣ ужасную участь, ее ожидающую, и рѣшилась подумать о своемъ избавленіи.

Уже выходили изъ лѣсу; въ отдаленіи видѣнь былъ свѣтъ, вѣроятно изъ деревни, въ которую направляли путь разбойники. Марія, предчувствуя, что уже близко то мѣсто, гдѣ всякое спасеніе сдѣлалось бы невозможнымъ, рѣшилась на смѣлый поступокъ и не замѣлила привести его въ исполненіе. Тропинка шла надъ самымъ краемъ крутого, но не слишкомъ глубокаго оврага, примыкая съ лѣвой стороны къ густому лѣсу; къ этому еще она была такъ узка, что два человѣка не могли идти рядомъ. Это принудило разбойниковъ раздѣлиться, такъ что одинъ шелъ впереди, а другой позади Маріи. Въ одномъ мѣстѣ дорожка сдѣлалась особенно крутою; шедшій впередъ приказалъ Маріи остановиться; спустившись по крутизнѣ внизъ, онъ поднялъ фонарь кверху, чтобъ освѣтить опасный проходъ. Марія притворилась, будто ей сдѣлалось дурно, и прислонилась къ скалѣ на лѣвой сторонѣ дороги; провожатый ея подскочилъ къ ней, остановился на самомъ краю оврага и искалъ въ торопяхъ удобнаго мѣста, гдѣ поставить ногу, чтобы поддержать Марію, которая въ это самое мгновеніе толкнула его изъ всѣхъ силъ въ оврагъ, а сама съ величайшею скоростію отскочила назадъ и успѣла скрыться въ густотѣ лѣса отъ своихъ преслѣдователей, одного изувѣченнаго, а другаго пораженнаго вѣтмъ, что онъ видѣлъ.

Въ первую минуту спасенія, ни одно чувство, послѣ чрезвычайнаго волненія, не производило особеннаго впечатлѣнія на воображеніе Маріи; она бѣжала впередъ сквозь чащу лѣса, не разсуждая о томъ, куда приведетъ ее бѣгство, бѣжала до тѣхъ поръ, пока доставало силъ.

Наконецъ она почувствовала дрожь во всемъ тѣлѣ, начала со страхомъ оглядываться во всѣ стороны, отскакивала отъ бѣлѣющагося пня или торчащей скалы и даже пугалась шума, когда вѣтка ломалась подъ ногою или сухія листья шумѣли отъ вѣтра. Она чувствовала, что волосы на головѣ у ней подымались, хотѣла уже кричать, но осторожность требовала молчанія. Счастливый случай помогъ ей: выйти на тропинку; она почувствовала подъ ногами удобнѣйшій путь и удостовѣрилась, что была на какой-то дорогѣ. Остановившись на минуту, чтобы перевести духъ, стала прислушиваться, не гонятся ли кто

за нею. Эта дорога могла вести къ жилищу сострадательныхъ людей, а можетъ быть и въ пещеры разбойниковъ? — Эти два противоположныя между собою заключенія представились вдругъ ея уму. Идти ли дорогой, или повернуть въ лѣсъ? — Сомнѣніе и неизвѣстность остановили дрожащія стопы ея. — Боже! помоги несчастной! — подумала она, вздохнувши изъ глубины души къ Создателю, и съ быстротою побѣжала по дорогѣ, которая постоянно извивалась по лѣсу, спускаясь постепенно въ долину и у самой подошвы горы выходила на открытое поле.

На самомъ скоромъ бѣгу, Марія остановилась вдругъ передъ видомъ, который открылся вдругъ предъ ея глазами. Въ простой долинѣ разсыяны были, подобно звѣздочкамъ, одинокіе огоньки, выходившіе то всѣ стороны изъ деревенскихъ хижинъ. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нея видны были многочисленныя огни замка, въ которомъ жила королева; весь садъ казался въ огнѣ отъ шкалковъ, и красное зарево распростиралось надъ этимъ жилищемъ нѣги.

Едва успѣла Марія взглянуть на это неожиданное для нея зрѣлище, о которомъ въ первую минуту изумленія не могла дать себѣ отчета, какъ слухъ ея былъ пораженъ веселымъ отголоскомъ музыки, игравшей въ саду для увеселенія общества. «Это здѣсь!» вскричала Марія въ неизяснимой радости, и бросилась впередъ, — перескочила небольшой ручей и бѣжала безъ отдыха, преодолевая всѣ трудности. Съ каждымъ шагомъ ея слышнѣе становились отголоски музыки, а огни въ замкѣ блистали свѣтлѣе. Она вбѣгаетъ уже въ деревню; собравшаяся предъ замкомъ толпа людей разступается, не смѣя удерживать ее, — но съ удивленіемъ смотритъ на бѣгущую. Марія оставляетъ уже за собою освѣщенную переднюю, быстро и неожиданно является посреди веселаго круга танцующихъ, выпускаетъ пронзительный крикъ, восторгнутый изъ груди ея послѣднимъ усиленіемъ страха и радости, и падаетъ безъ чувствъ къ ногамъ королевы. Можно представить себѣ удивленіе и ужасъ цѣлаго общества, когда въ блѣдной, какъ смерть, и съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ, дѣвицѣ — узнають прелестную Марію!

ГЛАВА II.

Оставимъ на время Марію, такъ счастливо избавленную отъ угрожавшей ей опасности, и возвратимся къ ея преслѣдователямъ, которыхъ мы бросили въ лѣсу, въ добычу страха и раскаянія.

— Что случилось? вскричалъ тотъ изъ нихъ, который свѣтить Маріи, услышавъ крикъ своего товарища и шумъ, произошедшій отъ его паденія.

— Помогни! кричалъ другой взо всей силы; но первый не постигая, что все это значить, потому-что въ темнотѣ ничего не могъ разглядѣть, побѣжалъ по узкой тропинкѣ и увидѣлъ тамъ пріятеля своего, лежащаго на днѣ оврага, но въ такомъ положеніи, что голова и шея его касались ручья, протекавшаго тамъ, а ноги зацѣпились между сучьями кустарника, росшаго по крутымъ спускамъ оврага. Увидѣвъ это, онъ сбѣжалъ внизъ, и, помогая своему другу, примѣтилъ на головѣ его легкую рану. Освободивъ его изъ слишкомъ неприятнаго положенія, онъ спросилъ о причинѣ этого непонятнаго приключенія. Разстройство раненаго, близкое къ безпамятству, было столь сильно, что онъ сначала не только не могъ отвѣчать, но даже и встать на ноги. Когда товарищъ посадилъ его, онъ приклонилъ голову къ стѣнѣ оврага, быстро сорвалъ съ лица своего маску, чтобы свободнѣе дышать, схватился обѣими руками за голову и знаками показывалъ мѣсто ушиба. Пріятель же снялъ съ него платокъ, обвязалъ ему голову и почерпнувъ рукою воды, освѣжилъ его нѣсколько и ожидалъ, пока онъ самъ начнетъ говорить, чтобы послѣ повторить вопросъ свой.

— А гдѣ она? — были первыя слова раненаго.

— Не знаю, сударь; можетъ быть не лежитъ ли гдѣ-нибудь въ оврагѣ, если вы оба поскользнулись?

— Какое поскользнулись! она меня столкнула, а сама убѣжала.

— Не надобно терять времени: я постараюсь догнать ея.

— Что ты можешь сдѣлать одинъ; темно хоть глазъ выколи; я не въ состояніи идти съ тобой; а здѣсь тоже не могу остаться безъ помощи. Лучше возвратимся къ своимъ и тамъ

посоветуемся, что должно предпринять: по всѣмъ вѣроятностямъ, она не можетъ убѣжать далеко.

Сказавъ это, онъ приподнялся и, опираясь на своего сотрудника, потихоньку передвигалъ ноги. Наконецъ они подошли къ тому мѣсту, откуда давно уже доходило до нихъ свѣтъ. То былъ нѣсколько отдаленный отъ деревни домикъ, предъ которымъ стояла карета, запряженная четверкою лошадей и готовая къ дальнему путешествію.

Нѣсколько человекъ окружали ее. Увидѣвъ двухъ приближающихся похитителей Маріи, одинъ подалъ кучерамъ знакъ садиться, а другіе отворяли дверцы въ карету, гдѣ уже дожидались двѣ незнакомыя дамы.

— Не нужно! вскричалъ съ досадою раненый: войдите въ комнату посоветоваться о дальнѣйшихъ путешествіяхъ, потому что намъ не слишкомъ повезло. — Женщины вышли изъ кареты и вмѣстѣ съ прочими вошли въ домъ.

Всѣ эти люди были прежніе спутники Маріи, а минные разбойники Мендору и слуга его. Выждавъ благопріятную минуту къ приведенію въ дѣйствіе давно составленнаго замысла, онъ теперь расплатился за дерзость свою величайшимъ страхомъ и легкой раню. Всѣ ужаснулись, увидѣвъ окровавленнаго и блѣднаго Мендора, в недоумѣніе и тревога были всеобщія, когда узнали о цѣлостъ прѣсшествіи.

Трудно было водать Мендору въ этомъ случаѣ хорошій совѣтъ. Темнота ночи дѣлала невозможнымъ всякое преслѣдованіе; въ то же время возбуждая справедливое смущеніе, чтобы Марія не подверглась какому-либо несчастію, блуждая по лѣсу въ мѣстахъ дикихъ и почти непроходимыхъ, гдѣ одинъ шагъ могъ иногда стоить жизни. Какъ возвратиться ко двору безъ Маріи. Какое пріести оправданіе, если Марія не возвратится, или чѣмъ отговориться, когда она какимъ-нибудь случаемъ возвратится ко двору по другой дорогѣ? Во всякомъ случаѣ подозрѣніе должно было родиться у всѣхъ, кому не извѣстно было существо самого дѣла, даже если допустить истину вымышленной сказки о разбойникахъ, то удивительная вещь, что Марія одна была дѣлю и сдѣлалась жертвою ихъ нападенія.

Долго не могли на не что рѣшиться; наконецъ положили возвратиться въ замокъ и объявить о похищеніи Маріи разбойниками, представить въ доказательство и рану, полученную Мендоромъ въ ее оборонѣ. Сообщники его не должны были

возвращаться всё вмѣстѣ, но по одиначкѣ, какъ разбитые въ сраженіи и разсѣянные въ бѣгствѣ. Въ заключеніе этой сказки, Мондоръ обязанъ былъ первый явиться при дворѣ и требовать помощи, для отысканія и освобожденія Маріи.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, приказавъ сначала перевязать себѣ рану на скорую руку, Мондоръ сѣлъ въ карету, и въ нѣскольکو минутъ былъ уже у подѣзда замка. Вѣроятно, злая звѣзда его была причиной, что въ то самое время, какъ онъ входилъ въ покои королевы, оттуда выводили блѣдную и трепещущую Марію. Эта встрѣча разстроила всё его планы, привела его въ величайшее замѣшательство, которое увеличилось еще болѣе, когда Марія, бросивъ на него быстрый взоръ, невольно испустила провзвительный крикъ, бывшій слѣдствіемъ страшной и отвратительной для нея фizioноміи его.

Лишенный необходимаго присутствія духа, Мондоръ не въ состояніи былъ идти далѣе, тѣмъ болѣе, что неприлично было явиться въ собраніе въ такомъ видѣ, какой онъ тогда имѣлъ. По этимъ причинамъ, онъ поручилъ одному придворному увѣдомить королеву, что случай привелъ его къ дамамъ въ ту самую минуту, когда на нихъ напали разбойники. Услышавъ выстрѣлы, онъ послѣшилъ на помощь къ несчастнымъ, но получивъ жестокую рану въ голову, упалъ въ безпамятствѣ на землю, и потому не знаетъ, что случилось съ другими. Но въ этомъ несчастіи имѣеть по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что Марія возвратилась въ безопасность.

Внезапное появленіе Маріи и черты лица ея, выразившія ужасъ, поразила все собраніе. Даже танцоры оставили свои танцы и стояли вокругъ нея. Всеобщій шумъ заглушалъ музыку. Множество было любопытныхъ, которые не могли изъяснить себѣ причины ея страха и отчаянія. Нѣсколько особъ изъяснили смущеніе и замѣшательство. Даже сама королева была сначала сильно поражена, но вскорѣ приняла на себя прежній спокойный видъ, и старалась, съ нѣжною заботливостію, привести Марію въ чувство и утѣшить ее.

Бѣдная жертва коварныхъ замысловъ Мордора трепетала какъ голубка, освободившаяся отъ когтей ястреба, и не могла вдругъ отвѣчать на множество вопросовъ, которыми ее осыпали со всѣхъ сторонъ. Королева запретила любопытнымъ тревожить разстроенную Марію; приказавъ ее проводить въ свои комнаты, она сказала, обращаясь къ гостямъ: «Я не даромъ боюсь,

ожидала возвращенія панны Модржеевской, потому что въ такую позднюю пору не мудро мошеникамъ напасть на безоружныхъ, особенно между этими скалами и лѣсами. Безъ сомнѣнія, что-нибудь въ этомъ родѣ случилось съ Марією; счастье ея, что она спаслась:—это будетъ впередъ для нея урокомъ не отваживаться легкомысленно на опасность.—Не успѣла она кончить, какъ явился посланный отъ Мондора съ извѣстнымъ намъ порученіемъ. Королева слушала его съ нетерпѣніемъ и со всеми признаками гнѣва, а когда онъ замолчалъ, обратясь къ маршалу двора, сказала: «Господинъ маршалъ! я хочу, чтобъ господинъ Мондоръ былъ подвергнутъ отвѣтственности за самовольную отлучку отъ двора во время своей службы. Прикажите ему, чтобъ онъ въ продолженіи цѣлой недѣли не смѣлъ выходить изъ своей комнаты и чтобъ ни съ кѣмъ не видался, кромѣ доктора:—это будетъ способствовать его выздоровленію.» Сказавъ это, она обратилась съ пріятною улыбкою къ владѣльцу замка графу Шафгорету, который въ этотъ день давалъ для нея праздникъ, прося у него извиненія въ легкомысленности своихъ придворныхъ, бывшихъ причиною прерванія удовольствій, и, ободривъ всѣхъ къ продолженію забавъ, векорѣ успѣла изгладить изъ ихъ памяти случай, столь сильно поразившій цѣлое общество.

Увеселенія продолжались въ замкѣ графа Шагорета; уже лучи утренней зари отражались на окнахъ, а не всѣ гости, кажется, намѣрены были отправиться на успокоеніе. Въ это время дежурный камергеръ королевы вошелъ въ залу и, доложивъ о прибытіи экстернаго курьера изъ Польши, вручилъ королевѣ письмо, явъ привезенное. Взглянувъ на бумагу, королева нѣсколько встревожилась: она не видѣла руки Собіесскаго, а вмѣсто его, одинъ изъ польскихъ сенаторовъ доносилъ ей, что Іоаннъ, тоскуя въ ея отсутствіи, захворалъ съ печали, и что хотя болѣзнь его не опасна, но требуетъ однакожъ нѣжныхъ попеченій и заботливости, которыми одна только достойная супруга его можетъ возвратитъ ему здоровье.— Это письмо такъ встревожило королеву и пробудило въ ней столь горестныя предчувствія, что тотчасъ, по прочтеніи его, она отдала приказаніе со всевозможною поспѣшностію приговлаться къ отъѣзду. Не смотря на неоконченный курсъ леченія, она на другой же день вечеромъ выѣхала изъ Варибрута, взявъ съ собою небольшое число придворныхъ, въ числѣ которыхъ, по неотступной просьбѣ своей, находилась и Марія. Посланный

впередъ для заготовленія лошадей, курьеръ едва могъ опередить королеву, которая не смотря на жары, день и ночь ѣхала такъ скоро, что почти не возможно было завестись на станціяхъ экипажами и лошадьми.—Пріѣхавъ же въ Жолкву, она увидѣла короля, сверхъ всякаго ожиданія, не въ постелѣ, а на конѣ, занятого въ это время смотрѣнъ войска. Бѣдѣнь его была не продолжительна, а тоска его, въ разлукѣ съ Марією Казимірою, была единственною причиною, по которой онъ велѣлъ написать къ своей супругѣ это страшное посланіе.

Дворъ казался для Маріи осиротѣлымъ, потому что принцъ Іаковъ находился съ войскомъ подъ Каменцомъ Подольскимъ. Она узнала только, что Рунчицъ успѣлъ заслужить благоволеніе принца и былъ почти неразлучнымъ его товарищемъ. Это обстоятельство немного успокоивало ее, и она питала себя надеждою, что онъ не имѣетъ ни какихъ подозрѣній.

Вскорѣ по возвращеніи, Марія удалилась къ своей теткѣ, гдѣ надѣялась найти облегченіе въ откровенномъ призваніи всего случившагося съ нею за границею. Что касается до своего похищенія, то въ письмахъ своихъ она прежде еще писала въ двухсмысленныхъ выраженіяхъ, не описывая подробно всѣхъ обстоятельствъ. Теперь же увидѣвшись съ теткою, она рассказала все, какъ было, умалчивая впрочемъ о своихъ подозрѣніяхъ на счетъ истиннаго виновника этого происшествія.

Пока дворъ пребывалъ въ Жолквѣ, до тѣхъ поръ Марія гостила у камергера; но въ концѣ года она принуждена была разлучиться съ родными своими, и сопутствовать королевѣ въ путешествіи въ Варшаву, гдѣ въ это время дѣлались приготовленія къ пышному бракосочетанію великопольскаго старосты краковскаго съ единственною дочерью краковского кастеллана Пеццага.

Между тѣмъ принцъ Іаковъ возвратился изъ Подолія и пріѣхалъ также въ Варшаву. Великолѣпіе и разнообразіе увеселеній и присутствіе принца пробудили въ сердцѣ Маріи воспоминаніе о томъ достопамятномъ праздникѣ въ Краковѣ, который былъ давнѣе по возвращеніи короля изъ-подъ Вѣны, и снова давнѣе по мечтамъ и надеждамъ, отъ которыхъ она еще не въ силахъ была отказаться. Занятый дѣлами политики и забавами съ вѣтною молодежью, принцъ, казалось, забывалъ о вѣселяхъ, произведенномъ на него нѣкогда Марією. Но, увидѣвъ ее на балахъ, прельщаемую своихъ сверстницъ красотою и

невыразимую прелестью, онъ обращался къ ней съ тою внимательностію, и выраженіемъ живѣйшаго чувства любви, котораго, легко могли привести въ заблужденіе дѣвицу и не столь предупредительную и умную обманчивыми надеждами. Уваженіе, которое онъ ей оказывалъ на всѣхъ балахъ, и рѣшительное первенство, отдаваемое передъ другими придворными дѣвками и дочерьми знатнѣйшихъ польскихъ вельможъ, возбуждали зависть толпы, давъ пищу сплетнямъ и догадкамъ, такъ что Марія сдѣлалась единственнымъ почти предметомъ разговоръ во всѣхъ собраніяхъ между дѣвками.

До сихъ поръ, пока Марія мѣтѣ блистала въ большомъ свѣтѣ и не возбуждала ни чьей ревности, свѣтъ мало занимался обстоятельствами ея жизни, и повсюду только отдавали заслуженныя похвалы ея красотѣ и скромности. Но теперь старались узнать самыя мѣлкія подробности ея домашней жизни, а злые языки искали въ нихъ повода къ распространенію клеветы и злословія.

Въ это время назначенъ былъ великолѣпный балъ при дворѣ, и все, что Варшава выѣхала въ себя тогда знаменитато и богатаго, свѣсило въ Виллановъ.

Богѣ ста саней, убранныхъ совсемъ роскошью и запряженныхъ четверками, подѣзжали вечеромъ ко дворцу Виллановскому, при шумѣ и говорѣ великаго множества гайдуковъ и слушателей всякаго рода, при оглушающемъ звукѣ колокольчиковъ и ржанія лошадей. Всѣ сани раздѣлялись на отряды, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ извѣстное число зашифрованныхъ гостей, представляющихъ мнѣологическія и аллегорическія группы, или отдаленныхъ жителей земнаго шара, въ драгоценныхъ и замысловатыхъ костюмахъ.

Собіескій и супруга его встрѣчали гостей съ величайшею привѣтливостію, и съ любопытствомъ разсматривали каждое отдѣленіе входящихъ особъ. Нѣсколько времени каждая группа держалась отдѣльно отъ прочихъ, но напоследокъ, когда начались танцы, всѣ отдѣленія перемѣшались между собою и увидѣли музъ и скромныхъ весталокъ, одруженныхъ толпою рыцарей и трубадурама среднихъ вѣковъ. Королева составила особенную калриль изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ; а когда начали ревновать мороженое, раздались трубы и литавры, возвѣщавшія прѣбытіе новыхъ гостей. Напередъ выступили четыре Француза съ дѣвками той же націи въ испанскомъ плакѣ, съ

кастаньетами въ рукахъ; они начали народный танецъ, и привели въ восхищеніе гостей своимъ искусствомъ и граціею. Огненное болеро и важное фанданго смѣнили другъ друга. Вдругъ раздалась веселая музыка, и оставивъ тонныя мелодіи, разгульнымъ звукомъ мазурки развеселила всѣ сердца до такой степени, что каждый началъ невольнo переступать съ ноги на ногу. Растворились двери и четыре прелестнѣйшія краковскія дѣвушки съ распущенными лентами, съ заплетенными косами, въ красныхъ корсетахъ, держа въ рукахъ цвѣтные передники, выскочили на средину залы и съ улыбающимися личиками, подбѣжавъ къ королю, вручили ему вѣнокъ, сплетенный изъ золотыхъ колосьевъ, изображая тѣмъ веселый обрядъ приношенія земной добычи владѣльцу по окончаніи жатвы. «Ну, молодежь!» закричалъ король принцу Іакову и окружающимъ его юношамъ:—«возьмите этихъ четырехъ Краковянокъ и постарайтесь доказать, что нашъ народный танецъ не уступитъ въ красотѣ своей этимъ искуснымъ прыжкамъ».

Молодой Собіескій подошелъ къ юнымъ красавицамъ, изъ которыхъ еще двѣ держали золотой вѣнокъ: могъ ли онъ колебаться въ выборѣ? Марія была между ними. Ея бѣгоснѣжное плечо доверчиво оперлось на руку принца; румянецъ заигралъ на щекахъ и ангельское выраженіе скромности не могло скрыть радости, показавшейся на ея лицѣ. Въ минуту составился кругъ, и живыл, исполненный непринужденной красоты, движенія доставили истинное наслажденіе всѣмъ зрителямъ.

Но въ отдаленіи бодрствовала мрачная ревность, въ образѣ двухъ оставленныхъ дамъ, не принимавшихъ никакого участія въ увеселеніяхъ.—«Видишь ли ты ихъ опять вмѣстѣ?» сказала одна изъ нихъ другой: я не могу долѣе на это смотреть; пусть себѣ случутъ сколько имъ угодно; пойдемъ лучше, сядемъ подальше.»

— Очень кстати, отвѣчала другая: у меня же есть кое-что поразказать тебѣ о Модржеевской, вещь не пустая, довольно интересная и справедливая.

— Что жъ это такое? спросила первая, и, смѣясь съ приятницею въ мѣстѣ, удаленномъ отъ танцующихъ, съ любопытствомъ стала прислушиваться къ ея разсказу.

— Безъ сомнѣнія, тебѣ извѣстно, что одна изъ Франкуянокъ была вчера отослана вдругъ въ Парижъ, но о причинѣ этой неожиданной ссылки ты вѣрно не догадываешься?

— Съ достоѣрностію не знаю, но говорятъ, что это по милости Мондора.

— Угадала; но мы узнали кое-что поболѣе. Француженка эта поссорилась съ Мондоромъ и въ гнѣвъ проговорила, что отъ нея зависитъ погубить его, если она захочетъ рассказать одинъ его мерзкій поступокъ, узнавъ который легко бы нашелся человекъ, чтобы наказать его. Эти слова дошли до ушей госпожи Фѣ-д' Эрбъ, и она тотчасъ же поспѣшила донести объ нихъ королевѣ. Немедленно послѣдовалъ приказъ къ безотлагательному отъѣзду этой дѣвицы во Францію, но отъѣзжая, она успѣла рассказать намъ нѣчто изъ тайны, повидимому, столь страшной Мондору.

— Какое же участіе принимаетъ тутъ Модржеевская?

— Очень большое, потому что Мондоръ, вздыхая такъ долго и напрасно о Модржеевской, имѣлъ уже ее за границею въ своихъ рукахъ; однимъ словомъ онъ былъ ея похитителемъ, и вся исторія о разбойникахъ и мужествѣ Маріи сказка.

— А! да это славная новость! Можно пустить ее въ ходъ, чтобъ очернить Модржеевскую въ глазахъ принца; можно выдумать тайное согласіе между ею и Мондоромъ, потому-что неизвѣстно, можетъ быть оно такъ и было? Нельзя ли даже...

— Постой, милая, тутъ надобно дѣйствовать очень осторожно; королева запретила объ этомъ говорить, а ты знаешь, какъ опасно ослушаться ея приказаній.

— Хорошо; однакожъ по секрету мы можемъ объ этомъ рассказывать; не худо даже распустить слухъ, что всѣ эта исторія вышла отъ Мондора, который ею хвастается.

— Правда, мы можемъ дѣйствовать подъ завѣсой тайны, но не открыто. Перестанемъ докамаѣсть, къ намъ кто-то приближается.

Что зависть выдумала, то злоба привела въ исполненіе; и чрезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, всѣ придворные начали потихоньку рассказывать другъ другу о похищеніи Маріи Мондоромъ, прибавляя различныя догадки и искажая правду.

Не удивительно, что это извѣстіе дошло до Рущица и принудило его предстать для защиты бѣдной дѣвушки.

ГЛАВА III.

Приближался сеймъ въ Гроднѣ. Король выѣхалъ туда предъе супруги своей Маріи Казмиры, которая чрезъ нѣсколько дней должна была послѣдовать за нимъ съ остальными дворами. Въ одинъ день поутру, она велѣла позвать великаго маршала короннаго, и когда оный явился, съ живестію обращаясь къ нему, сказала:

— Вы не слышали, господинъ маршалъ, какія самоуправства дѣлаются нынче, передъ самыми почти нашими глазами?

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ наумленный маршалъ.

— А мнѣ казалось, что вы обязаны наблюдать за сохраненіемъ общественнаго спокойствія и наказывать нарушителей законовъ и должнаго къ нимъ уваженія.

— Всемигостивѣйшая государыня! возразилъ спокойно маршалъ, судебная власть моя кончалась съ отъѣздомъ его величества въ Гродно, гдѣ обязанности, принадлежащія мнѣ при особѣ короля, будетъ исполнять великій маршалъ литовскій.

— По этому, сказала королева съ горькою улыбкою: я лишаюсь уже и справедливой защиты, коль скоро король оставитъ меня хоть на время.

— Позвольте узнать, какія будутъ новеллы вашего королевскаго величества, сказалъ маршалъ: я буду стараться исполнить ихъ, по мѣрѣ возможности и моей власти.

— Дѣло идетъ о спасеніи жизни человѣка близкаго мнѣ, потому-что онъ мой придворный кавалеръ, и который можетъ сдѣлаться жертвою несправедливаго преслѣдованія. Вѣдь, кажется, поединки запрещены? Какое наказаніе опредѣлено вызывающему?

— Артикулы судовъ маршаловскихъ, правда, приговариваютъ дворянина, вызывающаго другаго дворянина на поединокъ, къ штрафу шестидесяти гривенъ и къ заключенію въ тюрьму на полгода....

— И такъ нѣтъ никакого сомнѣнія; если законы опредѣляютъ наказаніе, то я хочу, чтобъ они приведены были въ исполненіе.

— Я уже имѣлъ счастье доложить вашему величеству, что суды маршаловскіе уничтожились съ отъѣздомъ короля, поэтому

я не имѣю уже права преслѣдовать виновныхъ, но если угодно вашему величеству, то можетъ кто-нибудь изъ дворцовой военной стражи укротить дерзкихъ зачинщиковъ.

Послѣ этого отвѣта, королева встала съ своего мѣста и взглянула съ неудовольствіемъ на маршала.

— Я призвала васъ не для подобныхъ совѣтовъ, госмолниъ маршалъ, сказала она, но если уже не можетъ быть иначе, если, спусти нѣсколько минутъ по удаленіи моего супруга, подданные его отказываютъ мнѣ въ помощи, я должна употребить другія средства, чтобы остановить насилие, дѣлаемая почти въ моемъ присутствіи.

Сказавъ это, Марія Казимира удалилась въ свои комнаты, гдѣ тотъ же часъ отдала повелѣніе, чтобы начальникъ легкой роты, содержащей караулъ въ Виллановѣ, немедленно отправился въ Уяздовскій лѣсъ, и не допустилъ свершиться назначенному тамъ поединку, взявъ въ свидѣтели беззаконнаго самоуправства найденныхъ тамъ особъ.

Проходя чрезъ комнату, гдѣ собралось нѣсколько придворныхъ, королева примѣтила Воту, который стоялъ у самыхъ дверей, ведущихъ въ ея покои, скромно сложивъ руки, съ выдавшеюся напередъ фигурою и съ пріятною улыбкою. Быстрыми глазами онъ слѣдилъ всѣ ея движенія, и когда королева подошла къ нему ближе, онъ поклонился ей со всевозможною почтительностію. Королева уже миновала хитраго Итальянца, слегка кивнувъ ему головою, но вдругъ остановилась у самаго порога, какъ бы пораженная блеснувшю въ умѣ мыслию и приказала Вотѣ слѣдовать за собою.

Въ то время, какъ это происходило въ виллановскомъ замкѣ, отрядъ драгуновъ, подъ начальствомъ ротмистра, выступилъ къ Варшавѣ, съ величайшею быстротою приближаясь къ Уяздовскому лѣсу, гдѣ солдаты должны были разсыпаться, чтобы схватить дуэлянтовъ. Подъѣзжая къ самой рощѣ, они услышали два сильныхъ выстрѣла.

— Стой, командовалъ ротмистръ, удерживая свою лошадь, и прислушавшись хорошенько, откуда послѣдовали выстрѣлы, немедленно послыкалъ въ ту сторону со всѣмъ отрядомъ. Лошадиный топотъ, раздавшійся по лѣсу, могъ бы предостеречь дуэлянтовъ, еслибъ они обратили вниманіе на происходящее вокругъ нихъ, чтобы укрыться заблаговременно отъ преслѣдованія. Но бѣлый дымъ отъ двухъ выстрѣловъ извѣдалъ еще

между деревьями, когда солдаты прибыли на мѣсто поединка. Рущицъ и Мондоръ стояли одинъ напротивъ другаго съ одинаковымъ выраженіемъ ярости на лицахъ. Первый выстрѣлъ обоихъ былъ неудаченъ, и секунданты занимались вторичнымъ заряданіемъ пистолетовъ, когда ротмистръ окружилъ всѣхъ своими драгунами.

— Что это значить? вскричалъ съ гнѣвомъ Рущицъ: откуда подобное нападеніе?

— По приказанію королевы, отвѣчалъ ротмистръ, я прибылъ сюда для воспрепятствованія поединку, и беру васъ всѣхъ, господа, въ свидѣтели происшедшему здѣсь въ противность законамъ. Господинъ Мондоръ, будучи придворнымъ кавалеромъ, долженъ немедленно послѣдовать за мною во дворець.

— Идите же, милостивый государь! сказала Рущицъ, обращаясь къ Мондору. Если вамъ жизнь мигъе добраго имени и славы, то пользуйтесь благопріятною минутою и спасайтесь;—но не забудьте, гдѣ бы Рущицъ ни встрѣтилъ васъ, во всякомъ случаѣ онъ обойдется съ вами, какъ съ человѣкомъ безъ чести и вѣры.

Мондоръ бросился съ своего мѣста и подошелъ къ ротмистру. Щеки его пылали и величайшая ярость изображалась во всемъ лицѣ.

— Господинъ ротмистръ! вскричалъ Французъ: если вы имѣете сколько-нибудь сожалѣнія, дайте мнѣ еще хоть одну минуту времени, и не исполняйте вашей должности, чтобы я могъ наказать эту безстыдную дерзость. Представьте себя на моемъ мѣстѣ, и скажите: были ли бы вы въ состояніи снести равнодушно подобныя обиды? Заклинаю васъ честію, которой обязанности и святость вамъ извѣстны, позвольте мнѣ доказать моему сопернику, что я умѣю мстить за обиду.

Сказавъ это, онъ возвратился на прежнее мѣсто и требовалъ съ жаромъ, чтобы ему и Рущицу снова отдали заряженные пистолеты. Но начальникъ драгунъ приказалъ имъ слѣзть съ лошадей и схватить Мондора.

— Я не могу согласиться, государь мой, на ваше желаніе, потому что пріѣхалъ сюда, по приказанію королевы, и обязавъ исполнить его въ точности.

Мондоръ, видя, что принужденъ покориться силѣ, быстро обратился къ Рущицу, сильно схватилъ его за руку и сказалъ: Господинъ бригадиръ! одинъ изъ насъ долженъ былъ пасть въ

этожъ поединкѣ; помните условіе: при первой встрѣчѣ, гдѣ бы то ни было, и готовъ исполнить въ ту же минуту, но и вы обязаны общать то же самое. Рано или поздно, я постараюсь доказать вамъ, что нельзя безнаказанно обидѣть Француза.

— Хорошо, возразилъ Рущица, отвѣтствуя ему также пожатіемъ руки: всегда и вездѣ я готовъ служить вамъ.

Послѣ того, обратясь къ Иордану и смотря въ слѣдъ за удаляющимся Мондоромъ, онъ прибавилъ:

— Взгляни! первый разъ въ жизни обнаружилъ онъ чувства благороднаго человѣка! я никогда не думалъ, чтобы и въ подобной душѣ могла когда-нибудь вспыхнуть искра мужества.

На другой день послѣ этого происшествія, королева выслала Мондора за границу, чтобы отнять у Рущица всякую возможность исполнить истинное намѣреніе и пресѣчь нить всѣхъ толковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она дала повелѣніе преслѣдовать Рущица судебнымъ порядкомъ, и послѣ того отправилась въ Гродно, взявъ съ собою Марію.

Рущица также горѣлъ желаніемъ поспѣшить за ними въ этотъ городъ, куда призывали его важныя гражданскія обязанности; но предстоявшій процессъ и увѣренность, что покорноотію скорѣе оправдается или получатъ прощеніе, убѣдили его остаться въ Варшавѣ, и спокойно ожидать рѣшенія своей участи судебнымъ порядкомъ.

Въ одинъ день, возвратясь домой изъ присутствія, онъ казался сильно разгнѣваннымъ, хранилъ упорное молчаніе, и не хотѣлъ ни съ кѣмъ видѣться. Погруженный въ глубокую задумчивость, Рущица сидѣлъ уединенно у своего окошка; вдругъ вбѣгаетъ въ комнату вѣршій его Куликъ, весь растрепанный, съ подбитымъ глазомъ и въ разорванномъ платьѣ.

— Уйдите, сударь, сами этихъ голыхъ дармоѣдовъ, а я не могу ужъ болѣе справиться съ ними.

— Про кого ты говоришь? спросилъ изумленный бригадиръ.

— Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, въ этомъ шинкѣ на углу, вотъ, посмотрите сами, какъ прибили меня и оборвали, но за то и я не жалѣлъ кулаковъ; только мошенниковъ то было много. Но позвольте, сударь, мнѣ взять съ собою побольше народа, я имъ пошупаю бока, да и самого бредягу—сорванца, ихъ вачальника, приведу къ вамъ.

— Что ты мерзешь? восклицалъ Рущица, вскакивая съ гит-
вемъ со стула: недовольно, что тебя поволокли на пьянщю, но еще
ты смѣешь, негодяй, масть шальной, влетать въ комнату, и зани-
мать меня своими кабацкими расправами!

— Барина! возразилъ Куликъ съ чувствомъ, ударя себя ку-
лакомъ въ грудь: я пану кѣрно служу и трезвъ сегодня, какъ
рыба въ водѣ; но если мнѣ теперь вырвали волосы, если мнѣ
глаза чуть не выпарапали, то все это потому, что я люблю ба-
рина и всегда готовъ терпѣть и умереть за него.

— Это что за новость? спросилъ Рущица ласковѣе: ты дра-
лся теперь за меня? по какой причинѣ и съ кѣмъ?

— Я все расскажу, сударь, только позвольте прежде раздѣ-
латься съ этими канальями, вѣдите мнѣ помощь, чтобъ я могъ
прописать имъ палочный выговоръ.

— Нѣтъ, расскажи прежде въ чемъ дѣло, а послѣ ужъ по-
смотримъ, что предпринять.

— А вотъ какъ.... Но они, пожалуй, уйдутъ проклятые.... Но
вотъ, видите ли.... я коротко скажу, какъ нельзя короче. Но
обыкновенію я пошелъ себѣ выпить, а сегодня жарко, и кто
знаетъ, можетъ быть, будетъ и дождикъ. Войдя въ шинокъ, я
засталъ тамъ нѣсколько человѣкъ; игравшихъ въ кости. Что
мнѣ до вашихъ костей, думалъ я себѣ, оставилъ ихъ, и сѣлъ
себѣ на лавку; — потомъ позвалъ шинкарку, и когда она поста-
вила передо мною кружку пива, то я пилъ себѣ преспокойно.

— За что же тебя арестовали? восклицалъ Рущица, начинавшій
выходить изъ терѣвня.

— Пойдите, сударь, еще мы не дошли до того мѣста. Я себѣ
вплъ преспокойно и не думалъ ни съ кѣмъ говорить. Въ то
самое время, какъ одного изъ игроковъ блин не-носу, входилъ
какой-то незнакомый, высокій, тоненькій, въ контужилъ и при-
саблѣ. Онъ подошелъ къ игрокамъ и сказалъ: «Такъ, такъ
хорошо, бей и не жалѣй; я люблю смотрѣть на это, особ-
ливо когда по судебному приговору приказные служители счи-
тають плети по пальцамъ.» Кто бы это былъ? подумалъ я се-
бѣ,—что-то онъ скажетъ далѣе. А онъ потребовалъ пива и про-
должалъ: «Все горло пересохло у меня сегодня, потому что дѣлъ
было множество, и я накричался въ-волюшку:» Ну до вацъ-
пана, пане Возничій! сказалъ ему кто-то изъ игроковъ, подавая
ему кружку пива.

— Чортъ возьми все, что они тамъ пили или говорили—прер-

вать снова: Рушницъ: «скажи мнѣ только, каковы образы доставалось тебѣ на орѣхи?»

— Возничій этотъ былъ землемѣръ, худой, намотъ однача, дерзко наговоря, растабарывалъ о сдѣлствіяхъ, какія въ тотъ день производились въ судѣ, и въ концѣ врибанилы приговорили мнѣ сегодня одного аляхтыча, къ гривнамъ и къ тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ. — Кто, явоні! вскричали всѣ, какъ будто какъ было необходимо знать. — А тогъ, что за нѣсколько дней дотѣль убить Француза. Говоря это, Возничій, обнажилъ явоніи обрваншамъ панное явліе. Услыша то, мнѣ показалось, что меня словно охватилъ молодкою вѣдомъ, а потѣмъ было горячаго масла надидъ въ горло. Я вскочилъ съ мѣста, опрокинувъ ногою столъ съ кружкой цива, и подоилъ къ Возничему, подмотрѣвъ грозно ему въ глаза, и спросилъ: «о комъ бы это онъ говорилъ такъ?» А тебѣ, что за дѣло? отвѣчалъ онъ. — Какъ что мнѣ за дѣло? ты говоришь о моемъ господнѣ, ты осмѣлился сказать, что онъ пойдетъ въ тюрьму! «Ну такъ что жъ?» отвѣчалъ Возничій, и отодвинулся нѣсколько отъ меня, именно столько, чтобъ мнѣ осталось больше размаху. Я, не думая много, какъ хватилъ его въ ухо, а онъ, оправясь, вскочилъ проворно, обнажилъ саблю и бросился на меня, какъ шальной; но я выбилъ у него саблю изъ рукъ палкой, и далъ бы ему памяти на дѣлнй мѣсяць, еслибъ игроки окоянные не подоеспѣли къ нему на помощь; они-то меня такъ и потормошили.

— Было за что переносить толчки, сказалъ Рушницъ: лучше бы не вмѣшивался въ это, и теперъ не имѣлъ бы подбитаго глаза.

— Какъ? я? возразилъ Куликъ съ живостію: я сталъ бы сидѣть болваномъ у стола, когда браници моего пана! Этого не будетъ со мною никогда, и пускай мнѣ другой глазъ подобьютъ еще лучше перваго, а я все таки увижусь съ нимъ, и этотъ плутъ уважаетъ, какъ я бью, когда разсержусь!

— Хорошо, мой любезный, отвѣчалъ Рушницъ: что ты вступаешься такъ за своего барина, но прошу тебя, не ходи больше въ шинюкъ; чего добраго, можетъ кончиться еще хуже.

— Да какъ же, сударь, сказалъ Куликъ: онъ говорилъ, что вы осуждены къ тюремному заключенію.

— Ну, что жъ дѣлать! — отвѣчалъ Рушницъ, пожимая плечами: онъ сказалъ правду, и кажется намъ придется скоро туда перебраться.

Куликъ отскочилъ нѣсколько шаговъ назадъ, вслѣдствіе руками, и съ выраженіемъ сильной горести и изумленія смотрѣлъ на своего господина. Какъ? баринъ мой любезный, васъ осудили въ темницу? васъ, котораго король такъ любитъ? Неужели это въ награду за всѣ походы и столько ранъ, полученныхъ подъ Вѣвою и на Буковинѣ! Нѣтъ, король вѣрно не знаетъ о томъ, онъ не приказывалъ этого; видно что его тутъ нѣтъ, потому что онъ не позволилъ бы этого сдѣлать. Садитесь, сударь, и пишите скорѣе письмо къ королю, а я, тѣмъ временемъ, осѣлаю сѣтку и тотчасъ же поѣду въ Гродно. Пишите же, сударь, я въ одинъ мигъ буду готовъ и скоро возвратюсь назадъ.

— Добрый старикъ! отвѣчалъ тронутый Рушчицъ: еще не такъ скоро понадобится мнѣ твоя услуга; я прежде самъ подумаю, что мнѣ слѣдуетъ предпринять; а ты будь спокоенъ, барину твоему ничего не сдѣлаютъ худаго. Господь Богъ не одинъ разъ уже избавлялъ меня отъ опасностей.

Куликъ замолчалъ, потушилъ взоры, и въ раздумьи вышелъ изъ комнаты, бормоча что-то про себя.

На третій день послѣ упомянутаго приговора, къ величайшему удивленію Рушчица, вошелъ къ нему Вота, извиняясь почти у порога, что осмѣлился беспокоить его и быть докучливымъ. Но, прибавилъ онъ, отвѣшивая низкій поклонъ: я пришелъ по внутреннему влеченію, потому что хочу утѣшить несчастнаго и, если можно, привести отраду его страданіямъ.

— Благодарю васъ, сказалъ Рушчицъ, кланаясь вѣжливо, но съ холодною, и прося его садиться. — Страданія мои не столь тягостны; совѣсть моя чиста, — и причины поступка моего такъ справедливы, что я надѣюсь избѣгнуть строгости законовъ, обратясь къ королевскому милосердію.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Вота: тѣмъ болѣе, что вы пользуетесь такимъ расположеніемъ короля, онъ тотчасъ же исполнитъ вашу просьбу. Но прежде, нежели воспослѣдуетъ это, вы можете получить много неудовольствія, если судъ захочетъ поспѣшить исполненіемъ приговора.

— Но не отчаявайтесь еще, прибавилъ Вота, подойдя къ нему и сжимая дружески руку: тотъ, о которомъ вы были самыхъ дурныхъ мыслей, хочеть убѣдить васъ въ своей привязанности. Сегодня я ѣду въ Гродно; пишите сію же минуту письмо къ королю, и я вамъ ручаюсь въ благопріятныхъ послѣдствіяхъ вашей просьбы.

Рущицъ исполнилъ данный совѣтъ и, вручая письмо, дружески смазъ ту руку, которая готовила ему смертельный ударъ. Хитрый Итальянецъ, пока смотрѣлъ на Рущица, умѣлъ сохранить на лицѣ своемъ выраженіе благороднаго спокойствія; но улыбка злобной радости замѣнила его мѣсто, когда онъ перешагнувъ черезъ порогъ комнаты несчастнаго бригадира.

ГЛАВА IV.

Объятный отъѣздъ Воты въ Гродно, въ самомъ дѣлѣ, воспослѣдовалъ на другой день послѣ свиданія его съ Рущицомъ. Онъ давно уже выжидалъ случая выполнить порученія, данныя ему нашимъ героемъ, чтобы потомъ заняться важнѣйшими дѣлами, для которыхъ въѣзжающій открылся гродненскій сеймъ представлялъ ему обширное поле.

Вота прибылъ въ Гродно въ самую благопріятную для него минуту: весь дворъ былъ въ величайшемъ движеніи. Король, опечаленный, занятый своими планами и составленіемъ себѣ партіи между сильнѣйшими магнатами, которые могли бы противустать Сапегамъ; а Марія Казимира, пылающая гнѣвомъ за свѣжую рану, нанесенную ея гордостью отказомъ пановъ сеймовыхъ дозволить принцу Іакову, сидѣть рядомъ съ королемъ на публичныхъ совѣщаніяхъ.

Отдано было приказаніе, чтобы какъ скоро Вота пріѣдетъ, тотчасъ послать его къ королевѣ. Это извѣстіе чрезвычайно его обрадовало; глаза его заблестали ненасытнымъ желаніемъ дѣйствовать, и увядшія щеки покрылись румянцемъ, выступившимъ при одной мысли объ интригахъ и надеждѣ возвыситься.

При входѣ Воты въ комнату королевы, она сидѣла въ креслахъ и слушала съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ рассказъ одного придворнаго объ усилъхъ сдѣланнаго ему порученія. Мадамъ де-Фѣ д'Ербъ стояла за стуломъ и внимательно слѣдила каждое движеніе, чтобы предупредить малѣйшее желаніе Маріи Казимиры. Когда доложная о прибытіи Воты, на устахъ королевы появилась торжествующая улыбка. Она обратилась къ гофмейстернаѣ двора и, слегка кивнувъ головою, взглянула на нее съ тѣмъ выраженіемъ, которое показывало большую увѣренность въ исполненіи замышляемаго предпріятія. Послѣ это-

то она знакомъ признала придворному удалиться, и тотъ, выходя, впустилъ въ кабинетъ Вота, который еще въ дверяхъ почтительно и низко кланялся, извинился, что осмѣлился явиться въ дорожномъ платьѣ.

Королева, принявъ его ласково, начала дѣлать упреки за то, что онъ опоздалъ своимъ прїѣздомъ.

— Я не могъ прїѣхать ранѣе, отвѣчалъ Вота, и при этомъ словѣ онъ осторожно посмотрѣлъ вокругъ себя. Старанія объ исполненіи приговора и опроверженіе всѣхъ дѣлавныхъ или попытокъ къ оправданію, требовали значительнаго времени. Но за то могу поручиться, что дѣла идутъ какъ нельзя лучше, и въ это самое мгновеніе нашъ бригадиръ, безъ сомнѣнія, перенесъ уже въ торому свою главную квартиру, съ увѣренностію и надеждою на королевскую милость, къ которой обращается въ этомъ письмѣ.— Говоря это, Вота подавъ королеви извѣстное намъ письмо Рущица, которое она не прочитавъ бросила въ пылающій въ каминѣ огонь.

— Довольно о бригадирѣ, сказала королева, не мѣшайте, что онъ взаперти; но это дѣло слишкомъ небольшой важности къ сравненію съ тѣмъ, которое теперь занимаетъ меня, тревожить и сердить. Сынъ мой обижень. Его не хотятъ видѣть поодлѣ отца въ публичныхъ совѣщаніяхъ, и въ какую еще иду! въ то самое время, когда онъ долженъ жениться, когда я посылаю его въ Берлинъ, чтобъ онъ тамъ помогалъ руки принцессѣ Бранденбургской, въ дому Радзивилловъ.

— Можетъ ли это быть! вскричалъ Вота:— это происшествіе въ состояніи разрушить дальнѣйшія намѣренія принца.

— Я это чувствую, къ несчастію, очень хорошо, отвѣчалъ съ живостію королева: и не знаю, какъ поступить.

— Намѣреніе послать принца въ Берлинъ, спросилъ Вота, послѣ минутнаго молчанія: извѣстно уже публично?

— Нѣтъ, кромѣ насъ въ семейства, никто при дворѣ объ этомъ не знаетъ и не долженъ знать.

— Это хорошо, отвѣчалъ Вота: надобно сохранять все въ величайшей тайнѣ, потому что если что нибудь узнаютъ, то можетъ быть найдется еще болѣе препятствій. Не лучше ли даже показать совершенное равнодушіе? Этимъ средствомъ можно прекратить толкъ и привести все дѣло въ забвеніе къ тому времени, какъ онъ пойдетъ въ Берлинъ.

— Таково было счастливое совѣщаніе съ вновь прибывшимъ со-

вѣтникомъ. Королева ожидала только возвращенія послѣдняго въ Берлинъ агента, который долженъ былъ уведомить ее о наступленіи благопріятной минуты къ отъѣзду принца.

Когда агентъ возвратился, успѣшно исполнивъ свое порученіе, она объявила сыну свою родительскую волю, прибавивъ noch секретно, что принцесса Бранденбургская изъявила согласие на прѣздъ его и сватовство.

Въ тотъ самый день, какъ это происходило, Марія была въ особенно веселомъ расположеніи духа, и безъ малѣйшаго предчувствія ожидающихъ ее горестей, она отправилась, въ сопровожденіи нѣсколькихъ пріятельницъ, на берегъ Немана, погулять и подышать свѣжимъ воздухомъ. Насладившись красотой природы и пріятностію тихаго вечера, они возвращались уже домой, какъ вдругъ неподалеку отъ города услышали за собою лошадинъ топотъ и бранчивыя слова сѣлока, который погонялъ бѣдное животное нво всѣхъ силъ. Шумъ этотъ принудилъ ихъ остановиться и свернуть съ дороги, а ѣздокъ, проѣзжая мимо, пересталъ на минуту браниться и понуждалъ коня, чтобы снѣть шляпу и прѣвѣтствовать ихъ по польскому обычаю. Измученная лошадь воспользовалась этимъ случаемъ; она стала на мѣстѣ съ рѣшительнымъ, повидимому, намѣреніемъ не двѣлать ни шага впередъ, тѣмъ болѣе, что дрожаніе ногъ, опущенная голова и втянутые бока показывали истощеніе всѣхъ ея силъ. Разгнѣванный всадникъ возобновилъ теперь свой удары и прилагательныя, которыми онъ прежде осыпалъ своего Буцефала.

— Ахъ ради Бога, вскричала проникнутая жалостію Марія, рази не бейте такъ вашу лошадь, она кажется и то ужъ едва дышать дукъ.

— Нуеть себѣ задыхаетъ, отвѣчалъ всадникъ: а мало е томъ забочусь; здѣсь или въ другомъ мѣстѣ сѣдять ее волки, только бы мнѣ скорѣе добѣжать туда, куда мнѣ надобно.

— Если вамъ предстонтъ еще дальній путь, сказала одна изъ пріятельницъ Маріи: те, думаю, вамъ придется идти нѣшкомъ, потому-что вашъ конь не тронется съ мѣста.

— Такъ оставайся же тутъ, бестія, вскричалъ всадникъ, сѣзая съ лошади: когда же хочешь служить своему барину такъ вѣрно, какъ я. Съ вашего позволенія, барышня, прибавилъ онъ, обращаясь къ Маріи: гдѣ можно пройти къ королю? на которой улицѣ онъ живетъ, и у кого мнѣ объ немъ спросить?

— Поэтому вы въ королю такъ торопились, отвѣчала съ улыбкою Марія: а что вамъ отъ него надобно?

— Что мнѣ надобно, отвѣчалъ съ живостію незнакомецъ: объ этомъ долго будетъ рассказывать, а у меня нѣтъ лишняго времени: мнѣ должно торопиться. Если вы были ужъ такъ добры, сударыня, что скажились надъ моимъ конемъ, то покарауйте его, пока онъ будетъ пастись на лугу, а я тотчасъ же возвращусь.

— Тотчасъ воротитесь? возразила Марія: но вы хотите идти съ королемъ?

— Отъ чего жъ нѣтъ? отвѣчалъ всадникъ: король справедливъ и добръ,—мой баринъ всегда это говорилъ; онъ любитъ моего барина и баринъ его любитъ; я поклонюсь ему отъ него, расскажу, что мнѣ вало и баста. Однакожъ, что я болтаю по пустякамъ,—не задерживайте меня, барышня.

— Нѣтъ, мой милый, сказала Марія съ протостію: мы вась напрасно не удерживаемъ, а хотимъ быть полезными для облегченія доступа къ королю, потому—что это не такъ легко.

— Полноте, сударыня! отвѣчалъ всадникъ: какъ будто я его развѣ только видѣлъ, когда онъ подъ Вѣною смотрѣлъ наша полки, и когда вмѣстѣ съ нашею хоругвию выступалъ противъ бусурмановъ.

— Добрый человѣкъ, вскричала съ живостію Марія: такъ вы были подъ Вѣною?

— Какая тутъ Вѣна, отвѣчалъ незнакомецъ: когда мнѣ надо торопиться въ Гродно. Покажете ли вы мнѣ, сударыня, дорогу въ королю, или нѣтъ?

— Съ величайшею охотою, отвѣчала Марія: только подтверйте, что здѣсь, во время мира, не такъ легко видѣть короля, какъ на войнѣ. Это мы знаемъ лучше вась, потому—что сами служимъ при дворѣ.

— Такъ вы придворныя! вскричалъ съ удивленіемъ незнакомецъ, почтительно сивъ фуражку и, съ выраженіемъ голоса, возбуждающимъ жалость, сказалъ:—если вы такіе сильные люди, то скажитесь надъ бѣднымъ человѣкомъ, готовымъ сію минуту въ адъ за своего барина, за добраго барина, котораго посадили въ тюрьму не знаю за что, которому каждый часъ жизни—мученіе, потому—что онъ проводитъ его въ юрѣ. Умило-сердитесь надо мною и проводите меня къ королю; съ вѣр-латно прикажетъ выпустить моего барина.

— Кто же такой вѣсть господинъ? вскричала Марія, пораженная его словами.

О! вы должны его знать: онъ былъ всегда подлѣ короля и принца; — былъ любимъ ими до тѣхъ поръ, пока не встрѣтился съ одною неблагодарною, которая не хотѣла выйти за него за-мужъ, и не вздумалъ за нее отдавать какого-то Француза. Вы должны знать его, служа при дворѣ. Баринъ мой бригадиръ Рушцацъ, а я его старый слуга Куликъ.

Услышавъ это, Марія поблѣднѣла; ея веселость исчезла въ минуту; выраженіе горести, возбужденное угрызениемъ совѣсти, изобразилось на лицѣ; она молчала, но умоляющіе взоры ея обращались на подругъ, какъ бы прося у нихъ помощи и состраданія. Одна изъ нихъ, съ нѣжностію подавъ ей свою руку, сказала Кулику:— Не обвиняйте невѣсты своего барина въ его несчастіи: она сама страдаетъ отъ этого не менѣе; смотрите, какое дѣйствіе произвело ваше извѣстіе.

— Какъ? вскричалъ въ свою очередь Куликъ: неужели это панна Модреевская? Вижу, что она опечалилась, но жаль что поздно немного: потому-что если бы она принимала участіе въ моемъ баринѣ, то давно должна была упасть къ ногамъ короля и сказать ему: милосердый государь! не давайте въ обиду своего вѣрнаго слугу, а моего жениха!— Будьте здоровы, мои сударыни, я вижу, что мнѣ нечего ждать отъ васъ.

— Добрый человекъ! вскричала разстроганная Марія, приближаясь къ Кулику и взявъ его за руку: жестоки ваши упреки, но не откажите мнѣ въ своей довѣренности, и я скоро докажу вамъ, какъ сильно занимаетъ меня участь вашего господина.— Сказавъ это, она пошла въ городъ, усивъ, съ помощію своихъ подругъ уговорить Кулика, чтобъ онъ слѣдовалъ за ними и поручилъ имъ заботится о своемъ посольствѣ.

Возвратясь ко двору, она тотчасъ стала обдумывать средство увидѣться съ королемъ какъ можно скорѣе, но встрѣтила въ томъ большое затрудненіе,—потому ли, что король былъ занятъ важными дѣлами, а можетъ быть и потому, что онъ, чувствуя себя не совсемъ здоровымъ, не выходилъ изъ кабинета. Предвидя, что можетъ быть еще нѣсколько дней она не найдетъ случая увидѣть лично короля, и побуждаемая участіемъ въ судьбѣ Рушцаца, она рѣшилась прибѣгнуть къ посредничеству сестры короля и съ этимъ намѣреніемъ тотчасъ пошла къ ней. Принцъ Іаковъ былъ въ это время у своей

еть кротостию: и не смѣю болѣе докучать нашей свѣтлости. Но, прибавила она, потупя взоры и обращаясь къ принцу Іакову: можете быть ваше королевское высочество будете заступникомъ своего товарища по оружію, который всегда былъ готовъ посвятить вамъ жизнь свою.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ принцъ, нѣсколько смѣшавшись: по долгу дружбы и благодарности я обязанъ бы былъ конечно стараться объ его освобожденіи, но... При этомъ словѣ онъ остановился, какъ бы не желая объяснять дальнѣйшихъ причинъ, а быстрый взглядъ Маріи, которая устремила на него проникательные и удивленные взоры, смѣшалъ его еще болѣе, до такой степени, что княгиня Радевиллова увидѣла необходимость помочь ему освободиться изъ этого непріятнаго положенія.

— Іакову, сказала она, неприлично вмѣшиваться въ это дѣло. Яркій румянецъ покрылъ лицо Маріи. Замѣшательство ея было невыразимо. Она почувствовала ужасную борьбу горестнѣйшихъ чувствованій въ груди своей и страшилась обнаружить ихъ. Призвать на помощь всѣ силы души своей, она почтительно простилась съ княгиней и издали сдѣлала робкій поклонъ принцу, который равнодушно смотрѣлъ въ эту минуту въ окошко.

ГЛАВА V.

Исполненная горестнѣйшихъ размышленій, Марія возвращалась въ свою комнату, спѣша предаться уединенію и издѣивъ съ своею совѣстію испытать всю силу болѣзненнаго удара, нанесеннаго обманутымъ надеждамъ ея. Проходя мимо королевскаго замка, она услышала крикъ, столь сильный, что онъ въ состояніи былъ прервать ея размышленія. Взглянувъ на то мѣсто, откуда онъ раздавался, она увидѣла драбантовъ, старающихся одолѣть человека, который имъ сильно сопротивляется. Спросивъ шедшаго мимо придворнаго, что это значитъ, она получила въ отвѣтъ, что это подозрительный человѣкъ, хотѣвшій насильно ворваться въ замокъ. Марія не распрашивала болѣе. Возвратясь въ комнаты придворныхъ дамъ, она узнала отъ своихъ подругъ, что гофмейстерина два раза уже за нею

присылала и требовала ее къ себѣ, но приказанію королевы. Это приказаніе было чрезвычайно для нея непріятно, не потому что она опасалась чего-нибудь, но оно мѣшало ей предаться отралному уединенію. Съ неудовольствіемъ она принуждена была идти, и лишь только вошла въ кабинетъ госпожи Фѣ д'Ербъ, какъ та вскочила съ своего мѣста, бросила на нее взглядъ удивленной злобы, видящей предъ собою предметъ своего преслѣдованія, и, презрительно поклонившись ей, сѣла, въ молчаніи указавъ Маріи на кресло для занятія мѣста.

— Вы, сударыня, сказала гошеysterина, хотѣли облегчить входъ въ королевскій замокъ подозрительному человѣку?

— Я не понимаю этого упрека, отвѣчала удивленная Марія: о какомъ подозрительномъ человѣкѣ вы изволите говорить?

— Очень хорошо, возразила гошеysterина, поправляясь на своемъ креслѣ:—рѣшительность и присутствіе духа вашего достойны удивленія, когда дѣло идетъ о запертаельствѣ въ слишкомъ явномъ дѣлѣ.

— Вы не знали, сударыня, того человѣка, который съ часъ тому назадъ хотѣлъ насильно пробраться въ замокъ?

— Я слышала издалека шумъ и узнала, что прогоняли какого-то человѣка, но до сихъ поръ не знаю, что это такое значило.

— Вамъ ничего не извѣстно, сударыня, спросила госпожа Фѣ д'Ербъ съ злобною улыбкою: а извольте спросить, кто же тотъ незнакомый всадникъ, котораго вы встрѣтили будто нечаянно во время прогулки и привели въ замокъ?

— О! что касается до этого, отвѣчала Марія спокойно: то могу васъ увѣрить, что онъ ни въ комъ не можетъ возбудить малѣйшаго подозрѣнія, и, безъ сомнѣнія, не имѣлъ ни какихъ злыхъ намѣреній.

— Однакожъ это тотъ самый человѣкъ, съ живостію возразила гошеysterина: который рвался насильно въ замокъ? Отвѣчайте мнѣ прямо на предлагаемые вопросы: знали ли вы этого человѣка?

— Я знала его, отвѣчала Марія съ твердостію, и способствовала получить доступъ къ тѣмъ дверямъ, отъ которыхъ ни одинъ несчастный или угнетенный не отходилъ безъ помощи и правосудія.

полковъ, которыми онъ предводительствовалъ надъ Вѣномъ. Наконецъ, вспоминала также, какъ Иakovъ вступился однажды за Рушица, увидѣвъ, что Французъ сибется надъ его холодностію. — Но самымъ горестнымъ воспоминаніемъ, была для Маріи та минута, въ которую принцъ, стоя на колѣняхъ, умолялъ отца своего не спускать стрѣлы, угрожающей ей опасностію. Кто бы могъ усумниться тогда, что это не глѣнный любовникъ, способный раздѣлять самыя сладостныя ощущенія сердца? А теперь всё ея надежды исчезли какъ призракъ в убійственная существованность явилась передъ нею въ настоящемъ своемъ видѣ. Такъ, кто не хочетъ подвергнуться, для спасенія друга, даже малѣйшей несправедливости, тотъ никогда не будетъ героемъ. Кого же не трогаютъ слезы женщины, никогда обожасмой, тотъ никогда не любилъ, но старался завлечь только минутнымъ расположеніемъ.

— Такъ, онъ никогда не любилъ меня! сказала Марія, вздохнувши, — и изъ глазъ ея, устремленныхъ въ землю, потекли слезы. Долго сидѣла она, погруженная въ эту безмолвную тоску; наконецъ встала, и утеревъ глаза, полумала про себя: И я могла жертвовать человѣкомъ благороднѣйшихъ чувствъ, который рисковалъ за меня жизнью и современемъ могъ сдѣлаться опорой для меня! я сдѣлалась вѣроломною, принесла въ жертву память отца своего и съ преступнымъ отлагательствомъ не исполняла послѣдней его воли! И теперь еще колеблюсь, на что рѣшиться, какъ бы сожалѣя, что завѣса упала съ глазъ моихъ; кажется, будто мнѣ не доставитъ мужества, чтобы привести въ исполненіе благороднѣйшія побужденія сердца. Могу ли я забыть совершенно долгъ, налагаемый на меня честію и благодарностію. Нѣтъ, сдѣлаюсь достойною и отца, который оставилъ меня сиротою, на полѣ брани, и друга, котораго онъ для меня выбралъ!

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ размышленій было, что Марія, съѣвъ къ столыку, написала къ теткѣ своей трогательное письмо, въ которомъ умоляла ее пріѣхать скорѣе въ Варшаву и взять ее отъ двора. Письмо это было немедленно отослано съ нарочнымъ; между тѣмъ Марія рѣшилась на время казаться покорною своей участи въ глазахъ гофмейстерины, чтобы избѣжать всѣхъ подозрѣній и преслѣдованій, а главное, чтобы получить снова позволеніе входить въ королевскія комнаты, въ чемъ ей было отказано на нѣкоторое время.

Дворъ возвратился въ столицу, и Марія рѣшилась приступить къ исполненію своего намѣренія, потому-что прежде она не могла ничего сдѣлать для Рущица, не имѣя безопаснаго убѣжища, на случай если принуждена будетъ оставить королевское жилище; а теперь она тотчасъ же послѣ этого могла удалиться въ монастырь сестеръ Сакраментокъ.

Но добрая камергерша, встревоженная письмомъ Маріи, выражавшимъ безпорядокъ и волненіе чувствъ, какими она была проникнута предъ его написаніемъ, съ величайшею поспѣшностію оставила дѣлъ свой и пріѣхала въ столицу, вскорѣ во вѣдѣніи двора. Марія встрѣтила тетку свою съ дѣтскою радостію и, послѣ изъявленія взаимныхъ чувствованій, пересказала все, что было причиною ея горестей, и просила, чтобъ она немедленно подала королевѣ просьбу объ увольненіи ея отъ всѣхъ обязанностей при дворѣ.

Не трудно было получить согласіе, во-первыхъ потому, что Марія имѣла справедливыя причины желать увольненія; а во-вторыхъ, что гофмейстерина давно уже старалась очистить вакантное мѣсто между придворными дѣвицами для одной своей родственницы, недавно прибывшей изъ Франціи. Кроме того, королевѣ казалось, что удаленіе Маріи будетъ средствомъ къ прекращенію всѣхъ сплетней и интригъ, которыхъ поводомъ была извѣстная исторія съ Мондоромъ.

Такимъ образомъ, получивъ желанное для всѣхъ увольненіе, Марія просила позволенія въ послѣдній разъ явиться ко двору, — въ чемъ ей также не было отказано.

Когда наступилъ этотъ день, Марія приложила всевозможныя старанія въ своемъ уборѣ, и не безъ чувства сожалѣнія смотрѣлась въ зеркало, любясь въ послѣдній разъ придворнымъ костюмомъ, который ей такъ былъ къ лицу, и въ которомъ нѣкогда столько поклонниковъ привозносили красоту ея. Въ продолженіе двухъ дней живя у тетки, она вмѣстѣ съ нею поѣхала въ Виллановъ и, вѣзжая на дворъ замка, ей казалось страннымъ, что она ступаетъ въ эти стѣны какъ чужая, между тѣмъ какъ нѣсколько времени тому назадъ, она жила въ королевскомъ замкѣ, какъ въ своемъ домѣ, принадлежа ко двору. При входѣ въ замокъ привѣтствовали ея придворные, нисше съ чувствомъ горести о потерѣ той, внимательность и благодѣянія которой они не разъ испытывали, а высше, сожалѣя, что дворъ лишается въ ней лучшаго своего украшенія.

Нечаянная востановилась овладѣла Марією, когда она проходила по корридорамъ замка, гдѣ нѣкогда участвовала въ забавкахъ королевской охоты и гдѣ, предвизитъ, обманчивой надеждѣ, видѣла липыаго своего омовітсина. Тисело ей было смотрѣть на двери внутреннѣхъ королевскихъ комнатъ, теперь закрытыхъ и для нея недоступныхъ, и думать, что столько ей прежнихъ подругъ имѣютъ въ эту минуту дерзостое предъ ней и вѣроятно не оустаетъ случая дать ей это почувствовать при первомъ свиданіи. Но всего непріятнѣе казалась ей социальное приговорить; что она оставляетъ дверь, и докучливые вопросы о забытыхъ причинахъ этого удаленія, такъ что наконецъ она съ потерпѣнностью высмотривала минуту удаленія королевской фамилии, которая забавила бы ее отъ всѣхъ непріятныхъ впечатлѣній.

Наконецъ наступила ожидаемая минута; сильно забилось сердце Маріи; когда двери растворились и оказалась придворные впереди короля. Она чувствовала невольное униженіе, когда придворные дамы проходили мимо ея съ гордестію и худо скрытымъ презрѣніемъ; но яркій румянецъ покрывъ лицо ея, когда она увидѣла королевскую фамилію и въ особенности принца Іакова.

Внимательный наблюдатель тотчасъ прочелъ бы на лицѣ Маріи величайшее замѣшательство и сильнѣйшую борьбу внутреннихъ чувствъ, которыя, можетъ быть, превозмогли бы надъ слабымъ разсудкомъ, если бы принцъ, такъ какъ бывало, подошелъ къ ней и заговорилъ по прежнему, — или, по крайней мѣрѣ, оказалъ какое-нибудь вниманіе. Но онъ остановился на другомъ концѣ зала, и занялся разговоромъ съ двумя придворными, которые должны были сопутствовать ему въ скоромъ путешествіи въ Берлинъ, и, по видимому, оставался совершенно равнодушнымъ зрителемъ всего, что около него происходило. Это обстоятельство придадо ей мужества, когда король, давъ аудіенцію нѣкоторымъ знатнѣйшимъ вельможамъ, подошелъ къ ней и сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ относительно ея удаленія отъ двора. Марія, упавъ предъ нимъ на колѣни, произнесла: Милосердый государь! ты, величіе котораго я привыкла превозносить съ малолѣтства; ты, который былъ благодѣтелемъ сироты, позволь мнѣ повергнуть къ ногамъ твоимъ послѣднюю просьбу. Родитель мой говорилъ, что ты всегда любилъ и умѣлъ награждать вѣрныхъ слугъ своихъ; а потому, я осмѣливаюсь

съ увѣренностію просить за того, который долженъ быть по-
нятъ мужикъ и отцомъ, который всегда принадлежалъ къ числу
преданныхъ, — государь, я прошу помилованія заключенному
Рущицу.

— Заключенному Рущицу? — спросилъ увлеченный король,
подавая Марію руку, чтобы она встала. Я ничего объ этомъ не
знаю. — Что это значить? — прибавилъ онъ, обращаясь къ мар-
шалу двора, — и по какой причинѣ?

— Въ отсутствіе вашего величества, — отвѣчалъ маршалъ, — по-
чтилъмъ взглянуть на королеву, которая подходить къ нимъ,
каданъ былъ преговоръ, присудившій бригадира Рущицу къ
тюремному заключенію, за вывозъ на поединокъ армянскаго
Великаго Величества.

— Почемужъ онъ тотчасъ не обратился ко мнѣ? — продолжалъ
король.

Маршалъ замолчалъ и потупилъ глаза, чтобы не встрѣтить
взгляда королевы, которая, цѣплявъ на себя милостивую наруж-
ность, сказала: — Хотя поступокъ бригадира долженъ бы прив-
лечь на него мой гнѣвъ, однакожъ я прощаю его отъ всего
сердца и прошу Ваше Величество принять милостиво просьбу
дѣяницы Модржеевской.

Король усмѣхнулся ласково, взглянувъ на свою супругу, какъ
бы желая ей выразить тѣмъ свое удовольствіе за это доказа-
тельство ея доброты, и обѣщалъ Марію скорое исполненіе ея
желанія.

Удаляясь, королева простилась съ камергершею и ея племян-
ницею легкимъ наклоненіемъ головы и благосклонною улыбкою,
подъ которою однакожъ видны были слѣды внутренняго недо-
вольствія.

Вскорѣ послѣ этого, аудіенція кончилась. Принцъ Іаковъ до
самаго конца не обращалъ ни какого вниманія на Марію и,
проходя мимо ея, такъ былъ занятъ разговоромъ съ прѣ-
хавшимъ изъ Берлина Французомъ, что даже и не взглянулъ на
нее. Эта холодность и совершенное равнодушіе, съ которыми
онъ отъ нея удалялся, до того поразилъ Марію, что она готова
была валиться слезами, еслибъ не имѣла при этомъ столькохъ
свидѣтелей своей слабости. Чувствуя, что силы оставляютъ ее,
и страшась, чтобы кто не открылъ ея волненія, она съ живо-
стію схватила руку камергерши и сказала встревоженнымъ го-
лосомъ: «Ахъ, тетенька! уже всѣ вышли и мы остаемся послѣ»

вами, пойдите отсюда поскорѣй.... Боже мой! какъ здѣсь душно, отъ этого шума можно лишиться чувствъ.... мнѣ надобно дышать свѣжимъ воздухомъ.»

ГЛАВА VI.

Въ этотъ же самый день, какъ происходило описанное нами событіе, Иорданъ свѣшилъ лично сказать Рушциду, что Марія испросила ему у короля прощеніе. Онъ нашелъ его еще печальнѣе и задумчивѣе прежняго, какимъ не вдалъ ни разу съ самаго пріѣзда изъ Гродно. Приписывая это скукѣ и непріятностямъ заключенія, Иорданъ сказалъ при входѣ:

— Полно хмуриться, Даміанъ, я привезъ тебѣ новость, которая обрадовала весь дворъ: король простилъ тебя!

Рушцидъ всталъ съ равнодушнымъ видомъ, свѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу своему другу и, сильно сжавъ ему руку, сказалъ:

— Благодарю тебя за чистосердечное участіе въ моемъ горѣ; твоя дружба есть лучшее мое утѣшеніе; ты принадлежишь къ малому числу тѣхъ, на которыхъ всегда можно положиться.

— Однакожъ лицо твое слишкомъ пасмурно для человѣка, получившаго свободу; развѣ ты не слышалъ, что я сказалъ? Король простилъ тебя и завтра ты можешь оставить тюрьму.

— Я слышалъ и понималъ все. Мнѣ совершенно все равно, завтра ли выйдти отсюда или просидѣть еще нѣсколько мѣсяцевъ.

О женщины, женщины! счастливъ тотъ, кто можетъ избѣгнуть вашего могущества!

— Откудажъ эта ненависть; ты, по крайней мѣрѣ, не имѣешь причины роптать на женщинъ.

— Я не имѣю причины? возразилъ Рушцидъ съ горькою усмѣшкой—О! конечно, я не могъ ожидать, чтобы та, въ благородныя чувствованія которой я всегда вѣровалъ, какъ въ кумиръ, могла быть способна къ оказанію мнѣ совершеннаго равнодушія и, еще того хуже, могла заплатить мнѣ неблагодарностью.

— Чтò это значитъ? къ кому относятся эти упреки, не къ Маріи ли? О какъ жестоко ты обманываешьса! Какъ рѣшился

ты повѣрять такъ легко, безъ сомнѣнія, какимъ-нибудь сплетнямъ.

— Не обвиняй меня напрасно въ легковѣріи. Злоба не найдеть ко мнѣ пристуна; но я вѣрю только тому, въ чемъ самъ удостовѣрюсь.

— Въ чемъ же ты могъ удостовѣриться въ стѣнахъ своей тюрьмы, не зная того, что происходило при дворѣ?

— Видѣлъ ли ты, входя ко мнѣ, стараго моего слугу. Онъ былъ въ Гроднѣ; онъ былъ свидѣтелемъ всего, тамъ происходившаго, терпѣлъ за меня.... а показаніе простодушной вѣрности не можетъ быть подозрительнымъ.

Иорданъ пожалъ плечами и, усмѣхнувшись, сказалъ: и ты совершенно убѣжденъ въ истинѣ того, что человѣкъ простой, не могущій получить доступа къ королю, донесъ тебѣ?

— Выслушай прежде терпѣливо, а потомъ суди, могъ ли я вѣрить его разсказу. Безъ моего вѣдома, побуждаемый только желаніемъ быть полезнымъ своему господину, старый слуга мой отправился въ Гродно. Случай помогъ ему встрѣтить Марію, которая общала ему сначала облегчить доступъ къ королю, а потомъ смотрѣла равнодушно, какъ его выгоняли изъ города. Въ то самое время, какъ его схватили у замковыхъ воротъ, она шла по двору; онъ призывалъ ее на помощь, но она равнодушно прошла мимо, не вступившись за того, кто терпѣлъ единственно за одну преданность свою ко мнѣ. Нѣтъ, Иорданъ! этотъ поступокъ не показываетъ души благородной; а тѣмъ болѣе онъ не доказываетъ, чтобы Рущиць могъ надѣяться на привязанность той, которая обязана ему, по крайней мѣрѣ, благодарностью.

— Не знаю, впрочемъ, что случилось съ твоимъ старикомъ въ Гроднѣ, потому что я пріѣхалъ сюда, по приказанію короля, прежде другихъ, и вѣрно меня тамъ не было, когда это происходило; но я убѣжденъ совершенно, что ты не справедливо обвиняешь Марію. Скажу тебѣ наконецъ, что сегодня я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ она упала къ ногамъ короля, умоляя его о твоёмъ прощеніи, и послѣ этого оставила дворъ навсегда.

— Неужели, вскричалъ Рущиць: Марія удалась отъ двора? Что было тому причиною?

— Та самая благодарность и привязанность къ тебѣ, въ которыхъ ты уверяла ее. Слушай и признайся въ своей неспра-

ведливости, потому-что послѣ ея отъѣзда объяснились и причины, заставившія ее оставить службу.

Тутъ разсказалъ Иорданъ объ извѣстіяхъ уже намъ огорчившихъ, которымъ Марія подверглась, вступившись за бригадира. Во время разсказа, его радость просвѣчивалась во всѣхъ чертахъ лица Рущица, а когда тотъ окончили, то Рущица вскричалъ съ восторгомъ:

— Иорданъ! ты возвращаешь спокойствіе душѣ моей. Частосердечно расказавоюсь въ томъ, что рѣшился обмануть Марію въ недостатокъ великодушія, и первыя минуты свободы своей употреблю на то, чтобы благодарить ее за пожертвованіе, сдѣланное для меня, и убѣдить возвратиться ко двору, гдѣ, можетъ быть, ждетъ ее прекрасная будущность.

— Напрасно будешь хлопотать, потому-что не заставишь ее въ столицѣ; тотчасъ по удаленіи отъ двора, она уѣхала въ деревню вмѣстѣ съ теткою своей.

Рущицъ вскорѣ оставилъ Варшаву, сѣдша въ слѣдъ за Марією, въ той надеждѣ, что успѣетъ убѣдить ее возвратиться ко двору.

Напротивъ того, Марія не хотѣла ни минуты оставаться въ столицѣ, гдѣ все напоминало ей о минувшемъ счастіи и о несбывшихся мечтахъ и ослабляло въ ней душевную силу, побуждавшую ее оставить дворъ.

Выѣзжая изъ Варшавы, она встрѣчала кареты, запряженныя шестью лошадыи дугомъ, со всею придворною роскошью, слѣдившія въ Виллавоу, иди обратно въ Варшаву, передъ которыми скромный дорожный экипажъ камергерши долженъ былъ сворачивать въ сторону. Марія пряталась при каждой встрѣчѣ, потому-что видъ этого великолѣвія, отъ котораго она навсегда отказалась, производилъ на нее непріятныя впечатлѣнія. Скоро надобно было повернуть съ большой дороги на проселочную, какъ облако пыли возвѣстало о новой встрѣчѣ. Около десяти придворныхъ драбантовъ, поравнявшись съ экипажемъ камергерши, велѣли ему взять въ сторону и ожидать на мѣстѣ пока пробѣдутъ придворныя кареты. Марія спряталась въ глубинѣ поѣзда, но, скрываясь отъ другихъ, не могла преодолѣть любопытства взглянуть еще разъ на пробѣжающую королевскую фамилію. Скоро показалась карета шестерною, предъ которой ѣхали скороходы. Въ ней сѣдѣла королева съ французомъ Гюгономъ, который, выходя изъ кареты, смотрѣлъ на жмущихъ

камергерши, стараясь разглядѣть свидѣшеть въ немъ особъ, и послѣ того вдругъ обратился къ королеви, какъ бы желая се-общить ей о своемъ открытiи.

Эта встрѣча встревожила Марю. Не смотря на огорченiе ее противъ принца, она нетерпѣливо желала видѣть его еще разъ. Надежда эта втайнѣ ее радовала и, стараясь удержать ее, она съ бiоющимъ сердцемъ смотрѣла на приближающагося. Она искала утѣшенiя во взорахъ принца; надеясь, что онъ, увидѣвъ тѣку ея, узнаетъ и ее; что, можетъ быть, чувство сожалѣнiя отразится на его лицѣ, и вдругъ увидѣла, что это лицо выражало не только совершенное равнодушия, но даже какое-то презрѣнiе. Тамъ, по крайней мѣрѣ, казался Марин; потому что кто обманулся въ своихъ ожиданiяхъ, кто принужденъ былъ отказаться даже отъ самой надежды на взаимность, тому всѣ предметы представляются уже съ худшей стороны, нежели каковы они въ существенности, и въ любимой нѣкогда особѣ онъ видѣтъ уже одни недостатки, между тѣмъ какъ счастливый любовникъ все истолковываетъ въ хорошую сторону и даже самыя погрѣшности готовъ принять за совершенства.

Какъ ни тягостно было впечатлѣнiе, произведенное на Марию послѣднею встрѣчею, однакожъ она не въ силахъ была воспротивиться грустному чувству сожалѣнiя, когда при поворотѣ съ большой дороги еще разъ увидѣла башни и зданiя Варшавы. Вскорѣ должны были исчезнуть отъ ея взоревъ эти послѣднiя воспоминанiя мѣста, гдѣ обманчивое воображенiе ее общало ей всегдашнее и блестящее пребыванiе. Эти вершины, блестящiя издали отъ солнечныхъ лучей, были слышимы; возвышенны и великолѣпны для той, которая съ этого времени должна была подъ деревенскую крышу проводить жизнь, исполненную только воспоминанiями о прошедшемъ. Несомнѣннѣе казалось счастье въ томъ сельскомъ уединенiи, куда она теперь бѣжала, но образъ великолѣпiя и пышности, навсегда копящихся, слишкомъ глубоко укоренился въ умѣ ея, чтобъ можно было вдругъ съ нимъ разстаться и думать о будущемъ спокойномъ блаженствѣ, лишенномъ славы и почестей.

Но возвращенiю Марин въ деревню, мало-по-малу привыклилась въ ней слѣды впечатлѣнiй, тамъ долго тревожившихъ ея воображенiе. Родительская нѣжность онекуновъ, повсюду встрѣ-

чаемья доказательства искренней привязанности домашних и поселянъ, посреди которыхъ она выросла, напомнили Маріи, что она возвратилась въ кругъ тѣхъ сердечно любящихъ ее друзей, съ которыми нѣкогда разставалась съ такимъ сожалѣніемъ. Съ каждымъ днемъ она дѣлалась веселѣе, и горькая слеза воспоминанія тогда только появлялась на лицѣ ея, когда въ удивленіи она погружалась въ задумчивость, и утраченныя надежды, какъ вчезнувшія сновидѣнія, пробѣгали въ ея памяти.

Одна только мысль постоянно тревожила ее: это Рущицъ, который скоро явится и потребуеъ ея руки. Могла ли она теперь не согласиться на его счастье и тѣмъ не исполнить воли родителя, или выйти замужъ за человека, къ которому чувствовала одно только уваженіе, между тѣмъ какъ сердце ея принадлежало другому? Могла ли она обманывать его притворною нѣжностью, или чистосердечно открыться въ своихъ заблужденіяхъ? Самолюбіе возставало противъ послѣдней мысли, но непобѣдимое чувство благородной откровенности побуждало къ исполненію ея, какъ неизмѣнной обязанности. Затруднительное ея положеніе еще болѣе увеличилось, когда, открывши смущеніе свое теткѣ, она услышала, отъ нее, что великодушное признаніе, которое она намѣревалась сдѣлать Рущицу, будетъ уже почти излишнимъ, потому-что Рущицъ давно зналъ объ этой склонности и старался не препятствовать ей. Какъ тягостно было для Маріи это извѣстіе. Великодушное поведеніе Рущица заслуживало еще большаго уваженія, и между тѣмъ было нѣкоторымъ родомъ униженія для Маріи. Онъ превышалъ ее и образомъ мыслей своихъ и поступками; онъ жертвовалъ для нея всѣмъ, а она чѣмъ могла заплатить ему за столько доказательствъ привязанности? Неужели та рука, которая, правда, была для него нѣкогда столь желанною, будетъ ниѣтъ теперь какую-нибудь цѣну, когда онъ можетъ принять ее, какъ отвергнутую другимъ? Послѣ всего, что онъ сдѣлалъ, нельзя в ожиданіи, чтобы онъ отказался отъ согласія на исполненіе давно заключеннаго договора; и развѣ этотъ союзъ не можетъ быть позымъ съ его стороны пожертвованіемъ?

Всѣ эти размышленія лишили Марію спокойствія. Съ трепетомъ вспоминала она о минутѣ пріѣзда Рущица, потому-что видѣла въ немъ судью, предъ которымъ должна предстать съ вѣнковой совѣстію и съ смиреніемъ принять заслуженное наказаніе.

Вскорѣ наступило это страшное для Маріи и рѣшительное мгновеніе. Черезъ нѣсколько недѣль по ея возвращеніи, пріѣхалъ Рущицъ со всею торжественностію жениха и съ тою невпринужденною веселостію на лицѣ, которая всѣхъ располагала къ счастью и придавала самой Маріи нѣсколько мужества.

Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока разговоръ касался самыхъ общихъ и постороннихъ предметовъ; но когда, на другой день своего пріѣзда, Рущицъ повпросилъ камергера и жену его въ особую комнату, то Марія, оставшись одна, въ продолженіе нѣкотораго времени, невольно трепетала, стараясь отгадать причину этой таинственности; когда же, наконецъ, она увидѣла выходящихъ изъ боковой комнаты, то вдругъ поблѣднѣла и до того смѣшалась, что не могла замѣтить радости, выражавшейся на всѣхъ лицахъ.

Рущицъ подошелъ къ Маріи съ почтительнымъ видомъ, взялъ ее за руку и, обратясь къ камергеру и женѣ его, сказалъ:

— Уважаемые и любимые мною друзья! Вы, заступающіе мѣсто умершихъ родителей панны Модржеевской, простите мнѣ, что я самъ, безъ всякаго посредничества, рѣшился просить вашего согласія на скорѣйшее, по возможности, заключеніе брачнаго договора, такъ давно предположеннаго, и по моей винѣ столько разъ отлагаемаго. А васъ, панна, прибавилъ онъ, обратясь къ Маріи: умоляю, надѣясь на всегдашнее ваше ко мнѣ расположеніе, присоединить просьбу свою къ моей, и тѣмъ исполнить пламенное желаніе моего сердца, основанное на высокомъ уваженіи къ вашимъ душевнымъ качествамъ, волѣ вашего родителя и собственномъ вашемъ согласіи.

Въ продолженіе этой рѣчи, Марія стояла съ потупленными въ землю глазами; щеки ея горѣли и величайшее замѣшательство изображалось на лицѣ ея. Нѣсколько времени она молчала, стараясь ободриться; наконецъ освободивъ потихоньку руку свою, поданную прежде Рущицу, она подошла къ своей теткѣ, какъ бы вымаливая помощи, и сказала:

— Напрасно бы я хотѣла скрыть свое смущеніе и борьбу чувствъ, которыми исполнено сердце мое: причина ихъ всѣмъ вамъ очень хорошо извѣстна. Вы читаете въ моемъ сердцѣ и видите, какую горестію оно проникнуто и какъ чувствительны удрученіи совѣсти. Ахъ! смальтесь надо мною, не довершайте

кательны, но зато не возбуждали въ душѣ ни страха, ни огорченія.

Вскорѣ наступило торжество бракосочетанія. Марія пошла къ алтарю безъ страха и сожалѣнія, ибо утраченная надежда бластательной судьбы, въ существенности была только лишеніемъ обманчивыхъ сновидѣній, а образъ мыслей и чистосердечной привязанности Рущица служили порукою непреложнаго счастья ея въ жизни. Съѣхавшіеся во множествѣ гости раздѣляли удовольствіе новобрачныхъ, и день свадьбы, по старопольскому обычаю, былъ справленъ въ домѣ камергера съ особеннымъ великолѣпіемъ. Никто однакожъ не могъ предвидѣть, что неожиданный случай разстроитъ всеобщее веселье и поселитъ тревогу и ужасъ тамъ, гдѣ царствовало веселье.

Въ то время, какъ музыка раздавалась сильнѣе, къ мызѣ подѣхали два всадника, а за ними еще третій, повидимому, слуга ихъ. Остановившись у воротъ, они соскочили съ лошадей, бросили поводья служителю и, закутавшись въ большіе плащи, отправились къ дому. Идя по двору, они увидѣли большую толпу людей, собравшихся подъ окнами и глядѣвшихъ на пирующихъ.

Ночь была темная и благопріятствовала ихъ преступнымъ, повидимому, замысламъ. Издали еще примѣтили они свѣтъ, выходившій изъ оконъ и освѣщавшій толпу поселянъ, которые съ любопытствомъ смотрѣли на веселящихся господъ, а иногда и сами пускались въ танцы подъ громкіе звуки музыки, вылетавшіе въ отворенныя окна. Прибывшіе незнакомцы не могли оцѣниться быть замѣченными, потому что взоры всѣхъ были устремлены на панской домъ, и при всеобщей радости никому и на умъ не приходило остерегаться злыхъ людей.

— Постой, остановимся на минуту, сказалъ одинъ изъ незнакомцевъ, шедшій впереди, тутъ нельзя подойти къ дому, потому что слишкомъ свѣтло и много народу; вотъ заборъ, чрезъ который легко можно перелѣзть въ садъ; тамъ вѣрно никого нѣтъ, и мы безъ опасенія подойдемъ подъ окна, чтобы видѣть всѣхъ гостей, и я тебѣ покажу тогда его.

Исполнивъ свое намѣреніе, они подкрались подъ окно комнаты, сѣдственной съ заломъ, въ которомъ танцовали, такъ что чрезъ отворенныя двери можно было видѣть все происходившее въ послѣдней.

— Здѣсь мы должны терпѣливо дожидаться, покаѣстъ онъ явится, сказалъ тотъ же самый незнакомецъ; онъ навѣрное придетъ въ эту комнату.

— Однакожъ тутъ славно веселятся! говорилъ другой: тамъ танцуютъ и скачутъ, а здѣсь бальные ветераны поочереды осушаютъ покаяль. Посмотрите, какъ они кланяются другъ другу, какъ обнимаются; вино такъ и льется на землю изъ этой рамки..... не досадно ли, что оно пропадаетъ даромъ, лучше бы досталось мнѣ, у меня даже слюнки текутъ, какъ посмотрю на его.

— Счастливецъ! ты желалъ бы пить и веселиться! а для меня каждый бокалъ изъ этого дома былъ бы отравленъ желчью.

— Взгляните, сударь, какъ разгулялась веселая компанія; цѣлый полонезъ идетъ изъ зала въ эту комнату; они будутъ проходить мимо нашего окошка. Ахъ! какая славная парочка идетъ вперед! что за красавица дама,—да и кавалеръ-то молодецъ.

— Это онъ! съ живостію вскричалъ первый незнакомецъ, жадно устремляя взоры на танцующихъ; всмотрись въ него хорошенько. Видишь ли, какое веселье отражается на лицѣ его:—она подлѣ него.... О! я несчастный, какъ хороша она! Какъ восхитительна въ этомъ брачномъ уборѣ. Смотри, что за талія, что за ангельская улыбка, и какой взглядъ очаровательный и исполнейный благородства! Какое спокойствіе отражается на лицѣ ея; какъ сладостно глядитъ она на своего мужа! Такъ, теперь онъ уже ея законный сунругъ!.. Всмотрись лучше, это Рущицъ,—тотъ самый, котораго я ищу.

— Ахъ, сударь! возразилъ второй незнакомецъ, жаль, ей-Богу, жаль, что онъ врагъ вашъ. При всей моей способности и навыкѣ въ предпріятіяхъ такого рода, гдѣ дѣло идетъ объ отмщеніи чьей бы то ни было обиды, мнѣ, право, становится грустно, когда я вспомню, что мы должны нарушить ихъ счастье, и поселить въѣчную горестъ въ этомъ домѣ.

— Что это значитъ? ты начинаешь колебаться? Ужъ не струсилъ ли ты полно? — Еслибъ я зналъ тебя лучше, то нашелъ бы другаго товарища. Но теперь уже поздно раскаиваться; я тебѣ заплатилъ и, кажется, достаточно, ты не можешь меня

оставить. притомъ же ты самъ предлагаешь мнѣ свои услуги, отдаваясь на свидѣтельство иноземца о себѣ, которому быть полезень своею саблею въ разныхъ приключеніяхъ.

— О не беспокойтесь объ этомъ; я поддержу славу моего искусства и храбрости, возразилъ второй незнакомецъ; меня нисколько не устрашаетъ видъ бригадира; и я буду стоять за васъ, даже и тогда, когда мы будемъ окружены превосходными силами. Но все таки повторяю, что желать бы лучше во всякое другое время, а не въ день свадьбы, выдѣлать на дуэль молодого. Этотъ день, обещающій высочайшее счастье и блаженство, есть лучший въ нашей жизни; день, въ который мы обрѣцаемъ наше существованіе. И какъ горько должно быть, когда подобный день обратится въ минуту смерти, а брачную постель придется замѣнить гробомъ!

— Ктожь тебѣ сказалъ, что онъ обреченъ на вѣрную гибель? Я пришелъ сюда не тайнымъ убійцею и не хочу его смерти, но ищущаго удовлетворенія за свою обиду. Будущее для меня не существуетъ; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше оставить этотъ міръ, гдѣ счастье скрылось отъ меня на вѣки. А для него послѣднимъ было бы еще ужаснѣе проститься со свѣтомъ и прервать нить счастливой жизни.

— А я во всякомъ случаѣ не хотѣлъ бы разстаться съ молодою женою. Но если вамъ непремѣнно этого хочется, то говорите, что должно мнѣ дѣлать?

— Ступай прямо въ домъ; вмѣшайся въ толпу гостей; никто не обратитъ на тебя вниманія, потому что одежда твоа ничѣмъ не отличается отъ другихъ. Не спускай глазъ съ Русчиды, а когда онъ отойдетъ отъ другихъ, подойдя къ нему, шепни только на ухо: что Мондоръ ждетъ васъ на перекресткѣ. Вотъ тебѣ нѣсколько словъ съ моимъ подписомъ, которыя напомнятъ ему наше обязательство на мѣстѣ поединка. Ступай смѣло....

Съ послѣднимъ словомъ, онъ взглянулъ въ окно и вдругъ, схвативъ за руку своего товарища, вскричалъ: Постой! не ходи еще.... Смотри.... вотъ онъ вышелъ изъ той залы.... онъ держитъ ее за руку, и гости, занятые бокалами, не замѣчаютъ ихъ. Они подходятъ къ намъ.... съ какою довѣренностію она

поставила руку свою къ нему на плечо. Привѣщали ли это печальное выраженіе чувствительности, которое разлито во всѣхъ ея движеніяхъ. Она съ чувствомъ жметъ ему руку.... съ какою нѣжностію смотритъ на него.... Смотри, какъ онъ прижимаетъ ее къ груди своей.... то супруга его. Слезы текутъ по лицу; отъ чего эта грусть въ минуту блаженства? Неужели темное предчувствіе бѣдствія.... Ахъ, не ходи туда.... подожди.... не прерывай этой минуты блаженства.... Она отираетъ эти прекрасныя слезы, удаляется, опять возвратилась, исчезла для...
 О! несчастный!

— И мы вернемся назадъ, сударь; вотъ дорожка къ тому самому забору. Перейдемте вотикомъ черезъ дверь, а за воротами ждуться лошади. Говори это, онъ шалъ за руку погруженного въ задумчивость Мондора, который, сохраняя строгое молчаніе, повидимому, готовъ былъ слѣдовать его совѣту. Уже они подходили къ воротамъ, какъ вдругъ Мондоръ остановился, взглянулъ на домъ, изъ котораго доходили до него шумныя восклицанія веселящихся подъ окнами поселянъ; схватилъ за руку своего товарища и, бросивъ на него взоръ, исполненный неопредѣленности и отчаянія, вскричалъ громвымъ голосомъ:

— Или, исполни то, что я тебѣ приказывалъ; я буду ждать тебя на перекресткѣ.

Сказавъ это, онъ бросился за ворота, схватилъ у жокея своего коня и, вскочивъ на него, поскакалъ впередъ, приказавъ вслѣдъ также лошади своего товарища. Быстро промчался онъ по деревни, и только у корчмы остановился на минуту, чтобы зажечь факелъ, которыхъ цѣлый пукъ былъ привязанъ къ сѣдлу его жокея. Жокей, по приказанію барина отправился впередъ, освѣщая дорогу, и черезъ нѣсколько времени они прибыли на условенное мѣсто дуэли.

Между тѣмъ, въ домѣ камергера непрерывныя танцы смѣнялись только громкими тостами. Рушчицъ стоялъ съ Юрданомъ въ концѣ залы у дверей, ведущихъ къ выходу; съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на Марію, которая съ свойственною ей легкостію танцовала мазурку, и изрѣдка только прерывалъ этотъ безмятежный восторгъ, говоря Юрдану о своемъ блаженствѣ. Погруженный въ сладостныя мечты, онъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то слегка тронулъ его за руку. Вздригнувъ не-

вольню, онъ быстро обернулся и увидѣлъ незнакомаго ему товарища Мондора.

— Господинъ бригадиръ, сказалъ этотъ, сюда прибылъ придворный королевы, который желаетъ васъ видѣть; онъ приказалъ мнѣ вручить вамъ это письмо, объясняющее причину его приѣзда.

Рущицъ съ нетерпѣніемъ вырвалъ письмо изъ рукъ посланнаго и, прочитавъ его, схватилъ за руку Юрдана, шепнулъ ему что-то на ухо и, уходя вмѣстѣ съ нимъ изъ залы, спросилъ у незнакомца: а гдѣ же онъ?

— Недалеко отсюда, за деревнею, по дорогѣ ко Львову, тамъ гдѣ крестъ стоитъ на перекресткѣ. Оружіе и факелы ужъ приготовлены.

— Хорошо, возразилъ Рущицъ. Проходя черезъ сѣни, онъ встрѣтилъ Кулика и тотчасъ же приказалъ ему, взявъ оружіе, слѣдовать за нимъ къ назначенному мѣсту; а самъ съ двумя своими спутниками спѣшилъ къ деревнѣ.

Но вѣрный слуга Рущица, не смотря на готовность свою исполнять волю бригадира, ужаснулся даннаго ему приказанія. Страхась, что любимый имъ господинъ отваживается себя на неровную битву, и предчувствуя несчастіе, онъ хотя и рѣшился взять пистолеты, но вмѣсто того, чтобы доставить ихъ куда было приказано, онъ возвратился въ залу пиршества и, держа въ рукахъ убійственное оружіе, бросился между танцующими, возопивъ отчаяннымъ голосомъ:

— Кто въ Бога вѣруетъ, спасайте моего пана!

Изумленіе и страхъ овладѣли танцующими; знаками и криками заставили умолкнуть громкій оркестръ; всѣ окружили Кулика и осыпали его вопросами, и едва успѣлъ онъ выговорить названіе того мѣста, куда ему было приказано привезти пистолеты, въ одно мгновеніе толпа молодыхъ людей схватилась за сабли и бросилась изъ залы съ грозными восклицаніями.

Въ первую минуту замѣшательства и ужаса, когда страшная новость объ опасности мужа достигла до слуха Маріи, она не перенесла неожиданнаго испуга и упала въ обморокъ. Но, очутившись и собравшись съ силами, она вырвалась изъ рукъ

суетившихся около нея женщинъ и, крича: гдѣ онъ? выбѣжала изъ коннаты. Увидѣвъ Кулина, который толкался въ сѣнати, старался не отставать отъ бѣжавшей молодежи, она схватила его за руку и громко повторила: гдѣ онъ?... гдѣ онъ?... веди меня.... бѣги скорѣй!....

Между тѣмъ Рущица и Иорданъ прибыли на мѣсто поединка. Фанелы уже были разнесены и воткнуты въ землю по обѣимъ сторонамъ дороги. Два вистолета лежали на разостланномъ на землѣ плащѣ. Въ сторонѣ видѣнъ былъ жюкей, который держалъ верховныхъ лошадей. Погруженный въ глубокую задумчивость, Мендоръ проминался по дорожкѣ; сложивъ руки на груди. Услышавъ шаги идущихъ людей, онъ остановился; мрачно, но смѣло взглянулъ на приближающихся, примѣтивъ между ними Рущица, сказалъ, сдѣлавъ легкій поклонъ:

— Мое почтеніе, бригадиръ! Я былъ увѣренъ, что вы не откажете въ этой послѣдней услугѣ, вспомнивъ давное мнѣ за мнѣ, нѣкогда, слово въ уяздовской рошѣ. Извините, что для окончанія нашей распри я выбралъ не совсѣмъ благоприятную минуту, ранѣе я не могъ, а позже было бы еще хуже.

— Довольно объ этомъ, возразилъ Рущица, сбрасывая съ себя плащъ на землю. Всякая минута хороша и дорога, гдѣ дѣло идетъ о смыслѣ позора съ добраго имени. Не будемъ терять времени въ пустыхъ разговорахъ; секундантомъ моимъ будетъ придворный конюшій Иорданъ, а вашимъ, безъ сомнѣнія, тотъ господнякъ, котораго вы присылали ко мнѣ. Теперь, не угодно ли вамъ заняться своимъ дѣломъ.

Сказавъ это, онъ отступилъ нѣсколько шаговъ и ожидалъ спокойно всѣхъ приготовленій къ дуэли.

Въ это время послышался шумъ, который, усиливаясь постепенно, наконецъ превратился въ явственный топотъ множества бѣгущихъ людей и бряцаніе оружія. Обернувшись назадъ, Рущица увидѣлъ вдалекѣ блескъ обнаженныхъ сабель, которые мелькали при свѣтѣ факеловъ, освѣщавшихъ окрестности.

Догадываясь, что это значить, и слыша грозныя восклицанія своихъ защитниковъ, угрожавшихъ противнику его гибелью, онъ обнажилъ свою саблю, прося Иордана послѣдовать

его ширинѣ. Приблизясь къ Мондору, онъ остановился между пылающими факелами и, обращаясь къ приближавшимъ уже гостямъ, удержавъ саблю яростъ въ рукахъ впереди и вскричалъ:

— Остановитесь, любезные друзья! вы въ заблужденіи, можете быть вы думаете, что противъ меня составленъ какой-нибудь злой умыселъ и хотите быть моими защитниками. Но ничего подобнаго нѣтъ. Благодарю васъ за доказательство вашей дружбы и убѣдительно прошу, ступайте домой. Я тотчасъ возвращусь, какъ только развѣюсь съ человѣкомъ, который обязанъ отдать мнѣ отчетъ въ одномъ дѣлѣ и самъ имѣеть также право требовать отъ меня удовлетворенія.

Рѣчь эта нисколько не подѣйствовала на слушателей и блескъ поднятыхъ къверху сабель угрожалъ смертію Мондору, который спокойно стоялъ позади Рушчица и Иордана и дерзкими взглядами, казалось, подстрекалъ нападающихъ.

Вдругъ посреди этой тревоги и шума, раздался пронзительный женскій крикъ. Съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ, Марія вбѣжала въ толпу мужчинъ и, простирая умоляющія руки, остановилась между противниками, готовыми взяться за оружіе.

При видѣ женщины всѣ изумились и опустили сабли.

Рушчицъ отошелъ въ сторону и тѣмъ открылъ Мондора. Увидѣвъ его, Марія поняла все въ одну минуту. Ужасъ отразился во всѣхъ чертахъ лица ея. Обратившись къ Мондору, она устремляла на него взоръ, исполненный упрековъ и презрѣнія и сказала съ чувствомъ:

— О! это ты, жесточайшій мой гонитель, явился здѣсь, чтобы исполнить мѣру своихъ злодѣяній? Развѣ мало было тѣхъ горестей и страданій, которыя я переносила черезъ тебя, что ты пришелъ сюда, въ день свадьбы убить моего мужа. Если ты хочешь насытить свою кровожадность, убей меня смѣло; Марія охотно умретъ за того, который былъ всегда защитникомъ ея чести, и избавить тебя отъ преступленія убить спасителя жизни своей.

Мондоръ стоялъ, какъ громомъ пораженный; только судорожное трепетаніе рукъ и устъ его показывало чрезвѣчное напря-

жение чувствъ, его возмозавишка. Оправданныи нешто, онъ
сказалъ, обратясь къ Маріи:

— Не трепещите, сударыня, за своего мужа; онъ выйдетъ изъ
этой битвы побѣдителемъ и мстителемъ вашимъ. Не скрою отъ
васъ, что зависть и жажда мщенія влекли меня сюда; но когда
случай сдѣлалъ меня невидимымъ свидѣтелемъ вашей взаимной
любви и чувствительности, когда я увидѣлъ, что темное пред-
чувствіе бѣдствія омрачило эти прелестныя и убійственныя для
меня взоры, слезы твои, Марія, обезоружили меня. Если и рѣ-
шился предстать на полѣ смерти, то единственно съ твердымъ
намѣреніемъ положить конецъ своимъ страданіямъ и собствен-
ною кровію загладить слѣды сдѣланной мною обиды. Не стра-
шись Марія! Мондоръ не будетъ убійцею твоего мужа!

— Такъ развѣ ты хочешь, вскричалъ съ запальчивостію Руш-
чицъ: чтобы я запятналъ себя безчестнымъ именемъ твоего
убійцы? Не думаешь ли ты, увлекаясь неумѣстнымъ великоду-
шіемъ, подарить мнѣ жизнь, какъ будто это отъ тебя зависитъ?
Я не прошу этой постыдной для меня жертвы; судьба наша въ
рукъ Божіей; становись на мѣсто и прицѣлывайся хорошенько.
Господа! не мѣшайте намъ исполнить свой долгъ.

— Супругъ мой! вскричала Марія съ отчаяніемъ, бросаясь
передъ нимъ на колѣни: скались надъ своею Маріей. А васъ,
Мондоръ, я умоляю, если хотите истребить воспоминанія горе-
стей, которыхъ вы были причиною, если ненависть мою хоти-
те замѣнить дружбою и благодарностію, сознайтесь въ своихъ
заблужденіяхъ и просите прощенія у того, который принужденъ
былъ требовать удовлетворенія за свою обиду.

— Твое прощеніе! твоя дружба, Марія! вскричалъ Мондоръ
съ восторгомъ, бросивъ на нее умоляющій взоръ и вдругъ по-
томъ, обратясь къ Рушчицу, прибавилъ: супругъ Маріи, про-
стя меня и будь счастливъ!

— Да здравствуетъ миръ! вскричали всѣ зрители этой трогательной
сцены и съ восклицаніями живѣйшей радости окружили
счастливыхъ супруговъ. Начали искать также и несчастнаго
любовника, чтобы вмѣстѣ всѣмъ съ торжествомъ возвратиться
на свадебный вечеръ; но Мондора никто не видѣлъ.

После звонка телеграфа (повсюду, поступила минутная телеграмма. В это время послышался вдалеке лошадиный топот и, спустя немного, пистолетный выстрел, глухо раздавшийся во окрестности.

Науки и Художества.

О Ш В Ы.

(Изъ путешествія по Египту и Нубіи г. Ампера).

Я приближался въ Фивамъ; сердце мое билось точно также, какъ и въ то время, когда я въ первый разъ подъѣзжалъ къ Риму. Одинъ изъ этихъ городовъ, невольно заставляетъ думать о другомъ, тѣмъ болѣе, что египетскія горы напоминаютъ очертанія горъ римскихъ.

Но какимъ образомъ войти въ этотъ лабиринтъ развалинъ? Какимъ образомъ представить читателямъ идею о цѣломъ, и потомъ уже начать говорить о частяхъ? Чтобы достигъ этого, я обращусь къ памятникамъ Парижа; ихъ относительное положеніе почти сходствуетъ съ положеніемъ египетскихъ памятниковъ. Кто согласится на это Мнемоническое сравненіе, тотъ легко будетъ слѣдить за мною въ этомъ описаніи. Да простятъ мнѣ археологи, этотъ простой способъ описанія. Я попрошу читателя, прибывшаго со мною, вверхъ по теченію Нила, въ Фивы, представить себя въ томъ положеніи, когда бы онъ, иди на парадъ изъ Сен-Клау, остановился у Іенскаго моста.

Оивы были построены по обѣимъ берегамъ Нила, точно также, какъ Парижъ — на берегахъ Сены. Различіе заключается только въ ширинѣ рѣкъ. Мы начнемъ нашу сравнительную топографію съ праваго, то есть восточнаго берега Нила; но такъ какъ мы идемъ вверхъ по рѣкѣ, то этотъ берегъ, относительно насъ, будетъ лѣвымъ. Деревня Карнакъ, заключающая въ себѣ величественнѣйшія зданія древняго Египта, то же, что триумфальныя ворота Звѣзды, — колоссальный памятникъ нашего времени. Дорога Самниковъ, ведшая изъ Карнака въ Луксоръ, то же что дорога Елисейскихъ полей, ведущая съ площади Людовика XV; деревня Луксаръ можетъ быть означена, обелискомъ изъ нея же вывезеннымъ. Всѣ означенныя мѣста находятся на правомъ берегу. Теперь перейдемте на лѣвый. Почти противъ Карнака, находится дворецъ Гурнахъ; мѣстоположеніе его означимъ Военной Школой, также находящейся почти противъ воротъ Звѣзды.

Идя вверхъ по рѣкѣ и отдаляясь отъ ея береговъ, мы находимъ памятникъ, который принимаютъ за знаменитую гробницу Озиманда; Шампальонъ же, считая этотъ памятникъ сооруженнымъ Рамессомъ Великимъ, назвалъ его Рамессеумомъ. Положеніе Рамессеума можно означить люксембургскимъ дворцомъ. Продолжая идти впередъ, почти въ параллельномъ направленіи къ рѣкѣ, но нѣсколько ближе къ ней, достигаешь колосса Мемнона, который можно означить Медицинской Школой. Наконецъ, далѣе, находится множество памятниковъ: они носятъ общее названіе Медиветь-Габу. Медиветь-Габу, какъ и Карнакъ, есть собраніе зданій различнаго характера и времени; положеніе его соотвѣтствуетъ музеуму, находящемуся въ концѣ ботаническаго сада. Такимъ образомъ, на правомъ берегу двѣ группы: Карнакъ, — Ворота Звѣзды; Луксоръ, — площадь Людовика XV. — На лѣвомъ — три: Гурнахъ, — Военная Школа; Рамессеумъ, — люксембургскій дворецъ; Медиветь-Габу, — Музеумъ. Вотъ пункты, положеніе которыхъ необходимо запомнить, чтобы легче представить себѣ ту обширную мѣстность, гдѣ находились Оивы. Памятники меньшей важности легко разбѣгнутся около этихъ пяти главныхъ. Изъ нихъ четыре носятъ названіе деревни, возникшей близъ нихъ; со временъ Страбона, Оивы раздѣлялись на нѣсколько деревень. Ювеналъ видѣлъ ихъ уже въ состояніи развалинъ.

..... Centum jacet obruta portis.

На лѣвомъ берегу, Оивы окружаются цѣпью холмовъ, которые, по своему положенію, сходствуютъ съ холмами, простирающимися отъ Мѣдона до Кломара; однако ихъ надо представить болѣе приближенными къ Сенѣ.

Въ этихъ обнаженныхъ холмахъ пробиты гроты, служившіе мѣстомъ погребенія частныхъ людей. Далѣе, за этой цѣпью, въ одной параллели съ Ниломъ, лежитъ долина. Она заключаетъ въ себѣ гробницы царей, обширныя, подземныя жилища, выбитыя въ камиѣ. По этимъ признакамъ, мнѣ кажется, не трудно представить себѣ расположеніе памятниковъ. Теперь мы осмотримъ ихъ слегка, потому что впоследствии снова возвратимся къ нимъ.

Я прибавлю, что настоящій городъ, городъ Аммона, иль, какъ говорилъ Греки, городъ Юпитера (Diospolis), занималъ правый, то есть восточный берегъ. Лѣвый заключалъ въ себѣ некрополь или городъ мертвыхъ, и находился на западѣ, потому что страна заката была странюю мертвыхъ. Здѣсь опять можно сдѣлать сравненіе съ Парижемъ: катакомбы его находятся также на лѣвомъ берегу Сены. Какимъ образомъ соединялись между собою обѣ части великихъ Оивъ? Попрѣдѣломъ ли безчисленнаго множества судовъ, подобно константинопольскимъ канкамъ, или же мостомъ, какъ Вавилонъ? Если въ Оивахъ и былъ мостъ, то вѣроятно устроенный на судахъ; въ противномъ случаѣ, сохранились бы слѣды каменныхъ работъ. Построеніе мостовъ было извѣстно Египтянамъ; доказательствомъ тому можетъ служить изображеніе ихъ на двухъ оивскихъ наматникахъ. Теперь нѣтъ никакихъ слѣдовъ знаменитой ограды города; это даетъ право сомнѣваться даже въ существованіи тѣхъ стѣнъ, по которымъ могли ѣздить колесницы. Если бы такая стѣна существовала когда либо, то отъ нея конечно сохранились бы какія-нибудь остатки. Ограда города Элюиѣн, построенная, вѣскольکو позже, совершенно сохранилась до нашихъ временъ; точно также, въ холмахъ, окружавшихъ Ваилонъ, находятъ кирпичи отъ стѣнъ города.

Послѣ этого общаго, топографическаго обзора Оивъ, мы осмотримъ развалины. Но съ чего начать? Я смѣло отвѣчаю: съ прекраснѣйшаго. Въ путешествіи, должно, какъ мнѣ кажется, обращать вниманіе на то, что поражаетъ сильнѣе; тогда впечатлѣніе бываетъ глубже и полнѣе; если же постепенно доходить до замѣчательнѣйшихъ предметовъ, то оно ослабѣваетъ. Такимъ

образомъ въ Римѣ, прежде всего надо осмотрѣть колонны, или святаго Петра, не обращая до тѣхъ-поръ ни на что вниманія. Основываясь на этомъ, я начну съ Карнака.

Пройдявъ небольшой пальмовый лѣсъ, встрѣчается обширный пилоны; ширина его равняется половинѣ фасада дома инвалидовъ; а вышина, — колоннѣ, стоящей на вандомской площади. Онъ не былъ оконченъ. Черезъ этотъ пилонъ входилъ въ обширный перестиль, посреди котораго возвышались двѣнадцать колоннъ. Всѣ онѣ, кромѣ одной, были обрушены землетресеніемъ.

Противъ этого пилона, возвышается другая; онъ стоитъ предъ обширной и чудесной комнатою съ колоннами, которую называютъ *ипостилемъ* карнакской залы. Землетресеніе обрушило одну изъ колоннъ втораго пилона, — и теперь она имѣетъ видъ горнаго обвала. Видъ этихъ развалинъ заставляеть думать о великихъ переворотахъ въ природѣ. Въ Пиренейскихъ горахъ, по дорогѣ въ Гаварни, есть мѣсто, называемое *хаосомъ*; тамъ видны громады скалы, поваленныя въ чрезвычайно живописномъ безпорядкѣ Гаварнійскій хаосъ, въ горныхъ обвалахъ тоже, что лежащій въ развалинахъ, пилонъ карнакскій.

При входѣ въ большую залу стоитъ колоссальная, искаженная статуя. Это изображеніе Рамзеса-Великаго, котораго называютъ Сезострисомъ, хотя онъ и не есть истинный, древній Сезострисъ; но имя его слылось въ преданіи съ именемъ божественнаго завоевателя времени Германика. Открывъ въ углу марсельскаго музеяи одну изъ его дочерей, я прохожу мимо него съ чувствомъ человѣка, который имѣлъ счастье оказать услугу семейству.

То, что находится у меня передъ глазами, превосходить все видѣнное мною.

Г. Вилькинсонъ былъ совершенно правъ, говоря, что это обширѣйшая и великолѣпнѣйшая развалина прошедшаго и настоящаго времени.

Шампольонъ, душа котораго способна сочувствовать всему великому, любовался Египтомъ и понималъ его; видно, что онъ былъ изумленъ и пораженъ видомъ этого чуда прошедшаго времени. «Египтяне», писалъ онъ, дѣйствовали какъ великаны во сто футовъ вышины, и воображеніе, которое въ Европѣ стремится гораздо выше нашихъ портниковъ, здѣсь останавливается и въ безсиліи падаетъ къ подножію ста сорока колоннъ карнакской залы.... Не осмѣливаюсь описывать что-нибудь,

потому, что слова мои не выразят и тысячной доли того, что должно передать, говоря о таких предметах; если бы даже я и сдѣлалъ цвѣтистое описаніе, меня могли считать за энтузіаста или помѣшаннаго.»

Потому-то Шампольону легче было читать Карнакъ, нежели описывать его. Съ опасностью прослыть энтузіастомъ или помѣшаннымъ, я попробую представить идею о чудесной карнакской залѣ, и о впечатлѣніи, которое она произвела на меня. Вообразите себѣ лѣсъ башенъ; представьте сто тридцать четыре колонны, объемомъ равняющіяся колоннѣ на вандомской площади, и въ которыхъ самыя высокія имѣютъ семьдесятъ футовъ вышины и однадцать футовъ въ діаметрѣ; всѣ онѣ покрыты барельефами и гіероглифами; капители имѣютъ шестьдесятъ пять футовъ въ окружности; длина залы равняется тремъ этапамъ девятнадцати футамъ (почти тоже, что церковь Св. Петра) и ста пятидесяти футамъ ширины. Нужно-ли говорить о томъ, что, ни время, ни оба поколѣнія завоевателей, опустошавшихъ Египетъ, не поколебали эту вѣтлѣвную архитектуру. Она теперь точно та же, какою была три тысячъ лѣтъ тому назадъ, въ цвѣтущее время Рамзесовъ. Всесокрушающее время встрѣтило здѣсь сопротивленіе въ созданіяхъ человѣческихъ. Землетрясеніе, обрушившее двѣнадцать колоннъ, о которыхъ я говорилъ, уронило колонну большаго пилона, который наоминналъ мнѣ обвалъ; но сто тридцать четыре колонны большой залы, которой я люблю теперь, не поколебались. Пилонъ, при паденіи увлекъ за собой ближайшія къ нему три колонны; четвертая устояла, и выдерживаетъ донынѣ огромную тяжесть развалинъ.

Эта зала была совершенно прикрыта; видны еще окна, которыми она освѣщалась. Это не былъ храмъ, но обширное мѣсто, назначенное, безъ сомнѣнія, для торжественныхъ собраній, которыя назывались панегиріями. Гіероглифъ, съ котораго кажется переведено это греческое слово, состоитъ изъ знака, который означать *все*, и изъ кровли, поддерживаемой колоннами, подобными тѣмъ, какія окружаютъ меня. Этотъ памятникъ, — есть обширный гіероглифъ, посреди котораго я теряюсь.

Большая карнакская зала окончена Рамзесомъ Сезострисиомъ; но она почти была отстроена отцемъ его Сесосомъ, подвиги котораго изображены на стѣнахъ зданія. Эти барельефы изображенія составляютъ, буквально, полную эпопею, герой кото-

рой — Фараонъ Сесось; это скульптурная живая соеода; не удивляйтесь этому выраженію: въ этой живописи столько гомерическаго, что Г. Вилькинсону пришла мысль: не видѣлъ ли Гомеръ, прежде чѣмъ написалъ Илліаду, эти рисунки, которые могли воодушевить его въ описаніяхъ битвъ. Каждая часть, есть отдѣльная пѣсня. Здѣсь видишь Сесоса, стоящаго въ колесницѣ, и поражающаго стрѣлами враговъ своихъ, которые въ отчаяніи падаютъ толпами, въ разныхъ положеніяхъ. Царь, колесница, лошади изображены въ исполненіихъ разбитыхъ, относительно враговъ Египта. Грудь лошадей, пущенныхъ въ галопъ, превышаетъ кривою и закрываетъ всю побѣжденную армію. Далѣе, мужественный Фараонъ представленъ въ борьбѣ съ неприятельскимъ начальникомъ, котораго онъ держитъ за горло и хочетъ проколоть. ногой онъ давитъ другаго нигъ же заколотаго. Одушевленію, съ каждаго сдѣлаво это изображеніе, превосходно. Въ другомъ мѣстѣ видишь Сесоса, который влечетъ за собой народъ, некоренный его оружіемъ, и всего страннѣе, что многихъ начальниковъ онъ несетъ подъ мышкой. Потомъ побѣжденные представлены вырубавшими лѣса своей родины, какъ бы очищая этимъ дорогу побѣдителю. Царь съ триумфомъ возвращается въ свои владѣнія, гдѣ принимаетъ поздравленія и дары отъ своего народа; вельможи, и замѣтите, священники, съ гораздо худшею осанкой, нежели царь, преклоняются предъ нимъ, и съ подобострастіемъ выражаютъ свое почтеніе къ Фараону побѣдителю. На одной изъ карнакскихъ стѣнъ, Шампольонъ открылъ этотъ любопытный фактъ, который въ одно и то же время служитъ доказательствомъ чтенія гіероглифовъ и признакомъ свѣта, который можетъ освѣтить исторію. На южной стѣнѣ карнакской залы изображенъ египетскій царь Сесонкъ, который влечетъ къ ногамъ своихъ боговъ множество человѣческихъ фигуръ; на груди каждаго написано названіе того народа и земля, которые онъ изображаетъ собою. Шампольонъ очень неохотно прочелъ, да и всякой можетъ послѣ него прочесть на груди одной изъ фигуръ, *Joudh malk*, что значитъ по-еврейски царство Іуды. Не удивительно если встрѣчаются чужестранныя слова, написанныя гіероглифами, мы дѣлаемъ тоже самое: мы пишемъ нашими буквами *пашалыкъ* дамаскій, или *бѣилыкъ* Константины.

Въ книгѣ о царяхъ видно, что египетскій царь Сесакъ, въ которомъ невозможно не узнать карнакскаго цара Сесонка, взялъ Іеру-

салинъ и отвелъ въ плѣтъ царя Говемна, и вотъ почему встрѣчается царство Иуды въ числѣ земель побѣжденныхъ Сесонхъ. Можно ли было найти большое согласіе между этой книгою, египетскими памятниками и спискомъ манссона, въ которомъ помѣщенъ Сесонхисъ, очевидно, тотъ же Сесонхъ? Слѣдовательно вотъ замѣчательный пунктъ, или, твердая точка опоры, которая, относясь къ исходу Х вѣка до Р. Х. даетъ возможность значительно увеличить наши хронологическія догадки.

Кромѣ упомянутой залы, въ Карнакѣ находится значительное число другихъ памятниковъ; одни изъ нихъ въ развалинахъ, другіе же сохранились довольно хорошо; но по величинѣ нельзя сравнивать ихъ съ тѣмъ, что мы видѣли: тамъ жилище исполнителей, здѣсь-обыкновенныхъ людей.

Эти, менѣе важные памятники, которые сравнительно съ другими, могутъ назваться маленькими карнакскими памятниками, также любопытны и иногда изящны. Какъ прекрасны, наприкладъ, гіероглифы, которые украшаютъ обелискъ, стоящій налѣво при выходѣ изъ карнакской залы. Этотъ обелискъ былъ сооруженъ одной царицей, которая управляла вѣсто брата своего Тутмосиса. Замѣчательно, что фигура, изображенная на этомъ обелискѣ приносящую жертвы богамъ, мужская, — тогда, какъ она представляетъ собой царицу, дочь солнца, что видно изъ надписи, помѣщенной въ барельефѣ. Таинственный характеръ, принадлежавшій царственнымъ египетскимъ лицамъ, не допустилъ представить правителя въ видѣ женщины.

Пройдя развалины, достигаешь мѣста, на которомъ, за нѣскольکو столѣтій до построения Сесонхъ исполненной залы, — возвышались древнѣйшія зданія Карнака. Тамъ было святилище первыхъ Фараоновъ семнадцатой династїи; тамъ одинъ гориздо древнѣйшій царь, изъ двѣнадцатой династїи, по имени Осортазень I, еще до вторженія варваровъ, начерталъ на колоннахъ, уцѣлѣвшихъ отъ опустошенія войны, свое имя, которое я прочелъ на обелискѣ Гелиополиса. Развалины этого времени драгоцѣнны потому, что рѣдки; они переносятъ насъ къ періоду египетской исторїи, нѣсколькими вѣками воздвигшему того времени, въ которое построены пирамиды и которое называютъ *древнимъ царствомъ*, относительно времени, въ которое воздвигнуты въ Фивахъ большіе памятники; онѣ напоминаютъ Тутмосисовъ и Рамзисовъ, жившихъ также почти за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. Здѣсь

столѣтія лежатъ на столѣтіяхъ, какъ развалины на развалинахъ.

Замѣтите, что колонны, послѣднія имя Осартазена I, изъ двѣнадцатой династїи, такъ же какъ и гіероглифы на обелескѣ Геліополиса, показываютъ, что искусство и образованность въ Египтѣ, находилась на высокой степени совершенства въ то время, когда онъ подпалъ подъ иго варваровъ, разрушившихъ всѣ храмы, но которые могли не прежде пяти столѣтїи погасить генїй Египтянъ; замѣтно какъ послѣ изгнанія варваровъ, подъ влияніемъ національности, долго поработенной игомъ иноземнымъ, возвышались въ Карнакѣ достойные удивленія памятники.

Время, слѣдующее за изгнаніемъ варваровъ, есть именно то, въ которое египетское искусство быстро достигаетъ совершенства. Это время Тутмосисовъ, вѣкъ пышнаго и окончнаго; тогда какъ время Рамзесовъ, можно назвать вѣкомъ величественнаго и великаго.

Здѣсь естественный ходъ искусства былъ измѣненъ: прекрасное явилось прежде величественнаго, Пракситель, прежде Фидїя. Это тоже самое, еслибы Эсхилъ былъ опереженъ Эврипидомъ, а Корнелій — Расиномъ. Правда, что въ глубокой древности Египта, было время первобытнаго величія, передъ которымъ залъ Карнака исчезаетъ: это отдаленное время пирамидъ.

Впрочемъ и время Тутмосисовъ, имѣло тоже величественное. Сѣнникъ пирамидъ есть колоссальное изображеніе Тутмосиса III, его же имя встрѣчается на обелескѣ Св. Іоанна Латранскаго, превышающаго всѣ другіе извѣстные обелески. Зданіе дворца Тутмосиса въ Карнакѣ казалось бы огромнымъ, еслибы не находилось близъ залы Рамзесовъ.

Въ одномъ изъ угловъ этого дворца была небольшая знаменитая комната, извѣстная подъ именемъ *карнакской комнаты*. Она теперь въ Парижѣ. Г. Приссъ преодолѣлъ большія трудности, успѣлъ вывести стѣнныя комнаты, и принесть ихъ въ даръ Франціи. Г. Лепсіусъ, незнавшій объ этомъ похищеніи, отыскивалъ нѣсколько времени эту комнату въ Карнакѣ и не могъ обрести себя, почему ея не находится. Говорятъ, онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать тоже, что Приссъ. Г. Лепсіусъ съ благородствомъ выразилъ свое удовольствіе, что этотъ драгоценный историческій памятникъ сбереженъ отъ разрушенія, которое грозитъ другимъ памятникамъ Египта.

На стѣнахъ карнаикской комнаты изображенъ Тутмосизъ III. Онъ предлагаетъ священные дары лицамъ, составившимъ свѣту царей, которые очевидно ему предшествовали. Изображеніе каждаго лица означено именемъ; такимъ образомъ это составляетъ весьма важную, олицетворенную хронологію времени предшествовавшаго восемнадцатой династіи, самому богатому историческими памятниками. Жаль, что этотъ рядъ именъ не составляетъ полной послѣдовательной серіи; онъ заключаетъ въ себѣ только нѣкоторыхъ предшественниковъ Тутмосиса, и вѣроятно его предковъ. Между тѣмъ, сравнивая карнаикскую комнату съ другими собраніями царственныхъ именъ, и особенно съ драгоценною туринскою рукописью, заключающею въ себѣ большое число именъ царей, предшествовавшихъ восемнадцатой династіи, начинаешь представлять себѣ содержаніе этой древней исторіи.

Если оставить въ лѣвой сторонѣ дворецъ карнаикскій и отойти къ югу, то увидимъ четыре большихъ пилона, стоящихъ въ одну линію въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи. Третій изъ нихъ называется пилономъ Горуса, потому, что воздвигнутъ при царѣ того же имени. Горусъ принадлежитъ къ той же восемнадцатой династіи, во времена которой египетское искусство достигло возможной степени совершенства. Этотъ пилонъ украшенъ барельегами, красотой которыхъ нельзя налюбоваться. Описаніе здѣсь излишне, надо видѣть.

Эти величественные пилоны въ настоящее время полуразрушены; въ нихъ ищутъ селитру. Для паша порохъ дороже древностей. Положимъ, что ему простительно быть варваромъ: на востокъ можно быть образователемъ и безъ образованія; но что оскорбительно въ высшей степени, это сужденіе людей образованныхъ, какъ напримѣръ доктора Боуринга (Bowring), который хладнокровно представляетъ слѣдующій рецептъ для добыванія селитры; онъ говоритъ, *возьми развалину древняго города* и проч: быть можетъ введеніе пороха изъ хлопчатой бумаги спасетъ отъ разрушенія зданія Оивъ.

Сердце мое обливалось кровью, смотря на развалины, изъ которыхъ, по совѣту Боуринга добываютъ селитру; но это невѣжество имѣло и хорошую сторону: вырытые внутренніе матеріалы пилоновъ доставили много занимательныхъ открытій. Такимъ образомъ, на одномъ вынудомъ камнѣ прочли имя брата царя Горуса, котораго вѣтъ въ спискѣ Манеона.

Это имя, быть может, уничтожалось иногда Горусомъ, также какъ имя Гета (Geta) было уничтожено Каракаллою на триумфальныхъ воротахъ и въ гieroглифическихкихъ надписяхъ. Безъ сомнѣнiя есть цѣлая драма — *братьевъ враговъ*, зарытая подъ этими вѣковыми массами, и готовая откликнуться на голось науки и явиться на сцену мiра. Другое, болѣе любопытное имя, заключающееся въ развалинахъ пилона Горуса, и въ другихъ мѣстахъ, есть имя царя, физическiй типъ котораго такъ странный, что его приняли за женщину. Другая особенность заключается въ томъ, что вездѣ, гдѣ только изображенъ этотъ царь, онъ представляеть приносящимъ жертву солнцу, лучи котораго оканчиваются руками. Эти барельефы тѣмъ особенно любопытны, что, въ отношенiи къ искусству, имѣютъ характеръ совершенно отличный отъ общаго характера всѣхъ египетскихъ памятниковъ. Въ нихъ мѣтве прочности и оконченности; часто наружность ихъ доходить до каррикатуры. Волы, изображенныя съ удивительнымъ искусствомъ, полныя движенiя и жизни, были срисованы г. Присомъ съ одного изъ камней пилона Горуса. Онъ нашелъ и другiя имена царей, изображенiе которыхъ также принадлежать тому же вѣрованiю и искусству. Какимъ образомъ помѣстить ихъ въ собранiе царей восемнадцатой династiи, памятники которой представляютъ типъ оконченности и чистоты египетскаго искусства? Странное изображенiе солнечныхъ лучей съ руками, необыкновенный видъ людей, совершенно другой вкусъ въ скульптурныхъ работахъ, всѣ эти обстоятельства заставляли отыскивать древнѣйшихъ царей. Но развалины пилона Горуса и другiе памятники не позволяютъ отнести далѣе восемнадцатой династiи, это непонятное водворенiе царей, поколѣнiе которыхъ отличалось отъ другихъ и наружностью и вѣрованiемъ и искусствомъ, и которые, какъ кажется, царствовали въ Фивахъ, потому, что тамъ мы находимъ могилу одного изъ нихъ. Откуда явилась эта неизвестная и странная полоса, проходящая по правильному ряду египетской хронологiи? Это одна изъ любопытнѣйшихъ задачъ, какую предлагаетъ исторiя древняго Египта, и которая начинать пересоздаваться на развалинахъ.

Близъ пилона находится храмъ, посвященный богу Консу, котораго Греки называли Геркулесомъ. Этотъ храмъ не представляеть, подобно карнакскому дворцу, печати могущества Рамзесовъ; но онъ, можетъ быть, любопытнѣе, представляя

слѣды похищенія, слѣдовавшаго за этой властью. Храмъ Коноа былъ сооруженъ при слабыхъ потомкахъ великаго Рамзеса II, котораго народъ сравнивалъ съ древнимъ Сестоприсомъ. Подлѣ ихъ безславныхъ именъ, изображены имена членовъ семействъ Оивскихъ жрецовъ, которые постепенно подчиняли власть ефократическую, власти военной.

Древнѣйшій изъ этихъ жрецовъ помѣстилъ уже свое имя въ украшеніяхъ царскаго герба, но онъ не смѣлъ еще прибавить къ своему имени, названіе царя; онъ назвался только *зеленымъ окрестомъ въ жилищѣ Аммона*. Между прочимъ, Розелани посчастливилось найти одно темное мѣсто въ храмѣ, гдѣ этотъ честолюбивый, но стыдливый царь осмѣлился въ тѣни украсить себя титуломъ царскимъ.

Такимъ образомъ, чтеніе нѣкоторыхъ собственныхъ именъ произвело совершенный переворотъ, результатомъ котораго было то, что на воцарившійся тронъ Рамзесовъ возвели племя жрецовъ.

Во многихъ мѣстахъ, на платформѣ храма нарисовано по двѣ ноги. Изображеніе этихъ ногъ, означающихъ, какъ кажется, совершенное путешествіе къ святымъ мѣстамъ, сопровождается надписями на простомъ языкѣ, потому что въ то время паломники, принадлежа къ простому народу, не знали египетскаго письма. Я открылъ одну только надпись, изображенную египетскими, и которая помѣщена была съ изображеніемъ таинственныхъ ногъ. Изъ этого можно замечать, что въ этотъ разъ паломникъ былъ жрецъ, почему и употребленъ языкъ ученыхъ.

Набожность древнихъ Египтянъ оставила по себѣ другой слѣдъ на каменныхъ зданіяхъ, очевидно изчараанныхъ вѣрными, съ наивѣреніемъ унести немного священной пыли отъ храма. Это объявленіе, къ которому поддалъ мнѣ мысль г. Диррашъ, подтверждается однимъ сравненіемъ, которое перазило меня. Въ Эдморѣ, въ Ирландіи, есть скала, въ которой, какъ говорятъ, св. Декланъ, современникъ св. Патрика, былъ погребенъ, и нынче, одна старая женщина, не зная другой промышленности, какъ *царапать* гранитъ скалы и продавать его путешественникамъ; вѣроятно тоже и было въ храмѣ Коноса.

Вотъ главные развалины Карнака. Прибавьте къ этому нѣсколько небольшихъ зданій, о которыхъ я упоминаю въ этомъ первомъ, общемъ обзорѣ, — и особенно три большихъ пилена,

которые одиноко возвышаются, одинъ на югѣ, другой на востокѣ, третій на сѣверѣ, и какъ бы стерегутъ развалины дворцовъ, храмовъ, портиковъ, надъ которыми возвышается залъ о ста тридцати четырехъ колоннахъ; посреди возвышаются два превосходныхъ обелиска, тонкія оконечности которыхъ рѣзко отдѣляются на совершенно чистомъ небѣ. Пройдитесь по этому лабиринту зданій и развалитъ въ то время, когда косвенные лучи жгучаго солнца обливаютъ всѣ предметы яркимъ свѣтомъ, или когда почти полная луна освѣщаетъ громадные развалины и отдѣляетъ бѣлыя или почернѣвшія массы пилоновъ, — все это произведетъ на васъ впечатлѣніе грустное, высокое, какого вы никогда не испытывали.

Тридцать лѣтъ назадъ, эти громады были безмолвны; теперь въ нихъ есть голосъ; онъ повѣствуетъ о двадцати вѣковой исторіи Египта. Здѣсь ничто не доходитъ до первоначальной древности временъ пирамидъ; не встрѣчаются даже письмена, которые говорили бы о древнемъ царствѣ, и были бы довременны нашествію варваровъ. Но когда черезъ пять сотъ лѣтъ владычества, всегда оспариваемаго въ некоторыхъ частяхъ Египта, варвары были изгнаны настойчивымъ мужествомъ первыхъ царей восемнадцатой династіи, даже ранѣе, когда продолжалась борьба на сѣверныхъ оконечностяхъ имперіи, при этихъ освобожденныхъ царяхъ Египта, возвысился, не вдалекѣ отъ древняго святилища, разореннаго пришлецами, дворецъ Тутмосиса II, существующій и понынѣ, обелиски, и все, что относится къ зданіямъ Карнака. Размѣры этихъ зданій не колоссальны; гіероглифы и барельефы представляютъ совершенство, которое характеризуетъ блестящій вѣкъ Тутмосиса. Близъ этихъ памятниковъ, не слишкомъ большого размѣра, воинственная фамилія Рамзесовъ воздвигла огромное зданіе, въ которомъ многочисленныя и ужасныя колоны вездѣ представляютъ собой ихъ подобіе и ихъ имена; стѣны покрыты эпическими изображеніями войнъ и побѣдъ. Позже это великолѣпіе ослабѣваетъ, послѣдніе изъ Рамзесовъ не заслуживаютъ сравненія съ Сесострисомъ, ихъ скорѣй можно назвать блѣдными потомками Карла Великаго. Тогда на тронъ фараоновъ пробрались эфиопскіе жрецы. Титулъ царскій, тайно похищенный со стѣнъ храма Конса, обнаруживаетъ незаконные успѣхи этой жреческой династіи. Но это продолжается не долго: воинственный духъ оживля-

отъ одного изъ египетскихъ царей, который борется съ Ассирийскою монархіею, и отводитъ въ плѣвъ царя Іудейскаго; эта историческая страница библіи начертана на стѣнѣ Карнака. Продолженіе дальнѣйшихъ событій исторіи Египта изображено въ Карнакѣ хотя нѣсколькими слѣдами. Въ нихъ найдены имена: Амиртея, защищавшаго царство противъ Персовъ; Нектанеба, который, какъ видно изъ легенды, созданной гордостью Египтянъ, былъ отцомъ Александра, точно также какъ персидская легенда называла Александра братомъ Дарія; наконецъ, братъ Александра начерталъ свое имя на гранитѣ древнихъ зданій, относящихся къ времени Тутмосиса; потомъ явились Птолемеи: Черезъ пилонъ, сооруженный Елпеевомъ, входятъ въ колонадную залу, и этотъ входъ ни сколько не портитъ ее. Птолемеи воздвигли тѣ пилоны, которыми заходятся на сѣверъ, югъ и востокъ.

Имя Тиберія, соединенное съ именемъ Рамзеса Великаго, заключаетъ рядъ вѣковъ, сохранившихся въ различныхъ памятникахъ; изъ нихъ составилъ этотъ міръ развалинъ и воспоминаній, подъ скромнымъ названіемъ деревни Карнакъ.

Наконецъ, это тѣже самые памятники, которымъ французскіе солдаты, эти герои, но не антикваріи, рукоплескали въ восторгѣ. Здѣсь гремѣли орудія во время національнаго праздника, даннаго генераломъ Беллардомъ, въ честь французской республики. Это послѣднее могущество заключаетъ списокъ всѣхъ падшихъ владычествъ, о которыхъ эта земля сохраняетъ воспоминаніе и дѣлаетъ съ ними ихъ славное прошедшее.

Отъ юга-западнаго угла карнакскихъ развалинъ, идетъ къ югу аллея сѣнниковъ, съ бараньими головами; прежде эта дорога вела къ дворцамъ Луксора. Какой дикій и величественный видъ долженъ былъ представлять этотъ двойной рядъ таинственныхъ и священныхъ образовъ, который тянулся на разстояніи полмильи, и соединялъ два дворца, какіхъ нѣтъ въ Европѣ! Деревья, растущія и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дороги, вѣроятно окаймляли ее. Въ тѣни пальмъ, акацій и дикихъ смоковницъ, проходили процессіи между этими символическими фигурами, которыя сидя, молча смотрѣли на нихъ. Необходимо представить себѣ другое состояніе предметовъ, чтобъ понять все величіе этой декорации; настоящее же положеніе, въ которомъ они находятся, приводитъ въ спра-

ведливую досаду. Большая часть сфинксов разрушена и опрелепнута.

Я сказалъ уже, что сфинксы были гіероглифы могущества. Эти гіероглифы значили царь. Когда сфинксы нѣтъ чело-вѣческую голову, его употребляли для означенія царскаго до-стоинства; когда же онъ нѣтъ баранью голову, голову Аммо-на, великаго египетскаго бога, онъ означалъ божественное могу-щество. Близъ Карнака, сфинксы замѣнены овнами, которые нѣютъ на груди изображеніе Тутмосиса III, представленнаго въ видѣ адскаго озириса, то-есть, отозваннаго въ лоно Аммо-на. Такъ по крайней мѣрѣ я читаю эти каменные слова.

Пройдя дорогу сфинксовъ, в миссовѣзъ песчаный берегъ, мы достигли нашей лодки; подвѣвшись вверхъ по рѣкѣ, мы остано-вились у развалинъ Луксора.

Луксоръ, какъ и Карнакъ, есть арабская деревня, которая передала свое темное имя знаменитымъ развалинамъ; но тогда какъ карнакскіе арабы помѣстили свои хижны близъ памят-никовъ, жителямъ Луксора пришла мысль поселиться между самыхъ памятниковъ. Такимъ образомъ теперь, чтобъ посѣтить развалины, надо входить въ десятки плохихъ жилищъ, въ ко-торыхъ бѣдныя семейства спятъ, ѣдятъ и работаютъ; дѣти вы-бѣгаютъ навстрѣчу путешественнику, прося подавнія, а женщи-ны закрывшись покрываломъ, убѣгаютъ или отворачиваются отъ невѣрныхъ. Эти жилища и шумъ вредятъ развалинамъ, и вся эта грязная и болтливая толпа непріятно нарушаетъ ти-шину и величіе вѣковъ.

Луксоръ (что значить по арабски дворцы), какъ и Карнакъ, есть собраніе памятниковъ разныхъ вѣковъ; но это собраніе неѣе значительно и хронологія его широка. Все относится къ двумъ эпохамъ, между которыми дѣлятся также главнѣйшіе на-питвья Карнака. Древнѣйшая часть принадлежитъ Амено-нису III, котораго Греки называли Менпономъ, и двойной По-лоссъ котораго возвышается на другомъ берегу рѣки. Амено-нись III, изъ фамиліи Тутмосисовъ, воздвигъ южный дворецъ Луксора. Въ этомъ дворцѣ многія изображенія посвящены исторіи рожденія и воспитанія царя Амено-ниса. Эти барельефы представляютъ полную красоту времени, которое я уже назвалъ временемъ совершенства египетскаго искусства. На сѣверѣ отъ памятника Амено-ниса, коллонада, оконченная его преемниками, ведетъ къ другому зданію, сооруженному великимъ Рамзесомъ.

Здѣсь замѣтно то же различіе въ размѣрахъ, которое поразило насъ въ Карнакѣ. Зданіе заставителя Фараона, изъ восемнадцатой династіи, превышаетъ величественною своею архитектурою скромную архитектуру Фараона девятнадцатой династіи. Характеръ этихъ двухъ эпохъ запечатлѣвъ на обояхъ памятникахъ Луксора, и такъ сказать опредѣленъ ихъ величиной.

Зданіе Рамзеса состоитъ изъ обширнаго двора, окруженнаго портикомъ, и занимающаго двѣ тысячи пятьсотъ метровъ. Передъ пилономъ, находящимся при входѣ въ этотъ обширный дворъ, Рамзесъ воздвигъ два обелиска, изъ которыхъ одинъ стоитъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ, а другой перенесенъ на одну изъ площадей Парижа, гдѣ онъ производитъ большій эффектъ, чѣмъ близъ Луксорскаго пилона, потому-что здѣсь онъ стоитъ одиноко. Египтяне помѣстивъ его не изъ любви къ живописному; эта гранитная масса служила, какъ я сказалъ, знакомъ, слогомъ или словомъ; это слово, которое означало прочнаго, надо было начертать при дверяхъ, ибо такое мѣсто занимала она въ этой «разѣ». Для насъ она теперь украшеніе, утратившее свой смыслъ; безъ того оемѣлялись бы мы помѣстять знакъ прочности на мѣстѣ революціи?

Одно обетованіе заставляетъ насъ сожалѣть о перемѣщеніи обелиска,—это климатъ нашъ, который повредилъ уже его. Я былъ очень опечаленъ, встрѣтивъ брата его невредимымъ и блестящимъ на солнцѣ; и думая о томъ, какъ нашъ обелискъ погрѣлъ и темнѣлъ въ туманѣхъ. Изъ этого можно видѣть, какъ ошибочно общее мнѣніе о твердости гранита; ничто не такъ брешетъ, какъ гранитъ. Онъ измѣняется отъ сырости. Я видѣлъ гранитъ на берегахъ Ла-Манша, разсыпавшійся въ песокъ. Неужели также участь ожидаетъ и обелискъ Рамзеса, находящійся въ этомъ мрачномъ мѣстѣ запада, которое называютъ Парижемъ?

Оба обелиска украшены одною и той же надписью. Сколько разъ меня спрашивали, съ насмѣшливымъ видомъ: могу ли я прочесть то, что написано на обелискѣ площади Людовика XV? Да, господа невѣрующіе, можно читать и прочесть уже то, что изображено на этомъ обелискѣ. Шампольонъ нависалъ разборъ надписей: объ этомъ говоритъ Розеллинъ. Когда же Сальволинъ надаль удовлетворительный ихъ переводъ, послѣ долгаго недѣлрія къ Шампольону, то кажется, можно отстранить всѣ сомнѣ-

ни. Этотъ переродъ доказываетъ справедливость всего сказаннаго Шампальономъ въ его письмахъ о Египтѣ о надписяхъ обелисковъ: «известно уже, что эти надписи заключаютъ въ себѣ не религиозныя тайны, не высокія философическія умозрѣнія или тайны сокровенной науки, или наконецъ астрономическія наставленія,—онѣ содержатъ пышныя посвященія зданіямъ, передъ которыми возвышаются.»

Этотъ обелискъ, какъ и парижскій собратъ его, говорятъ, что Фараонъ Рамзесъ II, сынъ солнца, покровительствуемый богомъ, властелиномъ міра, побѣдителемъ народовъ, и проч., украсилъ Оивы обширными и долговѣчными зданіями.

Эта пышная надпись нѣсколько бѣдна, но по крайней мѣрѣ она означаетъ время обелиска, и объясняетъ, что зданіе, у котораго онъ стоялъ, было воздвигнуто Рамзесомъ-Великимъ. Вообще всѣ іероглифы, на обелискѣ площади Людовика XV, начертанные для того, чтобы возбудить удивленіе невѣрующихъ скептиковъ, заслуживаютъ однако вниманія, потому что относятся къ Сезострису.

Подлѣ обелисковъ находится четыре колосса, въ тридцать футовъ вышины. Это изображеніе Рамзеса - Великаго. Голова и бюстъ этихъ колоссовъ возникаютъ изъ пещу, въ которомъ погребено ихъ тѣло. На пилонѣ начертаны баталическія изображенія побѣд Сеоса въ Карнахъ. Сынъ, какъ и отецъ, хотѣлъ изобразить на своемъ памятникѣ, рассказы о побѣдахъ. Шампальонъ первый, прочелъ нѣкоторые мѣста этого длиннаго описанія, помѣщеннаго на баталическихъ изображеніяхъ; различилъ рассказы, и нашелъ, что тотъ и другой относятся къ одному и тому же времени, то есть къ пятому году царствованія Рамзеса, означаютъ тотъ же мѣсяцъ, но первый отъ 5, а второй отъ 9. И послѣ этого есть люди, которые сомнѣваются въ той пользѣ, какую можетъ привести для историческаго чтенія іероглифовъ! Кромѣ двухъ главныхъ эпохъ, къ которымъ относятся зданія Луксора, эпохи Аменофиса III изъ восемнадцатой династии и Рамзеса II изъ девятнадцатой, нѣкоторыя надписи говорятъ объ измѣненіяхъ, произведенныхъ въ различное время: любопытнѣйшее изъ нихъ передѣлка фундамента большихъ воротъ зданія Рамзеса, произведенная въ царствованіе эѳиопскаго царя Сабако, за восемь столѣтій до Р. Х. «Барельефы, въ которыхъ изображенъ этотъ чужеземный царь», говоритъ

Шампольонъ «очень добродытны до стату; фигуры, обрисованы въѣзко, мускуды означены смѣло.»

Когда мы осмотрѣли лѣвый берегъ Нила, лодка переезда ласть на другую сторону. Тамъ мы нашли ослонъ, которые, идутъ путешественниковъ вездѣ, гдѣ только находятя достойные вниманія предметы, Зависитъ отъ путешественника избрать родъ ѣзды; если усѣнешь зачаться сѣломи въ Александрію, и помѣститъ его на сильномъ ослѣ, тогда можно безъ устаны и быстро осмотрѣть весь мѣста. Путешествіе въ Египетъ, — это прогулка на ослѣхъ и въ лодкѣ, между развалинъ.

Проходя обширную долину отъ озера къ югу, параллельно левому берегу Нила, — точно также, какъ слѣдовали до правому, мы встрѣтили Гурнахъ. Это названіе принадлежитъ зданію болѣе простому, чѣмъ постройки лувекскія и карнакскія. Гурнахъ относится по времени Рамзеса; ни одна часть зданія не принадлежитъ болѣе отдаленному времени, а потому и не возбуждаетъ такого любопытства, какъ Карнакъ и Луворъ. Съ фаса онъ напоминаетъ греческій храмъ. Два уединенныхъ двора, соединившіяся сѣнникомъ аллею, превышаютъ зданіе. Подъѣхавъ ближе, встрѣчаешь жертвкъ, величною въ это пятьдесятъ ступень, поддерживаемый десятно колоннамъ. Видъ его не имѣетъ ничего колоссальнаго; онъ только обширенъ и дѣкъ. Это напоминаетъ Карнакъ. Здѣсь есть зала, поддерживаемая колоннамъ; во вѣсто ста тридцати чотырѣхъ, ихъ находятя только шесть. Впрочемъ зданіе Гурнаха относится къ тѣмъ же годамъ, къ какиимъ и карнакская зала, т. е. въ годы славнаго Сосеса и сына его Рамзеса-Великаго, котораго смѣшали въ Савострисомъ.

Точно также зданіе это начато было оцмемъ, а окончено сыномъ. Это ясно доказывается переводомъ надписи, который сдѣлалъ Шампольонъ.

Многочисленныя украшенія, покрывающія стѣны зданія, изображаютъ, какъ обыкновенно, фараона, приносящаго жертвы богамъ, и получающаго отъ нихъ могущество и власть. Это есть непрерывное подчиненіе царственной власти влиянію божественному, и надо замѣтить, что это совершается безъ посредства жреческой власти. Царь — есть жрецъ; онъ припасаетъ ладонъ и священные хлѣбы; ему одному отвѣчаетъ вопрошенный богъ этими обыкновенными словами: «мы даемъ тебѣ силу, могущество, побѣду, и проч.»

Часто богъ и царь изображены столпцами и какъ бы равными между собою. Чѣмъ болѣе изучаешь египетскіе памятники, тѣмъ болѣе поражаетъ мысль, что царское достоинство, до нѣкоторой степени, замѣшталось отъ характера божества. Здѣсь мы находимъ поразительное доказательство. Въ одной залѣ Гурнаха, изображенъ Рамзесъ 1-й, родовачальникъ этой фамиліи, дѣдъ Рамзеса Сестоприса, стоящимъ сзади Аммона, великаго бога Ѡнъ, и принимающимъ, подъ священными эмблемами Озириса, дары отъ своего внука.

Мы очень далеки отъ этой знаменитой египетской есократіи, отъ этой безграничной власти жрецовъ надъ царями, о которой такъ часто говорили. Изученіе египетскихъ памятниковъ можетъ, какъ я думаю, измѣнить многія мнѣнія о религіозномъ и гражданскомъ состояніяхъ Египта. Свидѣтельства Геродота, особливо Геродота, имѣютъ свою цѣну, но свидѣтельства нашихъ глазъ вѣрнѣе. Въ нѣкоторомъ отношеніи, мы можемъ видѣть древній Египетъ лучше, чѣмъ видѣлъ его Геродотъ. Эта земля существуетъ и тысячу разъ возобновляла для насъ стѣны своихъ храмовъ и гробницъ. Время, этотъ всемірный гіерофантъ, обрушило двери, которыя были закрыты передъ непрошвенными; озарило гробницы, куда не проникали, ни свѣтъ неба, ни нога человѣческая. Наконецъ, мы не должны, подобно Геродоту, обращаться къ свидѣтельствамъ жрецовъ. Мы можемъ иногда читать то, что они переводили часто, какъ имъ жалелось. Для Геродота, Египетъ былъ закрытая книга, чудесное содержаніе которой ему рассказывали; для насъ—эта книга раскрыта, и мы начинаемъ ее разбирать.

Выѣхавъ изъ Гурнаха, мы посѣтили не любопытную древность, но ученаго антикаарія, г. Лепсіуса, известнаго своими важными сочиненіями. Предводительствуя ученой экспедиціей, посланной прусскимъ правительствомъ, онъ прошелъ по всему Египту и Нубіи до Мероз. Г. Лепсіусъ находится въ Ѡивахъ нѣсколько уже мѣсяцевъ; встрѣча эта была очень счастлива.

Мы успѣшили воспользоваться ею.

Прусская экспедиція помѣщалась въ маленькомъ домѣ, который по прекрасному плану г. Вилькинсона выстроенъ былъ на половинѣ горы, раздѣляющей египетскую равнину отъ долины царскихъ гробницъ, съ тою цѣлю, чтобы пріѣзжающіе сюда для изслѣдованія развалинъ, могли располагаться тутъ, а не въ своихъ лодкахъ. Такимъ образомъ жилище это открыто для вся-

каго, подобно арабской палаткѣ. Этимъ Вилькинсонъ доказалъ, что европейское просвѣщеніе также хорошо знало гостепріимство, какъ и дикіе нравы пустынной Аравіи. Мы нашли тамъ весьма радушный пріемъ. Г. Лепсіусъ взялся быть нашимъ спутникомъ въ археологическихъ прогулкахъ; лучшаго чичероне мы не могли желать.

Прежде всего мы посѣтили Рамессеумъ, расположенный надъ его домомъ, по сосѣдству. Мѣсто это было разрыто въ разныхъ направленіяхъ, и тѣмъ явственнѣе обозначало свою архитектуру. Памятникъ этотъ очень важенъ во многихъ отношеніяхъ; во первыхъ потому, что онъ всегда слытъ и теперь слыветъ у всѣхъ ученыхъ за славную Озимандову гробницу, такъ прекрасно описанную Діодоромъ Сицилійскимъ, и которая, если вѣрить рассказамъ греческихъ путешественниковъ, огромностью своею равнялась четыремъ изъ величайшихъ египетскихъ памятниковъ; но г. Лепсіусъ, по моему мнѣнію, весьма основательно доказалъ, что Озимандова гробница, описанная Діодоромъ, во многомъ разнится отъ Рамессеума; такъ, что предполагаемый памятникъ Озиманда также сомнителенъ и невѣроятенъ, какъ и гробница Мерлина.

И такъ Озимандова гробница, съ своею библіотекою, гдѣ, какъ и на Александрійской, была будто бы надпись: *кладовая для души*, съ своими гранитными пилонами, (чѣму нѣтъ почти примѣра) и особенно съ знаменитымъ своимъ кругомъ, сдѣланнымъ изъ чистаго золота, до шести сотъ футовъ въ окружности, и около полутора фута толщины, была не что иное, какъ выдумка египетскихъ жрецовъ и легковѣрныхъ греческихъ туристовъ.

Очищенный отъ такихъ ложныхъ названій, Рамессеумъ принадлежитъ къ числу памятниковъ, которые можно считать за дворецъ и храмъ; но, по моему мнѣнію, вѣрнѣе принять за дворецъ. Подобныхъ было много построено, на обомъ берегахъ Нила, царями восемнадцатой и девятнадцатой династіи. Памятники эти представляли рядъ дворовъ и залъ, окруженныхъ колоннами, гдѣ изображенъ былъ фараонъ, воздававшій поклоненіе египетскимъ божествамъ, сидѣвшій возлѣ нихъ, и принимавшій почести отъ своего народа. Зданіе это, воздвигнутое Рамзесомъ-Великимъ, заключало въ себѣ много памятниковъ объ немъ. Подвиги его выражены на стѣнахъ какъ въ Карнакѣ, такъ и въ Луксорѣ. Гранитный колоссъ въ пятьдесятъ футовъ, представлялъ его сидящимъ на тронѣ. Теперь этотъ колоссъ разбитъ и ле-

жить на землѣ. Не дая предполагать, чтобы онъ упалъ отъ времени; но всему видно, что для этого нужны были человѣческія руки и большія усилія. Это одна изъ огромнѣйшихъ статуѣй; одна она съ болѣе двухъ тысячью. Войдя на ея руку, я будто подвѣлся надъ высокую скалу. Шампольонъ говоритъ, что Рамессеумъ изящнѣе и знаменитѣе всѣхъ здѣшнихъ древностей. По мнѣнію Вилькинсона, онъ можетъ содержать со всякимъ памятникомъ египетскаго художества. Это Паросонъ оивскій. Стоитъ заглянуть въ его внутренность, чтобы удивляться прекраснымъ и правдивымъ колоннадамъ. Онъ всѣмъ поразительнаго величія; размеры ихъ, огромный во всякой другой странѣ, для Египта были слишкомъ умеренны. Зала папегриіи или торжественныхъ собраній не поддерживалась ста тридцатью четырьмя колоннами, какъ въ Карнакѣ, но имѣла сверхъ того еще тридцать, которыя, по словамъ Шампольона, очаровывали своимъ изящнымъ декоративомъ даже и тѣхъ, которые имѣли сильное предубѣжденіе противъ всякой другой архитектуры, кромѣ греческой и римской.

11 На стѣнахъ залы были изображены двадцать три сына Рамзеса съ объясненіями ихъ именъ. Тринадцать же его дочерей представляемы въ нубійскомъ храмѣ. Въ другомъ мѣстѣ, гіероглифическая надпись, показывавшая шестьдесятъ четвертый годъ его царствованія, говоритъ о его долголѣтіи. Множество другихъ надписей, барельефовъ изображенія на стѣнахъ оивскихъ зданій и многое другое, выказываютъ Рамзеса великимъ завоевателемъ, и доставляютъ свѣдѣнія о именахъ тѣхъ націй, которыя онъ покорилъ. Въ Луксорѣ мы нашли картушу, на которой изображены были дни его побѣдъ и оцарапанія ихъ. Вотъ какія подробности раскрываются гіероглифами, хотя имъ и теперь еще приписываютъ незначительное вліяніе на исторію.

На Рамессеумскомъ пилонѣ предстаетъ также Рамзесъ, принявшаго религіозныя почести; здѣсь передъ нимъ несутъ статуи восемнадцати царей, изъ которыхъ древнѣйшій — Менесъ, основатель египетской монархіи, и которой Рамзесъ былъ новѣйшимъ царемъ. Этимъ, кажется, онъ хотѣлъ показать, что, по теченіи двухъ тысячъ пяти сотъ лѣтъ, послѣ восемнадцати перемѣнныхъ династій и вторженія чужеземцевъ, онъ считалъ себя законнымъ потомкомъ Менеса, и что новѣйшая, славная фамилія Рамсесовъ приписывала свое могущество древнему царю. Недалеко отъ Рамессеума находится обширное мѣсто, уст-

живые обложками, которые отчасти зарыты ильскими ильотуш заросля высокой травой; все-гдѣ они проглядываютъ. Эти куски колоннъ и обложки гигантскихъ статуй, ни что иное, какъ остатки Мемнонова дворца; тамъ Греки называютъ «араона Амен» почва III, восемнадцатой династии, построеннаго на этомъ берегу такое же зданіе, какое онъ воздвигъ на другомъ въ Лусофъ. Первое разрушено, но какимъ образомъ? Это трудно сказать, теперь отъ этого Аменоеума остались неприкосновенными только двѣ колонны, которыя находятся въ египетской равнинѣ, и придаютъ ей особенное величіе. На обѣихъ изображенъ одинъ и тотъ же царь. Та, которая ближе къ сѣверу, и издававшая когда-то звуки при восхожденіи солнца, была въ большой известности подъ именемъ Мемноновой статуи.

Барельефы и іероглифы, украшающіе тронъ у обонхъ колоссовъ—высокого совершенства; о посажденных Шампольонъ сказавъ, что это настоящія камен, вышиною въ футъ. Семьдесятъ двѣ латинскихъ и греческихъ надписи, въ прозѣ и стихахъ, занимаютъ всю ногу статуи. Чтобы прочесть ихъ, надо взобраться на самую ногу, которая толщиной въ палецъ. Надписи эти служатъ воспоминаніемъ многочисленнымъ посѣтителемъ, единогласно утверждающихъ, что слышали здѣсь чудесные звуки. Многіе изъ надписей не заслуживаютъ вниманія, нѣкоторыя трогательны и интересны, другія же, напротивъ, смѣшны. Среди неизвѣстныхъ имѣешь читаешь вдругъ имя императора Адриана и Сабинны, его супруги. Иногда чудо не происходило вовсе, почему и надо было неоднократно посѣщать это мѣсто.

И замѣтилъ, что путешественники обыкновенно прѣзжали на поклоненіе статуѣ Мемнона осенью, зимой и весной; точно тоже дѣлаютъ и высшіе туристы, по тѣмъ же самымъ причинамъ. Во многихъ мѣстахъ читаешь весьма пріятныя воспоминанія объ отсутствующихъ лицахъ. Нѣкто Аполій, написавъ подлѣ своего имени имя своей жены, вскричалъ: «какъ жаль, что ее здѣсь нѣтъ!» Какая-то знатная дама, изъ свиты царицы Сабинны, оставила намъ много стиховъ, написанныхъ падающимъ слогомъ; въ этихъ стихахъ она объясняетъ свою генеалогію, и говоритъ потомству о происхожденіи своемъ отъ царя Автіоха. Частности эти заимствованы мною изъ Летронова прекраснаго сочиненія объ этихъ надписяхъ. Все, которые прѣзжаютъ смотрѣть колоссы, не могутъ не воздать должной похвалы тому, кто составилъ умную и поэтическую надпись на звучащей статуѣ Мем-

нона. Вотъ что въ ней говорится: какая могла быть причина того особеннаго звука, о которомъ упоминають многіе изъ древнихъ писателей, о которомъ свидѣтельствуютъ семьдесятъ два путешественника; между прочими императоръ Адрианъ съ своею супругою. Отъ чего теперь не слышно этого звука? наконецъ, почему статуя Аменофиса, египетскаго царя, названа именемъ Мемнона, греческаго героя и баснословнаго сына Авроры? Въ числѣ весьма удовлетворительныхъ отвѣтовъ на эти различные вопросы, Летронъ нашелъ много любопытнаго, и то, чего не могъ даже ожидать. Впервыхъ самыя надписи и разныя мѣста, приводимыя древними писателями, доказываютъ, что звукъ, выходившій изъ статуй, обыкновенно во время утренней зари, сталъ слышенъ только во времена Нерона, вскорѣ послѣ того, когда землетрясеніемъ ее нѣсколько повредило, и исчезъ совершенно съ тѣхъ поръ, когда Септимій-Северъ, въ священной ревности къ паганизму и на поруганіе христіанству, поправилъ разбитую статую. Онъ думалъ, что послѣ этой поправки, статуя не ограничится только неопредѣленными звуками, но будетъ возглашать и предвѣщанія, какъ, по общему мнѣнію, было въ прежнія эпохи. Но представьте себѣ горе! Звучная вибрація, самая естественная причина этого явленія, совершенно исчезла съ того времени, какъ поправили статую. Противъ своей воли, Септимій-Северъ, какъ говоритъ Летронъ, вложилъ туда сурдинку. Съ тѣхъ поръ, уже нѣтъ надписей и тѣхъ необыкновенныхъ звуковъ, которые казались путешественникамъ божественными. Разломанная статуя говорила, а цѣлая—стала нѣмою.

Что касается до названія Мемнона, даннаго статуѣ Аменофиса, которое Павзаній и авторы другихъ надписей писали Аменофъ—Фаменофъ, Летронъ, съ большею достовѣрностію, утверждаетъ, что ошибка эта, какъ и многія другаго рода, въ греческой и другихъ мнѣлогіяхъ, произошла отъ сходства звуковъ,—короче сказать, отъ нѣкотораго рода каламбура. Мемнонъ, сынъ Авроры, былъ герой гомеровскаго преданія; бывъ царемъ египетскимъ, онъ долженъ былъ оставить по себѣ какіе-нибудь слѣды. Такъ въ Фивахъ, одна часть города, именно та, гдѣ стоялъ колоссъ, называлась—Мемноніумъ. Съ того времени колоссъ Мемноніума сдѣлался Мемнономъ, а такъ какъ звучная вибрація, производимая быстрою переменною ночной температуры на дневную, слышалась обыкновенно въ часъ восхода солнечнаго, то пылакое воображеніе Грековъ сочинило потомъ, что

Менше на зарѣ привѣтствуетъ свою мать. Вотъ какимъ образомъ, изъ самаго простаго явленія, но котораго не могли объяснить, древціе творили басни; вотъ какъ истинное просвѣщеніе, не прибѣгая вовсе ни къ какимъ толкованіямъ вѣры челоука, объясняетъ его же способностями. Человѣкъ чаще обманывается, чѣмъ бываетъ обманутъ. Только въ настоящее время онъ старается дать себѣ отчетъ въ дѣйствительности факта, прежде нежели допустить его. Впродолженіе многихъ вѣковъ, онъ легко вѣрилъ другимъ, а еще болѣе себѣ. Не нужно было никакихъ ложныхъ, оеократическихъ умствованій, чтобы ввести его въ заблужденіе; для этого довольно было его собственнаго воображенія и невѣжества.

Намъ оставалось еще осмотрѣть множество развалинъ, Карнакъ лѣваго берега и Мединетъ-Габу. Все зданіе Мединетъ-Габу, состоитъ изъ двухъ группъ памятниковъ. Здѣсь также какъ въ Карнакѣ и Луксорѣ, видна прекрасная архитектура временъ Тутмосисовъ, и величественная архитектура вѣка Рамзесовъ. Съ боку маленькаго храма Тутмосиса III, Рамзесъ III, названный подъ именемъ Меммуна, столь же великій завоеватель, какъ и предки его, Рамзесъ Великій и Сеосъ, построилъ обширныя зданія, впереди которыхъ помѣстилъ дворецъ, названный его *павиллономъ*.

Произведенія этихъ двухъ архитектуръ, расположены не другъ за другомъ, какъ въ Карнакѣ и Луксорѣ, но рядомъ. Посѣщеніе наше Мединетъ-Габу заключилось осмотромъ царскаго жилища Рамзеса-Меммуна и огромнаго зданія, раздѣленнаго на множество залъ, или лучше дворовъ, въ которыхъ онъ изобразилъ великолѣпные триумфы. Теперь мы предположили осмотрѣть все то, что въ зданіи Мединетъ-Габу, не принадлежитъ Рамзесу-Мемму, главному основателю.

Часть же, такъ сказать, прибавочная, въ нѣкоторомъ отношеніи и древнѣе и новѣе его самаго.

Древнѣйшее здѣсь — храмъ Тутмосиса III, къ которому ведутъ: 1, вѣншній дворъ, построенный во времена императора Антонина; 2, пилонъ, съ именами двухъ Птолемеевъ; 3, второй дворъ, гдѣ написано имя эіопскаго царя, изглаженное впоследствии Нектанебомъ, послѣднимъ изъ фараоновъ, и баснословнымъ отцемъ Александра. Какое разнообразіе воспоминаній! Какъ быстро переносишься изъ одного вѣка въ другой, отъ одного города и одной династіи къ другимъ. Благодаря искуе-

ству чтенія гіероглифовъ, переселеніемъ воображеніемъ въ разныя вѣка, смотри по различію развалинь, такъ точно, какъ геологія пробѣгаетъ тысячи лѣтъ по пластамъ земнымъ. До Шампольнова открытія, памятники двѣнадцати и двадцать шестой династія, воздвигнутыя египетскими завоевателями, греческими царями и римскими императорами, считались за *символы памлткики*; но теперь тотчасъ можно узнать вѣкъ ихъ и начало. Стоитъ только посмотреть на картушъ, и сейчасъ откроется какой эпохъ, какому народу и царю принадлежитъ обозрѣваемое зданіе; однимъ шагомъ переступаєте черезъ двадцать вѣковъ.

Обозрѣвая развалины Мединетъ-Габу, вѣдетъ съ г. Лепсіусомъ, мы были увѣрены, что ни малѣйшая подробность съ зданіемъ не ускользнетъ отъ насъ. Онъ показывалъ намъ многія поправки и прибавленія, сдѣланныя къ древнимъ именамъ, лицами нѣсколько позднѣйшаго вѣка; это разнаго рода историческія показанія. Самые любопытныя здѣсь были имена нѣкоторыхъ древнихъ царей, исправленныя въ эпоху Птолемея. Тѣмъ образомъ гіероглифы представляются гораздо новѣйшими, чѣмъ вѣкъ того царя, котораго имя они изображаютъ. Это можетъ служить доказательствомъ, что Птоломеи имѣли всегда притязаніе видѣть въ себѣ продолженіе фараонова рода.

Среди этой массы развалинь и памятниковъ, возвышаются въ Мединетъ-Габу зданія, построенныя потомкомъ Рамзеса Великаго, другаго Рамзеса, столь же великаго завоевателя, какъ и первый, и котораго обыкновенно называютъ Рамзесомъ-Меллунномъ. Сначала представляется глазамъ—такъ называемый *капиллонъ*. Этотъ небольшой дворецъ, одинъ изъ лучшахъ въ Египтѣ, даетъ настоящее понятіе о тогдашней царской резиденціи; снаружи консоли, поддерживаемыя каріатидами, придаютъ ему необыкновенно-изящный видъ; на стѣнѣ представлена картина внутренности дворца, въ видѣ сцены гарема; здѣсь видны Молодунъ, окруженный толпой дѣвами или женщинами въ прелестныхъ и благопрістойныхъ позахъ.

Съ одною изъ нихъ царь играетъ въ какую-то игру, похожую, фигурою костей, на шахматную; а по однообразію ихъ,—на наши шашки. Подобныя вещи находимы были также и въ гробницахъ. Не потому ли Платонъ, увидѣвшій здѣсь эту игру въ первый разъ, говоритъ, что шахматы изобрѣтены богомъ Тотомъ.

Приближаясь къ обширному двору Рамзеса-Мемлука, изъ прекраснаго увеселительнаго царскаго домика, вступате въ величественное зданіе, назначившееся для торжественныхъ случаевъ; выйдя за жилищемъ частнаго чедовѣка, падаете публичная резиденція фараоновъ. Огромный пилонъ, барельефомъ котораго напоминиють разные походы цара, а надписи — имена побѣжденныхъ индій, — ведетъ въ первый дворъ, обведенный съ лѣвой стороны колоннадою, а съ правой галлереею, состоящую изъ человѣческихъ фигуръ.

Миновавъ этотъ первый дворъ, въ которомъ капители, представляющіи растенія летуса, казалося распускались на поверхности пола, заваленнаго вездѣ полуразсыпавшимися колоннами; за вторымъ пилономъ вступате въ другой дворъ. Онъ окруженъ перистилемъ на роскошныхъ колоннахъ и огромныхъ каріатидахъ. Дворъ этотъ, — одно изъ чудесъ Египта. Никогда, даже въ самомъ Карнакѣ, величіе фараоновъ не выражалось такъ явными замѣчательными барельефами, какіе встрѣчаются въ обширномъ дворѣ Мединетъ-Габу. На южной стѣнѣ перистилия, фараонъ торжествуетъ надъ покоренными его оружіемъ врагами, величественно покоясь въ триумфальной колесницѣ; передъ нимъ лежатъ груды отрубленныхъ рукъ и другихъ знаменъ варварства, которому подвергались побѣжденные. На прѣтвѣрной стѣнѣ царское торжество Рамзесовъ является въ полномъ блескѣ.

Между египетскими древаостями нѣтъ ничего великолѣпнѣе этого. Здѣсь изображенъ фараонъ, несомый съ триумфомъ, какъ какое-нибудь божество, въ особенной рацѣ, окруженный своими придворными, начальниками войскъ, окуриваемый благоуханными, и самъ курящій опіумъ на престолѣ Горуса. Это вѣроятно изображаетъ церемонію царскаго коронованія, какъ бы родъ овлащѣннаго торжества. Для разбора этой картины; представляющей оному двуклобъ лицъ, я рекомендую прекрасное Шампольоновое описаніе.

Среди удѣливаго двора Мединетъ-Габу, возвышаются портикскія колонны, — остатки одной христіанской церкви. Древнее зданіе неирисконовенно; развалины гораздо новѣе.

Внѣшнія стѣны обширнаго двора Мединетъ-Габу, покрыты также барельефами, какъ и внутреннія. На южной стѣнѣ находится священныи календарь, обозначающій праздники въ каждомъ мѣсяцѣ, представляя такимъ образомъ полную картину

религіозной жизни Египтянъ; но этотъ любопытный памятникъ заслоненъ развалинами пола, примыкающими къ стѣнѣ. Разчистить было бы очень не трудно. Тамъ самое можно сказать о множествѣ другихъ картинъ на сѣверной стѣнѣ, изображающихъ разнаго рода происшествія изъ похода Рамзеса, предпринятаго въ одиннадцатый годъ царствованія, противъ многочисленныхъ азіатскихъ племенъ, которыхъ названія обозначены гіероглифами, начертанными на барельефахъ. Вотъ одна изъ темныхъ и великихъ страницъ исторіи, которую нужно прояснить.

Необходимо было бы сдѣлать расчистку еще въ одномъ мѣстѣ, которое очень важно. Оба эти двора, о которыхъ я говорилъ, составляютъ великолѣпный входъ въ зданіе МедINETъ—Габу. Оно такъ завалено землею и обломками, что никакъ нельзя пройти. За двумя перистилами, окружающими некрытый дворъ, должна слѣдовать крытая зала, также, какъ въ Карнакѣ, наволненная колоннами, и которая, судя по входу, могла бы изящностію равняться съ карнакскою залою. Въ ней обрушено то, что прилѣжная разработка, въ такой землѣ, гдѣ ручной трудъ не стѣнитъ большихъ издержекъ, прошло бы яркій свѣтъ на исторію, и удовлетворило бы любознательность европейскихъ ученыхъ. Такимъ образомъ мы получили бы настоящее понятіе о пространствѣ платформы, покрывающей неизслѣдованную еще часть МедINETъ—Габу; на этой платформѣ существовала не такъ давно деревня. Теперь она оставлена, и арабскія хижины превратились въ развалины, которыя безчестятъ древнія руины.

Мы видѣли еще пять главнѣйшихъ памятниковъ ѳивскихъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ нѣсколько другихъ монументовъ: на правомъ берегу Нила, Карнакъ и Луксоръ; на лѣвомъ,—Гурнахъ, Рамессеумъ и МедINETъ—Габу. Эти пять вѣданій служили жилищемъ для живыхъ; теперь осмотримъ жилища мертвыхъ. Мы посетимъ некрополь, городъ гробницъ, который, находясь подлѣ ѳивъ и собирая тѣла городскихъ жителей, долженъ былъ сдѣлаться гораздо населеннѣе, чѣмъ городъ, потому что некрополь только получалъ, а никогда не возвращалъ, и слѣдовательно ничего не терялъ. Упрочить вѣтвѣнность тѣла,—символь безсмертія души, было всегдашней цѣлію Египтянъ. Для тѣлъ, если не желали ихъ уничтоженія, необходимы были и неразрушающіися помѣщенія. У

нихъ, по словамъ г-жи Сталь, душа должна была бороться съ смерью, и тяжкимъ образомъ необходимо было нѣтъ на землѣ вѣчное убѣжище для нихъ праха.

Первые цари придумали для этого пирамиды, но пирамиды могли быть разрушены руками человѣческими. Недавно одна чуть не обрушилась при разработкѣ. Гораздо долше могъ сохраниться прахъ въ естественныхъ пирамидахъ оивской равнины, въ этихъ известковыхъ горахъ, потому, что лишенная растительности, не орошаемая никогда ни дождемъ, ни ручьями, эти горы представляютъ вѣрнѣйшее ручательство въ прочности. По этому монархи и подданные покоились въ подземныхъ пещерахъ. Гора, возвышающаяся надъ Омвами съ западной стороны, вся усѣяна гробницами, обитатели которыхъ, судя по гіероглифическимъ надписямъ, принадлежали къ высшему классу. Гдѣ же погребались люди низшаго сословія?

Жилище, погребенныхъ фараоновъ было таинственнѣе, чѣмъ обиталище живыхъ. Чтобы попасть туда, надо пройти западную гору; это стѣитъ не малаго труда. Здѣсь вы вступате въ долину царей; вамъ представляется страшное жерло, гдѣ ничто не напоминаетъ о жизни, гдѣ обитаетъ одна смерть. Здѣсь въ неизвѣстной смалѣ изсѣчены подземныя палаты, раздѣленныя на нѣсколько ярусовъ и комнатъ. Эти палаты, изсѣченныя гіероглифами и рисунками, при свѣтѣ факеловъ, сіявшихъ разноцвѣтными красками, были царскія гробницы.

Въ эту мертвую долину надо проходить черезъ груду развалинъ, которыя, по многимъ причинамъ, заслуживаютъ большаго вниманія; о нихъ я буду еще говорить. Мѣсто это называется Эль—Ассаскъ. Теперь я ограничусь описаніемъ прекрасныхъ гранитныхъ воротъ, выстроенныхъ по повелѣнію царицы Рама-ка, сестры Тутмосиса; имя ея мы встрѣтили на одномъ изъ карнакскихъobelisksовъ. Тутмосисъ III стеръ имя своей сестры и замѣнилъ его своимъ; онъ оставилъ только женскія окончанія, которыя въ надписи относились къ стертому имени. Долгое время это не было извѣстно; наконецъ, когда изъ грамматикки Шампольона узнали гіероглифическія женскія окончанія, сооруженіе памятника отвесилъ къ царицѣ Рама-ка, и заключили изъ этого, что между нею и Тутмосисомъ III, ея братомъ и супругомъ, происходила политическія распри, память которыхъ сохранилась только въ картушахъ. Подлѣ Асса-

сидя: находится гробница, наследная въ горѣ, и расположена въ три яруса. Она гораздо обширнѣе царскихъ гробницъ; въ ней хранится прахъ не царя, но одного жреца, но имени Цетдемофъ. Рѣзба и гіероглифы, покрывающіе стѣны галлерей и комнатъ, прекрасны. По этому можно заключить, что значилъ въ Омакѣ сословія жрецовъ. Пространство, занимаемое гробницею, раздѣлѣно, по исчисленію Вилькинсона, двумя тысячами квадратныхъ футовъ. Противъ обыкновенія, тамъ не было изображеній членовъ его семейства; я прочелъ только имя его матери; и такъ онъ покоился одинъ въ своей могилѣ. Никогда человеческое тѣло не занимало послѣ своей смерти такого обширнаго пространства, какъ тѣло этого жреца. Понятно теперь, почему Геродотъ говорилъ, что Египтяне не старались о прочности своихъ домовъ потому, что жизнь коротка, не сильно заботились о своихъ гробницахъ потому, что смерть вѣчна. Въ Омакѣ не лѣгко найти слѣдовъ дома, но гробницы встрѣчаются тысячами. При вторичномъ обзорѣ, я разберу подробно гробницы частныхъ лицъ, весьма интересныя для исследованийъ о разныхъ семействахъ и профессіяхъ, указывающихъ на различіе мастей. Различію этому я не очень вѣрю, разбирая памятники, хотя объ немъ много говорили древніе и позднѣйшіе описатели Египта. Теперь я хочу сдѣлать общій обзоръ Омакѣ, для того, чтобы, окончивъ его, перейти черезъ знаменную гору, въ долину царей. Подробный обзоръ я вѣщою до своего возвращенія; теперь же опишу расположеніе всѣхъ необыкновенныхъ памятниковъ, которые я осмотрѣлъ.

Памятники или разбросаны, какъ въ долинѣ, параллельной Нилу, такъ и въ окрѣжной, но менѣе изрытой, которая, кажется, служила мѣстомъ погребенія царевнъ девятнадцатой династіи. Такимъ образомъ двѣ великія династіи Тутмосисовъ и Рамзисовъ, соперничававшія одна передъ другою въ построеніи своихъ дворцовъ въ Карнакѣ, Луксорѣ и Мединѣтъ—Габу, избрали каждая для себя особую мертвую долину, чтобы тамъ построить погребальныя палаты, превосходной архитектуры; эти великолѣпные покомы, въ которыхъ стѣны—гора, въ продолженіи многихъ вѣковъ не освѣщались воюю, и не были видны ни кѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ странно, когда подумаешь, какихъ усилій и трудовъ стоило извѣсть въ окрѣсти эти габмерен, эти многочисленныя комнаты. Легенды, изображенія боговъ, людей, вѣррей; различныя сцены жизни и смерти были начер-

тѣмъ съ вѣдѣннѣйшими тѣнѣми на подземныхъ стѣнахъ; по-оставляли нигдѣ пустаго мѣста; когда же все было готово, умершаго, клали въ гранитный саркофагъ, и заперая входъ, оставляя его одного, посреди чудесныхъ этихъ изображеній, назначенныхъ собственно для него.

Однакоже иногда вращали къ это мрачное жилище ночи, быть можетъ изъ желанія почтить прахъ предковъ. По вѣкамъ вѣроятнѣйшимъ гробницы царей посѣщались во времена греческо-римской эпохи, какъ посѣщаются въ наше время, многими любознѣтельными, оставившими по себѣ память множествомъ надписей. Вообще въ надписяхъ замѣтно удивленіе путешественниковъ при видѣ этихъ подземныхъ жилищъ. Только одинъ, какой-то Евнухий, позаботился о томъ, чтобы потомство знало, что онъ былъ всегда:

Со времянь древнихъ посѣтителей гробницъ царей, входы которыхъ были завалены обломками горы, прославился только безстрашный Бельзони (Belzoni). Онъ первый обратилъ на нихъ вниманіе Европы; открылъ прекраснѣйшую изъ нихъ, т. е. гробницу отца Рамзеса—Великаго, Сеоса, роstrрившаго огромную залу въ Карнакѣ,

Открыто только двѣдцать одна гробница. Страбонъ гово-рится, что въ его время было сорокъ. По этому намъ извѣстно только половина. По моему мнѣнію, изъ еще можно найти въ сосѣдней долинѣ, гдѣ погребены Фароны восемнадцатой династіи, и гдѣ открыли только гробницу Аменемхеса Мемфита и другого царя, обожавшаго солнце подъ зѣблемою диска, котораго лучи означивались изображеніемъ рукъ. Известно, что эти цари принадлежали себѣ въ восемнадцатую династію, среди памятниковъ которой встрѣчаются изъ собственные памятники, рѣзко отличающіеся египетскимъ типомъ лицъ, похожихъ болѣе на жидовъ, и въ характеру художества болѣе свободному и игривому, котораго не замѣтно вовсе въ Египтѣ. Здѣсь можно сдѣлать множество открытій. Я былъ пораженъ видомъ этихъ глыбокъ скалы; внутренности ихъ отдѣлялась отъ меня кучею камней и обломковъ, заищанъ въ себѣ множество залъ, написанныхъ гіероглифами и рисунками, тамъ скрывались, можетъ быть, любознѣтные и прекрасные памятники. Счастливъ тотъ, кто, проникнувъ въ этотъ мракъ, можетъ сказать: «Да осветитъ»

ся это мѣсто!» тогда изъ ночной тьмы возникнетъ цѣлый міръ.

Читатель, можетъ быть, удивляется моему энтузіазму, но я увѣренъ, что и онъ сказалъ бы тоже, если бы побывалъ въ этихъ двѣнадцати гробницахъ, которыя я осматривалъ. О каждой изъ нихъ я буду говорить подробно послѣ; теперь же займусь описаніемъ одной, и постараюсь высказать удивленіе свое при первомъ на нее взглядѣ. Проникнувъ во внутренность царской гробницы, встрѣчаете уступы, то отлогіе, то вдругъ крутые и совершенно отвѣсныя. При входѣ написано имя Фараона. По обѣимъ сторонамъ косаго корридора пространныя гіероглифическія надписи загибаются по стѣнѣ; на-право строки идутъ въ одну, а на лѣво, въ противоположную сторону, такъ что разбирать эти надписи, равняющіея своимъ объемомъ цѣлымъ томамъ, можно не иначе, какъ спускаясь въ погребальныя мѣста и выходя потомъ на свѣтъ. Гіероглифы эти не лезя бѣгло читать; но видно, что они изображаютъ молитвы, подобно тѣмъ, какія написаны на погребальныхъ папирусахъ и на лицикахъ мумій. Эта длинная погребальная служба совершается по приказанію царя, для котораго изсѣчена гробница. Далѣе, между гіероглифическими надписями, выставляются разныя фигуры. Здѣсь также, какъ и на похоронномъ папирусь, но только въ большемъ размѣрѣ, изображена исторія души послѣ смерти, картина испытаній, которымъ она должна подвергнуться, судъ, произнесенный надъ нею богами и толпою геніевъ съ человѣческими и зміѣнными головами, также съ головами четвероногихъ и птицъ. Души, которымъ предопредѣлено это долгое временное и страшное странствованіе, идутъ черезъ огонь и воду, отдыхаютъ въ мѣстахъ покойныхъ, среди деревьевъ и травъ, потомъ продолжаютъ свой путь черезъ разнаго рода казни. Здѣсь онѣ изувѣчены и обезглавлены; далѣе видите ихъ члены и головы. Здѣсь ходишь, какъ говоритъ Дантъ, въ области ада; только адъ этотъ, кажется, идетъ вмѣстѣ съ вами, стремишься къ какой-то таинственной цѣли. Но гдѣ же цѣль? Можемъ ли разгадать ее? Достигнуть ли ее души? Или имъ опредѣлено, безъ упокоенія, вѣчно странствовать, и вѣчно подвергаться страданіямъ?

Вотъ вопросы, которые я предлагалъ себѣ, проходя съ каинимъ-то страхомъ, по этимъ длиннымъ галлереймъ. Можетъ быть,

при болѣе частомъ посѣщеніи этихъ мѣстъ я пришелъ бы къ удовлетворительному отвѣту на эти мрачные вопросы. Теперь я только слегка обрисовываю мои впечатлѣнія, которыя, быть можетъ, ослабнуть, или подвергнутся анализу. Я едва примѣтилъ боковыя комнаты; онѣ идутъ по обѣимъ сторонамъ галлерей. Я вторично увижу ихъ; онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Теперь я останавливаюсь только на одной, гдѣ помѣщался саркофагъ монарха; онъ видѣнъ и теперь. Здѣсь изображено все величіе смерти и вся слава будущей жизни. Потолокъ этой комнаты уставъ звѣздами, между которыми свѣтитъ солнце другаго міра, изображеніе фараона; достигнувъ царства свѣта, онъ странствуетъ по небесамъ въ божественной ладѣ.

Еще полные впечатлѣнія, которое произвели на насъ эти чудеса, мы спѣшили воспользоваться лестнымъ гостепріимствомъ г. Лепсіуса, который, вмѣстѣ съ членами прусской экспедиціи, принялъ насъ въ домѣ, устроенномъ для иностранцевъ, но рѣдкой предусмотрительности Вилькинсона.

Я закидалъ Лепсіуса вопросами, на которые онъ скромно отвѣчалъ мнѣ. Онъ показывалъ намъ два прекрасныхъ рисунка. Я не хочу утверждать, чтобъ они были изъ числа самыхъ новѣйшихъ и любопытныхъ. Они были мнѣ предложены, и я съ благодарностію принялъ ихъ. Съ особеннымъ почтеніемъ я брался за книгу *царей*, начатую имъ еще до путешествія въ Египетъ.

Въ ней заключались: собраніе царскихъ именъ, самое полное какъ только можетъ быть, и египетская хронологія, со времени древняго царя Менеса до Септимія Севера. Лепсіусъ не останавливается на этомъ послѣднемъ имени, которое написано было гіероглифами и разобрано Шампольономъ и другими; онъ идетъ далѣе, и былъ такъ счастливъ, что въ одномъ маленькомъ енискомъ храмѣ, гдѣ Шампольонъ встрѣтилъ имя Отона, Лепсіусъ открылъ еще имена Гальбы, Песценія Нигера, и что важнѣе, императора Деція. Этимъ открытіемъ г. Лепсіусъ прибавилъ къ гіероглифическому ряду, цѣлыхъ полвѣка послѣ Септимія. Такимъ образомъ мы имѣемъ цѣлый рядъ памятниконъ и надписей, начиная отъ 2500 г. до времени Авраама и достигающихъ 25 г. до Р. X. Этого нѣтъ ни въ одной рукописи.

Занимательность ученыхъ разсказовъ Лепсіуса не позволила мнѣ вполнѣ увлечься великолѣпнымъ зрѣлищемъ, бывшимъ передъ моими глазами. Заходящее солнце отражалось еще на

бездельной египетской долины; от того места, где я стоялъ, можно было объять всю эту картину.

Я оглянулся вѣзоръ сперва на два колосса, величественно стоявшія посреди пустынной мѣстности. Они казались какими-то живыми царями этой долины. Солнце освѣщало багровыиъ свѣтомъ ихъ спины и головы.

Наконецъ долина погрузилась въ сумракъ. Издали я могъ еще различать пять большихъ грудъ развалинъ, возвышавшихся во обширнѣ стороны Нила. Ходить, по которому я шелъ, устану были гребнями и следами. За собою я воображалъ огромныя жилища смерти, по которымъ странствовалъ нѣсколько часовъ. Оны были вперед. Въ этотъ торжественный часъ я вспоминалъ Римъ, когда увидѣлъ его въ первый разъ; но теперь, когда я мысленно перебиралъ всѣ развалины храмовъ, дворцовъ, колоссовъ, вѣновъ, — впечатлѣнїе Рима представлялось меншииъ, и я сказалъ: Оны — Римъ въ большомъ размѣрѣ!

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ЖУРНАЛА

Миссіонера Лакроа,

ВЕДЕННАГО ЕМУ ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ СТРАНСТВІЙ ПО БЕНГАЛЬСКИМЪ ЗЕМЛЯМЪ.

СТАТЬЯ МЕНЬШЕ.

Господинъ Лакроа, родомъ изъ Нёшателя, двадцать лѣтъ уже посвящаетъ себя на распространеніе Евангельскаго Ученія въ Бенгалъ, подъ покровительствомъ большаго «лондонскаго миссіонерскаго общества», котораго онъ можетъ назваться однимъ изъ самыхъ достойныхъ агентовъ. Каждый годъ, начиная съ 1843, запасшись суммами, которыя высылаетъ ему дамское общество, нарочно съ тѣмъ образовавшись въ Женевѣ, онъ отправляется для проповѣдыванія Евангелія на нѣсколько недѣль (*missionary itinérance*) въ то время, когда наекаетъ холодная погода, называемая въ Индіи *прекраснымъ* временемъ года.

Онъ избираетъ съ этой благочестивой цѣлью одинъ изъ краевъ Бенгала, гдѣ Христіанство никогда еще не было проповѣдовано, и потомъ пересылаетъ женевскому обществу писанья на англійскомъ языкѣ извлеченія изъ журнала, который ведетъ онъ во время своихъ странствій. Замѣтить еще должно, что каждый разъ сопровождаютъ его туземные законники.

Къ частному интересу, которымъ характеризуются донесенія почтеннаго миссіонера, присоединяется еще другой, происходящій отъ твердыхъ и обширныхъ его свѣдѣній въ религіи, обы-

чашъ, языкъ, литературъ Индѣйцевъ и наконецъ, во всемъ, что касается ихъ образованности и образа жизни. Не выпуская изъ вида великаго предмета, какъ цѣли всего своего существованія, онъ умѣетъ, путешествуя, присоединять къ ней мѣстные наблюденія и взятыя съ природы подробности, которыя, хотя стоить ужь на второмъ планѣ, привлекаютъ однакожъ къ журналу Лакроа даже и тѣхъ читателей, которые не принимаютъ прямаго участія въ его христіанскомъ дѣлѣ.

Въ заключеніи слѣдуетъ обратить только интересѣе подробности касательно послѣдняго миссіонерства Лакроа въ Бенгалѣ.

«Повинуясь, съ дѣломъ достоинствъ и моимъ возможности, Божественнымъ словамъ Спасителя: *Идите научите вся языки крѣстницею во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, я принялъ на себя обязаніе каждый годъ, съ возвращеніемъ владѣтельнаго времени, посѣщать ту часть Бенгала, гдѣ нѣтъ постоянныхъ миссіонеровъ, и жителей ея, вѣроятно, не скоро, а можетъ быть и никогда не услышали бы Слова Спасенія, еслибъ не пришла мнѣ эта мысль. Въ послѣднее время избралъ я полемъ трудовъ своихъ города и селенія Индѣйцевъ, расположенные по берегамъ Ганга, (на югъ отъ Калькутты) и его притоковъ. Со мной отправился одинъ изъ друзей моихъ — также миссіонеръ — и два помощника, природныя Индѣйцы. Мы наняли два судна: изъ нихъ одно наполнили съѣстными припасами — эта предосторожность принимается всѣми въ Индостанѣ — и усудили его въ дѣлѣ кладовой и кухни выстѣ. Вотъ примѣчательнѣйшія событія нашего путешествія.

29 декабря 1845. Выѣхавъ изъ Калькутты въ три часа по полудню, мы стали на якорь въ 10 часовъ вечера немного пониже того мѣста, гдѣ стоялъ некогда Фортъ Гросветъ. Теперь этого укрѣпленія и слѣда не осталось; на мѣстѣ его построена бумагопрядильная фабрика, дающая работу нѣсколькимъ семьямъ окрестныхъ жителей. Это заведеніе, устроенное малолетому нѣмольбер дѣтъ однимъ ловкимъ андѣйскимъ торговцемъ, есть первая въ этомъ родѣ изъ дѣланъ Индостана.

Только что работы ея началась, какъ множеству машинъ и механическихъ орудій, а также и количеству произведеній единственнаго отъ дѣйствія царя, великаго туреманаго вышелее, кончили объ употребленіи правосудствѣ Баронендера, вѣдь имя. Если бы мы онъ вѣрять слышимъ чужеземца, когда, въ дѣлѣ описать,

столько разныхъ производствъ исполнялось вдругъ, и хлопчатая бумага была очищаема, рѣзается, ткама и принимала разные рисунки подъ вліяніемъ такой силы, которая была явна и дѣйствительна для всего зavedенія, а между тѣмъ нигдѣ ея не было видно.

Благодаря такимъ чудесамъ, Индѣйцы рѣшительно въ восторгѣ отъ нашей индустриальной смысленности и безусловно считаютъ насъ своими учителями. О, еслибъ могли они думать наравнѣ съ нами и о предметахъ религіи! Но, вообще говоря, нельзя, чтобъ они понимали ихъ иначе, какъ теперь понимаютъ. Почему? Потому, что Христіанство рѣдко приводится въ исполненіе на дѣлѣ тѣми, которые проповѣдываютъ его на словахъ. Какое вліяніе должно имѣть на новообращаемыхъ устройство при форть-госсстерской мануфактурѣ дистиллировки рома? Эти зavedенія, распространившіяся нынче по Индостану и всѣ принадлежащія Европейцамъ, развиваютъ и распространяютъ страсть къ пьянству между такимъ народомъ, который прежде и понятия не имѣлъ объ ней.

Читавшіе описаніе жизни достойнаго Гевриха Мартина припомнятъ, можетъ быть, покинутую альпійскую пагоду близъ Серампура, гдѣ онъ останавливался на нѣкоторое время. Какое же неприятное чувство поселится въ ихъ душу, когда они узнаютъ, что зданіе, которое оглашалось нѣкогда Мартиномъ, Бруновымъ, Кари, Маршманомъ, молитвами къ истинному Богу о содѣйствіи его къ обращенію язычниковъ, — теперь водочный заводъ, откуда черезъ край льется этотъ текущій огонь, который рано или поздно разольетъ болѣзнь и испорченность нравовъ между тѣмъ народомъ, который благонамѣренные люди, съ трудами и опасностями, старались сдѣлать счастливымъ и въ зѣлнней жизни и въ будущей!

Когда брошенъ былъ якорь, около 10 часовъ вечера, мы призвали нашихъ спутниковъ Индѣйцевъ къ богослуженію и начали читать вмѣстѣ съ нами книгу Дѣяній Святыхъ Апостоловъ, избранную нами какъ необходимую при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились: мы рѣшились докончить ее всю въ продолженіе нашего странствія.

Страшная буря напугала насъ за наши судовыя снасти. Съ Божіею милостію, намъ не было никакого вреда, но одинъ изъ нашихъ лодчиковъ былъ такъ испуганъ громомъ и молніей, что какъ-то ускользнулъ на берегъ и скрылся.

30 декабря 1845. Отправившись чуть-свѣтъ, въ 11 часовъ утра достигли мы устья Дамуды. Эта рѣка полна жителями по обонимъ берегамъ своимъ. Мы поднялись по ней съ намѣреніемъ продолжать этотъ путь такъ далеко, какъ только позволитъ время года. Дамуда вытекаетъ изъ холмовъ раджамагальскихъ и прошедши бирбумскій, бурдванскій и гуглійскій округи, впадаетъ въ Гангъ, около 30 миль ниже Калькутты. Эта рѣка часто разливается: тогда наводняетъ она всю тамошнюю сторону и въ неистовствѣ своемъ увлекаетъ по теченію цѣлые дома, оражеры, садовыя деревья, — даже людей. Мы имѣли передъ глазами печальное доказательство подобнаго несчастія, случившагося въ недавнее время. Тысячи людей, которые жили въ довольствѣ, лишились всего, что имѣли; не приставали мы ни къ какому городу или селенію, гдѣ не выходили бы къ намъ на встрѣчу въ рубищахъ мужчины, женщины, дѣти и не просили о насущномъ хлѣбѣ.

Первое довольно важное мѣсто, гдѣ мы остановились, было *Мониш-Рака* — городъ, лежащій на большой дорогѣ между Калькуттой и Джаггернаутомъ, въ округѣ озисскомъ, и имѣющій въ этомъ мѣстѣ паромъ. Едва только вышли мы на берегъ, тотчасъ окружены были множествомъ Индѣйцевъ и Магометанъ и стали имъ проповѣдывать Слово Божіе. Когда мы говоримъ «проповѣдывать», то понимать должно, что это были не заготовленные проповѣди на какой-нибудь частный предметъ: нѣтъ, рѣчи наши были, сколько возможно, простыя, братскія бесѣды.

Мы начали тѣмъ, что вошли въ обстоятельства своихъ слушателей, разспрашивая объ ихъ коммерціи, объ надеждахъ ихъ касательно сбора хлѣба и о другихъ предметахъ, которые могли интересовать ихъ. Отсюда старались мы перейти къ вещамъ болѣе важнымъ и возвысить нашихъ слушателей отъ мірскаго къ духовному, и мало-по-малу заготовить себѣ средство предложить имъ путь ко спасенію. Индѣйцы слушали насъ съ полнымъ вниманіемъ, казалось даже окованы были нашими словами.

Опытъ доказалъ, что этой методой лучше всего заставить язычниковъ слушать Евангельское Слово, между тѣмъ какъ елибъ мы начали нападки на суевѣрія туземцевъ или возмущеніемъ, безъ всякаго перехода, о тайнствахъ искупленія; то неспрѣнно возбуждали бы въ нихъ ропотъ и недовѣрчивость;

если и не это, то по крайней мѣрѣ, начавъ увѣщанія наши сразу мы повергли бы ихъ въ совершенное ослѣбѣніе.

На дѣлѣ оказывается, что для того, чтобъ произвести впечатленіе на этихъ бѣдныхъ идолопоклонниковъ, погруженныхъ во мракъ невѣжества, къ истинной Вѣрѣ должно приводить ихъ съ кротостью, мало-по-малу, и какъ-возможно проще, — а это не можетъ быть исполняемо безъ полного знанія не только языка ихъ, но даже ихъ привычекъ и понятій. Должно также, для успѣха въ подобнаго рода развѣздахъ, употреблять старыхъ и опытныхъ во всѣхъ отношеніяхъ миссіонеровъ.

Въ то время, какъ мы разговаривали съ народомъ, собравшимся около насъ на берегу, вдругъ были прерваны какимъ-то магометанскимъ сборщикомъ податей, который сталъ упрекать насъ; зачѣмъ мы говорили о религиозныхъ предметахъ съ невѣждественнымъ и нечестнымъ народомъ, который, по его мнѣнію, не слѣдуетъ даже названія скотины.

Мы отвѣчали ему, что невѣжество и испорченность этого народа должны быть главною побудительною для насъ причиною наставить его добру; что Иисусъ Христосъ сошелъ на землю для спасенія не праведниковъ, а грѣшниковъ; что во все свое пребываніе на землѣ, онъ принималъ участіе какъ въ мытаряхъ, такъ и въ людяхъ, составлявшихъ самую низкую и самую презрѣнную часть народа, и что, наконецъ, для насъ, какъ для служителей Иисуса Христа, не только обязанностью, но даже честью служить подражаніе нашему Божественному Учителю.

Толпа народа, услышавъ въ какомъ тонѣ мы говорили о Немъ, легко поняла, что мы не считали Индѣйцевъ, подобна Магометанамъ, за какой-то рабочей скотъ, но предполагаемъ въ нихъ умъ и разныя нравственныя качества. Съ этого времени они слушала съ удовольствіемъ и удвоеннымъ вниманіемъ самое простое, какое только могли мы сдѣлать, изложеніе Евангельскаго Ученія; отъѣзды нѣкоторые изъ слушателей на сдѣланные нами вопросы доказали, что мы были поняты какъ нельзя лучше. Потомъ роздали мы нѣсколько духовныхъ разсужденій тѣмъ людямъ, которымъ умѣли читать и, обещавши имъ видѣть арагуани, все селеніе, проводили ночь на своемъ суднѣ.

31 декабря 1848. Самымъ раннимъ утромъ послали мы двухъ вѣщихъ о Христѣ братьевъ Индѣйцевъ на берегъ, такъ скоро они окружены были туземцами и вступили съ ними въ жаркій споръ

го Бога и я чувствую, что заместоидеи возгласи: Божества и сущности Его, я стою вораде вѣрше всякаго Индѣйца.»

Тутъ спросили ихъ что сказали: «Очень хорошо вѣщаютъ только одного Бога, потому что сказано въ Писаніи: Господь Богъ нашъ: *стѣ едина Господь*; потомъ задали ему слѣдующій вопросъ: «Обоимъ ли ты числѣмъ заговѣди Богу, котораго исповѣдуешь? Онъ принужденъ быть признаться, что далеко не такъ поступаетъ, какъ бы слѣдовало.

— «Твоя же образъ, ты большой грѣшникъ, потому что, зная, что одинъ только есть Богъ, ты и одному Богу угождать не можешь.»

Замѣтивъ, что мусульманскіе наши привели въ смущеніе, мы начали говорить скромно, что Коранъ хоть и ушая книга, но замѣтила, что она не предлагаетъ грѣшникамъ ни Спасителя, ни вѣрнаго средства къ спасенію, и потому, по весьма натуральному переходу, мы доказали, что Иисусъ Христосъ есть воплощенный Богъ и распятый для спасенія грѣшниковъ. Эти истины были камнемъ преткновенія для магометанина: онъ показался ему такъ же вѣрными, какъ вдревне Иудеямъ и какъ кажутся до-сего-времени всѣмъ раздѣляющимъ душою Евангельскія чистыя правды.

Божественность нашего Спасителя и Его очистительная жертва суть наиболее опровергаемые мусульманами догматы. Это намъ хорошо извѣстно и заставляетъ сожалѣть о невѣжественности.

Но нашъ долгъ и наше повиновеніе откровенной истинѣ не позволяютъ намъ скрывать этихъ догматовъ; потому что безъ нихъ что бы такое было христіанство? Индѣйцы охотнѣе понимаютъ ихъ, и при настоящемъ состязаніи молодой браминъ, находившійся въ числѣ слушателей, съ большимъ вниманіемъ слушалъ рассказы наши изъ исторіи Иисуса Христа и о непомѣрной любви, оказанной имъ роду человѣческому.

Но уходъ нашъ, онъ далеко сопровождалъ насъ и просилъ дать ему такихъ книгъ, которыя могли бы сообщать ему подробнѣйшее изъясненіе, какими образомъ можно достигнуть пути спасенія. Мы поощрили достигать его стараться съ жаромъ и усердіемъ; молить Бога, чтобы Онъ просвѣтилъ его разумъ; потомъ дали имъ ему Евангеліе и нѣсколько небольшихъ разсужденій о главныхъ вѣрѣхъ, объясняющихъ христіанства въ будущей книгѣ Дни Божіе, чтобы эти книги, брошенные при дорогѣ, проносились колѣсами судьбы и вѣды въ славу Твою!

Возвратясь къ берегу, мы начали бесѣду съ другимъ сборищемъ Индѣйцевъ; потомъ отправились въ путь изъ Могенъ-Рава и рѣшились, поднимаясь по рѣкѣ Дамудъ сколько только возможно выше. Оба берега удоставляютъ въ отличной водѣлкѣ поля, которыхъ главнѣйшія произведенія суть рисъ и шелковичныя деревья. На каждомъ почти шагу видны дѣло каменнаго угля. Этотъ матеріалъ, употребляемый въ Калькуттѣ на паровыхъ судахъ, кузницахъ и проч., получается изъ бирбургскаго и бурдванскаго округовъ, откуда вывозятъ его водою въ дождливое время года, когда вода въ рѣкахъ накопляется столько, что онѣ могутъ выдерживать большіе грузы. Тогда весьма легко спускаютъ ихъ на малыхъ лодкахъ въ Калькутту.

Хотя ниже достоинствомъ противъ англійскаго каменнаго угля индостанскій, тѣмъ не менѣе удовлетворяетъ онъ всѣмъ обыкновеннымъ потребностямъ жизни.

Замѣчательное и являющее даже руку Провидѣнія обстоятельство при этомъ есть то, что гиндустанскія копи каменнаго угля открыты весьма незадолго до введенія здѣсь паровыхъ машинъ.

Амита, куда мы прибыли въ 4 часа по полудни, есть чисто индѣйскій городъ почти съ 2000 домовъ, построенныхъ безъ плана и безъ всякаго притязанія на какую-либо наружную правильность; улицы города узки, грязны, извилисты—впрочемъ эти недостатки встрѣчаются почти во всѣхъ городахъ, построенныхъ туземными жителями.

Вступивъ въ Амиту, мы встрѣтили молодого весьма обязательнаго Индѣйца, который черезъ лабиринтъ улицъ и переулковъ привелъ насъ на большой базаръ, на главную площадь города, гдѣ возвышается столь долго славившійся храмъ богини Дургъ, называемой иначе *Мелан-Такурани*.

Проповѣдывать было уже поздно, потому что народъ уже расходился, однакожь мы завели разговоръ съ нѣкоторыми браминами, которыхъ встрѣтили близъ храма и общали самими себѣ собирать народъ съ завтрашняго дня и возвѣщать Слово Спасенія такъ, какъ оно сообщено намъ въ Священномъ Писаніи.

Прежде выхода изъ храма мы разсмотрѣли плодъ. Это—кусочекъ чернаго дерева, изъ котораго грубо издѣано подобіе чело-вѣческой головы со ступнею, окрашенное съ одной стороны сверху донизу красною краскою: вообще вѣнчикъ, плодъ этотъ безобразенъ и въ высшей степени страненъ, но, кажется, нѣтъ

дъ мѣръ, не можетъ показаться чудовищнымъ безпорядочному воображенію Индійцевъ.

Эта безмысленная форма идола происходитъ отъ того, что, по народному преданію, лѣвая нога богини Дурги упала съ небесъ на это мѣсто, когда это божество разрушено было Вишну на куски. Всѣ тѣ мѣста, куда каждый изъ людей узналъ при этомъ достопамятномъ событіи, считаются особаго священныи и называются *лима-стванами*. Это слово составлено изъ двухъ санскритскихъ словъ *лима*, «пробываніе» и *ствана*, «мѣсто», — чѣмъ обозначаетъ преимущественное мѣсто пребыванія божества.

Такъ какъ происхожденіе *лима-ствановъ* весьма любопытно и проливаетъ значительный свѣтъ на безмысленность системы индійскаго богословія, то я представляю объ этомъ предметѣ небольшое извѣщеніе, переведенное изъ одной *шастры*.

«Доккайо, сынъ бога Брамы, будучи оскорбленъ богомъ Сивою, рѣшился отмстить за себя и лѣтъ по этому случаю большое празднество, на которое пригласилъ всѣхъ боговъ, за исключеніемъ Сивы и жены его Дурги. Однакожъ прослѣдняя явилась на пиръ безъ приглашенія.

«При видѣ ея Доккайо посмотрѣлъ на нее съ презрѣніемъ, а Дурга, съ своей стороны, весьма удивилась, что всѣ боги были созданы, супруга же ея не было.

«Такое неуваженіе до того тронуло вѣчную супругу, что она тутъ же и умерла отъ стыда и печали.

«Получивъ извѣстіе о смерти сраруги, Сива пришелъ въ чрезвычайный гнѣвъ и немедленно бросилъ во дворецъ Доккайо. Онъ разорвалъ ему голову ногтями и потомъ обратилъ гнѣвъ свой на гостей ево: билъ одного, вилъ другою, вымывалъ бороду у третьяго, вышибалъ зубы четвертому и разогналъ всѣхъ до одного.

«Послѣ этого Сива увидѣлъ безжизненное тѣло Дурги, что возобновило его горе и ярость. Онъ вознелъ въ трубу тринадцать локтей и, поднявъ его на воздухъ, сталъ пилеять въ величайшемъ изнеможеніи.

«При видѣ (небо, земля и адъ) потрясены были отъ этой пляски до самаго основанія, чѣмъ чре дивносіюмъ своимъ уотришныи: сакхъ Боговъ.

«Тогда Вашиу, желая, кто неостановив ступитъ уполнотен, если предметъ его горя будетъ удаленъ отъ глазъ его, ахачъ въ руду мечь и въ то время какъ была артанъ кругомъ себя тѣло Дурга, она устѣла, притавилъ въ темномъ мѣстѣ, отрубать по одному алену умершей, но будучи захвачена Силою.

«Члены Дурга, отъ быстрыхъ оборотовъ супруга ея, разбрасывались въ большомъ разстояніи одинъ отъ другаго на землю; наконецъ Сила поглядѣла на своей трубуецъ и, не увидѣвъ на немъ ничего, шаше по-малу успокоился и не подвергнувъ ни одного изъ ниревъ опасности.»

Я могу прибавить, на основаніи той же шастры, что тѣло Дурга, размѣтнное тинивъ обрамемъ отъ меча Вашиу, оказалось въ числѣ пятидесяти одного члена, не считая, разумеется, запястьевъ, саргевъ и другихъ украшеній, которыя она носила и которыя, узнавъ въ известное мѣсто, обратила его также въ священное для Индійцевъ.

На сѣмъ мѣстѣхъ воздвигнути самыя знаменитыя храмы; стѣны ихъ народа бываютъ сюда бесчисленно.

Когда похвнузи мы храмъ *Мелли-Такурами*, жрецы потребовали отъ насъ жертвъ въ пользу этого знаменитаго идола. Разумеется, мы отказали, прибавивъ, что поклонимся одному великому Богу, сотворившему небо и землю, и что не можемъ приносить никакихъ жертвъ куску дерева, который, правда, хотя и слѣбеть глаза, но не можетъ ничего видѣть, уши, но не можетъ ничего слышать, ротъ, но не можетъ произносить ни слова.

Нашъ перила, и огировенность наша, какъ казавось, никого не обидѣла; повторенія просьбы уже не было болѣе, но брашсь, прививтъ тень, стали проидтъ у насъ чего-нибудь для нашихъ свинкъ. Мы съ кротостью отвѣчали имъ, что и этого мы не можемъ; мы знали хитрость индійскихъ жрецовъ и были увѣрены, что подарки наша сочтутъ знакомъ почтенія къ ихъ идолу.

Европейскіе путешественники не признающъ въ этомъ случаѣ сроднаго предосторожностию: любопытство и страсть къ наукѣ устремляютъ ихъ къ древнимъ храмамъ, и мисіонары Шроудеръ, не зная самаго того, своими подарками утверждютъ Индійцевъ въ ихъ идолопоклонствѣ.

Когда христіанинъ-путешественникъ входитъ въ храмъ, онъ

насъ, да окружаютъ его жадныя браминны, и по чему бы то ни было, — не шедости ли, по усталости, или просто для того, чтобы отбавиться отъ докучливыхъ просьбъ. Египетецъ даетъ браминамъ двѣ или три рупія: этотъ подарокъ тотчасъ же возлагается предъ идоломъ, и браминны быстро распространяютъ духъ, кто иностранецъ-христіанинъ, принесъ жертву богу или богинѣ храма.

Отсюда происходитъ, что идолопоклонники часто отвѣчаютъ намъ, когда мы начинаемъ увѣрять ихъ въ заблужденіи: «если ужъ это такой большой грѣхъ, то зачѣмъ же христіанскіе путешественники приносятъ жертвы богамъ ихъ?»

Когда совершенно смеркло, мы возвратились на наше судно, рѣшившись начать дѣйствія въ Амтѣ съ завтрашняго дня.

1 января 1846. Первый день новаго года! Да будетъ онъ благословенъ касательно успѣха въ нашемъ дѣлѣ! Сколько времени пройдемъ мы еще паденія царства сатаны и утвержденія царства Царя блага и правосудія? Ускори, Господи, это благословенное время! сдѣлай, въ продолженіе начинающагося года, служителей Твоихъ еще болѣе вѣрными Тебѣ и, если будетъ на то воля Твоя, помой ихъ къ исправленію ихъ обязанностей болѣе слезъ, нежели сколько они прежде видѣли!

Послѣ завтрака отправились мы къ Амтѣ. Былъ прекрасный день, и потому стеченіе народа довольно увеличилось: даже представлялся благоприятный случай къ проповѣданію и изреченію духовныхъ брошюръ.

На рыночной площади, малѣйшіе сбродники поматей всецѣло присоединили насъ войти въ ихъ обширный домъ, построенный изъ бамбука и открытый со всѣхъ четырехъ сторонъ. За нами послѣдовало множество хорошо одѣтыхъ и выгодной наружности туземцевъ, которые разѣстались около насъ на тротуарныхъ цыновкахъ, внутри и внѣ дома; огромная толпа народа изъ высшего класса присоединилась къ намъ и съ жадностью выслушала желаніе послушать, о чемъ мы будемъ говорить.

Индійскіе мытари подроседи насъ изложить ясно и просто, что такое христіанство. Обладаявшись ихъ требованіемъ, мы сейчасъ принялись за свой предметъ и старались, даже только тогда, когда окружили насъ толпы, дать догадливо, безосновательно вразумленія: намай, святой, религия, есть основанъ на уженіи, а христіанство же на всеобязанности, и о тѣхъ же

ждать, которая поможет она человеку послѣ его смерти; мы цинично преимущественно на спасеніе души вашей чрезъ посредство вѣры во Іисуса Христа и на слѣдъ Евангелія удовлетворять всѣмъ нуждамъ человека, настоящимъ и будущимъ, и издѣлать всѣ его духовныя немощи.

Когда кончали наше изложеніе главныхъ основъ христіанской вѣры, мы спросили присутствующихъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ-нибудь опроверженій противъ нашего ученія?

Они отвѣчали, что возраженій никакихъ сдѣлать не могутъ противъ того, что было нами сказано: легко понять, какъ это откровенное признаніе ободрило насъ серьезно побуждать ихъ къ принятію исполнѣ одобренной ихъ понятіями религіи.

Но, къ сожалѣнію, мы вскорѣ увидѣли — какъ и часто это бывало — что разумъ можетъ быть твердо убѣжденъ въ истинѣ, но сердце ему противится — и дѣло не имѣетъ успѣха.

Слушатели наши присудили, что, сдѣлавшись христіанами, они потеряютъ разныя преимущества своихъ кастъ и другія мірскаго выгоды и заключили свой приговоръ словами, что *въ настоящее время* они не могутъ рѣшиться на такой сильный переходъ въ своей жизни, но что на *будущее время, возможно быть*, примутъ христіанство; если этотъ поступокъ ихъ не потребуетъ важныхъ лишеній.

Да поможетъ Духъ Святый сердцамъ людей сихъ, бродящихъ во мракѣ, одуматься и убѣдиться въ *грѣхъ, правосудь Господа и награжденіи и наказаніи Его въ будущей жизни*: да воскликнуть они, наконецъ: «Что же нужно для нашего спасенія!»

Въ то самое время, какъ мы хотѣли выйти изъ мѣтного дома, одинъ браминъ, сохранявшій до тѣхъ поръ постоянное молчаніе, быстро вскочилъ на ноги и объявилъ, что онъ представитъ такія свои мысли, которыя испровергнуть все наше ученіе.

Опроверженіе состояло въ тѣхъ мысляхъ, которыя постоянно на языкѣ у каждаго Индѣйца (всѣ они, какъ извѣстно, *пантеисты*). Они говорятъ, будто самъ Богъ есть источникъ зла и грѣха и что, следовательно, люди не могутъ отвѣтствовать за свои дурныя поступки.

Я немедленно вступилъ въ серьезное объясненіе съ этимъ браминномъ, надѣясь, что полезно будетъ доказать многочисленнымъ слушателямъ своимъ всю ложность и въ безразумную ученія.

Для того, чтобъ дать Европейцамъ понятіе, какимиъ образомъ доказываютъ что-нибудь истиннымъ полу-дикарями, я передалъ весь нашъ разговоръ съ браминномъ въ самыхъ тѣхъ выраженіяхъ, которыя мы другъ съ другомъ употребляли.

Миссіонера. Скажи мнѣ, браминъ: Вѣришь ли, что есть Богъ, Господь, не только неразумныхъ, но также и одаренныхъ разумомъ тварей, и что послѣднимъ Онъ налагаетъ законы, и обязываетъ ихъ исполнять?

Браминъ. Безъ сомнѣнія Богъ есть всеобщій всѣмъ Господь, и не только предписалъ законы своимъ тварямъ, но и уготовалъ мѣсто блаженства для тѣхъ, которыя ихъ исполняютъ, и строжайшія наказанія въ сей жизни и въ будущей для тѣхъ, которые эти законы нарушаютъ.

Миссіонеръ. Очень хорошо, мнѣ очень пріятно слышать что ты признаешь, потому, что это чистая истина; но горестно узнать понятія твои о томъ, будто Богъ есть источникъ грѣха: это неправда, и съ сейчасъ я докажу тебѣ. Постарайся отвѣчать на слѣдующій вопросъ: премудръ ли Богъ или нѣтъ?

Браминъ. Богъ невообразимо премудръ; кто же когда-нибудь въ этомъ сомнѣвался?

Миссіонеръ. Здѣсь, въ этомъ самомъ мѣстѣ, знаю я человѣка, который не только сомнѣвается въ премудрости Бога, но еще утверждаетъ, что онъ даже вовсе не существуетъ; сейчасъ же скажу тебѣ, что это за человѣкъ. А теперь я спрошу, что подумалъ бы ты объ отцѣ, который съ большими издержками и трудами построилъ обширное помѣщеніе для себя и своего семейства и въ то самое время, какъ нужно было туда переселиться, самъ пожелалъ бы своей дѣлѣ?

Браминъ. Если былъ когда-нибудь такой человѣкъ, то можно назвать его пошлымъ глупцомъ. И во всякомъ случаѣ, слишкомъ оглупить нужно, чтобъ рѣшиться на подобный поступокъ.

Миссіонеръ. Очень хорошо; но, подумай, если ты не приписываешь подобнаго неразумія Богу, когда говоришь, что Онъ далъ людямъ законы для соблюденія ихъ и что Онъ приготовилъ даже Небо для праведниковъ, такъ можетъ ли Самъ же Онъ побуждать людей къ нарушенію своихъ законовъ, и слѣдовательно подвергать ихъ адскому огню?

Браминъ. Это правда въ извѣстной степени.

Миссіонеръ. Я еще не кончилъ и желаю вычерпать этотъ предметъ до самаго дна въ присутствіи всего этого собранія. Вѣ-

раши ли ты, скажи мнѣ, пожалуй, что Богъ святъ и справедливъ; то есть, что онъ любитъ все доброе и справедливое и отвергаетъ злобство, воровство, лгуновство, прелюбодѣяніе, неправосудіе, неблагодарность и другіе грѣхи?

Браминъ. Всю совѣтливъ я твоя (здѣсь привелъ онъ одну сцену трагедіи твоего въ шестрѣхъ, которую доказывала, что Богъ по доброй чести и святъ).

Миссіонеръ. И такъ, если Богъ чистъ, если любитъ все святое и справедливое и ненавидитъ грѣхъ, почему же онъ научаетъ людей. Самъ дѣлать то, что онъ ненавидитъ? Рѣшился ли бы ты, Браминъ, заставить цѣлѣнѣра, какого-нибудь вора отработать домъ твой и умертвить жену и дѣтей твоихъ?

Браминъ. Никогда; въ жизни моей не цѣлѣнѣра и наученныя буду ничего дѣлать тебѣ, что мнѣ неизвестно.

Миссіонеръ. Слѣдовательно, такъ какъ ты не можешь научить никого къ такому поступку, который те одобряешь, почему же Богъ понуждаетъ людей къ совершенію грѣха, противнаго его высочайшимъ качествамъ и опротивительнаго въ правосудіи и правдѣ Его.

Браминъ. Ты кончилъ?

Миссіонеръ. Нѣтъ; онъ всевозможна подобно еще много. Скажи мнѣ: правосуденъ ли Богъ, то есть, награждаетъ ли онъ людей по ихъ заслугамъ и пренебрегаетъ?

Браминъ. Богъ правосуденъ. Вся молодежь (шудры) въ этомъ соглашались.

Миссіонеръ. А если такъ, то признавая Бога всевозможна грѣха, ты отрицаешь Ему правосудіе въ высочайшей степени потому что ты говоришь, что Богъ наказываетъ грѣшника, а между тѣмъ этого грѣшника, не вѣнчая правды, не заслуживаетъ кары, потому что самъ же Богъ возбуждаетъ его къ грѣху. Что ты скажешь обо мнѣ, если я прикажу слугу своему идти къ мнѣ на судно и принести сюда зонтъ, а потомъ когда онъ принесетъ, я стану бить его безжалостно, приговаривая: бездѣльникъ, зачѣмъ ты принесъ мнѣ этотъ зонтъ?

Браминъ. Я скажу, что ты человекъ самый несправедливый, потому что наказалъ этого гребца за исполненіе того самаго, что велѣлъ исполнить.

Миссіонеръ. Приложи же теперь это разсужденіе къ Богу, называющему грѣшниковъ за то, что они грѣшатъ по его внушенію. Ты самъ говоришь, что въ высшей степени правосудно

было бы со стороны Бога наказывать их преступки, на которые Он, Самимъ собой подвинулъ? Еще вопросъ; потрудися отыщати! Милосердіе ли Богъ, или жестокъ Онъ?

Браминъ. Богъ, милосердіе и любовь, потому что шлетъ людей и животныхъ и подвигиваетъ насъ вселиную своимъ промысломъ.

Миссіонеръ. Если ты ставиши Бога виновникомъ грѣха, то дѣлаешь, крѣ. цага. самое безжалостное изъ всѣхъ существъ, потому что грѣхъ есть причина всѣхъ страданій, пережитыхъ людьми въ этой жизни и въ будущей. Если, такимъ образомъ, Богъ побуждаетъ людей ко грѣху, то не одобряетъ ли Самъ страшнаго грѣха и не дѣйствуетъ ли противъ насъ, какъ самый злѣйшій врагъ? Чтѣ подумаешь ты о человѣкѣ, который стѣнѣ будешь, власть алъ въ твою руку и черезъ то умерить тебя въ самыхъ страшныхъ мученіяхъ? Спросишь ли ты, что это за человекъ, чувствуетъ какъ тебя любовь и состраданіе?

Браминъ. Это что за вопросъ! Такой человекъ былъ бы нападѣнъ дракономъ, мавіи, и я надѣюсь, что въ жизни не встрѣху доловнаго.

Миссіонеръ. Умно; но заѣсъ грѣхъ: есть все равно, что алъ; грѣхъ, или ты сама признаешь, есть причина горестей и страданій, нашей жизни, какъ мірской, такъ и загробной; а потому, признаваясь, что Боги всему этому главный виновникъ, ты считаешь Его жестоководнымъ и невозможнымъ врагомъ своимъ.

Можетъ быть такъ дѣлае, любовный Браминъ, и представишь еще другой доказательство, ведущія къ той же цѣли, но я убѣжденъ, что доказательства довольно для утвержденія всѣхъ насъ въ вѣрованіи, что Боги никогда не бытъ, не есть и не будетъ виновникомъ грѣха. Если ты стоишь на противномъ, такъ долженъ признать, что Богъ, которому поклоняешься, ни мудръ, ни святъ, ни благъ; правду ли я говорю?

Браминъ. Тутъ много правды, сознаюсь я, но все же я не убѣжденъ. Вотъ въ чемъ дѣло: когда я грѣшу, я грѣшу или душою, или словомъ, или какимъ-либо членомъ моего тѣла, а такъ какъ Богъ даровалъ мнѣ всѣ эти орудія ко грѣху, то и слѣдуетъ, по моему мнѣнію, что, не взирая на всѣ твои доводы, Богъ есть виновникъ грѣха.

Миссіонеръ. Я соглашаюсь, что Богъ даровалъ тебѣ душу, способность говорить и члены твоего тѣла; но ты долженъ рассу-

дети, а почему. Онь тебѣ далъ ишь? Ясно, что не для того, чтобъ все это обращено было на прогнѣшени; но на слушаніе и прославленіе Его имени; а когда знаешь, съ какою цѣлью дана тебѣ власть, то, конечно, не Тотъ уже знаетъ, Кто далъ тебѣ её, а ты самъ ты знаешь Его предначертаніи, Его волю; и не исполнялъ: кто правъ, кто виновенъ? Предположи, браминъ, что выхода сегодня утромъ изъ дома, ты далъ своему рабу рупію съ тѣмъ, чтобъ купилъ онъ тебѣ състныхъ припасовъ на базарѣ, а возвратясь, узнаешь, что рабъ и не подумалъ исполнить твое приказаніе, а издержалъ рупію на вино или на игру: поставилъ ли бы ты это въ вину ему?

Браминъ. Разумѣется, но отвѣтъ еще не удовольствовался бы: я бы такъ наказалъ его, что онъ долго бы помнилъ меня.

Миссіонеръ. Но если бъ рабъ сказалъ тебѣ: «Хозяинъ, вѣдь меня не за что наказывать; вѣдь самъ ты далъ мнѣ рупію, которую издержалъ я по-пустынявъ,» согласился ли бы ты, что рабъ твой совершенно правъ?

Браминъ. Что онъ правъ! Какъ же это можно; я сказалъ бы ему: «гадкій рабъ, на пьянство ли далъ я тебѣ рупію? Развѣ не приказываю я тебѣ купить того и этого на обѣдъ мой?» Какъ бы то ни было, почтенный господинъ, я понимаю, что хочешь ты мнѣ сказать; ты приводишь такой примѣръ, что и Богъ, давши мнѣ умъ, слово, члены тѣла, велѣлъ употреблять дары Его къ добру, а не ко злу, и что если поступлю иначе, то буду я виновенъ предъ Творцомъ, а не Онь передо мною. Хорошо; доказательства твои идутъ вѣрно и послѣдовательно; однакожъ умъ мой не совершенно удовлетворенъ ими, и, хотя страшно утомить тебя, я осмѣлюсь сдѣлать тебѣ послѣдній вопросъ. Почему Богъ не препятствуетъ людямъ грѣшить? Ему это было бы такъ легко, потому что Онь всемогущъ?

Миссіонеръ. Хорошо, скажи мнѣ, чѣмъ бы ты хотѣлъ быть—лучше камнемъ, деревомъ, лошадыю, или человѣкомъ?

Браминъ. Конечно, лучше всего человѣкомъ, потому что въ шастрахъ нашихъ сказано, что устройство человѣческой природы выше всего, до чего только можетъ достигнуть какое-либо земное существо.

Миссіонеръ. Шастры не обманываютъ тебя; я очень радъ увѣренности твоей въ томъ, что человѣкъ выше другихъ существъ. Но что же дѣлаетъ человѣка высшимъ существомъ противъ простыхъ живогныхъ или неодушевленныхъ предметовъ? Это,

какъ ты уже и самъ навѣрно знаешь, происходитъ отъ того, что онъ имѣетъ разумную душу и *свободную волю*, которыхъ существа низшаго разряда не имѣютъ. Поэтому, еслибъ Богу благоудобно было препятствовать человѣку грѣшить, то онъ поставилъ бы его наряду съ камнями, деревьями, лошадьми, которые не имѣютъ собственной воли и дѣйствуютъ единственно по вѣншимъ вліяніямъ, а ты самъ сейчасъ сказалъ, браминъ, что лучше хочешь быть человѣкомъ, нежели живое животное.

Браминъ. Правда, почтенный господинъ, правда; однакожъ позволю проститься съ тобою; пора идти обѣдать.

При разставаньи я предложилъ ему заняться серебрянымъ размышленіемъ о фатализмѣ по той системѣ, которую сейчасъ онъ выслушалъ; снова представилъ я ему, что не только безразумно, но даже богохульственно признавать Бога виновникомъ зла и слагать на Него отвѣтственность въ людскихъ порокахъ.

Я надѣюсь, что этотъ споръ произвелъ благое вліяніе, если не на самого брамина, то по крайней мѣрѣ на присутствовавшихъ, изъ которыхъ многіе, выслушавъ споръ, прямо объявили, что не будутъ впередъ утверждать, будто Богъ есть виновникъ грѣха, но сознаютъ ясно, что грѣхъ есть произведеніе ихъ собственной свободной воли и потому влечетъ за собою справедливое наказаніе.

Нѣтъ, можетъ быть, въ цѣломъ гиндуизмѣ ученія, которое болѣе препятствовало бы успѣхамъ Евангелія, какъ пантеистическое, которое я старался опровергнуть при этомъ случаѣ; оно разрушаетъ всякую отвѣтственность человѣка передъ Богомъ и этимъ самымъ закрываетъ сердце человѣка къ нуждѣ въ Божьемъ прощеніи, которая ясно обнаруживаетъ сознаніе человѣка въ грѣхахъ его.

Вѣра въ Искупителѣ не совмѣстна съ этимъ пагубнымъ ученіемъ.

Прежде нежели оставили мѣсто, гдѣ имѣли вышеназложенный разговоръ, мы роздали множество книгъ Новаго Завѣта и брошюрь духовнаго содержанія, и послѣ того уже отправились въ храмъ Мелан-Такурани съ намѣреніемъ бесѣдовать о религіозныхъ предметахъ съ браминами, служившими этой обитнѣ. Мы встрѣтили въ храмѣ самаго старшаго жреца, который къ чрезвычайному нашему удивленію, хотя только-что еще наступилъ

предана, быть совершенно немъ и едва могъ держаться на ногахъ.

Частью же произвелъ онъ разные умораны Христіанству, о которыхъ слышалъ во время пребыванія своего въ Калькутты; бормоталъ что-то о кастахъ; выказывая поклонающихся шломихъ, призывалъ къ внутреннему созерцанію божества, и прочее. Онъ не давалъ намъ выговорить почти ни одного слова и съ большимъ трудомъ только успѣли мы два или три раза приостановить его на нѣсколько минутъ для внушенія, до какой степени его поведеніе мараетъ и стыдитъ его религію.

Что можно думать объ ироніеповаданіи, которое позволяетъ, несмотря на полное опьянѣніе жреца, безнаказанно и безстыдно совершать ему службу въ святилищѣ богини и съ тѣмъ вмѣстѣ еще требовать ему отъ бѣдныхъ, непресвѣщенныхъ людей, входящихъ въ храмъ съ приношеніями, имъ особаго уваженія?

Этотъ упрекъ привелъ жреца въ ярость; онъ сталъ грозить намъ страшнымъ мщеніемъ и называлъ насъ лже-священниками.

Но легко намъ было замѣтить, что свидѣтели этой странной сцены поражены были нашими словами, обращенными къ этому несчастному, и многіе изъ предстоявшихъ явно приняли нашу сторону, разумѣется въ такой степени, въ какой дозволяло имъ уваженіе къ высшему своему духовному лицу.

Въ дорожныхъ сумкахъ нашли мы увѣщаніе о пьянствѣ, которое и передали ему чрезъ одного молодого Индѣйца: изъ нашихъ рукъ, въ своемъ бѣшеномъ состояніи, онъ никогда бы ничего не принималъ.

Въ Амитѣ есть англійская школа для молодыхъ Индѣйцевъ. Мы пожелали еѣ увидѣть и со вниманіемъ осмотрѣли высшіе классы, которыхъ ученикамъ лестно было по-видимому вниманіе европейскихъ путешественниковъ. Въ школѣ нѣтъ ни одной христіанской книги; но тѣмъ не менѣе лекціи приводимы были постоянно въ духѣ христіанства и объясняемы были такіе предметы, которые, какъ я увѣренъ, легко забыты быть не могутъ. Мы присоединили къ нимъ свои разсужденія и потомъ роздали нѣсколько экземпляровъ Евангелія на бенгалскомъ языкѣ, въ видѣ награды тѣмъ ученикамъ, которые показались намъ достойнѣйшими.

Жители города, столпившіеся во множествѣ у входа въ школу и слышавшіе все, что говорили мы ученикамъ, не выжили

какого-либо отораченія къ Христіанству; многіе ситзани даже, напротивъ того, что учрежденіе большаго училища въ Амтѣ союзи безъ нихъ за важное благодѣаніе, и особенно, въ случаѣ, если бы желаніе ихъ исполнилось, мы приняли училище подъ свое управленіе.

Но намъ невозможно было обратить вниманіе на такое желаніе; насъ было оныхъ немного; у насъ было мало денегъ и мало времени для распространенія такого круга дѣланныхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе еще, что мы очень далеко отъѣзжали отъ Калькутты.

Поздно воротились мы, истомленные, усталые, на наши суда, но усталость, понесенная во славу Евангелія, скоро прекращается и даже становится услажденіемъ.

Наши туземные братья встрѣтили также нѣсколько случаевъ проповѣдывать Слово Жизни и обильно раздавали духовныя разсужденія и нѣкоторыя части Священнаго Писанія.

Мы разстались съ Амткою при солнечномъ закатѣ, во время прилива. Спускаясь по рѣкѣ, которая выше этого города несудоходна болѣе, плыли мы мимо складки каменнаго угля и вдругъ увидѣли молодаго Индѣйца, который бѣжалъ за нами чѣсть-мочи, прося насъ къ своей госпожѣ, у которой мужъ былъ въ отсутствіи.

Какъ ни торопились мы пробраться къ устью рѣки, однакожь обязанностью своею сочли побывать въ зданіи этой складки каменнаго угля, предполагая, не сдѣлалось ли чего-нибудь недобраго съ приглашающей насъ къ себѣ европейской дамою или съ дѣтьми ея, оставленными безъ защиты среди необразованныхъ Индѣйцевъ.

Прибывши въ факторію, мы введены были въ office (контору), довольно обширное зданіе, въ комнатахъ котораго размѣщено было множество столикковъ для письма, и за ними сидѣло столько же туземцевъ привлекательной наружности: всѣ они принадлежали кампаніи Burdwan-Coal.

Поспѣшно спросили мы, чѣмъ такое случилось съ хозяйкой или съ дѣтьми ея?

Писари, Индѣйцы, признались намъ откровенно, что на хозяйка просила насъ сюда, но что, такъ какъ разнесся слухъ въ сторонѣ ихъ, что «служители Иисуса Христа» (такъ обыкновенно здѣшніе туземцы называютъ миссіонеровъ) прибыли для проповѣди и раздачи духовныхъ книжекъ, то они рѣшились

отъ имени своей хозяйки просить насъ къ себѣ, опасаясь, что мы не исполнимъ ихъ личной просьбы.

Единственной причиною такого поступка, говорилъ она, было желаніе узнать, что такое христіанская религія?

Несмотря на удовольствіе, которое ощутили мы при этихъ словахъ, мы вразумили ихъ, что не хорошо употреблять лѣхъ даже для достиженія доброй цѣли; что Богъ не любитъ ни въ какомъ бы видѣ и въ какой бы степени она ни проявилась, и что откровенность и прямота—всегда лучшіе пути ко всему доброму для человѣка.

Съ тѣмъ вмѣстѣ мы увѣрили ихъ, что ни на минуту не замедлили бы явиться къ нимъ, еслибъ узнали настоящую причину ихъ желанія съ нами увидѣться.

Индійцы извинялись, какъ умѣли, и сознались, что поступили неблагоразумно. Послѣ того начался у насъ съ нами разговоръ живой и интересный, отъ того преимущественно, что они задавали намъ самые щекотливые вопросы.

Одинъ изъ присутствовавшихъ слѣлалъ важный упрекъ христіанамъ за то, что они *ѣдятъ мясо животныхъ*. Мы отвѣчали, что для христіанина это не есть обязанность, и что можно быть отличнымъ христіаниномъ, не вкусивъ мяса въ жизнь свою ни однаго раза; но что такой обычай не есть грѣхъ, потому что самъ Богъ дозволилъ намъ употреблять животныхъ въ пищу.

Мы прибавили, что самые *Вомсены* (классъ Индійцевъ, питающійся только произрастеніями), постоянно уничтожаютъ животныхъ отъ того, что не могутъ ѣсть ни травъ ни плодовъ, ни даже воды напиться, не погубивъ множества живыхъ существъ. Это удивило слушателей; но послѣ нѣкоторыхъ объясненій касательно микроскопа и чудныхъ открытій, произведенныхъ съ помощью этого инструмента, слушатели успокоились.

Другой туземецъ, остававшійся до тѣхъ поръ молчаливымъ и серьезнымъ, попросилъ насъ сказать, какую пользу въ землѣмъ мірѣ приноситъ христіанство своимъ поклонникамъ.

Мы отвѣчали, что польза эта состоитъ ни въ богатствѣхъ, ни въ мірскихъ почестяхъ, но что христіанство доставляетъ другія болѣе важныя выгоды, именно: тихая увѣренность въ отпущеніи грѣховъ, освобожденіе отъ нашихъ необузданныхъ страстей, миръ съ Богомъ, спокойствіе духа при кончинѣ своей, и твердая увѣренность въ наградѣ за добро въ будущей жизни.

Прибавили мы еще, что Богъ Самъ взялъ на себя обязанность удовлетворять даже и въ настоящей жизни всѣ существенныя нужды своихъ поклошниковъ, чему служатъ доказательствомъ слова Спасителя: «Ищите прежде всего Небеснаго Царства и правды Его, а все прочее дано вамъ будетъ свыше» (Мате. VI, 33), которыя привели мы буквально.

Мы начали потомъ сравнивать слѣдствія исповѣдыванія христіанства и исповѣдыванія Гиндунзма, и спросили у нашего собесѣдника: «не правда ли, всѣсы склоняются на сторону нашей святой религіи?»

Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ возраженій, и многіе изъ присутствовавшихъ раздѣляли его мнѣніе.

Дай Богъ, чтобы истина проникла въ сердца этихъ людей въ той же степени, въ какой просвѣтила ихъ разумъ: иначе, къ сожалѣнію, понали они встану на собственную пагубу.

Всѣмъ, за разсужденіемъ роздали мы духовнаго содержанія брошюры и нѣсколько экземпляровъ Евангелія.

Была уже поздняя ночь, когда мы воротились на наше судно.

По истинѣ, этотъ день обѣщалъ намъ счастливый новый годъ.

2 января 1846. Въ этотъ день мы прибыли въ большую деревню, называемую *Футалекура* и лежащую на лѣвомъ берегу *Дамуды*. Не медля нисколько, отправились мы на базаръ, находящійся въ разстояніи съ милью отъ берега, и тамъ, предъ обширнымъ *дебаломъ* (языческое ковнище) проповѣдывали собранному вокругъ насъ народу, что идолопоклонство ихъ есть нечистота и грѣхъ предъ Богомъ, и что всѣ люди должны възрѣвать въ единаго истиннаго Бога и въ ниспосланнаго имъ на землю Сына Его Іисуса Христа.

Возвращаясь на наше судно, мы прошли случайно подъ тамариновымъ деревомъ, которое усыяно было *бабунами*, (черно-морскими обезьянами), которыя у туземцевъ извѣстны подъ названіемъ *гокуменъ* и такъ ручны, что мы могли подходить къ нимъ какъ только намъ хотѣлось близко.

Такая фамильярность, замѣчательная въ породѣ *бабуновъ*, происходитъ отъ того, что Индѣйцы принимаютъ ихъ за младшія божества и не дѣлаютъ имъ никакого вреда, хотя эти животныя причиняютъ много дурнаго садашъ ихъ и огородамъ.

Любопытно было видѣть нѣкоторыхъ самокъ, сѣдѣвшихъ

.. радомъ съ своими дѣтенышками! манеры, манеры дѣтей и дѣв-
.. да имъ слѣдъ подражати, чтобы сыдѣть смѣло.

.. Намъ захотѣлось узнать, что будутъ дѣлать обезьяны съ сво-
.. ими дѣтенышками въ случаѣ опасности. Мы стали хлопотать въ
.. ладоши и побарабанивать, будто хотимъ пустить въ нихъ чѣмъ-
.. нибудь: въ ту же минуту, каждый дѣтенышъ бросился на шею
.. къ своей матери, и все самки быстро взобрались на вер-
.. шину дерева, откуда слѣдши за нашими движениями смѣло
.. недоумриваямъ взоромъ.

Эти обезьяны имѣютъ манеры и движеніе до такой степени
.. сходныя съ человѣческими, что рѣшительнѣе выстрѣлятъ
.. по этому животному, а если и выстрѣлятъ, то ужъ только одинъ
.. разъ въ своей жизни, потому что горестъ обидныхъ товарищей
.. убиваго доводитъ человека до слезъ. Обезьяны берутъ тѣло
.. на колѣни, рассматриваютъ его рану и смотрятъ на охотника
.. такъ тѣмъ жалостнымъ видомъ, что невозможно переносить
.. взоры ихъ безъ сожалѣнія, неже слезать даже безъ удержа-
.. ній совѣсти.

Прежде отправления въ путь, мы пропрѣдѣлали на берегу но-
.. вому сборищу. Одинъ браминъ, не имѣя возможности опровер-
.. дуть нашихъ доводовъ касательно важности для человѣческаго
.. рода въ мірашестіи Моупитала, вазувалъ затрунить насъ
.. словами, что Іисусъ Христосъ власень волао спасенъ насъ
.. отъ наказанія за грѣхи, совершенныя здась, въ этомъ мірѣ,
.. но не имѣетъ средствъ охранить насъ отъ грѣховъ въ будущей
.. жизни.

.. Оказался благопріятный случай разрушить предѣльное ученіе
.. въ переселеніи души для послѣдовательномъ перерожденіи су-
.. ществъ; я воспользовался этимъ случаемъ.

.. Проси въскомъянкъ доподоль, которые какъ казалось, не про-
.. джели никакого дѣйствія, (а между ними была и тѣтъ, что
.. обсуживаемое нами ученіе не можетъ быть согласовано съ мудре-
.. стью и правосудіемъ Божиимъ) а сдѣлаа браминъ сѣлаушии
.. вопросъ: «Имѣешь ли ты, хотъ, какое-нибудь воспомянаніе о
.. томъ, чѣмъ ты былъ и что ты дѣлалъ до своего новаго рож-
.. денія.

.. Браминъ. Нѣтъ, я долженъ сознаться, что во время рѣши-
.. тельна никакиа воспомянанія, но это потому, что душа моя
.. дѣлаетъ теперь въ другомъ глѣдѣ.

Миссіонеръ. Скажи мнѣ, браминъ, память есть способность души или тѣла?

Браминъ. Разумѣется, души.

Миссіонеръ. Поэтому, душа должна сохранять воспоминаніе о прошлыхъ вещахъ и тогда даже, когда переселится въ другое тѣло. Скажи мнѣ, когда пересадить умбюшаго говорить попугая изъ одной кѣтки въ другую, забудетъ ли онъ отъ этого тѣ слова, которыя выговаривалъ въ прежней кѣткѣ?

Браминъ. Нѣтъ, какая будетъ тому причина? Попугай сейчасъ вспомнитъ то, что зналъ прежде; перемѣнилась кѣтка, но не перемѣнился онъ.

Миссіонеръ. Хорошо; такъ то же сбывается и съ душою, которую шастры ваши, какъ ты знаешь это дѣло лучше меня, сравниваютъ съ птицей, а тѣло съ кѣткой; то, что вы называете переселеніемъ душъ есть переходъ души-птицы изъ старой кѣтки въ новую, гдѣ сохраняетъ она всѣ свои существенныя свойства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воспоминаніе о прошедшемъ. Такимъ образомъ, недостатокъ воспоминанія о томъ, что было съ человекомъ въ прежнее его существованіе, господствующій какъ у масть Индѣйцевъ, такъ и у всѣхъ людей, явно доказываетъ, что никакой жизни до рожденія у него не было.

Толпа, какъ казалось, была поражена и убѣждена этимъ сравненіемъ, а самъ браминъ не могъ долѣе опровергать его.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что Индѣйцы лучше убѣждаются сравненіями, приспособленными къ тому предмету, о которомъ идетъ рѣчь, нежели логически-строгими плущими одинъ за другимъ доводами. Удачно придуманное сравненіе есть для нихъ безусловное доказательство. Поэтому весьма важно, при разсужденіяхъ съ ними, подкрѣплять свои увѣренія приличными дѣлу сравненіями, а съ тѣмъ вмѣстѣ строго разбирать и обнажать слабость и недостатки ихъ собственныхъ сравненій, такъ часто ими употребляемыхъ.

Послѣ полудни прибыли мы въ другое обширное и многочеловѣческое селеніе, *Тадженура*, гдѣ сейчасъ же перерылъ насъ ямъ браминъвой шамгермаутской колесницы.

Мы отдохнули въ этомъ селеніи въ естественномъ образѣ, должны были явиться къ проповѣди противъ грѣха и за убѣжденія въ негнѣподи поклоненія ядомъ.

Народъ душою спрашиваетъ себя тѣмъ, яко явилось савѣда-

на нихъ предками, которые были такіе же, какъ и они идолопоклонники. Это было для насъ случаемъ опровергнуть этотъ доводъ объ авторитетѣ преданій, на который Индійцы безпрестанно опираются въ своихъ мнѣніяхъ и спорахъ. Впрочемъ, этого авторитета держатся они только въ дѣлѣ религіи, а что касается прочаго европейскаго, то они перенимаютъ отъ насъ все, что служитъ къ мірскимъ ихъ пользамъ и удобствамъ жизни.

Здѣсь, нѣсколько молодыхъ людей, видѣвшихъ насъ въ толу, показали себя очень грубыми не въ отношеніи къ намъ, но въ отношеніи къ нашимъ помощникамъ Индійцамъ, и начали сѣяться надъ ними за то, что они перемѣнили вѣру.

Мы сочли нужнымъ вступить за нашихъ о-Христѣ братьевъ и сказала этимъ молодымъ вѣтренникамъ, что туземцы, обращенные въ Христіанство, гораздо выше ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, потому что рѣшимость этихъ людей отказаться отъ идолопоклонства, подвергаясь упрекамъ и насмѣшкамъ своихъ соотечественниковъ, достойна полного уваженія.

А между тѣмъ вы, сказалъ я, напротивъ того, не имѣя возможности доказать истинъ идолопоклонства, такъ низки и такъ испорчены въ душѣ, что привержены къ нему несмотря на внутреннее убѣжденіе въ противномъ. Это замѣчаніе заключило мнѣ уста.

Когда раскрыли мы вашъ узелъ для раздачи духовныхъ брошюръ, намъ попались подъ руку два разсужденія: одно о пьянствѣ, другой о тѣлесной нечистотѣ.

Только что эти люди прочли заглавіе, закричали: «Не нужно намъ этихъ книгъ; мы не пьяницы и не разиратники! (Изъ этого заключили мы, что много было въ толпѣ людей, которымъ заслуживали это названіе).

— Можеть быть, сказалъ я имъ, вы ни лжецы, ни воры, ни завистники, ни гордецы, ни гнѣблывы, ни — однимъ словомъ — не рабы того, что преступно и дурно.

— Разумѣется, — вопричала она почти въ одинъ голосъ: мы самые добрые люди.

— Какое счастье, прибавилъ я тогда, для меня и для моего друга, что Богъ привелъ насъ увидѣть Тадженуру; такъ здѣсь просто рай! Трикратно счастлива Тадженура, что въ грядущихъ своихъ не имѣетъ ни одного грѣшника!

Присутствовавшіе улыбнулись, но никакъ мою проповѣдь.

— Хорошо, хорошо: сознаемся въ грѣхѣ, что мы большіе лжецы.

Довольно мнѣ было этого, для увѣщанія, стараться какъ можно глубже проникнуть въ свое сердце и прибѣгнуть къ слову Искучителя пока не будетъ поздно.

Тогда многіе приняли нѣкоторыя книги, а другіе рѣшительно отъ нихъ отказывались, боясь, вѣроятно, старшаго *земиндара* (исправника), пребывавшаго тогда въ этомъ мѣстѣ и слышавшаго въ народѣ отчаяннымъ языческимъ ханжою и жаркимъ противникомъ христіанства.

Эти земиндары обладаютъ надъ своими мѣзгниками почти царскою властью.

Они постоянно препятствуютъ миссіонерамъ, предполагая, что угнетательныя и тиранскія ихъ мѣры въ отношеніи къ народу найдутъ себѣ сопротивленіе, если миссіонеръ успеетъ обратитъ въ христіанство зависящихъ отъ нихъ людей.

5 Января 1846. Мы спустились по Дамудѣ до ея соединенія съ Гангомъ и, проплывъ на вѣхъ парусахъ еще шесть миль на югъ, прибыли къ устью Руннорена, рѣки, вытекающей также изъ холмовъ раджмагальскихъ и бѣгущей почти параллельно съ Дамудой.

Рѣшась подняться по этой рѣкѣ до того мѣста, когда она уже перестаетъ быть судоходною, мы вступили въ ея воды во время прилива, въ 2 часа по полудни, но до самой ночи не увидѣли ни одного порядочнаго селенія.

4 Января 1846. Рано утромъ прибыли въ Кобала-Геть, мы вышли на берегъ осмотрѣть мѣстность.

Это—большое селеніе, состоящее преимущественно изъ *сра-сеэ*, туземныхъ гостиницъ для многочисленныхъ путешественниковъ, которымъ нельзя миновать его, проѣзжая изъ Калькутты въ какое бы ни было мѣсто Бенгала, и преимущественно въ Джаггернаутъ (въ области Ориссы).

Прежде и послѣ джаггернаутскаго празднества, совершаемаго въ Пони толпы богомольцевъ бываютъ безчисленны.

Это обстоятельство становится Кобала-Геть выгоднымъ мѣстомъ для миссіонера, и по-крайней-мѣрѣ хотъ нѣсколько недѣль въ году, провозгласивъ Слово Жизни, онъ можетъ раздать народу тысячи и десятки тысячъ богоугодныхъ разсужденій.

Въ восемь часовъ утра, возвратились мы на наше судно затрѣпать и совершить съ нашими азіатскими братьями утреннее

молельствіе; послѣ чего они вышли на берегъ и продолжали толкъ притчу о блудномъ сынѣ.

Мало времени спустя, я присоединился къ нимъ и обратилъ рѣчь свою къ другой сходкѣ, стремясь доказать ей, что Иисусъ Христосъ есть единственное истинное воплощеніе Божества, могущее дать отраду человѣку въ здѣшней жизни и спасти его въ будущей.

Многіе изъ нашихъ слушателей внимали намъ и, какъ казалось, раздѣляли съ нами мысли наши; но, не сомнѣваясь насколько, что одинъ изъ слушателей выгодной наружности переположенъ въ нашу пользу, я спросилъ у него (желая испытать его), понялъ ли онъ то, что я сейчасъ говорилъ.

— Понялъ, отвѣчалъ онъ мнѣ съ насильственнымъ смѣхомъ, но я возботился, чтобъ слова твои, воплотивши въ мое правое ухо, тотчасъ же вылетѣли бы въ лѣвое.

Видя, что онъ располагаетъ надмѣхаться на другихъ вызывать смѣху, я серьёзно осматривалъ его и далъ замѣтить, что поступая такимъ образомъ, онъ продаетъ душу свою и не знаетъ ни способовъ въ будущей жизни. Тогда онъ сталъ серьёзнее, но по прежнему отвердѣлымъ.

— Мало забочусь я о вѣчности, сказалъ онъ, потому что все, что написано на челѣ моемъ по этому делу, непременно сбывается, что бы я ни предпринималъ.

Иудѣицы полагаютъ, что судьба ихъ написана на голодѣ ихъ и считаютъ возвышенія и углубленія въ черотѣхъ писемъ, котораго никто не можетъ разобрать.

— Чѣмъ ты занимаешься?—спросилъ я у этого человѣка.

— Я купецъ, и выѣзжаю за границу, — отвѣчалъ онъ.

— Такъ отъ чего же, — возразилъ я: если участь твою написана на твоемъ челѣ, опираешься ты за границу каждое утро, и закупаешь въ ней проходящихъ, выкупаешь свои товары? Если ужъ судьба тебе была продана, къ чему же тебѣ такъ трудиться?

Онъ понялъ мою дилемму и не отвѣчалъ ничего; но я не упустилъ случая еще наставить, что надлежитъ и грѣшныя не забавляться о спасеніи своей души.

Мнѣ рассказали множество духовныхъ брошюръ въ Когала-Гетъ, и когда начнется праздникъ, продолжится путь нашъ къ Вуши-рашъ.

• Библия 4846. Путь-свѣтъ пророка-мнѣ въ Вуши-Гушира

послани сопровождавших насъ Индѣйцевъ—осмотрѣть мѣстность и увѣдомить, можемъ ли мы употребить здѣсь время съ пользою.

Возвратясь, сообщили они намъ, что видѣли немного людей, которымъ предложили Слово Жизни, но что селеніе почти пусто и многочисленіе бываетъ только въ еженедѣльные ярмарки; это заставило насъ въ тотъ же самый день отправиться въ Гаталь, большой городъ, весь населенный Индѣйцами, лежащій въ четырнадцать мильхъ отъ того мѣста, гдѣ мы находились.

Когда мы проѣзжали мимо нѣсколькихъ бѣдныхъ хижинъ, часовъ такъ около 11, какой-то Индѣецъ побѣжалъ за нашей лодкой и умаливалъ выйти на берегъ на нѣсколько минутъ и убить крокодила, который, поселясь въ ближайшемъ отъ его дома болотѣ, ежедневно пожиралъ его утокъ.

Онъ боялся, кромѣ того, еще худшаго, потому что крокодилъ вчера разтерзалъ *бабуна*, пришедшаго напиться въ болотѣ.

Я зарядилъ ружье, которое далъ мнѣ одинъ пріятель при отъѣздѣ моемъ изъ Калькутты, и отправился на войну.

Крокодилъ вскорѣ появился на противоположномъ берегу; я прицѣлился и ранилъ животное въ шею; оно ушло въ воду, но по ея движенію я догадался, что крокодилъ еще не убитъ (рѣдко крокодилы сейчасъ же умираютъ отъ одной раны; вообще проживаютъ они послѣ нея еще нѣсколько дней).

Индѣецъ усердно поблагодарилъ насъ и сказалъ, что вскорѣ надѣется увидѣть трупъ чудовища на поверхности воды.

Въ четыре часа по полудни мы были близъ небольшой деревушки въ трехъ мильхъ отъ Гатала, гдѣ Рупнарепъ становится слишкомъ мелководнымъ и не дозволяетъ подниматься далѣе; это заставило насъ пѣшкомъ отправиться въ Гаталь, съ цѣлью осмотрѣть этотъ городъ и съ завтрашняго же дня начать труды по нашему святому дѣлу.

Гаталь—городъ большой, хорошо населенный, центръ мѣстной коммерціи. Но проходя по немъ во всѣхъ направленіяхъ и видя его безчисленные храмы, мы, подобно Святому Апостолу Павлу въ Аѳинахъ, ощутили живѣйшую горестъ, что обитатели этого прекраснаго города погружены во мракъ грубѣйшаго идолопоклонства.

Здѣсь прекрасно можно было бы устроить многократныя массіонерствъ; но, къ сожалѣнію, скадко въ Батталъ по мѣсто

населенныхъ городовъ, которые, даже случайнымъ образомъ, не посѣщаются глашатаями Креста и которыхъ обитатели не имѣютъ никакого случая ознакомиться съ истинами Евангеліа! Дай Богъ, чтобъ число труженниковъ на распространеніе ихъ увеличилось!

6 Января 1846. Въ девять часовъ утра, мы возвратились въ Гаталь. Такъ какъ народа было еще мало на площадяхъ и на улицахъ, то мы отправились въ Бароду (три мили дальше города), гдѣ находится знаменитый храмъ Биша-Луки.

Храмъ этотъ самъ по себѣ не имѣетъ ничего необыкновеннаго, но идолъ его величины необычайной: онъ представляетъ страшную багвию Кали близъ поверженнаго тѣла супруга ея Сивы, держащую въ одной рукѣ большой кинжалъ, а въ другой окровавленную человѣческую голову; на шеѣ у богини ожерелье изъ человѣческихъ череповъ; она опоясана человѣческими переплетенными одна съ другой руками.

Мы вступили во храмъ. Браминны, совершавшіе тамъ службу, принявъ насъ, вѣроятно за агентовъ англійской *Остъ-Индской* компаніи, оказали намъ большое уваженіе и весьма удивились, что мы такъ бѣгло можемъ говорить по-индѣйски и глубоко знаемъ ихъ религіозные догматы.

Они старались поразить наше воображеніе напыщенными и вмѣстѣ нелѣпыми разказами о своемъ божествѣ, важно утверждая, что всѣ приносящіе ему жертву не останутся безъ дѣтей и наследниковъ.

Бѣдные Индѣйцы этому слѣпо вѣрятъ, и потому множество богачей стекаются сюда съ мольбами о плодородіи женъ своихъ, и заблужденіе ихъ такъ сильно въ этомъ отношеніи, что несмотря на испытанный обманъ въ надеждахъ щедрыхъ жертвователей, слава богини нисколько не уменьшилась: тысячи людей стекаются во храмъ и по-сю-пору.

Зрѣлище, которое мы имѣли передъ глазами, дало намъ случай говорить объ идолопоклонствѣ. Мы старались доказать браминнамъ и народу не только виновность человѣка въ поклоненіи другому богу, кромѣ истиннаго, *создателя неба и земли*, но и нелѣпость поклоненія существамъ, имѣющимъ глаза, которые не видятъ, уши, которые не слышатъ, и проч.

Къ большому нашему удивленію, всѣ слушали насъ безъ всякаго противорѣчія и, какъ казалось, совершенно соглашались съ нашими словами. Изъ этого слѣдуетъ, что нѣстіе изъ

этихъ жрецовъ имѣютъ ясное сознаніе въ заблужденіяхъ идолопоклонства, и я не сомнѣваюсь, что они навѣрное отказались бы отъ него, еслибы дали имъ какую-нибудь возможность удовлетворять нуждамъ своимъ и своего семейства.

Передъ идоломъ, на пѣдесталѣ, замѣтилъ я камень съ углубленіемъ, котораго форма походила на купѣль. Приблизившись къ камню, я замѣтилъ нѣсколько крови; я спросилъ: зачѣмъ онъ стоитъ здѣсь? Миѣ отвѣчали: въ этотъ сосудъ выливаютъ кровь животныхъ, приносимыхъ въ жертву богинѣ.

Это навело меня на разговоръ съ браминями о *жертвахъ* вообще, объ естествѣ ихъ и цѣли, и объ великой жертвѣ «Агнца Божія, взявшаго на себя грѣхи міра.»

Много поговоривъ объ Иисусѣ Христѣ и о любви Его къ нашему грѣшному человѣческому роду, мы оставили храмъ Бишадукки, хвала Бога, что Онъ привелъ исповѣдывать истину вѣры въ настоящей сатавинской синагогѣ, гдѣ какъ говоритъ Святой Апостолъ Павелъ, жертвы приносятся не Богу, а демонамъ.

Затѣмъ посѣтали мы въ сосѣдствѣ довольно обширныя развалины старинной индійской крѣпости, которой послѣднимъ обладателемъ былъ раджа Соба-Сингъ.

Это укрѣпленіе, построенное на отлогомъ мѣстѣ, въ двѣнадцать футахъ надъ полемъ, было окружено рвомъ и придумано такъ, что могло служить безопаснымъ убѣжищемъ непокорному раджѣ.

Кромѣ дворца его, крѣпость заключала въ стѣнахъ своихъ его сокровища, слоновъ, лошадей, и нѣсколько храмовъ, посвященныхъ разнымъ идоламъ. Все это нынче въ разрушеніи и даетъ приютъ змѣямъ, совамъ и нетопырямъ.

Всходя по обломанной лѣстницѣ въ башнѣ главнаго храма, мы съ удивленіемъ увидали, что она занята цѣлымъ семействомъ бабуновъ, которое, увидѣвъ насъ, черезъ отверстіе въ стѣнѣ, вскочило мигомъ на высоту въ тридцать футовъ.

Какъ не разсуждать было при этомъ случаѣ о переменѣхъ въ дѣлахъ человѣческихъ! Здѣсь былъ нѣкогда храмъ, принадлежавшій фамиліи раджи; кругомъ — всѣ принадлежности его двора; тутъ рака идола, передъ которой множество жрецовъ совершали свое служеніе.... а теперь что? пустыня, ни одного человѣка нѣтъ, живутъ только обезьяны съ своими женами и дѣтьми!

Sic transit gloria mundi!

Здѣсь помолились мы Богу, разумеется въ сердцѣ своемъ, чтобъ подобной этого храма участка подвергаться и прочіе храмы Индостана, но не иначе, какъ съ дозволеніемъ для ученія Спасителя нашего Иисуса Христа.

Быль уже полдень, когда покинули мы Бароду и возвратились въ Гаталь.

На базарѣ было множество народа; мы раздѣлялись на три и начали бесѣдовать съ народомъ. Намъ слушали довольно внимательно и многіе слушатели вѣтеринариве пожелали получить какую-нибудь изъ нашихъ книжекъ; потому, отдалась отъ берега рѣки, мы начали серьезную и занимательную бесѣду съ нѣсколькими тамошними купцами, которыхъ старалась убѣдить въ томъ, что должно полагаться единому истинному Богу и полагать упованіе на спасеніе души своей единственно на Иисуса Христа.

Бесѣда наша прошла мирно и скромно, и мы надѣемся, что въ этомъ случаѣ мы оставили въ нашихъ слушателяхъ благопріятное христіанству впечатлѣніе.

Въ три часа по полудни, возвращаясь къ судамъ своимъ, мы встрѣтили на дорогѣ бѣдную, почти нагую, женщину, которой все родитѣ перемерли и въ которой, какъ мы узнали, никто не признавалъ участія. Мы купили ей приличную одежду и дали нѣсколько денегъ.

Легко было намъ замѣтить, что эти небольшія одолженія бѣдняжкѣ, которой мы совсѣмъ и не знали, произвели на свидѣтелей нашихъ дѣйствій впечатлѣніе благопріятное для Христовой Вѣры, показывая имъ, что она не простая теорія, но ученіе кротости и любви.

Въ четыре часа по полудни, мы снялись съ якоря и пустились внизъ по Рупнарену и за часъ до вочи достигли селенія Бондерь-Гетъ и тутъ же вышли на берегъ.

Многочисленная школа собралась подъ однимъ большимъ деревомъ. Ученики занимались письмомъ, на пальмовыхъ и лопутниковыхъ листьяхъ.

Было также въ этомъ мѣстѣ порядочное множество и иеросаитскихъ мѣстныхъ жителей, изъ которыхъ нѣсколько германскихъ браминновъ, узнавъ, что мы миссіонеры и желая увидѣть

дась въ глазахъ народа, притворились, будто встрѣчаютъ насъ съ презрѣніемъ и считаютъ глупцами и невѣждами.

Они полагали, безъ сомнѣнія, что если услыятъ провозвести къ народу это впечатлѣніе, то проповѣдь наша останется тщетною и безплодною.

Я обратился къ учителю и спросилъ его, можетъ ли онъ разрѣшить одну арифметическую задачу, которую я ему предлагаю. Получивъ утвердительный отвѣтъ, я задакъ ему довольно затруднительный вопросъ; онъ принялся за дѣло, но тутъ же сообразилъ, что оно слыше силъ его.

Надивившіеся браhinны, принимавшіе участіе въ чести своего учителя, поспѣшили къ нему на помощь; но также оскѣмись. Тогда потребовалъ я листокъ цѣлутника и въ нѣсколько минутъ рѣшилъ свою проблему.

Это дѣйствіе перемѣнило ходъ дѣла, и, вмѣсто презрѣнія, которому сначала мы подверглись, насъ стали хвалить: «Ахъ, говорилъ народъ, какихъ умныхъ и образованныхъ людей видите мы между нами!»

Мы воспользовались этимъ благосклоннымъ расположеніемъ и стали проповѣдывать толпѣ Евангеліе: она слушала насъ съ полнымъ вниманіемъ, благодаря моей выдумкѣ объ задачѣ.

Отсюда видно, что миссіонеры должны употреблять всѣ возможные, разумѣется законныя, средства, чтобы внушить уваженіе къ своимъ проповѣдямъ.

7 и 8 Января 1846. Во время переѣзда нашего по Рупнарелу, мы видѣли нѣсколькихъ крокодиловъ, равныхъ по объему своему самымъ толстымъ деревьямъ; они близъ берега играли на солнцѣ.... А впрочемъ, не случилось никакого происшествія, которое заставило бы насъ выйти на берегъ.

9 Января 1846. Утромъ рано въѣхали мы въ Гангъ, а въ девять часовъ прибыли въ Даймондъ-Гарбоуръ (Алмазная Пристань), гдѣ Гангъ такъ же широкъ, какъ озеро Леманъ около Лозанны: это одно изъ лучшихъ мѣстъ для пристанища кораблямъ, идущимъ къ Калькутту.

Остановясь на нѣкоторое время для отправки писемъ, мы продолжали наше путешествіе по морю, надѣясь, что будемъ присутствовать этотъ годъ, на островѣ Сангорѣ, на праздникѣ купальней. Давнишній опытъ научилъ насъ, что есть чѣмъ при этомъ случаѣ заняться миссіонеру.

Но прежде нежели я расскажу, что мы слышали при этомъ случаѣ, я вамъ опишу вкратцѣ что это за праздникъ.

Меллагъ (такъ онъ называется) празднуется на юго-восточной оконечности острова Сангора (лежащаго близъ устья одного изъ рукавовъ Ганга, при впаденіи его въ море), тамъ, гдѣ островъ омывается волнами Бенгальскаго залива, которыя до того сильно движутся постоянно, что обыкновенное судно никакъ не можетъ удержаться на ходу или на мѣстѣ, если подуетъ южный вѣтеръ.

Но въ то время, когда мы ѣхали, было тихо и вѣтеръ дулъ съ сѣвера: слѣдовательно и маленькія суденышки могли проходить около берега съ полною безопастью.

Проѣдете вы нѣсколько миль и не найдете ни одного человѣческаго жилища; въ какое угодно время, кромѣ праздника; увидите здѣсь только море да густые лѣса.

Должно ознакомиться съ эксцентрическимъ характеромъ и странностями Индѣйцевъ, чтобы понять, почему такое религиозное празднество можетъ быть совершаемо именно въ этомъ мѣстѣ, близъ тигровыхъ логовищъ и вдали отъ всякихъ человѣческихъ жилищъ.

Выборъ такого мѣста зависѣлъ—по народному преданію—отъ старинной легенды, будто одинъ мудрецъ, по имени *Купиль-Мули* провелъ здѣсь нѣсколько лѣтъ въ постѣ и молитвѣ и за то признанъ Индѣйцами, по смерти своей, святымъ.

Сангорскія купальни считаются способными доставлять погружающимся въ нихъ не одну пользу: между этими пользами, главная есть отпущеніе всѣхъ личныхъ грѣховъ и даже ихъ послѣдствій, не только для самихъ купающихся, но и для четырнадцати поколѣній ихъ предковъ, попавшихъ въ адъ за грѣхи свои.

Меллагъ продолжается отъ 11 до 13 января, ежегодно; и въ это самое время пилигримы и набожные люди собираются на островъ со всѣхъ концовъ страны.

Спускаясь по Гангу отъ Даймондъ-Гарбоуръ, мы встрѣтили безчисленное множество судовъ, наполненныхъ пилигримами, стремившимися къ тому же мѣсту, куда и мы.

Въ четыре часа по полудни, достигли мы сѣверной части острова Сангура, гдѣ, по причинѣ отлива, должны были бросить якорь; всѣ прочіе суда по своему прибытію къ этому мѣсту сдѣлали то же самое.

Путешественники, заглававшие эти сотни лодок всякаго вида, вскоре отправились на берег готовить себѣ пищу: (наде самѣтывать, что Индійцы не готовятъ себѣ никогда, находясь на водѣ).

Каждое судно, среднимъ числомъ, не могло помѣщать въ себѣ болѣе тридцати человекъ. Когда настала ночь, всѣ группы, расположившись по берегу, зажгли огни и доставили намъ странное живописное зрѣлище.

Мы ступили также на берегъ и завели разговоръ съ нѣкоторыми лицами. Здѣсь одинъ печальный случай доказалъ намъ, по свидѣтельству самого врага Христіанства, съ какою заботливостію и съ какимъ успѣхомъ Евангеліе распространено уже по Индіи.

Мы разговаривали съ толпой богомольцевъ о грѣхѣ идолопоклонства и о спасеніи во Иисусѣ Христѣ, какъ вдругъ хорошо одѣтый человекъ воскликнулъ: «Какъ! ты здѣсь! Когда я на свѣрѣхъ отъ Калькутты, былъ увѣренъ, что непременно тебя встрѣчу и услышу твою бесѣду объ Иисусѣ Христѣ; то же самое бываетъ со мною, если я пускаюсь на югъ отъ Калькутты; я встрѣчаю тебя въ настоящихъ захоlustяхъ; но диво мнѣ то, что здѣсь, среди дѣйственныхъ лѣсовъ, я слышу отъ тебя проповѣдь объ Иисусѣ Христѣ. По истинѣ, ты вездѣ и вездѣ; кто бы могъ предположить, что ты будешь приводить людей къ правиламъ Христіанства въ подобномъ мѣстѣ!»

Какое бы ни имѣли Европейцы мнѣніе касательно миссіонерскихъ трудовъ, невозможно отвергнуть, что познаніе истинны мало-по-малу распространено по цѣлому Бенгалу, и надѣяться, что Господь благословитъ въ свое время тѣ свѣдѣнія, которыя брошены были такъ далеко, и что принесутъ они много плодовъ во славу Его.

10 Января 1846. Въ это утро мы также рано утромъ снялись съ якоря и спустились по Баратолѣ, по тому самому рукаву Ганга, который ведетъ къ самому мѣсту празднества купанья.

Пройхавъ цѣлые шесть часовъ вдоль пустыннаго берега, мы прибыли въ маленькую бухту, которая прямо вела насъ къ тому мѣсту, куда мы стремились.

Такъ какъ необходимо путешественникамъждать нѣсколько времени отлива воды, то они, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, обыкновенно выходятъ на берегъ для закупки състныхъ припасовъ.

Въ этомъ мѣстѣ дѣсь чрезвычайно густъ в наполненъ тиграми, носорогами и буйволами, а потому выйти на берегъ вообще довольно опасно.

Это напоминаетъ мнѣ прошествіе, совершившееся у меня въ глазахъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ въ то время, какъ мы стояли на якорѣ въ этомъ самомъ мѣстѣ.

Бѣдная старуха пошла въ дѣсь за хворостомъ; вдругъ тигръ, укрывшійся гдѣ-то за деревомъ, бросился на неё и утащилъ въ чашу, гдѣ не было возможности его преслѣдовать.

Несчастная исчезла на-вѣкъ.

Все это происходило не болѣе какъ во сто шагахъ отъ насъ. Но на этотъ разъ не было никакого несчастнаго случая: мы не встрѣтили никакого дикаго звѣря, благодаря, безъ сомнѣнія, возгласамъ богомольцевъ и звукамъ *гомоов* (родъ мѣдныхъ цимбаловъ), на которыхъ богомольцы не перестаютъ играть во все свое пребываніе на берегу.

Когда настало время прилива, мы пустились въ путь, и по мѣрѣ какъ спускались въ бухту, замѣтили, что были уже близко отъ священнаго Индѣйцамъ мѣста, потому-что число судовъ больше и больше возрастало, а усилія гребцовъ удвоивались, чтобъ перегнать одному другаго.

Безпрестанно слышался грубый и однообразный звукъ коммелла (особаго рода раковины), который производится при каждомъ индѣйскомъ празднествѣ, и дѣлаетъ странный контрастъ съ вытьемъ и плачемъ женщинъ, приближающихся къ священному мѣсту. Эти вопли, производимые постоянно быстрымъ движеніемъ языка къ небу, поражаютъ ухо слушателя такъ, какъ, кажется, никакіе звуки не могутъ подѣйствовать на него въ образованныхъ странахъ.

Какая-нибудь женщина подаетъ сигналъ въ одной изъ переднихъ лодокъ, и примѣру этой женщины сейчасъ же послѣдуетъ вся флотилія.

Впрочемъ, говоря правду, общій эффектъ, производимый тысячею разныхъ тихихъ и жалобныхъ голосовъ, не совсѣмъ неприятенъ для слуха.

Наконецъ прибыли мы почти къ самому мѣсту правднства, и воздухъ огласился громкимъ торжественнымъ крикомъ, который вѣроятно наугаля тигровъ и носороговъ въ самой глубинѣ лѣса.

Самая живописная сцена представилась намъ тогда.

Больше половины богомольцевъ прибыли на мѣсто прежде насъ, и безчисленные всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ суда ихъ причалены были къ берегу.

Какъ украшеніе, а вѣрнѣе намъ указаніе, какой нація или обществу принадлежитъ судно, оно шло на главной мачтѣ или на бамбуковомъ шестѣ флагъ съ девизомъ: здѣсь были флаги, и англійскій, и остъ-индской компаніи, и разныхъ индійскихъ владѣтелей, и всѣ они развѣвались на вольномъ вѣтрѣ.

Были также суда и носимые; они отличались самыми странными украшеніями: у одного на мачтѣ висѣла цыновка, у другаго передникъ, у третьяго глиняный горшокъ, пучъ соломы, сушеная тыква, и что бы вы ни придумали.

За судами, вдоль берега, открывалась ярмарка: безчисленные шатры или шалаши образуютъ, въ два параллельные ряда, длинныя и узкія улицы, гдѣ европейскій констабль и нѣсколько полицейскихъ чиновниковъ, — врисланные на этотъ случай отъ компаніи — занимаются устройствомъ порядка на рынкѣ.

Трудно проходить по этимъ переулкамъ: ноги безпрестанно утопаютъ въ песчаной почвѣ и на каждомъ шагу рискуютъ столкнуться съ камнемъ—нибудь инымъ, которыхъ въ этомъ мѣстѣ огромное множество.

Прогуливаясь по этому эфемерному городу, мы замѣтили множество лавокъ, потому что между богомольцами есть и торговцы, которыхъ призываетъ на Самгуръ не религія, но прибыль.

Во всѣхъ лавкахъ есть произведенія Европы и Азии; между послѣдними путешественникъ встрѣчаетъ и самую грубую скатерть и лацкскую кисею и драгодѣвнѣйшія кашмирскія шали.

Къ обвору отъ армичной мощади находятса развалины древняго храма, посвященнаго мудрецу Купиль-Муни, изъ котораго суевѣріе Индѣйцевъ сдѣлало полу-бога.

Этотъ храмъ и находящійся при немъ монастырь, секты Суніазиловъ (индѣйскихъ нищихъ монаховъ), въ послѣднее время почти поглощены была моремъ; въ настоящее время едва ли камень остается на камнѣ, по прежнему.

Слѣды наводненій существуютъ и по-сю-пору, и ясно доказываютъ, что многое множество развалинъ и разметанныхъ повсюду кирпичей принадлежали некогда къ храму, бывшему однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ и великолѣпныхъ въ цѣломъ Индостанѣ.

Идежь Купиль-Муни, найденный храму развалинами, съ почетными помѣщенъ въ скромной часовнѣ; нѣтъ же во сто отъ самаго храма.

Это зданіе, построенное назадъ тому глѣтъ пять, по чувству благочестія или тщеславія, какимъ-то калькуттскимъ богачомъ, имѣетъ видъ простаго четырехугольника; длина его — двадцать футовъ, ширина — четырнадцать; оно похоже на индѣйскій *кодрумъ*, то-есть на магазинъ туземныхъ тканей.

Вообще говоря, не найдете вы въ этомъ храмѣ ничего великаго и красиваго, и возвратясь отсюда, поймете, что *бабу* (богатый туземецъ) построилъ этотъ храмъ единственно изъ тщеславія, а не съ религиозною цѣлюю.

Величіе древняго храма и жалкій видъ настоящаго служатъ, быть можетъ, довольно точными эмблемами прежняго и нынѣшняго состоянія тивдущама.

Первый храмъ доказываетъ очевидно, что убѣжденіе въ истиннхъ своей религіи у Индѣйцевъ было прежде такъ сильно, что заставляло богатыхъ людей приносить роскошныя денежныя жертвы въ пользу религиозныхъ церемоній и внѣшней пышности идолослуженія. Второй же храмъ, несравненно бѣднѣйшій противъ прежняго, убѣждаетъ, что въ сильной степени падаетъ индѣйская религія между образованными классами народа, се исповѣдующими.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ прогрессивнаго охлажденія нынѣшнихъ *бабу* къ вѣрѣ своихъ предковъ служатъ ихъ равнодушіе къ тому, что древніе памятники ихъ вѣрованія

разрушаются, ижить не созрваемым, ижить не поправле-
мым.

Идолъ Купиль-Муни есть просто кусокъ красной закаленной
днны около четырехъ футовъ вышиною, имѣющей, вѣроятно,
кагда-то форму челоуѣческой фигуры; время уничтожило у него
носъ, уши и глаза; хавжамъ только приходится теперь отыски-
вать слѣды этихъ членовъ тѣла.

Съ боку идола стоитъ какое-то подобіе лошади, которая иг-
раетъ важную роль въ преданіяхъ о мудрецахъ.

Здѣсь же неприсягающій народъ поклоняется низшимъ бо-
жествамъ, между прочимъ *Гопуману* (богу-обезьянѣ).

Предъ самымъ храмомъ присутствуетъ *Могонто*: это главный
священнослужитель мелагскій; у ногъ его навалена гряда сере-
бра и мѣди — приношеніе издалека приходящихъ богомоль-
цевъ.

Онъ строго осматриваетъ на бѣнцѣа, который не можетъ
дать ему многого; но тотчасъ же лицо его проясняется, когда
появляется богатый человекъ съ щедрымъ приношеніемъ.

Какъ бы ни было несательно приношеній, во всякомъ слу-
чѣ они очень и очень значительны, и Могонто возвращается
въ Калькутту съ ярмарки со многими тысячами рупій.

Вокругъ храма построены часовни, во имя боговъ разныхъ
формъ и разныхъ названій.

Передъ каждой часовней, украшенной цѣптами, стоитъ жрецъ
и поучая народъ о достоинствахъ своего идола, всѣми силами
старается возбудить къ словамъ своимъ вниманіе богомоль-
цевъ.

Самые суевѣрые изъ нихъ, заходятъ въ каждую часовню предъ
приношеніемъ пожертвованій гладкому идолу, такъ, что если
богомольцы эти небогаты, то послѣ посѣщенія часовень, въ
карманѣ у нихъ остается немного для самого Купиль-Муни,
когда, наконецъ, приходять они къ нему на поклоненіе.

Къ югу отъ храма находится *Сита — Хундъ*, то есть свя-
щенный прудъ, гдѣ купаются обыкновенно богомольцы и
куда вѣтъ доступа мужчинамъ.

Эти женщины опускаютъ свои руки въ воду, или, слушая

сказать, въ грязное болото, которое въ это время года не глубже двухъ футовъ, и вытаскиваютъ, оттуда камешки и кирпичные отломки.

Главная цѣль купанья есть та, чтобъ принесть дѣтей сколько можно больше, а это рѣшается количествомъ выгашенныхъ изъ пруда кирпичныхъ кусочковъ.

Главная купальня находится на самомъ концѣ Мелага, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рукавъ Ганга впадаетъ въ море.

Достигая этого освященнаго мѣста, многіе богомольцы принуждены бываютъ проѣхать Мелагъ съ одного конца на другой.

А такъ какъ женщинъ бываетъ на богомольѣ не меньше, какъ мужчинъ, даже еще больше, то нелегко имъ пробраться сквозь эту шумную толпу лавочниковъ, торговцевъ разнаго рода, нищихъ, фокусниковъ, странствующихъ музыкантовъ и плесуновъ, наполняющихъ собою это малое пространство.

Когда наконецъ богомольцы достигаютъ до берега, то разстилаютъ простыню на песокъ и украсивъ ее цвѣтами, бросаютъ на нее горсть риса, а иногда и какую-нибудь вещь изъ желтой мѣди.

Этотъ даръ есть жертва богинѣ Гунгѣ, олицетворенію боготворимой рѣки Ганга, но часто случается, что какой-нибудь неслишкомъ щекотливый насчетъ права собственности прохожій стянетъ себѣ какую-нибудь вещь, которая подороже.

За пожертвованіями слѣдуютъ омовенія. Богомольцы, раздѣясь по восьми и по десяти въ рядъ и держась за руки друга друга, проходятъ на нѣкоторое разстояніе въ море.

Браминъ идетъ впереди и въ продолженіе того времени, какъ онъ возглашаетъ *мантры* (священныя формулы), богомольцы по знаку его погружаются въ воду.

Повторивъ нѣсколько разъ эту церемонію, купальники выходятъ на берегъ и остальную часть употребляютъ на приготовленіе себѣ пищи, на закуски и прогулку по ярмаркѣ.

Въ прежнее время, многія женщины, давши обѣтъ богинѣ Гунгѣ, имѣли обыкновеніе бросать въ этомъ мѣстѣ дѣтей своихъ въ воду: несчастныя малютки немедленно пожараемы были

крокодыями и акулами, которыхъ множество въ этихъ мѣстахъ.

Такой родъ дѣтубійства истребленъ былъ маркизомъ Уильямъ (Wellesley) въ то время, какъ онъ былъ генералъ-губернаторомъ Индіи. Когда обрядъ запретали, вмѣсто дѣтей, женщины стали кидать въ море кокосовые орѣхи.

Эти плоды подбираются нищими, которые (такъ даже случается) вѣрываютъ ихъ иногда изъ рукъ женщинъ, прежде нежели эти усвѣютъ ихъ швырнуть въ воду.

Возвращаясь въ свои палатки, богомольцы встрѣчаютъ толпы монаховъ (*суніазы*), стоящихъ неподвижно, отдѣльными группами: здѣсь суніазы непальскіе, тамъ пенджабскіе, дальше ориссскіе, а еще дальше ассамскіе, словомъ сказать собраніеся со всѣхъ концовъ Бенгала. Такимъ образомъ богомольцы имѣютъ возможность раздавать дары кому какъ вздумается.

Эти монахи — праздные тунеядцы, жирные и здоровые: они ходятъ почти нагишомъ, съ растрепанными волосами и посыпанные золою. Они изобрѣтаютъ всѣ средства, чтобъ поразить зрѣніе прохожихъ и выманить у нихъ хоть сколько-нибудь денегъ; оставя даже наружность этихъ людей, мы прибавимъ, что на каждомъ шагу предлагаютъ вамъ выточенныхъ изъ дерева черномордыхъ обезьянъ, маленькихъ кумирчиковъ самой странной формы и проч.; показываютъ даже опыты своей физической силы.

Когда эти средства оказываются недостаточными для пріобрѣтенія такого сбора, какого хотѣлось бы этимъ попрошайкамъ, они употребляютъ даже насиліе и бьютъ богомольцевъ, отказывающихся имъ въ подаваніи.

Необходимо дополнить, что монахи эти чрезмѣрно предаются употребленію опиума, *ганджи баня*, и другихъ опьяняющихъ напитковъ.

Вотъ люди, которыхъ шастры возводятъ почти на степень божества!

11 Января 1846. Въ это утро начали мы наши миссіонерскія дѣйствія. То былъ праздникъ, но увы! какая разница съ хри-

стѣянскими праздниками. Гулъ отъ множества головоуъ, оглушающіе звуки туземной музыки, толкотня въ народѣ, безволѣзная болтовня, насмѣшки одного надъ другимъ, постоянное движеніе туда и сюда нѣсколькихъ тысячъ народа безъ цѣли, безъ ума—вотъ индѣйскій праздникъ, который рѣшительно вскружилъ намъ голову.

Мы вышли на берегъ почти противъ самаго храма Купаль-Муна и не вдалекѣ отъ него разставили наши палатки.

Около насъ собралось большое множество богомольцевъ, и мы начали имъ проповѣдывать объ Единомъ Истинномъ Богѣ и о наслозанномъ Имъ на землю Сынѣ Его Спасителѣ нашемъ Исусѣ Христѣ.

Въ это время, заученная проповѣдь была бы во всякомъ случаѣ не у мѣста; мы придумали исполнить свое дѣло съ большею пользою, именно: объяснить, со всевозможною ясностью, многочисленнымъ слушателямъ, скопившимся около нашей палатки, главные пункты христіанской религіи, такъ напримѣръ: испорченность человѣческаго сердца, грѣхъ и гордость идолопоклонства, необходимость раскаянія и облагороженія своего сердца; недостаточность священныя церемоній для приобрѣтенія спасенія...

Мы, необходимыми образомъ, присоединили нѣсколько благочестивыхъ разсужденій касательно личнаго характера Богочеловѣка и того, что сдѣлалъ Онъ для человѣческаго рода.

Впрочемъ, проповѣдь наша касалась и другихъ религіозныхъ предметовъ.

Поговоривъ съ четверть часа иди минутъ съ двадцать, мы роздали умѣющимъ грамотѣ слушателямъ, нѣсколько книжекъ духовнаго содержанія, а потомъ, когда сходбище разошлось и составилось на мѣсто его новое, мы сочли долгомъ своимъ продолжать проповѣдь въ томъ же тонѣ.

Она не могла долго длиться, потому что обстоятельства и самая мѣстность лишала ее необходимыхъ удобствъ.

Около сумерекъ, несколько времени спустя послѣ окончанія нашей бесѣды, мы обрадованы были посѣщеніемъ трехъ индѣ-

кутскихъ миссіонеровъ. Это были: его преподобіе гесперидиъ Боевъ, членъ лапландскаго миссіоннаго общества, и нѣмъ преподобіа господа Неджъ и Робинсонъ; принадлежавшіе къ обществу крестителей. Послѣдніе посѣтатели сопровождаемы были четырьмя новообращенными Индѣйцами, которые служили имъ помощниками.

Всѣхъ гостей нашихъ приняли мы съ радостью.

Въ такомъ мѣстѣ, какъ Сангуръ Малкъ, миссіонеры, окруженный тысячами язычниковъ, не долженъ забирать себя въ голову, что есть разность между ученіемъ многочисленныхъ христіанскихъ sectъ.

Любовь къ Спасителю и къ гибнущимъ душамъ, должна, въ глазахъ миссіонера, быть главнымъ двигателемъ къ доброй его цѣли; и когда онъ узнаетъ, что такой-то Индѣецъ обратился ко Христу, что за дѣло поборнику Спасителя разсуждать—принялъ ли этотъ обращенецъ sectу *батистовъ* или *малдо-батистовъ*, епископальную или пресвитерскую? Онъ долженъ только радоваться, что нашелъ ему новый о Христѣ братъ, и съ этимъ братомъ дѣйствовать совокупно противъ врага спасенія человѣковъ.

Проникнутые такою чувствонаміи, мы рѣшились съ общихъ силъ дѣйствовать въ пользу христіанства. Но чтобъ распространить кругъ дѣйствія, положено было собратіямъ нашимъ раскинуть наметки свои на южной оконечности Мелага, близъ большой купальной площади. Этимъ средствомъ, какъ предположено было, надѣялись мы привлечь на насъ вниманіе всѣхъ Индѣйцевъ, которые стекались на ярмарку.

12 Января 1846. Въ это утро мы стали приводить въ исполненіе планъ, составленный наканунѣ съ нашими братьями баптистами, и нашли, что дѣло свое они исполняютъ превосходно.

Мы продолжали другъ съ другомъ ту же методу проповѣдыванія, какъ было наканунѣ и, по нѣскольку разъ въ день сходясь вмѣстѣ, проповѣдывали одинъ другому Слово Истинъ.

Слово *малдо-батистъ* происходитъ отъ греческихъ словъ *παῖς*, мальчикъ, младенецъ, и *βαπτίζω* крестить, следовательно, оно значить, что человекъ окрещенъ въ малолѣтствѣ. Прим. Редактора.

Вечеромъ, послѣ дневныхъ трудовъ, вмѣстѣ съ англійскими миссіонерами, ходили мы изъ конца въ конецъ по всему Меллагу, ища какого-нибудь случая завязать разговоръ съ народомъ и въ особенности съ купцами.

На концѣ рынка, близъ священныкъ купальень, мы остановились близъ толпы Индѣйцевъ, окружавшихъ похоронный костеръ, горѣвшій съ трескомъ и испускавшій сильное пламя.

Это, славами намъ, были похороны шестидесятилѣтней женщины. Ея сынъ, внукъ и правнукъ присутствовали при этой церемоніи: они и не думали плавать и, казалось, имъ чуть не горевали о своей потерѣ; напротивъ того: лицо ихъ сіяло радостью.

Мы спросили ихъ, что заставляетъ ихъ улыбаться, а не горевать.

Они отвѣчали намъ: «событіе это самое для насъ счастливое; родительница наша прожила много-и-много лѣтъ; умерла въ самое благоприятное время (во время появленія полной луны), въ день добро предвѣщающій (второй въ Меллагѣ) и еще къ тому же въ самый священномъ мѣстѣ изъ цѣлаго Бенгала въ Гунга-Сангуръ.»

Чего же можно было желать болѣе? Блаженство этой старухи было совершенно, и стеченіе такихъ обстоятельствъ заставило окрестныхъ жителей уважать поколѣніе старухи.

Какъ жаль! До какого ослѣпленія доводитъ влѣдѣніе!

Мы старались, въ нѣсколькихъ словахъ, разувѣрить присутствовавшихъ въ послѣдствіяхъ смерти старухи и внушить имъ, что все въ мірѣ имѣетъ конецъ.

Всгдѣ за тѣмъ, на ночлегъ возвратились мы на наши суда.

13 Января 1846. Этотъ день былъ послѣдній изъ праздника Купальень; множество опоздавшихъ богомольцевъ прибыло въ Меллагъ, и больше съ поспѣшностію, нежели съ благоговѣніемъ погрузились въ священныя воды. Эта странная поспѣшность была однакожъ извинительна, потому, что еслибъ они не успѣли выкупаться раньше полудня, по мнѣнію ихъ шастръ, это омовеніе ничего бы не значило. Между послѣ прабывшими находились великій *шейхъ* Лена Сингъ * Натейахъ, братъ Ронжора Син-

* Слово Сингъ, значитъ «левъ» по-санскритски, а въ перагомовомъ смыслѣ «богатырь».

ги, цотрившиго сраженіе при Амвоалъ. Съ нимъ была большая свита, и мы узнали: что онъ помертвовалъ болѣе десяти тысячъ рупій главному жрецу Куниль-Муни и множеству нищихъ богомольцевъ, которые были на ярмаркѣ. Такъ какъ мы нагѣревы были съ вечернимъ приливомъ оставить Сангуръ, и потому желали раздать какъ можно больше книгъ нашихъ. Съ этой цѣлью, мы провели часть дня, гуляя, толпами тамъ-и-сямъ по ярмаркѣ мы входили въ нѣсколько кушеческихъ шалашей и подъ сѣнь богомольцевъ, и предлагали наши разсужденіе и Евангеліе всѣмъ тѣмъ, кто умѣлъ грамотѣ. Книги эти были приняты съ большою благодарностію, нѣкоторыя женщины просили ихъ у насъ даже для своихъ мужей и сыновей, которыхъ не было съ нами. Число книгъ, употребленныхъ нами для этого въ продолженіе этихъ трехъ дней, вышло до тысячи Евангелій, и до шести тысячъ разныхъ другихъ книгъ; эти книги, черезъ странствующихъ богомольцевъ проникнуть въ самую отдаленную часть страны.

Окончивъ наши поученія и раздачу книгъ, мы соединились всѣ въ одну палатку нашихъ новокрещенныхъ: это было маленькое христіанское собраніе. Намъ казалось, что не только насъ, но и толпу язычниковъ, оружавшихъ насъ, должно было тронуть все это собраніе совершающее вмѣстѣ христіанское богослуженіе передъ отплытіемъ изъ Мелага. Мы всѣ пѣли по-бенгальски хвалебный гимнъ Богу Спасителю нашему; послѣ чего, по желанію моихъ собратій, я читалъ молитвы на томъ же языкѣ. Во время этого торжественнаго обряда, мы были окружены большимъ стеченіемъ народа, гдѣ находилось много браминовъ и сувіазіи: всѣ казались очень спокойными и замѣтно внимательными, особенно слушая молитвы обращенныя къ *незвѣстному Богу*; казалось, что эта сцена сдѣлала на нихъ большое впечатлѣніе своею торжественностію, также порядкомъ и совершенной пристойностію нашего богослуженія, особенно въ сравненіи шумомъ, легкомысленностію и недостаткомъ благопристойности въ ихъ обрядахъ.

Собравшись для общей молитвы на самомъ мѣстѣ дьвольскаго смущенія, мы возвратились на наши судна, благодаря Господа за доставленіе намъ столь прекраснаго случая проповѣдывать слово его, такому большому числу слушателей. Но слѣдствіе нашего посѣщенія Сангуръ-Мелага откроется только въ

Святное Христово Воскресенье. Число людей собирающихся на ярмаркѣ Сангура и состоящее изъ богомольцевъ, кунцовъ, музыкантовъ и проч., простирается иногда до пяти сотъ тысячъ человекъ. Между тѣмъ въ послѣдніе годы было постепенное уменьшеніе, а на послѣдней ярмарки все число собравшихся едва не доходило до восьмидесяти тысячъ.

Многіе продавцы жаловались на это уменьшеніе народа, и рассчитывая свой скудный барышъ рѣшились на будущій годъ сюда не возвращаться.

Вчера вечеромъ во время прилива всѣ, мы оставши Сангуръ-Мелагъ, вмѣстѣ со многими богомольцами, и послѣ трехъ-дневнаго пути, возвратились домой безъ всякаго приключенія и, ободренные послѣднимъ успѣхомъ, продолжали наши обычные труды въ Калькуттѣ и ея окрестностяхъ. Да будетъ благословенъ Господь за всѣ его къ намъ милости.

НОВѢЙШАЯ ИЗСЛѢДОВАНИЯ ВОСТОЧНОЙ И СѢВЕРНОЙ СТОРОНЪ АВСТРАЛІЙСКАГО МАТЕРИКА.

Читателямъ нашимъ, мы увѣрены, пріятно будетъ обратить вниманіе на огромный островъ Австралію, равняющійся почти цѣлой Европѣ. Великобританія первая начала покорять разныя части его: это извѣстно; но что—это за островъ?

Въ этнографическомъ, географическомъ и социальномъ отношеніяхъ мы еще объ немъ ничего не знаемъ. А между тѣмъ, кто рѣшить? не сильно ли ошибается Англія, предавая забвенію свои австралійскія завоеванія и обращая исключительно свое вниманіе на Восточную Индію.

По этому, каждому образованному человѣку почти необходимо, съ законнымъ любопытствомъ, слѣдить за послѣдовательными открытіями Европейцевъ въ Новой Голландіи, гдѣ едва — едва, по мѣстамъ только, пришельцы успѣли овладѣть береговыми селеніями и пристанями.

Кочующіе дикари, благодаря только обширности острова (или даже материка своего, если угодно), спасались отъ покоренія себя Европейцами *.

* Оставя пока наши предположенія касательно будущности Новой Голландіи, представимъ офенціально-вѣрные торговые итоги привоза и вывоза между метрополіей и австралійскими колоніями. Эти колоніи получили изъ Англіи товаровъ всякаго рода на сумму:

Въ 1840 году.	22,609,695.
Въ 1841 — —	31,338,775.
Въ 1842 — —	32,904,950.
Въ 1843 — —	36,041,000.

Въ числѣ привезенныхъ въ Англію изъ колоній товаровъ считаются, въ 1843 году, 1,290 кварталовъ пшеницы, а въ 1846 году 20,167 кварталовъ; въ 1840 году—9,720,343 фунта овечьей шерсти; а въ 1846 году—21,789,246 фунтовъ.

Въ 1846 году напечатано было, въ *Revue Britanique*, описаніе путешествія одного польскаго дворянина по Австраліи: онъ — достойный соревнователь знаменитаго Гумбольта; онъ посвятилъ пять лѣтъ своей жизни на изученіе и описаніе Южнаго Цоваго Валлиса и Ванъ—Дамековой Земли; тамъ же, по свидѣніямъ доставленнымъ отъ начальника судна *Билль*, господина Стокса (*Stokes*), совершены подробные результаты касательно совершенныхъ имъ изслѣдованій по берегамъ Новой Голландіи, которую онъ объѣхалъ кругомъ съ величайшею пользою для науки.

Наконецъ, господинъ Эйръ, болѣе года прожившій среди дикихъ племенъ Австраліи, далъ намъ полное понятіе объ ихъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и прочая, и объяснилъ, въ чемъ одно племя, въ моральномъ отношеніи, отличается отъ другаго. Посмотрите объ этомъ въ декабрской книжкѣ 1846 года журнала *Revue Britanique*.

Въ настоящей статьѣ мы расскажемъ, что сдѣлалъ въ пользу этнографіи и географіи новѣй путешественникъ, нѣмецкій ученый докторъ, Лейххардтъ въ продолженіе своего путешествія по Новой Голландіи съ септября 1844 года по декабрь 1845.

Страстнвіе Лейххарата сопряжено было съ большими опасностями и трудностями, но отважный путешественникъ преодолѣлъ ихъ и заслужилъ полное уваженіе обитателей Сидни и званки благодарности со стороны парижскаго и лондонскаго географическихъ обществъ.

Теперь вышло очень недавно его сочиненіе, и мы спѣшимъ познакомиться съ нашими читателями тѣмъ удовольствіемъ, которое сами испытали при чтеніи.

Когда Лейххардтъ предпринялъ поискъ дороги, отъ Мортонъ-Бея, по восточному берегу Австраліи, къ Портъ-Элингтону, лежащему на сѣверѣ ея у залива Карпентарія, онъ не дѣйствовалъ на удачу, но расцелъ вѣрно свои дѣйствія.

Назадъ тому съ годъ онъ изслѣдовалъ уже сѣверный округъ Мортонъ-Бея и освоился съ трудностями, предстоящими путешественнику при обзорѣи неизвѣстной страны, среди дикихъ народовъ, болѣе или менѣе гостепріимныхъ.

Эти первоначальныя попытки сильно раздражали любовь его къ наукѣ; онъ задумалъ предпріятіе гораздо обширѣе; звалъ онъ, какия важныя препятствія должно побѣдить на пути, но и

быть съ тѣмъ вмѣстѣ увѣренъ, что результаты его трудовъ обратятъ на него вниманіе всею образованнаго міра.

Напрасно доказывали ему, что въ Новомъ Южномъ Валлисѣ необходимо еще разрѣшить много топографическихъ задачъ; напрасно также обращали его вниманіе на безчисленныя опасности (однѣ существенныя конечно, а другія воображаемыя), въ которыхъ поведетъ его стремленіе къ осуществленію его плановъ; тщетно упрекали въ тщеславіи сдѣлать имя и труды свои извѣстными, и щедрою рукою разсыпали ему названія безумца, самоубійцы, и проч.

Лейххартъ ничего не пугался и не смотря на совѣты друзей не рѣшился отступить отъ своего намѣренія.

Нѣмецкая флегма вполне обладала имъ: онъ продолжалъ себѣ спокойно готовиться къ отъѣзду, запасаясь разнаго рода предметами и провизіею, однимъ словомъ тѣмъ, что ему было нужно въ пути.

Экспедиція, по расчету его, должна была длиться семь мѣсяцевъ.

На дѣлѣ оказалось, какъ мы увидимъ, что она кончилась не раньше какъ черезъ полтора года: вѣроятно, еслибъ онъ это предвидѣлъ, то уменьшилъ бы число своихъ спутниковъ.

Ему предстояло только избрать нѣсколько отважныхъ молодыхъ людей, такихъ, какими очень богатъ, Сидни. Съ одной стороны, нашъ докторъ избѣгалъ излишка ихъ въ отношеніи къ съѣстнымъ запасамъ; съ другой—считалъ, что труднѣе совладать со многими, нежели съ немногими. Однакожъ, вмѣсто шести человѣкъ, которыхъ сперва нашелъ онъ нужнымъ взять съ собою, онъ принялъ подъ свое начальство десатерыхъ, и 30 сентября выѣхалъ изъ Джимбы, одного изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ австраійской цивилизаціи.

Припасы состояли изъ шестнадцати головъ рогатаго скота, тысячи-двухъ-сотъ фунтовъ муки, двухъ-сотъ фунтовъ сахару, восьмидесяти фунтовъ чаю, нѣсколькихъ мѣшковъ пуль и дроби и наконецъ тридцати фунтовъ пороху.

Каждый человѣкъ имѣлъ при себѣ двѣ пары прочныхъ панталонъ, три рубахи и двѣ пары башмаковъ. Еслибъ экспедиція не протлилась неожиданно долго, то всего этого было очень достаточно для нашихъ путешественниковъ.

По счастью, по мѣрѣ того какъ они подвигались впередъ, во внутренность земли, дичь, которая сначала попадалась имъ очень рѣдко на пути, стала появляться въ изобиліи, и это было причиною, что экспедиція, послѣ восмимѣсячной бѣды, когда уже не оставалось у ней муки ни пылинки, спаслась отъ чистаго голода. Множество kanguru, казоаровъ, водяныхъ курьей и другихъ птицъ и животныхъ помогло имъ додержать свою живую мясную провизію до самаго Портъ-Эссингтова.

Лица, составлявшія экспедицію, за которыми мы будемъ слѣдить въ нашемъ экстрактѣ въ ихъ странствіяхъ по сѣверо-восточной Австраліи, были: самъ Лейххардтъ, руководитель и начальникъ отважнаго общества, — ученый и умный человекъ, твердости котораго всѣ прочіе ввѣряли свою свободу и самую жизнь; пять Англичанъ: господа Кальвертъ, Роперъ, Годжсонъ, Джильбертъ и Джонъ Морфи (послѣднему было только шестнадцать лѣтъ); сеньный (convict) по имени Вилліамъ Файлишсъ; американскій негръ Калебъ и наконецъ двое австралійскихъ образованныхъ уроженцевъ, господа Карли и Гарри Броунъ.

О послѣднихъ, какъ о самыхъ для него полезныхъ лицахъ, Лейххардтъ говоритъ въ своемъ изданіи всего охотнѣе, хотя прибавляетъ онъ часто: эти два лица безпрестанно противились моимъ приказаніямъ.

Вообще говоря, путешественника нашего нельзя обвинять въ неоткровенности касательно его смѣлыхъ спутниковъ.

Понятно, кажется, что восемь человекъ, принявшіе по доброй волѣ подобное путешествіе, всѣ имѣли замѣчательную твердость характера и замѣчательныя также фізіономіи, такъ что стоить объ нихъ войти съ читателемъ въ нѣкоторыя подробности.

Лейххардтъ не помялъ своихъ съ товарищами отношеній. Совершенно преданный ученымъ наблюденіямъ, онъ преимущественно обращалъ вниманіе на малѣйшій камушекъ, на низкій кустарникъ, на птичку, на малоизвѣстное животное, и даже гораздо больше, чѣмъ на своихъ спутниковъ.

Правда, все нужное было для нихъ готово и приняты были всѣ мѣры для ихъ удобствъ; но ученый натуралистъ обращалъ слишкомъ мало вниманій на особенности ихъ характера и наклонности.

Самое важное было для него дѣло, чтобъ они помогали ему, какъ бы добыть хорошій завтракъ, отыскать оставшихъ быковъ, помѣстять куда слѣдуетъ вещи, свалившіяся на дорогѣ;

короче, онъ обременялъ людей своихъ безчисленными работами, въ которыхъ, правда, и самъ участвовалъ.

Рѣдко встрѣчаются болѣе подробныя извѣстiя, нежели такія:—«господинъ Годжсонъ убилъ кангуру,—господинъ Роперъ принесъ восемь какатоэ,—господинъ Файлшипсъ нашелъ тѣльнаго цвѣта плодъ, довольно рѣдкой породы,—господинъ Кальвертъ убилъ птицу *товарищъ*... не подобную нашимъ такой же породы, но такъ уже называется она у туземцевъ!»

И такимъ образомъ продолжается книга, до конца сухо и коротко, будто морской журналъ, и потому сказать должно, что книга доктора Лейххарата, не смотря на свою существенную пользу и важность для изучающихъ Австралію, съ цѣлью туда переѣхать, легко найдетъ себѣ читателей, потому, что всѣ мы, читая что-нибудь, отыскиваемъ, конечно, полезное, но съ тѣмъ вмѣстѣ желаемъ имѣть и какое-нибудь развлеченіе для ума.

Однакожъ, прибавимъ, это обстоятельство не мѣшаетъ отдать должную честь автору и помѣстить его наряду съ отважнѣйшими и дѣятельнѣйшими путешественниками, которымъ искони наука географіи обязана своими драгоценнѣйшими матеріалами.

Экспедиція отправилась въ путь при довольно неблагоприятныхъ предзнаменованіяхъ, и происшествія первыхъ дней пути утравило бы сердца предприимчивыхъ людей, лишенныхъ твердости Лейххарата и его товарищей.

Коляска съ рессорами, на которой докторъ надѣялся проѣхать во внутренность пустыни, сломалась въ куски чрезъ нѣсколько часовъ по отъѣздѣ.

Къ счастью еще, что представился случай промѣнить эти куски на трехъ молодыхъ быковъ; убѣдись, что не должно надѣяться на лошадей при переноскѣ разной клади, Лейххардтъ рѣшился превратить пять быковъ въ вычужный скотъ.

Хлопотъ по этому случаю было очень много, а между тѣмъ быки оказались не совсѣмъ-то ловкими и полезными.

Всѣ клади, которую на нихъ навьючили, безъ ихъ отягощенія, простирался—говоритъ нашъ путешественникъ—не свыше полутораста фунтовъ: сила быка извѣстна каждому, но дороги были не торныя, слѣдовательно нужно было озаботиться, чтобъ не изнурить его.

Вудъ съ Лейххардтоцъ мулы, они были бѣ несравненно полезнѣе лошадей, не смотря на свою буйную природу, брыкли-

вость и непокорность, которыя проявляются особенно въ то время, когда они идутъ подъ жгучимъ небомъ, преслѣдуемые жадными до ихъ крови мухами.

Еслибъ посмотрѣлъ кто-нибудь на быковъ, покорствующихъ путникамъ съ полу-скрытою сваръшностью, подъ тяжестью клады, перевѣшенной имъ черезъ спину, и везущихъ тяжелыя и неуклюжія телѣги, которыя обыкновенно употребляютъ къ тому краю, то легко бы этому зрителю было вообразить затруднительное положеніе пассажировъ, которыя, однакожъ, приняли предосторожность, продѣвъ сквозь ноздри быковъ стальные кольца и тѣмъ удерживая ихъ въ предѣлахъ повиновенія.

Дѣло въ томъ, что быки, почти дикіе, ежеминутно угрожали вѣдущимъ опасностью по своему извѣстному для всѣхъ бѣшенству. Къ тому же корзинки съ припасами, неловко приврѣзанныя къ спиамъ бѣдныхъ животныхъ, легко могли попортить у нихъ спину.

Ремни часто лопались отъ потрясенія на неровной почвѣ, и кладъ падала на землю и шортилась. Кроме того слѣши, которыя гнада, привѣшанныя къ древеснымъ сучьямъ, повреждаемы были порою проѣздомъ каравана путешественниковъ, сильно отомщали за нарушеніе своего спокойствія, визвались въ быковъ своими жалами, и приводили ихъ почти въ ярость.

Еще,—замѣчательное обстоятельство,—въ довершеніе связанныхъ неудобствъ, лошади и быки постоянно стремились къ тому мѣсту, гдѣ передъ тѣмъ останавливались. Поэтому съ раннего утра, нужно было возвращаться за ними и искать ихъ по цѣлымъ часамъ, даже за-полдень.

Вотъ نمونهць образчикъ журнала Лейххардтова, могущій дать понятіе объ его удивительномъ терпѣніи.

«2 октября: быки убѣжали; Чарльзъ нашелъ, наконецъ, слѣды ихъ, и черезъ часъ мы могли пуститься въ путь. Спина быковъ была большею частью вся истерта. Увидѣвъ цвѣтущій табакъ, одинъ изъ нихъ—быки тамоніе большіе охотники до этого растенія—разбилъ въ дребезги свой грузъ и принудилъ насъ остановиться на долгое время.»

Такимъ образомъ, въ вознагражденіе за долгіе труды, быку достался только бѣдный стебелекъ одурающей травы. Этихъ кушаньемъ ограничались всѣ удовольствія бѣднаго животнаго!

Должно самому путешествовать по пустынямъ; должно самому чувствовать желаніе стремиться впередъ, чтобъ видеть, до

какой степени огорчают путешественника самые обычные случаи: небыть быковъ, волузадавленныхъ, измученныхъ, потеря привагоза, и прочее тому подобное.

Такимъ образомъ, въ теченіе нѣкотораго времени, подобные случаи встрѣчались почти ежедневно.

Не говоримъ уже о томъ, что часто, пробираясь сквозь тѣсноту и колючіе кустарники, быки раздирали шкурку съ мучкою и раздѣляли ее по землѣ.

А случилось въ одинъ день дѣло еще похуже. Это уже было къ концу путешествія; докторъ Лейххартъ имѣлъ неудовольствіе бросить—дѣлать больше было нѣчего — значительную часть своихъ ботаническихъ коллекцій, потому что съ нами погибли три лошади въ какомъ-то маленькомъ заливѣ.

Еще, представьте себѣ горестъ ученаго, когда осирѣвѣлый и усталый быкъ, чтобъ сколько-нибудь прохладить себя и облегчить боль въ ногахъ, бросился въ грязный прудъ и потопилъ въ растенія, ягоды, и проч., тщательно указанныя собирателямъ.

Эти неприятности были бы совершенно незаслуженными, еслибы, неожиданно, не найдены были быки исправного теломъ и нею стражию.

Быки питали противъ туземцевъ непонятную ненависть, доходившую до удивительной ярости. Оттого послѣдніе придумали травить ихъ собаками особой породы, быки ужасно боятся ихъ укушенія.

Само собою разумѣется, что путешественники наши не старались ихъ удерживать отъ травли.

Опосеумы, полатуши или летучіе лары, кенгуру (нѣкоторыя имѣли до девяти футовъ въ вышину), крысы-кенгуру, казоары, дикия утки, мѣдиокрасные голуби становились добычею охотничьихъ поѣздокъ спутниковъ Лейххарта.

Они встрѣчали также прокодилловъ и буйволовъ, только въ маломъ количествѣ; видѣли и ловили разнаго сорта рыбу и черпають въ болотахъ, стоячихъ прудахъ и рѣчкахъ.

Песковыя мухи (Sand-Flies), мустики и слѣпняи днемъ слишкомъ надоедали, но каждый разъ свѣжій ночной вѣтеръ прогонялъ ихъ изъ атмосферы.

Лѣса оглашались различными звуками: здѣсь слышалось мелодическое пѣніе птицы, которую назвали *Whistling Owl*, потому-

что она часто повторяла *слухъ, слухъ* *; тамъ пронзительный крикъ *чука-хохотука* (laughing-jackass), или визгливый вой совы; а дальше лай двинхъ собакъ и до сердца проникающій вонь *омносумовъ*.

«Замѣтимъ, что кангуру было въ большемъ количествѣ противъ всѣхъ животныхъ и мы травили ихъ сопутствовавшими намъ собаками такъ часто, какъ позволяла намъ ихъ усталость. Но наконецъ количество нашихъ благородныхъ и вѣрныхъ бессловесныхъ товарищей такъ стало уменьшаться, что осталась одна только собака, по имени Спрингъ, всегда готовая на охоту, хотя вся покрыта была ранами, полученными въ бою съ дикими животными. Она была именно той породы, которая какъ-то имѣла особенную вражду къ кангуру; способности ея по этой части были превосходны, и она во время экспедиціи принесла ей много пользы по количеству загрызенныхъ ею кангуру и другихъ животныхъ.»

За то всѣ ласкали Спринга, кормили его чѣмъ попадало, и рѣшили, по возвращеніи на мѣсто, дать ему спокойное убѣжище и уже не тревожить его по охотничьей части.

Путешественники, по обычаю, имѣли всегда при себѣ тыкву съ водою, и нѣсколько разъ случалось, что эта предосторожность, при переѣздѣ по пустынямъ, спасала жизнь неустрашимого Спринга.

Но пришлось такъ, что переѣздъ вышелъ дольше и утомительнѣе обыкновеннаго.

Спрингъ, къ вечеру, какъ-то отсталъ, и никто не обратилъ вниманія, что его нѣтъ; на-завтра два товарища Лейххардта отправились его отыскивать и нашли его полумертвымъ на слѣдахъ двинхъ животныхъ, которыхъ принялся онъ отыскивать, но уже лишился силъ. Онъ подползъ однакожъ подъ какое-то дерево для того, чтобъ укрыться отъ жгучихъ лучей солнца.

Спринга притащали къ мѣсту роздыха. Докторъ Лейххардтъ рассказываетъ намъ, какъ онъ лечилъ это замѣчательное болное животное:

«Я погрузилъ его всего въ воду, кромѣ головы и пустилъ изъ шеи кровь. Спрингъ прожилъ еще шесть часовъ и къ концу жизни ужасно метался и лаялъ и визжалъ и ворчалъ до нельзя.» Потомъ, послѣ короткаго бореія со смертью Спрингъ

* Bird — по-англійски птица.

испускалъ послѣдній вздохъ—въ пользу казюаровъ и кангуру, но не въ существенному вреду доктору и его спутникамъ.

Не слишкомъ заботясь объ хронологической точности, мы пропустили нѣсколько случаевъ, которые, по нашему мнѣнію, и не стоили упоминанія.

Около мѣсяца спустя послѣ отъѣзда, рѣдкая встрѣча дичи, превозшедшая всѣ ожиданія путешественниковъ, и быстрое уменьшеніе муки въ мѣшкахъ, а въ слѣдствіе того весьма основательная боязнь подвергнуться голоду, — оставя уже другимъ опасности — понудили Лейххардта уменьшить число своихъ товарищей.

Господинъ Галжсонъ и негръ Калебъ возвратились поэтому, въ Мортонъ—Бей.

Между восемью остальными лицами, сопровождавшими доктора, были, какъ мы уже упоминали, два человѣка австраійскаго происхожденія: Чарли и Гарри, получившіе эти имена отъ своихъ крестныхъ отцовъ.

Судя по тѣмъ портретамъ этихъ господъ, представленнымъ для насъ докторомъ Лейххардтомъ, можно сказать, что онъ выбиралъ ихъ себѣ не по наружности. Незирая на явную заботливость ихъ о своемъ туалетѣ въ тотъ день, когда начальникъ ихъ списывалъ, на зло бѣлымъ воротничкамъ, галстухамъ à la Colin, гребенки, поддерживающей ихъ волосы, — признаемъ, — мы не видали физиономій, наименѣе располагающихъ въ свою пользу и наиболѣе запечатлѣнныхъ признаками самой грубой животности и свирѣпости.

Посмотрѣвъ на нихъ, нельзя отлучить себя отъ идеи, что такого рода человѣческія существа съ большою охотою покушаютъ за завтракомъ новорожденнаго младенца и пообѣдаютъ трупомъ — если онъ только жиренъ—любимѣйшаго своего родственника.

Поступки ихъ были столько же дурны, сколько можно было ожидать отъ ихъ граціозной физиономіи. Съ самаго начала путешествія, они оказали уже явное непослушаніе волѣ начальства а четыре мѣсяца спустя совершенно рѣшились освободить себя отъ покорности его приказаніямъ.

Они отъ мѣста не двигались, когда Лейххардтъ предлагалъ имъ ѣхать съ нимъ на какое-нибудь розысканіе; таскали тайкомъ разные съѣстные припасы и безъ спросу уходили въ лѣсъ за медомъ или за опоссумами.

Сказать должно, что докторъ, котораго рѣшительно можно признать безоразумно олегантнѣйшимъ человѣкомъ — не смѣлъ выкидывать за такое ослушаніе, и въ наказаніе ограничился только умѣреннымъ замѣчаніемъ. На вскорѣ онъ долженъ былъ раскаться, что не принялъ никакихъ строгихъ мѣръ и не заставлялъ ихъ бояться начальника.

Февралю девятнадцатаго, послѣ двухъ дней отдыха, отданныхъ на приготовку мяса умершаго отъ усталости быка и на смазку рѣшней, ошлепъ и кожаныхъ мѣшковъ съ провизіей, — что было необходимо по причинѣ нестерпимаго жара и пыли, — господину Чарли вздумалось поискать какого-нибудь пчелинаго улья.

Отсутствіе его продолжалось нѣсколько часовъ.

Когда Чарли возвратился, докторъ сурово началъ замѣчать ему, что онъ не вправе отлучаться, когда ему захочется и угрожалъ, что на будущій разъ не дастъ ему ни крошки поѣсть.

Справедливые упреки приняты были съ тысячею общаго и угрозъ.

«Тогда, — говоритъ Лейххардтъ — я нашелъ пужнымъ выказывать всю мою начальническую власть и сказалъ, чтобъ онъ убрался отъ меня, куда хочетъ. Что же? Мерзавецъ сильно ударилъ меня по лицу; правда онъ не ранилъ меня сильно, но пошатнулъ мнѣ два зуба въ нижней челюсти.»

Прочитавъ это мѣсто, не подумаете ли вы, что докторъ съ своими друзьями разнуздаютъ какую-нибудь лошадь, возьмутъ по ремню, привяжутъ мерзавца къ первому дереву и будутъ драть его до тѣхъ поръ, пока онъ изъ всѣхъ силъ не закричитъ: *med culpa!*

По видимому это случилось бы непременно; другаго ничего сдѣлать не оставалось; но вышло на-оборотъ.

За причиненное оскорбленіе и за боль въ челюстяхъ докторъ удовлетворялся только тѣмъ, что выгналъ изъ своего общества презрѣннаго обидчика.

Тотъ, съ товарищемъ своимъ Герри Броуномъ, немедленно отсталъ отъ каравана. Вскорѣ почувствовали они, какъ тянутъ за нимъ шнуркомъ, безъ всякой помощи для ихъ необходимыхъ нуждъ.

Винновы́е возвратились къ доктору съ повинной головой, раскалялись, извинились и опять были приняты въ число участниковъ въ экспедици.

Съ тѣхъ поръ, хотя и часто выказывали они свое неудовольствіе, но все же можно было съ ними ладить до самаго конца путешествія.

Спокойствіе и хладнокровіе доктора Лейххардта дѣйствительно замѣчательно въ высшей степени. Вставши утромъ съ своей тростянской постели и узнавши, что быки ушли на день пути назадъ, онъ равнодушно записывалъ это непріятное происшествіе въ свой журналъ, и все тутъ.

Сколько непріятностей, — можно сказать, — сколько настоящихъ несчастій перетерпѣлъ онъ. Объ утомительности путешествія здѣсь уже ни-слова... Заимѣтить должно только, что у нихъ были и раны, и болѣзнь, и голодъ и жажда, которае не утолялись...

Почти пятнадцать мѣсяцевъ жизни, протекшихъ то подъ жгучимъ солнцемъ дня, то подъ утомительною влажностью вѣдуха ночи — вотъ изъ чего состоятъ эпизисы Лейххардта, которыя съ перваго раза можно принять за довольно длинный пивникъ, который перерывался охотою за Кангуру, рыбною ловлею и проч.

Правду сказать, хлѣба не много было въ этихъ необработанныхъ мѣстахъ, но движеніе на чистомъ воздухѣ возбуждаетъ аппетитъ и уравниваетъ качества пищи одной съ другою.

Добрый стрѣлокъ чудесно обойдется безъ пирога, когда можетъ къ своей ежедневной порціи говядины присоединять мясо кангуру и удивительно вкусныхъ птицъ южнаго края свѣта: голубей—арлекиновъ, какаду съ розовымъ горломъ и прочее.

Короче сказать, нѣтъ ничего легче, какъ принимать участіе въ несчастіяхъ ближняго, а между тѣмъ добрый читатель часто съ удивительнымъ хладнокровіемъ смотритъ на неудобства, встрѣчаемыя учеными путешественниками въ ихъ полезныхъ, дальнихъ странствіяхъ.

Расскажемъ, наиримѣръ, обѣдъ Лейххардта, описанный имъ на 147 страницѣ его журнала.

Лошадь сломала себѣ ногу, а дичи было въ запасѣ и въ наличности очень немного; рѣшено было зарѣзать бѣдное животное и покушать его мяса. Мясо оказалось для голодныхъ довол-

но вкуснымъ, особенно печенка и легкія, которыя оказались ничуть не хуже телячьихъ.

Мука вся вышла; должно было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, которыя замѣняли бы, хотя не на долго, плотоядную пищу, и потому путешественники обратились къ разнымъ растеніямъ, плодамъ, корнямъ, которые могли бы разнообразить ихъ скудный столъ.

Часто попадались путешественникамъ растенія и плоды вредныя для здоровья, просто ядовиты, и причиняли имъ то рвоту, то судороги, то колику въ животѣ,—однимъ словомъ можно представить; что это было такое? Чѣмъ это окончивалось?

Масо, которое странствователи сохранили въ продолженіе пути, какъ разъ должно было протухнуть, даже сгнить на пути, — частью потому, что не было хорошо высушено, а частью и отъ того, что непрерывные дожди постоянно обливали его.

Люди съ желѣзной натурой могли бы только переносить подобныя лишенія и неудобства и выдерживать безпрестанныя измѣненія температуры. Между тѣмъ, однакожъ, ни одинъ изъ путешественниковъ не оказался серьезно больнымъ, хотя многіе и чувствовали разнаго рода нездоровье, котораго нигдѣ не избѣгнешь.

Самъ докторъ, впрочемъ, подвергался два или три раза припадкамъ.

Дополнимъ, что быстрые переходы отъ одной температуры къ другой, о которыхъ мы сейчасъ упоминали, случались не во все продолженіе странствія: съ іюня погода установилась въ пользу доктора Лейххардта и его товарищей.

«Состояніе нашего здоровья,—замѣчаетъ онъ—доказываетъ, что австралійскій климатъ совершенно согласуется съ потребностями человѣческой жизни.

«И дѣйствительно, безъ всѣхъ необходимыхъ припасовъ, необходимыхъ для Европейца, безъ муки, безъ соли, безъ порядочной одежды, мы были здоровы какъ нельзя лучше, несмотря на усталость и подругу ея—слабость въ членахъ, приходившую къ намъ отъ времени до времени.

«Ночью спали мы почти голые, подобно тамошнимъ жителямъ, безъ всякой подстилки; нѣкоторые раскидывали, впрочемъ, палатки, но опытъ доказалъ, что и безъ нихъ можно оставаться въ полномъ здоровьи.»

И такъ все, относительно, полезно, безвредно и губительно, и докторъ, не имѣвшій никогда, въ продолженіе всей экспедиціи, другаго ночнаго покрова кромѣ свода небесъ, считалъ сабаритами тѣхъ своихъ спутниковъ, которые прикрывали себя палатками, когда отходили ко сну.

Читатель, можетъ быть, сейчасъ же замѣтитъ намъ, почему до сихъ поръ не сказали мы ни слова о ново-голландскихъ дикаряхъ, какъ-будто бы ихъ не бывало. Сейчасъ: дѣло въ томъ, что во весь періодъ времени, о которомъ мы рассказывали, путешественникамъ не попалось ни одного дикаря.

Однакожь они постоянно преслѣдуемы были невидимыми для нихъ дикарями, которые были столько же любопытны, сколько трусливы. Нѣсколько разъ въ послѣдствіи Лейххардтъ попадалъ также въ самое становище ихъ, и они сейчасъ же разбѣгались кто куда-попало.

Стравствователи не упускали случая воспользоваться этимъ и овладѣвали филейнымъ мясомъ кангуру, веревками, древесною корою и проч., а сами оставляли въ замѣнъ удочки, платки и разныя другія произведенія европейской промышленности.

«Сейчасъ же послѣ нашего отъѣзда,—говоритъ докторъ—дикари прибѣгали къ своему становищу посмотреть, что съ нимъ сдѣлано, и захватить то, чего мы не взяли съ собою. Очевидно эти Black-Fellows * не упускали насъ изъ виду, а присоединиться къ намъ боялись.»

Седьмого декабря, когда докторъ Лейххардтъ отправился для развѣдыванія, дикари, прокравшись до того мѣста, гдѣ въ тишинѣ паслись лошади, ранили стрѣлою одну изъ нихъ въ плечо. Это былъ первый знакъ вражды, послѣ котораго, пораженные ужасомъ при видѣ двухъ-трехъ бѣлыхъ челоуѣкъ, бродившихъ въ глубинѣ сосѣдняго лѣса, они скрылись бѣгомъ.

Немного времени спустя, въ февралѣ слѣдующаго года, путешественники встрѣтили туземцевъ больше благосклонныхъ и размѣнялись съ ними подарками и угощеніями. Но вообще дикіе обитатели Австраліи, отъ природы робкіе, при видѣ чужихъ людей, выказываютъ во-первыхъ страхъ, а во-вторыхъ презрѣніе и явное отвращеніе.

* Черные молодцы.

Случилось однажды, что Роперъ и Чарли, отыскивая воды, наткнулись на Black-Fellow и жену его (дін). Въ минуту, какъ будто пара опоссумовъ, супруги вскарабкались на ближайшее дерево, и эта быстрота была тѣмъ болѣе замѣчательна, что женщина была беременна уже на послѣдней порѣ.

Роперъ нѣсколько разъ обходилъ дерево, чтобъ заговорить или съ нимъ или съ нею, но оба они, съ быстротой игуаны отворачивались отъ блага человѣка съ явнымъ ужасомъ и отвращеніемъ.

День или два спустя Джильбертъ и Чарли встрѣтили еще нѣсколькихъ дикарей.

Двѣ женщины были до-нельзя напуганы появленіемъ двухъ бѣлыхъ незнакомцевъ и какъ стрѣла унеслись въ кусты; а мужчины остались и даже имѣли смѣлость заговорить съ нашими путешественниками; но отъ времени до времени они издавали звукъ: *пухъ, пухъ* (что означало омерзѣніе къ собесѣдникамъ) и плевали во всѣ стороны.

Мало-по-малу подобныя приключенія становились чаще и чаще, но такъ какъ дикари обнаруживали явную трусость и не оказывали особеннаго неблагорасположенія къ чужеземцамъ, но ограничивались только глупыми восклицаніями и безречнымъ плеваніемъ, то докторъ пересталъ бояться нападенія.

Ночной часовой, однакожъ, которая ставила и смѣяла аккуратно, сдѣлался въ его глазахъ совершенно необходимымъ. Каждому по очереди приказано было стоять на стражѣ, но часовые часто засыпали мертвымъ сномъ и подвергали отѣлку безпрестанной опасности.

Такое нерадѣніе не осталось безъ послѣдствій.

Однажды вечеромъ, когда наши путешественники расположились въ какомъ-то высохшемъ руслѣ рѣчки, и одни изъ нихъ прилегли въ палаткахъ своихъ, а другіе сбивали плоды съ деревьевъ (самъ докторъ отдыхалъ около огонька), вдругъ нѣсколько стрѣлъ пущено было неожиданно дикарями, и сейчасъ же потомъ, послѣ такого неожиданнаго нападенія, цѣлая шайка ихъ появилась, вооруженная *ваддями*, — такъ на языкѣ ихъ называются особаго рода палицы.

Путешественники, совершенно не ожидавшіе такого внезапнаго нападенія, въ первую минуту начали бросаться изъ стороны въ сторону, чтобы найти ружья и патроны съ пистонами.

Наконецъ нашли, и двухъ или трехъ выстрѣловъ довольно

было для того, чтобъ далеко отогнать дикарей, изъ которыхъ одинъ человѣкъ былъ убитъ или только раненъ—не извѣстно, по дороге, по которой убивали нападавшіе, была обстрѣана пулями, а на другое утро лѣсъ, въ которомъ они укрылись, заглашался болѣзненными воплями.

Въ замѣтъ того, европейскій караванъ лишился одного изъ своихъ членовъ, Джилльберта, а Роперъ и Кальвертъ тяжело были ранены стрѣлами и палками.

Вообще, это происшествіе внушило всѣмъ перладочную боязнь на будущее, и тѣло Джилльберта въ самое скорое время предано было землѣ. На могилѣ несчастнаго разложили большой огонь, чтобы скрыть ее отъ убійцъ сколько было возможно, и лишить ихъ средства отрыть его трупъ и съѣсть его. Потомъ, съ истинною печалью странники отправились въ путь.

«Раненые сильно упрашивали меня, говоритъ докторъ, дать имъ нѣсколько дней спокойствія, но я, принявъ всѣ возможные средства къ ихъ исцѣленію, принужденъ былъ, для спасенія спутниковъ своихъ, отправиться эъ дальнѣйшій путь, увѣренъ будучи, что это не помѣшаетъ ихъ выздоровленію.»

Оказалось, что докторъ былъ правъ.

Правда, больные страдали сильно, но столько же сильно страдали бы они, и оставаясь на опасномъ мѣстѣ. Вскорѣ здоровье ихъ возстановилось: Кальвертъ участвовалъ уже въ разбитіи оленяища и въ удовольствіяхъ охоты; Роперъ пролежалъ болѣзнымъ подольше, а все же наконецъ выздоровѣлъ.

Хочется намъ взбратъ теперь для нашихъ читателей какое-нибудь мѣсто изъ книги Лейххарта.

Возьмемъ хоть слѣдующее (глава восьмая): замѣтитъ должно что здѣсь ученый докторъ менѣе щедрой рукою разсыпаетъ свои подробности касательно географіи и ботаники, а вниманіе читателей обращаетъ преимущественно на свою и товарищей своихъ ежедневную жизнь.

«Я встаю обыкновенно, рассказываетъ онъ, только что услышу веселую пѣсню *шука-холоуна*, который, какъ пѣтухъ, всегда затягиваетъ се въ опредѣленное время и за то заслужилъ прозвище *лѣсныхъ часовъ* или *часовъ колокиста*.

«Продолжительный свистъ этихъ птицъ возвѣщалъ постоянно моимъ товарищамъ, что день уже начинается для нихъ. Каждый изъ нихъ зналъ уже напередъ, что ему дѣлать.

«Броунъ приготовляетъ чай; Кальвертъ заботится объ завтракѣ; всѣ вѣстѣ совершаемъ мы наши омовенія, а потомъ ѣдимъ по два фунта съ половиной варившейся цѣлую ночь говядины и пьемъ по цѣлой квартѣ чаю. Кальверту поручено было раздавать намъ порціи, и когда это важное дѣло кончалось, Чарли какъ-тутъ являлся съ готовыми лошадьми.»

Караванъ пускался въ путь, большею частію, около восьми часовъ утра, и послѣ четырехъ часовъ ѣзды, избиралъ себѣ мѣсто, гдѣ провести слѣдующую ночь.»

Остановясь, путешественники сейчасъ же развьючивали лошадей и быковъ; загарался огонь, и сушеное мясо варилось для обѣда, который вообще бывалъ довольно поздно, а остальную часть проводили, смотря по тому, какъ кому приходилось: одинъ мылъ и чинилъ бѣлье, другой поправлялъ сѣдла и упряжь, третій ходилъ на охоту или на рыбную ловлю; самъ докторъ собиралъ травы и велъ журналъ путешествія.

Онъ же, запасшись, разумѣется, секстантомъ, хронометромъ, компасомъ, короче—всѣми инструментами, необходимыми для рѣшенія, въ какомъ мѣстѣ находится караванъ, дѣлалъ различныя наблюденія, высчитывалъ широту мѣста, посѣщалъ окрестности и избиралъ путь на завтра.

Почти предъ закатомъ солнца всѣ собирались къ столу, и сейчасъ же послѣ паденія росы каждый отправлялся спать.

«Два Австрайлійца и я, продолжаетъ докторъ, ложимся на голой земли и подъ открытымъ небомъ; но Роперъ, Кальвертъ, Джильбертъ, Морфи и Файллипсъ спятъ въ палаткахъ. Кальвертъ забавляетъ Ропера своимъ веселымъ разговоромъ; Джону поручено записать Джальберта; Броунъ во все горло распѣваетъ мѣстныя пѣсни; ему подтягивалъ обыкновенно Чарли до послѣдней ссоры.»

«Броунъ поетъ очень хорошо, и жалобный голосъ его меня пріятно усыпляетъ, тогда какъ я бываю часто не расположенъ ко сну.

«Файллипсъ имѣетъ довольно странныя привычки, онъ устраиваетъ вообще свой шатеръ обыкновенно въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ; подъ сѣнью любого дерева, а иногда между частымъ кустарникомъ и располагается какъ только можетъ удобнѣе. Прежде всего дѣлаетъ онъ себѣ постель изъ свѣжихъ вѣтвей и муравы и потомъ прикрываетъ листьями парусину своего шатра, отчего онъ становится и темнѣе и прохлад-

иже: Часто также онъ окружаетъ себя цвѣтущими животными (сѣнами), которыя обыкновенно ставитъ въ годоняхъ и которыя до утѣшительнаго содержанія закупаютъ при такомъ неподходящемъ роздыхѣ.

Признаюсь, что этотъ бѣдный совѣтъ, столько любящій тѣнь, удаленіе и цвѣты, внушаетъ намъ къ себѣ девальное живое участіе не противоположности своихъ наклонностей съ общественнымъ своимъ положеніемъ.

Какое ни было его преступленіе — по Австрійскимъ законамъ, оно во всякомъ случаѣ должно оставаться неизвѣстнымъ, — ни, а, ни слутники мои не оказывали ему ни малѣйшаго отъраженія, ни призеренія; онъ самъ въ слѣдствіе, можетъ быть, угрызений совѣсти или унижительнаго своего положенія, держалъ себя отъ другихъ въ отдаленіи.

Докторъ Лейххардтъ говоритъ о немъ всегда почти мимоходомъ, но въ дѣла оказывается, сколько можно догадаться, что Файлиппсъ во все продолженіе экспедиціи велъ себя храбро и самоотверженно: прибывъ въ Сидни, онъ получилъ полное прощеніе и взялъ свою часть изъ ассигнуемой правительствомъ суммы, для вознагражденія неустрашимыхъ изслѣдователей края.

Къ тому же докторъ напрасно не сообщилъ намъ, почему именно этотъ смѣлый приватъ былъ въ экспедицію, а не другой кто изъ молодыхъ людей, ничѣмъ не опороченныхъ, предлагавшихъ свои услуги.

Если, читатели, вы никогда не путешествовали, никогда не изучали естественныхъ наклонностей людей, избравшихъ себѣ равную участь, никогда не взвѣшивали слѣдствій утомительной и монотонной жизни, то будете удивляться, какъ важенъ былъ столъ для нашихъ путешественниковъ и какъ огроменъ былъ дорожный аппетитъ.

Эта жадность къ пищѣ, несогласная съ метафизическими наклонностями доктора, иногда приводила его въ досаду на самого себя, и заставляла удерживаться; но вскорѣ замѣтилъ онъ, что слѣдить отъ желудка никакъ не возможно и безропотно предава влеченію обстоятельствъ, а между тѣмъ поддѣрживалъ бодрость своихъ слутниковъ надеждою, что скоро прѣбудетъ въ ихъ грубому кушанью что — нибудь новое, чего они еще не пробовали.

Находка какого-нибудь растенія для пищи или какого-нибудь ягода, полезной птицы, короче всего, что могло уразнообразить

есть, ну и не обиделась бы объедь по-прежнему; обещавшись же, приводило брата в добрых дѣлахъ въ такое восхищеніе, какому предается полдюжины шербетокъ при видѣ огромнаго пирога, который отданъ въ ихъ распоряженіе.

«*Въ неизвѣстномъ подобномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что шибость съ провинкою убавилась слишкомъ замѣтно, надобно было для порядочнаго объѣда съ нѣкоторыми прикотавшими кушаньями, прибѣгать къ искусству отыскивать и подстрѣлывать птицъ и четвероногихъ.*

Надобно сказать, что доктору не чинъ было удовлетворять утонченному вкусу своихъ товарищей, и малѣйшаго законסתа достаточно было для людей; жившихъ обыкновенно многою баша, шарки, лошадинымъ и кангуровымъ мясомъ.

Вотъ, на примѣръ, бапкетъ, заданный въ честь королевы Викторіи, для дня ея рожденія.

«*24 мая.*—Этотъ день былъ день рожденія нашей королевы, и мы угостили себя жирнымъ пирогомъ, потому что не было средствъ достать никакого другаго лакомаго кушанья. Этотъ пирогъ состряпанъ былъ изъ четырехъ фунтовъ муки и куска сала, который нарочно сбереженъ былъ для этого случая; потомъ выпили по чашкѣ чаю съ сахаромъ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло, какъ мы и въ ротъ не брали сахару. Въ настоящее время у насъ только десять фунтовъ его, сберегаемыхъ на случай болѣзни кого-нибудь и для большихъ праздниковъ.»

Въ другое время, сообразивъ, что путь чрезвычайно труденъ и утомителенъ, докторъ позволилъ сварить нѣсколько сала съ нѣкоторою порціей говядины. Вотъ угощеніе, котораго читатели врядъ не поймутъ вдругъ и которое по этому требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

«*Въ сущности, наша бутербродовая не имѣла большой важности къ салу, а къ жирному. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, одержавшись большой параваротъ въ ихъ вкусъ.*

«*Странно же жиру, сообщаясь намъ докторъ, — возрешала смѣлье и смѣлье, по мнрѣ того, какъ количество нашего сала уменьшалось. Мы разсматривали каждое убитое нами животное съ жадностью, съ живѣйшимъ желаніемъ даяти ему жарыма, а между тѣмъ эта страсть туземцевъ удивляла насъ и смѣшила насъ за долго перелъ гнѣтъ.*

«*Напримѣръ, только что застрѣлили кабана, насъ бросали*

оценивать его и считать, въ какой степени природа извлекла его жиромъ.

Посмотря на свои старинскія наклонности, докторъ не отклонилъ въ жадности къ жиру отъ своихъ товарищей и такъ же предумишля, какъ бы достиглось ему побольше.

Въ этомъ отношеніи сообщать онъ намъ чистую новизну, которая оказывается, какъ наказанъ былъ онъ за отступление отъ обычныхъ своихъ правилъ воздержности.

«Вчера—сказано въ журналѣ,—чистилъ я внутренности чудесной куропатки съ намереніемъ поджарить ее на угляхъ, и отъ одного только вида этой пѣшкой, сочной, облитой жиромъ птицы у меня появилась слюна во рту, какъ вдругъ, с горой голубиный коршунъ, котораго близости не мѣлъ я не замѣтить, быстро спустился съ дерева, выхватилъ у меня изъ руки куропатку и что-было-духу улетѣлъ, преслѣдуемый дюжиною своихъ товарищей, старашихся стѣнать у него добычу.»

Мы просимъ нашихъ читателей вообразить себѣ эту картину: съ одной стороны, подъ рѣзновымъ деревомъ стоитъ ошеломленный докторъ, съ открытыми еще жиромъ пальцами, и смотритъ на летучаго грабителя, а съ другой на вершинѣ дерева догадливый оросумъ дѣлаетъ гримасы отъ удовольствія, что его такъ ловко поддѣли.

Оставя смѣшное, однакожъ, мы скажемъ, что этотъ случай повелъ къ серьезному, потому что съ этихъ поръ дичь становилась все рѣже и рѣже.

Между тѣмъ наши путешественники достигли мѣстности плоской, песчаной, ни въ какомъ отношеніи не значительной, покрытой мѣстами дикой травой и муравейниками, безъ малѣйшей тѣни, и безъ признака дичи.

Впрочемъ при нѣкоторыхъ усиліяхъ, земледѣлецъ могъ бы извлечь и изъ этой земли много для себя пользы; скотоводъ также, охотникъ—рѣшительно никакой.

Дичь въ Австраліи встрѣчается какъ-то странно; мѣстами путешественникъ довольствуется тѣмъ, что убилъ нѣсколько дрянныхъ голубей; мѣстами же онъ блаженствуетъ и живетъ въ полномъ изобиліи. Наши странствователи жарили по цѣлому кангуру за-разъ, жарили также процасть ибисовъ, лоснившихъ отъ жиру; летучія лисицы попадались штукъ по двадцати, а меньше двѣнадцати утокъ ниразу не было убито.

Климатъ Австраліи, какъ извѣстно, чрезвычайно возбуждаетъ

зловонный, и потому у наших путешественников дичь не замывалась. Можно судить по следующему извлечению:

«Чарли, Брунт и Джонъ, которыхъ мы оставили на берегу воды, чтобъ они стрѣляли дичь, привели намъ двадцать утокъ на завтракъ и отправились опять послѣ полудня доставить парадасы на обѣдъ и на завтрашнюю утреннюю закуску.

«Добычей ихъ были тридцать одна утка и два гуся. Такими образомъ, на три раза имѣли мы пятьдесятъ одну утку и двухъ гусей и истребили ихъ всѣхъ какъ нельзя лучше, исключая нѣсколькихъ косточекъ, сбереженныхъ кой-къмъ до будущаго раздѣла. Сто утокъ было бы съѣдено, если бы оказались налицо и если бы я похвалилъ.»

Завѣтите, что только семь человекъ совершили быэтотъ страшный подвигъ. Въ одинъ сутки каждый изъ нихъ съѣлъ бы по четырнадцать утокъ, да еще что-нибудь изъ другаго кушанья. Пожалуй, перебрались бы за перья ошощанныхъ птицъ, если бы перья можно было ѣсть.

Однакожъ, эта необыкновенная прожорливость, имѣла нагубныя послѣдствія. Меньше недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ наши бѣдны угостили себя больше чѣмъ гомерическомъ виномъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, вотъ до чего были они доведены крайностью.

«26 октября — Мы не имѣли лучшей пищи, какъ двухъ wallabie (особеннаго рода, свойственныя только Австрали, птицы), сваренныхъ въ котлѣ, куда положено было, для большей сытности бульона нѣсколько обрывковъ кожи. Эта кожа собрана была уже назадъ тому пять мѣсяцевъ и служила оберткою для моихъ ботаническихъ коллекцій, которыхъ, по несчастію, обстоятельства лишили меня. Разумѣется, что эта кожа свѣжая, и когда сварилась, никто, почти не могъ ее разжевать.

Совершенно не знаемъ мы, и признаемся въ этомъ, что такое въ отношеніи къ пищѣ Австралійской wallabie; но какъ бы ни былъ онъ великъ и какъ бы ни вкусно было его мясо, однимъ уже тотъ фактъ, что обрывокъ старой кожи могъ помочь вкусу бульона, вывареннаго изъ wallabie, внушаетъ намъ мало увѣренности, что тѣло этой птицы питательно.

Бульонъ, удиченный оберткой ботанической коллекціи, — оберткой, служившей для этой цѣли почти пять мѣсяцевъ, незачемъ дать могла похлебку для кого-бы-то-ни-было, и мы считаемъ

тасать ее очистительными средствами от вреднаго иеномърибе
пожирание утокъ.

Счастье было для доктора Лейххардта и его товарищей, что къ препятствіямъ важнаго рода, которыми они окружены были, не присоодвнялись еще опасности со стороны дикихъ звѣрей и ядовитыхъ пресмыкающихся. Въ журналѣ не упоминается ни разу о вредѣ, нанесенномъ тѣми или другими животными; докторъ говоритъ только о нѣсколькихъ крокодилахъ и аллигаторахъ, отъ которыхъ легко предостерегать себя.

Подъ числомъ 19 іюня мы читаемъ слѣдующее:

Господа Чарли и Броунъ, которые отправлены были къ берегамъ рѣки, возвратились довольно поздно и сказали, что видѣли на пескѣ слѣды какой-то большой собаки, тащившей, какъ казалось, большую змѣю. Чарли сказалъ намъ, что когда Броунъ выстрѣлялъ по дознянному слѣду, то послышался ревъ подобный воловьему и до такой степени страшный, что они не захотѣли ждать ничего дальнѣйшаго и возвратились на становище. Сейчасъ же, хотя и въ первый разъ, дождался мы, что въ водахъ сосѣдняго залива живутъ крокодилы.

Съ этого времени часто приходилось путешественникамъ встрѣчать крокодиловъ.

На берегу одной красивой соляной рѣчки, которую въ честь одного изъ главнѣйшихъ учредителей экспедиціи Робинсона — докторъ Лейххардтъ назвалъ по его имени, путешественники нашли колодезь, вырытый туземцами.

Первый изъ путешественниковъ, увидѣвшій его, замѣтилъ съ тѣмъ вмѣстѣ и крокодила, который, стоя самъ на берегу и просунувъ глубоко свою длинную морду, съ восхищеніемъ упивался свѣжею и холодною водою.

Звѣи или ядовитыхъ насѣкомыхъ не ищите въ журналѣ доктора; онъ говоритъ объ нихъ очень мало, и то предположительно; именно, вотъ при какихъ обстоятельствахъ:

Когда выѣхали мы съ становища на рѣку Линда, лошадь молодого Морфа заблудилась какъ-то. Чарли долженъ былъ оторваться назадъ, на поиски этого животного и возвратился लेकरъ съ печальными извѣстіями. — Вѣдное животное найдено нѣтъ было на берегахъ Линда раздутымъ до пельян; изъ ноздрей обильно струилась кровь. Должно думать, что оно или укушено было какаждъ нибудь ядовитымъ животнымъ, или съѣдено предѣлю

для своей природы. трава, отъ которой спасалась побѣла дру-
гя животныя.

Впрочемъ, мустанки и песковыя мухи (Sand-flies) надѣлами
путешественникамъ нестерпимо; къ нимъ часто присоединялись
большіе, свирѣпыя въ своихъ нападеніяхъ слѣпни и муравья,
которыя копошились съ намѣреніемъ пользоваться человѣчес-
кою кровью, но обувь защищала путниковъ,

Въ числѣ послѣднихъ упомянуть должно преимущественно о
«муравѣ подземникѣ» или «муравѣ воронкѣ» *funnelant*, зачѣ-
тательномъ по особенному устройству его гнѣзда.

Этотъ муравей вырываетъ въ землѣ ямку перпендикулярную
и отверстіе окружаетъ круглой стѣнкой, которая наклонится и
разширится на подобіе воронки; такая архитектура странна и
неповытна своимъ устройствомъ, потому что для своего под-
земнаго обитателя, въ дождливое время, она становится въ выс-
шей степени неудобною.

Кромѣ того въ Австрали встрѣчается множество огромныхъ
муравьиныхъ, поддерживаемыхъ массовыми конгъ-сортами
и обитаемыхъ бѣлыми муравьями.

На три два вѣды отъ залива Кернентерія, равнина покрыта
частымъ кустарникомъ и усѣяна муравьиными подобнаго рода
крѣпостями. Онѣ, какъ уже сказали мы, являя видъ конуса,
устроены были довольно далеко одна отъ другой; вышка дѣль
простиралась отъ трехъ до пяти футовъ; постройка совершенно
по правиламъ военной архитектуры.

Третьяго іюля прабывъ наши путешественники къ этому виду-
ду, и можно себѣ представить ихъ радость, когда они увидѣ-
ли тотъ пунктъ, къ которому стремились такъ долго и такъ
усердно.

Тѣмъ еще болѣе сильна была ихъ радость, что они успѣли
достигнуть такого мѣста, котораго, исхода не ка-звалось, а что
удачу, какъ Богъ дастъ,

Взглянувъ на карту, которую Лайхардтъ приносилъ къ своей
книжкѣ, сейчасъ же можно убѣдиться, что онъ былъ на по-пра-
вой дорогѣ изъ Маргада-Бей въ Портъ-Дессингтонъ; но слѣзи-
комъ, уклонившись въ правую сторону, продолжалъ двигаться въ
западномъ березу, различа мѣсто, того, ищомъ добраться до мѣ-
ста, какъ было имъ предположено себѣ.

Итакъ самъ следовало, вѣстего того, чтобъ изрѣзать путь

были възвращены мѣзку, гдѣ они никогда не бывали. Наконецъ встѣпился и послѣдній чинный лицикъ. Не поворотить, не можетъ быть, но недостатокъ, въ чемъ оказался весьма важнымъ, потому что долгие опыты доказали, какъ подуривалась она утомленнаго.

Сушеная говядина, спрыснутая водою, составляла теперь постоянную пищу путешественниковъ.

Въ заѣзду чай, они придумали употреблять какойнибудь другой, но събитый, напитокъ. Маккензиевы бобы забилили собою кофе, и хотя съ перваго раза вкусъ ихъ показался несприятнымъ, но дѣлать было нечего: принялись и за нихъ.

Файлэпсъ, которому принадлежить честь этого открытiя, ободренный успѣхомъ, попробовалъ, нельзя ли сдѣлать такого же употребленiя изъ зеренъ акаціи, но отваръ ихъ произвелъ такое дѣйствіе на странниковъ, что они сейчасъ же отказались отъ употребленiя этой микстуры.

Для разнообразiя въ своей пищѣ, они придумали сушить изъ винныхъ бобовъ, ѣли также молодые тростниковыя листья, короче сказать, сдѣлалась почти не людьми, а жвачными животными.

Однакожъ, имѣя удовольствіе быть плотоядными существами, они были не прочь и отъ мяса. Можно удостовѣриться въ этомъ изъ слѣдующаго мѣста:

Ночью, множество летучихъ лисицъ спустилось на резиновые деревья покушать меду, который содержится въ ихъ хѣсахъ. Чарли убилъ три штуки этихъ животныхъ и мы, хотя уже было поздно, поужинали съ большимъ удовольствіемъ. Правда, эти лисицы не были такъ жирны, какъ тѣ, которыхъ ѣли мы прежде; даже, не знаю по чему, отъ нихъ сильно пахло. Но въ кушаньяхъ, приготовляемыхъ ночью, трудно разбирать, откуда происходитъ тотъ или другой вкусъ. Господинъ нашъ кушестеръ Броунъ, торопясь исполнить свое дѣло, вѣроятно не позаботился вычистить для жаркаго внутренности вѣрнннхъ ему животныхъ:

Такая небрежность, право стоила палки. Подумать только надобно, какъ силенъ аппетитъ въ Австраліи, когда они съ жадностью ѣдятъ лисицу, приготовленную безъ надлежащей очистки.

Докторъ Лейххартъ и товарищи его, свыкшись уже съ самою отвратительною пищею, не церемонились и передъ этою.

Сверхъ пищи они имѣли еще многу другихъ заботъ. Гардеробъ ихъ, слишкомъ умѣренный, приходилъ въ совершенное

истощеніе; она прибѣгала уже къ первоначальной одеждѣ Адама, когда онъ лишился чистоты своей; покрывались листьями и тѣмъ попало.

«Рубашки, которыхъ взяли мы съ собою въ маломъ количествѣ, такъ были изношены, что малѣйшая натяжка разрывала ихъ въ куски. Для починки стана мы стали обрѣзывать рукава; когда же приходилось поправить грудь рубашки, мы брали низъ и зашивали имъ верхніе прорѣвки. Наши штаны были разорваны не въ одномъ мѣстѣ, грязны ужасно, а мѣжду тѣмъ не было мыла, чтобъ ихъ выстирать.

«Что еще хуже,—слѣпцы, ядовитые жуки, осы безирестанно беспокоили нашихъ путешественниковъ и ихъ скотину, которой грозила совершенная погибель, потому что быки и лошади могли взбѣситься отъ боли.»

«Въ началѣ странствія, говоритъ Лейххардтъ, имѣли мы нѣсколько перемѣнныхъ лошадей, но разные несчастные случаи и болѣзни значительно уменьшили число служащихъ животныхъ, которые, безъ вѣтя, безъ отдыха, изнуренныя работою, имѣли еще на ногахъ раны, слѣдствіе долгаго странствія по каменистымъ горамъ.»

Последнее происходило большею частию отъ того; что ихъ зануздывали тогда, какъ это вовсе было ненужно, и Лейххардтъ вѣхалъ все въ гору да въ гору, по пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ на камняхъ не возможно было разбѣжаться и безъ того уже изнеможеннымъ животнымъ.

Старшина надъ странствователями, при видѣ залива рѣшившій, что здѣсь-то конецъ его путешествія, немедленно убѣдился, какъ онъ ошибается. Съ того времени, какъ увидѣлъ онъ заливъ Карпентарія, трудности пути усилились и утомленіе спутниковъ его стало рѣшительно невыносимымъ: нельзя не удивляться при этомъ стонческой твердости доктора, который умѣлъ принимать людей своихъ съ ихъ тягостной участію и привести ихъ къ цѣли долгаго и утомительнаго странствованія.

Въ началѣ декабря, Лейххардтъ увидѣлъ напоследокъ конецъ трудовъ своихъ.

Въ это время, путешественники имѣли только одного быка и не желая принести его въ жертву своему голоду, питались косячемъ и тщательно вели его въ Портъ Эсенътонъ. Однакожь быкъ ушелъ куда-то, вѣроятно напиться чистой води-

цы. Вдругъ является изъ лѣса туземецъ и идетъ прямо къ Лейххарту:

«Это былъ молодой человѣкъ, превосходно сложенный: натуральная красота его напоминала формы Аполлона Бельведерскаго.

«На устахъ его написана была улыбка, а довѣренность къ чужеземцамъ доказывала, что онъ не разъ уже имѣлъ съ ними дѣло. Онъ приближался къ намъ безоружный, а множество товарищей, не двигаясь съ мѣста, смотрѣли изъ-за кустовъ, что будетъ съ ихъ отважнымъ сабратомъ.

«Само собою разумѣется, что мы приняли его самымъ радушнымъ образомъ. Вскорѣ къ этому дикарю присоединился другой постарше и поменьше ростомъ.

«Довольно чисто произнесъ онъ по англійски: *Commandant come here! very good! What is hour name!* * Если читатели мои сдружились со мной хотя немного; если раздѣляли со мною хоть нѣсколько моихъ путевыхъ непріятностей, въ теченіе столь долгаго времени; если, наконецъ поняли хоть десятую часть трудностей и лишеній, перенесенныхъ мною въ дорогѣ, то навѣрное поймутъ, какое дѣйствіе произвели на меня и моихъ товарищей эти простые слова дикаря.

«Нашей радости не было предѣловъ, я едва едва не обнялъ и не разцѣловалъ двухъ своихъ новыхъ знакомыхъ, которые, увидѣвъ наше удовольствіе отъ ихъ пріема, раздѣляли его, дѣлая разныя веселыя гримасы.»

Экспедиція находилась въ это время въ пятнадцать дней пути отъ Портъ-Эссингтона и прибыла туда, какъ мы уже сказали, 17 декабря. Коммендантъ гавани капитанъ Макъ-Артуръ оказалъ путешественникамъ живѣйшіе знаки внимательности и исполнялъ всѣ ихъ требованія.

Пробывши съ мѣсяцъ въ Портъ-Эссингтонѣ, Лейххартъ отправился морскимъ путемъ и прибылъ въ Сидни въ послѣднихъ числахъ марта.

Мы сказали уже, какъ противилось мнѣніе жителей Сидни предпріятію Лейххарта; какъ трудно ему было бороться съ предрасудками людей, считавшихъ предпріятіе неисполнимымъ, и какія горестныя предвѣщанія сопровождали отъѣздъ путешественниковъ.

* Начальникъ, пожалуйста, очень хорошо, какъ звать васъ?

Жители Сидни очень хорошо поняли, что вѣрно плохо, въ отношеніи съѣстныхъ припасовъ, приходится Лейххарату; когда онъ въ самомъ началѣ пути принужденъ былъ отпустить двухъ своихъ спутниковъ.

Одинъ изъ послѣднихъ, Годжсонъ рѣшился возвратиться на мѣсто отбытія, съ перваго раза потерявъ присутствіе духа и утомясь трудностями пути.

Появленіе его въ главное мѣсто колоніи подтверждало слухи, распространеншіеся повсюду объ неизчислимыхъ трудностяхъ, неизбѣжныхъ при путешествіи Лейххарта; вслѣдъ за тѣмъ Англичане нисколько не удивились при извѣстіи отъ какихъ-то кочующихъ дварей, что караванъ европейскихъ путешественниковъ встреленъ былъ недавно шайкой туземцевъ.

Это несчастное происшествіе показалось дотогѣ вѣроятнымъ, что другъ Лейххарта Линдъ (родомъ изъ Сидни), которому посвященъ журналъ путешествія, сочинилъ на несчастную кончину предприимчиваго ученаго трогательныя стихи для поселенцевъ, условившихся сопровождать Годжсона, чтобы рѣшительно удостовѣриться въ погибелѣ Лейххарта и его каравана.

Стихотворецъ, говоря о будущемъ открытіи останковъ погибшаго друга, проситъ похоронить его близъ береговъ яснаго водами ручья, подъ тѣнью цвѣтущихъ деревьевъ, съ молитвой, какъ можно дальше отъ взоровъ проѣзжихъ людей.

«Не наваливайте камня, говорилъ онъ, на прахъ моего друга. Ангелы Божіи будутъ охранять праведника, заключеннаго въ могилу. Но запечатлѣйте тверже въ вашей памяти мѣсто, гдѣ покоится будетъ предприимчивый другъ мой, и съумѣйте привести меня къ нему.»

Near not the rock upon his bust!
The angel of the Lord alone
Shall guard the ashes of the just!
But ye shall heed, with pious care
The memory of that spot to keep;
And note the marks that guide me where
My venturous friend is laid in sleep.

Вся эта погребальная пѣснь вполне папсчатана въ томъ журналѣ, изъ котораго мы заимствуемъ этотъ отрывокъ, но мы рѣшаемся ограничиться только имъ однимъ.

* Намъ переводъ не буквальный.

Эти милые стихи сочинены были восемь мѣсяцевъ спустя по отъѣздѣ Лейххардта; вдругъ самъ онъ явился и разсѣялъ ложные слухи о своей гибели.

Можно себѣ представить, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтилъ отважнаго путешественника, прахъ котораго, какъ полагаемъ, давно уже развѣянъ былъ по полямъ.

Немедленно составилае подписка и собранная сумма вѣстѣ съ ассигнованными правительствомъ 1000 фунтовъ стерлинговъ, то есть 25,000 франковъ простерлась до 1500 ф ст. т. е. до 37,500 франковъ. Такимъ образомъ общій итогъ награды путешественникамъ былъ 60,000 франковъ, на наши деньги 45,000 руб. асс.

Доктору Лейххардту, какъ и слѣдовало, выдѣлили «половинную часть.» Онъ принялъ ее въ полномъ собраніи (meeting) иднійскаго училища наукъ и искусствъ, и газета Sidney Herald съ величайшею похвалою отнеслась объ этомъ необыкновенномъ торжествѣ.

Докторъ Никольсонъ; президентъ законодательнаго совѣта, произнесшій рѣчь отъ имени правительства и обитателей Новой Голландіи и поздравилъ путешественника въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ со счастливымъ его возвращеніемъ.

«У меня словъ нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ: чтобъ выразить вполне наше уваженіе къ вашему благородному подвигу и радость о благополучномъ его окончаніи.

Секретарь колоніи доставилъ въ слѣдъ за тѣмъ Лейххардту довольно значительную сумму отъ метрополи въ видѣ вспоможенія; парижское и лондонское географическія общества присудили ему по золотой медали.

Однимъ словомъ, ученая Европа достаточно вознаградила труды Лейххардта.

Онъ не остановился однакожъ на первой попыткѣ, и отдыхалъ недолго.

Въ декабрѣ 1845 года, вновь онъ отправился сухимъ путемъ къ рѣкѣ Лебяжьей.

Путешествіе на этотъ разъ должно продолжаться два года съ половиной. Предосторожности приняты гораздо благоразумнѣе противъ прежняго.

Путешественниковъ будетъ восемеро; но докторъ для носки вьюка, беретъ съ собою не быковъ, а муловъ; онъ запасся четырнадцатю лошадьми, сорока быками и двумя стами семьюдесятью козами.

Вообще говоря, для изслѣдованія Австраліи докторъ Лейххардтъ то же, что Кортесъ и Пизарро для Америки.

Критика и Библиографія.

ОТВѢТЪ

СОВРЕМЕННОМУ И ОТЕЧЕСТВЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ.

Читатели, безъ сомнѣнія, помнятъ, что въ концѣ 1846 года происходила между Отечественными Записками и Современникомъ война, въ родѣ *Батрахоміомэхіи* Гомера. — Говоря о новостяхъ въ журнальномъ мірѣ, Свѣрвая Пчела сказала вскользь, что нѣсколько сотрудниковъ отдѣлилось отъ Отечественныхъ Записокъ и перешло подъ чужое знамя съ надписью: Современникъ. Дѣло, кажется, очень простое и не заслуживающее особаго вниманія: домашняя ссора, и больше ничего! Свѣрвая Пчела сказала совершенную правду. Но что же изъ этого вышло? Появилось нѣсколько печатныхъ *объясненій по нелитературнымъ*, то есть, домашнимъ, журнальнымъ дѣламъ, до которыхъ читающей публикѣ никакого дѣла нѣтъ. И Отечественныя Записки, и Современникъ, объявивъ войну другъ другу, по видимому передумали, какъ Высокосъ и Проловъ нашего стариннаго комика Книжника, уклонились отъ любовытнаго сраженія и, чуднымъ, непонятнымъ образомъ соединивъ обѣ силы своихъ *непріятельскихъ* войскъ, побѣжали, словно старые и вѣрные союзники, въ сторону и единодушно

напали на Сѣверную Пчелу. Примеръ необычайный въ лѣтописяхъ войнъ! Два враждебныя войска, безъ сраженія, безъ переговоровъ, соединяются и бѣгутъ въ сторону, чтобы общими силами напасть на того, кто первый подъ руку попадется.

Сѣверная Пчела приняла очень хладнокровно такое необыкновенное нападеніе, начала отстрѣливаться, и обѣ арміи отретировались. Пчелу хотѣли разстрѣлять пушками, (canoniser); но не удалось. Съ помощію *Домино-Диа* (Doqen, d'Age) Пчела одержала рѣшительную побѣду.

Объ разбитыя, враждебныя арміи, оставя Пчелу, дружно напали теперь на Сына Отечества. Нападаютъ неожиданно, съ двухъ сторонъ! Положеніе трудновато; но что же дѣлать! Защита противъ нападателей — дѣло законное и справедливое.

Отечественныиъ Запискамъ и Современнику, похожимъ по толщинѣ на турецкій стопушенный корабль, показалось досадно, что какой-то третій корабль, не уступающій имъ въ объемъ, плыветъ между ними, не спрося ихъ позволенія и выкинувъ флагъ, на которомъ написано: «Сынъ Отечества.»

Современникъ (смотри декабрьскую книгу этого журнала 1847 года): разстрѣлялъ со всего борта, по поводу корабля, желавшаго: познакомиться:

Отечественныиъ Запискамъ (смотри январскую книгу этого журнала ноябрьскаго года): открыла сильную оконшаду съ другой стороны, какъ на любезнѣльнѣиъ и: глумилась: на брѣвѣиъ: поощривъ: новыиъ: корабль.

Но: что: же? Новыиъ: корабль: впереди: шествуетъ: по: волнамъ, не: суетясь: о: флагъ, и: спокойно: ожидаетъ: новыиъ: воспріимательскія: знамена, на: которыхъ: нѣтъ: даже: буквы: отличительной: угласти:

Недобно: предполагать, что: эти: несправедливыя: нападенія: и: сарава: на: сына: были: не: очень: удачны: и: что: —: дѣйствительно: —: очень: не: удачны, какъ: увидятъ: читатели: Истопрототы, которые: желали: потопить: Сына: Отечества: такъ: же: легки: и: остро, какъ: кругляя, тѣнѣмовыиъ: бѣды: и: горе:

Современникъ: укоряетъ, саркастично: объявленіе: объ: изгнаниі: Сына: Отечества: на: 1848: годъ, и: что: вещь: была: на: ду-

наше, какъ современникъ. Чего же Современнику хотеть? Рѣшительно не понимаемъ умереннаго почтеннаго Современника. Вспомогите, оныя Современники, поспуряя для спасенія и процвѣтания въ своей переводы романа Диккенса Долби, сравните редактора Сына Отечества съ однимъ изъ лицъ романа Диккенса, моралистъ Куттлемъ, чедовѣкомъ очень почтеннымъ и дрядекадильнымъ, который для добраго и благо-роднаго дѣла, для спасенія ближняго, пожертвовалъ послѣднѣе своимъ серебромъ. Далѣе Современникъ очень утиро и до своему мнѣнью и понятію, совершенно аристократиче-ски прибавляетъ: Берегись, старикашка Куттъ! И майору Багстоку (другое лицо въ романѣ Диккенса) не дремлетъ! — Но где этоть Багстокъ? спросять читатели. Пусть они за-глянуть въ романъ Диккенса и узнають, что Багстокъ — че-ловѣкъ сомнительныхъ нравствъ, продавъ, одаренный, по волѣ Диккенса, красноснѣзнымъ носомъ!

Человѣчскій носъ, мужской или женскій, по мнѣнью Со-временника, не что иное, какъ кусокъ мяса или щипца, про-тивъ чего Сынъ Отечества торжественно и сильно протес-товалъ въ своей IV книгѣ 1847 года, заступая за Венеру Медвѣдскую и всѣхъ русскихъ и иностранныхъ красавицъ, и даже за мужчинъ, которые чувствуютъ достоинство своего носа и ни-за-что на оубѣ не согласятся признать его, по пре-дѣленію Современника, за пашку. Здѣсь уже мы видимъ баснословную скронность. Впрочемъ скорить объ этоть пред-метѣ не станемъ: цѣтъ и форма носа — дѣло вкуса; Запятать только, что утирый, совершенно литературный и тонко-ари-стократическій зантеть: *старикашка*, отнесенный Современ-никомъ къ редактору Сына Отечества, выбранъ не совсемъ удачно. Пожалуй, многіе, повѣря вочтенному Современнику, подумаютъ, что редактору Сына Отечества по крайней мѣрѣ сто аѣтъ отроду, какъ какому нибудь Мартыну Задекѣ. Сто-ить только взглянуть во второй томъ сборника, издавнаго Смирдинымъ подъ названіемъ: *Сто русскихъ литераторовъ*, чтобы увидѣть азіатскую гиперболу Современника. Въ этоть сборникѣ нѣтъ еще портретовъ издателей и редакторовъ это-

го журнала; но они авось явятся, и публика тогда увидитъ: кто болѣе похожъ на старинную.

По портретамъ нельзя однакожъ судить у кого изъ литераторовъ вкусъ чище и взглядъ вѣрнѣе. Тутъ нужны другія доказательства. Вотъ, напримеръ, Современникъ, въ своей первой книгѣ за текущій 1848 годъ на страницѣ 20 русской литературы, напечаталъ: «Посмотрите, что теперь пишутъ! мужики въ лаптяхъ и сермягахъ, часто отъ нихъ несетъ сивухою, баба — родъ центавра, по одеждѣ не вдругъ узнаешь, какого это пола существо; углы (сочиненіе господина Некрасова, одного изъ редакторовъ Современника) убѣжище нищеты, отчаянія и разврата, до которыхъ надо доходить по двору грязному по колѣни; какой-нибудь пьянушка, подъячій или учитель изъ семинаристовъ, выгнанный изъ службы, все это списывается съ натуры и проч.» Къ этому глубокомысленному взгляду Современникъ прибавляетъ очень трогательныя и убѣдительныя разсужденія, что приверженцы стараго, утвержденного вѣками, чистаго вкуса, совершенно не натуральны и не правы; что истинной, натуральной поэзіи нигдѣ нельзя отыскать, какъ въ углахъ, между мужиками, отъ которыхъ несетъ сивухой, между бабами, похожими на центавровъ, между выгнанными изъ службы пьянушками, живущими въ убѣжищахъ и углахъ, куда каждый образованный и просвѣщенный читатель, но мнѣнію почтеннаго Современника, имѣющаго претензію на аристократизмъ, обязанъ добратся по колѣни съ грязи, и для чего бы вы думали? Для того, какъ уверяетъ Современникъ, чтобы сдѣлаться добрѣе, чувствительнѣе, чтобы воспылатъ любовью къ человечеству. Удивительный способъ возбуждать любовь къ человечеству! Старинный русскій сказочникъ воскликнулъ бы задѣсь: «Чудо чудное! Диво дивное!»

Предоставляемъ на полную волю всякому желающему добратся до поэзіи, забывшейся въ грязный уголъ. Мы увѣрены, что всѣ просвѣщенные люди отъ этой угловой поэзіи отвернутся и не захотятъ идти къ ней по колѣни съ грязи. По нашему мнѣнію, направленіе, или, яснѣе сказать на манеръ

Отечественныхъ Записокъ и Современника, тенденція грязе-любиво-натуральной школы ведетъ прямо къ униженію поэзіи до пустой, бессмысленной болтовни, могущей нравиться развѣ въ тѣхъ убѣдищахъ, гдѣ роскошное воображеніе поэтовъ новой школы преимущественно любить прогуливаться и черпать вдохновеніе. Эта тенденція, увлекая за собою подражательную бездарность, сбиваетъ иногда съ пути и истинныя дарованія. Приведемъ примѣръ: всѣ читали съ удовольствіемъ первое произведеніе г. Гончарова. Неудобно ли прочесть второе его произведеніе, помѣщенное въ первой книгѣ Современника нынѣшняго года. Тутъ кучеръ, на страницѣ 53, въ углу двора рубитъ бревна, какъ дрова, поднимаетъ надъ головой посредствомъ топора бревна (трехсаженныя или четырехсаженныя — неизвѣстно) и съ одного размаха раскалываетъ цѣлое бревно надвое, словно простое полѣно!!! Вы видите, что это до невозможности натурально! Вотъ гдѣ поэзія-то! Изъ угла, гдѣ кучеръ, въ насмѣшку надъ баснословнымъ Геркулесомъ, рубитъ бревна, авторъ ведетъ читателя въ другіе углы, которые еще почище извѣстныхъ угловъ господина Некрасова.

Въ древней Индіи, въ тѣ еще времена, когда тамъ поклонялись коровѣ и другимъ натуральнымъ предметамъ, была сочинена на санскритскомъ языкѣ елѣдующая драматическая поэма, начало которой сообщаемъ здѣсь въ переводѣ.

ПОЭТЪ и ПОЭЗІЯ.

п о э т ь .

Гдѣ ты, поэзія? Куда сокрылась ты?

п о э з і я .

Я здѣсь! Сажу въ углу порочной нищеты!

п о э т ь .

Скажи, прелестная! какъ мнѣ къ тебѣ добраться?

п о э з і я .

Извольте черезъ грязь геройски отправляться!

п о э т ь .

О! Вишну! Ты меня поставишь въ тушикъ!

П О Э З И Я.

Зачитайся въ грязи — и будешь ты велика!

П О Э Т Ъ.

Ты шутнишь, кажется, или совсѣмъ рязнулась.

П О Э З И Я.

О шить! Въ восторгѣ я! Неможно натянулась!

П О Э Т Ъ.

Принимай, душенька! Ты, вижу я, дурнѣя!

П О Э З И Я.

Отъ вѣка ты отстаешь и глухо говоришь!

П О Э Т Ъ.

Еще не знаю кто изъ насъ отстаешь отъ вѣка.

П О Э З И Я.

Я — баба! я — центавръ, бродяга и кацка!

П О Э Т Ъ.

Да немо на себя, прелестная, клепать!

П О Э З И Я.

Мдя! оставь меня! Въ грязи хочу я спать!

П О Э Т Ъ.

Какое странное ты избираешь ложе!

П О Э З И Я.

О! грязь! Грязь милая! Ты мнѣ всего дороже!

П О Э Т Ъ.

Одни лишь буйволы въ грязи находятъ сласть.

П О Э З И Я. (съ чувствомъ.)

Чтожь дѣлать мнѣ, когда ума лишаетъ страсть.

По обычаю всѣхъ древнихъ, индѣйскихъ поэтовъ, этотъ занимательный споръ между поэтомъ и поэзіею продолжается до безконечности, который, однакожь окончивается тѣмъ, что поэтъ, по простонародному, русскому выраженію, урезонилъ поэзію, вытащилъ ее изъ грязнаго угла, принудилъ ее выкупаться въ водахъ знаменитаго Ганга, снять съ себя отвратительное лохмотье, причесать растрепанные волосы, приодѣться къ лицу и явиться въ образованное общество, какъ слѣдуетъ поэзіи — благовоспитанной дѣвкѣ хорошаго, высшаго круга.

Когда переведемъ эту притчу въоль, мы ее вычитаемъ и

посвятить всѣмъ приверженцамъ *грядущей* школы; которая сама себя величаетъ не въ шутку *натуральною*, и за которую Современникъ такъ трогательно заступается.

Не менѣе трогательно извиненіе Современника передъ публикою, въ той же статьѣ, гдѣ онъ остритъ, *безъ всякихъ доказательствъ*, надъ Синодомъ Отечества. Извиненіе состоитъ въ томъ, что Современникъ не исполнилъ всѣхъ обещаній: въ 1847 году, данныхъ читающей публикѣ въ программѣ 1846 года, напечатанной крупными буквами. Этотъ — по близости, другой — по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не могъ... да что объ этомъ говорить! Особенно оригинально и *натурально* извиненіе двухъ редакторовъ Современника, господъ Некрасова и Панаева. Они оба, въ программѣ 1846 года, обещали публикѣ, что въ 1847 году будутъ напечатаны такія-то изъ статьи и даже романы. Теперь они говорятъ, что ихъ романы и статьи не напечатаны въ Современникѣ 1847 года: изъ *универсаловъ*, единственно изъ одной *универсалности*. Какъ это такъ? — спросить читатели. Вотъ отвѣтъ Современника: господа Некрасовъ и Панаевъ, изъ *универсалности*, во весь 1847 годъ, представляли страницы Современника однимъ своимъ сотрудникамъ, въ полной увѣренности, что публика оценитъ такую *универсалность* и великодушно проститъ неисполненіе обѣщанія, напечатаннаго крупными буквами въ программѣ.

Отечественныя Записки, (редакторъ которыхъ простеръ *универсалность* до того, что въ теченіе семи лѣтъ слишкомъ ничего не написалъ, предоставляя страницы своего журнала сотрудникамъ,) также извиняются въ неисполненіи своей длинной, какъ индѣйская поэма, программы. Сѣверная Пчела перечислила очень точно всѣ обещанныя статьи и не напечатанныя въ Отеч. Запискахъ въ 1847 году. На это справедливое замѣчаніе Отечественныя Записки (см. книгу 1-ю этого журнала за 1848 годъ, часть, стр. 92.) гордо возражаютъ: «Мы могли бы напечатать всѣ обещанныя статьи тѣхъ лицъ, которыхъ обещанныя статьи, по равнине обстоятельствъ, не могли выйти въ книжкѣ Отечественныхъ Записокъ 1847 года. Но мы чину бы это послушало?» Публика очень хорошо извѣстна: не только извѣстна, но

«исненій, взводимыхъ на Отечественныя Записки со стороны некоторыхъ журналовъ; слѣдственно дѣло ясно и безъ дальшихъ объясненій; а оправдываться передъ этими журналами — *ужь* (не *ужь* ли?) извините — не стоить.»

И всеконечно такъ! Для чего оправдываться въ томъ, въ чемъ оправдаться невозможно и неудобно ни передъ публикою, ни передъ журналами. Не стоить! да и только! Коротко и ясно! Все это дѣлается изъ одной учтивости. Здѣсь обязаны мы замѣтить, что извиненіе Отечественныхъ Записокъ подѣржано письмомъ сотрудника этого журнала, князя В. Одоевскаго къ редактору, котораго князь Одоевскій увѣдомляетъ, что обстоятельства практической (?) жизни, въ которыя онъ нежданно былъ поставленъ, сдѣлали для него уже второй годъ невозможною всякую литературную дѣятельность, въ какомъ бы то ни было ученомъ, или литературномъ изданіи.

Не понимаемъ: какъ согласить эти слова съ изданіемъ появившейся въ концѣ прошлаго 1847 года четвертой книжки, подъ названіемъ: *Сельское Чтеніе*, и процензпрованной еще въ іюль того же года. Въ ней пять статей князя Одоевскаго! Объ этой книжкѣ мы отдадимъ особый отчетъ читателямъ нашего журнала.

Очень жаль, что Отечественныя Записки и Современникъ, до-неводѣ сознавшись, передъ всею публикой, въ неисполненіи своихъ обѣщаній, не могутъ уличить Сына Отечества въ подобную грѣшкѣ или подобной учтивости. Программа Сына Отечества, 1846 года не только выполнена въ 1847 году въ точности, но читающая публика получила болѣе, чѣмъ было программой обѣщано.

Не отсюда ли происходитъ гнѣвъ, не оттого ли замы съ двухъ сторонъ, на которые Сынъ Отечества вынужденъ отвѣчать, изъ учтивости?

Отечественныя Записки, въ порывѣ утонченной учтивости, сравниваютъ редактора Сына Отечества съ Донъ-Кихотомъ, воюющимъ съ фантастическими врагами. Откуда же эти замы остроумія, и справа, и слева? Кто стрѣляетъ въ Сына Отечества, люди, или существа фантастическія? Кажется, люди. Впрочемъ редакторъ Сына Отечества готовъ, если угодно,

какъ переводчикъ Сервантеса, принять изъ руки Отечественныхъ Записокъ эпитетъ Донъ-Кихота, но только съ маленькимъ, совершенно-справедливымъ условіемъ. Донъ-Кихотъ, какъ всѣмъ извѣстно, имѣлъ самыя знаменитыя сраженія съ *спиритными мельницами* и другимъ неодушевленнымъ предметамъ. Условное принятіе Сыномъ Отечества названія Донъ-Кихота налагаетъ на редактора Отечественныхъ Записокъ непреимчивую обязанность избрать названіе любого изъ противниковъ Донъ-Кихота, съ которыми онъ сражался. Впрочемъ, мы его къ этому не принуждаемъ. Дѣло зависитъ отъ добровольнаго, взаимнаго согласія. Если онъ данный вамъ титулъ возьметъ назадъ, то Сынъ Отечества не будетъ Донъ-Кихотомъ, а Отечественныя Записки не будутъ вѣтряною мельницей, или какимъ-нибудь другимъ изъ противниковъ знаменитаго рыцаря.

Окончимъ здѣсь нашъ салютъ на залпы Современника и Отечественныхъ Записокъ, и попросимъ извиненія у нашихъ читателей, что заняли на вѣскольکو минутъ вниманіе ихъ этими потѣшнымъ сраженіемъ. Нападенія на насъ этихъ двухъ журналовъ голословны, произвольны и не подкрѣплены никакими доказательствами, а вотому не заслуживаютъ серьезнаго отвѣта.

Вотъ, еслибы, цѣлпримѣръ, по случаю разбора *Книги для чтенія воспитанниковъ сельскихъ училищъ, изданной отъ Управленія Государственнаго Коннозаводства*, упомянувъ насъ, что мы толкуемъ обо всемъ самонадеянно, проносимъ всему рѣзкіе, диктаторскіе приговоры, и доказываемъ нашу основательную ученость тѣмъ, что отодвигаемъ луну отъ земли на 3,570,000 верстъ, то есть на такое разстояніе, на которомъ луна представилась бы нечѣ тогда неудобочитаемаго шрифта Отечественныхъ Записокъ; то этотъ почтенный журналъ имѣлъ бы полное право наказать на Сына Отечества и обличить его въ непростительномъ невѣдѣніи. Но дѣло въ томъ, что тутъ роли мѣняются. Сынъ Отечества и Сѣверная Пчела, вѣскольکو не зависящіе другъ отъ друга, въ одинъ голосъ похваляютъ *Книгу для чтенія воспитанниковъ сельскихъ училищъ*, а Отечест-

земным Запискам и Современникам, разделенные интересами и соединенные просветами; вынули на эту книгу дружески и отодвинули луну от земли на такое расстояние, что, просто, ее никогда не увидишь, и вся вышедшая луна слезает отныне вперед, вымерянула из календаря, издаваемого Академией Наук. Но вѣтъ! Луна и Академія останутся прочно на своихъ мѣстахъ, а Отечественныя Записки и Современникъ займутъ свое. Одно спасеніе: сослаться на наборщика и печатьку. Но и это нехитрое средство очень ненадежно и сомнительно, тѣмъ болѣе, что выдѣненное, по-вое разставленіе луны отъ земли подлѣрилово рѣшительнѣе, эноргическимъ восклицаніемъ Отечественныхъ Записокъ:

«Исправда: на 3,570,000 верствъ. Это разница: земнотамная!»

Мы очень сожалѣемъ о такомъ огромномъ, миллионномъ промахѣ по части учености, который никакъ невозможно прикрыть спасительною *опечаткою*; но съ другой стороны утѣшаемся мыслію, что луна свѣтитъ на всемъ земномъ шарѣ, и во всемъ нашемъ обширномъ отечествѣ; и что луну всѣмъ видятъ и вслѣдъ любить, начиная отъ простолюдина до великаго образованнаго человека, и даже до восторженнаго поэта, который ни о чемъ другомъ не умѣетъ говорить, какъ о лунѣ или двалѣ. Взойдетъ луна — и каждый вспомнитъ *ученость* Отечественныхъ Записокъ, оттолкнувшихъ луну отъ земнаго шара на разстояніе совершенно *не натуральное, гиперболически-фантастическое*; каждый подумаетъ о Современникѣ, спутникѣ Отечественныхъ Записокъ, о Сынѣ Отечества, о Книгѣ для чтенія воспитанниковъ сельскихъ училищъ и о Сѣверной Пчелѣ. Вотъ сколько чуждыхъ мыслей и воспоминаній будутъ отныне впродолженіи лунною, о которой отдавъ публицѣ всѣмъ извѣстай, превосходный *отчету*, нашимъ заслуженнымъ, значительнымъ ветераномъ поэтомъ, Василиемъ Андреевичемъ Жуковскимъ. Луна, можетъ быть, проиграетъ отъ этого, но что же дѣлать! Сынъ Отечества тутъ ни на волосъ не виноватъ. Не ужь оттолкнулъ луну отъ земли, слѣдуя своему *профессиональному* гонимъ, на ужасное и не согласное со *всѣмъ воспитаніемъ*

астрономіями и календарями разстояніе въ три мильона пятьсотъ семьдесятъ тысячъ верстъ! Вотъ что значить геній и основательная ученость!

Въ довершеніе всей этой трагикомедіи, господиць Порошинъ напечаталъ на дѣлахъ выжину или оссерцію, назиданій Современника и Отечественныхъ Записокъ на Книгу для чтенія воспитанниковъ сельскихъ училищъ, (что за счастливая книга!) и гдѣ, вы думаете, напечаталъ?—въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, газетѣ, вполнѣ вѣрни уважаемой, въ которой воѣ читали съ истинными удовольствіемъ остроумные, основательные и вполнѣ благонамеренные фельетоны Г-на К... и много другихъ, прекрасныхъ, дѣльныхъ статей. Этотъ новый критикъ, господиць Порошинъ, силою своего генія приуздилъ Лиссабонъ — до пяти благополучно существующую, извѣстную столицу извѣстной Португаліи, — провалиться сквозь землю! Правда, что танъ въ 1755 году было сильное землетрясеніе, и погибла часть жителей при паденіи зданій, но городъ и не думалъ проваливаться, ибо существуетъ донинѣ на прежнемъ мѣстѣ. Ясно, что господиць Порошинъ не заглядывалъ въ книги, гдѣ подробно описано всѣмъ извѣстное, лиссабонское землетрясеніе.

Въ заключеніе, приходитъ невольная охота пропѣть куплеты изъ остроумнаго водевиля: *Натуральная школа*, недавно надѣлавшаго много шума въ Петербургѣ:

Тутъ не ученость нужна, а призваніе,

Сила и воля души;

Если призналъ кто въ себѣ дарованіе,

Просто—садись и пиши!

Чудеса у насъ происходятъ въ литературѣ и у ченомъ мірѣ! Одинъ отталкиваетъ луну отъ земли, другой втал киваетъ поэзію въ грязный уголь, третій повелѣваетъ цѣлой столицѣ провалиться до центра земли, четвертый... всего не перечислишь, да и перечислять скучно. Вѣрьте послѣ этого гигантскимъ шагамъ къ просвѣщенію и къ *прогрессу*, о которыхъ

безпрестанно въ некоторые журналы такъ высокопарно и красиво толкуютъ.

Впрочемъ, вотъ какъ слѣдуетъ понимать *прогрессъ*, по уверенію *Современника* (смотри 5 страницу Вгляда на русскую литературу въ январской книгѣ этого журнала):

«*Прогрессъ относится только къ тому, что развивает-ся само изъ себя. Прогрессомъ можетъ быть и то, съ чѣмъ вовсе нѣтъ успѣха, пріобрѣтенія, даже шагу впередъ; и напротивъ, прогрессомъ можетъ быть иногда неуспѣхъ, упадокъ, движеніе назадъ.*»

Слово *прогрессъ* — французское; оно безпрестанно употребляется во французскихъ журналахъ и газетахъ, и перешло къ намъ изъ подражательности, которую такъ остро и справедливо осмѣялъ Грибоедовъ. Переведемъ самымъ точнымъ образомъ на французскій языкъ сужденіе *Современника* о прогрессѣ и посмотримъ: что выйдетъ?

Le progrès se rapporte seulement à ce qui peut se développer de soi-même. Le progrès peut exister là, où il n'existe aucun progrès, aucune acquisition, même aucun pas en avant; au contraire, quelquefois une mauvaise issue, une chute, un mouvement rétrograde peuvent être un progrès.

Прочитавши такое логическое и премудрое сужденіе, всѣ Французы отъ Ламашскаго пролива до Пиренейскихъ горъ непременно расхохотались бы до слезъ. Французы, впрочемъ, охотники хохотать откровенно. Мы, Русскіе, только улыбаемся и изъ учтивости согласимся съ *Современникомъ*, что *прогрессъ*, то есть, *преуспѣяніе или успѣхъ*, о которомъ съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ разсуждаютъ въ некоторые наши журналы, дѣйствительно иногда приходится считать *неуспѣхомъ*, паденіемъ и движеніемъ назадъ.

Ж. Масальскій.

Исторія финансовъ учреждений Россіи со времени основанія государства до кончины Императрицы Екатерины II. Сочиненіе Графа Дмитрія Толстаго, удостоенное Императорскою Академією Наукъ полной преміи. С. Петербургъ, въ типографіи К. Жернакова, 1848 года, въ большую 8 д. листа, 258 стр.

Вотъ книга, съ которою мы отъ души поздравляемъ всѣхъ просвѣщенныхъ и любознательныхъ чичателей. Достоинство ея признано первымъ ученымъ сословіемъ Россіи и удостоено преміи, слѣдовательно было бы излишне и нескромно съ нашей стороны доказывать то, что такимъ блестящимъ образомъ признано и доказано. Графъ Толстой—молодой еще литераторъ, но онъ началъ свое литературно-ученое поприще такъ, какъ многіе посѣдѣвшіе ученые пожелали бы свое поприще кончить. Эта книга есть истинный успѣхъ, или, пожалуй, *прогрессъ* нашей ученой литературы, но не такой *прогрессъ*, или успѣхъ, какой по новѣйшему мнѣнію нѣкоторыхъ мудреныхъ мудрецовъ слѣдуетъ признавать за неуспѣхъ, упадокъ, движеніе назадъ. Хорошъ успѣхъ, который означаетъ неуспѣхъ! Тутъ, по нашему мнѣнію, здравый смыслъ очевидно выпросился въ безсрочный отпускъ, или даже въ чистую отставку. По подобной логикѣ каждый мѣтьеръ полное право сказать, опираясь на современный, извѣстный авторитетъ, что восходъ солнца можетъ быть иногда и закатомъ солнца, что бывое можно иногда признавать коричневымъ или даже чернымъ, и что прелестный, идеально - художественный носъ Венеры Медицейской тоже самое, что красносидый носъ Багстока, извѣстнаго героя Диккенса. Но оставимъ въ сторонѣ почтеннаго Багстока съ носомъ, и обратимся къ сочиненію графа Толстаго.

Передать нашимъ читателямъ содержаніе этой книги въ краткихъ очеркахъ невозможно, ибо каждая почти страница ея представляетъ факты и старательныя изысканія въ нашихъ историческихъ источникахъ. Указать ихъ — значило бы перепечатать всю книгу. Ограничимся небольшою выпискою, взятою впрочемъ безъ выбора, для показанія нашимъ читателямъ слога, методы и трудолюбивыхъ изысканій почтеннаго автора. Вотъ, наиримѣръ, начало его историческаго обзора банковъ въ нашемъ отечествѣ.

«Несправедливо полагають Шторхъ и другіе ученые, что первая идея учрежденія банковъ въ Россіи относится ко второй половинѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, когда основанъ государственный заемный банкъ. Дѣйствительно, только съ этого

времени возникают у нас кредитныя установленія на правды-ныхъ началахъ, коиъ сѣдовали государства Западной Европы. Но попытки устройства банковъ, попытки непопулярныя и малоуспѣшныя. Встрѣчаемъ въ исторіи русскихъ финансовъ гораздо рѣже. Именю, въ 1733 году Императрица Анна Иоанновна, имѣя въ виду недостаточность частнаго кредита, что имѣло сѣдствиемъ чрезвычайное возвышеніе процентовъ, отъ 12 до 20% чего во время войны не водится, повелѣла открыть своимъ именемъ кредитную контору по 8% подъ залогъ золота и серебра, поощряя 4% можно преемственно бы выдаваемые деньги. Золото и серебро считались по указаной цѣнѣ, т. е. меньше той, чего стоили выданными, изъ вѣжъ, — а алмазныхъ и прочихъ вещей, прибавлялось въ указѣ, также деревень и дворовъ подъ закладъ и на выкупъ не брать. Срокъ займа назначенъ былъ годовою, но разсрочка давалась до трехъ лѣтъ. Ясно, что правительство, при учрежденіи подобнаго банка, не столько заботилось о доставленіи кредита частнымъ лицамъ, сколько о своихъ собственныхъ выгодахъ и привлеченіи въ казну возможно большаго количества золота и серебра. Но этому самому дѣйствию банка не могли быть услажены и существованіе его продолжитель-но. Послѣ самаго учрежденія оного, мы не встрѣчаемъ болѣе и упоминанія объ немъ: вѣроятно, онъ въ скоромъ времени былъ уничтоженъ.

Кредитныя установленія, основанныя на началахъ разумныхъ и точныхъ, являются въ Россіи, какъ мы сказали, только въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны.

Банки, учрежденные Елисаветою и преемниками ея, Императоромъ Петромъ III-мъ и Императрицею Екатериною II-ю, были, какъ почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ того времени, банки государственные. Одни преимущественною цѣлію своею имѣли умноженіе доходовъ казны, другіе, хотя основанные главнымъ образомъ для усиленія и упроченія богатства народнаго, дѣйствительно оборотами своими должны были доставлять не малыя выгоды правительству. Потому какъ тѣ, такъ и другіе, должны занять мѣсто въ исторіи русскихъ финансовыхъ учреждений.

Указомъ 13 мая 1754 года положено государственному заемному банку въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, при Сенатѣ и Сенатской конторѣ, для дворянства, и въ С.-Петербургѣ, при Коммерцъ-Коллегіи, для торгующаго при С.-Петербургскомъ портѣ купечества. Неумѣренное возвышеніе процентовъ на отдаваемые частными лицами въ заемъ деньги было главнымъ поводомъ къ основанію этихъ банковъ, которые, по положенію, при извѣстныхъ залогахъ, должны были ссужать желающихъ занять изъ оныхъ, подъ условіемъ ежегоднаго платежа по 6%. Величина суммъ, выдаваемыхъ изъ банковъ

каждому частному лицу, выдаваему на та права, простиралась отъ 500 до 10,000 рублей.

Следствіи ильичево право пользованія ссудами изъ Дворянскаго заемнаго банка, было великороссійское дворянство, также и иностранцы, состоявшіе въ вѣчномъ подданствѣ Россіи и имѣвшіе недвижимыя имѣнія въ Великороссіи. Но указомъ 3 апрѣля 1736 года допущены въ займы изъ банка и тѣ Русскіе дворяне, которые имѣли земли въ Финляндіи, Эстляндіи и въ Эзельской провинціи. Въ семъ же указѣ именно запрещено давать изъ сего банка ссуду дворянамъ другихъ принадлежащихъ Россіи провинцій, какъ то: Лифляндцамъ, Эстляндцамъ, Малороссіянамъ и проч., кои не имѣютъ недвижимаго имѣнія въ Великороссіи, ибо оный для дворянства банкъ, видится, учрежденъ единственно для поправки великороссійскаго дворянства и дабы помѣщичьи деревни и при самыхъ крайнихъ своихъ нуждахъ исправиться могли, не лишаясь продажей оныхъ недвижимыхъ своихъ цѣнностей. Въ 1766 году дворянство Лифляндское, Эстляндское и Эзельское получило въ семъ отношеніи одинакія права съ дворянствомъ Русскимъ. Въ томъ же году это право распространено и на Бѣлорусскія губерніи, на томъ основаніи, какъ сказано въ указѣ, что Ея Императорское Величество соизволила отозваться, что Бѣлорусскимъ подданнымъ отъ великороссійскихъ ни въ чемъ различать не изволить. Дворяне губерній малороссійскихъ и Смоленской уравнивы были въ семъ отношеніи съ прочими только въ 1783 году.

Условія выдачи изъ дворянскаго банка въ заемъ денегъ были слѣдующія: 1) онѣ отдавались не болѣе, какъ на годъ; 2) въ обезпеченіе выдаваемыхъ суммъ служили закладами: а) золото, серебро, алмазныя вещи и жемчугъ. Эти заклады должны были стоить въ полтора раза болѣе отпускаемыхъ денегъ. Опѣялись они главнымъ присутствующимъ въ конторѣ банка съ его помощниками, вносились въ особенную книгу, гдѣ описывалась каждая вещь порознь, съ означеніемъ ея вѣса: б) недвижимыя имѣнія, села и деревни съ людьми и крестьянами и со всѣми угодьями, полагая по 500 рублей на 50 и по 1,000 на 100 душъ. Но по указу 11 декабря 1766 года на каждую крестьянскую душу стали выдавать по 20 рублей. Каждый Лифляндскій гакъ, два гака Эстляндскіе и три Эзельскіе принимались въ залогъ въ тысячу рублей. в) Указомъ же 26 іюля 1754 года дозволено выдавать изъ банка ссуды подъ залогъ каменныхъ домовъ. д) Поручительство людей знатныхъ и помѣщичьихъ служило также достаточнымъ удостовѣреніемъ въ исправности платежа процентовъ со стороны заемщика. Наконецъ, дозволялось е) выдавать ссуды, подъ поручительство, для выкупа заложенныхъ у частныхъ людей недвижимыхъ имѣній, буде

онѣ въ закладѣ у одного лица, и съ тѣмъ, чтобы предаторъ под-писалъ на своей закладной приемъ въ банковской конторѣ, при присутствующихъ. Разсрочка платежа процентовъ не превышала трехъ лѣтъ, по прошествіи коихъ заложное имѣніе описывалось, продавалось съ аукціоннаго торга, и если сумма вырученныхъ за оное денегъ превышала выданную банкомъ, то излишекъ отдавался должнику. Ближайше родственники заемщика имѣли преимущественное право на покупку продаваемаго имѣнія. Но по указу 7 іюля 1759 года, срокъ уплаты процентовъ, по предложенію графа П. И. Шувалова, продолженъ на четыре года. Кромѣ того весьма часто давались, по разнымъ причинамъ, и большія отсрочки. Наконецъ, указомъ 25 октября 1761 года, пересрочка займа положена въ семилѣтній срокъ. Основной капиталъ банка былъ первоначально 750,000 рублей, но въ продолженіе царствованія Императрицы Екатерины II-й, увеличенъ почти шестью миллионми.

Купеческій заемный банкъ выдавалъ подъ проценты деньги только русскимъ купцамъ, торговавшимъ при С. Петербургскомъ портѣ, на такихъ основаніяхъ: а) ссуды назначено было производить не менѣе, какъ на мѣсяць, и не болѣе, какъ на полгода. Но какъ купечество не находило часто средствъ къ уплатѣ взятыхъ въ заемъ денегъ въ столь короткое время, то указомъ 23 августа 1754 года, прежній срокъ платежа переименъ въ годовою. Впрочемъ, по разнымъ уважительнымъ причинамъ, именно, какъ означено въ указѣ 7 марта 1762 года, за неполученіемъ изъ казенныхъ мѣстъ денегъ, за непродажею и неприбытіемъ товаровъ по причинѣ маловодія или распутія, и смотря по состоянію должниковъ, давались имъ въ платежъ и большія отсрочки. Залогомъ служили привезенные къ порту товары, которые цѣвностью должны были превышать требѣемую сумму четвертою долею. Эти товары свидѣтельствовались комерцъ-коллегіею и для большей вѣрности требовалось поручительство другихъ купцовъ въ дѣйствительности принадлежности ихъ желающему получить ссуду. Впрочемъ сбытъ этихъ товаровъ нисколько не стѣснялся ихъ залогомъ, только при продажѣ оныхъ взымалась заятая сумма. Въ 1764 году, указомъ 23 іюля, банку было дозволено выдавать въ заемъ безъ залога тѣмъ купцамъ, кои представляютъ за себя поручителями свои Магистраты и Ратуши. Пролажа съ аукціона имѣнія производились на такихъ же основаніяхъ, какъ и въ дворянскомъ банкѣ. При аукціонной продажѣ имѣній, тотъ и другой банкъ имѣли преимущество предъ всѣми кредиторами, ссудившими заемщика подъ закладъ имѣнія его, заложенаго въ послѣдствіи въ банкъ. Потому, для свѣдѣнія банка, кредиторы обязывались давать знать о закладѣ имъ отъ

частныхъ людей ищѣній въ жѣтныя присутственныя мѣста, которыми сообщали о томъ ежеквартально конторамъ банка.

Въ 1770 году, указомъ 14 июля, состоялась высочайшая воля Государыни о принятіи въ банки отъ частныхъ людей вѣчнаго капитала, съ платежемъ указныхъ процентовъ, по желанію отдатчиковъ.

Желая упрочить существованіе банка и вмѣстѣ избавить общество отъ ростовщиковъ, Государыня, подъ страхомъ конфискаціи всего имущества, постановила одинъ общій для всего государства процентъ, именно шесть со ста,—мѣра, какъ извѣстно, недействительная и потому излишняя.

Самое учрежденіе банковъ на наложенныхъ основаніяхъ было столь благотвѣтельно, что не было нужды въ принудительныхъ средствахъ къ поддержанію ихъ дѣйствій. Проценты, получаемые подъ залогъ ищѣній, отъ частныхъ людей, какъ видно въ указѣ, весьма часто превышали 20 на 100. Взаимные же банкомъ, сообщеніе съ развитіемъ промышленности и торговли въ Россіи, были довольно умѣрены. Въ государствахъ коммерческихъ, гдѣ средства промѣна накопляются въ избыткѣ, проценты незначительны. Въ Россіи же, далеко не достигшей полнаго развитія торговли, пониженіе процентовъ до 6 было достаточно для умноженія торговыхъ оборотовъ и для поощренія къ усовершенствованію мануфактуръ, при доставленіи вмѣстѣ съ тѣмъ выгодъ и государственной казны. Въ учрежденіи купеческаго заемнаго банка главный недостатокъ состоялъ въ томъ, что другъ его дѣйствій ограничивался былъ купцами, торговавшими при С. Петербургскомъ портѣ; ибо таковою мѣрою правительство, способствуя къ увеличенію благосостоянія ищѣнаго купечества, какъ бы отрывало въ пользу его монополію прѣтѣчь всѣхъ другихъ лицъ точною сословию,—поставленіе вредное для торгующихъ и для торговли, но которое въ послѣдствіи времени было исправлено. Прошло десять лѣтъ съ учрежденіемъ купеческаго банка, и правительство опытомъ удостовѣрилось, что дѣйствія его не должны простирались на одинъ торговцевъ при Петербургскомъ портѣ; ибо, хотя былъ уже основанъ общій государственный банкъ, снабжавшій своими капиталами все купечество, чувствовалась однакоже необходимость ищѣть частные банки, на подобіе Петербургскаго, при другихъ складочныхъ мѣстахъ заграничной торговли. Потому, указомъ 23 июля 1764 года, наположеніяхъ банка Петербургскаго, основанъ былъ, подъ управленіемъ астраханскаго губернатора, купеческій банкъ въ Астрахани, который, между прочимъ, долженъ былъ производить учетъ векселей на банкъ Московскій,—мѣра необходимая въ особенности по

привлечь капиталы и на основании: большей торговли и малой монеты. Однако въ другихъ примерахъ торговыхъ городовъ по добрымъ банкамъ учреждены не были.

Вобщемъ должно сказать, что банки были основаны на прочныхъ началахъ; въ статутахъ ихъ невидно дозволеній, вредныхъ для банковыхъ дѣйствій, и монета, которою банки совершали свои операціи, какъ видно изъ указа 12 декабря 1738 года, была наилучшая для поддержанія ихъ кредита; ибо какъ выдача суммъ изъ банковъ, такъ и уплата оныхъ, производилась серебряною монетою. Изъ последующихъ распоряженій правительства о правильности дѣйствій банка видно, что оно всегда старалось руководствоваться правилами добросовѣстности, единственно могущими поддержать существованіе всякаго банка. Такъ, замѣтимъ, что дворянскій банкъ отдастъ большую часть наличныхъ своихъ капиталовъ и вырученныхъ процентовъ для оборотовъ въ частныя руки, Государыня, указомъ 27 марта 1761 года, строго запретила такіе выдачи, назначить производство изъ сихъ суммъ только жалованья присутствующимъ въ Банкахъ и канцелярскимъ служителямъ, и повелѣть ежегодно рапортовать Сенату о состояніи суммъ Банка. Но не смотря на желаніе Правительства сохранить хорошее устройство Банка, вскорѣ послѣ его основанія, именно черезъ четыре года, онъ началъ уже замѣтно отступать отъ предписанныхъ ему правилъ. Внутренняя организація и злоупотребство Дворянскаго Банка пришли въ упадокъ. Въ 1768 году Банковое Бухгалтеріи не существовало, а слѣдственно; нечетко были доходы и расходы Банка; Представительныя Государственныя Ведомости о состояніи Банка дѣлались приблизительно и совершенно не вѣрно. Но въ 1778 и въ особеннѣе въ 1779 годахъ образъ Дворянскаго Банка пришелъ въ такое дурное состояніе, что онъ не могъ даже содержать своего управленія, и указомъ 10 апрѣля 1779 года повелѣно было опустить ему въ вознагражденіе, заимобразно, 300,000 руб. мѣльною монетою изъ Петербургскаго Ассигнацiоннаго Банка. Дабы не лишиться вовсе этого существованія, Дворянскій Банкъ, по указу 9 сентября 1779 года, обжаловалъ имѣть некая запасный капиталъ въ сто тысячъ рублей. Длительное управленіе Дворянскимъ Банкомъ, графа Брюсселя (1779—1781), хотя и оправдало его состояніе, но не могло возстановить въ немъ вполнѣ порядка и утвердить его кредитъ. Премьеръ-министръ въ управленіи Банкомъ, тайный совѣтникъ и сенаторъ Заволодскій, для приведенія въ ясность всѣхъ дѣйствій Банка съ самаго его основанія, представилъ, въ 1781 году, Императрицѣ проектъ учрежденія при Банкѣ особой экспедиціи, для приведенія старыхъ дѣлъ въ надлежащее устройство, общая въ два года привести въ вѣдѣность настоящее положеніе Банка и установить въ немъ правильное теченіе.

с суммъ вкладчиковъ, но ихъ желаніе, въ настоящее время случай было вовсе отстранено.

Дѣйствительно, на прошло четырехъ лѣтъ съ основанія этихъ банковыхъ конторъ, какъ правительство удостовѣрилось, что существованіе ихъ, на опредѣленныхъ для нихъ началахъ, невозможно, и самъ Императоръ Петръ III-й рѣшился ясно высказать о нихъ свое мнѣніе: «*что сіе по нуждѣ выключено средство, должа и должна некоторое облегченіе, но на отращающае однакоже встаетъ сопряженности съ ними по-сходности, такъ искусство и время утвердилъ Насъ и болше от сей стати*».

Читатели видятъ сами, какъ надѣмся, что книга эта не даромъ заслужила премію отъ Императорской Академіи Наукъ. Должно замѣтить, что вся книга, съ начала до конца, написана съ такимъ же стараніемъ и трудолюбіемъ, какія видны изъ приведеннаго нами отрывка.

О молитвъ Манассин. Сочиненіе Императорскаго Гатчинскаго Сиротскаго Института законоучителя Василія Гречулевича. С. Петербургъ 1848 года, въ типографіи Фишера, въ 8 долю листа, 16 стр.

— Примѣръ дѣтскаго благочестія, истинное происшествіе, законоучителя Гречулевича (второе изданіе въ пользу бѣдныхъ дѣтей *исключительно*). С. Петербургъ 1848, въ типографіи Фишера, въ 8 долю листа, 52 стр.

— Слово въ недѣлю сыроушную на текстъ: «*Адамъ, гдѣ вси*», Императорскаго Гатчинскаго сиротскаго института законоучителя Василія Гречулевича. С. Петербургъ, 1848, въ типографіи Фишера, въ 8 долю листа, 8 стр.

Книги подробнаго содержанія всегда должны возбуждать къ себѣ вниманіе читающей публики, еслибъ даже критика и могла замѣтить въ нихъ какіе-нибудь недостатки.

Книги эти имѣютъ тѣмъ болѣе права на вниманіе читателей, что онѣ изданы съ благородною нравственностію цѣлью, а одна изъ нихъ пожертвована въ пользу бѣдныхъ.

Натуральная школа. Шутка-водевилъ въ одномъ дѣйствіи. С. Петербургъ. Въ тип. Имп. Академіи Наукъ, 1847 г. Въ 16 д. л. 59 стр.

Имя автора не объявлено, но тутъ встаетъ сказать латинскую послѣдницу: «*зна видно по ногвамъ.*»

Цѣль этой піески состоитъ въ осмѣяніи неважнаго литератур-

наго направленія, известнаго подъ именемъ якобы натуральной школы. По этому, при разборѣ ея, мы должны принимать въ соображеніе эту ея специальную цѣль, ибо здѣсь сценической интересъ дѣлается уже вещь второстепенною.

Одна содержательница женскаго пансіона ожидаетъ къ себѣ новыхъ учителей. Объ этомъ узнаютъ нѣсколько молодыхъ людей, разговорившись съ пансіонерками черезъ окно, и рѣшаются явиться къ содержательницѣ пансіона подъ видомъ этихъ учителей. Сказано и сдѣлано. Содержательница, ничего не подозревая, тотчасъ поручаетъ имъ каедру. Всѣ эти молодые люди—ревностные последователи новой школы, стало быть люди съ весьма поверхностными знаніями, почему они дѣлаются, къ крайнему удивленію начальницы, посмѣшникомъ своихъ ученицъ.

Наконецъ является дядя этихъ молодыхъ людей, и все дѣло объясняется.

Пьеса эта исполнена остроумныхъ насмѣшекъ надъ натуральными философами. Между прочимъ въ ней находятся куплеты, которые вы считаете долгомъ выписать для нашихъ читателей; ихъ поетъ одинъ изъ молодыхъ людей содержательницѣ пансіона:

Новую школу ума и словесности
Мы на Руси завели;
Въ этой-то школѣ дойти до известности
Многимъ ужъ мы помогли.
Тутъ не ученость нужна, а призваніе,
Сила и воля души;
Если призналъ кто въ себѣ дарованіе, —
Просто садись — и пиши!
Въ плоскостяхъ нашихъ значенье глубокое;
Жизнь какъ размотришь вблизи —
Въ низкомъ отыщется дивно высокое;
Золото видно въ грязи!
Надо раскапывать тайны семейныя,
Чашу глѣ горькую пьютъ;
Сколько трактиры, харчевни, питейныя
Пийцы поэту дадутъ!
Тайъ-то отыщешь Руси молодечество,

Тамъ до всѣхъ думаютъ всѣхъ,
 Тамъ переобразъ всего человѣчества,
 Тамъ-то народный нашъ духъ!
 Мы — мы природы прамые поборники,
 Геній заднихъ дворовъ!
 Наши герои: бродяги, да дворяни —
 Чернь Петербургскихъ улицъ.
 Здѣсь мы реформу начнемъ социальную;
 Новымъ ученьемъ своимъ;
 Въ школу гуманно-ультра-натуральную
 Вашъ паціонъ обратимъ.

Намъ остается только пожалѣть бѣдныхъ натуралистовъ, ко-
 торыхъ натуральныя стремленія и ученость — такъ остро и за-
 бавно осмѣяны, и при томъ въ такихъ гладкихъ, мастеровскихъ
 стихахъ. Въ Петербургѣ всѣ ихъ знаютъ уже наизусть и при-
 водятъ изъ этихъ стиховъ, въ веселомъ свѣтскомъ разговорѣ,
 цитаты, подобно тому, какъ шутятъ стихи нашего незаб-
 венаго Грибоедова.

Омалова: Пескахъ, или петербургскій арабъ. Водевиль въ
 одномъ дѣйствіи. Соч. П. Жаровыинова. С. Петербургъ, въ тип.
 Имп. Академіи Наукъ, 1847 г. Въ 16 д. л. 80 стр.

Милая, остроумная пѣса нашего известнаго драматическаго
 писателя и артиста! Мы полюбили его съ тѣхъ поръ, какъ
 онъ рассыпалъ (лѣтъ уже съ пятнадцать назадъ) въ своемъ
 первомъ водевилѣ: *Знакомые Незнакомцы*, въ теченіе одного
 часа, столько пріятныхъ остроумъ и русскихъ каламбуровъ
хорошаго вкуса, какъ говорятъ Французы, — сколько иному
 писателю не удастся рассыпать въ цѣлый годъ, или даже въ
 цѣлую его жизнь.

Вотъ содержаніе его новой пѣсы:

Арабъ Отъеловъ, служащій въ одномъ знатномъ домѣ, влю-
 бляется въ дѣвушку, живущую на Пескахъ у своей тетки, и
 шлетъ ей руки. Дѣвушка, въ свою очередь, влюблена въ под-
 мастера изъ кондитерской, Кассьяна Саввича, который тоже въ
 ней души не слышитъ. Но тетка, глухая къ мольбамъ любовни-
 ковъ, даетъ слово арабу, дышущій парадъ котораго ее поразилъ.
 Любовники въ отчаяніи. Къ счастью ихъ, нащъ Отелло тоже
 ищетъ (у кого ихъ ищеть?) недарнаго друга въ лицѣ оставшаго
 придворнаго истопника. Этотъ почтенный человекъ, поселившись

тамя, радикалами, монтаньярами, коммунистами, фурьеристами, социалистами и другими сумасшедшими. Точно также, *Донъ-Кихоть*, очень добрый, умный и почтенный человекъ, исключая тѣ случаи, гдѣ дѣло касалось его монаманъ — странствующаго рыцарства, хотѣлъ увѣрить своего простака-оруженосца, что онъ, рыцарь, рѣшительно съ ума сошелъ. По зрѣломъ и основательномъ размышленіи: какой избрать родъ сумасшествія, тихій ли и меланхолическій, по примѣру Амалтея Гальскаго, или буйный, бѣшенный, по примѣру неистоваго Орланда, *Донъ-Кихоть* рѣшился сдѣлать пріятное соединеніе обомъ этихъ родовъ сумасшествія, и началъ вередъ своимъ оруженосцемъ взыхать, а потомъ кувыраться. Это вовсе не къ лицу Германскимъ писателямъ, вдавшимся въ политику; Германцы издавна отличались глубокомысліемъ и основательностію.

Отъ этого общаго взгляда перейдемъ къ частностямъ, и укажемъ на чисто литературныя новости въ Германіи.

Восемнадцать дочерей, *повѣсть Леопольда Шефера, 1847.*

Въ этой повѣсти заключается много глубокихъ, психологическихъ наблюденій о разныхъ обстоятельствахъ жизни, и въ особенности о воспитаніи, любви и супружествѣ. Есть также въ этой повѣсти и значительные недостатки, а именно: всѣ фантастическія описанія и изображенія сверхъ-естественныхъ явленій, до которыхъ авторъ, какъ замѣтно, большой охотникъ. Всѣ эти явленія до крайности не натуральны, и весьма далеки отъ изящнаго, но эти недостатки выкупаются оригинальнымъ и занимательнымъ изображеніемъ нѣкоторыхъ характеровъ. Таковы, на примѣръ, характеры: Сангала, отца восемнадцати дочерей, и Саломона, деревенскаго хирурга. Не менѣе удачно обрисованы также характеры дѣвушекъ Арминія и Бригитты. Должно, однакоже, замѣтить, что слогъ въ этой повѣсти во многихъ мѣстахъ чрезвычайно тяжелъ, отъ чего и самое чтеніе дѣлается иногда утомительнымъ.

Клубисты съ Майнца, романъ Гейнриха Кёнига, въ 3 частяхъ, Лейпцигъ 1847.

Въ этомъ романѣ авторъ представляетъ намъ превосходную картину состоянія Майнца до революціи. Главнѣйшія лица этой эпохи, равно какъ мужчины и женщины иславаго званія и состоянія, изображены живо и натурально, характеры дѣйствующихъ лицъ обрисованы искусно и разнообразно, и удачно въ-

держаны до самаго конца. Читая этотъ романъ, невольно за-
лекаешься и живо представляешь себѣ картину тогдашняго смут-
наго времени. Среди неистовыхъ страстей и буйствъ клуб-
стовъ, прекрасно изображены любовныя интриги барона Фран-
ца Карла и его возлюбленной, со свадьбою которыхъ все окон-
чивается мирно и благополучно. Этотъ романъ, въ отношеніи ис-
полненія, можетъ быть поставленъ гораздо выше известнаго
уже въ этомъ родѣ сочиненія—подъ названіемъ «Вероника.»

*Разказы для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, Карла Штѣ-
бера. Штутгартъ, 1847.*

Пятнадцать весьма занимательныхъ повѣстей, содержаніе ко-
торыхъ взято изъ древнихъ и новыхъ временъ, и нѣтъ цѣ-
лю представитъ поучительные примѣры. Въ этомъ отношеніи
въ особенности заслуживаетъ вниманія рассказъ подъ названі-
емъ «Пауперизмъ или бѣдность.» Авторъ всѣхъ этихъ повѣ-
стей, взявъ себѣ, по видимому, для образца Хебеля и Ауерба-
ха, своими удачными подражаніями приблизился къ этимъ ви-
сателямъ.

Стихотворенія Дрексльеръ-Манфреда. Третье, значительно
исправленное и умноженное, изданіе. Франкфуртъ на М. 1848.

Второе изданіе этихъ стихотвореній вышло 8 лѣтъ тому на-
задъ, а настоящее—третье совершенно не похоже на прежнее;
теперь многое совсѣмъ выпущено, а другое волиѣ передѣлано.
Въ концѣ же прибавлено нѣсколько новыхъ стихотвореній, изъ
которыхъ есть много и очень хорошихъ. Изданіе весьма краси-
во и изящно.

Въ послѣднее время вышло на нѣмецкомъ языкѣ множество
альманаховъ, которые, какъ известно, составляютъ необходимость
и страсть Германіи. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманіе слѣдую-
щіе:

«Ирида», прекрасно изданный *графомъ Майлатомъ* альма-
нахъ. Въ немъ помѣщены: нѣсколько ларическихкихъ стихотво-
реній австрійскихъ писателей и писательницъ, четыре повѣсти
и, составляющая лучшее украшеніе этого изданія, біографія од-
ного современнаго нѣмецкаго литератора, написанная Штете-
ромъ. Къ альманahu приложены шесть правюръ и портретъ
Штетеера, который, говоритъ, чрезвычайно полюбилъ.

Альманыхъ Шпиндлера, подъ названіемъ «Незабудка», за-
служиваетъ того, чтобъ не былъ позабытъ: суди по красиво-

му издавію, ни одинъ изъ вышедшихъ къ настоящее время альманаховъ не можетъ съ нимъ сравниться. Въ немъ помѣщены народныя повѣсти и сказки разныхъ авторовъ, между которыми въ особенности отличаются забавныя и интересныя рассказы самого Шпидлера, гдѣ всегда проявляется оригинальный талантъ его, доставившій ему названіе народного писателя.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ альманахѣ, подъ названіемъ «Берлинская карманная книжка,» совершенно отличномъ отъ другихъ, послѣ изданныхъ, какъ по содержанію своихъ серьезныхъ статей, такъ и по приложеннымъ къ нему гравированнымъ—портрету Принца Фридриха Карла Николая Прусскаго и шести картинамъ, изображающимъ значительнѣйшія аданія, которыя въ послѣднее время были выстроены въ Пруссіи, или предначечены къ построенію. Въ концѣ альманаха приложена генеалогія царствующихъ въ Европѣ домовъ.

Современныя сказки, соч. Федора Альтауса. Лейпцигъ, 1848.

Не совѣмъ легко опредѣлить: съ какою именно цѣлію дано этой книгѣ такое заглавіе, потому что содержаніе ея весьма разнообразно; а помѣщенные въ ней сочиненія нисколько не похожи на сказки. Въ заглавіи же неудачнаго заглавія книги, мы съ удовольствіемъ въ ней замѣчаемъ, что въ самомъ авторѣ много юмора и фантазіи, и, что всего важнѣе, онъ умѣетъ изображать характеры. Въ своихъ одахъ и диерамбахъ, написанныхъ прозою, онъ представляется восторженнымъ и нѣрѣдко влюбленнымъ. Слогъ его плавеиъ и увлекателенъ.

Отрывки изъ сочиненій, оставленныхъ умершею жепциною. Лейпцигъ, 1847.

Книга эта состоитъ изъ двухъ частей: въ первой помѣщены стихи, а во второй прозаическія сочиненія. Первая половина содержитъ преимущественно стихотворенія, описанія живописныхъ мѣстъ, морскихъ видовъ, и нѣсколько незначительныхъ стиховъ, сочиненныхъ на разные случаи. Во второй же половинѣ помѣщены отрывки изъ дневниковъ и писемъ, содержаніе которыхъ большею частію религіозное. Вообще отличительный характеръ всего сочиненія есть религіозность и покорная, удаленная отъ всѣхъ земныхъ страстей, любовь къ Богу. Нѣкоторыя изъ стихотвореній въ этомъ отношеніи достойны вниманія, а другія большею частію слабы. Послѣднихъ, однакоже, немного. Приложенный въ концѣ книги критическій обзоръ нѣкоторыхъ романсовъ и пѣсней, весьма неумѣстенъ.

Не принятые на театре пьесы, изданыя Дювигомъ Фогларомъ. Пестъ, 1847.

Намѣреніе издателя этой книги состоитъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать прощалу въ избраніи пьесъ для театровъ, и стараться, чрезъ опроверженіе ложныхъ мнѣній критики и публики, ввести снова на сцену не принятыхъ пьесъ. «Мы хотимъ,» сказано въ книгѣ, попробовать доставить нѣмецкой сценѣ репертуаръ пьесъ, который бы на всегда обезпечилъ насъ, въ театральныхъ представленіяхъ, отъ пристрастныхъ замѣчаній бездарныхъ людей, ихъ безвкусіа, страсти къ подражанію и безотчетной любви ко всему иностранному. — Это намѣреніе издателя вполне достигается въ изданной первой книгѣ: въ ней помѣщены пьесы, которыя заслуживаютъ, однакоже, по множеству заключающихся въ нихъ прекрасныхъ мѣстъ того, чтобы играемы были въ театрахъ.

Юлиита, королевская дочь. Лирическая драма Гейнриха Гертца. Перевелъ съ Датскаго Гарольдъ Тауловъ. Альтона, 1847.

Эта драма была сперва представлена на королевскомъ театрѣ въ Копенгагенѣ, 5 апрѣля 1845 года, а потомъ на многихъ другихъ знаменитѣйшихъ театрахъ Германіи, гдѣ имѣла такой же большой успѣхъ, какъ и въ Копенгагенѣ. Она чрезвычайно оригинальна: не представляя никакихъ сильныхъ страстей, бурныхъ волненій души, и тому подобныхъ принадлежностей новѣйшей драмы, она увлекаетъ однакожъ зрителя и читателя, и глубоко трогаетъ сердце. Конецъ этой пьесы также нѣсколько не походитъ на развязки прежнихъ драмъ; онъ очень оригиналенъ и оставляетъ въ зрителяхъ самое пріятное впечатлѣніе.

Пажы Епископа. Повѣсть Густава фонъ-Гееринга. Дрезденъ и Лейпцигъ, 1847. 2 части.

Разсказъ этотъ взятъ изъ того времени, когда Филиппъ Адольфъ фонъ-Еренбергъ царствовалъ, въ званіи князя-епископа, въ Вюрцбургской области, и когда судилища надъ колдунами были еще во всей силѣ. Требованиямъ читателей второго и третьяго разрядовъ, авторъ удовлетворяетъ разнообразными перемѣнами происшествій и лицъ: здѣсь растворяются двери великолѣпныхъ княжескихъ чертоговъ и скрываютъ машины, употребляемыя въ пыткахъ, а тамъ кланяются придворные, веселятся мѣщанки, являются іезуиты, потомъ палачи, сумасшедшія женщины и колдунья, которыхъ число, по вогѣ автора, простирается до полдюжины — однимъ словомъ всѣ принадлеж-

ности, бывших когда-то въ ходу нукольныхъ комедій. Во всѣхъ этихъ разсказахъ мало замѣтны какая либеральная нравственная идея, новый характеръ, или новый взглядъ на вещи. Итъ и настоящаго, исторически—вѣрнаго колорита, который бы одинъ могъ, нѣкоторымъ образомъ, сдѣлать разсказъ этотъ занимательнымъ.

Титанъ и Эросъ. Стихотворенія фонъ-Дёрра. Дармштадтъ, 1848.

Въ первой и четвертой главахъ этой книги, авторъ занимается преимущественно описаніемъ людей и природы тропическихъ странъ. Въ стихотвореніяхъ же, помѣщенныхъ имъ во второй и третьей главахъ, явно обнаруживается, что въ южныхъ странахъ земнаго шара авторъ старался освободиться отъ мірской суеты и скуки, его преслѣдовавшей. Въ этомъ отношеніи одно изъ стихотвореній, подъ названіемъ: «*Dichterkranken*» (чему никто болѣе не вѣритъ), весьма курьозно для прочтенія. По этимъ причинамъ въ глазахъ нашихъ достойны вниманія только стихотворенія перваго рода; хотя они и не совсемъ оригинальны, но за то обнаруживаютъ талантъ автора въ описаніяхъ.

Розы, цвѣтуція каждый мѣсяць. Соч. Карла Бека. Первый отдѣлъ. Берлинъ, 1848.

Очевидно, что авторъ своимъ затѣйливымъ заглавіемъ хочетъ намекнуть, что онъ намѣренъ ежемѣсячно издавать отдѣльными и выпусками, давно уже написанныя имъ сочиненія въ стихахъ и прозѣ: Первые розы не дурны. Подождемъ вторыхъ, третьихъ и такъ далѣе. Приложенія къ книгѣ гравиоры весьма удовлетворительны.

Смѣсь.

ВЫВЪСКА. (*Разсказъ Сентъ-Ивеса*).

I.

Время, къ которому относится этотъ разсказъ, — есть 1680 годъ.

Слабые лучи осенняго солнца бросали послѣдній отблескъ на старинныя зданія города Лейдена. На башнѣ Св. Петра пробило только семь часовъ, а на шумныхъ и многолюдныхъ улицахъ все было уже тихо и покойно; только по временамъ, взрѣдка, слышался отдаленный шумъ волны, ударявшейся о берегъ моря. Нѣсколько заноздалыхъ горожанъ сиѣшли домой, призываемые соблазнительнымъ запахомъ заѣтнаго бирсупа. Кое-гдѣ на набережныхъ многочисленныхъ каналовъ, студенты постукивали въ табачныя лавочки и, забывая свою запальчивость, равнодушно сносили толчки работниковъ, которые, послѣ дневныхъ трудовъ, торопились къ своимъ хозяйкамъ.

Вдругъ, при поворотѣ одной изъ главныхъ улицъ, молодой человекъ, лѣтъ двадцати, осторожно отдѣлился отъ толпы веселыхъ гулякъ. Надвинувъ шапку на глаза и закрывъ лице полою плаща, чтобъ защититься отъ тумана, начинавшаго густѣть, онъ прибавилъ шагу и скоро достигъ того мѣста, гдѣ дорога была завалена мусоромъ. Для поправки сточной трубы, по-середи улицы, была вырыта глубокая яма и земля, вынутая оттуда, сложена бугромъ подъ окномъ дома самой скромной наруж-

ности. Противъ этого дома находилась лавочка сапожнаго мастера, который за умѣренную плату чинилъ обувь обоюго пола.

Мастеръ Конрадъ, хозяинъ этого домика, былъ человекъ налелькій, толстенкій; физиогномія его, съ перваго взгляда, выражала простодушіе, подобно тѣмъ лицамъ, которыя такъ часто встрѣчаются на неподражаемыхъ картинахъ Фанъ — Остада и Тербурга. На головѣ его надѣтъ былъ голубой колпакъ, изъ подъ котораго падало нѣсколько прядокъ волосъ, нѣкогда рыжихъ; теперь же, цвѣтъ ихъ убѣдительно доказывалъ, что Конраду давно за-пятьдесятъ. При внимательномъ изслѣдованіи лица, замѣтны были въ его маленькихъ глазахъ пронизательность и насильшка; за то кумушки, той части города, проходя мимо, изъ страха насмѣшки, дарили его самой пріятной и привѣтливой улыбкой.

Мастеръ Конрадъ былъ женатъ; дрожайшую его половину звали Варварой. Похвалу этой женщины нельзя изложить въ короткихъ словахъ. Она была прежде кухаркой богатаго негоціанта Мааса, возведеннаго впоследствии на степень одного изъ четырехъ бургомистровъ города; но когда амуръ поразилъ ее сердце, она рѣшилась оставить своего барина; чтобы вполне предаться обязанностямъ супружеской жизни, и надо отдать ей справедливость: всѣ обязанности свои, она исполняла безукоризненно, съ рѣдкимъ, удивительнымъ терпѣніемъ. Жизнь ихъ протекала мирно.

Пока Конрадъ, занимаясь починкой старой обуви, проходилъ своей ежедневный курсъ умозрительной философіи, Варвара хлопотала въ кухнѣ, убирала, чистила и мыла, стараясь придать всему лоскъ и блескъ; для нея, какъ голландки чистаго промываденія, это составляло потребность. Когда же наступалъ вечеръ, она затопила печь и начинала готовить ужинъ, съ тѣмъ же стараніемъ и искусствомъ, которое, когда-то, нѣжиле шувъ стараго бургомистра. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, обстоятельства ихъ были плохи: работы не много, денегъ мало; а потому супруги довольствовались полдюжиною жареныхъ селедокъ, бальзамическій запахъ которыхъ возбуждалъ уже аппетитъ философа Конрада.

Между тѣмъ, темнота ночи свѣтала сумеряи. Конрадъ убралъ инструменты, и хотѣлъ было опустить завѣсъ своей лавочки; но бросивъ послѣдній испытующій взглядъ на улицу, онъ замѣтилъ молодаго человека въ плащѣ, который, пересѣя улицу, началъ взбираться на бугоръ.

— Эге! вскричалъ Конрадъ! влюбленный — то ужъ на своемъ вѣстѣ... какъ вчера... какъ всегда... кажется, что дочка-

те сообщда.... того.... те, те, хе! ей-ей, правда!... Художникъ, живописецъ... принимаетъ у себя вертопраховъ,.... даетъ имъ урокъ;.... задалуть она ему урокъ!.... Нѣтъ, чертъ возми!... при такой должности дочка имѣть не слѣдуетъ!... опасно!

Въ это время огонь освѣтилъ одно изъ оконъ перваго этажа, шашко отъ бугра. Конрадъ сталъ внимательнѣе; поставилъ шапку на землю, и, дѣлая видъ будто шцетъ чего-то, сказалъ про себя:

— Впрочемъ, я не любопытенъ.... хотѣлось бы мнѣ только знать о чемъ говорятъ эти гнѣзые голубки.

Надо замѣтить, что нажавунѣ, онъ едва-едва, не подслушалъ этихъ голубковъ; но звуки скрипки, которые, казалось, выходили изъ того дома, на который обращенъ было теперь все его вниманiе, помѣшали ему разслушать разговоръ; къ тому же и Варвара, выведенная изъ терпѣнiя его медленностью, не позволила ему продолжать наблюдений. На этотъ разъ онъ надѣялся имѣть большiй успѣхъ; но, какъ нарочно, въ то самое время когда Конрадъ усилилъ свой слухъ, началась игра на той же скрипкѣ; окно растворилось и въ немъ обрисовалась тѣнь молодой дѣвушки.

— Ахъ, ты, проклятая скрипка!... дьявольскiй инструментъ... подумалъ Конрадъ: — Какъ нарочно!... Какъ будто подрядили мнѣ мѣшать!... Впрочемъ что жъ?... Вѣдь, я не любопытенъ!...

Сказавъ это, онъ высунулъ голову, выткнулъ шею, наставилъ ухо,—но все напрасно; гармоническiй звукъ скрипки заглушалъ голоса влюбленныхъ; впрочемъ разговоръ ихъ былъ совершенно невинный.

— Да, Вильгельмъ! говорила дѣвушка: повторяю вамъ, это не можетъ продолжаться долго.... Что я позволяю себѣ... очень дурно!... И потомъ.... какого труда стоило мнѣ заставить паненьку работать.... говорить, что не расположенъ.... даже отказывался играть на скрипкѣ.

— Но этикъ вы оказываете ему величайшую услугу, милая Анна, отвѣчалъ молодой человекъ: вы знаете, чѣмъ обязаны вамъ батюшка, этой странной привычкѣ.... Сколько преразныкъ картинъ никогда не вышли бы изъ подъ писти Жерарда Лоресса, если бы онъ не исцалъ вдохновенiя изъ музыкѣ Искусства плусть рука объ руку.... Позвольте мнѣ вашу ручку...

— Что вы!... Какъ можно!... Ну что, если паненька переставеть играть.... онъ застанеть васъ здѣсь... а мнѣ строго, строго запрещено говорить съ вами.... видѣть васъ....

— Въ этомъ онъ совершенно похожъ на моего отца,... да кажется они въ этомъ только и сходятся....

— Но зачѣмъ же онъ позволялъ вамъ брать уроки у пансики?... онъ самъ извѣстный живописецъ,... могъ бы направить вашу работу....

— Онъ не вѣритъ своему безпристрастію.... онъ слишкомъ строгъ къ себѣ... а что онъ взялъ меня отсюда... такъ на это онъ имѣлъ свои причины....

— Да, знаю.... клевета!... Онъ смѣлъ обвинить пансику, будто онъ служилъ вамъ примѣромъ невоздержанія....

— Нѣтъ.... онъ воспользовался только этими слухами.... и теперь, по той же причинѣ, я пришелъ.... проститься съ вами.

— О, Боже мой!... вы уѣзжаете?

— Батюшка отсылаетъ меня въ Гарлемъ, къ одному изъ своихъ пріятелей, учиться портретной живописи, и завтра, быть можетъ....

— Какъ!... такъ скоро!...

— Да! но гдѣ бы я ни былъ, милая Анна, клянусь никого не любить, кромѣ тебя!... А ты?...

Щеки Анны покрылись румянцемъ; она хотѣла отвѣчать, но скрипка замолка; молодая дѣвушка сдѣлала движеніе, чтобы запереть окно.

— Анна! сказалъ съ душевнымъ волненіемъ молодой человекъ: умоляю тебя — быть можетъ это въ послѣдній разъ — быть можетъ, на всегда!..

— О! не говори, не говори этого, Вильгельмъ!...

И въ то же время, маленькая, бѣленькая, пухленькая ручка прикрыла ротъ молодого человѣка, какъ-бы желая заставить его молчать. Конрадъ, которому скрипка не мѣшала болѣе, ясно услышалъ звукъ поцѣлуя, а потомъ стукъ задвинутого окна. Молодой человекъ, въ плащѣ, спустился съ бугра и осторожно сталъ пробираться по улицѣ. Конрадъ хотѣлъ слѣдить за нимъ глазами; но въ темнотѣ могъ только рассмотреть толстую тѣнь, которая, ворча сквозь зубы, пробиралась по мусору.

— Такъ!... Я былъ увѣренъ! говорила тѣнь мужскимъ голосомъ: вотъ какъ исполняютъ мои приказанія!... Мошеникъ Конрадъ!... Гей! Конрадъ!.. Варвара!..

При этомъ неожиданномъ восклицаніи, Конрадъ остолбенѣлъ; но Варвара тотчасъ же выскочила на улицу, и зажженная свѣча, которую она держала въ рукѣ, освѣтила массивную фигуру старика, лежавшаго на землѣ. Съ трудомъ поднимаясь на ноги, ворча и екая, онъ счищалъ грязь съ дорожкаго, изъ чернаго бархата, платья.

— Господинъ бургомистръ! воскликнула Варвара, подойдя къ старику такъ поздно!... возможно ли!...

— Господинъ бургомистръ!... сказалъ съ удивленіемъ Конрадъ. Быть не можетъ!... я узналъ бы его... не смотря на этотъ длинный плащъ....

— Какой плащъ!... возразилъ бургомистръ, въ своемъ ли ты умѣ?... Да развѣ ты не видишь, что я безъ плаща.... И слава Богу.... теперь, по крайней мѣрѣ я не ушибся, а въ плащѣ, я легко могъ бы запутаться и отшибить себѣ бока. Но, чортъ возми!... вы дорого заплатили бы мнѣ за это, потому что вы виноваты....

— Мы виноваты?!...

— Почему вы не исполнили моего приказанія?... почему не освѣтили этой ямы?...

— Конрадъ! завопила неистовымъ голосомъ Варвара, когда узнала причину, подвергнушую опасности прежняго ея господина, къ чему ты не поставилъ плошку.... почему не зажечь плошки?..

— Потому что.... я.... потерялъ шило ... да и я.... странно... право странно.... я увѣренъ, что плащъ....

— Овъ съ ума сошелъ!... Извините его господинъ бургомистръ, сказала Варвара: войдите на минуту къ мамѣ, ваше приказаніе, тотчасъ будетъ исполнено.

— Спасибо, спасибо, сказалъ бургомистръ, я оканчиваю уже свою прогулку.... меня ждуть дома. Послушай ты, мой любезный, сказалъ онъ обратясь къ Конраду: если по твоей милости, ввалится кто вибудь въ эту скверную дыру и сломитъ себѣ что-нибудь,—я потребую тебя въ судъ.

— Сохрани меня Богъ! господинъ бургомистръ!... Ни за что не возьму на душу грѣха за сломанную ногу или руку. Но этотъ плащъ....

Бургомистръ Маасъ не слышалъ послѣднихъ словъ Конрада, который никакъ не могъ растолковать себѣ: какимъ чудомъ стройный, молодой человекъ обернулся въ увѣснетаго, стараго бургомистра. Разуждая объ этомъ, Конрадъ поставилъ на краю ямы зажженную плошку; исполнивъ такимъ образомъ приказаніе начальника, онъ возвратился домой и вмѣстѣ съ Варварой сѣлъ за столъ, на которомъ красовались знакомыя уже намъ селедки, и незнакомыя двѣ большія кружки пива.

II.

Пока Конрадъ ужинаетъ, а бургомистръ плетется домой, перейдемте въ другую часть города, къ самому впаду; перейдемте къ

чашеру; темнота вѣшаетъ прочитать выѣску, которая вертится во всѣ стороны, какъ флюгеръ.

Два большіе деревянные столба, какъ двѣ колонны, отдѣляютъ залу посѣтителей, гдѣ стоитъ столъ уставленный бутылками и чарками, отъ другой части комнаты, гдѣ помѣщается конторка.

За столомъ, въ этой конторѣ, сидитъ человекъ лѣтъ сорока, ни слишкомъ полный, ни слишкомъ худощавый; лице его, оттѣженное русыми усами, покрыто легкимъ румянцемъ; длинныя волосы, выщипсея отъ природы, надаютъ на плеча; бѣлый воротникъ откинутъ на камзолъ; бархатная, пошошенная шапка довершаетъ нарядъ его. Въ немъ я рекомендую вамъ хозяина. Въ правой рукѣ онъ держалъ карандашъ, которымъ чертилъ какіе-то гіероглифы въ долговой книгѣ посѣтителей, а лѣвою, номинально, разливалъ по стаканамъ вино изъ бутылки. Въ то самое время, когда онъ, кажется, въ десятый разъ подносилъ стаканъ къ своимъ губамъ, изъ глубины комнаты выбѣжала небольшого роста женщина.

— Ахъ, ты варваръ! вскричала она, обращаясь къ хозяину: опять пьешь!... вотъ, чѣмъ ты занимаешься здѣсь, пока я бѣгаю и хлопочу по хозяйству!...

— Эхъ, жена!... да что погребъ-то нашъ, пусть что-ли?...

— Пусть!... конечно пусть!.. вотъ все, что осталось, посмотрѣй.. полюбуйся! Съ этимъ словомъ она указала на бутылки, стоявшія на полу.

— Мало... право мало. Ахъ, я окаянный!.. да еслибъ я зналъ это... Впрочемъ, что отчаяваться, жена... Въ такіе минуты, я благословляю память старика отца моего... онъ предвидѣлъ, что могло случиться. Добрый старикъ говаривалъ: чужой сынъ жить не подь счастливой заѣздой родился, надо подумать о его будущности, я дамъ ему нѣсколько способовъ добывать клѣбъ, дамъ ему нѣсколько канатовъ въ руки... обпнеть одинъ, выдержать другіе... и отдаю онъ меня къ доброму Фанъ-Гойову учиться рисовать пейзажи да огурки.

— Что жъ изъ этаго?... Не отъ того ли ты возненавидѣлъ свое званіе?

— Ну, это нельзя сказать, жена!.. Я отдаю ему полную ответственность.

Съ этимъ словомъ, онъ наполнилъ еще стаканъ, какъ-бы желая подтвердить свои слова; но жена, выхвативъ стаканъ, грозилась выплеснуть вино прямо ему въ лицо.

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ!.. смѣешься что ли?.. сказала она всклянывая: въ домъ нѣтъ ни шиллинга, а ему я горѣ надо!.. Но имъ будемъ вѣтъ завтра?..

— Ты все врешь!... да нельзя ли отереть слезы: я малодушія не люблю. Отправить бы намъ только этихъ посѣтителей!...

Онъ указалъ на трехъ или четырехъ человѣкъ, довольно непріятной наружности, которые сидѣли вокругъ стола, не обращая никакого вниманія на то, что происходило въ конторѣ.

— Завтра, продолжалъ хозяинъ: синими выѣзку, загороди дверь, я принужусь за работу... Я сдѣлалъ ужъ эскизъ Катвинской ярмарки, на которую, помнишь, я возилъ тебя съ дѣтьми, въ воскресенье... Это предается, какъ хлѣбъ... Ну, полно же хныкать жена,... къ чему упивать?... милосердный Богъ никогда не оставляетъ добрыхъ, честныхъ людей...

— Хорошо сказано, кумъ! хорошо! воскликнулъ новопріѣдшій гость, остановившись у порога, и протянувъ руку артисту-таверянцу.

Этотъ новый гость, на видъ, былъ немного старѣе хозяина; но всеиъ же прочемъ, удивительно походилъ на своего пріятеля Янъ; только въ чертахъ лица незнакомца замѣтно было болѣе важности и въ одеждѣ болѣе изысканности. Онъ держалъ въ рукѣ ящикъ, замкнутый крючкомъ, и снабженный шнурою ручкой.

Увидѣвъ его, хозяинъ всталъ, подошелъ къ нему и дружески сжалъ протянутую ему руку.

— Ахъ, другъ мой, Францискъ... вотъ кстати пришелъ, сказалъ Янъ, бросивъ лукавый взглядъ на жену, которая начинала сильно надобѣдать ему своими жалобами.

— Очень кстати! пробормотала она сквозь зубы: весь въ тебя! Мои услуги вамъ не нужны. сказала она обратясь къ гостю: не взыщите... ужъ поздно... и устала...

— Пожалуйста, не принуждайте себя. сказалъ Францискъ, вы устали, спойнойной вочи!..

— А я запроу лавку, прибавилъ Янъ: не забудь же жена завтра... ты помнишь, что я говорилъ... Прощай душенька.

— Прощайте, господа.

Какъ только она ушла. Янъ обтеръ столъ, стоявшій подлѣ дивана, поставилъ два стакава, бутылку и, пододвинувъ двѣ скамьи, пригласилъ Франциска сѣсть.

— Что - жъ ты, кумъ, не сваялся, сказалъ Янъ, замѣтивъ, что пріятель его стоялъ въ нерѣшимости: итъ же сваяешь силасбо... Ночь холодна, ты наглотался тумана, а, вѣдь, итъ ничего вреднѣе этого... Ну, за твое здоровье!..

— Такъ ужъ и быть!... Выпью и за твое, кумъ! сказалъ Францискъ, поставивъ свой ящикъ на конторку, и усаживаясь на скамью.

— Видишь ли, другъ, сказалъ шепотомъ Янъ: я и радъ не много разсѣяться....

— Ты несчастливъ, кумъ; а отчего?.. и спрашивать нечего, я все слышалъ, входя сюда, да вѣдь это и не въ первый разъ.

— Правда, правда!.. сказалъ Янъ, наполняя снова стаканы; но знаешь ли: пошелъ кувшинъ по-воду ходить...

— Эхъ, кумъ!.. а что жъ ты говорилъ, когда я вошелъ къ тебѣ: «Милосердный Богъ, не оставляетъ честныхъ людей».... ты говорилъ правду,... а доказательство тому.... вотъ!

Съ этимъ словомъ, туго набитый червонцами кошелекъ упалъ на столъ съ такимъ звономъ, что заставилъ содрогнуться дремавшихъ за столомъ гостей.

— Эге-ге! воскликнулъ Янъ, ошупывая соблазнительную округлость кошелька: да ты нашелъ кладъ!

— Да, кумъ, я нашелъ въ добромъ городѣ Лейденѣ богача, по имени Поотса; онъ заставилъ меня рисовать при себѣ картину, въ загородномъ своемъ домѣ, и предложилъ мнѣ плату: за часъ по червонцу.

— Однако, у этого господина вкусъ не дуренъ, сказалъ Янъ, пожавъ руку своего пріятеля: такихъ художниковъ, какъ ты, не много! Первый ученикъ Жерара Дова!.. По червонцу за часъ, да какъ-же иначе?..

— Я не согласенъ съ тобой; но все равно! Поотсъ, по моему мнѣнію, показалъ рѣдкую щедрость. Тысячу пятьсотъ флориновъ тяжело было вестн, но я подумалъ: половину оставляю на дорогѣ... и эту половину я не вынесу отсюда. Сказавъ это, Францискъ взялъ ножъ и перерѣзалъ кошелекъ пополамъ.

— Что ты дѣлаешь!.. вскричалъ, до глубины души тронутый, Янъ.

— Я хочу доказать, что ты былъ правъ, надѣясь на Бога; ты въ нуждѣ... вотъ твоя доля, а это моя... кончено!

— И ты думаешь, что я соглашусь!..

— Ты долженъ согласиться, если не для себя, то для жены, для дѣтей.

— Но развѣ у тебя нѣтъ жены, нѣтъ дѣтей?..

— Они ни въ чемъ не нуждаются.

— А твой сынъ?... онъ не пристроенъ еще....

— Завтра, онъ будетъ при мѣстѣ.

— Ну, а жена твоя?

— Да что ты, кумъ! Поссориться хочешь, что-ли!

Вмѣсто отвѣта артистъ-таверничикъ крѣпко сжалъ руку сво-

ого друга; крупныя слезы катились по щекамъ его. Чтобы успокоить его, Францискъ, въ свою очередь, наполнилъ стаканы и провозгласилъ здоровье миллионера Поотса. Съ легкой руки, послѣдовали стаканы за стаканомъ. Напрасно Францискъ старался умѣрить выразительную благодарность Яна; напрасно увѣрялъ его, что пить много ему не слѣдуетъ, что собой онъ показываетъ примѣръ сыну, съ котораго всегда и за все строго выискиваетъ. Янъ продолжалъ подливать. Наконецъ, когда Францискъ замѣтилъ, что ужъ поздно, и что дома будутъ о немъ беспокоиться, оба друга, еле-еле, могли приподняться со скамеекъ. Однако-жъ, собравъ послѣднія силы, Францискъ сталъ просить Яна непременно написать, Катвикскую ярмарку. Выслушавъ обѣщаніе, онъ взялъ свой ящикъ и вышелъ, покачиваясь и спотыкаясь, на улицу. Янъ этого не замѣчалъ и не заботился о томъ, какъ его гость дойдетъ до-дому. Мысли Яна были такъ не связаны, что поцѣловавъ друга, онъ не обратилъ вниманія на бывшихъ у него посѣтителей, которые послѣдовали за Францискомъ, не заплативъ за расходы.

Замкнувъ дверь на замокъ, не столько изъ предосторожности, какъ по привычкѣ, и оставивъ золото на столѣ, онъ отправился спать.

III.

Было десять часовъ вечера. Изъ горожанъ шныре уже спали крѣпкимъ сномъ; другіе же собирались на покой. Мастеръ Коврадъ былъ изъ числа послѣднихъ. Окончивъ свой скромный ужинъ, онъ поспѣшилъ къ дражайшей своей половинѣ, чтобы подкрѣпить себя сномъ. Едва онъ успѣлъ заснуть, какъ увидѣлъ странный сонъ. Ему казалось, что онъ стоитъ на вершинѣ колокольни и кружится съ необычайной быстротою. Множество народа толпилось внизу на площади и представляло собою видъ огромнаго муравейника. Любопытные стояли съ подъятыми вверхъ головами и смотрѣли на него съ удивленіемъ и страхомъ. Коврадъ ощущалъ самое непріятное чувство: онъ съ ужасомъ ожидалъ той минуты, когда, потерявъ равновѣсіе, полетитъ внизъ.

Вдругъ раздался крикъ. Ковраду казалось, что это крикъ народа при его паденіи, когда же крикъ повторился, нашъ молодецъ мгновенно приподнялъ голову и сѣлъ на постели.

Едва онъ успѣлъ омонитчсн и протереть глаза, какъ нѣсколькю послѣдовательныхъ ударовъ въ дверь, заставили его соскочить на полъ; это движеніе было такъ быстро, что онъ едва не стащилъ за собою дражайшую свою половину, которая, поворачивалась съ боку на бокъ, ворчала съ просонья. Коврадъ на-скоро одѣлся, подбѣжалъ къ двери, и какъ только успѣлъ отворить ее,—сильная рука схватила его, вытащила на улицу и подвела къ ямѣ. Плошка была потушена. Изумленный Коврадъ услышалъ жалобный стонъ, выходявшій изъ глубины этой ямы.

— Помогите мнѣ, ради Бога, помогите!... сказалъ незнакомецъ, не выпуская Коврада изъ рукъ.

— Да что такое случилось тутъ? спросилъ Коврадъ, хотя и смекнулъ уже въ чемъ дѣло. Варвара! закричалъ онъ громко: огни! .. живѣй!..

Варвара не могла хвалиться проворствомъ; пока она отъложила кремень и огниву, сострадательный Коврадъ, побуждаемый мыслію, что одинъ изъ ближнихъ въ опасности, собрался лѣзть въ яму. Незнакомецъ предупредилъ его: шблалась руками и ногами, онъ опустился на дно.

— Тише!... тише!... кричалъ Коврадъ, нагнувшись надъ ямой, хоть можетъ быть и пьяной, а все же человекъ.... не задавите его!... .

— Вотъ онъ! — отвѣчалъ незнакомецъ. Несчастный! безъ чувствъ.... не дышетъ!..

Съ этимъ словомъ, онъ приподнял тѣло, и съ усиленіемъ потащилъ его въ ту сторону, гдѣ слышался голосъ Коврада. Въ то самое время, какъ Коврадъ нагнулся ниже надъ ямой, въ томъ домѣ, который находился противъ его лавки, отворилась небольшая дверь, и оттуда вышла молодая дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ, со свѣчей въ рукѣ; огонь, задуваемый вѣтромъ и окруженный густымъ туманомъ, облилъ матовымъ свѣтомъ всю эту картину. Передавъ свою ношу въ руки Коврада, незнакомецъ быстро выскочилъ изъ ямы, и тогда общими силами они понесли несчастнаго къ дому сапожника. На полу-дорогѣ ихъ встрѣтила со свѣчей Варвара.

— Пора бы проснуться!—сказалъ Коврадъ, съ сердцемъ толкнувъ ее въ сторону. — Ступай скорѣй, поправь тюфякъ, разведи огонь подъ плитой. Да потевелывайся!

Внеся несчастнаго въ комнату, Коврадъ уложилъ его на брачное свое ложе, а самъ бросился къ буфету, взялъ небольшую отклинку съ длиннымъ терлышкомъ и вынулъ изъ нея въ стаканъ водки.

Между тѣмъ молодая дѣвушка также вошла въ комнату, и

къмъ незамѣченная и приблизилась къ постели. Свѣтъ, которую она держала въ рукѣ, освѣтила лицо старика. Увидѣвъ его, незнакомецъ вскрикнулъ, бросился на него и цѣлуя его руки, старался отогрѣть ихъ въ своихъ.

Дѣвушка приложила руку къ сердцу старика и стояла въ задумчивости. Когда же Конрадъ услышалъ восклицаніе знакомаго и оглянулся, каково было его изумленіе, когда въ немъ онъ узналъ стройнаго, молодаго человѣка въ плащѣ, а въ дѣвущкѣ дочь соседа. Онъ стоялъ разинувъ ротъ, не вѣря собственнымъ глазамъ. Вильгельмъ подбѣжалъ къ нему, выхватилъ стаканъ и, осторожно подойдя къ постели, приподнял голову старика и старался влить ему въ ротъ нѣсколько капель.

— Слава Богу! сказала молодая дѣвушка, нѣтъ кажется, что онъ начинаетъ дышать!...

— Да!... и я чувствую, сердце его начинаетъ биться, прибавилъ молодой человѣкъ, набожно перекрестивъ свою грудь.

— Нѣтъ ли гдѣ ушиба?... сказалъ Конрадъ приблизившись къ постели. Странное впрочемъ дѣло, продолжалъ онъ, покажъ плечамъ, по приказанію господина бургомистра я зажегъ плешку, вѣтеръ должно быть задулъ ее?... а можетъ быть и какойнибудь студентъ подшутилъ.... Впрочемъ по всему видно, что этотъ господинъ... охъ, охъ, охъ! не хочу обвинять его, не осуждай, не осуждай будешь! а все же онъ весело провелъ время....

— Что вы!... какъ можно!... сказала молодая дѣвушка.

Молодой человѣкъ, нѣсколько минутъ, безмолвно стоялъ у постели, но потомъ, приложивъ руку ко лбу, какъ бы припоминая что, сказалъ дѣвущкѣ.

— Теперь я понимаю все! вѣрно онъ былъ у своего друга Яна.

— Какого Яна?... спросила она.

— Тихе! ради Бога, тихе!... онъ можетъ услышать, а я, ни за что въ свѣтъ, не хочу, чтобъ онъ видѣлъ меня теперь! Однако, скоро ли онъ очнется?...

— Мнѣ кажется скоро....

— Что жъ мнѣ дѣлать?...

— Положитесь на меня, Вильгельмъ!... если вы думаете, что ему скорѣе будетъ видѣть васъ здѣсь... уступите мнѣ счастье привести его въ чувство....

— Но вы сами?... ежели онъ увидитъ васъ, узнаетъ?

— Не бойтесь; довѣряте мнѣ.... Смотрите онъ неволителъ!... Ступайте, Вильгельмъ!...

— Прощайте, добрая Анна.

Молодой человекъ еще разъ съ участіемъ взянулъ на старика, нагнулся, почтительно поцѣловалъ его и, крѣпко пожавъ руку молодой дѣвушки, скрылся изъ комнаты, къ величайшему удивленію Конрада.

— Ушелъ!... вотъ тебѣ на! сказалъ Конрадъ, выдвинувъ нижнюю губу впередъ и кланаясь двери.

— Пожалуста, неговорите никому ни слова!... сказала ему Анна Лерессъ: особливо этому старику, помогите мнѣ теперь... чего-то терять дорогое время.

Между тѣмъ Варвара развела огонь подъ плитой, и поставила на нее кастрюлю съ водой.

Старикъ мало-по-малу, началъ приходить въ чувство, благодаря попеченіямъ молодой дѣвушки, которая, по временамъ, давала ему нюхать спиртъ; но лице, руки и платье его были покрыты грязью.

Конрадъ постлалъ передъ огнемъ тюфякъ и вѣстѣ съ Варварой переложилъ на него старика. Анна Лерессъ начала отирать ему лице и руку мокрою губкою, и едва успѣла это кончить, какъ старикъ очнулся и привсталъ. Конрадъ подхватилъ его подъ руку, а дѣвушка, взрогнувъ, побѣжала къ двору.

— Друзья мои!... сказала она шопотомъ жёнѣ Конрада: теперь я во всемъ полагаюсь на васъ.... вы не оставьте его; сдѣлайте все что отъ васъ зависитъ; но еще разъ повторю мою просьбу: не говорите ни слова, ни обо мнѣ, ни объ...

— Будьте спокойны! сказалъ тихо Конрадъ, махая рукой.

Молодая дѣвушка скрылась.

Старикъ, сѣдя на тюфякѣ, сталъ протирать глаза, какъ будто просыпался отъ тяжкаго сна, и съ удивленіемъ смотрѣлъ во кругъ себя.

— Что все это значить?... спросилъ онъ наконецъ: гдѣ я!...

— У добрыхъ людей, отвѣчалъ Конрадъ: но какъ вы сюда попали, объ этомъ вы меня не спрашивайте.... ничего не знаю.... я не любопытенъ.

— Теперь не говорите много, сказала Варвара старику, это вредно, ложитесь и не беспокойтесь ни о чемъ: утро вечера мудренѣ....

Старикъ повиновался; а Конрадъ съ супругою, прикрывъ его чистымъ, красиво вытканнымъ одѣяломъ, всю ночь поочередно наблюдали за нимъ.

При каждомъ движеніи старика, Конрадъ давалъ ему пить теплой воды съ сахаромъ или съ своей любезной можжевеле-

вой водкой; Варвара же, по своей голландской натурѣ, въ продолженіи почти всей ночи, усердно счищала грязь съ платья нежданнаго гостя.

Наконецъ настало утро. Старикъ проснулся и, казалось, припомнилъ что-то; потомъ обратившись къ своимъ хозяйкамъ, онъ молча протянулъ имъ руку, какъ бы благодаря ихъ.

— Добрые люди! сказалъ онъ наконецъ: кому я обязанъ?...

— Помилуйте!... стоитъ ли говорить объ этомъ! прервалъ Конрадъ все дѣло въ томъ, что вы упали въ яму... я васъ оттуда вытащилъ, вѣдь если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, и вы сдѣлали бы тоже.... Вотъ напримѣръ, я васъ не спрашиваю о томъ, какъ вы туда попали, къ чему мнѣ знать!... Я не любопытенъ.... Но прошу васъ объ одномъ: не говорите никому, если узнаетъ объ этомъ бургомистръ Маасъ, бѣда!... онъ потащитъ меня въ судъ, какъ будто я могу запретить вѣтру задувать плашки....

— Вѣтру!... повторилъ старикъ, какъ бы отвѣчая на собственные мысли, вѣтру!... вѣтъ... эти люди, которые такъ долго меня преслѣдовали... это они!...

— Эге!... вскричалъ Конрадъ: мошенничаютъ у моего дома!... грабятъ!... чего смотрятъ эти проклятые клаперманы: даромъ хлѣбъ ѣдятъ.... они должны были бы васъ проводить.... то есть...

И вдругъ онъ замолчалъ, вспомнивъ, что клаперманы обязаны провонать по улицамъ однихъ только пьяницъ. Взглянувъ на окна, въ которыя начинали уже проникать солнечные лучи, онъ отперъ наружную дверь и принялся раскладывать въ порядкѣ свои инструменты. Варвара, намѣреваясь хвастнуть своей стряпней передъ гостемъ, вынула изъ сундука, едва ли не послѣднія деньги и поспѣшила въ рынокъ.

Вскорѣ послѣ ея ухода старикъ всталъ, осмотрѣлся кругомъ и найдя подлѣ кровати, на тубуретѣ, свое платье, вычищенное и сложенное, онъ поспѣшно одѣлся. Когда возвратилась Варвара, старикъ собрался идти домой.

Это совершенно разрушило всѣ тщеславныя надежды гостеприимной голландки. Она бросилась къ мужу, просила уговорить старика остаться на нѣкоторое время; но и просьбы Варвары и убѣжденія Конрада остались тщетны; старикъ не соглашался. Въ минуту разставанья, онъ сунулъ руку въ карманъ своего камзола желая отблагодарить хозяйку, и вдругъ поблѣднѣлъ.

— Боже мой!... вскричалъ онъ: гдѣ мои деньги?...

— Ваши деньги? сказалъ Конрадъ, вы потеряли деньги?... Да вѣтъ ли ихъ въ ящикъ?... пойду посмотрю.

— Сомнѣваюсь, сказалъ старикъ Варваръ, эти люди которые преслѣдовали меня, и вѣроятно погубили женщину... у нихъ было злое намѣреніе, и теперь я приноминаю...

— Денегъ вѣтъ,... сказалъ Конрадъ, входя въ комнату: а вотъ, вмѣсто денегъ я нашелъ ящикъ: вѣрно мерзавцы не замѣтили его ночью....

— Слава Богу!... не все потеряно! сказалъ старикъ извѣсти ящикъ изъ рукъ Конрада.

Замѣтивъ, что Конрадъ смотритъ на него съ удивленіемъ, старикъ продолжалъ.

— Это дорого только для меня...

Съ этимъ словомъ, онъ отдернулъ крючокъ и приподнял крышу ящика. Глазамъ Конрада и Варвары представились палитра, кисти и краски.

— Теперь вы видите, друзья мои, что я живописецъ; разбойники отняли у меня все, лишили меня возможности поблагодарить васъ, но я не уйду отсюда пока не оставлю вамъ воспоминанія о себѣ, и о прошедшей ночи.

Онъ взялъ палитру и началъ накладывать на нее краски. Конрадъ не могъ отказать отъ предложенія, которое дѣлалось отъ такой доброй души, но ему казалось, что и деньги, о которыхъ говоритъ старикъ, были также баснословны, какъ темны были причины ночного его похищенія. Наконецъ старикъ, размѣстивъ всѣ краски, попросилъ полотно. Конрадъ сталъ въ тупикъ. Что дѣлать? гдѣ взять полотно? Къ счастью ему пришла мысль: онъ вспомнилъ о старой своей выѣскѣ; подошелъ къ дверямъ, снялъ ее и принесъ къ живописцу.

Старикъ принялся за работу. Черезъ нѣсколько часовъ, простившись съ хозяиномъ и хозяйкой, онъ оставилъ имъ картину, въ которой къ немалому удивленію, они узнали свои портреты. Конрадъ былъ изображенъ работающимъ въ своей лавкѣ, а на второмъ планѣ изображена была кухня, гдѣ около плиты хлопотала Варвара.

— Пусть эта картина замѣнитъ вамъ вашу выѣску, сказалъ удаляясь старикъ.

Когда живописецъ скрылся изъ виду, Конрадъ схватилъ спанью, влѣзъ на нее, и прикрѣпилъ новую выѣску надъ тѣмъ окномъ, у котораго работалъ.

IV.

Не прошло и двухъ часовъ, какъ выѣска гордо красовалась надъ головою Конрада, а всѣ кумушки того квартала успѣли уже произнести о ней свое мнѣніе и судъ. Конрадъ, скрѣпя сердце, поглядывалъ вопросительно на этотъ женскій ареопагъ, желая подмѣтить, какое впечатлѣніе производила на него работа старика живописца.

Хотя и самъ онъ не много находилъ достоинствъ въ этой картинѣ, однакого выводилъ изъ терпѣнія насмѣшливыя улыбки, которыя онъ видѣлъ на лицахъ всѣхъ стоявшихъ передъ его домомъ. Самолюбіе его страдало; онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе мести, которая, конечно, сильно подѣйствовала бы на сужденіе всѣхъ этихъ безмозглыхъ бабъ, жертвъ постоянныхъ преслѣдованій Конрада; но когда до его слуха долетѣли слова, которыя онъ ясно слышалъ, бѣднякъ потерялъ всю твердость характера, все довѣріе къ себѣ.

— Взгляни-ка, сказала одна изъ кумушекъ, гдѣ сѣсь-то ухълась, выѣска еще свой портретъ!... башмачникъ!... велика фигура!...

— Да и напекать-то себя во весь ростъ, чтобъ видны были башмаки, прибавила другая.

— Хорошо, по крайней мѣрѣ, что повѣсилась,—вадала та изъ кумушекъ, которую, болѣе другихъ преслѣдовалъ Конрадъ своими насмѣшками.

При этомъ последнемъ замѣчаніи, Конрадъ готовъ былъ разразиться грезой, но удержался, подумавъ, что всѣ эти энграммы были отчасти справедливы. Притомъ, онъ не отнесалъ всю брань къ себѣ,—большую часть онъ уступалъ художнику. «Не этотъ ли маляръ, думалъ Конрадъ, навелъ на меня всѣ непріятности; не онъ ли выставилъ меня на посмѣшище всѣмъ людямъ? Хороша благодарности!—Да и во всему видно, что картмаа—дрянь.... потому-то онъ и не сказалъ ни своего имени, ни мѣста жительства. Ктѣ хорошо работаетъ, тому скрыватьея нечего.

— Впрочемъ, продолжалъ Конрадъ, умѣряя свой гнѣвъ, за что я браню его! Онъ вѣрно думалъ напекать хорошо.... чтожъ, если не умѣеть лучше!... все же намѣреніе доброе. Къ тому же вѣдь дѣло не пропащее, къ чему нибудь пригодится; сшью эту картинку, да затоплю ею печку....

Остановясь на этой благой мысли, Конрадъ отложилъ испол-

шеніе своего приговора до вечера, и равнодушно переносилъ смѣшки. Однако же съ тайнымъ трепетомъ онъ ожидалъ того времени, когда благородные и богатые жители города, отираваясь на гулянье, пойдутъ мимо его лавки.

Наконецъ этотъ страшный для Конрада часъ наступилъ, и, какъ предчувствовалъ бѣдный башмачникъ, такъ и случилось: богатые негоціанты и первые горожане, проходя по улицѣ останавливались передъ вывѣской, и мало-по-малу, около лавки Конрада собралась густая, но безмолвная толпа зрителей. Несчастный Конрадъ не смѣлъ поднять глазъ, едва переводилъ дыханіе, кровь прилиwała къ лицу; ему было очень не ловко. Онъ чувствовалъ, что служить смѣшнымъ предметомъ вниманія публики; въ тоже время ему пришелъ на память, недавно видѣнный имъ сонъ.

— Точно! сказалъ онъ какъ тутъ сонъ въ руку. Вотъ я и на колокольцѣ; всѣ глаза обращены на меня, чортъ возьми, какъ не ловко!...

И къ довершенію сходства, несчастный чувствовалъ какоето ошмѣніе; голова его кружилась и онъ ожидалъ только той минуты, когда услышитъ крикъ. И дѣйствительно: вдругъ раздалось въ народѣ восклицаніе, очень похожее на крикъ. Конрадъ выпрямился, выглянулъ въ окно и увидѣлъ толстаго человека, который, пробираясь сквозь толпу, шелъ прямо къ его дому. Это былъ бургомистръ Маасъ. Бюститель порядка страннымъ образомъ давалъ знать башмачнику, что идетъ къ нему. Конрадъ съ душевнымъ волненіемъ вышелъ ему на встрѣчу, не уиѣя, впрочемъ, объяснить себѣ, что могла имѣть противозаконнаго его вывѣска.

Когда они вошли въ комнату, въ которой неутомная Варвара приводила все въ порядокъ, послѣ ночныхъ хлопотъ, не подозрѣвая терзаній бѣднаго своего мужа, бургомистръ обратился къ Конраду. Говори! вскричалъ онъ, прежде чѣмъ Конрадъ успѣлъ опомниться «говори все, ... сейчасъ же!... —

— Ей, ей, я не виноватъ, господниъ бургомистръ, отвѣчалъ, оторопѣвъ башмачникъ, клянусь не виноватъ.... вѣтеръ должно быть задулъ плешку... — Да развѣ о плешкѣ я спрашиваю тебя?... Говори какимъ образомъ досталась тебѣ эта картина? — Охъ!... и неспрашивайте!... если бы я зналъ только... ни за что въ свѣтѣ не взялъ бы ее на память отъ этого маляра...

— Маляра! повторилъ съ досадою Маасъ, маляра! ты рехнулся!... невѣжа!... Говори же мнѣ, да смотри!... не лгать; а не то!...

И безъ этой угрозы Конрадъ готовъ былъ высказатъ все, даже и въ такомъ случаѣ, если бы откровенность его могла ему повредить. Онъ подробно разсказалъ бургомистру починъ приключеніе.

— Какъ!... и ты не знаешь имени этого старика? спросилъ Маасъ.

— Я не любопытствую, господниъ бургомистръ!

— На любопытствую!... Я скажу тебѣ его, но съ условіемъ, что ты уступишь мнѣ эту картину.

— Съ удовольствіемъ!... Хотя сейчасъ...

Конрадъ выбѣжалъ на улицу, сѣлъ въѣзду и, оставя весь собравшійся народъ въ недоумѣніи, внесъ её въ комнату. Бургомистръ вынулъ изъ кармана зрительную трубку и началъ внимательно разсматривать всё подробности.

— Это онъ! сказалъ наконецъ Маасъ, это онъ!

— Да, господниъ бургомистръ, прервалъ Конрадъ, нечего сказать, потрафилъ, похоже на насъ написалъ!

— Не про васъ я говорю! отвѣчалъ съ досадою бургомистръ: я говорю про художника... Эта твердость руки; эта нѣжность кисти... колоритъ... да это онъ!

Немного успокоившійся Конрадъ слушалъ бургомистра съ любопытствомъ, думая: вотъ сейчасъ-то я узнаю виновника всѣхъ бѣдъ моихъ; но ошибся въ расчетѣ.

— Послушай, любезный! сказалъ Маасъ, я обижать тебя не хочу; по всей справедливости ты долженъ получить вознагражденіе за уступку мнѣ этой картины?..

— Признаться, господниъ бургомистръ, дорого мнѣ она стоитъ!...

— Я не обижу тебя, я сколько нибудь да понимаю въ живописи. Варвара, ступай за мной, я заплачу вамъ восемьсотъ флориновъ...

— Восемьсотъ флориновъ! вскричалъ Конрадъ и отступилъ на нѣсколько шаговъ; ему казалось, что онъ летитъ съ колокольни.

— Позвольте, господниъ бургомистръ, позвольте; бормоталъ онъ: вы изволили сказать...

— Восемьсотъ флориновъ, повторилъ Маасъ: и при всемъ этомъ, ты дѣлаешь мнѣ истинное одолженіе. Міерсъ!... не-сравненный Міерсъ! говорилъ бургомистръ, складывая трубку и смотря на картину. Наконецъ, онъ взялъ со всевозможною осторожностью неопредѣленную посылку, и въ сопровожденіи Варвары вышелъ изъ дома.

Конрадъ, оставшись одинъ, всталъ мало-по-малу уснишоннѣе, и къ тому времени, когда Варвара возвратилась домой съ толпою изъ мѣшочковъ денегъ, онъ успѣлъ уже переодѣться и встрѣтилъ ее въ праздничномъ платьѣ.

— Что это? сказала Варвара, ты идешь!... куда?... зайти?... взгляни, ка сюда, посмотри-ка-сколько денегъ...

— Мѣрицы!... Мѣрицы!... повторилъ Конрадъ, рассказывая ей комматъ: онъ думаетъ, что я возьму эти деньги!... посмотримъ!...

Съ этимъ словомъ, онъ подошелъ къ столу, всталъ мѣшочекъ и, не сказавъ ни слова, вышелъ на улицу.

— Что ты!... сказала удивленная Варвара, куда ты, шальной?...

— Отнесу эти деньги, кому онъ слѣдуютъ... чужаго нѣтъ надо.

Варвара, хорошо знавшая своего мужа, не постыла спорить съ нимъ; покачавъ съ упрямомъ головою, она возвратилась въ комнату.

Въ городѣ не трудно было найти квартиру живописца Мѣриса. Введенный толстою служанкой въ залу, Конрадъ сѣлъ на стулъ и положилъ подлѣ себя мѣшочекъ. Въ это время, въ соседней комнатѣ онъ услышалъ оживленный разговоръ. Дверь была притворена не плотно, и потому онъ легко могъ различать голоса разговаривавшихъ.

— Мой другъ! говорилъ одинъ изъ двухъ голосовъ, довольно густымъ басомъ: я сейчасъ изъ правленія; тамъ я узналъ объ этомъ приключеніи; меня призывали туда для улики. Одинъ изъ мошенниковъ, которые ограбили тебя, подслушавъ нашъ разговоръ, признался во всемъ. Къ несчастью у него не нашли ничего; товарищи его захватили все.

— Ну, стоитъ ли говорить? Богъ съ ними! сказалъ другой голосъ, въ которомъ Конрадъ узналъ своего ночнаго гостя.

— Какъ... Богъ съ ними? Я знаю, у тебя, какъ и у меня, не залежится копѣйка; а мошенники, можетъ быть, отняли у тебя все... оставили не при чемъ... Ну, мой другъ!... ты ужъ мнѣ не откажи... я пришелъ покаяться съ тобой... нечего спрашивать, сколько было денегъ въ кошелькѣ... вотъ его половина.

— Что жъ ты думаешь, Янъ?...

— А ты развѣ не делился со мною!... да еще трудовыми деньгами. Посмотри, я набросалъ уже эскизъ твоей драпки; жаль только, что не успѣлъ ее дошить; тогда я могъ бы дать тебѣ болѣе... Что жъ дѣлать: человекъ предполагаетъ,

«Чортъ распознать!... вотъ коня съездитъ ишьдесять ефорин новъ».

При этихъ словахъ, Конрадъ всталъ, подошелъ къ двери, отворилъ ее настежь, и вошелъ къ разговаривавшимъ..

— Милъ, ифтал! ревельтъ съеъ, цховольте, ради Бога, повалител!... это мое дѣло!... Возвратце ваши деняги, господинъ Янъ; а вамъ, господинъ Мьерисъ, я принесъ восемьсотъ ефорин новы.. вотъ они;

— Какъ? спросилъ удивленный живописецъ.

— Это ваши деняги; убралъ всеъ, ваши.... Чортъ возьми!... вы счастливы!... За каждый вамакъ, ишети—ефоринтъ!... Вотъ ишешу-брату, такъ не плагать по ефорину за ступенью.

— Вы ошибаетесь, любезный, отвѣчалъ художникъ, эти деняги—цѣна услуга.

— Помилуйте, госприявъ Мьерисъ!... не обижайте меня!... заплаченная услуга не есть услуга. Къ тому же, не мено одного-ма должна благодаритъ, итъ-помованъ и другіе...

— Другіе? кто-же это?

— То есть, я хотѣлъ сказать...

И вдругъ Конрадъ остановился, вспомнивъ, что его просили поговорить никому ни слова. Но видя слишкомъ далеко, онъ полагалъ, долженъ былъ уступить просьбамъ художника, и назвать своихъ помощниковъ.

— И те сказать, продолжалъ Конрадъ: надо молчать о дурномъ, а къ чему скрывать доброе дѣло... Если бы вы ихъ видѣли, господинъ Мьерисъ, какъ они суетались около васъ.... какъ заботились!... право, нельзя наглядѣться было на нихъ!... Вѣрнее-маъ, манъ во вѣрнее, а смашу съшло... следъ бы не они, васъ и въ живыхъ бы не было!...

— Кто-же они?

— Вотъ это дружокъ дѣло! Во всей этой проделкѣ, есть что-то непонятное, чего не разберетъ самъ чортъ, не только я, который отъ природы не любознатель. Но, подругубета, не говорите никому!... Молодая-то дѣвушка, проговорила Конрадъ потомъ: дѣчь моего съезда — живописца; я слышала, какъ молодой человекъ называлъ ее: «малая Анна.»

— Вотъ, что! признался художникъ.

— Да, господинъ Мьерисъ. А молодой человекъ, кажется, безъ ума отъ этой милой Анны, онъ каждый вечеръ бродитъ подлѣ ее-ошани, и что-то самое, вѣрно, и доставило ему случай съ вами познакомиться, а его не знаю, но если бы только такъ увидѣлъ его....

Конрадъ не успѣлъ договорить, какъ въ комнату вошелъ

молодой человекъ, въ дорожномъ плащѣ, со шляпою въ рукѣ и въ длинномъ плащѣ.

— Вотъ онъ! закричалъ Конрадъ, указывая пальцемъ на вошедшаго, этотъ плащъ!... это онъ!

— Вильгельмъ!... добрый сынъ мой! проговорилъ тронутый живописецъ; слезы застывали въ его глазахъ и хотѣли не текать.

— Сынъ! повторилъ Конрадъ. Вотъ судьба-то, подумаешь!

Послушный волѣ отца, Вильгельмъ пришелъ проситься съ виной, чтобы ѣхать въ Гарлемъ.

Французскій Міерисъ, осуждавшій привязанность своего сына къ Аннѣ Дерессъ, въ тотъ же день пошелъ навѣстить отца ея, своего собрата, поведеніе котораго онъ не имѣлъ уже права осуждать.

Вильгельмъ не побѣжалъ въ Гарлемъ. Черезъ нѣсколько, въ церкви св. Петра, при звукахъ торжественной музыки, совершилось вѣнчаніе Вильгельма Міериса съ Анною Дерессъ. Старикъ Міерисъ, послѣ несчастнаго паденія, видимо ослабѣвалъ; онъ успѣлъ однако же благословить перваго внука своего, сына Вильгельма и Аввы. Спустя нѣсколько времени послѣ этого радостнаго для него дня, гробъ его стоялъ въ той самой церкви, гдѣ вѣнчался Вильгельмъ. У могильнаго памятника, который существуетъ и нынѣ, часто встрѣивался три человека.

Первымъ былъ Вильгельмъ Міерисъ, не уступавшій въ славѣ своему отцу.

Второй — Конрадъ, разбогатѣвшій отъ продажи своей вытѣски.

Третій — артистъ Язъ Стинъ, знаменитый живописецъ голландской школы.

Не смотря на излишнюю привязанность къ вину, онъ прожилъ гораздо дольше своего друга. Умирая онъ оставилъ много прекрасныхъ картинъ, и въ числѣ ихъ известную Катвядскую ярмарку, которую Поостъ купилъ на вѣсь золота.

САППА МАРТЕНЪ. (*Истинный рассказъ, изъ англійскаго журнала.*) — Салпа Мартенъ принадлежитъ къ числу тѣхъ отчаянныхъ явленій въ исторіи человечества, къ которымъ такъ легко привязывается сердце, потому что находятъ въ нихъ прелестныя вырочкаго самоотверженія въ пользу ближнихъ. Но къ несчастію, такіа явленія не рѣдко остаются въ тѣни, въ забвеніи.

Между тѣмъ, въ наше время всѣ преступленія получаютъ общую известность, и со всеми ужасными подробностями переносятся на другіе языки. Трудно рѣшить, приноситъ ли какому-

нибудь пользу распространение этих ужасающих сердце рассказов; но невгоды их важны и несомнѣны. Они даютъ вредную пищу думамъ, мучимымъ грубыми желаніями и любопытствомъ, оскорбляютъ души вѣрныя, которыя всегда содргаются при внезапныхъ впечатлѣніяхъ кровавыхъ картинъ. Можно даже опасаться, что частое описаніе жестокостей и пороковъ заставитъ усомниться въ успѣхахъ пресѣщенія, худо думать о человечествѣ, и будетъ способствовать такимъ образомъ къ подрывленію эгоизма, который безпрестанно отыскиваетъ отговорки, чтобъ отклонить отъ себя святыя обязанности самоотверженія. Если трудно искоренить страсть къ подобнымъ рассказамъ, то можно было бы умѣрить ее изображеніемъ великаго и высокаго въ человечествѣ.

Прекрасныя дѣла кажутся рѣдкими потому только, что ихъ оставляютъ въ забвеніи. Если бы каждому новому преступленію противопоставляли новое геройское дѣйствіе, каждой низости—благородное пожертвованіе, страшнымъ біографіямъ порока—рассказы самопожертвованій и благотвореній; такимъ образомъ поддерживалось бы вѣрованіе въ лучшую будущность, и уваженіе къ человечеству.

Сарра Мартенъ была женщина бѣдная, некрасивая, безъ друзей, безъ протекціи. Все ея богатство, вся красота и сила были въ ея сердцѣ. Она родилась въ 1791, въ молодости потеряла своего отца, который имѣлъ небольшую лавку въ одной англійской деревнѣ. Потомъ она воспитывалась у своей бабушки, у бѣдной вдовы, которая шила перчатки, и тѣмъ поддерживала свое существованіе. Сарра выучилась только тому, чему учатъ въ деревенскихъ школахъ. Она начала, на четырнадцатомъ году возраста, заниматься шитьемъ. При своемъ трудолюбіи и ограниченныхъ требованіяхъ, она нашла въ этой работѣ средства удовлетворять свои нужды. Довольная своимъ состояніемъ, она только и думала, какъ бы облегчить судьбу существъ, болѣе несчастныхъ, чѣмъ она. По воскресеньямъ она ходила читать книги больнымъ въ одинъ домъ трудолюбія; она приняла на себя также надзоръ за классомъ въ одной воскресной школѣ.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ, каждое утро, во все время года, она ходила пешкомъ изъ деревни Канстеръ, на дневную работу, какъ швея, въ Яриутъ. И вотъ случай, который заставилъ ее посвятить себя на дѣла благотворительности, которыми она приобрѣла своему имени уваженіе и благодарность людей благонамѣренныхъ. Съ 1816 года, говоритъ она въ запискахъ своихъ отъдѣленныхъ: я никогда не проходила мимо дверей тюрьмы въ Яриутъ, не почувствовала сильнаго желанія дойти до узниковъ

тюремъ; я сожалѣла объ немилосердіи, какъ изъ общества, котораго законы она нарушила, и о совершенномъ лишеніи ихъ правосудныхъ и справедливыхъ поэмашій, которыя одни лишь могли бы доставить истинныя утѣшенія.»

Одно обстоятельство увеличило нравственное участіе, которое Сарра чувствовала къ узникамъ. Говорили въ городѣ объ одной женщинѣ, которая была повешена въ тюрьму, потому что она жестоко обомлала со своимъ ребенкомъ. Сарра Мартенъ просила у тюремнаго надирателя позволеніе поговорить съ этой женщиной. Прасаба ея сперва была отвергнута; но она не потеряла надежды, и наконецъ являясь настоячивою побѣдила.

«Безучаственная мать, говоритъ Сарра, сперва удивилась, увидѣвъ незнакомую; но когда я рассказывала причину моего посѣщенія, когда я ей заговорила объ ея преступленіи, о томъ, какъ она нуждалась въ милосердіи Божіемъ, она залилась слезами и меня поблагодарила. Я ей прочитала 23 главу Евангелія Св. Луки, о разсказаніи владѣть, который, хотя справедливо казаться былъ людямъ, но былъ помилованъ Господомъ.» Слезы и благодарность несчастной женщины имѣли рѣшительное вліяніе на всю жизнь Сарры Мартенъ. Она часто повторяла свои посѣщенія въ тюрьму, и скоро начала занимать всѣмъ узникамъ. Сначала она ограничивалась только тѣмъ, что читала имъ; потомъ, мало-по-малу ознакомившись съ ихъ нуждами, и увѣрившись въ ея способности, она стала учить ихъ писать и читать. Это трудное занятіе отняло у нея нѣсколько часовъ отъ ея насущной работы, и потому подвергло ее нѣкоторымъ лишеніямъ; но то, что она терпѣла въ этомъ отношеніи, было совершенно вознаграждено наслажденіемъ, которое она чувствовала отъ тюремныхъ своихъ успѣховъ. «Я скоро увидѣла, говоритъ она, что надлежало посвятить цѣлымъ днемъ въ родѣхъ на службу тюрьмы. Послѣдствіемъ былъ этотъ день и многіе другіе, и нѣсколько не имѣла ея уменьшенія своихъ доходовъ; напротивъ, я находила въ этомъ употребленіи своего времени большое удовольствіе, потому что видимо Богу благоденствала моя трудъ.»

Продолжая, въ теченіи трехъ лѣтъ, въ счастливой тишинѣ, это полезное занятіе, Сарра рѣшилась доставлять работу, прежде измышленную, потому нужную. «Въ 1823 году, говоритъ она, была благотворительная особа, имѣя предоручена 10 шиллинговъ для употребленія въ пользу узниковъ; въ теченіи той же годѣ, я получила отъ другой особы двѣнадцать фунтовъ стерлинговъ на тотъ же предметъ. Мнѣ пришла мысль, когда употребить объ эти деньги для покупки полотна, и я купилась, пришло въ доумъ, достала выкройку, испрощаю все

хотѣлъ, назначилъ цѣну за осытъ и за цюкуну. Узники начали также шить рубашки и платья. Такимъ образомъ многія молодыя женщины выучились шить, а тѣ, которыя были трудолюбивы и экономны, могли составить маленькое состояніе къ сроку своего выхода изъ тюрьмы. Первоначальный капиталъ 1 фунтъ 10 шиллинговъ, благодаря дѣятельности заключенныхъ, скоро возвысился до 7 гиней, а въ послѣдствіи до 408 фунтовъ стерлинговъ. Мужчины дѣлали содоменныя шапки, рѣзали ложки и печати изъ кости; другіе шили шерстяныя шапочки; я употребляла, для этой послѣдней работы, куски стараго сукна, шерстяную матерію, которую мнѣ присылали мои друзья. Иногда молодые люди, а чаще дѣти выучивались шить рубашки, чтобы избѣжать бездѣлья. Однажды я помазала имъ гравюру, на которой была изображена *мира въ шахматы*; два человѣка, изъ которыхъ одинъ былъ сапожникъ, другой—каменщикъ, возымѣли сильное желаніе срисовать эту картину. Я согласилась, и снабдила ихъ карандашами, перьями и бумагою. Они довольно хорошо успѣли. Игрокъ въ шахматы представлялъ собой разительный примѣръ, который могъ быть примѣненъ ко всякому роду игры: этотъ предметъ могъ относиться прямо къ моимъ воспитанникамъ, которые, по большей части, были вѣкогда страстные охотники до билліарда, вина, картъ и костей. Исполненіе этой копіи имѣло къ тому же пользу обратить въ ту минуту все вниманіе копіиста. Другіе узники занялись тѣмъ же усердно, и въ продолженіи двухъ лѣтъ безпрестанно нѣкоторые изъ нихъ занимались этими копіями.»

По истеченіи еще нѣкотораго времени, Сарра Мартенъ озабочилась о составленіи капитала, исключительно предназначеннаго къ тому, чтобы доставлять работу заключеннымъ немедленно послѣ ихъ освобожденія, а это средство, въ то же время, позволило ей присматривать за ихъ поведеніемъ.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ, эта бѣдная швея, побуждаемая одной христіанскою любовью, осуществила и успѣшно выполнила мысль, надъ которою опустили въ размышленіи головы умнѣйшіе люди Англіи и Франціи, о которой столько уже было тождовъ и въ Парламентѣ и въ Палатѣ Депутатовъ.

Извѣстная во всей Англіи, мастерски награвированная, аллегорическая картина, которая изображаетъ молодаго человѣка и злого лука, играющихъ въ шахматы; злой духъ улыбается, видя, что онъ скоро сдѣлаетъ свою противнику *Шахъ*. Молодой человѣкъ, опустивъ голову и задумавшись, соображаетъ, какъ защититься и побѣдить противника. *Прим. ред. С. О.*

Въ журналахъ, въ академіяхъ, въ политическихъ собраніяхъ разговаривали, писали: Сарра Мартенъ, молча, обращала къ нравственности и трудамъ несчастныхъ, которые безъ нея вышли бы изъ тюремъ развратѣе, чѣмъ вошли туда.

По воскресеньямъ, Сарра Мартенъ читала узникамъ проповѣди, доступныя ихъ понятію и состоянію. Съ 1802 до 1832, она выбирала эти проповѣди изъ книгъ, какія только могла достать. Съ 1832 года, получивъ болѣе увѣренности въ себя, и по внутреннему убѣжденію, что никакой авторъ не могъ лучше отгадать мысли и говорить языкомъ болѣе способнымъ тронуть ея слушателей, она сочиняла сама рѣчи; прежде она ихъ писала, потомъ импровизировала.

Капитанъ Вилліамъ, присутствовавшій при одной изъ такихъ бѣдъ Сарры Мартенъ съ узниками, говоритъ, что рѣчь ея была превосходно приваровлена къ ея слушателямъ. Узники были очень внимательны, и видъ ихъ былъ самый почтительный.

Въ 1826, Сарра Мартенъ получила въ наслѣдство, по случаю смерти своей бабушки, годового дохода отъ 10 до 12 фунт. (250—300 фр.) Этотъ скромный доходъ ей показался богатымъ. Она оставила деревню Канстеръ, чтобъ переѣхать въ Ярмутъ, гдѣ она наняла двѣ маленькія комнаты въ отдаленной части города.

Однакожь, что думали въ это время жители Ярмута? Что говорили они объ этой бѣдной швей? Болѣе худаго, чѣмъ добраго. По живѣнію нѣкоторыхъ людей, считающихъ себя большими умниками, не прилично человѣку удалиться отъ обыкновеннаго пути, то есть отъ принятыхъ привычекъ, даже съ цѣлію дѣлать добро. За чѣмъ вмѣшивается не въ свое дѣло эта женщина? говорили богатые жители. Не лучше ли бы она сдѣлала, еслибъ занималась прилежно своимъ шитьемъ, и копила бы деньги на старость? Лучше бы она предоставила попеченіе о заключенникахъ судьямъ и смотрителямъ! Что понимаетъ она въ этомъ? Можно ли дать, образоваціе другимъ, когда самъ находишься въ невѣжествѣ? Ее ослѣпляетъ гордость; она хочетъ заставить говорить о себѣ; это какой-то фанатизмъ, ложная филантропія. Если она интересуется несчастными, то много есть, въ нашемъ городѣ, такихъ, которые имѣютъ болѣе права на состраданіе, чѣмъ люди осужденные на заточеніе.

Сарра Мартенъ могла бы отвѣчать такъ: Христіанская любовь не ремесло, но долгъ всѣхъ людей. Тѣ, которые находятъ счастье помогать бѣднымъ, направлять къ добру сердца заблуждающіяся, неужели заслуживаютъ быть общими носителями счастья? Кто дѣлаетъ вамъ заботиться о бѣдныхъ жителяхъ го-

рода, такъ какъ я забочусь о тюремныхъ? Если я привязалась особенно къ узникамъ, это потому, что они мнѣ кажутся въ двое несчастнѣе, чѣмъ другіе, потому-что по моему бѣдствію душевное требуетъ болѣе состраданія, и ему труднѣе помочь. Если случается въ вашемъ семействѣ, что ребенокъ наклоненъ къ какому нибудь злу, ваша о немъ заботливость тотчасъ пробуждается. Вы окружаете его самыми внимательными попеченіями; вы ему расточаете добрые совѣты, одобренія; вы стараетесь въ немъ возбудить довѣріе, наклонность къ добру, доказывая ему, что онъ можетъ и долженъ надѣяться на вашу привязанность, и что она-то заставляетъ васъ такъ обходиться съ нимъ. Видя васъ столько озабоченными, внимательными, посторонніе люди не могутъ подумать, что вы любите этого ребенка болѣе, чѣмъ другихъ вашихъ дѣтей. И конечно, не онъ ли нуждается наиболѣе въ вашей любви? Если какія нибудь несчастныя обстоятельства обратили его съ добраго пути, по которому шли его братья, не есть ли это вашъ долгъ, посвятить ему себя, и не замѣтно-возвратить его къ добру? И не есть ли даже это ваша выгода? Потому, что ваше семейство не будетъ ли страдать различнымъ образомъ, если изъ вашего дома онъ выйдетъ порочный, развращенный и готовый предаться всѣмъ страстямъ? Не падетъ ли на васъ зло, которе онъ сдѣлаетъ? Не будете ли вы бояться за собственное спокойствіе, имущество и честь? И такъ общество есть большая семья, и узники тюремные его дѣти и ваши братья!

Добрая женщина, къ счастью, не теряла своего времени въ однихъ разговорахъ. Не занимаясь недоброжелательными сужденіями, которыхъ она была предметомъ, исполненная увѣренности въ чистотѣ своихъ намѣреній, и находя награду въ глубинѣ своего сердца, она предалась своему христіанскому дѣлу, которое, годъ отъ году, производило успѣхи болѣе и болѣе удивительные.

Но были въ ея жизни минуты трудныя. Хотя она исполняла всегда точно обязанности своего званія; но большое число людей, для которыхъ она работала, охладѣли къ ней; не стали давать ей работы. Скоро, она доведена была до того, что начала нуждаться въ способѣхъ собственнаго пропитанія. Небольшая ея пенсія едва доставала для уплаты за наемъ квартиры и для главныхъ потребностей узниковъ. За менѣею выгодныхъ занятій она должна была страшиться нищеты. Но она вникало не смущалась. Страхъ не имѣлъ власти надъ нею. Испытаніе это ей внушило прекрасныя разсужденія: «Когда все мое дѣло было занято собственной работой, у меня были заботы о будущемъ.

Но когда у меня не стало работы, съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла и моя заботливостъ. Богъ мой защитникъ, думала я, и Онъ не оставитъ меня безъ помощи. Онъ мой отецъ, и не забудетъ своего созданія. Я знала также, что Онъ благовождаетъ иногда пенитенціальнѣ въру и тарифныя своихъ служителей, ограничивая ихъ средства. Если занималось благомъ моихъ братьевъ, я буду доведена до видокорныхъ временныхъ нуждъ, это мнѣшное и лучшее вниманіе не можетъ сравниться съ радостью, которую я буду чувствовать, работая для блага ближнихъ.»

Сара проводила каждый день отъ шести до семи часовъ между узниками, и подворала порядокъ и трудолюбіе, въ этомъ печальномъ жилищѣ, которое прежде, чѣмъ она начала туда приходить, было мѣстомъ лѣности и порока. «Я поощряла учиться, говорить она, тѣхъ, которые не умѣли читать, а тѣ, которые умѣли, въ мое отсутствіе, показывали имъ. Ихъ учили также писать, и тѣ, которые имѣли это знаніе, занимались выписками изъ разныхъ книгъ. Заключенные, умѣвшіе читать, выучивали каждый день нѣколку свѣковъ изъ Библии. Чтобъ подать имъ примѣръ, я поторала имъ сама каждый день тѣ мѣста, которыя я знала наизусть, что на нихъ благодѣтельно дѣйствовало. Тѣ, которые, по гордости, медлили этимъ заняться, не могли ничего сказать въ свое оправданіе. Нравственныя сочиненія, дѣтскія книги, которыя они очень любили, и другаго рода книги, числомъ четыре или пять, переходили изъ рукъ въ руки въ каждой камеркѣ.»

Не было ни одного узника, который бы умерно отказывался отъ просвѣщенія. Многие изъ этихъ несчастныхъ, при входѣ въ тюрьму, принимали часто видъ смѣлый, манеры грубыя и циническія, или насмѣшливо противопоставляли первымъ предложеніямъ, низъ дѣлаемымъ, софизмы и вымышленныя возраженія, которыя Сара Мартенъ умѣла отражать и уничтожать съ удивительнымъ благоразуміемъ и терпѣніемъ; и отвергавшіе съ браними презрѣніемъ великаго рода занятія и ученье, спустя нѣсколько времени, сами требовали трудовъ и занятій; подъ рѣзкимъ и надзоромъ Сары Мартенъ, въ заключенныхъ происходила удивительная перемена. Люди, закоренѣлые и состарѣвшіеся въ преступленія, въ первый разъ въ слово взяли брались за перо, наклонили надъ азбукой свои слѣды головы, или учили наизусть какое-нибудь нравственное правило. Молодые же люди, отомки же наглые, какъ животныя, и начинали учить стихи изъ Библии, и наконецъ выучивали цѣлыя главы; даже самыя неповажныя, при усмиренномъ стараніи, дошли до того, что затверживали отъ двухъ до пяти стиховъ въ день. Сара надъ собою

ни приобрѣла удивительную власть. Всеобщая удобрность въ декретионахъ ея чуждыя и доброты охотрда дѣлаа со кобрани-
ное астаа тана, войа преступленій и бидетій, иоторыя
наводила на ныи камако изъ ныи.

Сарра Мартенъ писменно наметала свои замѣчанія о нѣхъ ве-
раденіи, не только въ заточеніи, но даже послѣ нѣхъ освобожде-
нія. Вотъ нѣкоторыя замѣчанія изъ этого журнала, который
удостоивреть о нравственной перемѣнѣ уаииковъ, вознагради-
ней великодушными осараніи Сарры.

«Б... Б... двадцати лѣтъ, не зная ни читать, ни писать; о-
сужденный за контрабанду, онъ вынужденъ въ тюрьмѣ читать и
писать. По освобожденіи (уже двѣнадцать лѣтъ спустя), онъ
нидъ писалъ, сколько онъ былъ счастливъ, что получилъ хотя
это малое образованіе. Я часто получаю извѣстія отъ него; онъ
хорошо ведетъ себя; онъ разѣзжается нѣ Дюнкерсеа въ Лон-
донъ, на маленькомъ суднѣ, и занимается мелкою промышленно-
стію.

«5 февраля 1840, Р.... прежде командиръ контрабанднаго суд-
на, пришелъ меня навестить: въ первый разъ онъ пріѣхалъ въ
Ярмутъ послѣ своего освобожденія. Теперь онъ капитанъ торго-
ваго корабля. Онъ подарилъ мнѣ, въ знакъ благодарности,
вазу, покрытую раковинами, и стеклянныя ящички удивительной
работы, привезенные изъ Франціи нарочно для меня. Онъ нахо-
дился, послѣ своего освобожденія, четырнадцать мѣсяцевъ безъ
мѣста, въ семействѣ, и не хотѣлъ болѣе имѣть ничего обща-
го съ контрабандистами.

«Р... М.... семнадцати лѣтъ; осужденный за воровство на шесть
мѣсяцевъ заточенія. Прежде былъ лѣнивъ и развратенъ.» Три
года съ половиной спустя Сарра Мартенъ написала: «Совершенно
исправился. Онъ достигъ своимъ постоянствомъ того, что по-
лучилъ мѣсто, и съ тѣхъ поръ онъ всегда жилъ честно. Теперь
онъ служитъ въ хорошемъ домѣ. Я часто его видѣла прежде,
чѣмъ онъ оставилъ Ярмутъ; послѣ того я его два раза видѣла,
когда онъ приходилъ навестить свою мать и свою бабушку; я
время отъ времени получаю отъ него извѣстія.

«Ж.... Б.... тридцати девяти лѣтъ отъ роду; умиченная въ
воровствѣ. Не умѣла ни читать, ни писать. Слыва развратной
женщиной и воровкой, и быда уже прежде въ тюрьмѣ. Послѣ трехъ
съ половиной лѣтъ, совершенно перемѣнилась. Она послѣ этого
никогда не видала ни въ какое худое дѣло, и, какъ кажется,
совсѣмъ исправила своего мужа, который прежде былъ худого
поведенія. Я ее вижу разъ въ мѣсяць. Она много страдала отъ
нужды и болѣзни, но переносила все безъ ропота.

«Т... Б...», восемнадцати лѣтъ; за воровство, сидѣлъ пять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, и потому былъ на пошланинъ въ Мильбаннѣ. Десять лѣтъ съ половиной послѣ того, пришелъ онъ меня навѣстить. Его родители были бѣдняки и жили въ одной улицѣ, гдѣ они имѣли небольшую овощную и фруктовую лавку. Онъ не могъ быть рекомендованнымъ никѣмъ, и былъ лишенъ всѣхъ средствъ. Вотъ что онъ сдѣлалъ: пошелъ къ своему отцу, взялъ маленюкій ящикъ, который онъ оставилъ подъ замкомъ, и который содержалъ 102 фунта стерлинговъ и нѣсколько шиллинговъ. Онъ возвратилъ его прежнему господину, отъ котораго онъ былъ унесенъ. М. Б... предложилъ ему за эту сумму 5 фунтовъ стерлинговъ, но онъ отказался взять ихъ. По убѣдительнымъ только просьбамъ, онъ согласился наконецъ принять два фунта стерлинговъ и нѣсколько шиллинговъ, но говоря при томъ: «Милостивый государь, я вамъ сдѣлалъ убытка, болѣе чѣмъ это.» М. Б..., портной - лоскутчикъ, взялъ его къ себѣ на два года въ ученье, чтобы его выучить своему ремеслу. Въ теченіи этого времени, онъ велъ себя, по словамъ самого М. Б.... лучше чѣмъ всѣ другіе ученики, которыхъ онъ имѣлъ до сихъ поръ. Послѣ, онъ женился на молодой женщинѣ, которая обучалась подъ именъ надзоровъ въ одной воскресной школѣ; теперь они поселились въ, гдѣ завели небольшой пыльной магазинъ, который процвѣтаетъ, благодаря ихъ дѣятельности и хорошему поведенію.»

Такая-то была моральная перемѣна, произшедшая въ жизни большей части тюремныхъ узниковъ, которыхъ Сарра Мартенъ посѣщала и наставляла во время ихъ содержанія въ Ярмутѣ. Имя ея благословляется большимъ числомъ этихъ несчастныхъ, которые ее пережили, и которые одолжены ей тѣмъ, что загладили теперешнюю хорошую и полезную жизнь проступки своей молодости.

Можно бы указать въ жизни Сарры Мартенъ много другихъ услугъ, оказанныхъ обществу съ такой же ревностью и съ такимъ же успѣхомъ. Каждый вечеръ, послѣ своихъ ежедневныхъ трудовъ въ тюрьмѣ, она ходила посѣщать больныхъ и учить бѣдныхъ дѣвушекъ, или въ домѣ трудолюбія или на мануфактурахъ.

Въ зиму 1842 года, здоровье Сарры Мартенъ измѣнилось, и съ трудомъ она продолжала до 17 апрѣля 1843 года свои посѣщенія въ тюрьму.

15 октября того же года, она перешла въ лучшую жизнь. Она погребена въ деревнѣ Канстрѣ.

НЕВЕСТА-ВДОВА. (*Разказъ съ французскаго.*) Въ жизни бываетъ одна только любовь; такъ точно намъ встрѣчается въ жизни одинъ только истинный другъ, говорилъ мнѣ старичекъ въ коричневомъ костюмѣ. Мой другъ, истинный мой другъ назывался Юсезъ Мораншъ. Это былъ человекъ замѣнительный. Два года тому назадъ, ему было тридцать лѣтъ отъ роду, и онъ уже въ эти лѣта носилъ на себѣ отпечатокъ степенности старика. Можетъ быть, онъ обладалъ быль тѣмъ знаніемъ науки, необходимыми въ его званіи и высокому уваженію къ своимъ обязанностямъ, которыя требовали ослотрительности и обдуманности; онъ былъ адвокатъ; а можетъ быть, сама природа одарила его степеннымъ характеромъ. Мы родились съ нимъ въ одномъ геродѣ, и были ровесниками; намъ не было еще шестнадцати лѣтъ, когда мы лишились своихъ родителей. Окончивъ курсъ ученія, мы отправились вмѣстѣ въ Парижъ; мой другъ избралъ поприще адвоката, а я — докторское.

— Я докторъ Фовель, государь мой, прибавилъ разсказчикъ такимъ голосомъ, который ясно выражалъ его желаніе знать и мое имя. Удовлетворивъ его въ томъ, я прибавилъ: — Милостивый государь, назовите, если я остановлю на нѣсколько минутъ пріятный вашъ разсказъ. Мнѣ кажется, вы сказали или я не такъ помалъ, что вы съ вашимъ другомъ въ однихъ лѣтахъ, а ему было два года тому назадъ около тридцати лѣтъ. — И, вида меня, вы не можете повѣрить, кто мнѣ не болѣе тридцати двухъ лѣтъ, не такъ ли? Я понимаю ваше удивленіе; я привыкъ къ нему, и не разъ уже слышалъ такіа слова: «Тотъ человекъ съ рѣдкими, свѣдены волосами, съ морщинистымъ лбомъ, съ желтымъ и худымъ лицомъ, сгорбленный, кажется, подъ тяжестью времени, только тридцати лѣтъ отъ роду...» Однакожъ, это истинная правда; и еслибъ свѣтъ, который тому удивляется, зналъ жизнь молодого человека, котораго постигла такая ранняя старость, онъ могъ бы почерпнуть важные уроки, и научиться цѣнить безродную голову.

— Два года тому назадъ, мой другъ Юсезъ былъ уважаемымъ адвокатомъ въ Парижѣ, и въ свѣтѣ много былъ цѣнимъ людьми образованными. Съ душой пылкой, Мораншъ соединялъ здравый рассудокъ и обширный умъ. Къ тому же, онъ обладалъ всеми наружными совершенствами. Онъ былъ высокаго роста; отличался благородными признами; звучный его голосъ имѣлъ ту пріятную выразительность, которая доходитъ прямо до сердца: высокое и открытое его чело было украшено густыми черными волосами; большіе, выразительные голубые глаза, въ судимый заставляли судей говорить правду, и всадъ привлекали къ нему

расположеніе добрыхъ людей; улыбка его была неполнона-
 вненной добротой, и выражала его доброе сердце. Все въ этомъ
 человекѣ возбуждало къ нему расположеніе! Я благодарю васъ,
 молодой человекъ, что вы обратили вниманіе на улыбку и не улыбае-
 тесь, когда я описываю портретъ своего друга съ такой подро-
 бностью, какъ оцѣлалъ бы то много, который не могъ бы похвалить
 столько преимуществъ въ одномъ человекѣ и предположили бы
 въ умѣ своемъ тѣлесъ како-нибудь смышленое мною несовер-
 шенство въ моемъ другѣ. Къ несчастію, это была бы истинная
 правда! Совершенство нѣтъ въ этомъ мірѣ, по всему видно, что
 оно находится только въ другой сферѣ; болѣе чистой! И такъ
 необходимо вамъ признаться наконецъ: да, у моего друга
 Исидора былъ роковой недостатокъ, и очень замѣтный, который
 портитъ всю его красоту. Такъ какъ онъ имѣлъ важное влі-
 яніе на жизнь моего друга, и рѣшилъ его судьбу, я не могу, не
 смотря на все мое желаніе, умолчать, по винушенію дружбы, о
 престонѣ физическомъ несовершенствѣ; но одною не знаю,
 какъ дойти до того, чтобы ясно вамъ сказать, что огорчало
 Моранжа, и не засмѣивать васъ разсмѣяться; потому что это по-
 тивно горестно и смѣшно выговѣ!... Я читаю въ вашихъ гла-
 захъ сильно возбужденное любопытство. Вы въ восторгѣ отъ
 моего многословнаго вступленія, и проходите въ воображеніи
 вашемъ, съ удивительной быстротой, весь длинный рядъ физико-
 ческихъ недостатковъ. Но я самъ вамъ скажу: вы должны при-
 помнить, что я входилъ въ подробности довольно мелочныя на
 счетъ физическихъ достоинствъ моего любезнаго Исидора; но ко-
 гда я говорилъ вамъ о его глазахъ, волосахъ и проч., вы, не могъ
 быть, замѣтилъ мое замечаніе въ части самой замѣтной нашего
 лица, которую привыкли называть триглаголемъ носа. Я имѣлъ
 главныя причины, какъ вы увидите, умолчать объ этомъ пунктѣ.
 Въ немъ-то заключался странный недостатокъ парижскаго адво-
 ката. Однакожъ, я напередъ скажу вамъ, что у Исидора носъ
 былъ римскій, который обозначался формой, правильной и важ-
 ной, на лицѣ, исполненномъ красотой и благородства... Но вотъ
 бѣда; на лѣвой сторонѣ, недалеко отъ окончанія носа, находи-
 лось маленькое горбикъ замѣтитъ несчастный паростъ, который (наз-
 ваютъ мое грубое выраженіе) походилъ очень на партеселушу.
 И такъ, вотъ на чемъ была бѣда. Это маленькое принадлежность
 носа г-на Моранжа держалась на маленькомъ штифтѣ; однакожъ, я,
 другъ его и докторъ, я зналъ хорошо, что это былъ заблудив-
 шійся вервь, и что паростъ этого и носъ моего товарища дол-
 жны были всегда быть неразлучными.

Чувства почвенія и дружбы, винушенія сердца и характе-

срѣтъ этого достойнаго человека, былъ такъ силенъ, пока онъ, повернувъ, голова его былъ такъ убедителенъ; выраженіе лица было такъ благородно, что умалила, возбуждавшая его столь важныя недостатки въ людяхъ, приторные его видѣніа въ перснй бразѣ, исчезла при первомъ словѣ Меранжа, при первомъ его взглядѣ, и замѣнилась видомъ дружественнымъ и почтительнымъ.

Однажды, Іосифъ, возвращаясь домой, вдругъ остановился на углу переулка, на концѣ улицы Де-ля-Гарль. Онъ замѣтилъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ, сходство которыхъ показывало о немъ близнецовъ; обѣ были блѣды одѣты и задвигались слезами. Имъ было тринадцать или четырнадцать лѣтъ. Со всемъ посѣщившемъ пылнмаго сердца, Іосифъ обошелъ сзади этихъ двухъ бѣднжекъ, вилонился, развелъ ихъ, взялъ обѣихъ подъ руки, какъ будто онѣ были его сестры; онъ сдѣлалъ это такъ равнодушно и неспороко не думая объ любовничествѣ, которое могъ возбуждать тѣмъ въ прохожихъ. «Но мама ли вы видите, мои милыя дѣти? смѣлалъ онъ молодымъ удивленнымъ дѣвучкамъ: посмотрите, что вамъ надо?» — Но докторъ ли вы, милостивый государь? — сказала Іосифу одна изъ сестеръ. «Итъ, моя прекрасная малютка; не еоди вы видите доктора, надо посѣтить; пойдите съ нему выѣтъ.» Говоря это, Меранжъ со всею скоростью вѣлъ молодыхъ дѣвушекъ по улицамъ, и принялъ такимъ образомъ во мнѣ, или изъ себя, какъ вамъ угодно, потому что мы живемъ выѣтъ, въ улицѣ Сенъ-Андре-Дезаръ. По дорогѣ, онъ узналъ еще этихъ бѣдныкъ дѣтей, что онѣ были уже у шести докторовъ и просьбы ихъ остались тщетными; что изъ мать умираетъ, и что онѣ, несчастныя малютки, были очень голодны.... Войдя въ нашу квартиру, онъ сказалъ: «Францъ, я послалъ Жюстена за каррой; вы съ тобою поѣдете тотчасъ въ этия малюткамъ, мать ихъ охвачена болѣзью». Я, въ это время, былъ въ своемъ неглиже, неглиже ученаго человека. Но скоро я одѣлся, какъ Меранжъ хотѣлъ видеть меня такъ, какъ я былъ. Покуда я одѣвался, онъ обѣдалъ въ буфетѣ, и приготовилъ, за отсутствіемъ Жюстена, кое-какой завтракъ своимъ маленькимъ гостямъ. Все это дѣлалось такъ поспѣшно, вы понимаете: потому что дѣло шло объ умирающемъ. Четверть часа спустя, мы поднимались по темной стѣпнцѣ, на шестой этажъ огромнаго дома въ улицѣ Фуаъ-Сенъ-Жакъ. Молодыя дѣвушки вошли первыя; онѣ побѣжали обнять болѣзную, и ее увѣдомить. Потѣмъ вошла я, и увидѣлъ у порога бѣдой женщины, прекрасную молодую особу, восемнадцати лѣтъ, дочь барона Пемблэа, одного изъ моихъ наційтовъ.

— Вы здѣсь, милостивая государыня! каковы обряды?...

спросила и ее, понула наблюдала пульсъ большой. — Я случайно здѣсь, отвѣчала дѣвица де-Помбель: и за то благодарю небо, докторъ. Подъ этой комнатою живетъ бѣдный, старый инвалидъ Людовика XVI, разбитый параличемъ; я иногда навѣщаю его. — Я понимаю, Марія, сказалъ я, вы его... — Сегодня, перервала она меня, мой ветеранъ мнѣ сказалъ, что надъ нимъ раздаются уже нѣсколько дней малоблавы стоны и дѣтскія рыданія.... Я поднялась сюда, и.... — Я вы добрая и достойная особа, Марія, сказалъ я, трясъ ее дружески за руку; и вы будете счастливы. — Я наклонился тогда къ больной, чтобъ ее спросить; дѣти и дѣвица Помбель слѣдили, со страхомъ, выраженіе моего лица. Моранжъ въ это время вошелъ въ комнату, въ сопровожденіи Жюстена. — Кажется, я пріѣхалъ во время, сказалъ я наконецъ: болѣзнь важная, но благодаря небо, я отвѣчаю теперь, сударыня, за вашу жизнь всею тѣмъ, кому она дорога. — Побужденныя однимъ и тѣмъ же чувствомъ, дѣвушки-близнецы упали къ моимъ ногамъ: сладостная надежда ожила въ ихъ сердцахъ! Дѣвица Помбель, въ свою очередь, съ чувствомъ пожала мою руку, а Моранжъ взялъ меня за другую руку, и какъ будто соединенные мною въ эту минуту, Марія и Иосифъ, въ первый разъ замѣтили другъ друга. Въ углубленіи комнаты, Жюстенъ раскладывалъ въ шкафѣ бѣлье, которое онъ не забылъ принести съ собой изъ дому. Онъ не плакалъ, мой добрый Жюстенъ, вмѣстѣ съ молодежью; онъ привыкъ къ такимъ случаямъ. Что же касается до меня, я наслаждался этой сценою, и думалъ невѣжливо объ этихъ шести докторахъ, моихъ собратахъ, которыхъ сестры-близнецы новонапрасно умоляли. Эта минута была торжественна, и мы все были растроганы до глубины сердца; но вотъ, едва Иосифъ Моранжъ и Марія Помбель взглянули другъ на друга, моя молодая и прекрасная Марія, ангелъ состраданія, захохотала такъ громко, что ей смѣхъ вѣрно раздался по всему дому. Она замѣтила въ эту минуту носъ моего друга. Иосифъ же стоялъ, какъ прикованный къ мѣсту, отъ чувства восторга передъ чудной красотой дѣвицы Помбель. Этотъ невольный порывъ смѣха вылетѣлъ изъ тѣхъ прелестныхъ, розовыхъ губокъ, что Иосифъ не то что оскорбился имъ, но даже чуть слышалъ его, и когда Марія, въ смущеніи остановилась, покраснѣла и опустила глаза, онъ ей сказалъ съ кроткой улыбкою, которая въ нему тайно шла: — Я очень радъ, сударыня, что вы пришли во мнѣ, чтобъ разсѣять на минуту печальныя ваши мысли. — Марія хотѣла промолвить что-то въ свое извиненіе, и къ несчастію подняла опять глаза свои, на бѣднаго моего друга, и снова не могла удержаться, отъ громаго смѣха, столь же про-

дошительнаго, какъ и въ первый разъ. Я уже не помню, что сказалъ Иосифъ, на этотъ вторичный порывъ веселости; вѣрно, онъ снова кротко ободрилъ молодую дѣвушку, но только знаю, онъ самъ мнѣ потомъ признался, что сердце его горестно смалось.

Я прописалъ рецептъ и послалъ Жюстена за лекарствомъ. Понуда онъ ходилъ въ аптеку, дѣвица Помбеля, чтобы скрыть свое смущеніе, разговаривала съ юными дочерями больной. Иосифъ, снова принявъ свой всегдашній спокойно-важный видъ, стоялъ молча у окна, я же, отъ бездѣлья осматривалъ комнату, въ которой мы находились. Вотъ царство нищеты, нищеты ужасной, но благородной! Два стула, еще не потерявшіе глянца, благодаря заботамъ молодыхъ дѣвушекъ, небольшой столъ, вѣрно протѣянннй на мебель, хотя лучшую, но ненужную, кровать простаго дерева, на которой страдала эта несчастная мать, и въ углу, голый тюфякъ для двухъ сестеръ. Въ печкѣ, уже давно холодные уголья; въ углубленіи ея одна лишь фарфоровая ваза, покрытая стекляннымъ колпакомъ, и въ этой вазѣ, на мху, букетъ оранжевыхъ цвѣтовъ, скромный памятникъ прошедшихъ прекрасныхъ дней; потомъ, почти зарытое въ немъ кольцо, письмо, завязанное черной лентой, и крестъ св. Людовика. Надъ кроватью, изображеніе Спасителя, предъ которымъ, вѣрно, проливались часто теплыя слезы вдовы и двухъ сиротъ! Еще, большая картина, вѣроятно портретъ милаго утраченнаго челоуѣка, покрытая, двойнымъ зеленымъ газомъ, черезъ который не лзя было разсмотрѣть живописи. Вотъ и все. Оставалось въ этой бѣдной комнатѣ лишь нѣсколько полѣвъ дровъ, и нѣсколько вещицъ, сохраненныхъ на память, драгоценности, не стоящія ничего для постороннихъ, но столь дорого цѣнныя сердцами любящими, которымъ онѣ напоминаютъ милыхъ друзей, отшедшихъ въ лучшій міръ.

Спустя мѣсяцъ послѣ этого свиданія, Марія и Иосифъ встрѣтились уже какъ знакомые, и знаете ли гдѣ? Въ хорошенькомъ небольшомъ магазинѣ бѣлья, въ тотъ день, когда г-жа Эдмондъ поселилась тамъ съ своими дочерями. Бѣдная мать скоро поправилась не столько отъ лекарствъ, сколько отъ нѣжныхъ попеченій ея добрыхъ дочерей, Маріи и Моравжа, котораго я познакомилъ съ барономъ Помбелемъ. Къ этому послѣднему была перенесена больная, и тамъ она поправилась.

И такъ, въ теченіи мѣсяца, молодые люди видѣлись часто, то у г-на Помбеля, то въ обществѣ, гдѣ я старался ихъ всегда свести. Однакожъ, часто случалось, что молодая дѣвушка вдругъ предавалась смѣху передъ моимъ бѣднымъ другомъ, или

лучше сказать, надъ его личеснимъ недостаткомъ. Но я не надѣлся на привычку, какъ на самое дѣйствительное средство противъ этой дѣтской вѣтренности: иногда случалось, что дѣвица Помбель, обвороженная плавильнымъ разговоромъ Моранжа, оставалась съ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, осѣвѣвъ какъ бы забывъ о его явной несовершенствѣ. Что же касается до меня, я съ радостью замѣчалъ, какъ возрастала ихъ нѣжная дружба; я зналъ до глубины ихъ сердца, и желалъ отъ души имъ счастья; дѣйствуя по совѣсти, я предъувѣдомилъ однакожъ отца Маріи, и г-нъ Помбель мнѣ отвѣчалъ: Да, да! Богъ промышляетъ о всѣхъ! Я знаю, нашъ другъ Моранжъ благородный молодой человѣкъ; онъ бѣденъ, это правда, но онъ честенъ и къ тому же, я богатъ за двоимъ, даже за тримъ, докторъ, пожалуйста, не забудьте этого.—Надо вамъ сказать, государь мой, что отецъ Маріи воображаетъ, что онъ обязанъ мнѣ выздоровленіемъ отъ важной болѣзни.— Да, да, продолжалъ баронъ съ добродушной улыбкой, не будете вы шить ихъ любви, можетъ быть, если Богу угодно, они сами намъ признаются въ томъ.

Баронъ де Помбель былъ послѣднею отраслю древней, извѣстной фамиліи въ Доэвнѣ. Богатъ, вдовецъ уже пятнадцать лѣтъ, онъ проводилъ мирно осень жизни возлѣ Маріи, единственной своей дочери. Это былъ чловѣкъ съ добрымъ сердцемъ, съ прямымъ умомъ, съ простымъ обхожденіемъ, всегда откровенный и иногда несобѣтъ разборчивый на слова, и очень вспыльчивый. Однимъ словомъ, онъ былъ и благороднѣйшій чловѣкъ въ свѣтѣ, преданный Богу, вѣрный сынъ отечества, любилъ искусства, и обожалъ свою мнѣную дочь, Марію, какъ олицетворенное свое счастье здѣсь на землѣ.

Такъ проходили дни, припоса мнѣмъ мнѣмъ молодымъ друзьямъ мечты о будущемъ счастьѣ. О блаженные дни первой любви, какъ скоро вы мелькаете надъ нашими глазами, разукрашая ихъ скоропроходящими цвѣтами! о святыхъ привязанности сердца, созрѣвшія какъ бы сказать подъ покровительствомъ самаго Бога, потому что вы чисты и прекрасны, и плоды ваши мирны и радостны!....

Марія была счастлива; я не могу тоже сказать объ Юскѣ. Ни одно бы облако не затуманило лазури его неба, ни одно бы дуновение не взволновало поверхность озера, по которому плыла, какъ лебедь, его прекрасная надежда, если бы дѣвушка, которую онъ такъ сильно любилъ, умѣла болѣе владѣть собою; но ахъ! Марія время отъ времени предавалась своему хохоту. Если случалось, что три дня проходили въ мирѣ, посреди сла-

десятиль разговоромъ въ домѣ барона, Моранжъ былъ въ раж; онъ меня обвинялъ, приходя домой, и говорилъ съ дѣткою радостью. Конечно, Филиппъ! она болѣе не смѣется, она не будетъ болѣе смѣяться; я счастлива! И я, раздѣляя его надежду, я, уже тогда, такой же старикъ, какъ теперь, я ему говорилъ какъ своему сыну:—И такъ, мой милый Юсень, если мы будемъ умны, старый докторъ попроситъ для тебя руку Маріи у добраго старика, и скоро, скоро, твой Филиппъ одинъ будетъ возвращаться домой по вечерамъ.—Послѣ этого Юсень обвинялъ меня еще разъ, и мы ложились весело спать. На другой день вечеромъ, едва Моранжъ вошелъ въ залу г-на Цюбель, Марія встрѣтила его съ сильнымъ продолжительнымъ смѣхомъ, который повторялся нѣсколько разъ въ тотъ вечеръ; баронъ ударялъ ногою объ полъ, ничего не говоря; Юсень молча страдалъ; я грустно задумалась. Потомъ, когда мы остались одни, мой бѣдный другъ плакалъ въ моихъ объятіяхъ; и когда я ему говорилъ: крѣпись Юсень! привычка придетъ, привычка, эта вторая натура людей, этотъ всеобщій бальзамъ въ несчастіяхъ! Когда я ему это говорилъ, онъ боялся уже мнѣ вѣрить. Потомъ, онъ каждый вечеръ былъ съ нею, а дни проводилъ въ душевномъ безпокойствѣ желая и вмѣстѣ боясь минуты своего свиданія съ Маріей. Однакомъ Марія полюбила Юсена, такъ горячо, какъ можетъ полюбить чистое и благородное сердце, то есть, на всю жизнь! Въ разговорѣ, въ которомъ отецъ испытывалъ ея сердце она отвѣчала только:—Да, если онъ хочетъ имѣть жену, столь вѣтренную какъ я, ваша доля за нее будетъ очень счастлива, любезный батюшка.

Въ такомъ-то положеніи были обстоятельства. Былъ вечеръ; у пылавшаго камина, мы сидѣли вчетверомъ. Марія, которая ни разу не засмѣялась своему милому другу, въ теченіе пяти дней, и которая въ тотъ вечеръ, приняла его съ доброй радостной улыбкой, разливала чай. Баронъ началъ первый разговоръ..

— Прежде чѣмъ мы начнемъ партію съ докторомъ, сказалъ онъ, и прежде чѣмъ вы, Марія и Юсень, начнете пѣть, мнѣ надо переговорить кое о чемъ съ Моранжемъ. Оставайтесь, оставайтесь Фовель, вамъ нужно быть при нашемъ разговорѣ и ты также, моя милая Марія, оставайся.

Молодой адвокатъ сѣлъ противъ старика.

— Любезный другъ мой Моранжъ, началъ отецъ Маріи, я хочу возложить на васъ свой процессъ: дѣло идетъ о зѣнкѣ и землѣ де Мовилли, которые должны бы перейти ко мнѣ, но ихъ оспариваетъ у меня мой двоюродный братъ, виконтъ де-Фоверне-

иль. Это нѣтъ сто тысячъ еениковъ, но цѣна его для меня не такъ важна; я дорожу Мовилли потому, что я провелъ тамъ прекрасные дни моей жизни, я тамъ женился, тамъ родилась дочь моя, и я желалъ бы дать ей его въ приданое, наконецъ тамъ бы я хотѣлъ умереть... однимъ словомъ, мнѣ бы очень хотѣлось выиграть этотъ процессъ. Сегодня, я вамъ послалъ связку бумагъ, между которыми вы вѣрно нашли мои документы, документы, кажется, очень дѣйствительные, не правда ли? И такъ, мой милый Моранжъ, начните это дѣло, не уступайте его г-ну Фюернейлу, отстойте намъ Мовилли, и дочь моя, будетъ вашей женой.

— Г-нъ Баронъ де Помбель, — отвѣчалъ Юсифъ своимъ прекраснымъ, гармоническимъ голосомъ: я далъ себѣ торжественный обѣтъ поддерживать только тѣ дѣла, которыя истинно справедливы. Я господинъ баронъ, именно сегодня, получилъ обѣ дѣла Мовилли предложенія обѣихъ тяжущихся сторонъ; я принялъ и разсмотрѣлъ добросовѣстно документы, сравнилъ обоюдныя права на вѣсахъ человѣческой и божественной правды и совѣсти честнаго человѣка, и удостовѣрился, милостивый государь, что правая сторона не ваша. И такъ я не могу, какъ мнѣ ни драгоцѣнна награда, которую вы мнѣ обѣщаете за выигрышь дѣла, я не могу принять на себя вашу тяжбу.

Я ожидалъ уже слышать порывъ гнѣва барона при этомъ отказѣ, однакожъ онъ удержался и спросилъ голосомъ тихимъ и исполненнымъ волненія, притопывая, по своей привычкѣ, одною ногой по паркету.

— А если черезъ это, вы лишитесь, милостивый государь, единственнаго средства получить руку моей дочери?...

Юсифъ, этотъ достойный человѣкъ, у котораго я встрѣтилъ вполнѣ эту тонкую разборчивость, это изящество превосходнаго сердца, отвѣчалъ тихо, но спокойно:

— Прежде чѣмъ слѣдовать чувству моей любви, я послѣдую голосу моей совѣсти, и скажу вамъ нѣтъ.

Торжественное молчаніе воцарилось на нѣсколько минутъ между нами; я обратился къ Маріи: она была ужасно блѣдна. Юсифъ старался на нее не смотрѣть.

Наконецъ баронъ прервалъ молчаніе:

— Хотя я человѣкъ съ простымъ умомъ, господинъ адвокатъ, однакожъ могу цѣнить вашъ благородный отказъ. Вѣрите тому, пожалуйста. То что вы сказали теперь, мнѣ кажется рѣшеніемъ столько же важнымъ, какъ рѣшеніе суда верховнаго. Мои требованія были неосновательны; вы такъ рѣшили, и я вѣрю, что это справедливо. Я куплю Мовилли у господина Фюернейла, и

не буду съ нимъ тягаться. Теперь я знаю, что такой благодарный совѣтъ стѣнитъ достойной награды, и мнѣ кажется, что вы ея не отвергнете. Юсифъ Моравжъ я васъ прошу сдѣлать мнѣ честь принять руку моей дочери.

Юсифъ бросился къ господину Помбелю со слезами на глазахъ, и трясъ съ глубокимъ чувствомъ его за руку, онъ едва могъ выговорить:—Да, она будетъ счастлива!

Марія, послѣ мраморной блѣдности покраснѣлась какъ пурпуръ. Я же, старый докторъ, въ это время сидя въ углу, молился, да вопрошаетъ Господь Богъ свое благословеніе на эту милую чету.

— Теперь, какъ мы всѣ кажется довольны, сказалъ баронъ: пойдите пить чай за семейный столъ. Если однакожь, Юсифъ захочетъ прежде обнять свою будущую жену, мы даемъ на то свое полное разрѣшеніе.

Юсифъ подошелъ къ дрожащей Маріи, и въ первый разъ поцѣловалъ дѣвственное чело своей невѣсты.

Ахъ! государь мой, скажите мнѣ, отъ чего зависятъ человѣческія впечатлѣнія? и какой философъ или физиологъ можетъ разгадать такую молодую дѣвушку, какъ Марія?.. Принимая застѣнчиво этотъ скромный поцѣлуй, она подвинула глаза на Юсифа и, замѣтивъ нечаянно его несчастный недостатокъ, увлеклась опять неволью первымъ впечатлѣніемъ, и захотѣла. Поэтому, она остановилась, испугавшись самой себя и залпла слезами. Юсифъ же упалъ въ изнеможеніи на кресла. Я подбѣжалъ къ барону, который сердито бранилъ Марію за ея неумѣстную вѣтренность, и старался его успокоить. Скоро одни лишь рыданія бѣдной дѣвушки раздавались по комнатѣ. Бѣдный мой другъ тихо приподнялся и сказалъ съ глубокимъ чувствомъ:

— Господинъ Помбель, я принялъ съ чувствомъ истинной благодарности надежду, которую вы мнѣ дали, на счастье быть вашимъ сыномъ. Я люблю Марію, и кажется люблю ея; вѣрю, что этотъ союзъ осчастливилъ бы насъ обоихъ. Однакожь, вы видите, что есть къ тому одно препятствіе. Я не знаю, милостивый государь что вы можете мнѣ присоветовать; съ моей же стороны, вотъ, что я долженъ, мнѣ кажется, вамъ сказать:—Прежде чѣмъ, на что рѣшиться, пусть пройдутъ шесть мѣсяцовъ. До тѣхъ поръ, можетъ быть, я даже смѣло надѣюсь, ваша дочь привыкнетъ ко всѣмъ недостаткамъ своего будущего супруга, а онъ, со своей стороны, уже не будетъ болѣе бояться, что его сердце будетъ снова такъ глубоко страдать.

— Вы правы, мой другъ, присовокупилъ баронъ, я вполнѣ

одобряю ваше рѣшеніе. Теперь, пожалуйста, займитесь съ Фовелемъ, а я поговорю съ моей дочерью.

Когда мы удалились, Марія еще была въ слезахъ. Въ этомъ мѣстѣ своего разсказа докторъ Фовель остановился. — Извините, государь мой, сказалъ онъ мнѣ; я долженъ васъ на нѣсколько минутъ оставить. Одишь пациентъ мой, въ которомъ я принимаю большое участіе, капитанъ Арнольдъ сейчасъ вошелъ въ залу; я съ нимъ поговорю немного, и тотчасъ вернусь къ вамъ съ новымъ разсказомъ. Однакожь прежде я вамъ скажу, и вы сами вѣрно догадались, что эта дама, одѣтая въ черное платье, предметъ вашего давнишняго любопытства, есть не кто другая, какъ Марія Помбель.

Докторъ удалился. Я же воспользуюсь его отсутствіемъ, чтобъ пояснить вамъ, мой читатель или моя читательница, гдѣ, какъ и зачѣмъ эта повѣсть объ Іосифѣ Моранжѣ и Маріи Помбель нѣтъ была разсказана.

Въ прошедшемъ году, я былъ на балѣ у г-жи Т..., въ замкѣ въ предмѣстьѣ Сентъ-Оноре. Праздникъ былъ великолѣпный.

Тамъ какъ жаръ былъ сильный, и не смотря на ночное время, воздухъ удивительно былъ пріятенъ, всѣ стеклянныя двери залы, служившія выѣзду оконъ и выходившія въ садъ, оставались открытыми, и атмосфера залы сравнялась скоро съ атмосферой сада. Вездѣ разливалось благоуханіе, отъ тысячи различныхъ дамскихъ туалетовъ, запаха амбре, восковыхъ свѣчей, чудесныхъ испареній цвѣтовъ и ночнаго благорастворенія воздуха. Гармоническія передивы прекраснаго устроеннаго оркестра терялись въ дальнихъ рощахъ или на тихихъ струяхъ озера, которымъ садъ могъ истинно погордиться. Роскошь, источая въ залахъ свои ослѣпительныя прелести, казалось, въ эту ночь, согласовалась съ природой, которая въ саду выказывала свое богатое убранство темно—голубымъ небесамъ, испещреннымъ мнріадами звѣздъ. Все было тутъ, шумъ и волненіе, тѣнь, свѣтъ и отблескъ, міръ волшебства и мечтаній. Число гостей было многочисленное. Тамъ встрѣчали государственныхъ сановниковъ, людей военныхъ, служащихъ при финансахъ; знаменитыхъ негоціантовъ, ученыхъ, поэтовъ, артистовъ; всѣ до одного сбросили у порога замка, одишь маску своей общественной жизни, другой свои вражды; тотъ свою аристократическую спѣсь; этотъ, презрѣніе свое къ чинамъ: всѣ привлечены этимъ общественнымъ магнитомъ, который называютъ удовольствіемъ, и каждый, надѣлся его найти по своему вкусу. Послѣ этой благородной фаланги людей съ высшимъ умомъ, наблюдатель могъ замѣтить множество людей,

принесли на балъ, чтобъ наполнить необходимое число, съ многою пѣвческою, говорящихъ громко, много разсуждающихъ, и отличающихся своимъ совершеннымъ ничтожествомъ, людей совсѣмъ неинтересныхъ, но встрѣчаемыхъ въ Парижѣ на всѣхъ большихъ вечерахъ, которыхъ не знаешь ни имени, ни состоянія, но которыхъ всѣ знаютъ за своихъ знакомыхъ, людей танцующихъ, играющихъ, говорящихъ, и которые заставляютъ на другой день большаго собранія, говорить: тамъ было множество людей! или: тамъ былъ весь Парижъ.

Но самое лучшее украшеніе бала г-жи Т... было множество хорошихъ, молодыхъ дѣвушекъ, удивительно граціозныхъ; онѣ были въ простомъ, легкомъ нарядѣ, одѣ въ бѣломъ, другія въ голубомъ, нѣкоторыя въ розовомъ; весело разсѣялись онѣ при первыхъ звукахъ кадрили, а потомъ собирались въ живописныя группы: для главъ задумчивыхъ поэтовъ онѣ составляли вѣрныя живые, чудесныя букеты лилей, розъ и васильковъ.

Въ одной танцевальной залѣ, я замѣтилъ въ началѣ бала, молодую женщину, около двадцати лѣтъ, одѣтую совершенно въ черное. Она привезла съ собою двухъ милыхъ дѣвушекъ, для удовольствія которыхъ казалось, она пріѣхала сюда, потому что эти обѣ милыя дѣвушки скоро оставили ее и пошли весело танцовать въ одномъ кадрилѣ.

Я уже встрѣчалъ этихъ трехъ особъ не разъ на вечерахъ большаго свѣта; и каждый разъ, смотря на старшую изъ нихъ, я чувствовалъ невольное къ ней чувство уваженія, съ возраждающимися любовитствомъ. Всѣ молодыя дѣвушки танцовали; а эта молодая женщина въ траурѣ оставалась одна, слѣдя глазами за своими вѣтреными подругами, и я тогда могъ, не нарушая свѣтскаго приличія свободно ее рассмотреть. Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ красота плѣняетъ и заставляетъ уважать; которыхъ останавливаютъ на себѣ удивленіе наблюдателя и заставляютъ его размышлять. Я ее увидѣлъ первый разъ въ концертѣ. Известный артистъ пропѣлъ арию изъ Роберта: *Glace*.... Замѣтивъ слезы на глазахъ моей незнакомки, я обратилъ на нее почтительное вниманіе. Любовь ея, открытый и благородной формы, казалось отуманивался меланхолическими думами; ея большіе голубые глаза съ откровенною душевною грустью, должныствовали, въ прошедшихъ для нее счастливыхъ дняхъ, блистать живостью; теперь же выраженіе ихъ было задумчиво, а иногда печально: казалось, что слезы горести убавили много ея прелесть. Мысль, что это прекрасное существо должно было испытать какое-то большое горе, выказывалось во всей ея снѣжной, этой прелестью, раскрасив губамъ, теперь, въ выраженіи тѣмной,

кроткой улыбки, вѣрно оживлены были часто безпечнымъ сѣнгомъ и дѣтской веселостью. Горесть, это поэтическая, раяная зима почти каждой красоты! Наконецъ, трауръ, который она никогда не снимала, голось, движенія, манеры, все въ ней было тихо, спокойно, грустно, но благородно и прекрасно. Вѣроятно она была прежде очень хороша собой; но пришло горе и лишило ее понемногу всего прелестнаго цвѣта веселой юности; ея лилейное чело рано затуманилось грустью; и теперь, дитя, которое поетъ и весело смотритъ въ будущее, замѣнилось женщиной, которая страдаетъ и молится; молодая миловидная дѣвушка сдѣлалась прекрасной женщиной.

Я любовался съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ этой живою картиною задумчивости, какъ вдругъ небольшой блѣдный и сухощавый старичекъ, одѣтый въ старомодное, коричневаго цвѣта платье, подошелъ ко мнѣ. Уже я прежде замѣтилъ его, когда онъ говорилъ съ дамой въ траурѣ; я обратился къ нему съ поспѣшностію.—Милостивый государь, сказалъ онъ мнѣ голосомъ тихимъ, но твердымъ: я часто замѣчалъ вниманіе, обращенное вами на особу, съ которой я говорилъ. Сдѣлайте мнѣ извините меня, что я васъ такъ неучтиво спрашиваю; мнѣ эта особа очень близка. Чѣмъ она могла заслужить счастье такого вниманія?

Я понялъ тутъ неловкость моего любопытства и отвѣчалъ съ замѣшательствомъ:

—Будьте такъ добры, милостивый государь: примите благосклонно мои извиненія и передайте ихъ этой дамѣ, если она замѣтила мое неучливое вниманіе къ себѣ. Однакожъ позвольте васъ увѣрить, что любопытство, которое она во мнѣ возбуждала, происходило отъ почтенія и симпатіи, которыя всегда чувствую къ истинному горю, и это кажется не можетъ никого оскорбить. Вотъ, милостивый государь, побудительная причина моей неучливости; еще разъ простите меня великодушно.

—Довольно, государь мой, присвокупилъ старичекъ: я вамъ вѣрю совершенно, и потому—то мнѣ будетъ очень пріятно удовлетворить вашему любопытству, рассказавъ вамъ тайну этой меланхоліи моей молодой пріятельницы, которая васъ такъ трогаетъ. Теперь я могу ее открыть безъ боязни, и если она васъ сколько нибудь займетъ, вы можете быть даже очевидцемъ.....

Я не хорошо вслушался въ послѣднія слова; но принявъ съ радостью такое дружеское предложеніе, поблагодарилъ за довѣренность, которую, мнѣ казалось, я такъ мало заслуживалъ и расположился слушать.

Такимъ образомъ, все, что до сихъ поръ я передаю объ Іо-

софѣ Моранжѣ, Маріи де-Помбель, я узналъ отъ моего разсказчика доктора, Фовелла.

Въ ту минуту когда разсказъ, который я слушалъ съ такимъ любопытствомъ былъ прерванъ, приходитъ капитана Арнольда, балъ былъ во всемъ своемъ блескѣ; разгаръ удовольствія, какъ будто электрической силой, овладѣлъ всѣми умами. Тогда надружи танцевались граціознѣе, потомъ въ вальсахъ вертѣлись живѣе, а тамъ, когда кадрили и вальсы прекращались, для отдохновенія танцующихъ, сладкія симфоніи приглашали къ мечтамъ; и въ теченіи этихъ минутъ, мелькали, какъ волшебныя явленія, въ глубинѣ сада группы молодыхъ дѣвушекъ, какъ будто бѣлыя, голубыя и розовыя гирлянды. Удовольствіе царствовало вездѣ.

Марія де-Помбель сидѣла одна на софѣ, въ задумчивости, я ею еще разъ неучтиво полюбовался, невольно сравнивая этотъ поэтический контрастъ, который она мнѣ представляла, съ упоеніемъ праздника, когда докторъ возвратился ко мнѣ.

— Шестъ мѣсяцевъ послѣ этой сцены, которую я вамъ описалъ, продолжалъ онъ, ничто, казалось, не могло помѣшать совершенному счастью моего друга; въ теченіи шести мѣсяцевъ Марія ни разу не смѣялась. Вообразите радость ея жениха.

День подписи контракта долженствовалъ быть днемъ праздника. Баронъ захотѣлъ его ознаменовать большимъ баломъ, посреди котораго торжественно надо было прочесть этотъ актъ. Утромъ того дня Юсефъ завтракалъ съ господиномъ Помбелемъ и его дочерью; я долженъ былъ также участвовать въ этомъ семейномъ завтракѣ, но Жюстенъ пришелъ меня извѣстить объ опасномъ состояніи одного больного, и я отправился, куда призывалъ меня мой долгъ. Во время этого веселаго завтрака, Марія была отиѣнно мила. Когда онъ кончился, будущіе супруги хотѣли уже разойтись, и Юсефъ, весело разговаривая еще съ своей невѣстой, попросилъ ее при разставаніи посмотреть на него пристально. Прежде, мой добрый Моранжъ не дерзнулъ бы никакъ на такую опасность, но въ теченіи шести мѣсяцевъ, Марія была такъ мила и снисходительна, что Юсефъ былъ утѣренъ уже въ ней навсегда. Дѣвица Помбель посмотрѣла Юсефу прямо въ лицо. Вы съ видимымъ волненіемъ, слушаете меня, и вы вправдѣ; то чего боитесь, сбылось къ несчастію еще разъ: это былъ ужасный, продолжительный порывъ сѣха Маріи.

Эта пытка была выше силъ Юсефа. Пораженный до глубины души, онъ успѣшно всталъ, виѣ себя, какъ полоумный. Въ одну минуту, онъ добѣжалъ до нашей комнаты. Меня не было

дома, какъ я уже сказалъ вамъ; онъ прямо вошелъ въ мой кабинетъ, открылъ мой ящикъ съ хирургическими инструментами, взялъ одинъ изъ нихъ, и безъ малѣйшаго разсужденія, какъ сумасшедшій, однимъ взмахомъ инструмента отрубилъ своей роковой паростъ, единственную невинную причину его несчастія. За этой необдуманной операціей, какъ вы можете вообразить, послѣдовало ужасное кровотеченіе, которое такъ ослабило его, что онъ лишился чувствъ; онъ долго лежалъ въ обморокѣ, когда Жюстенъ вошелъ печально въ мою комнату; онъ началъ помогать, какъ умѣлъ моему больному Юсепу, но всѣ старанія бѣднаго старика были напрасны, какъ! ничто не могло остановить крови, эту сущность жизни. Жюстенъ, въ отчаяніи, держалъ Юсепа, безъ чувствъ на своихъ рукахъ.

Что вамъ сказать теперь, милостивый государь? Въ тотъ же самый вечеръ, Марія Помбель узнала отъ меня о смерти своего жениха. Она упала въ ужасныхъ конвульсіяхъ, упрекала себя въ его смерти, желала, чтобъ одна могла ихъ соединить. Я одинъ съ трудомъ могъ ее успокоить; но тогда она падала къ ногамъ моимъ, умоляя меня еще разъ позволить ей увидѣть ее безцѣннаго друга. Я отказалъ ей, болѣе новыхъ опасныхъ припадковъ. Баронъ былъ погруженъ также въ глубокую печаль. Состояніе Маріи его сильно тревожило. На другой день, она не въ силахъ была встать съ постели. Съ тѣхъ поръ, милостивый государь, дѣвица Помбель сдѣлалась тѣнь, чѣмъ вы ее видите въ настоящую минуту. Она захотѣла носить фамилію Моранжа и дала себѣ обѣтъ, не снимать траура во всю свою жизнь. Она выѣзжаетъ въ свѣтъ, чтобы соупотствовать двумъ молодымъ дѣвушкамъ, которыхъ вы вѣрнѣе видите воалѣ неа; потому, что годъ тому назадъ, мать ихъ, у постели которой влюбленные мои друзья въ первый разъ увидѣлись, умерла оруженная мамъ; и Марія усмьхнула двухъ близнецовъ въ память милого Юсепа, какъ живое воспоминаніе его добраго сердца. Баронъ на все согласился, потому что онъ обожаетъ свою дочь, и нѣжно любилъ Моранжа.

Вотъ, милостивый государь, причина этой меланхоліи и траура, которые васъ изразили въ прекрасной дѣвицѣ Моранжъ. Вы видите изъ этого, что важность обстоятельствъ не всегда связана съ важностью причинъ, и что физическое несовершенство друга моего дѣтства, хотя оно было и не велико, стоило ему очень дорого.

Тутъ, докторъ прекратилъ свой разсказъ, и не дожидаясь моей благодарности, скоро ушелъ отъ меня, а я предаюся своимъ размышленіямъ.

И такъ, думалъ я, надобно же, чтобъ всегубительный

червь вредилъ даже прекраснѣйшему плоду. И такъ бѣдствіе не имѣеть исключенія и никто здѣсь на землѣ, какъ бы ни былъ великъ, извѣстенъ и совершенъ, не оставляетъ этого міра, не испытать горестей. Въ шумномъ Парижѣ, среди холоднаго, насмѣшливаго, жестокаго, скептическаго свѣта, встрѣтилось нѣсколько существъ простыхъ и добрыхъ. Непоспѣданной Божіей судьбой, всѣ, кто ни приближался къ нимъ, были добры какъ они. Въ нихъ небольшой, неизвѣстной, но благословенной озерѣ, не было ни одного дыханія, ни одного облака, ни эха, ни мысли зла. Это была маленькая счастливая колонія. Но существа, совершающія такъ мирно свое теченіе, не могли такъ окончить его: несчастіе должно было возмутить его.

Законъ человѣческихъ бѣдствій, непонятный и всемогущій! надо тебѣ покориться и нести твое иго съ дѣтской покорностью. Не отыскивая твоего устава, онъ въ рукѣ у Бога, какъ наша жизнь, какъ наша смерть.

Свѣда разбѣянными глазами за докторомъ Фовель. я замѣтила, что онъ углубился въ густоту рощи. Спустя минуту поелъ, онъ появился опять въ дверяхъ танцевальной залы. Въ рукѣ у него была прекрасная, пышная роза, едва распустившаяся, и еще влажная отъ вечерней росы.

Я въ это время всталъ и былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Маріи Помбелъ, когда докторъ подошелъ къ ней, съ розой въ рукѣ. Я немного остановился, и увидѣлъ, что онъ нагнулся къ своей молодой пріятельницѣ, и воткнулъ въ ея волосы ароматическій цвѣтокъ.

Вдова-невѣста Юсефа Моранжа не отказалась отъ подарка, но приподнявъ тихо свою голову, она ему сказала съ дружелюбной улыбкой: Мнѣ, Филиппъ!.. И я слышала, какъ докторъ отвѣчалъ ей голосомъ, исполненнымъ чувства:—Позвольте, милая Марія, чтобы я васъ нарядилъ для прекраснаго праздника. Да, я вижу, вы не можете ничего понять. И такъ, придумайте счастье, какого только вы могли бы пожелать въ этомъ мірѣ, и вы скажете то, что скоро съ вами случится. Послѣ этихъ словъ, которыя Марія слушала съ удивленіемъ, молодой старецъ оставилъ ее и, встрѣтаясь, со мной на дорогѣ, онъ замѣтилъ и мое удивленіе, подумавъ вѣрно, что я все видѣлъ и слышалъ, и сказалъ мнѣ, взявъ меня за руку:—Вы также, молодой человѣкъ, не можете, какъ я вижу, отгадать, что значитъ этотъ цвѣтокъ. Дѣло въ томъ, что мой маленькій романъ еще имѣеть окончательную главу; вы знаете то, что знаетъ сама Марія, и узнаете, что мнѣ остается вамъ сказать; я очень радъ, что встрѣтилъ

ся съ вами, чтобъ подѣлиться моею радостью; дѣвица Помбель скоро все узнаеть сама. — Слушайте еще:

— Благодаря Бога, я не терялъ времени, изучая медицину, и сналъ моего бѣднаго друга, послѣ его опасной операціи. Но когда я узналъ о послѣдней и горестной вѣтренности наслѣдницы Помбель, то счастливая мысль пришла мнѣ въ голову. Никогда, Марія, думалъ я, не исправится совершенно отъ своей несносной привычки, если не получить сильного урока. Урокъ этотъ данъ былъ ей несчастіемъ. Иосифа просили убѣдительно заняться очень важнымъ дѣломъ, въ запутанной какой-то тяжбѣ въ Нью-Йоркѣ; въ серіозномъ разговорѣ, который я нѣлъ съ нимъ въ ночь, послѣ отважной его операціи, я уговорилъ его уѣхать тихонько. Онъ отправился. При помощи лжи и хитростей, съ помощью отца ея, поддерживаемый въ некоторую вѣроятностию, я превозмогъ убѣдить совершенно Марію въ смерти ея жениха. Вы видите, какъ урокъ подѣйствовалъ надъ бѣдной дѣвушкой. Наконецъ, Иосифъ выигралъ продолжительную тяжбу. Надо было имѣть много твердости, чтобъ перевести подобную разлуку! Наконецъ, испытаніе подходитъ къ концу. Нѣсколько сказанныхъ мною словъ Маріи достаточны, чтобъ предохранить ее отъ сильного волненія, которое могла бы замѣтить посторонніи; еще нѣсколько мнутъ, и ея бѣдное сердце, такъ много выстрадавшее, опять узнаеть счастье! Иосифъ уже во Франціи: онъ вчера былъ въ Гаврѣ; теперь онъ, вѣрно, скачетъ по дорогѣ въ Парижъ; онъ долженъ мѣняться сюда, если прійдетъ во время бала. Я рассчитывалъ часы, онъ скоро, скоро долженъ быть здѣсь.....

Говоря такъ, докторъ оживлялся все болѣе и болѣе; радость его была такъ велика, что перешла ко мнѣ; и я былъ счастливъ счастіемъ другихъ.

Онъ смотрѣлъ безпрестанно на стѣнные часы, стрѣлки которыхъ шли, казалось, въ это время такъ медленно, и на Марію чуть дышащую; потомъ глаза его обращались съ нетерпѣніемъ на дверь, и Марія также устремляла на нее свои смущенные взоры.

Наконецъ... дверь отворилась, и я увидѣлъ человѣка, котораго тотчасъ я узналъ, по портрету мнѣ прежде описанному докторомъ. Ничто не затмѣвало тогда величественную красоту этой счастливой головы. Но очень замѣтное темное пятно замѣнило его прежній недостатокъ. Увидѣвъ Иосифа, Марія побѣжала къ нему, и упала передъ нимъ на колѣна: онъ ее поднялъ и прижалъ къ своему сердцу; потомъ, не оставляя свою невесту, онъ привлекъ и друга своего дѣтства въ свои объятія, и я не знаю, который поцѣлуй былъ вѣжливѣе, поцѣлуй невесты или другу.

Это происшествіе прервало танцы. Сироты, принятыя Маріей, приближали раздѣлить радость ея. Хозяйка дома, г-жа Т... разспазывала своимъ гостямъ то, что она знала объ этой простой драмѣ; дошедшей до своего послѣдняго акта, и всѣ были въ восторгѣ....

И я, простой наблюдатель, я смотрѣлъ съ истиннымъ наслажденіемъ на счастье этой достойной четы, когда докторъ обратился ко мнѣ. Я увидѣлъ двѣ блестящія слезы, катившіяся по худошавымъ щекамъ этого тридцатилѣтняго старца. Какъ, сказалъ онъ мнѣ, замѣтивъ, что я былъ такъ тронутъ, вы плачете!.. Плачете объ исторіи, въ которой главную роль играетъ носъ моего друга, и такъ пожалуйста не откажитесь потанцовать на его свадьбѣ. — До свиданія.

И я увидѣлъ, какъ они вышли изъ залы, желаніе мое всѣхъ возможныхъ земныхъ благъ этимъ милымъ существамъ, сопровождало ихъ. Выходя скоро за ними съ бала, я увидѣлъ лежащую на полу, недалеко отъ дверей прекрасную розу, которую Марія Помбелъ при волненіи своемъ обронила, вѣроятно, печально съ головы. Я ее поднялъ съ какимъ-то благоговѣніемъ и храню ее, какъ память одного изъ пріятнѣйшихъ дней моей жизни.

АНЕКДОТЪ ИЗЪ ЖИЗНИ СЕБАСТІАНА БАХА. Себастьянъ Бахъ былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ артистовъ въ эпоху возрожденія искусствъ и наукъ. Онъ былъ въ Германіи тѣмъ же, что Палестрина въ Италіи. Сочиненіями своими, полными силы и оригинальности, а также и твореніями дидактическими, онъ указалъ музыкѣ новый путь, и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ ея перерожденіи.

Выбравъ для себя уединенное убѣжище, знаменитый композиторъ часто былъ посѣщаемъ значительными лицами, и не смотря на особое вниманіе, которое ему постоянно оказывали, жилъ всегда просто, и безъ всякой роскоши. Желу его можно было назвать образцомъ женщины, а единственная дочь его, Цецилія, отличалась всѣми качествами ума и сердца.

Между посѣтителями Себастьяна Баха въ особенности замѣчательнымъ былъ баронъ Норбергъ, молодой человекъ, который, происходя отъ благородной фамиліи, пользовался значительнымъ состояніемъ. Онъ любилъ посѣщать Себастьяна и проводилъ съ нимъ иногда цѣлые вечера въ разговорахъ. Себастьянъ съ своей стороны также чувствовалъ къ молодому человѣку расположеніе, тѣмъ болѣе, что онъ, при прекрасномъ образованіи,

соединялъ въ себя качества отличнаго зятя и мужа, и былъ постояннымъ ея поклонникомъ и любителемъ.

Однажды, Себастьянъ, сидя въ своей галлерей, гдѣ имѣлъ обыкновеніе работать въ жаркіе лѣтніе дни, былъ неожиданно посѣщенъ молодымъ барономъ, который пришелъ просить руку его дочери. Выслушавъ предложеніе, знаменитый мастеръ всталъ, снялъ шляпу съ своей головы, и отвѣчалъ, послѣ нѣкотораго размышленія:

— Любвиный баронъ, предложеніе, которое вы мнѣ теперь дѣлаете, для меня чрезвычайно лестно; но я съ сожалѣніемъ долженъ вамъ объявить, что не могу согласиться отдать мою дочь за васъ.

— Почему же? спросилъ баронъ въ замѣшательствѣ.

— Выслушайте меня... Я иногда страненъ и упрямъ! Мнѣ пришла въ голову мысль не отдавать мою дочь въ супружество за человѣка, не обладающаго искусствомъ, которому я посвятилъ всю свою жизнь.

— Но подумайте....

— Никакое представленіе, возражалъ Себастьянъ, не измѣнитъ моего рѣшенія. Я далъ себѣ въ этомъ слово, и на дарушку его никогда. Но, если вы и не можете быть моимъ зятемъ, я надѣюсь тѣмъ не менѣе, что мы останемся по-прежнему друзьями. Объ одномъ только прошу васъ, чтобы вы объ нашемъ предложеніи не напоминали ни мнѣ, ни жевѣ моей, а тѣмъ болѣе моей дочери. Притомъ, я полагаю, что ваши посѣщенія, которыя мнѣ впрочемъ очень пріятны, не будутъ отнынѣ такъ часты, какъ прежде, если вы не имѣете намѣренія прекратить ихъ вовсе.

Баронъ Норбергъ удался совершенно смущенный. Получивъ прежде согласіе матери, и будучи убѣжденъ, что и дочь не воспротивится его намѣреніямъ, онъ вносивъ надѣлся на изъявленіе согласія и со стороны Себастьяна; а потому отказъ, имъ полученный, былъ для него тѣмъ болѣе жестокимъ, что былъ неожиданнымъ. Впрочемъ чрезъ нѣсколько минутъ размышленія, онъ отправился къ матери и дочери, которыя съ трепетомъ ожидали послѣдствій его предложенія.

Онъ передалъ разговоръ, который былъ между нимъ и Себастьяномъ. Выслушавъ его, мать тотчасъ же отправилась въ мужу. Сдѣлавъ ему упрекъ въ его странностяхъ, по которымъ онъ отклонилъ такую выгодную партію для ея вѣчно любимой Цециліи, она ему напомнила, что баронъ имѣетъ большое состояніе, происходитъ отъ благородныхъ родителей, и самъ человѣкъ не безъ достоинства. Все это она передала съ

тѣмъ силою, жаромъ и краснорѣчивъ, съ какимъ способна это слабѣть мать, воодушевленная любовью къ своей дочери. Но Себастьянъ остался непоколебимъ, и жена его, убѣдясь, что ей не-возможно-измѣнить его рѣшенія, пошла извѣстить барона Норберга и свою дочь о безуспѣшности ея ходатайства.

— Любезная моя дочь, сказала она въ заключеніе: ты знаешь, что твой отецъ прекраснѣйшій и предобрѣйшій человекъ; но у него бываютъ иногда нѣкоторыя странности, которыми мы должны померяться. Я его знаю очень хорошо, и не первый годъ. Онъ желаетъ непременно, чтобы его зять былъ музыкантъ, и эту мысль, вошедшую ему въ голову, ничто уже не въ состояніи въ немъ измѣнить.

Баронъ раскланялся съ матерью и дочерью, и разставаясь съ Целлией, сказалъ ей:

— Я удалился, потому-что новыя убѣжденія съ моей стороны не могутъ жить въ настоящее время лучше успѣха; прошу васъ только сохранить обо мнѣ нѣкоторое воспоминаніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ, я надѣюсь опять быть здѣсь, и тогда полагаю получить согласіе вашего отца.

Сказавъ это, баронъ Норбертъ удалился, не произнеся болѣе ни слова; но внимательный наблюдатель легко бы могъ замѣтить, что въ немъ произошла совершенная перемена. Отчаяніе и грусть, которыя до того выражались въ его лицѣ, вдругъ исчезли. Голосъ его былъ твердъ, глаза приняли особое выраженіе, поступъ стала уверенная. Видно было, что онъ принялъ какое-то важное намѣреніе, и совнавалъ въ себѣ силу его исполнить.

Послѣ описаннаго нами свиданія барона Норберга съ женой и дочерью Себастьяна Баха, онъ удалился изъ Германіи. Четыре года не являлся онъ у нихъ, но за то часто писалъ имъ письма, которыя, будучи отправляемы попеременно изъ Парижа, Лондона, Рима, Неаполя и Флоренціи, свидѣтельствовали объ его восторженности къ музыкальному искусству. Онъ въ нихъ краснорѣчиво описывалъ путешествія свои впечатлѣнія, и съ удивленіемъ отзывался о всѣхъ великихъ музыкантахъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ путешествіи своемъ, а равно и о твореніяхъ, исполненіе которыхъ ему удалось слышать. Для Европы тогда наставало время перерожденія. Это было замѣтно особенно въ Италіи, которая по образованію умственному, и по успѣхамъ въ искусствахъ, столь прославленнымъ шестнадцатый вѣкъ, далеко опередила другія европейскія государства. Лирическая драма, исчезнувшая въ хаосѣ ородившаго вѣкова, снова проиллюстрировалась подъ вліяніемъ гевія Скарлатти. Спектамы этотъ приводилъ молодого барона въ восторгъ, и

всѣ впечатлѣнія и чувствованія его пламенной души переливались незамѣтно въ его письма, которыя онъ посылалъ къ своимъ друзьямъ.

Но предавшись искусствамъ и музыкѣ, баронъ, среди своихъ странствованій, живо сохранялъ въ себѣ чувствованія, которыя онъ питалъ къ прекрасной Цециліи. Въ каждомъ письмѣ онъ съ уваженіемъ и нѣжностію подтверждалъ о неизмѣнномъ своемъ расположеніи.

Корреспонденція барона однако же, внослѣдствіи, сдѣлалась рѣже, и наконецъ прекратилась совершенно. Себастьянъ Бахъ него жена ломали себѣ голову, для объясненія такого молчанія; прекрасная же Цецилія проливала слезы, и горевала въ уединеніи.

Однажды Себастьянъ по дѣламъ своимъ отправился въ Боннъ, а жена его и дочь сѣдѣли въ большой галлерей, которая обыкновенно служила кабинетомъ знаменитому маэстро: Цецилія разгрызала на своемъ клавишнѣ новыя аріи; ея проворныя пальцы летали съ необыкновенною отчетливостію и легкостію по клавишамъ, какъ вдругъ стукъ шаговъ поразилъ ея слухъ, и заставилъ ее содрогнуться... представьте себѣ ея удивленіе и радость, когда она узнала барона Норберга...

— Простась съ вами четыре года тому назадъ, сказалъ онъ, я вамъ обѣщалъ возвратиться, когда обстоятельства мнѣ позволятъ, и просилъ васъ объ одномъ, чтобы сохранить обо мнѣ нѣкоторое воспоминаніе. Мнѣ казалось тогда, что я трудомъ и стараніемъ въ состояніи достигъ нѣкотораго совершенства въ музыкѣ, и такимъ образомъ исполнить условіе, которое вашъ отецъ положилъ для претендента на вашу руку. По этому я тогда же принялся за дѣло. Искусство, котораго я былъ дотогѣ любителемъ, содѣлалось для меня предметомъ постоянныхъ занятій, а любовь сдѣлала то, чего не могли бы произвести ни стремленіе къ славѣ, ни желаніе извѣстности. Я сдѣлался музыкантомъ, и Италия знаетъ уже мое имя и мои творенія. Я сознаюсь, что есть много артистовъ выше меня, но надѣюсь, что вашъ отецъ будетъ сходителемъ къ моему таланту, и приметъ въ соображеніе мои старанія для преодоленія трудностей искусства. Теперь же позвольте мнѣ, прекрасная Цецилія, доставить вамъ случай оцѣнить мои успѣхи.

И въ то же время онъ сѣлъ за клавишныя, и принялся исполнять нѣсколько мелодій своего сочиненія, которыя отличались особымъ характеромъ, и были написаны совершенно въ новомъ родѣ. Онъ представлялъ въ игранномъ имъ сочиненіи впечатлѣнія ситальческой жизни, мечтанія любви и поэзіи, стремленіе къ счастью, мученія изгнанія, радость возвращенія на родину и счастье въ-

дѣтъ тѣ мѣста, гдѣ находится предметъ его мыслей и желаній. Выраженіе сочиненія измѣнилось вмѣстѣ съ мыслями, которыя сочинитель хотѣлъ представить, а мелодія, попеременно живая и легкая, заунывная и меланхолическая, исполненная страстей и кѣйности, вполнѣ отпечатывала состояніе его души.

Таково было твореніе барона Норберга, а достоинство исполненія равнялось таланту въ его композиціи. Цецилія и ея мать слушали съ восторгомъ и энтузіазмомъ.

Но въ то время, когда они находились въ состояніи очарованія, они не замѣтили новаго слушателя, который неожиданно вошелъ въ галерею. — Это былъ Себастьянъ. — Удивленный и очарованный, онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ. — Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, онъ старался заглушить въ себѣ чувствованія, которыя его волновали, оставивъ трепеть своего сердца; но въ скоромъ времени, не будучи въ состояніи воздержаться, онъ бросился на шею къ барону, и воскликнулъ:

— Я не имѣю болѣе препятствій къ вашей свадьбѣ. Дочь моя принадлежитъ вамъ. Для полученія ея въ супружество, вы преодолѣли продолжительные и тягостные труды, и этимъ доказали ей вашу любовь и привязанность. Но послушайте; вамъ конечно показалось страннымъ, когда я вамъ объявилъ, что желаю имѣть зятемъ музыканта; но судите же обо мнѣ, какъ о человѣкѣ упрямомъ и настойчивомъ. Я желаю всегда, чтобы мой будущій зять имѣлъ какое либо званіе, которое ему въ нуждѣ могло бы доставить кусокъ хлѣба. Самое блестящее состояніе можетъ исчезнуть. Кто можетъ знать, какая готовится ему участь?... Но достоинство и талантъ составляютъ благо прочное, котораго никто не въ состояніи у насъ отнять. Эта истина, въ справедливости которой я убѣдился въ теченіе многихъ лѣтъ, руководила моими дѣйствіями въ отношеніи къ вамъ, когда четыре года тому назадъ, вы просили у меня руку моей дочери. Я тогда полагалъ, что вы еще молоды, и можете заниматься музыкой, тѣмъ болѣе, что всегда имѣли къ ней особое расположеніе. Я хотѣлъ дать вамъ способностямъ настоящее направленіе и указать вамъ путь, по которому вамъ слѣдуетъ идти, предполагая, что если вы дѣйствительно любите Цецилію, то конечно будете имѣть силу преодолѣть всѣ трудности, и занять почетное мѣсто въ области искусствъ. Вотъ какъ я тогда думалъ, но передать вамъ этого не могъ. Представьте же мою радость, когда я увидѣлъ теперь, что вы угадали мое намѣреніе... Цецилія, Норбергъ, мои дѣти, примите мое отцовское благословеніе.

Свадьба была отпразднована въ скоромъ времени безъ шума, но просто и благородно. Главнѣйшія музыкальныя общества Германіи стеклись на этотъ семейный праздникъ, и ознаменовали тотъ день исполненіемъ твѣрдымъ мимодрама барона.

Собастіанъ вполне былъ справедливъ; требуя отъ своего зятя какого либо званія, которое бы могло его обеспечить въ жизни; потому что при внутреннихъ потрясеніяхъ, раздѣлившихъ тогда Германію, Норбергъ ишился всего своего состоянія, доставшагося ему отъ предковъ. Онъ съ твердостью перенесъ эту потерю, и умѣлъ въ некуествѣ своемъ находить возвышеннѣйшія наслажденія, какихъ не можетъ доставить состояніе.

Тригъ-тракъ. Игра тригъ-тракъ, дондѣй употребленная во Франціи, была особенно въ большомъ ходу при Людовикѣ XIV.—Все придворные, и даже самъ король, проводили за немъ большую часть свободнаго времени, находя въ ней развлеченіе и отдыхъ отъ государственныхъ и служебныхъ заботъ.

Однажды, играл со многими изъ своихъ придворныхъ, Людовикъ XIV сдѣлалъ сомнительный ударъ, который послужилъ поводомъ къ разногласію. Король, желая прекратить споръ, обратился къ кавалеру Грамону, входившему въ то время въ комнату.

— Вы насъ разоудите, оказалъ онъ, и принялся—было разсуждать причину разногласія.

Но кавалеръ Грамонъ, перебивъ фѣя короля при самомъ началѣ, прехладнокровно отвѣчалъ:

— Вы неправы, Ваше Величество!

— Какъ, возразилъ король: вы меня осуждаете; но ушами даже въ чемъ дѣло?

— Мнѣ и не нужно знать, отвѣчая ледяной приворотной, потому, что если на вашей сторонѣ была бы только одна тѣнь правды, то и тогда эти господа не заведлись бы удостовѣрять васъ, что вы выиграли торгово.

Король улыбулся, запятылъ, и сталъ проделывать нору.

Свѣтъ парижскихъ драматическихъ исполнителей. Въ нѣрѣ артистическомъ есть одинъ писатель, который, по вѣрности и воображенію, кажется не болѣе тридцати лѣтъ, хотя уже пятнадцатый разъ по крайней мѣрѣ при немъ распускаются розы; и обирается виноградъ. Убивая его предъ глазами приходите въ отчаяніе молодыхъ девицъ и лавровъ, и счастливѣя его, выдержанія не могу представляемъ, слушать предметомъ записки безталанныхъ писателей. — Какъ поэта, его можно сравнить съ созвѣдіемъ, которое при закатѣ своемъ блеститъ такъ же

вмещательно, какъ и восходящее солнце, а какъ свѣтскаго и вѣчно живаго человека, надобно бы было отнести его къ обладателямъ секрета знаменитаго Калюстро, если бы печальный случай на снхъ днхъ не отирывъ завѣсъ, и не показывъ намъ гениальной хитрости, употребленной нмъ для изглаженія слѣдовъ неумолимаго времени.

Вдова одного знаменитаго артиста была привычку своими бѣленькими и крошечными ручками трепать черные волосы нашего бывшаго, нмъ, лучше сказать, вѣчнаго молодцаго человека. Она уже располагалась вполне предаться этому нмъ и поэтическому упражненію, какъ вдругъ встала съ мѣста и вскрикнула:

— Какое чудо!

— Что съ вами, любезная маркиза?

— Неужели мнѣ надобно вѣрить въ действительность и пользу верблужьяго и ведашваго жира.

— Я все еще ничего не понимаю...

— Посмотритесь въ зеркало.

— Я ничего особеннаго не замѣчаю....

→ Развѣ вы не приказали третьягодня выстричь себѣ волосы?

— Я погибъ! вскричалъ писатель, замѣтивъ только тогда, что, вмѣсто прически à la Titus, у него на головѣ развѣвались волнистыя и надушеныя булки: именемъ нашей дружбы, маркиза, прошу васъ молчать....

— Что такое ...

— Тайна, раскрытіе которой сдѣлаетъ меня самымъ несчастнымъ человекомъ....

— Вы меня ужасаете....

— Узнайте же!... Никто насъ не можетъ подслушать?

— Мы совершенно одни.... Боже мой, но что же будетъ?

— Эта тайна: умереть вмѣстѣ съ вами?

— Я вамъ клянусь честью....

— Такъ знайте же, что у меня семь париковъ, на которыхъ длина волосъ соразмѣрена съ постепенностію ихъ роста на головѣ, такъ что это вводитъ въ заблужденіе самый опытный глазъ.

— Я сама раздѣляла это заблужденіе; надобно признаться, что вашъ парикахеръ большой артистъ.

— А я до крайности неловокъ и развѣнъ, надѣвъ сегодня утромъ номеръ 5 вмѣсто 7-го.

Чувствительная маркиза одернула свое слово, и сохранила объ этомъ проволочный глубокое молчаніе; но бѣдный сочинитель вслабылъ совершенно, что въ замкѣхъ есть сивакини, у служащихъ уши, у злословія языки, а у журналиста — перо.

СТАТИСТИКА ИТАЛИАНСКИХЪ ПѢВЦОВЪ И ПѢВИЦЪ. Миланская музыкальная газета раздѣляетъ вышшихъ итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ слѣдующимъ образомъ:

- 3 примадонны, которыя поютъ хорошо;
- 270, которыя поютъ посредствомъ;
- 250, которыя поютъ слишкомъ громко;
- 250, которыя поютъ всегда тономъ ниже;
- 400, которыя поютъ худо, но еще слышны;
- 35, которыя только путешествуютъ, будучи вездѣ и всегда осмѣяны.

Басы, баритоны и теноры.

- 2, которые поютъ хорошо;
- 400, которые поютъ порядно;
- 400, которые поютъ фальшиво;
- 100, которые въ состояніи обратитъ въ бѣгство цѣлую армію слушателей.

Всего 2110 (quantitas non qualitas).

NB. Число артистовъ, которые бы были въ состояніи отчетливо исполнять какую-либо роль изъ Вильгельма-Телля, равняется 0.

ОСТРОТА ЛАБЛАША НА СЧЕТЪ АБДЪ-ЭЛЬ-КАДЕРА. При полученіи извѣстія о скоромъ прибытіи Абдъ-эль-Кадера въ Парижъ, Лаблашъ сказалъ одному изъ своихъ пріателей: «Когда Абдъ-эль-Кадеръ будетъ осматривать Биржу, то онъ конечно найдетъ тамъ довольно хищныхъ Аравитянъ, чтобы представить себя находящимся еще въ пустынѣ».

ДВА УЧИТЕЛЯ ВЪ ПАРИЖСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ. Въ Парижской консерваторіи доселѣ паходятся два учителя пѣнія, наружность которыхъ представляетъ рѣзкую противоположность.

Одинъ изъ нихъ г. Гароде, большаго роста, худощавъ, и имѣетъ такой длинный носъ, что его въ насмѣшку прозвали *Gare-au-nez*; напротивъ же другому учителю, г. Пансерону, росту маленькаго, и немѣющему почти никакого носа, дали названіе *Né-en-moins*.

Сознавая свои недостатки, они позволяютъ себѣ между собой рязныя шутки и колкости.

Находясь однажды въ худо освѣщенной залѣ, Пансеронъ сѣлъ за фортепiano, и, разбирая ноты, одѣлалъ ошибку. Зацѣтивъ ее, Гароде тотчасъ же подошелъ къ нему, и спросилъ съ насмѣшливымъ видомъ: — Не желаете ли вы, чтобы я вамъ далъ мой

очки? — Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Пансеронъ, вмѣстѣ съ очками я бы попросилъ и вашу носъ.

Тотъ же Пансеронъ подалъ однажды милостыню нищему, который съ растроганнымъ видомъ, благодаря его, прибавилъ: Да сохранитъ Господь Богъ ваше зрѣнiе, добрый господинъ! — Почему же зрѣнiе? спросилъ Пансеронъ, удивленный такимъ страннымъ желанiемъ. — Потому что, если ваше зрѣнiе ослабѣетъ, то вы не будете въ состоянiи носить очки.

ПЕРЕЧЕНЬ ЗЕМЛЕТРЯСЕНIЙ ВЪ АМЕРИКѢ. Г-нъ Кастельно недавно представилъ, во время засѣданiя въ Парижской Академiи Наукъ, перечисленiе всѣхъ землетрясенiй, которыя происходили отъ 1810 до 1845 года, въ разныхъ странахъ Америки, то есть, въ теченiе тридцати пяти лѣтъ. Ихъ оказалось, по вѣрному счету, *девятъсотъ сорокъ семь!* На годъ приходится, круглымъ числомъ, по двадцати семи землетрясенiй.

О МУЗЫКАЛЬНОМЪ ВКУСѢ ПТИЦЪ. Г-нъ Таррагонъ въ (*Revue Zoologique, 1847,*) напечаталъ разныя свои интересныя наблюденiя надъ нравами птицъ, большое число которыхъ воспитывается въ обширныхъ его садкахъ. У многихъ изъ нихъ открылъ онъ необыкновенный вкусъ къ музыкѣ, особенно у породы, называемой *Loxia*. Авторъ, между прочимъ, видѣлъ птицъ *Loxia atricapilla*, которыя тотчасъ прибѣгали слушать сладостное и мѣрное пѣнiе птицъ своей же породы, называемыхъ *Loxia cantans*. Эти крылатые слушатели стояли возлѣ крылатаго пѣвца, съ вытянутой шейкой, приложивъ ухо почти къ его клюву, и оставались еще нѣсколько секундъ въ восторженномъ состоянiи, когда уже пѣсня была окончена. Когда г-нъ Таррагонъ самъ свисталъ, эта диллетантъ-птица, казалось, чувствовала сильное удовольствiе, и онъ подходилъ къ ней такъ близко, что могъ бы схватить ее въ руку, пользуясь ея забывчивостiю и восторгомъ. Другiе виды той же породы птицъ очень любятъ звуки фортепяно или флейты. Но самый отличный пѣвецъ изъ нихъ, какъ сказано выше, это *Loxia cantans*. Авторъ говоритъ, что онъ часто замѣчалъ эту маленькую птицу, окруженную со всѣхъ сторонъ многочисленными слушателями, между которыми всего болѣе замѣтно было ея однородныхъ. Она часто прерывала свое пѣнiе, чтобы освободиться отъ докучливыхъ своихъ обожателей. Тогда *Loxia fasciata*, грубая и задорливая птичка, начинала гоняться за замолчавшею пѣвицею и начинала ее клевать отъ досады за прерванное наслажденiе. Канарейки и нѣкоторыя птицы съ голосомъ силь-

нать и приятным, также очень нравится этимъ перитымъ мелодиямъ. Этотъ музыкальный вкусъ такъ въ-вкусъ силенъ, что они бросаютъ пищу и сонъ для наслажденія музыкою. Этого не сдѣлаетъ никто изъ самыхъ отчаянныхъ, двубоныхъ исласовитъ.

ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ. Молодой человекъ Н. Н., сынъ небогатыхъ и незнатныхъ родителей, получаетъ неожиданно двѣ тысячи франковъ, долго не рѣшался каковъ ему изъ этихъ денегъ сдѣлать выгоднѣйшее употребленіе. — Положить въ банкъ, думалъ онъ, нѣтъ никакого расчёту; потому что капиталъ удвоивается безъ малаго только въ семидесять лѣтъ, а по теченіи этого времени, можетъ быть, я и не буду на свѣтѣ. — Пуститься въ биржевыя спекуляціи — опасно; потому что надобно въ нихъ имѣть известную опытность. — Если мы и видимъ примѣры, что нѣкоторые спекуляторы разбогатѣли, то за то видимъ, и гораздо чаще, что люди спускали все состояніе, и разорялись въ концы; здѣсь игра случая и счастья. — Надобно изрешить придумать такой оборотъ, въ которомъ выгода была бы несомнѣнна, и гдѣ удвоеніе капитала, а въ послѣдствіи приобретеніе двѣкратнаго состоянія, было непремѣннымъ послѣдствіемъ оборота, *conditio sine qua non*.

Размысливъ такимъ образомъ, и вспоминая конечно правило полѣтвической экономіи, по которому капиталъ безъ движенія названъ по справедливости капиталомъ мертвымъ, Н. Н., при помощи интегральныхъ и дифференціальныхъ вычисленій, математическихъ выкладокъ, и теоріи вѣроятностей, дошелъ наконецъ до открытія, что самый вѣрный и надежнѣйшій оборотъ капитала есть — банковая игра. Конечно, говорилъ онъ, игра въ банкъ зависить также отъ случая; но если за все наблюдать внимательно, то по неволѣ согласишься, что она, какъ и все входящее во вселенной, подержана непреложнымъ закономъ и правилами. — Я твердо утѣренъ, что счастливая полоса переходитъ попеременно ко всякому играющему, и все искусство выиграть состоитъ только въ томъ, чтобы воспользоваться этой полосой, а до того времени не рисковать большими суммами. — Раздѣливъ, на примѣръ, мой капиталъ на 10 частей, и жертвуя каждый вечеръ только по 200 франковъ, и совершенно утѣренъ, что изъ 10 разъ фортуна мнѣ поблагоприятствуетъ, и я въ одинъ вечеръ приобрету столько, сколько не имѣеть даже самъ Ротшильдъ. Я имѣлъ случай наблюдать эту игру не одинъ разъ, и все мои вычисленія совершенно согласуются съ опытомъ. — Надобно только имѣть силу души, и характеръ, чтобы не снѣ-

нояе увеличивая, а главное, чтобы за раз не проигрывать больше того, сколько положено.

И N. N. въ тотъ же вечеръ, пересчитавъ свой капиталъ, и удостоверившись въ цѣлости своего бумажнаго кармана, съ дѣтственно запретахъ туда основаніе своего благополучія, и съ задоволеніемъ видомъ и важности будущаго миллионера повриваній стопи своихъ прямо къ игорному дому.

Сначала игра шла довольно ровне, и N. N. было не въ выигрышѣ, и не въ проигрышѣ.

Это отъ того, подумалъ онъ, что я ставлю слишкомъ маленькіе куши. Надобно усилить игру, тогда выигрышъ будетъ несомнѣивень.

И въ слѣдствіе такого благоразумнаго рѣшенія N. N. поставилъ за разъ 400 франковъ.—Карта была убита.—Онъ поставилъ двѣ карты каждую по 100 франковъ, справившись напередъ съ своими вычислениями, по которымъ выходило, что одна изъ нихъ, а въ счастливомъ случаѣ обѣ, должны непременно взятъ.— Но обѣ карты были убиты.

Досадуя на этотъ нечастный случай, который могъ быть только одинъ разъ изъ тысячи, а главное замѣтивъ, что вмѣсто положенныхъ 200 франковъ, онъ уже проигралъ 300; N. N. разсудилъ поставить за разъ 300 франковъ, чтобы отыгратъся вдругъ; но карта была опять убита.— Онъ усилилъ кушъ еще, гудъ углы... но ничто не помогало.—2000 франковъ оставлены имъ были въпользу заведенія, а золотые карманные его часи остались въ рукахъ лакея, который, безъ сомнѣнія изъ состраданія къ проигравшемуся, ссудилъ его пятидесятью франками.

Черезъ нѣсколько минутъ N. N., проигравшись до чиста, тащился налегкѣ въ направленіи къ своему дому.—Онъ помышлялъ о невротности земныхъ благъ, и приписывалъ свою неудачу грубой ошибкѣ, вкравшейся въ его вычисленія. Не справляясь болѣе о цѣлости своего кармана, онъ заботился главнѣйшимъ образомъ о томъ, какъ проведетъ слѣдующій день, не имѣя при себѣ ни одного су, а дома порядочной цѣнвой вещи подъ залогъ которой онъ бы могъ добыть себѣ деньги у сострадательнаго человѣка игорнаго дома.

Съ такими грустными мыслями онъ пришелъ домой, и впродъ до рѣшенія о томъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, легъ спать.

Но въ то время, какъ онъ сталъ засыпать, какой то шорохъ въ комнатѣ обратилъ на себя его вниманіе. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ человѣка, который, отворивъ окно, гдѣ

къ нему въ комнату съ живыми намереніемъ поживиться богатой добычей.

Промешествіе это, которое конечно испугало бы всякаго другаго, показалось нашему злополучному молодому человѣку такъ забавно, что онъ, принявъ это за насмѣшку судьбы, рѣшился остаться въ постели, любопытствуя знать, что незваный его гость будетъ дѣлать. Надѣясь кромѣ того на свои тѣлесныя силы, онъ нисколько не опасался за послѣдствія, ибо твердо былъ убѣжденъ, что легко съ воромъ справится.

Восшедъ тихонько въ комнату, воръ сталъ прежде всего ошупывать стѣны, чтобы лучше ознакомиться съ мѣстностію. Потомъ онъ сталъ справляться, какая въ комнатѣ мебель; перенялъ отворенный шкафъ, но къ величайшей досадѣ не нашелъ въ немъ ничего, кромѣ разбитыхъ чашекъ, куска чернаго хлѣба, и бутылки воды съ отбитымъ горлышкомъ.

Онъ уже рѣшался направить свои дѣйствія въ другой уголокъ комнаты, и именно туда, гдѣ стояла кровать, и гдѣ на стѣнѣ живописно развѣшенъ былъ гардеробъ хозяина, какъ Н. Н., вставъ съ постели, схватилъ его за горло, и держа его обѣими руками, закричалъ:

— Ты смѣешь ко мнѣ приходить ночью, и шарить въ моемъ шкафѣ. Да знаешь ли ты, что я тебя уничтожу, задушу вотъ на этомъ мѣстѣ!

И сказавъ это Н. Н. принялся производить надъ воромъ разныя гимнастическія упражненія. Поваливъ его прежде на полъ, онъ сталъ таскать его изъ угла въ уголокъ, и познакомилъ его со всеми неровностями некрашеного пола. Потомъ, держа лѣвою рукою за горло, онъ далъ почувствовать всю тяжесть правой своей руки. Наконецъ, скрестивъ ему руки на груди, онъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, сѣлъ на него верхомъ, и уподобился такимъ образомъ всаднику, которому, послѣ долгихъ усилій удалось, наконецъ, укротитъ необузданнаго и бѣшенаго коня.

Нѣжности Н. Н. не могли конечно понравиться вору. — Чувствуя притомъ, что имѣеть дѣло съ дѣтвовой здоровыиъ, онъ рѣшился перемѣнить тактику, и отъ дѣйствій наступательныхъ обратиться на попятный дворъ.

— Возмилуйся надо мной, завопилъ онъ, не погуби меня несчастнаго! крайность довела меня до воровства. Жена, дѣти...

— Молчи! закричалъ Н. Н., и стиснулъ его еще болѣе; отдавай сейчасъ все, что у тебя есть, а не то я кданусь...

— Отдамъ, отдамъ, отвѣчалъ воръ, вполне оцѣнивъ невыгоды

своего положенія. Здѣсь въ карманѣ найдешь семьдесятъ франковъ, бери ихъ, только отпусти душу на покаяніе.

Н. Н. перерывъ карманы, дѣйствительно нашелъ въ нихъ эти деньги, и убѣдился, что у вора ничего болѣе не осталось, толкнувъ его къ окну, приговаривая:

— Ступай теперь тою же дорогой, по которой пришелъ. Ты еще счастливъ, мошенникъ, что я тебя отпускаю живаго. Въ другой разъ, если опять ко мнѣ пожалуешь, то такъ дешево конечно не отдѣлаешься.

Воръ, не ожидая вторичнаго приказанія, радъ радешенекъ былъ и тому, что могъ наконецъдохнуть свободно. Перекинувъ ноги за окно, онъ при помощи подставленной лѣстницы, спустился на землю, и убѣжалъ опрометью.

На другой день Н. Н. отправился къ своимъ пріятелямъ рассказать о происшествіяхъ, бывшихъ съ нимъ наканунѣ.

Всѣ хотѣли, но одинъ изъ его друзей, молодой докторъ, недавно вышедшій изъ школы, и который исчерпалъ до дна всѣ теории наказаній за преступленія и проступки, съ видомъ человѣка, понимающаго важность предмета, сдѣлалъ замѣчаніе, что ему не слѣдовало отпускать вора безнаказанно.

— Еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, говорилъ онъ, то я конечно распорядился бы лучше. Я бы притворился спящимъ, и оставилъ бы вору свободу распоряжаться въ моей комнатѣ, какъ у себя дома. Онъ бы могъ у меня забрать всѣ мои вещи; но въ минуту его удаленія, я бы пустилъ по его слѣдамъ цѣлый легионъ сыщиковъ, которые....

— Замѣтите, господа, перебилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, что у ученаго доктора цѣлые легионы сыщиковъ находятся во всегдшнемъ распоряженіи.

— Ему вѣроятно стоитъ только свистнуть прибавилъ другой, и они всѣ повыскакаютъ изъ-подъ его кровати.

— Полноте господа, отвѣчалъ докторъ, я вамъ хотѣлъ только объяснить, что въ положеніи, въ которомъ былъ Н. Н., я бы поступилъ иначе. По законамъ правды и справедливости наказаніе слѣдуетъ налагать на...

— Уволь, пожалуйста, отъ назидательныхъ твоихъ рѣчей. На словахъ ты кажешься, Богъ знаетъ, какинъ храбрымъ, а на дѣлѣ всегда праздуешь трусу. Если бы случилось Н. Н. было съ тобой, то я увѣренъ, что ты бы забился и закопался въ подушки и отяла такъ, что тебя по справедливости можно было причислить къ царству некропаемому....

Случай дѣйствительно посмѣлся надъ ученымъ и храбрымъ докторомъ. Однажды, возвратившись поздно вечеромъ домой,

онъ только что ушелъ еще въ постель, какъ услышалъ, что кто-то пробирается къ нему въ комнату. Съ ложку дрогнув его пробуждала по всему тѣлу, и онъ остался въ постели какъ испуганнй. Вскочивъ, встопычавъ къ нему, изъ карманы его часовъ, вытѣхавъ на стѣнѣ, и, замѣтивъ, что въ постели неспителъ человекъ (съ которыми конечно приключались тогда судороги) рассудилъ за благо отвѣтить ему пощечиною, такъ что нашъ докторъ, не чувствовашій себя и безъ того отъ испугу, пришелъ въ состояніе безпамятства. Когда онъ очнулся, то воръ въ комнатѣ уже не было, и одна распухшая щека, да пропавшіе часы могли удостовѣрить его, что все это былъ не сонъ.

Такимъ образомъ одинаковыя обстоятельства были для двухъ друзей совершенно противоположныя послѣдствія. Одинъ получалъ сорокъ пять франковъ, а другой былъ награжденъ—оплеузой.

ИЗУДРОЕ РЪВЕНІЕ МЯСНИКАГО БУРГОМІСТРА. Недавно, въ небольшомъ, вѣсномъ городѣ, депутація отъ всего цеха мясниковъ торжественно явилась къ бургомістру этого города съ жалобою на то, что архитекторъ, — которому было поручено городскимъ ратгаузомъ выстроить за заставой новое зданіе для бойни, — устроилъ въ этомъ зданіи такія узкія ворота, что никакой быкъ сивезъ никакъ не пройдетъ свободно. Бургомістръ, одаренный отъ природы необыкновенною толщиною и тонкою пронипательностію, очень былъ растрожеванъ этою жалобою. Онъ въ это время, когда являлъ къ нему депутація вдовольныхъ, съ наслажденіемъ допивалъ, послѣ обѣда, огромную кружку баварскаго пива, и докуривалъ трубку крѣпкаго кнастера. Выслушавъ, съ приличнымъ достоинствомъ, жалобу, онъ поспѣшно докуривъ свою трубку, допилъ наскоро кружку, и сказалъ: «Я самъ сейчасъ явлюсь на мѣсто, все изслѣдую, и все рѣшу, какъ слѣдуетъ честному, опытному и безпристрастному бургомістру! Идите къ бойнѣ, и тамъ ожидайте меня.» Мясники почтительно поклонились и ушли. Черезъ полчаса бургомістръ явился у новаго зданія бойни. Депутація и весь цехъ мясниковъ, равно и обвиняемый архитекторъ, съ понижею головою, давно уже ожидали его тамъ. Подойдя къ самому новому зданію бойни, бургомістръ, съ важнымъ и задумчивымъ видомъ, спросилъ: «Гдѣ бойня?» — Вотъ она! отвѣчалъ старшій мясникъ, указавъ пальцемъ на зданіе, подлѣ котораго и онъ и бургомістръ стояли. «Гдѣ ворота?» спросилъ далѣе бургомістръ, съ приличною важностію насунувъ брови. — Вотъ онѣ!

Бургомістръ внимательно осматривалъ ворота сверху до низу,

и съ лѣвой стороны ихъ до правой, и произнесъ значительно: «Гм!»

Ожиданіе мясниковъ и архитектора возрасло до неизобразимой степени. Говоря языкомъ романистовъ, они всѣ превратились въ слухъ и зрѣніе.

«Да!» произнесъ протяжно бургомистръ. «Ворота!... Это я понимаю! А вотъ, сейчасъ увидимъ, и все рѣшимъ, какъ слѣдуетъ.»

Мясники и архитекторъ были внѣ себя отъ ожиданія. Сердца ихъ, словно молоты въ кузницѣхъ и новѣйшихъ романахъ, тяжело колотили въ лѣвые бока всѣхъ присутствовавшихъ.

«Но!» сказала значительно бургомистръ и, къ сожалѣнію, не кончивъ своей мысли, а едѣлавъ только мину, чрезвычайно глубокомысленную.

Послѣ этого, сердца всѣхъ присутствовавшихъ перестали колотить въ лѣвые бока, какъ молоты, и затрепетали словно птички, попавшіяся въ силки, по выраженію поэтовъ.

Снова, какъ видятъ читатели, дошла до крайняго напряженія, да *высокаго!*

Бургомистръ послѣ своего многозначительнаго «но!» сказалъ сквозь зубы: «впрочемъ!»

Мясники и архитекторъ отъ мучительнаго ожиданія чуть съ ума не сошли. Они всѣ вперили, воззавъ свои взоры, въ бургомистра. Читатели видятъ, что мы говоримъ здѣсь словомъ новѣйшихъ, европейскихъ романовъ.

Толстый бургомистръ, между тѣмъ, безмолвно растопыривъ руки, сколько то было возможно, и съ челомъ, отагченными размышленіемъ о предстоящемъ, важномъ вопросѣ, пошелъ въ ворота и благополучно прошелъ ихъ, не задѣвъ боковъ ихъ своими растопыренными до-не-льза руками. Такимъ же образомъ вышелъ онъ обратно съ бойни, сквозь ворота, опутивъ лѣвую руку, правую поднявъ вверхъ и съ достоинствомъ произнесъ слѣдующее рѣшеніе: «Я вамъ на опытѣ докажу, что самый толстый быкъ можетъ удобно пройти въ эти ворота. Слѣдовательно, архитекторъ правъ, а мясники кругомъ виноваты за неосновательную или жалобу.»

Всѣ остались довольны этимъ мудрымъ, догаданнымъ на опытѣ, рѣшеніемъ бургомистра, и основанно разошлись по домамъ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Faudeville. Сокровище бѣдняка (*le tresor du pauvre*), водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ соч. гг. Desnoyers и Nus.

— У бѣдняка Bertin есть дочь, которую онъ бережетъ, какъ скупой свое послѣднее имущество, но одинъ франтикъ, мало заботясь о чести дѣвушки и счастіи отца, похищаетъ его сокровище. Какое несчастіе для бѣднаго Bertin! но судьба смилуется надъ нимъ. Одинъ молодой человѣкъ, любящій его какъ отца, и еще иѣживѣ его дочь, оставивъ похитителя, и освобождаетъ плѣнницу. Подобная услуга конечно заслуживаетъ награду. Вы мнѣ возвратили мое сокровище, говорятъ ему Bertin, — раздѣлите же его; будьте вы ей мужемъ а я отцемъ. Сердце Лизы довольно богато любовью, чтобъ удовлетворить насъ обоихъ.

— Водевилъ этотъ можетъ быть уже слишкомъ добродѣтеленъ, но тѣмъ не менѣ исполненъ иѣжнаго интереса, и имѣлъ заслуженный успѣхъ.

Gymnase-Dramatique. (Susanne de Croisy) Сусанна Круази, водевилъ въ одномъ дѣйствіи соч. г. Philippe de Marville.

Кавалеръ Круази, молодой дворянинъ, разоренный ландскнехтомъ и женщинами, поправляетъ свое состояніе, женившись на дочери бриллианщика, живущей въ провинціи. Но едва только свадьба была совершена, какъ Круази, горя нетерпѣніемъ увидѣть поприще своихъ прошлыхъ шалостей, возвратился въ Парижъ, подъ предлогомъ процесса, распиваетъ тамъ шампанское съ самыми разгульными изъ своихъ друзей, и волочится за танцовщицами оперы. Между этими парижскими бабдерками, знаменитая Гимаръ сдѣлалась предметомъ его ухаживаній. Но Гимаръ въ тоже время уже имѣетъ поклонника въ лицѣ маркиза Шарналя. Кому-то будетъ принадлежать красавица? — Храбрѣйшему, вскричалъ Круази, обнажая шпагу. Шарналь обнажилъ свою, но подоспѣваетъ нѣсколько друзей, и съ помощію шампанскаго подписывается перемиріе по слѣзъ косяго Круази долженъ имѣть свободный входъ въ будуаръ Гимаръ, но за то и Шарналь имѣетъ подобную же привилегію въ от-

пошениа къ женѣ Круази, въ случаѣ, если она прїѣдетъ въ Парижъ. Какое мнѣ дѣло, говорить Круази, жена моя никогда не выѣзжаетъ изъ провинціи.

— Тыя лучше для тебя, отвѣчаетъ Шарналь—я рѣшаюсь рѣснуть.

— Только что этотъ актъ былъ совершенъ и засвидѣтельствованъ, какъ вдругъ.... какой ударъ!—является г-жа Круази.—Итакъ кавалеръ попался въ просакъ. При видѣ своей жены, за которую ухаживаетъ блестящій маркизъ, любовь и ревность возгаряются въ сердцѣ кавалера. Но что же однако дѣлать? выпроводить Шарналя? драться съ нимъ? и то и другое невозможно. Безстрастный соперникъ, съ условіемъ въ рукъ, поитчается въ домъ бѣднаго кавалера, не хочетъ выходить, отказывается отъ дуэли, и волочится за его женой передъ его глазами.

Прибавьте къ этому, что хитрая жена, увидѣвши о-продакхъ кавалера, нарочито кокетничаетъ съ Шарналемъ, чтобъ отнестись нужу. Но къ счастью кавалера, Сусанна наконецъ прощаетъ его, выпроваживаетъ маркиза, и возвращается вѣстѣ съ кавалеромъ въ провинцію.

Palais Royal. Сынъ неизвестно чей (*l'enfant de quelqu'un*) соч. Auguste Lefranc. Леонардъ женится, но для совершенія обряда ему непременно нужно представить отца мертваго или живаго: въ противномъ случаѣ, Дютальи, пасторъ, никакъ не соглашается дать браку необходимое освященіе.

Леонардъ начинаетъ отыскивать себѣ отца. Всѣ отцы ужасно дороги. Первымъ представляется толстый негоціантъ, участвующій въ выборахъ, и продаетъ свое отцовство за 50,000 ливровъ.

Второй болѣе умѣренъ, и требуетъ только 12,000 франковъ. Третій, какой-то голодный отецъ, который бы согласился и за хорошій завтракъ, робко спрашиваетъ 500 франковъ.

Однимъ словомъ уступка за уступкой, и Леонардъ кончаетъ тѣмъ, что находитъ даромъ и настоящаго отца въ самомъ Дютальи, который давно отыскиваетъ потеряннаго сына.

Живость и веселость, составляющія характеръ этого водевиля, были неоспоримый успѣхъ, и такъ какъ необходимо должно быть чинъ либо сыномъ, то прибавимъ что отецъ этого водевиля Auguste Lefranc. Отецъ и сынъ въ добромъ здоровьи.

Académie royale de musique. Jérusalem. (Jerusalem) опера въ четырёхъ дѣйствіяхъ. — Слова Альфонса Файе и Густава Вагнера. Музыка Верди.

Первое дѣйствіе. Дѣйствіе происходитъ въ Тулузѣ. Для семейства, именно, графовъ Тулузскихъ и виконтовъ Бюрискихъ, раздѣляемыя враждою, соединяютъ на брачномъ алтарѣ сводъ вѣнковыхъ раздѣры. Гастонъ Барбарискій женился на Еленѣ дочери Раймонда, графа Тулузскаго. Свадьба эта, основанная радостью цѣлаго края, мануфактурнаго и мелкорообнаго гражданъ, приводитъ въ отчаяніе одну женщину, которая питаетъ къ своему жениху безумную страсть. Любовь доводитъ ея до преступленія. Убийца, подкупленный имъ, долженъ умиротворить Гастона у самаго подножія брачнаго алтара; но злодѣй ошибается въ жертвѣ, и вмѣсто Гастона поражаетъ отца невесты, роднаго брата Рожера. Его схватываютъ и допрашиваютъ. Подкупленный Рожеромъ бездѣльникъ объявляетъ, что подкупленъ Гастономъ. Обманутый злою ложью народъ съ ужасомъ отступаетъ отъ обвиняемаго, а папскій легатъ поражаетъ его проклятіемъ, и отлучаетъ отъ Христіанства.

Второе дѣйствіе. Четыре года спустя, мы находимъ Рожера въ дикихъ ущельяхъ, близъ сарацинскаго города Галеза. Терзаемый совестью, онъ отправился въ святую землю, гдѣ оплакиваетъ свои преступленія подъ одеждою мусульманка. Въ это время пріѣзжаетъ нѣсколько рыцарей, предшествуя огромному войску, идущему освободить гробъ Спасителя. Въ числѣ этихъ рыцарей Раймондъ Тулузскій, который чудомъ спасся отъ смерти; Елена сопутствуетъ отцу.

Одна крестоносцевъ извѣщаетъ ее, что Гастонъ изятъ въ плѣнъ въ Рамлѣ, и она рѣшается, несмотря на все опасности, спасти его, или вмѣстѣ съ нимъ погибнуть.

Раздается сильный звукъ оружія и топотъ лошадей. Все войско крестоносцевъ собирается у хижины отшельника, и Рожеръ въ предводителѣ съ изумленіемъ видитъ своего брата, котораго онъ считалъ уже четыре года умершимъ.

Третье дѣйствіе. Дѣйствіе происходитъ въ садахъ Бюри; множество одалисокъ наполняютъ ихъ. Елена отыскала Гастона, и сговаривается съ нимъ о побѣгѣ. Вдругъ раздаются военные крики, и являются толпы рыцарей, возмѣншихъ преступномъ городѣ. Терзаемое криотіанъ не только не служитъ спасеніемъ Гастону, но ускоряетъ его познбѣль. Всѣ дѣлшіе преступленія лежащаго надъ нимъ и изгнанный изъ криотіанства, его приговариваютъ къ смерти, и все оружія его ломаютъ.

Третий акт. Готовясь к озорной смерти искинуть преступленіе, въ коемъ онъ невиненъ, Гастонъ потребовалъ священника, чтобъ прилечь къ небу. Монахъ приходитъ къ нему — тотъ монахъ Рожеръ. Пораженный зрѣлищемъ бдѣтвѣй, причисленныхъ имъ, онъ освобождаетъ узника, доставляетъ ему оружіе, и увлечаетъ вмѣстѣ съ собой въ битву, гдѣ христіане, тѣснимые Сарацинами, начинали уступать невернымъ. Подвиги и храбрость Гастона одушевляютъ христіанъ, и возвращаютъ имъ увѣренность, которая въ нихъ уже ослабѣвала. Крестъ торжествуетъ. — Кто ты таковъ? спрашиваетъ Раймондъ у незнакомаго рыцаря, рѣшившаго побѣду. — Гастонъ! отвѣчаетъ незнакомецъ, поднимая забрало:

*Vous vous j'ai combattu! donnez moi des bougreaux.**

Въ эту минуту появляется Рожеръ, облитый кровью и раненый. Онъ признается въ своемъ преступленіи, оправдываетъ Гастона, и умирая хочетъ бросить послѣдній взглядъ на Иерусалимъ. Внутренность паятки открывается, и представляетъ взорамъ удивительную панораму святаго города, предметъ стремленій и почитанія крестоносцевъ.

Текстъ этой оперы написанъ на музыку оперы Ломбарды. (Lombardi) Костюмы и декорации восхитительны.

Opéra Comique. Гаида или тайна (Haide ou le secret) опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова Скриба, музыка Обера.

Лореданъ, адмиралъ Венеціанскій, вельможа и знаменитый воинъ, шулерствовалъ въ игрѣ. Однажды, когда онъ игралъ въ кости съ Доменнко, несчастіе его упорно преслѣдовало. Програвши весь деньги, онъ сталъ играть на свой великолѣпный венеціанскій домъ. Уже судьба рѣшила его разореніе, но воспользовавшись минутой разсѣянности противника, Лореданъ перевернулъ кости и выигралъ партію. Тогда Доменнко бѣжалъ въ свою очередь разоренъ. Съ отчаяніемъ въ душѣ онъ возвратился въ домъ, который уже ему болѣе не принадлежалъ, и лишилъ себя жизни. Съ этой минуты Лореданъ, терзаемый угрызеніями совѣсти, не зналъ покоя; жизни его сдѣлалась только долгимъ искупленіемъ его проступка. Онъ взялъ къ себѣ Ра-

* Сражался за васъ — назидатель же нѣтъ на зачетъ.

савль, молоденькую воспитанницу Доменико, сдѣлался ея опекуномъ, отдалъ ей все имѣніе, имъ выигранное, и вознамѣрился жениться на ней, чтобъ сдѣлать ее законной наследницею своихъ собственныхъ богатствъ. Эта женитьба должна была быть его послѣднимъ испытаніемъ, ибо она разрушала его единственное счастье, любовь къ Гандѣ, его прекрасной кипрской невольницѣ. Послѣ этого онъ думалъ искать смерти въ сраженіи противъ Турокъ. Вся надежда его была умереть съ оружіемъ въ рукахъ—умереть, унося съ собою тайну своего преступленія.

Но случай отнимаетъ у него и эту надежду. Капитанъ Маллиньери, санный жестокий врагъ адмирала, руководимый истиннымъ ненависти, прокрадывается въ его спальню, и узнаетъ его тайну, которую тотъ открываетъ ему въ принадлежнѣ сонабулизна. Послѣ того Маллиньери, нѣтъ въ виду жениться на Рафаели, сталъ требовать исполненія своего желанія, угрожая въ противномъ случаѣ открыть его тайну. Но Лореданъ, зная, что молодой волонтеръ Андреа, который также искалъ Рафаели, нѣмъ болѣе права на его покровительство, потому что онъ былъ сынъ Доменика, рѣшился пожертвовать собой для счастья Андреа. Но Маллиньери не оставилъ своихъ преслѣдованій. Въ то время, какъ Лоредану представлялся случай сдѣлаться Дожемъ, онъ рѣшился обезчестить адмирала предъ совѣтомъ Десяти. Тутъ Ганда успѣла остановить его намѣреніе. Она уже болѣе не пѣвица, потому что Кипръ сдѣлался Венеціанскимъ островомъ, и ей, какъ дочери Болзариса, прежняго короля, возвращены ея богатства. Ганда предлагаетъ Маллиньери всѣ свои сокровища, и свою руку съ условіемъ хранить тайну Лоредана. Онъ соглашается. Но въ минуту, когда это ужасное самопожертвованіе со стороны Ганды должно было совершиться, Андреа наноситъ Маллиньери нѣсколько разъ отказывавшемуся отъ его картелей, публичное оскорбленіе, и вызываетъ его на бой. Маллиньери убить, и развязка этой оперы подобно всѣмъ развязкамъ всѣхъ коническихъ оперъ, всѣхъ мелодрамъ съ двойною интригою, состоитъ въ двойной женитьбѣ.

Мы могли бы упрекнуть сюжетъ этой оперы во многихъ неестественныхъ подробностяхъ, но эти недостатки скрашиваются драматизмомъ положеній, блескомъ монологовъ, и богатствомъ костюмовъ и всей обстановки. Музыка очень хороша, и достойна прежней, блестящей эпохи Обера.

Quintess. Способъ не дѣлать подарковъ (*l'art de ne pas donner d'objets*), подешилъ въ одношь дѣйстви, соч. г.г. Babiche et Lefranc.

Тувениль и Дюпитонъ, два компаніона выдѣлки цвѣтной бумаги, несмотря на всѣ старанія, получаютъ къ концу года только по 2000 франковъ барыша, тогда какъ жены ихъ надѣются получить къ 1-му января по прекрасному подарку. Г-жа Тувениль безпрестанно думаетъ о кружевномъ шарфѣ, а г-жа Дюпитонъ мечтаетъ о бриліантовомъ фермуарѣ, который она видѣла въ знакомомъ магазинѣ.—Мужья хотя бы и могли исполнить ихъ желанія, но каждый изъ нихъ предпочитаетъ сдѣлать подарокъ актрисамъ. Какъ тутъ выйдти изъ затрудненія? нельзя ли намъ отложить подарки нашихъ женъ до будущаго года? разсуждаютъ они межъ собою.—И они начали придумывать средства заставить своихъ женъ посориться съ ними.

Дюпитонъ началъ нюхать табакъ и играть на испорченномъ кларнетѣ, отчего жена его прежде получала нервные раздраженія.

Тувениль вооружается волторной, и цѣлый день потрясаетъ стѣны дома звуками гигантскаго инструмента.

Но жены, догадавшись о хитрости мужей, вмѣсто того чтобъ сердиться, сдѣлались еще предупредительнѣе и любезнѣе. Компаньоны въ отчаяніи.—Вдругъ Тувениль выдумываетъ новое средство: «Я буду волочиться за твоей женою, говорить онъ Дюпитону, а ты ухаживай за моею; и застану васъ въ ту минуту, какъ ты бросишься обнимать ея колѣна.—Превосходно! восклицаетъ Дюпитонъ, но та же сцена должна повториться между моею женою и тобою.—Согласенъ!—Во время признанія я чихну, и это будетъ сигналъ начинать ссору, которая избавитъ насъ отъ докучливости нашихъ женъ.—Г-жи Тувениль и Дюпитонъ, подслушавъ этотъ заговоръ, принимаютъ ихъ очень кокетливо, такъ что заговорщики попадаютъ въ западню, и готовы были извинить другъ другу на самомъ дѣлѣ.—Жены такъ искусно ведутъ свои роли, что Дюпитонъ бѣжитъ покупать шарфъ для г-жи Тувениль, а Тувениль подноситъ фермуаръ г-жѣ Дюпитонъ. Теперь представьте себѣ гримасы мужей, когда они узнаютъ, что ихъ одурачили. Въ смущеніи они оправдываются, какъ умѣютъ, и даютъ торжественную

вдому никогда не работать въ тѣмъ случаѣ интересовъ,
чтобы вернуться отъ подарковъ по случаю новаго года.

Піеска эта исполнена остроумія, и имѣла огромный успѣхъ,
вполнѣ заслуженный.

=

ПАРИЖСКІЯ И ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Въ предъидущей книгѣ *Сына Отечества* мы объяснили нашимъ читателямъ забавное недоразумѣніе, въ слѣдствіе котораго прибыли къ намъ къ 1-му января изъ Парижа *трое мужчинъ, вмѣсто ожидаемыхъ трехъ дамъ* (на модной картинкѣ). Когда магъ отправилъ тогда же въ Парижъ экстренную депешу съ покорнѣйшею просьбою: не высылать къ намъ болѣе мужчинъ, которыхъ мы не требовали, а доставить самыхъ граціозныхъ и одѣтыхъ по самой моднѣйшей модѣ дамъ высшего общества; но — вообразите нашу досаду! депеша наша пришла въ Парижъ тогда уже, когда цѣлое семейство мужчинъ (при семъ прилагаемое) вышло отсюда въ Петербургъ. Ожидаемыя же дамы дали намъ зѣрное слово пошлать въ Петербургъ, къ издателю *Сына Отечества*, непремѣнно къ 1-му марта. Можетъ быть и то, что сѣв. Французики, побоялись пріѣхать теперь къ намъ въ Петербургъ, имѣя въ виду, что февраль еще мѣсяць зимній, а дѣло извѣстное во всей Франціи, что у насъ въ Россіи, не исключая Петербурга, Москвы, Полтавы (находящейся съ Парижемъ почти на одномъ градусѣ широты) и даже Одессы, Симферополя и Тимиса, (которые гораздо южнѣе Парижа), круглый годъ — варварскія горы льду и снѣгу, по которымъ прогуливаются одни бѣлые медвѣди, надъ которыми летаютъ птицы *les teipschik* (то есть рябчики), а жители (называемые по-французски *les mougiks*) цѣлый годъ сидятъ въ своихъ конурахъ, называемыхъ по-французски *les isbis*, гдѣ, скрываясь отъ холода, лежатъ цѣлый день и спятъ, какъ сурки, на печкахъ, называемыхъ *лежанками* — по-французски *les ledgeankis*. Такъ по крайней мѣрѣ, писалъ недавно одинъ извѣстный французскій литераторъ, захотѣвшій блеснуть своимъ основательнымъ познаніемъ Россіи. Нечего сказать — блеснула!

Обратися лучше къ дамскимъ модамъ. Въ первой книгѣ *Сына Отечества*, мы сказали нѣсколько словъ о модныхъ дамскихъ нарядахъ и въ особенности о бальныхъ платьяхъ. Къ этому описанію прибавить, покуда, нечего, потому что мода не изобрѣла еще ничего новаго, достойнаго вниманія, чтобы

измѣнить бальные костюмы. Можно однакожъ сообщить нѣсколько свѣжихъ извѣстій о бальной причeskѣ дамъ. Теперь вы не увидите заплетенныхъ косъ, которыя прежде украшали дамскія головки. Ихъ замѣняютъ волосы, свитые жгутомъ, и положенные кольцомъ на затылкѣ. Цвѣты носятъ въ родѣ гирляндъ, и надѣваютъ низко на лобъ. Этѣ гирлянды напередѣ очень жидки и составлены изъ однихъ листьевъ, но къ вискамъ они расширяются въ видѣ пучковъ. Вейеры на балахъ въ большомъ употребленіи. Утреннія дамскія платья чрезвычайно милы. Они дѣлаются съ высокими таліями, на манеръ амазонокъ, и застегиваются напередѣ пуговицами, которыя идутъ до самаго низа платья. Пуговицы бываютъ подъ цвѣтъ платья стеклянныя, или шелковыя. Также употребляютъ стальныя и жемчужныя. Шинны у этихъ платьевъ круглыя, рукава узкія, которыя совершенно обрисовываютъ руку. Самый маленький, отогнутый воротничекъ, изъ той же матеріи, очень идетъ къ этому фасону платья. Гверированыя манжеты на рукавахъ и такой же борозчикъ, à la Marie Stuarте, необходимая принадлежность этого костюма. — Обыкновенныя шелковыя платья съ открытыми таліями, дѣлаются съ оборками, но также и безъ всякой отдѣлки. Талія—съ бертами или драпери. Шинны круглыя или острые по произволу; назадъ не большой шипъ придаетъ много граціи таліямъ. — Модныя шляпки дѣлаются изъ атласа, съ отдѣлкою неразрѣзаемаго бархата, и украшаются большими пуговицами, которыя придерживаютъ атласные зубцы, положенные на поляхъ шляпки. — Дамскіе часы дошли до невѣроятной миниатюрности. Недавно мы видѣли часы величиною съ четвертакъ, или даже двугривенный. Впрочемъ это очень мило, а что мило, то и хорошо. — Самая модная матерія клѣтчатая, на манеръ шотландской. Превосходная матерія въ этомъ родѣ—атласная съ бархатными клѣтками.

Въ мужскихъ модахъ не замѣтно было, въ истекшемъ мѣсяцѣ, никакихъ новыхъ перемѣнъ, ибо вообще мужской туалетъ, по однообразію своему, не подвергается, подобно дамскому, слишкомъ прихотливымъ измѣненіямъ, и въ особенности же знаю, когда всѣ старанія львовъ: ввести у насъ парижскія моды, остаются совершенно безуспѣшными потому, что не всякій рѣшается отступать отъ принятаго уже въ это время года одѣянія. Въ этомъ легко можетъ всякій убѣдиться: Просимъ покорно, на примѣръ, доставленныхъ къ намъ по почтѣ парижскихъ кавалеровъ прогуляться, хотя бы по солнечной сторонѣ Невскаго преспекта, въ своихъ зимнихъ, коротенькихъ плащахъ, въ которыхъ они прямо пріѣхали изъ Парижа. Отъ такого удовольствія, вѣроятно откажутся, не смотря ни на какія

просьбы дамъ, не только эти учтивые кавалеры, но и всѣ наши петербургскіе, самые отчаянные львы и другіе звѣри (не изъ звѣрица Зама, а тѣ, которые показываются на улицахъ, въ театрахъ и обществахъ). — По этимъ уваженіямъ мы не будемъ, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, опробовать какихъ либо особыхъ новыхъ модъ, а ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями о мужскомъ туалетѣ.

Всякій мужчина носить то, что ему болѣе идетъ. Вотъ почему, не смотря ни на какія старанія законодателей модъ, нѣтъ ни одного фасона фраковъ, сюртуковъ, или жилетовъ, который былъ бы всѣми принятъ и одобренъ. Да и очень странно было бы, если бы всѣ мужчины Петербурга, или другого города, одѣлись совершенно однообразно по модной картинкѣ. Притомъ смѣшно было бы видѣть человека маленькаго роста, и несколько не обиженнаго природою въ отношеніи объема и окружности тѣла, одѣтаго во фракъ съ низкою талією и широкими фалдами, — что идетъ только къ мужчинамъ высокаго роста и хорошо сложеннымъ, — или льва высокаго роста, нарядашагося во фракъ съ высокою талією и короткими фалдами.

Фраки въ настоящую зиму дѣлаются спереди совершенно вырѣзанными, съ маленькими воротничками и лемного округленными лежачими отворотами. Фалды во фракахъ носятъ различныя, кромѣ, однакожъ, широкихъ, которыя вовсе нынѣ не въ модѣ. Хотя на балахъ мы и замѣчали нѣсколько львовъ, — пріѣхавшихъ вѣроятно изъ дальнихъ странъ Россіи, — съ круглыми стоячими воротничками, но сіи послѣдніе нашли себѣ, кажется, мало подражателей.

Сюртуки одвобортные въ нынѣшнюю зиму не носятъ, но за то все еще остаются въ модѣ сюртуки короткіе и съ совершенно гладкими, двубортными отворотами. Черные бархатные воротники почти всѣми оставлены. Многіе изъ мужчинъ застегиваютъ сюртуки до самаго верха, что находитъ, особенно въ холодную настоящую зиму, много подражателей.

Брюки изъ чернаго англійскаго трико носятъ, при фракахъ, съ лакированными сапогами, (которые составляютъ почти необходимую принадлежность хорошаго мужскаго туалета) — узкія со штрипками, а при сюртукахъ — шаровары безъ штрипокъ.

Шапы принято почти уже всѣми — носить съ бѣлымъ подбоемъ; фасонъ же ихъ болшею частію *à la Polka*, во всѣхъ своихъ различныхъ измѣненіяхъ.

Шарфовъ въ эту зиму носятъ весьма мало, а болшею частію разноцвѣтные шелковые платки, съ завязаннымъ напередѣ узломъ.

Полисонеты носятя совершенно стоячіе и спереди вырѣзан-
ные угломъ, какъ это всякій можетъ усмотрѣть у кавалеровъ,
доставленныхъ намъ изъ Парижа.

Перчатки на билахъ носятя всегда бѣлыя, а при сюртукахъ и
при утреннихъ визитахъ—палевыя; разноцвѣтныя перчатки за-
мною совершенно не въ модѣ.

Манжеты составляютъ также принадлежность хорошаго туа-
лета; при сюртукахъ онѣ носятя отвороченными на рукава.

Изъ уваженія къ дамамъ, которыя, прочитавъ описанныя вы-
ше моды, касающіяся до прекраснаго пола, захотѣли бы также,
ради любопытства, заглянуть и въ мужскія моды для того, чтобъ
узнать: какъ явятся къ нимъ, въ будущемъ мѣсяцѣ, всѣ стран-
ныя для нихъ африканскія львы, онагры и баранины,—мы не бу-
демъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности мужскаго туалета,
а лучше посоветуемъ всякому обратиться для этого въ магази-
ны: Лефевра или Изомбардъ.

Для доставленія удобства многимъ иногороднымъ, не имѣю-
щимъ возможности заказывать платья новаго фасона, мы поста-
раемся, на будущее время, указывать имъ магазины, въ С. Пе-
тербургѣ находящіеся, которые, по нашему мнѣнію, могли бы
всего лучше исполнять требованія ихъ по этой части, и достав-
лять имъ всѣ сшитыя, по присланный отъ нихъ мѣркъ, модныя
платья.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Въ Конторѣ Музыкальной Россіи, на Невскомъ
проспектѣ, за Анчиловымъ мостомъ, въ домѣ
Калугина № 91.

Піесы для фортепіано.

	Цѣна на серебро.
<i>Enke, H.</i> Op. 2. Impromptu	70
— Op. 3. Air varié	1.
<i>Hunten, Fr.</i> Op. 157. Deux fantaisies brillantes:	
№ 1. Thème de <i>Donizetti</i>	1.
№ 2. Thème de <i>Bellini</i>	1.
<i>Beyer, F.</i> Divertissement sur <i>Catharina Cornaro</i>	85
<i>Bertini, Op.</i> 171. 3 petits Solo, morceaux de concert:	
№ 1. Rondinetto	70
№ 2. Pastorale	70
№ 3. Tyrolienne	70
<i>Burgmuller.</i> Op. 96. Fantaisie et Valse:	
№ 1. Fantaisie sur une Gavotte de <i>Rossini</i>	1.
№ 2. Valse brillante sur des motifs de <i>Rossini</i>	1.

<i>Burgmüller.</i> Les Printanières. 3 Polka. № 1. Eglantine	30
— La Fille à Simonette. Valse	30
— La Sirène de Sorrente. Valse	30
<i>Philipot.</i> Foedora et Zuleika. 2 Polka	70
<i>Wallace.</i> Op. 20. 3 Nocturnes	1. 30
— « 25. 2 Romances	85
<i>Beyer, F.</i> Op. 94. 2 fantaisies brillantes:	
№ 1. Sur la <i>Fille du Régiment</i>	1. 15
№ 2. Sur <i>Don Sébastian</i>	1. 15
<i>Burgmüller, F.</i> Brune Thérèse. Valse	60
<i>Goria.</i> Op. 32. Fantaisie de Salon sur :	
<i>le Bouquet de l'Infante</i>	1. 40
<i>Pauer.</i> Korsaren-Walzer	85
<i>Prudent.</i> Nocturne sur un motif de <i>Lucrezia Borgia</i>	70
<i>Hahmann.</i> Nocturne	85
<i>Lecarpentier.</i> Bagatelle sur <i>Marie Thérèse</i>	85
<i>Löschhorn.</i> Op. 17. Volkslieder für Piano allein	
№ 5. Das Lied von <i>Blücher</i>	85
<i>Decker.</i> Op. 25. № 1. Lui et Elle. 2 pièces caractéris-	
tiques	1.
« 25. № 2. Nötnrno	60
<i>Labitzky.</i> Op. 144. Winterblüthen. Valse	85
La même à 4 mains 1 r. 15. Pour Orchestre	2. 85
— Op. 145. Gruss an Paris. 3 Polka	85
à 4 mains 1 r. 15 c. Pour Orchestre	2. 85
<i>Schindelmeisser.</i> Op. 7. 2-me Impromptu	70
— Op. 8. Sonate héroïque	2.

Писсы для фортепиано съ 4 и съ 6 рукъ.

<i>Kallivoda.</i> Op. 145. Ouverture de Concert à 4 mains.	1. 15
La même pour Orchestre	3. 40
<i>Cramer, H.</i> Potpourri à 4 mains sur un thème original	1. 40
<i>Duvernoy.</i> Op. 171. Petits fantaisie à 4 mains sur	
<i>le Pré aux Clercs</i>	70
<i>Bergt.</i> Op. 3. Allegro pour Piano à 4 mains	1. 70
<i>Czerny, Ch.</i> Les trois amateurs. Fantaisies brillantes.	
à 6 mains. № 1. Sur des motifs de <i>Mozart</i>	2. 30

Пьесы для разныхъ инструментовъ.

<i>Bériot et Osborne.</i> Grand Duo pour Piano et Violon sur la <i>Gazza ladra</i>	2. 30
<i>Küffner.</i> Récréations pour Guitarre et Flute № 15. <i>I Due Foscari</i>	85
<i>Remusat.</i> Fantaisie sur la Cavatine de la <i>Niobé</i> pour Flute avec Piano	2. 30
<i>Küffner.</i> Revue musicale pour Piano et Flute, ou Violon № 16. <i>I Due Foscari</i>	1. 40
<i>Offenbach.</i> Cours méthodique de Duos pour deux violoncelles	
5-me suite. 3 Duos difficiles	3. 40
6-me suite. 3 Duos très difficiles	5. 15
<i>Panofka.</i> 2 Nocturnes sur <i>Minna</i> pour Violon avec Piano	1. 40
<i>Steveniers.</i> Souvenir de <i>Don Sébastian</i> . Morceau de salon pour Violon avec Piano	1. 70
<i>Dobrzynski.</i> Op. 39. Sextuor pour 2 Violons, Alto, 2 Violoncelle et Contrebasse	3. 40

Пьесы для пения.

<i>Mendelssohn-Bartholdy.</i> Op. 69. Trois Motives:	
№ 1. Herr, nun lässest du deinen Diener in Frieden fahren. Partition	1. 15
Les parties séparées	60
№ 2. Jauchzet dem Herrn, alle Welt. Partition	1. 15
Les parties séparées	60
№ 3. Mein Herz erhebet Gott den Herrn. Partition	1. 70
Les parties séparées	1. 15
<i>Drobisch.</i> Op. 46. Pfingst-Cantate; pour 4 voix et orchestre	1. 40
<i>Balfe.</i> La bella Figlia. Duo pour Soprano et Contr'alto	60

<i>Bälfe.</i> Bugiado copre — — — —	70
— П marinaго lungi. Duo pour Soprano et Tenore	85
<i>Péro-Alexis.</i> Douchinka. Romance	50
— l'Étudiant Allemand. Chansonnette . .	50

Въ этой же Конторѣ принимается подписка на журналы *Le Monde musical* и *la Russie musicale*.

Le monde musical выходитъ ежемѣсячно тетрадьми, заключающими въ себѣ по 12 новыхъ пѣснь лучшихъ композиторовъ. Годовое изданіе этого журнала, обширнѣйшаго изъ всѣхъ музыкальныхъ періодическихъ изданій, состоитъ такимъ образомъ изъ 144 пѣснь, цѣнностію болѣе чѣмъ на 100 р. сер.

Подписная цѣна въ годъ : 12 р. сер., съ пересылкою 13 р. 50 к. сер.

Подписавшіеся до 15 Февраля, а многогородные до 30 Марта получаютъ кромѣ того каталогъ, содержащій въ себѣ 1200 пѣснь, изъ которыхъ предоставляется имъ безмездно выбрать ноты цѣною на 12 р. сер.

Желающіе же выписать *Le monde musical*, также в прошлаго года (24 р., съ перес. 26 р.), могутъ сдѣлать такой выборъ, цѣною на 30 р. сер.

Въ двухъ вышедшихъ тетрадяхъ вышедшаго года, заключаются слѣдующія пѣснь:

№ I. Beethoven. Grand Trio, transcrit pour le Piano. — Altvater. Romance, sans paroles. — Prudent. Etude de concert. — Le coupey. Le calme. — Pirkbert. Mélodie pour piano. — Duvernoy. Fantaisies uad folte. — Donizetti. Romance de Richard, transcrit. — Hubert. Souvenir de Moscon, quadrille. — Levino. Trilby-Mazurka. — Beyer. La Pervenche, Valse. — Alaty. Léonie-Polka. — Wagner. Le Colibri, Galop. —

№ II. Prudent. Caprice-Etude, sur la Sonnambala. — Pauer. Scherzo-capriccioso. — Schad. Fantaisie sur Gemma di Vergy. — Schulhoff. Nocturne. — Dutsch. Etude mélodique. — Lecarpentier. Fantaisie sur Obéron. —

Holzmann. Divertissement militaire. — Burgmüller.
 La Fontaine, Valse. — Delevey. Pas de Paquita —
 Strauss. Najaden-Quadrille. — Strauss (fils): Riddlem-
 Polka. — Périou. Parisier-Galopp.

La Russie musicale, выходитъ еженедѣльно тетрадами, заключающими въ себѣ 16 столбцевъ тексту, на французскомъ языкѣ. Кромѣ того къ этому журналу прилагается еженѣсьянно альбомъ, состоящій изъ 5 пѣсень для фортепiano, 1 романсъ и 1 портретъ.

Подписная цѣна въ годъ 12 р., съ перес. 13 р. 50 к. сер.

Подписавшіеся на этотъ журналъ до 15 Февраля, а шногородные до 30 Марта получаютъ кромѣ того безмездно 5 превосходныхъ альбомовъ, состоящихъ изъ 28 пѣсень для фортепiano и 8 романсовъ.

Въ теченіе Января при журналѣ *la Russie musicale* были слѣдующія приложенія: Mozart. Gigue. — Donizetti. Cavatine de Richard, transcrita. — Grétry. Marche et Chœur pour piano. — Gungl' Joh. Peterhof-Fest-Quadrille. — Strauss. Neujahrs-Polka. — Czoze. Réveille-toi, Melodie, dediée à la Reine des Français, и прекрасный портретъ нашей примадонны Фрециolini.

Въ Февралѣ подписчики получаютъ: Goldschmidt Nocturne. — Quidant. Fragment de Soirée. — Prudent. Cantabile. — Strauss. Themis-Klänge. — Bronewsky. Marie-Polka. — Дерфельтъ. Горлинка, романсъ, и портретъ нашей пѣвицы де-Джули-Борси-

Мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе нашихъ читателей, на объявленные здѣсь два музыкальные журнала, которые, вступая во второй годъ своего существованія подъ редакцію образованнаго и талантливаго Перо-Алексиса (Péro-Alexis), въ короткое время заслужили довѣріе публики, и имѣютъ нынѣ значительный успѣхъ. Журналъ *le Monde musical*, заключающій въ себѣ фантазіи, варіаціи, рондо, танцы и т. п., печатаетъ также еженѣсьянно двѣ или три легкія пѣсень для игроковъ посредственныхъ и даже начинающихъ; а потому онъ можетъ служить съ пользою, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. — *La Russie*

musicale, заключающа въ каждомъ номерѣ 16 столбцовъ французскаго текста, по выбору и содержанію статей, можетъ служить вѣрнымъ отголоскомъ всего достойнаго вниманія въ мірѣ музыкальномъ, а дешевизна его, (принимая въ соображеніе преміи, приложенія и портреты) и добросовѣстность изданія будутъ лучшимъ ручательствомъ успѣха его, и въ будущемъ времени. — Напоминаемъ особамъ, не возобновившимъ подписки, воспѣшить съ своими требованіями, потому что раздача премій скоро прекратится.

=

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ И ФРАНЦУЗСКИХЪ КНИГЪ

ВАСИЛІЯ ИСАКОВА,

На Невскомъ Проспектѣ, противъ Католической Церкви, въ домъ Яковлева, продаются, сверхъ многихъ другихъ, слѣдующія иностранныя книги:

ЦѢНЫ НА СЕРЕБРО.

LA FRANCE au 19-e SIECLE, illustrée dans ses monuments et ses plus beaux sites dessinés d'après nature, par Thomas Allom, avec un texte descriptif par C. J. Delille, 3 vol. in 4° relié, orné chacun de 21 magnifiques gravures sur acier. Londres. 23 руб., съ пересылкою 26 руб. 50 коп.

INDOSTAN, its landscapes, palaces, temples, tombs; the shores of the Red Sea, 2 splendides volumes relié in 4° et orné chacun de 50 magnifiques gravures sur acier. Londres. 20 руб. съ перес. 24 руб.

L'EMPIRE CHINOIS, illustré d'après les dessins pris sur les lieux, par Thomas Allom, avec les descriptions des mœurs, des coutumes, de l'architecture, de l'industrie, etc. du peuple.

chinois depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours, par Cl. Pellé. 4 volumes, splendidement relié et orné chacun de 21 magnifiques gravures sur acier. Londres. 30 руб., съ пересылкою 34 руб.

THE JUVENILE SCRAP BOOK for 1848, a *gagé d'amour* for the young; by the author of «the women of England.» 1 beau vol. in 8°, Londres. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 к.

THE BOOK OF GEMS, in 2 vol. The poets and artists of great Britain. Londres. 13 руб., съ перес. 15 руб.

VIES DES SAINTS, nouvellement écrites par une réunion d'ecclésiastiques et d'écrivains catholiques, etc. 1 magnifique vol. in 4° relié et orné de gravures sur acier. Paris. 8 руб. съ перес. 9 руб. 50 к.

LES FEMMES DE LA BIBLE, collection des portraits des femmes les plus remarquables de l'ancien et du nouveau testament, avec textes explicatif. 1 beau volume gr. in 8° richement relié et orné de 20 magnifiques gravures sur acier. Paris. 8 руб. съ перес. 9 руб. 50 к.

L'ÉTÉ A BADE, Keepsake, illustré de magnifiques gravures sur acier, texte par M. E. Quinot. 1 vol. richem. relié. 8 руб. съ перес. 9 руб. 50 к.

ETUDES SUR L'ANTIQUITÉ, précédées d'un essai sur les phases de l'histoire littéraire et sur les influences intellectuelles des races par Philarète Chasles, 1 vol. in 12. 1 руб., съ перес. 1 руб. 30 к.

ETUDE SUR LES PREMIERS TEMPS DU CHRISTIANISME et sur le moyen age, par Phil. Chasles, 1 vol. in 12°. Paris. 1 руб. 30 к. съ перес. 1 руб. 30 к.

ETUDE SUR L'ESPAGNE et sur les influences de la littérature espagnole en France et en Italie, par Ph. Chasles, 1 vol. in 12. Paris. 1 руб. съ перес. 1 руб. 30 к.

HISTOIRE DE LA POÉSIE DES HEBREUX, par Herder, trad. de l'Allemand par Mad. Carlowitz, ouvrage couronné par l'Académie française. 1 vol. in 12. Paris. 1 руб., съ перес. 1 руб. 30 к.

HISTOIRE DE LA CIVILISATION EN FRANCE ET EN EUROPE, depuis la chute de l'empire romain par M. Guizot, nouvelle édition, 5 volumes, in 12. Paris. 5 руб., съ перес. 6 руб. 50 к.

- HISTOIRE DE LA RÉVOLUTION** d'Angleterre, depuis l'avènement de Charles I, jusqu'à sa mort, par Guizot, nouv. edit. 2 vol. in 12. Paris. 2 руб., съ перес. 2 руб. 60 к.
- HISTOIRE DES CABINETS DE L'EUROPE**, pendant le consulat et l'empire, écrite avec les documents réunis aux archives des affaires étrangères, 1800—1815; par A. Lefebvre, 4 vol. in 18. Bruxelles. 2 руб. 40 к., съ перес. 3 руб. 80 к.
- HISTOIRE DE LA CHUTE DES JÉSUITES** au XVIIIe siècle par le comte A. de St. Priest. 1 vol. in 12. Paris. 1 руб. съ перес. 1 руб. 30 к.
- ROME**, ses novateurs, ses conservateurs et la monarchie d'Octave-Auguste. Etudes historique sur Lucrèce. Catulle, Virgile, Horace, par M. Jules Legris, 2 volume, in 8°. Paris. 4 руб. 25 к., съ перес. 5 руб. 75 к.
- HISTOIRE DES RÉVOLUTIONS DE PARIS**, par M. de Feuilleide, 2 vol. in 8°. Paris. 4 руб. 25 к. съ перес. 5 руб. 75 к.
- ELÉMENS DE STATISTIQUE**, par Moreau de Jonnés. 1 vol. in 12. Paris. 1 руб., съ перес. 1 руб. 30 к.
- DICTIONNAIRE DES SCIENCES PHILOSOPHIQUES**, par une société des professeurs et de savants, livraisons à 4 paru. 5 руб. 70 к., съ перес. 8 руб.
- ATLAS ÉLÉMENTAIRE DE BOTANIQUE** avec le texte en regard, et par Em. Le Maout, grand in 4°. Paris. 4 p. 25 к.
- COURS ÉLÉMENTAIRE D'ARBORICULTURE**, etc par Du Breuil, 1 vol. in 12 orné de 356 vignettes. Paris. 1 p. 75 к.
- DICTIONNAIRE** de médecine pratique, par une société de médecins sous la direction de M. Ferd. Hoefler, 1 gros vol. in 12. Paris, 1847. 1 руб. 15 к., съ перес. 1 руб. 75 к.
- ORGANISATION ET PHYZIOLOGIE** de l'homme, expliquées à l'aide des figures coloriées, découpées et superposées, par A. Comte. 1 vol. et atlas. Paris. 4 руб. 25 коп., съ перес. 5 руб.
- EXPÉRIENCES CHIMIQUES ET AGRONOMIQUES**, par Fr. Kuhlmann, 1 vol. in 8°. Paris. 1 руб., съ перес. 1 p. 40 к.
- GUIDE DU SONDEUR** ou traité théorique et pratique des Sondages par Degaussé 1 vol. in 8°, avec atlas. Paris. 4 p. 25 к., съ перес. 5 руб. 25 коп.

DE L'INFLUENCE DE L'ELECTRICITE atmosphérique et terrestre sur l'organisme par Pallas, 1 vol. in 8°. Paris. 1 руб. 45 коп., съ перес. 2 руб.

CONSEILS aux agriculteurs suivis de rapports sur la question viticole par Dezeimeris, 1 vol. in 12. Paris. 50 коп., съ перес. 85 коп.

LA PRÉSERVATION PERSONNELLE: traité médical sur les maladies des organes de la génération résultant des habitudes cachées, etc par Samuel La Mert, trad. de l'anglais, sur la 22-me édition, 1 vol. in 12, avec figures. Paris. 1 руб. 45 к. съ перес. 1 руб. 75 коп.

РОМАНЫ.

LE CHATEAU VERT, par Mery, 2 vol. 1 p. 20 к., съ перес. 1 руб. 75 коп.

L'ABBÉ DE CHOISY, par R. de Beauvoir, 2 vol. 1 руб. 20 к., съ перес. 1 руб. 75 коп.

QUARANTE CINQ, par A. Dumas, tomes 1 à 4, prix pour Ce vol. 3 руб. 60 коп.

LES INCENDIAIRES, par M. Masson, 3 vol. 1 руб. 80 коп., съ перес. 2 руб. 55 коп.

LE PORTE-CHAINE, par Cooper, 2 vol. 1 руб. 20 коп.

HISTOIRE D'OLIVIER DUNAMEL, par Fr. Soulié, 2 vol. 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

DOMBEY PERE ET FILS, par Ch. Dickens, tome 1-г prix pour 5 volumes. 3 руб., съ перес. 4 руб.

Г.Г. Иногородные желающие выписывать означенные книги благоволят адресовать свои требованія на имя книгопродавца Василія Алексѣева Исакова, въ магазинъ его, находящійся на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, въ домъ Яковлева.

1908

6. 21

1910

6. 30

1911
1912

1913

1914
1915
1916
1917

